Гражданская типография Киприановых

Киприанов В. В. Челобитная В. В. Киприанова Императрице Анне Иоановне // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 26—27. — [Т.] IX.

ЧЕЛОБИТНАЯ В. В. КИПРИАНОВА ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАНОВНЕ

Уведомился я, нижайший, что дом и пожитки компанейщика Ивана Веселовского1 запечатаны, в котором ево доме в нижних палатах поставлены два сундука от страху пожарного времени за печатью и ярлыками нашими, а именно один с платьем липовой обит железом, а другой обит кожею моржовою и железом же с замками вислым и нутреным, да в нынешнем 1734 году сентября в 3 день оставлены в Москве господина стацкого советника Ивана Кирилово2 у него компанейщика Ивана Веселовского сундуки и ларцы семь мест за печатью и ярлыками и замками нутреными, а имянно сундук обит железом и кожею моржовою и з двумя замками вислым и нутреным, второй сундук обит железом и кожею моржовою из двумя замками вислым и нутреным, третей сундук обит железом и кожею простою замок вислой, четвертой сундук мало обит железом и кожею простою з двумя замками вислым и нутреным, погребец обит полосками железными и листами медными, медным замком нутреным, шкатулок обит кожею простою с посудою фарфоровой и замком нутреным, ларец обит железом по углам без замка, а мне оной стацкой советник Иван Кирилов приказал дом и ево положенные вещи записать.

Прошу вашего величества да повелит (...) сие мое прошение в комиссию следствия принять, а вышеписанные мои два сундука також и господина стацкого советника Ивана Кирилова дабы семь мест мне выдать, дабы от много сырости во оных полатах в тех сундуках платье и протчия вещи не погнили и не повредили.

Московский купец второй гилдии Василей Васильев сын Киприянов 1734 году октября 7 дня.

Ведение правительствующему Сенату из Московской сенатской конторы // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 26. — [Т.] IX.

ВЕДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ ИЗ МОСКОВСКОЙ СЕНАТСКОЙ КОНТОРЫ

В доношении новоучрежденной камор коллегии написано в присланном ис прежней камор коллегии деле показано: москвитин Малых Лужников Василей Васильев сын Киприянов в доношении в бывшую акцызную камору написал по указу из губернской канцелярии из артеллерии отдано отцу ево библиаптекарю Василью Киприянову порозжее место идучи из Кремля города из Спаских ворот на правой стороне подле Спаского мосту где прежде сего была Троицкая площадка из оброку по шестнадцати рублев по пятидесяти копеек в год в вечное владение, на которой построили они погреб, и чтоб ему в тех полатах содержать для продажи всякого звания людем чая и кофе вареные с сахаром и по публикам продавать1. В доношении ево Киприянова написано оную отдачу содержал он по 732 год и откупные деньги имеютца в платеже, а в 730 и 731 году о неудобностях содержания того кофейного дому в правительствующий Сенат поданы прошения, и в 732 году в камор коллегии за ево отлучкою в разные городы занеотказ в срок подано ж доношение, за которое наложен на него штраф сверх откупу напрасно (...) По определению камор коллегии для свидетельства и осмотру во оном кофейном доме продажа имеетца при посторонних и при понятых купецких людех по свидетельству во оном доме в погребах и в нижних и в верхних полатах никаких чаю и кофе не имеетца года здва. По доношению москвитина Малых Лужников Василья Васильева сына Киприянова о том, что по мнению камер коллегии отданной ему Киприянову на откуп кофейной дом, который отдан в 728 году впредь на четыре года для продажи кофий, чая и красных питей

снять с него Киприянова надлежит для того, что хотя он Киприянов за три месяца от того откупу и неотказался, но по свидетельству от камор коллегии в вышеписанном доме продажи питьям и протчему не было и ныне нет, и требует о том общего правительствующего Сената определения, и какое о том воспоследует определение, о том бы в Москве в сенацкой канторе сообщено было ведение.

(17 декабря 1734 г.)

Выписка из конторы сенатского правления // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 24—25. — [Т.] IX.

ВЫПИСКА ИЗ КОНТОРЫ СЕНАТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

1725 году февраля в В 2 день правительствующего Сената в кантору представшим членом и асесоры библиотекарь Василей Васильев сын Киприанов сказал, по присланному ея величества государыни императрицы указу из санктпитербурха ис правительствующего Сената во означенную контору написано, велено которые у меня два стана со всеми принадлежащими инструменты к печатанию так же и жом взять и прислать в Санктпитербурх в правительствующий Сенат и оным станам и жому цена триста семдесят один рубль сорок копеек, в том числе один стан со всеми инструменты и жом в готовности ныне к отсылке, а другой стан не в готовности. Того ради что к оному стану не зделан орех или гайка ис прасом не в отделке и оного стану и других того стану инструментов ныне без отделки оного ореха или гайки и с прасом вести в Санктпитербурх невозможно, а оной вторичной стан в отделке и совсем в готовности будет и к посылке в Санктпитербурх марта к 20 числу сего 725 году. А меньше того ценою за показанный стан и жом взять невозможно. К сей скаске библиотекарь Василей Киприанов руку приложил.

(17 марта 1725 г.)

Ведение, присланное в Сенат о готовности одного печатного стана к отправке в Санкт-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 24. — [Т.] IX.

ВЕДЕНИЕ, ПРИСЛАННОЕ В СЕНАТ О ГОТОВНОСТИ ОДНОГО ПЕЧАТНОГО СТАНА К ОТПРАВКЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

показана цена

р. к.

стан дубовый столярного дела со всеми железными инструменты 55

при том стану прас или винт, которым тискают и с орехом или с кайкой и с коробкой 46 40

пьям медной из меди зеленой 15 20

тарель медная ис той же меди 60

четыре пары страниц железных в которые страничные литеры опускают два противня железных в чем страницы смывают 7

две (нрзб.) верстатей1 дубовых столярных в которые литеры в страницы опускают 3 80

четыре пары как липовых два ящика добовых черных литер 6

чиледь деревьев масцовых липовых при том стану припасов два бурмамента на врашкет2 1 60

5 выросков 3

20 баранов деланых новых 3 60

20 фунтов шерсти в мацы 2

сажи два пуда 20 фунтов 10

другой стан такой же новой со всеми медными и железными инструменты жом дубовой окован железом с немецкими винтами и з гайками и с ключем немецкой работы и на винтах яблоки медные в котором жмут к печатанию бумагу 30

Правительствующему Сенату в Санкт-Петербург из конторы сенатского правления в Москве // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 24. — [Т.] IX.

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ИЗ КОНТОРЫ СЕНАТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В МОСКВЕ

И по оному ведению у библиотекаря скаска взята; которая скаска сообщена при сем ведении и по оной скаске у него библиотекаря взят один стан, которой совсем в готовности1 и оной стан послан в Санктпитер бурх сенатцкой роты з драгуном Григорьем Бердяевым, а дано ему Бердяеву четыре подводы ямских прогонов дано десят рублев двадцать копеек да куплено двоя сани две рогожи две веревки итого в покупке на рубль на десять копеек, спрогонами одинатцать рублев тритцать копеек и оному драгуну посланной стан велено объявить в Санкт Питер бурхе в правительствующем Сенате.

Граф Андрей Матвеев

(27 февраля 1725 г.)

Экстракт о взятье в Сенат двух типографских станов из Москвы от библиотекаря Василья Киприанова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 22—23. — [Т.] IX.

ЭКСТРАКТ1 О ВЗЯТЬЕ В СЕНАТ ДВУХ ТИПОГРАФСКИХ СТАНОВ ИЗ МОСКВЫ ОТ БИБЛИОТЕКАРЯ ВАСИЛЬЯ КИПРИАНОВА

В прошлом 724 году октября 7 дня по справке с канцеляриею ведения Александро Невского монастыря

В оном монастыре зделан к печати стан

Генваря 25 дня сего 1725 году в ведение оного библиотекаря Киприянова написано:

в Москве у него имеютца собственные ево станы к печатанию годные доброго мастерства, а имянно:

ценою с медными досками и слесарною работою во 128 р. 22 к. кроме столярной работы и дубового лесу; понеже делали монастырские столяры и из монастырского дубу.

А декабря 14 дня по призыву к торгу разные мастеровые люди в Сенате объявили, что они зделают один стан из своих припасов добрым мастерством кроме пьяма и тарели, а за припасы и за работу возмут они 128 р. а за пьям и тарель 50 р.

итого 178 р.

а обоим цена 356 р.

1 стан гражданской печати дубовой, окован с железными инструменты цена 55 р.

прас2 с гайкою и с коробкою зеленой меди весу 2 пуда 36 фунтов ценою и с работою 46 р. 40 к.

пьям3 медной той же меди 38 фунтов 15 р. 20 к.

тарель4 медная 2 пуда 24 фунта 36 р. 60 к.

итого за один стан 153 р. 60 к.

2 стан такой же с инструменты и в той же цене 153 р. 60 к.

а за оба стана 307 р. 20 к.

на провоз тех станов будет положить 20 р. и с провозом имеетца 327 р. 20 к. и перед здешнею ценою меньше 28 р. 40 к. да при тех же станах припасов, страниц и противней железных на 7 р., а при двух на 14 р.

выросков, баранов, сажи, и протчих мелочных на 20 р. 20 к.

жом дубовой окованой с винтами, з гайками и ключами и яблоки медными, в котором жмут и ровняют бумагу 30 р.

итого на 64 р. 30 к.

а с станами имеетца ценою 371 р. 40 к. опричь провозу

А по справке с адмиралтейскою коллегиею в сенатцкую типографию один в готовности, токмо приемщиков поныне не прислано, а и другой будет зделан в месяц.

А сего февраля 10 дня для приему в Сенат оного стана посланные подканцелярист Афонасей Рубцов, да тередорщик Сергей Никитин, сказали, оной де стан зделан, толко один деревянной дубовой, а медных и железных к нему разных инструментов ничего не зделано.

Понеже по указу блаженныя и вечно достойныя памяти его императорского величества прошлого 723 году ноября 14 дня велено при Сенате для печатания указов к прежнему одному стану прибавить два стана гражданских с служителями, который ис правительствующего Синода по требованию ис Сената за умалением таких станов в типографии их ведомства, не отпущено и хотя по посланному из Сената в Адмиралтейскую коллегию указу велено оные станы зделать вновь в адмиралтействе, но токмо по се время еще не зделаны, а между тем в печатании указов имелась, а особливо ныне в печатании много тысящного числа разных указов чинитца остановка. А по имеющемуся в Сенате известию и по присланному ведению из Москвы оставшего сенатцкого чина, есть в Москве готовые два стана, с медными и железными припасы у библиотекаря Василья Киприянова, за которые он, Киприянов цену показал триста семдесят один рубль сорок копеек. И по указу ея императорского величества государыни императрицы правительствующий Сенат приказали для скорого исправления в печатании разных указов вышеозначенные два стана с припасы (по приложенному реэстру) взять ис канторы Сенатцкого правления и прислать как наискоряя на ямских подводах с нарочным. А у помянутого библиотекаря о цене за те станы и припасы взять скаску сколко ему заплатить надлежит без всякого припросу и излишества, понеже они у него лежат празны, и что покажет цены и сколко ж дано будет на провоз о том о всем в Сенат писать.

Подписан 16 февраля 1725 году подканцеляристом Иваном Богдановым.

Ведение правительствующего Сената в Москву в канцелярию сенатского правления // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 22. — [Т.] IX.

ВЕДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА В МОСКВУ В КАНЦЕЛЯРИЮ СЕНАТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

В прошлом 1723 году, ноября 14 дня его императорское величество указал при Сенате для печатания указов к прежнему одному стану прибавить два стана гражданских с служителями, а понеже типографии тередорщик1 Сергей Никитин скаскою2 показал, что есть в Москве у библиотекаря Василья Киприянова порозжие два стана, в том числе один целой с принадлежащими к нему всеми материалы, на котором при них и печатали, а другой деревянной з железными инструменты, а медных к нему инструментов было незделано, а хотел он библиотекарь и оное все зделать, а оные де станы у него лежат ныне порозжие, для того что к ним мастеровых людей никого нет; того ради по его императорского величества указу правительствующий Сенат приказали в кантору сенатцкаго правления у помянутого библиотекаря Киприянова взять ведомость немедленно, оные станы обаль к печатанию угодны и собственные ли ево, и буде собственные, что при них при каждом всяких типографских припасов и азбук и в какой цене ему стали порознь, и ежели оные у него взяты будут, доволен ли он будет заплатою за них истинной цены денег, понеже у него они лежат празны, и ту ведомость и роспись станов и при них инструментов и припасов с показанною ценою прислать в Сенат на первой почте и тайному советнику сенатору графу Андрею Артемоновичу Матвееву3 велеть учинить о том по его императорского величества указу, и напечатав оными азбуками и литерами пробу, каковы в чистоте из тиснения выходят.

Той же типографии тередорщик Сергей Никитин сказал, когда они были с типографским станом в 722, 723 годах в Москве, тогда они уведомились, что на Печатном на Московском дворе кроме тех станов, на которых и поныне печатают, у библиотекаря Василия Васильева были порозжие два стана, в том числе один целой с принадлежащими к нему всеми материалы, на котором при них и печатали, а другой деревянной с железными инструменты при них был зделан, а медных к нему инструментов было незделано, а хотел он библиотекарь и оное все зделать, а сделал он или нет, того он неведает, а оные де станы у него лежат и ныне порозжие, для того, что к ним мастеровых людей никого нет, а к гражданским делам те станы быть годны.

И генваря 7 дня по сенатцкому приказу велено в кантору Сената у помянутого библиотекаря взять ведомость немедленно, оные станы оба ль к печатанию угодны, и собственные ль ево, и буде собственные, что при них при каждом всяких типографских припасов и азбук и в какой цене ему стали порознь и ту ведомость и роспись станом и при них инструментов и припасом с показанною ценою и напечатав оными азбуками на листе пробу каковы в чистоте из тиснения выходят, и о том в кантору Сената ведение послано.

Доношение из Московской адмиралтейской конторы в Государственную адмиралтейскую коллегию // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 21. — [Т.] IX.

ДОНОШЕНИЕ ИЗ МОСКОВСКОЙ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ КОНТОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ АДМИРАЛТЕЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ

По присланному из государственной адмиралтейской коллегии указу велено имеющиеся при оной канторе у библиотекаря Василия Киприанова три тысячи книг таблиц отдать в московскую академическую кантору, а по принятии тех таблиц во оную кантору денги отнести из наличных немедленно (...) денег отослать не ис чего, понеже при той академической канторе не имеетца ныне ни ста рублев1.

(26 сентября 1726 г.)

Доношение в Государственную адмиралтейскую коллегию // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 21. — [Т.] IX.

ДОНОШЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ АДМИРАЛТЕЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ

По присланному его императорского величества указу велено напечатанные для науки и роздачи навигацких наук ученикам таблички из Московской адмиралтейской конторы принять в Московскую и Санкт-Петербургскую школы, и за них надлежащую цену в адмиралтейскую кантору отослать без всяких отговорки (...) Означенные книги таблицы во академическую московскую кантору от библиотекаря Василия Киприанова велено принять учиня оным обстоятельную опись, и в приеме тех книг дать оному Киприанову квитанцию (...) В московской академической конторе для употребления в той академии оставить пятьсот книг, а достальные две тысячи пять сот книг прислать в Санкт-Петербургскую академию, а об отпуске за оные книги денег справитца з делами бывшем при Санкт-Петербургской академии комиссаров Кудрявого и Арцыбашеву с 715 по 719 год за оные книги указом ея императорского величества государственная адмиралтейская коллегия что повелит августа 1725 году, а по мнению нашему оные книги отдать и за оные денги из академии прислать надлежит, а что в присланном от оной академической канторы промемории писано, что возыметь щет с адмиралтейством и в том будет не без продолжения, а надлежит иметь щет кроме оных таблиц и за таблицы надлежит прислать денги.

Решение адмиралтейской коллегии // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 21. — [Т.] IX.

РЕШЕНИЕ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ

Приговорили в академическую контору послать указ1, велеть напечатанные для науки и роздачи навигацких наук ученикам таблички из московской академической конторы принять в московскую школы, а за них надлежащую цену во оную контору отослать безо всяких отговорки, понеже оные таблички напечатаны по требованию о том академии для науки школяр ведомства академического, а ежели приняты и денги заплачены не будут, то за оные вычтено будет из жалованья у тех, кто помянутых табличек требовал2, о чем и в московскую академическую кантору для ведома сообщить.

(3 января 1724 г.)

Справка из академической конторы // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 21. — [Т.] IX.

СПРАВКА ИЗ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОНТОРЫ

Сего ноября 20 дня в доношении профессора Фархварсона написано, объявленные книги таблицы во академию ненадобны для того что во академической типографии1 напечатано всяких таблиц доволное число.

29 ноября 1723 года

Доношение из Московского магистрата в Главный магистрат по челобитной В. В. Киприанова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 19—20. — [Т.] IX.

ДОНОШЕНИЕ ИЗ МОСКОВСКОГО МАГИСТРАТА В ГЛАВНЫЙ МАГИСТРАТ ПО ЧЕЛОБИТНОЙ В. В. КИПРИАНОВА

На нем челобитчике иск порутчика князя Федора Щербатова задержание беглого крестьянина Якова Григорьева да пошлин (рканцелярских денег девяносто шесть рублев четыре копейки править ли или нет требует московский магистрат от главного магистрата повелительного указного определения, того ради в прошении в московском магистрате оного Василья объявлено, что в вышеупомянутом иску умерший отец ево библиоптекарь Василей Киприанов в московском надворном суде не допрашиван и обвинен без допросу напрасно, и то дело вершено неправо.

(14 июня 1724 г.)

Промемория из Московского надворного суда в Московский магистрат по челобитью порутчика князя Федора Щербатова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 19. — [Т.] IX.

ПРОМЕМОРИЯ ИЗ МОСКОВСКОГО НАДВОРНОГО СУДА В МОСКОВСКИЙ МАГИСТРАТ ПО ЧЕЛОБИТЬЮ ПОРУТЧИКА КНЯЗЯ ФЕДОРА ЩЕРБАТОВА

Велено по вершеному делу иск за пожилые годы беглова ево крестьянина Якова Григорьева доправить библиаптекаря Василья Анофреева сына Куприянова на сыне ево Василье1 и доправя прислать в надворный суд. Писана майя в лд? (31) день.

(1723 г.)

Промемория из артиллерийской канцелярии в земскую канцелярию по челобитной В. В. Киприанова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 19. — [Т.] IX.

ПРОМЕМОРИЯ ИЗ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В ЗЕМСКУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ ПО ЧЕЛОБИТНОЙ В. В. КИПРИАНОВА

Велено челобитье фискала1 Федора Карандышева на отца ево челобитчикова Василья ж Анофриева сына Куприянова будто в заемных денгах, по которому челобитью держитца он отец ево в той канцелярии, и все о том подлинное дело и отца ево челобитчикова Василья Киприанов из земской канцелярии прислать в алтилерскую канцелярию для того, что они челобитчики суда той алтилерской канцелярии2.

(14 января 1722 г.)

Выписка из переписной книги населения Московских слобод (1716 г.) в Математико-навигацкую школу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 18—19. — [Т.] IX.

ВЫПИСКА ИЗ ПЕРЕПИСНОЙ КНИГИ НАСЕЛЕНИЯ МОСКОВСКИХ СЛОБОД (1716 г.) В МАТЕМАТИКО-НАВИГАЦКУЮ ШКОЛУ

Василий Киприанов, а брат и сын ево в слободу Малых Лужников десятой платит по два рубли по двадцати по два алтына. Торг имеет на Илинском кресце и вотчин доимки наних в 1710 году двести шездесят восем рублей двадцать два алтына.

А в допросе он Василей сказал, отец ево был городу Осташкова и по смерти ево он Василий живучи на Москве был в Кадашевской слободе в тяглецах и десятую денгу платил по 1708 год, а в школу означенных наук записан он в 1701 году, как той науке повелено быть в Москве поимянному царского величества указу для издания книг арифметика словенским языком и

изображения протчих картин и листов, а торг овощным товаром имеет брат и сын ево, с которого торгу в 713 году записаны они для платежей в слободу Малых Лужников, что под Девичем Монастырем с поручною записью. А он Василей никакова торгу не имеет.

И по подписанию господина брегадира настатейном списку велено ему Василью быть в Кадашевской слободе и обложен внов окладом по полтора рубли в побор.

А в указе из Артиллерии и в письме из Санкт-Петербурга от генерала фелцехмейстера господина Брюса написано, означенному кадашевцу Василью Киприянову у мафематико навигацких наук и разных дел в библиотекарях велено быть по имянному царского величества указу и дабы порученное на нем дело в росиском государстве и якоб и в протчих европских государствах распространялось а не убавливалось. И о неведении ево Василья в Кадашевской слободе из Оружейной палаты и ис приказу артиллерии к старостам прошлых лет те указы посланы, которые им отданы с росписками в кадашевскую слободу и по смерти ево взят он указом ис той слободы в гостиную сотню1. По отечеству и всякие подати платить и службы служить он Василей згостиною сотнею в равенстве; а в кадашевскую слободу не платить. И по определению господина брегадира велено ему Василью быть в гостиной сотне попрежнему и обложен в новом окладе десятою денгою по двадцати алтын в побор.

Доношение в Петербургскую адмиралтейскую канцелярию Ф. М. Апраксину // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 18. — [Т.] IX.

ДОНОШЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГСКУЮ АДМИРАЛТЕЙСКУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Ф. М. АПРАКСИНУ1

В прошлом ?є?i (1715) принято у библиотекаря Василия Куприянова хартин2 плоских императорских шесть тысяч. Также ныне готовятца у него книги логарифмы3 две тысячи четыре ста книг, да прежнего приему арифметиков с тысячю и болше, и те книги лежат в погребе, а хартины в тот погреб положить опасно, чтоб от сырости не пропали и не погнили, а на школе4 верхних четыре полаты порозжие и чтоб указом великого государя повелено было ис тех полат отдать одну для поклажи хартин и книг потом к учителю Степану Гвыну5 послать указ, к сему доношению Григорий Булгаков6 руку приложил, а ?s?i (1716) февраля в к? (20) день по указу великого государя школы математико навигацких наук учителю Степану Гвыну по его великого государя указу велено тебе из верхних одну палату очистить и отдать для поклажи в той полате хартин и книг арифметики и логарифмы адмиралтейской канцелярии.

Граф Ф. М. Апраксин

Граф Ф. М. Апраксин

Брюс Я. Письмо Мусину-Пушкину И. А., 7 февраля 1709 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 17. — [Т.] IX.

Я. БРЮС — И. А. МУСИНУ-ПУШКИНУ

Понеже уведомился я, что изволите вы библиотекаря Василия Киприанова со всем заводом привлекать на Печатной двор и под свою команду и мне мнится, что ваше благородие изволит помнить, как будучи в Смоленске его царское величество об нем изволил при вас говорить, что ему токмо на Печатном дворе со всем заводом быть не для чего, разве какое дело будет, то при том бы ему для лучшего внимания и присмотрения побыть, в протчем пребываю вашего благородия моего милостивого господина, а маппы или ландкарты1 делать и печатать попрежнему же у себя на дворе, а ежели ему на Печатном дворе всегда быть, то разве остать от маппного дела в чем немалая нужда есть, того ради прошу вашего благородия дабы ему каково

принуждения не было.

(7 февраля 1709 г.)

Киприанов В. Письмо Брюсу Я., 28 января 1709 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 17. — [Т.] IX.

В. КИПРИАНОВ — Я. БРЮСУ

По твоей отеческой милости о продаже лавки данная1 мне из Ратуши дана декабря в последнем числе.

За еже достодолжен я вечно бога молить о здравии Вашего превосходительства.

Дела, которые объявляемы его царскому величеству в Смоленск и вашему превосходительству и оныя елико по возможности нашей управляются яко геометрия и маппы2 и прочая.

А нынешнего 1709 году генваря 9 дня Печатного двора справщик3 Николай приходил ко мне и говорил, будто ему боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин приказал заводить на Печатном дворе гражданскую типографию.

К тому же делу призывал он Николай и меня в справщики и обещал мне словом Ивана Алексеевича по сто рублей жалованья в год. А который у меня есть завод4 типографской и тот бы перенесть на Печатный двор. Причем я елико возмог всячески от неудобностей отрицался. И при том он, Николай, мне говорил, боярин де Иван Алексеевич и со усилением тя со всем заводом своим возмет что и все потеряешь.

Того ж января в 16 день боярин Иван Алексеевич присылал ко мне подьячего, дабы я ему явился немедленно. По которой присылке я пред ним был и говорил он мне, якобы ваше превосходительство в бытность в Смоленске изволил ему Ивану Алексеевичу говорить при царском величестве, дабы меня со всем моим заводом взять на Печатной двор под его команду.

При чем я ему отвечал, что в те числа при вашей милости я был, чего о сем ведомости никакой не улучил.

Того ж числа паки приходил ко мне вышеупомянутой же справщик, которой увещевал меня всячески чтоб быть мне со всем оным управлением под командою его же Ивана Алексеевича.

(28 января 1709 г.)

Расходная запись Приказа артиллерии // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 16—17. — [Т.] IX.

РАСХОДНАЯ ЗАПИСЬ ПРИКАЗА АРТИЛЛЕРИИ

Ему библиотекарю Василию Киприанову недодаточные прогонные деньги как он посылан был из приказу артиллерии в прошлом 1708 году в Смоленск1 с чертежи и инструменты, которые деньги недоданы ему по подорожной от Смоленска до Москвы на 5 подвод, тако ж что едучи до Смоленска и от Смоленска с посланными к Москве чертежи и инструменты и с посланными шведы издерженых на наем подвод денги всего 7 рублев 3 алтын 3 деньги.

Итого прогона 36 подвод 33 рубли 17 алтын 2 деньги.

Брюс Я. Письмо Киприанову В., 28 января 1709 г. // Российский Архив: История Отечества в

свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 16. — [Т.] IX.

Я. БРЮС — В. КИПРИАНОВУ

Василей Киприанович

Получил я посланное от тебя образец и тот образец царскому величеству докладывал. Только в то время неприлучилось Алексея Курбатова и великий государь1 указал, что оные, но и иные вещи сколько возможно разуметь знаешь уподоблять невозбранно, а прежде того, что разумел изготовить пришли ко мне всякой по 3 и по 4 для смотрения образцов, потом ты совет получишь впредь. А каки будет Курбатов, то еще доложу при нем для подтверждения тебе, не присылай ко мне чрез почту, а отдавай в приказе для посылки Никите Павлову. Ко мне посланной лист царскому величеству я вручил и о тебе докладывал и его царское величество те листы продавать тебе указал, только в то время Курбатова не случилось, а как будет при царском величестве Курбатов и я о тебе доложу и указ о тебе прислан будет впредь.

Граф Я. В. Брюс

Граф Я. В. Брюс

Також какие есть у тебя иные печатные листы из тех всех статей пришли ко мне листа по 2 или по 3 тож, и с того, по которому докладывал я, пришли 3 или 4 листа.

Вновь какие есть у тебя обресуются (нрзб.) листы буду им делать абрисы2, для лучшего исправления присылай к нам не вырезывая досок.

(28 января 1709 г.)

Киприанов В. Письмо Брюсу Я., 18 октября 1706 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 15. — [Т.] IX.

В. КИПРИАНОВ — Я. БРЮСУ

Пречестнейший милейший господин Яков Вилимович. Всеусердное желательство имам, во еже здравие вашего честнолетия выну под покровенностию десницы всещедрого бога сохраняемо да будет и до всяком благополучном и щасливом пребывании во всеимущих управляемых делех да пребудет. От состоявшейся типографии указом статьи из Ратуши во Артиллерию присланы октября месяца в 5 числе. Писанием употреблях по твоему надзирателству от посылке указа из Артиллерии в Монастырский приказ ради словоливца Михаила Ефремова к новосостоятельному типографскому заведению, который мог бы дело управить без трудности, и еще в том деле без него быть невозможно, которого боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин не отпускает на управление того дела, а кроме того Михаила еще на печатном дворе словоливцев трое останутся и токмо что новейшего завода управить не могут, якобы германской азбуки, нотных характиров и прочих, а порядочное дело все могут управить и опричь его Михаила в тиснении доходных книг на славенском диалекте. Также проведаючи, что по указу, противо доносительных статей у нас к тиснению нотному пению, еще же и иным книгам в указе изъявленным, которых книг до состоявшегося указу под надзрение Вашего превосходительства у него с прочими молю твою милость да невозбранная будет противо указных статей под надзирательством вашего превосходительства книгам печататися, а именно против статей Арифметики большия и малыя. Хронографцы, Лексиконы большия и малыя на разных диалектах с русским, грамматики на разных диалектах с русским же, и алвары1, букварики латинословенские, книжицы докторские, и врачебные, математического учения книги, нотного пения, и иные многия гражданству приличествующие книги и всякие листы, с которых желаю да поволишь ваша милость отписать

указом к боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину дабы их не заводить кроми состоявшияся новыя типографии, такожде вышепомянутого словоливца Михаила Ефремова в ту новую типографию отослать.

Раболепотно вашему превосходительству кланяюся до лица земли не едино кратно

18 октября 1706 г.

Василей Киприянов

Павлов Н. Письмо Брюсу Я., 8 октября 1706 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 15. — [Т.] IX.

Н. ПАВЛОВ1 — Я. БРЮСУ

По именному великого государя указу, каков состоялся в Ратуше в 1706 году и по доносительному письму гражданской новой типографии мастера Василия Киприянова о взятии к гражданской типографии с Печатного Двора словоливца Михаила Ефремова2 великого государя указ, в Монастырский приказ к боярину к Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину3 послан. И я к нему бродил сам, и он того словоливца отдать не приказал для того что он, тот словоливец, надобен на Печатном дворе дан для того отпустить не приказал, что де к нему ис походу о том особого письма неприслано и о том тебе, государь, буди известно. Прикажи, государь, к нему отписать о том от милостины своей.

(Москва. 8 октября 1706 г.)

Киприанов В. Челобитная В. Киприанова о заведении книжной торговли // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 13—15. — [Т.] IX.

ЧЕЛОБИТНАЯ В. КИПРИАНОВА О ЗАВЕДЕНИИ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ

Державнейший царь государь всемилостивейший.

В прошлом 1705 году майа с 30 числа, вашего величества повелением велено мне заводить против доносительных статей1 вновь типография гражданская на моих кошах ради тиснения и продажи разных ко гражданству потребных книг и листов против прочих европейских окрестных государств, и в тое типографию повелено мне забрать ради освидетельства которыя продаваемые на спаском мосту разных вещей изображения листы и у мастеров доски медныя и деревянныя, на которых те вышеизъявленныя вещи печатают, и ежели из оных вещей которыя несут в народ потребныя, тех изображеней непечатать и держать их до указу, а которыя потребные, за те доски и листы выдать по настоящей цене деньги, и печатать на них втой типографии, а продавать из единый библиотеки2 вряды и по кресцах, и кроме б той типографии инде непечатать, а за труды от вашего величества пожалован я ради того заводу на три годы торговать теми вещьми безпошлинно, а впредь будущий вашему величеству давать десятствование спродажи всяких тисненных вещей ежегодно, и о том вышеписанном изъявлении указ в ратуше закреплен.

Гравюра Петра I. 1698 г.

Гравюра Петра I. 1698 г.*

Те мои доносительные статьи были изъявлены тогож 705 году в феврале князю Александру Даниловичу3 через господина генерал-майора Якова Вилимовича.

Прошу вашего величества во еже бы повелено было на завод оного дела дать мне денег две

Прошу вашего величества во еже бы повелено было на завод оного дела дать мне денег две тысящи рублев на время, которыя вашему величеству повинен я заплатить, исправясь после прешедших трех лет погодно вчетыре года, на год по пятьсот рублев кроме десятствования спродажи, потому что я иждивением маломочной, и оного всего без вашего подательства завесть невозможно, да библиотеку у Спасских ворот пристроить ради продажи вашею же государскою казною, и дать мне против повелительных статей свой великого государя указ впредь сподкреплением.

Рочпись людем которыя должны быть у того дела ради правления правописанием и переводу с греческого и латинского диалектов, из латинской школы Петра Михайлова, да с Печатного двора чтеца Федора Герасимова ради правленияж правописанием и переводу с греческого диалекта.

(1706 г.)

Сноски к стр. 14

* На гравюре имеется надпись на голландском языке: «Петр Алексеевич, великий Царь Русский, награвировал это иглою и крепкою водкою, под смотрением Адриана Шхонебека, в Амстердаме, в 1698 г., в спальне своей квартиры, на верфи Остиндской компании». Гравюра хранится в музее Амстердама (Прим. публ.)

Расходная запись Оружейной палаты // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 13. — [Т.] IX.

РАСХОДНАЯ ЗАПИСЬ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ

В нынешнем 1704 году с сентября иі? (18) числа ноября по иі? (18) число Родион Исаев забрал свешного ряду торгового человека Василия Киприанова к делу драгун сапогов иноземцам и руским мастерам сала говяжя три пуда тритцать шесть фунтов, да свеч маканых 430, литых 1330 свеч. Да к иноземцу Андреяну Шхонебеку1 100 свеч маканых да 400 простых. На Бархатной двор 600 свеч простых, а за те свечи и сало доведетца ему Василью выдать три рубли, 4 алтына... Итого 15 рублей 11 алтын 4 денги.

(28 ноября 1704 г.)

Шишиптуров П. Челобитная ученика математической школы Петра Шишиптурова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 11. — [Т.] IX.

ЧЕЛОБИТНАЯ УЧЕНИКА МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПЕТРА ШИШИПТУРОВА

Державнейший царь государь милостивейший

Вашего царского величества повеление быти наукам математическим и навигацким, которые я уведая предлагал июня 1 го числа прошение в полате оружейной боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи, дабы послану мне быти тех школ ко учителю Андрею Фархварсону1 с товарищи и неотослан замедлением в переезде напреждеопределенной под те школы Кадашевской большой двор с постоялого двора того учителя, а велено дожидаяся ево переезда быть мне в полате Оружейной в подъячих молодых в том столе у подьячего где те школные дела ведомы и имея я ко учению тех наук желание будучи подьячим учился и ныне учусь арифметике тех школ у ученика2 которому определено во учении учеников тому учителю Андрею быть помощником, и при их же помощи имею во арифметике знание против многих тех наук учеников, а вашего милостивейший государь жалованья кормовых денег мне не учинено.

(11 марта 1702 г.)

Выписка из Оружейной палаты и расходная запись // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 11. — [Т.] IX.

ВЫПИСКА ИЗ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ И РАСХОДНАЯ ЗАПИСЬ

Сего 1702 года февраля в 17 день по объявлению в Оружейной палате учителя арифметики Леонтия Магницкого о росходах на две книги своего во издании труда арифметики, ис которых первая подана1 великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя России самодержцу, другая во Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи и отослана ради тиснения в типографию, выдано ему Леонтью из Оружейной палаты денег на четырех человек писцов двенадцать рублей тридцать алтын2 четыре деньги3, на чернила и киноварь4 и камед5 десять алтын две денги на двух человек живописцев за писмо всяких фигур и к началам заставиц два рубли тритцеть алтын две денги переплетчику на всякие мелкия покупки дватцеть восемь алтын четыре денги.

Всего 16 рублев 65 алтын 2 денги.

Смотрел Иван Хрипунов

А купчина Оружейныя полаты Родион Исаев присей выписке сказал, что на вышеозначенныя книги две линты ценою в четыре гривны и четыре кожи зеленых паргаминов на тех и впредь на иныя книги ценою по семи гривен у Василия Киприанова взял, а денег ему за скоростью не платил.

По указу великого государя вышеозначенныя за линты и паргаминцы денги выдать из доходов Оружейныя полаты с роспискою и записат в росход.

Октября дня 9, 1702 году

По сему указу Василей Киприянов запаргаминц и залинтцы деньги взял и росписался в трех рублях и в двух гривнах.

Киприанов В. Челобитная В. Киприанова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 10—11. — [Т.] IX.

ЧЕЛОБИТНАЯ В. КИПРИАНОВА

Державнейший царь государь милостивейший

В прошлом 1701 году в декабре месяце во Оружейную палату взял у меня купчина Родион Исаев четыре кожи зеленых паргоминов1 ценою по семи гривен2 за паргомин, да две линты х книгам назавяски ценою в четыре гривны.

Всемилостивейший государь прошу вашего величества вели государь взять о том у купчины ведомость и те деньги ис палаты Оружейные мне выдать.

Вашего величества нижайший раб Василий Киприанов

Помета: Выписать и справитца с купчиною

Расходная запись Оружейной палаты // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 10. — [Т.] IX.

РАСХОДНАЯ ЗАПИСЬ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ

1701 года марта в 7 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца боярин Федор Алексеевич Головин1 приказал дать великого государя жалованье навигацкой науки Леонтию Магницкому двенадцать рублев, Василию Киприанову восемь рублев, всего дватцать рублев из неокладных Оружейной палаты доходов приему подъячего Андрея Беляева.

Алексей Курбатов2

Петр I. Гравюра А. Шхонебека. 1699 г.

Петр I Гравюра А. Шхонебека. 1699 г.

Леонтий Магницкий 12 рублев взял и расписался.

Василий Киприанов денег восемь рублев взял и расписался.

Выписки из дел канцелярии Сената об имуществе В. В. Киприанова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 27—28. — [Т.] IX.

ВЫПИСКИ ИЗ ДЕЛ КАНЦЕЛЯРИИ СЕНАТА ОБ ИМУЩЕСТВЕ В. В. КИПРИАНОВА

Московский купец второй гилдии Василий Киприянов пред присутствующими сказал, в нынешнем де 1734 году сентября 3 дня стацкой советник Иван Кирилов при отъезде своем из Москвы дом свой и пожитки вохранение словесно поручил ему Киприянову, в котором он ныне и жительство имеет и он Киприянов в бытность еще ево Кирилова, в Москве по приказу ево для опасности от пожарного случая же ево Кирилова пожитки в сундуках в семи местах запечатью и с подписанием ярлыков обще с купцом Алексеем Тихановым поставил в дом московских питейных зборов компанейщика Ивана Веселовского, а писем от него Кирилова сведений дому ево и пожитков у него Киприянова не имеетца, а собственные свои пожитки в дву сундуках за печатью и за ярлыками он Киприянов к нему Веселовскому в дом для охранения поставил в прошлом 1733 году, а в котором месяце и числе, того сказал неупомнит.

Октября 18 дня Василий Киприянов к прежней своей скаске в пополнение сказал, в поставленные де ево Киприянова у компанейщика Ивана Веселовского с пожитками дву сундуках что чего положено росписи неимеетца, понеже де в прошлом 1733 году в небытность ево Киприянова в Москве, как он был в Санкт Петербурхе, подполковник Тимофей Тарбеев жену ево из двора безвременно выбил, и тогда жена ево забрав все пожитки и положа во оные два сундука поставила в доме ко оному Веселовскому, а росписей тем пожиткам учинить за скоростью и в те сундуки положить было невозможно, а ныне он Киприянов что во оных сундуках каких пожитков положено справясь со оною женою своею предъявит реэстром, что она может упомнит, а в сундуках статского советника Ивана Кирилова пожиткам росписи есть ли того Киприянов неведает.

К сей скаске Василий Киприянов руку приложил.

РЕЭСТР ЧТО ИМЕЕТЦЯ В СУНДУКАХ

В 1 сундуке

образ Владимирской богоматери дватцати четырехлистовой оклад весь серебряной белой

образ Смоленской богоматери шести листовой оклад серебряной белой

образ чудотворца Николая оклад серебряной белой, три занавеса тафтяные и камчатые от кроватей

да в том же сундучке шкатула дубовая обита железом, а в ней крест алмазной, трое серег алмазные, пять персней золотых с алмазами и яханты, не в деле два алмаза

перлы жемчужные, которые носят на шее и на руках з зернью бурмяцким и персидским, женские чепцы и платки и ленты и стаканы малые серебряные, солонки и ложки серебряные, поднос и стопа серебряные ж и протчая мелочь, а как вышеписанного порознь щетом или весом сказать неупомнит

В 2 м

мужского платья три пары с пуговицами серебреными шитыми и с подбоем тафтяным, в том числе пара суконная вишневая с искрою к ней камзол штофной шелковой, вторая шелковая мухояровая зеленая персидской работы

бешмет стеганой парчевой персидской с травами

третья суконная подбита атласом диким с пуговицы серебряными шитыми

епанча мужская суконная темнолазоревая холодная подбита саржею алая вся

три епанчи женских одна бархатная малиновая на собольем меху вторая штофная с цветами на черном лисьем меху третья штофная алая одноцветная на лисьем же меху

две женских шубы на лисьем меху одна штофная с травы белыми голубая другая штофная ж желтая с белыми травы

десять женских шлафорков с юбками в том числе штофных четыре разных цветов позументов и с сетками серебряными, два шлафорка изголей голубой и желтой камчаткой

шлафор тарценелевой желтой, шлафор тафтяной травчатой печатной заморской работы, два шлафора ж полосатых тафтяных

две мужские шапки одна бархатная черная совчиною черною другая зеленая бархатная с камчатским бобром и протчая всякая мелочь

Василий Киприянов руку приложил

Имеющиеся в том доме от полаты в которой поставлены вышеписанные Киприянова пожитки капитана Лаврова печати срезать и по срезании вышеписанные сундуках поставленные Киприянова пожитки против поданной от него росписи освидетельствовав при оном Киприянове и при поверенном от Веселовского и ежели по освидетельству те пожитки явятца против той росписи, то оные пожитки отдать.

24 октября 1735 года

Экстракт Сената по прошению В. Киприанова о продаже ему земли // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 25. — [Т.] IX.

ЭКСТРАКТ СЕНАТА ПО ПРОШЕНИЮ В. КИПРИАНОВА О ПРОДАЖЕ ЕМУ ЗЕМЛИ

По имянному его царского величества указу 1714 году, отдано отцу ево и ему под строение библиотеки в Китае-городе близ Спаского мосту место на котором по оной отдаче собственным

их коштом1 библиотека построена, а под нею кофейный дом, в котором ныне содержитца им по отдаче из откупа чай и кофе и протчие заморские питья, а позади тех ево палат по рву имеетца порожжее место такое ж как и под кофейным домом, которое никому под строение из оброку неотдано и состоит как прежде так и ныне впусте, а понеже в Москве для довольства здешних российских и иноземцом купеческим и протчих чинов людем как обстоит ныне в Санктпитербурхе трактирных домов неимеетца.

А он де желает при оном кофейном доме построить против санктпитербухского трактирного дома каменный палаты над погребами, а под оное строение из вышеписанного имеющегося позади кофейного ево дому порожжего места по рву отого ево кофейного дому надлежит быть длиннику на 12, поперечнику на 6 сажен, и чтоб повелено было вышеписанного места для помянутого строения дать ему длиннику на 12, поперечнику на 6 сажен и иметь ему оное из выстройки 10 лет безоброчно, а по прошествии тех 10 лет брать с него в казну оброку по 3 рубля на год и для владения того места дать ему из Сената данную а справками в Сенате показано из московской губернской канцелярии в 714 году в городе Китае близ Спаского мосту под строение библиотеки отдано с торгу место, где была Троицкая площадка, вдоль от Спаского мосту к монастырю Собора Покрова богородицы «6» сажен поперечнику от Спаского мосту и от монастыря Покровского Собору в обеих концах по «5» сажен, по приговору боярина бывшей московской губернии губернатора Салтыкова2 с товарищи из оброку, а оброку велено брать с полатки и с рундушных мест по 16 р. по 50 к. на год, а позади той библиотеки по рву какое имеетца порожжее место и на скольких саженях и не отдано ли кому из оброку о том известия и спору о том месте нет.

Из московской полицмейстерской канцелярии по справке де в оной канцелярии по осмотру и свидетельству квартирмейстера Лодыженского и по скаскам Собору Покрова Пресвятые богородицы и Василья Блаженного, что у Троицы на рву пределу церкви великомученицы Прасковья священника Петра Максимова, сторожа Ивана Андреева показано: имеющаяся в Китае-городе за библиотекою порожжее место того собору монастырское мерою от библиотеки до каменного строения помянутого сторожа Андреева длиннику трех аршинной сажени 17, поперечнику подле строения сторожа Андреева от грацкой же стены 3 сажени с полу, и оное место лежит впусте, поп сказал, со 188 году, а сторож сказал тому ныне лет 30 и то де место государево, с которых сказок и сосмотру к тем скаскам он поп и сторож рук не приложили, а оное де место никому не отдано и спору ни у кого нет.

(6 сентября 1728 г.)

Доношение в Государственную адмиралтейскую коллегию из Московской адмиралтейской конторы // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 20. — [Т.] IX.

ДОНОШЕНИЕ1 В ГОСУДАРСТВЕННУЮ АДМИРАЛТЕЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ ИЗ МОСКОВСКОЙ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ КОНТОРЫ

В прошлом 716 году декабря в 14 день по его императорского величества указу и по доношению школы математико-навигацких наук учителей Андрея Фархварсона, Степана Гвына, Леонтья Магницкого велено библиотекарю Василью Киприянову напечатать для науки и раздачи школы математико-навигацких наук ученикам таблиц два выхода две тысячи четыре ста книг, в которых по тритцати по три тетрати в книге, а за печатанье тех книг велено ему выдать по договору ево по пять денег с тетрати, а книги по двадцати по семи алтын по три денги и на печатанье тех книг выдано ему Василью из адмиралтейской конторы2 в разных числех тысяча четыре ста девяносто рублев, а в прошлом 721 году декабря в 16 день в доношении ево библиотекареве написано, договорился он напечатать в морской флот таблиц две тысячи четыреста книг в каждую книгу по тритцати по три тетрати и те книги в толиких тетратех напечатал не все целым исполнением, того ради по писму из Санкт Питербурха от учителя Андрея Фархварсона к учителю Леонтию

Магникому велено ко оным книгам еще припечатать сверх тритцати трех тетратеи в дополнение чрез разные румбов3 и склонения солнца4 аглинского переводу со истолкованием такожде и о употреблении компаса и знатных городов из приморских мест и островов по одиннадцати тетратей и того в каждой книге по сороку по четыре тетрати и тех тетратей напечатать ему Василью нечим, потому вышеописанные взятые денги на дело тех книг потреблены все и чтобы ему досталные денги на печатание тех тетратей выдать да сверх залогу дву тысяч четырех сот книг напечатал он еще шесть сот книг и февраля 6 дня 722 году по его императорского величества указу каков закреплен в бытность в Москве генерал адмирала действительной тайный советник кавалер ордена святого апостола Андрея президент государственной адмиралтейской коллегии генерал губернатора княжества Эстляндии графа Федора Матвеевича Апраксина велено библиотекарю Василью Киприянову по уговору ево книги что он в указное число не допечатал допечатать все с показу как оным быть надлежит и надлежащие к прежнему в додачу денги выдать из московской адмиралтейской конторы и что за все книги задержитца требовать возвращения по прежнему к приходу от канцелярии академической понеже оные книги требуютца для науки школяров ведомства академического и потому его императорского величества указу досталные денги четыреста девяноста рублев ему Киприянову выданы, а о приеме тех книг и о присылке за них денег в московскую академию посланы две промемории и по тем промемориям тех таблиц не принято ничего, о том сего октября по 11 число в адмиралтейскую контору не ответствовано.

Того ради государственную адмиралтейскую коллегию с покорностью прошу дабы о приеме оных книг и о присылке за них в адмиралтейскую контору денег в московскую академическую контору5 прислан был от государственной адмиралтейской коллегии его императорского величества указ чтоб от долговременного лежания тех книг какой траты и повреждения не учинилось.

(11 октября 1723 г.)

Выписка из Оружейной палаты по челобитной В. Киприанова о продаже ему лавки в Покромном ряду // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 12—13. — [Т.] IX.

ВЫПИСКА ИЗ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ ПО ЧЕЛОБИТНОЙ В. КИПРИАНОВА О ПРОДАЖЕ ЕМУ ЛАВКИ В ПОКРОМНОМ РЯДУ

В прошлом ?а? (1701) году генваря в ді? (14) день велено быть на Москве математико-навигацким наукам, которые ради его великого государя повелением особливые школы1, а во учение добровольно хотящих иных ради взят в ведомость Оружейной палаты осташковец Леонтий Магницкий, которому велено ради народныя пользы издать чрез труд свой словенским диалектом книгу арифметику. А желает он имети при себе впомоществовании кадашевца Василия Киприанова ради скораго во издании тоя книги совершения. О котором признан он, что имеет в тех науках знание отчасти и охоту. По которому ево доношению, его великого государя, повелению он, Василей тогож февраля в si (16) день во Оружейной палате взят и чрез учителей школ математических о искусстве в вышеозначенных науках свидетельствован. А по освидетельству его, великого государя, повелением записан во Оружейной палате его, великого государя, указом, и велено ему к скорому во издании тоя книги совершению чинить в чем может Магницкому помоществование, в чем он и трудился по самое тоя книги совершение.

Заглавный лист «Арифметики» Л. Магницкого. Гравюра М. Карповского 1701 г.

Заглавный лист «Арифметики» Л. Магницкого

Гравюра М. Карповского 1701 г.

А по объявлению ея подана та книга ему, великому государю, с который его, великого государя, повелением напечатано славенским диалектом в типографии книг число доводное и продаются

повелением напечатано славенским диалектом в типографии книг число довольное и продаются

внарод по цене указной. Да при нем же, Магницком, работал он, Василий, впомоществовании при исправлении книг логарифмусовых таблиц2 в типографии. Ныне державнейший государь царь, он Василей бьет челом.

В бытность ево при вышеписанной работе дачи кормовых денег не было, также иные числом ни в чем не выданы, а по его, великого государя, указу отписаны на его государя из ратуши3 в покромном ряду лавка каменная да против есть два скамейные места, которыя бывают во дворе Степана Ступина.

И чтоб, всемилостивейший государь, пожаловал ево за тое его при сочинении и в справке помоществование книги арифметики работу тое вышеописанную лавку (...) а деньги принять погодно в десять лет и дать на них данную, а что есть из разных приказов за прошлые годы десятых денег и иных каких доимок, то чтоб с него не спрашивать, а та палатка к его промыслишку споручна. А по оценке из Ратушных оценщиков шапочного ряду торговых людей вышеписанная в Покромном ряду каменная лавка и два скамейных места оценены в четыреста рублев.

И по той выписке о продаже ему Василию палатки и скамейных мест в Оружейной палате и по се число указ не учинен.

По доношению Якова Вилимовича Брюса4, которого вышеписанной челобитчик в ведомстве правление Гражданской типографией служит сей выписки в военном походе из Смоленска указом имянным тоим великого государя повелением ему челобитчику библиотекарю5 Василию Киприанову за ево во управлении арифметики, исправлении книг логарифмусовых таблиц труд и за тщание по Гражданской типографии написанную в прошении его в покромном ряду лавку со всей что при ней есть строением да два скамейные места по оценке вышепомянутых торговых людей за 400 рублев отдать, а за прежние годы по сию отдачи с той лавки каменные (...) в десятые и оброчные деньги и всякие поборы сложить6 (...) а помянутые деньги 400 рублев ему Василью платить в Ратушу погодно впредь в десять лет и в платеже срочных и по оценке погодно за тое лавку деньги собрать по нем поручныя запись, а прежних оброчных из десятой деньги с него Василья впредь всей отдачи против иных торговых людей всяких поборов в которые надлежит приказы послать из Ратуши указы и в Ратуше в лавочной книге его, великого государя, именным указом о той лавке под статью его имянною очистить.

(8 февраля 1704 г.)

Куприянова Т. Г. Примечания: Гражданская типография Киприановых // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 28—30. — [Т.] IX.

1. РГАДА. Ф. 196. Оп. 3. Ед. хр. 2298/1.

1 Головин Федор Алексеевич (1650—1706), граф, генерал-фельдмаршал (1700). Возглавлял гравировальную мастерскую при Оружейной палате.

2 Курбатов Алексей Александрович (?—1721), русский государственный деятель, из крепостных крестьян, выдвинулся при Петре I. В его ведение первоначально поступила гражданская типография.

2. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 215.

Документ содержит первые упоминания о причастности В. А. Киприанова к деятельности Оружейной палаты.

1 Паргомин (пергамен) — тонко выделанная кожа, которая шла на обтяжку деревянных крышек

при изготовлении переплетов книг.

2 Денежная единица, равная десяти копейкам.

3. РГАДА Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 215 об.

1 Речь идет о подготовке «подносных», дарственных экземпляров книги «Арифметика».

2 Алтын (от татарск. алты-шесть) — счетно-денежная единица, равная по курсу от 3 до 6 денег.

3 Деньга — медная монета достоинством в ? копейки. Только в 1701, 1704, 1713, 1714 гг. чеканилась из серебра и имела достоинство в 5 копеек.

4 Красная краска.

5 Вещество, применяемое для загустения красок или для приготовления клея.

4. РГАДА. Ф. 196. Оп. 3. Ед. хр. 2298/5. Л. 8.

1 Фархварсон (Фарварсон Генри) Андрей Данилович, профессор математики Абердинского университета. В 1698 г. был приглашен Петром I в Россию для преподавания в математико-навигацкой школе.

2 Магницкий Леонтий Филиппович (1669—1739), учился у Фарварсона, а затем стал его помощником.

5. АВИМАИВВС. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 785—785 об.

Опубликовано частично: Бранденбург Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России: Приказ артиллерии (1701—1720). СПб. 1876. С. 475—476.

1 Имеется в виду математико-навигацкая школа, первое светское учебное заведение, созданное в Москве в 1701 г. Готовила учителей, геодезистов, навигаторов. Находилась в Сухаревой башне.

2 «Таблицы логарифмов, синусов, тангенсов, секансов» (1703 г.). Напечатана вслед за «Арифметикой» (1703 г.) на московском Печатном дворе.

3 Центральное учреждение по управлению городским населением купцами и ремесленниками. Была организована Петром I по образцу европейских государств.

4 Брюс Яков Вилимович (1670—1735), один из образованнейших людей своего времени. Переводил иностранные книги, ведал московской гражданской типографией В. А. Киприанова, которая в 1706 г. по его настоянию была передана в ведение Приказа артиллерии, который возглавлял Я. В. Брюс.

5 Библиотекарь — почетное в то время в Европе звание, означавшее образованного книжника.

6 В. А. Киприанов просил о продаже ему лавки в рассрочку для открытия в ней своей книжной торговли.

6. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Кн. 992. Л. 379.

1 Шхонебек Андриан (1661—1705), голландский гравер и типограф, с 1698 г. по приглашению Петра I поступил на службу в гравировальную мастерскую Оружейной палаты, основал свою школу граверов. Выпускал листовую продукцию — гравюры, карты, виды сражений, изображения кораблей и др. Среди его учеников — Алексей и Иван Зубовы.

иностранных переводов и др. Среди его учеников — выдающийся русский

7. АВИМАИВВС. ШГФ. Св. 5. Л. 609 (Шифр по Н. Е. Бранденбургу. В современных описях дело отсутствует.)

Опубликовано: Бранденбург Н. Е. Указ. соч. С. 472—473.

1 Доносительные статьи — проект организации гражданского книгопечатания, разработанный В. А. Киприановым и поданный через своего покровителя Брюса на имя Петра I в 1704 г.

2 Библиотека — своего рода книжный склад, по замыслу В. А. Киприанова должна была стать центром книжной торговли и цензуры на печатающиеся гравюры и листы.

3 Имеется в виду Меншиков Александр Данилович (1673—1729).

8. АВИМАИВВС. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 389.

1 Павлов Никита, с 1692 г. дьяк, с 1702 г. служил в Приказе артиллерии под руководством Брюса, вел деловую переписку по делам гражданской типографии.

2 Ефремов Михаил, мастер-словолитец. С мая 1700 г. работал на московском Печатном дворе, куда был принят по протекции Кариона Истомина. Участвовал в изготовлении и отливке гражданских шрифтов.

3 Мусин-Пушкин Иван Алексеевич, сын комнатного стольника царя Алексея Михайловича, боярин. В 1710 г. получил титул графа. Возглавлял Монастырский приказ, с 1702 г. — руководитель Печатного двора.

9. АВИМАИВВС. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 182. Автограф.

Опубликовано частично: Бранденбург Н. Е. Указ. соч. С. 478.

1 Алвары, так назывались распространенные на Западе латинские грамматики, составленные по методу португальского ученого Альвара (1526—1582).

10. АВИМАИВВС. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 551—552.

1 Петр I вел личное наблюдение за деятельностью гражданской типографии. Переписка велась через Брюса.

2 Абрис — контур, линейное очертание предмета, иными словами, рисунок.

11. АВИМАИВВС. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 589.

1 Речь идет о поездке В. А. Киприанова в Смоленск в сентябре 1708 г. В то время там находился Брюс, который работал над своими «геометрическими параграфами». Возможно, Киприанов был приглашен для оказания помощи в работе.

12. АВИМАИВВС. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 427—428.

Опубликовано частично: Бородин А. В. Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы // Труды института книги, документа, письма. 1936, Вып. 5. С. 67.

1 Данная — документ на право владения лавкой.

2 Маппы — средневековые континентальные карты, которые рисовались на материале.

3 Справщик — должность на Печатном дворе.

4 Завод — типографское оборудование, иногда тираж.

13. АВИМАИВВС. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 365.

Опубликовано частично: Бородин А. В. Указ. соч. С. 67.

1 Ландкарты — географические карты.

14. ЦГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 1193.

1 Апраксин Федор Матвеевич (1661—1728), генерал-адмирал, сподвижник Петра I, президент Адмиралтейств-коллегий с 1718 г.

2 Хартина — гравированный портрет Петра I, напечатанный в гражданской типографии в 1714 году.

3 Второе издание книги «Таблицы логарифмов, синусов, тангенсов, секансов» (1716).

4 Имеется в виду математико-навигацкая школа в Сухаревой башне.

5 Гвын Степан, англичанин, преподаватель практической навигации, прибывший в Россию по приглашению Петра I.

6 Булгаков Григорий, подьячий московской адмиралтейской канцелярии.

15. РГАДА. Ф. 308. Оп. 4. Ед. хр. 15. Л. 30 об — 32.

1 Гостиная сотня — сословная единица, на которую делилось городское купечество, преимущественно выходцы из посадского населения, объединенные в корпорации, которые управлялись старостами.

16. РГАДА Ф. 287. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 125.

1 Фискал — государственный служащий, осуществляющий надзор за финансовой деятельностью учреждений и должностных лиц.

2 Дело послано на рассмотрение артиллерийской канцелярии, т. к. гражданской типографией ведал Приказ артиллерии.

17. РГАДА Ф. 287. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 18.

1 К моменту рассмотрения дела В. А. Киприанов умер, и дело было заведено в суде на его сына В. В. Киприанова.

18. РГАДА. Ф. 287. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 209—209 об.

19. РГАВМФ. Ф. 212, 1724. Ед хр. 29. Л. 1—2.

1 Дело по поводу приема и расчета за отпечатанные В. Киприановым книги, предназначенные для учащихся навигацкой школы и Морской академии. Финансирование издания осуществляло адмиралтейское ведомство, заказчиком выступала академия, отказавшаяся впоследствии от выкупа книг.

2 Московская адмиралтейская контора ведала делами навигацких школ и вела обширную делопроизводственную переписку с адмиралтейской коллегией в Санкт-Петербурге.

3 Справочные таблицы для моряков назывались «Таблицы разности ширины и отшествия от меридиана на Всякий румб, полрумба и четверть румба, компаса» (Петербург, 1721).

4 «Таблицы склонения солнца сочиненные по амстердамскому меридиану от лета господня 1720 по 1741 год в Москве, в гражданской типографии 1723 года, февраля 16 дня».

5 В 1715 г. была основана Морская академия, при ней учреждена академическая контора, которая занималась административной деятельностью.

20. РГАВМФ. Ф. 212, 1724. Ед. хр. 29. Л. 3.

1 В 1721 г. основана типография Морской академии. «Таблицы разности ширины...» были одним из первых ее изданий, опередившим выпуск этих таблиц гражданской типографией.

21. РГАВМФ. Ф. 212, 1724. Ед. хр. 29. Л. 4.

1 Согласно указу Екатерины I велено отдать напечатанные В. Киприановым книги в школы по их назначению, а с академической конторы взыскать за них деньги. Указ послан в академическую контору 8 января, получен 11 января 1724 г.

2 Речь идет о просьбе А Д. Фарварсона напечатать в московской типографии «Таблицы склонения солнца» и «Таблицы разности ширины» для новоучрежденных школ. За длительностью дела и проволочками, изложенными в доношении В. А Киприанова (см. № 20), таблицы были напечатаны с опозданием и оказались ненадобны. Академическая контора отказалась их принять.

22. РГАВМФ. Ф. 212. 1724. Ед. хр. 29. Л 8.

23. РГАВМФ. Ф. 212, 1724. Ед. хр. 29. Л. 19.

1 5 октября 1726 года была наложена резолюция с требованием оплатить книги, как только в академической конторе появятся деньги.

24. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Ед. хр. 375. Л. 772—772 об.

1 Тередорщик (итал. teretoire), в XVIII в. рабочий печатник, обслуживающий ручной печатный станок.

2 Скаска — документ делопроизводства, запись устных показаний в учреждениях России а XVII —XVIII вв.

3 Матвеев Андрей Артемонович (1666—1728), государственный деятель, дипломат, президент Морской академии.

25. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Ед. хр. 375. Л. 777—780 об.

1 Экстракт — краткое изложение дела о передаче типографских станов из Москвы в Сенатскую типографию.

2 Прас (правильно пресс) — деталь печатного станка.

3 Пьям (правильно пиан) — плита в ручном печатном станке.

4 Тарель (правильно талер) — доска, на которую устанавливалась наборная печатная форма.

26. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Ед. хр. 375. Л. 783 об.

1 По устному докладу В. В. Киприанова было составлено доношение в Санкт-Петербург о готовности к отсылке одного печатного станка.

27. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Ед. хр. 375. Л. 782—782 об.

1 Верстата (правильно верстатка) — инструмент для установки литер, пробельного материала при ручном наборе.

2 Врашкет (правильно рашкет) — лист, в котором вырезались отверстия по размерам полос.

28. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Ед. хр. 375. Л. 784.

29. РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 722. Д. 98. Л. 940—942.

1 Кошт (польск. kost) — денежные расходы.

2 Салтыков Алексей Петрович, боярин, государственный деятель, с 1713 г. губернатор Москвы. В 1718 г. участвовал в суде над царевичем Алексеем Петровичем.

30. РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Ед. хр. 527. Л. 289—291 об.

1 В. В. Киприанов хлопотал о заведении кофейни и просил выделить ему землю, находящуюся рядом с его книжной лавкой.

31. РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Ед. хр. 836. Л. 221—221 об.

1 Веселовский Иван был привлечен по делу о «питейных компанейщиках» на его имущество наложен арест и штраф в размере 15 582 рубля.

2 Кирилов Иван Кирилович (1689—1737), русский государственный деятель, обер-секретарь Сената с 1727 г., губернатор Оренбургского края с 1734 г., автор первого экономико-географического описания России. В 1727 г. начал издание первого русского Атласа Всероссийской империи. Листы Атласа печатал В. В. Киприанов. Последний лист датируется 1734 г. Издание осталось незавершенным.

32. РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Ед. хр. 836. Л. 223—226, 237—237 об.

Публикация Т. Г. КУПРИЯНОВОЙ

Куприянова Т. Г. Гражданская типография Киприановых // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 9—10. — [Т.] IX.

К числу выдающихся деятелей петровской поры принадлежит Василий Анофриевич Киприанов (Киприянов). Родители его были из так называемых «новоприбылых», пополнявших население московских окраин. Покинув родной Осташков, Киприановы попали в тяглецы Кадашевской слободы. Сын их Василий держал лавочку, где продавался мелочной товар — сало, кожи, пергамен, свечи. Все это покупали у него Посольский приказ и Оружейная палата для изготовления рукописных книг, предназначавшихся для царя и его семьи. Книги, которые выходили из рук мастеров Оружейной палаты и Посольского приказа, были роскошно оформлены, проиллюстрированы, имели богатые переплеты и весьма отличались от тех, что продавались в Книжном ряду.

В 1701 г. по приглашению Л. Ф. Магницкого (1669—1739) Киприанов принял участие в создании знаменитого учебника «Арифметика». Эту книгу М. В. Ломоносов впоследствии назовет

«вратами своей учености». Оружейная палата изготовила «подносные» рукописные экземпляры

«Арифметики». Для них Киприанов поставил необходимые материалы. Красочные книги «ручной работы» были подарены Петру I и боярину Ф. А. Головину, который возглавлял Оружейную палату. Рукопись отправили на Печатный двор, где Киприанову было поручено осуществлять надзор за выпуском тиража.

В начале 1705 г. Киприанов обратился с прошением к Петру I о создании новой типографии, в которой предлагал печатать гравированные листы. Царь одобрил проект. Гражданская типография также наделялась правом цензурного контроля над всем графическим рынком Москвы. 30 мая 1705 г. считается датой основания типографии «гражданской печати» в России.

Очевидно, на столь скорое решение оказало влияние посредничество Я. В. Брюса — ближайшего сподвижника царя. Его покровительство было необходимо, чтобы противостоять могущественному И. А. Мусину-Пушкину, возглавлявшему Печатный двор. Новая типография была опасным конкурентом и потому с самого ее возникновения осуществлялись попытки подчинить ее Мусину-Пушкину. Сам Киприанов не раз страдал от наветов. В 1716 г., в разгар своей издательской деятельности, он был насильно возвращен в Кадашевскую слободу, лишен прежних званий и заслуг, и только заступничество Брюса спасло типографию от разорения.

Первое издание Гражданской типографии, «Новый способ арифметики», напечатанный в 1705 г., представлял собой экстракт из Энциклопедической «Арифметики» 1703 г. За ним последовали гравюры-пособия, необходимые для обучения навигаторов, штурманов, геодезистов и других специалистов.

Для продажи своих изданий Киприанов построил книжную лавку у Спасских ворот Кремля. На фронтоне здания было начертано: «Всенародная Публичная библиотека». Эта лавка стала первым в Москве учреждением, предназначенным для всенародного пользования. Библиотека находилась на втором этаже, а на первом — продавались прохладительные напитки, вина, чай и кофе.

Многие начинания типографа пришлось завершать его сыну Василию Васильевичу (ок. 1701—?). Он достроил здание, пополнил фонды библиотеки. Вскоре она стала популярна в среде образованных москвичей. Молодой Ломоносов, приехав в столицу, посетил лавку Киприанова и приобрел переведенный В. К. Тредиаковским аллегорический роман П. Тальмана «Езда во остров любви».

Известность В. В. Киприанова достигла и Санкт-Петербурга. Он был привлечен Академией Наук к распространению ее изданий в качестве комиссионера. Своим предприятием он занимался мало и вскоре Гражданская типография прекратила существование, оборудование ее передано в Санкт-Петербург. Всенародная Публичная библиотека была сдана в наем, а затем продана. Постепенно Василий Васильевич отошел от книгоиздания и занялся устройством кирпичных заводов.

Доношение епископа Питирима нижегородскому вице-губернатору Ю. А. Ржевскому

Питирим, архиеп. Доношение епископа Питирима нижегородскому вице-губернатору Ржевскому Ю. А. / Публ. [и вступ. ст.] В. Г. Бухерта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 31—33. — [Т.] IX.

Нижегородский архиепископ Питирим (ок. 1685—1738) — один из наиболее примечательных церковных иерархов эпохи Петра I — сначала сам был раскольником. Затем, уже в зрелые годы, отошел от раскола и признал официальную церковь. В 1704—1717 гг. он — строитель, а затем

игумен Николаевского Переславского монастыря, в 1717—1719 гг. — архимандрит Успенского Кержебельбашского монастыря, с 1719 г. епископ, а с 1724 г. — архиепископ Нижегородский и Алатырский*.

В 1718 г. Питирим предложил Петру I целую систему действий против раскола. Методы борьбы, предложенные им, были жестоки. Помощником ему Петр I назначил капитана лейб-гвардии Ю. А. Ржевского.

21 октября 1719 г. из Московской Новонемецкой слободы в Преображенский приказ был доставлен «скатертного дела мастер» Иван Никифорович Бородин. Допрос пришлось отложить: Бородин явно был психически болен, находился, «в меланколии и во иступлении ума». Родственникам, опасавшимся, как бы Ивана «не откинули из мастеров», приходилось скрывать, что он «бывал в страхе великом, людей баивался, и в беспамятстве из дому уходил»**. По завершении следствия князь И. Ф. Ромодановский распорядился Бородина «за то, что сказал за собою государево слово и дело ложно», наказать — «бить кнутом нещадно» и освободить под расписку.

21 марта 1720 г. в Нижнем Новгороде был казнен («отсечена голова, а тело его сожжено») дьякон Александр — один из руководителей старообрядцев знаменитого Керженца***. Питирим, причастный к осуждению дьякона, видимо, опасался ответных действий со стороны старообрядцев. В сентябре 1720 г. к епископу явился неизвестный человек, назвавшийся Иваном. Это и был отпущенный Ромодановским Бородин. 3 октября 1720 г. в Троицком Бельбашском монастыре он совершил покушение на иеродьякона Гурия, бывшего у Питирима судьей по раскольническим делам, и описавшего миссионерскую деятельность епископа****. Сам Питирим, находившийся там же, лишь случайно избежал ножа Бородина. Епископ сразу же заподозрил, что покушавшийся подослан старообрядцами, хотя ему было известно о душевной болезни «скатертного дела мастера».

20 ноября 1720 г. нижегородский вице-губернатор Ю. А. Ржевский учинил допрос Бородину («дано ему на виске 38 ударов и огнем зжен*****), но добиться от него признания в попытке умышленного убийства не удалось. Преображенский приказ, запрошенный Ржевским о Бородине, предоставил вице-губернатору самому решить судьбу подследственного. Что затем стало с Бородиным — неизвестно. Доношение Питирима хранится в РГАДА (Ф. 371 «Преображенский приказ». Оп. 1. Д. 1220. Л. 17—18).

1720 г. ноября 17

ЦАРСКОГО ПРЕСВЕТЛОГО ВЕЛИЧЕСТВА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРУ И ОТ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАПИТАНУ ПОРУЧИКУ ЮРЬЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ РЖЕВСКОМУ ДОНОШЕНИЕ

Сего 1720 года сентября в день пришел ко мне в крестовую полату незнамой человек после вечерни в худой самой одежде и бос и востребовал, чтобы ему меня видеть. И о том келейников моих просил, и келейники мне о нем объявили и то, что он меня требует видеть. И я ево к себе пустил и стал у него спрашивать, что он за человек и отколе. И он веле мне келейников выслать вон, что есть де мне говорить духовные слова. И я ему велел говорить при келейниках, понеже у меня о нем в уме стало быть сомнение, что не послан ли от раскольщиков ради соделания каковаго злодейства, однако же, однако же, отдая пастырской долг, остался с ним один, а келейников выслал вон. И стал ево спрашивать: что он за человек и отколе. И он сказал себя московского жителя, Иваном зовут и был де он на полотняных заводех мастером и будто ум у него испортился, и с ума будто сходит и я ево спросил: «Что тебе ко мне какое есть духовное дело?» И он мне сказал что: «В церковь де я хаживал, а ныне не хожю того ради, что в ней ныне не право. И крещуся де я двумя персты, да то де и правда та». И я ему говорил много, чтобы он такое сомнение отложил, и спрашивал, кто его учит, и он не сказал никово: «Я де сам грамоте умею». Еще спросил, где он живет, и он сказал: «Я де так скитаюся, нигде не живу». И стал меня

просить, чтобы ему у меня жить в доме и исповедатися ко мне. И я ему отрицал ко мне исповедатися и велел ему исповедатися у иеромонаха. И он от того весьма отрекся и сказал: «Я де кроме тебя ни х кому на исповедь не пойду потому, что я де и ныне всегда без ума и всех де боюся: кажется меня ловят и хотят мучить я де и тебя боюся». И я стал ево наипаче спрашивать: чево ради боится. «Не бойся никово». А я сам наипаче и говорю и боюся ево и стал паче принуждать, чтобы он шел на исповедь к иеромонаху. И он сказал: «Мне нельзя ни х кому идти кроме тебя». И я паче стал ево спрашивать, чего ради нейдет к иным кроме меня и он сказал, что: «Я де живучи в Москве с ума сходил и царя согрешил, бранил и за то в Преображенской бран и пытан и выптущен де я на поруку, поручился де по мне брат родной, понеже узнали де меня, что я без ума». И я таковые слова слышавши рассудил, что лутче мне ево у себя подержать и на исповедь принять к себе, того ради посмотрю, нет ли в нем и от умыслу каких тяшких государственных дел. И сказал ему в надежду: «Добро, я тебя на исповедь приму». И велел ему у себя в доме жить и ходить за службу церковную. И по неколицех днех поехал я в пустынныя монастыри и он Иван стал проситцся со мною: «Я де тамо в Успенском монастыре и жить стану». И я ево взял с собою, и прибывши в Троецкой монастырь, поживши дня два, и он стал себя казать уныла и умом смущена. И сего октября в 3 день поутру, на первом часу дни, иеродиякон Гурий пришел во оную келию где он Иван начевал, и пришед оный Гурий стал в окошко глядеть. И оны(й) Иван созади ударил ево в правой висок ножем и, схватя, повалил на пол, и сел на нем с ножем резать. И оны(й) диякон Гурий, под ним лежа, стал крычать и за нож и за руки хватать. И на такой крык прибежал скоро келейник Иван Елисеев, и оного Ивана с ножем на Гурии застал, и отнял у него Гурия. И оны(й) убийца Иван, побежал из келии вон в сении, и в другие сении к моей келии. И помяненный келейник Иван ухватил ево за рубаху, чтобы не допустить ко мне в келию, и оны(й) убийца рубаху с себя спустил и ушел наг к моей келии. А в то время со мною в келии был монах мой диякон Ияков и услышал в сенях крык, что крычит помяненный келейник Иван: «Запритесь, запритесь. Иван взбесился». И Ияков, вскоча, келейную дверь ухватил за замок и держал всею силою. А оны(й) убийца из сеней в келию ко мне ломился и дверь отворяет, однако же милосердием Божиим Иякова он не одолел, в келию хоша и много* ломился, но Ияков в келию ко мне ево не допустил. И в то время Гурий выбежал на крыльцо и закрычал: «Салдаты, салдаты». И салдаты услышали и выбежали и увидели Гурия в крови, прибежали и он им сказал, что Иван пришлой зарезал ево и побежал в келию с ножем к епископу. И солдаты кинулися к моей келии в сении. И оны(й) убийца ножик кинул и от дверей моея келии побежал на полати сенныя, и с полатей на мою келию. И на келии ево салдаты с великою нуждою едва взяли понеже не давался, во всех бросал кирпичами, однако, хоша и с трудом, да взяли ево и я велел им держать у себя за караулом.

Посмотрели ево, что он пытан, и я ево послал в кандалах в Успенской монастырь, что на Бельбоше. А мне о нем разсуждется, что надлежит про нево справиться: в Преображенском держан ли он, и за вышеписанныя бранныя слова пытан ли, и без ума ли подлинно был, и свобожден ли оттоля, и не подослан ли от раскольщиков меня убить, и не по умыслу ли Гурия диякона ножем резал, понеже он крестится по раскольнически и старается за сие и прочьчая по раскольнически же недугует. И о сем как ваше благородие благоволит.

На подлинном доношении пишет: Смиренный Питирим епископ Нижегородский и Алаторский

Публикация В. Г. БУХЕРТА

Указ Императора Петра I

Указ Императора Петра I / Публ., [и вступ. ст. и примеч.] С. В. Ефимова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 33—34. — Из содерж.: Петр I. Указ Псковскому воеводе Ржевскому. — С. 33—34. — [Т.] IX.

Во время Великого посольства 1696—1698 гг. Петр I ознакомился с коллекциями западно-

европейских ценителей древностей и раритетов. Собрания Н. Витсена, Я. Вильде, Н. Шевалье, С. Схенфута и Ф. Рюйша произвели большое впечатление на молодого царя. Одним из результатов путешествия стало создание небольшого собрания зоологических редкостей и древностей, основы будущей знаменитой Кунсткамеры.

Посещая европейские аукционы, Петр I наряду с книгами, инструментами и редкостями природы приобретал и так называемые «антики». В документах Великого посольства упоминаются древние сосуды, «персонка глиняная» и другие предметы. Они вошли в личное собрание царя, хранившееся в его кабинете в Летнем дворце и постоянно пополнявшееся.

Так в 1715 г. сюда в качестве дара уральского заводчика Н. А. Демидова Екатерине I поступили древние памятники искусства, «богатые золотые бугровые сибирские вещи»*, извлеченные из местных курганов. По царскому указу сибирский губернатор князь М. П. Гагарин должен был «приискать старых вещей, которые сыскивают в землях древних поклаж»**. В 1716—1717 гг. «Сибирская коллекция» пополнилась древностями из сарматских курганов Дона и Волги, значительное число «антиков» поступило в государев кабинет из окрестностей Астрахани.

Во время второго заграничного путешествия Петра I в 1715—1717 гг. были сделаны новые приобретения, в их числе уникальные античные геммы. 6 февраля 1719 г. царь подписывает указ о сборе по всей России и доставке в Санкт-Петербург природных редкостей и «антиков» для открывшейся Кунсткамеры: «Старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбьи или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенными, также какие старые подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, за что давана будет необыкновенная дача»***.

В 1720 и 1724 гг. московский нумизмат священник Федор, живший вблизи Воскресенского монастыря, подарил Петру I свою коллекцию старинных русских монет. В 1721 г. в нумизматическую коллекцию Кунсткамеры поступила значительная часть собрания древних монет И. Людерса из Гамбурга, в том же году Боцис преподнес царю античные монеты.

Именной указ Петра Великого обращен к Ивану Алексеевичу Ржевскому, в 1682 г. пожалованному в стольники и назначенному комнатным стольником царя Ивана Алексеевича.

В 1683 г. Ржевский участвовал в царском походе к Троицко-Сергиевой Лавре, в том же году значился «на службе в селе Воздвиженском». В 1708 г. Петр назначил его комендантом Брянска. С 6 июля 1721 г. Ржевский — воевода Псковской провинции.

Данный указ показывает, что царь живо интересовался сведениями о находках древнерусских монет и быстро реагировал на такого рода информацию. Текст указа вместе с другими официальными бумагами переплетен в особую кожаную папку, озаглавленную «Указы Псковским воеводам Ржевскому и Солнцову с подписями Петра I, Екатерины I и царевны Екатерины Ивановны. 1720—1732 гг.» и хранящуюся в архиве СПбФ ИРИ РАН (Кол. 238, коллекция академика Н. П. Лихачева. Оп. 1. Ед. хр. 544). Печатается с соблюдением языковых и стилистических особенностей первой четверти XVIII в.

УКАЗ ПСКОВСКОМУ ВОЕВОДЕ РЖЕВСКОМУ

Ведомо нам учинилось, что есть во Пскове у посадского человека Ерофея Дмитриева сына Русинова старинные денег князя Игоря1 девяносто пять рублев, поставленных у него в прошлом 1717-м году от иеромонаха Евфимия, (Который жил во Псковском Понтелеймонове монастыре) в сундуке, с протчими того монаха пожитками, чего для послан от нас гоф юнкер наш Семен Маврин. И по получении сего указу при оном гоф юнкоре нашем Маврине упомянутого Русинова вышеписанной сундук возми, и те старые денги князя Игоря выняв из того сундука отдай оному Маврину, для отвозу к нам. А протчия вещи, что есть в том сундуке, отдай сыну

того монаха Лариону Скородумову по духовной отца его.

В Санкт-Питербурхе

Сентября 16-го дни 1723

Петр

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В первую четверть XVIII в. некоторые старинные серебряные деньги были признаны за «копейки великого князя Игоря», жившего в X в. Позднее выяснилось, что за имя князя было принято ошибочно прочитанное слово «государь».

Публикация С. В. ЕФИМОВА

В. Н. Татищев о старообрядцах

Татищев В. Н. В. Н. Татищев о старообрядцах / Публ. [и вступ. ст.]. В. Г. Бухерта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 34—35. — [Т.] IX.

Изучая государственную деятельность Василия Никитича Татищева (1686—1750) всесторонне, нельзя пройти мимо факта его участия в преследовании старообрядцев*.

В марте 1734 г. Татищев был назначен начальником Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов. В его ведении оказалась промышленность Урала и Сибири, где широко и незаконно использовался труд беглых крестьян. Разорение старообрядческих скитов, где зачастую укрывались беглые, должно было облегчить задачу их поиска. К тому же такая деятельность Татищева находила обоснование в политике правительства по отношению к старообрядцам.

Предписанное Татищеву именным указом от 12 ноября 1735 г. разорение уральских старообрядческих скитов продолжалось до весны 1738 г. Публикуемый документ относится как раз к моменту завершения этой акции. Подлинник хранится в РГАДА (Ф. 1183. Московская контора Синода. Оп. 1. 1738 г. Д. 238. Л. 1—1 об).

В МОСКОВСКУЮ СИНОДАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИУ ОТ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА ТАТИСЧЕВА ДОНОШЕНИЕ

По указом ея императорского величества из Правительствующего Сената от 28 маиа и 11 октября (1)737 г. повелено, чтоб раскольников, которых в башкирах несколько сот близь Кунгурского уезда в лесах собралось, возможными мерами о поимке их поиски чинить. И по оным ея императорского величества указом сыскано раскольников близь Кунгура по рекам Сылве и другим шестьдесят восемь, да здесь по Самаре пустынников пять, итого семьдесят три человека. При оных взяты книги, образа и сосуды церковные, из которых книги по приложенной росписи посылаю при сем. А образов писанных, с окладами серебрянными убогими семнадцать, простых восемьдесят пять, медных литых сто один. И оные писанные весьма ветхи на коих в окладах серебра с фунт, а в медных до десяти фунтов наберется, которые за тою ветхостию не посланы затем, что оные провоза стоить не будут, и для того запечатаны и хранятся здесь. И Синодального правления канцелярии сим почтенно представляю. Не повелено ль будет оные, с ветхих образов оклады сняв, переделать в сосуды церковные, также и из медных образов в утварь и отдать в церкви по новопостроюсчимся городкам. Из образов же писанных, кои полутче, отдать во оные же церкви и о том будут ожидать указа.

1738 г. Мая 26

1798 г. Мая 20

В. Татищев

Публикация В. Г. БУХЕРТА

Масонская присяга

Масонская присяга / Публ. [и вступ. ст.] В. И. Сахарова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 35—36. — [Т.] IX.

Мы продолжаем знакомить читателей с архивными документами, отразившими масонские обряды и ритуалы лож (см.: Российский Архив. Т. V. С. 98—103). Для этого тайного ордена клятва и присяга — не пустая формальность, а незримая грань, отделяющая мир непосвященных или «профанов» от тесного круга избранных, от масонской «толпы». Недаром в некоторых ложах принимаемый расписывался собственной кровью, а на язык его накладывалась металлическая Соломонова печать скромности. Из этого круга нет дороги назад.

В рукописном «Уставе, или Правиле вольных каменщиков», хранящемся в архиве «материнской» ложи Трех знамен, сказано: «Страшися думать, что сия клятва менее священна, нежели те, которые ты даешь в народном обществе; ты был свободен, когда произносил оную, но ты уже не свободен нарушить тайны, тебя связующа; бесконечный, которого призывал ты в свидетели, утвердил оную, бойся наказаний, соединенных с клятвопреступством; ты не избежишь никогда казни твоего сердца и ты лишишься почтения и доверенности многочисленного общества, имеющего право — объявить тебя вероломным и бесчестным» (РО РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1. Л. 8 об.).

Затем ознакомившегося с уставом принимали в ученическую ложу, и великий мастер торжественно возвещал: «Боже, помоги клянущемуся! Не забывайте никогда, что свободно, не принужденно и по добром размышлении учинили клятву, связующую вас с нами, что никакая власть освободить нас уже не может от исполнения оныя... Надлежит вам ведать, что мы и все рассеянные по вселенной братия наши, став днесь искренними и верными вам друзьями, будем при малейшем вероломстве вашем, при нарушении от вас клятвы и союза, будем вам лютейшими врагами и гонителями... Ополчимся мы тогда жесточайшим противу вас мщением и исполним месть» (ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 33—33 об.).

Сами масоны обычно говорили, что эти древние грозные формулы являются пустой формальностью и давно утратили смысл в просвещенные времена, однако судьба Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина, порвавших с орденом и сразу же столкнувшихся с изощренным противодействием и местью, подтверждает, что дела вольных каменщиков не расходились со словами*

Публикуемая присяга, дававшаяся наряду с клятвой, хранится в известном собрании масонских рукописей В. С. Арсеньева в РГБ (Ф. 14. Ед. хр. 24. Л. 1) и предположительно датируется восьмидесятыми годами XVIII в.

ПРИСЯГА

Я, N. N., обещаюсь, присягаю и клянусь пред вездесущим триединым Богом, высокопросвещенному собранию и всем его чести достойнейшим Начальникам совсем верно и непринужденно с добрым предразмышлением:

1. в страхе Божием беспрестанно себя упражнять,

2. любви ближнего никогда с намерением не возмущать

2. любви ближнего никогда с намерением не возмущать,

3. высочайшую молчаливость ненарушимо сохранять,

4. в неразрывной верности к Ордену состоять,

5. начальникам великое послушание оказывать,

6. пред высокопросвещенным собранием ни о какой, до него относящейся, тайне не умалчивать,

7. жить собственно Творцу, его премудрости и сему Ордену.

С тем истинно мне Бог и святое Слово Его да поможет. Аминь!

Публикация В. И. САХАРОВА

К биографии В. И. Баженова

«1799-го года июня 11 дня по указу Его Императорского Величества Государственной военной коллегии... » // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 43—44. — [Т.] IX.

№ 43

1799-го года июня 11 дня по указу Его Императорского Величества Государственной военной коллегии по Артиллерийской Експедиции слушав копию с определения военной коллегии сего 1 июня 7-го записанную в экспедиции под № 3781-м, коею знать дает: что по имянному Его Императорского Величества Высочайшему Указу, данному правительствующему сенату сего года февраля 26-го дня, всемилостивейше повелено: состоящему на вакансии архитектора, положенного по штату Санкт-Петербургского арсенала, Действительному статскому советнику Баженову быть в Академии художеств вице-президентом, с жалованьем по месту: вследствие чего военная коллегия и определила: как оной Господин Баженов жалованье получал из комиссариатской суммы, для того комиссариатской Експедиции предписать, чтобы она помянутого Баженова подлежащим жалованьем по день определения в академию наук удовольствовала, о чем Артиллерийской экспедиции ради выключки ево Баженова предписывает.

Приказали: помянутого Действительного статского советника Баженова из штата Санкт-Петербургского арсенала, в сходность повеления военной коллегии выключить, о чем управляющему арсеналом полковнику и кавалеру Апрелеву6 предписать указом, а во известие в Государственную военную коллегию отрапортовать и его сиятельству инспектору всей артиллерии Господину Генерал-лейтенанту и кавалеру Аракчееву7 донести, а как помянутому Господину Баженову денежное жалованье за прошедшую сего года генварскую треть до получения упоминаемого о выключке предписания от здешнего арсенала из числа полученной из комиссариатского ведомства суммы уже выдано, то о сем комиссариатской экспедиции дать знать сообщением.

Подлинное за подписанием Государственной военной коллегии Артиллерийской экспедиции.

Пометы: С подлинным считал канцелярист Скрыткин. Исполнение послано июня 18-го. Указ полковнику Апрелеву № 7235. Представление его сиятельству (Аракчееву) № 7236. Рапорт в военную коллегтю под № 7237. Сообщение в комиссариатскую экспедицию под № 7238.

«В Государственную военную коллегию из артиллерийской Ея Експедиции доставить...» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.:

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 43. — [Т.] IX.

Ноября 17 1798

№ 2908

доложено согласие

В Государственную военную коллегию из артиллерийской Ея Експедиции доставить копию с имянного Высочайшего повеления, последовавшего 1766 года декабря 2-го, об определении в артиллерию Баженова с чином артиллерии капитана и с жалованьем по 600 р.

Ноября 16 дня 1798 года

Слушан 26-го ноября

В Государственную военную коллегию из артиллерийской Ея Экспедиции рапорт // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 42—43. — [Т.] IX.

В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ ИЗ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ЕЯ ЭКСПЕДИЦИИ РАПОРТ

Действительный статский советник и Кавалер Баженов, состоя на ваканции положенного по штату Санкт-Петербургского арсенала архитектора, поданным в артиллерийскую Експедицию сего года сентября 15 доношением просил выдать ему заслуженного сего 1798 года майя с 1-го сентября по 1-е число положенного по штату помянутого арсенала архитектору шести сот рублевого в год оклада жалованья двух сот рублей, которое ему и выдано из артиллерийской на щот комиссариатской суммы, а как помянутый Баженов в артиллерию архитектором поступил 1766 года декабря 2-го по имянному повелению Императорской академии художеств из академиков, с чином капитана и с жалованьем по 600 рублей в год, но он Баженов по особо порученным ему комиссиям должности архитектора при артиллерии не исправляет, а в той должности употребляется архитектор инженер-поручик Демерцов, по сему он Баженов при артиллерии и не нужен, вследствие чего Государственной военной Коллегии артиллерийская экспедиция представляет: и повелено ль будет впредь онаго Баженова по спискам в артиллерии числить и жалованье по архитекторскому окладу производить, об оном просить резолюцию.

Октября 5-го дня 1798 года

Баженов В. И. В Государственную военную коллегию по артиллерийской экспедиции действительного статского советника и кавалера Василия Баженова доношение, 15 сентября 1798 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 42. — [Т.] IX.

В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВОЕННУЮ КОЛЛЕГТЮ ПО АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ЕКСПЕДИЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО СОВЕТНИКА И КАВАЛЕРА ВАСИЛИЯ БАЖЕНОВА ДОНОШЕНИЕ

Заслуженное мною сего 1798 года майя с 1-го сентября по 1-е число из положенного по штату Санкт-Петербургского арсенала архитектору шести сот рублевого в год оклада денежное жалованье, Государственную военную Коллегию по артиллерийской экспедиции покорнейше прошу приказать мне выдать.

Сентября 15 дня 1798 года

Василий Баженов

Помета: Решено 23 сентября

Баженов В. И. Письмо Ушелеву Г. Г., 26 апреля 1797 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 42. — [Т.] IX.

В. И. БАЖЕНОВ — Г. Г. КУШЕЛЕВУ5

Докладываю майя 1.1797

Ваше Превосходительство, Милостивый государь Григорей Григорьевичь

Никому столько не известно о страданиях моих, как Вам, Милостивой Государь. Потому то я осмеливаюсь и еще трудить вас, и всепокорнейше просить дать мне отраду, сам я вижу, что меня отдалили лицезрения всемилостивейшаго Государя Императора, и потому не могу сам доложиться Его Величеству о моих нуждах лично, Вы помогите мне в следующем, да поможет и Вам Бог во всем желанном, испросите мне позволение отпустить меня, на несколько, или пока Его Величеству когда-либо я найдусь надобным, излечиться от жестокой болезни в голове моей мозга и поправления дел моих домашних, без вычету Всемилостивейшего жалованья, а притом неможно ли испросить и ту милость, которая деревня мне пожалована 1000 душ, а осталось только засим 38 душ, которые зделают растройку семьям их с моими, а притом и хлопоты воспоследуют, коих я весьма страшусь, мне ли пожаловать оныя 38 душ или сыну моему Владимиру, который трудился со мною во всех работах вам известных, и от трудов своих уже более года болезнями страдает, и о Константине, как я многажды трудил вас даб и его не оставить в том месте, где он нес и несет труды вам известныя.

Итак надеюсь я на вас под Богом, что вы сии милости исходатайствовать можете у всемилостивейшего монарха нашего, в прочем имею щастие быть с истинным и совершенным моим почтением.

26 апреля 1797 год

Москва

Вашего превосходительства Милостиваго Государя

Покорный слуга Василий Баженов

Помета: Уволен в деревни, а оставшиися 38 душ пожалованы сыну Его майору Владимиру Баженову.

Павел I. Указ императора Павла I // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 41. — [Т.] IX.

УКАЗ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

Василий Степанович2. По представленной смете изчисленную на построение Замка Михайловского дворца сумму семь сот девяносто одну тысячу двести рублей назначаю Я половину из кабинета, другую же из казначейства; а вам повелеваю употребить все возможные способы, чтоб помянутый замок в течение будущаго 1797 года мог быть вчерне отделан. При сем строении можете употребить коллежского советника Никифора Пушкина3 и архитектора Егора Соколова4 с подлежащим числом помощников и каменных мастеров; действительный же статский советник Баженов должен иметь наблюдение, чтоб строение производимо было с точностию по данному плану.

Ноябр. 28 дня 1796 года

Ноябрь 28 дня 1796 года

Санкт-Петербург

Пущин П. «При кронштатских строений с 1793 года по смерти архитектора Ветошникова...» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 41. — [Т.] IX.

При кронштатских строений с 1793 года по смерти архитектора Ветошникова, определен архитектор Баженов и ныне находится при том строении. (Баженов) в бытность его построил лесной магазеин, провиантской магазеин, отстраивает служительский корпус и прочие мелочные к тем корпусам пристройки, как-то кухни каменные, заборы с лучшим противу прежнего креплением с хорошим присмотром и прочностию.

Генварь 1796-го года

Петр Пущин

Екатерина II. Указ нашему кабинету // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 37. — [Т.] IX.

УКАЗ НАШЕМУ КАБИНЕТУ

на производство в селе Царицыне строений под смотрением архитектора Баженова повелеваем отпустить в нынешнем 1785-м году к камергер князю Тюфякину пятьдесят тысяч рублей, да особо для садовых в том же селе работ пять тысяч рублей в распоряжение майора Василья Карачинскаго.

Екатерина

В С(анкт) П(етер)бурге февраля 14 1785-го года

Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице и Самодержице Всероссийской всеподданнейший доклад // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 38—40. — [Т.] IX.

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ И САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД

Состоящий в ведомстве сей коллегии и главной артиллерии и фортификации Архитектор Коллежский Советник и Ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира 4-й степени кавалер Василий Баженов поданным прошением на Всевысочайшее Вашего Императорского Величества имя просит о награждении его за долговременную, ревностную и усердную службу, продолжаемую им с 1755-го года безпорочно, следующим чином, дабы он не только противу сверстников, но и младше его поступивших в повышение, не оставался обиженным. Причем он в помянутом прошении своем пишет, что в 1760-м году будучи послан из здешней Академии художеств для усовершения своего Архитектурного художества в чужие края, отличил он себя в бытность тамо противу сверстников своих разными сочинениями и чрез то удостоился быть в некоторых иностранных академиях членом, мастером и Профессором, а российская Академия художеств, узнав о его отличных успехах, признала его в 1762-м году своим адъюнктом.

Указ Императрицы Екатерины II

По возвращении же его в Россию, чрез неусыпные труды его размножились во всех губерниях

ученики его, из которых многие и теперь служат с похвалою. А в нижеозначенных годах по имянным Вашего Императорского Величества всевысочайшим указам, всемилостивейше жалуем был он Баженов, в 1776-ом году декабря 2-го главной артиллерии архитектором, с чином артиллерийского Капитана; в 1779-ом Генваря 16-го надворным Советником, а в 1784-ом году марта 13-го дня Коллежским Советником, со оставлением при прежних местах и должностях.

Императрица Екатерина II

Какия же в бытность его в чужих краях даны были ему от королевских в Париже и других местах Архитекторов и членов Академий одобрительные аттестаты, которыми весьма похвальстве в отличном знании архитектуры, способности к рисованию и неутомимой ревности к достижению совершенства архитектурнаго; также дипломы и патенты, с оных приложил копии. Из коих по некоторым, а именно: по диплому, данному от Римской Академии Святаго Луки, по патентам Клементинской, Болонской и Флоренцкой Академий удостоен был принятием в сии места в число почетных академиков, и сверх того дана ему от помянутой Римской академии полнейшая свобода производить всякое строение священное и светское как в Риме, так и во всяком другом месте, и как знатному мастеру обучать юношество, созывать публичные собрания касательно художества, котораго он Профессор.

Адмиралтейская коллегия по толь отличным его Баженова достоинствам, и что он со вступления с 1792-го архитектором в ведомство Адмиралтейской Коллегии и в Кронштат к строениям, производимым под особым управлением Адмирала Пущина1, продолжает доныне службу свою весьма похвально, отдавая справедливость дарованиям, способностям, ревностной и усердной его Баженова службе, и так как состоит он в чине Коллежскаго Советника с 1784-го года, а состоящие в сих чинах и с 1785-го года сентября по 2-е число по извещению от Герольдии, в силу именнаго высочайшаго Вашего Императорского Величества указа, 1793-го года сентября 2-го дня пожалованы в статския советники, осмеливается представить его Баженова ко Всемилостивейшему награждению следующим чином.

Адмирал Сенявин

Иван Г(оленищев)-Кутузов

Петр Пущин

Вилим Фондезин

Тимофей Козлянинов

Мартын Фондезин

Иван Баскаков

Ефим Лупандин

Декабря дня 1795-го года

Помета: Отказано. Иеня 28 1796

Илизарова Л. И. Примечания: К биографии В. И. Баженова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 44. — [Т.] IX.

Документы хранятся: РГИА Ф. 468: 1 — Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3900. Л. 61; 2 — Оп. 3. Ед. хр. 394. Л. 9—10 об.; 3 — Оп. 43. Ед. хр. 320. Л. 71; 4 — Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3912. Л 84; 5 — РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 3. Л. 111—111 об.; 6, 7, 8, 9 — ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. арсенальная. Ед. хр. 1454. Л. 1, 3, 4, 47.

1454. Л. 1, 3, 4, 47.

1 Пущин Петр Иванович (1723—1812), адмирал.

2 Попов Василий Степанович (1745—1822), тайный советник, управляющий Императорским Кабинетом. В январе 1797 г. Император отправил Попова в отставку, заменив его генерал-майором М. И. Донауровым. Затем последовал новый указ надзиравшему за гоф-интендантской конторой И. А. Тизенгаузену: «Господин Гофмаршал Граф Тизенгаузен. В следствие Указа Нашего, данного вам в 4-й день марта сего гада, коим поведено строение Михайловского Нашего Дворца поручить беспосредственно Нашему Архитектору Коллежскому советнику Бренне, нужным почитаем для успешнейшаго окончания того строения и внутренной отделки онаго предписать, чтобы вы имели наблюдение за всеми внутренними частьми, до Архитектуры касающимися как то украшениями, стукатурными, скульптурными, живописными и золоченными, равномерно за работами столярными и слесарными; а что относится до меблировки и уборки Апартаментов, все оное долженствует происходить под смотрением управляющего кабинетом Генерала-маиора Данаурова, в распоряжении коего имеют быть и все суммы на внутреннюю отделку Дворца, от Нас ассигнуемые; исполнение же и произведение в действо по обоим вышесказанным отделениям возлагается на помянутого Архитектора Бренне, которой и будет зависеть единственно от вас и Генерала-майора Данаурова, поколику до части каждаго из вас принадлежать может. Впрочем, Мы уверены, что вы единодушно будете о том только стараться, чтоб воля НАША в сем деле исполнена была наилучшим образом без потери времени и с хозяйственною в издержках бережливостию. Пребываем вам благосклонны. Подлинный подписан собственно Его Императорскаго Величества рукою тако: Павел. В С(анкт)-П(етер)бурге Ноября 23-го 1797-го года» (РГИА Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3913. Л. 556—557).

3 Пушкин Никифор Изотович (1758—1831), член Кабинета, определен к строению Михайловского замка.

4 Соколов Егор Тимофеевич (1750—1821), придворный архитектор.

5 Кушелев Григорий Григорьевич (1754—1833), граф, адмирал, вице-президент Адмиралтейств-коллегии.

6 Апрелев Федор Иванович (1764—1837), впоследствии генерал-лейтенант.

7 Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), граф, в то время командир лейб-гвардии Артиллерийского батальона и инспектор всей артиллерии.

Публикация Л. И. ИЛИЗАРОВОЙ

Илизарова Л. И. К биографии В. И. Баженова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 37. — [Т.] IX.

Публикуемые документы относятся к последним пятнадцати годам жизни и творчества В. И. Баженова, вызывающим наибольшие споры.

Открывает публикацию указ Императрицы Екатерины II о продолжении финансирования дворца в Царицыне в 1775 г. Несмотря на неудовольствие Императрицы Царицынским дворцом, Баженов остался в составе Экспедиции строения Кремлевского Дворца (см. «Алфавитный указатель Приложения и дополнения к камер-фурьерскому журналу за 1787 год»). В 1790 г. зодчий выпустил в свет перевод с французского Первой и Второй книги античного архитектора и писателя Марка Полиона Витрувия, снабдив перевод своими комментариями, дополнительными к комментариям Клода Перо. Книги с III по X вышли в свет с 1791 по 1797 гг.

Публикуемое письмо П. И. Пущина о работах Баженова в Кронштадте, видимо, является

ответом на запрос, поступивший от Императрицы, так как в 1795 г. члены Адмиралтейской

коллегии обратились к Екатерине II с просьбой о повышении чина Баженову. В просьбе было отказано.

Одним из первых указов Императора Павла I был указ о начале строительства «замка Михайловского дворца» от 28 ноября 1796 г., в котором упомянут Баженов, уже возведенный Императором в чин действительного статского советника.

В период подготовки к коронации Павла Баженов находился в Москве, где вместе со своими помощниками строил церковь в Лефортовском дворце. Коронация состоялась 5 апреля, а 26 апреля Баженов направляет письмо графу Григорию Григорьевичу Кушелеву с просьбой об отпуске в деревню с сохранением жалованья. Баженов не отбыл в деревню, хотя 1 мая 1797 г. на его письме сделана запись, что отпуск разрешен.

Следующий этап его жизни фиксируется перепиской Артиллерийской экспедиции с военной коллегией в связи с тем, что с 1 мая по 1 сентября 1798 г. зодчий проработал в должности архитектора, имея военный чин капитана артиллерии с окладом 600 рублей в год.

Публикуемая переписка, растянутая во времени до 1799 г., отражает начало поприща в этом ведомстве Баженова в 1766 г., а также финальный аккорд его жизненного пути — назначение его первым (по времени) вице-президентом Академии художеств. Предстоит работа по выявлению его трудов в стенах военного ведомства в 1798 г. Служа в Адмиралтействе с 1793 г. зодчий выстроил в Кронштадте лесной склад, сухарный завод с печами собственного изобретения, дом для служилых людей и т. д. Широта его возможностей, глубина знаний, высокий уровень его архитектуры вызывали глубокое уважение к национальному гению со стороны военных и гражданских лиц русского общества.

Херасков М. М. Ода М. М. Хераскова Г. А. Потемкину / Публ. [и вступ. ст.] Б. Н. Морозова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 44—47. — [Т.] IX.

В 1959 г. в Рукописный отдел ГЛМ поступила коллекция рукописей последней четверти XVIII — первой четверти XIX вв. из собрания государственного деятеля Василия Степановича Попова (1745—1822). Она была подарена музею наследниками драматурга К. А. Тренева вместе с частью его архива и составила отдельный фонд 149. Скорее всего рукописи попали к писателю из обширного архива крымского имения семьи Поповых (ныне хранится в Крымском областном архиве в Симферополе. Ф. 535). Бумаги Попова находятся также в РГВИА (Ф. 271) и РО РНБ (Ф. 609).

Сын священника, В. С. Попов был правителем канцелярии князя Г. А. Потемкина, после смерти своего покровителя стал секретарем Императрицы Екатерины II, затем президентом Камерколлегии и, уже при Александре I, членом Государственного Совета. Основу его коллекции (60 рукописей) составляют стихотворные сочинения, поднесенные авторами Потемкину.

М. М. Херасков

Среди них есть рукопись, озаглавленная: «Песнь его светлости князю Григорью Александровичу Потемкину-Таврическому на знаменитые его подвиги противу Оттоманской Порты» (ГЛМ. Ф. 149. Инв. № 2844. Поряд. № 39. Л. 5 об. — 6). Это тетрадь из шести листов с золотым обрезом форматом в четвертую долю листа, без переплета. Филиграни бумаги голландского производства — почтовый рожок в гербовом щите (Нот) и надпись «C I Honing» — не зафиксированы в справочниках С. А. Клепикова и не могут служить основанием для датировки рукописи (такая бумага продавалась в России в XVIII и начале XIX вв.). Как и другие подносные сочинения, это писарская копия. Однако стоящие в конце текста инициалы «М. Х.», написанные другими

писарская копия. Однако стоящие в конце текста инициалы «М. Х.», написанные другими чернилами, позволяют предположить, что это неопубликованное сочинение известного поэта

Михаила Матвеевича Хераскова (1733—1807).

Существует целый цикл произведений Хераскова, посвященных событиям русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 г., составивших поэтическую хронику побед русского оружия. Поэт использовал в них документальные материалы, газетные публикации и официальные реляции.

В оде Потемкину, одной из последних в «турецком» цикле, Херасков описывает основные события русско-турецкой войны 1787—1791 гг.: взятие Очакова (декабрь 1788), победы над турецким флотом под командованием Хусейна («Гасана») у Керчи (июль 1790) и Тендры (август 1790), взятие Бендер (ноябрь 1789), занятие турецких крепостей на Дунае (лето — осень 1790) и наконец штурм Измаила (11 декабря 1790). Последняя дата — наиболее поздняя реалия, позволяющая датировать оду Хераскова.

Однако известно, что Потемкин весь 1790 г. и начало 1791 г. непосредственного участия в военных походах не принимал и жил в Яссах, проводя время в увеселениях.

Возможно, что М. М. Херасков послал свою оду именно туда, ибо на первом листе его рукописи сверху есть помета «Получено», сделанная, видимо, рукой Попова. Но вероятнее, что ода была посвящена торжественному приезду Потемкина в Санкт-Петербург в феврале 1791 г., после которого князь в течение нескольких месяцев устраивал великолепные приемы и принимал поздравления, в том числе стихотворные, в честь его побед над турками. Попов со своей походной канцелярией прибыл в столицу раньше Потемкина, и Херасков мог вручить ему подносной экземпляр своей оды.

ПЕСНЬ ЕГО СВЕТЛОСТИ КНЯЗЮ ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОТЕМКИНУ-ТАВРИЧЕСКОМУ НА ЗНАМЕНИТЫЕ ЕГО ПОДВИГИ ПРОТИВУ ОТОМАНСКОЙ ПОРТЫ

Что славу дел твоих пою,
Что лиру пред тобою строю,
В том пользу ставлю не мою,
Но лавры приношу герою.
О коль тому приличен лавр,
Кем россам дан Херсонский Тавр,
Среди редеющихся мраков
Кем взят разбит и пал Очаков.

Гремящих в честь твою похвал
Полна Евксинская пучина,
Взывает тамо каждый вал:
Сильна в морях Екатерина!
Твоих рачении явный плод,
Дерзает в море росский флот;
Твоим геройским двигнут духом
Стамбул наполнил страшным слухом.

Пренебрегая гнев небес,
Гасан из Дарданел стремится;
Сгустились мачты, яко лес;
Он прежний стыд загладить льстится.
Притек, как лев; ушел, как тать;
Луна за ним подвиглась вспять
И вкруг Босфора начертала,
Что гибель каретых их настала

Что гибель царству их настала.

Стамбул молниеносных стрел,
Бледнея, с Понта ожидает;
Но князь Потемкин, как орел
К Бендерам быстро прелетает,
Перуны вслед перунам шлет
И град к его стопам падет;
Орлы, парящи вкруг стадами,
Покрыли падший град крилами.

Примеры явны Бог дает
Перед тобой в градах падущих,
С какой он силою грядет
Врагов противу возстающих!
Пред ним твердыни прах и тлен.
В челе Луны напечатлен
Господним перстом ужас казни;
Но чувств где нет, там нет боязни.

О лира! Громче возыграй*
И наших дней гласи героя.
Простер он руку за Дунай
И грады там берет без боя.
Познав российский меч дракон
Ползет в горах пускает стон;
Себя которым исцеляет,
Себя тем жалом уязвляет.

Крилами быстрыми парит
Российская к Стамбулу слава;
Миритесь! Туркам говорит,
Иль ваша рушится держава
Российский близко вас Нептун,
Потемкин поднял свой перун.
Его искуство, храбрость, сила,
Для россов честь, для вас могила.

Но гордый мыслями Селим
Глаголам праведным не внемлет
Еще вступается за Крым,
Он дерзкое чело подъемлет;
Взревел и в твердый Измаил,
Как змий, главу свою сокрыл;
Но храбрые с тобою россы
Привыкли разрушать колоссы.

Измаил, чем срацынов род
В глубокой древности нарекся,
Пятой коснувшись бурных вод
Стенами в два ряда облекся.
Российских войск безстрашна грудь
И в самый ад проложит путь;
Отверженной рабыни сына
Попрет ногой Екатерина.

Он пал пред ней, се явный знак,
Что бог врагов Христовых гонит;
Един, един остался шаг
И род измаилтян возстонит;
Уже он именем казнен;
Их рок ужасный предречен;
Луна срацынская затмится,
Царьград в венце с крестом явится.

Сего, сего народы ждут
От мудрости Екатерины;
Тебя, герой, к тому зовут
Безстрашные полки орлины.
Среди торжественных трофей
Иди, развейся, как Борей,
Иди и в подвигах щастливых
Разрущ советы нечестивых.

Дерзай с перунами, герой,
Дерзай с российскими полками,
Да щастье всюду пред тобой
Летает быстрыми крилами.
Славней, чем некогда Олег,
Вступи на Азиятский брег,
И древней на главе Софии
Кресты воздвигни в честь России.

Ливийских в пустоту степей
С народом пожени Селима,
И честь господних алтарей
Возстав в стенах Иерусалима;
Годефрий в наши веки будь,
Открой к Парнасу музам путь —
И в Греции Екатерина

Возставит паки Константина.
Гряди и жребий царств реши,
Победами, иль миром славным,
Для ангельской ея души
Монархине толико нравным.
В венцы лавровы облекись;
С оливной ветвью возвратись;
А мы с веселыми сердцами
Усыплем весь твой путь цветами.

М(атвей) Х(ерасков)

Публикация Б. Н. МОРОЗОВА

Письма Н. А. Львова

Львов Н. А. Письмо Мордвинову Н. С., 2 сентября 1801 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 55—56. — [Т. I IX.

Рос. Архив, 1999. — С. 55—56. — [Т.] IX.

Н. А. ЛЬВОВ — Н. С. МОРДВИНОВУ

К записке господина Баллея

Милостивый Государь мой Николай Семенович!

Я нарочно отложил до завтрашняго дни отъезд мой, дабы известному делу о принятии в Адмиралтейство каменнаго угля дать при себе начало, потому покорнейше прошу ваше высокопревосходительство повторительно о предписании кому следует, дабы вследствие высочайшей воли принят был сдесь сгруженной уголь. Что касается до причин, неудобность угля свидетельствующих и мне давно известных, на оныя честь имею доложить: естьли несмотря и на данныя доказательства, годность боровицкаго угля утверждающия, по мнению Адмиралтейств-коллегии не годится оной ни на плавку металлов, ни на употребление в кузнице, то, приемля в полной вере показания сии, не могу, однако, убедить себя, чтобы сей в России ископаемый уголь не удобен был для маяков и для огненных машин, где годилось бы и самое дерево, поелику главный боровицкаго угля недостаток состоит в пылкости, единственную пользу фаросов составляющей1. Государственную адмиралтейскую коллегию тем менее, казалося бы, в приеме угля сего мог я затруднить моею прозьбою, что за весь поставленный груз не требую я другой платы, кроме квитанции в приеме, без которой не могу я с моей стороны окончить с казной требуемаго от меня разщета, ни продолжать порученное мне дело. По сей-то причине приезжал я вчера лично трудить Ваше Высокопревосходительство, но не застал уже дома.

Граф Н. С. Мордвинов

Есмь с совершенным высокопочитанием и душевною преданностию

№ 171-й

Сентября 2 дня 1801 года

Его высокопревосходительству

Н. С. Мордвинову

Милостивый Государь мой!

Вашего Превосходительства

Покорнейший и послушнейший

Слуга Николай Львов

Пометы на следующем листе: Просить, чтобы прислал на пробу несколько пудов; чтобы назначить цену, за какую может отдать находящий здесь уголь; какое количество находится сего угля; Коллегия купила на нынешний год потребное количество по 25 копеек (нрзб.), но перед сим покупали и по 18 коп.

Львов Н. А. Письмо Мордвинову Н. С., 31 августа 1801 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 55. — [Т.] IX.

Н. А. ЛЬВОВ — Н. С. МОРДВИНОВУ1

К записке господина Баллея

Милостивый государь мой Николай Семенович!

Так как по воле Государя Императора по случаю коронования его должен я быть в Москве, куда сего дня и отправляюсь, то и оставил я вручителя сего берг-гешворена Кочиева нарочно с инструкциею в повелениях Вашего Превосходительства для здачи каменнаго угля в Адмиралтейство вследствие Высочайшей Воли. Сим имею честь поручить в благоволение Вашего Превосходительства подателя и представить покорнейшую мою просьбу о неукоснительном отправлении его в Москву с наставлением, какое количество пуд для Адмиралтейства боровицкаго угля на будущую весну я заготовить должен. За сей поставленной и впредь нужной уголь Государственное Адмиралтейство не имеет надобности платить мне никаких денег, но снабжать только комиссионера моего по числу принятаго количества пуд квитанциею, сообразно полученной мною из банка, с коей копию имел я честь представить Вашему Превосходительству.

Есмь с совершенным высокопочитанием и душевною преданностию,

№ 170-й

августа 31 дня 1801 года

Его пр(евосходительст)ву

Н. С. Мордвинову

Милостивый Государь мой,

Вашего Превосходительства

всепокорнейший слуга

Николай Львов

Львов Н. А. Письмо Павлу I, 10 мая 1800 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 54—55. — [Т.] IX.

Н. А. ЛЬВОВ — ПАВЛУ I

Всемилостивейший Государь!

Не осмелился бы я, Всемилостивейший Государь, отягощать так часто высочайшее внимание Ваше незначущими изобретениями моими, естьли бы все намерения оных не отвечали благотворительной воли Вашей, на благополучии земли основанной.

Попечением Вашим об устройстве военной силы в почтительное состояние приходит государство, для дела военнаго порох нужен, а для делания онаго в 1788 году куплено было из чужих земель на 84546 рублей горючей серы. Пробуя нынешнею зимою, нельзя ли серу у себя делать выгодным образом, предуспел я в бытность мою в Боровичах посредством особой калцинирной печи извлекать серу хорошаго качества из землянаго угля, образцы оной дерзаю повергнуть на опыт к стопам Вашего Величества.

В доказательство, до какой тонкости сию угольную серу довести можно, приложил я несколько разноцветных слепков.

Майя 10 дня 1800 года

Москва

Всемилостивейший Государь!

Вашего Императорскаго Величества*

Сноски к стр. 55

* Подпись отсутствует. (Прим. публ.)

Львов Н. А. Письмо Кушелеву Г. Г., 20 мая 1800 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 54. — [Т.] IX.

Н. А. ЛЬВОВ — Г. Г. КУШЕЛЕВУ

Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь!

Григорий Григорьевич!

Видя, что Государь Император занимается ежедневно устройством военной силы, которой главное дело основано на порохе, а зная притом, что на делание онаго в 1788-м году куплено было из чужих земель горючей серы на 84546 рублей, старался я найти средство, нельзя ли делать горючую серу дома, а ныне в бытность мою в Боровичах посредством особо устроенной калцинирной печи удалося мне предуспеть в моем намерении. Серу могу я теперь извлекать из боровицкого угля и образцы таковой, мною сделанной, препровождаю при сем покорно Вас, милостивый государь, прося представить Его Императорскому Величеству с приложенным от меня письмом1, естьли обретение сие найдете Вы заслуживающим Высочайшего внимания.2

При сем препровождаю на усмотрение Вашего Сиятельства также один лист каменнаго картона в доказательство, до какого совершенства дело сие довести можно, естьли бы только была построена машина.3 Для ускорения сего дела покорно прошу Ваше Сиятельство исходатайствовать мне Высочайшее позволение употребить оставшееся у меня жалование на чиновников, к Московской кариере определенных, ибо для разработки и для опыта приисков старался я обойтись без особых людей, но инде сам ездил или посылал мастеров от Боровицкой кариеры отделяя, будучи принужден сие делать более еще и по той причине, что пребывающий в Лондон посол двора нашего Граф Воронцов пишет ко мне, что по-настоящему теперь в Англии строгому запрещению выписывать мастеров для угольного производства и механиков под жестоким наказанием коммиссионеров запрещается. Почему и посланы туда по Высочайшей воле титулярный советник Менелас4 не будет в состоянии исполнить данной ему комиссии касательно до мастеров.

Смею напомнить Вашему Сиятельству о геральдической истории Малтийскаго Ордена.5

Честь имею быть с совершенным высокопочитанием и безпредельною преданностью.

№ 88

Майя 20 дня.1800 года

Москва

Его Сия(тельс)тву гр(афу) Кушелеву

Милостивый государь,

Вашего сиятельства

всепокорнейший слуга

Николай Львов

P. S. На сумму, у меня от жалования оставшуюся, почти все каменное строение для машины мог бы я сделать.

Помета: Получено 23 майя 1800 года. К докладу.

Львов Н. А. Письмо Кушелеву Г. Г., 29 декабря 1799 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 52—53. — [Т.] IX.

Н. А. ЛЬВОВ — Г. Г. КУШЕЛЕВУ

Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь!

Григорий Григорьевич!

Покорно прошу Ваше Сиятельство донести Его Императорскому Величеству, что вследствие Высочайшей Его воли торф для протопления Москвы я нашел и столько, что на сто лет конечно довольно будет, хотя бы и вся Москва единодушно согласилась в соблюдение лесов и кошелька своего не топить дровами1. Образцы сего найденного торфа представил я Его Сиятельству Графу Ивану Петровичу Салтыкову при донесении моем, с коего копию, равно и с ответа Его Сиятельства при сем препроводить честь имею.

Честь имею быть с совершенным высокопочитанием и безпредельною преданностию

Декабря 29 дня

1799-го года

Москва

Его сия(тельс)тву гр(афу) Кушелеву

Вашего Сиятельства

Милостивого Государя

всепокорнейший слуга

Николай Львов

Салтыков И. П. Письмо Львову Н. А., 27 декабря 1799 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 52. — [Т.] IX.

И. П. САЛТЫКОВ — Н. А. ЛЬВОВУ

Милостивый государь мой Николай Александрович!

Предположения Вашего Превосходительства в разсуждении снабдения столицы торфом, найденным под деревнею Кожуховой, как из письма вашего ко мне видеть можно, не неудобоисполнительное и конечно от таковаго средства город ощутительную получит пользу

неудобоисполнительное и конечно от таковаго средства город ощутительную получит пользу, смотря по ценам, какия по разработке, приуготовлении и доставлении торфа на место состояться

будут, но они слишком еще отдалены и по одному уже времени года, чтоб можно городу надеяться помощи при настоящем в дровах недостатке и потому чрезмерной оных дороговизне. Принимая для того по начальсту моему здесь меры существеннейшия к учинению ему в сей нужде пособия, я по надлежащему соображении способов, куда следовало, отнесся и ожидаю разрешения, а чтоб на отношение ко мне Графа Кушелева, которой предлагает мне снестись с Вашим Превосходительством о введении в употребление выламывающагося в ближайшем разстоянии от Москвы каменнаго уголья мог я, имея надлежащее сведение и о сем другом столь благовидном припасе отвечать, покорнейше прошу вас, Милостивый Государь мой, уведомить меня, где имянно выламывается здесь каменное уголье, много ли его в готовности и можно ли надеяться получить посредством сего столь уже и до сего времени одобреннаго правительством заведения, какое-нибудь практическое деятельное пособие. Средства доставления и введение в употребление, предполагая существование онаго уголья, я принимаю на себя и, конечно, не упущу ничего, что может лишь споспешествовать здесь общему удостоверению в истинной пользе онаго.

Есмь с истинным к вам почтением,

№ 2284-й

Декабря 27-го дня

1799-го года

Москва

Милостивый Государь мой,

Вашего Превосходительства

покорнейший слуга

Подлинное подписал Г. Салтыков

Львов Н. А. Письмо Салтыкову И. П., 25 декабря 1799 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 51—52. — [Т.] IX.

Н. А. ЛЬВОВ — И. П. САЛТЫКОВУ1

Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь!

Вследствие Высочайшей воли от 7-го числа ноября, из Гатчины в письме Адмирала Графа Кушелева мне сообщенной, о протоплении Москвы торфом или земляным углем, для исполнения коей предписано мне сноситься с Вашим Сиятельством, имею честь донести, что объезжал я окрестности московския и нашол неподалеку от Москвы два места, содержащия торф: первое под деревней Черкизовой, где и прежде сего торф был разрабатыван; второе — под деревней Кожуховой, превеликое пространство и по глазомеру более 70-ти десятин составляющее.

Хотя первое место, поблизости Москвы находящееся, и удобно бы было разработывать, но как в оном торф посредственного качества, то и можно употребить оной только для продовольствия частей города, лежащих в ту сторону, тем паче, что подвозка сего торфа не может иначе быть, как гужом, а потому и дорога.

Главное попечение, по мнению моему, выгоднее бы было, мне кажется, обратить на разработку торфа под деревнею Кожуховой, потому, во-первых, что на большом пространстве находится там торф превосходного качества, котораго на сто лет для протопления всей Москвы станет, естьли приняты будут на разработку онаго нужныя меры. Доставление же сего торфа в столицу будет дешево стоить, потому что возить оной можно водою, ибо торфяное болото лежит на самой Москве-реке, в которую для спуску воды и для погрузки торфа два канала весьма удобно провести можно.

При сем имею честь препроводить к Вашему Сиятельству два образца обоих мною найденных торфов, кои лично потому не могу Вашему Сиятельству представить, что я простудился и третий день болен.

Есмь с глубочайшим почтением и беспредельною преданностию

Декабря 25-го дня

1799-го года

Его сия(тельс)тву

гр(афу) Салтыкову

Сиятельнейший Граф!

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства покорнейший слуга

Подлинное подписал Николай Львов

Львов Н. А. Письмо Кушелеву Г. Г., 23 сентября 1799 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 51. — [Т.] IX.

Н. А. ЛЬВОВ — Г. Г. КУШЕЛЕВУ

Сиятельнейший Граф. Милостивый Государь

Григорий Григорьевич

Место на Неве, которое в распоряжение мое отдать приказано, гофинтенданская отдать не может, имея в оном необходимую надобность, а потому я не знаю, где мне будет сложить уголь и куда свести из архива бумаги.

Гриф Тизенгаузен1 намерен о сем сделать Императору особое представление. Он предлагает, не угодно ли будет вместо назначеннаго отдать мое ведение место на Мойке, конфискованное у купца Логанова, на котором также есть, говорят, каменное строение, и магазин, и деревянное строение. Я места сего не знаю, но знаю, что оно на воде, а сего уже и довольно, притом жив городе.

Естли угодно будет мне отдать оное, то покорнейше прошу Ваше Сиятельство уведомить меня сообщением воли Монаршей, дабы я до отъезда моего успел поправить как каменное, так и деревянное строение, которое, говорят, в развалинах. Место сие зависит от казенной палаты и от оной отдается в наймы.

Все сие узнал я сейчас от Графа Ивана Андреевича Тизенгаузена.

Есмь с глубочайшим почтением и совершенною преданностию вашего сиятельства,

23 сентября 1799 года

С.-Петербург

Милостивый государь,

всепокорнейший слуга Николай Львов

P. S. Сверх того, сказано мне в гоф-интендантстве, что хотя и отдано мне будет строение, что из оного прежде полугода выбраться не можно, а посему и не могу я никак оным воспользоваться, будучи обязан скоро выехать по должности моей.2

Пометы: Получено 24 сентября 1799. К докладу.

Львов Н. А. Письмо Кушелеву Г. Г., август 1799 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 48—50. — [Т.] IX.

Н. А. ЛЬВОВ — Г. Г. КУШЕЛЕВУ1

Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь!

Григорий Григорьевич!

Государю Императору угодно было спрашивать у меня прошлого года, когда я кончил земляной бастион2, чем можно покрывать крепостную из земли одежду? Вопрос сей затруднил меня поистине, потому что свинец дорог, железо на земле ржавеет, дерево гниет и горит, черепицею бьет еще больше людей, нежели самим ядром. Кровли сей крепостной, следовательно, должно быть мягкой, негниющей и незгораемой. Я осмелился обещать, что я найду кровлю, а у сего имею честь такой кровли представить образчик, покорно прося Ваше Сиятельство поднести оной Его Императорскому Величеству на разсмотрение вместе с приложенным разчетом. С большею пользою, мне кажется, можно сии каменныя листы употребить на обшивку кораблей вместо меди. Естьли угодно будет, чтобы я сию работу делать начал, то я прошу, чтобы из двух паровых машин, к угольной разработке данных, Государь Император пожаловал мне одну на сие дело, а при ломках доколе я обойдусь с одною машиною. Без машины листы делать нельзя, работа станет вдвое дороже и не будет иметь той плотности.

Н. А. Львов. 1787 г.

Естьли будет на сие Монаршая воля3, то нужно только дать повеление, чтобы Действительный Статский Советник Гаскоин4 по требованию моему к делающейся теперь у него для меня машине приделал механизмы по рисунку моему и по силе указа 1797 году поставил неукоснительно машину на место, и приказать мне отдать из архивов негодныя и брошенныя тетради, бракованныя печатныя листы и прочия ни на что не употребительный бумаги.5

При сем случае покорнейше прошу ваше Сиятельство испросить у Его Императорского Величества позволение послать на счет Кабинета нынешнею зимою в Англию одного из моих агличан для привезения трех мастеров, как для руководства машин, так и для починки оных, на остающееся у меня жалованье, ибо бывший в команде моей агличанин Кокрон по слабости здоровья своего вышел из службы.

Есмь с совершенным высокопочитанием и безпредельною преданностию

Августа дня

Августа дня

1799-го года

Его сия(тельс)тву

гр(афу) Кушелеву

Сиятельнейший Граф!

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга

Николай Львов

Пометы: Получено 24 августа 1799. К докладу. Докладывано 25 августа. Высочайше апробовано.

Разчет и сравнение кровли из каменнаго картонаб с железною кровлею

Сажень железной кровли в деле с краскою стоит — 14 руб. 30 коп.

Всякие два года железная кровля стоит хозяину с перекраскою, без которой в один год проржавит, 10 процентов.

Сажень каменной кровли, делаемой машиною — 7 руб. 50 коп.

Кровля каменнаго картона не требует никакой издержки.

Сравнение

Посему сажень железной кровли через 10 лет обойдется хозяину в 28 руб. 60 коп., а в 20 лет составит сумму 57 руб. 80 коп. за каждую сажень.

Напротив того сажень каменной кровли через 10 лет хозяину стоить будет 3 руб. 75 коп., а через 20 лет противу железной обойдется даром.

Из сей же самой материи можно делать не токмо всякия резныя украшения и барильевы, столько же вечныя, как и бронза, но даже и круглыя статуи.

Львов Н. А. Письмо Кушелеву Г. Г., 22 января 1800 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 53. — [Т.] IX.

Н. А. ЛЬВОВ — Г. Г. КУШЕЛЕВУ

Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь!

Григорий Григорьевич!

Имею честь сим препроводить к Вашему Сиятельству обещанный мною состав для предохранения на флоте от гнилости снастей и парусов. Он имеет решительное преимущество в прочности перед всякою до сего времени известною смолою в том, что обыкновенная смола пережигает пеньку, когда оная закалеет или крепко высохнет, и ремесленники говорят: смола пережигает товар. Моя композиция, по жирному ея свойству всякой сырости сопротивляющаяся, составлена из части таких материалов, кои сохнут медленно, по некотором времени лишаются отлипу, но никогда, однако, до такой степени не высыхают, чтобы напитанная ими ткань или

веревка заколела и ломалась1

Паруса и веревки должно сим составом напоять в теплом месте или в летний день, разогрев оный несколько на огне, но отнюдь не кипятить.

Препоручая опыт онаго доброму ко мне расположению вашему и известному усердию Вашего Сиятельства к службе отечества, покорнейше прошу в Адмиралтействе не называть изобретателя. Я так несчастлив во всех делах моих, что одно мое имя достаточно остановить успех и полезнаго дела. За сим в непродолжительном времени могло бы последовать доставление к Вашему Сиятельству и морских мутов, способных для предохранения судов от червей, а может быть и обретение той славной композиции для обмазки кораблей, за которую Адмиралтейство Аглинское такую знатную сумму заплатило лорду Дундунелду, но так стеснены обстоятельства мои, что я ни духу, ни места удобнаго не имею.

Честь имею быть с совершенным высокопочитанием и безпредельною преданностию

Генваря 22 дня

1800-го года

Москва

Вашего Сиятельства

Милостивого Государя

всепокорнейший слуга

Николай Львов

P. S. Николай Алексеевич Дьяков представит Вашему Сиятельству образчик торфа, мною найденнаго.

Львов Н. А. Письмо Кушелеву Г. Г., сентябрь 1799 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 50. — [Т.] IX.

Н. А. ЛЬВОВ — Г. Г. КУШЕЛЕВУ

Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь!

Григорий Григорьевич!

Книга о пользе угля, по воле Государя Императора печатанная, готова1. Покорнейше прошу ваше Сиятельство поднести оную Его Величеству, а при ней и вторую часть «Русской пиростатики», которой первую имел я щастие поднести сам в свое время2. Экземпляров большую часть отдам Графу Фон дер Палену3, а другую отошлю Московскому г-ну Обер-Полицмейстеру.

Для складки и продажи каменнаго угля4 просил я места, и кантора городских строений дала мне два плана.

Под № 1-м данное место выгоднее, близко от воды и города, но на нем нет никакого строения, то доколе не будут построены хотя земляныя амбары и жилища для приставов, не угодно ли будет сделать угольной депо на месте под № 2-м, где есть уже готовой каменной амбар и деревянные сараи. Без того привезенной уголь некуда сложить будет, о чем и прошу покорнейше испросить

повеление Его Императорскаго Величества, равным образом и о том, что, окончив здесь мне порученное и не смея без дела оставаться, могу ли я теперь ехать для учреждения угольной ломки

на будущий год в Боровичах, для сделания выпуску из училища в Торжке5 и, наконец, для окончания строения Кремлевского дворца в Москве.

Честь имею быть с совершенным высокопочитанием и безпредельною преданностию

Сентября дня 1799-го года

Гатчина

Его сия(тельс)тву

Гр(афу) Кушелеву

Сиятельный Граф!

Милостивый государь!

Вашего сиятельства покорнейший слуга

Николай Львов

Помета: Получено 17 сентября 1789. К докладу.

Федорова Т. С. Примечания: Письма Н. А. Львова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 56—59. — [Т.] IX.

1. РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 726. Л.161, 162. Подлинник.

1 Кушелев Григорий Григорьевич (1754—1833), адмирал, русский государственный и военно-морской деятель, вице-президент Адмиралтейств-коллегии (с 25 октября 1798 г.). На посту вице-президента занимался вопросами строительства кораблей и береговых сооружений, комплектованием флота личным составом, военно-морскими учебными заведениями. Много внимания уделял собиранию географических карт, освоению островов, открытых русскими моряками в северной части

Тихого океана, созданию и деятельности Российско-Американской компании. (Подробнее см.: РГАВМФ. Ф. 198. Общий морской список. Ч. IV. СПб. 1890. С. 203—205. Русский биографический словарь. Т. Кнаппе — Кюхельбекер. СПб. 1903. С. 699—700.)

2 Имеется в виду Приоратский дворец (место жительства приора-настоятеля католического мужского монастыря или монашеского ордена), построенный в Гатчине в 1798 г. по распоряжению Павла I методом землебитного строительства — самая совершенная из русских землебитных построек, в настоящее время — единственный в России образец такого рода архитектуры.

3 25 августа 1799 г. Адмиралтейств — коллегия представила Павлу I доклад об изобретении Львова. На докладе имеется помета: «апробовано» (РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 726. Л. 159).

4 Гаскоин Карл Карлович (?—1807), в то время — директор олонецких и кронштадтского заводов. Шотландец по происхождению, искусный механик, он приехал в Россию в 1786 г. по рекомендации адмирала С. К. Грейга, заключившего с ним контракт для устройства пушечного завода. Занимался поисками минералов и руд в Новороссийском крае, затем в северных губерниях. Перестроил Петрозаводский, Александровский и Кончезерский чугуноплавильные

заводы. В 1789 г. заключил новый контракт на четыре года, который в 1793 г. продлен на неопределенный срок. При этом ему поручен и кронштадтский литейный завод. 24 апреля 1798 г.

учреждено правление олонецких и кронштадтского литейных заводов под председательством Гаскоина как директора заводов. В 1797 г. основал луганский литейный завод, построил адмиралтейский ижорский завод, в 1804 г. восстановил колпинский завод, основанный Петром I. (Подробнее см.: Русский биографический словарь. Т. Гааг — Гербель. М. 1914. С. 258—259.)

5 26 сентября 1799 г. Львов оставил в государственном санкт-петербургском архиве старых дел копию повеления генерала от инфантерии генерал-прокурора А. А. Беклешова о выдаче ему старых бумаг. 5 ноября из архива сообщили, что он может «все хранящиеся в здешней крепости в каземате дела» получить. В марте 1800 г. архив был обеспокоен, что ответа от Львова не поступило. После длительной болезни осенью 1801 г. он получил от Александра I новое поручение и уехал на Кавказ «для устроения и описания разных необходимостей при тамошних теплых водах». По возвращении в Москву работал над описанием кавказских минеральных вод. Поэтому, а также из-за отсутствия места для складывания архивных бумаг они и в 1803 г. востребованы не были. 13 мая архив старых дел снова направил Львову письмо и просил «хранящиеся в каземате здешней крепости дела разных присутственных мест кому надлежит приказать принять на известное вашему превосходительству употребление» (РГИА Ф. 37. Оп. 11. Д. 108. Л. 2—5). Но эти бумаги так и не были использованы ученым.

6 «Каменный картон», видимо, изготавливался из тряпичной бумаги и дробленого камня и скреплялся известью. Он явился

предшественником асбоцемента, широко используемого теперь в строительстве. Возможно, «каменный картон» был использован при строительстве в 1800—1801 гг. каменной церкви Николая Чудотворца в Роченсальмском порту (ныне г. Котка, Финляндия). Судя по смете на ремонт этой церкви, составленной в 1814 г., картон был использован там для облицовки «лестничных тумб» (РГАВМФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 3145. Л. 193—202).

2. РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 27. Л. 175. Подлинник.

1 Имеется в виду книга Львова «О пользе и употреблении русского земляного угля» (СПб. 1799), где доказывалась перспективность добычи каменного угля в России. Поискам использования русского каменного угля Львов посвятил более 15 лет. Еще в 1786 г. он открыл залежи «земляного угля» на Валдайской возвышенности у г. Боровичи и начал там его добычу. В 1797 г. он был назначен директором «угольных приисков и разработки оных в империи». Для поисков других месторождений посылались специалисты и в другие губернии страны. 23 сентября 1797 г. Сенат издал указ, которым было обещано вознаграждение тому, «кто первый где-либо откроет угольную кариеру, для разработки надежную».

2 Речь идет о книге «Русская пиростатика или употребление испытанных печей и каминов, кои посредством наружного воздуха нагревают покои». Первая часть вышла в Санкт-Петербурге в 1795 г., вторая — в 1799 г. «Воздушные» или «духовые» печи и камины — еще одно изобретение Львова. Он так определял суть своего предложения: «надо было, чтобы комнаты нагревались наружным воздухом и тем более были теплы, чем на дворе холоднее. Чтоб воздух сей сам собою беспрестанно переменою очищался, словом, чтобы можно было сделать в покое тепло, сколько надобно, но чтобы никогда не было в нем душно». Подчеркивалось, что такие печи особенно важны для общественных заведений: воспитательных домов, больниц, богаделен и др. В этой же книге автор писал об основных недостатках народных бань. Он отмечал, что у посетителей «ноги... примерзают к помосту, когда они в 25 градусов и более стужи голые и распаленные босиком ходят черпать кипящую воду во дворе... вынося на теле своем сражение двух противных сил природы — сверху жар, снизу холод». Конкретные рекомендации об отоплении бань и чертежи Львов предполагал дать в третьей части своей книги, которая, к сожалению, так и не увидела света.

3 Пален, фон, дер, Петр Алексеевич (1746—1826), граф, генерал от кавалерии, санкт-петербургский генерал-губернатор (1798—1800). (Подробнее см.: Русский биографический словарь. Т. Павел — Петр. СПб. С. 138—139.)

4 Добываемый боровицкий уголь не находил сбыта, но разработки его продолжались. Только в 1799 г. в столицу было доставлено 71316 пудов.

5 Под Торжком в с. Никольском 21 августа 1797 г. по инициативе Львова было открыто училище земляного битого строения, предназначенное для «доставления сельским жителям здоровых, безопасных, прочных и дешевых жилищ». В училище обучались крестьяне из безлесных губерний (по два ученика от губернии). Обучение было рассчитано на полтора года. Учителями помимо самого Львова были специально подготовленные им его крепостные (Подробнее см.: Никулина Н. И. Николай Львов. Л. 1971).

3. РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 27. Л. 252, 253. Автограф.

1 Тизенгаузен Иван Андреевич (1745—1815), граф, обергофмейстер, действительный тайный советник. В 1796—1798 гг. надзирал за гоф-интендантской конторой.

2 Львов, видимо, так и не получил места для угольного склада и вынужден был сложить уголь частично на отведенном ему в Петербурге кирпичном заводе, частично — на собственной даче около Александро-Невского монастыря против малого охтинского перевоза (ныне угол пр. Бакунина и Синопской набережной). Из-за пожара, случившегося у жившего по соседству купца Крона, уголь загорелся. Потрясенный зрелищем Львов писал:

Послушай, мать-сыра земля,
Ты целый век ничком лежала,
Теперь стеной к звездам восстала.
Но кто тебя воздвигнул? — Я.

Не тронь хоть ты меня, покуда
Заправлю я свои беды,
Посланные от чуда-юда:
От воздуха, огня, воды.

Огонь воды не осушает,
И десять дней горит пожар,
Вода огонь не потушает,
А воздух раздувает жар.

По словам письмоводителя Львова В. Сумарокова, несмотря на принятые меры уголь горел два года (См.: Никулина Н. И. Указ. соч. С. 103—105).

4. РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 32. Л. 44. Копия.

1 Салтыков Иван Петрович (1730—1805), граф, генерал-фельдмаршал, государственный и военный деятель, генерал-губернатор Москвы (1797—1804).

5 РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 32. Л. 47. Копия.

6 РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 32. Л. 46. Подлинник.

1 Адмиралтейств-коллегия доложила Павлу I 10 февраля 1800 г. (РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 32. Л. 43).

7. РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 32. Л. 45. Подлинник.

7. РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 32. Л. 45. Подлинник.

1 В боровицком месторождении Львов добывал кроме угля особый вид дегтя, который, возможно, и использовался для изобретенной им смазки.

8. РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 35. Л. 208, 210а. Подлинник.

1 См. письмо 9.

2 Адмиралтейств-коллегия доложила Павлу I о новом предложении Львова 24 мая 1800 г., на что последовала резолюция: «Образцы отослать Корсакову, осмотреть и представить» (РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 35 Л. 207).

8 июня 1800 г. начальник Артиллерийской экспедиции генерал от артиллерии А. И. Корсаков доложил Павлу I, что «присланный образец сей серы был пробован и таковая сера, какая в образце находится, на дело пороха совершенно годна... Серы ежегодно потребно для пороха до 10000 пуд., которая покупается из чужих краев по 5 руб. 50-ти копеек пуд. Прибыль из сего будет, во-первых, та, что деньги из государства выходить не будут, а во-вторых, та что здешняя сера может быть гораздо ценою дешевле, чем иностранная» (РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 36. Л. 113).

3 На докладе Адмиралтейств-коллегии Павлу I от 24 мая 1800 г. против ходатайствования о разрешении на постройку машины имеется резолюция: «повелено» (РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 35. Л. 207).

4 Адам Менелас приехал из Шотландии в 1784 г. По инициативе Львова начал работать «каменных дел мастером» на строительстве собора в Могилеве. Став опытным строителем, продолжал работать с Львовым, руководил филиалом Училища земляного битого строения под Москвой (См.: Никулина Н. И. Указ. соч. С. 30, 108).

5 Львову было поручено составление истории Мальтийского ордена. В 1799 г. первые две части истории были подготовлены и посланы Кушелеву для поднесения Императору. (См.: Описание дел архива Морского министерства. Т. VI. СПб. 1891. С. 27.)

9. РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 35. Л. 209. Авторская копия.

10. РГАВМФ. Ф. 204. Оп. 1. Д. 7. Л. 2. Подлинник.

1 Мордвинов Николай Семенович (1754—1845), адмирал, государственный и военно-морской деятель. В 1801 г. назначен вице-президентом Адмиралтейств-коллегии. Уже после смерти Львова его сын, А. Н. Львов, в 1825 г. женился на дочери Мордвинова Наталии Николаевне. (Подробнее см.: Общий морской список. Ч. IV. СПб. 1800. С. 393—395. Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. СПб. 1873. Мордвинова Н. Н. Воспоминания об адмирале графе Николае Семеновиче Мордвинове и его семействе. Записки дочери Н. Н. Мордвиновой. СПб. 1873.)

11. РГАВМФ. Ф. 204. Оп. 1. Д. 7. Л. 3. Подлинник.

1 По предписанию морского министра дважды были проведены пробы боровицкого угля в кузнице и в котельной мастерской. Был сделан вывод, что боровицкий уголь «не имеет тех возгарающих веществ, каковые есть в английском угле». 12 сентября

1801 г. генерал-интендант флота адмирал И. П. Баллей сообщал Мордвинову: «Вообще сей боровицкий уголь, имея множество земляных частей, не производит ни пылкости, ни достаточно жару и даже иначе гореть не может, как с сильным раздуванием мехов, да и при таком раздувании имеет токмо ниской белой огонек, который тотчас исчезает, как скоро дуть перестанут». Исходя из этого Баллей делал вывод: «А потому оный уголь, как бы он дешев не

был, при Адмиралтействе ни к ковке, ни к плавке вещей, как и прежде оказалось, к употреблению не способен, а тем менее для маяков, где нужно пламя, которого он не имеет» (РГАВМФ. Ф. 204. Оп. 1. Д. 7. Л. 1).
Публикация Т. С. ФЕДОРОВОЙ

Федорова Т. С. Письма Н. А. Львова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 48. — [Т.] IX.

Имя Николая Александровича Львова (1751—1803), архитектора, поэта, композитора, собирателя русских народных песен хорошо известно в России и за ее пределами. Он был явлением в русской культурной жизни второй половины XVIII в. Постройки, сооруженные по проектам Львова украшали города России: Невские ворота Петропавловской крепости, Почтамт, дом Г. Р. Державина, «Кулич и Пасха» в Петербурге, Борисоглебский собор в Торжке, собор Св. Иосифа в Могилеве, церковь в Мурине, Приоратский дворец в Гатчине, постройки на Украине, Дачи, церкви, павильоны в имениях А. А. Безбородко, П. А. Соймонова, А. А. Вяземского, В. В. Капниста, В. С. Томары, в собственной усадьбе под Торжком и так далее. Многие из них сохранились до наших дней.

Н. А. Львов в 1769 г. приехал в Петербург из родительского поместья в Тверской губернии, чтобы начать службу в Измайловском полку, куда записан был с детства. Выйдя из полка в середине 70-х годов, он поступил в Коллегию иностранных дел и по служебным делам неоднократно бывал за границей, знакомился с архитектурой, достопримечательностями, культурной жизнью Германии, Франции, Италии, Испании.

Где и у кого Николай Александрович постигал тайны мастерства зодчего, неизвестно, систематического специального образования он не получил ни в этой области, ни в области других искусств и наук. И все же это был энциклопедически образованный человек.

Львов всегда заботился о благе Отечества. Талантливый изобретатель и инженер, он ратовал за сохранение лесов, использование отечественных природных богатств, разработал новые строительные материалы, открыл в селе Никольском под Торжком Училище земляного битого строения, создал новый способ обогревания помещений с помощью воздуходувных каминов и печей, изучал свойства кавказских минеральных вод.

Особенно много внимания экономике России действительный статский советник Львов уделял в последние годы жизни. В это время он обращался с различными предложениями к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Г. Г. Кушелеву и морскому министру Н. С. Мордвинову. Не все его предложения были приняты и воплощены в жизнь, неудачи преследовали, а порой приводили в отчаяние, но не изобретать, не творить Львов не мог...

Публикуемые письма относятся к этому периоду его жизни. Они хранятся в РГАВМФ в фондах Канцелярии адмирала Кушелева (Ф. 198) и Канцелярии морского министра адмирала Мордвинова (Ф. 204). Полностью эти письма не публиковались, некоторые из них известны по отдельным выдержкам (См.: Никулина Н. И. Николай Львов Л. 1971).

При передаче текста сохранены особенности письма конца XVIII в. Подчеркнутые слова выделяются курсивом.

Из бумаг Я. И. Булгакова

Булгаков Я. И. Из бумаг Я. И. Булгакова / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. Г. Бухерта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 59—60. — [Т.] IX.

В 1854 г. Петр Иванович Бартенев «по указанию» С. П. Шевырева* написал историко-публицистический очерк о «славном дипломате екатерининских времен» Якове Ивановиче

Булгакове (1743—1809) и опубликовал его в «Московских Ведомостях»**. В очерке использованы документы Московского главного архива Министерства Иностранных дел, где в то время служил Бартенев. Молодой автор сожалел, что не имел возможности составить «полную и подробную биографию» Булгакова. Важный источник для такой биографии — прошение дипломата Императору Александру I от 9 сентября 1801 г. о возобновлении пенсии, что и было сделано. К прошению приложена памятная записка Булгакова об основных вехах его служебной деятельности. Документы хранятся в РГАДА (Ф. 1239 «Дворцовый отдел». Оп. 3. Д. 54788. Л. 2—4 об.)

Всемилостивейший государь!

Правосудие и милосердие Вашего Императорского Величества ко всем подданным вселяют в меня смелость повергнуть к освященным стопам следующую при сем записку, с тем твердым упованием, что удостоится оная всемилостивейшего воззрения, а сорокалетняя почти, всегда трудная, часто с опасностями и претерпениями сопряженная, и во всё ея продолжение одобренная высочайшими благоволениями, моя служба не будет оставлена и от Вашего Императорского Величества без справедливого уважения.

Изнуряемое частыми болезненными припадками и дряхлое здоровье отнимает у меня способность быть впредь исправным в какой-либо должности. Без сей горестной для меня препоны почел бы я за верх блаженства и славы посвятить и остатки дней моих служению моего Отечества под мудрым, милостивым и правосудным правлением истинного отца подданных, и Богом посланного счастливой России монарха.

Вашего Императорского Величества верноподданный Яков Булгаков, отставной действительный тайный советник

9 сентября 1801 г.

Москва

2

Окончив учение в Московском университете, принят я был в начале 1762 года в Коллегию иностранных дел переводчиком. В конце того же года отправлен к Венскому двору с графом Матюшкиным1, а по возвращении оттуда в 1763, в Варшаву с князем Репниным2, где, по выборе польского короля, произведен в секретари и потом в советники посольства. Находясь при сем и при последовавших за ним послах, князе Волконском3, Сальдерне4 и графе Стакельберге5, употребляем я был во всех делах, при составлении конфедераций и при заключении всех трактатов, актов и учреждений, даже до окончания Сейма 1775 года. В сем году призван в Москву и отправлен маршалом посольства к Оттоманской Порте. Возвратись из Константинополя в 1776 году, пожалован канцелярии советником и находился при графе Панине6 по 1779 год, в котором послан с князем Репниным на Тешинский конгресс. По привезении с оного всех там заключенных актов, в 1780 году определен комиссаром для разграничения Новой России с Польшею. Окончив успешно сию комиссию, пожалован чином статского советника и назначен полномочным министром в Константинополь в 1781 году. По заключении с Портою торгового трактата, выгодного тарифа и других разных полезных учреждений и, наконец, по одержании Крымского акта, которым сей полуостров приобретен без пролития крови и без малейших издержек, пожалован в действительные статские советники. В 1787 призван был в Херсон и имел счастие находиться при Высочайшей особе Ея Императорского Величества во время путешествия Ея в Тавриду. Возвратясь в Константинополь, посажен в августе того же года в Едикул7, и по 27 месячном заключении отпущен в Россию. Прибыв морем через Триест в Вену, нашел высочайшее повеление ехать в Молдавию и, будучи

Прибыв морем через Триест в Вену, нашел высочайшее повеление ехать в Молдавию и, будучи еще в Яссах, назначен полномочным министром в Польшу, при коем случае пожалован в тайные советники. В Варшаве, несмотря на опасное положение, совершилось при мне приступление

короля к Тарговицкой конфедерации, уничтожение оборота, произведенного Сеймом 3 мая, и завоевание Польши. В 1793, по переменившимся обстоятельствам, отозван в Санкт-Петербург, где и находился, получая вместо пенсии сенаторское жалование до употребления в должность по самую кончину всемилостивейшей Государыни Императрицы Екатерины Великия. Угодно было Государю Императору призвать меня опять в службу в 1796 и определить губернатором в Литву, где сия новоприобретенная земля требовала немалых учреждений и приведения дел в надлежащий порядок. Сие мое служение было одобрено не только высочайшею доверенностью, частыми именными милостивыми указами, но и пожалованием мне ордена Св. Александра Невского, чина действительного тайного советника и похвальной особливой грамоты. По увольнении от службы генерала-фельдмаршала князя Репнина, отставлен и я в конце 1798 года по моей просьбе, как то сказано в указе, хотя я оной и не приносил, без всякого награждения, и даже без возвращения мне той пенсии, которою за столь долговременную, трудную и часто опасную службу наградить меня соблаговолила блаженный памяти Государыня Императрица Екатерина Вторая.

Действительный тайный советник Яков Булгаков

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Матюшкин Дмитрий Михайлович (1725—1800), дипломат.

2 Репнин Николай Васильевич (1734—1801), князь, полководец и дипломат, видный масон.

3 Волконский Михаил Никитич (1713—1786).

4 Сальдерн Каспар (1711—1788).

5 Штакельберг (Стакельберг) Оттон-Магнус (1736—1800), дипломат. Участвовал в осуществлении первого раздела Речи Посполитой.

6 Панин Никита Иванович (1718—1783), граф.

7 Едикул, семибашенный замок, куда турки обычно сажали русских дипломатов при объявлении войны в России.

Публикация В. Г. БУХЕРТА

Записка П. С. Валуева по истории Оружейной палаты

Валуев П. С. Записка П. С. Валуева по истории Оружейной палаты / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. Г. Бухерта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 61—63. — [Т.] IX.

Записка Главноначальствующего Экспедиции Кремлевского строения Петра Степановича Валуева (1743—1814) была составлена 22 мая 1803 г. по случаю приема им в свое ведение Мастерской и Оружейной палаты (так именовалась Оружейная палата в XIX — начале XX вв., в XVIII в. она называлась конторой) и предназначалась для Александра I, ознакомившегося с ней 27 мая. От Императора Валуев стремился получить согласие на регулярное проведение осмотров хранившимся в Палате «памятникам российской древности» подобно тому, который был проведен в январе 1805 г. действительным статским советником В. Ю. Соймоновым по повелению Александра I.

Записка Валуева — одно из ранних исторических описаний знаменитого хранилища. Подлинник хранится в РГАДА (Ф. 1239. «Дворцовый отдел». Оп. 3. Д. 58520. Л. 2—3 об.).

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ САМОДРЕВНЕЙШЕГО ХРАНИЛИЩА СОКРОВИЩ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ ПОД НАЗВАНИЕМ МАСТЕРСКОЙ И ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ ПОНЫНЕ СУЩЕСТВУЮЩЕГО, СО ВСЕВОЗМОЖНЫМ ТЩАНИЕМ ИЗ АРХИВ ИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ ИЗВЛЕЧЕННОЕ

Что не токмо государи до соединения России во единоначалие, но и удельные князья до благополучной сей эпохи имели тех времян сокровища, в том не может быть ни малейшего сомнения, понеже известно по истории, что обладатели российские вели почти беспрестанную войну с соседними народами и их властителями, с которыми по надобностям заключали союзы, любительные грамоты в тогдашнее время называемые. Из чего следует, что от побеждённых приобретали воинские оружии, а от союзников — дары, поминками в древности российской именуемые. Обычай от начала властей почти доныне на всём земном круге сохраняемый. Сию истину свидетельствуют старинные оружии и дары по сей день в сей самодревнейшей палате находящиеся.

О хранилище сем упоминается в изданиях греческих и латынских писателей со времени соединения России во единоначалие в 1480-м году тому 425 лет при великом князе Иване Васильевиче деде царя Ивана Васильевича Грозного. Таковое сведение извлечено из библиотеки архиепископа астраханского Никифора скончавшего жизнь на обещании в Даниловском монастыре1, который незадолго перед смертью отправил своим иждивением по сделанному им завещанию собрание книг самодревнейших греческих и латынских писателей в Афонские горы.

По справкам палатской архивы, без описи в крайнем беспорядке находящейся, существовало сие хранилище под нынешним оной наименованием Мастерской и Оружейной палаты в 1589-м году при царе Михаиле Фёдоровиче2 тому 216 лет; думать надлежит, что подобное известие греческих и латынских писателей находилось и в палатской архиве, которое вероятно утрачено или во время 18-ти летнего пребывания оной в одном доме Кремля под горою под набережным садом, где множество бумаг от сырости истлели, или от пожара бывшего в Кремле в 1737-м году во время торопливого перенесения оной, при котором случае иные бумаги растеряны, а другие соделались жертвою пламени того пожара.

Хранилище сие было составлено из нижеследующих приказов и палат к царскому дому принадлежащих:

Мастерская палата. В оной хранились царские короны, державы, скипетры, диадемы, церемониальные выходные одеяния, жезлы, комнатные письменные дела, множество столбцов никем не разобранных, которых без номеров и без описи находится поныне числом 11.077, к оным присоединено при царе Алексее Михайловиче оригинальное, образом столбца писанное, Уложение мерою 438 аршин за подписанием бояр и прочих государственных чиновников тысячи четырёхсот шестидесяти девяти особ, в числе которых патриарх Иосиф. Для сбережения сего достопамятного тогдашнего времени законоположения, яко наилучшего после правды Ярославовой и Судебника царя Ивана Васильевича сделан серебрянный вызолоченный ковчег по велению блаженной памяти императрицы Екатерины Второй в 1763 году.

Две Мастерских палаты великих государынь, цариц, царевичей и царевен, присоединённые к первой, царскою именуемою в 1693-м году. В оных хранились разного рода товары, из которых строили им потребное платье. В ведомстве сих палат состояли мастеровые слободы: Хамовная, Кадашевская, селы: Брейтово и Черкасово. В 1700-м году Хамовная отдана чужеземцу Тамесу3, Кадашевская в московскую ратушу, а Брейтово и Черкасово в Приказ Большого дворца.

Оружейная палата. В оной хранились булавы, пернаты и разные оружейные уборы. Под смотрением оной делали вновь всякую того времени воинскую сбрую. Производили российскими

и чужестранными мастеровыми дворцовые живописные и иконные работы, всякого рода чистку и починку.

Казенный приказ. В рном хранились золотая, серебряная, янтарная и разных званий посуда; яхонтовые, алмазные и костяные кресла; парчи, сукна, бархаты и шёлковые товары; троны и покрывалы на царские гробницы состоящие ныне на руках церковника под начальством ризничего Архангельского собора. В ведомстве сего приказа было множество верховых дворцовых соборов и церквей, из числа коих остался и поныне в ведении палаты собор под теремами Рождество на Сенях именуемый. В оном же приказе шили посольское платье, делали ризы и утвари, которых раздача производилась из оного в разные монастыри и церкви.

Конюшенный приказ. В оном хранились древние богатые разного звания царские конные збруи, уборы и драгоценные санные полсти.

Патриаршая палата. В оной хранились патриаршие ризы, разные патриаршие одежды украшенные лучшими жемчугами и драгоценнейшими каменьями, серебряная, золотая и всякого рода патриаршая посуда, словом весь патриарший дом. Ныне все сии от щедрот государей российских патриархам драгоценности на руках церковника под начальством ризничего Двунадесяти апостолов.

Главные начальники имеющие верховное начальство до нынешнего времени известны следующие: боярин и оружейничий Петр Васильевич Большой Шереметев, боярин князь Петр Иванович Прозоровский, полковник князь Василий Одоевский и светлейший князь Потемкин4.

Чиновники ведающие порознь разные отделения принадлежащие сему хранилищу известны по порядку следующие:

Мастерскую палату ведали Степан Лукьянович Хрущов, Иван Максимович Языков, Кириян Иванович Самарин, Гаврила Иванович Головкин, стряпчий с ключём Панкратий Богданович Сумароков, боярин князь Петр Иванович Прозоровский бывший потом главным начальником над всеми отделениями.

Оружейную палату ведали боярин, дворецкий и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово, оружейничий и окольничий Иван Максимович Языков, боярин и оружейничий Петр Васильевич Большой Шереметев бывший потом начальником над всеми отделениями, боярин Фёдор Алексеевич Головин, боярин, сибирский судья и генеральный президент князь Матвей Петрович Гагарин, стольник Матвей Алексеевич Головин.

Казённый приказ, в палатской архиве сказано, ведали казначей и бояре, которых имена не показаны, а известен токмо один постельничий Гаврила Иванович Головкин, который ведал оной с 1692-го года.

Конюшенный приказ, в палатской архиве сказано, ведали конюшие и бояре, которых имена тож не показаны, а известен токмо один стольник Фёдор Самсонович Бутурлин, который ведал оной с 1706 года.

Патриаршую палату кто ведал в древности не известно, с 1711-го ведал оную боярин князь Прозоровский имеющий тогда главное начальство над всеми отделениями, а с 1720-го ведали оную присланные для осмотра полковник князь Василий Одоевский обще с стольниками Иваном Плещеевым и Афанасием Савёловым, из которых первый князь Одоевский был по смерти князя Прозоровского главноначальствующий имеющий верховное начальство над всеми отделениями.

После князя Одоевского до светлейшего князя Потемкина во время его начальства и по смерти его доныне хотя и были определяемы то сенатскими, то именными указами в палату разные чиновники большею частию для ревизии, но не иначе как членами или присутствующими.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Никифор (Николай Феотоки) (1731—1800), архиепископ Астраханский и Ставропольский (1786—1792).

2 Очевидная ошибка, имеется в виду царь Федор Иоаннович.

3 Тамес (Томсон) Иван Павлович обрусевший голландский купец, владевший полотняной и шелковой мануфактурами.

4 Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), князь, «верховный начальник» Мастерской и Оружейной конторы (1775—1791).

Публикация В. Г. БУХЕРТА

Путевые дневники А. И. Михайловского-Данилевского

Путевые дневники А. И. Михайловского-Данилевского / Публ., [вступ. ст. и примеч.] А. И. Сапожниковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 63—67. — Из содерж.: Михайловский-Данилевский А. И. Путешествие по Гарцу в октябре месяце 1809 года. — С. 64—66. — [Т.] IX.

В конце XVIII — начале XIX вв. Геттингенский университет был одним из самых известных в Европе, его профессора славились своей ученостью, а библиотека считалась одной из лучших в Германии. Русские студенты появились здесь уже в 80-е гг. XVIII в., среди них были братья Г. П. и М. А. Милорадовичи. В начале XIX в. русских в Геттингене стало больше, до 1807 г. в университете учились А. И. Тургенев, В. И. Фрейтанг, А. С. Кайсаров и др.

Летом 1808 г. двенадцать лучших выпускников Санкт-Петербургского педагогического института были посланы на казенный счет заграницу для усовершенствования в науках. Впоследствии они должны были занять профессорские кафедры в создававшемся тогда Санкт-Петербургском университете. Большинство молодых людей приехало в Геттинген: И. К. Кайданов, М. Г. Плисов, А. П. Куницын, Н. И. Бутырский, Н. Воронковский, И. Кастальский, Ст. Подзорский. Трое были посланы Московским университетом: А. В. Болдырев, Ф. Я. Ранд, Р. Ф. Тимковский*. Одновременно с ними, но за свой счет в Геттингене учились Н. И. Тургенев, П. П. Каверин, А. И. Михайловский-Данилевский и С. В. Михалков.

В октябре 1809 г. Михайловский-Данилевский и Михалков путешествовали по Грацу — горной местности между реками Заале и Лейна в Северной Германии. В подражание «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина Михайловский-Данилевский составил путевые дневники, сохранившиеся в его архиве (РНБ. Ф. 488. Д. 34. Л. 1—10).

Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1789—1848) начальное образование получил в петербургском училище св. Петра в 1798—1806 гг., одновременно числясь на службе в Государственном заемном банке. В ноябре 1807 г. он вышел в отставку с чином титулярного советника и уехал в Геттингенский университет, где проучился три семестра в 1809—1811 гг. Впоследствии он получил известность как военный историк и дослужился до чина генерал-лейтенанта.

Сергей Владимирович Михалков (1789—1843) поступил в 1801 г. унтер-офицером в лейб-гвардии Семеновский полк, участвовал в войнах с наполеоновской Францией в 1803 и 1806—1807 гг. Отличился при Аустерлице и Фридланде, был награжден орденами. В 1808 г. уволен по болезни в отставку в чине подпоручика и вскоре уехал заграницу. Михалков прибыл в Геттинген

болезни в отставку в чине подпоручика и вскоре уехал заграницу. Михалков приехал в Геттинген из Парижа летом 1809 г. При занесении его имени в матрикулы университета была допущена неточность в отчестве («J.», т. е. Иванович)*, отсюда она перекочевала в комментарии к

опубликованному дневнику Н. И. Тургенева. По возвращении на родину С. В. Михалков служил на выборных должностях — почетным смотрителем уездного училища г. Рузы и рыбинским уездным предводителем дворянства в 1836—1839 гг.**.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГАРЦУ В ОКТЯБРЕ МЕСЯЦЕ 1809 ГОДА

Остероде, октября 13.

Геттингенские студенты имеют обыкновение один или два раза во время нахождения их в университете побывать на Гарце, находящемся в недальнем от оного расстоянии, почему и я, с земляком моим Сергеем Владимировичем Михалковым, вознамерился сделать сию прогулку, чтобы осмотреть красоты природы Гарца и иметь понятие о тамошних горных работах. Мы путешествуем философами, у нас по нескольку талеров в кармане и по посоху в руке. Товарищ мой, будучи хорошим минералогом, не может дождаться той минуты, когда мы достигнем до рудников, и вчера во всю дорогу каждый домик, видимый вдали, он принимал за горный завод. Мы находимся теперь у подошвы Гарца в местечке Остероде, смотрим из окон на синеющиеся горы, по которым завтра начнем наше путешествие. Гарц разделяется на Верхний и Нижний; на Верхнем щитается до двадцати пяти тысяч жителей, которые все питаются от работ, производимых ими в рудниках. Они занимались прежде скотоводством и только за четыре года начали упражняться в земледелии и садить, так как говорят немцы, den Heiland unserer Zeit***, т. е. картофели.

Подле нашего дома находятся развалины замка, о которых рассказывают следующее: герцог, коему замок в старину принадлежал, любил страстно свою супругу. Молодой прекрасный князь Штауфенбург умел ей понравиться, и страсть его награждалась взаимным пламенем. Герцог был в отлучке, а беззаботливый князь наслаждался любовию в объятиях своей прекрасной. Неожиданно возвращается герцог домой, узнает неверность супруги, спешит в погреба, находившиеся под замком, наполненные порохом, который он своею рукою зажигает; молодая супруга его с своим любезным и он сам погребаются под развалинами.

Клаусталь, октября 14-го

Оставя рано ночлег, пустились по горам, густой туман позволял едва нам видеть еловые леса, по которым шла наша дорога. Мы встретили одного говорливого, приветливого человека, он нам объяснял обстоятельно, каким образом нам устроить план путешествия, а когда мы его спросили, есть ли хорошие квартиры в Клаустале, местечке, где мы располагались ночевать, то получили в ответ: «Государи мои, дом мой к Вашим услугам». Товарищ мой покашлял, я посмотрел на него, и оба мы не могли понять, каким образом слово о гостеприимстве завернулось на языке у немца. Скоро мы были выведены из недоумения, ибо пришедши в город, и увидя трактирную вывеску у большого дома, незнакомец нас туда пригласил, сказав, что он хозяин этого дома. Сего дня, вставши поутру, мы подошли к окну; увидели город, разбросанный на бугорках, все дома деревянные, чему нет примеров в Германии. Выпадший ночью снег покрывал улицы и кровли, вдали видны были необработанные поля, а за ними густой лес, мы подумали, что мы в России. Город Клаусталь есть главный на Гарце, здесь работают до тысячи человек, живет начальник заводов, и находится казначейство, в которое поступают казенные доходы, составляющие в год около пятидесяти тысяч талеров.

Сначала мы осматривали монетный двор, потому более примечательный, что в других землях видеть их совсем неможно, или, по крайней мере, с великими затруднениями. И здесь не показали нам всего; мы видели три комнаты, смотрели, как в одной широкие серебряные прутья кладутся под машину, которая их прижимает и вырезывает по данной величине круги для монеты, которые перемывают потом в солоноватой воде, отчего они получают вид гораздо белейший; а потом

кладут на монеты гербы или клеймо.

Из многих шахт или отверстий в горах, здесь находящихся, самая богатая руда достается из так

называемой Доротеи, ибо каждая шахта имеет свое имя. Мы решились спуститься под землю. Надобно было скинуть наши сертуки, на нас надели холстинные замаранные куртки, на голову шапки; двое рабочих взяли по лампаде; открыли с пола доску, и мы увидели отверстие, только так великое, что можно было пролезть в оное одному человеку. Темнота была ужасная, и при свете лампад мы могли только видеть весьма узкую деревянную лестницу, по которой мы начали сходить. Ступеней чрез двадцать дошли мы до низу лестницы, и, поворотив в яму, подобную первой, увидели новую лестницу. Ничего нельзя было разглядеть, кроме больших насосов, служащих для вытягивания воды из рудников, и бывших в беспрестанном движении. Поминутно становилось свежее; лестницы, за которые крепко надобно было держаться, были покрыты грязью, и на нас капала вода; наконец, опустившись около восьмидесяти сажень, очутились мы в первой галерее, где есть примечательные рудники. Ходы в горах, судя по количеству земли, поддерживаемы в некоторых местах бревнами, в других вырыты или просечены просто наподобие сводов. Вышина их такова, что почти везде можно ходить прямо, не нагибаясь, а в ширину они имеют около двух аршин. Минут через десять мы дошли до того места, где теперь открывают руду; прекрасно смотреть, когда осветят лампадою жилы, в коих видны частицы серебра или свинца. Взявши по кусочку руды на память и полюбовавшись работами, мы пошли назад; нам предлагали спуститься еще пониже, ибо в сей шахте двести сажень глубины, но мы не приняли сего предложения. Сказывают, что чем ниже спускаешься, тем становится сырее, а в иных местах надобно ходить на четвереньках. Мне весьма было приятно увидеть дневной свет, хотя я не более полутора часа провел в подземелье.

Когда достанут руду из земли, то перемывают ее и толкут, потом бросают ее в деревянные, покатые ящики, заливают водою, земля стекает, а горная руда, которая тяжелее земли, остается. Отсюда повели нас в место, где выплавливают металлы. Надобно знать металлургию, чтобы понять, что тут происходит. Я видел много печей, видел бездну свинца с серебром и невзирая на рассказы вежливого офицера, который нас водил, приобрел немного новых понятий. Мы провели целое утро в сем занятии, дождь шел со снегом; земля была сыра; и потому теперь с приятностию пьем стакан пуншу. Завтра поутру идем на Брокен, то есть на высочайшую гору Гарца.

Брокен, октября 15-го

В восемь часов мы вышли из Клаусталя и видели беспрестанно горы, рудокопки, горных жителей и работников. После полудня мы проходили часа с два по ужасным болотам, так что во все время вода была по колени. Нас подкрепляла мысль увидеть самую возвышенную гору Германии и место, воспетое многими славными потомками Германа1 и Витекинда2. Сначала видно было много еловых, весьма густых лесов, где мы не встречали не только ни одного человека, но даже не видали ни одной птицы. Мало помалу становились леса реже, и мы были окружены одними кустарниками, и какой русский не обрадовался бы с нами вместе, увидя в кустарниках плоды своего отечества: бруснику, клюкву и чернику. Проводник наш, добрый Цен, заметя, что мы охотники до сих ягод, беспрестанно ими нас потчевал. Признаюсь, что я не с большим удовольствием срезывал сам в Бургондии виноград, а в окрестностях Неаполя рвал сам апельсины, как здесь искал брусники. Я не буду описывать груды гранитных камней, которые здесь называют скалами. Сопутник мой любовался каждым камешком, находил в ином странным образование кубов, в другом необыкновенный шпат, углекислую известь; и благодаря его наблюдениям мы достигли до вершины Гарцовых гор не прежде шести часов вечера. Воздух, отменно холодный, проникал во все жилы, но вскоре мы увидали трактир, известный под именем Брокенгаус. Willkommen meine Herren*, — сказала нам хозяйка и отвела небольшую комнату, которую можно сравнить с угольною с лежанкою Скотинина3.

Дом на Брокене принадлежит графу Вернигероде4, коего поместья, бывшие прежде независимыми владениями, находятся отсюда в нескольких верстах. В сем доме могут поместиться более ста человек, и он бывает летом беспрестанно наполнен путешественниками,

помещаются более ста человек, и он бывает летом беспрестанно наполнен путешественниками. Там найдете все потребности жизни, две служанки с всегдашнею улыбкою и с румяными щеками, подают хороший кофей, накрывают белую скатерть и время неприметно проходит. Разумеется, что за все здесь платят, по крайней мере, тройною ценою. Над домом башня, с которой в хорошую погоду виден с одной стороны Гетгинген, Кассель, с другой Магдебург, и часть течения Эльбы. Мы не могли видеть ничего, ибо был весьма густой туман; однакож мы посетили башню, посидели на скамейках, подле которых круглый марморный5 стол; при хорошей летней погоде должно быть восхитительно встречать здесь восхождение солнца или вечером следовать за последними лучами его.

Вечер провели мы рассматривая книги, в которые вписывают имена свои те, которые посещают Брокен; они наполнены острыми шуточными словами; еще больше приносили нам удовольствия имена наших приятелей и земляков. Сколь жалоб о теперешнем состоянии Германии, писанных истинными патриотами! Из них более всего понравилась мне мысль одного пруссака, который воспоминает о тех временах, когда он посещал сии вершины своего отечества, бывшего еще свободным и непокоренным чужестранцами.6 Он в заключение пишет, что он оставляет родину свою до тех пор, пока не наступит для нее щастливейшие дни. Усладительно видеть хоть одного благородно мыслящего человека между многочисленным народом, переносящим с удивительным равнодушием иго иноплеменников.

Мы предприняли обратное путешествие чрез Ребергерграбен, который некоторые сравнивают с Швейцарией). Я ничего там не видел, кроме покрытых еловым лесом гор, которые бы назвали в Гельвеции буграми. Нет нигде водопадов, даже для ручейков сделаны деревянные ящики, куда стекает вода. И самые малейшие красоты природы стеснены в границах, в которых они совершенно теряют свою цену. А о точках зрения, о прекрасных озерах, роскошной природе, которой вид так приятен в отечестве Теля7, здесь не надобно вовсе думать. Мы ночевали в городке Остероде, а вечером пришли на гору Гейнберг, откуда увидели лежавший в долине мирный Геттинген.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Герман (Арминий) (17 г. до н. э. — 19 г. н. э.) — вождь племени херусков, возглавивший освобождение северо-западной Германии от римлян.

2 Видукинд (Витекинд) (I в. н. э.) — знаменитый вождь саксов в их войнах против Карла Великого.

3 Скотинин Тарас — персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», первое издание которой вышло в 1783 г.

4 Wernigerode — графский род, которому принадлежало графство Вернигороде в прусской Саксонии, живописно расположенное у северной подошвы Гарца. В 1429 г. это графство перешло к роду Штольберг и стало называться Штольберг-Вернигороде.

5 Русское «мрамор» происходит от греческого — «мармарос (блестящий)».

6 По Тильзитскому мирному договору от 8 июля 1807 г. Пруссия потеряла половину своей территории. Наполеон оставил прусскому королю только старую Пруссию, Бранденбург, Померанию и Силезию. Из провинций на левом берегу Эльбы было создано Вестфальское королевство.

7 Телль Вильгельм — легендарный национальный герой Швейцарии.

Публикация А. И. САПОЖНИКОВОЙ

Трактат Ф. П. Ключарева

Трактат Ф. П. Ключарева / Публ. [и вступ. ст.] В. И. Сахарова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 67—68. — Из содерж.: Ключарев Ф. П. О тишине. — С. 67—68. — [Т.] IX.

Талантливый русский поэт Федор Петрович Ключарев (1751—1822) с начала 80-х годов XVIII в. принадлежал к ордену вольных каменщиков, писал масонские гимны и оды, а его религиозно-философская поэма «Воплощение Мессии», ходившая в списках среди масонов и опубликованная в 1801 г., была, по всей видимости, спародирована юным А. С. Пушкиным в «Гавриилиаде». Ключарев, по свидетельству его заклятого врага Ф. В. Ростопчина, происходил из крепостных крестьян графов Шереметевых, был лакеем, с помощью масонов Д. П. Трощинского, З. Г. Чернышева и И. Б. Пестеля поступил на военную службу, получил офицерский чин, затем назначен московским губернским прокурором, после неприятностей по службе перешел в почтовое ведомство и с 1801 г. стал московским почт-директором, дослужился до высокого чина действительного тайного советника. Будучи мастером стула в ложе Св. Моисея, поэт занимал видное место в иерархии возрожденного русского масонства александровской эпохи.

Помимо поэтических произведений Ф. П. Ключарев писал философскую прозу. Его университетский профессор и высший начальник по масонскому ордену И. Г. Шварц в одной из своих «приватных» лекций как бы обозначил тему для сочинения своего студента, сказав: «Когда мы в уединении, занимаемся сами собою, когда входим внутрь себя, тогда небесные силы в нас умножаются, и тогда видим мы духовного своего человека»*. На склоне лет Ф. П. Ключарев написал на эту тему «трактатец» «О тишине» (1819), по всей видимости, зачитанный в ложе как речь мастера стула и отразивший идеи масонской мистики и питавшего ее византийского исихазма. Текст трактата публикуется по известному масонскому рукописному «Комынинскому сборнику» из собрания В. С. Арсеньева (РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 564. Л. 19).

Ф. П. КЛЮЧАРЕВ

О ТИШИНЕ

Тишина и покой суть одно: покой не бывает без тишины и тишина без покоя.
Она есть цель и конец всяких работ.
Всякий утомленный работой ищет тишины и покоя.
Цену тишины знают токмо работники, но ленивцы не знают.

Тишина приходит поздно, 6 дней должно делать, дабы в день успокоения иметь довольное воздаяние: дабы приобресть истинную тишину, яко спутницу свободы, должно: во все пять бдениев прилежно трудиться. — Молчание любить тишину научает и верную соблюдать скромность, о ней стараться, а не обманывать себя леностию, не-действием, не почитать сие за тишину, ибо тишина есть собранная и в силу приведенная жизнь, напротив, бесчувственная леность есть путь к хладной смерти.

Мирские мудрецы полагают покой и тишину в недействии; но они там ее ищут, где она никогда не бывала, ибо что не действует, то есть мертво, а что мертво, то покоя не ощущает.

Нет — тишина жизни полна, и вся жизнь. — Она не бывает познаваема никем, кроме того, кто ее имеет; рассуждать об ней мы можем токмо исторически, ибо еще не имеем ее, а должны ею, яко началом будущия награды, ободрити к работе.

— Отвергнем хладное недействие; будем работать с огнем усердия. — Тогда может произойти в нас начало того, что ищем — — золотая руда, — перламутр, — роса, — зарница.

Публикация В. И. САХАРОВА

Публикация В. И. САХАРОВА

Жизнь масонской ложи в документах

Реннеман Ф. Объяснения, данные титулярным советником Реннеманом санкт-петербургскому военному генерал-губернатору, о принадлежности к масонским ложам в Москве // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 80—82. — [Т.] IX.

ОБЪЯСНЕНИЯ, ДАННЫЕ ТИТУЛЯРНЫМ СОВЕТНИКОМ РЕННЕМАНОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ, О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К МАСОНСКИМ ЛОЖАМ В МОСКВЕ

(1826)

1) Осенью 1816-го года был я принят в Москве в масонскую ложу под названием Нептуна Древней Системы, работы в оной производили на русском языке. Членами оной были почти только дворяне и чиновники числом, кажется, менее 20-ти ибо вновь редко и мало принимали. В оной достиг я до 3-й Степени. Цель оной, сколь мне известно, было: Познание самого себя, Человеческой Ничтожности и Слабости, стараться одолевать свои страсти, твердить и понимать Священное Писание, быть умеренной, степенной и благочестивой жизни, помнить смерть и повиноваться воле Великого строителя, то есть Божей, также Государя, быть милосерду к страждущим ближним и по мере возможности делать добро.

2) Около 1818-го года, будто с позволения Правительства, устроил в Москве купец Розенштраух масонскую ложу Новой системы под названием Александра Тройственного Благословления. Членами оной были дворяне, чиновники, доктора, ученые, купцы, мастеровые и пр.; в оной производили работы на немецком, часто на французском и редко на русском языке. Они старались по-видимому скорее и более набирать членов, спешили производить в степени так, что в скорости число членов простиралось гораздо более ста. В оной Ложе я не был членом и редко посетителем. Сколько мне известно, то их главная цель обнаруживалась в благотворительности. Они часто делали Столовые Ложи. Они зависели от Санкт-Петербургской Ложи Великой Астреи, и, кажется, Ложа Розенштрауха была в сношении с иностранными Ложами.

3) Также около 1818 года после устроения Розенштрауховской Ложи учреждена с такого же позволения Ложа Древней Системы на русском языке под названием Ищущих Манны. Оная составилась большею частью из членов Ложи Нептуна, потому и я поступил в оную членом же. Вновь принимались очень мало и с выбором так, что кажется число членов не много простиралось более 40-ка. Ложа сия была подчинена Санкт-Петербургской Провинциальной Ложе, цель и Система оной были те же, как и в Нептуновой Ложе. Главная Присяга была верность Великому Строителю Миров, т. е. Богу, также Государю. И ежели когда член Ложи узнает что-либо вредное против Государя или Правительства, то бы тотчас донес Старшим, а буде на месте нет Старшего, то бы донес самолично Императору. В сию Ложу я поступил, быв в третей Степени, более не был возвышен. Она, сколько мне известно, ни с какими иностранными ложами не была в сношении. Неохотно сообщалась с Ложей Розенштрауха, полагая, что он вводил много своей выдумки, что назидательного собрания ложи не было, а были ложи принятий и производств, да слишком часто богатые Столовые Ложи. Члены Ложи Ищущих Манны очень редко посещали розенштрауховскую ложу под предлогом незнания по немецки. Однако по причине, что обе Ложи были на Кисловке в доме купца Ланга в одном этаже и дабы не показать явного разрыва, то изредка посылали посетителями своих членов, знающих немецкий язык, в Ложу Розенштрауха, в том числе и я был посылаемым.

Кто были члены и великие Мастера сих двух последних Лож, Правительству, вероятно, известно, ибо периодически посылались списки в Санкт-Петербург. Сколько мне известно, то все сии ложи закрыты со времени Указа о сем предмете. Когда я был членом Ложи Нептуна, то оной Ложи братья для назидательной беседы о Премудрости собирались иногда у Старших братьев, а более

братья для масонских бесед в премудрости собираются иногда у старших братьев, а более всего еженедельно у брата Ритора Статского Советника Николая Алексеевича Дьякова. А когда я перешел в Ложу Ищущих Манны, то братья на сей предмет иногда собирались также у г-на Головина, бывшего начальника Московской адрес-конторы.

В время сих бесед старшие братья о сем предмете говорили, а младшие были слушателями. При мне лично, по крайней мере в той степени, в которой я был в Ложе Ищущих Манны и Нептуна, также и в приватных беседах, я никогда не слыхал рассуждения ни о политике, ни против правительства и ничего противного и даже ничего сомнительного.

В Ложе Розенштрауха под названием Александра Тройственного Благословления, во время моих посещений, я хотя ничего противного не слыхал, но судя по новейшим приключениям, а паче по достопамятному описанию в военных ведомостях сего года № 24, доказывающее, что под самым невинным названием существовали общества для распространения вредных правил в народе, я касательно цели оной ложи, получил некоторое сомнение и именно потому: 1) Что учредитель Ложи Розенштраух как иностранец принадлежал, вероятно, к иностранным ложам, ибо, не быв прежде в других ложах, не мог он сделаться вдруг Великим Мастером. Он был первоначально актер, потом купцом в Санкт-Петербурге (где вероятно также масонством занимался, потому что подчинил свою Ложу Санкт-Петербургской Ложе Великой Астреи), после был в Москве купцом же (где имел богатый магазин косметических товаров) и наконец, устроив в Москве означенную Ложу, он в 1821-м году сделался пастором и адъюнктом при суперинтенденте Бехере в Одессе (где, кажется, была также ложа), а в 1822-м году поступил под началом же Бехера лютеранским пастором в Харьков. 2) Что означенный суперинтендент Бехер был также масоном при чем ученый новейшего складу, а как в 3-х) Ложа Розенштрауха была по новой Системе и, кажется, с иностранными ложами в сношении (я видел приезжих иностранцев посетителями у него в ложе), то обстоятельство, что сии, Новой Системы значительные масоны, домогались быть учителями Христианской религии и в таких значительных местах — обращает особое внимание.

Титулярный советник Реннеман

Публикация В. Е. КОРНЕЕВА

Фон-Визин С. П. Письмо Ланскому С. С., 1822 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 80. — [Т.] IX.

С. П. ФОНВИЗИН — С. С. ЛАНСКОМУ

(1822)

По получении письма Вашего Превосходительства с приложением копии отношения Управляющего Министерством Внутренних Дел о Высочайшем повелении закрыть масонские ложи, я прибыл в Москву, и собрав большую часть членов ложи Ищущих Манны, объявил им о сей Высочайшей воле, и взяв с них надлежащие подписки, ложу закрыл; подписки же по неотобрании еще от некоторых, на будущей почте непременно все будут к вам доставлены.

Сергей Фон-Визин

Ланской С. Управляющему ложею Ищущих Манны в Москве надворному советнику Сергею Павловичу Фон Визину // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 80. — [Т.] IX.

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ЛОЖЕЮ ИЩУЩИХ МАННЫ В МОСКВЕ НАДВОРНОМУ СОВЕТНИКУ СЕРГЕЮ ПАВЛОВИЧУ ФОН ВИЗИНУ

11 августа 1822 г.

...Приглашаю Вас, Милостивый Государь мой, в качестве Управляющего Ложею Ищущих Манны с получением сего, членов Ложи, находящейся в Москве, собрать и объявить им

Высочайшую волю, работы и собрания Ложи Ищущих Манны закрыть, а членов ее обязать подписками впредь таковых не учреждать, каковые подписки покорнейше прошу доставить ко мне для представления оных куда следует...

С. Ланской

Выписки из протоколов по Великой Провинциальной ложе и по ложам оной подведомственным 1818 год // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 75—80. — [Т.] IX.

ВЫПИСКИ ИЗ ПРОТОКОЛОВ ПО ВЕЛИКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЛОЖЕ И ПО ЛОЖАМ ОНОЙ ПОДВЕДОМСТВЕННЫМ

1818 год

Февраля 4-го дня.

Ученическая ложа Поучения под председательством бр. Дмитриева-Мамонова.

1) Отношение В. Пров. ложи с препровождением акта и благодарное письмо бр. Ланского о избрании его почетным членом сей ложи.

2) Читаны законы ложи.

3) Речь о скромности, читанная бр. Мамоновым.

4) Два предложения: 1-е) о принятии в братство капитана Ситникова и коллежского ассесора Головина. 2-е) о пособии одному из членов ложи.

5) Объявление об отъезде бр. Зверева.

6) В кружку бедных собрано 141 р. 40 к.

Февраля 11 дня.

Ученическая ложа под председательством б. Мамонова.

1) Продолжение из Законов.

2) Речь о высшей цели Каменщического Ордена, читана бр. Мамоновым.

3) Баллотирован упомянутый Головин.

4) Объявление казначея ложи о взносе денег на содержание дома.

5) Два предложения: 1-е) о принятии в братство прапорщика Рускова и коллежского асессора Галактионова. 2-е) о пособии семейству умершего брата.

6) В кружку бедных собрано 110 руб.

Февраля 12 дня.

Ученическая ложа Принятия под председательством бр. Мамонова.

Ученическая ложа Принятия под председательством бр. Мамонова.

1) Принят в братство упомянутый Головин.

2) Баллотирован вышеозначенный Ситников.

3) Объявления, что семейству одного умершего брата жертвует одна благотворительная особа, скрывшая свое имя, 500 р.

4)В кружку бедных собрано 50 р. 40 к.

Февраля 18 дня.

Ученическая ложа Принятия под председательством бр. Мамонова.

1) Принят упомянутый Ситников.

2) Баллотирован к принятию Русков, означенный выше.

3) Приветствие бр. Римскому-Корсакову 1-му.

4) Отношение ложи Елизаветы Добродетели, извещением благодарности ее за наименование почетными членами Ложи Ищущих Манны бр. Ланского и Римского-Корсакова.

5) Два предложения: 1-е) о присоединении в действительные члены сей ложи бр. Головина и двух Поздеевых. 2-е) О пособии одного бр: 500-ми р.

6)В кружку бедных собрано 228 р.

Ученическая ложа Принятия под председательством бр. Мамонова.

1) Принят упомянутый Русков.

2) Баллотирован к принятию означенный Галактионов.

3) Объявление об отъезде бр. Холчинского.

4) В кружку бедных собрано 100 р.

Февраля 25 дня.

Ученическая ложа Принятия под председательством бр. Мамонова.

1) Принят упомянутый Галактионов.

2) В кружку бедных собрано 80 р.

Марта 4 дня.

Товарищеская ложа Принятия под председательством А. И. Дмитриева-Мамонова.

1) Читаны протоколы последнего собрания.

2) Принят во 2-ю степень ученик Степанов.

3) Предложены к присоединению бр.: Мастер Артемьев, который и выбаллотирован, и к принятию гвардии подпоручик Аркадий Михайлович Рахманов.

4) В кружку бедных собрано 43 руб.

Марта 5 дня.

Ложа Выборов под председательством А. И. Дмитриева-Мамонова.

1) Избраны на основании законов ложи: Великим Мастером Александр Иванович Дмитриев-Мамонов, Наместным Мастером С. П. фон Визин, 1-м Надзирателем П. А. Курбатов, 2-м Надзирателем И. М. Фролов, Секретарем А. Н. Садыков, Ритором Н. А. Головин, Казначеем Ю. А. Зверев, Обрядоначальником Я. Х. Венстерн, 1-м Стуартом В. Л. Камынин, 2-м Стуартом В. Л. Пушкин.

2) В кружку бедных собрано 25 р. 80 к.

Марта 11 дня.

Ложа Введения под председательством А. И. Дмитриева-Мамонова.

1) Читан протокол последнего собрания.

2) Введены чиновники и офицеры, в присутствии Великого Наместного Мастера Великой Провинциальной Ложи С. С. Ланского.

3) Баллотирован к принятию в братство профан Рахманов.

4) Предложены к принятию: 38-го егерского полка прапорщик Андр. Ив. Маслов и отставной капитан Вл. М. Быков.

5) В кружку бедных собрано 53 р.

Марта 18 дня.

Ученическая ложа Принятия под председательством С. П. фон Визина.

1) Читан протокол последнего собрания.

2) Принят в ученики вышеупомянутый Рахманов.

3) Положено сделать всепомоществование семейству подполковника Перхова.

4) В кружку бедных собрано 58 руб.

Марта 25 дня.

Ученическая ложа Поучения под председательством П. А. Курбатова.

1) Читан протокол последнего собрания.

2) Объявлено, что в последнем заседании Комитета избран представителем Ложи Ищущих Манны в Великую Провинциальную Ложу член Ложи Елизаветы Добродетели бр. Кобылинский.

3) Баллотированы к присоединению: Мастер А. О. Поздеев и ученики И. О. Поздеев и А. Д. Лесли, а также к принятию в братство Маслов и Быков.

4) Положено сделать всепомоществование семейству коллежского регистратора Яковлева.

5) В кружку собрано 28

5) В кружку бедных собрано 28 руб.

Марта 27 дня.

Ученическая ложа Принятия под председательством А. И. Дмитриева-Мамонова.

1) Читан протокол последнего собрания.

2) Баллотирован к присоединению в Члены Мастер Реннеман.

3) Принят в ученики вышеупомянутый Маслов.

4) Присоединен бр. Реннеман.

5) В кружку бедных собрано 211 р. 50 коп.

Мая 6 дня.

1) Ложа Ученическая Поучения под председательством А. И. Дмитриева-Мамонова.

2) Читаны протокол последнего собрания и речь о повиновении.

3) Предложение о пособии двум бедным вдовам.

4) В кружку бедных собрано 25 руб.

Мая 13 дня

Ложа Поучения под председательством А. И. Дмитриева-Мамонова.

1) Читаны: а) протокол последнего собрания, б) речь о свободном каменьщичестве и в) отношение Великой Провинциальной Ложи о медике Мерхеле.

2) Предложено помочь одному бедному семейству.

3) В кружку бедных собрано 43 руб.

Мая 27 дня.

Ложа Поучения под председательством И. М. Фролова.

1) Читаны: а) протоколы последнего собрания, б) отношение Великой Провинциальной Ложи об открытии 4-х лож под управлением Великой Ложи Астреи, в) речь о работах свободного каменщика.

2) Предложен к принятию в братство Александр Иванович Маслов.

3) Предложено помочь бедному дворянину Языкову.

4) В кружку бедных собрано 40 р. 20 коп.

Июня 3 дня.

Ложа Товарищеская Принятия под председательством А. И. Дмитриева-Мамонова.

1)Читано: протоколы последнего собрания и все надлежащие к принятию места из масонских актов.

2) Приняты в товарищи; ученики: Маслов и Шрейдер.

3) Баллотированы и присоединены братья: Болотов и Лесли.

4) В кружку бедных — 36 р.

Июня 10 дня.

Ложа Ученическая Поучения под управлением И. М. Фролова.

1) Читано: протокол последнего собрания, законы ложи и речь о плате за работу.

2) Баллотирован к принятию в братство кандидат Московского университета Иван Федорович Калайдович.

3) Предложено о принятии в братство тит. сов. Федора Яковлевича Граве.

4) В кружку бедных 32 р.

Июня 17 дня.

Ложа Ученическая Принятия под председательством А. И. Дмитриева-Мамонова.

1) Читано: протокол последнего собрания; предложение Великой Провинциальной ложи о произведенных в ней выборах, письмо брата графа Чернышева о его отъезде из Москвы, и все надлежащие к принятию места из масонских актов.

2) Принят в братство упомянутый Калайдович.

3) Объявлено — об отъезде управляющего мастера А. И. Дмитриева-Мамонова.

4) В кружку бедных 380 р.

Июня 24 дня.

Ложа Торжества Дня Св. Иоанна в ученической степени под председательством С. П. фон Визина.

1) Читано: протокол последнего собрания, речи и стихи относительно помянутого торжества.

2) В кружку бедных 358 р.

3) После торжественной была столовая ложа.

Октября 14 дня.

Ученическое собрание поучения под председательством Сергея Павловича Фонвизина.

1) Читаны: протокол 24 июня.

2) Отношение ложи Елизаветы и Евксинского Понта с прилагаемыми списках о членах ложи.

3) В пользу бедных собрано 56 р.

Ноября 7 дня.

Ученическое собрание поучения под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читаны: протокол последнего собрания и общие учреждения свободных каменщиков.

2) Баллотирован к принятию коллежский советник Шатров.

3) Для бедных собрано 48 р.

Ноября 11 дня.

Ученическое собрание принятия под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читан протокол последнего собрания.

2) Принят в братство упомянутый Шатров.

3) Баллотирован к принятию титулярный советник Граве.

4) Для бедных собрано 35 р. 60 к.

Ноября 26 дня.

Ученическое собрание поучения под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читаны: протокол последнего собрания и речь о работах, производимых при принятии.

2) Для бедных собрано 56 р.

Декабря 9 дня.

Мастерское собрание принятия под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читано: приготовление в мастерскую степень.

2) Принят в мастерскую степень Перваго.

3) Для бедных собрано 100 р.

Декабря 17 дня.

Ученическое собрание принятия под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читаны: протокол 25-го ноября.

2) Отношение брата Маслова о покрытии ложи.

3) Принят в Орден магистр университета Иван Паликов.

4) Для бедных собрано 84 р.

Декабря 23 дня.

Товарищеское собрание принятия под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читан: протокол последнего собрания.

2) Приняты в товарищескую степень Маслов и Аркадий Рахманов.

3) В пользу бедных собрано 72 р.

1819 год

Января 2 дня.

Товарищеское собрание принятия под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читан протокол последнего собрания.

2) Принят в товарищи: Андрей Маслов и Ситников.

3) Для бедных собрано 26 р.

Января 9 дня.

Ученическое собрание принятия под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читан протокол последнего собрания.

2) Принят в братство кандидат Иван Семенович Веселовский.

3) Для бедных собрано 45 р. 50 к.

Января 20 дня.

Мастерское собрание принятия под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читан протокол 9-го декабря.

2) Принят в Мастера Шнейдер.

3) Для бедных собрано 21 р.

Января 22 дня.

Мастерское собрание под председательством Сергея Степановича Ланского

1) Читан протокол последнего собрания.

2) Принят в мастера товарищ Степанов.

3) Для бедных собрано 39 р.

Января 27 дня.

Ученическое собрание принятия под председательством С. С. Ланского.

1) Читан протокол 9 января.

2) Принят в братство Титулярный советник Граве.

3) Для бедных собрано 45 р. 20 к.

Февраля 3 дня.

Ученическое собрание поучения под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читаны: протокол последнего собрания и некоторые статьи из Устава.

2) Для бедных собрано 27 р. 80 к.

Февраля 10 дня.

Товарищеское собрание принятия под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читан протокол января 2-го.

2) Приняты в товарищи: Галактионов, Калайдович и Александров.

3) Для бедных собрано 46 р. 80 к.

Февраля 17 дня.

Ученическое собрание принятия под председательством С. П. Фон-Визина.

1) Читан протокол 3-го февраля.

2) Принят в братство капитан Василий Семенович Раевский.

3) Для бедных собрано 36 р. 50 к.

Записка о собраниях масонской ложи под названием Ищущих Манны в течение Апреля и Мая 1818 года // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 75. — [Т.] IX.

ЗАПИСКА О СОБРАНИЯХ МАСОНСКОЙ ЛОЖИ ПОД НАЗВАНИЕМ ИЩУЩИХ МАННЫ

в течение Апреля и Мая 1818 года

Апрель 1-го дня.

Ложа Ученическая Поучения. Великий Мастер читал Рассуждения о намерениях Истинного Искателя по вступлению в Общество.

В кружку бедных собрано 35 рублей.

Всех братьев с посетителями было 16.

8-го дня.

Ложа Ученическая Принятия. Принят в сию степень гвардии капитан Александр Михайлович Быков.

В кружку бедных собрано 67 рублей.

Всех братьев с посетителями было 91.

22-го дня.

Ложа Ученическая Поучения. Великий Мастер читал Рассуждения об образовательной и иероглифическом принятии ученика.

В кружку бедных собрано 77 рублей.

Всех братьев с посетителями было 27.

29-го дня.

Ложа Ученическая Принятия. Принят в сию степень кандидат московского Императорского университета Степан Алексеевич Маслов.

В кружку бедных собрано 57 рублей.

Всех братьев с посетителями было 24.

Дмитриев-Мамонов А. Записка собраниям масонской ложи под названием Ищущих Манны в течение Января 1818 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 74. — [Т.] IX.

ЗАПИСКА СОБРАНИЯМ МАСОНСКОЙ ЛОЖИ ПОД НАЗВАНИЕМ ИЩУЩИХ МАННЫ

в течение Января 1818 г.

7-го дня.

Ученическая Ложа Принятия. Принят в сию степерь камер-паж Александр Петрович Титов.

Всех братьев с посетителями было 22.

В кружку бедных собрано 56 рублей.

Присоединены братья ученики губернский секретарь Алексей Васильевич Перваго, надворный советник Маслов, студент Адольф Карлович Шнейдер.

14-го дня.

Ученическая Ложа Принятия. Принят в сию степень иностранец российский подданный Гавриил Петрович Ланжуине.

Всех братьев с посетителями было 21.

В кружку бедных собрано 58 рублей 50 коп.

21-го дня.

Ложа Товарищеская Принятия. Повышен в сию степень брат Перваго.

Всех братьев с посетителями было 20.

В кружку бедных собрано 152 рубля.

28-го дня.

Ученическая Ложа Поучения. — Читаны законы, полученные от Великой Провинциальной Ложи.

Всех братьев с посетителями было 24.

Собрано на погребение скончавшегося брата и на вспоможение бедного его семейства 1008 рублей 50 коп.

Великий Мастер

Александр Дмитриев-Мамонов

Дмитриев-Мамонов А. Записка о собраниях масонской ложи под названием Ищущих Манны в Москве с открытия ее по 1-е января 1818 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 73—74. — [Т.] IX.

ЗАПИСКА О СОБРАНИЯХ МАСОНСКОЙ ЛОЖИ ПОД НАЗВАНИЕМ ИЩУЩИХ МАННЫ В МОСКВЕ

с открытия ее по 1-е января 1818 г.

Декабря 7-го дня.

Под управлением Великого Провинциального Мастера графа Виельгорского совершено торжественное открытие Ложи:

Вновь присоединены членами:

Камергер Князь Алексей Иванович Долгорукий.

Коллежский ассесор Сергей Павлович Фонвизин.

Коллежский советник Василий Дмитриевич Камынин.

Отставной майор Юрий Андреевич Зверев.

Титулярный советник Яков Иванович Венштерн.

Кавалергардского полка поручик Иван Юрьевич Поливанов.

Отставной генерал-майор Федор Михайлович Рахманов.

Адъютант герцога Виртембергского подполковник Шулепников.

Коллежский ассесор Иван Михайлович Фролов. Избраны:

Великим Мастером: Дмитриев-Мамонов.

Наместным Мастером: Фонвизин.

1-м Надзирателем: Курбатов.

2-м Надзирателем: Салтыков.

Секретарем: Пушкин.

Ритором: Головин.

Казначеем: Фролов.

Обрядоначальником: Домополов.

1-м Стуартом: Камынин.

2-м Стуартом: Зверев.

Всех братьев с посетителями было 62.

В кружку бедных собрано 376 рублей.

Декабря 11 дня.

Совершено принятие в Ученическую степень надворного советника Аркадия Руфовича Степанова, помещика Пензенской губернии.

Всех братьев с посетителями было 30.

В кружку бедных собрано 130 рублей.

Декабря 17-го дня.

Ложа Ученическая Поучения для новопринятого брата.

Всех братьев было 17.

В кружку бедных собрано 48 рублей.

Декабря 27-го дня.

Ложа Товарищеская. Принятие в сию степень гвардии поручика Поливанова и Жуаё — гувернера в доме графа Чернышева.

Всех братьев с посетителями было 25.

В кружку бедных 78 рублей.

Декабря 31 дня.

Ложа Ученическая. Торжества по случаю Конституции, полученной от Великой Провинциальной Ложи из Петербурга.

Вновь присоединен членом флота лейтенант Николай Иосифович Поздеев.

Всех братьев с посетителями было 29.

В кружку бедных собрано 110 рублей.

Великий Мастер

Александр Дмитриев-Мамонов

Список братьев масонов, составляющих ложу Ищущих Манны в Москве 1822 год // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 72—73. — [Т.] IX.

СПИСОК БРАТЬЕВ МАСОНОВ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ЛОЖУ ИЩУЩИХ МАННЫ В МОСКВЕ 1822 год

№	Имена и фамилии	Чины и звания
1	Федор Рахманов	Отставной генерал-майор

2	Вильгельм Шнейдер	Преподаватель Римского права при СПб Университете
3	Александр Степанов	Статский советник и кавалер
4	Иван Дело	Титулярный советник, служащий в Департаменте Юстиции
5	Василий Камынин	Статский советник
6	Федор Ушаков	Медико-хирург
7	Григорий Коробкин	Отставной полковник
8	Иван Головин	Коллежский асессор
9	Федор Окуньков	Губернский секретарь
10	Гавриил Апухтин	Коллежский советник
11	Михаил Шулепников	Рижско-Драгунского полка подполковник и дежурный офицер корпуса Внутренней стражи
12	Павел Воронцов-Вельяминов	Отставной штабс-ротмистр
13	Дмитрий Гридовский	Екатеринославского кирасирского полка поручик
14	Александр Иконников	Надворный советник. Дивизионный доктор 2-го резервного кавалерийского корпуса
15	Федор Казаков	Коллежский секретарь
16	Андрей Нирротор	Гвардии подпоручик
17	Аркадий Степанов	Надворный советник
18	Дмитрий Леслей	Штаб-ротмистр
19	Федор Протасьев	Коллежский асессор
20	Андрей Ключарев	Коллежский асессор
21	Иван Фролов	Коллежский асессор
22	Григорий Угрюмов	Статский советник
23	Гавриил Ланжуини	Швейцарский подданный
24	Алексей Ефимович	Действительный статский советник
25	Петр Красильников	9-го класса
26	Сергей Фон-Визин	Надворный советник
27	Петр Курбатов	Коллежский советник и кавалер
28	Николай Головин	Коллежский советник и кавалер
29	Евгений Головин	Генерал-майор, командир лейб-гвардии Егерского полка
30	Алексей Поздеев	Отставной флота капитан-лейтенант
31	Николай Татаров	Коллежский советник и кавалер

31	Николай Татаров	Коллежский советник и кавалер
32	Яков Винкстерн	Титулярный советник
33	Аким Татаринов	Надворный советник
34	Иван Галактионов	8-го класса
35	Степан Маслов	Коллежский асессор
36	Федор Реннеман	Титулярный советник и кавалер
37	Иван Поздеев	Отставной флота капитан-лейтенант
38	Федор Миллер	Доктор медицины
39	Иван Калайдович	Московского Университета кандидат
40	Василий Раевский	Отставной капитан
41	Павел Голембович	Коллежский асессор и кавалер
42	Сергей Толстой	Отставной гвардии капитан-подпоручик
43	Степан Нечаев	Коллежский асессор
44	Алексей Салтыков	Титулярный советник
45	Петр Шиц	Титулярный советник
46	Лев Оржеховский	Титулярный советник
47	Иван Веселовский	Московского Университета кандидат
48	Василий Мичурин	Лекарь
49	Богдан Шредер	Титулярный советник
50	Юлий Зверев	Отставной майор
51	Николай Салтыков	Камер-юнкер
52	Алексей Болотов	Прапорщик по квартирмейской части
53	Василий Пушкин	Коллежский асессор
54	Федор Граве	Коллежский асессор

Ланской С. С. Письмо в Министерство внутренних дел, 21 ноября 1817 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 71. — [Т.] IX.

ПИСЬМО С. С. ЛАНСКОГО В МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

21 ноября 1817 г.

Великий провинциальный Мастер граф Виельгорский известил меня из Москвы письмом, что некоторые братья обратились к нему с просьбою, дабы учредить в Москве ложу, а именно члены здешних лож:

Елизаветы: обер-шенк граф Григорий Иванович Чернышев, начальника Главного Штаба

Елизаветы: обер-шенк граф Григорий Иванович Чернышев, начальника Главного Штаба адъютант ротмистр Дмитриев-Мамонов, лейб-гвардии Семеновского полка капитан Панютин, Лейб-Гвардии Измайловского полка штаб-лекарь Чайковский, служащий в канцелярии Министерства иностранных дел коллежский асессор Халчинский, Московской университетской

типографии управляющего помощник Садыков, отставной гвардии капитан Сергей Васильевич Толстой, Доктор красноречия Иван Павлович Голенищев-Кутузов, кавалергардского полка поручик Поливанов и учитель Жуае.

Трех Добродетелей: Его Императорского Величества флигель-адъютант Панчулидзев.

Трех Светил: Лейб-гвардии Измайловского полка офицер Долгополое и не принадлежащие к здешним ложам: начальник Адрес-конторы в Москве Надворный советник Головин и Начальник Московской университетской типографии Курбатов; и при том изъявили желание принять наименование ложи Ищущих Манны и находиться под управлением Великой Провинциальной Ложи на основании существующих в ней законов...

Камер-юнкер 5-го класса С. Ланской

Список о членах Союза Великой Провинциальной ложи // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 70—71. — [Т.] IX.

СПИСОК О ЧЛЕНАХ СОЮЗА ВЕЛИКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЛОЖИ

ВЕЛИКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЛОЖА ЧЛЕНЫ СОВЕТА ОНОЙ

Имена их	Должности их в Великой Ложе	Статские звания
Великие чиновники		
Гр. Михайло Юрьевич Виельгорский. Почетный член всех Союзных Лож и Ключа к Добродетели	Великий провинциальный мастер	Камер-юнкер 5-го класса
Сергей Степанович Ланской. См. Елисав.	1-й Великий Наместный Мастер	Действительный статский советник
Гр. Григорий Иванович Чернышев. См. Орфей	2-й Великий Наместный Мастер	Обер-Шенк Двора его Императорского Величества
Иван Михайлович Евреинов. См. Трех Светил	1-й Великий Надзиратель	Коллежский советник
Александр Иванович Дмитриев-Мамонов. См. Трех Добродетелей	2-й Великий Надзиратель	Гвардии ротмистр
Андрей Петрович Римский-Корсаков. См. 3-х Добродетелей	Великий Канцлер	Коллежский советник
Павел Александрович Ржевский	Великий Визитатор	Полковник
Великие Официалы		
Степан Григорьевич Волховский. См. Елисав.	Великий Секретарь	Надворный советник
Петр Сергеевич Кайсаров. См. Елисав.	Великий Ритор	Камергер, коллежский советник
Роман Сергеевич Шулепников. См. Елисав.	Великий	Коллежский асессор

Роман Сергеевич Шушеников. См. Елисав.	Казначей	Коллежский асессор
Яков Федорович Скарятинов. См. Ищ. Манны	Великий Обрядоначальник	Полковник
Федор Федорович Герланд. См. Дубов. Дол.	1-й Великий Стуарт	Титул. советник
Василий Михайлович Головин. См. Трех Светил	2-й Великий Стуарт	Статский советник
Петр Иванович Рубец. См. Трех Светил		Надворный советник
Петр Иванович Мундт. См. Дубов. Дол.		Надворный советник
Сергей Павлович Фон Визин. См. Ищ. Манны		Коллежский асессор
Петр Александрович Курбатов. См. Ищ. Манны		Коллежский советник
Гр. Александр Федорович Ланжерон. См. Эвкс. Понта		Генерал от инфантерии
Адольф Шале. См. Эвкс. Понта		Французский консул в Одессе
Яков Петрович Жуае. См. Орфей		Учитель

Примечания: Сверх того в Велик. Ложе представителями суть: Петерб. Ее ложи их бр. надзиратели, а от Иногородних именно: ? Ищ. Манны бр. Кобылинский (член ? Елисав.) и ? Эвкс. Понта, бр. Римский-Корсаков (член ? Трех Добродетелей).

ПОДВЕДОМСТВЕННЫЕ ЛОЖИ

1. Ложа Елисаветы Добродетели в С. П. Б. Работы в оной на Российском языке.

2. Ложа Трех Добродетелей в С. П. Б. Работы в оной на Российском языке.

3. Ложа Трех Светил в С. П. Б. Работы в оной на Российском языке.

4. Ложа Дубовой Долины и Верности в С. П. Б. Работы в оной на Немецком языке.

5. Ложа Ищущих Манны в Москве. Работы в оной на Российском языке.

6. Ложа Эвксинского Понта в Одессе. Работы в оной преимущественно на Французском языке, но производятся также на языках Российском и Немецком.

7. Ложа Орфея в С. П. Б. Работы в оной на Французском языке.

Корнеев В. Е. Жизнь масонской ложи в документах // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 69. — [Т.] IX.

В российском обществе первой четверти XIX в. заметную роль играли возрожденные масонские ложи. Число их увеличивалось, работали они открыто и легально. Правительство Александра I вначале относилось к масонам если не покровительственно, то терпимо. Участия в ложах никто, будь то высокопоставленный государственный деятель или незначительный чиновник, не скрывал. Но правящий режим, стремившийся к осуществлению контроля за общественной жизнью, держал в поле зрения масонские организации.

В конце августа 1821 г. управляющий Министерством внутренних дел граф В. П. Кочубей (кстати, сам масон) докладывал Императору, что «в 1810 г. все управлявшие здесь ложами были призваны к Министру полиции, который объявил действительному статскому советнику Беберу в качестве Великого мастера повеление представлять правительству ежемесячные краткие отчеты о всем происходящем в ложах, что и поныне исполняют»*. Масоны выполнили этот

приказ, и в архивах МВД появилось собрание документов по истории двух Великих лож, Астреи и Провинциальной, и подчиненных им местных лож. Это протоколы и отчеты, переписка видных деятелей масонского ордена с чиновниками МВД, перлюстрированные письма масонов, списки членов лож и др.

В данной публикации представлены документы одной из главных лож — Ищущих Манны подчиненной Великой Провинциальной ложе и активно работавшей в Москве в 1818—1822 гг. Они отражают разные стороны организации и практической деятельности лож.

Ценным источником являются списки членов Великой Провинциальной ложи и ложи Ищущих Манны, на основе которых можно судить о составе и орденской иерархии русских масонов. Выписки из протоколов, несмотря на понятную краткость и фрагментарность, позволяют как бы заглянуть внутрь ложи, увидеть ее повседневную деятельность. Здесь содержатся сведения о текущей работе вольных каменщиков: о принятии новых «братьев», посвящении в очередные градусы и степени, о масонской «работе», благотворительной деятельности и т. д.

Дополнением к этим документам орденского архива являются письменные «Объяснения» бывшего члена ложи титулярного советника Ф. Реннемана, потребованные у него в 1826 г. в ходе следствия по делу декабристов. Это одно из немногих сохранившихся свидетельств очевидца-масона, рисующее жизнь ложи Ищущих Манны как бы изнутри.

Документы 1—3 и 5—8 публикуются по подлинникам, хранящимся в ГАРФ в фонде Особенной канцелярии МВД и III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (Ф. 1165. Оп. 3. Д. 57. Л. 7—8. Д. 54. Л. 256 об. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 229. 1822. Д. 28. Л. 29—30. Ф. 1165. Оп. 3. Д. 54. 244 об., 245, 275, 277, 277 об., 285 об., 286, 293 об., 294, 344, 345 об., 360. Ф. 109. Оп. 229. Д. 28. Л. 121—122. Д. 30. Л. 141. Оп. 1. Д. 2236. Л. 3—4 об.), документ 4 — по рукописной копии РГВИА (Ф. 410. Оп. 1. Д. 30. Л. 1—2 об.).

Показания А. Ф. Лабзина и К. Н. Батюшкова

Батюшков К. Н. [Подписка о неучастии в масонских ложах и других тайных обществах]: («Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я не принадлежал и не принадлежу ни к каким ложам масонским...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 85. — [Т.] IX.

К № 185

15 генваря 1823 (г.)

Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я не принадлежал и не принадлежу ни к каким ложам масонским, ниже иным тайным обществам внутри Империи, или вне Ея существовать могущим, и что я и впредь принадлежать оным не буду.

Почетный библиотекарь Надворный Советник Батюшков

Симферополь. Декабря 20. 1822

Сия подписка дана собственною рукою Почетного библиотекаря Императорской Публичной библиотеки Надворного Советника Батюшкова: в чем свидетельствую.

Директор оной библиотеки А. Оленин

Публикация В. И. САХАРОВА

Лабзин А. Ф. [Подписка о неучастии в масонских ложах и других тайных обществах]: («Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я принадлежал к ложе...») // Российский Архив: История

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 83—84. — [Т.] IX.

Министерство Духовных дел и Народного Просвещения

Департамент Народного Просвещения
Императорская Академия Художеств

Августа 23 дня 1822 года

Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я принадлежал к ложе так в просторечии называемых Новиковских братьев Масонов в Москве, которая не только давно упразднилась, но и из членов, ее составлявших, едва ли кто остается уже в живых. По возобновлении же лож здесь в Петербурге я был Почетным Членом двух лож, состоявших под ведением большой Ложи Астреи: Немецкой, Александра, коронованного Пеликана, и Русской, Российского Орла, также для братьев, не любящих шумных собраний и хвастовства, по праву, которое мне приобретенные в Масонском Ордене степени давали, держал особую независимую Ложу Умирающего Сфинкса, которая и самому Его Императорскому Величеству была известна. Ибо когда по некоему возникшему сумнению 5-го декабря прошлого 1821 года г(осподин) обер-полицмейстер с г(оспода)ми полицмейстерами и частным приставом делали осмотр в квартире, которая нанималась для Ложи, и в оной некоторые вещи запечатали и найденные тамо бумаги были ими взяты: то на другой же день по утру прислан ко мне был полицмейстер г(осподин) полковник Чихачов, который, извинясь в причиненной нам вчерашнего дня тревоге, взятые из Ложи бумаги мне возвратил и предложил свою готовность снять и наложенные на некоторые вещи печати, что в то же утро и исполнил, уверяя, что мы можем несумненно и беспрепятственно продолжать наше доброе дело. Вследствие чего по вступлении опять в нашу Ложу мы единогласно положили: праздновать ежегодно день рождения Его Императорского Величества, хотя бы по времени и другой Государь сидел на Российском престоле, яко истинного Благодетеля и высокого Покровителя нашего.

Храм Св. Иоанна Крестителя*

Но несмотря на все поданные мне уверения в безопасности, мысль о прекращении Масонских работ, как бы по предчувствию некоему, от меня не отставала, и 28 еще апреля я Ложу свою закрыл; а как теперь и все другие, вследствие Высочайшего повеления, также уже закрыты: то я ни к какой Ложе более и не принадлежу; к другим же тайным обществам, ни внутри, ни вне Отечества нашего никогда я не принадлежал. И как и по Масонским, равно как и по Христианским правилам одна из первейших должностей каждого есть повиновение законной власти: то на основании последовавшего ныне Высочайшего повеления обязуюсь отныне впредь ни сей ложе и никаким другим ложам или тайным обществам, как в Империи, так и вне ея находиться могущим, не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь.

Императорской Академии Художеств вице-президент Действительный Статский Советник и кавалер Александр Лабзин

Сноски к стр. 84

* Место собраний симбирской ложи Златого Венца. Построен в 80-е гг. XVIII в. В. А. Киндяковым в деревне Винковка Киндяковка близ Симбирска. Фотография 1920-х гг.

Сахаров В. И. Показания А. Ф. Лабзина и К. Н. Батюшкова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 82—83. — [Т.] IX.

Подписка о неучастии в масонских ложах и других тайных обществах, отбиравшаяся в 1822 г. у всех военных и чиновников согласно Императорскому указу, показала, как глубоко проник в

жизнь русского образованного общества таинственный и влиятельный орден вольных каменщиков. Вместе с тем эта подписка дала новый и интересный фактический материал для биографий многих замечательных людей, разъяснила непонятное дотоле движение судеб, стремительных возвышений и падений, головокружительных карьер.

Собственноручно, как того требовал указ, составил свои показания Александр Федорович Лабзин (1766—1825), питомец И. Е. Шварца и Н. И. Новикова, масон высоких степеней, талантливый переводчик мистических книг и издатель журнала «Сионский вестник». Ему было в чем признаваться: Лабзин с 15 лет находился в масонской среде, в 1783 г. принят в орден вольных каменщиков, благополучно пережил его разгром Императрицей Екатериной II, 15 января 1800 г. основал свою ложу «Умирающий сфинкс» и стал ее великим мастером, пригласив к масонским работам прощенного Новикова, М. Я. Мудрова, О. А. Поздеева, А. Л. Витберга, Д. П. Рунича, В. Л. Боровиковского и князя Г. П. Гагарина. Он возродил в царствование Александра I масонское движение и книгоиздательское дело Новикова, участвовал в создании Библейского общества, способствовал распространению в обществе просвещенного мистицизма.

Эта деятельность А. Ф. Лабзина была слишком хорошо известна правительству, он это знал, и потому осторожные признания умного, скрытного и властолюбивого масона превратились в мемуары. Уже испытавший гонения и запрещение «Сионского вестника», Лабзин стремился оправдаться. Он словно предчувствовал, что уже в октябре 1822 г. за дерзкий и остроумный отзыв о влиятельных вельможах его отправят в отставку с поста вице-президента Императорской академии художеств, вышлют из Санкт-Петербурга в город Сенгилей, а затем в Симбирск, где опальный, разоренный и больной Лабзин, пользовавшийся глубоким уважением и помощью местных братьев-масонов из ложи «Ключ к добродетели», скончался и был похоронен в Покровском монастыре. Монастырь и могила писателя-масона уничтожены в советское время.

Новонайденный автограф поэта Константина Николаевича Батюшкова (1787—1855) относится к трагическому и малоизученному периоду его жизни*. В 1822 г. поэт, почувствовав приближение новых приступов «черной меланхолии», неожиданно вернулся из Германии в Петербург, оттуда тайно уехал в Симферополь, к знаменитому психиатру Ф. В. Мюльгаузену. В Крыму его настиг Императорский указ о запрещении масонских лож.

Уже находившийся в «бессрочном отпуске» Батюшков числился по Министерству иностранных дел, но помог оформить подписку о неучастии в ложах не его министр К. В. Нессельроде, а давний друг и покровитель, директор Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге А. Н. Оленин, чей автограф имеется на свидетельстве поэта.

А. Ф. Лабзин

Подписки К. Н. Батюшкова и А. Ф. Лабзина хранятся в ОПИ ГИМ (Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 46, 48—48 об.).

Сноски к стр. 83

* См.: Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987.

Письмо И. В. Киреевского к В. М. Рожалину

Киреевский И. В. Письмо Рожалину В. М., 1829 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. И. Сахарова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 85—86. — [Т.] IX.

Русские посетители Иоганна Вольфганга Гете* давно уже выявлены и описаны, и все же в архивах встречаются документы, уточняющие детали этих визитов. Собиравшийся в Германию писатель Иван Васильевич Киреевский (1806—1856) летом 1829 г. сообщил в письме к физику

Василию Матвеевичу Рожалину (1806—?) последние немецкие новости, полученные семьей Киреевских-Елагиных. Они касались известного посещения Гете княгиней З. А. Волконской и литераторами С. П. Шевыревым и Н. М. Рожалиным. Письмо отправлено из Москвы и адресовано, по-видимому, в село Троицкое, где жил Рожалин.

Письмо хранится в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 603. Л. 1—1 об.).

***

Уже около двух недель, как я получил Ваше письмо, любезнейший Василий Матвеевич, но до сих пор не отвечал Вам потому, что мне хотелось бы сказать Вам что-нибудь положительное об Вашем братце1. Мы недавно получили от него письмо из Карлсбада, где он вместе с Кайсаровыми2 проведет часть лета. Но, вероятно, теперь они уже возвратились в Дрезден.

Братец Ваш здоров и, кажется, весел. По крайней мере таким нашел его Шевырев3. Н(иколай) М(атвеевич) виделся с Зинаидой Алекс(андровной)4 в Лейпциге, куда он нарочно приезжал по письму княгини, и, вместе с нею и с Шевыревым, поехал в Ваймар, на поклонение Гете. Старик принял их очень хорошо, а особенно Вашего братца, как переводчика его любимого романа5, и звал его на другой день обедать. Мюллер6, который вместе и Государственный секретарь и секретарь Гете, обещал Ник(олаю) Мат(веевичу), что на этом обеде Гете покажется ему во всем блеске своей немецкой любезности. Но, вообразите, братец Ваш имел дух отказаться и в тот же день отправился в Дрезден. Кайсаров сам теперь в Москве. Я был у Вашей матушки и нашел ее и Вашего батюшку7 в добром здоровье. Матушка Ваша показывала мне замок, который Вы ей прислали, и после нескольких неудачных опытов я наконец нашел секрет его отпирания и запирания, чем и имею удовольствие теперь перед Вами похвалиться. Прощайте, скажите мое почтение Якову Федоровичу и напишите мне об Федоре Николаевиче, где он, часто ли пишет, и пр. и пр. Я зато буду сообщать Вам всякое известие, которое получим от

Н(иколая) М(атвеевича). Поклонитесь Гамсу8 и, сжавши ему руку покрепче, скажите, что это от человека, который его знает больше, чем он думает.

Весь Ваш И(ван) К(иреевский)

Брат мой9 уехал 14 июня и поручил мне за него проститься с Вами. Теперь он, вероятно, уже в Дрездене, где пробудет недели две. Все, что он напишет об Вашем братце, я тотчас же сообщу Вам.

И. В. Киреевский

Мне бы очень интересно было знать, как Вы проводите время и чем больше занимаетесь. Если у Вас найдется свободная минута, то Вы бы доставили мне большое удовольствие, если б поделились со мной Вашим житьем-бытьем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Рожалин Николай Матвеевич (1805—1834), писатель и философ, участник московского кружка «любомудров».

2 Семья генерала от инфантерии П. С. Кайсарова, где Рожалин служил воспитателем дочери.

3 Шевырев Степан Петрович (1806—1864), поэт и историк литературы, друг Н. М. Рожалина.

4 Волконская Зинаида Александровна (1789—1862), княгиня, писательница. Н. М. Рожалин стал учителем ее сына Александра, сменив на этом месте С. П. Шевырева, и жил в римском доме княгини. Волконская, ее сын, Шевырев и Рожалин были у Гете в Веймаре 12 мая 1829 г.

5 Н. М. Рожалин перевел в 1828 г. «Страдания молодого Вертера». Издал эту книгу А. А. Елагин.

6 Мюллер, фон, Фридрих (1779—1849), тайный советник, канцлер Великого герцогства Саксен-Веймарского, друг Гете. У Рожалина было рекомендательное письмо к Мюллеру, данное ему В. А. Жуковским в Санкт-Петербурге в 1828 г.

7 Рожалин Матвей Козьмич (1776—1833), врач, ординатор Московской Мариинской больницы, статский советник.

8 Гамс — скорее всего, сын или младший брат известного мебельного фабриканта Д. Г. Гамбса.

9 Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), 27 августа был в Дрездене и праздновал вместе с Н. М. Рожалиным день рождения Гете. Впоследствии к ним присоединился Иван Киреевский, и они жили в Мюнхене в доме искусствоведа С. Буассере, друга Гете.

Публикация В. И. САХАРОВА

Отношение А. Х. Бенкендорфа С. С. Уварову

Бенкендорф А. Х. Отношение Уварову С. С., 16 сентября 1834 / Публ. [и вступ. ст.] С. В. Казаковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 87—88. — [Т.] IX.

С января 1834 г. началось издание ведомственного «Журнала Министерства народного просвещения», где было помещено сообщение о торжественном открытии Киевского университета 15 июля 1834 г.* и тексты речей, произнесенных попечителем Киевского учебного округа Е. Ф. фон Брадке и губернскими представителями дворянства Киевской, Подольской и Волынской губерний (См.: «Журнал Министерства народного образования. 1834. Ч. III. № VII. С. 296—315).

Император Николай I

Не вызывает сомнения, что Николай I читал это сообщение. Реакция Императора была неожиданной.

Ниже публикуется «Отношение» главного начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии графа А. Х. Бенкендорфа (1781—1844) министру народного просвещения графу С. С. Уварову (1786—1855) от 16 сентября 1834 г. по поводу замечания Императора Николая I на заметку об открытии Киевского университета.

Документ хранится в РГИА (Ф. 735. Оп. 1. Д. 540. Л. 1. Подлинник). На левом поле — помета: «Г(осподин) министр приказал отвечать, что сие ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление принято будет к д(ействию).

***

№ 244

16 сентября 1834

Москва

Его Превосх(одительству)

С. С. Уварову

Милостивый Государь Сергей Семенович!

Государь Император, по прочтении статьи из Киева, заключающей описание открытия тамошнего Университета, в которой были употреблены многие льстивые слова, касательно Особы Его Величества, — Высочайше мне повелеть соизволил отнестись к Вашему Превосходительству о наблюдении, дабы в подобных описаниях излагались одни события, не употребляя отнюдь льстивых выражений, до Особы Его Величества относящихся.

Уведомляя Ваше Превосходительство о сей Высочайшей воле, — с совершенным почением имею честь быть

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Граф Бенкендорф

Публикация С. В. КАЗАКОВОЙ

Воспоминания Б. Н. Чичерина

Чичерин Б. Н. Воспоминания Б. Н. Чичерина / Публ., [вступ. ст. и примеч.] А. Шаханова, Г. Щетининой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 89—175. — [Т.] IX.

Имя Бориса Николаевича Чичерина (1828—1904) по праву стоит в одном ряду с именами таких мыслителей, ученых, публицистов второй половины прошлого века, как К. Д. Кавелин, Ф. М. Достоевский, С. М. и Вл. С. Соловьевы.

Являясь одним из теоретиков и практиков отечественного либерализма, Чичерин был чужаком в лагере бюрократии. Открытым противоборством с ней объясняются его уход с профессорской кафедры (1868), поста московского городского головы (1883), многочисленные препоны его земской деятельности. Не жаловали Чичерина и в среде радикальных демократов. Его программа постепенного вхождения России в русло конституционной жизни, неприятие любого экстремизма не воспринимались политиками народнической, кадетской и социалистической ориентации.

Перепитии нелегкой судьбы, многогранная научно-публицистическая деятельность Чичерина нашли отражение на страницах его мемуаров, подготовке которых он посвятил около семи лет жизни (1888—1894). В 1902 г. во время пожара в имении Караул воспоминания чуть было не сгорели. Автор, спасая рукопись, получил чувствительные ожоги. Только благодаря самоотверженности прислуги удалось вынести ее из огня. Следы пламени и сейчас заметны на тетрадях в зеленом переплете, в которые Чичерин переписал окончательный вариант своих воспоминаний.

Чичерин посвятил свои мемуары жене — Александре Алексеевне. В 1911 г. она передала рукопись в дар Российской Академии наук с условием ее обнародования не ранее 1934 г. Однако уже в апреле 1922 г. племянница ученого, Наталья Аркадьевна Чичерина, заключила договор с кооперативным издательством М. и С. Сабашниковых об издании мемуаров. В полную собственность издателей была передана выверенная машинописная копия воспоминаний и на период работы — оригинал*. Публикация их по разным причинам затягивалась.

Только в 1925 г. мемуары были включены в готовящуюся серию «Записки прошлого», редактируемую С. В. Бахрушиным и М. А. Цявловским. Тома воспоминаний публиковались не в логической и событийной последовательности, а в порядке их «общественной значимости». В

1934 г., когда неопубликованными оставались лишь две первые главы («Мои родители и их общество», «Мое детство»), издательство «Север» — правопреемник издательства Сабашниковых — было ликвидировано**, а подготовленная к изданию рукопись так и не дошла до читателя.

Не менее трагична и судьба усадьбы Караул, в обустройство которой было вложено столько трудов не одним поколением семьи Чичериных. Борис Николаевич, не имея прямых наследников (трое его детей умерли в малолетстве), мечтал создать в имении Музей дворянского быта. Его племянник — будущий нарком Г. В. Чичерин — отказался наследовать Караул. Пока была жива вдова хозяина, в барском доме сохранялся полный порядок. В 1919 г. в Караул въехал детский интернат им. Г. В. Чичерина. С 1923 г. музей начали вытеснять даже из комнат второго этажа, которые любовно поддерживал директор и едва ли не единственный служитель А. Вл. Чичерин***. В 1927 г. музей был окончательно ликвидирован. Одновременно та же участь постигла и музеи в Остафьево, Марфино, московский Музей сороковых годов на Собачьей площадке. Кабинет Бориса Николаевича, часть мебели, библиотека были переданы в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина (ныне РГБ), уголок караульской гостиной — в краеведческий музей Тамбова, картины и коллекцию гравюр поделили между собой Тамбовская картинная галерея, городская библиотека, Русский музей и Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

В основу настоящей публикации положена наборная рукопись первых двух глав воспоминаний Чичерина, подготовленная в издательстве Сабашниковых (РГБ. Ф. 261. Карт. 21. Ед. хр. 1. Л. 1—139. Машинопись. Оригинал воспоминаний хранится в ГАРФ (Ф. 1154. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—149). Незначительные купюры касаются интимных сторон жизни семьи Чичериных. Текст публикуется по правилам современной орфографии и пунктуации.

Б. Н. ЧИЧЕРИН

ВОСПОМИНАНИЯ

Предисловие

О милый гость,святое Прежде,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: живи — надежде?
Скажу ль тому, что было: будь?

Жуковский (Песня, 1818)

Наше поколение пережило эпоху величайшего перелома в русской истории. Мы видели конец быта, построенного на крепостном праве, мы были деятелями или свидетелями великих преобразований, разрушивших до корня старый порядок и положивших начало новому общественному строю, основанному на всеобщей гражданской свободе; нам довелось, наконец, видеть воочию ближайшие плоды этих преобразований, плоды, которые на первых порах вместе с радостями принесли нам, может быть еще более горя. Сколько пламенных надежд, сколько благородных стремлений и как мало настоящее соответствует ожиданиям! Казалось, освобожденное русское общество, стряхнувшее вековые оковы, воспрянет с новою силою и проявит все сокровища, таившиеся в глубине народного духа.

Вместо того перед нами расстилается однообразная серая равнина, где с трудом можно встретить какое-либо отрадное, возвышающее душу явление. Сверху гнет старой бюрократической рутины и формализма, стремящихся к прежнему безграничному господству; снизу стоячее болото, где мелькающие огоньки мысли служат только признаком гнилого брожения; дряблость и раболепство в обществе, пошлость и бездарность в литературе — вот все, что нас окружает. И в такой безотрадной картине незаметно ничего, что бы обещало лучшее будущее.

Человеку, пережившему это смутное время, видевшему вблизи все действовавшие в нем пружины, подобает передать потомству взгляд современников на эти знаменательные события. Я могу сделать это с полным знанием дела и с возможным для человеческой природы беспристрастием.

Моя молодость протекала среди старого дворянского быта, которого я состою живым свидетелем. Я видел этот быт и в провинции, и в столице. Я воспитался в умственном движении сороковых годов и был близок к главным его деятелям. Я коротко знал и всех замечательнейших людей эпохи преобразований. Наконец, мне самому привелось быть деятелем и участником в различных общественных средах, созданных или обновленных реформами прошедшего царствования, в университетах, в земских собраниях, в городском самоуправлении1. И теперь, приближаясь к концу своего земного поприща, живя почти в полном уединении, отставши от людей и не имея ничего впереди, среди поблекших надежд и разрушенного счастья, я часто мысленно переношусь в утекшие времена и нахожу отраду в беседовании с прошлым. Передо мною восстают образы людей, к которым я был близок и которых я любил, представляю себе благородные черты того крепкого поколения, среди которого я воспитался, их живые умственные интересы, их глубокое уважение к образованию, их сильные характеры, их широкий, просвещенный и вместе светлый взгляд на жизнь. Почти все они сошли в могилу; с ними похоронено все, что их мучило и вдохновляло. Явились новые люди, с иными взглядами и стремлениями; люди, среди которых я чувствую себя чужим, как бы остатком вымершей формации:

Один — на ветке обнаженной.
Трепещет запоздалый лист!..2

Б. Н. Чичерин. Рисунок В. Серова. 1902 г.

Однако эта сердечная память о прошлом не заставляет меня смотреть недоброжелательно на те преобразования, которые положили конец старому порядку. Напротив, я глубоко убежден в их необходимости и своевременности. На старости лет я не отрекся от благородных стремлений своей юности, но сохранил непоколебимую веру в те идеи, которые нас тогда воодушевляли. Совершенные преобразования составляли самую заветную мечту лучших людей прежнего поколения. Эта мечта сбылась, и если она не принесла того, что от нее ожидалось, то виною в том прежде всего неотразимый ход жизни, который дает медленным и трудным путем то, что в идеале представляется легко достижимым. Виноваты в значительной степени и люди, которые своим неразумением, невежеством, иные сумасбродными мечтами, другие мелкими и корыстными целями, портили и портят великое дело. Виновато, наконец, измельчавшее, погрязшее в апатию, испуганное чудовищными явлениями общество, потерявшее веру в прежние идеалы и, главное, потерявшее уважение к человеку.

Преобразования застигли Россию в критическую эпоху. Прежний невыносимый гнет не только не давал ничему приготовиться, но, напротив, беспощадно подавлял всякие благие зачатки, которые появлялись в незрелой еще общественной среде. Прежнее общество исчезло, когда новое еще не сложилось. Наши потомки пожнут плоды посеянного ныне, но нам этими плодами не придется насладиться. Нам остается только передать им назидательную повесть о том, что мы видели и совершили, о своих целях, надеждах и разочарованиях.

Может быть, потомок найдет некоторый интерес в моем повествовании, а если нет, то оно послужит услаждением для меня самого. Переносясь в прошлое, я буду вновь переживать счастливые дни своего мирного детства, пламенные увлечения и разочарования юности, испытания зрелых лет, все радости и горе жизни; я буду беседовать с теми, кого любил и кого уже нет. Во всем этом есть поэзия, которая служит украшением старости, особенно если мы лишились тех радостей в настоящем, которые на склоне лет служат утешением людей. Поэтому да не посетует читатель, если в моих воспоминаниях будут вырываться черты, чисто лично до меня относящиеся. Постараюсь не слишком о них распространяться; во всяком случае я не

намерен вводить хотя бы и будущую публику в свою сокровенную жизнь.

19-го сентября 1888 года

Село Караул

Глава I

МОИ РОДИТЕЛИ И ИХ ОБЩЕСТВО

Я родился в Тамбове 26-го мая 1828 года. Мои родители были тоже тамбовские уроженцы. Отец мой принадлежал к отрасли старого дворянского рода, давно поселенной в Тамбовской губернии. В наших дворянских документах значится, что наш предок, Матвей Меньшой сын Чичерин за московское сидение при царе Василии Ивановиче получил из поместья в вотчину имение в Лихвинском и Перемышльском уездах ныне Калужской губернии3. Оттуда наша ветвь перешла в Тамбовский край. Мой прадед Дементий Андреевич4 был здесь воеводою и оставил по себе хорошую память. После учреждения губерний5 он был выбран советником уголовной палаты. Председатели в то время еще назначались правительством. Дед мой Василий Дементьевич в екатерининские времена служил в Преображенском полку. Он вышел в отставку с чином полковника, женился на Извольской и поселился в Тамбове6. Мне в детстве показывали его длинный и низенький деревянный дом на берегу реки, на углу Тезикова переулка. После его смерти этот дом был продан. Ни деда, ни бабки я не знал; мои воспоминания начинаются с отца.

Николай Васильевич Чичерин7 родился в 1803 году. Он воспитывался дома, но, по тогдашним провинциальным нравам и средствам, получил весьма скудное образование и рано был определен в военную службу. «Меня не учили так, как вас, — пишет он в одном письме. — Я окончил изучение языка тринадцати лет у тамбовского семинариста. После я учился в полку, переписывая то, что мне нравилось в книгах, и стараясь отгадывать правила и красоты языка, не имея никого, кто бы мог мне их объяснить».

Отец служил в Переяславском конно-егерском полку, который был расположен где-то в провинции, кажется около Венева. К счастью для любознательного юноши, в ту местность, где стоял полк, приехал одно лето погостить к приятелю известный профессор сельского хозяйства в Московском университете Михаил Григорьевич Павлов8. Это был человек высшего ума и образования, с философскими взглядами, умевший действовать на молодежь. Молодые офицеры собирались вокруг него, и он старался возбудить в них жажду знания. Искра запала в восприимчивую душу моего отца, он взял отпуск и уехал учиться в Москву.

Здесь он через посредство М. Г. Павлова завел некоторые литературные знакомства. В особенности он сблизился с известным остроумным водевилистом Писаревым и Николаем Филипповичем Павловым9. Оба они были люди умные, образованные и даровитые и оба страстные игроки. Они в то время жили вместе у Федора Федоровича Кокошкина10, тогдашнего директора театров. Михаил Семенович Щепкин11 рассказывал, что однажды, зашедши к ним перед каким-то праздником, он застал их играющими вдвоем в азартную игру. Ни у того ни у другого не было денег; весь их капитал состоял в двадцати пяти рублях, которые переходили из рук в руки. Через два дня Щепкин поехал поздравить Кокошкина с праздником и опять зашел к двум приятелям. И что же он увидел? Они с тех пор не вставали с места; в халатах, с раскрасневшимися глазами, с растрепанными волосами, они продолжали свою азартную игру, и те же несчастные двадцать пять рублей, с переменой счастья, переходили от одного к другому.

Памятником тогдашнего пребывания отца в Москве осталась только одна записка следующего содержания: «Посылаю тебе Мнемозину, любезный пустынник, а Жофруа12 постараюсь достать завтра. Будь здоров, весел и спокоен. Твой Писарев»13.

Связь с Писаревым продолжалась недолго, ибо он рано умер; но дружба с Н. Ф. Павловым сохранилась на всю жизнь. О нем мне приходится много говорить в своих воспоминаниях. Павлов рассказывал мне, что они с отцом жили вместе, учились, ходили в университет слушать

Павлов рассказывал мне, что они с отцом жили вместе, учились, ходили в университет слушать лекции. Но уже в [18]27 году отец вернулся на родину, вышел в отставку с чином поручика и женился на дочери тамбовского же помещика, Катерине Борисовне Хвощинской14. С тех пор он остался на постоянном жительстве в провинции.

Отец мой по своим свойствам был человек из ряду вон выходящий. Проживши до шестидесяти лет, я могу сказать, что не встречал в своей жизни человека, у которого было бы такое полное и гармоническое сочетание всех сторон человеческой души, ума, воли, чувства и вкуса. У него не было ничего выдающегося, но и ничего мелочного, не было: ни пристрастия, ни увлечений, ни предрассудков, ни каких-либо суетных страстей и побуждений. Ум был твердый, ясный и здравый, способный понимать как теоретические вопросы, так и практическое дело. Всякий поступок его был зрело обдуман, и раз принятое решение исполнялось с неуклонною твердостью. По природе он был вспыльчивого нрава, и случалось иногда, что, застигнутый врасплох, он не воздерживал своего гнева. Но и в эти минуты проявлялась отличительная черта его характера: его сила воли выражалась прежде всего в умении управлять собою. Мать рассказывала мне, что, когда он, бывало, вспылит, он тотчас же уходил в свою комнату и запирался, пока не улегался его гнев. Сам он пишет в одном письме по поводу кражи, совершенной его камердинером: «Ты думаешь, что я вспылил, когда узнал о низком деле моего камердинера, совсем напротив. Катерина Петровна сказала мне поутру, я просил ее никому не говорить и дал себе несколько часов на размышление. Когда он мне признался, я сказал ему, что мне его жаль, потому что он навсегда испортил судьбу свою. Я могу рассердиться за неловкость, глупость и бестолковость, могу вспылить по нечаянности и в мелких случаях жизни, но во всем, что серьезно, я всегда останавливаю первое мое движение, чтобы иметь время размыслить. Это — верная черта моего характера».

И при такой силе воли, при таком редком самообладании в нем не было решительно ничего жестокого. Во все отношения к близким он вносил удивительную сердечную теплоту и неизменную деликатность. Мы, дети, глубоко уважали отца и боялись чем-либо заслужить его осуждение, но никогда не испытывали на себе его гнева и не слыхали от него ни единого сурового слова. Перечитывая его письма, писанные к совершенно еще молодым людям, исполненные мудрых наставлений, нельзя было не быть пораженным их мягко отеческим тоном. Всякий касавшийся нас вопрос, будь то учение, работа, удовольствие или даже хозяйственное распоряжение, обсуждался им заботливо и основательно, со всех сторон, но всегда в виде совета, а никогда приказания. «Милый Борис, не оставь без внимания моих замечаний, — пишет он в одном письме. — Может быть, я не хорошо высказал мои мысли, но я убежден, что говорю дельно в отношении к вам. Это убеждение происходит не от размышления только, сердце его внушает. Подумай и отвечай мне с искренностью. Если согласен, то старайся не забывать».

Так относился к детям этот человек, всегда умевший собой повелевать. Что касается до жены, то во всех его письмах к моей матери выражается такая горячая любовь, такое полное доверие, такая нежная заботливость, такая ласковость и деликатность, что лучшей семейной связи невозможно придумать.

Подобные отношения, конечно, могли установиться только при высоком нравственном строе. И точно, я не знаю в отце ни одного поступка, ни одного душевного движения, в которых бы не высказывалась пламенная и полнейшая прямота. Подчиняясь нравам среды, снисходя к слабостям других, он никогда не вступал в сделки с собственными нравственными убеждениями. Обязанность была для него не отвлеченною меркою, не внешним предписанием, с которым человек должен сообразоваться, а внутренним голосом разумной совести, не допускавшей уклонения от истинного пути. Всецело преданный семье, поставив себе целью жизни устройство своего семейного быта и воспитание детей, он старался тот же нравственный строй водворить и в своей домашней среде; но в этом не было никакой узкости, никакой требовательности или нетерпимости. Мы никогда не слыхали от него назидательных наставлений. Нравственный дух водворялся сам собой, как нечто естественное и необходимое. Это была атмосфера, которой дышало все кругом.

С теми же нравственными требованиями и с тем же широким пониманием разнообразных свойств человеческой природы он обращался и к другим. Он всегда был сдержан в своих суждениях и редко высказывался резко; но суждение было всегда твердое, когда дело шло о нравственном поступке. Снисходительный к слабостям друзей, он глубоко огорчался всяким не совсем благовидным действием, так что мать, особенно в последние годы, старалась скрывать от него то, что в этом отношении могло быть ему неприятно. Но скрыть от него что бы то ни было было чрезвычайно трудно; с своею тонкою проницательностью он легко обнаруживал всякую ложь и всякие прикрасы. Недаром Н. Ф. Павлов, посвящая ему свои первые «Три повести», обратился к нему с следующим характеристическим четверостишием:

Тебе понятна лжи печать,
Тебе понятна правды краска,
Но не могу я разгадать,
Что в жизни быль, что в жизни сказка15.

Эта твердость и ясность в суждении, это широкое понимание человеческой природы, эта проницательность в уловлении самых сокровенных ее изгибов делали его глубоким знатоком людей. Это была, может быть, самая выдающаяся черта его ума. Он сразу умел оценить человека и оценить настоящий его уровень. Его письма представляют в этом отношении замечательные примеры. Так, в 1844 году вернулся из долговременного путешествия за границею тамбовский помещик А. М. Циммерман. Он несколько лет жил в Италии и привез оттуда собрание художественных произведений. В однообразной провинциальной жизни это была находка; все собирались его слушать. Но отец разом понял, что тут не было ничего, кроме внешней скорлупы. Он писал матери, которая в это время была с нами в Москве: «Общество здесь сделалось как-то еще вялее; в кругу дам оно оживляется рассказами путешественника N., который знает о Европе только то, что можно видеть простым глазом, ощущать рукою, и для которого остались непонятными, как китайский язык, причины явлений, представлявшихся глазам его, мысли, составляющие внутреннюю жизнь европейцев, даже значение светских условий и обыкновений. А они слушают его с почтением». Надобно заметить, что отец никогда еще не бывал за границею и большую часть жизни провел в русской провинции.

В это время приехал в Тамбов по винокуренным делам человек гораздо высшего разряда, нежели Циммерман, пользовавшийся известностью в литературном мире, Александр Иванович Кошелев16. Но и его отец тотчас раскусил. Он писал о нем матери: «Вчера он у меня обедал и провел весь день. Я слыхал о нем как о человеке очень умном, отлично хорошо воспитанном, имеющем большие сведения и много путешествовавшем; такое явление в Тамбове очень редко, и я залучил его к себе, чтобы насладиться, слушая. В продолжение всего дня он говорил много; в разговорах виден был человек рассудительный и расчетливый, но ни одной идеи, которая выходила бы за обыкновенный круг, ни одного тонкого замечания, ни одного оборота речи, в котором можно было бы заметить человека нерядового; он даже неловко говорит. Странное дело! Видно, есть люди, которые сокровища ума и сердца прячут так глубоко, что до них не доберешься». Оценка совершенно верная.

Гораздо лучшее впечатление произвел на него приехавший в то же время для свидания с родными Алексей Алексеевич Тучков, отец второй жены Огарева17. «Это не Кошелев, — писал мой отец, — в каждой фразе его виден умный человек. Правда, что по живости своей и говорливости он иногда нападает на ложные мысли, но всегда умно и прилично их поддерживает. Особенно замечателен он тем, что говорит о математике с какой-то увлекательной прелестью».

Из этих выписок можно судить, каким тонким пониманием человеческих свойств и характеров был одарен мой отец. Его мнение имело тем более веса, что оно высказывалось всегда сдержанно и осторожно, но с полнейшей независимостью. Для себя он ничего не искал и не добивался и в людях ценил качества ума и сердца, а не положение или богатство. Эти правила он старался внушить и детям, предостерегая их от всякой суетливости и тщеславия. И в этом отношении

письма его содержат в себе удивительно глубокие наставления. Однажды брат Василий18, который тотчас по выходе из университета начинал свою службу в Петербурге, высказал сожаление по поводу того, что ему не удалось быть представленным в некоторые аристократические дома. Отец отвечал ему: «Прочитавши эти строки, я не мог не пожалеть о тебе. Неужели ты так скоро заразился пустым тщеславием, этою общею болезнью великосветских людей? Неужели твоя свежая душа приняла уже в себя гнилые миазмы светской атмосферы? Рассуди хорошенько, для чего ты желаешь войти в так называемый высший круг, составленный по большей части из людей, в сущности, пустых, но чопорных и надутых, прикрывающих, конечно, свой жестокий эгоизм и внутреннюю бедность блеском наружной роскоши и приятностью форм. Подумай о том, что в этот круг ты мог бы только иногда являться, но оставаться в нем постоянно для тебя было бы невозможным, не имея денежных средств... Я начинаю думать, что в тебе менее самостоятельности, нежели я предполагал; мне казалось, что, вступая в свет, ты будешь изучать его формы и благоразумно наслаждаться его удовольствиями, не теряя из виду своей цели, не забывая условий своего положения, сохраняя прямоту понятий, истину и теплоту чувства; но теперь мне кажется, что свет коснулся твоей души своею дурною стороною. Одумайся, милый Вася, пока еще есть время, пока порча не проникла до костей, как говорится. Яд тщеславия сначала понемногу всасывается в душу, а потом так в ней растворяется, что не оставляет свежего местечка. Тебе оно, кроме нравственной порчи, принесет еще и тот вред, что всегда будет тебя мучить как неудовлетворенное чувство. Пойми, что я говорю о тщеславии, а не о том естественном самолюбии, которое каждому образованному человеку внушает желание принадлежать к хорошему обществу. Это самолюбие в тебе должно быть удовлетворено, потому что некоторые из тех домов, в которых ты бываешь, принадлежат к высшему кругу, и если в других знакомых тебе домах не отличаются утонченностью светских условий, изяществом форм, зато в них находишь истинные условия хорошего общества: при отсутствии грубости и невежества простоту обращения, пристойность, искренность в сношениях, благородство чувств и образа мыслей. Во всех этих домах ты или любим, или оценен как молодой человек не без достоинства — чего же тебе еще хочется относительно общества? Может быть, ты мало встречаешь людей с высоким развитием; но таких людей везде немного, а в высшем кругу еще менее, нежели в сферах более скромных. Я не жил в высоком кругу, но известно, что там этикет и формы составляют существенные условия, до того стеснительные, что не оставляют ни малейшего простора уму и чувству. В такой сфере для меня было бы не только скучно, но и душно. Правда, я стар, и потому всякое принуждение мне тягостно, но ты можешь и должен выдержать всякое принуждение, если имеешь в виду достижение какой-нибудь серьезной цели; только надобно, чтобы эта цель была не пустое тщеславие. Еще раз повторю: берегись этой заразы, умертвляющей все истинно доброе и прекрасное в душе человека, и разочти свои денежные средства. По моему мнению, не надобно ставить себя в такое положение, которое нельзя долго выдержать».

Опасения насчет брата были напрасны; они проистекали из любвеобильного отцовского сердца. Но эти строки показывают, как трезво, тонко и глубоко отец смотрел на людей и на отношения. Трудно встретить более меткое, благородное и вместе мягкое назидание.

Оттого он и пользовался всеобщим уважением. Расположения его искали как дара; дружба его была редким сокровищем. По своему просвещенному уму, по своей любви к умственным интересам и образованию, он естественно сближался более всего с людьми, стоявшими с ним на одном уровне, и таких, как увидим, можно было найти в Тамбовской губернии. Но он охотно сходился и с людьми не столь высокого свойства, в которых привлекали его симпатические стороны характера, добродушная веселость или рыцарское прямодушие. Вообще, не любя большого общества, он был доступен в домашнем кругу и гостеприимно открывал двери своего дома многочисленным родным и приятелям.

Наконец, ко всем этим редким свойствам ума и воли присоединялось врожденное чувство изящного. Самая его наружность носила на себе печать изящества. Он был среднего роста, с выразительными и красивыми чертами лица; в молодости он был очень хорош собою. Одевался он просто, но всегда тщательно и по последнему вкусу; во всей его особе не было ни малейшего

признака неряшества. Он представлял из себя старого военного хорошего тона; как бывший офицер, он носил усы. Безукоризненным изяществом отличались и его манеры, полные спокойствия и достоинства. Его редкое умение управлять собою выражалось в том, что у него никогда нельзя было заметить ни одного нетерпеливого или некрасивого движения. Он умел

воспитать в себе ту изящную простоту форм, которую он ценил и в других, не придавая им, впрочем, преувеличенного значения. Изящество он любил и во всей своей обстановке. Со вкусом сделанный дом, хорошо разбитый сад, щегольский экипаж, красивые лошади, стройное дерево приводили его в восторг. Но никогда он внешнему убранству не жертвовал ничем существенным и еще менее думал делать из этого предмет пустого тщеславия. Он мог точно так же жить среди самого простого быта, задавая себе только целью постоянно украшать свою жизнь по мере сил и средств, в чем и успел совершенно.

Но главное, что его пленяло, это было изящество речи. Всякое меткое выражение, всякий счастливый оборот останавливали на себе его внимание. Нередко он даже записывал фразы, которые его поражали. Напротив, его коробила всякая неправильность. Помню, что он не мог переварить слышанного им от заезжего из Петербурга барона Розена19, который во французском разговоре произнес: «бюрократа» вместо «бюрокраси». «Как возможно столичному жителю, вращающемуся в высшем обществе, говорить таким образом!» — восклицал он. Такое чуткое внимание к красоте форм делало его тонким судьею литературных произведений. Не только общий их характер, но и каждую частность он ценил и взвешивал с верным пониманием. Бывало, Павлов прочтет какие-нибудь стихи; отец тотчас скажет, что в них хорошего и дурного. Раз при мне кто-то прочел неизданное стихотворение, которое приписывалось Пушкину. Отец тотчас сказал: «Да, это его; никто другой не мог этого написать».

Понятно, что и в воспитании детей одна из существенных забот его состояла в том, чтобы внушить им необходимость выработать в себе изящество речи. Он твердил мне об этом постоянно и сетовал на то, что я не обращал на (э)то достаточно внимания. Однако он и тут не переходил через меру и никогда не думал жертвовать сущностью форме. Как умно и верно он судил об этом вопросе, можно видеть из следующих строк, писанных к нам, когда мы были уже студентами: «Прежде я не желал, чтобы вы получили сильное литературное образование, боясь его невыгоды, которая состоит в том, что оно дает способность говорить о всяком предмете, не изучив его, и от этого молодые люди приучаются удовлетворять себя искусством убирать внешним образом внутреннюю пустоту. Этого нельзя не бояться, но неуменье владеть словом еще хуже, особенно у нас в России, где до сих пор ценят форму гораздо более, нежели содержание». Когда же я вступил на литературное поприще, он строго судил всякое неправильное выражение и говорил, что он для меня необходим как литературный судья. Он не подозревал, увы, что в последующее время изящество речи будет становиться ни во что.

Сам он говорил мало. Серьезный и сдержанный, он редко высказывался и, понимая шутки, сам никогда почти не шутил. Однако он умел вести светский разговор с дамами, которые его занимали, и любил иногда распахнуться в дружеской беседе, особенно за бокалом вина. Он охотно угощал у себя приятелей, а когда приезжал в Москву, то первое дело было поехать с друзьями пообедать и насладиться умным разговором. Он редко позволял себе и это удовольствие, ибо оно вредно действовало на его здоровье; но он любил вино как воодушевляющее средство для оживленной беседы. Оно имело для него некоторую поэзию. Не раз за обедом, поднимая бокал, он повторял стихи Баратынского:

И покрыл туман приветный
Твой озябнувший кристалл...20

Могут спросить: какие были его убеждения, религиозные и политические? Что он в этом отношении мог передать детям?

Религиозный по натуре, исполняя обряды своей церкви, он никогда не прикреплялся к наружному

богочестию. Религия представлялась ему не в виде узкой догмы или кодекса обязательных правил, а высшим освящением нравственного мира, залогом и предвозвестником будущей жизни. Он говорил, что чувству открывается многое, что недоступно разуму. Но чувство у него было широкое и терпимое; в нем не было ничего вероисповедного и еще менее сектантского. Отец одинаково обращался с религиозными и нерелигиозными людьми, понимая, что высшие вопросы бытия могут различно решаться внутренним разумением каждого. Поэтому он не старался влиять и на детей в том или другом направлении. Давши им религиозное воспитание, в детском возрасте вверив их вполне попечению матери, он в более зрелых годах предоставил их руководству жизненного опыта и собственной совести, зная, что заложенных в них задатков достаточно для того, чтобы рано или поздно вывести их на истинный путь.

Столь же мало старался он влиять на них и в отношении к политическим взглядам. Сам по убеждениям он был умеренный либерал. Кабинет его украшали портреты освободителей народов: Вашингтона, Франклина, Боливара, Каннинга21. Впоследствии он подарил их мне, и они висят в моем кабинете, напоминая мне счастливые дни детства и священные предания семьи. Но, как русский человек, он понимал положение России, потребность в ней сильной власти. Поэтому он всегда относился к власти с уважением и осторожно: мой юношеский либеральный пыл иногда приводил его в ужас. Когда в пятидесятых годах заговорили о реформах, он, вполне признавая их необходимость, смотрел вперед с некоторым сомнением, опасаясь неизвестного будущего и полного переворота в частной жизни. Его страшила судьба детей. Прежде всего он был патриот. В Крымскую кампанию его мучила и волновала всякая неудача русского оружия22. Честь и слава России были для него всего дороже. Но и в этом чувстве не было ничего узкого и исключительного. Любя свое отечество, он был далек от бессмысленного самопревознесения и еще более от невежественного самохвальства. И в этом, как и во всем остальном, с верным и здравым чувством соединялся просвещенный разум, чуждый всякой односторонности и всякого увлечения.

Таков был мой отец. Все знавшие его близко сохранили о нем благоговейную память. Не много их осталось в живых; все старые друзья дома давно вымерли. Но когда я на старости лет встречаю старика, видевшего нашу тогдашнюю семейную жизнь, я с удивлением слышу повторение тех же благоговейных отзывов. В начале пятидесятых годов жил у нас в деревне учителем младших братьев только что окончивший курс в университете, впоследствии профессор русской истории, Бестужев-Рюмин23. Не видав его много лет, я встретился с ним в Ялте, где он проводил зиму, больной и на покое. Я глубоко был тронут, услышав, что он со слезами на глазах вспоминает о моем отце, особенно о его высоком нравственном влиянии, которому, по его словам, он обязан лучшим, что у него сохранилось в душе. Больной и разбитый старик мечтал о том, чтобы когда-нибудь ему удалось совершить паломничество в Караул, где протекли самые светлые годы его жизни. Этой мечте не суждено было сбыться.

Не одно сыновнее чувство побудило меня распространяться о моем отце, а также и желание дать верное изображение той среды, в которой протекла моя молодость. Отец мой может служить представителем лучших сторон тогдашнего провинциального быта, недостаточно оцененного русскою литературою. Это не был столичный житель, случайно заброшенный в степную глушь; он родился, воспитывался и почти всю жизнь провел в провинции. Подобные люди делают честь тому обществу, из которого они вышли. Могут сказать, что это было исключение. Нерядовые люди всегда бывают исключением, но они вырабатываются под влиянием окружающей среды и носят на себе ее отпечаток. Вообще было бы крайне ошибочно судить о русской провинции прежнего времени по «Мертвым душам» и «Ревизору» или даже по «Запискам охотника». Лучшие ее элементы остались незатронутыми русской литературой, которая в преследовании высших идеалов беспощадно карала то, что было им противно, не заботясь о полноте изображения. Благородная цель служит оправданием одностороннего направления сатиры прежнего времени. Но теперь, когда это все отошло в область давно прошедшего и представляет как бы отжившую формацию, какую цель можно иметь, изображая старый русский провинциальный быт в виде «Пошехонской старины»? Разве доказать, что автор в своей жизни ничего не видал, кроме грязи?

Моя мать была достойною подругою моего отца. И она родилась и воспитывалась в Тамбовской губернии; но ее воспитание было настолько тщательно, насколько было возможно по тогдашним средствам. Наставником ее был живший в доме моего деда, добрейшего Бориса Дмитриевича Хвощинского24, швейцарец Конклер, человек образованный и почтенный. Когда он по окончании занятий уехал на родину в Сен-Галлен, мать оставалась с ним в переписке до самой его смерти. От этого воспитателя у нее сохранились на всю жизнь уважение к образованию и любовь к умственным интересам, качества, которые, конечно, могли только усилиться и развиться под влиянием отца. С своим живым и восприимчивым умом, интересующимся всем на свете, она охотно слушала умные речи, хотя с свойственным ей тактом редко вмешивалась в разговор об общих вопросах, умея только своим вниманием вызывать выражение мыслей. Характера она была живого, пылкого, даже ревнивого, не в отношении к отцу, который никогда не подавал к тому ни малейшего повода, несмотря на то, что был поклонником женской красоты и изящества, а позднее в отношении к женатым сыновьям, которых она часто несправедливо ревновала к семействам их жен. Глубоко религиозная, она строго исполняла правила благочестия и тому же учила детей. Вся она была предана семье; счастье мужа и попечение о детях были единственною ее заботою. К мужу она питала не только самую горячую привязанность, но и глубокое уважение. Всякое слово его было для нее свято; всякое его желание, малейшее удобство были предметом заботливого попечения. Она боялась неловко затронуть в нем какое бы то ни было чувство, и, когда высказывала суждения, несогласные с его мыслями, она всегда делала это в самой любовной форме, предоставляя ему окончательное решение. И отец, с своей стороны, столь же мало стеснял ее, как он мало стеснял детей; все ограничивалось нравственным авторитетом. Взаимное доверие между супругами было полное. Поводов к разногласию было тем менее, что они сходились во взглядах и на людей и на отношения. Для обоих вся цель существования заключалась в благе семьи, которое они одинаково полагали не в суетных прикрасах, а в серьезных основаниях жизни.

Для себя же лично мать требовала весьма малого. Она не любила ни шумного общества, ни нарядов. Одетая всегда просто, но никогда небрежно, она ни в чем не проявляла ни малейшей прихотливости и часто воздерживала стремления отца к украшению обстановки. В одном письме она пишет мужу, который в это время был по делам в Петербурге, что напрасно он купил дорогую коляску, без которой можно обойтись. Сама она до конца жизни, слепою старухою, ездила в деревню в простом тарантасике и никогда не хотела иметь другого экипажа. При таких вкусах она редко выезжала из дому и только в самую раннюю пору посещала большие собрания и вечера; обыкновенно же туда отправлялся один отец для поддержания светских сношений. Зато дома она любила принимать родных и друзей. Родственные отношения были для нее святы, как вообще для людей старого века, а так как роднёю была чуть ли не половина губернии, то гостей у нас собиралось всегда много. Но и с посторонними она сближалась охотно, если они приходились ей по сердцу. Приветливая и ласковая ко всем, в отношении к более близким она была неизменным и искренним другом, принимала горячее участие в их радостях и горе и всегда готова была все для них сделать, даже с значительным самопожертвованием. Поэтому она до конца жизни пользовалась безграничною преданностью всех, кто ее знал короче. Дом наш был теплым приютом, где отдыхали сердцем, куда стекались и старые и молодые. И когда она, после смерти мужа, ослепшая и окруженная семейством, осталась жить в родном городе, она была предметом всеобщего уважения, и все ездили к ней на поклон.

Первые годы после свадьбы мои родители провели большею частью в родовом имении отца» селе Покровском Козловского уезда. Но они жили там недолго. Местность была довольно безлюдная; образованных соседей, с которыми приятно было бы иметь постоянные отношения, почти не было. В 1830 году отец занемог и вместе с моей матерью отправился на лечение в Москву, взявши меня, еще двухлетним малюткою, с собою и оставив второго моего брата на попечении тетки, Софьи Борисовны Бологовской25. В Москве отцу делали какую-то операцию, после чего ему нужно было еще оставаться там для окончательного излечения. Но так как мать должна была родить и ей неудобно было ехать в позднюю осеннюю пору, то она вернулась одна, на этот раз в имение моего деда, село Умёт Кирсановского уезда, куда потом приехал и отец и где

на этот раз в имение моего деда, село Умёт Кирсановского уезда, куда потом приехал и отец и где родился мой третий брат. Здесь они остались жить, ибо среда была совершенно иная, нежели в Козловском уезде.

В другом месте я имел случай изобразить то замечательное общество, которое сложилось в этом

отдаленном уголке России26. Здесь для полноты картины я должен повторить многое сказанное там.

Ближайшими соседями были Кривцовы. Они жили в Любичах, всего в трех верстах от Умёта, так что дамы нередко делали друг другу визиты пешком. Николай Иванович Кривцов27 был человек необыкновенного ума, с европейским образованием и с железным характером. Он также был родом из провинции. Все свое детство он провел в деревне в Орловской губернии, почти без всякого воспитания. Еще юношей его повезли в Петербург и прямо определили в полк. Сначала он предался обычному в военной службе разгулу: в одном месте своего дневника он упоминает о своей бурной молодости. Но гвардия александровских времен отличалась не одними кутежами. Аристократическая молодежь того времени питала в себе благородное стремление к образованию, с чем неразлучны были и либеральные идеи. Роковое событие 14-го декабря положило конец всем этим зачаткам. Либерализм в гвардии был истреблен до корня, с ним вместе исчезло и стремление к образованию; остались одни кутежи. В восприимчивую душу Кривцова запали благие семена, рассеянные в окружающей его среде. Военной его карьере не суждено было длиться. Оторванная под Кульмом28 нога принудила его покинуть военное поприще. Он решился посвятить себя гражданской службе и с целью подготовить себя к новому делу поехал путешествовать по Европе. Он посетил Германию, Швейцарию, Францию, Англию. В особенности долго он жил в Париже, который в то время был центром умственного движения в Европе. Молодой человек с жадным любопытством и раннею проницательностью осматривал все, что встречалось ему по пути; он слушал лекции по самым разнородным предметам, посещал музеи, много читал, учился английскому языку, знакомился с замечательными людьми.

Н. И. Кривцов. 1820—1830 гг.

Вернувшись в Россию, он разом вступил в высший литературный круг, сделался приятелем Карамзина, Тургеневых, Вяземского, Блудова29, молодого Пушкина, Император Александр, который любил выдвигать даровитых молодых людей, осыпал его милостями. Сначала он вступил в Министерство иностранных дел и был причислен к русскому посольству в Англии. Там он внимательно изучал учреждения и нравы этой сильно привлекшей его к себе страны. В особенности он пленился английским сельским бытом, который представился ему идеалом изящества и удобства. С тех пор он сделался англоманом, что придало новый аристократический оттенок прежнему либеральному его образу мыслей. Однако он недолго пробыл за границей; цель его была служить отечеству внутри России. Вернувшись, он был назначен губернатором сначала в Тулу, потом в Воронеж и наконец в Нижний. Но и гражданское его поприще было непродолжительно. Человек вполне независимого характера, не привыкший гнуть спину, с аристократическими приемами и убеждениями, он, в сущности, вовсе не был создан для чиновничьей карьеры. Беспрестанно выходили столкновения, в которых его поддерживало только расположение любившего его государя. После смерти Александра Павловича поддержки уже не было, и он скоро должен был оставить службу. Враги его не гнушались даже измышлением всяких клевет, которые потом повторялись провинциальными сплетниками. Его выдавали за человека необузданного, тогда как в действительности он был чрезвычайно сдержан, хоть мог иногда через меру вспылить, когда его выводили из терпения. За строптивый нрав (официальный термин для независимости характера и неумения угождать начальству) он лишился губернаторского места и был причислен к департаменту герольдии. Возмущенный, он вышел в отставку и с тех пор поселился в деревне, исполняя свое заветное желание сделаться помещиком и осуществить на деле свой идеал частного быта. Этого он и достиг вполне.

Имение, в которое Кривцов переехал на жительство, принадлежало его жене, рожденной Вадковской30. Но помещичьего поселения тут не было. Негде даже было пристать, так что на

Владимирович, тогда помещавшегося на постоянное время в своем имении Любичах, Пензенской губернии, Чембарского уезда. Дальше своего кармана, он тогда не видал, и в первых порах пришлось приютиться в Умёте у моего деда, который принял нового соседа с своим обычным радушным гостеприимством. С тех пор завязалась тесная связь между обеими семьями. Построив небольшой флигель, Кривцов перевез сюда свое семейство, состоявшее из жены и единственной дочери31. Затем он неутомимо принялся за работу. Труд предстоял громадный, ибо в Любичах не только не было жилья, но не было ни одного деревца. Чистая и голая степь с маленькою речкою Вяжлею, на которой стояла небольшая мельница, — вот все, что он тут нашел. Задача была тем более трудная, что средства были далеко не широкие. Нельзя было, в подражание английским лордам, кидать деньги на всякие затеи, а приходилось рассчитывать каждую копейку. Но глубокий практический смысл Кривцова, его редкая энергия и неуклонное постоянство в преследовании раз задуманной цели все превозмогли. Мало-помалу, под влиянием мысли и воли этого замечательного человека кирсановская степь украсилась изящною усадьбою, совершенно в европейском вкусе, не похожею на окружающие помещичьи поселения. Дом был большой и удобный, отделанный с всевозможным комфортом и изяществом, содержимый в неизвестных русской жизни чистоте и порядке. В нем была большая библиотека с отдельным помещением возле гостиной; были примыкающие к нему оранжереи и теплицы. Вокруг дома с отменным вкусом был разбит большой английский парк, среди которого возвышалась красивая, англо-саксонской архитектуры башня, где помещались приезжие гости. Она служила украшением местности и была для хозяина напоминанием о любимой его стране. В том же стиле построены были впоследствии домовая церковь и дом для причта; наконец, в пустынной степи воздвиглась маленькая готическая часовня, где хозяин заранее приготовил себе собственную могилу с характеристическою надписью: «Nec timeo, nec spera»*. Так же капитально, хотя и в более простом вкусе, построены были все принадлежности и хозяйственные здания. Всякая подробность была заранее обдумана, изучена, рассчитана и исполнена с совершенною точностью. Кривцов работал без устали, не жалея себя, разъезжая обыкновенно в таратайке, иногда даже в телеге. А когда нужен был совет, он обращался за ним без малейшего самолюбия, без всякого желания показать, что он сам все делает. Несмотря на то что он был страстный и знающий садовод, когда пришлось разбивать парк, он отправился в Пензу за известным в то время садовником Макзигом, стоявшим во главе казенного сада. Он привез его с собою, работал с ним вместе и сам, с своею пробочною ногою, взбирался на башню, чтобы оттуда обозревать окрестность и чертить общий план дорог и посадок.

Результат всей этой многолетней деятельности вышел такой, что хозяин мог им справедливо гордиться и называть себя создателем Любимей. Это был благоустроенный, образованный центр, заброшенный в далекую русскую степь, дело великое и благотворное во всяком гражданском быту. Кривцов жил здесь, вполне довольный своею судьбою. Он нередко это высказывал, прилагая к себе стихи из «Бориса Годунова»:

Я долго жил и многим насладился;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в Любичи Господь меня привел32.

После бурной молодости, после великих войн, которых он был участником, видев вблизи образованнейшие страны Европы, коротко узнавши высшие светские, литературные и политические круги, испытавши превратности бюрократической карьеры, он отдыхал душою в своем деревенском уединении. Он наслаждался своим созданием, наслаждался любимыми им сельскими занятиями, наслаждался деревенскою тишиною и свободою, которую он здесь пользовался, и друзьями, которых он обрел в этой глуши. Здесь порою смягчалась и раскрывалась эта обыкновенно сдержанная, железная натура. Тетка рассказывала мне, что иногда, сидя вечером на террасе, в домашнем кругу, Кривцов говорил наизусть множество стихов из любимых им поэтов, некоторых лично ему бизких, и вдруг, под впечатлением тихого и теплого летнего вечера, носящегося кругом благоухания и поэтического настроения, вызванного обновленными в его памяти образами и звуками, этот с виду совершенно холодный человек заливался слезами.

Понятно, какое сокровище представляло собою подобное соседство в провинциальной глуши. С

Кривцовым можно было обо всем поговорить и обо всем посоветоваться. Весь его домашний быт, устроенный на европейский лад, с европейскими привычками и с светским изяществом, мог служить образцом для края, и сам хозяин, приветливый, разговорчивый, шутливый, с широкими взглядами и разносторонним образованием, обладавший неисчерпаемыми сокровищами ума, знания и вкуса, наблюдательности, практического смысла, доставлял своею беседою редкое наслаждение. Самая наружность его внушала уважение. В нем было что-то величавое. Он был большого роста, довольно полный, коротко остриженный, в золотых очках, ходил, несколько влача свою пробочную ногу, которою он в Англии заменил оторванный член. Он был еще не стар, когда поселился в Любичах; ему не было сорока лет. Но жизнь положила на него свою печаль; он рано поседел и казался старее своих лет. Выражение лица было серьезное, а иногда тонко ироническое, разговор разнообразный и занимательный, всегда подходящий к уровню слушателей. Отца моего он скоро оценил и сошелся с ним на всю жизнь. Он помогал ему советами, чертил для него планы, делал закупки, наблюдал за его постройками, брал на себя даже заботу о жене при его отлучках. «Je vous appartiens de coeur et d'ame»*, — пишет он в одном письме к моей матери.

Не менее привлекательна была его жена Катерина Федоровна. Это была женщина высшего петербургского света, une grande dame dans toute la force du terme**, как выражалась про нее Софья Михайловна Баратынская33, но не в смысле чопорности и важности, а в смысле полного изящества, внешнего и внутреннего, изящества форм, мыслей и чувств. Ум у нее был тонкий, наблюдательный, подчас насмешливый, разговор остроумный и блестящий. Можно судить о нем по ее письмам, которые представляют редкое сочетание игривости и грации. Она любила письма и писала прелестно. В самых пустых ее записках встречаются необыкновенно счастливые выражения и обороты. И в этой сверкающей игре ума и воображения не было ни малейшей сухости: все было проникнуто самым тонким и чутким пониманием сердца. Ее письма в этом отношении представляют необыкновенную прелесть. Она перед друзьями изливала все, что сдерживалось несколько холодным характером мужа, мало доступного тонким влечениям и потребностям женского сердца. Любя его беспредельно и пользуясь искренней его привязанностью, как можно убедиться из ее писем, она охотно покорялась ему во всем и радовалась, как наивный ребенок, когда он позволял ей исполнить самые невинные ее желания: «De toutes les chansons mon refrain favori est celui de griselides, — писала она моей матери, — obeir a ce qu'on aime est bien plus doux que commender»*. Однако при случае она умела за себя постоять: когда случалось, что муж над ней подшучивал, она с своей находчивостью и остроумием отвечала так, что общий смех всегда был на ее стороне. Наконец, ко всему этому присоединялось живое поэтическое чувство. Она любила беспредельный простор степей, глубокое звездное небо, обаяние весны; ее радовал каждый распускающийся цветок, и она, так же как муж, вполне наслаждалась деревенскою жизнью, независимою и привольною, которую она не променяла бы ни на какие светские удовольствия и выгоды. С моею матерью Катерина Федоровна скоро сошлась и соединилась самою нежною дружбою, которая продолжалась до конца ее жизни. В одном письме она называет мою мать: «Ma soeur de choix et d'election»**. Она поверяла ей все свои радости и горе, все, что ее занимало и что с нею происходило. Ее письма и записки могут служить живым изображением той жизни, которая велась в этой степной глуши.

Судьба как бы нарочно свела здесь целый кружок выдающихся людей. В пятнадцати верстах от Умёта жила другая семья, которая представляла такое сочетание самых привлекательных свойств, столько разнообразных и живых элементов, такую полноту умственных интересов, что подобное редко можно встретить даже в наиболее просвещенной среде. Большое село Вяжля, лежащее на реке того же имени, было пожаловано Павлом Петровичем братьям Баратынским34, служившим при нем еще в то время, как он великим князем жил в Гатчине. Из них Абрам Сергеевич был женат на фрейлине Марии Федоровны — Черепановой, одной из первых учениц Смольного монастыря. Императрица очень ее любила и одарила ее приданым. После смерти Павла Баратынские поселились в той части Вяжли, которая носит название Мары, и тут зажили на широкую ногу. Покрытый лесом овраг с бьющим на дне его ключом был обращен в парк; здесь были устроены пруды, каскады, каменный грот с подземным ходом из дома, красивые беседки, искусно проведенные дорожки. В своем стихотворении «Запустение»

дома, красивые беседки, искусно проведенные дорожки. В своем стихотворении «Запустение» поэт Баратынский оставил поэтическое описание этой местности, где протекли его младенческие годы. Вернувшись домой после долгих лет странствования и горя, он искал давно знакомых впечатлений, дорожек, по которым он бродил ребенком, светлого пруда, прыгучих вод памятной ему каскады, но везде находил только следы разрушения, и тень давно умершего отца,

создавшего этот приютный мир, воскресла перед его задумчивой душою35. Но если исчезли внешние прикрасы жизни, то обитавший здесь дух не оскудел. После смерти мужа вдова его не думала о барских затеях, но всецело предала себя воспитанию детей. Александра Федоровна Баратынская была женщина старого времени, чрезвычайно умная, образованная и с характером. Она знала многие языки, все читала и пользовалась безграничною любовью семьи и общим уважением. Жила она очень уединенно и редко показывалась посторонним. Я, близкий семье человек, видел ее всего один раз и то мимоходом. Но детям она умела внушить любовь к просвещению, образованный взгляд на вещи и тот высокий нравственный строй, который ее одушевлял. Богато одаренные природою, воспитанные такою матерью, все они вышли люди нерядовые.

Старший брат Евгений, известный поэт, был одною из самых высоких и привлекательных личностей, каких производила русская земля. Пылкий и страстный по натуре, соединявший с необыкновенною глубиною чувства самые возвышенные стремления, он рано был надорван случившеюся с ним несчастною историей. За юношеские шалости пажей, в которых он менее всего был виновен, он был разжалован в солдаты. Это наложило неизгладимую печать грусти на всю его жизнь и на все его произведения. С летами это внутреннее неудовлетворение благородной души могло только усилиться при том тяжелом гнете, который в царствование Николая сдавливал русскую жизнь, поражая все лучшие стремления человека.

К чему невольнику мечтания свободы? —

печально спрашивает он в одном из своих стихотворений и с каким-то криком боли отвечает:

О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втесненная судьбою36.

Ни дружеский литературный круг, которого он был одним из корифеев, ни счастливая семейная жизнь не могли рассеять этой глубоко засевшей в нем тоски. Только жена37 его, умная и образованная женщина, которую он страстно любил и которая отвечала ему тем же, «в нем таинство печали полюбя», иногда умела возбудить в нем более светлые мечты. К ней поэтому он и обращался в самых сердечных и трогательных выражениях:

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой своей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь38.

Когда к концу жизни исчезли один за другим лучшие его друзья (Дельвиг39, Пушкин) и он остался один из немногих представителей этой блестящей плеяды, которая доселе лучезарным созвездием сияет на небосклоне русской литературы, когда иссякло то упоение поэзией, которое носилось в воздухе в эту эпоху общего духовного подъема, гнетущая его тоска овладела им с неудержимою силой и выразилась в этом удивительном стихотворении «Осень», составляющем одно из самых глубоко прочувствованных произведений, вышедших из-под человеческого пера. В нем вылилась вся бесконечная скорбь русской души, придавленной и оскорбленной в самых возвышенных и святых своих стремлениях и надеждах. Сбирая в «зернах дум» посеянное им семя, оратай жизненного поля обретает одно:

Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,

Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид![40]

Баратынский не всегда умел совладать с формою; стих у него нередко тяжелый и некрасивый. Он сам не ослеплялся насчет своей музы, считая ее неспособною пленять и увлекать толпу. Но

никто из русских поэтов не соединял такой глубины мысли с такою силою чувства. Всякое стихотворение у него является не свободным излиянием творческой фантазии, а как бы плодом внутренних мучений возвышенной природы. Этому содействовало и то, что, по какой-то странной примете, он считал вдохновение неразлучным с жизненными невзгодами. Всякий раз, как оно на него находило, он терзался опасениями и старался отдалить от себя эту чашу:

И отрываясь, полный муки,
От музы, ласковой ко мне,
Я говорю: до завтра, звуки!
Пусть день угаснет в тишине[41].

Но чего он не хотел и не мог выразить в стихах: все его заветные думы, его сердечные чувства, его возвышенные стремления — все это сообщалось непринужденно в дружеской беседе. Знавшие его близко единогласно свидетельствуют, что в разговоре он был очарователен. В приятельском кругу, особенно за бокалом вина, душа его раскрывалась и все затаенные в ней сокровища изливались наружу: тут проявлялись и тонкий вкус, и живое чувство изящного, и высокий нравственный строй, и сердечное отношение ко всему человеческому — все это облеченное благородною и увлекательною речью. Немудрено, что приезд его в Мару был праздником не только для семьи, но и для соседей. Обыкновенно он жил в Москве или в подмосковной, но нередко он приезжал с семейством к матери и гостил здесь подолгу.

Из Петербурга наезжал и второй брат, Ираклий[42]. Он служил в военной службе и был флигель-адъютантом, что в то время было знаком особенного отличия. Женат он был на известной красавице, недавно умершей Анне Давыдовне, рожденной Абамелек[43]. Среди деревенской жизни он являлся элементом из петербургского великосветского круга, но сохранившим все дорогие предания семьи. Ираклий Абрамович был тип светского человека в самом лучшем значении, с приятными и мягкими формами, без всяких претензий, равно чуждый искательства и спеси, обходительный, образованный, благородный, то, что англичане называют истинным джентльменом. Жена его, дама высшего света, славилась не только красотою, но и любезностью. «Я не встречал более любезной женщины», — говорил один из петербургских стариков. К этому присоединялось литературное образование; она знала много стихов наизусть и сама занималась переводами. Свойственные среде придворные наклонности выражались тонко и сдержанно, не мешая близким отношениям в домашнем кругу. По своим сердечным свойствам Анна Давыдовна скоро сошлась с семейством мужа и вошла в него, как родная.

Третий брат, Лев[44], тоже служил сначала в военной службе; он был адъютантом князя Репнина[45]. Но он рано вышел в отставку и поселился в деревне недалеко от Мары. Причиною отставки была любовь к княжне Варваре Николаевне Репниной[46], женщине редких сердечных свойств, доныне еще живущей в Москве и пользующейся общей любовью и уважением. Оба они были страстно влюблены друг в друга, но чопорная мать, рожденная Разумовская[47], не хотела слышать об этом браке, считая Баратынского недостаточно знатным. Он удалился и остался навеки холостяком, а она никогда не вышла замуж, посвятила себя делам благотворительности и до глубокой старости сохранила сердечную память о любимом ею человеке. Его портрет висит у нее в спальной, и все его родные делаются предметом особенной ее ласки. Увлечься им было немудрено. Он был статен, красив, неистощимого веселья и остроумия, отличный рассказчик анекдотов, которых у него был громадный запас притом литературно образован, поклонник Шиллера, хороший музыкант и певец, вообще натура несколько легкая, но живая и блестящая. В веселой компании он был неоценим. С летами он опустился, любил играть в карты и принял все привычки старого холостяка. Но в то время, о котором идет речь, он был в цвете молодости и сил, проявляя во всем блеске свои разнообразные общественные таланты

сил, проявляя во всем блеске свой разнообразные общественные таланты.

Но из братьев отец мой ближе всего сошелся с младшим, Сергеем48, который постоянно жил с матерью. Это был человек замечательный во всех отношениях, натура могучая, полная жизни, удивительно разносторонняя и своеобразная. У него, можно сказать, во все стороны била ключом переполнявшая его даровитость. Всякому делу, за которое он брался, он предавался со всем пылом своей страстной души и во всем проявлял изумительные способности. По природному влечению он сделался медиком, учился в Московской (медицинской) академии, затем, поселившись в деревне, бесплатно лечил весь край, который питал к нему безграничное доверие. За ним присылали из дальних мест, и он, не обинуясь, ездил во всякое время и по всяким дорогам. Таким же мастером он был и в механических работах. Он сам был и изобретателем и исполнителем. В домашнем быту он выдумывал всевозможные приспособления, которые он устраивал собственноручно. Он гравировал на меди, делал сложные музыкальные инструменты, а для забавы занимался приготовлением иллюминаций и фейерверков к домашним праздникам у себя и у друзей.

И все, что выходило из его рук, было всегда точно, отчетливо, совершенно. К механическим талантам присоединялся и большой художественный вкус. Он был не только доктор и механик, но также архитектор и музыкант. Слух у него был необыкновенный; он в большом хоре тотчас улавливал малейший оттенок ноты, неверно взятой тем или другим хористом. Впоследствии он у себя дома ставил целые оперы, которые исполнялись его семейством, наполняя часы досуга в зимние вечера. Таким же художником он был в постройках: прелестные здания воздвигались по его плану и под его руководством. И все эти разнообразные способности получали еще большую цену от удивительной живости и общительности его нрава. Это был самый прелестный собеседник; с ним можно было говорить обо всем и серьезно и шутливо. Самой веской мысли он умел придать своеобразный и игривый оборот. Остроумие у него было неистощимое, и остроумие совершенно из ряду вон выходящее: ничего заученного и приготовленного, ничего затейливого или натянутого. Это был поток, бьющий полным ключом, самородный фейерверк, поражавший своим блеском и своею неожиданностью. Разговор пересыпался то тонкими шутками, то забавными выходками, то меткими замечаниями. Его приезд в приятельский дом был для всех настоящим праздником. И старые, и молодые — все собирались вокруг него, и он ко всем относился равно дружелюбно, со всеми сходился, как добрый товарищ. По целым дням длились оживленные беседы; с утра до вечера около него раздавался громкий смех. Обыкновенно в дни его приезда появлялось на стол любимое его вино, шампанское, и тут уже не было удержу; за бокалом он развертывался весь. При этом он мог пить сколько угодно, никогда не доходя до опьянения. Физически это была натура железная, способная все выносить. Зимою он спал с открытым окном, а иногда, закутавшись в шубу, ложился спать на снегу или возвращался из бани в легком халате и в туфлях на босую ногу.

У нас он гащивал часто и подолгу. В моих детских воспоминаниях сохранилась память об этих посещениях как о времени какого-то бесконечного веселия. Как живые воскресают передо мною эти прерываемые громким хохотом беседы за чайным столом, шумные завтраки с шампанским, в то время как гость собирался уезжать и лошади стояли уже запряженные у подъезда. Но хозяин о них забывал. В неудержимом порыве он продолжал потешать собеседников до тех пор, пока, наконец, становилось поздно и к общей радости лошадей приказывали отпрячь. Так протекали день за днем: разговоры и хохот не прерывались, лилось шампанское, сверкало остроумие, лошадей запрягали и отпрягали, и насилу, наконец, гость вырывался из дружеской семьи, где отцы и дети одинаково были ему рады. Эти тесные отношения с обоими поколениями сохранились неизменно до конца его жизни.

Менее близка к моим родителям была его жена Софья Михайловна, рожденная Салтыкова, вдова Дельвига, следовательно, коротко знавшая весь литературный круг того времени. Это была женщина очень умная и приятная, с тонким вкусом, с изящными формами, с большим литературным образованием. Но жила она более дома, погруженная в семейную среду и мало общаясь с посторонними. После смерти мужа, которого она долго пережила, она оставалась как

оы живым памятником прошлого, сохраняя до глуоокои старости всю свежесть своего ума и всю чуткость своего сердца.

Значительный элемент в дамском обществе Мары составляла и жившая с матерью незамужняя дочь, умная и пылкая Наталья Абрамовна49. Изредка наезжала с семейством и Варвара Абрамовна Рачинская50, которая по своему приятному и основательному уму и ровному характеру представляла резкий контраст с восторженным пылом своей более блестящей сестры. И вся эта состоявшая из столь разнообразных элементов семья жила в полном согласии и единении. Катерина Федоровна не могла этим довольно налюбоваться. В своих письмах к моей матери она живо и остроумно описывает посещения жителей Мары и Любичей. Иногда совершался наезд целым большим обществом: “Ce qu’il y avait de plus drole, — пишет она, — c’est que tout le monde faisait la tournee et le but de l’invasion generale etait Mara. Je me suis comme de raison associee a la troupe joyeuse et apres les avoir prevenus de cette attaque, nous y sommes transportes en caravane le dimanche. Nous avons passe notre tournee tres gaiment; les dames de Mara etaient fort aimables, chacune dans son genre: l’une tres positive, l’autre romanesque et, la troisieme inspiree*, la tante menagere par dessus le marche. Mais vraiment je n’ai jamais vu m-me Serge aussi causante, ni aussi gaie. M-me Oustinoff etait tres bien; le salon avait pris un petit air de fete; qui avait remplace celui de mystere, dont il est habituellement empreinte. L’apres diner M. et m-me Oustinoff51 accompagnes de Serge sont alles faire une visite a m-me Панчулидзева52; Eugene s’est retire, et les trois belles soeurs Leon et moi, nous avons fait la causette, accompagnees de vives fous, jusqu’a 7 heures et demia, a peu presqu’ils sont revenus; une demie heure apres nous sommes aussi partis pour Lubitzi. Comment trouvez-vous cette petite partie de plaisir? То-то хорошие соседи не расстаются, весь уезд объезжают вместе. C’est dans le tenue!”**

Затем все три брата Баратынских приехали навестить соседей в Любичах: “Eugene a ete tout-a-fait aimable, — пишет Катерина Федоровна. — Vous savez que les femmes ne remarquent que l’aimabilite dont elles sont l’objet, pour la plupart du temps. Eh bien! C’etait mon cas fois-ci; il s’est mis a table a cote de moi, a beaucoup cause, et cela si naturellement, si simplement qu’au heu d’etre intimidee par la superiorite, je me sentais au contraire encouragee aussi ce n’est plus connaissance que nous avons fait mais pacte d’amitie. L’apres-diner Leon et moi, nous avons chante et en cela je l’ai trouve tout aussi indulgent que dans le reste, il n’a pas quitte le piano, Serge nous accompagna et nous avons fait une musique d’enrages jusqu’a onze heures du soir. Le lendemain ils ne sont partis qu’a deux heures passees, Eugene m’a dit qu’il avait fait une connaissance tres agreable qui lui avait fait passer une journee tres agreable. Vous devinez de qui il s’agit mais ce que vous ne devinez peut etre pas, c’est le plaisir que j’ai eprouve en entendant nommer votre mari; il m’a dit qu’il etait bien fache que ses affaires le privent de son voisinage***.

Особую прелесть имела Мара летом. Главное ее украшение составлял упомянутый выше покрытый лесом овраг, на дне которого бил холодный ключ. Это место, запустевшее после старого барина, вновь обновилось и оживилось при новом поколении. Построенный стариком обширный каменный грот служит убежищем от летнего зноя. Здесь нередко все общество обедало и затем проводило время в веселых разговорах до глубокой ночи. Впоследствии Сергей Абрамович возвел над ним прелестное летнее жилище в любимом своем готическом стиле, в гармонии с лесной обстановкой, с высокими стрельчатыми сводами и гостиной и наружными лестницами, дающими вход в различные летние помещения. В том же стиле была воздвигнута изящная купальня с дождем возле родника; через овраг был перекинут красивый мост, а на противоположной стороне, прямо против грота, построены были большие готические ворота, фантазия, придуманная собственно для украшения вида. Художественному глазу хозяина не нравилась пустота, остававшаяся здесь между густою сенью берез и дубов; он и поставил тут бесполезное здание, на котором с удовольствием мог покоиться взор. Но ему надоели наконец вопросы: на что нужны эти ворота? — и он обыкновенно отвечал, что они принадлежат не ему, а соседу, Рафаилу Ивановичу Фельцыну53, который неизвестно зачем поместил их тут. На лето вся семья переселялась в это жилище. В семейные праздники съезжались гости; вечером лес освещался разноцветными фонарями и бенгальскими огнями. Оживленные беседы, пенье и музыка продолжались иногда до рассвета. Гости расходились и ложились спать, когда уже

занималась утренняя заря и в свежей листве деревьев раздавалось неумолкающее щебетанье проснувшихся птиц.

От всего этого веселья, увы, остались одни воспоминания. Старое поколение сошло в могилу; Сергея Абрамовича давно нет; недавно скончалась и престарелая Софья Михайловна. Еще

прежде нее умер сын — опора семьи; умер и внук, подававший хорошие надежды. Хранительницами семейных преданий остались в Маре три старые девицы: дочь Дельвига и две незамужние дочери Сергея Абрамовича54, как весталки, поддерживающие священный огонь в запустелом храме. Но кто пережил то время, тот не может о нем забыть.

Поныне, когда мне случается быть в Маре, я иду в знакомый мне лес, совершая как бы некое паломничество к святым местам. Холодный родник все еще бьет на дне оврага; над гротом все еще возвышается красивое здание с заостренными окнами; незыблемы стоят готические ворота, как памятник прежних затей; но все здесь тихо и пусто. Человеческие голоса не раздаются уже под стрельчатыми сводами, деревянный мост обрушился, никому не нужная купальня пришла в ветхость и наклонилась набок, грозя неминуемым падением. И я с сердечною болью вспоминаю прежде кипевшую здесь жизнь, оживленные беседы до глубокой ночи, хоры из классических опер, волшебное освещение рощи, пение птиц при занимающейся заре; вспоминаю в особенности того, кто был душою этого маленького мира, с его огненным взором, с его живым, оригинальным умом, с его яркою даровитостью, проявлявшеюся в каждом слове, в каждом движении, с его сердечным расположением к нам, молодым людям, с которыми он беседовал и пировал, как с нашими отцами. Куда девалась эта порода? Новая жизненная волна унесла все это поколение, полное жизни, сил и талантов, поколение, давшее России столько замечательных деятелей. Под старость Сергей Абрамович сам сознавал себя остатком отжившего строя. Иногда он подзывал к себе молодого человека: «Пойди, садись сюда; ведь ты другого такого не увидишь».

Любичи в летнее время тоже наполнялись гостями. Сюда съезжались со всех сторон и из ближних губерний. Из Балашовского уезда приезжал князь Григорий Сергеевич Голицын55, старый вельможа, разорившийся на постройки и всякие затеи и забавлявший себя на старости лет тем, что задавал балы для дворовых людей всей окрестности. Наезжали и его сыновья, живые и веселые молодые люди с разнообразными светскими талантами. Подолгу гостила в Любичах и его дочь, графиня Шаузель56. Из Сердобского уезда той же Самарской губернии приезжал владелец большого села Бекова Адриан Михайлович Устинов57, добрейший человек, недальнего ума, но живой, образованный, все читавший, большой охотник до споров, притом страстный садовод, обладатель великолепных оранжерей. Из Пензенской губернии приезжали декабрист Горсткин58, умный и острый, с красивою женою, чета Кеков59, известный агроном Иван Васильевич Сабуров и брат его Яков Васильевич60. В то время такие далекие путешествия считались нипочем. Помещики объезжали весь край и везде гостили по нескольку дней, а более близкие даже по целым неделям. Из соседей бывал знаменитый гастроном Рахманов61, который и в Москве и в деревне задавал тончайшие обеды и к которому весь край посылал поваров на обучение. Являлся и живший в Кирсанове откупщик Бекетов, тоже большой любитель гастрономии, человек умный, веселый и образованный, состоящий в близких сношениях со всеми окрестными помещиками. Помню, как в детстве мы, проезжая через Кирсанов, у него останавливались и ночевали.

Умёт, с своей стороны, обладал в это время таким гостем, который мог составлять драгоценный вклад во всякое общество. Николай Филиппович Павлов по приглашению отца приехал сюда писать свои первые «Три повести», которые в свое время были видным явлением в русской литературе. Павлов был человек замечательного ума, живой, меткий, остроумный, с тонким литературным чутьем. Отчасти вследствие прирожденной лени и малой усидчивости в работе, отчасти вследствие разнообразных увлечений, которым он постоянно поддавался, он далеко не выработал из своего таланта все, что он мог дать. Но в лучших своих произведениях, например в «Письмах к Гоголю»62, он проявил такую силу мысли и такое мастерство изложения, которые

ставят его наряду с лучшими русскими писателями. В московском литературном кругу он занимал видное положение и был близок к корифеям тогдашней словесности. Разговор его был одушевленный и блестящий; изящество выражения, которое в литературном его слоге, особенно в раннюю пору, впадало в изысканность, в устной речи выливалось в непринужденность и производило впечатление на слушателей. Кто близко знал этого человека, мог ценить и

прекрасные качества его сердца, его теплую дружбу, его чуткое понимание человеческих отношений. К сожалению, все эти свойства нерядовой натуры затмевались неудержимою страстью к игре, которая вовлекала его иногда в самые трудные положения и заставляла выпутываться не всегда благовидным образом. Были и другие страсти, которые увлекали его за пределы должного. Но в деревне единственным соблазном была разве игра в шахматы с гостившим иногда в Умёте Яковом Ивановичем Сабуровым63, которому он и проиграл в это время более тысячи рублей ассигнациями. В деревне Павлов мог, вдали от светской суеты и рассеяния, на свободе развивать свой талант и вместе с тем вносить одушевление в окружавшее его общество. Разумеется, и в Любичах и в Маре старались заманить такого гостя. Он читал там свои новые произведения и оставил самые лучшие воспоминания между жителями этого отдаленного уголка. «Ты внушил искреннее живое участие каждому из лиц, составляющих наше маленькое общество, — писал ему мой отец после его отъезда. — Мы с Баратынским несколько раз беседовали вдвоем, пили твое здоровье; он тебя любит искренно, влюблен в твой ум и в твой талант, говорит, что если бы ты имел решимость посвятить себя труду и учению, то стал бы выше всех русских писателей своего времени. Как ты думаешь, его мнение должно иметь некоторую цену?» Такие же светлые воспоминания увез с собой и Павлов из деревенской глуши. «О степи, степи! — писал он, вернувшись в Москву, моему отцу. — Спасибо тебе, друг, ты мне открыл у себя в доме новый мир, ты разрезал мою жизнь надвое: мне кажется, другая половина должна быть лучше, хотя, может быть, мучительнее. Обними Баратынского, да покрепче. Славный он человек!» Павлов с удовольствием вспоминал про осетры моего деда, который любил хорошо покушать, и про улыбающееся лицо Бекетова, у которого, по выражению Николая Филипповича, к концу стола и на лбу и на губах было написано: сластена! «Погрейся за меня у кривцовского камина, — прибавлял он, — а с Баратынским выпей рюмку рома». Между соседями были почти ежедневные сношения.

От этого времени сохранилось много записок Катерины Федоровны к моей матери, писанных в ее игривом тоне по всякому поводу: с пересылкою книг, журналов или нот, с сообщениями или просьбами о разных дамских нарядах, с вопросами о здоровье, с приглашениями или изъявлениями сожаления о невозможности приехать; и все это вдруг прерывается совершенно оригинальными и неожиданными выходками. Так, в одной записке, отсылая шаль и обещая прислать Павлову просимые им книги и журналы, чтобы сколько-нибудь отплатить ему за доставленное им удовольствие, она добавляет: «Dites a Votre mari, que je le prie de croire que je suis une tres bonne personne; je me suis examinee, retournee dans tous les sens, bien fondee et tout cet examen m'a confirme que j'etais tres bonne»*. И затем в постскриптуме большими буквами, с восклицательным знаком: «Oui, tres bonne!»**

Сохранились записочки Сергея Абрамовича к моему отцу, писанные иные по-французски, иные по-русски, иные на смешанном языке, всегда с оригинальными оборотами и с своеобразным юмором. То он созывает приятелей на обед: «Qua pensez-Vous du lendemain, cher Tchitecherine? Qu'en pense le docte Pavlof? Ne feriez — Vous pas une bonne oeuvre si Vous veniez nous voir demain vers les deux heures? Qu'en pense le docte Pavlof? Si Vous avez envie de savoir ce qu'en pense Krivtzof, dites au porteur de renter chez vous en revenant de Lubitchi et liaez la reponse de Krivtzof»***. В другой записке в ответ на вопрос Павлова о назначении дня для чтения повести он пишет: «Pavlov le superbe demande de lui fixer le jour pour venir ici. Il se fit un peu trop a la paisible et stupide bonhomie de notre province pour croire qu'on lui ne voudrait pas pour cette hautaine humiliation. Унижение паче гордости, сказал апостол Павел. It est le bienvenu a toute heure je voudrais qu'il vienne a l'instant meme! Voila ma reponse. S'il prend ma volonte pour arbitre, qu'il arrive avant que ce billet Vous parvienne; ou qu'il ne propose pas de questions absurdes. Dixi. Приезжай, ради бога, завтра обедать или ужинать, как знаешь! Привези Павлова и его

тетради»****.

Иногда он сетует на расстояния, говоря, что он всегда считал земной шар слишком великим для потребностей и желаний человечества, которое никак не умеет справиться с пространством: «Maudite invention que l'espace! Chetitive race humaine qui succombe a son pouvoir imaginaire*!

Бедные люди! Черт их возьми всех!» «Пятнадцати верстам должен покорить все свои желания!» — пишет он в другой записке. «Если бы, по крайней мере, не было на свете времени, я бы успел приехать в том же расположении духа. Пространство, время, морозы — все лишние вещи! — восклицает он. — Брат едет на днях; неужто мы не простимся вместе?»

То он поздравляет друзей с Новым годом: «Поздравляю тебя, Чичерин, с околевающим годом и с его наследником. По-моему, старый год лучше новых двух, а сверх того пора бы эту династию вовсе уничтожить. Революция во времени должна иметь необыкновенную прелесть! Как ты думаешь? Впрочем, я не с тем сел писать. Скажи мне, жив ли ты? Здоров ли? Опять я по вас, друзья, соскучился! Вот все, что я хотел сказать». А в другой записке: «Я с отъезда от тебя еще не развеселился и, по-видимому, буду долго, как медведь, сосать лапу. Мне бы хотелось с тобой повидаться, хоть во сне».

То, извещая о приезде брата Евгения, он просит дать ему взаймы вина, ибо выписанное им запоздало. «Солнце уже вступает в знак Мадеры, — пишет он, — и скоро вступит в знак Рома (новый календарь моего сочинения), а мы все еще должны упиваться жидкою надеждою на будущие вина. Сжалься над нами, бедными!» В другом письме, писанном в Тамбов, он просит достать ему табаку: «Позаботься, Чичерин, о спасении души моей. Если бы дело шло не о таком важном предмете, я бы тебя не беспокоил, но табак! Ты сам знаешь... нет еще слов для выражения этой необходимости. «Du tabac! Du tabac!**» Ты поймешь это восклицание, если читал Мельмота64; там кричат: «Du pain! Du pain! etc.»*** И рядом с этим балагурством в том же письме высказывается скептический взгляд на развитие человечества. Сообщая о рождении сына, которого должен был крестить мой отец и которому поэтому нельзя уже было жениться на будущей дочери своего крестного отца, Сергей Абрамович прибавляет: «Впрочем, вопреки Гизоту лет через двадцать новая Комиссия о составлении законов подведет под Свод законов и беззакония65: Je ne crois pas que la perfectibilite de l'humanite n'ait pas de bornes prescrites. Два шага вперед, один назад, шаг вперед, два назад — вот формула возможного хода просвещения отныне и до второго пришествия. Qu'en penses-Vous? Est-ce bien fou? Etes-Vous reelement meilleur que Vous avez devine ceux qui etaient deja civilises ou reconnus pour tels? Si Vous acquerez encore plus de connaissance, plus d'idees en serez — Vous meilleur? Попробуй-ка дать себе отчет?! Le developpement meme de fones idees ne Vous menera-t-il pas au scientisme? Quelle sera la philosophie qui aura le doute pour base? En voila assez pour Vous ennuyer a la mort. Прощай, обнимаю тебя!»****

Можно себе представить, какие одушевленные беседы обо всем происходили между друзьями, когда они собирались вместе. Сторонние люди, приезжие из столицы, были ими очарованы; они не могли наслушаться этих разговоров. Недаром Катерина Федоровна, проводя зиму в Петербурге после долгого отсутствия и вращаясь в образованнейших салонах столицы, вздыхала о дружеских собраниях в деревенской глуши. Сравнивая их с пустою светскою болтовню, которой предавалось окружающее ее общество, она восклицала: «Quelle difference avec nos reunions de Lubitchi, d'Oumette, ou de Mara!»*

Эта полная прелести жизнь в сельском быту, удаленном от суеты больших городов и от мелочности малых, в тесном кругу образованных друзей, понимавших и ценивших друг друга при всем различии свойств и характеров, продолжалась недолго. В 1833 году умер мой дед, и мои родители выселились из Умёта, который перешел к старшей сестре моей матери Софье Борисовне Бологовской. На долю матери пришлось участие в тамбовском откупе и в лежащем недалеко от Тамбова винокуренном заводе на Ляде. Эти новые занятия так мало подходили к вкусам и наклонностям отца, что друзья его пришли в сомнение: «Dieu veuille que Vos affires

aillent aussi bien que possible, — писала Катерина Федоровна моей матери, — Vous la meritez bien a tout egards tous les deux, et il me semble que ce genre d'occupations est tellemenrt contraire aux gouts de Votre mari, que j'espere que le ciel secondera ses efforts et l'en recompensera»**.

А Баратынский писал отцу: «Скоро ли ты продерешься сквозь векселя, отчеты, разделы и т. п. и будешь мочь думать без выкладки на счетах и писать так, чтобы не мерещился двуглавый орел в заглавии листа? Я, право, не знаю, как тебе писать, боюсь смеяться: Le sentiment, que j'ai en plaisantant est tres amer. Vous avez trop d'esperience et de la vraie philosophie pour le nouveau genre de vie auquel vous condaminent les circonstances et c'est pourquoi j'ai le moins pressentiment que vous serez perdu pour moi. Впрочем, черт возьми! Никто как Бог! Почему знать, чего не знаешь? Voila mes consolations. Прощай, будь здоров»***.

Один Павлов крепко верил в энергию и способности моего отца. «Подвизайся, друг, — писал он, — и помни природу русскую: у нас много силы для начала, да мало терпится до конца. Впрочем, если ты уже взялся, то я надеюсь на тебя, хоть, кажется, ты должен будешь очень насиловать себя для занятий несообразных ни с привычками твоей души, ни с прежним образом наружной жизни. Это составляло предмет моего сегодняшнего спора с Брусиловым и Зубковым66. Я стоял за твое терпение и что откуп не есть дело сверхъестественное; все страшно издали».

Павлов был прав. Вначале, правда, особенно после привольной и поэтической жизни в Умёте, отцу бывало подчас очень тяжело. «Вижу, брат Павлов, — писал он последнему, — что я продал жизнь свою за деньги; хорошо еще, если она пойдет по порядочной цене. Горько!» Но польза семьи требовала усиленного труда; дед оставил долги, которые нужно было выплатить. Отец, по обыкновению, умел себя переломить и принялся за работу с той разумною решимостью, которая составляла отличительную его черту. Он стал изучать совершенно новое для него дело, вникая во все подробности, всякий день сам ездил в контору, сводил и проверял счета, вел винокурение. Скоро он со всем этим освоился, и дело пошло на лад. В 1834 году он сам с матерью, взявши меня с собою, отправился в Петербург на торги, и, кроме крупной доли в тамбовском откупе, взял еще Кирсанов. Восемь лет держал он эти города. Под его непосредственным надзором предприятие шло успешно, и мало-помалу полученные им от отца 300 душ возросли до 1300; мы зажили в довольстве. В (18)42 году, вместо Тамбова и Кирсанова, которые пошли дорого, он взял долю в Симбирске, но сам туда не поехал. Загальное дело было убыточно, и в [18]46 году он совсем бросил откупа. Довольствуясь приобретенным, обеспечив благосостояние семьи, он не искал наживы и никогда не пускался в рискованные и несоразмерные с силами и средствами предприятия. Менее всего он позволял себе прибегать к тем уловкам, посредством которых откупщики нередко вывертывались из затруднительных положений и умели убыток превращать в барыш.

При новых условиях приходилось жить главным образом в Тамбове. Еще при жизни деда был куплен небольшой дом, где Василий Дементьевич и скончался, а в (18)36 году, при все умножающейся семье и увеличивающемся благосостоянии, мы перешли в другой, более просторный, приобретенный после владелицы старухи Циммерман. Он стоял как раз напротив старого, на большой улице возле немецкой кирки. Имея уже порядочные средства, отец захотел отделать его по своему вкусу. В (18)38 году, при вторичной поездке в Петербург на торги, там была куплена мебель в лучших магазинах, у Гамбса и Тура. Дом был отделан щегольски, со вниманием ко всем подробностям, хотя без всяких лишних украшений. При мне раз отец смеялся над одним господином, который заметил ему, что обои следовало бы иметь побогаче. Он любил, чтобы изящество соединялось с простотою. Помню, как еще ребенком я любовался просторною и светлою гостиной с резною ореховой мебелью, обитою пунцовым штофом, усеянным белыми цветами, с высокими резными зеркалами, с белым мраморным камином, выписанным Кривцовым из Италии, с изящной отделки бронзою, с мраморною статуею, изображающею молящегося мальчика. Любовался я и кабинетом матери, уставленным мягкою мебелью, обитой зеленым набивным бархатом, с красными стульчиками из палисандрового дерева, с резным письменным столом и атласными драпировками на окнах. Ныне этот дом, перешедши через несколько рук, находится во владении семинарии, которая устроила там общежитие для своих

воспитанников. Переехав в Москву для воспитания детей, отец, к сожалению, его продал. В то время он не предполагал, что когда-нибудь этот семейный приют опять станет ему нужен. Он не мог подозревать, что со временем вся его многочисленная семья снова соберется в Тамбове, что там останется жить ослепшая его вдова и что все сыновья, испытавши различные поприща, вернутся на родину и окончательно там поселятся. И теперь, когда я бываю в Тамбове, я не могу

без стеснения сердца проходить мимо этого старого нашего жилища, где протекли лучшие годы моего детства. Я смотрю на подъезд, сохранившийся в прежнем виде, заглядываю на обширный двор, где мы мальчиками резвились и играли, на небольшой палисадник, где мы, бывало, строили себе ледяные горы. Каждое окно мне знакомо, каждый угол полон воспоминаний, и я не могу без боли думать, что в этом семейном нашем гнезде ныне обитают семинаристы. Отец в этом случае поступил по обыкновению всех русских людей. У нас жизнь сложилась так, что при самых счастливых домашних условиях мы вовсе не дорожим той материальной обстановкою, которая связана с бытом семьи. Дом, в котором воспитывались дети, с изменившимися потребностями сделался не нужен или не удобен; он продается чужим, и никто не думает о том, сколько с этим исчезает теплых чувств и сердечных воспоминаний, сколько семейных преданий прерывается с уничтожением старого домашнего очага.

Скоро, однако, устроилось новое гнездо, которое еще в большей мере, нежели городской дом, могло иметь значение семейного центра. Проводя большую часть года в Тамбове, мои родители на первых порах после выселения из Умёта не имели постоянного летнего пребывания; в 1835 году они большую часть лета гостили в Любичах. Они помещались в башне со всем своим маленьким семейством, состоявшем уже из пяти сыновей. Снова возобновилась прежняя приятная жизнь в дружеском кругу; при прощании Катерина Федоровна залилась слезами. «Apres votre depart, — писала она моей матери, — le premier mot que m'a dit Krivtzof, que j'ai rencontre sur la terrasse en revenant a ete: я думала, что ты в Мару отправилась, ce qui signifiait dans sa langue: ну уж будут вздохи сегодня. Au lieu de cela je n'ai presque pas parle de tout et nous avons fait des projects pour le vouage de Becovo. Le soir, apres avoir avole ma decotion je suis allee me promener sur la terrasse et suis arrivee tout naturellement aupres de la tour qui n'etait eclairee qu'une lune; pas une personne animee, ni lumiere, moi j etais seule dans cette all'e, la veille encore si animee; celui m'a paru si triste non seulement a cause de votre absence, mais ce vide, ce calme, cela sentait presque la mort, que je suis revenue sur la terrasse d'ou la vue n'est pas plus animee, mais au moins on voyait du lumiere»*.

Это было как бы предчувствие, что друзьям не придется уже подолгу жить вместе. В (18)36 году Кривцовы опять звали моих родителей на лето в Любичи, но мать должна была родить в начале июля, и вместо Любичей мы на май и июнь, по приглашению Камбаровых67, переселились в лежащее недалеко от Тамбова имение Замятчину, принадлежавшее брату Лизаветы Михайловны, Александру Михайловичу Циммерману, который в это время жил за границей. Это было приятное лесистое местечко с многочисленными березовыми рощами и с небольшим прудом, через который перекинут был ручной плотик. Мне памятно, как мы с гувернанткой, а иногда и с матерью ежедневно переправлялись на этом плотике в лежащую на том берегу рощицу и со страстью предавались собиранию растущих там в бесчисленном количестве грибов. Помню и множество находящихся на этом низменном месте светящихся червячков, впервые привлекших мое внимание, а также восхитившего меня павлина, который горделиво расхаживал на лугу перед домом, раскидывая свой великолепный хвост, и которого дикий ночной крик доселе остался для меня поэтическим воспоминанием детства. В моей памяти сохранился и образ старика управляющего, поляка Ивана Савича, с нафабренными усами, закрученными в виде колец. К июлю мы вернулись в Тамбов, где родился брат Сергей68, а когда мать встала, я заболел тифозной горячкой, так что пришлось конец лета и осень оставаться в городе.

Это было последнее лето, которое мы проводили не у себя. В начале 1837 года было куплено то имение, которое с тех пор сделалось главным нашим местопребыванием, село Караул на берегу Вороны, в том же Кирсановском уезде, но в пятидесяти верстах от Мары и Любичей. Это имение принадлежало старику Сергею Васильевичу Вышеславцеву, деду Льва Владимировича, долго бывшего председателем Тамбовской губернской управы, и Алексея Владимировича, известного

писателя и любителя художеств69; оба они родились в Карауле. И старик, и жена его Мария Афанасьевна, рожденная Соймонова, были добрейшие люди, тихие и кроткие. Купив это имение в 1818 году у богатого, но разорившегося помещика Арбеньева, Вышеславцев со страстью занялся разведением сада, в особенности всяких пород яблонь; но об остальном хозяйстве он мало заботился. Про него рассказывали, что он даже никогда не подходил к окну, выходившему на

двор, чтобы не видать происходивших там беспорядков и не быть вынужденным сделать какое-нибудь замечание. Эта старинная барская беспечность довела его до того, что он наконец должен был продать это прелестное имение. Про эту почтенную чету говорили в шутку, что они, как Адам и Ева, были выгнаны из рая за яблоки.

И точно, это был рай земной. Я живо помню то впечатление, которое произвела на нас эта местность, когда мы в первый раз приехали туда весною 1837 года. Отец, уже прежде ездивший смотреть имение, тотчас повел нас на самую красивую точку зрения, на выдающийся холм за церковью, который получил название мыса. Мы были поражены открывшейся перед нами картиною. У подножия холма текла широкая река, которая вправо протекала кудрявыми лесами в виде правильного канала, а влево образовала несколько заливов, также окруженных густою зеленью. По сю сторону, вправо от реки, к окаймляющему берег лесу примыкали обширные луга, по которым текла речка Панда, впадающая в Ворону. За Пандою виднелись опять луга, села и холмы, теряющиеся в туманной дали, с сияющим в отдалении озером Ильмень. А по ту сторону Вороны блистали также небольшие озера: окаймленное лесами, гладкое как зеркало озеро Ясное и далее направо — Лебяжье, в то время еще не поросшее камышом. Вдали виднелось большое село Чернанка с двумя церквами и глазам представлялась бесконечная перспектива лесов, пашен, деревень. Горизонт простирался на двадцать пять верст, и все было пышно, привольно и разнообразно. Какое-то торжественное величие царствовало над всею окрестностью. Мы, дети, ничего подобного еще не видали. Затем отец повел нас в сад по березовой аллее, идущей от церкви на протяжении полуверсты, с расположенными по обеим сторонам куртинами плодовых деревьев. В конце аллеи, отделенная от нее вишняком, примыкала прелестная роща, тогда еще молодая, из самых разнообразных деревьев — дубов, кленов, лип, берез, вязов, ильмов, с разбросанным между ними цветущим шиповником. От дома же к березовой аллее, сообразно с вкусом того времени, шли в разных направлениях стриженые липовые аллеи, украшенные кое-где цветниками. Вокруг дома цвело множество алых и белых роз, взлелеянных заботливою рукою сестры прежней хозяйки, которая была большая охотница до цветов. Но строения были невзрачные. Небольшой деревянный дом, покрытый тесом, без всякой архитектуры, с двумя стоящими близ него флигелями, служил обиталищем хозяев. Убранство в нем было самое безыскусственное. Невысокие деревянные надворные строения походили на крестьянские избы. Только на выгоне за двором возвышалась прекрасная построенная из кирпича ветряная мельница. Одним словом, это было самое простое помещичье поселение, вовсе не соответствующее красоте окружающей местности. Но было к чему приложить руки; хозяин, обладавший вкусом и средствами, мог сделать из этого все что угодно.

Покупка Караула была отпразднована большим пиршеством. Родные и друзья были созваны к 13-му августа, дню рождения моей матери. Баратынский приехал уже за месяц вперед, со всяким материалом для иллюминации и фейерверка. Он вместе с зятем моего отца Николаем Федоровичем Стриневским поселился в садовой беседке, на фронтоне которой он наклеил четырехугольную бумажку с долго сохранявшеюся надписью большими печатными буквами: «Застрахован от воды». Веселье было непрерывное. Нам, детям, дозволено было участвовать в приготовлении снарядов, делать бумажные фонари, склеивать обертки от ракет, что нас тешило чрезвычайно. За несколько дней до праздника съехались уже гости, и тут начались каждый день обеды, ужины, вечерние катанья на лодках при освещении пылающими смоляными бочками, расставленными по берегам. В самый же день праздника вся березовая аллея была освещена гирляндами из шкаликов; по роще и по липовым аллеям были развешаны разноцветные фонари; перед домом был пущен большой фейерверк с вензелями, луст-кугелями, римскими свечами и заключительным букетом из ракет. Пиршество продолжалось до глубокой ночи; вино лилось разливанным морем. На следующие дни веселье возобновилось, пока наконец все гости,

утомленные, разъехались.

Осенью, по окончании полевых работ, отец задал пиршество и новоприобретенным крестьянам. По всему двору расположены были длинные столы, уставленные разными яствами, с скамейками по обоим бокам. И тут вина было вдоволь, и пляски продолжались до ночи.

Пятьдесят лет спустя я вспомнил этот праздник, и в память полустолетия, истекшего со времени приобретения Караула, я задал такое же угощение свободным уже крестьянам, с которыми, несмотря на коренную перемену положения, сохранились прежние патриархальные отношения. Отслужив вместе со всем миром панихиду по моим родителям, я напомнил старикам, видевшим прежнее время, в каком довольстве и благосостоянии они жили под разумным и справедливым управлением моего отца, и не было человека, который бы не мог подтвердить истины моих слов.

С тех пор установилась совершенно правильная жизнь, зимою в Тамбове, летом в Карауле, за исключением 1838 года, когда мои родители опять поехали на торги в Петербург, взявши с собою двух старших сыновей и оставив младших на попечении Н. Ф. Стриневского и добрейшей, всецело преданной нашей семье Катерины Петровны Осиповой, о которой я буду говорить ниже. Мне памятна эта поездка. Мы выехали в феврале, ибо в марте мать опять должна была родить. На проводы собралось множество гостей; после обильного завтрака отправились в путь. Но друзья и родные не хотели тут проститься, а решили провожать нас до станции Дворики, лежащей в сорока верстах от Тамбова, на полупути до Козлова. Из заставы потянулась длинная вереница возков, повозок и саней. В Дворики послан был вперед повар с провизиею; к приезду заготовлен был большой обед с обилием вина. Помню, что мне дали выпить бокал шампанского, вследствие которого у меня закружилась голова и я тотчас заснул. Меня разбудили уже к отъезду; но веселая компания и тут не хотела расставаться: решили провожать до Козлова. Туда мы приехали уже вечером. Нанята была целая большая двухэтажная гостиница; зажжено было столько свечей, сколько можно (было найти. Заказан был большой ужин, и опять пировали до ночи. На следующее утро наконец простились и разъехались в разные стороны.

Такие веселые пиршества были, впрочем, исключением. Обыкновенная тамбовская жизнь текла тихо и мирно. В гостеприимном доме моих родителей, открытом запросто для всех близких, за столом было всегда несколько гостей. Вечером обыкновенно собирались на маленькую партию или у нас, или у других. Но больших обедов и вечеров они не давали, разве случался приезжий, которого хотели угостить, или получалась какая-нибудь отменная провизия, которую надобно было употребить вместе с приятелями.

Тамбовское общество в то время было довольно многолюдное и разнообразное. В особенности родни было много, главным образом со стороны матери. Из родных и свойственников отца в Тамбове жил только упомянутый выше Николай Федорович Стриневский. Он был женат на моей родной тетке, с которою, однако по несходству характеров, разъехался. Она не жила в Тамбове и после его смерти пошла в монастырь. Николай Федорович был сын весьма хорошего и уважаемого доктора, помещика Тамбовской губернии. Сам он был студентом Московского университета, что в то время в провинции было редкостью. Он состоял в приятельских отношениях с поэтом Баратынским и его московским кружком. Помню его бесконечные рассказы по возвращении из Москвы о Баратынском, Соболевском70 и их друзьях. Это был человек чрезвычайно живой, образованный, прямодушный, но необузданного характера. В минуты вспыльчивости он себя не помнил. В 1837 году, когда учреждено было Министерство государственного имущества, которое, как тогда полагали, должно было устройством казенных крестьян подготовить освобождение помещичьих, Николай Федорович с большим самоотвержением пошел туда служить; он сделался окружным начальником. Но постоянные разъезды по деревням во всякую погоду сломили его здоровье. Через несколько лет он умер от чахотки.

Со стороны матери ближайшими родными были Бологовские; но они редко живали в Тамбове, обыкновенно же зиму и лето проводили в деревне. Софья Борисовна была женщина добрая,

весьма неглупая, очень живая, даже чересчур живая, ибо она всегда была в суете, говорила без умолку и часто без толку, что отражалось и в практической жизни, в хозяйстве и в воспитании детей. Все это велось без определенной мысли и особенно без постоянства, почему и результаты часто бывали плачевные. Муж ее, отставной военный, статный и красивый, страстный любитель псовой охоты, был человек ограниченный и крутой, строгий к своим подвластным, любивший хвастать тем порядком, который он у себя содержал. Его прозвали Змеем Горынычем и подтрунивали над его французскою речью, которая пересыпалась постоянно повторяемой частицей enfin donc*. Однажды, желая выразить свои чувства, он ничего не нашел, кроме фразы: «Enfin donc, enfin donc, mes sentiments... mes sentiments... sont tres sensibles...»** В одном письме Екатерина Федоровна с большим юмором рассказывает визит, сделанный ею в какой-то праздничный день в Умёте, когда там жила уже тетка с мужем. «La journee s'est tres bien passee, — писала она, — le beau frere etait d'une humeur charmante a laquelle je n'ai pas peu contribue, j'espere, en disant que je n'en revenais pas de l'ordre qui regnait chez lui qu'on ne se donnait meme pas que l'etait un jour de fete malgres qu'il lut un cabaret au village, tandis que chez nous il n'y en avait pas, j'etais jure entendue, j'ai le monde etait ivre. Il me repondait: mais enfin donc, je ne sais pas enfin donc, est-ce que je ne suis pas le seigneur chez moi, que tout mes baillis, mes intendants. Enfin donc, je se sais, eneme a d'enumeration, de ses droits seig neukiaux, si l'on ne toitrenu dire, que la voiture est prete»***.

Шутки, однако, он не любил. Одно время он вдруг обиделся неизвестно чем и не только сам перестал к нам ездить, но и своей жене запретил видеться с сестрою. Уже несколько лет спустя, опять без всякого повода и объяснения, гнев прошел и дружеские отношения между семьями возобновились, к великой радости моей матери. Он скончался скоропостижно в начале сороковых годов. Подозревали насилие со стороны крепостных, но ничего не было выяснено.

Постоянными посетителями нашего дома были двоюродные братья моей матери Хвощинские. Старший из них, Дмитрий Андреевич71, был маленький, толстенький, весьма невзрачный собою, за что, в связи с темно-бурым цветом лица, его прозвали Ефиопом, болтливый, суетливый, вечно в хозяйственных хлопотах. Жена его, известная своими капризами барыня, держала его в руках и муштровала детей. Второй брат, Федор Андреевич, был отставной военный, холостяк, отличный ездок, силач, постоянно влюбленный, но всегда веселый, любивший подтрунивать, особенно насчет супружеских отношений. Нередко приезжал в Тамбов и Владимир Андреевич, который служил в Петербурге, был камер-юнкером и вращался в высшем обществе столицы. У него был прелестный голос, и он хорошо пел, особенно русские песни. Петербургскому жителю трудно не заразиться чинолюбием и тщеславием, но это приходит уже в позднейшем возрасте. В молодости Владимир Андреевич отличался добродушною веселостью и обходительностью, что в соединении с прекрасными формами и музыкальным талантом делало его привлекательным. Отец любил его пение и его шутливые великосветские рассказы; отношения были родственные и дружеские.

Но из всех братьев самым близким человеком в нашей семье остался до конца младший, Петр Андреевич. Он был холостяк, неизменно веселый, порхающий как бабочка, ухаживающий за дамами с неумолкаемым лепетанием, приправленным самыми невинными шуточками. Под этою легкою наружностью скрывалось, однако, золотое сердце, а вместе и большой здравый смысл, при полном отсутствии всяких претензий. Петр Андреевич умел ценить людей, а для близких он был незаменим, истинным другом, всегда готовым на всякое самопожертвование. Впоследствии он подолгу гостил в нашем доме, и в Тамбове, и в Москве, и в деревне, и мы все его сердечно любили, не только как милого и доброго родственника, но и как товарища, принимавшего живое участие во всех наших юношеских забавах и интересах. А когда мать, овдовевши, ослепла, он ухаживал за ней, как нянька, и редко от нее отлучался. Обыкновенно же он жил у своей сестры, Марии Андреевны Ковальской, летом в прелестной Княжой, а зимою в Тамбове. Она была замужем за местным жандармским полковником, человеком добрейшим и благороднейшим, имевшим и порядочное образование. У него была довольно большая библиотека, к сожалению, сгоревшая при его жизни вместе с записками, которые он вел в течение многих лет. В то время, при первом устройстве тайной полиции72, было принято выбирать жандармских полковников из лучших людей, дабы тем смягчить ненавистные стороны этого учреждения. Таков был в Москве

Перфильев, и таков был Ковальский в Тамбове. Нельзя не заметить, что людей можно было находить, когда их искали и когда требовали от них только должного.

В столь же близком родстве с моею матерью состояли братья Сабуровы, Яков Иванович и Алексей Иванович. Мать их была сестрою моего деда. Яков Иванович жил постоянно в Тамбове, долго был уездным предводителем, а потом попечителем в гимназии, единственным, кажется, который интересовался делом и ездил даже на уроки. Он был человек весьма неглупый и образованный, много читал, имел большую библиотеку, был в сношениях и с литературным миром, и с высшими петербургскими сферами. В Петербурге он обыкновенно останавливался у Льва Кирилловича Нарышкина73, который был ему хороший приятель. Оба они были легкого пошиба либералы. Вообще у Якова Ивановича все было довольно легко; при несомненном уме основательности было мало. Голова его представляла сбор самых разнообразных сведений и взглядов, и политических, и экономических, и сельскохозяйственных, которыми он с удивительною самоуверенностью умел пускать пыль в глаза новичкам. Этим он производил эффект в петербургских гостиных; многие его считали замечательно умным человеком. Но в провинциальном кругу его тотчас раскусили и ценили по достоинству. Раз Сергей Абрамович Баратынский, долго живший у нас в Тамбове по случаю болезни матери, от скуки вздумал диктовать мне, еще мальчику, каталог книг, якобы писанных разными лицами из тамбовского общества. Первый нумер был: «Нечто обо всем», сочинение Я. И. Сабурова. Затем шел: «Разбор сочинения Ивана Васильевича Сабурова Яковом Ивановичем Сабуровым, где Яков Иванович Сабуров говорит обо всем, кроме сочинений Ивана Васильевича Сабурова» и «Разбор сочинений Якова Ивановича Сабурова Иваном Васильевичем Сабуровым, где Иван Васильевич Сабуров говорит большею частью о своих сочинениях».

При всем том, в обществе Яков Иванович мог быть остер и занимателен. Иногда он выкидывал забавные штуки. Раз при нем одна уже довольно почтенных лет родственница, славившаяся в Тамбове своею страстью к сплетням, рассказывала разные небылицы, утверждая, что уж если об этом говорят, то верно уж что-нибудь есть. Несколько дней спустя по городу распространился слух, что соседи этой дамы видели, как один живший в Тамбове пожилой холостяк в пять часов утра лез к ней по лестнице в окошко. Разумеется, этот слух немедленно до нее дошел, и она пришла в неописуемую ярость. В присутствии Якова Ивановича она разразилась страшною бранью. «Желала бы я знать, — восклицала она, — какой это негодяй распускает подобные выдумки». — «Это я, — спокойно отвечал Яков Иванович. — Ведь Вы утверждали, что если говорят, так уж верно что-нибудь есть; я Вам хотел доказать противное». Тут нашла коса на камень, ибо сам он по этой части был мастер.

Яков Иванович был нередким гостем и в Маре и в Любичах. Катерина Федоровна любила его посещения, ценя его живой и образованный ум, хотя ей и приходилось иногда терпеть от его страсти к сплетням. В Маре находился его портрет, который однажды Сергей Абрамович за какую-то вину повесил вверх ногами, и так он долго оставался. Случиться это могло весьма легко, ибо по своему характеру Яков Иванович не пользовался уважением. Он был циник и эгоист, никогда ничем не стеснялся и позволял себе иногда поступки, нарушавшие всякую деликатность. Летом он обыкновенно жил в имении у своего овдовевшего зятя Владимира Сергеевича Вышеславцева, сына бывшего владельца Караула. Там он присвоил себе лучшую комнату и всячески притеснял этого безобидного человека, который только втихомолку жаловался на него своим друзьям. После смерти Александра Николаевича Бологовского он взялся управлять делами овдовевшей тетки Софьи Борисовны, и тут пошла потеха. Яков Иванович хотел, чтобы его слушались беспрекословно. Софья Борисовна всегда возражала, часто без толку, а иногда совершенно здраво, что еще более бесило Якова Ивановича. По малейшему поводу возникали споры, поднимался шум, крик; сцены были самые забавные. Яков Иванович наконец отказался от управления, но сделал это с таким нарушением нравственных приличий, что несколько лет не видался с родными.

Совершенно иных свойств был брат его Алексей Иванович. Он служил в военной службе, был сначала ремонтером, потом полковым командиром и наконец начальником Ремонтной комиссии.

Это был человек без всякого образования, страстный игрок и бешеного нрава. Неистовый тон составлял даже отличительную черту его обыкновенной речи, и это впечатление еще усиливалось беспрерывным нервным морганием. С летами он угомонился, ибо, в сущности, тут было много напускного. Под этою необузданною оболочкою скрывался добрый, дельный и рассудительный человек, отличный семьянин. Он был женат на своей двоюродной сестре,

которую он, страстно влюбившись, увез из дома родителей. Она была рожденная Сатина, сестра известного в литературе Николая Михайловича Сатина, приятеля Огарева и Герцена74, и приходилась также двоюродною сестрою моей матери. В молодости она отличалась романтическими и сентиментальными стремлениями, но с летами сделалась совершенно положительною барынею. Толстая и довольно пошлая, страсная к картам, недалекого ума, она была добрая женщина, отличная мать семейства, хорошая хозяйка. Семья жила дружно и в довольстве. Лето они проводили в своем имении Лукино, в 18 верстах от Караула.

Сестра Сабуровых Наталья Ивановна75, женщина умная и бойкая, близкая моей матери, была замужем за упомянутым выше Владимиром Сергеевичем Вышеславцевым. Она рано умерла. Муж ее — человек совершенно старого времени и старых привычек, тихий и кроткий, составивший себе идеал из века Людовика XIV, остался в коротких отношениях с нашей семьей и подолгу гостил в Карауле с своими дочерьми. Сыновья же Лев и Алексей, с которыми мы с детства были дружны, воспитывались в Москве в Дворянском институте и приезжали в наши края на летние вакации.

Троюродными братьями этим Сабуровым приходились другие два брата Сабуровых, тоже тамбовские помещики, Александр Иванович и Андрей Иванович. Последний не жил в Тамбове. Пустой и тщеславный, составивший себе большое состояние карточною игрою, он всегда витал в знатных петербургских сферах, к которым чувствовал неодолимое влечение. Другой же брат, Александр Иванович, отец Петра Александровича, бывшего посла в Берлине, и Андрея Александровича, бывшего короткое время министром народного просвещения76, обыкновенно жил с семейством в деревне недалеко от Тамбова, а иногда проводил зиму в городе. Его кроткий вид и картавый выговор (он не произносил буквы «р») составляли контраст с его необыкновенною толщиною, происходившею от страсти к еде, в связи с чисто помещичьим образом жизни. Он был большой гастроном и славился также мастерством играть в коммерческие игры. Не отличаясь умом, он был человек очень добрый, мягкий и обходительный. Особенно дружна с моею матерью была его жена, Александра Петровна, рожденная Викентьева, милейшая женщина очень приятной наружности, изящных форм, добрая, кроткая, приветливая, вся преданная многочисленной своей семье.

Из посторонних жителей Тамбова близкими людьми к моим родителям была чета Камбаровых. Он был уже пожилых лет отставной гусар, маленького роста, но с военными ухватками, страстно любивший коммерческие игры, а потому коренной член Английского клуба, но человек высокой честности и прямодушия. Друзья называли его рыцарем. Жена его была наивно-добродушная, обходительная женщина, которую все любили.

В Тамбове жил и один из лучших друзей моего отца Антон Аполлонович Жемчужников77, человек далеко выходящий из нашего провинциального уровня. Мать его была немка, так что немецкий язык был ему почти родной и во всем его существе выражалась какая-то немецкая медлительность и неповоротливость. Воспитывался он в знаменитом Училище колонновожатых, был товарищем и приятелем Алексея Алексеевича Тучкова, который женился на его сестре. Послужив и пострaнствовавши по России, он женился на весьма некрасивой, но необыкновенно доброй женщине, которая без памяти его любила, и поселился в ее имении в Лебедянском уезде. Там он несколько трехлетий был уездным предводителем, затем был выбран совестным судьею и поселился в Тамбове.

Антон Аполлонович был человек чрезвычайно тонкого, наблюдательного и просвещенного ума, а вместе и прекрасных душевных свойств. Речь его, несколько медленная, не отличалась ни

живостью, ни блеском, но всегда была пересыпана тонкими шутками, своеобразными оборотами, остроумными замечаниями, которые, в связи с большим разнообразием его сведений, делали его разговор чрезвычайно приятным. У него было совершенно оригинальное собрание анекдотов и рассказов, набранных им во время странствований, и он умел с большим юмором применять их к случаю.

Раз Баратынский получает от него письмо с эпиграфом из где-то подслушанной солдатской сказки: «Принцесса пошла в сад и нашла там разные фрукты, декокты* и алмазы». «Фрукты у меня есть, — писал Жемчужников, — алмазов не нужно, а за декоктом я к тебе обращаюсь». «Ах, как я уважаю людей с претензиями!» — восклицал он в другом письме к моему отцу, жалуясь на то, что скучные соседи навещали его, не дождавшись даже, чтобы он им отдал визит.

Он удивительно метко и остроумно умел одним словом характеризовать людей. «Знаете ли, отчего он так пуст? — говорил он про жившего в Тамбове поляка Пильховского, который за вечно восторженное состояние получил прозвание губернского энтузиаста. — Оттого, что он все из себя выходит!» Четырех описанных выше Сабуровых, толстого Александра Ивановича, чванного Андрея Ивановича, бешеного Алексея Ивановича и оригинального Якова Ивановича, Жемчужников, как любитель ботаники, обозначал латинскими прилагательными: первый был Saburof monstruosus, второй gloriosus, третий furiosus, четвертый curiosus**.

Так же метко и глубоко судил он не только о людях, но и об общем положении дел. Так, летом 1848 года он писал отцу по поводу тогдашних европейских смут: «Я, со своей стороны, думаю, что результат всего этого будет усиление монархической власти, в измененной несколько форме; ибо Франция, кажется, как женский монастырь, рада штурму и охотно покорится ему, чтобы только выйти из настоящего положения». Известно, как скоро сбылось это предсказание.

При основательном уме и тонкой наблюдательности, Жемчужников был человек с большим вкусом, ценитель художества, знающий садовод. Он не только умел разбить сад, красиво расположить группы, дать приятную форму дорожке, но он знал все подробности ремесла, мастерски выводил растения, мог руководить садовником. Его оранжереи при небольших средствах были образцовые. Вообще все, что приходилось ему делать, было изучено с величайшею тщательностью и вниманием. В особенности мой отец всегда удивлялся его искусству вести людей. Никогда не употребляя строгих мер, он с удивительным терпением и любовью, вникая во всякую мелочь, умел направлять их смолоду, наставлять и поучать их, когда следовало. Крепостная прислуга состояла у него почти на степени домашних друзей. Нередко человек, подававший блюдо или стоявший с тарелкою за спиной барина, вмешивался в разговор господ.

Сам он был, однако, характера крайне мнительного и нерешительного. Он вечно заботился о своем здоровье, воображал в себе всякие небывалые болезни, тщательно закрывал все окна и жаловался на «пламенных дам», которые всегда ищут сквозных ветров. Когда он был совестным судьею, Петр Андреевич Хвощинский, который был при нем заседателем, рассказывал разные забавные анекдоты о его колебаниях. «Как Вы думаете, Петр Андреевич, — спрашивал Антон Аполлонович, — сколько следует дать розог этому мальчику: две или три?» — «Три», — свирепо отвечал Петр Андреевич. «А не думаете ли Вы, что это будет слишком жестоко?» Сам, впрочем, Антон Аполлонович подсмеивался над своими колебаниями. Он говаривал, что человек главным образом затем женится, чтобы кто-нибудь за него решал. Под старость эта черта характера привела его к тому, что он легко подпал под влияние людей, которые умели к нему подлаживаться и играть на слабых его струнах.

Сердечно привязанный к моему отцу, Антон Аполлонович мечтал лишь о том, чтобы поселиться в его соседстве. «Я всякий день горюю о том, что ты мне не сосед, — писал он отцу в (18)48 году. — Чем старше я становлюсь, тем теснее становится кружок тех людей, в присутствии которых и сердце и душа испытывают истинную потребность». Наконец ему удалось купить имение в семи верстах от Караула; он стал там устраиваться, воздвиг дом, разбил сад и основался там на

постоянное жительство, однако ненадолго. После смерти моего отца, тяготясь новыми порядками, вызванными освобождением крестьян и сопряженными с этим хлопотами, он продал это имение и переселился в Москву. «Освобождение крестьян — хорошая вещь, — говорил он, — но приступили к нему несвоевременно: надо было дождаться, когда не станет стариков».

Характеризованный им поляк Пильховский был также постоянным посетителем нашего дома. О нем в бумагах отца сохранилась полученная из Петербурга справка. В ней сказано, что хотя он в прикосновенности к злоумышленным за границею обществам законным образом не уличен, но так как он разными своими действиями во время мятежа, как-то: укрывательством за границею, испрашиванием в Галиции тамошнего гражданства и тайным возвращением в отечество в 1834 году — навлек на себя сильное подозрение, то, согласно с представлением графа Гурьева78, последовало 11-го марта 1837 года высочайшее повеление: «Имение взять в казну, а его, как подозрительное в злоумышленности лицо, отправить на жительство в Тамбов». Прибавлено, что в настоящее время для него ничего нельзя сделать. И так в те времена по простому подозрению конфисковывали имения и обрекали людей на многолетнюю ссылку! И это делалось шесть лет после восстания79.

В Тамбове ссыльного приняли ласково, и так как он был человек добрый, не сплетник, искренно привязанный к своим друзьям, то старались несколько усладить его горькую участь и охотно прощали ему разные польские замашки: его пустые восторги, хвастовство и в особенности страсть, когда он слышал какой-нибудь рассказ, непременно рассказать что-нибудь еще более удивительное, разумеется, большею частью вымышленное.

Не могу при этом не заметить, что в нашей провинциальной среде я в детстве никогда не слыхал не только от родителей, но и от посторонних, чтобы слово «поляк» или «немец» произносилось с недоброжелательством или укором. Столь же мало видел я какое-либо подобострастие перед иноземным. Любовь к своему родному самым естественным образом соединялась с уважением к другим. К полякам питали даже некоторого рода жалость, как к людям, постигнутым горькою судьбою. С столь обычным у нас самодовольным патриотизмом, подбитым презрением к чужому, я познакомился уже позднее, в столице.

Этим кружком людей, часто посещавших дом моих родителей, не ограничивалось тамбовское общество. Был и другой кружок с более светскими стремлениями, состоявший главным образом из нескольких родственных между собою семей: Араповых, Сазоновых, Родзянко, Охлябининых, Лион и пр. Там были красивые и нарядные дамы, которые любили веселье, танцы, катанье с гор. Заезжие, желавшие веселиться, вращались более в этом кружке. В тридцатых годах в Тамбове жили и богатые помещики Андреевские, которых дом считался одним из первых в городе. Он был отставной генерал, впавший почти в детство, она, рожденная Лешкова, была красивая и бойкая барыня, большая поклонница тогдашнего весьма умного архиерея Арсения80, впоследствии киевского митрополита. У них бывали частые собрания, а иногда детские балы и спектакли, на которые и нас возили. Когда дочь вышла замуж, а сыновья определены были в Пажеский корпус81, Андреевские выселились из Тамбова, но старший сын впоследствии основался в Кирсановском уезде, где он девять лет был предводителем82.

Были, наконец, и помещики, которые, не принадлежа к коренному тамбовскому обществу, селились в Тамбове, находя пребывание в нем приятным. Одно время проживал там богатый помещик Кологривов83, который задавал великолепные обеды. В начале сороковых годов поселился там граф Кутайсов с женою, урожденною Урусовой84. Он отличался азиатской тупостью; она же была приятная светская женщина, отлично писавшая записочки, предмет страсти Федора Андреевича Хвощинского. Проживал в Тамбове и известный князь Юрий Николаевич Голицын85, бывший потом губернским предводителем, сумасброд и повеса первой руки, с очень милою и кроткою женою, которая была с ним совершенно несчастлива. Наконец он ее бросил и похитил девушку, с которою бежал за границу.

Во время пребывания родителей моих в Тамбове эти различные кружки жили между собою в

мире и согласии. Отношения были более наружные, светские, но не заводилось ни ссор, ни дрязг. Устин Иванович Арапов был губернским предводителем86, и отец мой всегда клал ему белый шар. Но вскоре после нашего переселения в Москву произошла буря, которая повела к полному разрыву и к нескончаемым распрям. Поводом послужила распря между губернатором Булгаковым и ревизующим сенатором Курутою87. Последний находился в тесной дружбе с Араповым, к которому Булгаков, напротив, относился очень неприязненно. Воспользовавшись открытием разных злоупотреблений по основанному на дворянские деньги женскому институту, он добился того, что вновь выбранный губернским предводителем Устин Иванович Арапов не был утвержден как находящийся под следствием; велено было произвести новые выборы. Булгаков настойчиво уговаривал Жемчужникова баллотироваться, и тот наконец сдался, хотя очень неохотно. Он так мало дорожил почестями, что полученный им крест надевал только на дорогу с целью побудить станционных смотрителей скорей давать ему лошадей. Зимою, когда он садился в возок, ему зараз подавали шубу, теплые сапоги и «Анну на шее». Когда на последовавших затем выборах он прошел первым кандидатом, он обратился к своим приятелям с приветствием: «Поздравляю вас, я выбран губернским предводителем!» Но, получивши немногими шарами больше второго кандидата, моршанского уездного предводителя князя Константина Ивановича Гагарина, человека доброго, но весьма ограниченного, он сам через губернатора просил об утверждении последнего, что и было сделано к великому его удовольствию.

Губернаторы, естественно, играли первенствующую роль в губернском городе, однако дома их никогда не были общественным центром, несмотря на то что тогдашний уровень губернаторов был гораздо выше нынешнего. Первый, которого я помню, был Николай Михайлович Гамалея88, человек очень умный, дельный, с разносторонним образованием. Он был женат на немке, отличной женщине, но довольно дикого и нелюдимого нрава. Это не помешало ей, однако, весьма близко сойтись с моей матерью, которая своею сердечностью умела расположить к себе всех. Оба они, и муж и жена, находились в дружеских сношениях с моими родителями.

При Гамалее в 1836 году был единственный на моей памяти приезд государя в Тамбов. К этому заранее делались большие приготовления; весь город был в суете. Дворянство должно было дать бал. Дамы заказывали и выписывали себе разные наряды; мужчинам портной Никандр Великолепов шил короткие белые штаны, все запасались шелковыми чулками и башмаками с пряжками, ибо такова была в то время необходимая форма в присутствии царственных особ. Помню, как нас, детей, повезли смотреть на въезд. Мы ждали, ждали, но напрасно. К вечеру прискакал курьер с известием, что государя близ Чембар вывалили из коляски и он сломал себе ключицу. Все приготовления были отменены. Спустя некоторое время государь, еще не совсем оправившись, приехал в Тамбов, но остался в нем только одну ночь. Нас опять повезли смотреть на въезд на квартиру Гамалеев, которые временно выселились из губернаторского дома, где стоял государь. Мы с большим любопытством смотрели на проезд царя с сопровождавшими его толпами народа, которому запрещено было кричать, чтобы не обеспокоить больного. Вскоре, проводив державного гостя, приехал Николай Михайлович, в мундире, с коротким белым исподним платьем, в чулках и башмаках. Мы глядели на него с удивлением, ибо в первый раз видели этот костюм. Он рассказывал, что государь принял его отменно милостиво и объявил ему, что берет его в Петербург. В то время организовалось новое Министерство государственных имуществ, и Гамалея назначен был первым товарищем министра, чем и пробыл долгое время.

Дамские наряды и мужские костюмы не пропали, впрочем, даром. На следующий год, как бы в вознаграждение тамбовским жителям, приехал наследник, Александр Николаевич, который, по достижении совершеннолетия, путешествовал по России. И ему дворянство давало бал, который на этот раз состоялся. Случилось это в конце лета, когда мы жили в Карауле. Отец и мать одни поехали в город. Сначала думали взять меня с собою и обещали даже повести меня на хоры, но в последнюю минуту, к великому моему огорчению, решили оставить меня в деревне, ибо тамбовский наш дом был полон съехавшимися отовсюду гостями. Мне ужасно хотелось полюбоваться новым для меня зрелищем, которое представлялось мне чем-то волшебным, посмотреть на русского наследника, видеть папа? в белых шелковых чулках и башмаках с

посмотреть на русского наследника, видеть нам? в белых шелковых чулках и башмаках с пряжками, как я в этот год видел губернатора. И вдруг я всего этого был лишен!

По возвращении родителей я жадно слушал оживленные рассказы и шутливые разговоры о том, что происходило в Тамбове, о великолепном бале, данном в новопостроенной зале Дворянского собрания, о красоте и уборах дам, о том, как мужчины чувствовали себя неловко в непривычном им узком придворном одеянии, с икрами, затянутыми в шелковые чулки и открытыми для всех взоров. Мать говорила, что это было чрезвычайно красиво и придавало празднеству необычайную нарядность, а отец с усмешкой рассказывал, что, когда они сели за ужин, они все под столом протянули свои пленные ноги. Никто, впрочем, этим не тяготился. Все считали долгом почтить наследника русского престола, и когда для этого надлежало облекаться в придворный костюм, который многим приходилось напяливать в первый и в последний раз в жизни, то этим только увеличивалось внешнее обаяние царского дома. Даже мы, дети, проникались благоговением, когда нам говорили, что перед государем и наследником нельзя являться иначе, как в коротких белых штанах и шелковых чулках. Нам это казалось признаком какого-то недосягаемого величия. В мирной тамбовской жизни приезд высокого гостя был событием, о котором долго вспоминали и которое никогда уже более не повторялось. Насчет впечатления, произведенного великим князем, помню, что говорили о его стройной фигуре и симпатичной наружности, но внимание моих родителей было привлечено в особенности Жуковским89, который сопровождал наследника и с которым они тут познакомились.

На место Гамалея назначен был Александр Алексеевич Корнилов90, брат знаменитого адмирала, лицеист первого выпуска, товарищ Пушкина. Толстяк и добряк, большой говорун, он был хотя невысокого ума, но человек вполне честный, благородный и образованный. Герцен в своих записках рассказывает про него91, что, когда он был губернатором в Вятке, где Герцен находился в ссылке, он при первом свидании дал ему прочесть книгу Токвиля92 “La De mocratie en Amerique”*. По-видимому, Герцен не очень был тронут этим поступком, но нам, принадлежавшим к другому поколению, он служит признаком таких нравов и такого образования, которые давно исчезли. Найдется ли теперь хоть один губернатор во всей России, который бы читал Токвиля, не говоря уже о том, чтобы дать его прочесть ссыльному юноше?

Жена Корнилова была женщина добрейшая, но необыкновенно странных манер: она по всякому поводу и даже без всякого повода вскакивала, бегала, пищала, визжала, что сначала несколько удивляло тамбовцев, но потом они к этому привыкли. С Корниловыми приехал в Тамбов и родственник их той же фамилии — Федор Петрович93. Он приходился Александру Алексеевичу дядей, хотя был гораздо моложе его, почему его звали иногда: l’aieul**. В то время он был приятным молодым человеком, хотя и тогда уже отличался формализмом, вследствие чего в каталоге книг Сергея Абрамовича о нем значилось: «Свод Препятствий, сочинение юного и беспечного Корнилова». Прозвание «Свода Препятствий» за ним и осталось. Впоследствии он сделал видную карьеру, был управляющим делами Комитета министров, наконец, членом Государственного совета и превратился уже в совершенного чиновника.

В начале сороковых годов Корнилова сменил Петр Алексеевич Булгаков, последний из губернаторов, управляющих губерниею во время нашего жительства в Тамбове. Это был человек сильного ума, необыкновенно живой, деятельный, энергичный. Он был студент Казанского университета и если не приобрел большого образования, то питал большое уважение к образованию. Говорил он много и хорошо, особенно об администрации, которую любил и знал основательно. Эти выдающиеся качества омрачались, однако, необузданным нравом, некоторым цинизмом в отношении к женщинам, а иногда и полным неуважением к приличиям. Впрочем, эти свойства сказались в нем уже позднее, когда он, одолев противников и упившись властью, стал разыгрывать в Тамбове роль маленького паши. На первых же порах он вел себя сдержанно и осторожно, и так как был умен, обходителен, приятен и заискивал расположение лучших людей из местных жителей, то скоро стал в доме моих родителей на приятельскую ногу. Жена его была в то время совершенно молоденькая, невинная, миловидная и недалекого ума женщина. Впоследствии он сгубил ее своим примером и своим поведением.

В дружеских отношениях к моим родителям состоял и бывший при Булгакове вице-губернатор Алексей Михайлович Замятнин. Он был тамбовский помещик, человек весьма добрый, честный, с светскими формами, с некоторым литературным образованием, но недалекого ума и страстный охотник до споров, в которых он всегда ужасно горячился, за что Сергей Абрамович прозвал его разъяренным голубем (le pigeon enrage). Жена его, рожденная Левшина, весьма недурная собою, была добрейшая и милейшая женщина. Она скоро и близко сошлась с моей матерью. Впоследствии Замятнин был предан суду по несправедливым наветам ревизующего сенатора Куруты, который мстил на нем за удаление Арапова. Он успел оправдаться, но карьера его была сломлена. Он вышел в отставку и поселился в деревне, где разного рода затеями, а более всего беспечностью, расстроил свое довольно порядочное состояние.

Из других местных властей в постоянных, хотя и неблизких сношениях с моими родителями находилась чета Лешерн фон Герцфельд. Она была рожденная княжна Куракина, женщина светская и весьма неглупая. Он был председателем казенной палаты, тоже человек с утонченными светскими манерами, любивший выказывать свою знатную женитьбу. Отец рассказывал про него, что, когда при торгах на поставку вина он привозил ему обычную со всех винокуренных заводчиков дань, Лешерн умильно жал ему руку и говорил: “Merci, je sais que Vous etes bon”*. В те времена подобные приношения считались делом самым заурядным, почти обязательным для обеих сторон. Никто этим даже не возмущался.

Через Стриневского сделался приятелем в нашем доме и первый управляющий Палатою государственных имуществ Алексей Васильевич Ельчанинов, человек уже почтенных лет, совершенно русского пошиба, без всяких светских форм, говоривший только на родном языке, но весьма неглупый, чрезвычайно живой, веселый, всегда отпускающий забавные шутки. Мы, дети, очень его любили, ибо он всегда с нами нянчился. Впоследствии оказалось, однако, что этот с виду совершенно простодушный человек взимал с крестьян большие поборы. Это выходило уже за пределы обычных приношений и особенно не могло быть терпимо в Министерстве государственных имуществ, которое должно было служить образцом и было учреждено именно затем, чтобы устроить благосостояние казенных крестьян. Ельчанинов должен был выйти в отставку, что не помешало возобновлению после него тех же злоупотреблений, которые въелись в плоть и кровь русского чиновничества. Для искоренения их требовалось преобразование всей жизни.

Кроме местных чиновников, были и приезжие. В то время господствовала система сенаторских ревизий. В нашу губернию, как сказано, прислан был сенатор Курута, умный и хитрый грек. Он прибыл с семейством в сопровождении целой свиты молодых людей и довольно долго прожил в Тамбове. Вращаясь в кругу Араповых, он с моими родителями только изредка обменивался визитами, но различные мытарства ревизии, враждебные отношения к губернатору и вообще прилив новых элементов, конечно, возбуждали толки и вносили оживление в общественную среду. Из сопровождающих его чиновников бывал у нас Михаил Александрович Поливанов, человек приятный и образованный, студент Московского университета, товарищ и приятель Кавелина94. В это время останавливались проездом в Тамбове и чиновники, сопровождавшие князя Гагарина на ревизии в Астрахани, барон Бюлер и Блок95. Помню, что это была пора безумных увеселений в нашем городе. Концерты, балы, катанья следовали друг за другом. О них барон Бюлер, ныне начальник Московского архива иностранных дел, вспоминает доселе. Рассказывали в особенности про бешеный галоп, какой танцевали эти господа с какою-то приехавшею в Тамбов госпожою Миницкой, представлявшею подобие вакханки.

Долго жил в Тамбове на ревизии и будущий государственный контролер Валериан Александрович Татаринов96, человек умный, образованный и приятный, основатель нынешней системы государственного контроля. Он довольно часто бывал в нашем доме.

При таких разнообразных общественных элементах можно было без скуки жить в поовинциальном городе. Приезжие находили удовольствие в тамошнем обществе. “Je m’est parvenu tant de nouvelles de Tamboff, — пишет в одном письме Катерина Федоровна по случаю

parvenu tant de nouvelles de Tambov," — пишет в одном письме Катерина Федоровна по случаю прибывания там Николая Ивановича, — et en verite y avait de quoi allarmer ma jalousie, pour peu que je me sentisse quelque disposition a ce malheureux sentiment. Krivtzof m'ecrivait lui meme, que ses amis lui te moignent tant d'amitie, qu'il s'y trouvait parfaitement bien, que les femmes etaient charmantes "qu'il faisait une cour assidie a m-me Zamiatine etc." Solovoy97 m'a dit qu'il etait toujours en courses et en visite. Vous avouerez qu'il faut beaucoup de resignation et de courage pour supporter tout cela, non seulement sans deperir, mais en prosperant comme je le fait"*.

В особенности гостеприимный дом моих родителей служил отрадным приютом для тех из приезжих, которые искали умственных интересов и сердечного удовлетворения. Так, в (18)36 году довольно долго прожил в Тамбове по служебным делам псковский помещик Пальчиков, человек очень умный, живой, образованный, приятель московских друзей и знакомых отца — Павлова, Брусилова, Зубкова. По отъезде из Тамбова он писал отцу: «Никогда, никогда не забуду, почтенный друг, вашей ласки и гостеприимства, всех утешений душевных, которые я находил в вашем милом семействе. Пусть мир Божий лежит на нем навсегда. Посылаю маленьким друзьям своим псковской пастилы; надеюсь, что они не успели еще меня забыть. Передайте Катерине Борисовне мои чувства живейшей благодарности за милости, которые она мне оказывала. Истинно не могу думать о вас иначе, как о самых близких мне людях».

Однако отец жаловался иногда на скуку провинциальной жизни. Особенно на первых порах, после пребывания в Умёте, среди деревенского приволья, в кругу друзей, выходящих ив ряду вон по уму и образованию, окунуться разом в откупные расчеты и мелкие отношения губернского города было нелегко. Контраст был слишком велик. «Мне Умёт кажется раем с тех пор, как я переехал в Тамбов, — писал отец Павлову. — Что за мир! Несмотря на мою привычку жить в самом себе, бывает так тяжко, что хоть в воду! Растолкуй мне, пожалуйста, отчего, судя по описанию Бальзака, провинция во Франции так сходна с нашею? На днях читал "Le celibataire et la femme abandonnee"98, и мне пришло в голову, что Бальзак долго жил в Тамбове под чужим именем, иначе он не мог бы изобразить с такою верностью не только характеры, мнения, тон здешнего общества, но даже оттенки мелочных страстей, которые составляют главную его жизнь. Странная вещь!»

Это письмо служило ответом на сетование Павлова о скуке московской жизни. «Не один ты скучаешь в столичном городе, — писал отец, — Кривцов говорит, что он умер бы от скуки в Петербурге и приехал в Любичи хоть один месяц подышать свободно». Люди с высшими потребностями вообще редко находят общество, которое бы их удовлетворяло.

Со временем отец мой свыкся с бытом губернского города. Жизнь мало-помалу устроилась и текла спокойно и мирно среди многочисленной семьи и довольно значительного круга друзей. Однако потребность высших умственных интересов так присуща была его натуре, что недостаток их ощущался им постоянно. «Не знаю, как избавиться от скуки, — писал он в начале 1845 года моей матери, которая в это время поехала с старшими детьми в Москву. — Читать нет времени, по утру дела, а вечером всегда кто-нибудь приедет мешать. Преферанс мне решительно надоел, но как ни глупо целый вечер играть в карты, а пошлые разговоры еще утомительнее. Всего ужаснее в жизни провинциального города то, что тратишь время, страдая от скуки и пошлости, и не только не приобретая какого-либо знания, но забываешь то, что знал, и когда придется переместиться в круг людей умственно деятельных, следящих современные интересы высшего разряда, тогда почувствуешь себя отсталым, выйдешь ни пава, ни ворона... Может быть, — прибавляет он, — я слишком нападаю на провинциальную жизнь, может быть, мне все кажется таким скучным и досадным, потому что я разлучен с тобою и живу здесь поневоле».

Были, однако, времена когда это однообразное течение провинциальной жизни нарушалось и город получал необыкновенное оживление. То были эпохи дворянских выборов. Тогда съезжались помещики со всех сторон. Из Кирсанова приезжали Кривцов и Баратынский, которые останавливались у нас в доме, из Лебедяни — Жемчужников, из Моршанска — Василий Васильевич Давыдов99, человек умный и отличных душевных свойств, чрезвычайно приятный в обществе, с тонкими шутками, с разнообразным разговором, большой садовод. Приезжал с меланхолическою физиономиею Плещеев, двоюродный брат Катерины Федоровны. За

меланхолическою физиономисю Плещеев, двоюродный брат Катерины Федоровны. За утренними собраниями следовали ежедневные обеды и вечера. Отец и его ближайшие друзья не принимали участия в игре партий, в волнении страстей, но следили за всем в качестве наблюдателей, и разговорам не было конца. “Je ne sais pas ce que Vous avez fait de Krivtzof, — писала Катерина Федоровна моей матери после выборов 1837 года, — mais il ne jure plus que par Tamboff et m’assure qu’il s’y est amuse comme un roi. Ils etaient avec m-r Baratinsky comme deux etudiants qui se rappellent avec plaisir le temps qu’ils ont passe en vacence passe. Pour Baratinsky, je le concois, mais pour Krivtzof, je Vous avoue que j’en suis toute etonnee et fort contente! C’est a tel point que l’autre jour it me disait qu’aux prochaines elections il faudrait y aller avec famille, parce que c’etait extremement amusant. Comprenez-Vous le gout quil y a pris?”*

По поводу выборов не могу не рассказать врезавшийся мне в память случай, который показывает, как тамбовское дворянство того времени умело поддерживать порядочных людей. Председателем Гражданской палаты выбран был человек, пользовавшийся общим уважением за свою прямоту и бескорыстие, Кондырев. У одного из его приятелей, богатого помещика Протасова, было дело в Государственной палате, дело несправедливое, но Протасов, надеясь на приязнь председателя, был уверен, что он его выиграет. Вдруг в его присутствии читается решение ему неблагоприятное. Это так его взорвало, что он, будучи бешеного нрава, тут же подошел к председателю и дал ему пощечину. Его, разумеется, взяли, судили и сослали в Сибирь. Кондырев подал в отставку и министр ее принял; для исправления должности послан был чиновник из Петербурга. Но на следующих выборах дворянство опять блистательно выбрало Кондарева, правительство вторично его не утвердило, и снова был назначен чиновник. Однако дворянство не отстало; оно продолжало выбирать Кондырева до тех пор, пока правительство наконец уступило. И это происходило в такое время, когда все трепетало перед властью и малейший признак оппозиции считался государственным преступлением!

Живя зимою в Тамбове, мои родители, как сказано, проводили лето и даже осень в Карауле. Тут уже ничего не мешало полному наслаждению. В очаровательной природе и в деревенском раздолье, вдали от мелочных дрязг губернского города, среди мирных сельских занятий, при многочисленной семье, которая пользовалась широким довольством и доставляла только радости, жизнь была настоящим праздником. Почти всегда бывали гости, съезжались родные и соседи, близкие и дальние. Близким соседством считалось пятнадцать-двадцать верст, дальним — от пятидесяти до шестидесяти. В ближайшей окрестности не было помещиков, с которыми сношения были бы часты. Владелец села Богданова, отстоявшего на семь верст от Караула, Михаил Дмитриевич Козловский бывал в наших странах только наездом. Изредка приезжал и владелец Хорошовки, прелестный старик Семен Яковлевич Унковский, постоянный житель Калуги. В несколько позднейшее время поселился в Чернавке Сергей Гаврилович Дурново, который тотчас приехал знакомиться, но и с ним все ограничилось обменом визитов. Это был отставной военный, еще не старый, довольно пустой, ветреный и любивший покутить. Он вздумал разом насадить себе большой сад, натыкал огромных деревьев, чему завидовала другая соседка, страстная любительница садоводства; но эти так называемые Армидины сады100 с первого же года исчезли без следа. С Дурново жили его сестры, две старые девы с большими светскими претензиями. Они почему-то считали принадлежностью великосветского тона непременно ложиться не ранее трех-четыре часов ночи и хотя в зимние вечера умирали от скуки и засыпали, слушая однообразное чтение дворового мальчика, однако ни за что не хотели отстать от этой аристократической привычки. От них к нам часто приезжал доктор Алексеев, которого Дурново привез с собою из Петербурга и который был у нас годовым и для семьи и для крестьян. Как медик он не пользовался большой репутацией, но был человек добрый, мягкий, веселый, чрезвычайно подвижный, несколько легкомысленный и тоже очень любивший покутить. Мы, молодые люди, были с ним большие приятели. Он постоянно забавлял нас всякого рода шутками и анекдотами.

В числе соседей, с которыми сдружились мои родители, был самый крупный помещик Кирсановского уезда, владелец более 30 000 десятин земли Григорий Федорович Петрово-Соловово, или просто Соловой, как его обыкновенно звали. Он был отставной кавалергард, [illegible]

женатыи на петероургскои великосветскои красавице. Она в то время редко приезжала в наши края, а большею частью жила в Петербурге или за границею; он же, оставив военную службу, поселился в своем обширном поместье и был в течение двадцати лет предврдителем дворянства в Кирсановском уезде. Это был человек весьма оригинального свойства, как бы склеенный из разнородных элементов. Образование он имел то, которое получали в то время гвардейские офицеры, то есть внешний лоск и никакого умственного содержания. Но сердце у него было

доброе; он всегда был рад всякого одолжить, а к друзьям своим питал искреннюю и неизменную дружбу и готов был все для них сделать. Характер у него был чрезвычайно живой и общительный; он говорил без умолку, часто забавно, иногда без толку. При этом у него были рыцарские понятия о чести, но с этими понятиями, совершенно искренними, уживались самые мелочные, вовсе не свойственные рыцарю расчеты. Это происходило, впрочем, не из скаредности, ибо деньги он бросал иногда совершенно зря, а от страсти хлопотать, которая составляла отличительную черту его характера. А так как имение было огромное и было к чему приложить руки, то здесь он давал себе полную волю и наслаждался этим безгранично. Как-то раз зимою он уезжал из Тамбова в деревню. Его спрашивали, куда он так спешит. «Как же мне не спешить? — отвечал он. — Ведь там я все, а здесь ничего!» В свое имение он был так влюблен, что его приятели иногда над ним потешались. У Баратынских в доме были две маленькие девочки, которых Сергей Абрамович звал Фероской и Атроской. Одну из них он научил особенного рода географии. Когда приезжал Соловой, он в присутствии последнего делал ей экзамен: «Какие главные города Солововского царства?» И та скороговоркой отвечала затверженный урок: «Карай, Салтыки, Горюшка, Царевка, Ледавка, Маркунья, Гречушка».

Особенную страсть имел Соловой к мельницам; он их строил, перестраивал, запруживал с огромными хлопотами и издержками, толковал о них без конца, и все это приносило только убыток. С таким (же) увлечением и часто с столь же малым толком принимался он и за всякие другие дела: у него был значительный конный завод, большая винокурня; он сам по своим селам держал кабаки, ибо не хотел терпеть в своих пределах никого постороннего, строил, сажал, держал летом тридцать человек «для барской глупости», как он сам выражался. На своей усадьбе он воздвиг бесчисленное множество надворных строений, разбросанных как бы случайно; только дома не построил, уступая настояниям жены и отца, а ограничился положением громадной каменной лестницы от фундамента к реке, сам же жил в старой конторе, прилаженной к потребностям семейства, к которой он приделал большой и прекрасный зимний сад, единственное, что ему вполне удалось. Вообще вкуса было мало, а в знаниях был часто недостаток, но он все хотел делать сам, ни с кем не советуясь; в этом состояло его главное наслаждение. И так как все обыкновенно у него делалось по случайному внушению, без всякого общего плана, то выходили иногда совершенные несообразности: никак нельзя было догадаться, какими он руководствовался соображениями. Случались даже и катастрофы. Однажды в самый день именин жены, который всегда праздновался очень пышно, обрушился огромный, воздвигнутый им по собственным планам свод для винного подвала и задавил двенадцать человек рабочих. Разумеется, он щедро вознаградил семейства.

Но и вверялся он некстати. Ловким людям нетрудно было его обойти. Раз один из его управляющих заключил с соседом формальный договор, по которому Соловой обязан был ежегодно с большими издержками прудить чужую мельницу, которая его самого подтопляла. Пришлось вести процесс по поводу убытка, который он сам себе наносил. Другой поверенный сделал еще хуже. Влюбленный в свое имение, Соловой всячески старался его округлить. Во время межевания он искал каких-то документов, которые, по его убеждению, давали ему право на значительную прирезку, и хитрый делец взялся их добыть. Документы действительно были отысканы в Межевой канцелярии. Соловой заплатил за них большие деньги и был в полном восторге. Но что же оказалось? Все они были подложные, и это было опубликовано. Для Солового это был жестокий удар. Он подвергся как бы публичному позору и не только не добился желанного, но принужден был уступить гораздо более того, что от него первоначально требовали.

Особенную гласность старался придать этому делу губернатор Булгаков, который терпеть не мог Солового вследствие происшедшего между ними столкновения, характеристического для обоих. Оно произошло в Карауле. Булгаков гостил у моих родителей, и туда же приехал Соловой. После обеда, среди оживленного разговора, Соловой упрекал Булгакова в том, что он не обращает достаточного внимания на его разные представления как предводителя дворянства. Булгаков, раздосадованный и разгоряченный вином, с свойственною ему бесцеремонностью

воскликнул наконец: «Да наплевать мне на Ваше предводительство!» — «А мне наплевать на Ваше губернаторство!» — спокойно отвечал Соловой. Тот опешил, встретив такой неожиданный отпор. «Я вовсе не хотел Вас обидеть», — сказал он. «Если бы Вы хотели меня обидеть, — отвечал Соловой, — то у меня был бы другой ответ: на это у Солового есть шпага. Но Вы обидели то сословие, которого я состою представителем, а этого я не могу спустить». Их старались примирить, и с виду это удалось: на следующий год они даже в тот самый день съехались опять в Карауле. Но Булгаков воспользовался первым удобным случаем, чтобы выместить свою досаду.

Жена Григория Федоровича Наталья Андреевна, рожденная Гагарина, иногда приезжала летом к мужу, а он зимою ездил к ней в Петербург. Но с моими родителями она редко видалась; помню ее всего два раза в Карауле. Привычки, понятия и интересы великосветской львицы мало приходились к нашей провинциальной среде. Поэтому в то время ее здесь не жаловали. Сергей Абрамович говорил даже, что между Марою и Караулом сделался опасный проезд, выросла гора. Но пришло время, когда в этой женщине, всей устремленной на светские удовольствия, проснулось живое материнское чувство. Она чаще стала жить с мужем и детьми в деревне, а когда она выдала замуж своих дочерей, она совершенно основалась в наших краях, уезжая только на зимние месяцы. Под влиянием новых чувств и новой среды вся нажитая с младенчества великосветская мишура отпала; под нею оказалось горячее сердце, чуткое ко всему доброму, способность быть искренним, неизменным другом, с полным доверием открывающим свою душу, постоянное желание одолжать других, и притом всегда с тончайшею деликатностью. Пользуясь большим достатком, она не только охотно дает деньги всякому, кто к ней обращается, но и сама с участием предлагает их своим друзьям, когда может предположить, что в них есть нужда, ставя при этом только одно непременное условие: не давать расписок и не платить процентов. «J'oblige mes amis, mais je ne prete pas a interest*, — говорит она. Однажды моя жена уехала в Малороссию на свадьбу сестры, а я через некоторое время должен был следовать за нею. Мы не хотели везти в такую даль свою маленькую дочь и оставили ее на попечение Натальи Андреевны. Уезжая, я благодарил ее за дружеское одолжение. «C'est a moi de vous remercier, — отвечала она. — Vous me confiez ce que Vous avez de plus cher au monde»**. А в минуты горя никто не умел сказать такого задушевного, идущего к сердцу слова, как эта прежняя модная красавица. «Знаете ли, — говорил я однажды Софье Михайловне Баратынской, — кто после смерти моей дочери написал мне письмо, которое всего более меня тронуло? Наталья Андреевна!» — «Представьте, — отвечала мне Софья Михайловна, — что после смерти сына я испытала то же самое. Кто бы мог это ожидать от женщины, некогда всецело преданной свету?» Понятия в известные лета при недостатке надлежащего воспитания, конечно, трудно переработать, поэтому у Натальи Андреевны проскальзывают иногда странные суждения. Но рядом с этим неожиданно проявляется удивительно здравый смысл, спокойный и трезвый взгляд на вещи; а все, что может подсказать сердце, все пошло впрок. С моими родителями она в молодости не могла сойтись, но в старости мы с женою пользуемся сердечным ее расположением и с своей стороны питаем к ней искреннюю любовь и уважение.

Были, однако, соседки, с которыми моя мать могла сблизиться. В пятнадцати верстах от Караула жила Вера Николаевна Воейкова, рожденная Львова. Она была родная племянница второй жены Державина и воспитывалась в доме знаменитого поэта. Замужем она была за жандармским полковником Воейковым, который был вовлечен в падение Сперанского101. По выходе его в отставку они поселились в деревне, унаследованной от родственника, и Вера Николаевна рассказывала, что некоторое время она жила в карете, пока не был готов флигель, который назначался для их житья. Муж ее давно умер; вдова же, выдавши дочь замуж и поместивши

сыновей в Царскосельский лицей, осталась жить в деревне, где усердно занялась хозяйством и отлично устроила свои дела. Из своего степного голого местечка она сделала все, что можно было сделать: насадила прекрасный сад, построила в память мужа прелестную церковь, которая, возвышаясь против дома за небольшим прудом, окруженным высокими деревьями, придает всей местности чрезвычайно изящный вид. Сама она была старушка весьма живая, толковая, словоохотливая, с светскими манерами, но с меньшим образованием, нежели можно было

ожидать по литературной среде, в которой она возросла, и к тому же имевшая привычку, так же как Пильховский, постоянно восторгаться по пустому.

Старший сын ее Леонид Александрович102 по выходе из Лицея служил в военной службе, в сороковых годах тоже приезжал в деревню хозяйничать, а впоследствии, женившись, совсем в ней поселился. Он бывал у нас, но в то время мало сближался с нашей семьею. По летам он был гораздо моложе отца и старше нас. Притом в молодости у него были черты не совсем приятные: некоторая свойственная иногда молодым людям резкость и самоуверенность, с выставляющимся напоказ уважением к деньгам. Однажды при мне на вопрос моей матери, что он более ценит в жизни, он резко отвечал: «L'argent, Madame»***. Такие выходки меня от него отталкивали. Впоследствии я встречался с ним в земстве и очень с ним сблизился, нашедши в нем человека хотя невысокого ума и несколько упорного характера, но вполне доброго, честного, прямого, рыцарски благородного, притом искренно преданного общественному делу, и на которого всегда можно было положиться. К этим высоким качествам присоединялось и то, что он был хороший хозяин и умел отлично управлять своими и чужими делами. Так резкие черты молодости сглаживаются иногда под старость, и открывается внутренняя сущность, которая скрывалась под не совсем привлекательною оболочкою.

Еще более моя мать сблизилась с другою соседкою, жившею от нас в двадцати пяти верстах в селе Каравайне с Софьей Николаевной Ивановой, рожденной Сандуновой. Она была дочь знаменитого юриста и профессора Московского университета103. От отца она получила глубокое уважение к образованию, много читала, постоянно пополняла свою библиотеку. Когда я поступил студентом в университет, я должен был ежегодно составлять для нее список книг, преимущественно исторических, которые она тотчас выписывала. Сама она была женщина добрейшая, ласковая, приветливая, с живым разговором, приправленным тонкими шутками, страстная любительница цветов. При всегдашнем ее радушии и гостеприимстве все охотно к ним ездили, и она всех умела угощать отлично. Повар был от Рахманова, который, пока жил в Калуге, был им сосед и приятель, провизия всегда самая лучшая, вина отборные. В день ее именин 17 сентября у них бывал огромный съезд и разливанное море.

Муж ее Петр Степанович, отставной капитан, совершивший поход двенадцатого года, был человек старого времени, ограниченный и крутого нрава; но она втихомолку, делая вид, что во всем ему покоряется, так умела прибрать его к рукам, что он, расхаживая петухом и воображая себя командиром, в сущности, делал все, что она хотела. Она успела даже внушить ему уважение к просвещению. Он постоянно, хотя и без большой пользы, читал серьезные книги, исторические, а иногда даже философские, в которых ровно ничего не понимал. В особенности же он любил с тонким видом вести политические разговоры.

С ними в то время жила и ее сестра Надежда Николаевна, впоследствии вышедшая замуж за Белостоцкого, но скоро разъехавшаяся с мужем. Это была девушка очень умная и образованная, хорошо говорившая по-английски, коротко знакомая с английскою литературою, с скромными, сдержанными приемами, но отличная наездница. Неудачный брак увлек ее в другую сторону. Она получила какое-то презрение к людям, а вместе и стремление к материальному приобретению, в котором она видела практически полезную цель. Действительно, она успела приобрести порядочное состояние; самое Каравайно перешло к ней после смерти стариков. Там она завела большой конный завод, который был единственною ее страстью. Но все это кончилось весьма печально. Она вверилась сыну, с которым нянчилась с ранних лет, которого она провела через университет, женила и развела, но который вышел совершенно пустым

малым. Он тайно от нее замотался, наделал долгов, и неожиданно для всех наступил крах. Она в отчаянии, видя крушение всего, чему она отдала свою жизнь, наложила на себя руки, открыв себе вены в ванне, по примеру Сенеки, но была спасена. Имение все перешло к кредиторам, а она осталась в совершеннейшей нищете.

К более или менее близким соседям принадлежала и семья Алексея Ивановича Сабурова, проживавшая летом в Лукине, в восемнадцати верстах от Караула. Позднее, как сказано выше, в семи верстах от нас поселился в селе Алатырке Жемчужников, что для отца, уже стареющего и больного, было большим сердечным удовлетворением, ибо ни с кем он так коротко не сходился, ни с кем не был в таком общении мыслей, вкусов и взглядов. Свидания были почти ежедневные; то они бывали у нас, то мы у них. Но и более отдаленные соседи почасту гостили в Карауле. Приезжали Хвощинские, Ковальские, Вышеславцевы, Яков Иванович Сабуров. Нередко гостил и Баратынский, которого приезд всегда вызывал общую радость и оживление. В первые годы приезжали и Кривцовы, чаще он один, реже она с расцветшею уже в полной красе дочерью. Здоровье Катерины Федоровны в это время сильно расстроилось, и она с трудом могла предпринимать далекие поездки. Кривцов же на первых порах был главным советником по устройству усадьбы. Отец в этом деле имел еще мало опытности, а между тем надобно было все почти перестраивать заново, ибо старая и тесная караульская усадьба вовсе не подходила к потребностям нашей семьи. Кривцов по этой части был мастер, и он охотно приходил на помощь своим друзьям. В его письмах встречаются указания и наставления относительно самых мелочных потребностей построек: где и в каком направлении поставить надворное строение, на какую глубину копать фундамент, какой толщины и какого размера делать рамы. Он сам во время поездок в Москву и Петербург делал закупки для отца; иногда он приезжал надсматривать за работами, а в 1842 году, когда отец уехал на торги в Петербург, он принял все постройки в свое распоряжение. По его плану выстроен был сначала деревянный флигель для гостей, впоследствии надстроенный братом и перевезенный в имение его жены, куда он переселился, затем каменный флигель для кухни и жилья; но тем, к несчастью, и ограничилось драгоценное содействие этого замечательного человека. Летом 1843 года пришло совершенно неожиданное для всех известие, что Николай Иванович скончался. Он был болен всего три дня и по обыкновению никому о том не говорил. Его смерть поразила всех как громовым ударом. Для друзей это была незаменимая потеря; всякий понимал, что подобного человека он в другой раз в жизни не встретит. Обрушился один из коренных столпов тесного кружка мыслящих людей нашей местности.

Но еще несравненно большим ударом это было для Екатерины Федоровны, которой все существо переплелось с любимым человеком. Эта слабая и больная женщина долго пережила своего с виду атлетического мужа; но жизнь ее с тех пор была только беспрерывным плачем о прошлом. Все ее письма к матери наполнены невыразимою грустью. Даже когда несколько лет спустя дочь ее вышла замуж, она с глубоким сокрушением признавалась, что не в состоянии разделить ее счастья. «Mon coeur est si solitaire, si isole, — писала она, — que tout en voyant Sonetchka heureuse il se sent envelopper du lincenil de mon cher et pauvre Krivtzof: так иногда и почти всегда грустно, что часто сил нет! Je me sens vilaine, ingrate envers la Providence, moi qui n'ai jamais ete egoiste! Je le suis donc; Sonetchka je trouve heureuse! Ne serait ca pas tout ce qu'il me faut. — Non, non, je vous l'avoue a Vous, ma bien bonne. Rien ni personne ne correspond plus avec moi. Lubitchi n'est plus du tout la meme, je suis tout a fait seule de cebon temps je n'ai plus meme de bien d'affection, car je ne desire plus rester ici, tout est egal. Куда Бог пошлет, как он устроит, воля его!»* Однако она с Любичами не рассталась, а все более и более привязывалась к этому месту, где протеакли все лучшие годы ее жизни, где схоронен был тот, который, по ее выражению, как величавый дуб, осенял ее своим покровом. Здесь она прожила почти в полном одиночестве большую часть времени до своей смерти. Насилу дочь могла вызвать ее в Петербург, где она и скончалась. Тело ее привезли в Любичи и положили рядом с мужем. Оба они спят в построенной Кривцовым уединенной часовне, среди пустынных степей. Никто не приходит поклониться одинокой могиле; Любичи, перешедшие в чужие руки, давно перестали быть притягательным центром. Но поныне еще для меня, старика, эти два имени, столь знакомые мне с детства, Николай Иванович и Катерина Федоровна, звучат как святое предание о блаженных временах,

как память о быте давно исчезнувшем и которого отдаленные отголоски все более и более теряются среди новой жизни и новых людей.

После смерти Кривцова главным советником и помощником при устройстве Караула сделался Баратынский, которого архитектурному вкусу и знаниям отец вполне доверял. По его плану и рисунку был построен обширный каменный конный двор в виде зубчатой крепости, с большими

готическими воротами, с двухэтажными флигелями для прислуги. Из Мары был также заимствован рисунок купальни, поставленной в углу сада. Но насчет дома отец решился прибегнуть к московскому архитектору. Постройка дома должна была завершить собою переустройство усадьбы, и к этому заранее готовились все нужные материалы. За несколько лет из Моршанска привезен был отборный сосновый лес, ибо отец не хотел строить каменного дома, опасаясь холода и сырости. Скуплены были старые дубовые избы для паркетов и рам. В основание проекта положен был составленный Кривцовым план для деревянного дома Бологовских, но для расширения его, согласно с своими потребностями и вообще чтобы дать строению надлежащий вид, отец обратился в Москве к весьма знающему и талантливому архитектору Миллеру104, бывшему тогда профессором в Училище живописи и ваяния. Миллер, получив нужные указания, выработал план дома со всеми подробностями, и, когда все было готово, в несколько месяцев обширное здание как бы выросло из земли. В то время, в (18)49 году, мы с братом Василием выходили из университета. Приехав в Караул после экзамена, мы увидели новый дом уже под крышею, а к Покрову мы совсем перешли в него на житье. Мебель, бронза и камин для гостиной были перевезены из тамбовского дома, который тогда же был продан. По старому обычаю новоселье было отпраздновано съездом гостей и фейерверком, устроенным Баратынским, который приехал со всею семьей. И он и отец мой часто любовались этим завершением многолетних дум и труда. И точно, дом вышел удобный и красивый. Это не было случайно возникшее здание, которое расширялось и переделывалось по мере возникших надобностей. Все тут было заранее и задолго обдумано, рассчитано и приспособлено к потребностям большого, но живущего

Фасад дома в усадьбе Караул. 1900-е гг.

в довольстве семейства. Тут была общая мысль, были знания и вкус, а потому хозяева могли быть вполне довольны результатом. Лучшего поселения для помещичьей жизни, обставленной достаточными удобствами и даже (с) некоторой роскошью, нельзя было желать.

Отец занялся и садом, к которому он особенно пристрастился в последние годы своей жизни. В старом саду делать было нечего; но перед домом простиралась к заливу пустынная гора, не представлявшая ничего, кроме навозных куч, поросших бурьяном. Здесь работы предстояло так много, что даже Кривцов не считал возможным обделать эту гору без значительных издержек. Поэтому на первых порах отец ограничивался тем, что выравнивал площадь около дома и кой-где делал посадки, соображаясь с общим характером местности. После смерти Кривцова он, по примеру последнего, пригласил из Пензы Макзига, который приезжал в Караул несколько лет сряду, разбивал сад, назначал места для посадок и присылал из пензенского казенного рассадника нужные деревья и кустарники. Не только отец, но и я, будучи уже студентом, ходил с ним всюду и с величайшим интересом следил за всеми его работами, научаясь у него правилам и приемам пейзажного садоводства. Тут я понял, каков должен быть изящный изгиб дорожки, как следует располагать группы и массивы. Я увидел, что это — настоящее искусство, представляющее удивительно привлекательные стороны, и сам сильно пристрастился к этому делу. Гуляя и беседуя с Макзигом, нетрудно было заразиться этою страстью. Он был садовод из ряду вон выходящий, образованный, с знанием, вкусом и талантом. Небольшого роста, толстенький, живой и словоохотливый, он без устали бегал вниз и вверх, все высматривая, и объяснял на ломаном русском языке, останавливаясь на каждой точке зрения, что для полноты картины следует открыть и что закрыть так, чтобы окружающая местность с простирающимися вдаль видами представляла как бы продолжение сада и гуляющий мог бы с различных точек получать разнообразные впечатления. С таким мастером новый сад мог действительно отвечать всем

желаниям хозяина. Каждое дерево, каждый куст были посажены с мыслью и толком; все было обдумано и расположено со вкусом. Отец наслаждался им вполне. С какою любовью следил он за своими посадками, наблюдая за ростом каждого деревца, придумывая все новые и новые украшения. Ежедневно видели мы его гуляющего после обеда с своею палкою в каком-то тихом упоении; то он останавливался на выдающемся месте, то садился на разные скамейки, чтобы любоваться видом дома или расстилающейся перед ним облитою вечерним закатом прелестною

перспективой окрестности. Все им задуманное и с таким постоянством созидаемое в течение многих лет принимало все лучший и лучший вид и мало-помалу приближалось к тому, что носилось перед его воображением.

И ныне, когда я по его примеру гуляю по своему саду, где каждое место и каждое дерево знакомы мне с детства и будят во мне целый рой воспоминаний, когда я вижу, как все это с тех пор еще более разрослось и украсилось, я постоянно думаю про себя: как бы этим любовался отец? что бы он сказал, увидев свой Караул достигшим той полноты художественного впечатления, о которой он мечтал? С теми же мыслями брожу я по комнатам дома, где каждый предмет говорит моему сердцу и ведет со мною беседу о старине. И в эти минуты мне кажется, что тут, рядом со мною, мелькают освященные тени, любуясь так же, как я, всем оставленным ими и всем сделанным после, благословляя всякое новое дело и наказывая потомству благоговейно оберегать полученное от них достояние. Священные предания семьи! С ними связано лучшее, что есть в человеческой жизни, но они становятся еще вдвое крепче и еще глубже проникают в душу, когда они сосредоточиваются около родного гнезда, где все так дорого и так близко, где все так живо напоминает и тех, кого любил, и собственные невозвратимо ушедшие годы, невинное детское веселье, увлечения юности, все радости и горе, которые довелось испытать в течение минувшего века. Да, домашний очаг, переходящий из рода в род со всем окружающим его миром, с могилами отцов, с преданиями старины, составляет одно из драгоценнейших состояний человека. И кому удалось создать такой центр и передать потомкам связанный с ним нравственный дух, тот может сказать, что он на земле совершил великое и святое дело. Благо стране, в которой есть много таких передаваемых от поколения к поколению центров! Они служат для нее источником устойчивых сил и рассадником людей. Это элемент, которого ничто не может заменить. Общество, в котором он утратил свое значение, теряет необходимое равновесие и предается на жертву смутам и колебаниям. Не говоря о безумных мечтах людей, отвергающих поземельную собственность. Они обличают совершенное непонимание коренных условий человеческого общежития.

В 1852 году мои родители праздновали в Карауле свою серебряную свадьбу. Съехалось множество родных и друзей изблизи и издалека. За обедом отец мой, поднимая бокал, сказал от глубины сердца: «Я прожил двадцать пять лет так счастливо, как только может жить человек. Желаю каждому из своих сыновей прожить так же, как я».

И точно, лучшего желать невозможно. Достигши шестидесятилетнего возраста, много странствовав по белому свету, видевши вблизи самые разнообразные сферы, до самых высших, я, с своей стороны, могу сказать: лучше старого русского помещичьего быта, при широком довольстве, при счастливых семейных условиях, я ничего не видал.

Глава II

МОЕ ДЕТСТВО

Описание моего детства может иметь некоторый интерес как указание на то воспитание, какое можно было в то время получить в провинции, ибо до семнадцати лет, т. е. до поступления в университет105, я почти безвыездно жил в Тамбовской губернии. Для меня оно имеет и другое значение, побудившее меня распространяться о том, может быть, более, нежели следует. Мысленно переношусь в давно прошедшие времена, в лучшие свои годы. В душе моей возникают милые дорогие сердцу образы, воскресает золотой век на заре личной жизни. И детские радости,

и невинное детское горе представляются в тихом сиянии невозмутимого счастия. И это не мечта воображения, как золотой век поэтов. Нет, такова была действительность. Все в ней было направлено разумом и окружено любовью; все было полно, и светло, и согласно. Я не вынес из своего детства ни одного скорбного чувства и ни одного тяжелого впечатления.

Семья наша была очень многочисленная. Нас было семь братьев и одна сестра, младшая из всех106. Между мною, старшим, и сестрою было одиннадцать лет разницы: остальные размещались в промежутке, отстоя друг от друга всего на год или на два, причем трое старших, все погодки, составляли отдельную группу и воспитывались вместе. Из всей семьи умер один только ребенок, младшая из всех сестра, которая жила всего несколько недель, после чего детей уже не было. Остальные были живы, здоровы и возрастали в полном благополучии. Можно себе представить, какое оживление было в доме, какая резвость и веселие при стольких ребятишках, которым жить было привольно под ласковым попечением родителей, хотя баловства мы не знали, не играли в доме первенствующей роли и никогда не мешали занятиям и беседам старших. За столом мы сидели смирно, я всегда возле отца, и не вступались в разговоры; в гостиной, когда были гости, не ходили, а тешились и веселились в своей детской или классной.

Самые ранние мои воспоминания восходят к умётской жизни и носят на себе характер литературный. Я помню себя четырехлетним мальчиком, сидящим на диване в умётской гостиной и внимательно слушающим Павлова, который, сидя возле меня, читал мне «Тришкин кафтан». Помню также отца, читающего мне басню «Госпожа и две служанки», которая восхищала его своей художественностью. Впрочем, в то время я сам уже умел читать. Мать выучила меня грамоте, и первою и любимейшею моею книгою были басни Крылова. Они не выходили у меня из рук; я их постоянно перечитывал и многие знал наизусть. К стихам я вообще был очень восприимчив и легко их заучивал. По рассказам родителей, меня иногда еще совсем малюткою сажали на стол, и я декламировал стихи из недавно вышедшего «Бориса Годунова» и другие стихотворения. Особенно восхищался я «Конем» Языкова, некоторые строфы которого с того времени сохранились в моей памяти. Я упивался этими образами и звуками и с восторгом повторял:

Скачет, блещущий очами,
Дико голову склонил;
И по ветру он волнами
Долгу гриву распустил107

Такие впечатления запавшие в душу ребенка, оставляют по себе неизгладимые следы. Когда я сам впоследствии сделался отцом, я вспомнил свое детство и снова открыл басни Крылова, которые много лет не брал в руки. Я был очарован их тонким юмором, их художественною отделкою, их глубоким проникновением в человеческую душу, наконец, их чисто русским складом, которые делают их неоцененным сокровищем для воспитания в настоящем русском духе. Я читал их своей дочке, которая также их любила и твердила наизусть; но от этого, увы, кроме вечной живой сердечной раны, ничего не осталось.

Физически мне на первых порах хотели дать воспитание несколько спартанское. Павлов однажды пришел в ужас, увидев меня бегающим босиком по морозу. Я сам помню, как мы в Умёте с босыми ногами барахтались в лужах. Однако эта система была скоро оставлена, не знаю почему. Впоследствии нас всегда держали в некоторой холе, хотя без преувеличения.

В эти годы мы были всецело на руках русских нянек, разумеется из крепостных. Но моя личная няня, женщина средних лет, очень мягкая и добрая, рано от меня отошла. Она влюбилась в молодого парня из наших же дворовых и, с разрешения моих родителей, вышла за него замуж. Он долго служил у нас в доме дворецким и буфетчиком; впоследствии, уже вдовцом, он был уволен с предоставлением права искать себе места, когда узнали, что он был подкуплен московскою полициею, чтобы следить за нашими студенческими сборищами. Но мне как ребенку он памятен в особенности своею страстью к птицам. Между прочим, он вынашивал

ястребов и охотился с ними за перепелками, ловил также перепелов в сети под дудку — увеселения, бывшие некогда в большом ходу между дворовыми, которым делать было нечего, но совершенно исчезнувшие ныне. У него всегда было множество домашней птицы и лягавые собаки. Я несказанно любовался красивым и статным хищником с поперечнополосатою грудью, с острым и смелым взглядом, сидевшим у него на руке, и с восторгом слушал его рассказы о приметах различных пород и о прелестях охоты. Сам я охотником не сделался, но страсть к птицам впоследствии развилась во мне в сильной степени.

С переездом в Тамбов нам взяли гувернантку, мадам Манзони, для обучения главным образом французскому языку, но также и разным элементарным наукам. Она была какой-то смешанной народности; мать, по ее словам, была испанка, муж — итальянец. Родом она была, кажется, из Беарна или из баскских провинций, о которых всегда рассказывала с увлечением. Расставшись с мужем, она приехала в Россию искать счастья и попала в Тамбов, в частный пансион госпожи Фицтум, откуда перешла к нам. Это была особа средних лет, весьма неглупая, очень бойкая, с светскими формами и привычками, лихая наездница, притом очень занята собой, несмотря на довольно толстый нос, безобразивший ее лицо. Красуясь своими длинными белокурыми волосами, она всегда носила необыкновенные прически; утром она являлась к уроку вся в папильотках, а свою косу она громоздила в виде высокого конуса или башни, на что употреблялось довольно много времени и что приводило в отчаяние служившую ей горничную, которая никак не умела ей угодить. Характера она была капризного и имела разные причуды: она уверяла, что не может видеть жабу и арбуз, не падая в обморок. Когда случалось, что летом за столом при ней подавали арбуз, она вскакивала и стремглав убегала в свою комнату, так что ее уже заранее предупреждали о появлении этого злокозненного фрукта. А во время вечерних прогулок она каждую прыгающую лягушку принимала за жабу и кидалась из стороны в сторону в неистовых припадках.

С нами она сначала обращалась очень ласково, и так как она по своей живости умела занимать нас разными играми и сама иногда в них участвовала, то мы ее полюбили и всегда звали: «Ma bonne amie»*. Но впоследствии капризный ее характер дал себе волю, и она начала нас муштровать по всякому поводу и нередко без всякого толку. Серьезных притеснений мы от нее, конечно, не могли испытать; в нашем доме это не допускалось. Но были постоянные мелкие придирки и несправедливости, которые нас оскорбляли. Сперва предметами ее фантастических выходок были мои младшие братья, но наконец очередь дошла и до меня.

Поводом послужила моя неподатливость разным ее затеям. Она любила не только сама наряжаться, но и наряжать детей, и это она производила с большим искусством. Однажды, когда мои родители проводили вечер у Камбаровых и за ними рано должна была ехать карета, мадам Манзони нарядила меня турком и отправила туда, давши подробное наставление, как я, войдя медленными шагами в гостиную, должен скрестить руки на груди и с глубоким поклоном произнести: «Салямалек!» Все это я исполнил с точностью. Как теперь, вижу изумленную фигуру Ивана Александровича Камбарова, который в эту минуту подносил трубку к губам и так с нею и замер при неожиданном появлении маленького турка. Мои родители, разумеется, тотчас меня узнали и расхохотались. Меня это забавляло менее, нежели гувернантку, но так как я вообще был покладистого нрава, то я позволял делать с собою, что она хотела, до тех пор, пока наконец пришел случай, который возбудил во мне дух сопротивления.

Однажды за уроком гувернантка сообщила нам, что накануне было совещание по поводу предстоящего у Андреевских детского маскарада и по ее совету было решено, что мы с братом Василием, вместе с двумя девицами Сабуровыми, дочерьми Александры Петровны, составим кадриль, одетые басками, в черных курточках, в плотно облегающих коротких штанах телесного цвета, стянутых пряжками под коленом, я в красных, а брат в голубых шелковых чулках, с таких же цветов жилетами и вязаными шапочками, оба, наконец, в крошечных круглоносых башмачках с помпончиками, что, по ее словам, было чрезвычайно красиво. Гувернантка подробно и с любовью описала национальный костюм своей родины, в котором она жаждала нас видеть, а я, слушая ее, внутренно трепетал, и, когда в эту минуту вошла мать, неся показать красный и голубой шелк для будущих чулок, меня поразила ужасом перспектива явиться на бал,

при сиянии огней, под устремленными на меня со всех сторон взорами с окутанными таким образом ногами, в обтяжных штанах и в башмачках с помпончиками, да еще вдобавок в первой паре под ручку с девицей. Мне казалось, что я ни за что на свете не решусь переступить порог бальной залы в этом виде. Но гувернантка была в восторге от своего изобретения. Заметив мое смущение, она старалась внушить мне, как я буду хорош в шелковых чулках, с длинными завитыми локонами, падающими из-под красной шапочки, красиво надетой набекрень. Она с

услаждением говорила, что сама будет нас одевать, прибавив, что моя дама будет мне совершенно под пару, и все будет так мило, что и сказать нельзя. Но я не только не пленялся ее изображением, а напротив, все более возмущался против сулимого мне наряда. Мое волнение еще усилилось, когда я в кабинете матери нашел бумажку с обозначением костюмов обоих кавалеров и дам. Тут под моим именем стояли роковые слова: «Culotte couleur de chair, souliers noirs, bas rouges»*. Они показались мне моим приговором. Я не мог от них оторваться, спрятал к себе бумажку и несколько дней все ее вытаскивал и перечитывал. Мне живо представлялось, как на меня будут надевать эти ужасающие меня короткие штаны в обтяжку телесного цвета, и разряженного, в завитых буклях, как у мадам Манзони, поведут на бал, где я под ручку с Катюшей Сабуровой, оба одинаково обутые в красные шелковые чулочки и в крошечные башмачки с помпончиками, буду совершать свой торжественный вход в гостиную Андреевских. Я ничего никому не говорил, но все обдумывал в своей маленькой голове, как бы мне этого избегнуть. Беда казалась неминуемой; уже пришел домашний портной Влас снимать с нас мерку. Сердце во мне замерло, когда он узенькою бумажкою плотно обхватил мою ляжку и подколенок. Я решил из любопытства примерить костюм, чтобы испытать, как это будет, но затем что-нибудь учинить с собою, что бы мешало ехать. Мысль останавливалась на том, чтобы поранить себе ногу перочинным ножиком, так чтобы нельзя было обуваться.

До этого, однако, не дошло. Отмена маскарада пришла мне на помощь и избавила меня от муки; но впечатление было так сильно, что с тех пор я возненавидел всякие переряживания. Между тем гувернантка продолжала свои затеи. Вместо отмененного маскарада она вздумала нарядить нас турками, вместе с девицами Сабуровыми, и дома устроить в гостиной большое торжественное угощение. Но на этот раз я решительно отказался участвовать в представлении, сказавшись, что у меня болит голова. Пришлось заменить меня третьим братом. Мимо меня прошла вся эта костюмированная процессия, а я даже не пошел в гостиную, но остался в классной комнате, погруженный в свои любимые книги.

Меня не принуждали, но мадам Манзони сочла это непростительным упрямством с моей стороны, и с тех пор началось мелкое преследование, часто без малейшего повода, что крайне меня возмущало. Случалось, что из чистого каприза она прогоняла меня из класса, как будто я не хочу учиться, и я не знал куда деваться. Однажды она вздумала, что я сердито на нее смотрю, и за это поставила меня в угол, и когда я, огорченный несправедливостью, заплакал, она надела на меня чепчик. Но этого позора я не вынес. Видя, что мои усиленные моления не действуют, я решительно сорвал с себя чепчик и убежал под крыло матери, куда гувернантка, чувствуя себя кругом неправою, не дерзнула меня преследовать. С тех пор она сделалась осторожнее.

К счастью, эта система мелких притеснений продолжалась недолго, ровно столько, что я мог почувствовать на себе, что такое капризный произвол в отношении к подвластным. В мою детскую душу заронилось глубокое негодование против несправедливости. В 1838 году, перед нашей поездкой в Петербург, мадам Манзони от нас отошла. При расставании она нежничала, и я расплакался. Но в душе я сохранил к ней неприязненное чувство, и, когда в следующем году она заехала к нам проездом через Тамбов, меня даже не могли уговорить пойти с нею поздороваться. С тех пор я ее не видал и не знаю, что с нею сталось.

Четырехлетнее ее пребывание в нашем доме было, однако, для меня чрезвычайно полезно. Не только она нас школила и приучала к дисциплине, но, несмотря на свой капризный характер, она была хорошая учительница. Мы скоро привыкли болтать и даже, что гораздо важнее, правильно писать по-французски. Истории и географии она учила совершенно элементарно, сообразно с

детским возрастом, но толково. Главное же, что в ней было хорошо и что оставило по себе прочные следы, это то, что она старалась возбудить любовь и привычку к чтению. У нее был порядочный запас исторических и литературных книг, которые она заставляла меня читать вслух или давала мне читать про себя, т. к. я оказывал к этому большую охоту. В эти годы я впервые познакомился с произведениями Корнеля, Расина и Мольера, которые возбудили во мне, с одной стороны, любовь к героям, а с другой — чувство комизма. В то же время в прочел всю древнюю историю Роллена и приходил в восторг от великих мужей древности. Моим любимцем был в особенности Аннибал, вследствие чего я ненавидел римлян. Как я ни пленялся Цинциннатом, которого от плуга призывали к диктатуре, Фабрицием, отвергающим дары самнитов, Регулом, который для сдерживания данного слова добровольно возвращался на мученическую смерть, но с горькою судьбою Аннибала и с разрушением Карфагена я не мог примириться со взятием Афин Лизандром108. Помню также, что я прочел какую-то историю Соединенных Штатов. Меня очень занимала их борьба с Англией, которая напоминала мне войны греков с персами109. Я восторгался высоконравственным образом Вашингтона, которого портрет висел у отца в кабинете. С жадностью прочел я также историю освобождения Греции и воодушевлялся подвигами Боциариса, Канариса и других героев греческой независимости110. Кроме того, из открывшейся тогда в Тамбове публичной библиотеки мадам Манзони взяла для нас собрание путешествий Кампе111, и я прочел чуть ли не все пятьдесят томиков этого сборника. Я очень увлекался описанием путешествий, переносился воображением в великолепные страны юга, представлял себе разнообразных животных и растения, которыми они изобиловали, и мне самому хотелось испытать приключения мореплавателей. Разумеется, не забыт был и «Робинзон Крузо», а за ним и «Швейцарский Робинзон»112, которые были для нас источником истинных наслаждений. Гувернантка достала мне также небесную карту и вместе со мною отыскивала созвездия, которые я изучал с большим интересом.

В то же время было и русское чтение. Кроме Крылова, нам с ранних лет давали сочинения Жуковского в стихах и в прозе. Я их читал и перечитывал, был очарован прелестью его стиха и многое твердил на память. Так, я выучил балладу «Ахилл», которая привлекла меня образами героев Троянской войны; выучил также всю балладу «Граф Габсбургский», которую я доселе с того времени знаю наизусть. С восторгом твердил я патриотические песни двенадцатого года: «Певец во стане русских воинов» и «Певец в Кремле». Сердце мое билось за отчизну, и я с гордостью ставил русских героев наравне с греками и римлянами. Затем мне дали Карамзина, и я с увлечением прочел все двенадцать томов. Помню, как я, десятилетний ребенок, был огорчен, когда проездом через Москву в Петербург в (18)38 году я дошел до роковой фразы: «Орешек не сдавался...» — и не мог узнать, что произошло далее113. Впоследствии уже я восполнил этот пробел чтением Устрялова114; но что такое сухое, краткое, вялое изложение Устрялова перед Карамзиным! Доныне я еще чувствую недостаток хорошо написанной русской истории, доступной молодому возрасту. Соловьев115 дает глубокое и основательное исследование, равно необходимое для учащихся и для более зрелых учащихся, но оно не может заменить живой, увлекательный рассказ, представляющий картинное изображение прошлого и действующий на воображение юношей.

Кроме чтения, мы в это время начали брать уроки русского языка у гимназического учителя Рождественского116; но он скоро умер, и об его преподавании у меня сохранились весьма смутные воспоминания.

Гораздо памятнее мне та непримиримая вражда, которая, по поводу капризного отношения гувернантки к детям, кипела между нею и живущей у нас в экономках старушкою, игравшею весьма видную роль в нашем детстве. Звали ее Надеждою Ивановной Анцифировой. Она была дворянского происхождения, рожденная Извольская, и состояла в каком-то дальнем родстве с матерью отца, которая была той же Фамилии. Вследствие этого мы звали ее бабашей. Разъехавшись по неизвестной мне причине с мужем, она поселилась у нас в семье и прожила у нас до конца жизни, исполняя должность экономки. Женщина она была самая простая, никогда в гостиную не являлась, а жила в своей кладовой, выдавала провизию, отлично варила варенье и всякие лакомства, делала настойки и наливки. Ее преданность семье была безграничная;

оберегание хозяйского имущества и услаждение детей составляли всю ее жизнь. Поэтому главными врагами ее были повар и гувернантка. С поваром столкновения были постоянные. Всякий день беспременно при выдаче провизии она приходила в остервенение от того, что на кухню забирали слишком много; раздавались возгласы, крики, брань. Но все это ни к чему не вело, ибо отец, который сам заказывал стол, не полагаясь на гастрономические способности матери, требовал, чтобы всегда всего было вдоволь, и не хотел входить в мелочные расчеты.

Другой же враг была гувернантка, которую она звала не иначе как фарзоной. Она ненавидела ее всеми силами души и ополчалась на нее всякий раз, как та осмеливалась наказать кого-нибудь из ее любимцев. Нас она обожала и голубила, как первые сокровища в мире. Мы всегда пили у нее в кладовой чай, который она сама разливала; она постоянно угощала нас всякими сластями, сколько это было дозволено, а иногда и втайне. Но главным ее любимчиком был мой третий брат, Владимир, который с раннего детства беспрестанно витал в кладовой, заглядывал в шкафы и с особенною охотою раскладывал и расстанавливал по порядку всякие провизии и бутылки, вследствие чего его прозвали «хозяином». Когда мадам Манзони дерзала посягнуть на этого фаворита, происходила буря. Однажды при мне Надежда Ивановна с шумом ворвалась в комнату гувернантки и жалобным голосом возопила: «Аделаида Ивановна, простите Володюшку». Получив надменный отказ, она бросилась на колена перед ненавистной фарзоной и, простирая к ней руки, продолжала умолять: «Простите Володюшку! Я сделаю для Вас все что хотите!» Но та осталась в своем непреклонном величии. Тогда Надежда Ивановна в сердцах вскочила, плюнула и хлопнула дверью. Вражда закипела пуще прежнего.

Как большая часть простых женщин Надежда Ивановна была набожна и богомольна до чрезвычайности, постоянно ходила в церковь и строго соблюдала все посты, вследствие чего при всяком разговении объедалась и была больна. Но у нее была одна особенность, которая отличала ее дворянское происхождение: это — страсть к чтению сентиментальных романов. Раз одна из гувернанток, бывших при сестре, слышит, что Надежда Ивановна вбежала в соседнюю девичью и с отчаянием воскликнула, обращаясь к сидевшим там горничным: «Представьте Мишель-то утопился!» Та, изумленная, выскочила, чтобы узнать, с кем случилось такое несчастье: оказалось, что это был герой одного из читанных ею романов.

Говоря о Надежде Ивановне, не могу не вспомнить и о другой старушке, которая также связана со всеми воспоминаниями детства, об упомянутой выше Катерине Петровне Осиповой. Она была замужем за толстяком Осиповым, который был гораздо старше ее и, умирая, оставил ей дом, стоявший почти напротив нашего, с большим простирающимся за ним садом. Дом она отдала внаймы, сама же поселилась в флигельке и усердно занималась своим садом, в котором собственноручно сажала и поливала цветы и взращивала плодовые кустарники. Для нас, детей, этот сад служил источником больших наслаждений. Мы часто гуляли и резвились в нем осенью и весною. Особенно в весеннюю пору нас манила густая тень старой липовой аллеи и две стоявшие недалеко от нее большие ели. Мы прислушивались к живому пению птичек, порхающих в кустах смородины и малины, и с любопытством следили за садовыми работами хозяйки, которая всегда нас чем-нибудь угощала. Наша семья была для нее как родная, дети были предметом ее обожания. Я уже говорил, что в отсутствие моих родителей она переходила в наш дом для надзора за оставшимися детьми. Впоследствии она совершенно к нам переселилась продала свой дом и до конца своей жизни осталась неизменною спутницею моей матери. Обе они скончались на расстоянии немногих дней одна от другой.

Катерина Петровна была женщина доброты необыкновенной. Всегда тихая и кроткая, она на всем своем существе носила печать какой-то особенной ясности, точно теплый и тихий летний вечер. Никто никогда не замечал, чтобы голос ее возвышался, никто не слыхал от нее резкого слова. Однако же когда она хотела, она умела своей спокойною твердостью внушить к себе уважение и заставить делать то, что она считала нужным. На мою мать, особенно в последние годы ее жизни, когда она была уже слепою и беспомощною старухою, Катерина Петровна имела огромное влияние. Обладая большим здравым смыслом, она умела кротко и тихо успокаивать ее волнения. Для себя она ничего не требовала и не искала, а смотрела на жизнь как на божий дар,

которым надобно пользоваться с невозмутимым благоговением, в ожидании лучшего бытия. Смолоду воспитанная в глубочайшей набожности, свято соблюдая все уставы церкви, она не пропускала ни одной службы, ни одного поста; благолепие церковного служения было одним из главных наслаждений ее жизни. Но у нее было и поэтическое чувство природы: она очень любила цветы, и нельзя было сделать ей большее удовольствие, как подарить букет. Дома она говорила мало, а большею частью сидела спокойно за какою-нибудь работою. Одним словом, это

было существование, насквозь проникнутое какою-то прозрачною теплотою сердца, которая, казалось, не оставляла места ни для каких житейских волнений.

Со времени поездки в Петербург мы поступили уже под мужской надзор. Там приставили к нам рекомендованного кем-то немца, полугувернера и полудядьку, который должен был за нами смотреть и учить нас немецкому языку. Звали его Федор Иванович Дюмулен. Он был уроженец саратовской колонии Сарепта, человек лет тридцати с небольшим, несколько дубоватой наружности, белокурый, горбоносый, тщательно причесанный, с небольшими усами. Образования он не имел никакого, но был совершенно пригоден для той должности, которую он призван был исполнять. Молчаливый и хладнокровный, он, казалось, недоступен был никаким душевным движениям; по крайней мере, мы ничего подобного не могли заметить в течение довольно долгого времени, которое он пробыл в нашем доме. Но аккуратности он был непомерной и самым тщательным и добросовестным образом исполнял все, что на него возлагалось. В комнате у него все было прибрано и расставлено в неизменном порядке и в безукоризненной чистоте. Летом не допускалось даже присутствие мух. С этой целью у него и днем и ночью окна были затянуты сетками, а дверь завешана пологом, и, если случалось, что какая-нибудь легкомысленная муха проникала в это святилище, неумолимая хлопушка преследовала ее до тех пор, пока она падала жертвою своего дерзновения. С такою же неизменною точностью исполнял он и все возлагаемые на него поручения и не только этим не тяготился, а напротив, любил, чтобы ему давали комиссии, и щеголял своею аккуратностью в исполнении. Зато не было для него большего удовольствия, как подметить какой-нибудь беспорядок в хозяйстве; он с тонкой усмешкой об этом рассказывал, давая почувствовать, что при надлежащей аккуратности этого не могло бы случиться. Он любил, впрочем, вечером поиграть с приятелями в карты, причем почти всегда выигрывал, и был также большой поклонник женского пола. Но об этом мы в то время ничего не знали, и это отражалось на нас лишь тем, что иногда, против своего обыкновения, он сердился, когда мы засиживались за положенный час. Только впоследствии, когда он от нас отошел, оказалось, что он влюбился в одну из горничных, которой единственная прелесть состояла в округлых формах и белизне кожи. Он стороною, через родных, ее выкупил и на ней женился.

И при всем том у этого сухого, дубоватого и материального человека была черта, которая как будто не клеилась со всем остальным. Может быть, вследствие происхождения из степной глуши, у него было живое чувство природы. Он любил водить нас гулять по красивым местам, сам наслаждался и видами и воздухом. Летом же в Карауле аккуратно каждый день, в один и тот же час после обеда, он выходил на выгон, который нравился ему своею ровною поверхностью, и шел к лугам, где, лежа на вершине спускающегося к ним холма, любовался захождением солнца и мирным зрелищем возвращающихся деревенских стад.

Мы Федора Ивановича нельзя сказать, чтобы любили, и нельзя сказать, чтобы не любили, а смотрели на него как на какую-то машину, роковым образом управляющую нашими действиями. С этим мы и свыклись, ибо, хотя в нем не было ничего, что бы нас привязывало, зато мы не ощущали и притеснений. Урок он давал нам с тою же неизменной аккуратностью, всякий день с восьми часов утра до десяти. Один день был перевод, другой диктовка; и это продолжалось безостановочно в течение шести лет. Находясь с ним в постоянном общении, мы скоро выучились порядочно болтать по-немецки, и я писал почти безошибочно. Но знакомства с литературою мы, конечно, от него не могли получить. Только в (18)43 году, когда отец поехал один на торги в Петербург, он привез мне полное собрание сочинений Шиллера, и я жадно принялся читать. С восторгом прочел я сначала все драмы, от первой до последней, затем

привыкал читать. С восторгом прочел я сначала все драмы, от первой до последней, затем баллады, из которых некоторые были уже мне знакомы из переводов Жуковского, накрнец исторические сочинения: «Историю Тридцатилетней войны» и «Восстание Нидерландов».

Одним Федором Ивановичем нельзя было, однако, довольствоваться. Относительно французского языка кое-что пополнялось уроками доброго Корне, оставшегося в Тамбове пленного двенадцатого года. Мы с ним долбили грамматику Левизака. Он дал мне прочесть очень увлекшую меня историю крестовых походов Мишо117 и какие-то фолианты римской истории с картинками, в которую я совсем погрузился. Но все это было слишком поверхностно. Надобно было искать настоящего гувернера. За этим мать обратилась к своему бывшему воспитателю Конклеру, который жил на родине в Сен-Галлене. По его рекомендации в 1840 году прибыл к нам новый гувернер, голландец Тенкат. Это был человек уже пожилых лет, низенький, толстенький, в очках, с редкими волосами. Фигура была совершенно голландская, но характер был вовсе не голландский, а напротив, чрезвычайно живой, вспыльчивый и подвижный, с большим юмором и некоторой язвительностью. Он обладал широким и разносторонним образованием, много видел, много путешествовал. Родом из Амстердама, он долго жил в Париже в самую блестящую эпоху парижской жизни, несколько лет провел в Соединенных Штатах, наконец, судьба забросила его учителем в Швейцарию, откуда он к нам и прибыл. Он отлично знал как французский, так и английский язык и литературу; в особенности он был страстным поклонником Англии, ее государственных людей, ее учреждений, ее писателей и поэтов. Преданный Оранскому дому, ненавидя Наполеона и его владычество, он в английском народе видел высший цвет человечества. Лорд Чатам и Питт были его идеалами, Шекспир, Байрон, Вальтер Скотт, Диккенс118 — любимыми авторами. Поэтому его первым делом по прибытии к нам было выписать для нас все их сочинения, и как скоро мы достаточно выучились английскому языку, они сделались нашею насущною пищею. Немцев же он терпеть не мог и всегда издевался над их туманною отвлеченностью. Его ясный и живой ум не мог мириться ни с длинными, неуклюжими немецкими фразами, ни с глубокою, но не всегда удобопонятною германскою мыслью.

При таких весьма высоких для гувернера качествах у него были и удивительные странности. Я такого чудака не встречал. Старый холостяк и эгоист, он непомерно дорожил всякими материальными наслаждениями и удобствами и, не стесняясь ничем, в самых причудливых формах выражал свое неудовольствие, когда что-нибудь было не по нем. Первая его страсть была хорошо покушать. Он с неизъяснимым наслаждением и намеренною расстановкою смаковал каждое вкусное блюдо, хвастаясь тем, что он, как следует образованному человеку, ест медленно и с вниманием, а не глотает просто куски, как делают варвары. «Вот видите, — говорил он иногда, — я еще наслаждаюсь, а они уже все кончили». Отец мой однажды с некоторым удивлением услышал, как Тенкат, разговаривая с нами, воскликнул: «Croyez-Vous qu'il soit de la dignite de l'homme d'avoir moins de 24 plats a sa table?»* И так как он кушать любил со всеми удобствами, то он не довольствовался обыкновенными столовыми стульями, которые к тому были несколько высоки для его коротеньких ножек, а всегда к своему месту ставил низенький, мягкий стул, на который клал еще надувную подушку. За обедом он зорко следил за обносимым блюдом, заранее отмечая самые лакомые кусочки, и бесился, когда кто-нибудь брал то, что он мысленно для себя готовил. В этом отношении он особенно ненавидел Якова Ивановича Сабурова, который, не стесняясь, клал себе на тарелку огромные порции и всегда выбирал самые лучшие куски. Был один трюфель, которого Тенкат не мог забыть в течение нескольких лет. «Представьте, — говорил он, — подают великолепные трюфели... Он, разумеется, берет самый большой, и что же? Даже не доел его, а сдал половину». Однажды Яков Иванович, спросив себе вторично какого-то блюда, иронически предложил остатки Тенкату: «Voulez-Vous finir ce plat? Il en reste encore». — «Comment? Apres Vous?»** — воскликнул Тенкат.

Едою он любил наслаждаться и в воображении. Иногда перед обедом он приносил разные собранные во время путешествия меню, выбирал в своей фантазии тончайшие кушанья и с умильною улыбкою говорил: «Вот что у меня сегодня будет за столом». Зато всякое блюдо, которое было не по нем, всякий соус, который, по его мнению, был сделан вопреки правилам гастрономии, вызывал в нем выражение нетерпения. Сам он во флигеле, где помещался

гастрономии, вызывал в нем выражение нетерпения. Сам он во флигеле, где помещался, постоянно производил всякую стряпню, приготовлял всевозможные маленькие блюда, en cas***, как он выражался, на случаи, если он, например, проснется ночью и вдруг почувствует пустоту в желудке (un creux d'estomac). С этой целью, когда за обедом подавали что-нибудь, что ему было по вкусу, он накладывал себе полную тарелку и тут же отправлялся к себе в комнату. Заботливость о будущей еде простиралась и на хозяйскую провизию. На зиму нам обыкновенно присылали из деревни множество живой птицы, кур, индеек, которые бродили по двору. Тенкат

внимательно их осматривал и приходил в ужас, когда ему казалось, что они недостаточно накормлены. «Comment! Nous devons manger ces maigres animaux! — восклицал он с негодованием. — Mais ce sera le combat des Voraces et de Coriaces»**** И всякий день после обеда он собирал крохи хлеба, накладывал глубокую тарелку верхом и отправлялся кормить индеек.

Такую же важную роль, как еда, играла у него летом прохлада, ибо он, по толщине, не выносил жара. Он разделял весь человеческий род на два разряда: на прохлаждающихся и на задыхающихся (les ventilateurs et les suffocateurs) и уверял, что в России все дома нарочно так устроены, что нельзя нигде найти сквозного ветра. В жаркие дни он с утра до вечера только и делал, что искал ветра; ночью же он ставил свою кровать посреди комнаты, между открытыми дверями и окном, или же перетаскивал по двору свой надувной матрас, стараясь где-нибудь уловить дуновение ночного воздуха. Зато когда шел дождь, он предавался полному удовольствию: надевал нарочно купленную для этого женскую рубашку, которая нисходила до его пят, и, не скрываясь от посторонних взоров, выходил на крыльцо и наслаждался ниспадающею на него прохладительною влагою.

Будучи отличным пловцом, он всякий день по целым часам купался, но, как истинный сибарит, любил при этом соединять различные удовольствия. Одним из любимых его кушаний были раки, особенно пандинские, которые славились своим вкусом; он говорил даже, что в Россию стоит приехать единственно для того, чтобы поесть пандинских раков. Летом, всякий раз как за обедом подавали раков, он откладывал себе большую порцию, тщательно их приготовлял, и, когда он после того отправлялся купаться, камердинер сопровождал его с зонтиком и с тарелкою раков. Выехав на лодке посереди реки, он бросался в воду, плавал досыта, затем выкарабкивался на лодку и, сидя в натуральном костюме под зонтиком, который держал над ним камердинер, наслаждался своим любимым кушанием. После этого опять он кидался в воду, поплававши, опять ел раков, и это повторялось по несколько приемов сряду. Блюдо раков сделалось даже причиною непримиримой вражды между ним и Федором Ивановичем. Сначала они были друзья, и Тенкат отдавал ему даже деньги на хранение. Но случилось однажды, что нам к детскому завтраку подали раков. Мы хотели послать несколько штук Тенкату, но Федор Иванович заметил, что раков мало и что не стоит посылать. За уроком брат Владимир возьми да об этом проговорись. Тенкат ничего не сказал, бросил только свирепый взгляд; но после уроков он тотчас отправился к Федору Ивановичу и спросил у него свои деньги. Сосчитавши их и увидев, что все целы, он обратился к нему с грозным вопросом: «А зачем Вы сегодня утром не хотели прислать мне раков?» Тут произошла какая-то ссора, после которой они в течение нескольких лет не говорили друг с другом ни слова. Федор Иванович при всяком случае подсмеивался над чудачествами Тенката, а последний называл Федора Ивановича не иначе как l'Ostrogoth*. Деньги с тех пор перешли на хранение к брату Владимиру, на аккуратность которого Тенкат вполне полагался.

Сибаритизм проявлялся у него, впрочем, не в одном стремлении к материальным наслаждениям. Он также ценил и наслаждения умственные. После обеда он любил pour faire la digestion** читать что-нибудь приятное. Иногда он садился в гостиной у камина и предлагал для содействия пищеварению прочесть вслух какую-нибудь хорошо написанную статью из "Journal des Debats" или нечто подобное. Утром же, когда он пил у себя в комнате чай, который у него всегда был свой, составленный из разных сортов, ибо на этот счет он был очень прихотлив, он уставлял весь стол разными маленькими блюдцами и закусками и затем, попивая чай и покушивая, в то же время читал для себя громко какую-нибудь сцену из романов Диккенса или из комедии Шеридана119.

В деревне мы из соседней классной комнаты слушали стук чашек и тарелок, сопровождаемый чтением и хохотом; и вдруг все это прерывалось сердитыми возгласами; он бегал, топал, кричал. Мы бросались, чтобы узнать причину его гнева: оказывалось, что его укусила муха и тем нарушила эти минуты блаженства. Он отмахивался от нее платком, кидался за нею в досаде. “Ces diables de mouches, — кричал он, — je leur mets la toute especе de bonnes choses pour qu’elles manget et me laissent tranquille, non, il faut qu’elles viennent se mettre sur mon nez!”*** Мухи и комары были его смертельными врагами, и он никогда не стеснялся в выражениях своей досады. Случалось, что мы летом обедали в саду в большом обществе; вдруг он взвизгивал, вскакивал и покрывал платком свой плетеный стул, чтоб оградить себя от покушений этих докучливых насекомых. Все, разумеется, глядели на него с удивлением. Но и по всякому малейшему поводу поднимался шум из ничего. Слуга, не спросясь, унес у него стакан, и в доме раздавался крик, так что отец принужден был иногда вступаться и ему выговаривать. Мои родители, естественно, тяготились этими сумасбродными выходками и не считали полезною для детей такую чрезмерную привязанность к материальным наслаждениям. Поэтому одно время они хотели с ним расстаться, но когда мать спросила у меня, не буду ли я этим огорчен, я отвечал, что никого из учителей так не люблю, как Тенката. Вследствие этого он остался у нас почти до самого отъезда нашего в Москву перед вступлением в университет.

Своими сердечными свойствами он, конечно, едва ли мог меня привлечь, но меня пленяла в нем необыкновенная живость ума, разнообразие сведений и интересов, наконец, его обходительность, ибо он обращался с нами не как с учениками, а как с себе равными, разговаривая с нами обо всем, шевеля в нас мысль, открывая перед нами новые горизонты. Его уроки не были рутинным преподаванием избитых материй. Не будучи педагогом по ремеслу, он с большим тактом умел выбрать то, что могло заинтересовать и возбудить молодой ум в самых разнообразных направлениях. У меня сохранились некоторые тетради переводов на английский язык: нахожу в них характеристики из Лабрюйера120, изображение свойств и характеров различных народностей, письмо Вольтера к Фридриху II121 при посылке трагедии «Магомет» и рядом с этим изложение элементарных физических законов и явлений. В особенности он старался развить в нас литературный вкус. Он не только давал нам читать книги, но и сам читал нам вслух избранные места из различных авторов. С каким услаждением слушали мы его, когда он в виде отдыха и забавы всякий день по окончании урока с большим юмором и выражением читал нам недавно вышедшие «Записки Пиквикского клуба». Для нас это было настоящим праздником; мы хохотали до упаду. «Пиквик» сделался нашею любимою книгою, и мы по собственной охоте постоянно делали из него переводы, которые подносили отцу. С таким же юмором Тенкат читал нам сцены из «Генриха IV» Шекспира, где является лицо Фальстафа. А рядом с комедиею он знакомил нас и с трегедиею, читал сцены из «Ричарда III» или из «Макбета», заставляя нас понять трагичность положения, возвышенность чувств, благородство языка. Чтение английских писателей сделалось постоянным нашим занятием в свободные часы. Мы начали с легких романов Марриета122, которые служили и темою для переводов, затем перешли к Вальтер Скотту. Я с увлечением прочел все до единого романы великого шотландского писателя, а также вышедшие в то время романы Диккенса, Гука, Купера123. Шекспир почти не выходил у меня из рук; я читал и перечитывал его от доски до доски. Но более всего в то время я восторгался Байроном. Многие места я учил наизусть, особенно описания природы и великолепные стансы, обращенные к Древней Греции, которою я тогда бредил.

Тенкат учил нас и латинскому языку. Не будучи большим латинистом, он и тут умел чрезвычайно умно заинтересовать учеников изучаемым предметом, не налегая слишком на грамматические формы, а обращая внимание главным образом на силу и красоту языка и на внутренние достоинства писателей. Под его руководством я понял благородную простоту Цезаря, изящный слог Саллюстрия и Тита Ливия, блестящее красноречие Цицерона, сжатую силу Тацита124. По вступлении в университет я мог при изучении Нибура свободно прочесть всего Тита Ливия125, не прибегая почти к лексикону. В особенности он держал нас на поэтах. Я с наслаждением переводил всю вторую и четвертую книгу «Энеиды», но, как любитель сельской жизни, еще более восхищался «Георгиками»126 и твердил наизусть: “O fortunatos nimium, sua illi bona norint, agricolas!”* Я живо представлял себе описанные Виргилием светлые озера

bona norint, agricolas!" Я живо представлял себе описанные Вергилием светлые озера, прохладные пещеры, мычание стад. По своей охоте учил я на память и прелестные оды Горация. Помню, как Тенкат, хотя был приверженцем Оранского дома, с некоторым чувством национальной гордости рассказывал нам о непоколебимом мужестве республиканца Корнелия де Витта, который, подвергнутый пытке по обвинению в заговоре против принца Оранского и поднятый на дыбы с привешанными к пальцам ног гирями127, среди мучений повторял знаменитую строфу:

Justum ac tenacem propositi virum
Non civium ardor prava jubentium,
Non vultus instantis tyranny
Mente quatit solida...*

Такие уроки не забываются. Когда по вступлении в университет Шевырев128 на экзамене задал темой для сочинения описать событие или впечатление, которое имело наиболее влияния в жизни, я тотчас выбрал знакомство с английской литературой; но так как брат мой, вступивший вместе со мною, хотел писать на ту же тему, то я взял знакомство с латинскими классиками.

Таким образом, в этом преподавании поэтические восторги смешивались с тонким пониманием юмора, возбуждение пытливости ума с развитием вкуса. И так как при этом не было ни малейшего педантизма, а при необыкновенной живости и такте преподавателя все усваивалось легко и свободно, то учение имело для нас большую прелесть. Даже когда случалось, что нужно было сделать какое-нибудь замечание или внушение, Тенкат всегда придумывал для этого такую форму, которая нас самих занимала и забавляла. Помню, что однажды он с большим юмором описал по-английски, как младший брат мой Владимир, тогда еще ребенок, отлынивая от урока, рыскает по коридорам и по кладовым, и заставил его перевести это описание на французский язык.

Б. Н. Чичерин. 1870-е гг.

Самые чудачества Тенката, всегда сопровождаемые оригинальными выходками, служили для нас неистощимым источником забавы. Я даже специально упражнялся в том, чтобы вызывать их поддразниванием. Сделать это было очень легко: стоило только затронуть чувствительный вопрос и высказать мнение, противоположное его собственному. Иногда я заводил речь о каком-нибудь блюде: зная, например, что он любит куропаток, я начинал утверждать, что рябчики несравненно выше и что только недостаток тонкости вкуса может заставить предпочитать им более жирных куропаток. Или же я говорил, что голландскому языку не стоит учиться, ибо это, всем известно, не что иное как plattdeutsch*, что выводило его из себя. Но главным предметом его дразнения были англичане: я начинал язвительно критиковать какой-нибудь любимый его английский роман или же подтрунивал над нравами англичан, изученных в их литературе, над их необщительностью и формализмом. Когда же все это не действовало, тогда пускалась в ход последняя батарея: бомбардирование Копенгагена Нельсоном129. Я доказывал, что такой варварский поступок мог быть только делом народа, у которого нет ни малейших понятий о нравственных требованиях и о международных отношениях. Тут уж он никак не мог выдержать. Он вскакивал, бегал, кричал, топал ногами, а мне того и было нужно. Гнев его скоро улетучивался, и удовольствие было полное.

Понятно, что я расстался с ним с большою грустью. Весною 1844 года он уехал обратно за границу, направляясь в Баден, где он намеревался попробовать счастья в rouge et noir**, ибо к прочим своим оригинальностям он присоединял уверенность, что он нашел безошибочное средство всегда выигрывать в эту азартную игру. Нужно было только, по его мнению, не гоняться за большими кушами, а всякий день довольствоваться выигрышем маленькой суммы, достаточной для того, чтобы заплатить за квартиру и иметь хороший обед. Он сочинил какой-то мартингал*** и все проверял его, раскладывая карты и тщательно записывая результаты. Иногда он с торжеством показывал нам плоды своих измышлений и давал нам карты в руки, чтобы доказать неопровержимую верность сделанных им расчетов, причем он с умильною улыбкою

доказать непогрешимую верность сделанных им расчетов, причем он с умильною улыбкою рассказывал, какие он на выигранные деньги будет заказывать вкусные обеды.

Насколько ему удалось исполнить свое намерение, что с ним сталось после того, как он нас оставил, об этом я ничего не знаю. С отъездом из России он точно канул в воду, и о нем с тех пор не было ни слуху ни духу. Когда мне двадцать лет спустя случилось путешествовать по Голландии, мне все мерещился образ моего старого гувернера. Я вспоминал дни своего детства и невольно всматривался в толпу в ожидании, не встречу ли столь знакомую мне фигуру, хотя был совершенно уверен, что он давно покоится в могиле. Мир да почиет над его прахом! Он раскрыл мне целую бесконечность новых мыслей и чувств и оставил по себе в моем сердце неизгладимую благодарность.

До какой степени Тенкат, при своих странностях, был нам полезен, в этом я убедился, сравнивая его с теми гувернерами, которых довелось иметь моим младшим братьям. Первый, поступивший в наш дом тотчас по отъезде Тенката, был француз Берне, человек смирный, без всяких причуд, но зато совершеннейшая тупица, от которого можно было получить рутинное преподавание, но отнюдь не какое-нибудь умственное развитие. Мне он, впрочем, оказался полезен своим невежеством. В молодости он проходил курс богословского факультета Страсбургского университета и при мне однажды сказал, что знает по-гречески и по-еврейски. Я тотчас воспылал желанием учиться по-гречески, хотя в то время знание этого языка вовсе не требовалось для вступления в университет. Немедленно были выписаны грамматика Цумпфта130 и упражнения. Но что же оказалось? Верне, кроме азбуки, ровно ничего не знал, так что я принужден был сам, без малейшей помощи проходить грамматику и делать переводы. Весь наш урок состоял в том, что я переводил, а он слушал молча, ничего не понимая, и только когда встречался какой-нибудь глагол на «?», он начинал склонять единственный известный ему глагол ????*, да и то неправильно. Другого я ничего не мог от него добиться. При всем том я собственною работою достаточно подучился по-гречески, так что в Москве, с новым учителем, я мог прямо приступить к «Илиаде».

Кроме живущих в доме гувернеров, нам давали уроки и гимназические учителя. Из всех всего более мы любили учителя истории Измаила Ивановича Сумарокова131. Он был кандидат Харьковского университета, человек еще молодой, высокий, сухощавый, с живыми и несколько угловатыми движениями. Это была необыкновенно чистая и благородная душа. По природе пылкий и восторженный, он умел и ученикам сообщить свои возвышенные стремления. Не могу лучше изобразить его характер и направление, как сделав выдержку из письма, полученного мною от него уже в позднейшее время, когда я, вступив на литературное поприще, послал ему одно из своих сочинений. «Поверьте, — писал он, — что я более всего ценю добрую память обо мне бывших моих учеников: ибо я убежден, что если ученики добром памятуют своего учителя, значит, он не бесплодно трудился на лучшем поприще в жизни, на поприще развития мысли и добра. Немногое мог я Вам сообщить, бывши Вашим учителем, потому что сведения мои были очень и очень ограничены. По крайней мере, я старался, сколько мог и умел, развить в Вас любовь к мысли, истине и труду. Я знал, что многое из того, что я передал Вам, Вы отбросите как негодное, что при дальнейшем развитии многое в моих сведениях покажется Вам детски незрелым, но я был убежден, что если я буду способствовать по мере моих сил развитию в Вас мысли и любви к труду, я исполню добросовестно свою обязанность. Развитая в человеке способность искать истину никогда не даст ему уснуть и рано или поздно принесет свои плоды». И это в его устах не было пустою фразою. Он искренно радовался, находя в ученике именно то, что он старался в него вселить. Говоря тут же о моей статье «О сельской общине в России»132, он писал: «Не буду говорить о выводах Вашей статьи; меня обрадовало в особенности то, что в ней я на каждой странице видел добросовестное изучение источников, любовь к истине и добросовестное разъяснение оной, без всякой наперед заданной мысли и коверкания фактов на любимую тему». Из этого можно видеть, что, несмотря на всю свою скромность, он ясно понимал задачу учителя истории.

Измаил Иванович приезжал к нам и на лето в деревню, и мы всегда сердечно ему радовались. Мы жили с ним как товарищи. Вскоре потом он оставил педагогическое поприще. Тамбовский

жили с ним как товарищи. Вскоре потом он оставил педагогическое поприще. Тамбовский губернатор Булгаков, ценя его непоколебимую честность и его способности, уговорил его поступить на гражданскую службу и дал ему выгодное место. Однако он в чиновника не превратился, а внутренно остался тем же пылким студентом, каким был прежде. Когда возгорелась Крымская война, он с юношеским энтузиазмом вступил в ряды ополчения и пошел на защиту отечества. Заключение мира вернуло его к гражданским занятиям. Он с жаром приветствовал преобразования нового царствования, как начало новой эры более свободного

развития русского народа. И это было не увлечение модными идеями, а исполнение самых заветных его мечтаний. Он сочувствовал новому направлению не как большинство расплодившихся тогда либералов, огулом отвергавших все старое, а как историк, который понимает необходимую связь настоящего с прошлым. «Не можем же мы вдруг оторваться от него, — писал он мне, — да и не к чему: надо только изменить и переформировать его сообразно общечеловеческим интересам. Россия в настоящем ждет коренных преобразований. Ей душна та атмосфера, в которой она до сих пор жила и теперь живет. Но чтобы угадать, в чем должно состоять коренное преобразование России, надобно, во-первых, добросовестно, без утайки и задней мысли изучить и разъяснить ее прошедшее и, во-вторых, угадать, в чем состоят современные общественные интересы. По моему крайнему разумению, преобразование, вместе с тем и дальнейшая задача русской истории, должно состоять в постепенном освобождении русского народа от слишком большой, правда в прошедшем часто необходимой, опеки правительства над народом». Эти мысли разделяли тогда все лучшие русские люди. Измаил Иванович остался верен убеждениям до самого конца своей жизни. Он умер председателем одной из палат во Владимире. С сердечным удовольствием слышал я от знавших его там, что в нем неизменно сохранились прежние черты: та же светлая и чистая личность, тот же юношеский пыл и то же благородство побуждений.

С Измаилом Ивановичем мы успели пройти только древнюю историю и русскую историю до Петра. Остальное дополнялось пока чтением. Кроме упомянутых выше исторических сочинений Шиллера и «Истории крестовых походов» Мишо, я брал разные книги из библиотеки отца, как-то «Историю бургундских герцогов» Баранта, «Историю завоевания Англии норманнами» Тьерри, и «Сокращение новой истории» Мишле, сочинение Ансильона о европейских переворотах, «Историю французской революции» Лакретелля133. Тенкат давал нам читать и делать переводы из английской истории Садлера134. Надобно, однако, сказать, что с этой стороны был недостаток. Чтение было более или менее случайно, и выбор можно было сделать лучше.

Несравненно ниже Сумарокова стоял учитель русского языка и словесности Степан Иванович Фенелонов. Он был из семинаристов, человек добрый и обходительный, но больше любил поиграть в картишки; преподавание же было самое рутинное по программе Востокова и риторике Кошанского135. Отец думал даже одно время заменить его другим, но, приехавши осенью из деревни и видя, что учителя долго не ходят, мы соскучились по урокам и, никому ничего не сказавши, послали уведомить их о нашем приезде. Делать было нечего, и Степан Иванович остался. Преподавание его было, впрочем, небесполезно, ибо на всякую риторическую тему задавались сочинения, и мы привыкали писать без орфографических ошибок и правильным слогом.

Недостаток преподавания и тут восполнялся чтением. К Крылову, Жуковскому и Карамзину присоединились теперь и другие русские писатели. Я живо помню, как однажды отец, призвав меня к себе в кабинет, вынул из своего шкафа том сочинений Пушкина, сам прочел мне стихотворение «Поэт» и «К морю» и отдал мне книгу в руки. С тех пор Пушкин сделался моим любимым поэтом. Я с жадностью прочел все его сочинения и многое заучивал на память. Точно так же в другой раз отец призвал меня, вынул том стихотворений Батюшкова, прочел мне отрывок из оды «На развалинах замка в Швеции» и опять вручил мне книгу для чтения. У Степана Ивановича я выпросил Державина, учил и выписывал стихи, которые мне всего более нравились. Эта тетрадь доселе у меня сохранилась. Он дал мне прочесть «Горе от ума». Из

второстепенных писателеи оыли у нас в руках стихотворения Ьенедиктова и повести Марлинского, которые тогда были в большом ходу, а в позднейшее время истинное услаждение доставляли мне «Миргород» и «Мертвые души». Последние я нашел в комнате матери вскоре после их появления и с упоением прочел от доски до доски. С Лермонтовым прежде, нежели нам дали его сочинения, я познакомился из «Отечественных записок», которые получались у нас в доме и которые я читал весьма внимательно. Там же я познакомился с критикою Белинского. Раз при мне Поливанов обратил внимание Якова Ивановича Сабурова на статьи Белинского о

Пушкине, говоря, что они принадлежат перу человека весьма известного в литературном мире. Я немедленно перечел их от первой до последней и с тех пор стал постоянно читать критические статьи в «Отечественных записках».

Не могу не упомянуть и о весьма хорошем учителе Закона Божьего Якове Петровиче Бондарском. Он был преподавателем в гимназии, человек умный, несколько хитрый и строгого вида. Нравственного авторитета он не имел, но учил ясно и толково, без излишних подробностей и разглагольствований. Воспитанные в благочестии, мы внимательно следили за его уроками и прошли весь гимназический курс так, что по приезде в Москву мы могли ограничиться повторением. И эти уроки не остались только достоянием головы, они становились правилами жизни. Мы с глубокою верою исполняли обряды церкви. Неделя говения в особенности посвящалась благоговейному чтению Евангелия и Библии, значительную часть которой я прочел в эти годы.

Отличный также у нас был учитель физики Феоктист Яковлевич Смирнов, назначенный в тамбовскую гимназию из воспитанников Петербургского педагогического института. Преподавание его было живо и ясно, по учебнику Ленца136. Я хорошо знал физику, вступая в университет. Что касается до математики, то эту науку преподавал нам приезжавший к нам на лето студент Московского университета Василий Григорьевич Вязовой137, человек, близко стоявший к нашей семье от самых ранних лет и до своей смерти.

Он был сын тамбовского извозчика, отлично учился в уездном училище и вышел первым учеником. Николай Федорович Стриневский, который ездил с его отцом, заинтересовался мальчиком, брал его к себе на лето в деревню и рекомендовал его моему отцу, на иждивение которого он вступил в гимназию. С тех пор он стал ходить к нам почти ежедневно по вечерам, по окончании гимназических уроков. Он был несколькими годами старше меня, но мы скоро сделались товарищами. Его живой и восприимчивый ум, его чистая и благородная натура, его веселый нрав и мягкий характер так нас к нему привязали, что, когда Вася Вязовой не приходил вечером, мы все были в огорчении. Особенно я, как старший и более подходящий к нему по летам и по вкусам, жил с ним душа в душу. Можно сказать, что он был первым и главным другом моего детства. Пока мы были малы, он тешил нас всякими играми, сам с нами забавлялся и очаровывал нас, рассказывая сказки, которых он знал множество. Особенно ласкало мою детскую гордость, когда он рассказывал сказку мне одному и никому другому. Мы с ним забивались в какой-нибудь темный угол, и тут мое воображение услаждалось рядом фантастических образов, которые уносили меня в волшебный мир. Когда же он был недоволен какою-нибудь детскою шалостью, он из сказкорассказца превращался в несказкорассказца, и это было самое чувствительное для нас наказание. Позднее, когда я стал уже подрастать, любимейшими минутами были для меня те, когда нас отправляли спать, а он, бывало, сядет на мою кровать и начнет мне рассказывать о гимназии, об учителях, о товарищах, о науках, которые они проходили. Это называлось у нас новыми свиданиями. Мы вместе с ним читали русских поэтов: Жуковского, Пушкина, Батюшкова; у него было живое чувство и поэзии и природы. Когда же я познакомился с латинскими классиками, которыми он восторгался так же, как и я, мы сообщали друг другу свои впечатления. Особенно он любил Горация. Когда он по окончании гимназического курса поехал в Москву для вступления в университет, он оставил мне на память свой экземпляр стихотворений этого поэта.

Отец мой дал ему средства и для продолжения учения. Сперва он вступил в Медицинскую академию, имея в виду зарабатывать себе впоследствии кусок хлеба, но по своей нервной натуре

академию, имея в виду зарабатывать себе впоследствии кусок хлеба, но по своей нервной натуре он не мог выносить разрезывания трупов, да и в медицине, как она тогда преподавалась, он видел больше шарлатанства, нежели научных оснований. Вследствие этого он перешел в университет на математический факультет. В эту пору он стал приезжать к нам на лето в деревню для преподавания математики. Прерванная наша детская дружба возобновилась. Он был нам и учителем и товарищем. Преподавал он превосходно: живо, ясно, последовательно. Математика сама собою укладывалась нам в голову. А между тем он возбуждал наш интерес рассказами про университет и был постоянным участником всех наших прогулок и забав. Ему самому было привольно в деревенской жизни, среди ласкающей его семьи. Когда же к этому присоединялся приезжавший к нам на лето Измаил Иванович Сумароков, которого Василий Григорьевич также любил и ценил как своего бывшего гимназического учителя и который сам по своему настроению был еще полустудент, то тут составлялась уже такая веселая товарищеская компания, что лучшего нельзя было желать. Мы все гурьбой после завтрака отправлялись в вишни, наедались досыта, вместе купались, вместе ездили верхом. Одним словом, удовольствие было полное.

Как и многим другим, жизнь не дала Василию Григорьевичу того, что обещала молодость. Первым препятствием было плохое здоровье. Оно мешало ему держать экзамены как следует, и он окончил курс действительным студентом. Однако он этим не довольствовался, держал затем на кандидата и выдержал блистательно. Пристрастившись к химии, он в пятидесятых годах добился наконец места помощника лаборанта в химической лаборатории Московского университета, но прямая, благородная его натура никак не могла примириться с теми порядками, которые господствовали в то время в университете. Гибкости у него вовсе не было; подлаживаться он никогда не умел, а приходил в негодование от равнодушия и невежества состарившегося Геймана, от мелких проделок лаборанта Шмидта, от пошлости Гивартовского, от претенциозной слащавости Лясковского138. Анекдотам не было конца, и он рассказывал их даже с некоторым остервенением. Наконец он оставил свое место и кинулся в педагогию, к которой всегда чувствовал большую наклонность. В нашей семье учить было уже некого, ибо все мы тогда были взрослые. Он поступал домашним учителем в разные дома, но и для этого требовалось более гибкости характера, нежели сколько у него было. Он бросил и это поприще и уже после смерти моего отца приехал к нам в деревню с целью заняться сельским хозяйством, надеясь тут найти приложение своим знаниям по естественным наукам. Он снял у нас клочок земли на аренду и предался этому делу со всем увлечением своей пылкой и вместе усидчивой и трудолюбивой натуры. Заведенное им табачное производство, доселе приносящее отличный доход и помещику, и работающим на нем крестьянским подросткам и бабам, осталось памятником тогдашней его деятельности. Но ему она не пошла впрок. В сельском хозяйстве мало иметь общие теоретические знания, мало даже хлопотливого труда; нужен еще расчет, а именно в этом у него был полный недостаток. Вся деятельность уходила на разные выдумки и затеи, не приносившие никакой пользы. Наконец он отказался и от сельского хозяйства и снова обратился к педагогии, сделался учителем в тамбовской женской гимназии и в институте, пока плохое здоровье не принудило его выйти в отставку.

В это время он приютился в семье моего второго брата Василия и с нею переехал на жительство в Петербург, когда старший сын поступил в университет. По своей впечатлительности он сначала пришел в восторг от петербургской жизни, от господствующих всюду чистоты и аккуратности, неведомых в провинции и даже в Москве. Он пользовался тут и научными пособиями, несколько лет сряду постоянно ездил в Публичную библиотеку и рылся в книгах. Но и эта фаза его жизни не была продолжительна. Петербургская сфера, в которой вращалась семья брата, слишком мало приходилась ко всем его понятиям и привычкам; на молодых людей его естественноисторическая проповедь не оказывала никакого влияния, да и делать, в сущности, было нечего, а ему деятельность была необходима. Он вернулся в Тамбов, где на свои трудом нажитые сбережения купил маленький домик в захолустье. Там он окончательно поселился, намереваясь заняться выделкой пшеничного крахмала и продажею молока от приобретенных им коров. До конца, однако, его продолжали преследовать всякие неудачи. Администрация запретила крахмальный завод под предлогом, что это нездоровое производство, которое не может

быть допущено в черте города, хотя он доказывал, что все отбросы пойдут у него на корм коровам. Тогда он вместо крахмала вздумал делать медовые пряники и усердно занялся изучением этого ремесла, но оказалось, что для приобретения права на производство нужен экзамен в Ремесленной управе, а экзаменовать в Тамбове было некому, кроме какого-то пьянюшки из золотой роты. Василий Григорьевич принужден был ходить с ним в самые грязные трактиры и поить его водкой, и все-таки это ни к чему не повело. Хотя тот предлагал ему прямо подписать экзаменационный лист, но добросовестный ученик не хотел слышать о таком

беззаконии. Тогда странный экзаменатор начал выкидывать такие штуки, что Василий Григорьевич наконец махнул рукой и отказался от производства медовых пряников, довольствуясь обработкой своего огорода и продажею молока.

Все эти неудачи в жизни значительно изменили его характер. Чистая и благородная душа осталась, но он несколько озлобился. Прежняя веселость исчезла и заменилась вынесенною из педагогической деятельности страстью читать наставления. К этому присоединилось ложное направление ума. Я на нем воочию увидел весь вред, который может принести человеку одностороннее занятие естественными науками. Страстный к своему предмету, он вообразил себе, что естественные науки представляют начало и конец всей человеческой мудрости, а естествоиспытатель — верховный судья всех человеческих отношений. От этого, разумеется, мог произойти только совершенно превратный взгляд на весь духовный мир. Все, что не подходило под точку зрения чистого и голого внешнего опыта, отвергалось как невежество и предрассудок. Самую математику, наперекор очевидности, он старался подвести под опытную методу — нелепость, в которую впадают, впрочем, и великие современные ученые. Вследствие этого ум, прежде открытый самым разнообразным впечатлениям и мыслям, сузился и покорился исключительной точке зрения, совершенно верной в известных пределах, но бросающей ложный свет на все то, что выходит из этой области. Самые педагогические его способности исказились: вместо даровитого преподавания, основанного на живом отношении к предмету, явилась искусственная теория, построенная на выводах современной опытной психологии, представляющей невообразимый хаос самых смутных и даже диких понятий. Отсюда произошло то, что ученики иногда перестали даже его понимать. А так как все эти странные и крикливые измышления представлялись ему высшим плодом новейшей науки, то к односторонности присоединилась необыкновенная самоуверенность. Он стал громить весь мир с точки зрения современного естествоиспытателя, что, разумеется, вызвало постоянные возражения, а это еще более его озлобляло, ибо он в несогласии с его взглядами видел упорное сопротивление высшим требованиям разума. Он ушел в себя, сделался угрюмым, нелюдимым, чудаком, сохраняя неизменное сердоболие только к животным, которых он любил воспитывать и с которыми всегда обращался с самою ласковою нежностью.

Уверившись в пустоте и суетности света, он к внешности стал питать полное презрение. Увлекаясь иногда видом опрятности и порядка в окружающей среде, он в собственной особе и в своей комнате доводил пренебрежение к этим качествам до крайних пределов. При этом, будучи химиком, он всегда возился с какою-нибудь стряпней, от которой порой воняло ужасно, и сердился на тех, кто не находил его противных фабрикаций превосходными. Маленького роста, исхудалый, с глубоко впалыми светло-серыми глазами, временами бросающими острый взор, с длинными всклоченными волосами и огромной бородой, доходившей почти до пояса, он своею наружностью и приемами напоминал образ сказочного колдуна, проникающего в самые сокровенные таинства природы и вечно занятого приготовлением чародействий.

При таких переменах в человеке наша юношеская дружба не могла сохраниться в прежнем виде. Между нами происходили постоянные, а нередко и раздражительные споры. Под старость, однако, и это сгладилось. Наученный опытом, я убедился, что споры совершенно бесполезны там, где люди не сходятся в основаниях, и перестал возражать. Приехавши случайно в Петербург летом, когда он оставался там один, я нашел его кротким, ясным, любящим, внимательным, каким он бывал в свои светлые инуты, когда отпадала нажитая кора и являлся вновь прежний Василий Григорьевич. Когда же он окончательно переехал в Тамбов и мне случалось

останавливаться там проездом или по случаю земского собрания, я ежедневно навещал его в захолустье, из которого он почти не выходил. Мы мирно беседовали о естественных науках, которыми я занялся в последние годы, вспоминали иногда о старине. Он продолжал нести всякий вздор о психологии, которою он усердно занимался до конца, воображая, что, исследуя ее по естественноисторическому методу, он откроет в ней новые истины. Вместе с тем он рассказывал бесчисленные домашние хлопоты, наполнявшие весь его день, и с услаждением показывал свои маленькие изобретения. Мои посещения, видимо, были ему приятны. В своем добровольном

затворничестве, при первобытной простоте обстановки, он похож был на какого-то древнего мудреца, который удалился от мира, постигши всю глубину премудрости и всю бездну человеческой глупости. Это имело бы даже некоторый вид величия, если бы в основании не лежали крайне односторонние научные взгляды, исказившие его от природы живой и открытый ум и обрекшие его на бесплодие.

Осенью 1891 года проездом через Тамбов я по обыкновению пошел его посетить и нашел его лежащим ничком на лежанке в полном расслаблении. Я убедил его лечь в постель, тотчас послал за доктором и навещал его каждый день. Доктор не находил ничего опасного, приписывая слабость господствующей инфлуенции. Он прописывал лекарства, которые Василий Григорьевич, полагаясь на свои медицинские сведения, выливал вон. Уговаривать его было напрасно; это значило только его сердить. Но так как опасности, по-видимому, не было, то я ехал спокойно, не воображая, что несколько дней спустя получу весть о его кончине. Служивший при нем дворник, вошедши в комнату вскоре после посещения врача, нашел его уже мертвым. Невыразимо больно было мне это известие о смерти первого друга моего детства. С ним как бы порывалась живая связь со всем прошлым, с самыми заветными преданьями семьи. Не могу без сердечной скорби вспомнить и о его одинокой кончине, в добровольном отдалении от любившей его семьи, с которою он прожил весь век, без утешений дружбы и религии, в мелочных хлопотах о хозяйстве и в пустых занятиях фантастической психологией. Он жил и умер жертвою одностороннего естествознания.

Из бесед и споров с Василием Григорьевичем я вынес некоторое знакомство с взглядами и приемами естественных наук, к которым и сам в молодости чувствовал большое влечение. Любя природу всем своим существом, я любовался бесконечно разнообразными ее произведениями и жаждал их изучить. Одно время у меня развилась страсть к птицам, и я несколько лет только ими и бредил. Затем появилась страсть к жукам, и я в свободные часы только и делал, что ловил их, накалывал на булавки, расправлял, определял и составлял коллекцию, которая поныне у меня существует. Одною из блаженнейших минут моей молодости была та, когда я, будучи уже студентом в Москве, на свои небольшие деньги купил ящик с бразильскими жуками. Я не мог наглядеться на этих никогда еще не виданных мною животных, сияющих удивительным блеском, с самыми разнообразными и причудливыми формами. Эта страсть сохранялась у меня довольно долгое время, до самого отъезда за границу, когда другие занятия окончательно увлекли меня в иную сторону. Но и в зрелые лета я с наслаждением занимался изучением животного мира.

Любовь к птицам соединялась у меня с страстью к рисованию, которою я одержим был с самых малых лет. Я постоянно что-нибудь чертил или копировал карандашом. Видя мою охоту, родители во время поездки в Петербург в 1838 году пригласили рисовального учителя, и эти уроки были для меня источником бесконечных наслаждений. Меня возили также в Эрмитаж и Академию художеств, где в то время стоял «Последний день Помпеи». Один из приятелей Брюллова, Дмитрий Васильевич Путята139 повез нас в мастерскую знаменитого художника, который работал тогда над своим «Распятием». Всем этим я наслаждался от души. Картины Брюллова произвели на меня такое глубокое впечатление, что оно не изгладилось и поныне. Я весь погрузился в этот совершенно новый для меня мир и почти ни о чем другом не думал, как о рисовании. Однажды у меня навернулись слезы, когда при мне Д. В. Путята сказал, что со временем мне надобно приехать учиться в Академию.

С выездом из Петербурга эти впечатления несколько ослабли. Я перестал думать об Академии и

потерял из виду своего учителя. Но сорок лет спустя однажды Григорович, показывая свой музей, предложил мне съездить посмотреть их школу, сказав, что ее покажет мне заведующий ею Михаил Васильевич Дьяконов140. «Как, Михаил Васильевич Дьяконов! — воскликнул я. — Да это был мой учитель рисования около сорока лет тому назад». Я, разумеется, немедленно туда полетел и нашел старика, уже совершенно белого, но с весьма памятными мне чертами. Он обрадовался бывшему ученику, которого имя было ему хорошо известно из литературы. Мы вспомнили с ним старые годы и юношескую мою страсть к рисованию.

Эта страсть не прекратилась, впрочем, и по возвращении в Тамбов. Здесь приглашен был учитель рисования Семен Львович Шубин, и я всегда с радостным трепетом ожидал этих уроков. Я все боялся, как бы Семен Львович по нездоровью не манкировал, и когда приближался час, высматривал в окно, не показываются ли издали знакомые дрожки на столбиках, без рессор. Мое нетерпение увеличивалось еще оттого, что именно в это время с страстью к рисованию соединилась зародившаяся во мне охота к птицам. Мне непременно захотелось нарисовать всевозможных птиц с натуры акварелью. Сначала я составил себе альбом в маленьком виде, но потом это показалось мне слишком ничтожным, и я завел себе большой альбом, в который срисовывал маленьких птиц в натуральную величину, а больших в уменьшенном виде. В течение нескольких лет я нарисовал их около сотни; они поныне у меня еще целы, как памятник моих юношеских увлечений. Отец выписал мне книгу о птицах в издании «Jardin des Plantes»*; я жадно изучал ее и старался всячески добывать птиц не только живых, но хотя бы и мертвых. У меня всегда было их множество, и в клетках, и на свободе. В базарные дни, особенно весною, с каким волнением выглядывал я в окно в ожидании, не принесет ли мне посланный на рынок человек какую-нибудь новую птичку в клетке! Каким я исполнился восторгом, когда мне однажды принесли подстреленную сизоворонку! Я не мог наглядеться на ее красивые зеленовато-голубые перья и тотчас же принялся рисовать ее во всех подробностях. По целым часам любовался я и ласточками, которые вили гнезда в окнах кабинета моего отца. Но никогда я не испытывал такого душевного трепета, как однажды, когда, сидя весною за городом на берегу реки, я вдруг увидел две летящие совершенно неизвестные мне птицы: большие, красные, с полосатыми белыми с черным крыльями. Федор Иванович сказал мне, что это удоды, и я с тех пор все мечтал о том, как достать и нарисовать удода. Я увидел их опять в Карауле, гонялся за ними, стараясь поймать их в сети, но, увы, все мои старания остались напрасны: так-таки я удода не получил и мог только издали любоваться его красивыми перьями и великолепным хохлом.

Семен Львович поддерживал во мне эту страсть, ибо сам был большой охотник до птиц. Но у него была страсть специальная: он был отчаянный любитель петушьих и особенно гусиных боев. С этой целью он держал у себя и воспитывал отборных петухов и гусей. Во время битвы, на которую всегда собиралось множество охотников, он впивался взором в своих любимцев и тогда уже забывал и себя и все на свете. Нам он с увлечением рассказывал об их подвигах. Гусь в особенности был для него первою птицею в мире; он с негодованием говорил о людях, которые, ничего не понимая, предпочитают ему лебедя, тогда как лебедь по красоте стана в подметки гусю не годится. Он привозил мне своего любимого петуха, а также знаменитого гусака — победителя во многих битвах, и я обоих срисовал в свой альбом.

С удовольствием вспоминаю я эти невинные восторги, которые наполняли мою душу в блаженные годы детства. От страсти к птицам осталось у меня то, что я издали, по полету и по голосу, узнаю почти каждую птицу, обитающую в наших краях, а когда слышу пение или крик, мне неизвестные, мне непременно хочется узнать, от какого существа они происходят. Я люблю, чтобы всякий звук в природе был мне знаком.

Страсть к живописи также оставила по себе следы. По вступлении в университет я бросил рисование, потому что время поглощалось другими занятиями. Впоследствии я не раз опять за него принимался, но всякий раз видел, что для того, чтобы достигнуть хотя несколько удовлетворительного результата, нужно употребить гораздо более времени, нежели скольким я мог или хотел располагать. Не сделавшись сам художником, я стал любителем и собирателем гравюр и картин, а это доставило мне много приятных минут в жизни. Жемчужников говаривал

отцу, что у него в доме недостает двух хороших картин на стенах гостиной. Ныне в этой гостиной висит их двадцать, да и в других комнатах более сорока, большею частью старинных мастеров, некоторые первоклассных: Веласкес, Веронезе, Рибера, Ливенс, Ван-Гойен. Живя в деревенском уединении, я брожу по дому, любуясь этими произведениями и услаждаясь мыслью, что они служат новым украшением отцовского жилища. Сколько отрады доставило мне и собирание гравюр первоклассных художников: Марк-Антония, Дюрера, Рембрандта, Берг(г)ема141 и других! Составленное в течение многих лет драгоценное собрание не мне одному служило и

будет служить источником самых чистых и возвышенных наслаждений.

Б. Н. Чичерин. 1890—1900-е гг.

Одержимый с младенчества страстью к рисованию, я не имел ни малейшей наклонности к музыке. Однако меня учили и этому искусству. Лишенный от природы тонкого слуха, я тем не менее старательно стучал по фортепьянам и приобрел даже в этом отношении некоторую легкость. Учился я тем охотнее, что любил своего музыкального учителя. Это был маленький старичок, плешивый, с ввалившимися вследствие потери зубов губами и выдающимися по той же причине носом и подбородком. Звали его Карлом Федоровичем, или, правильнее, Карлом Венцеславичем Пеликаном. Он был поляк и католик, родной брат того известного доктора Пеликана, который во время виленской истории был ректором Виленского университета и потом занимал видное место в Петербурге142. Карл Федорович одно время ездил даже в Петербург и жил у брата; но там ему не полюбилось, и он вернулся в свой милый Тамбов, где поигрывал на скрипочке и учил музыке одно поколение за другим. Он был учителем моей матери, а затем учил и всех нас, не только в городе, но и приезжая на лето в деревню. Добродушия он был непомерного, боялся всего и всех, но с этим соединялась детски наивная веселость: он всегда отпускал самые невинные шуточки и рассказывал все те же повторяющиеся анекдоты. Тенкат своими яростными выходками в особенности нагонял на него страх. В Карауле его комната приходилась как раз против классной, а так как Тенкат выходил из себя, когда не было сквозного ветра, то во время его урока Карл Федорович, хотя это был час его собственного отдохновения, заранее отворял настежь двери и окна, а сам убегал в лес.

Мы с ним жили друзьями, постоянно подшучивая и с ним и над ним. Особенно в позднейшее время, когда я уже был студентом и перестал брать у него уроки, а он продолжал приезжать к нам на лето для младших братьев, я часто над ним потешался, и он всегда принимал это с величайшим благодушием. Поводом к обличениям обыкновенно служило его чтение, во время которого он нередко спал, но ни за что не хотел в том признаться. Главною же темою острот была страсть, которую будто бы питали к нему, с одной стороны, его толстая и старая хозяйка госпожа Малина, у которой он жил и которой он смертельно боялся, а с другой стороны, столь же толстая и старая прачка по имени Варвара Савельевна, которая мыла ему белье и тоже держала его в руках. Я рисовал с него карикатуры, составлял его жизнеописание в лицах, а иногда устраивал даже целые комедии в нескольких действиях.

Однажды, по прибытии почты из Тамбова, я на клочке грязной серой бумаги первобытным почерком написал ему любовное письмо от означенной прачки. Свернув кое-как и запечатав пальцем, я послал ему то письмо с братом Андреем, как будто оно было привезено почтарем. Я думал, что старик тотчас догадается, но вижу: мой Карл Федорович ничего не говорит, а только ходит ухмыляясь. Я к нему с вопросом: «Чему Вы так радуетесь, Карл Федорович?» — «Так я получил письмо из Тамбова». — «Верно, от Варвары Савельевны?» — «Нет, нет, это письмо от Брандта, который зовет меня играть квартет. Я смеюсь разным его штучкам». Видя, что он не догадался, я научил Андрея, чтобы он после обеда, когда все были собраны, вдруг выступил и сказал: «А Карл Федорович получил сегодня письмо от Варвары Савельевны». Тот был совсем ошеломлен этим неожиданным открытием. Сначала думал было отнекиваться, но Андрей, наставленный мною, объяснил, что письмо было плохо свернуто, и, взглянувши в щелку, он увидал подпись. Я тогда на него накинулся: «Как же Вы мне сказали, что получили письмо от Брандта? Вот какие у Вас квартеты! Это Вы переписываетесь с своею прачкою! Верно, какое-

нибудь сердечное послание, если Вы не хотели признаться?» — «Нет, я не хотел Вам говорить, потому что она просит у меня денег, а я не желаю, чтобы об этом знали». — «Как же она Вам пишет? Наверное: «Мой милый Карлуша!» (так действительно было написано в письме)? — «Как это можно, она пишет ко мне, как к какому-нибудь сеньору». — «Не может быть, покажите письмо!» — «Я письмо изорвал, потому что не хочу, чтобы после моей смерти знали о моих благодеяниях». Постой же, подумал я, я тебя обличу. Подразнивши его немного, я замолчал, и Карл Федорович начал уже шутливо журить Андрея за то, что он подсматривает чужие письма. Но ему готовился новый сюрприз. На следующий день я написал совершенно такое же письмо, на такой же бумаге и тем же почерком и, гуляя с ним, вдруг вынул из кармана этот дубликат и показал ему, говоря, что я у него письмо утащил. Он в ужасе хотел вырвать бумагу из моих рук, но я не дал и начал громко кричать: «Мой милый Карлуша!» Тут мой старик совсем растерялся и отчаянным голосом возопил: «Я не понимаю, что с нею сделалось!» Я и сам смутился при виде такого совершенно неожиданного действия моей шалости и стал его успокаивать, объясняя, что письмо писано вовсе не его прачкою, а мною, но он уже ничего не слушал и продолжал только восклицать: «Я не понимаю, что с нею сделалось!» Насилу я мог ему втолковать, что все это было моею собственной выдумкой. А на следующий день он сам добродушно подшучивал над моею проказою. «Ведь что он придумал, — говорил он ухмыляясь. — Эта старая чертовка Малина! Точно в самом деле от Варвары Савельевны!» И он был прав, что на меня не сердился, ибо, давая волю своему ребячеству, я все-таки его искренно любил за его доброту и писал ему иногда в шутливом тоне дружеские письма, на которые он отвечал выражением сердечной благодарности.

Таким образом, если уроки музыки не послужили мне в пользу, то они были поводом к проявлению юношеской веселости, от которой спустя много лет не осталось и следа.

Наконец, в нашем воспитании не была забыта и физическая сторона. Отец настаивал на том, чтобы мы приобрели ловкость во всех телесных упражнениях. Нас рано посадили на лошадь, и мы в деревне ежедневно делали по десяти, по пятнадцати верст верхом. Тенкат выучил меня порядочно плавать, что для меня всегда было большим удовольствием. Фехтованию мы стали учиться уже в Москве, ибо в Тамбове не было фехтовального учителя. Но танцклассы начались с двенадцатилетнего возраста, и это был единственный урок, который, особенно на первых порах, был для меня истинным мучением. Я танцы считал ниже своего достоинства и ни за что не хотел учиться: на это я положил всю свою душу. Потому, когда я узнал, что приглашен был танцмейстер француз Коломб, я несколько дней ходил в мрачном унынии, так что мать, заметив это, старалась меня урезонить. Но я не внимал никаким увещеваниям; покоряясь внешним образом воле родителей, я внутренно возмущался против учиненного надо мною насилия. Я никак не мог понять, зачем меня хотят так тиранить, ибо я тут же решил, что никогда в своей жизни не буду танцевать.

Наконец настал роковой день, когда назначен был первый урок. С утра уже я был сам не свой, и чем ближе придвигался урочный час, тем более росло во мне тоскливое ожидание. С затаенным волнением смотрел я на все приготовления, которые имели для меня вид торжественности: на уборку и освежение комнаты, на зажигание стенных ламп, которых яркий свет возвещал что-то праздничное, в особенности же на приготовленные для нас легкие танцевальные костюмы, нарядную курточку, канифасные летние панталоны с розовыми и белыми полосками и с застегивающимся сзади лифчиком, длинные белые чулки, и, к довершению всего, низенькие, на тонких подошвах без каблуков башмачки с бантиком, непременная принадлежность танцклассов. Последние более всего приводили меня в смущение. Я глядел на них как на какое-то орудие пытки. Однажды в Петербурге меня хотели в них нарядить, но я так против них взбунтовался, что меня пощадили. Теперь же для трех братьев стояли тут рядом три пары, приготовленные для ненавистных танцев, и я с трепетом думал, что вот уже приближается минута, когда в этой, так мне казалось, приличной только для девочки обуви будут щеголять мои собственные злополучные ноги и я, как балетный плясун, должен буду выкидывать в них разные антраша. Множество разных образов роилось в моей голове. Мне живо припоминалось, как я недавно еще на летнем спектакле видел знакомого мальчика, сына тамбовского вице-губернатора,

танцующего балетный pas de deux в каком-то пастушеском вестончике без рукавов, в желтых штанах по колена и в таких же точно белых чулках и маленьких башмачках, какие были тут приготовлены для меня и в которые через несколько минут мне предстояло облекаться. Меня ужасала мысль, что, как скоро я выучусь танцевать, пожалуй, и меня могут нарядить пастушком и заставить перед всеми плясать балет. Я тем более был уверен, что это непременно так будет, что я крепко помнил историю детского маскарада, на который, по наущению мадам Манзони, меня хотели везти одетого баском, в коротких штанах телесного цвета и башмачках с

помпончиками. В то время беда миновала, но во мне засело неодолимое отвращение ко всем подобного рода костюмам, и теперь, когда приглашен был танцмейстер и мне предстояло наряжаться к уроку, все мои прежние страхи воскресли с новою силой. Я уже видел перед собою повторение детского спектакля: танцующую с шалью девицу и за нею себя в костюме балетного пастушка, с выставляющимися напоказ белоснежными икрами, с бантиками на плечах и в башмачках с помпончиками, порхающего на сцене и вместе со своею дамою становящегося в разные плясовые позы перед полным театром. Все это представлялось мне неизбежным последствием танцкласса, и я содрогался при мысли, что меня готовят к такому позору.

Но пока мое разыгравшееся воображение рисовало мне только картины будущего, я все еще сохранял некоторое наружное спокойствие. Жестокая минута настала, когда все было готово, огни зажжены и нам объявили, что пора одеваться. Тут я с замирающим сердцем увидел, что не избежать мне своей участи. Но делать было нечего: повесив голову, я пошел исполнять приказание. И вот меня, как жертву, обреченную на заклание, стали убирать к предстоящему жертвоприношению. На меня надели эти смущавшие мне душу танцевальные башмачки. Я крепился и молчал, но вся внутренность у меня перевернулась, когда я увидал себя обутого танцором, в гладко натянутых белых чулках, с пригожими бантиками, которые мучительно красовались теперь на оконечностях моих собственных ног, как бы обрекая их на обучение балетному искусству. Чувствовать себя наряженным в эту плясовую обувь, быть осужденным носить, как девочка, украшенные ленточками маленькие башмачки было для меня нестерпимо. Пока меня одевали, я краснел и бледнел, с трудом удерживаясь от слез.

Наконец мы были готовы и пошли показываться матери в своих новых костюмах. Мне хотелось бежать и забиться куда-нибудь в самый темный угол, где бы никто не мог меня видеть, но нам велено было идти дожидаться учителя. В неописанном волнении стоял я, разряженный для танцев, в ожидании ненавистного урока, сгорая от стыда и не зная, куда деваться в своих маленьких башмачках. Это была уже не мечта, а горькая действительность. Я едва смел взглянуть на свои несчастные ноги, но невольно опускал на них взоры и все видел тут на себе выглядывающие из-под розовых полосок моих панталон белые чулочки и эти мучительные бантики, от которых не было возможности уйти. Я двигался, и они шли со мною; я садился, и они пуще кидались в глаза, заставляя меня вскакивать как угорелый. Я вышел в коридор, чтобы скрыть свое волнение, а тут попадались навстречу проходящие горничные и лакеи, которые осматривали меня с любопытством и с улыбкой, замечали, что я надел башмачки, собираюсь танцевать, что казалось мне ужасно обидным. Горничная с восторгом воскликнула, что я так мило обут, точно барышня, и просила показать ей свою ножку. Это меня окончательно сразило. Теперь вся дворня будет говорить, что я танцую, обутый, как барышня! Мое мучение все росло.

И вдруг пробил урочный час. В передней послышался шум, возвещающий прибытие танцмейстера. Не помня себя, я убежал и спрятался в темную комнату. Там я, глотая слезы, ходил взад и вперед в полном отчаянии, как будто настала моя последняя минута. Однако я чувствовал, что тут нельзя оставаться, и вовсе не желал, чтобы меня разыскивали по всему дому и повели на урок в моем танцевальном костюме, с заплаканным и глазами, как преступника, влекомого на казнь. Я решил, что надобно самому идти. Сделав неимоверное усилие над собой, первое и, может быть, величайшее в моей жизни, я вышел на свет божий и предстал перед новым учителем, стараясь не выказывать своего душевного волнения. Я увидел высокого, сухощавого, косого француза, который, поговорив с матерью, тотчас поставил нас в ряд и принялся за выправление наших ног. Пришлось в течение двух часов подвергнуться методической пытке

танцкласса. Меня ставили в неестественные позиции с вывернутыми в противоположные стороны ногами, учили в такт болтать одной ногой, что называлось faitre des battements*, и заставляли под звуки скрипки выделывать разные па. По мановению танцмейстера, который громко возглашал каданс, я послушно вытягивал наискось мой увенчанный бантиком носок и вместе с братьями производил указанные прыжки, но внутренне готов был провалиться сквозь землю, до такой степени все это казалось мне унизительным. Когда кончился урок, я вздохнул свободно, но как человек, подвергшийся позорному наказанию, чувствовал себя стоящим

многими ступенями ниже в собственных глазах.

Уроки продолжались, и мало-помалу я начал с ними свыкаться. Но учился я все-таки нехотя и продолжал считать танцы занятием, пригодным для одних вертопрахов и совершенно неприличным для серьезного юноши, каким я себя воображал. Я даже с некоторым пренебрежением смотрел на брата Василия за то, что он любил танцевать. Всего менее я мирился с своим неизменным костюмом: как ни удобен он был для упражнения, с нас градом катил пот. Я уже не мучился, как первое время, но всякий раз впадал в уныние, одеваясь к танцам, как к какому-то парадному и торжественному действию, для совершения которого непременно требовалось надеть чулки и башмаки. В особенности я старался не показываться посторонним в этом наряде и внутренне волновался, когда случайно приходилось являться в нем к обеду или вечером при гостях. Казалось, что все взоры тотчас устремятся на мои ноги, обутые для легкомысленных танцев. Иногда я с стесненным сердцем сторожил у дверей, стараясь уловить минуту, где бы я мог прошмыгнуть незамеченным. И чем старше я становился, тем более эти невинные маленькие башмачки, с умильно торчавшими на них бантиками, старательное изделие нашего крепостного башмачника, косого Астафия, казались мне унижающими мое детское достоинство. Я хотел быть серьезным молодым человеком, по целым дням углублялся в книги, а меня наряжали в курточку и башмачки и заставляли плясать. Этого я никак не мог переварить. Одно, что меня несколько успокаивало, это то, что уроки проходили в просторной, лежащей в стороне классной комнате, где никакой посторонний глаз не мог видеть нашего прыгания. Щадя нашу застенчивость, нас оставляли одних. Даже мать редко туда приходила, а отец никогда.

Однако и этого утешения я был наконец лишен. В одну из зим поселилась в Тамбове тетка Софья Борисовна с семейством. При возобновлении уроков нам объявили, что на танцклассы будут приезжать двоюродные сестры. Это был для меня громовой удар. Я кое-как мирился со своею судьбою, пока все происходило келейным образом; но учиться танцевать в дамском обществе, особенно в присутствии сопровождавшей двоюродных сестер молоденькой и хорошенькой гувернантки из Дерпта мамзель Дорис, перед которою я хотел казаться настоящим мужчиною, и при этом мне, взрослому четырнадцатилетнему юноше, наряжаться в белые чулки с противными подвязками и вместо мужских сапог надевать маленькие козловые башмачки, украшенные ленточками — это было и горе и обида! Я любил сходиться с кузинами, но ни за что бы не хотел, чтобы они увидели меня одетого танцором, в куцей куртке, с голой шеей без галстука, в виде порхающего мотылька; и вдруг на меня обрушилась такая невзгода! Пока я не обдержался, пришлось опять проходить через трудные минуты. Как утопающий за соломинку, я все еще хватался за тщетную надежду, что авось мне, как большому мальчику, позволят брать урок в сапогах. Я не решался об этом просить, а только с грустной физиономией вертелся около матери, с трепетом навостряя уши в ожидании, что мне что-нибудь скажут. Но в самый день урока предстала безобразная фигура косого Астафия, держа в руках сшитые для танцкласса новые башмачки и требуя, чтобы я их примерил. Я был совсем убит. С таким сокрушением глядел я на эту учиняемую мне смертельную обиду! Как нестерпимы казались мне эти бантики, которые он тщательно расправлял, держа мою ногу на своем колене. Злодей как будто нарочно постарался сделать мне танцевальную обувь самую открытую и пригожую, точно дамские туфельки, чтобы меня зарезать. Мне ужасно хотелось сказать, что они мне тесны, но это будет сочтено за глупый каприз и мне все-таки прикажут их надеть и в них танцевать. Я только втайне проливал слезы над своею горькою участью.

Все это, однако, было только прелюдией. Настоящее мучение началось, когда пришла пора

наряжаться, и я в освещенной к уроку классной комнате увидел эти смазливенькие башмачки со всем остальным убранством. Мороз продирал по коже. Как я предстану перед дамами в этом наряде? Одевание к танца м становилось трагическим событием, каждый шаг которого требовал насилия над собою. Я был уже не ребенок, с которым делали что хотели; я сам должен был учинить над собою выворачивающую всю душу метаморфозу. Долго я медлил, стараясь отдалить роковую минуту. Братья ходили уже обутые и мыли руки, а мне, глядя на их белые икры и пригожие бантики, становилось все более жутко. Наконец раздался голос камердинера:

«Извольте одеваться, скоро барышни приедут!» Вся душа во мне застонала, однако я беспрекословно разделся и с грустной покорностью принялся напяливать свои танцевальные доспехи. После долгого перерыва я, точно в каком-то неотразимо тягостном сне, снова увидел себя самого, обутого барышней: в тонкой сети чулок с обхватывающими подколенки подвязками, в маленьких туфельках, умильно окаймляющих открытый подъем, с красиво завязанными ленточками на заостряющихся оконечностях.

Жгучая тоска овладела мною. Мне казалось, что теперь для меня все кончено. Когда камердинер пригласил меня вымыть руки мылом, как было приказано по случаю приезда дам, и я в этой обуви прошелся по комнате, мягко ступая на тончайших подошвах, я думал, что со мною происходит что-то ужасное. Слезы меня душили. Машинально я двигался и делал все что нужно, но я ничего уже не слышал и не понимал. Я видел только свои бедные ноги, запяленные в безупречно белую вязь, и на них эти низенькие, черным лоском блистающие башмачки, от которых я не мог оторвать своих глаз; все остальное для меня исчезло. И к этому, увы, надо было надевать все те же жиденькие детские панталончики с розовыми и белыми полосками и пришитым у пояса лифчиком, который, как у девочек, застегивали мне сзади. С чувством полной безысходности своего положения просунул я свои руки в уготованные для них отверстия. Пока надо мною производилась эта операция, я стоял, как приговоренный к казни; каждая застегнутая на спине пуговица как будто закрепляла мой позор. Метаморфоза совершилась. Я послушно дал расправить на курточке раскрытый ворот рубашки и (в) этом смиряющем мою юношескую гордость костюме пошел дожидаться приезда кузин и учителя. Это ожидание было долгою пыткою. При других я сдерживался и сначала даже храбрился, стараясь уверить себя, что это все ничего: пускай на меня смотрят Агнюша и Наташа143! Но по мере приближения урочного часа моя с трудом добытая твердость улетучивалась как дым. Я оглядывался на себя и содрогался. Все мучительно и неотвязно твердило мне о роли презренного плясуна, на которую я был обречен: и едва слышная на ноге обувь, в которой я двигался бесшумными шагами, и тоненький вырезной лифчик, облекающий мое туловище. Никогда еще этот присвоенный танцклассом костюм не казался мне до такой степени обидным.

К вящему горю, я за лето из него вырос. Мои танцевальные панталончики с розовыми полосками были коротки, и как только я садился, они вздергивались непомерно и точно напоказ из них вылезали гладко обтянутые белые ноги, обутые в миловидные лоснящиеся башмачки с насаженными на них в виде бабочек бантиками, как бы для того, чтобы в них порхать. Отчаяние охватывало меня при этом зрелище, напоминавшем мне образ балетного пастушка. Я с трепетом прислушивался к каждому шороху в передней в ожидании, что вот сейчас отворятся двери, войдут дамы и увидят меня в этом позорном наряде, и я должен буду перед ними плясать, как танцор на театре, с разными изысканными позами и телодвижениями. От невыносимого стыда я бежал в отдаленную комнату, но и там я, уже не стесненный ничем, вытянув ноги и вздернув свои панталоны, с бессмысленным отчаянием глядел на свои открытые щиколотки и эти маленькие башмачки, которые, казалось, так и вопили мне: пастушок! Их черный глянец так резко выделялся на ровной белизне чулок и завершающие их бантики так назойливо красовались над узкими носочками, что сердце у меня раздиралось на клочки. Я то ставил их рядом, то, терзаясь, вертел их во все стороны и чувствовал, что нельзя от них избавиться. Что подумает обо мне мамзель Дорис? И как будут смеяться кузины! Мне представлялось, что и я на сцене, в полном наряде, танцую с Агнюшей балет. И я вскакивал в каком-то исступлении и с безумной решимостью, как человек, у которого отрезаны все пути, шел навстречу опасности.

Приезд дам был критическим моментом. Я слышал, как к крыльцу подъехал возок, как дамы долго раздевались в передней. Душа во мне замерла. Я взглядывал на свои ноги и готов был бежать стремглав. Нужно было крепко держать себя в руках, чтобы устоять на месте. Наконец дамы появились, тоже разряженные к танцам, в коротеньких платьицах и прюнелевых башмачках, в сопровождении хорошенькой гувернантки, все с веселыми лицами как бы в ожидании праздничного удовольствия. Я встретил их, силясь казаться равнодушным и стараясь как-нибудь скрыть свою низенькую обувь. Напрасные уловки! Проницательный женский взор

тотчас нашел мое слабое место. Как только оглянула меня старшая кузина, она воскликнула с усмешкой: «Борис в башмачках!» Я весь вспыхнул, как будто кто-нибудь поймал меня на месте преступления. Все взоры тотчас устремились на проклятые мои бантики, и я стоял пристыженный, краснея до ушей, не зная, что делать со своими бедными ногами, накрепко заполненными в танцевальную обувь. Боже мой, что бы я дал в эту минуту, чтобы быть в тяжелых, неуклюжих сапогах с стучащими каблуками! Но я к этому несносному уроку был обут, как дамы; я чувствовал на себе тонкие чулочки, туго схваченные подвязками под коленом, и легкие, как пух, туфельки с миловидными бантиками. И в этом унизительном виде я был выставлен на позор. Девицы подсмеивались над моим смущением, и это еще более заставляло меня краснеть. А мне предстояло не только целый вечер ходить в этой женской обуви, но и отличаться в танцах. Явился танцмейстер со своею скрипкой, и я должен был на виду у всех, на первом месте, становиться в плясовые позиции, выставляя напоказ свои белые щиколотки и обращенные в противоположные стороны низенькие башмачки, и затем, с грациозно опущенными руками, манерно изгибая носки, выделывать глупейшие па. Музыка пищала, и целая шеренга мужских и дамских ног в танцевальной обуви, мальчики с бантиками, а девицы с наискось завязанными ленточками, вытягивались, извивались, прыгали в каданс. Чем более я конфузился, тем более я был неловок. Поминутно раздавался идущий мне прямо в сердце голос танцмейстера: «Tournez vos pieds! Comment tenez-vous vos bras?»* И к довершению всей этой унизительной процедуры меня заставляли плясать ненавистный мне гавот, которым непременно оканчивался танцкласс. А тут сидела хорошенькая гувернантка и смотрела, как я в своем вырезном лифчике, в белых чулочках и открытых башмачках смиренно стою с вывернутыми ногами и под звуки скрипки выкидываю разные прыжки! Где же тут было казаться взрослым и серьезным молодым человеком? Если требовалось радикально вылечить меня от излишнего юношеского самомнения, то нельзя было придумать лучшего лекарства.

И через два дня повторилась та же история. Снова я с сокрушенным сердцем напяливал приготовленные для танцев белые чулки, стыдливо надевал миловидные башмачки с бантиками и в смущающем душу наряде должен был целый вечер упражняться с девицами в ненавистном мне прыганье. И этому не предвиделось конца; тоска меня разбирала. Даже вне урока я встречался с кузинами сконфуженный и унылый, тщательно избегая разговоров о танцклассе, что, разумеется, подавало повод к некоторому дразнению. Пошли шутки насчет розовых полосок и вырезного лифчика, которые действовали на меня, как булавочные уколы. Особенно неприятно мне было, когда старшая кузина с притворным интересом рассказывала посторонним, как меня наряжают к танцам. С услаждением повторяемая насмешливая фраза: «Boris en petits souliers a pompons, dansant la gavotte...»* уязвляла меня в самое сердце и заставляла краснеть до корня волос. Мне казалось, что выводятся наружу самые сокровенные мои тайны, которые должны покрыть меня вечным позором. Я ужасно боялся, чтобы не завелись танцклассы при гостях, и еще более, чтобы на Святках нас не заставили танцевать наряженными. Кузины находили, что это было бы необыкновенно весело, а меня всякий намек приводил в несказанное волнение. Это было давно ожидаемое завершение танцклассов. Теперь мы уже достаточно обучены, есть и дамы; стоит сшить костюмы и учинить представление, и тогда что со мною будет?

Все старые образы восстали предо мною: и детский маскарад, и мальчик, танцующий балет. Вид портного Власа повергал меня в трепет. Я ожидал, что он, как некогда при мадам Манзони, пришел снимать с меня мерку и шить мне короткие штаны в обтяжку, телесного цвета, в которых я должен буду плясать перед публикой. При этой мысли у меня кровь цепенела, но тем упорнее она меня преследовала. Я воображал, что для усмирения вечно торчащих на голове

упорнее она меня преследовала. Я воображал, что для усмирения вечно торчащих на голове вихров меня, чего доброго, завьют в папильотки и я должен буду целый день ходить с бумажками на голове, прячась от всех и краснея при всякой встрече, а вечером зажгут люстры, соберутся гости и на меня будут напяливать эти плотно облегающие короткие штаны телесного цвета, наденут к ним вестончик с бантиками без рукавов, и я в завитых буклях, красуясь в белых как снег шелковых чулках и миниатюрных глянцевых башмачках, украшенных помпончиками или пряжечками, должен буду шествовать с Агнюшей в полный публикой зал и при всех танцевать этот гнусный гавот, которому я, на беду свою, научился изрядно, за что даже получал похвалы.

Сколько после этого будет смеха и рассказов! Весь город будет знать, что я плясал в коротких штанах и шелковых чулках!

Однако и на этот раз опасения были напрасны. О костюмированных танцах не думали, и у меня отлегло сердце. Танцклассы хранили свой простой, семейный характер и скоро, под влиянием молодости и общего веселого настроения, все эти первые впечатления сгладились. Через несколько уроков я уже спокойно подтягивал свои белые чулки, стараясь, чтобы не было на них ни морщинки, согласно наставлениям мадам Манзони, что хорошо подтянутые чулки служат признаком благовоспитанности. А к концу зимы я уже с некоторым увлечением отплясывал вошедший тогда в моду галоп с хорошенькою гувернанткой и не без тайного удовольствия, смешанного со стыдом, надевал башмачки, готовясь к этому упражнению. Одушевлявшее нас беззаботное, дружеское веселье охватило и танцы, и костюм придавал им что-то необычайное, что меня волновало и мне нравилось. Никто уж не подшучивал над вырезным лифчиком с розовыми полосками, и я облекался в него с мыслью об оживленном вечере с милыми дамами. Я даже втайне мечтал о том, чтобы меня нарядили пастушком или баском, но только чтобы танцевать с кузинами и ни за что при чужих.

Всякое постороннее лицо все еще приводило меня в смущение, а когда изредка приходилось выезжать, опять поднималась тревога. Первый выезд был на детский бал по подписке, который танцмейстер давал в большой зале Дворянского собрания для всех своих учеников и учениц. Это было чуть ли не на вторую зиму после начала уроков. Он сам возвестил нам эту ошеломляющую новость и с свойственным ему шутливым тоном прибавил: «Prepares vos mollets»*. Меня это возмутило. Чтобы я свои независимые икры стал готовить для презренных танцев! Да из чего он это взял? И все-таки настала печальная минута, когда пришлось свои бедные икры затягивать к балу в тонкие чулочки, надевать со вздохом неизбежные башмачки и ехать танцевать при многочисленной публике. Приезд произвел на меня одуряющее действие, но я скоро успокоился, увидев себя затерянным в массе детей. Я протанцевал одну кадриль и затем счел свои обязанности исполненными, и весь остальной вечер бродил задумчивый и одинокий среди кружащейся вокруг меня детской толпы. Меня оставили в покое, только на следующий день дядя Петр Андреевич Хвощинский заметил мне, что я дурно себя вел, не хотел танцевать. Но я очень гордился своей независимостью.

Со временем, вращаясь в московском большом свете, я увидел, что мои родители были совершенно правы, настаивая на том, чтобы мы учились этому весьма естественному в собраниях молодежи упражнению, и даже сожалел о том, что под влиянием ребяческих предубеждений никогда не хотел выучиться ему порядком. Отец знал, что всякие пригодные в общежитии ловкость и умение, приобретенные человеком, составляют для него преимущество. Особенно когда в упражнении участвуют все сверстники, неприятно отставать от других. И не только это причиненное мне воображаемое горе не оставило по себе тяжелого следа, а напротив, оно еще глубже и сильнее запечатлело во мне память об этой блаженной поре моей жизни. И теперь, на старости лет, я с каким-то неизъяснимо сладостным чувством вспоминаю все эти невинные детские волнения, которые представляются моему воображению и живее и ярче, нежели многое другое. Они переносят меня в мои ранние годы, а я как бы переживаю вновь все эти странные ребяческие ощущения. Они принесли мне ту существенную пользу, что значительно посбавили неуместного детского самолюбия, приучили меня управлять собою и отучили от ложного стыда. Застенчивость осталась, но в гораздо меньшей степени и не по таким бессмысленным поводам.

особыми ценными поводам.

Мне памятен финал этой танцевальной эпопеи, которая играла в моем детстве не последнюю роль. Мне было уже около шестнадцати лет, а я все еще с грустью наряжался к танцклассу в свой постылый костюм, стараясь укрываться от посторонних взоров. В эту зиму уроки не оживлялись присутствием двоюродных сестер, которые остались в деревне, и я вернулся в свою обычную колею, погруженный в книги и лишь нехотя подчиняясь танцмейстеру, как вдруг случилось необычайное событие: нас с братом Василием пригласили на бал в Институт благородных девиц, с начальницей которого мать была дружна. Я был уже довольно благоразумен, чтобы приходить от этого в отчаяние; однако я порядочно смутился известием, что меня повезут танцевать в женское заведение, и еще более меня покоробило, когда я узнал, что приказано ехать в башмаках. Здесь соединялось все, что мне наиболее претило: я гнушался танцами, терпеть не мог наряжаться и очень не любил привлекать к себе внимание. К тому же к большому обществу я был совсем непривычен: в первый раз после детского бала, где я был еще ребенком, приходилось выезжать, и в таком необычайном наряде, который внушал самые тревожные ожидания. Сердце у меня сжалось, когда опять явился несносный башмачник и принес заказанные для вечернего наряда сияющие как зеркало бальные башмачки с кокетливо сложенными бантиками, насаженными в виде помпончиков почти у самого носка. К ним велено было надеть черные шелковые чулки, добытые для этого важного случая из старого отцовского гардероба. Мать сама их нам вручила, радуясь, что дети будут так мило одеты, и брату это, по-видимому, доставляло большое удовольствие, а мне это был нож острый. Мне живо представилась вся нарядность предстоящего торжества и роль светского кавалера, которую я должен был на нем разыгрывать. Надо было для этой роли убираться щеголем с головы до ног. Как я ни готовился к этому событию, невольный страх овладел мною, когда пришлось на парадный бал облекаться в тонкую рубашку с гофрированными манжетами и напяливать полупрозрачную сеть шелковых чулок, с маленькими бантиками на маленьких туфельках. Вся душа во мне трепетала. При этом надобно было намазать себе волосы душистой помадой и тщательно пригладить свои непокорные вихры, завязать красивым бантом светлый галстук под широким, окаймленным сборками отложным воротничком, нарядиться в черную курточку с открытым белым жилетом, с трудом напялить купленные для вечера палевые перчатки и в полном бальном одеянии явиться в качестве записного танцора среди великого множества незнакомых девиц. Такой напасти со мной еще не было. Я совершил свой туалет с чувством предстоящего мне какого-то сверхъестественного подвига. Отец, случайно проходя мимо, нашел меня погруженным в меланхолическое созерцание своих ног, изящно обутых для бала. Он спросил, что я так пристально смотрю, и нашел, что все хорошо. Мне совестно было признаться, что я бог знает что бы дал, чтобы меня не везли танцевать в институт в этих унизительных туфельках. Я понимал уже, что это пустое ребячество, что стыдиться тут нечего, но не мог отделаться от щемящего чувства при виде кокетливых помпончиков, вздымающихся на моих оконечностях. Напрасно я твердил себе, что взрослому мальчику глупо этим огорчаться; сердце у меня ныло при мысли, что я в этих шелковых чулочках и маленьких башмачках должен выставляться напоказ перед всеми институтками.

Так меня и повезли. Когда я, разряженный, сел на возок, мне хотелось все ехать и ехать и никогда не доехать. Но лошади повернули наконец на институтский двор и остановились у парадного крыльца. Я обомлел, увидев ярко освещенные окна и съезд экипажей. Решительная минута настала; двери распахнулись, надобно было туда идти и там танцевать. Сердце у меня сильно билось, когда я вслед за матерью поднимался по широкой институтской лестнице и затем вошел в облитый светом зал, где ярко горели люстры и стояли целые ряды готовых к балу девиц. Разумеется, все взоры тотчас устремились на молодых танцоров, которые явились в женский монастырь во всех своих доспехах и расфранченные, тщательно причесанные и напомаженные, в гладко натянутых палевых перчатках, в шелковых чулках и башмаках шествовали за своею маменькою, чтобы поклониться начальнице. И как только мы отвесили свои почтительные поклоны и начальница ласково приветствовала привезенных ей нарядных юношей, как заиграла музыка. Надобно было тотчас приступить к исполнению своих обязанностей, пустить в ход свои изящно обутые ноги и разыгрывать ненавистную мне роль изящного кавалера. Тут я уже не видел себя затерянным в толпе. Кавалеров было очень немного, и каждый из них выделялся, как петух

себя затерянным в толпе. Кавалеров было очень немного, и каждый из них выдавался, как петух, среди многочисленной женской фаланги. Я чувствовал, что на меня, как на взрослого юношу, устремлены десятки любопытных глаз, которые следят за каждым моим движением и рассматривают меня во всех подробностях от напомаженного вихра до тщательно расправленных ленточек на оконечностях моих ног. И я должен был выплясывать под этим градом испытующих взоров, перед сонмом окружающих девиц. Я должен был выплясывать в своих шелковых чулочках и новеньких башмачках с красующимися на них бантиками, которые привлекали особое внимание институток, а во мне возбуждали тем большее чувство неловкости, что мы одни

щеголяли в этой обуви. Так продолжалась большая часть вечера. На этот раз я не мог отлынивать от танцев, как я делал в других случаях. Не за тем нас нарядили в шелковые чулки и привезли в институт, чтобы сидеть в углу и смотреть на других. Я был тут присяжным танцором, привезенным для увеселения институток, и волею-неволею должен был служить этому весьма противному мне назначению.

Испытание было полное, однако я храбро его выдержал. Я решил, что надобно вести себя благовоспитанным молодым человеком, и скоро вошел в свою роль. Самый мой бальный наряд меня в ней поддерживал. После первых минут я даже не чувствовал особенного волнения и, не конфузясь, протанцевал, сколько от меня требовалось, так что мною остались довольны. Я и сам вернулся домой удовлетворенный и с легким сердцем снял башмачки с бантиками, которые сослужили мне свою службу. За то я их поминаю с благодарностью. Мои родители в этом отношении поступали весьма благоразумно: никогда явно не оскорбляя ложного стыда, они не дали ему потачки, а старались искоренить его единственным верным против него средством — привычкою.

Результатом этой школы было то, что, когда в ту же зиму нас пригласили на юношеский бал к Араповым, куда нас отправили одних с гувернером, я ехал уже без всякого волнения. И когда сама хозяйка дома, красивая и нарядная Мария Ивановна Арапова144, спросила меня, хочу ли я с ней танцевать кадриль, я почтительно отвечал, что это будет для меня большая честь, и безукоризненно исполнил свое дело. Она после говорила об этом отцу, и я был очень польщен ее отзывом. Многим детям приходилось проходить через подобные мытарства. Между прочим, покойный наследник рассказывал мне, каким мучением были для него танцклассы. Я вспоминал свое собственное детство. Их так же наряжали к уроку в чулки и башмаки с пряжками, и в этом придворном костюме водили иногда на маленькие балы в Эрмитаже, чтобы приучить к светскому обращению. Он говорил, что это было для него хуже всякого наказания. Но в воспитании недурно иногда заставлять детей проделывать то, что им неприятно. Если это делается благоразумно и с умением, от этого, кроме пользы, ничего не может произойти. Через это выделывается характер и приобретается привычка терпеливо сносить маленькие жизненные неприятности, которыми усеян путь человека.

Танцы служили нам вместе с тем отличною гимнастикою в зимнее время, когда велась преимущественно комнатная жизнь. Мы, впрочем, всякий день делали прогулку перед обедом или копались в снегу в палисаднике, накидывая гору, с которой потом катались на салазках. Иногда учинялись семейные катания в огромных санях, с сидением спереди и сзади и с лавкою посередине. В них пичкались дети всех возрастов, и эта неуклюжая колымага, запряженная четверней вороных с форейтором, разъезжала по улицам Тамбова. Но особенно я любил, когда отец брал меня с собой кататься в маленьких санках на рысаке. Обыкновенно мы ездили за город по реке и затем в лежащий за рекою большой сосновый бор, окружающий Трегуляев монастырь145. Эти прогулки оставили во мне самое поэтическое воспоминание. После городских впечатлений суровый зимний пейзаж носил на себе печать какого-то грустного и торжественного величия. Особенно, когда мы въезжали в лес, нас охватывало что-то волшебное и таинственное. По сторонам из глубоких сугробов вздымались громадные стволы вековых сосен, которых темно-зеленые ветви причудливо переплетались над головами, сгибаясь под тяжестью навалившего на них снега. В лесу не слышно было ни шороха, и былые стены монастыря, как заколдованный замок, пустынно возвышались среди зимней зелени. А в морозный солнечный день как весело было лететь по реке и видеть сверкающие в воздухе

Морозный солнечный день как весело было лететь по реке и видеть сверкающие в воздухе бесчисленными искрами пылинки инея!

Любил я эти прогулки и в начале марта, когда грачи уже прилетели, и первый пригрев весеннего солнца, особенно по деревням, сообщал воздуху какую-то мягкость, соединявшуюся с запахом начинавшего отходить навоза. С соломенных крыш падала капель оттаявшего снега, и чириканье птиц раздавалось звонче прежнего. Все это предвещало наступление весны, когда начиналось для нас уже полное блаженство.

В эту пору мы обыкновенно отправлялись гулять с Федором Ивановичем на высокий берег реки, откуда вид простирался на лежащие по ту сторону обширные луга, за которыми возвышались холмы, покрытые лесом. В этой местности город был почти что деревнею. Все весенние впечатления чувствовались живо и составляли источник всевозрастающих наслаждений. Каждый шаг в обновлении природы возбуждал в нас радостные ощущения: сначала шум потоков, мутными волнами стремящихся под гору, затем, при дальнейшем таянии снега, первые проталины с пробивающеюся на них зеленою травкою, упоение воздуха, согретого живительными лучами весеннего солнца, наконец, широкое половодье с крутящимися струями и несущимися по ним глыбами льда. С каким восторгом встречали мы первую желтую или белую бабочку — признак возвращающейся к нам весны! Каждая вновь прилетевшая птичка казалась старым другом, вернувшимся из дальнего странствования. Особенно мы наслаждались, когда Святая неделя была поздняя и теплая. Тогда мы с самого утра, запасшись крутыми яйцами и хлебом для завтрака, отправлялись за город вдоль реки, на любимое наше место за дачею Андреевских, где была уже совершенная деревня, где не было видно ни людей, ни жилищ. Там мы садились на свежую траву и проводили целые часы, упиваясь благоуханием весеннего воздуха, любуясь широким раздольем реки, еще не вошедшей в свои берега, слушая жужжание воскресших от зимнего сна насекомых и радостное пенье жаворонков, витающих в небесах. А между тем издали к нам приносился звон городских колоколов, возвещающих торжественный, непрерывно продолжающийся весенний праздник.

Рабочий кабинет Б. Н. Чичерина. 1890 — начало 1900-х гг.

Нередко, особенно когда дни становились длиннее, мы по тому же берегу совершали вечерние прогулки. С одной стороны тянулись длинные заборы с кой-где возвышающимися из-за них деревьями, уже покрытыми свежею зеленью, и между ними низкие, невзрачные домики тамбовских мещан, которые, сидя у своих ворот на прилавках, особенно в праздничные дни, мирно наслаждались теплым весенним вечером, поигрывая на гармониях или смотря на ребятишек, играющих в бабки. С другой стороны открывался прелестный вид: внизу гладкая как зеркало река, вдоль которой вдали красивым изгибом возвышались городские белые здания и церкви; за рекою бархатные, блестящие весеннею зеленью луга, а за лугами — темный сосновый бор, среди которого белела архиерейская дача. Навстречу нам через реку переплывали возвращающиеся домой пестрые стада с радостным мычанием, и все это было, как золотом, облито теплыми лучами заходящего солнца. Мы опять шли на свое любимое место за дачу Андреевских и долго там сидели, окруженные носящимся в воздухе благоуханием трав и цветов, наслаждаясь вечернею прохладою и царящею кругом тишиною, которая прерывалась только щебетанием птиц в густом тростнике, да приносящимся к нам из дальнего леса звонким голосом кукушки или щелканьем соловья. Когда мы поехали в Москву для приготовления к университету и нам пришлось проводить весну в большом, душном, пыльном и шумном городе, меня охватывала невыразимая тоска. Душа моя жаждала весенних впечатлений и рвалась в мирный край, где я привык жить заодно с природою. Как нарочно, в это время учитель немецкого языка задал мне сочинение о преимуществах больших городов перед малыми. Я, изложивши все выгоды более просвещенной среды и господствующих в ней живых умственных интересов, прибавил, однако, что маленькие города имеют такие стороны, которых ничто не может заменить, и тут я начертал картину появляющейся весны и все те поэтические наслаждения, которые она с собою приносит. Думаю и теперь, что мирная патриархальная жизнь маленького городка, вдали от столичного шума и суеты, в полудеревенской обстановке, благотворно действует на молодые души. Они привыкают не увлекаться шумным разнообразием внешних

деиствует на молодые души. Они привыкают не увлекаться шумным разнообразием внешних впечатлений, а более сосредоточиваются в себе и наслаждаются тихими радостями домашней жизни и красотами обновляющейся по вечно однообразным законам природы.

Но все эти весенние городские впечатления были ничто в сравнении с теми бесконечными наслаждениями, которые мы испытывали, когда переезжали из города в деревню. Хотя расстояние было всего девяносто верст, но это считалось целым путешествием; к нему готовились заранее, как к какому-то важному и трудному делу. Из Караула приходил большой

обоз, подвод в пятнадцать или двадцать. Весь дом должен был подняться и переселиться на новое место. В течение нескольких дней происходила большая укладка; суета была невообразимая. Все это нас, конечно, чрезвычайно занимало, и мы горели нетерпением увидать свой милый Караул. Наконец после долгих сборов мы пускались в путь; тянулась длинная вереница экипажей, нагруженных и детьми, и няньками, и пожитками, с бесчисленным количеством ящичков, кулечков, узелков. Редко мы совершали путь в один день, а большею частью ночевали дорогою, в первые годы обыкновенно в Княжой у Ковальских, а позднее в купленной отцом деревне Периксе, лежащей на полпути. В Караул мы обыкновенно приезжали к вечеру. И с какими чувствами мы к нему приближались! Уже вид находящейся в двадцати верстах безобразной Золотовской церкви заставлял нас трепетать от радостного ожидания. Мы издали высовывались из экипажа и присматривались, не видать ли шпиля караульской церкви или крыльев ветряной мельницы; когда же мы наконец, переехав Панду, выезжали на собственные наши луга, то сердце так и прыгало от восторга. Да и было чему радоваться. Есть минуты неизъяснимого наслаждения, которые так глубоко врезываются в память, что они не забываются до конца жизни. Такие минуты довелось мне испытать в молодые годы при возвращении в Караул. Помню, как однажды, приехав один с матерью прежде остального семейства, я, проснувшись довольно рано утром, увидел лезущие в окно ветви цветущей сирени, и свежий весенний запах хлынул в поднятую раму. Наскоро одевшись, я побежал в сад, и меня охватило все обаяние прелестного, тихого, теплого майского утра. На небе не было ни облачка, солнце сияло в полном блеске, кругом пышно цвела сирень, в душистом воздухе слышалось жужжание мух и веселое пение птичек. Я побежал в рощу, где среди густой тени мелькали прозрачные, освещенные пробивающимися лучами солнца листья стоящих в свежей зелени деревьев. Я в невыразимом упоении прислушивался к звонкому голосу иволги, раздававшемуся под тенистыми сводами. Все так полно было прелести и поэзии, что, казалось, я был перенесен в какой-то очарованный мир.

Живо помню и другое впечатление, когда мы приехали уже в сумерки и я, напившись чаю, вышел один, чтобы насладиться тишиною ночи. Над головою простирался бесконечный свод небесный, сверкающий мириадами звезд. Воздух был недвижим. Издали приносился с лугов свежий запах трав. В природе стоял тот однообразный гул, который в весеннюю пору служит признаком возрожденной и неумолкающей жизни. Изредка вдали покрикивал дергач, да раздавалось из лесной чащи ночное пение соловья. И тут меня как будто охватывал какой-то волшебный мир, раскрывающийся передо мною в торжественном величии и проникающий во все глубочайшие нити моего существа.

С переездом в деревню начинались удовольствия всякого рода. Обыкновенным ежедневным занятием были походы на фрукты и ягоды, которых в саду было вдоволь и которых нам позволяли есть сколько угодно. Случалось, что мы всей компанией садились около плодового куста иногда под дождем, распуская зонтики, и когда мы удалялись, на кусте не оставалось ни одной ягоды. Или мы после завтрака гурьбой влезали на вишневые деревья и объедали их дочиста. Всякий день были разнообразные прогулки, и верхом, и пешком, и на лодке. Но главным нашим удовольствием была рыбная ловля, к которой все мы в то время питали необыкновенную страсть. Для нас не было большего праздника, как когда нам позволяли встать в три часа утра и отправиться с Федором Ивановичем ловить рыбу на Панде, где, по господствующему убеждению, ловля была лучше нежели в широкой Вороне. Уже впечатление раннего утра имело в себе что-то обаятельное: свежесть воздуха, туманные дали, освещение пейзажа первыми лучами восходящего солнца, под которыми как искры горели капли росы,

висящие на листьях и траве, веселое пение птиц на заре, громкии крик петухов, отдаленное мычание или блеяние стад, выгоняемых на пастбище, — все это действовало живительно и готовило ко всякого рода поэтическим наслаждениям. Приехав на Панду, каждый из нас в одиночку забивался в уединенные кусты и выбрасывал свою удочку возле густого камыша или плавающих на поверхности воды лопухов. С жадностью вперяли мы взоры на неподвижно стоящий на воде поплавок, досадуя, когда начнет клевать по мелочам какая-нибудь глупая плотвичка или вертлявая селявка, но исполняясь трепетным ожиданием и радостью, когда подойдет крупный окунь и разом потянет поплавок в воду. Удовольствие было полное, даже

когда рыба плохо ловилась; если же лов был изрядный, то восторг превосходил всякую меру. Впечатление было так сильно, что вечером, когда я ложился спать, у меня все еще мелькал перед глазами поплавок, погружающийся в воду.

Случалось, что мы с Федором Ивановичем отправлялись на заре вдвоем. Он тоже любил рыбную ловлю, но ему надоедало смотреть в это время за мальчиками, которые бегали, шумели и могли упасть в воду. Я был старше и степеннее других, а потому он брал меня с собою. Эти походы хранились в глубочайшей тайне, что также немало содействовало прелести впечатления. Опасаясь проспать, я привязывал себе за ногу веревочку, которую продевал в полуоткрытое окно, чтобы Федор Иванович, когда встанет, мог меня дернуть и разбудить. Но до этого дело не доходило. Когда он, аккуратно в три часа, выходил из своей комнаты, я встречал его уже готовый, и мы среди утренней свежести шли втихомолку на назначенные места. Ловля происходила безмолвно, как некое таинство, и когда мы, набравши порядочно рыбы, возвращались к чаю домой, я исполнен был гордого сознания оказанного мне доверия, так же как и испытанного удовольствия, а братья, которые не могли понять, куда мы девались, с завистью смотрели на нашу добычу.

Немало наслаждения доставляла мне и охота за птицами. Я прислушивался к их пению и старался их выследить, прокрадывался сквозь зеленую чащу, расставляя для мелких птиц западни, а для хищных завел кутню, приобрел себе также закрывающиеся веревочкой сети, или так называемые понции, и если попадалось что-нибудь новое, восторг был неописанный. У меня разом жили орел, молодой ворон и сыч, которых я кормил собственноручно. Последний постоянно забавлял меня своими комическими ужимками; я не мог смотреть на них без хохота. Ворон же иногда причинял мне хлопот: бывало, заберется в дом и непременно что-нибудь украдет. Однажды отец услышал ужасный звон; вышедши из комнаты, он увидел, что ворон утащил со стола колокольчик и с ним выпрыгивает на двор. В другой раз, забравшись на крытый балкон, он разорвал на мелкие кусочки оставленный там номер «Journal des Debate» с докладом Тьера146 о среднем образовании во Франции, а так как этот доклад не был еще дочитан, то я для защиты своего любимца взялся все эти кусочки собрать и склеить вместе.

Позднее такие же наслаждения доставляла мне и ловля жуков, к которым я пристрастился по вступлении в университет. Особенно мне памятна одна весна, в течение которой мы с Василием Григорьевичем совершали ежедневные экскурсии по лесам и по лугам, иногда верст за десять, он — собирая растения, а я — в погоне за жуками. Это были прелестные прогулки. Мы вместе наслаждались природою и весенними впечатлениями, которые оба чувствовали живо. На душе было легко, ее не тяготили никакие заботы. Новый цветок или жук приводили нас в восторг. Даже случайные приключения или налетевшая гроза придавали только еще более разнообразия этим похождениям.

Не могу, однако, сказать, что все эти развивающиеся в юности страсти к тем или другим естественным произведениям несколько отвлекают от общего впечатления природы и заслоняют собою ту чарующую прелесть, которую имеет для молодой, только что раскрывшейся души окружающий ее бесконечно разнообразный мир. С этими младенческими ощущениями ничто не может сравниться. Ребенок в каком-то волшебном упоении внимает и шепоту ветра в тенистой дубраве, и неумолкающему журчанию ручья, и звонкой трели насекомых в густой траве. Чудесное сияние раскинувшегося над ним звездного неба внушает ему смутные чаяния чего-то таинственного и бесконечного. Все для него так ново и так полно неизъяснимой прелести. Он

таинственного и бесконечного. Все для него так ново и так полно неизъяснимой прелести. Он весь погружен в это исполненное поэзии созерцание. Он учится любить природу не как внешнюю только картину, а как бьющую повсюду жизнь, как могучую силу, охватывающую все существо человека. И эти младенческие впечатления остаются навеки. Истинно любит природу только тот, кто их испытал: он умеет наслаждаться ею не только в ее блеске и великолепии, но и в самых скромных проявлениях вечной ее красоты, в луче солнца, позлащающем степь, в шорохе камыша на берегу пустынной речки; любит ее тот, кто умеет жить с нею одною жизнью и в себе самом чувствовать непреложно повторяющийся ряд ее обновлений.

Счастливо детство, протекшее среди подобных впечатлений! Оно и на старости лет представляется земным раем. Становится понятным, почему человечество поставило золотой век в начале своего существования. Вскормленный и согретый любовным попечением семьи, окруженный поэтическим обаянием природы, глубоко запавшим мне в душу, исполненный жаждою знания, я вступил в жизнь, дыша полною грудью, чувствуя в себе неиссякаемый прилив свежих, молодых сил. Весь Божий мир открылся предо мною в каком-то праздничном наряде: с одной стороны, бесконечность природы с ее невозмутимою красотою, с ее бесчисленными и разнообразными произведениями, которые я мечтал изучить; с другой стороны, живой, волнующий мир человечества, с его поэзией, с его героями, с представляющеюся вдали перспективою служения отечеству, которое было предметом самых пламенных моих чувств. Мне казалось, что куда бы меня ни закинула судьба, в каком бы я ни очутился отдаленном и бедном уголке земли, везде для меня откроются источники неизъяснимых наслаждений.

Как далека действительность от этих поэтических ожиданий! Как скоро жизнь научает человека, что не все в ней счастье и радость! Может быть, самое блаженство юных дней делает еще более чувствительною горечь разочарований. Но хорошо и то, когда человек испытал в себе это блаженство и смолоду взрастил в душе своей такие требования и чувства, которые не позволяют ему мириться с окружающею пошлостью и постоянно побуждают его искать высших идеалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Об этом см.: Чичерин Б. Н. Воспоминания: Московский университет (Т. 1. М. 1929). Москва сороковых годов (Т. 2. М. 1929). Путешествие за границу (Т. 3. М. 1932). Земство и Московская городская дума (Т. 4. М. 1934).

2 Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Я пережил свои желанья...» (1821).

3 Об этом упоминается в грамоте царя Михаила Федоровича 1619 г. (См.: Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов. 1904. Т. 1. Вып. 47. Примеч. С. 428.) В семейной традиции сохранилось предание о родоначальнике — итальянце Чичери, приехавшем в Москву в свите Софьи Палеолог. Эта гипотеза вызывает серьезные замечания. (См.: Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории // Новый мир. 1969. № 1. С. 172.) Семья Чичериных в 1794 г. внесена в 6-ю часть дворянской родословной книги по Тамбовской губернии. При написании данного генеалогического очерка Б. Н. Чичерин опирался на материалы семейного архива (РГБ. Ф. 334. К. 31. Ед. хр. 70; К. 51. Ед. хр. 14). См.: Ювеналий (Воейков). Историческое родословие благородных дворян Чичериных. Тамбов. 1914.

4 Чичерин Дементий Андреевич (1764—1802), статский советник, владелец недвижимых имений в Тамбовской губернии. Женат на дочери сенатского секретаря Анне Лукьяновне Петровой.

5 Имеется в виду «Учреждение о губерниях» — закон о местном управлении, подписанный Екатериной II в 1775 г. В нем так определены функции уголовной палаты: «...Не иное что, как Юстицколлегии департамент». Ее чиновники занимались ведением следствия по уголовным делам.

6 По раздельной записи 1828 г. все недвижимое имение В. Д. Чичерина (?—1833) в Тамбовской губернии перешло Н. В. Чичерину.

7 Чичерин Николай Васильевич (1801—1860), прапорщик Переяславского конно-егерского полка (с 1817), поручик в отставке (с 1825). В 1839—1843 гг. брал на откуп питейные сборы в Кирсановском уезде (РГБ. Ф. 334. К. 31. Ед. хр. 8. Л. 1—1 об).

8 Павлов Михаил Григорьевич (1792—1840), профессор сельского хозяйства Московского университета (с 1820).

9 Писарев Александр Иванович (1803—1836), драматург. Павлов Николай Филиппович (1803—1864), писатель. Подробнее см.: Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов. Московский университет.

10 Кокошкин Федор Федорович (1773—1838), драматург, управляющий московскими театрами (1823—1831).

11 Щепкин Михаил Семенович (1788—1863), актер Малого театра.

12 Речь идет об альманахе «Мнемозина» (Ч. 1—4. М. 1824—1825) и книге стихов провансальского поэта-трубадура XII в. Рюделя Джауфрея (чаще: Жофруа).

13 Здесь и ниже цитируются документы из архива Б. Н. Чичерина (РГБ. Ф. 334).

14 Чичерина (урожд. Хвощинская) Екатерина Борисовна (?—1876), мать Б. Н. Чичерина.

15 Посвящение процитировано с неточностями. В имении Чичериных Умет, где Павлов гостил в 1832 г., были написаны повести «Именины», «Аукцион».

16 Кошелев Александр Иванович (1806—1883), общественный деятель славянофильского направления.

17 Тучков Алексей Алексеевич (1799—1878), декабрист, предводитель дворянства Инсаровского уезда Пензенской губернии. Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна (1829—1913), вторая жена Николая Платоновича Огарева, с 1856 г. жена А. И. Герцена.

18 Чичерин Василий Николаевич (1828—1882), секретарь дипломатической миссии в Турине, советник посольства в Париже. Женат на баронессе Жозефине Егоровне Мейендорф.

19 Вероятно, барон Михаил Карлович Розен (1796—1873) и его жена фрейлина Наталья Александровна (урожд. Щербатова).

20 Строки из стихотворения Е. А. Баратынского «Бокал» (1835). Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800—1844), поэт, друг А. С. Пушкина. В 1811 г. за «неблаговидную проделку» (кражу денег) по высочайшему повелению исключен из Пажеского корпуса с воспрещением вступать на военную службу. (См.: Русская Старина. 1870. № 2. С. 201—207, 315—317.)

21 Вашингтон Джордж (1732—1799), первый президент США (1789—1797).

Франклин Бенджамин (1706—1790), американский просветитель.

Боливар Симон (1783—1830), руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Америке.

Каннинг Джордж (1770—1827), английский государственный деятель.

22 В ходе Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. русские войска потерпели ряд

поражений, что привело к сдаче Севастополя и подписанию унизительного Парижского мира (1856).

23 Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897), историк, выпускник Московского университета (1851). В августе 1851 — декабре 1853 гг. был домашним доктором в семье Чичериных. (См.: Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М. 1990. С. 42—45.)

24 Хвощинский Борис Дмитриевич, тамбовский губернский прокурор, кирсановский уездный предводитель дворянства (1819—1825).

25 Бологовская (урожд. Хвощинская) Софья Борисовна, дочь кирсановского уездного предводителя дворянства Б. Д. Хвощинского, тетка Б. Н. Чичерина, владелица села Умет Кирсановского уезда Тамбовской губернии, замужем за кирсановским помещиком Александром Николаевичем Бологовским.

26 См.: Чичерин Б. Н. Из моих воспоминаний (по поводу дневника Н. И. Кривцова) // Русский Архив. 1890. № 4. С. 501—525.

27 Кривцов Николай Иванович (1791 — 31.07.1843), офицер гвардии, участник кампании 1812—1813 гг., чиновник русского посольства в Англии (1818—1821), тульский (1823), воронежский (1824—1826), нижегородский (1826—1827) губернатор, с 1836 г. проживал в имении Любичи Кирсановского уезда Тамбовской губернии, брат декабриста С. Н. Кривцова. Во время заграничных путешествий вел дневник, частично опубликованный (См.: Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Т. 1. Вып. 47. С. 440—446.) О нем см.: Сабуров Я. И. Николай Иванович Кривцов. 1791—1843 гг. // Русская Старина. 1888. № 2. С. 721—730. Гершензон М. О. Декабрист Кривцов и его братья. М. 1914.

28 Близ чешского села Кульм 17—18 августа 1813 г. проходили упорные бои союзных войск России и Пруссии с французской армией. Сражение закончилось поражением французов.

29 Карамзин Николай Михайлович (1776—1826), писатель, историк.

Тургеневы: Александр Иванович (1784—1845), литератор, общественный деятель; Николай Иванович (1789—1871), государственный и общественный деятель.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), поэт, друг А. С. Пушкина.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф, государственный деятель, друг Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского.

30 Кривцова (урожд. Вадковская) Екатерина Федоровна (?—1861), сестра декабриста Ф. Ф. Вадковского, замужем за Н. И. Кривцовым (с 1820).

31 Кривцова Софья Николаевна (1821—1901), жена Помпея Николаевича Батюшкова (1810—1891), брата поэта К. Н. Батюшкова. Продала имение Любичи С. П. Плещеевой.

32 Слова Пимена из поэмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1830). Последняя строка изменена. Нужно: «Как в монастырь Господь меня привел».

33 Баратынская (урожд. Салтыкова, в первом браке за А. А. Дельвигом) Софья Михайловна (1809—1888), с 1831 г. жена С. А. Баратынского. Их брак не был счастлив. Отличалась большой религиозностью. О роде Баратынских см.: Боратынский М. А. Род дворян Боратынских. М. 1910. Гордеев Н. М., Пешков В. П. Тамбовская тропинка к Пушкину. Воронеж. 1969.

34 Баратынские: Абрам Сергеевич (1767—1811), владелец (с 1797) имения Мара в Кирсановском уезде, тамбовский губернский предводитель дворянства (1803—1806), с 1798 г. женат на Александре Федоровне Черепановой (1776—1852).

35 Пересказ стихотворения Е. А. Баратынского «Запустение» (1834). Поэт родился в имении отца — Мара («татарская родина»). В родовом гнезде бывал наездами в 1827, 1828, 1832—1834 гг.

36 Строки из стихотворения Е. А. Баратынского «К чему невольнику мечтания свободы?» (1833) цитируются Чичериным с большими неточностями.

37 Баратынская (урожд. Энгельгардт) Анастасия Львовна (1804—1860), с 1826 г. жена Е. А. Баратынского.

38 Строки из стихотворения Е. А. Баратынского «Когда, дитя и страсти и сомненья...» (1844).

39 Дельвиг Антон Антонович (1798—1831), поэт.

40 Строки из стихотворения Е. А. Баратынского «Осень» (1836—1837).

41 Строки из стихотворения Е. А. Баратынского «Люблю я вас, богиня пенья...» (1841).

42 Баратынский Ираклий Абрамович (1802—1859), брат Е. А. Баратынского, флигель-адъютант (с 1831), ярославский (с 1842), казанский военный губернатор (1846—1857), сенатор.

43 Баратынская (урожд. княжна Абамелек) Анна Давыдовна (1816—1889), с 1835 г. жена И. А. Баратынского, с 1832 г. фрейлина. Знакомая А. С. Пушкина.

44 Баратынский Лев Абрамович (1806—1858), поручик, адъютант малороссийского генерал-губернатора (1829—1834), чиновник по особым поручениям при московском губернаторе.

45 Репнин (Репнин-Волконский) Николай Григорьевич (1778—1845), князь, генерал, участник кампании 1812 г.

46 Репнина Варвара Николаевна (1808—1891), дочь Н. Г. Репнина.

47 Репнина (урожд. Разумовская) Варвара Алексеевна, жена Н. Г. Репнина. Репнины приходились родственниками Кривцовым. Брат Н. И. Кривцова, камергер Павел Иванович женат на Елизавете Николаевне Репниной (1817—1855).

48 Баратынский Сергей Абрамович (1807—1866), владелец имения Мара Кирсановского уезда, где постоянно проживал с начала 1830-х гг., чиновник по особым поручениям при тамбовском губернаторе П. А. Булгакове.

49 Баратынская Наталья Абрамовна (1810—1855), дочь А. А. Баратынского.

50 Рачинская (урожд. Баратынская) Варвара Абрамовна (1810—1891), младшая дочь А. А. Баратынского, с 1830

г. замужем за Александром Антоновичем Рачинским.

51 Вероятно, речь идет об Анне Карловне Шиц, жене владельца села Беково Пензенской губернии А. М. Устинова.

52 Панчулидзева (урожд. Сушкова) Софья Николаевна (1800—1843), жена тайного советника, саратовского губернского предводителя дворянства (1822—1831), пензенского губернатора (1831

—1859) Александра Алексеевича Панчулидзева (1790—1867).

53 Фельцын (Фельцин) Рафаил Иванович, коллежский асессор, владелец имения в селе Хилково Кирсановского уезда. Женат на Анне Федоровне Хвощинской (1817—1890).

54 Дельвиг Елизавета Антоновна (1830—1913). Баратынские: Александра Сергеевна (?—1902), Анастасия Сергеевна.

55 Голицын Григорий Сергеевич (1780—1848), генерал-адъютант при Павле I, пензенский губернатор (1812—1816), сенатор.

56 Шаузель (урожд. княжна Голицына) Мария Григорьевна (1802—1865), графиня.

57 Устинов Андриан Михайлович (1802 — после 1882), чиновник при московском военном генерал-губернаторе, с 1828 г. в отставке, владелец имения Бековo Саратовской губернии. Друг семей Дельвигов и Кривцовых.

58 Горсткин Иван Николаевич (1797—1876), поручик в отставке (с 1821), член Союза Благоденствия, с 1828 г. жил в Пензе. Женат на Елизавете Григорьевне Ломоносовой.

59 Семья Валерия Тимофеевича Кека (1801 — после 1878).

60 Сабуровы: Иван Васильевич (1788—1873), капитан в отставке, пензенский помещик, автор работ по сельскому хозяйству; Яков Васильевич (1790—1855), майор в отставке, предводитель дворянства Городищенского уезда Пензенской губернии (1825—1827).

61 Рахманов (Рохманов) Михаил Федорович (1802—1871), камергер, тамбовский помещик.

62 См.: Письма Н. Ф. Павлова к Н. В. Гоголю по поводу его книги «Выбранные места из переписки с друзьями» // Павлов Н. Ф. Соч. М. 1985. С. 254—278.

63 Сабуров Яков Иванович (1798—1858), писатель, тамбовский уездный предводитель дворянства (1840—1851).

64 Вероятно, речь идет о французском философе Жане Мелье (1664—1729).

65 Кодификационная деятельность II-го отделения С. Е. И. В. канцелярии, руководимой М. М. Сперанским,

завершилась изданием многотомного Свода законов Российской Империи 1649—1825 гг. (1835). Эта работа противопоставлялась административной деятельности французского министра Франсуа Гизо (1787—1874) по укреплению основ конституционно-монархического строя.

66 Брусилов Николай Петрович (1782—1849), писатель.

Зубков Василий Петрович (1799—1862), чиновник московской палаты уголовного суда, близок к литературным кругам.

67 Камбаровы, тамбовские помещики: Иван Александрович, Елизавета Михайловна (урожд. Циммерман).

68 Дети Н. В. и Е. Б. Чичериных: Борис (1828—1904), Василий (1829—1882), Владимир (1830—1910), Аркадий (1833—1875), Андрей (1834—1902), Сергей (1836—?), Петр (1838—?), Александра (в замуж. Нарышкина) (1839—1919).

69 Вышеславцевы: Алексей Владимирович (1831—1888), воспитанник Дворянского института и

69 Вышеславцевы: Алексей Владимирович (1831—1888), воспитанник Дворянского института и Московского университета, писатель; Лев Владимирович, чиновник тамбовской губернской управы; Сергей Васильевич; Мария Афанасьевна (урожд. Соймонова).

70 Соболевский Сергей Александрович (1803—1870), библиофил, библиограф, имел обширные литературные знакомства.

71 Хвощинский Дмитрий Андреевич, сын тамбовского уездного предводителя дворянства (1825—1828) Андрея Дмитриевича Хвощинского (1797—?).

72 В 1826 г. Николаем I для решения задач политического сыска учреждено III отделение С. Е. И. В. канцелярии. Его начальник был одновременно и шефом жандармов.

73 Нарышкин Лев Кириллович (?—1855), действительный статский советник, член совета Министерства финансов.

74 Сатин Николай Михайлович (1814—1873), поэт, беллетрист. Генерал-майор Алексей Иванович Сабуров был женат на своей кузине — Елизавете Михайловне Сатиной.

75 Вышеславцева (урожд. Сабурова) Наталья Ивановна (?—1840).

76 Сабуровы: Александр Иванович (1799—1880), офицер лейб-гвардии Гусарского полка (1826), декабрист; Андрей Иванович (1797—1866), офицер того же полка, адъютант при военном министре, полковник в отставке (с 1828), директор императорских театров (1853—1863); Петр Александрович (1835—?), тайный советник, посол в Берлине (1879—1884), владелец имения в селе Сабурово-Покровское Козловского уезда Тамбовской губернии; Андрей Александрович (1838—?), министр народного просвещения (1880), сенатор, член Государственного Совета.

77 Жемчужников Антон Аполлонович (1800—1873), выпускник Училища колонновожатых, предводитель дворянства Лебедянского уезда Тамбовской губернии (1837—1840), владелец имения в селе Леденевка. Жена: Прасковья Михайловна (1800—1866).

78 Гурьев Александр Дмитриевич (1786—1865), граф, киевский, волынский и подольский генерал-губернатор (1835—1837).

79 Речь идет о восстании в Польше 1830—1831 гг.

80 Арсений (Москвин) (1795—1876), тамбовский епископ (1832—1841), митрополит киевский и галицкий (1860—1866).

81 Среди выпускников Пажеского корпуса значится только один с фамилией Андреевский (вып. 1840).

82 Андреевский Михаил Степанович, майор в отставке, предводитель дворянства Кирсановского

уезда Тамбовской губернии (1860—1869). Женат на Марии Владимировне Вышеславцевой (?—1901).

83 Вероятно, И. С. Кологривов, владелец сел Кологривовка и Слепцовка Аткарского уезда.

84 Ипполит Павлович Кутайсов был женат на княжне Наталье Александровне Урусовой, фрейлине (с 1830).

85 Голицын Юрий Николаевич, князь, губернский секретарь, предводитель дворянства Тамбовской губернии (1851—1854).

86 Арапов Устин Иванович (?—1873), генерал-майор, предводитель дворянства Тамбовской губернии (1840—1845).

губернии (1840—1843).

87 Булгаков Петр Алексеевич (?—1883), тамбовский губернатор (1848—1855).

Курута Иван Эммануилович (1782—1852), сенатор, в 1843 г. отправлен ревизовать Тамбовскую губернию на предмет проверки законности порубки казенных лесов.

88 Гамалея Николай Михайлович, тамбовский губернатор (до 1838), товарищ министра государственных имуществ.

89 Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт, воспитатель Наследника Цесаревича Вел. Кн. Александра Николаевича.

90 Корнилов Александр Алексеевич (1801—1856), лицейский товарищ А. С. Пушкина, участник движения декабристов, с 1832 г. на гражданской службе, тамбовский губернатор (1838—1843).

Корнилов Владимир Алексеевич (1806—1854), вице-адмирал, герой обороны Севастополя (1854—1855).

91 См.: Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах. Т. 8. М. 1956. С. 267.

92 Токвиль Алексис (1805—1859), французский социолог, историк.

93 Корнилов Федор Петрович (?—1895), чиновник Приказа общественного призрения Тамбовской губернии, управляющий делами Комитета министров, с 1875 г. член Государственного Совета.

94 Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк права, философ, студент Московского университета (1835—1839).

95 Гагарин Иван Алексеевич, князь, сенатор, в 1843 г. направлен на ревизию в Астраханскую губернию.

Бюлер Федор Андреевич (1821—1896), барон, выпускник Училища правоведения, директор Московского главного архива МИД.

96 Татаринов Валериан Александрович (1816—1871), вице-директор канцелярии государственного контроля (с 1850), генерал-контролер (с 1852).

97 Петрово-Соловово Григорий Федорович (1806—1879), ротмистр Кавалергардского полка (с 1836), камергер, предводитель дворянства Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Женат (с 1834) на фрейлине княжне Наталье Андреевне Гагариной (1815—1893). Дети: Михаил (1840—?), Софья (1843—?), Александр (1848—?).

98 Дословно: «Холостяк и брошенная женщина». Вероятно, речь идет о романе «Покинутая женщина» (1832).

99 Вероятно, моршанский помещик Василий Владимирович Давыдов (1788—1899).

100 Армида — героиня произведения итальянского поэта Т. Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим»

(1595).

101 12 марта 1812 г. Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839) был отправлен в ссылку по обвинению в государственной измене. Большую роль в его падении сыграл тогдашний министр полиции А. Д. Балашов.

102 Воейков Леонид Александрович (1818—1886), выпускник Царскосельского лицея (1838), штабс-капитан в отставке.

103 Сандунов Николай Николаевич (1768—1832), профессор права Московского университета.

104 Миллер Сергей Иванович (1815—1867), архитектор, основатель и первый председатель Московского общества любителей художеств.

105 Б. Н. Чичерин поступил в Московский университет в 1844 г.

106 См. прим. 68.

107 Строки из стихотворения Н. М. Языкова «Конь» (1831) приведены с неточностями (См.: Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л. 1988. С. 270.)

108 Корнель Пьер (1606—1684), французский драматург.

Расин Жан (1639—1699), французский драматург.

Мольер Жан Батист (1622—1673), французский комедиограф.

Роллен Шарль (1661—1738), французский историк, автор «Древней истории» (1730—1738), «Римской истории» (1738).

Аннибал (Ганнибал) (ок. 247—183 до н. э.), карфагенский полководец, в течение 15 лет вел борьбу с Римом на Апеннинском полуострове.

Римский консул Марк Регул в 225 г. до н. э. был взят в плен спартанцами, где умер (248 до н. э.).

Цинциннат Луций (ок. 519 до н. э. — ?), по преданию прямо из деревни призван исполнять обязанности диктатора (458—439 до н. э.), считался образцом скромности и доблести.

Фабриций (III в.), консул в Риме, в 282 г. воевал с самнитами и захватил большую добычу.
Лизандр (Лисандр) (V—IV вв. до н. э.), спартанский полководец, захвативший в 404 г. до н. э. Афины.

109 Война американского народа за независимость (1775—1783) вызывала у Б. Н. Чичерина аналогию с греко-персидскими войнами V в. до н. в., приведшими к расцвету республиканского строя в Афинах.

110 Речь идет о героях национально-освободительного движения в Греции (1821—1829) против турецкого ига: Марко Боциарисе (1788—1823) и Константине Канарисе (1790—1877), возглавлявших нападения на турецкие суда в Эгейском море.

111 Речь идет о сочинении немецкого детского писателя Иоахима Кампе (1746—1818): «Kinder und Jugendshriften» (B. 1—38); «Merhwurdige Reise beschreibungen» (B. 1—9).

112 Известное сочинение Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1719) вызвало ряд подражаний, в т. ч. книгу Висса «Швейцарский Робинзон».

113 Этими словами обрывается последний 12 том «Истории Государства Российского» (СПб. 1829) Н. М. Карамзина.

114 Устрялов Николай Герасимович (1805—1870), историк, автор «Руководства к первоначальному изучению русской истории» (СПб. 1840, выдержало 10 изд.).

115 Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, профессор Московского университета, автор «Истории России с древнейших времен» (Т. 1—29. 1851—1879). «Учебной книги русской истории» (1859—1860, выдержала 14 изд.).

116 Рождественский Петр Абрамович, учитель словесности в тамбовской гимназии.

117 См.: Мишо Ж. Ф. История крестовых походов. СПб. 1822—1836. Ч. 1—5.

118 Чатам (1708—1778), граф, лидер вигов.

Питт Уильям Младший (1759—1806), лидер тори.

119 Шеридан Ричард (1751—1816), английский драматург.

120 Лабрюйер Жан (1645—1696), французский писатель.

121 Вольтер (1694—1778), французский писатель, философ.

Фридрих II (1712—1786), король Пруссии (с 1740).

122 Марриет Фредерик (1792—1848), английский писатель.

123 Гук Роберт (1635—1703), английский естествоиспытатель, усовершенствовал микроскоп, ввел термин «клетка».

Купер Джеймс Фенимор (1789—1851), американский писатель.

124 Цезарь Гай Юлий (102—44 до н. э.), римский диктатор, полководец, автор «Записок о галльской войне».

Саллюстий (86—35 до н. э.), римский историк.

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.), римский государственный деятель, оратор, писатель.

Тацит Корнелий (ок. 58 — ок. 117), римский историк.

125 Нибур Бартольд (1776—1831), немецкий историк античности, автор «Римской истории» (Т. 1—3).

Ливий Тит (59 до н. э. — 17 н. э.), римский историк, автор «Римской истории от основания города».

126 «Георгики», «Энеида» поэмы Марона Публия Вергилия (70—19 до н. э.).

127 Витт Корнелис де. В 1672 г. подвергнут пыткам по обвинению в республиканском заговоре. 20 августа

1672 г. при подстрекательстве Оранской партии убит толпой в тюрьме.

128 Шевырев Степан Петрович (1806—1864), с 1834 г. профессор русской словесности Московского университета.

129 2—3 апреля 1801 г. эскадра английского вице-адмирала Г. Нельсона (1785—1805), действовавшая против союза северных держав, бомбардировала Копенгаген и превратила город в развалины.

130 Речь идет об учебнике латинской грамматики (1818) немецкого филолога К. Цумпа (1792—1849).

131 Сумароков Измаил Иванович, преподаватель истории и статистики в тамбовской гимназии, советник тамбовского Губернского правления, управляющий Палатой государственных имуществ Пензенской губернии, управляющий Казенной палатой Владимирской губернии.

132 См.: Чичерин Б. Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский Вестник. 1856. № 1. С. 373—396, 579—602.
133 Барант Амабль (1782—1866), французский историк, автор «Истории Бургундских герцогов» (1824—1826).

Тьерри О постен (1795—1856), французский историк, автор «Истории завоевания Англии норманнами» (1825).

Мишле Жюль (1798—1874), французский историк, автор «Краткой истории Франции...» (русский перевод 1838).

Ансильон Фридрих (1767—1837), прусский историк.

Лакретель Жан (1766—1855), французский историк, автор «Истории французской революции» (1801—1806).

134 См.: Sadler P. Cours de Versionsaglaises. Bruxellew. 1841.

135 Востоков Александр Христофорович (1781—1864), филолог, автор «Русской грамматики» (1831).

Кошанский Николай Федорович (1781—1831), профессор русской и латинской словесности в Царскосельском лицее, автор «Общей риторики» (1818).

136 Ленц Эмилий Христианович (1804—1865), физик, автор «Руководства к физике... для русских гимназий» (1839).

137 Вязовой Василий Григорьевич (ок. 1826—1891).

138 Преподаватели химической лаборатории Московского университета: Гейман Родион Григорьевич (1802—1843), адъюнкт, (с 1826) профессор химии, зав. химической лабораторией; Гивартовский Генрих Антонович (1816—1884), (с 1839) репетитор химии, (с 1843) адъюнкт; Шмидт, лаборант химической лаборатории; Ляскоронский Николай Эрастович (1816—1871), адъюнкт химии, зав. аптекарской конторой.

139 Брюллов Карл Павлович (1799—1852), художник.

Путята Дмитрий Васильевич (1806—1889), генерал-адъютант.

140 Дьяконов Михаил Васильевич, художник-портретист.

141 Марк Антоний, вероятно, речь идет об Антонелло де Мессина (ок. 1430—1479), итальянском живописце.

Дюрер Альбрехт (1471—1528), немецкий живописец и график.

Рембрант ван Рейн (1606—1669), голландский живописец.

Бергем Николай (1624—1683), итальянский живописец.

142 Пеликан Венцеслав Венцеславович (1790—1873), ректор Виленского университета (1826—1830). Усилил надзор за подозреваемыми в либерализме студентами и профессорами через октрыто поощряемое доносительство и полицейскую слежку. Это было одной из причин широкого участия польского студенчества в восстании 1830—1831 гг. 1 мая 1831 г. университет был закрыт. В 1830—1840-е гг. Пеликан занимал видные посты в медицинском департаменте Военного министерства.

143 Двоюродные сестры Б. Н. Чичерина, дочери С. Б. Бологовской: Агния, Наталья.

144 Вероятно, жена У. И. Арапова.

145 Трегуляев Предтечев третьеклассный монастырь в 8 верстах от Тамбова.

146 Тьер Адольф (1797—1877), французский государственный деятель, историк.

Публикация А. ШАХАНОВА и Г. ЩЕТИНИНОЙ

Таблица главнейших в Империи происшествий. 1841 г.

Таблица главнейших в Империи происшествий, 1841 г. / Публ. [и вступ. ст.] В. Е. Корнеева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 175—180. — [Т.] IX.

В архиве III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии хранятся «Таблицы главнейших в Империи происшествий» за 1826—1882 гг., еженедельно составлявшиеся для всеподданнейшего доклада на основании донесений губернаторов. Эти оперативные сводки регулярно представлялись Государю для личного ознакомления, о чем свидетельствуют пометки на титульных листах: «Государь Император изволил читать», дата и подпись должностного лица.

До 1844 г. таблицы состояли из двух частей. В первой сведения систематизировались по темам («Пожары», «Грабежи», «Убийства» и т. п.). Вторая часть содержала «выписки из донесений начальников губерний» о происшествиях, не попавших в основную таблицу. Здесь кратко сообщалось о природных бедствиях (наводнениях, землетрясениях, кометах и т. п.), эпидемиях, самоубийствах и других важных событиях губернской жизни. С 1845 г. эти сведения стали включаться в новую графу «Разные происшествия» основной таблицы.

Такие сводки данных составлялись для Государя еженедельно на протяжении полувека и являются достоверным источником, отражающим историю и быт нашего Отечества. Публикуемые таблицы, дающие картину повседневной жизни России лета 1841 г., печатаются по подлинникам, хранящимся в ГАРФ (Ф. 109. Оп. 224. Д. 16).

На документах имеются пометы Л. В. Дубельта, выделенные при публикации курсивом.

ТАБЛИЦА ГЛАВНЕЙШИХ В ИМПЕРИИ ПРОИСШЕСТВИЙ,

составленная из всеподданейших донесений, полученных от начальников губерний с 26-го июля по 2 августа 1841 года

Его Величество изволили читать. 5 августа 1841

г(енерал)-м(айор) Дубельт

Генерал-адъютант граф Бенкендорф

Генерал-майор Дубельт

ВЫПИСКА ПРОИСШЕСТВИЙ, НЕ ПОКАЗАННЫХ В ТАБЛИЦЕ ОНЫХ

с 26-го июля по 2-е августа 1841 г.

Его Величество изволил читать 5 августа 1841

г(енерал)-м(айор) Дубельт

Генерал-адъютант граф Бенкендорф

Генерал-майор Дубельт

Публикация В. Е. КОРНЕЕВА

Письма И. С. Аксакова к Ф. А. Бюлеру

Аксаков И. С. Письмо Бюлеру Ф. А., 26 апреля 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 183—184. — [Т.] IX.

26 апреля 1845 г. Четверг. Москва

Пишу к тебе из Сената, любезнейший друг Бюлер, пишу под влиянием тягостного чувства омерзения и отвращения к

Правительствующему Сенату и ко всему, меня окружающему, особенно к ослу Бестужеву15. Ради Бога, избавь меня из этой помойной ямы! Промысли мне место товарища (председателя) угол(овной) палаты, где бы то ни было, но лучше в Туле, и никак не в Астрахани. Дело в том, что товарищ — лицо самостоятельное, может не писать против своего убеждения, держаться крепко своего мнения, свободен от канцелярских занятий, не имеет начальника...

А здесь в Сенате ждут Шереметева и его ревизии... Впрочем, это подобно вешней грозе, которую Бестужев пугается ежегодно весною...

Чистят везде настольные реестры, расставливают кордонки, и т. п. «У нас в настольных реестрах слишком много белого места, надо исписать, непременно исписать, а то министр подумает, что мы ничего не делаем»... — говорит мне вчера ст(атский) сов(етник) двора его и(мператорского) в(еличества) камергер, состоящий за обер-прокурорским столом Ханыков16, глупое полено. С Фомина понедельника, когда я вступил на службу, после продолжительного отпуска, я нахожусь в самом неприятном положении духа, в самом неблагоприятном для стихов.

Бедный Самарин17, грустно мне видеть его, 26-летнего молодого человека, магистра, с такими достоинствами, с привычками самостоятельности и независимости, под гнетом мертвого, бездушного служебного механизма. Кажется, 15-го он едет обратно в ваш Петербург — скверный город, надо признаться... С ним я пришлю тебе, любезный друг, «Зимнюю дорогу».

Что же ты не присылаешь ко мне ни одного труда своего, ни статьи в «Москвитянин»? Или жизнь чиновничья и петербургская не дает тебе времени ни опомниться, ни уединиться духом? Повторяю мою просьбу. Освободи меня от Сената, употреби к тому все усилия. Извини, что обременяю тебя этим поручением, но к кому же мне обратиться, как не к человеку, который связан со мною взаимною и даже испытанною дружбою?

Если увидишь Топильского18, то скажи ему, чтоб меня не слишком далеко высылали из Москвы. Прощай. На тебя надеюсь.

Твой Ив(ан) Аксаков

Обнимаю тебя.

Аксаков И. С. Письмо Бюлеру Ф. А., 17 апреля 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 183. — [Т.] IX.

17 апреля 1845 г. Вторник. Москва

Христос воскресе, любезнейший друг Бюлер, поздравляю тебя и целую.

Брат привез мне твое пятилистовое письмо, за которое я очень, очень тебе благодарен и на которое буду отвечать на днях. Много в нем интересного и приятного для меня. Назначение меня на прокурорское место — просто комедия. По всему видно, что я этого места не получу, ибо Шереметев совершенно против этого. Признаться, мой пыл прошел, и я не сильно гонюсь за этим местом. Во-первых, я имею твердое намерение, по окончании моего служебного курса, взять отставку и ехать в чужие края. Во-вторых, занятия прокурорские, если заниматься добросовестно, отнимут у меня всякое время для других благородных занятий. Нынешний год мне бы хотелось писать кое-что, а ты сам знаешь, что прошлого года, при служебных астраханских занятиях, я не много сделал. — Поэтому место товарища председателя угол(овной) палаты было бы лучше. К черту самолюбие и тщеславие служебное! Есть побуждения высшие.

Оболенский, приехавший на праздники в Москву, сказал мне, что в Туле открывается место товарища председ(ателя) угол(овной) палаты. Я охотно бы занял эту должность, жил бы вместе с Митей, а на праздники приезжал бы в Москву безо всякого отпуска, близости ради. Потому, любезный друг, если можешь достать мне место товарища председателя в Туле, или вообще тов(арища) председ(ателя) угол(овной) палаты, то одолжил бы меня очень.

Очень охотно позволяю дать копию с мистерии Никитенке12. Скажи ему, что если он боится пропустить мистерию ради дурных последствий для меня, то чтобы не боялся, а пропустил. Мне бы очень хотелось, чтобы он пропустил, я не боюсь дурных последствий. Если, Бюлер, ты можешь заставить ее пропустить каким бы то ни было образом, чрез Никитенко, или Очкина13 (который еще снисходительнее Ник(итенко)), то сделай это для меня!

С Самариным пришлю тебе «Зимнюю дорогу»14 (вспомни только впечатления путешествия в дальнюю Астрахань) и другие, новейшие стихотворения. Прощай, обнимаю тебя. Будь здоров. Желаю тебе успеха, или секрет(арского) места, а не мешало бы нам вместо обещанных наград, дать денежные. Не худо. На днях буду отвечать тебе пространным образом. Кланяйся Блоку. Обнимаю тебя.

Твой Ив(ан) Аксаков

Если пропустишь мистерию, то уведоми, разумеется.

Аксаков И. С. Письмо Бюлеру Ф. А., 28 декабря 1843 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 181—182. — [Т.] IX.

28 декабря 1843 г. Вторник. Москва

Любезный друг Бюлер!

Нынче, заехав случайно в Сенат, по поручению князя Гагарина1, — получил я письмо твое. Очень рад, что буду иметь

Очень рад, что буду иметь

случай сблизиться с тобою еще короче, хотя, мне кажется, мы всегда были приятелями.

Да, брат Бюлер, едем! Я могу ответить тебе на все вопросы.

Князь Гагарин выбрал себе старшими чиновниками двух: кол(лежского) сов(етника) Ник(олая) Мих(айловича) Строева и секретаря 7-го департамента Павленко2; младшими — тебя, барон, меня, Блока3, столоначальников Немченко4 и Яснева5; сверх того двое канцеляристов и курьер. Да, пропустил совсем князя Родиона Оболенского6, двоюродного брата Митьки7, молодого человека, светского, отнюдь не гения, но доброго малого. До получения известия о том, что ты едешь, сделал он мне предложение ехать вместе и я согласился. Князь Гагарин человек очень деятельный и торопливый; он хотел выехать отсюда накануне Рождества, но неполучение денег из М(инистерст)ва финансов его задержало. Впрочем, он дня два проведет в Тамбове у племянницы. Он имеет разные государственные намерения на счет края и потому собирает теперь отовсюду сведения. Я с ним в прекрасных отношениях и видаюсь довольно часто. Был у него сегодня и он говорил, что слышал будто Бюлер должен ему привезти инструкцию. Заехав от него в казённую палату узнал я там, что предписание о выдаче нам денег пришло и деньги будут выданы в середу. Завтра буду с Строевым опять у князя и если что-нибудь будет особенное, то тотчас же тебе сообщу.

Князь поедет, вероятно, 2-го января, а мы с Оболенским 4-го, а потому советую спешить и вам. Во всяком случае вы не застанете князя в Москве, а канцелярии своей он будет дожидаться в Царицыне, оттуда мы поедем ревизовать сначала Черный Яр, потом Енотаевск и после всего этого попадём в Астрахань. Будет интересно. Приезжай в Москву поскорее. Если не застанешь меня в Москве, так настигнешь на дороге, ибо Оболенский также намерен провести сутки в Тамбове у своей сестры (вышеозначенной племянницы князя Гагарина). Есть кое-что порассказать и о чем перетолковать. Заверни к Жадовскому, поздравь его от меня с тем, что отец его получил Андреевскую ленту, и возьми от него для меня записку о каспийских рыбных промыслах. Скажи ему, что бумагу я купил и пришлю с Юшкой.

Пожалуйста, подбери все, что знаешь любопытного об Астрахани. Кланяйся товарищам; до свидания

Твой Ив(ан) Аксаков

P. S. Распорядились ли вы о высылке вам в Астрахань жалованья ежемесячно?

Аксаков И. С. О тюлене, май 1844 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 190—191. — [Т.] IX.

О ТЮЛЕНЕ

1844 г. Мая

Посв(ящается) барону Бюлеру

Тюлень водится в море трех родов собственно: весенний (сиварь), осенний и зимний, т. е. беленький. Последний весит от 3-х до 10 фунтов; весенний фунтов 20; осенний же пуд, иногда два и больше.

Тюлень разводится на льду, и более в северо-восточной части Моря, в эмбенских водах на 5-ти сажен(ной) глубине. Но бой зимнего тюленя в эмбенских водах запрещен.

Весь добываемый тюлень обложен акцизом, по рублю (30 коп(еек) сер(ебром)) с пуда, — как тюлень добываемый вольными ловцами, получающими на то билеты из Экспедиции28, так

Тюлень добываемый вольными ловцами, получающими на то билеты из Экспедиции28, так владельцами и их подрядными ловцами; бьющими тюленя без билета Экспедиции, ибо предполагается, что они бьют его в своих водах.

Как те, так и другие о побитом количестве обязаны объявлять при провозе на заставах и объявления эти о числе штук передаются в Экспедицию.

Закон не обязывает поверять показание тюленобойцев с действительным числом штук! Следовательно можно провезти вдвое больше показанного.

Когда хозяин намерен будет сбыть тюлень во внутренние губернии и будет нагружать суда, тогда должен просить о перевеске, для чего Экспедиция и наряжает одного из смотрителей. Иногда же перевеска совершается и прежде. Пошлина вносится тогда, когда тюлень этот будет складываем на суда; т. е. закон не требует, чтоб пошлина взносилась ранее. Пошлину первый хозяин может передать покупщику, который, часто, скупая тюленя разом у многих лиц, — отправляет во внутренние губернии и перед отправкою взносит пошлины за тюлень, обозначая, у кого именно какое количество куплено, для соответственной отметки в книге.

Из постановления о пошлинах выходит:

1) Что тюлень имеет право оставаться неоплаченным до тех пор, пока никто его не купит и не отправит вверх по Волге.

2) Что тюлень, значащийся в книге неоплаченным пошлиною, — непременно должен лежать на месте, не может быть вывезен, переделан и т. п.

3) Что если тюлень вывезен, так хозяин его стало взнес пошлины и получил от Экспедиции свидетельство на свободный

провоз.

Вот какие правила существуют насчет тюленя, но вот какие злоупотребления встречаются на каждом шагу и свидетельствуют о недостаточности этих правил.

В книге Экспедиции недоимочного тюленя по 1 января 1844 года 209 тысяч штук с 1835, с 1837, 1838 и т. д. Хотя закон и дает лазейку, что тюлень может оставаться неоплаченным, покуда не сбыт во внутренние губернии, — но тюлень, лежащий 9 лет, — не годится, верно, ни к черту. Многие лица показали, что пошлины за этот тюлень заплачены, и он давно сбыт, или перетоплен, или обращен в пушной товар, или отправился с огромным количеством тюленя патентованного, скромно и незаметно. Пошлины, по простоте сердечной и по глупости, подавали они не при прошении, а отдавали смотрителю, секретарю или столоначальнику, иногда под росписку, иногда без росписи. Поэтому при действиях общих комиссии29, барон будет стараться делать следующее:

1) Недоимочный тюлень частию перевешен, частию нет. Поэтому надо непременно не перевешанный — счесть и перевесить: тогда откроется — правильно ли показали хозяева при заставах и в Экспедиции число штук тюленя и можно будет составить себе приблизительное понятие о настоящем количестве добываемого тюленя. Если же тюлень перевешен, так новою перевескою откроется правильно ли весил и считал господин смотритель.

2) Весьма вероятно, что большей части тюленя вы не найдете, особенно старого улова. Тогда отберите от хозяев показания, как, когда, почему уехал этот тюлень. Сошлется он, что пошлины должен был внесть покупщик, спросите покупщика, внес ли он, имеет ли свидетельство; если у них какие росписки имеются, не совсем законные, так отобрать.

3) Спрашивать всех промышленников, долго ли, по их мнению, может храниться в ларях тюлень,

соленыи и несоленыи. Это очень нужно для составления нового проекта и для установления срока ожидания взноса пошлины.

4) Спрашивать, где водится тюлень, где разводится, где добывается. Это опять очень нужно. Зимний бой тюленя в эмб(енских) водах запрещен, а тюлень разводится только на 5 саженной глубине моря, на льду. Владельцы прибрежных вод, в виду которых тюлень не имеет обыкновения показывать носа, бьют тюленя беленького штук до 90 и 100 тысяч, показывая, что бьют на своих промыслах. Так и Сапожников30. У них добывается всего больше тюленя. Любопытно будет сравнить объявленное количество с наличным.

Вот главные грубо набросанные черты тюленьего вопроса. Местные обстоятельства и новые практические сведения доставят баронскому уму нужные материалы и поводы к исследованию тюленьего вопроса.

Ив(ан) Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Бюлеру Ф. А., 6 августа 1845 г. Абрамцево // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 188—189. — [Т.] IX.

6 августа 1845 г. Абрамцево

Нынче привезли мне письмо твое, любезный друг Бюлер, и я спешу отвечать тебе.

Признаюсь, я готовился разразиться грозным посланием, упрекнуть тебя в том, что ты для света, которого ничто не может

быть глупее в сем мире, забываешь коренных друзей и приятелей... Но ты слагаешь вину на сенатскую работу, и я не только принимаю твое оправдание, но* вполне сожалею о тебе, ибо подлее служебных занятий в России ничего быть не может.

Магистра Самарина я не видал еще, но завтра буду в Москве (от которой я живу в 50 верстах, пользуясь 2-х месячным

отпуском) и постараюсь увидаться с ним, если он не в деревне...

Нынче же привезли мне из Москвы неприятное известие о перемене моей судьбы. Я назначен окончательно, указом Сената, товарищем предсе(дателя) угол(овной) пал(аты) в Калугу! Чтоб черт их всех побрал! Писал я им, что не хочу в Калугу, нет, ничего не взяли в толк! Кажется ты знаешь, почему мне не хотелось в Калугу?.. Город многолюдный, богатый губернским bean-monde, которого притязания самые несносные, — я там не знаю ни души, и устраиваться, и обзаводиться, и жить совершенно одному скучно. То ли дело, если б я стал жить вместе с Митей Оболенским в Туле, где нет никакого общества!

В Калугу отправляюсь я в самых первых числах сентября. Разумеется, ты получишь от меня подробное описание калужских нравов и обычаев, пожалуй, даже параллельное сравнение с Астраханью... Кстати об Астрахани. Видел ли ты Матюшку, сиречь Матвеева? Он был в Петербурге, я его видел в Москве, когда он еще собирался к вам и горел желанием видеть и барона Федора Андреевича и Льва Александровича. Великая дрянь этот Матюшка! Даже немного скотина, как я убедился из некоторых разговоров с ним, впрочем я мало с ним виделся.

Пожалуйста, Бюлер, пиши ко мне почаще, я имею дерзость думать, что это будет тебе полезное развлечение от скуки служебной и светской суеты... Напиши мне подробно мнение твое о «Зимней дороге»... Я начал было писать поэму — «Марию Египетскую», написал введение и первую главу, но летом решительно ничего не делал, а находился в непосредственном наслаждении природою, и все удил рыбу: я большой охотник ловить рыбу на удочку.

Странно, что Юрий Федорович не отвечает брату на письмо его, в котором он извещает о намерении нашем издать альманах, в котором я предполагаю поместить «Зимнюю дорогу»22, но не знаю, отдавал ли ее Самарин в цензуру или нет... Лучше ли быть секретарем, чем помощником?...

Прощай, любезный друг Бюлер, обнимаю тебя, будь здоров, не слишком убивай себя и свою душу служебными занятиями и светскими развлечениями. Вот совет искреннего твоего приятеля. Блоку кланяйся и Самарину тоже. Бахметева я почти не знаю. Вероятно, он светский человек, которому ни до каких вопросов нет, кроме собственных удовольствий?
Прощай, не забывай меня и пиши почаще.

Твой Ив(ан) Аксаков

Если хочешь писать ко мне до сентября м(еся)ца, то пиши в Московский почтамт его высокоблагородию Антону Францевичу Томашевскому, для передачи И. С. Аксакову; а после сентября прямо в Калугу.

Аксаков И. С. Письмо Бюлеру Ф. А., 31 мая 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 186—188. — [Т.] IX.

31 мая 1845 г. Семик. Москва

Славный ты человек, Бюлер, особенно когда поддаешься первому впечатлению! Вот, что подумал я, любезный друг, получив

от тебя твое последнее письмо от 24 мая. Но я должен дать ответ тебе на предыдущее письмо, описать тебе свое свидание с Топильским и рассказать свои дальнейшие действия.

Я писал в Петербург к Топильскому следующее: «М(илостивый) г(осударь) Мих(аил) Ив(анович)! Извините, что не имея чести быть лично знакомым с Вами, обращаюсь к Вам с просьбою: знаю, что дела у Вас много, но и просьба моя, как мне кажется, из таких, которые Вам легко будет уважить и исполнить, если только Вы захотите принять участие в моем положении. Дело вот в чем: (здесь вкратце описываю свою службу, разумеется, безо всяких себе похвал). Далее: «Теперь я имею не только сильное желание, но и надобность уступить счастие служить в Сенате и под начальством его пр(евосходительст)ва А. В. Бестужева другим. Знаю, что князь П. П. Г(агарин) ходатайствовал о прок(урорской) для меня должности. Но* должность эта действительно требует таких знаний и опытности, какими я не имею права похвалиться, да и молодость моя навлекла бы мне тысячи неприятностей и врагов. А потому я желал бы скорее получить место тов(арища) пр(едседателя) уг(оловной) п(алаты), и если можно в Туле. Не захотите ли Вы мне в этом содействовать и не доложите ли об этом графу? Если нельзя в Туле, то, по крайней мере, в одной из соседственных с Москвою губерний. Право, Вы сделаете доброе дело, освободив меня от Сената, и пр.» Вот в чем состояло мое письмо. Не правда ли, что тон его не роняет нисколько моего достоинства, даже несколько резок? Я думал, что он не понравится петербургскому чиновнику Топильскому. Письмо это, впрочем, показывает вовсе не приличную мне ветренность, в которой я потом очень раскаивался: я не подумал, что это письмо несколько компрометирует князя с его хлопотами. С другой стороны, я не могу без ужаса думать, что без этого письма я был бы, может быть, послан куда-нибудь в Вятку, в Херсон и т. п. и облечен собачьею должностью — тогда, когда во мне нет теперь ни тени того чиновника, которого ты зрел в Астрахани! Согласись, что это ужасно!

Получив твое письмо, я немедленно справился, приехал ли Топильский? Нет еще. На другой день послал также проверить и получил ответ, что приехал и просит пожаловать в 7 часов вечера.

Для того, чтоб не очень польстить Топильскому, я отправился к нему в сюртуке и с огромной

палкой (знаешь, Никольского, которую я выменял на «Москвитянин» 1844 года). Увидав его морду, я чуть не упал в обморок! Какая пакость! Вот тип чиновника! Топильский, кланяясь, подходит ко мне, жмет руку, и однотонным голосом говорит: «Благодарю Вас, Вы доставили мне такую высокую минуту наслаждения, какую редко испытываешь на службе». Батюшки светы! Это что такое! Вот уж повинен в душе, а если и было так, то грех невольный!

Мы сели. Топильский продолжал: «Министр приказал Вам изъявить Вам свою искреннейшую признательность и уверить, что высокий поступок Ваш будет вечно храниться в его памяти».

Я был сначала ошеломлен, потом уже объяснил себе, что они восхищаются моею скромностью (?!!), моим «высоким взглядом на службу», не позволяющим мне принять такой высокой обязанности. В самом деле, как иначе могут эти чернильные души объяснить себе отказ от почетного и выгодного места, в эти лета, и требование другого, низшего!

Да черта с два, думал я про себя, я вам дам знать высокий взгляд на службу, как выйду в отставку, да напечатаю «Чиновника», собаки!

Министр приказал меня уверить, что я непременно получу место тов(арища) пр(едседателя) в Туле, где впрочем еще не открылось официальной вакансии, а мне частным образом известно, что должна открыться в скором времени.

Я просил Топильского, нельзя ли дескать меня причислить покуда к Департаменту20. Он посоветовал взять лучше отпуск, чтоб ехать в деревню, и говорит, что не откажут, несмотря на то, что я уже брал отпуск зимой. А потому я, после долгих прений, неприятностей и даже взаимных ругательств с Бестужевым, заставил его отправить к министру мою просьбу об отпуске на два месяца, по причине сильного геморроя и грыжи (что действительно правда: мне приказано пить минер(альные) воды и употреблять, как можно чаще, холодное купание в реке), вместе с формальным свидетельством о болезни. Рапорт отправлен 30 мая, № 580.

Еще одну, последнюю услугу, Бюлер! Понудь Министерство, чтоб мне скорее прислали этот отпуск. Кажется, Пинский21 управляет теперь Департаментом: можешь и ему сказать, он* меня знает коротко и все согласится сделать. А если я получу отпуск, то уеду в нашу чудесную деревню, в 50 верстах от Москвы, на реке Воре по Троицкой дороге. Боже, какое блаженство! Лето провести в деревне, без службы! Без невольного трепета радости и думать не могу об этом! Как плодотворно было бы для меня это лето, я чувствую. Там бы я стал писать! Ах, Бюлер, Бюлер, уезжай в деревню на лето, бери отпуск, отведи душу, спаси ее от губительного влияния условной жизни созерцанием вечно изящной, непреложной красоты природы! Не даром будут эти ощущения, хотя бы ты и ничего не сделал! А я уверен, что ты бы стал делать, и это дело лучше было бы, верно, всех других. Выхлопочи мне отпуск!..

Я теперь пишу целую поэму «Марию Египетскую». Не думай, чтоб это было сухо. Я думаю, ты будешь доволен. Но у меня идет очень медленно, ибо служба мешает целостному расположению духа.

Благодарен тебе за все твои письма. Все они мне совершенно нравились, и я всегда сочувствовал им, и Командорской статуе, и т. п. Не люблю я только, когда ты говоришь о себе, как о светском человеке, и о своей «страсти к женщинам».

Прощай, обнимаю тебя крепко, будь здоров, поклонись Блоку. К Вам едет Матюшка.

Итак, не забудь моего «отпуска!»

Твой друг Ив(ан) Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Бюлеру Ф. А., 21 мая 1845 г. Москва // Российский Архив: История

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 185—186. — [Т.] IX.

21 мая 1845 г. Понедельник. Москва

Я получил письмо твое, любезный друг Бюлер, и спешу отвечать тебе. Странное дело выходит в Петербурге! Хотят меня

заставить принять честь против моего желания, хотят уверить меня, что я этого хочу и не принимают в расчет моих слов! Когда я был в Астрахани, то под влиянием еще пошлой и бесплодной служебной деятельности, я действительно проявлял желание быть прокурором. Но потом, когда прошло почти полгода, я одумался, протер глаза, вспомнил участь своего же «Чиновника»; обстоятельства переменились. Чем дальше в жизнь, тем яснее становятся нам наши собственные стремления, тем определеннее становится характер, тем явственнее значение жизни. И я слышу в себе иное призвание, если не к поэзии и литературе, то к другим занятиям. Сверх того, мои политические мнения получили другое направление, которому я всегда впрочем сочувствовал. И я не хочу принадлежать правительству, т. е. тому, от чего терпит Россия. Благородный чиновник, подлый чиновник, все равно, все чиновник, все жертва системы, ложной и гибельной, против которой надо вооружаться, которую надо вырвать с корнем, а не поддерживать. Я убежден, что в службе нельзя принести общей пользы. Зачем же буду губить на этом поприще лучшие годы моей жизни? Годы, из которых можно было бы извлечь другие плоды. И потому мое твердое намерение оставить службу в будущем 1846 году, когда мне минет 4 года службы, и ехать за границу. Потом, если я вступлю в службу, так для видимости, с условием не быть заваленным работою... Впрочем, о значении службы в письме на почте распространяться трудно: я и так уже переступил меру.

Что касается до прокурорства, то вот еще особенные причины, заставляющие меня не желать этого места:

1) Дьявольская работа, которая отнимет у меня все время. Этот год будет потерян в моей жизни, а разве это шутка! Быть может, он убьет во мне много хорошего, помешает развитию многого...

2) Моя молодость и неопытность. Я не могу сказать, чтоб я вполне надеялся на свое знание дела и службы, а мое назначение навлекло бы мне тысячи врагов, которые всячески старались бы повредить мне, подставить мне ногу. Чтоб не упасть в грязь лицом, мне пришлось бы надорваться...

3) Первое условие мое, чтобы всякий мой протест, от которого зависело бы мое положение в губернии, мои отношения к губернатору, чтобы всякий протест мой против губернатора был уважен: в противном случае мне следовало бы выйти в отставку, а разве я могу это сделать? Какое же фальшивое положение! Панин и Шереметев меня не поддержат, и я останусь в дураках.

4) Моя молодость навлечет мне множество неприятностей.

5) Мое намерение — через год оставить службу, но не потерять этого года, а провести его с пользой для себя, многим позаняться, многое почитать, многое сделать. Всего этого я могу достигнуть, сделавшись тов(арищем) пр(едседателя) уг(оловной) пал(аты). Дела мало, уединенная жизнь в губернии, всего этого желал бы я, освобождаясь притом от мерзостного Сената! Итак, прошу верить мне, когда я говорю, что не хочу прокурорства, и тот, кто будет хлопотать о доставлении мне этой должности, сделает мне большое зло, огорчит меня донельзя! Вы в Петербурге уже не можете себе и вообразить, что можно не иметь чиновного честолюбия! Я в высшей степени взбешен запиской, поданной князем П(авлом) П(авловичем) принцу19 (зачем ты пишешь все е(го) в(высочест)во? К чему это! Просто принц, да и дело с концом). В этой записке князь говорит, что мой навык к службе и пр. «усилили в Аксакове желание быть более на виду своего начальства»! Как, черта с три! Отрекаюсь от князя и всех, кто мог это про меня подумать!

своего начальства? Как, черта с три! Отрекаюсь от князя и всех, кто мог это при меня подумать. Это, по моим понятиям, равняется названию подловатого человека. Да черт ли мне во всяком начальстве!

Я готов плюнуть в рожу начальству, а не желал быть на виду! Стыд, позор и срам! Как тебе не стыдно, неужели ты этого не чувствуешь? Или Петербург и камер-юнкерство (с которым тебя поздравляю, причем не могу воздержаться от сожаления, что ты стал придворный) наложили уже на тебя свою печать. Берегись! Мой вольный московский дух ненавидит петербургских начал, и я боюсь, боюсь за тебя. Сгибнешь ты, пожалуй, в поганом городе, сделаешься честолюбивым чиновником, придворным, и будешь вместе с правительством угнетать Москву и Россию. Прошу передать князю мнение мое о его записке и мое решительное намерение не быть прокурором. Пусть князь только не продолжает своих настояний и ходатайств, а я уже с своей стороны хлопочу о товариществе. Мне было досадно, что этим я как будто бы компрометирую князя, мне было совестно, но теперь, после такой записки, я готов торжественно отречься ото всего и сказать, что я не хочу места, о котором ходатайствует для меня князь в таких выражениях!

Прощай, любезный барон, обнимаю тебя крепко. Извини, что пишу к тебе немного резко, зато откровенно. Впрочем это письмо посылать не благоразумно по почте, но я пошлю. Если можешь и не соскучился моими письмами, то сделай для меня то, что я хочу, объясни все князю, чтобы он не изволил меня обвинять в чем. Прощай, поздравля(ю) Блока. Я теперь так всем этим расстроен, что о другом писать не в состоянии. Жду ответа.

Твой Ив(ан) Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Бюлеру Ф. А., 12 мая 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 184. — [Т.] IX.

12 мая 1845 г. Суббота. Москва

Где ты, милый, что с тобою? На два моих письма, очень для меня важных, не получил ответа. Что с тобой, Бюлер? Уж не уехал ли ты в Остзею. Право, грешно. Ты не знаешь, как я страдаю в Сенате, хоть от одного лицезрения Бестужева. Ну вообрази, каково было бы тебе или мне служить под начальством Павленки? Ну, а Бестужев хуже его. Нельзя ли тебе попросить о том кн(язя) Павла Павловича? Он обязан для меня хоть что-нибудь сделать. Чин, им мне доставленный, вовсе не награда, я бы получил его, сидя на месте; разуверь его в том! Старшинства он мне также никакого не дает. Вам всем только чин объявляется позже, а старшинство считается со дня выпуска.

Самарин в середу едет обратно в ваш поганый город. У него ты можешь, если хочешь, попросить прочесть «Зимнюю дорогу», но только под секретом.

Проклятая сенатская служба лишает меня всякой способности о чем-нибудь думать или писать! Черт знает что такое!

Вместе с этою почтою отправляю письмо к Топильскому, только боюсь, чтобы оно не разъехалось с ним, ведь, говорят, он собирается в Москву.

Прощай, любезный друг, обнимаю тебя крепко, пришли статью в «Москвитянин», будь здоров. Извини, что не пишу больше, я совершенно de mauvaise humeur!*

Твой Ив(ан) Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Бюлеру Ф. А., 6 марта 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 182. — [Т.] IX.

6 марта 1845 г. Москва

Очень, очень благодарен тебе, любезный друг Бюлер, за твои письма и за исполнение моего поручения. Эта радушная готовность, эта взаимная наша уверенность в надежности друг друга, — все это было мне очень приятно. Досадно, что не пропустили мистерию8. Я хотел дебютировать ею потому, что она должна, мне кажется, возбудить внимание: содержание взято из жизни столь обыкновенной и проникнуто однако ж воззрением не пошлым. Кроме того, мне бы хотелось немножко насолить Шереметеву9 и Панину10, дать от себя протест против той бессмысленной деятельности, несогласной с моими убеждениями, деятельности, к которой я, к сожалению, прикован, но от которой желал бы оторваться. Если б я имел хоть несколько независимое состояние, я бы оставил службу и предался бы тому, к чему сознаю в себе истинное влечение, — к науке, к искусству, к литературе... Но, может быть, ты, мой милый петербургер (petersburger), вращаясь в гнилом водовороте петербургской жизни, не поймешь меня, или, лучше сказать, удивишься немало такому расположению духа? Ты видел меня всегда таким ревностным чиновником! Да, это правда, согласно своему характеру, я горячо и добросовестно тяну гуж, за который взялся, но вечно быть в этой колее, убийственной для духа, — для меня невозможно. А потому я взял отпуск и еду (именно завтра) в деревню нашу (в 50 верстах от Москвы)11, совершенно один, чтобы там воспитываться душевно в трезвости уединения (как говорит Гоголь), сознаться, заниматься, работать, писать. Да, в голове у меня много стихов впереди: дай Бог, чтоб они написались. Надо сказать правду, что мы в нашем Училище

... учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь!

Недостаточность фактического образования, малый запас сведений, принятых наукообразно (нрзб.) ощутительны мне теперь на каждом шагу, особенно потому, что я живу теперь в обществе людей образованных и умных.

Итак, я еду в деревню. Ворочусь в Москву на Страстной, а, может быть, приеду послушать Виардо. Что бы тебе прислать статью в «Москвитянин»? Пришли ко мне и она будет помещена. Пожалуйста, пришли.

Аксаков И. С. Письмо Бюлеру Ф. А., 12 мая 1847 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 189—190. — [Т.] IX.

1847 года, 12 мая. Москва

Здравствуй, любезнейший друг Бюлер, давно мы с тобой не видались и не разговаривали! Ты хоть и жалуешься на службу, нопровел однако время не бесплодно, выполнил труд, одним словом, сделал дело. Я говорю о твоих мундюках. Про себя не могу сказать того же. Кроме стихов решительно ничего путного не сделал. А потому, воротившись теперь из Калуги и поселяясь в Москве, хочу приняться решительно за работу и труд, отказавшись на время, а может быть и совсем от стихотворных претензий! Что делать!

По твоему образчику не могу судить о достоинстве всех твоих «Степных писем».25 Письма эти должны иметь предметом собственно описание любопытного Астраханского края, а образчик твой говорит только о Пивате,26 Араповой,27 польке, шампанском и других вещах, нисколько для публики неинтересных, но для меня, конечно, более или менее занимательных, а потому и благодарю тебя за намерение посвятить эти письма мне. Только под стихами, пожалуйста, не выставляй моего имени.

Что касается до «Зимней дороги», то полный экземпляр можешь найти у Дмитрия Оболенского. Сделай милость, продолжай

извещать меня о твоих занятиях, планах и намерениях.

Прощай, будь здоров, обнимаю тебя. Спешу ехать с визитами, в Москве я еще недавно и не всех еще объехал.

Твой Ив(ан) Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Бюлеру Ф. А., 10 сентября 1845 г. Калуга // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Рос. Архив, 1999. — С. 189. — [Т.] IX.

10 сентября 1845 г. Понедельник. Калуга

Всего трое суток, что я в Калуге, любезный друг Бюлер. Письмо твое получил накануне отъезда, и потому не мог отвечать ранее. Теперь, хотя я еще не могу ничего сказать тебе о Калуге, но спешу ответить тебе на твои вопросы.

«Современник» — единственный журнал в Петербурге, в котором еще можно порядочному человеку печатать, но скажи Плетневу23, что я уже обещал «Зимнюю дорогу» в московский альманах и что я никак не согласен разрывать ее на отрывки. Нет, или все печатать, или ничего. Когда я говорю все, это не значит, чтоб я не дозволил вместо слов о наборе поставить несколько точек, но не больше. Лучше пусть твои приятели заставят цензуру пропустить ее. Никитенко великий подлец. Он такие вещи пропускает «Отечественным запискам», которые в тысячу раз важнее невинной «Зимней дороги», а не пропускает сочинений московских!

Я покуда ничего не пишу и писать не способен. Хлопоты отправления, приезда, устройства, делание новых знакомств, новая служба, новые дураки — все это мешает еще заниматься и уединяться духом. Куда к черту! Но у меня в перспективе целый ряд длинных, долгих, уединенных зимних вечеров, и дай Бог, дай Бог, чтоб они не остались бесплодны, ради тех высоких наслаждений, которые доставляет мне поэтическая работа.

Губернатор Смирнов24 сказал мне, что sa femme arrive dans six semaines*, правда ли это? Почтенные люди города Калуги отзываются об нем, как о человеке «благонамеренном». Он действительно лезет из кожи, и очень благонамерен. Бывши у меня в гостинице с визитом, он сказал мне, что гостиницы не довольно хороши, и что il fadra tacher d'introduire un grand changement** также и по этому предмету. Избавить путников от клопов и блох, без шуток, благое намерение.

Прощай, обживусь, напишу тебе все подробно.

Твой Ив(ан) Аксаков

Сноски к стр. 189

* его жена приезжает через шесть недель. (Пер. с фр.)

** следует постараться сделать больше изменение. (Пер. с фр.)

Бухерт В. Г. Примечания: Письма И. С. Аксакова к Ф. А. Бюлеру // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 191—192. — [Т.] IX.

1 Гагарин Павел Павлович (1789—1872), князь, государственный деятель, сенатор. В 1844 г. возглавлял комиссию по

ревизии Астраханской губернии.

2 Павленко-Данченко Михаил Алексеевич.

3 Блок Лев Александрович (1823—1883), тайный советник, юрист, дед А. А. Блока.

4 Немченко Петр Иванович.

5 Яснев Болеслав Васильевич.

6 Оболенский Родион (Иродион) Андреевич (1820—1891), князь племянник П. П. Гагарина.

7 Оболенский Дмитрий Александрович (1822—1881), один из ближайших сотрудников Вел. Кн. Константина Николаевича, двоюродный брат Ю. Ф. Самарина.

8 Имеется в виду поэма «Жизнь чиновника» (1843).

9 Шереметев Василий Александрович (1795—1862), граф, товарищ министра юстиции (1843—1847).

10 Панин Виктор Никитич (1801—1874), граф, министр юстиции (1841—1862).

11 Абрамцево, имение Аксаковых.

12 Никитенко Александр Васильевич (1805—1877), в 1833—1848 г. был цензором.

13 Очкин Ампилий Николаевич (1791—1865), редактор «Санкт-Петербургских Ведомостей» (1838—1863).

14 Поэма Аксакова (1845).

15 Бестужев Андрей Васильевич, обер-прокурор 6 департамента Сената.

16 Ханыков Николай Яковлевич.

17 Самарин Юрий Федорович (1819—1876), философ, публицист, общественный деятель.

18 Топильский Михаил Иванович (1809—1873), правитель канцелярии министра юстиции.

19 Очевидно, принц Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881), главноуправляющий 4 отделением Собственной Его Императорского Величиства канцелярии, член Государственного Совета.

20 Департамент Министра юстиции.

21 Карниолин-Пинский Матвей Михайлович (1796 или 1800—1866) с 1845 г. директор Департамента Министерства юстиции.

22 Имеется в виду «Московский литературный и учебный сборник», в котором в 1847 г. была опубликована поэма «Зимняя дорога».

23 Плетнев Петр Александрович (1792—1865), редактор «Современника» (1838—1846).

24 Смирнов Николай Михайлович (1807 или 1808—1870), калужский губернатор (1845—1851).

25 Посвященная Аксакову статья «Степные письма», описывающая путешествие Бюлера из Москвы в Астрахань в январе — феврале 1844 г., была написана в 1847 г. и предназначалась для

издаваемого А. П. Башуцким журнала «Иллюстрация», но не увидела свет в связи с прекращением издания журнала.

26 Пивато, итальянец, содержатель гостиницы в Тамбове.

27 Жена тамбовского губернского предводителя дворянства У. И. Арапова.

28 Экспедиция рыбного и тюленьего промыслов.

29 Имеется в виду комиссия, занимавшаяся перевеской тюленя для выявления неоплаченного пошлиной. В состав комиссии входил и Бюлер.

30 Астраханский рыбопромышленник.

Публикация В. Г. БУХЕРТА

Бухерт В. Г. Письма И. С. Аксакова к Ф. А. Бюлеру // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 181. — [Т.] IX.

Одним из друзей юности Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1886) был барон Федор Андреевич Бюлер (1821—1896). Познакомились они еще в Училище правоведения, а сблизились в 1844 г., когда как подчиненные князя П. П. Гагарина приняли участие в ревизии Астраханской губернии. Министр юстиции поручил Бюлеру составить «подробный очерк о калмыках в географическом и этнографическом отношениях». Аксаков писал о своем друге: «Надо признаться, что занятий по службе у него очень мало, почти нет вовсе, и он занимается собиранием сведений и составлением статистики собственно для себя». В целом же мнение Аксакова о Бюлере было таково: «Он человек умный и способный», хотя не осталось без внимания и присущее барону тщеславие*.

Аксаков посвятил Бюлеру два шутливых стихотворения («Утешение» и «Приглашение»)**, написанные в том же 1844 году.

В оценке личности Бюлера Аксаков оказался точен. Став усердным чиновником и заслужив от А. И. Герцена прозвище «цензурного зуава»***, Бюлер сохранил интерес к науке и дружеское расположение к Аксакову. Являясь членом Главного управления цензуры от Министерства иностранных дел, Бюлер в январе 1859 г. выступил против закрытия издаваемой Аксаковым газеты «Парус» и лишь давление министра иностранных дел князя А. М. Горчакова заставило Бюлера отказаться официально отстаивать свое «особое мнение» в отношении «Паруса»****.

В 1873—1896 гг. Бюлер возглавлял Московский главный архив Министерства иностранных дел, который под его руководством переживал едва ли не лучшие времена в своей истории.

Автографы писем Аксакова хранятся в РГАДА (Ф. 186. «Бюлер Ф. А.» Оп. 1. Д. 638. Л. 1—18 об.; Оп. 2. Д. 559—566. Л. 1 об.). В этом же фонде хранится «Записка о тюлене» (Ф. 186. Оп. 1. Д. 193. Л. 1—4 об. Автограф), написанная Аксаковым для Бюлера. При публикации подчеркнутые автором слова выделены курсивом.

К. С. Сербинович о Н. М. Карамзине

Сербинович К. С. К. С. Сербинович о Н. М. Карамзине / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Б.Д. Гальпериной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 193—202. — [Т.] IX.

Литература, посвященная Николаю Михайловичу Карамзину, огромна. Тем не менее черновые

заметки К. С. Сербиновича, секретаря историка, наблюдавшего за его работой, бытом, общением с друзьями; представляют значительный интерес.

Константин Степанович Сербинович (1796—1874) родился в г. Вильно. В 1818 г. приехал в Петербург и поступил в Коллегию иностранных дел. Впоследствии Сербинович служил в Департаменте духовных дел, был цензором (в том числе и изданий Дельвига и Пушкина), редактором «Журнала Министерства народного просвещения», директором канцелярии обер-прокурора Синода, членом Комиссии по изданию бумаг Археографической экспедиции. Он стал тайным советником, кавалером орденов Александра Невского, Владимира 2-й степени и др.

Блестяще образованный, владевший многими иностранными языками чиновник был зосторженным поклонником и помощником Карамзина. Они познакомились в год приезда Сербиновича в Петербург и до самой смерти историка были тесно связаны. Автор мемуаров, часто бывал в доме Карамзина, выполнял его поручения: переводил с польского, итальянского и других языков, делал выписки из книг, газет, журналов, отправлял подписчикам тома Истории Государства Российского» и т. д.

Все это время Сербинович вел подробные дневниковые записи, на основе которых написаны его известные «Воспоминания о Н. М. Карамзине». Подготовленная к печати рукопись не была издана при жизни автора. Его вдова передала ее в редакцию журнала «Русская Старина», где мемуары опубликовали в 1874 г.*

Предлагаемые читателям мемуарные наброски К. С. Сербиновича никогда не печатались, текст их (за исключением одной фразы) не совпадает с опубликованными воспоминаниями. Рукопись хранится в РГИА (Ф. 1161. Оп. 1. Д. 162. Л. 1—22 об.).

ВОСПОМИНАНИЯ К. С. СЕРБИНОВИЧА О Н(ИКОЛАЕ) М(ИХАЙЛОВИЧЕ) КАРАМЗИНЕ

(Черновые заметки)

О механизме работы, как Н(иколай) М(ихайлович) вел ее.

О способе приготовления Н(иколая) М(ихайловича) к исторической работе можно составить себе понятие из собственных его

слов в записной книжке (под 12 числом июня 1798 г.), когда мысли его стали уже особенно склоняться к этому предмету: «Если Провидение пощадит меня; если не случится того, что для меня ужаснее смерти... займусь Историею. Начну с Джиллиса; после буду читать Фергусона, Гибсона, Робертсона1 — читать со вниманием и делать выписки; а там примусь за авторов, особливо за Плутарха».

Мог он после и переменить план: но уже видно, что он сначала занимался чтением тех писателей, которые лучше прочих могли ему служить образцами.

Как перечитывал свидетельства, отличая главные черты и пр.

То же было и с материалами для Отечественной истории. — Прежде читал он все то, что могло служить основанием историческому описанию древнейших времен России. В записных книжках его есть и указания на читанные им материалы. Это можно видеть из выписок в конце I тома переписки Карамзина.

В 5м издании Истории Государства Российского, в прибавлениях, помещен составленный им перечень содержания книг и рукописей, которые служили ему материалами при сочинении последних томов, особенно XII тома. Тут видно, как он читал каждую, выбирая из нее все относящееся к предмету, который намеревался описывать, и не забывая отмечать самые листы

рукописей или страницы книг. В самых рукописях и книгах, читанных им, эти места очеркнуты на полях карандашом или даже чернилами.

Н. М. Карамзин. 1818 г.

Нельзя здесь не прибавить, что эти следы чтения первого из русских историков придают теперь каждой книге и рукописи особенную цену.

Тотчас ли писал по прочтении и велики ли были эти участки и пр.

На это нельзя дать ответа: можно только сказать, что они были неодинаковы.

Писал ли набрасывая или сразу?

В уцелевших черновых листах Истории можно видеть, как иное было у него набрасываемо на бумагу прежде надлежащего изложения. Но иногда он принимался прямо за самое изложение, которое нередко после уступало место новому изложению. Черновые листы Истории в первоначальном их виде подвергались большим переделкам или перемеркам; целые строки бывали перечеркиваемы и заменяемы новыми строками; даже случалось видеть, что и между этих строк вставлены были другие слова и выражения вместо зачеркнутых, в такой степени, что только глаз, привычный к его почерку, может надлежащим образом разобрать и прочесть все. А между тем он никогда не упускал означать в строках меж скобками название сокращенное источника с указанием страниц. Все такие места непременно требовали собственноручной его переписки; затем являлись и перебеленные им целые главы, с указанием уже на полях книг и страниц, откуда взяты события.

Мне довелось видеть это большею частью в Манускриптах последнего XII тома; но интереснее было бы видеть черновые листы первых томов, например, II и III, где бесчисленное множество лиц и мелких событий перепутывали описание.

Прилагаю два черновые листа. Один полный из XI тома (см. стран. 251—254). Другой из XII тома (начало царствования Шуйскаго), неполный, но яснее представляющий ход работы с ее переделками.

По скольку писал в день? или как задастся? minimum и maximum?

Ответа дать нельзя: ибо это зависело от обстоятельств, от состояния здоровья, от развлечения посетителями. Нельзя определить ни maximum, ни minimum. Но из писем Н(иколая) М(ихайловича) к брату, к Дмитриеву, к Малиновскому, к Тургеневу2 можно видеть, в какие месяцы каким томом он занимался. Сообразив время, можно приблизительно вывести и среднее число страниц, писанных примерно в один день.

Велики ли были промежутки между писанием и переписыванием?

Это также остается неизвестным. Можно только сказать, что каждая глава по написании была переписываема отдельно.

Когда перечитывал? Как? Про себя или в семействе кому-нибудь?

Перечитывал и отдельно разные места, и всю главу вообще и, именно, про себя.

В семействе он читал только некоторые интереснейшие места супруге, с которою, как сам говорит, жил в одну мысль, в одно чувство. Окончательно она же переписывала если не все, то очень многие главы Истории: эту обязанность впоследствии стала разделять с ней старшая дочь его Софья Николаевна, а потом уже и Екатерина Николаевна. Таким образом переписанное подносилось и Государю.

Говорил ли о писании?

Мне очень мало известно о жизни Н(иколая) М(ихайловича) в Москве, но что касается Петербурга, знаю, что он не только сообщал своим знакомым, какое время описывает, но и читал им отрывки. Вот, например, между прочим, и мне, еще мало пережившему юноше, рассказывал в Царском Селе 16 Мая 1820 года, что он описывает изучение Сибири, которое особенно занимает его, как интереснейший эпизод в Русской Истории, с такими картинами, каких в ней еще не было. В рассказе об этом он несколько даже распространился о замечательном характере Ермака, о превращении его из разбойника в Героя и о тех высоких нравственных условиях и обетах, которыми он обязал своих сподвижников и чрез которые приобрел успех. И в другое время он также упоминал о том, что пишет. Я слышал, что он прочитывал и самые отрывки из сочиняемых томов некоторым из своих знакомых, мнением которых дорожил, например, Жуковскому и другим.

О образе его жизни? в котором часу вставал, когда за работу? и т. д.

Нужно знать весь его день от утра до ночи.

Из Московской жизни Н(иколая) М(ихайловича) я знаю от Екатерины Андреевны3, что когда он занимался Историею и жил еще в доме своего тестя, все утро было посвящаемо этой работе; что даже он не обедал с семейством, а приносили ему кушать в кабинет, где после умеренной своей трапезы он отдохнет, бывало, на короткое время и опять возвращается к труду, и только с наступлением вечера проводит время уже исключительно в семействе с близкими родными и знакомыми.

В Петербурге он вставал в 9 часу утра и всякий день в 10 часу делал довольно большую прогулку: здесь не мешает прибавить, что он всегда с самого начала дня был совершенно одет и не надевал шлафрока иначе как уже к ночи, ложась спать. Когда он жил в доме Ек(атерины) Фед(оровны) Муравьевой4 у Аничкова мосту, и потом на Моховой в доме Межуева, то гулял обыкновенно по Фонтанке до Прачешного моста, иногда и по Дворцовой набережной и по Невскому проспекту; когда ж погода не позволяла, прогулка ограничивалась Невским проспектом. Большею частию он гулял один, иногда ж случалось видеть его с одною из дочерей. Помню, что зимою он был в темнозеленой бекеше с бобровым воротником, в теплых темного цвета перчатках, и с тростью в руке. Некоторые искренние почитатели его высокого таланта грустили, что не имели случая видеть его, и очень рады были, когда по описанию моему могли встретить его в этот час по тем местам, где он гулял.

Возвратясь домой, Н(иколай) М(ихайлович) садился за работу свою и занимался ею без отдыха до самого обеда, т. е. до 5 часов. Случалось однакож, что постоянное занятие его было прерываемо визитами лиц, которым он не мог отказывать. С другой стороны, хотя и очень редко, необходимость требовала, чтобы перед обедом он сам сделал кому-либо посещение. Эти исключения были всегда ему очень тягостны.

После обеда он обыкновенно отдыхал с полчаса или с четверть часа на диване в полулежачем положении. «Мне только нужно немного забыться, чтобы освежить себя», — говаривал он. После короткого сна следующее время у него назначено было для чтения полученных в тот день русских, французских и немецких газет, а также и журналов, какие ему доставлялись.

Затем он приходил в гостиную, где семейство и добрые знакомые ожидали его. Тут приезжали друзья, ученые, литераторы и

люди государственные или те молодые таланты, которым суждено было впоследствии занять важнейшие государственные места. Разговор шел обо всех предметах, которые могли интересовать русского гражданина и образованного человека. Новости литературные и политические, отечественные и иностранные, вопросы по разным отраслям государственного

политические, отечественные и иностранные, вопросы по разным отраслям государственного управления, известия об отсутствующих родных и друзьях, разсказы о временах прошедших царствований, о тогдашнем состоянии России, о замечательных людях того времени, особенно ж о тех, которых собеседующие еще застали в живых, — все эти предметы сменялись одни другими. Разговор всегда шел оживленный. Н(иколай) М(ихайлович) особенно одушевлялся, когда дело шло о России и об интересах ее. Он умел особенным образом поддерживать беседу, давая каждому свободу высказаться и резкие суждения некоторых смягчая легкими замечаниями. Он ценил это приятное для общежития искусство и в других людях и отдавал особенно в этом отношении справедливость фельдмаршалу Главнокомандовавшему 1 Действующей армиею, графу Сакену5.

Н(иколай) М(ихайлович) умел сверх того в присутствии многих знатных давать возможность и неизвестному, скромному

посетителю не оставаться в совершенной тени. Когда я в первый раз был у него (это было ввечеру, в ноябре 1818 года), я застал у него большое собрание гостей, из которых я не знал никого и никто меня не знал. Н(иколай) М(ихайлович), благосклонно приняв меня, мигнул лакею подать мне стул подле себя, и беседуя со многими, не упускал обращать и ко мне разные вопросы, так что это дало мне приятную возможность не только без смущения, а даже с полным удовольствием оставаться в этом обществе до самого разъезда гостей.

Ложился спать обыкновенно в 12 часу, но приятная беседа с друзьями длилась иногда и далеко заполночь. Здесь надлежит, может быть, упомянуть о тех из них, кого помню. Это однакож слишком отдалило бы меня от настоящих вопросов.

Что знаете и слышали о его характере, обращении с людьми, с знакомыми, друзьями, и с другими?

Н(иколай) М(ихайлович) сам признавался, (что) имел меланхолический темперамент, и в этом нельзя было сомневаться, хотя

этот темперамент не мешал ему бывать и в веселом расположении духа с остроумными замечаниями. Но меланхолия и чувствительность не вели его к безотрадным взглядам на вещи. В нем было сильно упование на бога, и от того он был более оптимист. Как бы ни горестны были обстоятельства, он твердо верил в Провидение устраивающее все к лучшей цели. Он огорчался всякою несправедливостию людей к ближним их: его приводил в негодование всякий недостойный поступок. Но он не питал ненависти к тем, кто возбуждал его негодование, а только к пороку, овладевшему ими; тем снисходительнее смотрел на людей со слабостями, и в отзывах его об них видно было одно сожаление.

С кротостию нрава, с миролюбием, с полным к каждому доброжелательством, с уважением к заслугам и старшинству, Н(иколай) М(ихайлович) соединял постоянство в чувствах родства и дружбе и великую твердость духа в опасностях как физических, так и нравственных: известно, что в 14 день декабря 1825 г., желая собственными глазами удостовериться, где Государь, чтобы потом успокоить Императрицу Марию6, он вышел из дворца на Адмиралтейскую площадь, искал его глазами, принужден был вмешаться в толпу народа и лично подвергался оскорблениям людей или злонамеренных или обманутых злонамеренными, которых старался образумить. Здесь-то он, будучи по-тогдашнему в чулках и башмаках, получил ту простуду, которая разстроила окончательно его здоровье. Любя Государя всей душою, он никогда не боялся подвергнуться явной немилости его, высказывая правду так, как был убежден относительно пользы России. Он никогда не скрывал своего образа мыслей, не заботясь о людских пересудах, хотя и знал, что люди иных убеждений составят об нем превратное мнение. И действительно были такие, которые, даже по издании Истории Государства Российского, старались выставлять его как преданного новизнам вредного либерализма (особенно после появления IX тома); были другие, особенно из нового поколения, которые сильно восставали против него за приверженность к самодержавию.

Н(иколай) М(ихайлович) был примерный супруг, находивший счастие сердца своего в счастии данной ему Небом сопутницы жизни, за которую непрестанно благодарил Промысел. Он лишился первой супруги, но смерть ее не ослабила в нем чувства привязанности к ней, несмотря на второй брак, более счастливый. Он любил то, что питало в нем память об ней. Мне сказывали, что он и при второй супруге любил, сидя за работой, накидывать на себя салоп или мантилью покойной Елизаветы Ивановны, хотя имел перед глазами живую память в оставшейся после нее дочери. Как видно, требовало этого желание его, чтобы из лучшего мира осеняла его в работе молитвою и благословением та, которая была его другом до гроба и в последнее время страдалицей.

Я видел его в последние восемь лет его жизни в Петербурге. Из обращения его с супругою, Екатериною Андреевною, видно было, что его любовь к ней была возвышенная, благородная, нежная, кроткая. Не знаю, могли ли бывать споры у этой счастливой четы; знаю только, что желание его всегда было для супруги его законом. Когда же из уст его я слышал имя ее — Катенька, в голосе его было слышно все сердце его.

Говорить о его горячей и вместе снисходительной любви к детям было бы может быть излишне. Но мне памятно, что он давал им наставления важным и вместе ласковым тоном, во всех прочих случаях обращение его с ними дышало единственно добродушием: в глазах его можно даже было видеть какое-то умиление, когда он смотрел на них. Помню, как, однажды, когда он выходил из кабинета с линейкой в руке, подбежал к нему девятилетний сын и схватил линейку. Н(иколай) М(ихайлович) не выпуская линейки из рук, дал ему волю вертеть ею во все стороны и смотрел с невыразимой нежностию на эти движения, поглядывая и на меня, пока наконец тот не отбежал, сам несколько смутясь, что это сделал из резвости без всякой нужды.

В доме Е. Ф. Муравьевой в кабинете его за перегородкою играли дети, резвились, шумели, и этот шум нимало не нарушал успеха его работы. Казалось, он даже услаждался этим, зная, что дети так близко подле него, веселы и здоровы. Это, конечно, доставляло сердцу его спокойствие, которое содействовало и успеху его работы.

Иное дело, когда дети бывали больны и в особенности опасно (что уже можно видеть и из писем его). Несмотря на твердость его характера и на совершенную преданность воле божией, тревожная забота заметна была если не в чертах лица, то в глазах и в тоне голоса. Он однако ж продолжал сидеть за работой, хотя и трудно предположить, чтобы работа могла быть в это время успешна.

Кажется, не было примера, чтобы он кого-нибудь встретил не только гордо, даже невнимательно, когда видел, что обращается к нему, какого бы кто ни был звания. Вежливость со знакомыми и незнакомыми была непринужденная, без малейшего излишества. Он говорил со всеми просто и доброжелательно.

Можно сказать, что составившиеся в продолжение жизни строгие правила чести, любви к Отечеству и Человечеству и благоговения к вере выражались во всем том, что он говорил, делал, на что смотрел, о чем думал.

Видел я его во время чтения чего-либо трогательного. Однажды он взял стихотворения Батюшкова7, уже безвозвратно потерянного для литературы и для общества. Он раскрыл книгу и читал вслух, что первое попалось на глаза, читал тихим и ровным голосом, лицо не менялось, но глаза постепенно сделались влажными, и наконец, слеза, скатившаяся по лицу, остановила чтение. Живо и глубоко чувствовал он несчастие своих друзей.

В другое время, когда с увольнением князя А. Н. Голицына8 от должности Министра Духовных дел лишился места и неизменно любимый Н(иколаем) М(ихайловичем) Александр Иванович Тургенев, он был сильно огорчен мыслию, что его обнесли пред Императором Александром, и решился высказать Государю все, что знал об этом человеке, которого благородное сердце было

создано для чести и добра. Тогда многие в публике, недовольные князем и Тургеневым, радовались их падению, стараясь осуждать их, всякий по-своему. Тем более Карамзин считал долгом своим всякого, заводившего о том речь, ставить на настоящую точку зрения при оценке Тургенева, вовсе независимо от обстоятельств, приготовивших переворот в Министерстве. Вот слова сказанные Н(иколаем) М(ихайловичем) в моем присутствии о Тургеневе: «Я давно знаю его чистую открытую душу, чуждую всяких интриг, ненавидящую лесть, его редкое стремление к добру. Таких людей у нас мало. Он лишился места, а мог бы украшать собою Отечество. Для нас же, для нашего дома он незаменим».

Как был устроен кабинет? Какой порядок в нем?

В доме Е. Ф. Муравьевой, в 3 этаже, одна большая комната о 4 окнах, была, как выше сказано, перегорожена на две половины, из которых в одной помещался кабинет. Библиотека находилась в 3 шкафах, каждый о двух отделениях: в верхнем от 4 до 6 полок, в нижнем 2. Книг помещалось более 400 званий, кроме тех, которые лежали при нем самом для беспрестанных справок. Это мне известно потому, что я сам смотрел за перемещением библиотеки в дом Межуева и составил ей каталог.

В доме же Межуева, что на Моховой, во 2 этаже, в квартире Н(иколая) М(ихайловича) кабинет был о двух окнах, и в нем стояли тоже шкафы. Как в прежнем, так и в этом кабинете, стояли посреди два небольшие письменные стола, плотно приставленные один к одному так, что ящики их обращены были врознь. За одним столом он сидел, имея окна с левой стороны, другой стол перед глазами его был уставлен нужными ему книгами. Кругом на стульях также лежали книги, а некоторые фолианты стояли вблизи на полу, так, чтобы легко было доставать их. Чернильница и песочница были без всяких затей.

Мне очень редко случалось видеть его за работою, но тем более дорожил я этими минутами, желая запечатлеть их в своей памяти. Сидя за маленьким его поручением у другого стола возле окна, я изредка взглядывал на его спокойный вид, с выражением глубокого внимания, со взором, оживленным мыслию, его занимавшею.

Н(иколай) М(ихайлович) работал сам, не диктуя никому. Во время последней его болезни, с января по май 1826 года, когда бывало ему легче и он говорил, что у него в голове много роится мыслей, много приходит соображений о предметах политических, нравственных, литературных, ему предлагали диктовать кому-нибудь, но он отвечал: «Нет, к этому я не привык, и когда передам бумаге мои мысли, то не иначе как с пером в руке». Он и перебеливал сам. Окончательно (как уже сказано) переписывали набело Екатерина Андреевна и старшие дочери, а в последние годы А. И. Тургенев присылал ему писцов из Канцелярии, которые занимались у него в кабинете переписыванием одних примечаний и уже считали себя счастливцами.

Сотрудников для Истории он не имел, а пользовался выписками и переводами разных документов и отрывков, присылаемыми от Государственного Канцлера графа Румянцева, от директора Императорской Публичной библиотеки Оленина, от А. Ф. Малиновского, Бантыш-Каменского, Калайдовича9 и многих других. С 1820 года он употреблял и меня для перевода из латинских и польских писателей большею частию о временах самозванцев и Междуцарствия.

Его вкусы, начиная со столового, и проч.

Из привычек и вкусов его относительно стола, я слышал, что он очень любил кушанье из рису по легкости и питательности, что так полезно человеку, привыкшему к сидячей, труженической жизни. Из вин могу назвать портвейн, но он выписывал и другие: херес, ситер-марго, малагу, обыкновенно из Ниренбергских лавок у Дазера.

Он употреблял табак курительный (очень умеренно, не более одной трубки в день) и нюхательный французский: первый покупал здесь у Янцена, второй у Дазера.

Чай всегда выписывал с Макарьевской ярмонки10, каждый год по цыбику, и был большой знаток в употреблении его.

В расходах любил бережливость, хотя жизнь Петербургская и тогдашнее отношение его к обществу вынуждали его делать и чрезвычайные издержки. Он вел и небольшие расходные книжки, записывая в них, без подробностей, общие платежи в лавки и магазины по счетам, общие месячные расходы на стол и личные платежи учителям, услуге и т. п.

В одном из писем своих к брату Василию Михайловичу упоминал, что в первые шесть лет сверх доходов издержал более 100 000 р., и вообще жаловался на большие расходы, несоразмерные с

доходами. В последние годы из расходных книжек можно видеть, что годовые издержки простирались до 40 000 р. ассигнациями. «Иногда это тревожит меня, — говорит он в том же письме, — когда смотрю на детей: но предаюсь в волю Божию».

Н(иколай) М(ихайлович) кроме лошадей для экипажа должен был держать али брать из Манежа, верховую лошадь, чтобы прогуливаться верхом, хотя и не всякий день — движение, которое почитал необходимым при излишестве трудов кабинетной жизни.

Сказывал он о себе, что когда был молод, то имел охоту играть в карты. Но он понял весь вред от пристрастия к игре: дал себе слово оставить ее навсегда, и держал слово. Вероятно, уже и в Москве, ни тем более в Петербурге у него не было и карт дома. Беседа умных людей заменяла для посетителей удовольствия зеленого стола, часто оканчивающиеся для кого-нибудь самым чувствительным неудовольствием. Но когда он сам бывал в гостях, где играли, то иногда, то есть очень редко, соглашался сыграть партию, чтобы сделать угодное хозяевам.

Н(иколай) М(ихайлович) ездил в театр, когда давались избранные пиесы. Его видали в ложе с семейством, как он любовался тем, что нравилось детям, которым объяснял сюжет со своими замечаниями. Он в жизни имел множество случаев слышать и ценить высокие музыкальные таланты, но мне не довелось слышать его об этом суждений. Известно мне было, что его особенно трогала тихая мелодия. Однажды София Николаевна, сыграв на фортепьяно старинную для нынешних времен песнь: Заря утренния взошла, сказала мне в его же присутствии: «вот какой песни голос, не знаю почему, особенно нравится нашему папеньке». Она вначале играла так отчетливо, с такою расстановкою, что действительно голос этой песни вливал в душу какое-то успокоительное чувство.

О спокойствии, вспыльчивости, терпении, желаниях, самолюбии, и пр.

На все эти вопросы можно найти ответ в архиве и удовлетворительные ответы в записях князя Петра Андреевича Вяземского11.

С моей стороны прибавлю, что случалось ему бывать в грустном расположении духа от стечения неприятных обстоятельств,

от горестных известий и т. п., но нельзя было в нем заметить расположения досадного (mauvaise humeur): он обладал редкою способностию, просто говоря, урезонивать себя. Терпение составляло отличительную черту его характера как в работе, так и в перенесении житейских превратностей. Известна его любимая ссылка на слова Бюффона12 что даже самый Гений есть не иное что как терпение в высочайшей степени. Конечно, терпение без дара природы ничтожно для творчества: но он, щедро одаренный талантом, развил его в себе в высшей степени с помощью чрезвычайного терпения.

В делах житейских также не было заметно у него никаких нетерпеливых привычек, от которых удерживал себя силою воли, управляемой рассудком, без противоречия сердцу. Все эти способности находились у него в какой-то дивной гармонии. Но вред, наносимый не ему, а ближнему, человечеству, отечеству, волновал его, и тогда он не скрывал своего негодования, за

которым обыкновенно наступала успокоительная минута обращения мысли к непостижимому Промыслу, допускающему земные неправды для небесной цели. Помню, как сильно огорчил его Аракчеевский указ, воспрещавший чиновникам ведомства военных поселений оставлять службу этого ведомства, если бы даже для этого хотели выйти в отставку.

О привязанностях.

Отчасти уже и выше сказано о чувствах дружбы, родства, особенно в отношении к супруге и детям. Влияние этих чувств на них было так сильно, что обнаруживалось во взаимной, нежной с их стороны привязанности. Помню, как однажды София Николаевна с балкона (в доме Межуева)

увидела Н(иколая) М(ихайловича) возвращавшегося с прогулки задумчиво и тихо: долго смотрела она на него с умилением, наконец, в увлечении чувства сказала мне: «Как я люблю папеньку! вот он идет: вот истинно добрый человек!» — и убежала с балкона встречать его. Все дети встречали его с радостию и любовию.

В заключение должно прибавить, что счастие, которое бог послал ему во второй супруге, было едва ли не самою успешною помощию ему в занятиях Историею, благотворно действуя на спокойствие духа, которое было так необходимо для такого труда и которое нарушалось только случайными посторонними обстоятельствами. Екатерина Андреевна, можно сказать, существовала его жизнию: она усладила его дни с самого начала супружества нежным попечением о его дочери от первого брака, которую и до самой кончины своей не отделяла в сердце своем от собственных своих детей. С другой стороны, умея ценить высокие достоинства его ума и сердца, смотрела с благоговением на великий совершаемый им подвиг и с самоотвержением заботилась облегчить ему это священное бремя всеми способами, какие только могли от нее зависеть в быту семейном.

О чувстве и убеждениях веры.

К сему прибавлю еще о чувстве религиозном.

Н(иколай) М(ихайлович) с самого малолетства исполнен был веры в вышний Промысел. Первая мысль об этом была внушена ему происшествием, которое он описал в Истории Леска (когда гром поразил медведя, с ревом бежавшего на него из лесу).

Но вера его была чужда суеверий и всяких искусственных возбуждений. Он глубоко чтил Церковь, исполнял ее уставы, сколько дозволяли ему силы, и с особенным благоговением присутствовал при божественной службе. Но он никогда не мог примириться с тем неразумным усердием к вере, которое думает служить ей насильственными мерами, противными и духу первобытного христианства (какими ознаменовала себя латинская церковь). Он также никак не мог согласиться с убеждениями Новикова13 и членов его общества, несмотря на многие, им же признаваемые нравственные достоинства этих людей, и явно видя нелепость уставов общества и заблуждения его, отстранился от него гораздо прежде, чем оно обратило на себя внимание Правительства; и вообще он был глубоко убежден, что для истины нет нужды прибегать к способам таинственным: потом он столько же и еще более дивился наносному из-за границы мистицизму, посетившему Министерство просвещения при князе А. Н. Голицыне.

В Истории Государства Российского-Н(иколай) М(ихайлович) является настоящим Историком православного Отечества, сознательно отличающим превосходство нашей Церкви. Заметим также, что он дает здесь каждому исповеданию настоящия их названия, не новые, введенные в прошедшем XVIII столетии терпимостию, простиравшеюся до унижения собственной веры, а те, какие Церковь наша им давала. В прежних же его сочинениях видим писателя с сердцем горячим ко благу ближних, постоянно служившего делу нравственности, без принятия на себя обязанности говорить голосом Церкви, что и могло иных вводить в заблуждение насчет прямых его убеждений. От того завистники его таланта приписывали ему равнодушие к вере, даже и вольнодумство.

В молодости своей он мог поддаваться влиянию иностранных мыслителей, увлекавших тогда большую часть образованной публики. Вы найдете в его статьях любимые их фразы: Небо, Натура, вместо Бога, найдете и похвальные отзывы о таких писателях, как Вольтер и Руссо, но только в том, что действительно заслуживало внимания и одобрения, только в том, что располагало сердце к любви и благотворительности. По той же причине он мог увлекаться и добродушным Стерном, так что поневоле казался последователем его сентиментальной школы, чем опять пользовались завистники для порицания его; однако ж все, что только писал он, дышало неподдельным чувством, потому что было плодом не заимствованного, а собственного его убеждения.

Но первое и главное место в сердце его принадлежало учению Христову. «Только один бог мог говорить и учить так, как говорил и учил Спаситель» — вот его убеждение в истине Откровения Божия, преподавшего и совершеннейшие правила нравственности в двух великих заповедях любви: к Богу и ближнему. Оно же было и утешением ему во всех скорбях житейских. «Если мы христиане» (писал он к князю А. П. Оболенскому14, лишаясь первого сына) «если мы христиане, то, принимая с покорностию насылаемые на нас печали, истинно получаем большую от них пользу, прилепляясь наиболее к Богу, единственному утешению, радости и свету человека, не предавшего себя совсем греху».

Твердо веруя в Бога, он твердо верил и в соединение души с Богом, определяя этими словами истинную набожность.

Наконец, и приготовление его к вечности было глубоко смиренное, христианское, как передал мне духовник его, протоиерей Скорбященской Церкви Воскресенский...*

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Джиллис Джон (1747—1836), Ферпосон Адам (1723—1816), Гибсон — видимо, Гиббон Эдуард (1737—1794), Робертсон Вильям (1721—1793), английские историки.

2 Имеется в виду публикация: Карамзин Н. М. Письма брату В. М. Карамзину // Атеней. 1853. № 19—28.;

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт, министр юстиции, член Государственного Совета, близкий друг Карамзина;

Малиновский Александр Федорович (1760—1840), историк, начальник Московского архива Коллегии иностранных дел.

Тургенев Александр Иванович (1784—1845), писатель и историк, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства духовных дел и народного просвещения.

3 Карамзина Екатерина Андреевна (1780—1851), жена историка.

4 Муравьева Екатерина Федоровна (1771—1848), жена писателя М. Н. Муравьева. Карамзин жил в их доме на набережной Фонтанки.

5 Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович (1752—1837), князь, генерал-фельдмаршал, член Государственного Совета.

6 Имеется в виду вдовствующая Императрица Мария Федоровна (1759—1837).

7 Батюшков Константин Николаевич (1787—1855), поэт.

8 Голицын Александр Николаевич (1773—1844), князь, обер-прокурор Синода, с 1816 г. министр народного просвещения.

9 Румянцев Николай Петрович (1754—1826), граф, дипломат, министр иностранных дел, канцлер, библиофил и коллекционер рукописей;

Оленин Алексей Николаевич (1763—1843), историк и археолог, президент Академии художеств;

Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788—1850), историк и археограф;

Калайдович Константин Федорович (1792—1832), историк, член Общества истории и древностей российских.

10 Имеется в виду Нижегородская ярмарка, перенесенная туда в 1817 г. от монастыря Св. Макария, расположенного на Средней Волге.

11 Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), поэт и критик, родственник Карамзина.

12 Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788), французский ученый и естествоиспытатель.

13 Новиков Николай Иванович (1744—1818) общественный деятель, писатель и издатель. Речь идет о масонской ложе, в которой до 1789 г. состоял Карамзин.

14 Оболенский Александр Петрович (1781—1825), князь, попечитель Московского учебного округа.

Публикация Б. Д. ГАЛЬПЕРИНОЙ

К биографии Н. А. Добролюбова

Иеремия, епископ. Письмо Сербиновичу К. С., 30 мая 1856 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 203—204. — [Т.] IX.

ЕПИСКОП ИЕРЕМИЯ — К. С. СЕРБИНОВИЧУ

Ваше превосходительство, милостивый государь.

На письмо Вашего превосходительства от 15 текущего мая по ходатайству г(осподина) товарища министра народного

просвещения его сиятельства князя Петра Андреевича Вяземского о содействии к обеспечению семейства, оставленного на попечении, как старшего члена, студента Главного педагогического института Николая Добролюбова по смерти отца его священника Николаевской Нижегородской церкви Александра Добролюбова в видах представления сыну его, означенному студенту Добролюбову, не оставляя учебных занятий, успешно им продолжаемых, вполне окончить курс учения в Институте, имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что об устроении сего семейства я прилагал и прилагаю все пасторское попечение; все дети покойного священника Добролюбова, означенные в прилагаемой при письме Вашего превосходительства выписке, приняты на полное попечение лицами благородными, сердобольными и благонадежными; помещица Захарьина5, имеющая у себя 2-летнюю дочь священника Добролюбова Елизавету, обещает, как слышу, обеспечить судьбу ее частью своего имения, а шестилетний сын его Владимир, находящийся теперь у почетного гражданина Мичурина6, принят на мое попечение и положена мною для него в Приказ общественного презрения сумма в 600 руб. серебром, в обеспечение его содержания впоследствии: избраны мною благопопечительные опекуны7, не только отечески наблюдающие за сиротами, проживающими или у близких родных покойного отца их, или в хороших семействах8, но и пекущиеся о всех выгодах. получаемых от принадлежащего сиротам Добролюбовым дома, с одной стороны оценивая долги по дому, а с

принадлежащего сиротам Добролюбовым дома, с одной стороны очищая долги по дому, а с другой делая нужные для оного перестройки; кроме получаемого дохода с дома в 500 руб. серебром, доход сей увеличился с флигеля в 75 руб., между тем долг по дому значительно время от времени уменьшается9.

Помня заслуги покойного священника Добролюбова и уважая участие, принимаемое в его семействе его сиятельством, я не премину озаботиться устроением старшей из сирот Добролюбовых, когда достигнет совершеннолетия, на священническом месте, имея в виду для сего вторую священническую вакансию при том храме, коему послужил покойный о. Александр10.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга

Мая 30 дня 1856 г.,

Нижний Новгород.

Его превосходительству

Константину Степановичу Сербиновичу

Сербинович К. С. Письмо Епископу Иеремии, 15 мая 1856 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 203. — [Т.] IX.

К. С. СЕРБИНОВИЧ — ЕПИСКОПУ ИЕРЕМИИ

Г(осподин) товарищ министра народного просвещения князь Петр Андреевич Вяземский1, свидетельствуя об отличных качествах и замечательных дарованиях студента Главного Педагогического института Николая Добролюбова, и принимая живое участие в его семейных заботах по случаю смерти отца его, который был священником при церкви св. Николая Чудотворца в Нижнем Новгороде2 и оставил на попечении его, сына своего, как старшего в семействе, пять3 сирот братьев и сестер его, большею частию малолетних, просит моего ходатайства перед Вашим Преосв(ященство)м о обеспечении участи сих сирот, чтобы тем дать возможность Добролюбову, не оставляя учебных занятий, так успешно им продолжаемых, вполне окончить курс учения в Институте, причем доставил и подробную записку о положении семейства Добролюбова, при сем прилагаемую.

Из оной В(аше) Пр(еосвященство) изволит усмотреть, что Добролюбов прилежанием своим и успехами на ученом поприще подавая верную о себе надежду быть одним из даровитейших и заслуженных деятелей на поприще отечественного образования, принося собою честь находящемуся под Вашим, м(илостивый) г(осударь) и Арх(ипастырь), руководством Духовному заведению, в котором получил восдитание4, достоин обратить на себя внимание В(ашего) Пр(еосвященства).

Принимая в уважение ходатайство почтенного князя Вяземского, заслуживающее полного доверия, я не могу не обратиться к Вам, м(илостивый) г(осударь) и Ар(хипастырь), с нижайшей просьбой не оставить употребить Ваше Архипастырское содействие к обеспечению упомянутого семейства, коль скоро сие не противно пользе епархиальной службы. О разрешении, какое Вам, м(илостивый) г(осударь), благоугодно будет сделать по ходатайству кн. Вяземского, прошу почтить меня Вашим извещением.

(15 мая. 1856)

Малютина Е. И. Примечания: К биографии Н. А. Добролюбова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 204. — [Т.] IX.

Письма хранятся в РГИА (Ф. 1661. Оп. 1. Ед. хр. 698, 1101).

1 Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), поэт, критик. С 1855 по 1858 г. товарищ министра народного просвещения. Сменил на этом посту А. С. Норова, передавшего Вяземскому и главноначальствование над Педагогическим институтом.

2 Добролюбов Александр Иванович (1812—1854). С 1834 г. настоятель Верхнепосадской Никольской церкви в Нижнем Новгороде. Умер от холеры.

3 У Добролюбова было 7 братьев и сестер: Анна, Антонина, Елизавета (1854—1860), Екатерина, Владимир (1849—1913), Иван (1851—1880), Юлия (1846—1855).

4 Добролюбов был выпускником Нижегородской духовной семинарии.

5 Захарьина Е. П. (?—1857).

6 Мичурин В. К., нижегородский купец.

7 Опекунами были назначены: В. И. Добролюбов, Ф. В. Благообразова, П. И. Лебедев, нижегородский священник. Заведывание опекой было предоставлено В. И. Добролюбову.

8 Трубецкой Владимир Александрович, председатель Нижегородской палаты гражданского суда, опекун Юлии. Трубецкие жили на квартире у Добролюбовых и были прихожанами о. Александра Ивановича.

9 Окончательно казенный долг по дому Добролюбовых был снят в июне 1856 г.

10 В мае 1856 г. вторая священническая вакансия была закреплена за будущим мужем Антонины: в конце 1857 г. им стал М. А. Костров (1826—1886), выпускник Московской духовной академии, инспектор Нижегородского духовного училища.

Публикация Е. И. МАЛЮТИНОЙ

Малютина Е. И. К биографии Н. А. Добролюбова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 202—203. — [Т.] IX.

Публикуемая переписка епископа Нижегородского и Арзамасского Иеремии (Соловьева) (1799—1884) с директором хозяйственного управления при Синоде Константином Степановичем Сербиновичем (1796—1874) относится к периоду обучения Николая Александровича Добролюбова в Петербургском педагогическом институте.

В марте 1854 г., в первый год пребывания Добролюбова в институте, умерла его мать, а в августе того же года — отец. Восемнадцатилетний Николай остался главой семьи, имея на попечении 7 братьев и сестер, и должен был взять на себя устройство их благосостояния. Он отказался от своей доли в наследстве, большую часть денег, заработанных уроками и корректурой, посылал в Нижний Новгород, где за его малолетними братьями и сестрами присматривали родственники и опекуны.

26 сентября 1855 г. Добролюбов просил институтское начальство разрешить ему в 1856 г. досрочно сдать выпускные экзамены, а с 6 октября дополнительно составил записку о тяжелом материальном положении семьи. 8 октября Конференция института ходатайствовала перед Министерством народного просвещения об удовлетворении прошения Добролюбова. Товарищ министра народного просвещения князь П. А. Вяземский обратился в Синод с просьбой помочь сиротам, отмечая при этом большие способности студента Добролюбова. Судя по всему

сиротам, отмечая при этом большие способности студента Добролюбова. Судя по всему, дальнейшим устройством дел занимался Сербинович, поскольку он составил черновик письма епископу Иеремии по ходатайству Вяземского (публикуемый черновик не подписан). Но В. И. Добролюбов, дядя Добролюбова, отмечал, что в канцелярии архиерея указанное письмо было получено за подписью именно Сербиновича, ему был адресован и ответ епископа Иеремии*.

Отношение Д. Н. Блудова Е. П. Ковалевскому

Блудов Д. Н. Отношение Ковалевскому Е. П., 8 мая 1858 / Публ., [вступ. ст. и примеч.] С. В. Казаковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 205. — [Т.] IX.

Собственноручные резолюции и пометы императоров на всеподданейших отчетах и записках, представляемых на высочайшее рассмотрение, тщательно фиксировались и доводились до сведения надлежащих ведомств.

С отношением министра юстиции Д. Н. Блудова (1785—1864) министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому (1790—1867) от 18 мая 1858 г. по поводу собственноручной отметки Александра II на журнале Еврейского комитета были ознакомлены чиновники Канцелярии министра и Канцелярии департамента просвещения. Аналогичная процедура проводилась в подобных случаях по всем центральным ведомствам.

Документ хранится в РГИА (Ф. 733. Оп. 4. Д. 380. Л. 1). Заверенная копия от 21 мая 1858 г. на левом поле помета: — «По докладу 28 мая — к исполнению». Подчеркнутые слова выделены при публикации курсивом.

№ 57

18 мая 1858

Его Превосходительству

Е. П. Ковалевскому

Милостивый Государь, Евграф Петрович.

Государь Император, по прочтении помещенного в журнале Еврейского Комитета1 представления бывшего г(осподина) Министра финансов2, по статье об отмене разных ограничений, которые, стесняя промышленность и торговлю, препятствуют общей народной деятельности и, как сказано в бумаге Министерства «находятся в противоречии с прогрессом гражданственности», Высочайше соизволил начертать Собственноручно следующую отметку карандашом: «Что за прогресс!!! прошу слова этого не употреблять в официальных бумагах»

Считая долгом уведомить о сем Ваше Превосходительство и покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в моем совершенном почтении преданности.

Подписал: Граф Д. Блудов

С подлинным верно: Статский советник Оберт

Читал: Н. Проневский, В. Бутусов, Верещагин

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Еврейский комитет образован 19 декабря 1840 г. для «рассмотрения мер по устройству евреев в России». Упразднен 9 января 1865 г.

2 Брок Петр Федорович, министр финансов с 9 апреля 1852 г. по 23 марта 1858 г.

Публикация С. В. КАЗАКОВОЙ

Письма А. Хыждеу к М. А. Оболенскому

Хыждеу А. Письмо Оболенскому М. А., ноябрь 1865 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Рос. Архив, 1999. — С. 207. — [Т.] IX.

1865 ноября

Милостивый государь, князь Михаил Андреевич!

Имя Вашего сиятельства сдавна пользуется на Руси заслуженною славою: и государственного сановника, и мужа ученого, и покровителя занимающимся науками. Теперь имя Ваше известно будет и в Румынии как имя мецената, ревнующего успехам просвещения и в этом крае, которого уроженцы: Петр Могила, Антиох Кантемир и многие другие некогда содействовали прогрессу единоверной Руси.

Прежде всего позвольте, Ваше сиятельство, изъявить Вам искреннейшую мою благодарность за пожертвование двух изданий Ваших* для моей библиотеки. Имея эти книги у себя, я препроводил полученные от Вас экземпляры в дар от Вашего имени румынскому университету в городе Яссах. Затем, с моей стороны, долгом моим будет сочинение о Николае Милеско, известном на Руси под прозванием Спафария, посвятить Вашему имени.

По отзыву Вашего сиятельства от 11 августа № 242 я искал, кому бы мог поручить в Москве особенно заняться собранием необходимых для исторического труда моего о Спафарии сведений, но никого не могу иметь ввиду. Уже больше двадцати лет, как я был в Москве, и в настоящее время нет у меня там знакомых. Потому мне остается во зло употребить Вашу снисходительность в надежде, что Ваше сиятельство соизволите великодушно простить меня за то, и покорнейше просить Вас предложить кому из господ чиновников Главного архива заняться, в свободное время, нужными для меня выписками, с вознаграждением от меня по рублю серебром за лист.

Мне нужны всякие подробности, касающиеся до службы и жизни Спафария, от самого прибытия его в Россию и до самой кончины; менее важные могут быть в извлечении, важнейшие же, например, статейные списки, наказы, челобитни и т. п. — в полных списках. Разумеется, при каждом сведении должно быть означено заглавие дела и нумерация части или отдела, листа и т. д. В копиях с бумаг собственной руки Спафария желательно было бы, чтобы сохранено было его правописание; я просил бы сделать и факсимиле его подписи и почерка славянского, латинского, греческого. Впрочем, при высоком просвещенном содействии Вашего сиятельства, на которое честь имею наибольше рассчитывать, трудящийся не даст промаху.

Еще и еще прошу Ваше сиятельство простить мне ту смелость с какою решаюсь беспокоить Вас, и, с тем вместе, извинить мне, природному румыну, ошибки в русском языке.

Примите, Ваше сиятельство, уверение в моем глубочайшем высокоуважении и в той беспредельной преданности, с какоючесть имею поручить себя Вашей благосклонности.

Покорнейший слуга Александр Гиждеу

Публикация В. Г. БУХЕРТА

Хыждеу А. Письмо Оболенскому М. А., 12 июля 1865 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 206—207. — [Т.] IX.

1865 июля 12

Милостивый государь, князь Михаил Андреевич!

Простите великодушно, Ваше сиятельство, что не имея чести быть лично Вам известен, осмеливаюсь утруждать Вас моим письмом. Ваше имя как сановника государственного и, в особенности, как мужа ученого пользуется такою известностию, что посвящающие себя занятиям историею смело почитают Вас своим знакомым.

Природный румын и происходя из рода древних господарей Молдавии, я посвящаю теперь все время занятиям историею румынов, преимущественно земли Молдавской, родины моей и отчизны моих предков. Далекий от теперешней тенденции моих земляков, которые искореняют у себя все славянское, с незапамятных веков оставшееся в социальном быте румынов, и, с бесстыдною неблагодарностью, проклинают все русское, день ото дня громче и нахальнее, я задал себе написать историю этого края до эпохи Парижского трактата, по документам, в духе истины, которую не успеют заглушить новые возгласы так называемых «истинных историографов чистой румынской национальности». Иначе было в старину, когда родоначальник мой, господарь Стефан Петр, в 1684 году, обще со всеми духовными и светскими чинами посылал к царям России прошение о принятии в подданство «молдавско-волохской» земли; прошение то напечатано в Полном собрании законов Российской империи.

Покуда поспевает самое сочинение, я предполагаю издать несколько монографий, именно о природных румынах,

примечательных по заслугам своим в России. В числе их находится Николай Гаврилович Спафарий, бывший посол царя Алексея Михайловича в Китай. Для получения о нем возможно полных сведений, честь имею обратиться к Вашему сиятельству, как к управляющему главным московским архивом иностранных дел, покорнейше прося соизволить, по свойственной Вам благосклонности, сообщить мне все сведения о нем, какие находятся между делами о выездах в Россию разного звания иностранцев, и особенно в делах бывшего Посольского приказа.

Позвольте, Ваше сиятельство, и впредь прибегать мне к Вашему просвещенному содействию, и примите уверение в моем глубочайшем к Вам высокопочтении.

Покорнейший слуга Александр Фаддеев Гиждеу,

помещик имения Кирстинец

Бухерт В. Г. Вступительная статья: Письма А. Хыждеу к М. А. Оболенскому // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 205—206. — [Т.] IX.

Для известного молдавского писателя и ученого Александру Хыждеу (1811—1874) история, по свидетельству его сына,являлась «любимым занятием»*. Интерес, проявленный Хыждеу к архивным источникам, был связан с его замыслом создания «Биографии людей земли Молдавской, служивших в России». В первую очередь его внимание привлекла личность дипломата и ученого Николая Милеску Спафария (1635—1708).

17 мая 1865 г. Хыждеу, проживавший в своем родовом имении близ Хотина, обратился к директору Московского архива Министерства юстиции*, прося предоставить «подробную выписку дословно» всех сведений о Спафарии, находящихся в «боярских книгах»**. В ответ Н.

В. Калачов сообщал 8 июня 1865 г., что сведений о Спафарии «оказалось очень мало»***. Это побудило Хыждеу расширить круг своего поиска, и он обратился 12 июля 1865 г. к профессору Московского университета М. П. Погодину и директору Московской Оружейной палаты, известному писателю, А. Ф. Вельтману. Письма Хыждеу к ним опубликованы****. В письме к Погодину упоминается об отправке аналогичного письма управляющему Московским главным архивом Министерства иностранных дел князю М. А. Оболенскому, текст которого найден в РГАДА (Ф. 180. Оп. 7. Д. 2515. Л. 1—1 об.) и публикуется ниже.

Кроме этого письма, датированного 12 июля 1865 г., в РГАДА удалось выявить еще одно от 2 ноября 1865 г. (Ф. 395. Оп. 1. Д. 260. Л. 1—2) также адресованное Оболенскому. В ответ на

первое письмо Хыждеу Оболенский 11 августа 1865 г. сообщал, что велел навести о Спафарии надлежащие справки и выяснилось: «сведений о нем оказывается довольно много, но все они так разбросаны по разным отделам хранящихся в Архиве документов, что вполне рассмотреть их и собрать потребуется немало труда и времени...»*****. Он предлагал Хыждеу поручить кому-либо из его знакомых в Москве заняться этим делом, обещая оказать этому лицу со своей стороны «всякое содействие»******.

Самому Хыждеу не пришлось осуществить задуманный труд, это сделал его сын — известный румынский историк Богдан Петричейку Хашдеу, опубликовав в 1870 г. исследование о Милеску Спафарии.

Ф. И. Тютчев о духовной цензуре

Ф. И. Тютчев о духовной цензуре / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Г. Ф. Соловьевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 208—209.— Из содерж.: Тютчев Ф. И. Письмо ТолстомуД. А., 7 ноября 1868 г.. — С. 208—209. — [Т.] IX.

Автограф публикуемого письма Федора Ивановича Тютчева (1803—1873) обнаружен в фонде канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (РГИА. Ф. 797. Оп. 38. Д. 243. 1 отд. Л. 1).

19 сентября 1868 г. Тютчев как председатель Комитета цензуры иностранной передал на рассмотрение Санкт-Петербургского комитета для цензуры духовных книг второй том собрания сочинений философа А. С. Хомякова (1804—1869), изданный в 1867 г. в Праге Ю. Ф. Самариным и содержавший полемические труды известного славянофила по богословию*. Книга не была одобрена духовной цензурой к продаже в России, и Тютчев обратился с возмущенным письмом к обер-прокурору Синода.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889) с 1848 г. состоял при Департаменте духовных дел иностранных исповеданий; в

1865 г. назначен обер-прокурором Синода, в 1866 г. стал министром народного просвещения. Совмещал эти посты до своего назначения членом Государственного Совета в апреле 1880 г. С 1882 г. — министр внутренних дел. Д. А. Толстой — автор трудов «Римский католицизм в России». «История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины Императрицы Екатерины II» и статей по истории просвещения в России в «Журнале Министерства народного просвещения» и «Русском Архиве»; по его инициативе были изданы «Материалы для истории Академии наук».

Письмо Тютчева переведено с французского Н. С. Крыловым.

Ф. И. ТЮТЧЕВ — Д. А. ТОЛСТОМУ

le 7 Novembre

Monsieur le Comte,

Je ne crois pas commetre d'indiscretion, en vous signalant un fait, qui merite, ce me semble, d'etre pris en tres serieuse consideration. C'est l'interdit jette par notre Censure ecclesiastique sur le second volume des ecrits de Хомяков. Eh bien je n'hesite pas a dire qu'une pareille decision est un vrai scandale. Comment, voila un livre, qui contient la plus intelligente glorification de l'Eglise Orthodoxe, de la Doctrine Orthodoxe, un livre qui a fait une impression profonde et tout a l'avantage de l'Orthodoxie sur les premiers theologiens de l'Europe dissidente, et ce livre est mis a l'index, non pas a Rome, mais en pleine Russie, et un pareil fait brutale ineptie pourrait avoir lieu sous les auspices d'une intelligence, telle que la votre?!...
Mais alors quel sens attacher a toutes nos (Arabesques) contre les doctrines de l'Eglise Romaine et ses grands theologiens, qui condamnent, rien que par esprit de routine, les ecrits tels que ceux de Хомяков, que faut-ils autre chose, si ce n'est de parodier miserablement la Catholicisme ultramontain?

Mille respects

Тютчев

Dixi et animam Salvavi**

Резолюция Д. А. Толстого: Прошу потребовать немедленно объяснений Московского*** цензурного комитета и просить приложить 2-ой том сочинений Хомякова.

7 ноября 1868 года

Перевод с французского:

7 ноября

Милостивый Государь, граф,

я не думаю, что совершаю бестактность, указывая Вам на одно дело, которое, как мне кажется, заслуживает самого серьезного рассмотрения, а именно, на запрещение, наложенное нашей духовной цензурой на второй том сочинений Хомякова. Так вот, я не колеблясь говорю, что подобное решение — это настоящий позор1. Как! — появилась книга, которая содержит самое искусное прославление Православной церкви, православного учения, книга, которая произвела глубокое впечатление и написана в духе превосходства православия над первыми богословами иноверческой Европы2, и эта книга включена в индекс3 не в Риме, а в России, и подобный факт грубого невежества мог иметь место под покровительством такого ума, как Ваш?!.4

Но тогда какой смысл во всех наших (брошюрках) против доктрин Римской церкви и ее выдающихся богословов, ежели они — исключительно по своей косности — осуждают такие труды, как труд Хомякова; что это, если не жалкая попытка подражания ультрамонтанскому католицизму?5

Тысяча поклонов.
Тютчев

Dixi et animam Salvavi

ПРИМЕЧАНИЯ

1 18 октября 1868 г. Санкт-Петербургский комитет для цензуры духовных книг вынес следующее заключение о богословских сочинениях А. С. Хомякова: «Книга эта, содержа в себе много хорошего, заключает и много мыслей неопределенных, неточных, много даже

положительно неверных, неправославных и вооощe противных христианскому учению, которые, между тем, касаются важных предметов веры» (РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1475. Л. 28).

2 Во второй том пражского собрания сочинений А. С. Хомякова вошли и три полемические брошюры в защиту православия, написанные по-французски и изданные за границей в 1853, 1855 и 1858 гг. под общим названием «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях». Первая содержала полемику с католическим публицистом Пьером Лоранси по поводу изданной в 1850 г. в Париже статьи Тютчева «Папство и римский вопрос». Вторая была написана по поводу послания парижского архиепископа в начале Крымской войны. Третья отвечала на выступления католической и протестантской печати с критикой православной церкви.

3 «Индекс запрещенных книг» — систематически пополнявшийся перечень изданий, официально признанных католической церковью еретическими и запрещенных для издания и чтения верующими. Издавался с XVI в. до 1966 г.

4 В письме к младшей дочери Екатерине Тютчев писал: «Вчера, узнав, что духовная цензура запретила 2-й том Хомякова, я тотчас написал графу Толстому, возражая против подобного скандала, и он мне сразу же ответил, что ничего не знает об этом решении и примет меры к его отмене» (Литературное наследство. М., 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 47).

17 ноября Толстой предложил рассмотреть книгу Хомякова на заседании Святейшего Синода. Но Синод «не признал возможным разрешить выпуск в свет означенной книги в настоящем ее виде и определил: второй том полного собрания сочинений Хомякова к выпуску в свет разрешить не иначе как по изменении или исключении в нем всех мест, указанных Духовно-цензурным комитетом» (РГИА. Ф. 797. Оп. 38. Д. 243. Л. 510).

5 Ультрамонтанство — направление в католицизме, возникшее в XV в. и добивающееся признания неограниченного права папы римского на вмешательство в религиозные и светские дела любого католического государства.

Публикация Г. Ф. СОЛОВЬЕВОЙ

Письма К. Н. Леонтьева к Ф. Р. Остен-Сакену

Леонтьев К. Н. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 15 сентября 1871 г. Солунь // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 210—211. — [Т.] IX.

15 сентября 1871

Солунь

Милостивый Государь Федор Романович,

На днях я получил Ваше письмо ко мне и другое в Руссик1, последнее переслал уже на Афон и вполне разделяю Ваши

чувства к этому прекрасному монастырю, который нам надо хранить как зеницу ока.

Относительно моей Записки2 что Вам сказать? Сказать разве откровенно? Всякий человек любит похвалы, особенно когда здравый смысл говорит, что в этой похвале есть доля правды. Я взял себе за правило писать осязательно и избегать скучной риторики иных консулов, все еще проливающих казенные слезы над страданиями христиан под игом Турции. Надо прежде всего дать себе отчет: о чем тут идет речь — об истине или о наших политических выгодах? Об истине (политики) (Да и князь Горчаков3, должно быть, устал давно от консульских фраз и приказал

недавно в циркуляре держаться строже правды): если об истине, то вовсе уж эти страдания не велики; в Европе, я уверен, гораздо хуже. Нервы здесь толсты; протестантов нет; грозить беззаконием уже не могут; города невелики и здоровье хорошо; простой народ всех исповеданий верит в Бога и в нем находит утешения, которых нет у подлеца европейского работника, когда его душит другой еще больший скот — l'home aise, eclaire et liberal*, т. е. буржуа.

А национальность? Национальность христиан в будущем обеспечена; — Турция без революции посредством общих реформ должна** отступить за Босфор (не потому что*** турки хуже христиан; нет, они даже меньше хамы (буржуа), чем болгары или греки, но потому, что за христиан число, Россия и раздоры слепых дураков-европейцев). Не лучше ли нам в самом деле в настоящем иметь союзниками турок, подвигать их к медленным, но прочным реформам, быть самыми для них**** искренними и верными друзьями, пугать и турок и христиан Германией и Австрией. И вот через 25—50 лет: христиане созреют, заберут в свои руки все дела, и султан, быть может, без пролития капли крови русской и турецкой (которая, право, симпатичнее европейской) уйдет за Босфор, оставаясь и в Азии нам другом; а греки и славяне союза с нами все-таки не избегнут. Поэтому и так и сяк все лучше говорить осязательную правду. Благодарю Вас крепко за Вашу похвалу: она ужасно обрадовала меня в моем одиночестве.

Прошу Вас принять уверения, барон, в моем отличном почтении.

К. Леонтьев

Леонтьев К. Н. Письмо Остен-Сакену Ф. Р., 22 марта 1872 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 211—212. — [Т.] IX.

22 марта 1872 Афон

Милостивый Государь Федор Романович,

В ответ на запрос Ваш о том, есть ли конституция определенная на Святой Горе, спешу ответить вот что. Если под

конституцией разуметь писанную Хартию, особую, определяющую взаимные отношения монастырей, скитов, Протата4, (келий) и т. д., то таковой Хартии или Свода — нет.

Организация власти на Святой Горе выработалась естественно, так сказать, эмпирически, как в Англии. Подобно тому как в Англии не искали никогда пригвоздить жизнь неподвижным и ясным уставам, а держась крепко древнего отцовского обычая, давали жизни итти понемногу туда и сюда, смотря по обстоятельствам, — так и на Афоне. Афон, как и Англия, есть продукт в высшей степени естественный. Есть много уставов, но нет одного краткого и деревянного устава. Определены отношения каждого монастыря к каждому скиту (особливо писанных омология(ми)5): определены отношения всей Горы к Патриарху (и то не общей хартией, а более обычаями подчинения Вселенской Церкви). Каждый монастырь имеет свои Патриаршие грамоты (для разрешения основания и т. п.).

Протат состоит от 20 представителей равноправных вполне; — представители монастырей старших по времени основания имеют только перед другими права церемониала стоять выше или, ils ont le pas sur les autres*, власть равна.

Никакая особая хартия не определяет ясно его юридическую роль над отдельными обитателями, но в 1-й инстанции суду Протата подчиняются не только самобытный монастырь и вассальный скит, но и два равных монастыря. Не имея перед собой решения этой 1-й инстанции и Патриарх не станет судить дела.

Для большинства текущих дел принято обычаем, что** подписи 4-х представителей достаточны

для представления всего Протата, ибо эти 4 заседателя чередуются и уже не отлучаются из Кареиб во время своей очереди.

Бумаги официальной Вашей я не видал, ибо она у Якубовского7, а я на Афоне. Но он мне прислал Ваше письмо, и я догадываюсь, что дело идет о 4-х печатях на деле о 25 000 руб. г-жи Киселевой.8 О. Иероним9 и о. Макарий10 сказали мне, что в обыкновенных случаях 4 печати «довлеют», но из осторожности, чтобы не было после каких-либо придирок и несогласий — лучше чтобы было на доверенности все 20 печатей.

Я, по правде сказать, сначала был недоволен распоряжением г-жи Киселевой, отдавшей % Протату, и думал, что лучше бы роздавать % прямо бедным обителям поочередно и т. п., но потом мне объяснили, почему это распоряжение очень хорошо; члены Протата есть и от немногих богатых и от многих крайне бедных монастырей. Если на каждый монастырь придется в год по 50 р. процентов, то для таких монастырей это большое облегчение, напр(имер) для киновий Григориана, Симопетра, Эсфигмена, маленького штатного Филофея11, который недавно сгорел и крайне бедствует; особенно для расходов на те общие всему Афону нужды, которые находятся обыкновенно на руках Протата, как-то: содержание общей стражи, почта, разные расходы представительства и приемов, для сношений, быть может, и с местной турецкой властью по общим делам и т. п.

Извините, Федор Романович, что не пишу подробнее; еще утомляет меня иногда письмо, хотя мне и лучше стало здесь несравненно. Зимой я думал, что уже не жилец этого мира, до того болел и всячески страдал, а тут еще всякие каверзы, выдумки и непростительные подозрения явились на помощь. Поневоле дошел до того что ни свечки, ни лампы по вечерам не мог видеть, ни по делам людей принимать, ни даже скрипа легкого двери слышать; ни молока, ни мяса, ни зелени есть; ел только рыбу вареную и рис всю зиму. Доктор Каракановский, который был в Солуне, когда я Якубовскому сдавал дела, очень хорошо назвал мое страдание: Hyperaenesia nervorum от долгой лихорадки и нравственных причин. Он советовал мне спокойствие духа прежде всего и деревенский воздух и нашел, что мне очень полезно не спешить ехать опять в города большие, а пожить и отдохнуть сперва на Афоне. И это правда, я хоть и медленно, но поправляюсь; быть может, с помощию Божией, на Пасхе поднимусь хоть до Цареграда, а там что Бог даст! Во всяком случае я уверен, что П. Н. Стремоухов12 не откажет мне в отсрочке моего отпуска даже до 1-го сентября. Поверьте, этого требует справедливость. Надо, чтобы я все забыл на время, все заботы и о себе и о службе, для того чтобы стать прежним чиновником, которым не брезгали. У меня готова давно большая записка: «Об Афоне и отношениях к нему России».13 Но набело еще очень тягощусь писать; она велика; а давать ее монахам неловко, как вы увидите сами. А вот к Пасхе кончу ее. Извините, что негде уверить вас, как следует, в почтении и преданности К. Леонтьева

ЛВ. Здесь вас очень помнят и хвалят.

Маленькая, но очень важная просьба: не можете вы сделать мне одолжение, постараться, чтобы Солунь ни для кого у меня не отнимали; если я поправлюсь, я другого поста пока искать не буду; а если не поправлюсь, так уж тут будет и вовсе не до постов, разве до Великого и Успенского поста. Разве не правда?

Лаптева Т. А. Примечания: Письма К. Н. Леонтьева к Ф. Р. Остен-Сакену // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 212. — [Т.] IX.

1 Обиходное название монастыря св. Пантелеймона на Афоне.

2 Записка в фонде Ф. Р. Остен-Сакена не обнаружена.

3 Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь, министр иностранных дел и государственный канцлер.

Государственный канцлер.

4 Монашеский местный синод на Афоне.

5 Омология (гомология) — подобие, сходство.

6 Афонский городок, место заседаний Протата.

7 Якубовский, консул в Битолии, преемник Леонтьева на месте консула в Салониках.

8 Киселева в 1872 г. пожертвовала проценты с капитала в 25 000 руб. в пользу больных русских.

9 Отец Иероним (Иоанникий Павлович Соломенцев) (1803—1885), духовник и старец русского монастыря св. Пантелеймона на Афоне.

10 Отец Макарий (Михаил Иванович Сушкин) (1821—1889), архимандрит русского монастыря св. Пантелеймона.

11 Леонтьев перечислил греческие монастыри на Афоне. Киновии — общежительные монастыри; штатные — своеобычные, не имевшие строгого устава.

12 Стремоухов Петр Николаевич, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1864—1875).

13 Имеется в виду статья «Панславизм на Афоне» (См.: Русский Вестник. 1873. Кн. 4.).

Публикация Т. А. ЛАПТЕВОЙ

Лаптева Т. А. Письма К. Н. Леонтьева к Ф. Р. Остен-Сакену // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 210. — [Т.] IX.

Публикуемые письма Константина Николаевича Леонтьева (1831—1891) адресованы известному ученому и государственному деятелю — Федору Романовичу Остен-Сакену (1832—1916). В 60 — начале 70-х гг. XIX в. Остен-Сакен служил в Азиатском департаменте внутренних дел, а в 1875 г. был назначен директором Департамента внутренних сношений того же министерства. Письма Леонтьева относятся ко времени его консульской службы в Солуни (Солоника) (апрель 1871 — декабрь 1872). Константин Николаевич нашел внимательного читателя своих первых публицистических произведений. И это неудивительно. До сих пор поражает широта и разносторонность интересов Остен-Сакена — этого чиновника дипломатии. Он занимался историей, географией, этнографией, ботаникой, метеорологией, совершил путешествия в Китай, Среднюю Азию и оставил капитальные труды по ряду отраслей знаний. Богат и архив Остен-Сакена, в котором сохранились письма многих выдающихся деятелей его эпохи.

Письма Леонтьева были обнаружены в архиве Остен-Сакена В. Г. Бухертом. Автографы хранятся в РГАДА (Ф. 1385, Оп. 1. Ед. хр. 1552. Л. 1—4).

Письма Императора Александра III к Наследнику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 25 Июля 1891 г. На Саймонском озере // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 241—242. — [Т.] IX.

Яхта «Марево»

На Саймонском озере165. 25 Июля 1891 г.

Милый Ники, пишем тебе на яхте «Марево», так как мы теперь идем из Вильманстранда167 к Иматре168 и хода 2 часа, времени довольно, чтобы писать, а на месте нет возможности писать, времени ни минуты, а дела много. Благодарю за последние телеграммы, радуюсь каждой, так как после каждой ты подвигаешься все ближе и ближе к нам и к концу твоего путешествия. Финские батальоны представились отлично, как всегда. Завтра на параде кроме Финских батальонов будет еще участвовать 1 бригада 24 (Пехотной) Дивизии и 3 батареи 24 (Артиллерийской) бригады. К сожалению, погода дождливая, но как раз во время маневров сегодня прояснило и нас совсем не мочило. Все напоминает здесь 1885 год, но общество было тогда веселее и приятнее. Видел в

первый раз Финский Драгунский полк и действительно замечательно он представился, хотя существует всего несколько месяцев, лошади на половину ремонтные169 наши и есть и финской породы и очень хорошие.

«Марево» так тресет, что писать не удобно и по этому у меня выходят страшные каракули. Поздравь от меня славное Уральское казачье войско с юбилеем и передай им мой привет170. Это второй 300 летний юбилей казаков, который тебе приходится праздновать. Я чувствую, что я пишу чепуху и бестолково, но в каюте набилось столько народу от дождя и стоит такое орево, что писать трудно, а в особенности складно.

Когда будешь на обратном пути в Москве, то устрой так, чтобы можно было-бы тебе поехать на несколько часов в Троицкую Серг(иевскую) Лавру, это я нахожу весьма желательным и достойно закончит твое долгое и утомительное путешествие.

Теперь пора кончить, постараюсь еще писать тебе с следующим курьером. Крепко обнимаю тебя, мой милый Ники, дай Бог

тебе докончить скоро и благополучно начатое долгое странствование171. Христос с тобою, мой милый!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 14 июля 1891 г. Коттедж // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 241. — [Т.] IX.

Котедж. 14 Июля 1891 г.

Мой милый Ники, благодарю тебя от души за твое интересное письмо об твоем пребывании в Владивостоке и путешествии по Амуру. Воображаю, как много интересного и необыкновенного ты увидел за все это длинное и утомительное путешествие через Сибирь163; не многим посчастливится сделать подобное путешествие! Какая радость, что с каждым днем ты все подвигаешься ближе к нам, и с каким нетерпением мы все ждем тебя обратно домой. Про наше чудное плавание по шкерам ничего не пишу тебе, так как Мама и Ксения писали тебе целые брошюры и ты все знаешь. Погода была такая великолепная и до того мы наслаждались нашим пребыванием на «Царевне», как никогда не было. Вообще нынешнее лето что-то совершенно необыкновенное, погода идеальная и мы так втянулись в жару, что нам не почем 24°.

Воспоминание командования моего, 25 лет назад, Преображенским полком отпраздновали в Петергофе. В 11 ч(асов) парад у большого Дворца, там-же в саду кругом фонтанов был устроен солдатский обед. Потом в Дворце принял всех офицеров и бывших Преображенцев, которые поднесли мне прелестный образ, и я им сказал маленький спич. После этого большой завтрак с тостами. Обедали в этот день у Ежени и Алека, которые пригласили всех офицеров, бывших в мое время в полку, набралось нас человек 20 и мы праздновали Преображенцев до 12 ч(асов). Сижа164 приехал нарочно из Москвы на этот день и наслаждался и увлекался вполне с своими

Сижа164 приехал нарочно из Москвы на 3101 день и наслаждался и увлекался вполне с своими Преображенцами.

Сегодня мы были в Кронштадте на французской эскадре и посетили Адмиралский Корабль «Маренго» и новый колосальный броненосец «Марсо»165. Потом мы кормили завтраком на «Державе» всех французов и наших моряков. Вся практическая эскадра стоит теперь на большом рейде против Французской и наши рейды оживились. Ночевали мы на «Царевне» и на ней прошли в Кронштадт и обошли обе линии под Греческим и моим Штандартами. Жаль, что тебе не удалось видеть Франц(узскую) эскадру, суда очень интересные, чисто содержаны, команды красивые и щегольски одетые и все суда кричали ура, как наши, снимая фуражки, что они никогда не делают. Погода была дивная и жаркая.

Скажи Барятинскому, что я его очень благодарю за последнее письмо, тоже с Амура. Теперь пора спать уже 2? ч(аса) ночи, крепко и от души обнимаю тебя, мой милый Ники, и желаю продолжения до конца счастливого путешествия. Христос с тобою, мой милый!

Твой Папа

Поклон всем спутникам.

Ворон тебе лает и ожидает с нетерпением

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 16 мая 1891 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 236—238. — [Т.] IX.

Гатчина

16 Мая 1891 г.

Благодарю тебя, милый Ники, за милое и интересное твое письмо, написанное 1 Апреля в Желтом море, которое я получил сегодня, т. е. вчера, так как теперь уже 2 часа ночи. Слава Богу, что известия о твоем здоровье так утешительны, и как мы счастливы и радуемся, что ты уже в Владивостоке148, т. е. в России. Что за радость будет, если тебе удасться приехать в Петербург раньше, чем предполагалось, и я расчитываю, что ты можешь быть обратно ранее 10 днями. Я рад, что и ты и все военные Приамурского края довольны твоим назначением шефом 1 стар(елкового) В(осточно)-С(ибирского) батальона, телеграфировали: Бар(он) Корф, командир бригады и наконец батальонный командир и все благодарят за назначение149. Жаль, что не удалось сделать парад и отслушать молебен в лагере из за дурной погоды, а у нас просто прелесть что за погода, 22° в тени, и мы таем, в особенности в комнатах, но за то гулял я сегодня 2? часа и потел как мышь. В Москве доходит до 27°, и Сергей пишет, что в городе невыносимо.

Вел. Кн. Георгий Михайлович. 1886 г.

Мы собирались с Мама и Ксениею ехать в Москву 14 Мая и день коронации150 быть в Успенском на молебне, но у бедной Мама сделался такой страшный флюс, что пришлось отказаться ехать, как предполагали, и теперь надеемся, что можно будет выехать в ночь с 16 на 17 число. Хотим посмотреть Французскую и Азиятскую выставки151, сделать смотр Московскому гарнизону и пробыть 3 дня, а потом я возвращаюсь в Гатчину, а Минни152 с Ксенией отправляются в Крым встречать Жоржи. К сожалению, из за массы дел я не могу с ними ехать и вообще нахожу, что Жоржи можно-бы прямо ехать сюда, но эскулапы, конечно, должны сочинять свое и решили, что ему нужно провести 2 недели на Эриклике153 до возвращения на север. В Крыму теперь они все будут умирать от жары и пользы от этого мало. Мама надеется пойти на «Адмирале Корнилов» из Севастополя в Ялту и радуется этому.

«Полярная Звезда» отправилась теперь в пробное плавание в Атлантический океан и будет ждать свежей погоды, чтобы хорошенько покачаться в Бискайской бухте. На Фоминой неделе яхта

свежей погоды, чтобы хорошенько покачаться в Бискайской бухте. На Фоминой неделе яхта ходила на испытание механизмов и сделала переход в 400 миль из Ревеля кругом острова Готланда и обратно в Ревель; имела свежий N(ord)-O(st) ветер с большим волнением и Кн(язь) Шаховской пишет, что очень доволен яхтой и машина работала без остановки, а средняя скорость 16? узлов, но доводили до 17?. Яхта легко всходит на волну, почти не принимает брызг, а боковая качка до 11° крена. Посмотрим, что даст дальнейшее испытание. Сандро и Сергей много рассказывают про свое путешествие, и оба очень довольны плаванием на «Тамаре». Они привезли мне чудный большой слоновый клык весь в резьбе и красивого рисунка. Получил сегодня письмо от Жоржи из Палермо перед уходом оттуда. На него известие о твоем происшествии сделало огромное впечатление, и Алышевский писал, что это продолжалось двое суток, он дурно спал и температура сейчас-же поднялась; он беспокоился, что ему не всю правду

телеграфировали и что ты опасно ранен и успокоился окончательно, получив твою телеграмму. Сегодня он уже в Дарданелах.

Вел. Кн. Михаил Александрович с командой императорской яхты «Царевна».

Конец 1880-х гг.

Теперь пора кончить письмо. Мой сердечный поклон Барятинскому и Басаргину, а тоже и Бар(ону) Корфу. Поклон всем спутникам. Крепко целую тебя, милый Ники, счастливого пути. Христос с тобою, мой дорогой!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 6 мая 1891 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 236. — [Т.] IX.

Гатчина

6 Мая 1891 г.

От всей души благодарим Господа, милый, дорогой Ники, за Его великую милость, что Он сохранил Тебя нам на радость и утешение. До сих пор еще не верится, чтобы это была правда, что действительно ты был ранен, что все это не сон, не отвратительный кошмар145. Никогда не забуду, когда получил первое сообщение об этом ужасном происшествии, из японской телеграммы я узнал в чем дело, потому что твоя, хотя и была первая, но в ней не было подробностей и мы не знали, в чем дело. Боже, что это был за день; ждали с нетерпением телеграммы Барятинского и получили ее только в 3 ч(аса) дня, тогда как твою уже получили в 8 ч(асов) утра. Только после телеграммы Барятинского мы немного успокоились и, действительно, видели, что все идет хорошо и что ты бодр и лихорадки нет. Как достаточно благодарить Господа, что он тебя сохранил и что ты мог уже через день вернуться на фрегат к эскадре и быть снова по среди своих и дома! С каким нетерпением ждем мы первых писем от тебя и Барятинского с подробностями об этом происшествии, это ужасно, что кроме коротких а иногда и не ясных телеграмм мы ничего раньше месяца не получим, а тут всякая мелочь, всякая подробность дорога и интересна. Что мы получили и продолжаем получать телеграммы, это ужасно и сочувствие огромное и искренное, конечно, что касается до России. Что меня очень тронуло, это одна из первых телеграмм, которую я получил еще в тотже вечер поздно от Адмирала Лазарева146 и всех офицеров 8 Флотского Экипажа, которые узнали из прибавления к «Правит(ельственному) Вестнику», напечатанного и разосланного в тот-же вечер. Даже раньше некоторых членов семейства моряки уже мне телеграфировали и в таких теплых и искренних выражениях.

Я воображаю отчаяние Микадо147 и всех сановников японских, и как жаль для них, и все приготовления и празднества все пропало и не к чему! Но Бог с ними со всеми, радуюсь и счастлив, что благодаря всему этому, ты можешь начать твое обратное путешествие скорее и

счастлив, что благодаря всему этому, ты можешь начать твое обратное путешествие скорее и раньше, Дай Бог, вернешься к нам! Что за радость будет снова быть всем вместе и дома, дождаться этого не могу от нетерпения.

Ни о чем другом не могу сегодня писать, так мы за эти дни мучились и беспокоились. Следующее письмо надеюсь будет для тебя интереснее, а теперь от всей души обнимаю тебя, милый, дорогой Ники, и вместе с тобой еще и еще раз благодарю Господа, спасшего тебя и сохранившего тебя нам и России!

Сегодня день твоего рождения, а я так увлекся, что и не поздравил тебя, но все письмо — поздравление и благодарение Всемогущего за все Его милости! Христос с тобою, мой дорогой

Ники! (Истинно Он был с тобою!)

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 20 ноября 1890 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 221—222. — [Т.] IX.

Гатчина

20 Ноября 1890 г.

Благодарю тебя от души, милый Ники, за твое письмо из Афин, которое доставило мне большое удовольствие и мы читаем ваши письма с большим интересом и страшно радуемся, когда приезжает фельдъегерь; между прочим это уже третий, который отправляется к вам!

У нас, Слава Богу, все идет благополучно, по старому и полковые праздники, и завтраки, и воскресные обеды и проч. Гусарский праздник был блестящ, как всегда, все только сожалели твое отсутствие. Завтрак был в Александровском Дв(орце) и я пригласил еще офицеров моего Кирасирского полка, так как их никогда не удается праздновать из за нашей поездки в шкеры.

Был я в твоих комнатах в Ц(арском) С(еле): все в порядке и очень хорошо устроено. В тот-же день мы были в Павловске у Дяди и Тети,58 очень рады были нас видеть. Д(ядя) Пиц и Alix59 вернулись на той неделе и увезли к себе в Петербург свою душку беби.60 Д(ядя) Пиц окончательно оставляет Гусарский полк и скоро получит Конную Гвардию, и я уверен, что там пойдет хорошо и что он будет страшно стараться, чтобы загладить свою неудачу в Гусарах. К сожалению, у него просто отвращение к полку, до того он оскорблен и просто зол на офицеров; это более чем грустно и весьма прискорбно.

Наши охоты прекратились из-за зимы, наступившей разом 1 Ноября, и морозы были сильные и с страшным ветром; у нас в

Гатчине было до 22° ночью, а днем 18°, 19° и 20°. Убил я на той неделе рысь в самом зверинце (т. е. ремизе). Ездили на волков, но ушли, а сегодня сделали маленькие облавы в парке и убили 2 лисиц, 6 зайцев и 3 лани; были только Шереметев,61 Голицын и Диц,62 у которого к его великому счастью, родилась дочь в Субботу 17 числа, и он назвал ее Ксениею.

Яхта «Полярная звезда» вместе с новым спасательным пароходом Кронштадтского порта «Силач» вышли из Кронштадта 8 Ноября почти во льду и попали в жестокий N(ord)-O(st), шторм со снегом и мглой и пришли благополучно на другой день в Ревель, там будет яхта доканчивать работы. Приходится менять отопление и командные нужники, оказавшиеся не удачными и зловонными, и в жилой палубе было всего 2° тепла! Яхта выдержала шторм хорошо и шла совсем сухая, а бедный «Силач» обмерзал порядком. Миша продолжает усердно охотиться за воронами и убил из монтекристо уже 5 штук и страшно ликует и горд.

Николаша63 на днях оставляет Гусарский полк и получает бригаду, а вместо него назначен Кн(язь) Васильчиков64 из Нижегородского Др(агунского) полка. Нижегородский полк получает Флиг(ель) Адъют(ант) Бибиков.65 Вот тебе пока все новости и перемены, а теперь должен кончить. Мой поклон: Барят(инскому), Басаргину, Ломену и всем спутникам.

Обнимаю от души тебя и Жоржи; Христос вами, мои дорогие! Скучно, пусто и все не то без вас. Ворон тебе кланяется.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 29 октября 1890 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 221. — [Т.] IX.

Гатчина

29 Октября 1890 г.

Мой милый Ники, очень, очень грустно было прощаться с тобою и знать, что на такое долгое время мы будем в разлуке42. Как грустно было возвращаться в Гатчину, как пусто было дома и как наша прогулка по парку с милым Вороном была не весела в этот день. Ворон всякий день гуляет с нами и иногда приходит к Мама и лежит в ее комнатах, но видимо, он скучает и не весел.

Много думали мы о тебе, как было тебе тяжело в Вене43, совсем одному и с тяжелыми любезностями Императора и Эрц Герцогов44, хотя, действительно, по всему видно, что они старались быть чрезвычайно милы, но для начала, я думаю, это было тяжело и не весело. Охота наша в Четверг после твоего отъезда была очень удачная и погода теплая 7° и тихо. Убили всего 488 штук, из которых фазанов 178, тетеревей 26 и куропаток 15. Мама, Ксения и Миша приехали туда к нам под конец охоты верхом, но уже было довольно темно. На другой день мы ездили с Голицыным45 в зверинец и убили вдвоем 8 штук. Твоего оленя, которого ты ранил в челюсть, нашли и докончили люди с фермы46. Сегодня в воскресение после обедни представлялись люди вновь прибывшие в батальон от 3 Гвард(ейской) пехот(ной) Див(изии) из Варшавы и всех трех Гренадерских полков; отличный народ, а в особенности Эриванского полка все моей роты и огромного роста, чудный народ и Астраханские не большие люди, но все черномазые и замечательно красивый народ. Гуляли мы с Мама, Ксенией, беби Еленой Влад(имировной) и 3 Графинюшками Вор(онцовыми)47. Миша с Владимировичами, Боба48 с Африканом49 отправились в охотн(ичью) слободку к собакам и, конечно, к лисицам и волкам. Обед был воскресный в арсенале50 до 35 человек. Продолжаю письмо сегодня 30 Окт(ября). Владимир и Михень51 вернулись сегодня из Берлина и завтракали у нас. Собираемся завтра на охоту здесь-же в окрестностях, но, кажется, будет холодно, начинает морозить и барометр страшно полез подыматся. Кроме обыкновенных охотников прибавятся: Владимир, и я пригласил еще Кн(язя) Шаховского52, ком(андира) яхты «Полярная звезда» и Кап(итана) 1 ранга Елчанинова53, оба хорошие охотники. Посылаю Жоржи еще ящик с нашими Петергофскими грыбами для Кают-компании офицеров «Азова»,54 надеюсь, что первые были уже съедены офицерством. Правда-ли что их так плохо кормят на фрегате? Григорий Гр(игорьевич) очень не доволен, что Жоржи не осматривал достопримечательностей Греции55 и жаловался Мама.

Мой искренний поклон В. Г. Басаргину, Кн(язю) Барятинскому и Н. Н. Ломену.56 Сегодня больше писать не успею, ложусь спать раньше, завтра в 8 ч(асов) уже выезжаем на охоту.

Крепко целую тебя и Жоржи, Христос с вами, мои милые! Всем Греческим57 мой поклон, а Т(етю) Ольгу крепко обнимаю.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 28 марта 1885 г. Аничков // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 218—219. — [Т.] IX.

28 Марта 1885 г. Аничков

Спасибо тебе, милый Ники, за твое письмо и отчет об христосовании с Гатчинскими жителями. Завидую страшно вам, что вы наслаждаетесь в милой Гатчине. Сегодня в 2 ч(аса) я христосовался с Павловским караулом, который стоял в Аничкове в ночь на Пасху, а потом был смотр новобранцам на обоих дворах Аничкова, который продолжался 1? часа. Всего новобранцев было 4979 человек.

После этого я уныло гулял с Камчаткой и Типом в нашем саду и ковырял, от скуки,

снег палкой. Теперь жду от тебя отчет об состоянии озер и парка, много ли стаяло и грязно ли еще. От души вас всех целую. До свидания. Христос с вами, мои душки.

Папа

Императрица Мария Федоровна. Гатчина. 1890 г.

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 13 апреля 1884 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 218. — [Т.] IX.

В(еликому) К(нязю) Наследнику Цесаревичу.

При сем 11 яиц.

Посылаю тебе, милый Ники, еще 11 яиц больших, малых у меня больше нет. Не понимаю, как мы так дурно считали, что не хватило всем; значит яиц было не 51, а 43, иначе вышло-бы верно.

Император Александр III. 1880-е гг.

Благодарю тебя очень за твое письмо с Романом Николаевичем. Целую

13 Апр(еля) 1884 г.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 1 июля 1880 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 216—217. — [Т.] IX.

Царское Село. 1880 г. 1 Июля

Благодарю тебя, милый Ники, за твое длинное и милое письмо, которое я получил сегодня вечером.

Мы отлично плавали на милой «Царевне»21, погода была отличная и только один день покачало да и то только несколько часов. В шкерах мы каждый день съезжали на острова, гуляли, ловили рыбу и я стрелял и убил одну тетерку.

Пришли в Петергоф 29-го Июня в 1 час дня; заехали с Мама в наш милый Котедж22, а потом отправились по жел(езной) дороге в Царское Село.

Датский король Христиан IX и королева Луиза

Офорт В. А. Боброва. 1880-е гг.

Вчера вечером мы поехали в Красное Село и там ужинали у Дяди Владимира и ночевали в нашем домике. Сегодня утром был парад Кавалергардскому полку и завтрак всем офицерам у Ан-Папа. К обеду мы вернулись снова сюда и обедали у Ан-Папа. Бедный Д(ядя) Гег заболел тоже корью, а Д(ядя) Пиц поправляется. Жду с нетерпением нашего возвращения в милый и тихий Гапсаль23 и радуюсь Вас всех увидеть. Целую крепко милых Георгия, Ксению и Мишу. Всем нашим мой поклон. Крепко целую тебя, душка Ники.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 30 октября 1879 г. Gmunden // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 216. — [Т.] IX.

Gmunden18. 30 Октября 1879 г.

Благодарю тебя, милый Ники, за твое письмо, которое я получил еще когда мы были в Gannes. Благодари от меня милого Георгия за его второе письмо, которое я получил здесь.

Сюда мы приехали из Парижа, где оставались всего 3 дня. Здесь очень холодно и несколько раз шел снег, так что все горы белы и очень красивы. Вчера мы охотились и убили 56 зайцев. Тетя Тюра19 здорова и вас целует. Апапа и Амама20 вас обнимают и очень сожалеют, что вас нет здесь. Хочется очень скорее быть дома и обнять вас всех. Кланяйся Григорию Григорьевичу от меня. Обнимаю тебя крепко. Христос с вами, мои душки.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 17 июля 1879 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 216. — [Т.] IX.

Красное Село. 1879 г. 17 Июля

Благодарю тебя, душка мой Ники, за твои два последних письма, которые я прочел с удовольствием. Стихи Андреева15 очень хороши. Умеешь ли ты и Георгий теперь плавать и выучил-ли вас M(iste)r Health?16 У нас все еще погода не поправляется и каждый день идет дождь. По воскресениям я езжу в Царское Село, и там гуляем с дядей Алексеем17 пешком и делаем большие прогулки в Павловск. Я всякий раз вижу в Царском Селе твоего друга Киашку, который всегда встречает меня в мундире и подымает на мачте мой флаг. Мне так хочется скорее приехать к вам и надеюсь, что 8 Августа лагерь кончится.

Целуй крепко от меня милую Мама, Георгия, Ксению и Мишу. Кланяйся от меня M(iste)r Health.

Обнимаю вас всех моих милых душек и еще раз благодарю тебя и Георгия за ваши письма. Христос с вами, мои душки! Не забывай твоего

Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 17 июля 1879 г. Красное Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 216. — [Т.] IX.

Красное Село. 1879 г. 17 Июля

Благодарю тебя, душка мой Ники, за твои два последних письма, которые я прочел с

Благодарю тебя, душка мой Ники, за твой два последних письма, которые я прочел с удовольствием. Стихи Андреева15 очень хороши. Умеешь ли ты и Георгий теперь плавать и выучил-ли вас M(iste)r Health?16 У нас все еще погода не поправляется и каждый день идет дождь. По воскресениям я езжу в Царское Село, и там гуляем с дядей Алексеем17 пешком и делаем большие прогулки в Павловск. Я всякий раз вижу в Царском Селе твоего друга Киашку, который всегда встречает меня в мундире и подымает на мачте мой флаг. Мне так хочется скорее приехать к вам и надеюсь, что 8 Августа лагерь кончится.

Целуй крепко от меня милую Мама, Георгия, Ксению и Мишу. Кланяйся от меня M(iste)r Health.

Обнимаю вас всех моих милых душек и еще раз благодарю тебя и Георгия за ваши письма. Христос с вами, мои душки! Не забывай твоего

Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 2 октября 1877 г. Село Брестовец // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 213—214. — [Т.] IX.

2 Октября 1877 года. Село Брестовец

Благодарю вас, мои душки Ники и Жоржи, за ваши письма. Мне очень скучно и грустно без вас и я часто думаю о вас и душке Ксении. Как давно мы не видались и я думаю, вы меня совершенно уже забыли. Дядя Гег постоянно живет у меня, а недавно приезжал тоже Дядя Пиц и провел здесь 2 дня. Надеюсь, что лошадь, которую Володя подарил Ники, пришла. Я хочу тоже подарить Жоржи турецкую лошадку и пришлю ее в Царское Село. Теперь, наконец, у нас отличная погода и дождь перестал.

Император Александр III

Как мне хочется скорее приехать к вам, назад домой. Целуйте от меня крепко Мама и не забывайте вашего Папа, молитесь за него и за всех наших молодцев солдат. Обнимаю и целую вас крепко, мои душки. Постоянно думаю и молюсь за вас!

Христос с вами, мои душки!

Ваш Папа

Мой поклон Григорию Григорьевичу и M(ada)me Флоттов10.

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 16 апреля 1877 г. Кишинев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 213. — [Т.] IX.

Кишинев.6 1877 г. 16 Апреля

Благодарю тебя, милый Ники, за твое письмо; скажи Жоржи, что я его тоже благодарю за его два письма. Кролик очень смеялся, читая это письмо Жоржи. Мы ездили сейчас верхом с Дядей Владимиром7 и Володей Куртошкин нос. Сегодня у нас тепло и на солнце жарко. Что делает каток,* хорошо ли вы работаете в саду?

Скажи Сапрак8, что стыдно пить квас перед супом, а еще хуже так не слушаться.

Целую крепко тебя, Жоржи и Ксению. Христос с вами, мои душки.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 8 октября 1876 г. Ливадия //

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 213. — [Т.] IX.

Ливадия. 8 Окт(ября) 1876 г.

Благодарю тебя, милый Ники, за твои письма и Жоржи1 тоже, я очень рад, когда я их получаю. Теперь ты хорошо пишешь и можешь мне писать чернилами, а не карандашем. Сегодня у нас дурная погода и дождь. Музыка совсем не играет и только приходит в Воскресение за завтраком. Ан-Папа, Ан-Мама2 вас целуют и Дяди Гег и Пиц3 тоже. Обнимаю вас, мои душки, от всего сердца. Целуй хорошенько Мама4 от меня и Ксению5, Христос с вами.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 14 апреля 1894 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 243—244. — [Т.] IX.

Гатчина

14 Апреля 1894 г.

Мой милый, дорогой Ники, ты можешь себе представить с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу мы узнали о твоей помолвке!182 Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и был уверен в полной неудаче твоей попытки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил и великая Ему благодарность за Его Милости. Если-бы ты видел, с какою радостью и ликованием все приняли это известие; мы сейчас же начали получать массу телеграмм и завалены ими и до сих пор.

Сегодня Владимир и Михень первые передали нам некоторые подробности, потом твое письмо к Мама, так что наконец мы знаем, как все это происходило и через что ты прошел в эти дни. Но теперь я уверен, ты в двойне наслаждаешься и все пройденное, хотя и забыто, но я уверен, принесло тебе пользу, доказавши, что не все достается так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает всю твою будущность и всю твою последующую семейную жизнь!

Не могу себе представить тебя женихом, так это странно и необычно! Как нам с Мама было тяжело не быть с тобой в такие минуты, не обнять тебя, не говорить с тобою, ничего не знать и ждать только письма с подробностями.

Передай твоей милейшей невесте от меня, как я ее благодарю, что она наконец согласилась и как я желал-бы ее расцеловать за ту радость, утешение и спокойствие, которые она нам дала, решившись согласиться быть твоей женой. Не пишу ей, так как это было бы повторение моего письма, к тебе, но ты ей передай все это.

Обнимаю и поздравляю тебя, милый, дорогой Ники; мы счастливы твоим счастьем и да благословит Господь вашу будущую жизнь, как благословил ее начало!

Твой счастливый и крепко тебя любящий

Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 28 ноября 1892 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 242—243. — [Т.] IX.

Гатчина

28 Ноября 1892 г.

Поздравляю тебя, милый Ники, от души с твоими имянинами172 и радуюсь за тебя и за Жоржи, что проводите этот день вместе и, конечно, симпатичнее чем-бы это было здесь, хотя очень жаль, что мы тебя не увидим. Тоже сердечно благодарю тебя за письма твои во время путешествия и последнее из Абас-Тумана173. Я рад за тебя и за Нижегородцев и уверен, что этим назначением174 доставил действительно большую радость этому славному полку, что и вижу из их телеграмм. Отпраздновали как всегда Лейб-Гусар, Московских и Семеновских, похоронил двух Генер(ал) Адъютантов: Дризена и Адмирала Новосильского175, потом Георгиевский праздник176 и обед и т. д. тоже самое без конца, монотонно и не весело!

Рождение Мама177, тоже было не веселое, а в особенности без вас обоих!

Единственное утешение — тихое и хорошее житие в милой Гатчине да масса занятий и работы и, Слава Богу, иногда и

перепадает что либо и утешительного.

Охотились довольно много, больших охот с приглашенными было 3, а то ездили с Мишей на фазанов с собакой и с Кн(язем) Голициным в парк на оленей и лисиц.

Ты наверно уже слышал, что Митя178 получает Конно-Гренадерск(ий) полк, чему он весьма радуется, хотя и очень грустит покинуть свою любимую Конную Гвардию. Максимович179 получает бригаду. На днях уезжает Швейниц180, даем ему прощальный обед на будущ(ей) неделе и скоро на его место приезжает Вердер181, которого Император назначил послом в личную угоду мне, что весьма любезно с его стороны. Теперь полная зима, погода очень приятная 4°, 5° и масса снегу, так что и в Гатчине и в Петербурге отличная санная дорога. Радуемся получить письма и известия от вас, от Басаргина, которого ожидаем с нетерпением, а еще более с нетерпением ожидаем твоего возвращения, чтобы слышать от тебя твои впечатления и что делается в Абас-Тумане, а то слышишь все от чужих и не то, что желательно знать. Теперь кончаю; прошу извинения за несвязность и малый интерес письма, но времени свободного мало да уже и поздно, 2 ч(аса) ночи. Мама, Ксения и младшие все целуют вас обоих. Целую крепко тебя и Жоржи. Христос с вами, мои милые!

Цесаревич Николай Александрович и принцесса Гессенская Алиса в дни помолвки. Кобург. 1894 г.

До скорого свидания.

Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 14 июня 1891 г. Коттедж // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 240—241. — [Т.] IX.

Коттедж. 14 Июня 1891 г.

Благодарю тебя, милый Ники, от души за твое длинное и очень интересное письмо о Китае и начале пребывания в Японии. Одновременно получил письмо Барятинского, которое ожидал с большим нетерпением, об гнусном покушении в Оцу и тоже донесение докторов158. Еще раз от глубины души благодарил Господа за его великую милость, что Он тебя сохранил и что раны, тобою полученные, так скоро и счастливо зажили. Читаешь и до сих пор не веришь, что это случилось с тобой, все кажется, что этого быть не могло и что говорится про кого нибудь другого.

Вчера, Слава Богу, вернулись из Крыма Мама, Жоржи и Ксения, вместе с ними приехали Т(етя) Оля и Христофор159. Мы поехали с Alix и Мишей встречать их в Гатчину в 8? ч(асов) утра, а в 11 ч(асов) были уже обратно в Петергофе. Радость огромная снова видеть милого Жоржи здесь вместе с нами после 10 месячной разлуки. Слава Богу, доктора довольны состоянием его здоровья, я нахожу, что он вырос, похудел, но цвет лица здоровый, довольно загорел. Характер его немного изменился, он стал гораздо задумчивее, еще меньше говорит и как будто постоянно озабочен чем нибудь; иногда все это проходит и он по старому весел и в духе. Живет он в вашей старой комнатке в Котедже, а Миша переехал в ваши учебные комнаты и очень хорошо там устроился. Погода с 9 Июня стоит дивная, настоящая Петергофская, 19°—20° в тени, а по ночам 14°. Солнце печет страшно и я обливаюсь потом, а всетаки наслаждаюсь и хожу пешком много и два раза в день. Т(етя) Ольга с детьми и Alix живут теперь: Т(тетя) Ольга в Павловском, а Alix с

Minny в Царском Селе в Большом Дв(орце). Дяде Косте было хуже в конце Мая и опять серьезно беспокоились об исходе ухудшения, но теперь опять ему лучше.

Гоша страшно рад был видеть Жоржи, но Жоржи нашел его переменившимся и даже немного рамоли*, что, впрочем, не правда, хотя, конечно, и мы находим, что он очень постарел и опустился, но все по прежнему гуляет акуратно и доходит до Марли160, пешком и обратно домой; даже и он в Кит(нрзб.). Завтра в 2 ч(аса) едем в Петербург на свадьбу Вани Воронцова и Сины Орловой161, в церкви Воронцовых. На днях были свадьбы обоих сестер Кн(яжен) Куракиных162.

Если погода будет хороша и успею, мы хотим в Вокресение 16 числа отправиться на милой «Царевне» в шкеры, чему Жоржи очень радуется, да и мы все очень рады, всетаки для меня это маленький отдых и немного освежиться.

Радуюсь твоим телеграммам и что все идет благополучно, а в особенности, что войска и казаки представились тебе хорошо.

Мой искренний поклон Барятинскому и Басаргину, а тоже и всем спутникам. Крепко обнимаю тебя, милый Ники, часто думаем о тебе и тебя одного теперь не достает между нами! Христос с тобой, мой дорогой!

Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 31 мая 1891 г. Коттедж // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 238—240. — [Т.] IX.

Коттедж 31 Мая 1891 г.

Милый Ники, каждый день твоего длинного обратного путешествия приближает тебя к концу долгого странствования и вместе с тем к свиданию, наконец, с тобою, нетерпение берет скорее тебя увидеть и обнять.

Вчера перебрались мы сюда, конечно, не из за хорошей погоды, а так как сегодня 30 Мая — Вознесение и праздновали Улан и за раз и Конногренадер154. Погода ужасная, с 22 Мая все холода, ветер, был и град, и снег, и дождь, просто ужас мерзнем и топим как зимой. Парад был как всегда, оба полка представились очень хорошо, а потом, большой завтрак в Дворце, но без дам.

Императорская яхта «Царевна» в финских шхерах.
1880-е гг.

Alix с своей маленькой живет на ферме в комнатах Эллы и Сергея, Ежени, Алек155, Roi Gorges и Стана156 тоже уже здесь и вообще не смотря на холод народу много уже в Петергофе. С 17 по

21 Мая провели мы с Мама и Ксенией в Москве, жара была необычайная до 24° в тени, а ночью просто наказание, совсем не мог спать. Был большой выход в Успенский собор, парад войскам, обеды с приглашенными каждый день от 70—90 человек и большой завтрак для военных после парада. Кроме того, были на Французской выставке, на Азиятской выставке. Ездил с Сергеем осмотреть военный госпиталь, громадный; в 1 и 2 Кадетских Корпусах и наконец осматривал место раскопок в Кремле, где строится памятник Ан-Папа157. Тут много выкопали интересных вещей, в особенности красивые изразцы и массу глиняных вещей. Самое место раскопок весьма интересно, так как видны различные эпохи жизни Москвы и каменные и деревянные строения, отлично сохранившиеся, и следы пожаров. 20 Мая простился с Мама и Ксениею, которые отправились в Крым, и сам вернулся в Гатчину.

Слава Богу, наконец, Мама могла свидется с милым Жоржи, и какое это было счастие и радость для нее, теперь они блаженствуют в Крыму и много гуляют пешком.

Я гуляю с Мишей и Ольгой. Завтракаем и обедаем с Alix, а в Гатчине я иногда ходил к ней пить чай после прогулки. Вечером всегда один и занимаюсь до 3 ч(асов); весной и в начале лета всегда особенно много работы, но в нынешнем году как-то особенно много и часто приходится ложится спать только в ? 4. На охоту весной совсем не ездил и времени свободного мало было, да и охоты не было ехать, такая тяжелая и грустная была эта весна. Бедный Д(ядя) Миша до сих пор совершенно убитый своим горем, он тоже с Мама в Крыму. Сандро хотел плавать в Черном море и ознакомиться с новым типом боевых судов и по этому поступил на это лето на корабль «Синоп» в практическую эскадру, которая начала плавание к прибытию Мама в Севастополь. В Петергофе в Субботу 25 Мая случилось большое несчастие: Лейтенанты де-Рибас и Перелешин с двумя матросами утонули, опрокинувшись под парусами на четверке с лодки «Щит». Тела их до сих пор не отысканы. Они возвращались домой с лодки «Щит», где обедали, и утонули как раз против Александрии севернее брандвахты. Страшно грустно!

Теперь пора кончать и ложится спать. Передай мой искренний поклон Барятинскому, Басаргину и всем спутникам. Счастливого пути. Крепко от души целую тебя, милый Ники, и радуюсь, что ты совсем поправился. До свидания! Христос с тобою, мой дорогой!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 25 апреля 1891 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 235—236. — [Т.] IX.

С. Петербург. 1891 г. 25 Апреля

Христос воскресе!

Милый Ники, Слава Богу, ты теперь в Японии143, т. е. в двух шагах от нашей границы и материка России; это отрадное чувство знать, что тебе теперь всего 4 или 5 дней хода до нашего далекого восточного военного порта, и ты уже на русской почве и только одно громадное расстояние отделяет нас от тебя, но уже мы все на той-же почве. Не легкий путь предстоит тебе теперь через Сибирь и по громадности пути и по утомлению в приемах, встречах и постоянной официальности, но, надеюсь, ты все это перенесешь с свойственным тебе выдержкой и тактом и не будешь унывать духом и телом.

Мы-же здесь положительно не выходим из грусти и печальных церемоний. В ночь на Пасху скончался наш милейший и добрейший В. В. Зиновьев после 22 летней службы при нас; так жаль и грустно и столько хороших и дорогих воспоминаний уходит с ним в могилу! Вчера в 10 ч(асов) утра прибыло тело бедного Д(яди) Низи, и с Московской станции печальная церемония тронулась по Невскому, Литейной, по набережной на Троицкой мост и в Крепость. По всему пути стояли войска Петербургского гарнизона и учебные заведения. Из загородных частей были: Уланский

полк, эскадрон Гусар и рота 4 Стр(елкового) Импер(аторской) Фам(илии) бат(альона). Погода была ясная, но холодная, всего 3°, так что войска были в шинелях. В Крепости была панихида, а в 1 ч(ас) мы вернулись домой. Сегодня опять начинаем день с печальной церемонии, в 10 ч(асов) утра едем в Новодевичий монастырь на похороны бедного Василия Васильевича, а в 2 ч(аса) в Крепость на панихиду по Д(яде) Низи с массой народу. Завтра в 10? обедня и отпевание, а потом похороны бедного Д(яди) Низи. Из всего этого ты видишь, милый Ники, как печально мы проводим праздники, а к этому еще присоединяется вся грусть и тоска без вас обоих, которых нам так страшно не достает. Хороши праздники! Не дай Господи проводить еще раз подобное время, и вся эта грустная и скучная зима без вас, которых нам везде и всегда так не достает, это уже слишком тяжело и невыносимо!

23 Апреля я сделал соединенный парад в манеже144 всем частям по случаю их праздников, т. е. Л(ейб) Гв(ардии) Гренадерскому полку, 1 и 2 Стрелковым бат(альонам), Уральской сотне, обоим моим батареям Конной Артиллерии. Завтрака по случаю траура не было, а поехали мы все завтракать к Павлу и Alix по случаю ее имянин.

Миша и беби остались в Гатчине, Миша был здесь только один первый день Пасхи и страшно торопился вернутся в Гатчину. Здесь с нами только Ксения, которая вполне довольна быть в Петербурге, а с Пасхи ей разрешено носить волосы подобранными, чему она в восторге и с наслаждением занимается своей прической, что, впрочем, не обошлось без слез от полнейшей неудачи первых опытов.

Бедный Жоржи все странствует на «Корнилове» по Средиземному морю в ожидании возможности вернутся в Россию, когда, наконец, погода потеплеет. Весна у нас, хотя и ясная и были довольно теплые дни, но вообще холодная. В прошлом году в это время было уже тепло и все в зелени, а теперь решительно ничего нет и даже травы зеленой почти не видать. Печально! На охоту ни разу не удалось еще поехать. Рыбу на озере ловил только раз, а то все холод и морозит. Теперь кончаю. Поклон Барятинскому и всем спутникам. Боровича целую. Крепко целую тебя, милый Ники. Христос с тобою, мой дорогой!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 16 апреля 1891 г. Гачина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 233—235. — [Т.] IX.

Гатчина

16 Апреля 1891 г.

Благодарю тебя, милый Ники, за твое последнее письмо из Батавии136 и за апетитную пепельницу из бронзы, которая очень мне понравилась. Мама и Ксения остались очень довольны своими подарками из Индии, которые ты им прислал.

Ели успели мы похоронить бедную Тетю Ольгу, как опять новая кончина бедного Дяди Низи137 в Алупке, но эта смерть скорее была желательна, в таком страшно печальном положении находился он все последнее время, почти в полнейшем идиотизме, и для всех окружающих его это была чистая каторга и тяжелое испытание. Я все еще не могу забыть, в каком грустном состоянии мы его оставили при прощании в Августе в Ровно, а потом оно шло все хуже и хуже и в Алупке он уже не жил, а прозябал. По случаю страстной недели и праздников похороны будут только в Пятницу на Святой. Старушка Гр(афиня) Блудова138 тоже скончалась. Умер и знаменитый Генерал Фельдмаршал Гр(аф) Мольтке139. Умерла жена Кн(язя) Ивана Михайловича Голицына140. Умер мой бедный гардеробщик, толстый Брылов! Одним словом все умирают как мухи и только и слышно что о смерти! Бедный почтенный наш В. В. Зиновьев141 тоже совсем плох и страшно слаб, так что почти никакой надежды нет на выздоровление. Все это

не весело и страшно грустно!

Вел. кн. Николай Николаевич (старший). 1880-е гг.

Но теперь довольно об этом грустном сюжете. Погода стоит у нас отличная ясная, но не теплая от 5° до 8° в тени, а на солнце хорошо и тепло. В лесу и где зимой намело до сих пор еще лежит снег и туго тает, так как дождей почти не было, всего раза два. Гуляем много и делаем большие прогулки, конечно, Ворон обязательно гуляет всегда с нами, но главное его удовольствие, снег и лед, пропали, за то они уже начали купаться и лезут в воду сами.

В вербную Субботу 13 апреля произошло присоединение Эллы к Православной вере. Служба и

обедня были в церкви Сергея и за обедней Элла приобщалась. Вся церемония на всех присутствующих произвела глубокое впечатление; я должен сознаться, что был глубоко проникнут серьезностью и знаменательностью этого события и чувствовалась близость и участие чего-то таинственного и присутствие самого Господа! Элла очень хорошо читала молитвы, а некоторые и говорила наизусть. Да, это отрадное событие, порадовавшее меня глубоко, и я придаю ему особую важность в настоящее время.

Конечно, Михень и Мавра, как истые Лютеранки, не присутствовали, да оно и понятно, не могло это событие быть им приятно, но бедные Владимир и Костя очень и очень грустят и для них и за них больно!

И так, даст Бог, это письмо прийдет к тебе, когда ты будешь снова на родной стороне, снова в дорогой нашей России. Мы с Мама от души будем благодарить Господа, когда узнаем, что ты вступил на родную землю, и что это уже начало конца твоего дальнего пути, столь видимо совершенного под Божиим благословением. Теперь кончаю, уже 3 часа ночи или скорее утра, так как уже рассветает. Поклон всем спутникам и Генер(ал) Ад(ъютанту) Барону Корфу142, а вместе с тем благодари от меня сердечно Назимова, Басаргина и Ломена за плавание и за их труды и хлопоты.

Обнимаю тебя, милый Ники, от всей души. Христос с тобою, мой дорогой! Сердечно любящий тебя

Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 6 апреля 1891 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 232—233. — [Т.] IX.

Гатчина

6 Апреля 1891 г.

Благодарю тебя, милый Ники, от души за твое последнее письмо из Сингапура и за чудный костянной омар, который замечательно апетитен и хорошо сделан.

Какие грустные и тяжелые дни провели мы за это короткое время. Бедная Тетя Ольга127, как скоро ее не стало, всего 4 дня была она больна и еще 25 Марта была у нас в Аничкове на Конногвардейском завтраке. 26 числа она уехала 28 должна была остановится в Харькове, а 31 вечером ее уже не стало в живых! Она умерла в комнатах на станции ж(елезной) д(ороги), при ней были только А. С. Озерова и Муханов128. Д(ядя) Миша с сыновьями129 опоздали; Николай выехал днем раньше и всетаки приехал 7 часов после кончины матери. Бедный Д(ядя) Миша, просто жаль смотреть на него, в таком он отчаянии и горе, да и все дети страшно ошаломлены этою незаменимой потерью, а тут еще этот несчастный идиот Миша, который выдумал жениться без разрешения и благословения родителей. Эта весть ужасно огорчила Д(ядю) Мишу и жестоко

отозвалась на здоровье бедной Т(ети) Ольги, у которой и без того сердце было далеко не в порядке.

Вчера мы встретили бедного Д(ядю) Мишу на станции в Тосне и вместе с его поездом прибыли в Петербург. От Николаевской станции похоронное шествие тронулось через Литейной мост в Крепость, погода была чудная, теплая и все были в мундирах. Вечером в 9 ч(асов) снова были в Крепости на панихиде. Сегодня 5 числа в 10? началась обедня, потом отпевание и похороны, вся церемония кончилась в 12? а в 2? мы были уже обратно в Гатчине. Могила Т(ети) Ольги около могилы Вячеслава130. Анастасья131, не понятно почему, опоздала приехать и будет только в Понедельник 8 числа. Бедные Сандро и Сергей, какой грустный конец их путешествия и теперь они с почтовым пароходом из Бомбея возвращаются через Бриндизи132 в Петербург.

Сегодня в 3 ч(аса) буду смотреть здесь в Гатчине стрельбу из новых скорострельных малокалиберных винтовок с бездымным порохом. Учавствуют роты: Измайловская, Павловская, моего стрелков(ого) батальона и Самарского полка133. Это будет весьма интересно, а для сравнения будут стрелять тоже из Берданок134 с старым порохом. Все эти роты всю зиму уже практиковались в Ораниенбауме при стрелковой школе.

Сюда мы переехали 26 Марта и застали еще массу снегу, как давно не было. Но он живо тает и погода все время стоит дивная, ясная и тихая, от 7° до 9° в тени но ночью всетаки морозит. Нева тронулась частями и Троицкой мост разведен уже 3 дня, но до коменданта еще далеко.

К сожалению, подробности твоего путешествия доходят до нас теперь все позже да позже благодаря расстоянию, и ждем с нетерпением описания вашего пребывания

Вел. Кн. Михаил Николаевич.

Конец 1900-х гг.

у Сиамского Короля135, это должно быть было крайне интересно. Назимов акуратно мне телеграфирует о выходе и приходе эскадры, и передай ему мою благодарность за это и поклон, а так-же и Барятинскому и Басаргину. Завидую тебе, в особенности, что плаваешь с нашими моряками и на наших славных судах и такое долгое время! Поклон всем спутникам. И так это последнее письмо, посланное кругом морем, следующие будут уже через Сибирь. Целую тебя крепко, милый Ники, как хочется это сделать скорей на яву. Христос с тобой, мой дорогой.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 21 марта 1891 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 230—232. — [Т.] IX.

С. Петербург. 21 Марта 1891 г.

Мой милый Ники, все больше и больше становится невыносимо без вас обоих, это уж слишком долгое время 10 месяцев! Так пусто и скучно без вас, а в особенности дома. Слава Богу известия от Жоржи более утешительные и Алышевский на днях в первый раз телеграфировал, что в правом легком незначительное, но ясное улучшение, а то до сих пор было все тоже, хотя и не хуже, но и не лучше. Сам Жоржи доволен, веселый, апетит хорош и сон тоже. К сожалению, и к великому прискорбию Алышевский уже теперь настаивает, чтобы Жоржи на зиму отправился в теплый климат.

Вел. Кн. Павел Александрович. После 1910 г.

Наше житье все тоже, но, конечно, потише, так как мы в посту, но в Гатчину все таки не удалось переехать пораньше, как мы с Мишей и не настаиваем, но женский элемент предпочитает

Петербург и мы должны подчинятся. Правда, и погода не завидная, с начала Марта ясные, но холодные погоды до 11° мороза, а теперь слякоть 3°—4° тепла со снегом. В колясках мы уже ездим с конца Февраля и снег в Петербурге давно исчез, а за городом отличный санный путь и до сих пор. Тебе уже, я думаю, известно, что Мартынов119 оставляет свое место и назначен Сенатором, а вместо него я назначил Управл(яющим) Придвор(ной) Конюшенной частью Бар(она) Фредрикса120, бывшего Командира Конного Полка, надеюсь, что и с ним дело пойдет хорошо. Вместо Сергея Преображенский полк получает Костя, чему Мавра бесконечно радуется, а Элла на это сердится и оба и она и Сергей с страшным огорчением расстаются с Преображенцами, да оно и понятно! Еще один молодой офицер застрелился, Гусарского моего полка корнет Аненков, в своей квартире в Царском Селе! Свадьб до сих пор никаких за этот сезон, кроме двух сестер Гр(афинь) Стенбок, и обе выходят за Гусар, одна за Орлова121, а другая

за Безобразова122. Вчера концерт Инвалидов123 удался очень хорошо и наши певчие отличились. Д(ядя) Владимир ездил вчера в Новгород к своим драгунам124 на полковой праздник, а до этого был в Старой Руссе, где смотрел сбор ратников125, и тем и другим он остался очень доволен.

Д(ядя) Павел в эмоциях на счет Конногвардейского парада и хлопочет с репетициями. Вообще он принялся за полк с большим рвением и любовью; Baboon знает уже всех офицеров, а их не мало, всего 56 человек! Георгий Мих(айлович) всю зиму живет в Петергофе в одном из дворцовых домов и занимается учебною командой и очень доволен зимою в Петергофе и чудным воздухом. Алексей М(ихайлович) не на шутку приготовляется поступить в морскую службу и на это лето идет в плавание с Каустской эскадрой; посмотрим, что из этого выйдет. Жоржакс126 окончательно оставляет артиллерию и переводится в Конногренадерский полк, к которому уже прикомандирован почти год.

Вот пока и все новости, не особенно интересные, но всетаки новости. Письмо это прийдет к тебе после Пасхи, надеюсь что она будет веселая и радостная по среди наших дорогих моряков, хотя и в чужбине, но на родной почве. Мой сердечный поклон Барятинскому, Басаргину и Назимову. Боровича прижимаю в моих объятиях. Поклон всем прочим спутникам. Обнимаю тебя, милый Ники, от всей души, Христос с тобою, мой дорогой.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 5 марта 1891 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 229—230. — [Т.] IX.

С. Петербург. 5 Марта 1891 г.

Благодарю тебя, милый Ники, от души за письмо только что полученное из Коломбо110 и за колекцию фотографий, которые нас очень интересуют. Письмо твое с описанием ловли слонов весьма занимательно и действительно это зрелище должно быть совершенно необыкновенное и вообще вся природа Цейлона должна быть восхитительна. Я воображаю вашу радость быть с Сандро и Сергеем вместе и как вы в доволь наболтались за все это время и было о чем говорить после всего виденного и слышанного.

Слава Богу, от Жоржи из Алжира получаем хорошие вести и сам он теперь успокоился, серьезно лечится и примирился с судьбою, а в особенности что ему делает удовольствие это то, что он живет на «Корнилове»111 и даже отчасти служит, так как стоит дневную вахту и принимает участие в учениях.

Масленица прошла бойко и балов было много, молодежь веселилась, да и не только одна молодежь, но мне было не весело и тяжело! Как раз в день моего рождения умерла бедная старушка Кити112, проживши в нашем доме 46 лет, из которых 22 года подряд нянчила нас шестерых. Нам всем братьям было очень грустно и мы проводили ее из Зимнего Дв(орца) в

шестерых. Нам всем братьям было очень грустно и мы проводили ее из Зимнего Дв(орца) в Английскую церковь113, а потом поехали на Смоленское кладбище, где ее и схоронили! 25 Февр(аля) скончался Г(енерал) — А(дьютант) Исаков114, проболев всю зиму. 24 Февр(аля) застрелился Флиг(ель) Адъют(ант) Кауфман115. Причиною была грязная история в Аркадии116, где его и мичмана Гр(афа) Толстого побил армейский офицер за их грубость, а они промолчали про все это, помирились с ним и даже пригласили на другой день его завтракать. Однако вся эта история узналась, по городу пошли толки, хотели произвести дознание через полицию. Кауфман испугался и увидев, что дело плохо, взял да и застрелился. Он перед этим был за несколько часов у Рихтера117 и тут в первые увидел, что эта история так оставаться не может. Толстого уволили из службы и он дрался с этим офицером (фамилия его Дворжицкий), никто не был ранен. Гвард(ейская) Конная Артил(лерийская) бригада страшно смущена этой грязной историей.

Вел. Кн. Сергей Александрович. 1890-е гг.

Вот уже и Великий пост, мы все по обыкновению говеем. Ты уже наверное слышал от Д(яди) Сергея о его страшной радости по случаю перехода Т(ети) Эллы в Православие. Да, это для всех нас громадная радость и утешение и торжество! Немки118 бесятся и приуныли. Это отрадное событие произойдет на 6 неделе в Вербную субботу в церкви Д(яди) Сергея.

15 Марта Бог даст мы переберемся в нашу милую Гатчину, я, Миша и беби страшно радуемся. Погода стоит с середины Февраля теплая, мы уже давно ездим в колясках, но за городом еще много снегу и ездят в санях. Мама и Ксения усердно хлыщят каждый день по Невскому и по Морской. Про балы я тебе не пишу, так как Ксения, наверное, писала тебе подробно про ее сюксесы*, а они были не малы!

Теперь пора кончить, уже почти 3 ч(аса) ночи! Поклон Барятинскому, Басаргину, Назимову, Ломену и всем проч(им). Боровича обними. Крепко целую тебя, милый Ники. Христос с тобою на всех путях твоих!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 14 февраля 1891 г. С. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 228—229. — [Т.] IX.

С. Петербург. 14 Февраля 1891 г.

Милый Ники, на другой день, что я тебе писал в последний раз, я получил твое длинное и интересное письмо из Бомбея, за которое от души благодарю. Все, что вы видели и что делали, так интересно и ново и какие славные охоты и разнообразие дичи. M(iste)r Health страшно интересуется всем, что происходило в Индии, и спрашивает всякий раз, что мы с ним видимся, что нового и как тебе нравится Индия и англичане, которые при тебе. Morier тоже всякий раз интересуется узнать, как тебе понравилось в Индии.

Вчера мы давали маленький бал для Ксении, только молодежь, всего около 100 приглашенных. Веселились все от души, а Ксения наслаждалась, я думаю, всех больше.

Просто смешно, что делается с нашим климатом, настоящая весна, тепло, ясно и солнце греет. Снег на улицах быстро исчезает, а сегодня 18 Февр(аля) феномен с утра до 3 ч(асов) дня проливной дождь, а потом ясно и чистое небо с солнцем и почти 4° тепла; за то ветер сильный и minimum был не далеко тоже необыкновенный, а именно 719, этого я не видал никогда! На юге на оборот сильные морозы, в Елизаветграде, наприм(ер), 23° морозу, в Киеве 17° мор(оза) и т. д. Что всего досаднее, что в Греции холода ужасные, ветер и снег, так что бедный Жоржи за всю неделю мог выйти гулять только раз. Известия от Алышевского успокоительны, но лихорадка все продолжается и он советует ехать на некоторое время в Алжир, и раньше лета, конечно, вернутся Жоржи в Россию будет трудно. Все это нас страшно расстраивает и печалит. Болезнь

вернуться Жоржи в Россию будет трудно. Все это нас страшно расстраивает и печалит. Болезнь Жоржи все таки гораздо серьезнее, чем мы предполагали и Слава Богу, что он не продолжал путешествия, потому что болезнь легко могла принять хроническую форму, а тогда и годами трудно поправиться.

Только что получили известие о прибытие твоем в Сингапур107, Слава Богу, благополучно! Отсюда кроме скуки нечего писать, Мама и Ксения, вероятно, найдут что писать интересного. Бедный старик Трубачев108, Алексея камердинер, скончался на днях после 37 летней службы при брате! Вообще, только и слышно со всех сторон — то тот умер, то другой, просто страшно!

Вот новость, которая тебя удивит, я решился назначить Д(ядю) Сергея в Москву Генерал Губернатором вместо Долгорукого109, выжившего за последнее время совершенно из ума.

Сергей очень доволен, хотя и страшится немного этого назначения, но я уверен, что он справится и, конечно, будет стараться послужить с честью. Теперь пора кончать. Передай мой поклон Барят(инскому), Басаргину и Назимову. Целую гипопотама Боровича и поклон все(м) проч(им) спутникам. Крепко целую тебя, милый Ники, и еще раз благодарю за письмо и фотографии. Христос с тобою, мой милый!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 12 февраля 1891 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 227—228. — [Т.] IX.

12 Февраля 1891 г.

Милый Ники, давно мы не имели писем от тебя, почти месяц, так как твое последнее письмо получили 18 Января. Известия от вас вообще весьма скудные, так как кореспонденции Ухтомского очень лаконичны, а из местных газет часто искаженные, а за не имением других и их перепечатывают в наших газетах.

Вчера получили известие о благополучном приезде Жоржи в Пирей после весьма бурного перехода из Порт Сайда. На всем юге холода и северные ветры, а у нас чудная теплая погода с солнцем и тает, совершенно Март месяц, дороги портятся. Вчера Павел и Alix дали свой первый бал и очень удачно и бал был очень оживлен, танцевали до 4 ч(асов). Я уехал домой до ужина, а Мама в ?3. Мы дали на той неделе в Четверг наш третий бал, но на этот раз в Аничкове, танцовали до 3? ч(асов). Могу себе представить как вы рады были встретится с Сандро и Сергеем105 и как весело проводите время. На днях приехал сюда Henri, сын Шартрского106, с путешественником по Тибету и Китаю M(iste)r Bonvalo; он все такой же не разговорчивый и не интересный, как и прежде, на балах страшно скучает и зевает и, по видимому, мало чем интересуется, но больше все благодарит. Иностранцев наехало сюда эту зиму масса, в особенности французов и австрийцев, все это просится, конечно, на балы и очень довольны. Мама и Ксения тоже пишут тебе длинные письма, так что я не знаю, что писать, и боюсь, мы пишем все тоже самое приблизительно, так что кончаю мое не интересное письмо на этом.

Вел. Кн. Владимир Александрович. 1880-е гг.

Мой искренний поклон Барятинскому, Басаргину и Назимову и всем проч(им) спутникам. Целую Боровича и крепко целую тебя, милый Ники. Христос с тобою, мой милый!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 20 января 1891 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 226—227. — [Т.] IX.

20 Января 1891 г.

Милый Ники, благодарю тебя очень за твое длинное и весьма интересное письмо из Ажмира93, все это так ново и необыкновенно, что должно вас всех сильно интересовать. В особенности я уверен, что ты наслаждаешься охотой, которая тоже не из банальных и вся обстановка так характерна. До сих пор мы не можем успокоиться об отъезде бедного Жоржи94, так нас это расстроило, а в особенности, что нам пришлось согласиться на требования докторов, не смотря на то, что Жоржи было уже лучше и сам он просил нас оставить его еще на фрегате до прихода в Коломбо. Но положительно это было-бы рискованно, так как лихорадка у него не прекращалась уже более 2-х месяцев. Мы посылаем к Жоржи в Афины доктора Алышевского95, который специалист по грудным болезням и я его давно знаю как отличного доктора. Нет, к сожалению,

ни какого сомнения, что лихорадка происходит от бронхита, который тянется уже давно, а при таких условиях ему даже и вернутся к нам нельзя будет теперь, а придется ждать до наступления теплой погоды. Алышевский надеется, что если все пойдет хорошо, то Жоржи может поехать в Марте в Крым. Все это далеко не весело и делает эту зиму, и без того уже не веселую для нас без вас обоих, еще грустнее и тяжелее! А теперь еще балы, обеды, вечера! Ах, что за тоска! Теперь гостит у нас Эрц-Герцог Франц-Фердинандт Эсте96, он милый малый, простой и разговорчивый. Я его назначил шефом 26 Драгунского Бугского полка, так как он считается наследником Австрийским.

Все продолжают сходить с ума от братьев Решке и бедный Фигнер97 чувствует себя обиженным. Сегодня идет в первый раз Лоенгрин с обоими Решками и M(ada)me Мельба, Мама поехала, а я остался дома, так как много дела, да еще и писать хотел тебе, а днем ты сам знаешь много-ли у меня свободного времени.

Завтра Владимир везет Австрийца на охоту в Ящеру на медведей, чему он страшно рад. В Четверг 31 числа парад и завтрак в Зимнем Дв(орце), а вечером бал в Концертной зале. В Пятницу 1 Февр(аля) второй парад с завтраком, а потом парадный обед в Аничкове для Австрийцев и его отъезд в Москву.

Теперь у нас стоит чудная ясная и теплая погода как в Марте и сегодня на солнце было 9° тепла! Просто чудеса, а за границей они все мерзнут страшно и везде сильные морозы, даже в Италии, Испании и снег в Алжире!

Большой бал в Николаевской зале прошел благополучно, было более народу, чем когда либо; приехало на бал более 2200 человек и к ужину пришлось ставить запасные столы. Наш оркестр играл дивно в полном составе 106 человек и произвел эфект. Много молодежи из вновь произведенных офицеров и много дебютанток. Ира98 и Ольга Долгорукова были в первый раз на большом балу. Падений, Слава Богу, не было, но во время вальса вылетела на середину залы большая юбка! Павел и Alix хотят тоже дать бал, это будет интересно, в первый раз у них танцуют. Твоя история с Губернатором Бомбея99 страшно смущает бедного Мориера100 и дошла до Королевы и Bertie101, которые тоже негодуют на бестактность своего милого Лорда!

Ты нам совсем не присылаешь никаких фотографий, снятых во время путешествия, а теперь именно интересно их иметь и мы видим только иногда в иллюстрациях некоторые. Тетя Ольга пишет, что ее Georgy102 посылает ей и она очень довольна и радуется их получать, а мы решительно ничего от тебя не имеем, а уже прошло более 3 месяцев, что вы путешествуете.

Ворон все толстеет, и глупые люди его целый день кормят так, что это не собака, а бочка какая-то. Я просил Тормейера103 сказать наконец Арбузу, чтобы он более так его не кормил. Возится он со снегом по прежнему и страшно

доволен, когда с ним занимаются.

Теперь пора мне кончать письмо. Мой искренний поклон Барятинскому и Бассаргину и всем

Теперь пора мне кончать письмо. Мой искренний поклон Барятинскому и Басаргину и всем прочим спутникам твоим. Кланяйся от меня Радцигу104 и Шалберову. Целую крепко Боровича. Крепко целую тебя, милый Ники, и еще раз благодарю за интересное письмо. Христос с тобою, мой милый!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 14 января 1891 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 225—226. — [Т.] IX.

14 Января 1891 г.

Милый Ники, мы до сих пор еще не получили ни одного письма от тебя про путешествие по Индии, так что совсем не знаем твоих впечатлений и никаких подробностей. В газетах кое что есть, но все это так коротко и более рассуждений, чем описаний.

Ты можешь себе представить, в каком мы отчаянии, что бедный Жоржи не может продолжать плавания и что его здоровье все еще не поправляется. Как грустно и как ему и тебе должно быть печально расстаться и как это должно было вас расстроить! Дай Бог только, чтобы он скорее мог вернуться домой и чтобы ему не нужно было еще таскатся за границей, это всего хуже и всего более нас беспокоит.

Вчера схоронили мы бедного Колю87 в Сергиевском монастыре. Из войск участвовали 1 бат(альон) Преображенского полка, батальон Стрелков Импер(аторской) Фам(илии), 4 эскадрона Конно Гренадер и моя Донская батарея. Было очень холодно, 11° мор(оза) с сильным ветром, и мы все порядочно промерзли, не смотря на то, что шли пешком. Оба сына Коли88 приехали сюда вместе с телом их отца, они красивые рослые мальчики и желают поступить на службу в России. Тоже приехали сюда на похороны Гильом Баденский с сыном Максом89, который совсем не переменился и только маленькие усы — новость.

Сегодня в 2 ч(аса) крестили мы сына Кости и Мавры, Константина90. Крестным отцом был я, а крестн(ой) матерью — Baboon91 и все прошло благополучно. Мавра принимала поздравления в той-же угловой комнате и на той-же кушетке, как и в прошлом году, а рядом в зале угощение для фамилии.

Продолжаю письмо сегодня 14 Января. Наконец были в первый раз в опере, давали Ромео и Жюльет, пели оба брата Решке92 и англичанка Мельба, шло отлично, а Решке тенор — просто наслаждение, и поет и играет превосходно.

Сегодня катались мы с Ксенией в санях с твоим кучером и лошадьми, он теперь дежурит по очереди с моими кучерами.

Сегодня больше писать не успею, так как хочу писать еще Жоржи да, кроме того, пишут тебе и Мама и Ксения, так что боюсь надоесть с моим письмом. Поклон Барятинскому и всем спутникам. Боровича целую. Крепко целую тебя, милый Ники. Христос с тобою!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 4 января 1891 г. АничковДворец // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 224—225. — [Т.] IX.

4 Января 1891 г. Аничков Дворец

Благодарю тебя, милый Ники, от души за твой милейший подарок к елке. Чарка вышла прелестная и работа отличная. В особенности благодарю тебя за милую память, и что ты подумал

прелестная и работа отличная. В особенности благодарю тебя за милую память, и что ты подумал сделать мне удовольствие во время твоего отсутствия и еще в такой дали от нас!

Вот мы уже и на зимних квартирах, т. е. в Петербурге, в нашем дорогом старом Аничкове, но вас еще больше не достает и пустота страшная! В ваши комнаты я еще не заходил, слишком грустно, но Миша, который теперь обедает с беби в комнате Георгия, говорит, что там все пусто и вещи все уложены. Ксения, конечно, натащила к себе почти все свои вещи из Гатчины и ее комнаты совершенно наполнены фотографиями и массой безделюшек и старается из всех сил показать, что она больше не девочка, а взрослая девица, понимающая себе цену, и одевается наряднее и с шиком и, действительно, я должен сознаться, что хорошо одевается и умеет носить ловко и красиво свои платья. Каток наш великолепный и вал кругом, благодаря массе снегу, валившему все эти дни, совершенно как под конец сезона, очень высокий. Ворон сейчас-же прилетел на вал

и приглашал меня возится с ним, что я и исполнил и наполнил ему рот снегом, что его вполне уконтентовало и успокоило. Шевчук такой-же молодец, как и прежде, и совершенно здоров. Софка, Мая и Ира76 приезжают на каток, но того веселия и шума как в прошлом году, конечно, нет и все скромно возятся с мячиком. В театры мы не ездим, так как в трауре, а балы начнутся только после 21 января.

Вчера получили ваши письма из Бомбея, за которые от души благодарим. Болезнь Жоржи нас очень беспокоит, так как лихорадка продолжается уже очень долго, но, Слава Богу, последние известия лучше. Как досадно, что ему пришлось отказаться от путешествия по Индии77 и что вам пришлось расстаться на такое долгое время. Рамбах78 написал длинное письмо Густаву Ивановичу79, подробно описывает болезнь. По моему кореспонденции Кн(язя) Ухтомского80 слишком коротки, желательно более подробностей и менее поэтических описаний. Азбелев81 и Ломен пишут иногда Гоше82, но очень коротко и более что касается Жоржи, его занятий и здоровья. Я думаю, наши письма вам очень надоели, потому что я уверен, мы пишем все тоже самое.

Продолжаю письмо мое сегодня 5 Января. Снег валит опять с утра и благодаря этому Петербург выглядит чистым и на улицах навозом не пахнет. 2 Января как всегда собрались мы все обедать к Алексею, но этот раз без Ежена и Зины83, не знаю почему. Павел был особенно весел и по этому случаю уколол себе носик и после обеда продолжал пить венгерское. Он вообще страшно счастлив, что получил Конную Гвардию, и совершенно воскрес и принялся за полк с большим рвением и с большой охотой. На лицо у них теперь 54 офицера!

Вел. Кн. Георгий Александрович. 1891 г.

Николаша вчера окончательно сдал полк и Кн(язь) Васильчиков вступил в командование Лейб Гусарами. Пенский получил Семеновский полк, а Пантелеев назначен директором Правоведения (т. е. училища)84.

Как досадно, что тебе не удалось убить тигра, но Оболенскому85 везет, а он, кажется, вовсе не охотник, я воображаю, как он и Барятинский довольны. Ждем с нетерпением ваших писем из Индии об путешествии. Сегодня читал я письмо Ону к Н. К. Гирсу86, очень хорошо написано и интересно, и видно, что он очень счастлив путешествием и все его весьма интересует.

Теперь пора кончить мое письмо, боюсь слишком надоесть и скучно читать такую галиматью. Крепко целую тебя и Жоржи а тоже и Боровича. Всем мой поклон. Христос с вами, мои дорогие!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 18 декабря 1890 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 222—224. — [Т.] IX.

Гатчина

18 Дек(абря) 1890 г.

Мой Милый Ники, мы были очень обрадованы вашей депешой из Бомбея о благополучном прибытии вашем66 и что переход был хороший. Я воображаю, как ты теперь доволен быть в Индии и как тебе должно казатся странным быть вдруг там посреди далеко нам не сочувствующей нации, в царстве красных мундиров и посреди далеко не верноподанных Императрицы Индии!67 Конечно, англичане тебя будут везде встречать с почетом и даже весьма любезно, но увлекатся этим не следует и в Англии твоя поездка по Индии далеко многим не понутру! У нас все, слава Богу, тихо и мирно. Вчера дети устроили нам сюрприз и сыграли на

большом театре французскую пьесу и очень не дурно и при смешно. Участвовали: Миша, Beby, Кирил, Борис, Андрей,68 Елена и Алексей Мих(айлович).69 Зрители были все наши и приглашенные на воскресный обед, всего человек 40. Даже батюшка Янышев70 решился прийти и сидел с очками и много смеялся.

Император Александр III с семьей, приближенными и членами команды яхты «Царевна». 1880-е гг.

Среди присутствующих: Имп. Мария Федоровна, Вел. Кн. Ксения Александровна, Вел. Кн. Александр Михайлович и Михаил Александрович

В субботу 15 Дек(абря) мы ездили на охоту на лосей около Лисино; было 10 штук в кругу и убито 5. Мне, конечно, как всегда не повезло, а Владимир убил двух старых быков с хорошими рогами, Алексей и Ванновский71 каждый — по одному молодому быку с маленькими рожками, а Воронцов72 — корову, уверяет, конечно, что нечайно! День удался отличный, тихо и всего 5° мор(оза), а то постоянно ветер и мороз от 10° до 17° а было и до 22°. Вообще, зима наступила суровая, как давно я не помню, а снегу почти нет, в парке и лесу кое как еще можно ехать в санях, а в Петербурге и до сих пор на колесах и страшно бойко.

Все части, праздновавшие 6 Дек(абря), были очень рады что получили от тебя поздравление. За завтраком в Аничкове пили твое здоровье, но тебя очень не доставало, а в особенности дома в милой Гатчине! Твой Ворон с нами любезнее, но в коридоре на всех навел страх, потому что если кто вздумает его погладить или нечайно толкнет, он на всех рычит и тот раз даже на Тетю Эллу73 заворчал и показал ей зубы, что ее весьма оскорбило.

Матросы устроили гору для Миши и беби, но не там, где обыкновенно, а спуск паралельно с паромом и въезжают на противоположный берег. За отсутствием снега гора просто полита водой и образовалась ледяная кора и весьма не ровная, с толчками. Это письмо ты получишь уже в новый 1891 г. От всей души желаю вам обоим провести его счастливо, совершить путешествие благополучно и вернутся к нам здоровыми и довольными. Молю Господа от всего сердца, благословить вас на всех путях ваших и сохранить вас темиже хорошими и добрыми сыновьями какими вы были до сих пор. Очень, очень тяжело и грустно, что в эти дни вы будете так далеко от нас и в первый раз в разлуке!

Очень благодарю Жоржи за его длинное и интересное письмо с Нила74. Теперь пора кончать; целую крепко Жоржи и Боровича. Искренный поклон Барятинскому, Басаргину, Ломену и всем спутникам. Когда увидишь адмирала Назимова75 и ему передай мой поклон.

Крепко и от всей души целую тебя, милый Ники. Христос с вами, мои дорогие!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 16 октября 1889 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 220—221. — [Т.] IX.

Гатчина

16 Октября 1889 г.

Милый Ники, вот уже почти 3 недели, что я уехал из милого Фреденсборга29 и с каким сожалением расстался с милым семейством! Да, очень тяжело было уезжать, в особенности не весело было ехать в Берлин. Я думаю, Жоржи тебе писал уже о переходе в Киль и о наших похождениях в Берлине и Лудвигслусте30; весело не было, но, Слава Богу, все обошлось благополучно и своим пребыванием в Берлине и разговорами с Императором и Бисмарком31 я

остался доволен. С Мама мы встретились близ Данцига в Нейфарвассере32 и «Держава» благополучно пристала к молу, не смотря на порядочный ветер и волнение. В 12 ч(асов) дня мы отправились по жел(езной) дороге дальше и на другой день в 10?, ч(асов) вечера, Слава Богу, были уже в Гатчине. Здесь жизнь пошла по старому тихо и как я люблю. Были в Петербурге у Казанской и в Крепости, а потом поехали в Павловск к Т(ете) Сани33, и к нашему удивлению, Д(ядя) Костя34 пожелал нас видеть. Мы нашли его мало переменившимся, он очень повидимому обрадовался нас видеть, несколько раз обнимал и принимался плакать, а когда мы прощались, он вдруг вскочил и при помощи Кости и Кеппена35 непременно хотел проводить нас до дверей. Говорить он ничего не может, правая рука и нога совершенно без движения и, вообще, он делает страшно тяжелое впечатление.

К сожалению, на третий день нашего приезда погода переменилась, пошло морозить, выпал снежок и теперь холодно, днем от 2° до 5°, а ночью доходило до 10° и озера замерзли. Ужасно досадно, что погода так разом переменилась и как раз к нашему возвращению, а вы там наслаждаетесь чудной летней погодой! Завидно ужасно и Мама страшно сердится. Мы с Жоржи ходили три раза в парк стрелять и убили по одному большому оленю и я — 10 ланей рогачей, а Жоржи — 8. Настоящих охот за ремизом36 не начинали, все надеюсь, что будет теплее, а то стоять на месте не выносимо и при этом все северные ветра.

Сегодня принимали всех новых камер-пажей, были тоже Ваня Воронцов и оба Барятинских37. Тоже была сегодня депутация от Конной Гвардии с толстым Блоком38 во главе, которые поднесли нам образ в воспоминание 17 Окт(ября),39 который они просили повесить в наш вагон для путешествий? Это нам сделало большое удовольствие и очень тронуло. Искренно сожалею, что в первую годовщину 17 Окт(ября) тебя не будет со всеми нами. Собираем всех к панихиде и молебну, в этот день, кто был с нами в поезде. Крепко обнимаю тебя, милый Ники; Господь с тобою.

Твой Папа

Мой поклон всем, а в особенности Апапа, Амама, Т(ете) Ольге, Т(ете) Alix, Д(яде) Willy40. Крепко целую: Victoria, Maud и Minny41.

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 14 сентября 1886 г. Спала // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 219—220. — [Т.] IX.

Спала24

14 Сентября 1886 г.

Благодарю тебя, милый Ники, за твои письма и тоже Ксению за письмо и мартышку, которая сидит перед мною на моих часах на письменном столе.

П

Погода у нас почти постоянно ясная и хотя по утрам и вечерам свежо, но днем тепло и солнце печет отлично. Сегодня воскресение не было охоты и оставались дома, а после завтрака пришли крестьянские дети из соседних школ и оркестр из рабочих Жирардовской фабрики25 и все это вместе пело и играло и действительно очень мило. Дети мальчики и девочки все в национальных костюмах и общая картина была прелестная; детей было более 200 ч(еловек). Потом они танцовали национальный танец под звуки того-же оркестра и действительно при мило и веселились сами при исправно, но благодаря сухости такую подняли пыль, что нельзя было дышать. После этого пришли певцы из Томашева, тамошние фабриканты: Лидертафель* и отлично пропели несколько нумеров и между прочим «Коль славен»26 по русски. В 3 ч(аса) мы отправились всей компанией в экипажах верст за 5 от дома к озеру, где ловили рыбу сетями и вытащили массу мелочи в роде Гатчинской и одну большую и жирную щуку фунтов в 10. Вечер был дивный, тихий и прелестный закат солнца.

Сегодня обедал у нас ваш знакомый полковник Таиб, бывший артиллерист, а теперь он командует Александрийским Драгунским полком и стоит временно в Томашеве. Музыка Александр(инского) полка два раза играла у нас и очень не дурна.

Камчатка наслаждается, когда привозят дичь после охоты и накидывается в особенности на зайцев, потому что легче с

ними справится, но и оленям тоже достается от нее и не смотря на то что они выпотрошены, он всетаки ухитряется вытаскивать что-то из нутра и немедленно проглатывает.

В Среду предполагаем выехать отсюда и в Пятницу утром Бог даст будем у вас в Петергофе. Мама и я крепко целуем тебя, Джорджи, Ксению, Мишу и беби27. Радуемся ужасно вас снова видеть всех и быть опять все вместе. Христос с вами, мои душки!

Еще раз спасибо за письма, и благодари от меня Викторию28 за милое ее письмо. Крепко целую тебя.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 28 октября 1880 г. Ливадия // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 217. — [Т.] IX.

Ливадия. 1880 г. 28 Октября

Благодарю тебя, милый Ники, за твое милое письмо и радуюсь, что вы здоровы; надеюсь, что и уроки идут у вас хорошо и что вами довольны Григорий Григорь(евич) и учителя. Мама писала тебе, что в начале погода была у нас чудная, совершенно лето, а с 20 Октября совершенно испортилась, постоянный туман, дождь и солнца не видать, так досадно и скучно. Мы провели четыре дня на охоте, на горах и жили в маленьком монастыре в домике настоятеля. Убили 2 оленей, 7 коз и 1 зайца.

Ездим верхом почти каждый день, но постоянно нас мочит дождем или туманом и гор совсем не видать. Ксения страшно скучает без вас и говорит, что Миша совсем не интересный и играть с ним нельзя.

С следующим фельдъегерем я напишу Георгию, а теперь целую вас крепко, мои душки. Мама, Ксения и Миша вас тоже целуют. Христос с вами!

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 29 июня 1879 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 215—216. — [Т.] IX.

Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 219—216. — [Т.] IX.

Царское Село. 1879 г. 29 Июня

Благодарю тебя, милый Ники, за твое письмо, которое я получил вчера. Я рад, что вы все здоровы и веселитесь в Дании11.

Мне очень скучно здесь без Мама и вас всех, но дай Бог и я приеду наконец к вам, но, к сожалению, еще не скоро. Сегодня имянины Дяди Пица и мы были у обедни в большом Дворце12 и там завтракали. Я надеюсь, что вы начнете скоро купаться с Георгием в море. Я живу в Красном Селе13, бываю часто на учениях, езжу верхом и играем много в кегли. Погода часто портится и часто идет дождь, но бывают и хорошие дни.

До свидания, мои милые душки, целую вас очень крепко; не забывайте меня. Христос с вами. Целуй от меня Мама, Георгия, Ксению и Мишу14.

Твой Папа

Александр III. Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 13 декабря 1877 г. Село Брестовец. Болгария // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 214—215. — [Т.] IX.

Село Брестовец. Болгария. 13 Декабря 1877 г.

Благодарю тебя, милый мой Ники, за твое письмо. Очень рад, что ты хорошо учишься и что тобой довольны. Мне страшно скучно без вас и так тянет домой, но нечего делать. Когда служишь, так думать о своих не приходится и надо исполнять свой долг! Благодарю милого Георгия за его последние письма и напишу ему, когда успею.

Теперь у нас тоже настоящая зима, снегу очень много и мороз сильный.

У меня решительно ничего нет для вас на елку; Мама вам подарит от меня, а здесь ничего достать нельзя. Дай Бог до скорого свидания и чтобы можно было мне вас скорее обнять всех троих. Поцелуй крепко, крепко от меня душку Мама, Георгия и Ксению. Христос с вами, мои душки!

Император Александр III и Императрица Мария Федоровна с детьми: Вел. Кн. Михаилом, Георгием, Николаем, Ксенией и Ольгой. Санкт-Петербург. 1880-е гг.

Крепко целую тебя, милый мой Ники; не забывай твоего Папа и молись за него.

Твой Папа

Степанов В. Л. Примечания: Письма Императора Александра III к Наследнику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 244—250. — [Т.] IX.

1 Георгий Александрович (1871—1899), Вел. Кн., сын Александра III.

2 Александр II (1818—1881).

Мария Александровна (урожд. принцесса Мария Гессен-Дармштадская) (1818—1881), Российская Императрица с 1885 г., мать Александра III.

3 Сергей Александрович (1857—1905), Вел. Кн., сын Александра II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, член Государственного Совета, командир лейб-гвардии Преображенского полка (1887

—1891), московский генерал-губернатор (1891—1905), командующий войсками Московского военного округа (1896—1905).

Павел Александрович (1860—1919), Вел. Кн., сын Александра II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир л.-гв. Конного полка (1890—1896), командир гвардейского корпуса (1898—1902).

4 Мария Федоровна (урожд. принцесса София Фредерика Дагмара) (1847—1928), дочь датского короля Христиана IX, и королевы Луизы, Российская Императрица (1881—1894).

5 Ксения Александровна (1875—1960), Вел. Кн., дочь Александра III.

6 С 11 по 19 апреля 1877 г. Цесаревич Александр Александрович вместе с Александром II были в Кишиневе, где размещался Главный Штаб действующей армии.

7 Владимир Александрович (1847—1909), Вел. Кн., сын Александра II, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного Совета, президент Академии художеств (1876—1909), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884—1905).

8 Апраксина Александра Александровна (Сапрак, Апракс), графиня, впоследствии княгиня Оболенская, жена князя В. С. Оболенского, фрейлина Императрицы Марии Александровны, а затем Марии Федоровны.

9 В Брестовице (Восточная Болгария), находился штаб Рущукского отряда, которым командовал Цесаревич Александр Александрович в 1877—1878 гг.

10 Данилович Григорий Григорьевич (1825—1906), военный педагог, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Главного военно-учебного комитета, воспитатель Вел. Кн. Николая Александровича и Георгия Александровича.

Флотов Мария Петровна фон, камер-фрау Цесаревны, а затем Императрицы Марии Федоровны.

11 С 1870 г. Цесаревич Николай Александрович почти каждое лето гостил в Дании у деда и бабки.

12 Екатерининский (Большой) дворец в Петергофе.

13 Здесь располагался летний лагерь гвардейского корпуса, которым с 1874 г. командовал Наследник Цесаревич Александр Александрович.

14 Михаил Александрович (1878—1918), Вел. Кн., сын Александра III, в 1899—1904 гг. Наследник Российского Престола, генерал-майор, член Государственного Совета, командир 17 Черниговского полка (1909—1911) и лейб-гвардии Кавалергардского полка (1912), командовал Кавказской туземной дивизией и 2 кавалерийским корпусом (1914—1917). 3 марта 1917 г. вслед за отречением Николая II отказался от престола.

15 Андреев Александр Николаевич (1830—1891), поэт и прозаик, автор популярных цыганских песен и романсов.

16 Хис Чарльз (1826—1900), английский дворянин, выпускник Кембриджского университета, преподаватель английского языка в Александровском лицее, учитель английского языка у детей Александра II и Александра III.

17 Алексей Александрович (1850—1908), Вел. Кн., сын Александра II, генерал-адъютант, генерал-адмирал, главный начальник флота и Морского министерства (1881—1905).

генерал-адмирал, главный начальник флота и Морского министерства (1881—1905).

18 Водолечебный курорт в Северной Австрии на берегу Траунского озера.

19 Тира Амалия Каролина Кумберлендская (1853—?), герцогиня, дочь датского короля Христиана IX, младшая сестра Императрицы Марии Федоровны, жена герцога Эрнста Августа Кумберлендского.

20 Христиан IX (1813—1898), король Дании (с 1863) и Луиза (1817—1898), королева Дании, родители Императрицы Марии Федоровны.

21 Императорская яхта.

22 Дворец в петергофском парке «Александрия».

23 Грязевой и климатический курорт в Эстляндской губернии.

24 Имение под Варшавой, место императорской охоты.

25 Текстильная фабрика в г. Жирардове Варшавской губернии.

26 Российский военный гимн на слова А. П. Сумарокова.

27 Ольга Александровна (1882—1960), Вел. Кн., дочь Императора Александра III, с 1901 г. замужем за принцем Петром Александровичем, герцогом Ольденбургским, с 1916 г. — за полковником Н. А. Куликовским.

28 Виктория Александра Ольга Мария (1868—?), английская принцесса, дочь принца Альберта-Эдуарда Уэльского (с 1901 г. короля Эдуарда VII) и принцессы Александры.

29 Осенняя резиденция датских королей на о. Зеландия.

30 Летняя резиденция великого герцога Мекленбург-Шверинского.

31 Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), германский император и прусский король (1888—1918).

Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815—1898), князь, канцлер германской империи (1871—1890).

32 Морская гавань.

33 Александра Иосифовна (урожд. принцесса Августа Саксен-Альтенбургская) (1830—1911), Вел. Кн., с 1848 г. жена Вел. Кн. Константина Николаевича.

34 Константин Николаевич (1827—1892), Вел. Кн., сын Императора Николая I, генерал-адъютант, генерал-адмирал, главный начальник флота и Морского министерства (1855—1881), наместник Царства Польского (1862—1863), председатель Государственного Совета (1865—1881).

35 Константин Константинович (1858—1915), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Константина Николаевича, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командир л.-гв. Преображенского полка (1891—1900), президент Петербургской Академии наук (1889—1915), главный начальник военно-учебных заведений (1900—1910), генерал-инспектор военно-учебных заведений (1910—1915), поэт, печатавшийся под псевдонимом «К. Р.».

Кеппен Павел Егорович, генерал-майор, управляющий Двора Вел. Кн. Константина Николаевича.

36 Место, где скрывается дичь (охотничий термин).

37 Воронцов-Дашков Иван Илларионович (1868—1912), граф, флигель-адъютант, офицер л.-гв. Гусарского полка.

Один из них, по-видимому, Анатолий Владимирович Барятинский, (1871—1924), кн., сын В. А. Барятинского, впоследствии флигель-адъютант, офицер л.-гв. 4 Стрелкового Императорской Фамилии батальона.

38 Блок Константин Александрович (1833—1897), генерал-майор, командир л.-гв. Конного полка.

39 17 октября 1888 г. у станции Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги потерпел крушение поезд, в котором находились Александр III и его семья, возвращавшиеся из Ливадии в Петербург. Никто из членов семьи не пострадал.

40 Ольга Константиновна (1851—1926), Вел. Кн., дочь Вел. Кн. Константина Николаевича, жена короля Греции Георга I,

королева Греции (1867—1913).

Александра (1844—1925), принцесса, сестра Императрицы Марии Федоровны, с 1863 г. замужем за королем Великобритании Эдуардом VII.

Георг I (1845—1913), король Греции (с 1863 г.), брат Императрицы Марии Федоровны.

41 Мод (1869—1938), английская принцесса, дочь Эдуарда VII, с 1896 г. замужем за принцем Карлом, с 1905 г. — король Норвегии Хокон VII.

Мария Георгиевна (1876—1940), Вел. Кн., дочь греческого короля Георга I, с 1900 г. замужем за Вел. Кн. Георгием Михайловичем.

42 23 октября 1890 г. Наследник Цесаревич Вел. Кн. Николай Александрович отбыл из Петербурга в длительное путешествие на Восток

Здесь и далее даты приводятся по кн.: Ухтомский Э. Э. Путешествие наследника цесаревича на Восток. СПб., 1893—1897.

43 Цесаревич Николай Александрович прибыл в Вену 25 октября 1890 г.

44 Имеются в виду: Франц-Иосиф I (1830—1916), император Австрии и король Венгрии (с 1848); эрцгерцоги (его братья)

Карл-Людвиг, Вильгельм и Райнер; племянники (сыновья Карла-Людвига) — Франц-Фердинанд, Отто-Франц-Иосиф и Фердинанд-Карл-Людвиг.

45 Голицын Дмитрий Борисович (1851—?), князь, генерал-адъютант, обер-егермейстер Императорского Двора.

46 Павильон в гатчинском парке «Сильвия».

47 Елена Владимировна (1882—1938), Вел. Кн., дочь Вел. Кн. Владимира Александровича, с 1902 г. замужем за греческим принцем Николаем Георгиевичем.

Дочери Ил. Ив. Воронцова-Дашкова: Софья (1870—?), Майя (1871—?), Ирина (1874—1959). Софья и Майя были фрейлинами Императрицы Марии Федоровны.

Софья и Мария — фрейлинами Императрицы Марии Федоровны.

48 Борис Владимирович (1877—1943), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Владимира Александровича, генерал-майор свиты, с 1903 г. офицер л.-гв. Гусарского полка, командир л.-гв. Атаманского полка (1914—1915), походный атаман Всевеликого казачьего войска при Верховном Главнокомандующем (1915—1917).

49 Кирилл Владимирович (1876—1938), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Владимира Александровича, контр-адмирал свиты, командующий тихоокеанским флотом, командир Гвардейского экипажа (1915—1917).

50 Павильон в царскосельском парке.

51 Мария Павловна Старшая (урожд. Мекленбург-Шверинская) (1854—1920), Вел. Кн., с 1874 г. жена Вел. Кн. Владимира Александровича.

52 Шаховской Яков Иванович (1846—1899), князь, флигель-адъютант, капитан 1 ранга, впоследствии контр-адмирал свиты, командир Гвардейского экипажа.

53 Ельчанинов Михаил Иванович, капитан 1 ранга, впоследствии контр-адмирал.

54 На фрегате «Память Азова» путешествовал Цесаревич Николай Александрович.

55 Вел. Кн. Георгий Александрович и Наследник Цесаревич были в Греции с 30 октября по 7 ноября 1890 г.

56 Басаргин Владимир Григорьевич (1838—1893), контр-адмирал, флаг-капитан Его Императорского Величества, командир эскадры Цесаревича Николая Александровича.

Барятинский Владимир Анатольевич (1843—1914), князь, генерал-майор свиты, главный руководитель путешествия Цесаревича Николая Александровича.

Ломен Николай Николаевич (1843—1909), капитан 1 ранга, командир фрегата «Память Азова», впоследствии командир яхты «Полярная звезда», генерал-адъютант, адмирал.

57 Имеются в виду члены греческой королевской семьи: Георг I, его жена Вел. Кн. Ольга Константиновна, их сыновья — Константин (1868—1923), наследник греческого престола, впоследствии король Греции (1913—1917 и 1920—1922), Георгий, Николай, Андрей и Христофор.

58 Вел. Кн. Константин Николаевич и его жена Вел. Кн. Александра Иосифовна.

59 Александра Георгиевна (1870—1891), Вел. Кн., дочь короля Георга I, с 1889 г. жена Вел. Кн. Павла Александровича.

60 Мария Павловна (Младшая) (1890—1938), Вел. Кн., дочь Вел. Кн. Павла Александровича и Вел. Кн. Александры

Георгиевны, с 1908 г. замужем за шведским принцем Вильгельмом, герцогом Зюдерманладским, сыном шведского короля Оскара II, с 1917 г. — за князем С. М. Путятиным.

61 Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918), граф, обер-егермейстер, член Государственного Совета, археолог и историк, почетный член Петербургской Академии наук.

62 Диц Владимир Эрнестович, надворный советник, ловчий Его Императорского Величества.

63 Николай Николаевич (Младший) (1856—1929), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Николая Николаевича

63 Николай Николаевич I (Младший) (1856—1929), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего и Вел. Кн. Александры Петровны, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир л.-гв. Гусарского полка, 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-инспектор кавалерии (1895—1905), командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905—1914), председатель Совета государственной обороны (1905—1908), Верховный Главнокомандующий (1914—1915) и командующий войсками Кавказского фронта (1915—1917).

64 Васильчиков Сергей Илларионович, князь флигель-адъютант, полковник, командир 44 драгунского Нижегородского полка, с 1890 г. командир лейб-гвардии Гусарского полка, впоследствии генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир гвардейского корпуса.

65 Бибиков Сергей Ильич (1851—1903), флигель-адъютант, полковник, командир 3 Уральского казачьего полка (1888), командир 44 драгунского Нижегородского полка (1890).

66 Эскадра Цесаревича Николая Александровича прибыла в Бомбей 11 декабря 1890 г.

67 Речь идет об английской армии и королеве Виктории (1819—1901), принявшей титул императрицы Индии (1876).

68 Андрей Владимирович (1879—1956), Вел. Кн., генерал майор-свиты, с 1911 г. присутствующий в Сенате, командир лейб-гвардии Конно-артиллерийского полка (1915—1917).

69 Алексей Михайлович (1875—1895), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Михаила Николаевича и Вел. Кн. Ольги Федоровны.

70 Янышев Иоанн Леонтьевич (1826—1910), протопресвитер Большого собора в Зимнем дворце и Благовещенского собора в московском Кремле, ректор Петербургской духовной академии (1866—1883), с 1883 г. заведующий придворным духовенством, духовник Императорской семьи.

71 Ванновский Петр Семенович (1822—1904), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, гофмейстер, член Государственного Совета, военный министр (1881—1898), министр народного просвещения (1901—1902).

72 Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, министр Императорского Двора и уделов (1881—1897), наместник на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа (1905—1915), член Государственного Совета.

73 Елизавета Федоровна (урожд. принцесса Гессен-Дармштадская) (1864—1918), Вел. Кн., с 1884 г. жена Вел. Кн. Сергея Александровича, основательница и настоятельница Марфо-Мариинской обители в Москве.

74 Цесаревич и Вел. Кн. Георгий Александрович были в Египте с 10 по 27 ноября 1890 г.

75 Назимов Павел Николаевич (1820—1902), вице-адмирал, 19 февраля 1891 г. встретил Цесаревича на крейсере «Адмирал Нахимов» в Сингапуре, сменив В. Г. Басаргина на посту командира эскадры.

76 См. прим. 47.

77 У Вел. Кн. Георгия Александровича обнаружилась болезнь легких и он не смог сопровождать Цесаревича в путешествии по Индии (с 13 декабря 1890 г. по 29 января 1891 г.).

78 Рамбах Владимир Константинович фон, действительный статский советник, военно-морской врач, главный доктор Морского госпиталя в Петербурге, медицинский инспектор петербургского порта, сопровождал в путешествии Цесаревича.

79 Гирин Гавриил Иванович (1828—1907), тайный советник, почетный лейб-хирург

79 Гирс Густав Иванович (1828—1907), таинный советник, доктор медицины, лейб-хирург, совещательный член Медицинского совета Министерства внутренних дел и Военно-медицинского ученого комитета.

80 Ухтомский Эспер Эсперович (1861—1921), князь, камер-юнкер, поэт и публицист, с 1896 г. редактор газеты «Санкт-Петербугские Ведомости», председатель правления Русско-Китайского банка, сопровождал в путешествии на восток Цесаревича Николая Александровича.

81 Азбелев Николай Павлович, капитан, преподаватель Морского кадетского корпуса в Петербурге, наставник Вел. Кн. Георгия Александровича, сопровождал его в 1890—1891 г. в путешествии на Восток.

82 Георгий Михайлович (1863—1919), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Михаила Николаевича и Вел. Кн. Ольги Федоровны, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, в годы Первой мировой войны состоял при Ставке Верховного Главнокомандующего.

83 Лейхтенбергский Евгений Максимилианович (1847—1901), герцог, князь Романовский. Первым браком женат на Д. К. Опочининой, вторым (1878) на Зинаиде Дмитриевне Скобелевой (?—1899), получившей потомственный титул графини Богарнэ, с 1889 г. — герцогиня Лейхтенбергская.

84 Пантелеев Александр Ильич, генерал-майор, командир л.-гв. Семеновского полка, был сменен Пенским Владимиром Васильевичем. Впоследствии Пантелеев — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного Совета, командир отдельного корпуса жандармов, иркутский генерал-губернатор.

85 Оболенский Николай Дмитриевич (1860—1912), князь, флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, адъютант Цесаревича Николая Александровича, сопровождал его в путешествии, впоследствии генерал-адъютант, управляющий Кабинетом Николая II.

86 Ону Михаил Константинович (1835—1901), тайный советник, дипломат, российский посланник в Афинах, сопровождал Цесаревича в путешествии.

Гирс Николай Карлович (1820—1895), статс-секретарь, министр иностранных дел (1882—1895).

87 Лейхтенбергский Николай Максимилианович (1843—1890), герцог, князь Романовский, генерал-лейтенант свиты, президент Императорского минералогического общества.

88 Сыновья Н. М. Лейхтенбергского, рожденные в морганатическом браке с Надеждой Сергеевной Акинфьевой (урожд. Аненковой) (1844—1891), получившей в 1879 г. потомственный титул графини Богарнэ: Николай (1868—1928) флигель-адъютант, офицер л.-гв. Преображенского полка, полковник, во время Первой мировой войны командир 12 Туркестанского стрелкового полка; Георгий (1872—1929). После смерти герцога получили титул герцогов Лейхтенбергских с полным отделением от Императорской фамилии.

89 Вильгельм Баденский (1829—1897), принц, брат великого герцога Фридриха I Баденского, генерал от инфантерии германской армии, женат на принцессе Марии Максимилиановне (урожд. кн. Романовская).

Максимилиан Баденский (1867—1929), принц, с 1907 г. наследник баденского престола, с 5 октября по 9 ноября 1918 г. канцлер Германской империи.

90 Елизавета Маврикиевна (урожд. принцесса Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская) (1865—1927), Вел. Кн., с 1884 г. замужем за Вел. Кн. Константином Константиновичем.

Константин Константинович (1890—1918), князь императорской крови, флигель-адъютант,

штабс-капитан, л.-гв. Измайловского полка.

91 Вел. Кн. Ольга Александровна.

92 Польские певцы, солисты «Гранд-опера» в Париже: Ян (1853—?), тенор и Эдуард (1856—?), бас.

93 Город на севере Индии, который Цесаревич посетил с 24 по 25 декабря 1890 г.

94 Вел. Кн. Георгий Александрович отбыл из Бомбея в Алжир на крейсере «Адмирал Корнилов» 23 января 1891 г.

95 Алышевский Владимир Ясонович (1845—1909), действительный статский советник, доктор медицины, почетный лейб-медик, директор и главный врач Александровской женской больницы и Мариинской больницы для бедных в Петербурге, непременный член Военно-Медицинского ученого комитета.

96 Франц-Фердинанд д'Эсте (1863—1914), эрц-герцог, племянник австро-венгерского императора Франца-Иосифа I, с 1896 г. наследник австро-венгерского престола.

97 Фигнер Николай Николаевич (1857—1918), русский певец, лирико-драматический тенор, солист Мариинского оперного театра и частных оперных театров (1887—1907), солист и директор оперной труппы Петербургского народного дома (1910—1915).

98 И. И. Воронцова-Дашкова.

99 Губернатор Бомбея — лорд Гаррис.

100 Морриер Роберт сэр, английский дипломат, посол в Петербурге (1884—1893).

101 Альберт-Эдуард принц Уэльский (1841—1910).

102 Георгий Георгиевич (1869—?), греческий принц, сопровождал Цесаревича в путешествии.

103 Тормейер, пиротехник, сапер, воспитатель Вел. Кн. Михаила Александровича.

104 Радциг Николай Александрович (?—1913), потомственный почетный гражданин, с 1877 г. камердинер Цесаревича Николая Александровича.

105 Дети Вел. Кн. Михаила Николаевича и Вел. Кн. Ольги Федоровны: Александр Михайлович (Сандро) (1866—1933), генерал адъютант, адмирал, председатель Совета по делам торгового мореплавания (1900), главноуправляющий (на правах министра) Управления торгового мореплавания и портов (1902—1905), в период Первой мировой войны заведующий авиационной частью действующей армии (1914—1916), с 1894 г. женат на дочери Александра III Вел. Кн. Ксении Александровне;

Сергей Михайлович (1869—1918), Вел. Кн., генерал-адъютант, генерал от артиллерии, с 1905 г. генерал-инспектор

артиллерии, полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем (1915—1917), 31 января 1891 г. на яхте «Тамара» прибыли в Коломбо.

106 Генрих Орлеанский (1867—?), принц, сын герцога Роберта Шартрского, принца Орлеанского, известный путешественник по странам Востока и Центральной Африки. В 1889—1890 гг. вместе с французским ученым Бонвало Пьером

Габриэлем (1853—?) совершил путешествие в Тибет.

Гавриэлем (1853—?) совершил путешествие в Тибет.

107 Эскадра прибыла в Сингапур 19 февраля 1891 г.

108 Трубачев Семен Сергеевич (?—1891), камердинер Вел. Кн. Алексея Александровича.

109 Долгорукий (Долгоруков) Владимир Андреевич (1810—1891), князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор (1865—1891).

110 Эскадра Цесаревича прибыла в Коломбо 31 января 1891 г.

111 Крейсер «Адмирал Корнилов».

112 Струтон Екатерина Ивановна (?—1891), няня-англичанка.

113 Церковь на Английской набережной в д. № 56.

114 Исаков Николай Васильевич (1821—1891), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, главный начальник военно-учебных заведений (1863—1881), член Государственного Совета (1881).

115 Кауфман Михаил Константинович фон (1858—1891), флигель-адъютант, поручик Конно-артиллерийской гвардейской батареи.

116 Ресторан в одноименном парке под Петербургом.

117 Рихтер Отгон Борисович (1830—1908), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командующий Императорской главной

квартирой (1881—1898), член Государственного Совета.

118 Имеются в виду Вел. Кн. Мария Павловна (Старшая) и Елизавета Маврикиевна.

119 Мартынов Валериан Дмитриевич (1841—1901), генерал-майор, шталмейстер, член Совета главноуправляющего государственного коннозаводства, сенатор.

120 Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927), барон, генерал-майор свиты, шталмейстер, граф (1913), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного Совета, министр Императорского Двора и уделов (1897—1917).

121 Орлов Александр Афиногенович, штаб-ротмистр л.-гв. Гусарского полка.

122 Безобразов Владимир Михайлович, полковник л.-гв. Гусарского полка, впоследствии генерал-адъютант, генерал от

кавалерии, командир гвардейского корпуса (до июля 1915).

123 По-видимому, оркестр Петербургского инвалидного дома.

124 Вел. Кн. Владимир Александрович был шефом л.-гв. Драгунского полка, располагавшегося в г. Кречевицкие Казармы Новгородской губернии.

125 Военнообязанные рядового состава в государственном ополчении, созданном в России после введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. из неслуживших в кадровой армии и отбывших срок службы в запасе. Ратники призывались во время войны для пополнения действующей армии и тыловой службы, с 1890 г. регулярно призывались на ежегодные сборы.

126 Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич (1859—1909), герцог, сын герцога Георга-Августа Мекленбург-Стрелицкого и Вел. Кн. Екатерины Михайловны, штабс-капитан л.-гв. 1 артиллерийской бригады, с 1891 г. штаб-ротмистр л.-гв. Конногренадерского полка.

127 Ольга Федоровна (урожд. принцесса Баденская) (1839—1891), Вел. Кн., с 1857 г. жена Вел. Кн. Михаила Николаевича.

128 Озерова Александра Сергеевна, фрейлина Вел. Кн. Ольги Федоровны.

Муханов Мануил Сергеевич, действительный статский советник, гофмейстер Двора Вел. Кн. Михаила Николаевича.

129 Михаил Николаевич (1832—1909), Вел. Кн., сын Николая I, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал,

генерал-фельцейхмейстер, наместник Кавказа и командующий Кавказской армией (1863—1881), председатель Государственного Совета (1881—1905).

Сыновья: Николай Михайлович (1859—1919), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, историк, председатель Императорского русского исторического общества; Михаил Михайлович (1861—1929), флигель-адъютант, в 1891 г. вступил без разрешения Александра III в морганатический брак с графиней С. Н. Меренберг. Был исключен со службы и переехал в Англию; Александр Михайлович (см. прим. 105); Сергей Михайлович (см. прим. 105); Алексей Михайлович (см. прим. 69); Георгий Михайлович (см. прим. 82).

130 Вячеслав Константинович (1862—1879), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Константина Николаевича и Вел. Кн. Александры Иосифовны.

131 Анастасия Михайловна (1860—1922), Вел. Кн., дочь Вел. Кн. Михаила Николаевича и Вел. Кн. Ольги Федоровны, с 1879 г. замужем за великим герцогом Фридрихом-Францем Мекленбург-Шверинским.

132 Портовый город на юге Италии.

133 Имеются в виду 4 стрелковый Императорской Фамилии батальон и 147 пехотный Самарский полк 2 бригады 37 пехотной дивизии.

134 Однозарядная винтовка системы американского изобретателя Х. Бердана, усовершенствованная в 1860-х годах русскими инженерами А. П. Горловым и К. И. Гуниусом. Состояла на вооружении русской армии в 1868—1891 гг.

135 8 марта 1891 г. Цесаревич прибыл в Бангкок и был встречен Чулалонгкорном (1853—?), королем Сиама с 1868 г., который дал в честь высокого гостя парадный обед во дворце «Чакра-Кри».

136 Батавия (совр. назв. Джакарта), столица голландской колонии Ост-Индии. Эскадра Цесаревича прибыла в Батавию 23 февраля 1891 г.

137 Николай Николаевич (Старший) (1831—1891), Вел. Кн., сын Императора Николая I, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, генерал-инспектор по инженерной части и генерал-инспектор кавалерии, председатель Главного комитета по устройству и образованию войск, член Государственного Совета.

138 Блудова Антонина Дмитриевна (1812—1891), графиня, камер-фрейлина Императрицы Марии Федоровны.

139 Мольтке Гельмут (1800—1891), граф, генерал-фельдмаршал, начальник германского Генерального штаба (1858—1888), военный теоретик.

140 Голицын Иван Михайлович (1835—1896), князь, гофмейстер Двора Императрицы Марии Федоровны.

141 Зиновьев Василий Васильевич (1814—1891), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, заведующий Конторой августейших детей их Императорских Величеств.

142 Корф Андрей Николаевич (1831—1893), барон, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, приамурский генерал-губернатор и командующий войсками Приамурского военного округа (1884—1893).

143 Эскадра Цесаревича прибыла в Нагасаки 15 апреля 1891 г.

144 Манеж л.-гв. Конного полка находился на Исаакиевской площади, в д. № 1.

145 29 апреля в г. Оцу японский полицейский Цуда Сандзо нанес Цесаревичу удар саблей по голове. При повторной попытке покушавшийся был сбит с ног сопровождавшим Наследника греческим принцем Георгием.

146 Лазарев Михаил Михайлович, контр-адмирал.

147 Муцухито (1852—1912), император Японии с 1867 г.

148 Эскадра Цесаревича прибыла во Владивосток 11 мая 1891 г.

149 11 мая 1891 г. Император Александр III назначил Цесаревича Николая Александровича шефом 1 Восточно-Сибирского стрелкового батальона, (командир полковник Василий Семенович Панин) 1 Восточно-Сибирской стрелковой бригады (командир генерал-майор Владимир Петрович Макеев) (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.).

150 Коронация Александра III состоялась в Москве 15 мая 1883 г.

151 15 мая 1891 г. в Москве открылись две выставки: французская, главным организатором которой был бывший министр иностранных дел Франции Э. Флуранс, сторонник франко-русского сближения; среднеазиатская, где демонстрировались образцы товаров из хлопка Средней Азии и товаров, произведенных для среднеазиатского рынка в центральных губерниях.

152 Императрица Мария Федоровна.

153 Дворец Императрицы Марии Александровны в Ливадии.

154 Имеются в виду полковые праздники л.-гв. Уланского и л.-гв. Конногренадерского полков.

155 Ольденбургский Александр Петрович (1844—1932), принц, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного Совета,- командир 1 гвардейской пехотной дивизии (1880—1885), командир гвардейского корпуса (1885—1889), в период Первой мировой войны главноначальствующий санитарной и эвакуационной частей. Женат на Евгении Максимилиановне (Ежени) герцогине Лейхтенбергской, кн. Романовской (1845—1925).

156 Лейхтенбергский Георгий Максимилианович (Roi Gorges) (1852—1912), герцог, князь Романовский, женат первым браком на герцогине Терезии Ольденбургской, вторым — на Анастасии Николаевне (Стана) (1868—1935), Вел. Кн., дочери черногорского князя Негоша, впоследствии короля Черногории Николая I (во втором браке за Вел. Кн. Николаем Николаевичем (младшим).

157 Речь идет о памятнике Александру II по проекту П. В. Жуковского и Н. В. Султанова.

158 Письмо В. А. Барятинского и медицинский протокол, подписанный В. К. фон Рамбахом, Л. В. Поповым и Ф. В. Смирновым, находится в ГАРФ (Ф. 677. Оп. 1. Д. 701. Л. 7—13).

159 Христофор (1888—?), греческий принц, сын короля Греции Георга I и Вел. Кн. Ольги Константиновны.

160 Дворец в западной части Нижнего парка в Петергофе.

161 14 июня 1891 г. графиня Мария Васильевна Орлова-Денисова вышла замуж за графа И. И. Воронцова-Дашкова.

162 Дочери действительного статского советника, чиновника особых поручений при министре государственных имуществ князя Анатолия Александровича Куракина: Мария Анатольевна, фрейлина Императрицы Марии Федоровны, 12 июня 1891 г. вышла замуж за корнета лейб-гвардии Кавалергардского полка князя Владимира Алексеевича Шаховского; Анна Анатольевна, 14 июня 1891 г. — за поручика лейб-гвардии Кавалергардского полка Николая Николаевича Шебеко.

163 Цесаревич выехал из Владивостока в путешествие по Сибири 21 мая 1891 г.

164 Вел. Кн. Сергей Александрович.

165 11 июля 1891 г. в Кронштадт пришла французская эскадра под командованием адмирала А. Жерве. Двухнедельный визит стал открытой демонстрацией франко-русского сближения.

166 Большая Сайма — система озер на юго-востоке Финляндии.

167 Город в Выборгской губернии на южном берегу озера Лапвеси, принадлежащего к системе озер Сайма.

168 Водопад на р. Вуоксе в Выборгской губернии.

169 Лошади, приобретенные по вольным ценам при комплектовании воинских частей, в отличие от лошадей, поставленных на основании конской повинности.

170 Цесаревич присутствовал на праздновании 300-летнего юбилея Уральского казачьего войска в г. Уральске с 29 мая по 1 августа 1891 г.

171 Цесаревич Николай Александрович возвратился в Петербург 4 августа 1891 г.

172 Именины Цесаревича отмечались 6 декабря.

173 Селение Ахалцихского уезда Кутаисской губернии.

174 Цесаревич был назначен шефом 44 драгунского Нижегородского полка 27 ноября 1892 г. (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.).

175 Дризен Александр Федорович (?—1892), барон, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир 2 армейского корпуса. Новосильский Федор Михайлович (1802—1892), генерал-адъютант, адмирал, член Государственного Совета.

176 Праздник ордена Св. Георгия ежегодно отмечался 26 ноября. В этот день для кавалеров ордена устраивался торжественный обед в Зимнем дворце.

177 [illegible]

177 Императрица Мария Федоровна родилась 14 ноября 1847 г.

178 Дмитрий Константинович (1860—1919), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Константина Николаевича и Вел. Кн. Александры Иосифовны, флигель-адъютант, штаб-ротмистр л.-гв. Конного полка, с 1892 г. полковник, командир л.-гв. Конно-гренадерского полка, впоследствии генерал-адъютант, генерал от кавалерии, главноуправляющий Главного управления государственного коннозаводства (1897—1905).

179 Максимович Константин Клавдиевич (1849—?), генерал-майор, до 1892 г. командир л.-гв. Конно-гренадерского полка, с 1892 г. командир 1 бригады 2 гвардейской кавалерийской дивизии, впоследствии генерал-адъютант, генерал от кавалерии, военный губернатор и командующий войсками Уральской области, наказной атаман Уральского казачьего войска (1893—1899), наказной атаман Донского казачьего войска (1899—1905), варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (1905), помощник командующего Императорской главной квартирой (1915—1917).

180 Швейниц Ганс Лотар (1822—1901), граф, германский генерал и дипломат, посол в Австро-Венгрии (1871—1876) и в России (1876—1922).

181 Вердер Бернгард Франц Вильгельм (1823—1907), генерал-лейтенант германской армии, военный атташе (1869—1886) и посол в России (1892—1895).

182 8 апреля 1894 г. в Кобурге состоялась помолвка Цесаревича Николая Александровича с принцессой Алисой Викторией Еленой Луизой Беатрисой Гессен-Дармштадской.

Публикация В. Л. СТЕПАНОВА

Степанов В. Л. Письма Императора Александра III к Наследнику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 213. — [Т.] IX.

В обширном эпистолярном наследии Императора Александра III заметное место занимают его письма к старшему сыну Николаю. Александр брался за перо каждый раз, когда наступала краткая или продолжительная разлука с «милым Ники». Предлагаемые читателю письма охватывают почти два десятилетия с 1876 по 1894 г., но в основном относятся к периоду путешествия Цесаревича по странам Востока в 1890—1891 гг.

Публикация осуществлена по подлинникам, хранящимся в ГАРФ (Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 1—71), с сохранением старых грамматических форм и особенностей авторского письма. Синтаксис приведен к современной норме. Названия кораблей заключены в кавычки. Дописываемые части слов воспроизводятся с ломаных скобках, подчеркивания — курсивом.

Фотоматериалы любезно предоставлены ГАРФ и подготовлены к публикации Л. И. Тютюнник.

Воспоминания А. В. Левицкой

Олсуфьев Ю. Д. Из прошлого моей семьи // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 285—286. — [Т.] IX.

В марте 1915 года, на австрийском фронте, был убит мой отец Дмитрий Васильевич Олсуфьев. После этого моя мать, со всеми нами — пятью детьми, переехала из нашего имения в Литве в Москву. Там она сняла небольшой особняк на Олсуфьевском переулке, так как его название связано с предками моего отца. В 18-ом столетии, в районе, где позднее появился этот переулок

на Девичьем поле, находилось обширное загородное поместье вице-канцлера князя Александра Михайловича Голицына. Это поместье перешло в собственность Олсуфьевых, после того, как дочь князя Голицына вышла замуж за моего прапрадеда Дмитрия Адамовича Олсуфьева.

Дом, стоявший в этом имении, был украшен белыми колоннами и, кроме анфилады комнат с высокими потолками, имел также большой двухсветный зал. Построен этот дом был во второй половине 18-го века и, как описывает его один специалист, являлся типичным дворянским особняком в Москве того времени. Передняя его, по словам моей тети Анны Васильевны Левицкой, урожденной Олсуфьевой, была подробно описана Л. Н. Толстым в «Войне и мире», как передняя дома Ростовых.

Во время французской оккупации Москвы в 1812 году дом был главной квартирой для маршала Даву, и благодаря этому он не был разграблен мародерами, и вся его старинная обстановка сохранилась. В середине прошлого столетия, при жизни моего деда Василия Александровича Олсуфьева, все это поместье занимало семь десятин, из коих две десятины были заняты домом, флигелями, оранжереями, конюшнями и другими хозяйственными постройками. На остальных же пяти десятинах был разбит парк, который при жизни князя Голицына тянулся до самой Москва-реки. В 1883 году, после кончины моего деда, дом («дом Ростовых») был продан его вдовой (его третьей женой) и на его месте построена Морозовская клиника.

В последние годы я часто слышал, что в Москве до сих пор ошибочно считают «домом Ростовых» нынешний дом литераторов на бывшей Поварской улице. Он принадлежал моему двоюродному деду графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву и также имел двухсветный зал. Но этот дом был построен только в середине 19-го века, т(о) е(сть) много лет после нашествия Наполеона и, конечно, не мог быть описан Толстым как «дом Ростовых».

Художник В. Д. Поленов снимал флигель дома на Девичьем поле с 1878 по 1881 год, и романтический в своем запустении, разрушающийся архитектурный ансамбль был воспринят им как воплощение тургеневского дворянского гнезда. Там он написал свою известную картину «Бабушкин сад», на которой изображен флигель усадьбы, со стороны Оболенского переулка, и мою тетю Татьяну Васильевну Олсуфьеву — дочь тогдашнего владельца, в виде молодой девушки, поддерживающей бабушку.

В 1880 году Л. Н. Толстой решил переехать из Ясной Поляны в Москву. Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях моя тетя Анна Васильевна Левицкая: «Однажды, летом 1880 года, Толстой, обедая у нас, сказал, что он с ужасом думает и не может себе представить, как живя в Москве, ему придется ходить по мостовой, которую он терпеть не может. Когда он заявил обо этом, мой отец сказал Толстому: возьмите дом рядом с нашим садом в Хамовническом переулке. Оттуда Вы сможете постоянно ходить гулять на Воробьевы горы, ни разу не ступая на мостовую, переходя из Вашего сада в наш сад. После обеда мы повели Толстого осматривать этот дом. Пройдя через наш сад, мы, отодвинув одну доску в нашем заборе, очутились в саду купца Арнаутова. Дом стоял пустым, после того как умерла его хозяйка, и, по-видимому, продавался».

Ю. Д. и А. С. Олсуфьевы

Льву Николаевичу очень понравился как дом, так и сад, и мы вскоре узнали, что он приобрел это имущество. Таким образом Толстые стали нашими ближайшими соседями в Хамовническом переулке, и мы виделись с ними ежедневно.

Иванова Е. Ю., Олсуфьева Е. Н. Дворяне и графы Олсуфьевы // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 286—287. — [Т.] IX.

Олсуфьевы происходят из старинного дворянского рода, восходящего к началу XVI столетия.

Олсуфьевы не принадлежали к

старой московской знати и выдвинулись только при Петре Великом.

I кол(ено). Дмитрий Васильевич, конец XVI века, имя жены не известно.

II кол(ено). Василий Дмитриевич († 1723), обер-церемониймейстер имп(ератрицы) Екат(ерины) I, женат на Еве Голендер (шведка).

III (колено). Адам Васильевич (1721—1784), крестник Петра Великого. Церемониймейстер имп(ератрицы) Елизаветы, статс-секретарь имп(ератрицы) Е(катерины) II. Губерн(ский) предводитель дворянства в Петербурге, почет(ный) член Академии Художеств, женат на Марии Вас(ильевне) Салтыковой — дочь ген(ерала)-аншефа Василия Феод(оровича) Салтыкова и его

жены кн(яжны) Марии Алексеевны Голицыной.

IV (колено). Дмитрий Адамович (1759—1808), губернск(ий) предводитель дворянства в Москве, женат на Дарий Александровне Де Лицыной [?—1830]* — дочь кн(язя) Михаила Александр(овича) Голицына и баронессы von Klupfel.

V (колено). Александр Дмитриевич (1790—1853), камергер, действ(ительный) тайн(ый) советник, женат на:

I. Марии Павл(овне) Кавериной — одна дочь Дария А. Миклашевская (1818—1848), сын Павел А. (1819—1844);

II. Мария Васильевна Нарышкина — [двоюродная племянница Екатерины Романовны Воронцовой-Дашковой, первого президента Российской Академии наук], дочь Вас(илия) Серг(еевича) Нарышкина и Анны Иван(овны) Воронцовой.

VI (колено). Василий Александрович (1831—1883), владелец усадьбы на Девичьем поле и хрустального завода в Рославле, женат:

I брак. Мария Алексеевна Ребиндер (1836—1866) — от этого брака 3 сына и 4 дочери. Алексей женат на кн(яжне) Ек(атерине) Сем(еновне) Абамелек-Лазаревой. Александр женат на Софии Сер(геевне) Нарышкиной — два приемных сына: 1) Феодор, 2) ... Адам [1865—?] женат на Софии Мих(айловне) Устиновой. [Дочери Мария, замужем за Богдановым, Софья, замужем за Гебзоттелем, Анна, замужем за Левицким.]

II брак: Анна Александровна кн(яжна) Ливен.

VII (колено). Дмитрий Васильевич (1871—1915), убит в Карпатах, камер-юнкер, предводитель дворянства Шавельск(ого) уезда, женат (с) 1894 (г.) на Ольге Никол(аевне) граф(ине) Зубовой (1870—1939) — дочь гр(афа) Ник(олая) Ник(олаевича) Зубова и гр(афини) Александры Васильевны Олсуфьевой. [Катя, умерла в 1883 г.]

VIII (колено). Алексей (1896—1980), [жил в Риге], женат на Тамаре Конст(антиновне) Витоль. Мария (1898—1964), замуж(ем) за Н. А. Дубровским. Василий (1900—1985), [жил в США], жена Маргарита Титовна Шишко. Наталия (1903—1986), [жила в Австралии], (замужем) за Евгением Алекс(еевичем) Кравцевич(ем) — 2 сына и 1 дочь.

IX (колено). Юрий (1904—[1992]), агроном и арх(итектор)-пейзажист, женат на Александре Серг(еевне) Милорадович (1912) — 5 дочерей.

X (колено). Ольга (1938) за Nicolaus von Niessen — Michael (1965), D(octo)r (of) Med(icine), Cristine (1966), Town Planner. Александра (1940) за Alfred Popp — Andrew (1971), Edward (1974). Мария (1941) за кн(язем) Лео Sayn Wittgenstein — George (1966), Alexander (1968), Catherine

Мария (1941) за Кн(язем) Leo Sayn-Wittgenstein — George (1966), Alexander (1968), Catherine (1971), Peter (1975). Дария (1949) за Andrew Forsyth — Tatiana (1970), Christopher (1972), Alexandra (1973). Елена (1955).

III брак (В. А. Олсуфьева): Александра Григорьевна Есипова — 3 сына.

VII (колено). Григорий Вас(ильевич) ж(енат) на Анне Александр(овне) Соломирской. Ольга (1903[—1986]). Николай (1905—1988). Василий (1910—1982).

Кирилл Вас(ильевич) (1876—1914), ж(енат) на Маргарите Александр(овне) Адлерберг [убит на фронте], (3 дочери) Александра Кир(илловна) (1902—1958) за Артамоновым, Наталия Кир(илловна) (1903—1971) за Woerkle, Татиана Кир(илловна) (1905) [Бразилия, г. Сан-Паулу].

Михаил Вас(ильевич) (1880—?) ж(енат) на Анне Львовне Левицкой.

Публикация Е. Ю. ИВАНОВОЙ

и Е. Н. ОЛСУФЬЕВОЙ

Левицкая А. В. Воспоминания Анны Васильевны Левицкой, урожд(енной) Олсуфьевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 252—285. — [Т.] IX.

Милый Ника1, т(ак) к(ак) ты пожелал, чтобы я писала воспоминания, я посвящаю тебе эти записки, не знаю только, насколько они будут тебе интересны, т(ак) к(ак) когда мне уже 80 лет, то моя жизнь ничего особенного не представляет, я никакой особенной роли не играю и мало встречала в своей жизни выдающихся людей. Итак, я начинаю с самого начала мои воспоминания. Начинаю с того, что мне известно из рассказов папа о моем появлении на свет.

Родилась я в Ницце 3 февраля 1863 г. Мои родители любили путешествовать — часто ездили за границу. Тогда еще не было железных дорог, и путешествия совершались в каретах, называемых «дормезе». В этих дормезах были всевозможные удобства — разного рода сумочки, бахульчики, выдвижные столики, сидения, которые можно было превратить в кровать и т. п. Лошадей меняли на почтовых станциях и таким образом ездили по всей Европе, без особого утомления и даже с большей приятностью, чем по железной дороге, когда, проезжая по живописной местности, от быстроты движения ничего не успеваешь видеть. Итак, я родилась в Ницце. Мой отец Василий Александрович Олсуфьев и моя мать Мария Александровна рожд(енная) Ребиндер имели уже пять детей: 3-х дочерей, Мария, София, Татьяна, и двух сыновей, Алексей и Александр, — я была шестая в семье и родилась, как мне говорили, в Mardi gras**, во время карнавала; в кринолине мама поехала с детьми кататься по Promenade des Anglais и принимала живое участие в Bataille de fleurs*** (что тогда было в большой моде) и конфетти. Все вышесказанное я, конечно, не помню — только по рассказам папа?.

Мое первое воспоминание: я лежу в постели в кабинете мама?, большой комнате около столовой, около моей кроватки стоит кушетка, на ней лежит дядя Ника, брат моей матери, и что-то читает, мама стоит около меня и помогает мне складывать большой кастет2 (нрзб.) катание в Сокольниках 1-го Мая. Я прошу дядю Нику читать мне вслух, а он забормотал языком, и я прошу маму его высечь, что она и сделала. Я не помню лиц, помню только лежавшего спиной ко мне дядю Нику и тонкие руки мама, в черной кофте с широкими рукавами и кисейными рукавчиками из-под черных рукавов. Мне было года 3 тогда, и я выздоравливала после тифа. В то же время у моих сестер Тани и Сони была скарлатина, и мама? проводила около нас и дни и ночи. В другой раз, помню, мама? пришла и говорит мне, что наша сторожевая большая собака Гордон укусила моего брата Сашу и вырвала ему большой клок из штанов — это, очевидно, было уже ранней весной, когда уже можно было выходить в сад.

Надо тебе сказать, что такое был наш дом. Мы жили на Девичьем Поле, тогда еще совсем за городом. От нашего дома до Девичьего монастыря это поле тянулось на 3 версты в длину и около

версты в ширину. Перед нашим домом была маленькая лужайка, окруженная со стороны Девичьего Поля довольно глубоким рвом и заборчиком, — эта лужайка называлась «Petit prais»*. Дом был огромный — с большим балконом и колоннами. В этом доме было 17 комнат. Из передней шла целая анфилада комнат и т(ак) наз(ываемая) красная комната, в которой стоял огромный диван красного дерева стиля 40-х годов с зеленой обивкой, где мы детьми всегда кувыркались. Рядом была большая длинная комната в 2 света, библиотека со шкафами из красного дерева, где было не менее 2-х или даже 3-х тысяч книг, огромное количество которых были книги 18-го и даже 17-го столетия, большей частью французские. Затем шла большая голубая гостиная в три окна в 2 света с 4-мя портретами наших предков Голицыных и Нарышкиных, Левицкого3 и Боровиковского4. Один из этих портретов Обер-камергера князя Александра Голицына5 чудной работы Левицкого был впоследствии куплен Третьяковской галереей и висит в отдельной комнате напротив портрета Павла Михайловича Третьякова, основателя этой галереи в Москве.

Дом Олсуфьевых на Девичьем поле. Фасад. Чертеж 1841 г.

Голубая гостиная была в стиле Louis XVI с орнаментами серыми по темно-синему фону и расписным потолком. Двери в этих парадных комнатах также были в том же стиле, белые с светло-зелеными рамками. Все эти комнаты были замечательно красивы. Из гостиной была как продолжение анфилады спальня папа? и мама? и вправо большой зал с тремя стеклянными дверьми на террасу в сад и также в 2 света. Из этого зала, одного из самых больших в Москве, были 3 двери — одна направо в кабинет мама?, в котором я лежала во время тифа, другая дверь вела в буфет и на антресоли с правой стороны дома, с другой стороны, в коридор и также антресоли левой стороны дома. Я очень плохо нарисовала план, но смутное понятие о расположении главных парадных комнат он может дать, а фотография нашего дома у Лиды, и она может вам, если ты пожелаешь, прислать копию. Наш дом на Девичьем поле большая усадьба в 7 десятин — под садом было около 3 десятин, а 2 десятины были под домом, флигелями, службами и двором.

Помню я себя также в кроватке в доме (это была столовая) во время завтрака, когда были поданы бараньи котлетки в папильотках, т(о) е(сть) жареные в бумажных конвертах, которые мы очень любили. У нас был француз повар Луи, по-русски прислуга его называла Иван Иванович — он был женат на одной из наших горничных, русской. Это было еще при жизни мама?, которая умерла в скором времени от скарлатины, которой она заразилась от моей сестры, простудившись, делала мне ванну и промочила себе ноги. Я помню, как мы стояли на коленях во время панихиды перед закрытой дверью в гостиную, где стоял гроб. Она проболела всего несколько дней. Папа был в то время на заводе и приехал в Москву, уже когда она умерла. По поводу ее кончины папа нам рассказывал следующее: «Однажды на заводе у него был неприятный разговор с управляющим — он не заметил, как толкнул стол, и от этого толчка портрет мама, который перед ним стоял, вдруг упал на пол. В это время ему принесли почту, и было письмо от мама, в котором она сообщала, что заболела, но просила его не волноваться, т(ак) к(ак) скарлатина у нее уже была. В этом же письме была приписка ее старой гувернантки Марьи Ивановны, которая писала, что мама больна скарлатиной, доктор Гари очень беспокоился, если можете, приезжайте. Папа немедленно велел запрягать лошадей и поспешил в Москву. Он попал уже к похоронам — его встретил князь Хилков6, который 3 дня просидел в передней, чтобы встретить папа и сообщить ему грустное известие. Папа за это самоотвержение очень любил князя, которого я помню уже стариком лет 60-ти и который часто у нас обедал. После смерти мама — я мало это помню.

Помню, что у нас была толстая, старая гувернантка Ольга Алексеевна Садоротова, которую мы все ненавидели, — она нас всех била, секла, ставила на колени на сухой горох. Помню, как однажды она меня высекла линейкой за то, что я нечаянно уронила башню из кирпичиков. Я упустила сказать, что после меня два года спустя родился у мама сын (7-е дитя), которого назвали Адамом в честь нашего прапрадеда Адама Васильевича Олсуфьева, кабинет-министра Императрицы Екатерины 2-ой. Мать Адама Васильевича была немка, ее звали Ева. Петр Великий соизволил быть крестным отцом новорожденного младенца, но опоздал к крестинам, и

Великий соизволил быть крестным отцом новорожденного младенца, но опоздал к крестинам, и ребенка назвали Васильем. Когда Петр приехал и узнал, что младенца уже окрестили, то возмутился и сказал — я хочу, чтобы его звали Адамом. В Библии Ева произошла от Адама, а я хочу, чтобы Адам произошел от Евы. Поэтому у Адама Василия два имени, но он всегда на всех актах подписывался Адамом, и с тех пор в честь именитого крестника Петра Великого у всех Василиев в нашей семье одного сына называли Адамом. Таким образом и мой брат, который родился 1-го октября 1865 года, был назван Адамом. Моя мать скончалась почти 6 месяцев спустя 18-го апреля 1866 г. и похоронена на Вагань(ков)ском кладбище в Москве, около склепа Олсуфьевых, где похоронены дедушка и бабушка и другие Олсуфьевы.

Кроме выше названной злой гувернантки была бонна немка Мина Федоровна, которую я очень любила и которая меня научила говорить по-немецки (я раньше русского говорила по-немецки), и еще одна русская гувернантка Лиза, которую все очень любили. Но тем не менее во все время вдовства моего отца злая, сварливая Ольга Алексеевна играла главную роль. Она боялась трогать только Маню, любимицу папа, которая бы побежала ему жаловаться, и любила она еще маленького Адама, которого звали «Дадя». Меня прозвали «Princesse», так как я как-то прибежала и сказала кому-то: «Няня убила la Princesse». В это время появилась картина «Княжна Тараканова в крепости во время наводнения»7, где она стоит на кровати, окруженная водой, и около нее плывут крысы, ищут спасение. В доме больше говорили по-французски, и я, по-видимому, слышала, как взрослые говорили об этой картине la Princesse Taracanof, я же, увидавшая няню, (которая) убила таракана, прибежала сказать, что она убила princesse.

Мой отец был очень богат — у него, как мне говорили, было 2 больших имения — одно на берегу Оки, в Рязанской губернии, другое в Тульской губернии, хрустальный завод в Смоленской губернии и хрустальные магазины в Москве и в Харькове. Если не ошибаюсь, у него было, до освобождения крестьян, около 400 тысяч годового дохода. Папа был очень добрый и доверчивый человек, его управляющие его жестоко обкрадывали, покупали себе по соседству имения и в конце концов разорили его.

Вице-канцлер А. М. Голицын. 1786 г.

Прости, что отступаю постоянно от первоначальной темы. Итак, папа овдовел, имея 7 человек маленьких детей, воспитание которых его очень беспокоило, и он решил поэтому, (что) необходимо жениться. Его выбор пал на прекрасную девушку красавицу княжну Анну Александровну Ливен, которая, выйдя за моего отца, была нам настоящей матерью. У нее было от этого брака 2-ое детей, Катя и Митя, — но, увы, после рождения Мити она заболела скоротечной чахоткой и скончалась 19-го сентября 1871-го года.

В 1870-ом году была франко-прусская война, и дядя Дмитрий, брат моего отца, живший всегда в Париже, был принужден уехать из Франции и приехал на завод к нам в Каменный, где мы в то время проживали. Я смутно помню это время — знаю, что у меня тогда болели глаза, была, вероятно, трахома, и решено было отправить меня с дядей Дмитрием в Москву. Это было зимой, на лошадях надо было ехать чуть не до Смоленска. Меняли лошадей несколько раз, ночевали мы где-то на постоялых дворах — помню только, что я не могла сама развязать свои теплые панталончики, а дядя Дмитрий был страшно близорук и также не успел это сделать, и привело это к неминуемой катастрофе, к моему большому стыду. В Москве дядя привез меня к Ливенам, они жили в Левшинском переулке около церкви Успения на Могиле, которую ты, быть может, помнишь. В Москве меня лечил известный окулист Браун8. Началось с того, что меня посадил в совершенно темную комнату, где я провела одну или две недели, затем мне стали с кисточки сыпать в глаза какой-то белый порошок, и понемногу мои глаза перестали болеть и я могла видеть. Через некоторое время папа, мама Аненька и вся семья вернулись в Москву. В этот год была введена в России общевоинская повинность, о которой мне говорили, но которую я, конечно, не понимала.

В мае месяце родился Митя. (Ты его, вероятно, помнишь, а его детей всех знаешь.) Помню я наши игры в саду, уроки в саду — у меня и тети Тани была гувернантка фрейлен В. Бок,

которую старшие звали «бочка», хотя она была маленькая, худенькая и вовсе на бочку не походила. У Мани и Сони были гувернантки англичанки, не знаю, которая из них была раньше, мисс Hall или мисс Quil. У нас очень часто менялись гувернантки, не знаю, по какой причине, всех их и не запомнишь. Я помню лишь, как мисс, когда пришла к нам наниматься, сидела в уголке в голубой гостиной. Мы, дети, подбежали к ней и спросили: «А Вы долго будете у нас жить» — и стали ей рассказывать, какие у нас были гувернантки. Воображаю, с каким страхом она это слушала. Можно лишь удивляться, что она имела мужество к нам поступить. Мы очень любили играть в индейцев и разбойников, а также устраивать торжественные похороны (croque-nuitaine*) чучела, которого мы тащили с огорода, где садовники их ставили отпугивать птиц. Эти похороны я отлично помню: чучело укладывали на носилки — брат Алеша изображал священника. Маня и Соня несли эти носилки, а мы почти с пением обходили таким образом вокруг всего сада.

Маня, Соня и Алеша читали историю Спарты и были в таком энтузиазме, что сами хотели быть спартанцами. Однажды (это было еще при жизни мама) она удивилась, что с трудом поднимает на руки Соню. Оказывается, они наложили кирпичей в штанишки и за пазуху. Они решили, что и нас надо воспитывать по-спартански. На дворе да и в саду местами росла высокая крапива, чуть ли не в рост человека — и вот Маня заставляла нас с голыми руками и ногами кататься в этой крапиве — если мы кричали, она нам давала колотушки. Спартанское воспитание, которому старшие сестры и брат себя и нас подвергали, по-видимому, имело огромное влияние на всех нас. Тетя Маня и тетя Соня достаточные примеры их выносливости и характеров всей их жизни — когда никакие невзгоды, лишения, голод и ссылка в Сибирь не могли сломить.

Мне доставляет большое удовольствие писать эти записки, но я извиняюсь за всевозможные отступления в хронологическом порядке. Вспоминаю я наше детство, наш огромный тенистый сад, наши огромные оранжереи, это самые большие во всей Москве. Была оранжерея персиков, другая с пальмами и тропическими растениями, одна теплица с орхидеями, одна с камелиями, одна с азалиями, одна с рододендронами и еще огромный зимний сад, около дома, который был не менее 12—15 аршин высоты и где аорокарий9 был так высок, что пробил стеклянную крышу над собой. Папа обожал цветы, был ученый садовод, и цветы у нас были везде на подоконниках зимой, чего только не было, и гиацинты, тюльпаны, азалии, примулы, да всего не перечтешь.

Несмотря на эту роскошь, несмотря на то, что у нас было много прислуги, живущей большей частью со всей семьей, 3 лакея — один выездной в ливрее, один камердинер и один буфетчик, три горничные, кухонные мужики, повар француз Луи, нас совсем не баловали, и я не помню, чтобы папа когда-либо приласкал. Я помню, что мы его боялись, хотя он никогда нас не наказывал — каждый вечер перед тем, чтобы идти спать, мы: Таня, Саша и я, подходя к двери кабинета, крестились, не решаясь войти к нему, поцеловать ему руку, когда он нас крестил перед сном. Утром так же, как и после завтрака и обеда, мы целовали ему руку. Нас воспитывали гувернантки и постоянно пугали тем, что пожалуются папа?. Я говорю, нас не баловали, мы никогда не получали хлеб с маслом, только папа получал хлеб с маслом, и, вероятно, прислуга, которая имела все возможности нас обкрадывать, не лишала себя этой роскоши. Меня часто упрекали братья и сестры, что я вас слишком балую, слишком спускаю вам разные выходки — но я всегда на это говорила и могу сказать это и сейчас — я всегда чувствовала это отсутствие ласки — свое грустное детство и потому старалась вас, моих детей, окружать лаской и любовью, чтобы у вас не осталось грустного воспоминания холодности, а чтобы вы могли, ты, Ника, в особенности, как что-то светлое и теплое вспоминать ваше детство. Нас наказывали гувернантки, и каких наказаний только не было, — в особенности когда, после смерти мама?, папа? был вдовцом. Когда он женился на княжне Ливен, поступили новые гувернантки, хотя нас и строго наказывали, оставляли часто без обеда или запирали на целый день в какую-нибудь комнату, но побоев и стояния на коленях на горохе больше, как кажется, не было. Мы все любили мама? Аненьку — но мне не было еще 8-ми лет, когда она скончалась. После ее смерти нашим воспитанием руководила ее старшая сестра Елена Александровна. Ее также любили, хотя она и была строга, не допускавшая никаких поблажек.

Каждое воскресенье мы ходили с папа? в церковь в приход Знаменья в Зубове. Я почему-то помню, как он вел за руку Адама, мы две, Таня и я, в ситцевых белых платьях с зелеными полосками туго накрахмаленными. Мои братья Саша и Алеша, а впереди Маня и Соня также в праздничных платьях идем через поле в церковь. Когда папа? овдовел во второй раз, мы ездили в церковь в Девичий монастырь, где была похоронена мама? Аненька около могилы ее матери. Папа? ездил каждый день туда к обедне. Я вспоминаю часто наш сад, где мы играли, прятались в кустах, лазили на деревья, изображая индейцев. Маня, Соня, я и Алеша зачитывались романами Купера10, и мы принимали большое участие во всех играх и проказах. Однажды мне было, вероятно, не больше 5 лет или 6-ти, мы все были на огороде, где были парники. И вот Маня и Соня выдумали хождение по перекладинам (наподобие как по канату) над глубокими парниками без рам — я же боялась, что упаду, и предпочла шагать по парникам со стеклянными рамами. Конечно, я сейчас же провалилась в стеклянную раму и жестоко порезала себе ноги и руки — на

мой крик, вероятно, даже все принялись кричать, пришел папа, который из оранжереи услышал этот крик и вытащил меня всю окровавленную. Результат этого похождения был тот, что всех детей наказали и запретили отходить от гувернанток, а гувернантки бывали часто в ссоре между собой, и тогда нас делили — старшие должны были играть около своей гувернантки м-ль Reiss (француженки), а мы, младшие, Таня, я и Саша, около м-ль Бок (немки). Конечно, все дети были сердиты на меня, главную виновницу такого печального решенья.

Мы любили делать костры в саду, пекли картошку в золе или варили на поддониках варенье из китайских яблоков.

На одной из лужаек сада росла большая развесистая китайская яблоня. Впоследствии под этой яблоней мой брат Алеша, намеревавшийся идти добровольцем в Русско-Турецкую войну, спал на земле целое лето, тренируясь к невзгодам походной жизни. У нас в саду было два павильона псевдоантичных недалеко от дома, целый домик с 2-мя балконами из одной большой комнаты, оклеенной обоями, изображающими итальянский пейзаж и итальянское представление Петрушки. Эти обои, вероятно, были привезены из Ниццы. Этот павильон при лунном свете ваш отец11 написал масляными красками и был им подарен тете Соне и висит и теперь у Лиды в гостиной.

Другой павильон (павильон Флоры) в Ионическом стиле с колоннами был на самом конце сада в Ионическом стиле с барельефами над колоннами. В Версальском парке вы найдете подобные павильоны. Наш дом был построен нашим прапрадедом князем Александром Михайловичем Голицыным — основателем Голицынской больницы12 в Москве в половине 18-го столетия, и наш дом, который находился в то время совсем за городом, занимал тогда огромное пространство — сад, как говорил папа, доходил до Москвы реки и был в стиле французских домов того времени. Но я уже не видела тот сад, на берегу Москвы реки были построены Хамовнические казармы13, за нашим садом и казармами был Оболенский переулок — с одной стороны, вдоль всей усадьбы было Уваровское поле — большой выгон, где паслись летом московские коровы, — а теперь тянется Олсуфьевский переулок. С другой стороны находился пивоваренный Хамовнический завод и дом Арнаутова, впоследствии графа Льва Николаевича Толстого.

Адам Васильевич Олсуфьев. Вторая половина XVIII в.

Кроме вышеуказанных 2-х павильонов находился еще каменный грот — наше любимое место игры, где мы вели войну и где приступом брали этот грот. Была с этим гротом связана легенда, что если какая-нибудь парочка там объяснялась в любви, то уже всю жизнь эти люди были верны друг другу. Трудно складно писать эти воспоминания, невольно пишу их с отступлениями и не в хронологическом порядке.

Я еще не сказала, что наша сестра Соня с трехлетнего возраста страдала сердечной астмой. Я больше помню ее в кровати, чем на ногах, особенно до нашего переезда на завод (в) 1875-ом году — а также я не сказала, что брат Саша от последствия менингита был ненормальным. Но тогда

его не лечили, а жестоко наказывали за его дурные привычки — часами он стоял на коленях до крови на мешке с сухим горохом. Как часто его бедного секли, но ничего не помогало. Только в 1871-ом году, когда доктора, лечившие мама Аненьку, от нас не уходили, доктора сказали папа, что такого мальчика нельзя держать в семье, где есть дети, т(ак) к(ак) его пример пагубен для других детей, и его не наказаниями, а лечением надо воспитывать. Тогда папа стал искать, кому бы дать Сашу. Нашлась одна англичанка вдова м-с Roberts, которая взялась воспитывать Сашу и через год или два увезла его в Англию, где он прожил до 19 лет. Мы все были худенькие и довольно болезненные дети, одна Маня была всегда здорова и коновод всяким играм и похождениям. Итак мы росли, редко бывая в гостях, и т(ак) к(ак) нас было всех без Саши 8 детей — то шума и крика было достаточно. Старшие учились у учителей: были учителя для русского языка, математики, истории — для французского была м-ль Drayard, а мы, младшие, учились всему у нашей гувернантки. Нас воспитывали в страхе родителей и нас пугали, что пожалуются отцу. Это было самое страшное.

К рождению, именинам, на Рождество и на Пасху мы должны были делать им подарки, и подарки, требующие немало времени. Я помню, мне не было еще восьми лет, я вышивала по канве папа? туфли. Кроме этого надо было учить наизусть какую-нибудь басню или стихи — переписать то, что мы выучили каллиграфически без единой ошибки. Это было, пожалуй, самое трудное. В торжественный день папа садился в углу столовой (большой залы) на качалку, а мы все один за другим подходили, поздравляли его и декламировали выученные стихи и подносили написанное нами и свернутое в трубочку, бумагу, перевязанную красивой лентой. Наши гувернантки очень напирали на это — я скажу, оно имело свою хорошую сторону, приучало нас помнить тезоименительства и что-то делать для родителей — как раз обратное тому, что я вижу теперь, когда дети все требуют от родителей и считают это в порядке вещей.

Все, что я написала, относится к моему раннему детству до женитьбы папа в третий раз. Папа обожал свою первую жену, мою мать, а также маму Аненьку и ужасно чувствовал свое одиночество, после смерти той и другой. Иметь 9 человек детей да воспитывать их как следует не легкая задача. У Мани и Сони была англичанка мисс Walles, у Тани и меня м-ль (нрзб.), у братьев были гувернеры — имена их я не помню за исключением старика француза м-р Mingin в белых панталонах. На одном пикнике на Воробьевых горах, когда нас захватила сильная гроза — и эти горы из красной глины, как в Щелкове, были так скользки, что он упал и покатился вниз с крутой горы, и его до того белоснежные панталоны остались бесконечной темой для наших шуток. Все мы учились дома и довольно много — а играть мы могли только один час после завтрака и час или два вечером после обеда, когда играли в кошки-мышки, в прятки (кашкуран) и другие подобные игры. Алеша любил прятаться на шкапах в библиотеке — куда он влезал по лестнице гимнастики или по шесту, перебирался по перекладинам гимнастики через всю библиотеку и прятался на противоположном шкапу, где никто из нас не мог его достать. Так продолжалось до 1873-го года, когда в один прекрасный летний вечер папа не встретил в саду тетю Адю Ливен в сопровождении своего друга Александры Григорьевны Есиповой, очень хорошенькой барышни лет 25 — с очень красивыми глазами и чудными волосами. Папа был поражен ею, и скоро мы узнали, подслушав разговоры гувернанток однажды вечером, когда они думали, что мы спим, что папа собирается жениться. Некоторое время спустя папа позвал нас в свой кабинет, сел на кушетку и, приблизив нас к себе, сказал: «У вас скоро будет новая мама». Помню, что Таня разрыдалась — ей было тяжело, что папа забыл уже маму Аненьку. Маня и Соня уже знали Александру Григорьевну, она им нравилась и они были как будто рады, а я не помню, как я и Адам отнеслись к этому известию. Наши гувернантки мисс (нрзб.) и м-ль Бок нас покинули, и на их место поступила бывшая гувернантка Александры Григорьевны мисс (нрзб.), довольно уже пожилая старая дева. Надо вам сказать, что м-ль Бок страдала кошмарами, во время которых она страшно кричала, ржала как лошадь и так громко, что однажды папа, сидевший у себя в кабинете на другом конце дома, услыхал этот крик и прибежал и ее разбудил, — а мы, Таня и я, спали в той же комнате, где она, ничего не слыхали. В то же почти время папа услышал какой-то шум — оказалось, что в большой голубой гостиной рухнула штукатурка одной половины потолка.

Какое счастье, что это случилось ночью, а не днем, так как мы всегда сидели за большим круглым столом, как раз на том месте, где лежала штукатурка — стол был сломан. После этого нас не пускали в эту комнату, пока не было все опять снова сделано. Папа ездил в этот год за границу на всемирную выставку в Вену и в Париж и оттуда в Англию, чтобы повидать Сашу, который жил у м-с Roberts около Hastings'а в St. Leonard on Sea. В Париже папа купил замечательно красивый штоф в стиле Людовика 16-го для обивки всей мебели голубой гостиной, зимой он собирался жениться и весь дом он хотел обновить.

Под Новый Год была у нас чудная елка, на которой присутствовала наша будущая мачеха и ее родители. Я отлично помню светло-желтое шелковое платье в мелких оборках на Александре Григорьевне, которое ей очень было к лицу. Она пела, как нам казалось, очень хорошо, сама себе аккомпанируя, «Adieu»* Шуберта и другие романсы — мы все ею восхищались. Венчание было в дворцовой церкви, т(ак) к(ак) отец14 нашей мачехи был директором императорского

архива и Есиповы жили во дворце — в той квартире, в которой впоследствии, если не ошибаюсь, жили Бартеневы15.

После свадьбы папа, мама с Катей и Митей уехали в Дрезден, где прожили до весны, а у нас поселилась ее мать София Николаевна Есипова и, если не ошибаюсь, и отец Григорий Васильевич — очень милый старичок.

Приблизительно в то же время в Петербурге была свадьба дочери16 Государя Александра 2-го с принцем Единбургским, впоследствии Кобургским. После свадьбы Государь со всей семьей и царственными гостями приехал в Москву, чтобы им показать этот город. И вот в это время у нас дома за завтраком пошел разговор о том, что старшие Маня, Соня, Алеша и Таня были у Государя еще при жизни мама, говорили, как они написали Царю, и тот их пригласил приехать в Петровский дворец, где он тогда летом жил. Тогда мы оба, я и Адам, решили, что и мы должны просить приглашение от Государя. Маня и Соня возмущались и говорили: «ну и будете обезьянами». На что мы ответили: «хотя бы и обезьяны, а напишем», и, встав из-за стола, пошли в нашу комнату и там написали на почтовой бумаге, на которой была картинка с цветком «Pensee»**, написали Царю письмо следующего содержания: «Ваше Императорское Величество — позволь (мы долго обсуждали, писать ли на Вы или на ты, и решили, что так как мы его любим как отца, то надо писать на ты) нам приехать к тебе ибо наши старшие сестры были у тебя лет десять тому назад и нам очень хочется тебя видеть. Твои верные подданные Адам и Анна Олсуфьевы». Это письмо мы положили в конверт и написали адрес: Его Императорскому Величеству Императору Александру 2-му Романову. Кремлевский дворец. Москва, в собственные руки.

Дедушка Григорий Васильевич нам сказал, что когда пишется — в собственные руки, то никто не смеет распечатать письма, кроме Государя. Запечатали мы письмо красным сургучом, но не помню, какую печать мы приложили. После этого мы, Адам и я с его гувернером, пошли гулять, и я сама лично опустила письмо в почтовый ящик, т(ак) к(ак) мы боялись, что м-р Pignat, если пойдет один его опускать, то спрячет письмо в карман, а сделав это сами, мы уже знали, что письмо пойдет. Мы пошли дальше в Кремль и смотрели, как к главному подъезду подъезжала карета за каретой и выходили дамы в нарядных придворных платьях и военные в мундирах и всем gala*, это был раут, что называется baise-mains**, было очень холодно, снег скрипел под полозьями саней — но мы долго смотрели — это было очень интересно. В этот же вечер, было, вероятно, 7 или 8 вечера — мы сидели в кабинете папа, где в то время жили Есиповы, и вдруг слышим звонок у подъезда, смотрим в окно и видим: стоит тройка лошадей и кто-то вылезает из саней. Лакей открыл дверь, и выходит высокий черный господин в шинели и спрашивает: «Здесь живут малолетние Адам и Анна Олсуфьевы?» — и Маня и Соня с криком «здесь» бросились вперед. Этот человек держит в руках большой конверт — отстранил моих сестер и говорит: «Вы не малолетние. От Императора Александра II малолетним Адаму и Анне Олсуфьевым в собственные руки». Мы выскочили оба вперед, и нам он вручил конверт, в котором было приглашение за подписью Государя, явиться на другой день в Кремлевский дворец в апартаменты Наследника Цесаревича17 в 1 час дня. Этот [illegible]

Наследника Цесаревича17 в 1 час дня. Этот господин был гоф-фурьером и бывал у нашего управляющего и говорил, что много было беготни, чтобы узнать, где мы живем, т(ак) к(ак) мы забыли поставить свой адрес — а говорит, что Государь, прочтя наше письмо, очень смеялся и приказал нас найти. По всему двору пошла суматоха, но когда об этом узнал этот гоф-фурьер — он сказал, что на Девичьем поле; там дом Олсуфьевых и там много детей. Вот как видите, даже таких двух клопиков, как я и Адам, нашли по приказу Царя.

Вы представляете себе наш восторг и что только с нами не было, мы кувыркались с Адамом по всем диванам и банкеткам во всем доме, крича «Ура» во все горло. Сейчас же было послано за Иваном садовником (это был главный садовник из бывших крепостных моего отца, замечательно сведущий в своем деле), и когда он пришел, ему было приказано сделать большой букет из белых орхидей и ландышей для молодой принцессы Единбургской, и сказали ему, что мы (я и Адам) поедем с этим букетом к Государю. Не знаю, как мы в этот вечер легли спать и как спали, но на другой день с самого утра началась суматоха. В 12 часов была подана карета, в которую сели мы оба, наша новая гувернантка мисс Oben и дедушка Григорий Васильевич Есипов и с большим букетом из белых орхидей и ландышей и очень красивым, как в то время было в моде. Ведь папа и мама в это время были в Дрездене с маленькими Катей и Митей и ничего об этом событии не знали. Мы приехали во дворец на половину Наследника, если помнишь Московский дворец в Кремле, то этот подъезд находился за решеткой, которая отделяла дворец от Оружейной палаты. Когда мы вошли, кто-то сказал Григорию Васильевичу, что у Государя не назначено для нас время и полагают, что, вероятно, Государь нас примет во время завтрака. Мы очень долго ждали в какой-то комнате, но, наконец, нас повели в голубую гостиную Наследника, где нас обоих поставили среди комнаты, а мисс Oben осталась стоять за нами в углу около стены. И вот вышел из другой комнаты Государь18, который показался нам великаном, чем он в сущности и был. Он нас поцеловал и спросил, а где папа, на что мы ответили, что он женился и уехал в Дрезден. Он знал, что мама Аненька — фрейлина Императрицы умерла, и спросил, видя, что я не выпускаю из рук чудного букета: «Вы, вероятно, хотите видеть мою дочь?» «Конечно», — сказали мы. Тогда он открыл дверь в ту комнату, из которой он вышел, и позвал: «Мари, иди сюда», она пришла, и за ней гости. — Тут были и Наследник будущий Александр III и все великие князья (Алексей, Владимир, Павел)19, будущий английский король Эдуард VII20, принц Единбургский, Дагмара (будущая Императрица Мария Федоровна)21, будущий Германский Император Фридрих22 и другие лица. Мы дали букет Марии Александровне, причем сказали, что эти цветы из наших оранжерей. Она также нас поцеловала, Государь еще что-то сказал и отпустил нас. Мы уехали домой радостные, что увидели самого Царя, и послали в тот же день папа? телеграмму: «Сегодня представились Государю Адам и Анна». Воображаю их удивление в Дрездене. Не знаю, была ли эта телеграмма по-немецки или по-французски. После этого я из картона соорудила ту комнату, в которой были во дворце, и хотя с тех пор прошло уже 70 лет, я отлично помню расположение мебели, и когда, много лет спустя, я была во дворце, я сейчас же узнала комнату, обитую светло-голубыми штофными стенами и с голубой мебелью.

Раньше чем переходить к повествованию нашей жизни на заводе в Каменце, куда мы переехали весной того же года, я должна вернуться назад. Не знаю, как по моим описаниям вы представляете себе наш чудный дом, с обстановкой в стиле Людовика 16-го, с белой мебелью с позолотой, карнизами, всевозможными bibelots*, портретами предков и чудным садом с прямыми аллеями наподобие маленького Версаля. У нас в саду были у каждого любимые места, были скамейки, называемые: le salon vert**, длинная полукругом скамейка, на которой свободно могли сесть 15, если не 20, человек, было Катринру (Catherinru), где мы летом каждое утро учились, 3 скамейки с круглым столом под большими липами. Наш сад был почти весь липовый, была только большая береза, несколько больших сосен, 2 большие высокие пихты, которые были старше лип — и один большой пирамидальный тополь, который даже не завертывали в рогожу на зиму. Был помимо оранжерей, знаменитых на всю Москву, огромный грунтовый сарай с чудными шпанскими вишнями. Невольно вспоминаю все это как чудесную сказку, — особенно хорош был сад ранней весной, когда все лужайки в саду были покрыты голубым ковром из подснежников. Мы очень любили искать душистые фиалки, которые когда-то бабушка Марья Васильевна привезла из Италии и посеяла по всему саду. Это был своего рода наш спорт: кто

первый принесет первую фиалку, кто наберет их больше.

Весной 1874 года мы в Тройцын день приехали на завод. До Смоленска ехали поездом, а оттуда более 100 верст ехали на лошадях. Помню я на локомотивах кудрявые березки, по случаю Тройцы, это нас очень поразило. На лошадях ехали с ночевкой на каком-то постоялом дворе, дорогой временами останавливались, чтобы покормить лошадей, и сами, конечно, ели всякую в дороге провизию. И вот мы в Каменце подъехали к дому, их было два — старый в 2 этажа и другой новый в один этаж. Вдоль дома шла широкая дорога, покрытая белым, как мне казалось, песком, что было не песок, а просто битое стекло. Сад был небольшой, с тоненькими молодыми липками, ничего красивого не представлявший. За садом была дорога из поселка рабочих на завод, по которой шли несколько раз в день все рабочие завода, около тысячи человек. За дорогой был опять забор, а за забором пустырь, спускавшийся до самого озера. Завод стоял на берегу двух запруженных рек Надвы и Онаротог, которые и образовали большое, очень

живописное озеро, с островами посередине, и окруженное лесами, которые тянулись вокруг всего завода на много десятков верст. Нас встретили папа? с мама? и повели нас в наши комнаты. Нас, младших поместили в старом доме, если не ошибаюсь, на втором этаже, откуда из окна был чудный вид на озеро и леса до самого горизонта. Маня и Соня имели 2 комнаты в новом доме. Новый дом был очень симпатичный, срубом без штукатурки снаружи и двумя большими балконами. В этом доме были кабинет папа с правой стороны передней, слева большая столовая, гостиная и две комнаты сестер — из передней был длинный коридор и две большие комнаты спальни папа и мама, и гостиная мама, большая красивая комната с мягкой дубовой мебелью, обитой кретоном с лиловыми цветами. Кроме этих комнат еще несколько комнат для прислуги. Во дворе в особом флигеле была кухня. Около двора был еще второй сад, также небольшой, в котором росли вишни, яблони — приблизительно полдесятины, и в этом так называемом полисаднике были также парники и небольшой огород. Большой огород был внизу около озера. За палисадником был скотный двор, конюшни, каретный сарай и какие-то службы.

Жизнь на заводе мало отличалась от жизни в Москве, разница была лишь в том, что гуляли мы не в саду, а делали лесные, очень большие и интересные прогулки. Дальнейшим образованием сестер Мани и Сони занималась мама, много с ними читала, приучила их любить книгу, искусства — она играла сама, хорошо пела, занималась живописью, писала масляными красками всякую nature morte, главным образом цветы и фрукты. Мои старшие сестры обязаны были ей своим развитием. Соня, постоянно почти больная от астмы, любила рисовать, и мама ей очень много дала в этом смысле. По вечерам играли они с ней в 4 руки или мы все пели хором разные песни: «Гриб, гриб боровик» или «В гнезде воробушки сидят». Папа? обожал свою жену и часто ходил с ними гулять, мы же, младшие, были предоставлены своей гувернантке. Уроки русского и математики давал нам студент, гувернер Алеши. Катя и Митя были еще с нянькой. Катя была уже тогда очень красивая девочка, жгучая брюнетка, и мы очень любили их обоих — им было тогда 3—4 года, не более. Мы тоже каждый день ходили на завод — в гуту, где делали графины и стаканы — мы сами любили дуть в стекло и выдували большие пузыри — рабочие нам делали стеклянные игрушки, всевозможные куклы из разноцветного стекла и трубки всякой величины, в которые мы трубили.

Гут, где были 2—3 печи и рабочие менялись каждые шесть часов, имел каждые 3 дня перерыв для варки стекла, что длилось обычно 30 часов. Около печей была нестерпимая жара — рабочие то и дело бегали на озеро, чтобы окунуться на одну минуту, не раздеваясь, как были в гуте. Большинство этих людей имели сердечные болезни — так тяжело выдувание стекла. Рабочий имел большую железную трубку в 2 аршина длины — он ею набирает из дайницы комочек жидкого расплавленного стекла, дует в трубку, вертя и раскачивая ее, пока не выйдет у него довольно большой пузырь, который он вставляет в деревянную форму, которую мальчик, как называли, хлопец, держит и закрывает. Вся процедура длится не более 2—3 минут. Ножницами рабочий отрезает верхушку пузыря и сбрасывает образовавшийся стакан хлопцу на полку. Хлопец спешит отнести этот стакан в другое место — его ставили в большой ящик в горячую печь, где такой ящик, полный всевозможной посуды, передвигался постепенно по мере

охлаждения, пока, уже совсем остывший, его вынимали в магазины, т(о) е(сть) склады. С этого склада посуда поступала в (нрзб.) — большие, длинные здания, где работало не менее 200 рабочих, которые шлифовали и гранили посуду и рисовали, т(о) е(сть) гравировали разные рисунки и вензеля.

Эти последние рабочие от напряжения слуха (гравировка делается так, что по углублению гравировки рабочий узнает, достаточно ли глубок деланный им рисунок, не видя, что он делает) часто сходили с ума, а шлифовщики, у которых холодная вода, льющаяся на колесо, лилась по рукам до локтей, часто страдали ревматизмом и чахоткой. Папа? очень много старался изменить к лучшему это положение вещей, но ничего придумать не мог. Нас всех интересовала работа на заводе, и мы редкий день не ходили в какие-нибудь отделения завода по дороге в лес.

На другом берегу озера начинался уже Брянский уезд с дремучими сосновыми лесами — иная сосна была в три обхвата шириной, большие мачтовые деревья. В этом лесу, куда мы чаще всего ходили гулять, были скифские курганы — которые мой отец еще много лет до нас раскапывал, находил в них много интересных вещей, бронзовых и золотых, которые он подарил, если не ошибаюсь, Румянцевскому музею в Москве. Описывая нашу жизнь в Москве до жизни на заводе, я упустила сказать, что Адам и я часто ходили с м-р Pignat, его гувернером, в картинную галерею князя Голицына на Волхонке23, около храма Спасителя, рядом с 1-ой мужской гимназией. М-р Pignat был дружен с смотрителем музея, одним стариком французом, и мы очень любили, чуть что не каждую среду мы туда ходили. Эта галерея несколько лет спустя была куплена Эрмитажем. — Некоторые картины у меня остались в памяти — особенно одна Мадонна Рафаэля и одна картина Леонардо да Винчи, на которую каждый раз указывал француз, говоря: «Voyes la serenite de ce regard, la(serenite) de cette expression»*.

Кроме этих, имевших влияние на нас прогулок — интересно вам рассказать про одну старушку — 90-летнюю княжну Волконскую24, родную тетку графа Льва Николаевича Толстого. Эта старушка осталась круглой сиротой в 14 лет и имела на руках кучу братьев и сестер, еще совсем маленьких, по-видимому. Она не была педагогом, потому один из братьев впоследствии ее ограбил, и она была настолько бедна, что вязаньем и вышиваньем по канве до самой своей смерти зарабатывала себе пропитание. Хотя у нее где-то в Москве была комната, она большую часть времени жила поочередно у своих знакомых и друзей. Я помню ее последнюю зиму жизни в Москве, уже после свадьбы папа она у нас жила несколько недель — это она учила меня и Таню вязать ажурное вязанье, как я делала здесь в Париже. Эта старушка рассказывала нам, как ее мать, бывшая гофмейстериной, привозила ее во дворец к Екатерине 2-ой во время ее туалета и как она там видела нашего прапрадеда, толстого Адама Васильевича Олсуфьева, кабинет-министра Императрицы, и других министров, являвшихся с докладом рано утром, когда она делала свой туалет, сидела в пудермантеле**, и ей завивали волосы.

Рассказывала старая княжна про коронацию Императора Павла 1-го, как дамы должны были при встрече с его каретой выходить из экипажа, делать ему реверанс, ступая в большую грязь. Коронация была ранней весной, а улицы в Москве не были мощеными. Въезд Императора был в вербную субботу, и все должны были махать зелеными перчатками, т(ак) к(ак) зелени не было в это время. Эта старушка меня очень полюбила и подарила мне эмалированный голубой с цветочками медальон не больше куриного яйца. В этом медальоне был игольник с кукольными иголками, кукольный серебряный наперсток и ножницы, которыми можно было резать. Я была еще мала, чтобы понимать драгоценность этой вещицы, играла с ней в куклы, пока Александра Григорьевна не увидала эту вещь. Она ее отобрала и поставила на этажерку у себя в комнате как вещь настоящую эпохи Людовика 15-го художественной работы.

Про эту княжну Волконскую нам рассказывали очень интересный анекдот. Она одевалась бедно в старый салоп (шубу) и платок на голове (шляпу она не носила). И вот походившую на салопницу, однажды, когда была в Архангельском соборе какая-то торжественная панихида, жандарм, стоящий у дверей собора, не хотел ее пустить в собор — она оттолкнула жандармов, говоря: «Пусти, пусти, мне мощи тут сродни». — В Архангельском соборе были мощи св.

Михаила Черниговского — прапрадеда Волконских. Жандармы испугались старухи, у которой мощи сродни, и провели ее в собор, где она стояла рядом с генерал-губернатором и другими сановниками. Когда мы жили на заводе, получено известие о ее смерти — ей было 94 года и она умерла в своем бывшем имении Тверской губернии, в избе на руках у своего бывшего крепостного.

Итак, продолжаю про наше житье-бытье на заводе. 2-го февраля 1875-го родился там мой брат Гриша, которого вы все знаете и который теперь, если еще жив, находится на Мадагаскаре. Перед его появлением на свет приехал к нам молодой доктор-акушер Владимир Михайлович Иванов — с которым после этого подружилась вся семья. Он был очень симпатичный, хороший музыкант, и музыка у нас в доме еще больше процветала. Маня и Соня и Александра Григорьевна играли с ним в 4 руки. Мы много гуляли с ним по лесам, и я помню, как через речку Невишку, через которую было перекинуто большое дерево, он переносил мою сестру Катю и брата Митю, держа их подмышками с двух сторон. Алеша, брат, любил животных, у него постоянно были какие-нибудь зверюшки, которых он приручал. Помню лисицу со сломаной ногой, которой он делал перевязки и которая кончила тем, что укусила ему руку. Но главное был ручной медвежонок Мишка, который жил на дворе на цепи — ему мы построили большую конуру, целый дом, но в этой конуре жили не столько он, как все собаки, которых было на дворе немало. Одна из этих собак Варган была собачьим доктором, всегда зализывала раны у собак, эта собака очень любила музыку и всегда сидела под открытым окном, когда слушала пение в доме. Однажды она даже забралась в церковь во время службы. Маня организовала хор церковных певчих и очень усердно ими занималась — пели даже очень недурно, так как подобрались хорошие голоса и взрослых и детей.

Дмитрий Адамович Олсуфьев. 1786 г.

Соня любила давать уроки грамоты в школе и серьезно этим занималась. Кроме школы грамотности была еще и рисовальная школа, где учились рисовать по стеклу. Для этого папа привез из Дрездена одного немецкого художника по фамилии Риккерт.

Еще мама устроила 2 раза в неделю занятие шитьем для молодых девушек-рабочих и маленьких девочек. Так как у них руки не отличались чистотой, то мне было поручено смотреть за тем, как они себе моют руки. Для этого в коридоре около столовой стоял на табуретке таз с водой и кусок мыла, и поочередно все 20 или 30 девочек должны были мыть руки.

Я не помню, долго ли у нас жила мисс Oben, ее сменила мисс Mac-Lochlin, шотландка — очень скупая и неприятная — которая меня постоянно наказывала без обеда или без прогулки, запирала в своей комнате, где я должна была учить английские неправильные глаголы. Еще одно из способов ее наказаний было, что я должна была смотреть, как горничная убирала ее комнату. Каждое воскресенье мисс Mac-Lochlin исчезала на целый день — куда она ходила, было неизвестно, но часто она возвращалась домой пьяная, я помню, что по воскресеньям она летом надевала белое пикейное платье с огромными подковами. Эта гувернантка жила у нас, насколько я помню, (нрзб.) Ей на смену явилась швейцарка м-ль Jean Jaquet, с которой особенно подружилась Таня, но которая почему-то невзлюбила меня. У меня в то время была собачка, маленький белый пинчер по названию Букет, которая на вопрос «Wie spricht das Lochlin?»* принималась неистово лаять — эта собачка, которая стала называться Буськой, от меня не отходила, спала у меня на кровати, и если мы уходили гулять без нее, притаскивала в переднюю все, что находила моих вещей — туфли, чулки, игрушки. Из-за этой собачки у меня было крупное недоразумение с м-ль Jean Jaquet, дошедшее до того, что она целый месяц со мной не говорила и уроков мне не давала. Папа и мама были в это время в Москве — я забыла сказать, что брат Кира родился через год после Гриши также на заводе и опять для родов был приглашен Владимир Михайлович Иванов, которого мы все очень любили.

На Рождество у нас были елки — одна для детей рабочих, другая для нас самих. Помню, как мы ходили в лес, выбирать и рубить елки. В последнее лето нашей жизни на заводе был убит на

охоте огромныи медведь. Этот медведь в течение 2-х лет резал коров из нашего стада, и однажды он убил столько коров, что рабочие объявили, что не станут работать, пока его не убьют. Говорят, что он зарезал не менее 50 штук. Была организована облава — все рабочие со стеклянными трубами пошли в лес, где предполагали найти медведя, т(ак) к(ак) медведь закапывал зарезанных коров, покрывал их ветвями и сухими листьями. И вот мы также всей семьей поехали на линейке в лес на эту охоту. Я помню, что меня поставили на большой пень и я долго стояла, слушала, как вдалеке рабочие трубили на все лады, а поблизости лежали дохлые полуобъеденные коровы, но в этот день медведя не нашли — его нашли на другой день и привезли убитого медведя с триумфом на завод на площадь между нашим домом и церковью. Мы смерили эту тушу, между ушами было ? аршина25. Тогда мы решили привезти нашего Мишку к медведю, но наш Мишук, понюхав медвежью тушу, с ревом пустился бежать домой и спрятался в свою берлогу — он, по-видимому, испугался своего собрата. Мы везде брали с собой Мишку гулять. По заводу его вели на цепи, чтобы он не пугал детей, но в лесу мы его пускали бегать на свободе. Иной раз, учуяв на какой-нибудь сосне пчелиный рой, — он взбирался на дерево, желая полакомиться диким медом. Мы тогда прятались в лесу, и надо было видеть, как этот Мишка не знал, куда деваться, — если же кто-нибудь из нас показывался, он бросался к нам со всех ног точно собака — он был совсем ручной и прожил у нас почти 2 года, пока не стали рабочие его дразнить, и тогда из опасения, что он может убить какого-нибудь ребенка, папа приказал убить нашего милого Мишку.

Одно из наших любимых удовольствий было катанье на лодках — у нас были две лодки, одна большая, а другая маленькая. В маленькой я и Адам любили ранним утром плыть на рыбную ловлю. У Алеши была душегубка — лодка, выдолбленная из одного большого бревна. Все рабочие употребляли такие душегубки, длинные пироги, очень быстрые, но легко опрокидывающиеся, что не раз случалось с Алешей. Мы ездили далеко вверх по рекам, по Надве и по Оноротю — особенно живописны были берега Оноротя — местами мы плыли под зеленым шатром деревьев, ветки которых делали настоящий шатер над рекой. Какие цветы там только не были, какие огромные ландыши на островах и вдоль берегов. Так жили мы спокойно и счастливо почти три года.

В это время всех волновали известия о турецких зверствах в Сербии, Болгарии и Черногории. Только об этом и была речь. Генерал Черняев26 собрал отряд добровольцев и двинулся защищать братушек — назревала русско-турецкая война. Мы вернулись в Москву перед Рождеством 1877-го года. Папа, мама, Маня и маленькие Гриша и Кира уже были в Москве — мы ехали лошадьми в санях в возке, т(ак) к(ак) было очень холодно — до Рославля в 80 верстах от завода. Грустно было покидать Каменец с его привольем, с его дремучими лесами, с чудной весной, когда в лесу из-под снега пробивались чудные лиловые крокусы, которых там называли зоны, из которых девушки и парни плели венки и всю неделю после Пасхи работали в венках на голове. Сейчас вижу эти, никогда я после их нигде не видела.

Дарья Александровна Олсуфьева. 1786 г.

Мы приехали в Москву уже вечером — в доме горели лампы, и я была поражена тогда красотой и громадностью нашего дома. Первое, на что я обратила внимание, это что в библиотеке уже не были закрыты шкапы красного дерева с книгами. Мама сняла все дверцы, и книги были все на виду, и какая их была масса! В гостиной меня поразила красота розовой обивки на белых стульях и креслах, а в столовой коллекция семейных портретов, где они раньше были, не знаю, но такого множества я не ожидала. Там были все Олсуфьевские и Нарышкинские предки, начиная от Адама Васильевича и обер-камергера князя Голицына — до портретов папа, мама, мамы Аненьки и самой Александры Григорьевны. Между ними стояли бюсты князей Голицыных, а в углах большие мраморные статуи, привезенные еще дедушкой из Италии — Аполлона Бельведерского и Венеры Лидицийской27. В комнате рядом, некогда гостиной моей матери, был теперь кабинет папа с большой мраморной статуей Амура и Психеи, большой картиной Весны художника Dufer'a28, другой большой картиной букет маков художника Chabal'a29 и много других картин — оригиналы портретов Бецкого30 и его сестры, княгини Дашковой31,

сподвижницы Екатерины 2-ой; виды нашего Каменца, сделанные художником А(нрзб.), и другие. И потом меня поразила масса цветов и на окнах и в углах комнат, а в гостиной чудные кокосовые пальмы до потолка и камелии и азалии в полном цвету.

Мама нас повела в предоставленные нам 3 комнаты на антресолях. Мане и Соне были даны комнаты во флигеле, рядом с

передней, где прежде был кабинет и уборная папа, Катя и Митя также были наверху со своей бонной, а младшие Гриша и Кира в большой детской около столовой. Александра Григорьевна устроила свой кабинет в большой спальне рядом с гостиной, где комната была разделена пополам большой кретоновой драпировкой. Ее кабинет или гостиная, стены которой были с фресками 18-го века в стиле Людовика 16-го, была настоящий музей. Там была и мебель, которую при нашествии французов в 12-ом году чуть было не сожгли, но которую кое-как починили по приказу маршала Davou32, где в китайском бюро деревья росли кверх ногами. Были там из слоновой кости Адам и Ева в раю, окруженные всеми животными из слоновой кости, масса миниатюр, египетские скарабеи33, привезенные папа из Египта, и был оригинальный портрет Екатерины Великой на белой лошади34, копия с которого находилась в Оружейной палате. Этот портрет, как и его портрет Императрицы Елизаветы35, подарила Императрица князю Голицыну, нашему прапрадеду, дочь которого была замужем за Дмитрием Адамовичем Олсуфьевым, моим прадедом.

Жизнь в Москве совсем не походила на нашу прежнюю или на жизнь на заводе. Мане было уже, если не ошибаюсь, 19 лет, Соне 18, и их начали вывозить в свет, на маленькие вечеринки сперва, а потом на балы — у нас в доме также бывали вечера. Были танц-классы — приглашен был из Московского балета известный балетный танцор Гиллерт36, который учил нас всем па, вальсу, мазурке и кадрилям, которые были в то время в моде. Мы очень любили эти танц-классы, на которые приглашались и другие барышни. Помню я появление Уваровых37 — папаши, Кети и ее братьев Али и Сережи — оказывается, нас они прозвали «steeple chase»*, потому что видели нас шагающих по Тверскому бульвару с гувернанткой чуть что не каждый день. Мы завтракали в 12, а после завтрака ходили гулять и доходили до конца Тверского бульвара, до магазина Филиппова, чтобы в этой булочной купить горячие калачи или шведский хлеб. В 3 часа надо было быть дома, т(ак) к(ак) к нам приходили учителя. В 2 часа времени мы должны были отшагать, значит, туда и обратно не менее 12 верст. Вот и вышли мы steeple chase. У Уваровых была гувернантка м-ль Osberied, эльзаска, которая их воспитывала и которую ты видел, когда Уваровы с ней приезжали в Евпаторию.

Кроме Уваровых мы познакомились с семьей князя Лобанова-Ростовского38, жившего в начале Пречистенки. У Лобановых каждую субботу вечером были также танц-классы с тем же Гиллертом, и мы очень любили у них бывать — их было также очень много детей, чуть ли не 9 или 10. Некоторые были уже молодые люди и молодые барышни, как, напр(имер), Катя Шеншина, падчерица князя Лобанова, которая очень подружилась с Соней. Были родственники Голицыных Волковы, из коих ты, Ника, знаешь Ольгу Львовну Арсеньеву, и Даксергофы — которые были в близком родстве с нами. Александра Григорьевна любила ездить в свет и у себя принимать — у нас бывали по четвергам jour fixe'ы**, куда приезжало немало гостей. Часто бывали Кавелины, он был директором Императорских театров, и мои сестры с папа и Александрой Григорьевной часто бывали в их директорских ложах и видели и слышали всех лучших артистов того времени: Патти39, Нильсон40, Лукку41, Нино Лани и других. У нас дома часто бывали музыкальные вечера трио и квартеты, которые продолжались до поздней ночи и были очень интересные. Иногда папа приглашал обедать Николая Рубинштейна42, который, хотя и в другом роде, был так же хорош, как его знаменитый брат Антон. Николай Рубинштейн был основателем музыкального общества в Москве, а также основателем и директором Московской консерватории. Мне было тогда 13 или 14 лет, и на все эти вечера меня не пускали — я слышала музыку из других комнат. Еще бывал у нас Бартенев43, хороший старик, издатель «Русского архива». В общем надо сказать, что жизнь тогда была интересная, с запросами, а не то, что теперь, когда культ тела поставили на первый план.

Была тогда турецкая война — мы все работали на войну. Помню я парад на Театральной площади, мы смотрели из окна Малого театра — когда Государь объявил войну, с каким восторгом его встречала вся Москва. Он с трудом пробирался верхом на лошади сквозь эту густую толпу народа. С нами была наша гувернантка-швейцарка, ярая республиканка: м-ль Jean Jaquet, но что с ней было, когда она увидела этот восторг, услышала многотысячное «Ура» и звуки «Боже, Царя храни», она так разрыдалась, что мы с трудом могли ее успокоить. «Comme c'est beau, comme c'est grand»*, — твердила она.

Мой брат Алеша учился тогда в Петербургском лицее44 — ему было 17 лет, и он решил идти добровольцем на войну. Целое лето он готовился к этому, тренировался, оставаясь иной день без еды и питья, делал огромные прогулки за город за Воробьевы Горы и прожил все лето под яблоней в саду.

В один прекрасный день, если не ошибаюсь, в начале августа месяца, мы узнали, что гренадерская дивизия, стоявшая в Москве в Хамовнических казармах, выступает через три дня в поход на Кавказ. Алеша пошел к папа и объявил ему, что он пойдет на войну, а в лицей ни за что не вернется, если же папа его туда отправит, то он все сделает, чтобы его оттуда со скандалом выгнали. У Алеши, по-видимому, был такой тон, что папа должен был уступить. Папа хорошо знал полковника Несвиженского полка Цейгмарна и попросил его взять Алешу под свое покровительство. И вот помню я на другой день напутственный молебен у нас в зале и на другой день проводы Алеши. Помню его уже в мундире добровольца с ранцем за спиной, в вагоне 40 человек, 8 лошадей. Толпу баб и мужиков, провожающих своих детей, и поезд отходил под звуки гимна «Боже, Царя храни». Помню, как мы все плакали, провожая Алешу, который нам улыбался и махал рукой. С тех пор мне всегда гимн напоминал эти проводы. Но Алеше не пришлось долго воевать — после взятия Карса он заболел и, когда он несколько поправился, был послан в Москву. Он получил за какую-то битву, в которой он отличился, Георгиевский крест 4-ой степени. После этого он поступил в Юнкерское училище в Лефортово, откуда вышел прапорщиком и снова пошел на войну (Текинскую), где при взятии Геок-Тепе получил другого Георгия и Станислава. Он был ярый любитель охоты и поселился после войны на Кавказе.

Итак Маня, Соня и Таня, которой теперь было 18 лет, ездили на балы, в концерты, на выставки — посещали друзей и знакомых, за ними ухаживали молодые люди — т(ак) к(ак) они все были красивые, то имели большой успех. Я же пятнадцати лет, к большому соблазну московских дам, поступила в Чернявское училище. Я была, быть может, первая московская девица из высшего света, которая училась в гимназии. В закрытых заведениях — институтах было немало девиц из света, но гимназия считалась слишком плебейским, демократическим заведением. Тогда уже повеяло нигилизмом. Тургенев писал свой знаменитый роман «Отцы и дети» — и вся наша знать осуждала папа за то, что он решился меня отдать в полузакрытое заведение. Я поступила в 5-ый класс — мне было тогда 15 лет — мне нравилось это заведение, бывшее напротив нашего дома, как ты, быть может, помнишь, при начале улицы Зубово. После домашних уроков с учителями и гувернантками мне показалось учение в классе пустой забавой, — я легко понимала объяснение учителей и шла все время в первом десятке 3-ей или 4-ой ученицей. Мои товарки, видя, что я могу легко сделаться первой ученицей, просили меня этого не достигать, так как у нас в классе было 2 бедных ученицы Шеранкова и Рябинина, которые с 1-го класса были первыми и карьера которых от этого зависела. Да, я забыла сказать, что после м-ль Jean Jaquet к нам поступила опять англичанка мисс Babington, племянница лорда (нрзб.). Я очень полюбила мисс Babington и она меня. Каждый вечер, после обеда она обходила 3 раза весь наш сад, что я должна была также с ней делать, а потом она садилась на балкон на Девичье поле и ждала заката солнца, которым она всегда любовалась.

Александр Дмитриевич Олсуфьев. 1800-е гг.

Александра Григорьевна имела страсть переставлять мебель и переселять нас. Когда мисс Babington поступила, мы жили наверху — в первый же вечер ее поступления у нас был

музыкальный вечер и мисс Babington мне сказала сойти вниз, чтобы слушать музыку. Я спустилась и вошла в залу. Ко мне подходит Александра Григорьевна и спрашивает: а где мисс Babington? Я отвечаю, она наверху у себя, на что мама говорит — так иди наверх и приходи сюда с мисс Babington. Я вернулась наверх в слезах и говорю моей гувернантке, что мама запретила мне одной идти, а придти с вами. Мисс Babington мне объявила, что так как ее не пригласили на этот вечер, то она не пойдет. Потому я просидела целый вечер одна очень обиженная. Я это написала, чтобы вы поняли, как тогда воспитывали нас и как от гувернантки требовалось быть постоянно при нас. Мисс Babington всегда требовала специального приглашения — к обеду, завтраку или к чаю, ей не достаточно было, чтобы лакей пришел нам сказать, что кушанье подано — надо было, чтобы Таня или я пришли ей сказать, что папа и мама идут к столу. Иной раз нас долго оставляли ждать папа или мама — пока они не сели, никто не смел садиться. Однажды — меня уже пускали оставаться с гостями до 10 часов — а мы обе, Таня и я, увлеченные какими-то играми с молодежью, забыли пойти позвать мисс к чаю — когда мы

пошли спать, мы вспомнили, что забыли ей сказать, и как нам досталось от самой мисс Babington, а на другой день от мама — мы должны это помнить. Мисс Babington очень любила рисовать, к нам приходил давать уроки рисованья один очень пожилой художник Сорокин43. Он поставил нам бюст Антиноя, и мы рисовали углем, а Соня и масляными красками этого Антиноя со всех сторон. Я не раз спрашивала этого учителя — сколько Антиноев он мне велит сделать, уж не 40 ли? И когда я просила дать мне что-нибудь другое, он говорил: «Да разве вы уже сделали 40 Антиноев?» Мисс Babington также рисовала масляными красками этих Антиноев, и однажды во время урюка она потеряла свой шиньон — фальшивую косу, — и Сорокин ее подобрал и подал ей, что ее ужасно рассердило. Мисс Babington любила русскую литературу, прочла всего Тургенева, Толстого и очень любила «Анну Каренину», также она любила читать Лермонтова. После нас она поступила к Ореховым и воспитывала Наташу Орехову, за которой ухаживали все мои братья. Мисс Babington очень желала, чтобы я подружилась с ее ученицей, и часто нас приглашала, моя дружба с Наташей с тех времен. Она через несколько лет вышла замуж за Борисова, дочь которого Любу (она умерла 2 месяца тому назад) ты, Ника, знавал.

Во время бытности у нас мисс Babington, во время пребывания папа и мама в Карлсбаде, куда папа ездил лечиться от диабета, в один прекрасный день дядя Саша Олсуфьев (брат дяди Адама и дяди Алексея) прибыл к нам показывать флигель художнику Поленову46 и его двоюродному брату Левицкому. Это было большое событие, узнав, что это художники, желая их привлечь, Соня поставила на окно против флигеля свои картины, а Маня села в зале и стала играть балладу Шопена и еще другие вещи. Флигель понравился художникам, и они его сейчас же наняли.

Дядя Саша познакомился с Василием Дмитриевичем Поленовым на войне 1877—78 года и нашел, что этот флигель, где напротив никаких домов нет, самое подходящее место ателье. Сколько было разговора по этому поводу — мы тогда, по совету жившей у нас тогда тети Сони Пономаревой, сестры моей матери, завели журнал, в котором описывали все происшествия дня, и каждый из нас должен был написать хоть несколько строк — но такому событию, как появление на нашем горизонте (художников), было посвящено несколько страниц. Мой брат Адам, которому было 12—13 лет, бегал поминутно во флигель и передавал нам все, что там делалось. Первое было наше удивление, что они оклеивали комнаты ужаснейшими обоями наизнанку, отчего у них получились прекрасные гладкие обои без рисунков — что было им нужно, для картин. Долгое время мы думали, что Поленов подписывает свои картины чужим именем, что настоящий художник не он, а Левицкий, которого мы принимали за жида. Адам нам сказал, что Левицкого зовут Рафаил, а по батюшке нечто вроде Исакович или Моисеевич — тем более, что Поленов не показывался, а мы всегда видели только черного с лысиной человека, который рисовал у себя во дворе какую-то большую картину. Мы даже стихи на них сочинили, т(ак) к(ак) Левицкий имел также привычку смотреть в окно на закат солнца — то Соня или Маня стали петь песню: Voyez, qui est ce donc assise sur ce beau balcon — Miss Babington, miss Babingtonton. En face voyezvous cette tete (notre) paraitre — qui estce donc — c'est Polenoff, c'est Polenoff*. И мы это пропели самой мисс Babington. Это была неисчерпаемая тема для разговоров. Адам вечно к ним бегал, и кончилось тем, что Поленов, который действительно был также художником, писал с

Адама, которого он задрапировал в ярко-малиновую китайскую шаль, Нерона для своей картины «Нерон и мученицы». Будущий мой муж — ваш отец — рассказывал Адаму всевозможные сказки, и Адам нам это все пересказывал.

Наконец, когда мама и папа вернулись из заграницы, папа пошел к Поленову познакомиться с ними, и оказалось, что Поленов и Левицкий — старые петербургские знакомые Александры Григорьевны. Она знала всю семью Поленовых еще будучи барышней, и Поленов начал у нас бывать и даже часто, ухаживал за Маней, и она в него влюбилась, но Рафаила Сергеевича, сколько его не приглашали, невозможно было заманить к нам — он точно предчувствовал, что это знакомство добром не кончится, — у него всегда была та же отговорка. Поленов говорил, что он начал писать своей матери письмо. Целую зиму так продолжалось — Поленов приходил, пел у нас, — но Рафаил Сергеевич ни за что не хотел приходить. Уже весной 1880 года однажды Александра Григорьевна сама с папа пошли к Поленову и извлекли сконфуженного Рафаила

Сергеевича и привели его к нам в сад на крокет. Я помню, как я сама сконфузилась и боялась на него смотреть, и точно что-то мне подсказывало, что это решительная минута в моей судьбе.

На другой день Рафаил Сергеевич уехал к Мамонтову47 в Абрамцево, где провел все лето, и только поздней осенью он вернулся и начал изредка к нам приходить. И все же я знала, что он на меня обращает внимание. Когда бы я ни шла в гимназию или возвращалась домой — я видела, что он стоит в окне своей мастерской, если же я бывала в саду, то и тут он ухитрялся меня увидеть. Это продолжалось всю зиму, в эту зиму мы познакомились с Толстыми на одном детском танцевальном вечере у Оболенских. Папа встретил Льва Николаевича Толстого, которого он знал из Севастопольской кампании при жизни моей матери. Слава Толстого романиста гремела уже по всему свету, тут на балу была и София Андреевна48 и их дети. У нас несколько дней спустя должен был быть костюмированный вечер, и папа пригласил к нам всю семью Толстых, и Лев Николаевич обещал сам привести детей. Он приехал и привез с собой Таню49, одетую испанкой, Леву50, одетого Мефистофелем, и Машу51, если не ошибаюсь, в тирольском костюме. Мы также были костюмированы, Таня также была испанкой, Катя египтянкой, Митя не помню чем, а я была одета астрологом — в черном балахоне с золотыми звездами, высокой остроконечной черной шляпе со звездами и месяцем и большим воротничком жабо и в черной полумаске и короткими (после скарлатины) напудренными волосами. Узнав, что это Толстой, я подскочила к нему и напророчила ему разную чепуху, о которой он вспоминал много лет спустя. Помню, в библиотеке был устроен буфет, и я угощала Таню Толстую мандаринами.

Тогда это была редкость — она их еще никогда не видала и была обижена, что я ей предлагаю мандаринку, а не апельсины. Нас всех поразила манера Тани Толстой, которая ни с того ни с сего бухалась на колени перед кем-нибудь — ее шумливость, столь не похожую на нас, воспитанных чопорными англичанками — и все решили, что Таня is very fresh*. С этого вечера началась наша дружба с семьей Толстых, мы виделись почти каждый день, ходили вместе гулять, и Лев Николаевич часто с нами гулял. Весной на Пасху он нас всех с нашими гостями повел на балаганы смотреть какую-то пантомиму. Брат Саша приблизительно в это время вернулся из Англии, и Лев Николаевич его очень любил и смеялся над его русским языком, — однажды Таня и Сергей Толстой52 спихнули Сашу в яму на Девичьем поле, и Толстой представлял, как Саша закричал: «Gorodowoy, wosmy Tatianu». В то же лето однажды Толстой обедал у нас, сказал, что он с ужасом думает и не может себе представить, как он будет жить в Москве, ходить по мостовой, которую он терпеть не может, но София Андреевна решила переехать в город, т(ак) к(ак) это нужно для воспитания детей — Сергей должен поступить в университет, Таня хочет учиться живописи, а Илья должен ходить в гимназию. Когда он это высказал, папа и говорит ему: «Возьмите дом рядом с нашим садом, то Вы сможете постоянно ходить на Воробьевы горы и дальше, не ступая по мостовой, — выйдя из вашего сада к нам в сад». После обеда мы повели Толстого смотреть этот дом — рядом с нашим садом, — передвинули одну доску в заборе и очутились в саду Арнаутова, хозяйка которого недавно умерла, дом стоял пустой и, по-видимому, продавался. Льву Николаевичу очень понравился и дом и сад, и мы скоро узнали, что он купил

продавшего ему участок земли с его неправильной долготой, и мы вскоре узнали, что он купил этот дом в Хамовническом переулке, где Толстые прожили немало лет.

Таким образом Толстые стали нашими ближайшими соседями, и мы виделись с ними каждый день. Я помню один вечер у Толстых, мы сидели в столовой, и через столовую прошел высокий красивый мужчина с развевающимися волосами с проседью. Таня нам говорит: «Знаете ли вы, кто это? Это философ Соловьев53 — он вегетарианец и никогда не ест мяса». Тогда о вегетерианстве еще никто не говорил, и нам показалось сумасшествием, что можно не есть мяса. Вскоре пришел и Лев Николаевич, — он только что побывал в каком-то ночлежном доме, его так поразила картина всего там виденного, что начал говорить о том, что надо избавиться от зеркал, картин и всей роскоши, которая у него и у всех в (нрзб.) С тех пор он начал свою пропаганду об упрощении.

К этому времени относится также начало нашей дружбы с Олсуфьевыми, дядей Адамом, тетей Аннечкой и их детьми. Они также были на том костюмированном балу у нас, когда у нас были Толстые, то Миша и Митя были тогда такие дикие, что прятались в гостиной за дверь и их невозможно было заставить танцевать.

Но раньше чем говорить об Олсуфьевых, я хочу сказать несколько слов о тех родственниках, которых мы видели чаще всего и любили. Первый из них был дядя Ника Ребиндер, твой крестный отец, брат моей матери, который приезжал по несколько раз в году, обычно на Рождество. Мы очень его любили, он был холостяк, мы удивлялись его привычкам, как он расставляет все свои вещи, ножницы, крючки для ботинок и tutti quanti* и как он раскладывал пасианс. Он любил рисовать и помогал нам раскрашивать картинки, вырезать их и делать с нами абажуры, он даже вышивал с нами.

Дядя Дмитрий Олсуфьев приезжал редко, не каждый год даже — он жил постоянно в Париже, он имел привычку постоянно засыпать, он спал везде и в театре и на извозчике, в гостиной при гостях даже, он был очень добрый, многим беднякам помогал, он оставил нам по завещанию свои дома в Москве на Тверской. По этому завещанию каждая из нас, сестер, получила 70 тысяч рублей — благодаря ему я купила в Евпатории дачу, вам хорошо знакомую «Пансион Светлана».

Другой брат папа, дядя Владимир (не помню, видела ли я его), это был любимый брат папа, большой оригинал, про которого папа рассказывал много анекдотов. Он любил подбирать пьяных на улицах Москвы, приводил их к себе и укладывал на свою кровать, давал им выспаться. Однажды трактирщик у нас в Зубове жаловался ему, что ему надо в воскресенье ехать в деревню и закрыть в праздник трактир, что ему очень убыточно. Дядя Владимир предложил трактирщику его заменить и поторговать за него. Трактирщик согласился, и вот что сделал дядя Владимир: всем своим знакомым, и господам и дамам, он послал приглашения приехать к нему в трактир на Зубовском бульваре. В назначенный день все приглашенные стали приезжать, а дядя, одетый в белую рубашку и белые штаны, с тесемкой вокруг пояса, как у нас ходят половые, принимал гостей, продавал всем чай, подавал закуски — и так хорошо наторговал, что трактирщик, никогда такой выручки не видавший, просил дядю Владимира еще раз поторговать, но дядя сказал ему: «Голубчик, это можно было сделать раз, а в другой раз мои гости не придут».

Была у папа только одна сестра, тетя Соня Шаховская, умная и развитая, но папа ее не особенно любил, у нее было 5 человек детей. Это были наши двоюродные братья и сестры, с которыми мы подружились, когда переехали в Петербург.

Чаще всего мы бывали у наших более дальних родственников, князя Дмитрия Михайловича Голицына, жившего в своем доме на Малой Никитской — у него была полуслепая жена, еще молодая, 2 дочери, Анна и Софа, и 2 сына, Вася и Алеша. Вася Голицын жил у нас в Евпатории со своей дочерью Миррой в 1915 и 1916-м годах, ты, Ника, должен их помнить. У князя Голицына была сестра, тетя Ольга Волкова, мать Ольги Львовны Арсеньевой, которую ты знал в Москве, — они жили в Кремле — ее муж был смотрителем Оружейной палаты. Волковы, Уваровы, Лоба новы составляли довольно замкнутый крут, и их шокировали манеры Толстых и

графчиков Олсуфьевых, которые по их понятиям, особенно тети Аннички, были красными, революционерами. У Олсуфьевых был совсем другой круг знакомых — у них бывали профессора университета. Лиза и Матильда Молас, друг Лизы, ходили на курсы — Лиза на математические, а Матильда на исторические — они, значит, были курсистками, а Миша и Митя учились в Поливановской гимназии, также демократической. Через нас Олсуфьевы подружились с Толстыми, и эта дружба продолжалась до смерти Льва Николаевича. Через женитьбу Сергея Толстого на Маше Зубовой, сестре Ольги Николаевны, Митиной жены, мы до некоторой степени породнились с Толстыми.

Мария Павловна Олсуфьева. 1817 г.

Революционные настроения веяли уже повсюду. Покушения на жизнь Императора Александра Второго случались все чаще и чаще, и наконец 1-го марта 1881-го года Государь был убит бомбой, брошенной под его карету кучкой студентов-нигилистов, Желябиным, Кибальчичем, Перовской и другими54.

Никогда не забуду я то утро 2-го марта, когда Александра Григорьевна, бывшая в то время в Москве по делам (больной папа с Соней и маленькими братьями был в Париже), открыла газету с криком: «Государь убит!» Мы все ахнули — это чудовищное преступление было нам непонятно. Все плакали, везде служились панихиды — эта смерть всех как громом ошеломила. Маня была консерваторкой, ученицей Николая Григорьевича Рубинштейна, и ездила каждый день в консерваторию, Адам был кадетом 3-го кадетского корпуса, а я была тогда ученицей 6-го или 7-го класса Чернявского училища, и везде только об этом и говорили. Тетя Анночка, мать Лизы, Миши и Мити, которую Москва считала революционеркой, очень плакала и долго горевала. Василий Дмитриевич Поленов и ваш отец Рафаил Сергеевич были в то время в Петербурге, куда они поехали на открытие Передвижной выставки, они много нам рассказывали по возвращении об этой трагической кончине Царя Освободителя. Сергей Львович55, ваш дед, был приглашен снимать Государя и видел обезображенное тело до бальзамирования — на фотографии не видно было следов ранений. Говорили, что когда Государь Александр Третий приехал во дворец, он показал своим детям и детям княгини Юрьевской56 Александра Второго и сказал — почему скрывать от них правду? Александр Третий, про которого говорили, что он очень либеральный, очень изменил свои взгляды на вещи и стал напротив большим консерватором, увидав, к чему привели народ все свободные порывы его отца.

Лето 1881-го года мы провели у Уваровых в их имении Поречье Московской Губернии Можайского уезда. Я была поражена величественным видом. Поречье — это был настоящий дворец. На балконе со стороны парка были 2 больших мраморных кентавра, а дом был целый музей — один зал был уставлен мраморными статуями, привезенными из Италии. Там было много картин, в столовой были портреты предков, была огромная библиотека, была бильярдная комната, и мы с увлечением играли на бильярде. Мы очень весело провели это лето, хотя и довольно дождливое. Я первый раз видела такой чудный парк, по которому протекала Москва река, похожая больше на ручей, не шире Икши или Тени в Щелкове.

В нашу бытность это лето в Поречье приехал художник Семирадский57, который сказал при мне: «Можно вообразить, что я в Италии — так тут все хорошо, так красиво». Перед домом был большой луг, спускавшийся до озера, и на озере всегда плавали два лебедя. В Поречье были чудные огромные оранжереи и такая же масса цветов, как и у нас в Девичьем Поле.

Конечно, без флирта не обошлось. Аля Уваров, очень красивый и интересный брюнет, ухаживал за Таней, а его брат Сережа ухаживал за мной. Во флигеле был театр, и мы играли там комедии «Шалость», где Таня играла (нрзб.), и «До поры до времени», в которой я также играла главную роль. Репетиции происходили по вечерам, а днем мы ходили гулять, ездили кататься и часто ходили за грибами. Что делалось в дождливые дни, когда лил грибной дождь, — мы надевали старые ботинки, шлепанцы, подтыкали свои платья чуть что не до колен и с корзинами ходили по грибы и приносили их огромное множество.

В августе мы вернулись в Москву ожидать возвращения родителей с детьми из заграницы. Каково же было наше удивление, когда приехал папа, мама, братья, а Сони не было, и нам сказали, что Соня поехала погостить к тете Ольге Gebsattel в Бамберг, куда Саша, мой брат, должен был, возвращаясь из Англии, заехать.

Мы тут же решили, что это кончится романом между Соней и одним из старших Gebsattel. Надо сказать вам, что Соня никогда особенно русской не была. Попав в Париж, она приходила в восторг от всего, она училась живописи в ателье Caralus'a Durant58 и делала большие успехи. Приехав летом 1881-го года в Англию, она была еще в большем восторге, увидав чудные парки в Лондоне, и ей очень нравился St. Leonard on Sea, где тогда жил Саша с мрс. Roberts, ей только очень были скучны воскресенья, когда все ходили по церквам и весь день ничего не полагалось делать. От скуки она уходила куда-нибудь за город, чтобы только не слышать заунывных псалмопений англичан. Приехав затем в Германию в Бамберг к тете Ольге (нрзб.), ее восторгам не было предела. Маленькие двоюродные братья Alex, Ftitzy Gebsattel были очень милые дети, которые ее сразу приласкали и полюбили, они ее уверяли, что если она увидит их брата Людвига: — «Du wirst umfallen, wenn du ihn siehst»*. Так и случилось, когда Людвиг, красавец в своей уланской форме, подъехал верхом к их дому — она была совсем потрясена. В Москве ее прочили за одного богатого немолодого и очень противного господина Хрущего (дела у папа давно уже пошатнулись, была масса долгов, все было заложено и перезаложено), и наша мачеха Александра Григорьевна очень уговаривала Соню выйти замуж за богатого старого холостяка, мы же, сестры, старались ее уговорить этого не делать, напоминая ей женитьбу дяди Дмитрия, жена которого чуть ли не через месяц после свадьбы его покинула.

Увидав Людвига, молодого, замечательно красивого, Соня была поражена. Год перед тем Людвиг потерял свою невесту, умершую от чахотки, и говорили, что он безутешный вдовец. Он приехал к матери в отпуск на 2 недели.

Соня была очень хорошенькая, развитая образованная барышня, хорошо воспитанная и очень симпатичная — Людвиг влюбился в нее с первого взгляда и через 5 дней сделал предложение. Соня и тетя Ольга немедленно написали об этом папа? — папа дал свое согласие, но сказал, что свадьба скоро не может состояться, так как у Людвига не было никакого состояния, а по военным правилам офицеры при женитьбе должны были вносить в залог довольно большой капитал, а папа также не мог им дать эти деньги. Соня прожила в Бамберге целый месяц и вернулась с Сашей в Москву, будучи объявлена невестой. Она переписывалась ежедневно с Людвигом, и мы, младшие, ее постоянно дразнили и мучили, не отдавая ей письма и заставляя ее бегать за письмом чуть ли не вокруг всего сада.

Я не сказала еще, что папа, болевший много лет (не подозревая этого) диабетом, еще год перед тем, летом заболел. У него был нервный удар и паралич правой стороны тела. Когда он немного поправился, Александра Григорьевна с Катей, Митей, Гришей и Кирой увезла папа? заграницу к Шарко59 в Париж. Маленького Мишу, которому было только 6 месяцев, она оставила в Москве на попечении няни и своих родителей. Миша тогда был болен, у него от искуственного кормления сделался понос и то, что называется собачья старость. Мы очень боялись, что он умрет, но доктор Иванов пригласил молодого профессора, знаменитого впоследствии Филатова60. Филатов спас Мишу, и когда он поправился, Соня повезла его с няней Марьей Дмитриевной в Париж. Вот каким образом Соня провела зиму в Париже, лето в Англии и наконец попала в Бамберг, откуда вернулась уже невестой.

Маня была страстно влюблена в Поленова, но почему-то Александра Григорьевна не поощряла этот роман, а про меня (меня считали девочкой, хотя мне было уже более 17 лет) никто не догадывался, что я люблю Рафаила Сергеевича и что он также меня любит. Мы очень скрывали свои чувства, но виделись постоянно. У нас оба кузена (Поленов был кузеном твоего отца) бывали постоянно. Поленов стал давать уроки живописи Соне, а твой отец рисовал с нами разные nature morte, 2 его рисунка, сделанные в то время, я привезла сюда. Папа был страшно

застенчив, и его трудно было вовлечь в разговор — он обыкновенно молча сидел в каком-нибудь углу гостиной. По воскресеньям они ездили к Мамонтовым, где устраивались литературные вечера и где папа обычно читал. Они играли по ролям всего Островского, Майкова, Шекспира. Папа знал «Гамлета» чуть ли не наизусть и чудно декламировал. Подобные чтения они ввели и у нас — и я помню, как хорошо папа читал Островского и «3 смерти» Майкова, роль Сенеки. Мой отец также принимал живое участие в этих чтениях. Читали мы также «Бориса Годунова» Пушкина и «Горе от ума».

Эти последние годы нашей жизни в Москве на Девичьем поле были полны духовного интереса. Сколько было разговоров по поводу каждой новой повести Тургенева, (о) романах Достоевского, Гончарова или Толстого. С каким чувством ждали мы открытия передвижной выставки61. Эти выставки были целым событием в то время. Папа выставил тогда, как помню, «Мостик в Абрамцеве», купленный фон Мекком62, и «Три березы» в круглой раме, а Поленов выставил «Бабушкин сад», который в Третьяковской галерее, и «Забытую мельницу», этюд которой у нас здесь. На следующий год папа выставил большую картину, где мы все сидели летом в саду ночью с зеленой лампой — куплена была Терещенко63 в Киеве. Про эту вещь Крамской64 говорил, что это вклад для русского искусства! А музыка? В то время с каким интересом посещали мы симфонические концерты по субботам и репетиции этих концертов. Тогда появилась опера «Демон» Рубинштейна и «Евгений Онегин» Чайковского. По правде сказать, это была, начиная с 60-х годов, эпоха расцвета искусства и литературы в России. Все жили тогда какой-то особой жизнью, полной духовных запросов, и страшно сознавать, как опустились мы после революции и как тяжела, грустна и однообразна ваша жизнь с единственным вопросом «Что есть?» Я читаю Танюше эти воспоминания, и это приводит ее в очень грустное настроение, и она права, говоря: «Да вы-то жили, у вас есть что вспомнить, а я-то, что я видела, я в своей жизни?» Сперва болезнь, паралич — а здесь что? — Работа, работа и работа, только это противное вязанье, ваша жизнь, как твоя, так и Сережина, немногим краше Танюшиной. Сережа только теперь выбрался на более светлое поприще, но ему уже 45 лет, а ты, мой бедный, превратился в пастуха и огородника! Ну что делать, это не ваша вина — наше поколение виновато тем, что довело Россию до революции, до теперешнего разгрома.

Александр Дмитриевич Олсуфьев. 1813 г.

Зимой 1882-го года Толстой приходил к нам почти каждый вечер играть с папа в карты, — он тогда не видел в этом ничего плохого. Осенью мы все три, Маня, Таня и я, заболели тифом, я была больна хуже всех, и было время, что боялись за мою жизнь. Поленов у нас больше не жил во флигеле, он женился на Наталье Васильевне Якунчиковой65, очень богатой молодой, хотя и некрасивой девушке, а папа* поселился в каких-то меблированных комнатах на Волхонке и каждый день бывал у нас, проводил с папа целые дни.

В то время в нашем доме появился новый человек — студент университета Николай Львович Гондатти — репетитор моего брата Мити (нрзб.), который покорил сердце Тани, — он также принимал участие в наших чтениях. Когда мы поправились после тифа, мы постоянно по вечерам играли с ним и с Таней в дурачки. Когда мы все заболели, Александра Григорьевна (отвезла) Катю и Митю в Елизаветинский институт66 к их тете Елене Александровне Ливен, бывшей в то время начальницей этого института, т(ак) к(ак) Александра Григорьевна (не знаю по каким делам) уезжала в Париж.

Наши отношения за эти 2 года очень изменились благодаря ее другу баронессе Елизавете Александровне Розен, ужасной кумушке и сплетнице. Она страстно полюбила нашу мачеху и ничего лучшего не нашла делать, как ей льстить, целовать ей не только руки, но даже ноги и приносить ей всевозможные московские сплетни и к былям небылиц без счету прилагала. Чего только не говорила эта сплетница, и мама верила всему, а надо сказать правду, московская знать ее не любила, называя ее авантюристкой, которая ради денег женила на себе человека, имевшего 9 человек детей и который по своим годам мог быть даже ее отцом. Во всех этих сплетнях обвиняли нас — и Маню, и Соню, и Таню, и наша мачеха не только ссорилась поочередно с

нами, но старалась ссорить нас, сестер, между собой. Баронесса Розен была злым гением Александры Григорьевны, и с каждым днем отношения наши ухудшались, особено с Таней. Меня меньше всего любили в доме, и поэтому я больше со стороны наблюдала все эти тяжелые сцены.

Мисс Babington с самого начала раскусила нашу мачеху и говорила мне, что эта женщина вас не любит, ей нужно только восхищение и поклонение. Но Маня, Соня и даже Таня продолжали любить мама и не допускали никакой критики. 24 ноября в день Св. Екатерины в Елизаветинском институте был бал, — на этот бал поехали Маня, Соня и Таня и Александра Григорьевна. Меня не взяли, так как в ландо не было места для пятого. На балу Катя и Таня сидели около одной воспитанницы, недавно вышедшей из госпиталя после скарлатины. Очевидно, ее слишком рано выпустили, когда шелушение не кончилось. Не прошло и трех дней, как Катя, жившая в институте, заболела скарлатиной, и Таня также заболела скарлатиной у нас дома. Александра Григорьевна, вернувшаяся в то время из Парижа, нашла, что это уже чересчур — не успели поправиться от тифа, а тут еще новый карантин, ей это надоело, и бедную больную Таню перенесли в пустой флигель, где она с горничной Наташей, которая за ней ухаживала, провела 6 недель. Нам было запрещено к ней ходить, чтобы не занести заразу моим маленьким братьям. Я не входила к Тане, но каждый день раз, а иной день два раза подходила к окну во флигеле и кричала ей что-то в окно. Потом я узнала, что только Гондатти, влюбленный в Таню, к ней по секрету заходил.

Танина скарлатина, к счастью, была слабая, и она скоро поправилась, но не то было с Катей. У княжны Ливен был доктор Монигетти, который из страха напугать княжну скрывал от нее опасность. Подходило Рождество, Таня уже давно встала, но еще сидела во флигеле в одиночном заключении из-за карантина — а Катя все еще лежала с большой температурой. Институт на Гороховом поле, на том конце Москвы, была суровая зима, большие морозы, и трудно было часто туда ездить навещать бедную Катю. Наконец не помню кто, Александра Григорьевна или Маня, поехали в институт и видели Катю, — оказалось, что она совершенно оглохла, температура была высокая и совершенно непонятная. Узнав это, папа послал нашего доктора Владимира Михайловича Иванова узнать, в чем дело. Иванов пришел в ужас — у Кати были все осложнения: дифтерит, гнойный плеврит, воспаление в легких. Он вернулся к нам и сказал: Катя умирает, ее положение безнадежно, надо еще сделать анализ — я подозреваю, что у нее воспаление почек. Мы были в ужасе. Папа созвал консилиум — пригласили известного тогда в Москве доктора Черинова, этот подтвердил диагноз Владимира Михайловича и спросил доктора Монигетти, институтского врача: «Что Вы делаете? Где были Ваши глаза? Вы убили эту девочку.» На это этот доктор сказал только: «Я боялся испугать княжну». Хороший доктор, не правда ли? Княжна Ливен, бывшая в ссоре с Александрой Григорьевной, была очень сердита и не хотела верить тому, что говорили Черинов и Иванов, которые боялись, что Катя не проживет и десяти дней. Это было, если не ошибаюсь, уже на Рождество. Папа, который после первого удара, бывшего с ним в 1880 году, ходил с трудом — правая рука была парализована — несмотря на жестокий мороз и даль, ездил постоянно в институт.

Василий Александрович Олсуфьев

Накануне Нового Года, встречая Новый Год, Александра Григорьевна, взяв бокал шампанского, провозгласила тост, о том, чтобы будущий год был бы счастливее этого, в котором мы все так сильно болели. Папа встал, перекрестился и сказал, затыкая рот своей жене: неправда, молчи, это был счастливый год — все живы, никто не умер, и будем надеяться, что Катя поправится. Никогда не желай лучшего, будем благодарить Господа Бога.

Казалось одно время, что Катя поправится, собирались ей сделать укол, выпустить эксудат из плевры, но беда была еще та, что у нее действительно было воспаление почек. Для почек необходимы были ванны, а из-за воспаления легких и плеврита невозможно было делать ванны.

19 января 1883 года Катя, которая никогда ничем не болела, скончалась. Ее похоронили в Девичьем монастыре рядом с ее матерью.

Через несколько недель должна была состояться свадьба Сони, т(ак) к(ак) Людвиг получал отпуск и мог приехать только на 2 недели. Свадьба была назначена на 12 февраля, и венчание должно было быть в домовой церкви барона Боде на Поварской. Барон приходился родственником Людвигу (мать Людвига была баронесса Боде).

За три или четыре дня до свадьбы у папа был второй удар, — он был в сознании, вся правая сторона была парализована, и язык заплетался. Откладывать свадьбу было невозможно — ведь уже полтора года Соня была невестой — и все приготовления были сделаны. Маня Шаховская — сестра Лили Волконской, приехала нарочно из Петербурга, чтобы присутствовать на свадьбе, и все приглашения были разосланы. В назначенный час, это было уже вечером, мы все поехали в церковь. Соня была очень красива — на ней было белое платье из брюссельских кружев, которое она получила в наследство от нашей матери, а Людвиг в своем парадном мундире был замечательно красив, особенно они были хороши в венцах, не похожих на обычные, — это были венчики чисто византийского стиля. Шаферами у Людвига был его брат Герман и еще кто-то, чуть ли не твой отец, а у Сони — брат Саша и графчики Миша и Митя Олсуфьевы. Поздравления и угощение происходили в доме барона Боде, но мы спешили домой, очень волнуясь, найдем ли мы своего отца живым. Его оставили на попечение Льва Николаевича Толстого и тети Анночки. К счастью, он был жив и мог благословить молодых, которые в тот же вечер уехали в Германию.

В эту зиму, после нашего тифа, мы все три были обриты и носили чепчики с кружевами и лентами, которые нам были очень к лицу.

Однажды вечером Лев Николаевич пришел к нам, чтобы играть с папа в винт, но оказалось, что не хватает четвертого партнера, Лев Николаевич сказал папа, что у него сейчас сидит его друг князь Урусов67, очень хороший винтер и шахматист, и предложил за ним послать. Отправили моего брата Адама, и он привел князя Сергея Семеновича к нам. Когда он пришел, Адам прибежал к нам сказать, что он привел великана, и потащил нас, меня и Таню, в переднюю, где висела шинель князя на вешалке — шинель была так велика, что целых пол-аршина подола лежало на полу, а вешалка была у нас очень высокая, мы были удивлены, но когда мы пошли в столовую пить вечерний чай, и папа, Толстой, Маня и князь Урусов вошли в столовую из кабинета, мы были совсем поражены. Никогда мы не видели такого величественного великана. Это был человек уже не молодой, с большой белой бородой, прямой и широкоплечий, который на целую голову был выше моего отца, который сам был очень высокого роста. Оказалось, что он имеет 2 аршина и 15 вершков — только на один вершок ниже Императора Николая Первого и Петра Великого. У него был Георгиевский крест в петлице, и мы потом узнали, что он Севастопольский Герой и с Севастополя дружен с Толстым. Вы видели его портрет, который сделал папа и который висел в кабинете у Вашего дяди Саши Богданова в Козловке.

Мы в свою очередь поразили князя Урусова. Приезжая в Москву из своего имения, где он постоянно жил, князь останавливался у своей bella soeur*, Александры Афанасиевны Богдановой. Возвращаясь в этот день к Богдановым, первые его слова были: «Чепчики, чепчики! чепчики!». Никто не понимал, в чем дело, — он тут же объяснил своим племянникам, что завтра же поведет его к Олсуфьевым и познакомит с нами. Племянники эти были никто другой, как Александр и Алексей Матвеевичи Богдановы. На другой день действительно князь Урусов их привел — один был в гусарской форме, другой был штатский в сюртуке. Мисс Oben, которая опять жила у нас, говорит мне: «Вот Вам женихи, и Мане и Вам или Тане». Маня была очень влюбчива — у нее постоянно были новые предметы, и она сразу, можно сказать, обратила внимание на гродненского гусарского офицера. Забавнее же всего было, как мы узнали после, князь Урусов требовал, чтобы Александр Матвеевич женился на Мане, если же он этого не сделает, то он сам сделает ей предложение. Князь Урусов и Богдановы стали нашими частыми гостями — оба брата любили винтить, и папа любил с ними играть. Так продолжалось до самого того дня, как у папа? был второй удар, о котором я уже написала.

Папа? очень плох, ходить не может, его возили в кресле по комнатам, но не терял надежды выздороветь. Доктор приглашал консилиум за консилиумом, и решено было везти папа? за границу. Он уехал с Александрой Григорьевной и Таней в Париж. Когда мы его провожали, Владимир Михайлович Иванов, который очень любил папа, говорит: «К вашему отцу идите, проститесь с Василием Александровичем, мы его больше не увидим». Это было в начале марта, а 18 апреля, в день свадьбы папа и в день смерти моей матери, он скончался после третьего удара здесь в Париже.

А. Г. Олсуфьева, третья жена В. А. Олсуфьева, с его детьми от второго брака Дмитрием и Екатериной

Это было очень тяжелое, грустное время, и мы почти никого не видели после его отъезда за границу. Телеграмму о смерти папа? мы получили в первый или второй день Пасхи, и т(ак) к(ак) по церковному уставу на Пасху не служат панихид в церкви, то панихида служилась у нас на дому.

Александра Григорьевна телеграфировала вскрыть завещание папа, находившееся в несгораемом шкафу у него в уборной.

Я очень хорошо помню, как для этого пришел наш духовник Сергей Николаевич Терновский, ваш отец, доктор, Гондатти, Адам, мы две, Маня и я, и мисс Oben. Сергей Николаевич вскрыл завещание, в котором говорилось: похоронить папа? на Ваганьковском кладбище. Все недвижимое имущество он оставлял своей жене в пожизненное владение, а движимое имущество оставлял ей же в потомственное владение и больше ни слова. Ни слова о детях, хотя нас было тогда, после смерти Кати, одиннадцать человек. Мы были удивлены и стояли все в глубоком молчании, не понимая, что это могло означать. Но сопоставляя день и число и год составления завещания, мы увидели, что оно было написано за несколько дней до его первого удара, и также мы заметили, что наша мачеха изменилась к нам также с того времени приблизительно. Это давало повод предполагать, что моего отца мучила мысль, что он составил такое завещание, и было причиной случившегося с ним удара, а также, что Александре Григорьевне было известно содержание этого завещания.

Александра Григорьевна и Таня вернулись из Парижа, и мы ждали прибытие тела — еще больше недели. Отпевание было в нашем приходе в Зубове, а похоронили папа? на Ваганьковском кладбище в том же склепе, где лежит тело мама. Александра Григорьевна после похорон позвала нас в кабинет моего отца и сказала нам: «Мне все говорят, и мой отец и моя мать просят меня отказаться от завещания, но я не согласна и буду хлопотать об утверждении завещания. Я вас не намерена обижать, если вы со мной хотите жить в ладу». Но, увы, этого не случилось. Узнав от самой Тани, что она любит Гондатти, она поспешила его удалить из дома. Таня была в отчаянии, они еще при жизни папа объяснились в любви. Маня была влюблена в Сашу, но он, хотя и часто бывал у нас, — не делал предложения, и князь Урусов его постоянно понукал это сделать, не знаю уже, как и когда Саша сделал формальное предложение, и вскоре начались приготовления к свадьбе, шили приданое — и решили венчаться 11 сентября. Тем временем отношения с Таней стали совсем невыносимы, и бедная Таня часто бывала в слезах.

Приехал дядя Ника, и Александра Григорьевна себя показала такой, что он решил, что нам невозможно больше оставаться в ее доме, что она постоянно давала нам чувствовать, и решил взять к себе в Петербург меня и Таню. Александра Григорьевна этому обрадовалась и обещала нам давать на жизнь, не знаю, какую-то сумму. Дядя Ника вернулся тогда в Петербург, чтобы найти нам квартиру. В доме, где он жил более 20 лет, была одна пустая квартира в первом этаже, (нрзб.) и он снял ее для нас. Александра Григорьевна отдавала нам только мебель нашей матери и послала ее в Петербург без какой бы то ни было упаковки — и вся мебель пришла в кусках.

За несколько дней до Маниной свадьбы произошел большой скандал. Брат Александры Григорьевны — Николай Григорьевич — ехал с ней в ландо куда-то, и Николай Григорьевич

Григорьевны — Николая Григорьевича — сказать ей в лицо куда-то, и Николай Григорьевич делал ей замечание по поводу баронессы Лили Розен — обвинял последнюю в том, что это она виновата во всех наших историях, что это она завела раздор, а что мы все всегда ее любили и даже теперь любим. Александра Григорьевна так рассердилась на своего брата — велела кучеру остановиться и приказала своему брату выйти и больше не показываться, на что, между прочим, он ей сказал: «Спроси своих падчериц, они тебе подтвердят, что эта твоя Лилька-сплетница во всем виновата».

Вернувшись домой, Александра Григорьевна позвала Маню и спросила ее, правда ли, что мы считаем Лили Розен виноватой в наших ссорах. Маня смалодушничала и не созналась в этом, а тут вошла Таня спросить позволение ехать к ее матери обедать — на это Александра Григорьевна задала тот же вопрос Тане, и та побоялась сказать правду. Александра Григорьевна запретила Тане ехать к Есиповым, т(ак) к(ак) она рассорилась с братом и также с отцом и матерью. Тут позвали обедать, и за обедом я была удивлена видеть Таню, которая, я знала, была приглашена к Есиповым обедать. На мой вопрос, что это значит, она стала мне делать многозначительные гримасы, а после обеда Маня и Таня подхватили меня под руки и побежали со мной в сад, чтобы предупредить, что мне придется иметь разговор по поводу Лильки, и просили взять на себя всю вину. Не успели мы добежать до павильона Антиноя, где были мои кролики, как пришли Александра Григорьевна под руку с баронессой Розен. На вопрос, говорила ли я ее матери, что считаю Лили виновницей наших историй (не знаю, откуда у меня взялась храбрость), я сказала: «Да, говорила и повторяю, что пока мы не знали баронессы Розен, у нас в доме никаких ссор не было, мы все Тебя любим и никогда о Тебе плохо ни с кем ни говорили». Тут баронесса начала громко на меня кричать, и я ей сказала: «Баронесса, нельзя ли потише, мы здесь не на Смоленском рынке!» Тут и наша мачеха начала на меня кричать и объявила, что если мы не попросим у Лили Розен прощение, то она не будет на Маниной свадьбе, а свадьба должна была быть через 3—4 дня. Делать было нечего, и Маня в тот же день вечером пошла извиняться перед баронессой. Дядя Ника, узнав эту историю, решил, что увезет нас в Шебекино на другой день после свадьбы Мани.

11 сентября была свадьба Мани, она венчалась в Чернявском училище, и венчал ее, так же как и мою мать и Соню, наш духовный отец Сергей Николаевич Терновский. В этот день было холодно, шел снег, была настоящая осенняя погода. Маня уехала с мужем в Козловку, а мы обе, Таня и я, уехали с дядей Никой в имение Шебекино и навсегда простились с нашим милым Девичьим полем, с нашим садом — со всем, что нам было дорого.

С этого дня началась для нас совсем другая жизнь, о которой, если мои записки вам интересны, я буду продолжать писать. Мне было тогда 20 лет, а Тане 22 с половиной. Адам, который был кадетом 7-го класса, остался в Москве до окончания учения в корпусе. Саше предстояло через месяц отбывать воинскую повинность. Алеша был офицером на Кавказе, а Митю взяла его тетка княжна Ливен. Таким образом, Александра Григорьевна осталась со своими тремя детьми полновластной хозяйкой Олсуфьевского дома и Олсуфьевского состояния.

18 апреля/1 мая 1943 г.

А. Левицкая

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Воспоминания написаны для сына, Николая Рафаиловича Левицкого. Данные об упоминаемых в мемуарах Олсуфьевых см. в генеалогической заметке Ю. Д. Олсуфьева «Дворяне и графы Олсуфьевы».

2 Кастет — детская игра, вид головоломки. Состоит в складывании разных фигур из определенного числа многоугольников.

3 Левицкий Дмитрий Григорьевич (1735—1822), русский художник-портретист.

4 Боровиковский Владимир Лукич (1757—1835), русский художник-портретист.

5 Голицын Александр Михайлович (1723—1807), кн., русский государственный деятель.

6 По-видимому, это был князь Иван Александрович Хилков.

7 «Княжна Тараканова» (1864) — известная картина художника Константина Дмитриевича Флавицкого (1830—1866), в 1865 г. экспонировалась на московской выставке Общества любителей художеств, в 1867 г. была приобретена П. М. Третьяковым, находится в Третьяковской галерее.

8 Браун Густав Иванович (1827—1897), врач-окулист, профессор Московского университета.

9 Аорокарий — араукария, высокое хвойное дерево.

10 Купер Джеймс Фенимор (1789—1851), американский писатель, автор приключенческих романов для юношества.

11 Левицкий Рафаил Сергеевич (1840—1940), художник. Учился в Париже, с 1866 г. был вольнослушателем Академии художеств. С 1884 г. вел класс рисунка и живописи по фарфору в школе Общества поощрения художников. Венчался с А. В. Олсуфьевой в июне 1891 г. С 1896 г. жил в Санкт-Петербурге.

12 Основателем Голицынской (ныне 1-й Градской) больницы был князь Дмитрий Михайлович Голицын (1721—1793), завещавший на ее учреждение и содержание два тульских села, 713 душ крепостных крестьян, около миллиона рублей и картинную галерею. Строил больницу и стал ее попечителем двоюродный брат основателя, вице-канцлер А. М. Голицын. Автором проекта был зодчий М. Ф. Казаков. Им же для наблюдения за строительством был возведен для князя загородный дом на Девичьем Поле. Здесь А. М. Голицын разместил свое собрание картин и впоследствии присоединил его к галерее Голицынской больницы. Оставшиеся семейные портреты унаследовала в 1889 г. М. В. Олсуфьева-Богданова.

13 Хамовнические казармы были построены в начале XIX в. в значительной степени на личные средства Д. А. Олсуфьева, тогдашнего предводителя московского дворянства.

14 Есипов Григорий Васильевич (1812—1899), историк и архивист, заведовал Общим архивом министерства Императорского Двора и уделов и имел казенную квартиру в Кремле.

15 Имеется в виду семья историка и хранителя Московского Кремля Сергея Петровича Бартенева (1863—1930).

16 Мария Александровна (1853—1920), Вел. Кн., 23 января 1874 г. вышла замуж за Альфреда Эрнеста Альберта, принца Великобританского, герцога Эдинбургского, позднее герцога Саксен-Кобург-Готского (1844—1900).

17 Вел. Кн. Цесаревич Александр Александрович (1845—1894).

18 Император Александр II (1818—1881).

19 Алексей Александрович (1850—1905), Владимир Александрович (1847—1909), Павел Александрович (1860—1919), сыновья Императора Александра II.

20 Альберт Эдуард, принц Уэльский (1841—1910), сын королевы Виктории, с 1901 г. король Великобритании.

21 Мария Федоровна (1847—1929), Вел. Кн., жена Цесаревича.

22 Гогенцоллерн Фридрих Вильгельм Николай Карл (1831—1888), прусский кронпринц, с 1888 г. германский император Фридрих III.

23 Голицынский музей в Москве, включавший картинную галерею, собрание произведений прикладного искусства и библиотеку М. А. Голицына, был приобретен Эрмитажем в 1886 г.

24 Волконская — по-видимому, княжна Варвара Михайловна (1781—1865), камер-фрейлина.

25 Аршин — старинная мера длины, равная 71,1 см.

26 Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898), главнокомандующий сербской армией.

27 Имеется в виду античная статуя Венеры Медицейской, находящаяся в музее Уфицци (Флоренция).

28 Имеется в виду Фэвр-Дюффе Луи Станислав (1818—1897), французский живописец.

29 По-видимому, речь идет об австрийском художнике конца XVIII — начала XIX вв. Антоне Шабеле.

30 Бецкой Иван Иванович (1704—1795), русский государственный деятель, президент Академии художеств. Его сестра — княжна Анастасия Трубецкая, ландграфиня Гессен-Гомбургская (1700—1755). Их портреты написаны шведским художником Александром Рослином (1718—1793).

31 Дашкова Екатерина Романовна (1743—1810), кн. писательница, директор Петербургской Академии наук. По мнению искусствоведа Е. И. Столбовой это был «Портрет Е. Р. Дашковой в ссылке» работы художника С. Тончи.

32 Даву Луи Николя (1770—1823), маршал Франции.

33 Скарабеи — вырезанные из камня изображения жуков, почитавшихся в древнем Египте священными.

34 Речь идет об одном из авторских повторений известного портрета 1762 г. кисти датского художника Вигилиуса Эриксена (1722—1782).

35 Елизавета Петровна (1709—1761), российская Императрица с 1741 г.

36 Гиллерт Арнольд Казимирович, польский танцовщик, солист балета Большого театра.

37 Семья графа Алексея Сергеевича Уварова (1825—1884), археолога и собирателя древностей, основателя Исторического общества и Исторического музея. Их имение Поречье находилось в Можайском уезде.

38 По-видимому, это Александр Борисович Лобанов-Ростовский (1824—1896), известный дипломат.

39 Патти Аделина (1843—1919), итальянская певица.

40 Нильсон Кристина (1843—1921), шведская певица.

41 Лукка Паолина (1841—1908), австрийская певица.

42 Рубинштейны Николай Григорьевич (1835—1881) и Антон Григорьевич (1829—1894), русские музыкальные деятели.

43 Бартенев Петр Иванович (1829—1912), историк и архивист.

43 Бартенев Петр Иванович (1829—1912), историк и архивист.

44 Имеется в виду Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей.

45 Сорокин Евграф Семенович (1821—1892), профессор Московского училища живописи и ваяния.

46 Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927), русский художник-пейзажист.

47 Мамонтов Савва Иванович (1841—1918), промышленник и меценат.

48 Толстая Софья Андреевна (1844—1919), жена писателя.

49 Толстая Татьяна Львовна (1864—1950), дочь писателя.

50 Толстой Лев Львович (1869—1945), сын писателя.
51 Толстая Мария Львовна (1871—1906), дочь писателя.

52 Толстой Сергей Львович (1863—1947), сын писателя.

53 Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), философ и поэт.

54 Имеются в виду революционеры-народовольцы А. И. Желябов, Н. И. Кибальчич и С. Л. Перовская.

55 Левицкий Сергей Львович (1819—1898), фотограф — художник Императорского Двора, двоюродный брат А. И. Герцена.

56 Юрьевская Екатерина Михайловна (1847—1922), светлейшая княгиня, морганатическая супруга Александра II.

57 Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902), польский и русский живописец, живший в Риме.

58 Дюран Каролюс (1835—1917), французский художник.

59 Шарко Жан Мартен (1825—1893), французский врач-невропатолог.

60 Филатов Нил Федорович (1847—1902), русский врач-педиатр.

61 Имеется в виду VII выставка Товарищества передвижных художественных выставок 1879 г.

62 Мекк фон Карл Федорович (1821—1876), русский инженер-путеец, миллионер.

63 Терещенко Николай Артемьевич (1819/1820—1903), украинский сахарозаводчик и землевладелец, известный собиратель произведений искусства. Он намеревался купить картину Р. С. Левицкого «Лампочка в саду», демонстрировавшуюся на IX передвижной выставке 1881 г. в Харькове и Киеве, но ему помешал сын, также известный коллекционер, что вызвало скандал.

64 Крамской Иван Николаевич (1837—1887), русский живописец, один из создателей Товарищества художников-передвижников, организатор их выставок.

65 Поленова Наталья Васильевна (1858—1930), художница.

66 Елизаветинский институт — закрытое учебное заведение для девочек-дворянок.

67 Урусов Сергей Семенович (1827—1897).

Иванова Е. Ю., Олсуфьева Е. Н. Воспоминания А. В. Левицкой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 251—252. — [Т.] IX.

Дом семьи Олсуфьевых на Девичьем поле был одним из городских «дворянских гнезд» старой Москвы. На многих гектарах раскинулась целая городская усадьба с флигелями, службами, оранжереями, богатой картинной галереей, храмом, гротами, прудами. Дом, по всей видимости, проектировал и строил для князя А. М. Голицына известный зодчий М. Ф. Казаков. С домом «девьичьепольских» Олсуфьевых связаны страницы биографии писателей Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, художника В. Д. Поленова, музыканта Н. Г. Рубинштейна и других деятелей отечественной культуры.

Сын Толстого Сергей, в детстве постоянно бывавший у соседей, вспоминал: «Жили Олсуфьевы в своем доме на Девичьем поле, там, где потом помещалась клиника для душевнобольных. Их

большой сад, занимавший больше восьми гектаров, можно было назвать парком; в нем находилась лучшая в Москве орхидейная оранжерея. Он прилегал к саду нашего хамовнического дома. Через забор была проделана калитка, и мы свободно сообщались с Олсуфьевыми. Барышни подружились с моей сестрой Таней, один из сыновей, Адам, — с братом Ильей, а мне вся семья была симпатична, особенно барышни»*.

Граф Юрий Александрович Олсуфьев, талантливый искусствовед, представитель петербургской ветви рода, так описал усадьбу на Девичьем поле: «Этот дом с белыми колоннами, с анфиладой высоких комнат, с мансардами и с двумя флигелями по сторонам, с полукруглыми террасами и тоже (с) колоннами был построен в конце XVIII столетия моим прапрадедом вице-канцлером Александром Михайловичем Голицыным... Позади дома был огромный сад и оранжереи. Дом затем перешел, как и Буйцы, дочери князя Александра Михайловича — княгине Екатерине Александровне Долгоруковой, а по смерти ее (она умерла бездетной) в силу завещания прапрадеда, скрепленного, между прочим, тремя императорскими подписями: Екатерины, Павла и Александра, — старшему ее племяннику, сыну ее сестры Дарьи Александровны — Александру Дмитриевичу Олсуфьеву, после которого достался его сыну Василию Александровичу и был продан последним (Василий Александрович разорился) в начале 80-х годов под клиники. Это был один из типичнейших особняков староарбатской Москвы»**.

Теперь найдены подробные, прекрасным старым русским языком написанные воспоминания одной из упомянутых С. Л. Толстым «барышень», дочери добродушного, безалаберного, перед смертью окончательно разорившегося владельца дома на Девичьем поле. Мемуары Анны Васильевны Левицкой, урожденной Олсуфьевой (1863 — после 1943), написаны ею в эмиграции, разобраны и перепечатаны на машинке ее племянником, архитектором-пейзажистом Юрием Дмитриевичем Олсуфьевым (1904—1992) и в 1993 г. присланы Е. Н. Олсуфьевой, праправнучке владельца дома, из Канады вдовой Ю. Д. Олсуфьева Александрой Сергеевной. Заметки Ю. Д. Олсуфьева об истории дома и генеалогии рода публикуются в качестве приложения к мемуарам его тетушки.

Из картинной галереи, собранной Голицыными и Олсуфьевыми, сохранились немногиекартины и гравюры, в основном в Зарайском музее*. Публикуются портреты А. В. Олсуфьева (гравюра А. Радига с портрета работы Де Вилли), А. М. Голицына и Д. А. Олсуфьева (копии крепостного художника Савелия с портретов работы И. Барду), Д. А. Олсуфьевой (работы И. Барду), А. Д. Олсуфьева (оба работы А. Молинари), М. П. Олсуфьевой (работы А. Ф. Ризенера).

Переписка С. Д. Шереметьева с К. П. Победоносцевым

Шохин Л. И. Примечания: Переписка С.Д. Шереметева с К. П. Победоносцевым // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 303—305. — [Т.] IX.

Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 305—309. — [Т.] IX.

1 После объявления войны 12 апреля 1877 г. русские войска вступили на территорию союзной Румынии и готовились к переправе через Дунай в Болгарию. В Плоешти находилась Главная квартира Дунайской армии, 25 мая туда прибыл Император Александр II.

2 Имеются в виду войны Пруссии с Австро-Венгрией 1866 г. и с Францией 1870—1871 гг.

3 Цесаревна Мария Федоровна (1847—1928), супруга Наследника Цесаревича Александра Александровича (1845—1894).

4 Васильковский Антон Степанович (1824—1895), полковник управляющий конторой Двора Наследника Цесаревича (с 1871). В 1877—1878 гг. исполнял обязанности начальника Главной Квартиры Цесаревича, с 1878 г. — генерал-майор, с 1886 г. — генерал-лейтенант.

5 Алексей Александрович (1850—1908), Вел. Кн., командир Гвардейского экипажа на Дунае, в 1881 г. назначен начальником всех морских команд на Дунае, с 1881 г. — генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства.

6 Олсуфьев Александр Васильевич (1843—1897), граф, в то время капитан лейб-гвардии Конной артиллерии, адъютант Наследника Цесаревича.

7 Барятинский Владимир Анатольевич (1843—1914), князь, в то время капитан лейб-гвардии Преображенского полка, адъютант Наследника Цесаревича.

8 Николай Николаевич (1831—1891), Вел. Кн., Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (с 1864), генерал-инспектор кавалерии и по инженерной части, в 1877—1878 гг. — Главнокомандующий Дунайской армией, с 1878 г. — генерал-фельмаршал.

9 Владимир Александрович (1847—1909), Вел. Кн., генерал-лейтенант, начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, 23 июня 1877 г. назначен командиром 12-го корпуса вместо генерал-лейтенанта П. С. Ванновского, с 1884 г. — генерал от инфантерии, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа.

10 Долгоруков Николай Сергеевич (1840—1913), князь, в то время полковник л.-гв. Преображенского полка, флигель-адъютант.

11 Голицын Михаил Михайлович (1840—1918), князь, в то время полковник лейб-гвардии Конного полка, флигель-адъютант.

12 Герцоги Лейхтенбергские, князья Романовские, племянники Императора Александра II: Николай Максимилианович (1843—1890), Евгений Максимилианович (1847—1901), Сергей Максимилианович (1849—1877) — полковник, флигель-адъютант, убит 12 октября 1877 г. на рекогносцировке у р. Лом.

13 Принц Александр Баттенбергский (1857—1893), генерал-майор свиты, правитель Болгарии в 1879—1886 гг., его кандидатура на престол Князя Болгарии выдвинута Императором Александром II.

14 В ночь с 9 на 10 июня 1877 г. переправа через Дунай началась у городов Галац и Браилов на второстепенном участке фронта, занятом 14-м корпусом, где навели понтонный мост. Переправа на главном направлении, у дер. Зимницы, предпринята в ночь с 14 на 15 июня.

15 Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905), генерал-майор, начальник 14-й пехотной дивизии, переправившейся у Зимницы 14—20 июня 1877 г., в августе защищал Шипкинский перевал, 4 сентября произведен в генерал-лейтенанты.

16 Наследник Цесаревич, в то время генерал-адъютант, генерал от инфантерии и генерал от кавалерии, командир Гвардейского корпуса, 22 июня 1877 г. объявили о назначении его командующим вновь созданным Рущукским отрядом из 12-го и 13-го корпусов; 26 июня 1877 г. он прибыл к отряду и вступил в командование. Перед ним поставили задачу овладеть придунайскими крепостями Никополь и Рущук и прикрывать фланг основных сил Русской армии, наступавших в направлении Плевны.

17 Шаховской Алексей Иванович (1821—1900), князь, генерал-лейтенант, командир 11-го корпуса, 18 июня 1877 г. штурмовал Плевну.

18 Ванновский Петр Семенович (1822—1904), генерал-лейтенант, командир 12-го корпуса, с июня 1877 г. исполнял должность начальника штаба Рущукского отряда, в 1881—1898 гг. — генерал от инфантерии, военный министр.

19 Наследник Цесаревич награжден 15 сентября 1877 г. орденом Св. Владимира 2-й степени с мечами, 3 декабря 1877 г. — Георгиевским крестом 2-й степени.

20 Принц Фридрих-Карл (1831—1888) командовал одной из прусских армий в 1866 г. и в 1870—1871 гг., взял Мец и Орлеан. 10 августа 1877 г. С. Д. Шереметев писал родным: «Любопытно, что Прусский Фридрих-Карл просил командования в нашей армии. Государь отклонил». (Шереметев С. Д. Письма с Рущукского отряда 1877 года. СПб. 1898. N 23).

21 Н. М. Лейхтенбергский 18 июня 1877 г. назначен командиром вновь сформированной Сводной бригады из двух-трех кавалерийских полков, к которым позднее присоединили четыре болгарских батальона.

22 Крепость Никополь на Дунае взята 3 июля 1877 г.

23 Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901), генерал-лейтенант, командовал передовым отрядом, преодолевшим Балканский хребет 2 июля 1877 г. После боя у Ески-Загре 19 июля с переброшенной из Черногории армией Сулеймана паши вынужден был отступить к Шипкинскому перевалу. За этот поход Гурко назначен генерал-адъютантом. В октябре 1877 г. поставлен во главе отряда из войск гвардии, прибывших на театр военных действий; за второй переход через Балканы, считавшиеся непроходимыми в зимнее время, произведен в генералы от кавалерии.

24 Екатерина Михайловна (1823—1897), Вел. Кн., дочь Вел. Кн. Михаила Павловича, супруга герцога Мекленбург-Стрелицкого Георга-Августа.

25 Грейг Самуил Алексеевич (1827—1887), адъютант Вел. Кн. Константина Николаевича (1859—1860), Государственный контролер (1874—1878).

26 Константин Николаевич (1827—1892), Вел. Кн., генерал-адмирал, управляющий Морским министерством (1853—1881), председатель Государственного Совета (1865—1881).

27 Рихтер Отгон Борисович (1830—1908), генерал-майор, генерал-адъютант, в 1881—1898 гг. — командующий Императорской Главной квартирой.

28 Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), князь, действительный статский советник, уполномоченный при действующей армии от центрального управления общества Красного Креста, начальник гражданского управления действующей армии (то есть глава русской администрации в Болгарии с момента занятия первого болгарского города — Систова — 14 июня 1877 г.).

29 Осада Плевны длилась с 8 июля по 28 ноября 1877 г. После взятия Никополя русские войска

направились в Плевну, но Западно-Дунайская армия Османа паши (1837—1900) опередила их и вошла в Плевну 7 июля; первый безуспешный штурм предприняли 8 июля, второй — 18 июля.

30 Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), генерал-майор, командовал отрядом под Плевной, в походе за Балканы командовал бригадой, затем дивизией, в 1878 г. пожалован генерал-адъютантом.

31 Криднер Николай Павлович (1811—1891), барон, генерал-лейтенант, командир 9-го корпуса, взял крепость Никополь и первым подступил к Плевне, с 1878 г. — генерал от инфантерии.

32 Абдул Керим паша (1807—1885), главнокомандующий турецкой армией, 23 июля 1877 г. был лишен командования за то, что «проглядел переход русской армии через Дунай»; сослан на остров Лемнос, где и умер.

33 Зотов Павел Дмитриевич (1824—1879), генерал-лейтенант, командир 4-го корпуса, участвовал в осаде Плевны, начальник штаба при Карле, князе Румынском, после войны — генерал от инфантерии, член Военного Совета.

34 Левицкий Казимир Васильевич (1835—1891), генерал-майор, помощник начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1877 г. — помощник начальника Полевого штаба Дунайской армии, в 1877 г. — генерал-лейтенант.

35 Косич (Косыч) Андрей Иванович (1833—1917), генерал-майор, в 1876 г. — помощник начальника штаба Одесского военного округа, в 1877 г. — начальник штаба 12-го корпуса, с 1881 г. — начальник штаба Киевского военного округа, с 1887 г. — саратовский губернатор, с 1907 г. — член Государственного Совета.

36 Ган Александр Федорович (1809—1895), генерал-лейтенант, командир 13-го корпуса, с 1878 г. — генерал

от инфантерии, член Военного Совета.

37 Михаил Николаевич (1832—1909), Вел. Кн., наместник на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа с 1863 г., Главнокомандующий Кавказской армией в 1877—1878 гг., 9 октября 1877 г. награжден Георгиевским крестом 1-й степени за победу при Карее, в 1878 г. произведен в генерал-фельдмаршалы, в 1881—1905 гг. — председатель Государственного Совета.

38 Ольга Федоровна (1839—1891), Вел. Кн., урожд. Принцесса Цецилия Баденская, супруга Вел. Кн. Михаила Николаевича.

39 Непокойчицкий Артемий Андрианович (1813—1881), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник Полевого штаба Дунайской армии.

40 Святополк-Мирский Николай Иванович (1833—1898), князь, генерал-адъютант, начальник 9-й пехотной дивизии.

41 После боя при дер. Облаве (Аблаве) 24 августа 1877 г. заключили кратковременное перемирие для уборки убитых и раненных.

42 Мехмет Али паша (1827—1878), немец по происхождению, принял ислам, окончил военное училище в Стамбуле и прошел все ступени офицерской службы в Турции, 18 июля 1877 г. назначен главнокомандующим турецкой армией в Болгарии вместо Абдул Керима, в конце сентября 1877 г. отозван из-за неудач и разногласий с другими турецкими генералами.

43 Тимофеев Алексей Алексеевич, генерал-майор, начальник 33-й пехотной дивизии.

44 Циммерман Аполлон Эрнестович (1825—1884), генерал-лейтенант, командир 14-го корпуса, с 1878 г. — генерал от инфантерии, член Военного Совета.

45 Ильяшевич Андрей Евграфович, полковник Генерального штаба, начальник штаба 13-го корпуса. Цесаревич Александр Александрович писал Главнокомандующему Вел. Кн. Николаю Николаевичу: «Вообще я очень недоволен начальником штаба 13-го корпуса полковником Ильяшевичем; постоянно спорит, не исполняет, что приказано... Я решительно прошу, чтобы полковника Ильяшевича сменили» (РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 9 Л. 15.).

46 Бой при дер. Синанкиойе произошел 1 сентября 1877 г.

47 Дохтуров Дмитрий Петрович (1838—1905), полковник Генерального штаба, командир пехотной бригады в Рущукском отряде, в 1878 г. произведен в генерал-майоры, впоследствии — генерал от кавалерии, член Военного Совета.

48 В ходе третьего штурма Плевны 26—31 августа 1877 г. отряд Скобелева овладел 30 августа несколькими редутами, но 31-го был отброшен на исходные позиции. Затянувшаяся осада Плевны не позволяла окончить войну до наступления зимы, как предполагалось.

49 Реуф паша в октябре 1877 г. назначен командующим Балканской армией вместо Сулеймана паши, в 1878 г. — военный министр Турции.

50 См. Шереметев С. Д. Из писем 1877 года с Рущукского отряда. М., 1897.

51 С. Д. Шереметев заболел лихорадкой, у него также обострился суставной ревматизм, в начале сентября 1877 г. он уехал лечиться в Россию. Поэтому письмо получено в Бухаресте.

52 Павел Александрович (1860—1919), Вел. Кн., младший сын Императора Александра II, находился в действующей армии с 21 сентября 1877 г., впоследствии командовал Гвардейским корпусом.

53 После взятия Плевны Император Александр II вернулся в Россию 5 декабря 1877 г. Предполагалось возвращение и Наследника Цесаревича, но он остался до конца войны командующим Рущукского отряда, переименованного в Восточный. Не состоялось и назначение Наследника Цесаревича командующим отрядом из войск гвардии вместо Гурко, которого прочили в начальники штаба при Наследнике Цесаревиче. Последний бой, в котором Цесаревич одержал победу, произошел 30 ноября 1877 г. у дер. Мечки, в 15 верстах от Рущука; убедившись в невозможности деблокировать Рущук и узнав о падении Плевны и о движении русских войск к Балканам, Сулейман паша поспешил отойти к балканским перевалам, чтобы избежать окружения. 19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано подписали мирный договор, 20 февраля Рущук капитулировал.

54 Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — руководитель Московского Славянского комитета, супруг А. Ф. Тютчевой (1829—1889).

55 Мария Александровна (1823—1886) Вел. Кн., дочь Императора Александра II, с 1874 г. — супруга Альфреда Эрнеста Альберта, принца Великобританского (1844—1900), герцога Эдинбургского, позднее герцога Саксен-Кобург-Готского.

56 Мария Александровна (1824—1880), урожденная Принцесса Гессен-Дармштадская Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, Императрица, супруга Императора Александра II.

57 Сулейман паша (1838—1883) с июня 1877 г. командовал Центральной (Балканской) армией, в июле-августе пытался сбить отряд Гурко с Шипкинского перевала, 14 сентября 1877 г. сменил Мехмета Али в должности командующего Восточно-Дунайской армией, 29 октября 1877 г.

Мехмета Али в должности командующего Восточно-Дунайской армией, 29 октября 1877 г. назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами в Европейской Турции; после войны осужден военным судом, разжалован, лишен всех наград и выслан за границу.

58 Шереметев Владимир Алексеевич (1847—1893) — в то время поручик л.-гв. Гусарского полка, адъютант Наследника Цесаревича, упал с лошади и разбился о камни.

59 20—22 сентября 1877 г. Кавказская армия вела под Карсом бои без серьезных результатов; после обходного маневра 3 октября удалось разгромить турецкие войска и отрезать их от крепости Карс, взятой штурмом 7 ноября 1877 г.

60 Тютчева Анна Федоровна (1829—1884), фрейлина Императрицы Марин Александровны.

61 Мария Павловна (1854—1920), Вел. Кн., урожд. герцогиня Мекленбург-Шверинская, супруга Вел. Кн. Владимира Александровича.

Публикация Л. И. ШОХИНА

Победоносцев К. П. Письмо Шереметеву С.Д., 23 сентября 1877 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 299—303. — [Т.] IX.

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Получено 10 октября 1877 в Бухаресте51

От всей души благодарю Вас, любезнейший Граф Сергей Дмитриевич, за милое Ваше письмо от 1 сентября. Можете поверить, сколько раз я об Вас думал в эти тяжкие дни, которые мы переживали и увы, переживаем еще, Бог знает до какого времени. В самом начале мне страшно было за эту войну, страшно потому, что я слишком хорошо видел всю неурядицу внутреннего управления и не мог быть уверен, что в военном управлении окажется порядок. Однако в начале всем, к общему изумлению, казалось, что видно порядок есть, и все ободрились. Но кто мог себе представить, что мы дойдем до такого позора и унижения, что мы выставим перед целым светом так явно свою неспособность в начальстве и командовании. Ах, как горько русскому сердцу — читать и слышать, как беспощадно обличают нас всюду и как теряют к нашей силе доверие и уважение.

Вел. Кн. Николай Николаевич (младший). Плоешти. 1877 г.

Но пускай бы и это, только была бы надежда, что мы возьмемся за ум и поправимся после таких уроков. Всего горше, что и эта надежда ослабевает. Давно пора решиться, давно пора вымести сор из Главной Квартиры и Штаба, взять людей на что-нибудь похожих. Но кто знает натуру Государя, тому трудно рассчитывать на быструю Его решимость. И с кем говорит Он? И что говорят Ему? И видит ли Он? Знает ли Он? Понимает ли? Чувствует ли всю важность минуты и положения? Решится ли Он снять своих Вел(ких) Князей, которых поместил всюду в несчастную, в роковую минуту! Одно то, что Он выписал к себе теперь сына Павла52, показывает, что Он не видит...

А у нас уже стоном стоит ропот по всему народу, и все, не стесняясь, говорят, осуждают, негодуют, ожесточаются... Думает ли Он, что может ожесточиться и наш чудный солдат от убеждения, что его шлют на убой, даром, без толку, из упорства, из глупости и невежества, а потом раненного оставляют мучиться и погибать без помощи? Уже про Вел(ких) Князей рассказывают невероятные и, конечно, наполовину выдуманные истории. О, Великим Князьям готовится тяжкое время... Слава Богу, про одного нашего Цесаревича никто не говорит худо, и до сих пор относительно счастье ему благоприятствует. Сохрани его Боже! Вынеси его Боже из этого омута. Страшно и подумать, что доведется ему принять в руки, когда провидение введет его [illegible]

во власть! Я получил от него на днях милое письмо, и сам принялся писать ему.

О, какие тяжкие дни и ночи провожу я и ничего светлого не вижу. Притом как бессовестно держат в неведении о том, что делается в армии. Вот, 10 числа пропустили турок в Плевну и до сих пор не говорят ничего о том, как это случилось, точно не наше это дело! Все у нас ходят, повеся голову, разумеется, те, у кого сердце в груди, кроме равнодушных, которых такая масса, которые живут, пьют, едят и веселятся и мечтают о наградах и деньгах по-прежнему.

Михаил Дмитриевич Скобелев

Но что говорить Вам про это, любезнейший Сергей Дмитриевич, я знаю, что и у Вас так довольно тоски накипело на сердце.

Ничего другого не умею и сказать Вам теперь. С июля месяца я не в силах ничем заниматься сериозно — душа ничего не принимает, кроме этой великой непрестающей заботы, которая

гложет ее. Может быть, Вы там у себя не чувствуете такой лихорадки. У нас же ожидание газет, раздумье над смутными известиями, иностранные корреспонденции, письма, ужасные рассказы приезжих из армии — все это давит душу каким-то кошмаром. Я хотел было съездить в Москву, сбирался с лета, но не в силах отъехать в таком положении. Вы можете себе представить, что в Москве делается! Уныние, озлобление, ропот. Говорят уже с месяц, что из Москвы собираются послать адрес Государю о смене Главнокомандующего, о возвращении самого Государя в Россию53. Надеюсь, что это неправда. На днях распространился слух, будто адрес уже послан, вероятно, это вздор. Стали даже говорить, будто Аксакова54 арестовали, но едва ли это могло случиться, тем более, что жена его в эту минуту гостит в Ц(арском) Селе у Марии Александровны55 и Императрицы.56

Я мало кого и вижу. Стараюсь даже избегать людей, чтоб не вступать в разговоры о том, что у меня камнем лежит на сердце, а иной еще станет говорить, не в тон попадет и еще растравит душу. Ведь тут в Питере, что ни человек — то чиновник, а как противны стали теперь здешние чиновники, большие и малые!

Неохотно езжу в Ц(арское) Село — с каким лицом туда покажешься, веселой улыбки быть не может. Сегодня однако, скрепя сердце, ездил к Цесаревне. Она невесела тоже и задумчива. Грустно было садиться с ними за завтрак и думать — когда-то все соберутся около стола и в какую минуту!

Дом, в котором жил Цесаревич и Вел. Кн. Владимир Александрович. Плоешти. 1877 г.

Сегодня в газетах слух, что Левицкий уходит и на место его будто предназначается Дохтуров, верно тот, о ком Вы мне писали. Судя по Вашему отзыву, это не приобретение.

Еще есть телеграмма, что Мехмет Али отозван, а на его место назначен Сулейман Паша.57 В таком случае вам, верно, будет больше хлопот. Помоги вам Господи!

О Владимире Шереметеве58 сказывала Цесаревна, что ему лучше и есть надежда, что он восстановится. Дай-то Господи!

Сердечно обнимаю Вас, любезнейший друг Сергей Дмитриевич, и призываю на Вас Божие благословение в тяжкую годину. Правда, на Бога одна наша надежда — люди с своими силами изменяют нам. Господь да хранит Вас. Когда будет досуг, напишите еще хоть несколько строчек. Скажите от меня сердечные поклоны сотоварищам Вашим. Мысль моя с Вами и душа молит Бога за Вас.

23 сентября 1877

Ваш К. Победоносцев

Ваш К. Победоносцев

24 (сентября) Что за судьба преследует нас, и успехи нам ни к чему не служат. Сегодня всех поразила странная телеграмма с Кавказа. Было блестящее дело, положили множество людей, взяли какие-то высоты, а через день оставили их, смешно сказать, за недостатком воды!59

Сегодня обедал в Ц(арском) Селе у Императрицы, видел и Анну Федоровну,60 которая завтра уже уезжает обратно. Посмотришь на Царственных особ, или они уже так привыкли делать насилие своим чувствам, по-видимому они спокойны, веселы почти, а мы не знаем, куда деваться от смятения. Мария Ал(ександровна) 6 октября уезжает в Мальту к своему супругу. Приятное положение!

Про В(еликого) К(нязя) Владимира здесь ходят самые невероятные рассказы, больно слушать их, будто он на несколько дней отлучался от своего корпуса и кутил в Бухаресте, долго не знали, куда пропал он, будто в одном деле он участвовал совсем пьяный. Цесаревна, с которою я

говорил, отзывается с негодованием, что все это выдумка, что Владимир держит себя превосходно, пишет оттуда к жене61 прекрасные письма. Это Вам показывает, как охотно принимаются скандальные истории про Вел(иких) Князей. Только про Цесаревича, слава Богу, не говорят худого.

Шереметев С.Д. Письмо Победоносцеву К. П., 1 сентября 1877 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 298—299. — [Т.] IX.

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Дольний Монастырь 1-го сентября 1877, 10 часов вечера

Давно не писал Вам, многоуважаемый Константин Петрович, и долго не благодарил Вас за доброе письмо Ваше, которое мне очень отрадно было получить. Ваши советы и пожелания особенно мне дороги теперь, когда нуждаешься в сильной нравственной поддержке. Не проходит дня без сильной борьбы с самим собою. Нервы натянуты в высшей степени. Странное чувство, точно не стоишь на твердой земле и желал бы упереться на что-нибудь, да не на что. С сердечным замиранием встречаем каждую депешу, каждую записку, которую присылают В(еликому) Князю, и только преклоняемся пред невозмутимым спокойствием и ясностию Цесаревича в самые трудные, сериозные минуты. А была такая минута, что будь турки предприимчивее, Цесаревича могли бы отрезать от войск XII корпуса! Только непоколебимая стойкость наших войск в Облаве сбила неприятеля с толку41. На Облаву напирали все силы Мехмета Али42; у нас, как всегда и везде, против них небольшой отряд, и этот отряд отбил все атаки, причем генерал Тимофеев43 сам бросился вперед и окончательно отбросил турок, уже бывших на левой стороне Ломы. Цесаревичу задана трудная и неблагодарная задача. Мы называемся Рущукским отрядом, но об Рущуке еще и думать нечего. Нужно удерживать натиск всей армии Мехмета Али, вдвое нас сильнейшей, и удерживать двумя ослабленными корпусами на огромном протяжении всей линии речки Лом. При этом все высоты командующие в руках турок и, конечно, сильно ими укреплены тотчас же по занятии. У нас же до сих пор резервов не было, и только теперь прибывают небольшими частями войска из Систова. После Облавы держаться далее на Ломе было безумно. Мы отступили на линию Янтра и на сильную позицию Белы, хотя и занимаем промежуточное селение Исакчу, (...) что турки подвигаются очень осмотрительно. Главнокомандующий ни разу у нас не был, никого не присылал, мы совершенно как бы отрезанный ломоть, вроде генерала Циммермана44 в Добрудже, а ближайшие помощники Цесаревича кто? Влад(имир) Алекс(андрович) с шарлатаном Косичем да семидесятилетний глухой генерал Ган с своим начальником штаба Ильяшевичем45, который так торжественно доказал в Синанкиой46 свою несостоятельность! От этих людей не помощи можно ожидать, от них только лишние заботы и усложнения. А здесь в штабе Цесаревича, кроме генерала Банковского, хоть шаром покати. Да и сам Ванновский боевой опытности не имеет, и положение

его щекотливое и в высшей степени трудное, а опереться ему не на кого. Ведь не считать же помощником полусумасшедшего Дохтурова47, которого иные считают почему-то авторитетом! И в такую обстановку поставлен Наследник Престола! Играют не только настоящим, но и будущим. Тратятся на мелочи те силы, которые нужны России, и тратятся совершенно даром!..

Вот пятый день, что под Плевной бой48, начались и бомбардирования, потом мы атаковали, понесли потери огромные, но без штурма нельзя, времени нет для правильной осады, пришлось брать грудью. Взяли четыре форта, но сегодня узнали, что турки отчаянно сопротивляются и даже отняли у нас обратно один редут, а главные укрепления в их руках. Еще много польется русской крови. Но чего стоит это ожидание? Воображаю, что делается дома и через что Вы все проходите.

Представьте, мне пришлось пожить у турок четыре дня, меня посылали парламентером, я был в Шумле, где имел свидание и любезнейший разговор с Реуф пашой49, потом через Разград пошел в главную квартиру Мехмета Али, которому передал ответное письмо от Главнокомандующего.

Обедал у Мехмета. Как он, так и Реуф приняли меня как нельзя лучше, с утонченною вежливостью, подробный рассказ о моем пребывании я послал жене, причем записал все разговоры50. Общее впечатление мое таково, что турки тяготятся войной и не прочь были бы придраться к удобному случаю, чтобы выбраться из нее. Особенно удивил меня Реуф паша своими намеками. Государь под Плевной. День 30 августа прошел тихо и грустно, погода недурна, но ночи становятся холодные и темные. Что-то будет с продовольствием армии, ежели доживем до зимнего похода. Избави Бог... На него все упование возлагаю.

Вел. Кн. Павел Александрович во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Будьте здоровы. Ежели найдете время, напишите и знайте, что это будет с Вашей стороны доброе дело.

Искренно и неизменно Вам преданный

С. Шереметев

Я был у Мехмета Али, когда он только что вернулся после дела при Облаве. Сестры милосердия работают без устали. Награди их Бог! Кланяется Вам Васильковский. Г(осподин) Энгельгардт доставлен. Когда получите это письмо, вероятно, уже будете знать, что с Плевной. Судьба всей кампании в Плевне.

Победоносцев К. П. Письмо Шереметеву С. Д., 28 июля 1877 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 296—297. — [Т.] IX.

5

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Получено 7 августа 1877 в Широко

Благодарю от души, любезнейший друг Сергей Дмитр(иевич), за Ваше письмо от 21 числа. Оно подливает масла в мой огонь, в тот огонь, которым горят в эту минуту русские души, любящие Россию и не равнодушные. Можете представить себе, что со мною делалось в эти дни, после известия о Плевненских делах. Наши оффиц(иальные) известия кратки, отсутствие их приводит всех в негодование. Зато обильны известия иностранные, в английских газетах особенно подробны и живы описания битвы. Я не мог ни есть, ни спать, ни думать о чем бы то ни было, кроме этого. Положение представлялось отчаянным, одна мысль о возможной опасности для Государя, для Цесаревича туманила голову — боишься сойти с ума, иной раз и жизнь, которою живешь, представляется ни на что не годною. Все, что Вы пишете — все это более или менее

живешь, представляется ни на что не годною. Все, что Вы пишете — все это более или менее говорят и здесь, — читают в иностр(анных) газетах... Я вижу ясно, где ключ ко всей этой неурядице, — в лени, в непобедимой застарелой лени наших властителей, привыкших думать, что все само собою совершается по их приказам... Но как тяжело все это отражается на нас, на чести нашей, на наших храбрых, несравненных людях, так просто и мужественно идущих на все, на все... Боже, помилуй нашу великую, нашу многострадальную Россию, даруй нам выйти без позора из этого несчастия!

У нашего брата душа точно вырывается из тела от горя и от страха, а там, наверху, как они спокойно тревожатся, как они сдержанно негодуют! Как-то даже будто и совестно показывать им смущенное, перековерканное от волнения лицо свое.

Вчера видел Цесаревну, приехавшую к 27 числу из Гапсаля. Завтра она опять уезжает. Я не мог без волнения говорить с нею, и голос мой дрожал от слез!

Сегодня как будто покойнее говорят и пишут, что мы устанавливаемся, укрепляемся, сдерживаем чужие силы и собираем свои, чтобы начать снова... Но увы! Первое, блестящее дело проиграно, и когда подумаешь — от чего! Боже, помоги нам. Думается, авось теперь будут умнее, авось поучатся, авось — русское авось...

И у нас там — девица молодая, сестра жены моей, за которую мы трепещем. Она с Георгиевской общиной, и последнее письмо ее было от 14 числа из Габрова, где она при Мирском40. Не встретитесь ли где с нею. Думается, нет ужаса, который бы не мог постичь ее в такую ужасную пору!

Зная Вас, понимаю совершенно Ваше ощущение, любезнейший Сергей Дмитриевич. Ах, дай Бог Вам оставить невредимо поле брани и более не возвращаться на него. А до тех пор и всегда и всюду да хранит Вас Господь вседержитель. Бывают минуты, когда жизнь исчезает под ногами, точно висишь над бездною. Такие минуты переживал и я на этих днях — кажется, для чего жить и стоит ли? Но кому велит Бог жить, тот живет, и мало ли что доведется вытерпеть. Дай Боже Вам жить, Сергей Дмитриевич, и вернуться к своим милым и ближним, к жене, к детям. Вот когда верующему человеку из глубины и вправде приходится говорить: Да будет воля Твоя, Господи! Не дай Бог никому из нас видеть гибель своего отечества, и славы, и чести его, и когда бы на то была воля Божия — страшно вымолвить. Конечно, умершие будут счастливее живых. Себе не желаю я тогда в живых оставаться, ибо большего горя не могу себе представить.

От 21 числа Вы пишете, что Ваш путь под Рущук, но после я слышал, что Вас посылают в Разград — что лучше и что хуже — не знаю. Вынеси Вас Боже изо всей этой беды. Могу себе представить, каково положение Цесаревича. Станем ждать с трепетом и молиться Богу. Как уверяют здесь, что долго еще нельзя ожидать из армии никаких крупных известий.

Обнимаю Вас от всей души. Бог даст, свидимся еще в здешней жизни. О, когда бы свидиться в счастливый час успешного мира, с ясным взглядом, а не с поникшею головою! А Вы не унывайте, молитесь Богу и в Его руку крепкую положите судьбу Вашу и всех Ваших. Христос с Вами отныне и до века!

Ораниенбаум

28 июля 1877, вечер

Ваш К. Победоносцев

Посылаю Вам книжку свою — может когда в досужий час и прочтете. Другую передайте от меня Цесаревичу.

Шереметев С.Д. Письмо Победоносцеву К. П., 21 июля 1877 г. Обретеник // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. [illegible]. М.

Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 294—296. — [Т.] IX.

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Обретеник, 21-го июля 1877

Письмо Ваше, многоуважаемый Константин Петрович, пришло в то время, когда мне более всего нужна была помощь и поддержка, и слова Ваши придали мне бодрости и подняли дух. Мы переживаем тяжкое испытание. Уже на Кавказе дела наши плохи, не нынче завтра турки вторгнутся в Эриванскую область. Теперь и здесь не хорошо. Вторая атака на Плевну четырьмя дивизиями, более 25 000 чел(овек), отбита, и потери наши огромны, от 7 до 10 000 чел(овек)29, артиллерия турецкая оказалась сильнее нашей, и полет снарядов дальше, меткость необыкновенная; за окопами в Плевне турки дрались храбро и все наши атаки отбиты, а тут еще паника распространилась в нашем лазарете, кто-то крикнул: «Турки!», — и всех раненных

Император Александр II и Вел. Кн. Николай Николаевич (старший) (справа) с приближенными. 1877—1878 г.

кое-как побросали в повозки и нелепо удирали с ними в полнейшем беспорядке. Хаос был полный, солдаты разных полков отдельными группами отступали в всеобщем беспорядке, кавалерия Скобелева30 едва успела прикрыть отступление. Командовали у нас бар(он) Криднер31 и кн(язь) Шаховской. Сам Абдул Керим32, как оказывается из перехваченных на почте бумаг, в Плевне, и с ним более 70 000 чел(овек), и эти войска выросли у нас под боком в одно прекрасное утро, а у нас сведений об них не было никаких, потому что кавалерии не было там, где нужно; безурядица полная, войска всех корпусов перемешаны, большую часть кавалерии отобрали для эффектного перехода через Балканы с отрядом Гурко. С этим эффектом вот до чего дошло; войска наши страшно растянуты, и в любом месте нападения турки могут быть сильнее. В деле Плевненском участвовали войска резервного корпуса Зотова33, теперь ничего не остается в резерве, вот и решили уже мобилизовать гвардию, да из Киева еще идут две дивизии. Здесь всеобщий единодушный ропот на пом(ощника) начальника штаба Казимира Левицкого34. Положение Государя в Беле и всей армии и один штурм, отступление довольно сериозно. Князь Ник(олай) Ник(олаевич) собрал все что мог здесь, задержать турок до прибытия подкреплений. А теперь представьте себе наше положение и всю тяжесть ответственности дальнейших действий, кот(орая) лежит на Цесаревиче! Ему предписано идти на Рущук, а между тем войска разбросаны, а в тылу Дунай, если турки наступают с Шумлы. После Плевны в Рущуке был феерверк, ликовали и теперь они будут, конечно, смелы. Ну а как будет неудача: ведь с именем Цесаревича навсегда будет связан неуспех, можно ли его ставить в такое положение, забот у него и без того немало. Больно и обидно. А помощниками у него кто: вместо опытного боевого генерала корпусной командир Влад(имир) Александрович, который азбуки военного дела не знает и знать не может, а при нем начальником штаба ген(ерал) Косич35, известный шарлатан и паяц, охотник до эффектов, а другим корпусом командует хороший человек, но старый и совершенно глухой генерал Ган36. Ведь на Кавказе Мих(аил) Ник(олаевич)37 уже доказал свою неспособность; во все входит с распоряжениями Ольга Феодоровна38, а в авангарде оба Лейхтенбергских, из коих старший, Николай, никогда ничем не командовал и в строю даже не бывал. Несчастная мысль была — раздать командование членам семьи, совершенно к тому не приготовленным. При всех достоинствах Ник(олая) Ник(олаевича) и он окружил себя как можно хуже, и Левицкого ненавидят все, и Непокойчицкий39 у него в руках. И что же уж неужели не нашлось ни единого русского человека, что избраны два поляка. Грустно, тяжело и обидно, что все у нас повторяют прежние грехи, каковы бы ни были уроки, через кот(орые) мы проходим. Спрашиваем себя и опять послужит ли это в пользу. Легко уж очень смотрят на дела сериозные, ничего тут не поделаешь.

Вел. Кн. Николай Николаевич (старший). 1877—1878 гг.

Еще раз искренно спасибо Вам, будьте здоровы и не забывайте человека, который нуждается в

Еще раз искренно спасибо Вам, будьте здоровы и не забывайте человека, который нуждается в помощи и с каждым днем чувствует здесь все более и более свое одиночество и свою бесполезность.

Искренно и сердечно Вам преданный

С. Шереметев

Завтра идем на Рущук; если что будет со мною, на Вас, Конст(антин) Петр(ович), надеюсь: поддержите моих. Да будет воля Божия.

Приписка на полях: Пишу Вам с полною откровенностию, не выдавайте меня, а то мести мне не будет конца. Как бы нам здесь не зимовать?

Победоносцев К. П. Письмо Шереметеву С. Д., 5 июля 1877 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 293—294. — [Т.] IX.

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Получено 18 июля 1877 в Обретенике

Благодарю Вас от всей души, любезнейший Граф Сергей Дмитриевич, за Ваше доброе письмо, только что полученное мною. Где-то Вы теперь и что с Вами делается! Зная Вашу горячую любовь к семье своей и к дому, живо представляю, как тяжко Вам в эту минуту быть на чужой стороне, посреди шума людского, в котором так живо ощущаете Вы свое одиночество, вдали от милых и ближних. И конечно, не раз в тоске Вы спрашивали себя: зачем я здесь и чем могу быть полезен, какую роль играю в совершающейся вокруг меня драме? Понимаю, как тяжки для Вас все эти вопросы и сомнения, но не даром, любезнейший Сергей Дмитриевич, взросли Вы и воспитаны в страхе Божием и в родительской родной нашей вере, которая говорит нам, что и волос с головы нашей не упадет без воли Божией. И так да не смущается сердце Ваше, не устрашается — все мы и здесь и там, где Вы пребываете, все под Богом ходим, не ведая, что с нами приключится через час, и где что найдешь и где что потеряешь. А между Вашими ближними и любезными Вам, конечно, молитва непрестанная о Вас возносится к Господу Богу. Бог даст, минет это смутное время, и Вы вернетесь снова в дом свой, радуяся, и тогда увидите, что о Вас устроится. Покуда же вооружитесь терпением. Мы здесь ежечасно думаем о храбрых наших воинах и о деле всероссийском. Что-то устроит об нас Господь, помилуй нас Боже! Мне же больно и тяжело только думать о тех, кто празднует и бездельничает посреди воинского лагеря, и не хочется воображать себе придворную роскошь и светскую пышность в такой обстановке!

Невесело думать и о Цесаревиче. Зачем пускают его командовать — неопытного еще человека, и его следовало бы поберечь и устранить от фальшивого положения. Так отсюда кажется, а впрочем, может быть и ошибаемся. Вот, сегодня пришла весть о взятии Никополя22 и о переходе Гурки23 через Балканы. Слава Богу. Только все думается, не рано ли переходить, покуда еще не укрепились мы на Дунае и по сю сторону Балкан остаются еще Шумла и Рущук... Авось либо воеводы наши обо всем подумали и все предвидели.

Мы с женою живем у Вел(икой) Кн(ягини) Екат(ерины) Мих(айловны)24 в Ораниенбауме. Место хорошее, но нет полной свободы, потому что не у себя живем и часто надо отвечать на придворные приглашения доброй нашей хозяйки. И она завела у себя на катальной горке склад с мастерскою, где все утро усердная производится работа. Вчера обедал я по соседству у Грейга25 с В(еликим) К(нязем) Константином26: слышно, что Цесаревна на днях приедет в Петергоф из Гапсаля, я думал, нет ли особой тому причины, но В(еликий) К(нязь) Константин говорит, что намерение Цесаревны было приезжать сюда из Гапсаля каждые 2 недели. Дай Бог нашему Цесаревичу, чтоб это военное время послужило ему в пользу, в науку, в познание людей, в

укрепление мысли и воли. Война что палка о двух концах — с одной стороны ни в чем так не выказываются лучшие, благороднейшие свойства натуры человеческой, а с другой стороны выходит наружу явственнее и всякая мерзость и подлость людская. Дай Бог ему распознавать и то и другое вправду. Ах, великое бремя положил Господь ему на плечи, и чувствует ли он, что в сущности он — верховный владыко — будет всем слугою, и все что он будет мыслить и действовать в сущности будет не его личным делом и бременем, а всеобщим!..

Посылаю это письмо, пользуясь отъездом товарища моего — хорошего человека Рихтера27, который назначен гл(авным) уполном(оченным) Красного Креста в Румынии на место Черкасского28. Как-то себя Черк(асский) теперь покажет. Умный он человек, но веры нет у меня в него, потому что честолюбие его безмерно, и он себя ввиду имеет во всем.

Обнимаю Вас от всей души, любезнейший друг Сергей Дмитриевич. Христос с Вами — и да сохранит Вас, да утешит, да совершит над Вами волю свою благую и совершенную. Опять скажу Вам: не давайте хода тоске и скуке и да не смущается сердце Ваше. Если Вы сегодня именинник, то примите мое поздравление от души. Здравствуйте и радуйтесь.

5 июля 1877 г.

Ваш К. Победоносцев

При случае напишите еще о себе.

Шереметев С.Д. Письмо Победоносцеву К. П., 24 июня 1877 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 290—293. — [Т.] IX.

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

бивак у Зимницы на берегу Дуная
24 июня 1877

Многоуважаемый Константин Петрович.

Письмо Ваше получил я в самый день выезда из Плоешти, где мы прожили с 23 мая по 13 июня, благодарю Вас от всей души. Вы вспомнили и оживили меня письмом Вашим, а то здесь как ни стараешься бороться с собою, но среди всей этой совершенно чуждой мне обстановки невольно впадаешь в уныние. Тяжелее всего, что не с кем почти слова сказать. Желаешь узнать что-нибудь, спросишь, и на тебя посмотрят с важностью и сожалением и не дадут никакого ответа, а еще многие напускают на себя какую-то таинственность, так к таким и не подходи. Хорошо, конечно, держать в секрете планы действий Главнокомандующего8, но зачем, казалось бы, не дают возможности войскам знать, что делается на других театрах войны. Вот заговорили было о какой-то газете, «Военном листке», под редакциею поручика Крестовского, газета эта должна была появиться 16-го июня, но до сих пор о ней ни слуху ни духу, а разговору о ней было немало.

Вел. Кн. Владимир Александрович и Цесаревич Александр Александрович (в центре)
и их ближайшее окружение. 1860-е гг.
Первый ряд: граф Б. А. Перовский, К. П. Победоносцев, адъютант
Вел. Кн. Владимира Александровича Н. П. Литвинов, художник А. П. Боголюбов;
второй ряд: граф В. П. Мещерский, Г. И. Гирш, секретарь Цесаревича Ф. А. Оом,
проф. И. К. Бапет, флигель-адъютант Цесаревича П. А. Козлов,
морской офицер И. А. Ивашенцев

Что такое было пребывание в Плоешти, Вы себе представить не можете, потому что наверное никогда такой непроходимой скуки не испытывали. Город из рук вон плох, достать ничего нельзя,

улицы грязные, кривые, вонючие, единственное увеселительное заведение «Молдавия» — кабак последнего разряда с несколькими тощими акациями и переполненный господами офицерами, военными корреспондентами, жидами, проходимцами, а более всего — девками. Сюда да еще в какой-то балаганный «Гипподром» стекалась вся наша светская jeunesse doree* и, по-видимому, с большим успехом убивала время, а нашлись и степенные генералы, которые очень удачно увивались вокруг какой-то необыкновенной ловкости циркачки, «la trapezeuse»**, как все ее едко величали. Вечера оканчивались для нас обыкновенно у В(еликих) Князей, Наследника и Влад(имира) Алекс(андровича)9, которые жили в одном доме с каким-то общим хозяйством, так что мы ужинали у обоих. Иные блюда заказывались Наследником, другие Владимиром Александровичем, но нельзя было похвалить кухню: давалось большею частию холодное и нередко тухлое. Кроме Наследника и адъютантов Вл(адимира) Ал(ександровича), приглашались фл(игель)-адъютанты кн(язь) Долгорукий10, кн(язь) М. М. Голицын11, бывали и Лейхтенбергские12 и один раз Пр(инц) Баттенбергский13. Ужины по обыкновению длились долго, а разговоры редко бывали интересны, так что и тут мы новостей никаких не узнавали. И вот таким образом прозябали мы до 13 июня. Для меня это было почти днем избавления,

кончалось, по крайней мере, бездействие, скорее напоминавшее красносельскую скучную жизнь, нежели приготовления к войне.

Цесаревич Александр Александрович и Вел. Кн. Владимир Александрович. 1877—1878 гг.

А пока вся эта блестящая свита бездействовала и веселилась, наши войска сделали свое дело, как в Галаце и Браилове, так и под Зимницами14. Блестящая была переправа, которая не могла не порадовать всю Россию, что за молодцы наши солдаты, это все те же суворовские чудо-богатыри! Я видел раненых и восхищался их удивительным спокойствием, с такими людьми можно многое сделать! Со дня переправы (15-го июня) живем мы здесь в Зимницах на самом берегу Дуная, напротив занятого нами болгарского города Систова. Нельзя похвалить бивуака, палатки стоят одна на другой, тесно и зелени никакой, пыль столбом стоит над нами целый день, жара невыносимая днем, сырость ночью, а во всякое время дня и ночи вонь от испорченной провизии, валяющейся вокруг кухни, и лошадиной падали, которой мы окружены. Дунай сильно спадает, каждый день появляются новые отмели, вода грязная, пить невозможно, даже купаться противно. Здесь стоим мы с 15-го числа. Единственное развлечение — переехать в лодке в Систов, но и там после увлечений и восторгов первых дней и радушного приема болгар мы сумели так себя поставить, что нас боятся, как турок, и ни одна женщина не показывается на улице. Ген(ерал) Драгомиров15, въехавший в Систов каким-то римским триумфатором с венком из роз на голове и усыпанный цветами, теперь живет там в свое удовольствие и, кажется, мало заботится о дисциплине своих войск, кот(орые) на первых же порах порядком погуляли в завоеванном городе. Многое свалили на болгар, что было делом наших солдат, и если подобные бесчинства будут повторяться в прочих городах Болгарии, то я не знаю, много ли мы выиграли во мнении этого народа. А между тем здесь решилось окончательно то, что замышлялось еще давным давно: назначение Наследника командующим 2-мя корпусами16, из коих один будет под нач(альством) Вл(адимира) Ал(ександровича), а другой корпус — Шаховского17, а ген(ерал) Ванновский18, у которого поэтому отняли корпус, будет начальником штаба у Наследника. Пока Ник(олай) Ник(олаевич) с армией будет наступать к Балканам, наша задача, по-видимому, будет состоять в торчании перед Рущуком, придется его осаждать и стать между им и Шумлой, откуда легко могут подойти турецкие подкрепления, а нам Ник(олай) Ник(олаевич) помочь не будет в состоянии. След(овательно), задача не совсем ясная, и для чего взвалили это дело на плечи Наследника, которому и без того немало дела предстоит? Я объясняю только желанием каким бы то ни было образом подвести под статут для раздачи Георгиевских крестов!19 А случись сериозная европейская война впоследствии, то эти Георгиевские кавалеры и воеводы не будут Фридрихами-Карлами20, а только заслонят собою действительно дельных и опытных генералов. Вот Николай Лейхтенбергский21 вдруг назначен бригадным генералом, да еще передового отряда, человек, не командовавший ни эскадроном, ни полком, отставленный от всего, кроме своей Акинфиевой, и он, пожалуй, вообразит себя Суворовым!

Мое здесь дело — слушаться и исполнять, что мне будет приказано, и да будет во всем воля

Мое здесь дело — слушаться и исполнять, что мне будет приказано, и да будет во всем воля Божия! Нелегко мне здесь живется, я уже давно на себя смотрю как на пушечное мясо, все близкие от меня далеко и ни единой здесь души, которая бы сколько-нибудь меня понимала.

Прощайте, многоуважаемый Константин Петрович, благодарю Вас сердечно за все то доброе, что Вы для меня сделали и что забыть я никогда не могу. Ежели найдете минуту — напишите, это будет доброе дело.

Преданный Вам искренно

С. Шереметев

Приписка по левому полю сверху вниз: Пишу Вам все откровенно, пожалуйста, меня не выдавайте.

Победоносцев К. П. Письмо Шереметеву С.Д., 6 июня 1877 г. Петербург // Российский Архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 289—290. — [Т.] IX.

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Получ(ено) 13 июня 1877 в Плоешти*

Любезнейший Сергей Дмитриевич.

Сердечно благодарю Вас за добрую память и за письмо Ваше из Киева. И я сожалел очень, что не успел с Вами видеться перед отъездом Вашим, но знал, как много Вам заботы и суеты было по этому поводу. Теперь Вы на месте и, конечно, не благоденствуете. Признаюсь Вам, что здесь все разумные патриоты глубоко огорчены были вестью о Царских сборах в армию. Все ожидали и ожидают от этого только путаницы и помехи в военных делах. Есть нечто глубоко оскорбительное для чувства в той мысли, что блестящее придворное собрание будет присутствовать, как на спектакле при кровавых зрелищах. Нас радовало известие о простоте быта, господствующей в армии. Теперь поехало туда собрание роскошничающих, празднующих и пустословящих людей. Одно это какое впечатление должно прюизвесть на нашу армию. Прости Боже тому, кто выдумал эту неуместную поездку. Я даже пропускаю и не читаю в газетах описания встреч и приемов: тяжело. Боже мой, когда мы перестанем праздновать!

С другой стороны, нельзя не сказать: зачем Государю подвергать себя опасности, очевидно, возможной в случае перехода через Дунай1? Пользы никакой, а вред очевидный. А теперь носятся слухи, что Цесаревичу дадут корпус в команду для военных действий. Если все это подражание Пруссии2, — подражание несчастное. И война не такая, и совсем иные общественные и политические условия. К чему еще подвергать опасности и Наследника? Опять и пользы от его командования никакой. Я был на прошлой неделе у Цесаревны3 и застал ее очень грустною. Она только что получила телеграмму, что Цесаревич остается дольше и требует свое хозяйство. Все это меня смущает. Каждый день ждешь известий с сердечным трепетом. Вообще, со времени отъезда Государева самое расположение переменилось, и нет уже того радостного доверия к армии и судьбам ее, какое процвело в самом начале.

У нас здесь продолжают свою работу Комитеты мужские и дамские. И в тех и в других денег тратится много, но пока (не) видно разумных распоряжений. Разумеется, в эту войну много устроено учреждений санитарных, о коих и помину прежде не было, но жаль, что деньги тратятся без толку и слишком много разговоров и пререканий. Немало путают и высокопоставленные дамы с своими истерическими увлечениями. Во всяком случае, авось Господь Бог помилует и спасет. Время у нас тяжелое, и поднимается на все страшная дороговизна.

Вы теперь на самом месте и ближе все видите. При случае напишите мне с оказией о своих впечатлениях, понимаете, о Цесаревиче, каков он и что делает. Скучает или одушевлен? Что делается в Вашей адъютантской компании? Какие виды на будущее? И о себе — все ли у Вас в семье здорово и благополучно?

И мое лето нынче пропало, отъехать вдаль нельзя, и я собираюсь перебраться в Ораниенбаум, где не предвижу себе покоя, тем более, что часто нужно будет ездить в город. (Адрес мой петербургский.) Разве, может быть, по обстоятельствам вырвусь на несколько дней в Москву. До сих пор, впрочем, у нас не похоже на лето. Совсем нет тепла и холодно так, что ходить надобно в теплом пальто.

Затем никаких новостей не умею передать Вам — в последнее время я никого здесь не вижу. Знаю, что Цесаревна едет в Гапсаль, что в Аничковом дворце суета и сборы, особливо Васильковскому4, едущему в Кишинев. Не видал и Алексея Александровича5, которого Вы увидите.

«Государь на позиции перед Плевной». Литография 1879 г.

Ваше положение, знаю, невесело, но делать нечего. Авось, Бог даст, минет эта туча, и мы вернемся опять в семейную атмосферу, лишь бы она не была душная, лишь бы после войны повеяло новой жизнью — тогда, во всяком случае, война была не даром.

Кланяйтесь от меня Олсуфьеву6 и Барятинскому7. Обнимаю Вас от всей души, любезнейший Сергей Дмитриевич. Да будет над Вами покров Божий и молитва благочестивых Ваших предков. Храни Вас Боже в мире, в здравии, в благодушии.

Петербург, 6 июня 1877

Ваш К. Победоносцев

Шохин Л. И. Переписка С.Д. Шереметева с К. П. Победоносцевым // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 288. — [Т.] IX.

В годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг. граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844—1918) был полковником лейб-гвардии Кавалергардского полка и служил адъютантом у Наследника Цесаревича Александра Александровича (1845—1894).

Константин Петрович Победоносцев (1827—1907) — профессор гражданского права, сенатор, член Государственного Совета, обер-прокурор Синода — преподавал законоведение Великим Князьям Александру Александровичу (будущему Александру III), Владимиру Александровичу, Николаю Александровичу (будущему Николаю II). Он не только принадлежал к ближайшему окружению Наследника Цесаревича, но и имел на него большое влияние.

В личном архиве графа Шереметева сохранилась переписка этих замечательных людей за 1874—1907 гг., причем сохранились подлинники писем Шереметева, попавшие в его архив, вероятно, после смерти Победоносцева.

Письма Победоносцева второй половины 1877 г. по указанию Шереметева были перепечатаны на машинке, возможно, они предназначались к опубликованию в основанном и возглавлявшемся Шереметевым Обществе Ревнителей Русского исторического Просвещения в память Императора Александра III. В издании этого общества был напечатан составленный В. М. фон-Брадке «Очерк боевой службы Его Императорского Величества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Александровича во время Освободительной войны 1877—1878 годов на Балканском полуострове» («Старина и новизна», кн. 15, СПб., 1911), дополнявший опубликованные к тому времени «Донесения начальника Рущукского отряда Наследника

Цесаревича Государю императору за время с 29 июня 1877 г. до отъезда Его Величества из армии», и «Журнал военных действий Рущукского отряда» («Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. 16. СПб., 1900). Боевому пути возглавлявшегося Наследником Цесаревичем Рущукского отряда посвящены и другие выпуски Сборника материалов и многие главы из 9-томного «Описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове» (СПб., 1901—1913).

Переписка интересна не столько военно-историческими подробностями, сколько изображением бытовой и нравственной атмосферы эпохи русско-турецкой войны, которую Шереметев и Победоносцев с самого начала не идеализировали. В письме члену Государственного Совета Николаю Андреевичу Звереву 14 октября 1915 г. Шереметев вспоминал: «Я пережил эти годы болгарских увлечений, но когда вступили на болгарскую почву, то разом все это рухнуло, и искусственность войны, объявленной Александром II против своей воли и под давлением снизу, стала очевидной. Как радовались тогда насилию снизу, доказавшему слабость правящих»*.

Письма публикуются по подлинникам, хранящимся в РГАДА (Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6374. Л. 4—11 об. — письма Шереметева. Д. 1335. Л. 31—39 об. — письма Победоносцева).

В публикации использованы фотографии из личного альбома Императора Александра III, хранящегося в ГАРФ. Подборка и атрибуция проведена кандидатом исторических наук Л. И. Тютюнник.

Служебная записка П. М. фон Кауфмана

Фон Кауфман П. М. Служебная записка П. М. Фон Кауфмана / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. Л. Степанова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 306—322. — [Т.] IX.

В апреле 1881 г. на юге России вспыхнули еврейские погромы, охватившие десятки населенных пунктов. Вначале власти расценили эти события как результат революционной пропаганды и приняли экстренные меры для прекращения «беспорядков». Однако довольно скоро пришли к другому мнению — погромы стали восприниматься как проявление народного гнева против еврейской эксплуатации христианского населения. По высочайшему повелению 22 августа 1881 г. в губерниях Западного края были созданы местные комитеты по еврейскому вопросу. 19 октября 1881 г. по просьбе министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева Александр III санкционировал учреждение Комитета о евреях для выработки нового еврейского законодательства*.

Чтобы составить ясное представление о причинах погромов, в южные губернии была командирована группа должностных лиц и среди них — молодой чиновник Министерства внутренних дел, надворный советник и камер-юнкер Петр Михайлович фон Кауфман (1857—1926). Он был сыном известного сановника, генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана (1822—1902) и впоследствии сделал блестящую служебную карьеру — занимал посты помощника статс-секретаря Государственной канцелярии, товарища главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии Федоровны, министра народного просвещения в правительстве П. А. Столыпина (1906—1908), члена Государственного Совета, получил звания сенатора и обер-гофмейстера Императорского двора. В Первую мировую войну Кауфман состоял при Верховном Главнокомандующем в качестве главноуполномоченного Российского общества Красного Креста. По свидетельству сенатора, будущего государственного секретаря Александра Андреевича Половцова (1832—1909), он был «весьма умен» и «полон благородных стремлений»**. С. Ю. Витте вспоминал о нем как о «человеке не глупом и весьма порядочном».***

В 1881 г. Кауфман посетил Киевскую губернию и тщательно изучил положение евреев. Свои

впечатления и выводы он изложил в записке на имя Половцова. Адресат был выбран не случайно. Ранее Половцов принимал участие в сенаторских ревизиях 1880—1881 гг., организованных по инициативе тогдашнего министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова. В числе задач, поставленных перед сенаторами, им поручалось «обратить внимание на характер влияния еврейского элемента и на практическое исполнение действующих о евреях законов»**** . Половцову достались для ревизии Киевская и Черниговская губернии, где удельный вес евреев среди остального населения был особенно значительным.

Основная мысль записки Кауфмана — противодействие экономическому гнету евреев и уничтожение их корпоративности. Соображения чиновника МВД сыграли известную роль в пересмотре законов о лицах иудейского вероисповедания и утверждении Александром III ограничительных «Временных правил о евреях» 3 мая 1882 г.*****

Интерес к этому документу вновь пробудился спустя четверть века. Седьмой пункт знаменитого указа 12 декабря 1904 г. объявлял о намерении «верховной власти» расширить права инородцев*.

Председатель Комитета министров Витте, на которого возлагалось руководство подготовкой конкретных предложений, представил записку Кауфмана наряду с рядом других материалов по еврейскому вопросу для ознакомления Николаю II**. Но Император так и не решился на какие-либо конструктивные меры. В декабре 1906 г. он отклонил ходатайство Совета министров об отмене некоторых ограничений евреев в выборе места жительства и промысловых занятий***.

Публикация выполнена по машинописной копии (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 512. Л. 10—27 об).

ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В 1881 ГОДУ СЕНАТОРУ ПОЛОВЦОВУ, РЕВИЗОВАВШЕМУ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ КИЕВСКУЮ ГУБЕРНИЮ

По официальным сведениям, к 1881 г. в Киевской губернии числилось евреев — 133 000 мужского и 144 400 женского пола, а вместе — 277 400 душ. Все же население губернии вообще состояло из 1 084 300 человек мужского и 1 090 800 женского или всего 2 175 100 душ. Следовательно, евреи составляли по Киевской губернии около 13% всего населения. Но приведенные цифры далеко не дают точного представления о действительном количестве еврейского населения: при отсутствии всяких других, установленных законом, средств, помимо метрических записей о рождаемости и смертности1, — для определения численности евреев в данной местности, ни Правительство, ни сами общества не в состоянии даже приблизиться к цифре, которая определяла бы действительную наличность евреев в губернии.

По закону, ведение метрических книг для евреев возложено на казенных раввинов, которые обязаны, между прочим, записывать: 1. обрезание всякого младенца мужского пола и наречение имени младенца женского пола, с означением дня рождения и 2. погребение умерших всякого пола и возраста, с означением имен и прозваний, лет, состояния и болезни, от которой последовала смерть. Но это, установленное законом, правило, которое, само по себе, вполне удовлетворяет потребностям статистики населения, на практике остается мертвой буквой. Желание избежать денежных и натуральных повинностей, в особенности последних, побуждающее евреев скрывать рождение младенцев мужского пола, и некоторые обрядового свойства условия (по еврейскому закону всякий совершеннолетний может совершать религиозные обряды, что дает возможность обойтись без раввина, а потому и без записи в метрику) делают то, что выписки из метрических книг и составленные по ним посемейные списки не представляют ни бесспорного документа, удостоверяющего личность, ни материала для статистики. Но непрописка детей не смущает еврейских родителей: с одной стороны они уверены, что, в случае нужды, общество никогда не откажет выдать надлежащий вид, а с другой, у наиболее фанатических из них и совесть спокойна, так как, не записывая новорожденных, они только исполняют Моисеев закон, по которому «считать» людей признается преступлением (во 2-ой книге Царств гл. XXIV говорится, что за счисление наличных голов сынов Израилевых Господь наказал иудеев мором). Между тем, по отношению к Правительству такие, нигде не

значащиеся с рождения, подданные, с появления своего на свет, становятся в незаконное положение и, уже из страха наказания и чувства самосохранения, и родители их, и они сами устремляют всю изворотливость своего ума на обход, где возможно, страшного для них закона. Много в этом случае способствует евреям их многочисленность и разновидность употребляемых ими однозначущих имен, как напр(имер), Соломон, Шлиома, Зальман, Шлемка или женское Мариама, Мария, Мерка, Мирень и проч., чем пользуются еврейские общества при выдаче ложных письменных видов, и вводятся в заблуждение городские учреждения, заведывающие проверкою посемейных списков, что в особенности красноречиво и обнаружилось при ревизии детей Бердичевской городской думой, где наприм(ер), мещанин, показанный в посемейном списке (1878 г.) «Эля Лейбов», — по метрике, значится Эля Годя. В посемейный список Бердичевского мещанина Куца вписан сын, которого у него никогда не было, что доказано впоследствии присяжным дознанием. В посемейном списке 1877 г. некоего Шимона Ария Файнштейна, сын его Франш, 31 года, показан сыном старшего своего брата Мошки 38 лет и т. д.

В этих обстоятельствах, в связи с другими, о которых будет изложено ниже, следует искать одну из причин, делающих все принятые до сих пор Правительством меры к обеспечению со стороны евреев правильного отбывания воинской повинности бесплодными.

До 1874 г. евреи отбывали воинскую повинность, на основании специально изданных для них законов2, и если недоимки еврейских рекрутов были незначительны, то не потому, чтобы они являлись добровольно в рекрутские присутствия, а благодаря лишь энергичным, предварительным мерам, принимавшимся полицией, заарестовавшей своевременно всех годных к военной службе евреев. С 1874 г., когда евреи по отбыванию означенной повинности были сравнены с христианами на первый, после издания нового закона, призыв, число неявившихся евреев быстро уменьшилось, но недоимка была настолько значительна, что явилась необходимость произвести перепись. Мера эта не дала однако, вследствие неудачного исполнения, желательных результатов; не имел также практических результатов и закон 3 февраля 1876 г., обязавший евреев исполнять воинскую повинность по месту жительства3; так как для испытанного в обходах правительственных распоряжений еврейского населения она оказалась недействительною: евреи, пользуясь неудачною переписью и указанными выше условиями метрических книг и посемейных списков, стали уклоняться от приписки к призывным участкам. Из представленных в 1879 г. бывшим Киевским, Подольским и Волынским Генерал-Губернатором4 Министру Внутренних Дел5 сведений видно, что в Киевской губернии неявившихся к призыву в 1874 г. евреев было только 103, а в 1878 г. число их возросло до 845.

Из тех же сведений видно, что последний закон 9 мая 1878 г., по которому привлечены к призыву евреи, пользующиеся льготою 1-го разряда6, также был безуспешен, так как в 1878 г. вообще по Юго-Западному краю недоимка евреев оказалась больше на 10% против 1876 г., когда евреи начали отбывать воинскую повинность отдельно от христиан. Но если уклонение евреев от отбывания воинской повинности и действительность принятых против этого мер уже определяется приведенным числом таких евреев, которые призывались, следовательно попали в призывные списки, то какова же должна быть цифра непривлеченных к обще-сословной, государственной повинности евреев вообще, если к этому прибавить всех нигде не записанных и всю жизнь проживающих под ложными видами евреев.

Чтобы выяснить действительность и дать прочные данные для дальнейших мероприятий, касающихся евреев, и не только по отношению к воинской повинности, прежде всего необходимо Правительству знать количество тех подданных Российских, которые по исторически сложившимся условиям своей жизни и природным особенностям своего племени поныне, несмотря на бывшие попытки Правительства подчинить их общим для населения Империи законам, — требуют исключительных мероприятий.

Действительно количество евреев в России может быть определено единственно путем обдуманной, правильно организованной внезапной переписи; только с полученными, таким способом, данными в руках может Правительство уверенно и безошибочно обсудить и

соразмерить значение своих распоряжений и изоегнуть на будущее время неудачных попыток, которые служат лишь к вкоренению среди евреев убеждения, что законы пишутся только не для них, и к тому, что всякий новый закон, направленный к устранению совершаемых евреями злоупотреблений, только влечет за собою новый способ его обхода. Между тем положение, которое заняли в настоящее время евреи, по отношению к остальному населению Юго-Западного края7, судя по Киевской губернии, вызывает необходимость со стороны Правительства существенных и строго обдуманных распоряжений. Одним из важнейших, касающихся евреев вопросов в обревизованной губернии является вопрос о еврейском землевладении. Из первых законодательных актов, после воссоединения к России западного края8, видно, что существовавшее при польском правительстве запрещение евреям владеть населенными имениями соблюдалось и русскими властями. Настаивая над водворением евреев в городах и местечках, Генерал-Губернаторы и Наместнические Правления нашли даже необходимым ограничивать признанные за евреями прежним Правительством права на арендование оброчных статей в помещичьих имениях, не дозволяя помещикам отдавать на откуп евреям винокурение и корчмы. Вследствие возникших по этому поводу жалоб и поданного еврейскими поверенными от имени всех, живущих в городах белорусских губерний евреев, прошения о разных их нуждах, 7 мая 1786 г. издан Сенатом указ, которым впервые были определены права евреев по владению землею в присоединенном крае. Сенат предписал живущих в местечках и деревнях евреев не принуждать селиться в городах «особливо когда там нет для них свободных мест под строение домов». При этом Сенат разъяснил право евреев на пользование городскою землею, признав его равным с правами прочих городских обывателей, и указал не ссылаться в этом отношении на прежние польские законы и установления о различии евреев противу христиан9.

В 1804 г. издано было особое положение о евреях, которым Правительство надеялось окончательно устроить их быт и направить деятельность их к благу и пользе страны, где они поселились. Разделив еврейское население на 4 класса: 1) земледельцев, 2) фабрикантов и ремесленников, 3) купцов и 4) мещан, положением 1804 г. Правительство разрешило евреям земледельцам приобретать в собственность незаселенные земли, водворять на них наемных рабочих, поселяться на помещичьих землях, по добровольным условиям, или переходить на казенные земли (в губерниях западного края, новороссийского края, а также астраханской и кавказской), для чего в некоторых из губерний назначено было к отводу до 30 000 дес(ятин) казенной земли, дарование поселенцам льготы от всяких податей в течение 10 лет и, в видах пособия при водворении, разрешено выдавать им заимообразно ссуды на общих с иностранными капиталистами основаниях; евреям же фабрикантам обещаны были отвод земель под фабрики, с выдачею денежных ссуд, для чего велено было образовать особые капиталы до 20 000 рублей в каждой из присоединенных губерний. В то же время, с другой стороны, положением 1804 г., под угрозою денежных штрафов и взятия помещичьих имений в опеку, запрещено было евреям содержать в деревнях и селах какие бы то ни было аренды, шинки и постоялые дворы, продавать в них вино и жить под каким бы то ни было предлогом10. Опыт, как известно, не оправдывает этих благих предначертаний Правительства. Образование земледельческих колоний имело мало успеха, а с другой стороны, под разными предлогами евреи стали приобретать населенные имения. Один из способов, изобретенных евреями, под названием крестенций, для владения такими имениями, состоял в том, что помещики сдавали евреям арендаторам винокурень хлебные посевы и сено в своих имениях, а крестьяне обязаны были собрать, вымолотить и доставить все это на винокурни, и кроме того — давать арендаторам-евреям рабочих и подводы и смотреть за волами, поставленными ими на барду. По дошедшим о таких злоупотреблениях сведениям, Сенат 27 марта 1819 г. приказал немедленно отобрать от евреев все имения, которыми они владели под именем крестенций и возвратить их помещикам, прекратив «всякие отправляемые крестьянами и дворовыми людьми, под каким бы то ни было названием и предлогом, для евреев сельские работы и услуги»11, но по засвидетельствованию Сенатора Баранова12, посланного в 1823 г., по поводу затруднений, встреченных в продовольствии жителей белорусских губерний, изданные до того Правительством законы и основанные на них распоряжения и указы Сената относительно евреев на практике не исполнялись. С воцарением Императора Николая Павловича13 вновь начались энергические законодательные работы по устройству быта евреев и, между прочим, сделано распоряжение, в 1829 г., о выселении евреев по Киевской, Подольской, Волынской

губерниям из деревень в города, с дарованием им льготы в платежах государственных податей и выдачей беднейшим безвозвратных пособий из Государственного Казначейства от 100 до 200 р. на семейство; желающим строиться в городах и местечках разрешено было отпускать казенный лес, а тем, которые пожелают заводить фабрики, выдавать ссуды из ассигнованной на это Государственным Казначейством суммы в 50 000 р.

Наконец, 13 апреля 1835 г. утверждено было составленное особым Комитетом новое положение о евреях14, в духе закона 1804 г. Положением этим, в отношении владения землею, права евреев — земледельцев подтверждены, и, в видах поощрения к земледельческим занятиям, дарованы им новые льготы, а права евреев прочих классов — расширены и точно определены. Всем евреям, в черте постоянной оседлости15, разрешено приобретать недвижимую собственность всякого рода и брать в крупное или арендное содержание, сверх земель и разного рода угодий, хозяйственные заведения, мельницы, постоялые дворы, корчмы, шинки и проч., но с исключением в том и другом случае населенных имений. Эти имения воспрещено евреям не только приобретать, но и брать в аренду или посессию16 и даже быть в них управителями, или приказчиками. Но евреи

продолжали обходить закон, воспрещавший им владение населенными имениями. Прежний способ крестенций сохранился, только переменив название. Помещики передавали евреям свои имения под предлогом сдачи на откуп хлеба, собираемого в имениях, и следуемых от крестьян владельцу оброков и, несмотря и на позднейшие запретительные законы, евреи, вопреки правительственным распоряжениям, продолжали жить в селах и деревнях.

С 1859 г. последовал ряд узаконений (в 1865, 1866 и 1867 г.) об отмене действовавших до того времени законов о евреях земледельцах и об упразднении их поселений17. Оставшиеся, таким образом, земли либо поделены крестьянами, либо возвращены в казну, а собственно по Киевской губернии из 13 531, 81 дес(ятин), отведенных под еврейские колонии, большая часть которых никогда и не была занята евреями, в настоящее время оставлено в пользование евреев всего 1 504, 88 дес(ятин), наделено крестьянам 7 729, 34 дес(ятины) и включено в продажные (на льготных основаниях, по правилам 1865 г.) участки — 4 297, 61 дес(ятина). Эти 15 04 дес(ятины) и 5139 душ евреев обоего пола, сохранивших название евреев-земледельцев, разбросанные по 8 уездам, были в 1880 г. единственным видимым памятником бывших еврейских колоний в Киевской губернии.

Такой исход имели слишком 50-летние усилия и огромные жертвы в льготах от повинностей, земле и капиталах, потраченных Правительством для привлечения евреев к земледельческому труду.

Что касается прочих евреев, не земледельцев, то, хотя с изданием положения 19 февраля 1861 г.18 право приобретать помещичьи земли дано лицам всех состояний, но евреям оно было воспрещено, а разрешено лишь в 1862 г. (Выс(очайше) утв(ержденным) Пол(ожением) об устр(ойстве) евр(еев) 26 апреля 1862 г.) в таких имениях, где обязательные отношения крестьян к владельцам окончательно прекращены19. В юго-западном крае законом этим воспользовались очень немногие евреи в Киевской губернии, кажется, всего один, так как, по вспышке в 1863 г. польского мятежа20, взгляд Правительства на землевладение в западном крае изменился: Правительство признало необходимым усилить русское землевладение и с этою целью предпринять ряд мер, к числу которых относится и Высочайшее повеление 10 июля 1864 г., коим постановлено: дарованное евреям в 1862 г. право приобретать угодья и земли, принадлежащие к помещичьим имениям, не распространять на губернии, в которых производится обязательный выкуп, и, согласно сему, — воспретить всем без исключения евреям приобретать от помещиков и крестьян земли в губерниях, подведомых Виленскому и Киевскому генерал-губернаторам21. Но несмотря на такое категорическое воспрещение, евреи нашли возможность обойти закон, покупая помещичьи земли или на имя подставных лиц или же прикрывая свои покупки достаточными арендами. Из сведений, доставленных бывшему Киевскому Генерал-Губернатору за 1878 г., видно, что в то время было в Киевской губернии 12 имений, отданных в долгосрочную аренду на таких условиях, которые прямо указывают, что арендные контракты служат только

прикрытием фактического владения евреев этими имениями. Так наприм(ер): 1) С. Головятин в Черкасском уезде, графов Ивана и Марии Шеленбург — 838 дес(ятин) 1780 саж(еней), по контракту, заключенному с согласия попечителя их графа Карла Шеленбурга и явленному у С.-Петербургского Нотариуса Ясокина 13 февраля 1870 г., отдано в аренду еврею Мошке Ицкевичу на 36 лет, на следующих условиях: Ицкевичу отдается имение, со всею принадлежащею к нему землею (за исключением крестьянского надела), со всем лесом, оброчными статьями, строениями, рабочим скотом и со всею движимостью; ему предоставляется право пользоваться имением по своему усмотрению, рубить лес и продавать в свою пользу, отдавать землю и оброчные статьи в аренду, строить заводы и фабрики, строить хозяйственные и питейные заведения; арендная плата назначена по 1 000 р. в год, и вся сумма уплачена вперед; кроме того, на обязанности арендатора имения отнесена уплата всех причитающихся с имения сборов и повинностей. По истечении 36-летнего срока, если Ицкевич захочет оставить имение за собою, то владельцы обязаны заключить с ним контракт на тех же условиях и на такой срок, на какой он пожелает. Очевидно, что контракт этот только прикрывает покупку Ицкевичем имения. 2) Часть с. Куликовки в Чигиринском уезде Якубовского и Порембской, 105 дес(ятин) по мировой сделке,

совершенной в бывшем Чигиринском уездном Суде в 1866 г., отданы еврею Авруму Гольденбергу в аренду на 90 лет за 1 625 р., которые и уплачены вперед, при заключении сделки. Здесь как уплата вперед арендной суммы, так и самая продолжительность срока указывает на фиктивность аренды. 3) В Сквирском уезде при с. Яроновичах, хутор Никот, княгини Гогенлоэ-Шилигсфюрст — 29 412 дес(ятин), отдан евреям Иосю и Зельману Ревисам с 1868 г. на 36 лет за плату единовременно 6 000 р. По условию куплен, собственно лес на сруб, с правом пользования в течение 36 лет землею; по истечении же этого срока княгиня Гогенлоэ, если пожелает отобрать от Ревисов землю, обязана заплатить им за постройки, какие бы они ни были, 10 000 р. или оставить землю у Ревисов на дальнейшее время. 4) В Каневском уезде с. Степаницы, помещика Хамца, 705 дес(ятин), состоит в аренде у еврея Иойны Зайцева с 1869 г. на 36 лет, за плату ежегодно 3 250 р., которые засчитываются за процент от должных Хамцев Зайцеву 66 000 р., обеспеченных арендуемой землею. Здесь, очевидно, покупка совершена Зайцевым на особом условии, обеспечивающим его от потери уплаченного капитала, если бы арендный контракт был признан недействительным. 5) В Киевском уезде, д. Матяшевка, Чеховского, 600 дес(ятин) отдана в аренду тому же Зайцеву, на 36 лет с 1878 г. за плату по 1 900 р. в год, которая вносится по полугодиям. Ничтожность арендной платы, по 3 с небольшим рубля за десятину в местности, где наемная плата за десятину доходит до 10 р. и выше, указывает на то, что Зайцевым куплено имение, арендная же плата составляет, вероятно, платеж процентов земельному банку. По всей вероятности, и между имениями, состоящими у евреев в краткосрочной аренде (до 12 лет), есть такие, которые куплены евреями и на которые возобновление арендных контрактов в пользу действительных владельцев-евреев обеспечено какими-нибудь денежными обязательствами. Как например покупки евреями имений через подставных лиц можно указать на имение Красноселку, в Чигиринском уезде, помещика Амосова. В этом имении евреи Шмуль и Берко Лемберские, по условию 9 ноября 1873 г., приобрели за 8 000 р. право вырубить лес на всем пространстве имения 449 дес(ятин), в течение 20 лет; в тот же день Амосов совершил запродажную сделку на продажу всей земли в этом имении дворянину Храплю, который, как убеждают пункты условия, и есть то подставное лицо, на имя которого, сверх леса, куплена и принадлежащая к имению земля. Нет сомнения, что это случай не единственный и хотя в настоящее время нельзя определить даже приблизительно количество таких имений, так как по распоряжению бывшего генерал-губернатора22 в 1876 г. собирались сведения только об имениях, которые состоят в арендах у евреев, но можно с уверенностью сказать, что при замечающемся в последнее время стремлении евреев капиталистов к приобретению в западном крае земель, что, в виду постоянно возрастающей ценности земли составляет несомненно выгодную операцию, — если не будут приняты меры, чтобы положить предел этим противозакониям, — в непродолжительном времени большинство имений в западном крае перейдет в еврейские руки и все меры, которые Правительство принимало для усиления русского землевладения, будут парализованы, так как имения приобретаются евреями не только у поляков, но и у русских землевладельцев: из 12 имений, которые, по имеющимся сведениям, могут считаться купленными евреями под видом долгосрочной аренды, — 7 принадлежали русским землевладельцам. Независимо от вреда,

долгосрочной аренды, — от принадлежащих русским землевладельцам. Независимо от вреда, который приносит еврейское землевладение целям обрусения (евреям в аренду сдаются, в противность закона 1865 года, и участки, купленные лицами русского происхождения на льготных основаниях) — указанный способ приобретения имений представляет еще другое зло: покупка евреями имений, под видом долгосрочных аренд, дает им возможность скрывать свое имущество на случай несостоятельности, так как имущество, числящееся состоящим только в аренде, хотя оно в действительности принадлежит несостоятельному должнику, не может быть продано на пополнение казенных и частных долгов «арендатора». Как видно из представленных примеров, условие, которое, главным образом, дает евреям в последнее время возможность обходить закон, воспрещающий им владеть землею на праве собственности, заключается в предоставленном им праве арендовать землю, но право евреев арендовать землю дает повод опасаться за последствия не только, как противозаконный способ покупки, но и как условие, препятствующее экономическому развитию коренного христианского сельского населения. Соображения эти имелись, между прочим, в виду у бывшего Киевского Генерал-Губернатора князя Дондукова-Корсакова, который в 1870 г. представлял Министру Внутренних Дел23 о необходимости принятия против распространения еврейского землевладения и аренд радикальных

мер, но заключения его, внесенные на рассмотрение Комитета Министров, Высочайше утвержденным положением Комитета 13 апреля 1873 г. переданы на обсуждение в учрежденную при Министерстве Внутренних Дел особую Комиссию по устройству быта евреев24 и дальнейшего движения поныне не получили.

Между тем, разрешение этого вопроса становится все более настоятельным. По сведениям, собранным в 1878 г., в Киевской губернии в аренде у евреев было уже в 223 имениях до 160 000 дес(ятин) земли, не считая земель в казенных имениях, но с тех пор цифра эта, при значительном стремлении евреев захватить в свои руки сельскую промышленность, как они захватили уже промышленность торговую и фабричную, должна была значительно увеличиться. Вместе с тем, усиливается влияние евреев на сельское население и эксплуатация крестьянского труда. В имениях евреи ведут хозяйство или сами за свой счет, посредством наемных работников из крестьян, или же, иногда в помещичьих и в особенности в казенных имениях, раздают землю мелкими частями крестьянам, редко за деньги, а по большей части за известную часть урожая. Если в первом случае евреи эксплуатируют крестьянский труд, пользуясь им по дешевой оценке в виде отработки долга или процентов за долг, то все же они вносят известную долю труда и затрачивают капитал, необходимый для устройства и ведения хозяйства; последний же род аренды еще более вреден: он является по преимуществу там, где крестьяне наиболее нуждаются в земле и готовы взять ее на самых невыгодных условиях, но не имеют ни предприимчивости, ни свободных денег, чтобы самим заарендовать большой участок земли; евреи этим пользуются и благодаря временной поддержке находят средства и способы, чтобы без всякого риска получить чистые барыши, не затратив ни труда, ни капитала.

Таким образом, арендование земель евреями, при настоящем нравственном и экономическом уровне коренного христианского населения, влечет за собою следующие последствия: упадок помещичьих хозяйств, так как евреи, ведя в арендуемых имениях хозяйство хищническое, обесценивают эти имения, нарушение и обход существующих о евреях законов и, наконец, препятствует улучшению быта крестьян. По всем сим соображениям, нельзя не желать, чтобы предположения бывшего Киевского Генерал-Губернатора, представленные еще в 1870 г., были подвергнуты возможно скорому рассмотрению во вновь учрежденном при Министерстве Внутренних Дел Комитете о евреях25.

Неопределенность прав евреев на арендование земель в Киевской и других губерниях западного края породило другое явление, едва ли не более вредное по своим последствиям, чем арендование евреями помещичьих имений; это — взятие евреями в аренду участков усадебной земли, поступившей в надел крестьянам на продолжительное время и прочное водворение евреев среди крестьянского населения.

До освобождения крестьян евреи жили в селениях только в качестве винокуров или

содержателей корчм и оброчных статей — мельниц, рыбных ловель и проч., по условиям, заключенным с помещиками; после же совершения обязательного выкупа, давшего крестьянам более или менее обеспеченное положение, евреи водворились на землях крестьянских, открывая там шинки по приговорам общества, стали селиться в селах не только в качестве арендаторов, но и в качестве ремесленников, мелочных торговцев и, наконец, без всяких определенных занятий и, мало по малу, совершенно подчинили себе крестьян: являясь посредниками при всяких покупках и продажах и при отсутствии, благодаря корпоративному духу, между ними конкуренции, евреи назначают на предметы крестьянского производства и потребления цены по произволу; кроме того, при полном почти отсутствии в Киевской и др. губерниях западного края сельских банков, крестьянам поневоле приходится обращаться за кредитом к еврею, а при несостоятельности к уплате долга соглашаться на самые тягостные сделки. Этим зависимым положением крестьян пользуются евреи, чтобы приобретать от них участки из поступившей в надел земли. Земли приобретаются евреями или посредством взятия участков отдельных домохозяев в аренду на продолжительный срок или же участок переходит к еврею в уплату долга, тоже в форме аренды, но обставленной такими условиями, что фактически земля становится полной собственностью мнимого арендатора, наконец случается и так, что земля отдается еврею в виде обеспечения уплаты долга при самом заключении займа, т. е. создается не допускаемый законом вид закладной, при котором имущество должника поступает в распоряжение заимодавца не со времени обнаружения несостоятельности должника, а со времени заключения долговой сделки. На приобретенных, таким образом, участках евреи строят дома, часто с нарушением строительного устава и таким образом прочно водворяются в селениях. Сколько земли, входящей в состав крестьянских наделов, перешло в руки евреев и сколько вообще их водворилось в селах, неизвестно даже приблизительно, так как сведения по этому предмету не собирались, но несомненно, что число евреев, водворяющихся в селениях, год от году увеличивается и экономическая зависимость крестьян от евреев усиливается. Нравственное же влияние евреев на население так же пагубно, как и экономическое: они захватили в свои руки все шинки, корчмы, кабаки и пр. и в этих притонах все делается для развращения народа. С другой стороны, водворившиеся в селах евреи находятся, сравнительно с другими классами населения, в совершенно привилегированном положении. В качестве мещан и вообще городских обывателей, евреи эти освобождены от подушной подати; не владея в городах и местечках недвижимою собственностью, они не платят налога, установленного взамен подушной подати с мещан26; занимаясь в селах ремеслами и мелкими промыслами, они избегают платежа за промысловые свидетельства под видом занятий сельскими промыслами и ремеслами и по невозможности надзора за этим в селах и деревнях; поземельных земских сборов они не платят тоже, потому что внутренняя раскладка между крестьянами предоставляется сельским сходам27, власти коих евреи над собою не признают. В сборах на сельские учреждения, т. е. содержание сельского старосты28, волостей29 сотских30 и пр. они не участвуют. Натуральных повинностей — постойной, подводной, дорожной они не выполняют; они избавлены от нарядов по требованиям полиции для посылок, сопровождения арестантов и т. д., и все это не столько от злоупотреблений и послаблений, сколько от того, что законодательство наше, считая евреев городскими обывателями, недостаточно определило положение их вне городской черты. Очевидно, при таких условиях, коренное христианское население не может относиться к евреям вполне доброжелательно. Еще в 1873 г. бывший Генерал-Губернатор князь Дондуков-Корсаков указывал Министру Внутренних Дел на то, что, как видно из донесений о происшествиях, часто бывают случаи убийства целых еврейских семейств в уединенных корчмах и что хотя преступления эти совершаются без непосредственного участия местных жителей, но последние смотрят на них совершенно равнодушно и при случае даже готовы оказать содействие к укрывательству преступников. Бывшие весною беспорядки в Киеве и др. местах указывают, что отношение христианского населения к еврейскому с тех пор не улучшилось.

В Киевской губернии и других губерниях западного края крестьянское население составляет ту силу, на которой зиждется нравственный и фактический авторитет Правительства; задачею последнего, следовательно, должна быть забота о поддержании этого населения, о поднятии его материального благосостояния и степени умственного и нравственного развития и об ограждении его от враждебных влияний. Вот почему должно быть обращено самое серьезное внимание на

замечаемое, в последнее время, стремление евреев водвориться в селах и деревнях, которое так вредно отражается на духовном и материальном состоянии крестьян. В этом отношении, независимо от общего вопроса о еврейских арендах, заслуживает особого внимания, ограничивающий для евреев право питейной торговли, закон 14 мая 1874 года. На основании этого закона, евреям дозволяется открывать питейные заведения только в собственных домах31.

Последствие издания этого закона не замедлило выясниться: первоначально после его издания в Киевской губернии появились случаи дерзких грабежей несколькими шайками, и поджоги винокурень и заводов, содержимых крестьянами; вскоре найден был способ и как обойти закон: евреи начали брать патенты на имя крестьян, или помещика или открывать заведения на имя немногих евреев, купивших землю до 1864 г. Для того, чтобы не быть уличенными в незаконной торговле, евреи поселяются в том же доме, где открыто заведение, а сидельцу крестьянину платят жалованье; с тою же целью евреи берут от фиктивных содержателей шинков доверенности для сбора денег с сидельцев, что дает им право во всякое время находиться в питейном заведении.

К сожалению, разъяснения Министров Финансов и Внутренних Дел закона 1874 года в том смысле, что собственным домом признается не только тот, который построен на собственной земле, но и на земле арендуемой, дали новую возможность евреям обходить этот закон: евреи стали брать в аренду у помещиков и крестьян земли, строить на них дома или приобретать дома, уже стоящие на этих землях, по домашним, чисто фиктивным, сделкам и на этом основании получать патенты на право продажи питей. Порядок этот продолжается до сих пор, несмотря на два решения Угол(овного) Касс(ационного) Деп(артамента) Пр(авительствующего) Сената 1 мая 1878 г. и 20 января 1879 г., которыми разъяснено, что собственным домом, по закону, может считаться только дом, построенный на собственной земле. Таким образом, закон 14 мая 1874 г. не только не достиг своей цели, ибо число содержимых евреями питейных заведений не уменьшилось (в прошедшем 1880 г. насчитывалось в Киевской губернии до 5 тысяч заведений, устроенных на землях, не принадлежащих евреям как собственность), но, напротив, имел то невыгодное последствие, что евреи усилили свои старания заарендовывать крестьянские земли и приобретать от них дома.

Сам по себе закон 14 мая 1874 года представляет не ограничение прав евреев по питейной торговле в селениях, но совершенное лишение этого права, так как, в силу закона 10 декабря* 1864 г., евреи не могут приобретать земли в западных губерниях, а следовательно, иметь в селах собственные дома, но, ввиду изложенных обстоятельств, нельзя даже предположить, чтобы число евреев, существующих на счет питейной торговли, составлявшее, по сведениям Киевского Акцизного Управления32, в Киевской губернии до 1874 г. около 70 000 душ, — в настоящее время уменьшилось, а потому вопрос о питейной торговле евреев вне черты городов — поныне остается в том же виде, как был и до издания помянутого закона.

Таким образом, все попытки Правительства, как в смысле расширения, так и ограничения общих гражданских прав евреев, с целью урегулирования их отношений к коренному христианскому населению — поныне оказывались бесплодными.

Не обладая достаточными данными по одной Сенаторской ревизии, для того, чтобы высказать заключение о том, которое из двух преследовавшихся нашим законодательством направлений — ближайшее к цели, и излагая лишь то, что в кратковременное пребывание мое на месте постоянной еврейской оседлости, мне удалось лишь проверить, я прихожу к убеждению, что, ознакомившись с общим числом евреев в России, и, предварительно разрешения общих начал нового устройства их быта, независимо, конечно, от частных мер, подлежащих немедленному исполнению, Правительству необходимо употребить все старания для уничтожения основного условия, препятствующего принятию и нарушающего успешное выполнение его распоряжений, как только дело касается евреев. Условие это — их обособленность и поддерживаемая этою обособленностью корпоративность. И то и другое узаконяется и проявляется в существующих для еврейского населения специальных сборах, каким является сбор коробочный33, в особых

благотворительных и учебных заведениях, наконец, в специальных школах и молитвенных домах.

Несмотря на Высочайшее повеление 14** декабря 1844 г., подчинившее евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением учрежденных в 1772 г. кагалов34, — кагал, уничтоженный по закону, продолжал существовать и развиваться тайно и после 1844 г., как то подтверждается утвержденною в 1866 г. еврейскою комиссиею при Виленском генерал-губернаторе фон-Кауфмане I35, — существует и действует поныне, как я убедился, во время производства ревизии в г. Бердичеве. Средства и способы для своего существования и деятельности кагал, опираясь на фанатическую, грубую и невежественную часть еврейского населения, получает, между прочим, благодаря существованию указанных выше специальных, законом освященных, условий еврейского быта.

Коробочный сбор, взимаемый с необходимейшего предмета народного продовольствия — мяса, являясь чрезвычайно тягостным налогом для бедной части еврейского населения, есть в то же время способ, под законным предлогом, доставлять денежные средства кагалу. В Бердичеве кагал составляет несколько фанатических, зажиточных евреев, преимущественно духовных раввинов, называемых духовными, в отличие от казенного, который, в сущности, обыкновенный чиновник уездной администрации, заведывающий еврейскими метриками и ничего общего с духовным миром своих единоверцов не имеющий. Эти члены кагала, в свою очередь, состоят агентами своего цадика36, произведения закоренелого невежества, воспитанного на талмуде, почитаемого как чудо Творца. В пользу цадика, живущего в Сандогуре, как засвидетельствовали мне сами почтенные купцы г. Бердичева, собирается ежегодно с Бердичевского еврейского населения дань от 6 000 до 9 000 р., которые и доставляются ему правильно одним из членов кагала. Независимо от того, этот же кагал собирает с того же населения деньги на составление капитала для поддержки своих единомышленников во всех их законных и незаконных предприятиях и для осуществления на деле кагального проклятия «херима», ведущего к полному разорению и всяким другим несчастиям каждого еврея и даже христианина, который дерзнет противоборствовать беззаконным проявлениям подпольного еврейского правительства. Пользуясь фанатизмом массы, кагал, через своих агентов, по большей части входящих в состав местного духовного управления, как наприм(ер), «шохетов» — ученых резников, умеющих резать, по правилам талмуда, на кошер, т. е. для употребления евреями — мясо и птиц, и «дайонов» — наблюдателей, приставленных духовными раввинами для наблюдения за правильным исполнением резниками своих обязанностей и разрешающих, по просьбам частных лиц, всякого рода религиозные сомнения относительно признания мяса кошером или трефом, т. е. нечистым, по талмуду, и годным для одних христиан, — извлекает из коробочного сбора необходимые для своих операций денежные средства. На это, как обнаруживается по г. Бердичеву, существует два приема: во 1-х, взимание при продаже кошерного мяса налога свыше разрешенного законом и, во 2-х, неисполнение сметы расходов коробочного сбора.

Бердичевский коробочный сбор, как и другие коробочные сборы Киевской губернии, сдается Губернским Правлением с торгов на откуп на 4 года. Откупная сумма на четырехлетние с 1878 по 1882 г. составляла 48 669 р. Высшая норма акциза, по закону, с каждого фунта кошерного мяса, идущая в пользу откупщика, составляет 2 к., затем к этому, на основании кондиций на содержание откупа, прибавляется 11/3 к. с фунта за убой и зарез вола, и таким образом, 21/3 к. должны составлять всю разницу в цене кошера, сравнительно с трефом, т. е. обыкновенною рыночною ценою на мясо, но в действительности разница эта достигает 4, иногда 5 к. на фунт.

Взысканные, таким образом, с еврейского населения лишние противу 21/3 к. поступают в безотчетное распоряжение кружко-содержателя — откупщика сбора, который, в свою очередь, отчисляет из этого барыша значительную долю резникам (шохетам) и наблюдателям (дайонам) и другим влиятельным евреям города, т. е. кагалу. Не платить дань этим лицам откупщик не может, так как в противном случае резники либо делают стачку и отказываются убивать скотину, либо портят ее умышленно, не исполняя при резании каких-либо казуистических требований талмуда, что однако превращает убитого вола в треф и, тем самым, заставляет

требований Талмуда, что однако превращает убитого зверя в треф и, тем самым, заставляет кружко-содержателя продавать мясо без акциза. «Наблюдатели», с своей стороны, при скупости откупщика, всегда могут забраковать на кошер всю заготовленную на убой скотину, безапелляционно признав в ней, тем же талмудом указанные, признаки нечистоты и, следовательно, обратив весь заготовленный кошер в треф, что равносильно разорению кружко-содержателя, пользующегося акцизом с кошера.

Насколько значительна выручаемая указанным выше противозаконным способом сумма, видно из следующего приблизительного рассчета. В г. Бердичеве в неделю потребляется кошера 45 000 фунтов; если взять по 3 к. на фунт, сверх дозволенного законом сбора, — в неделю такого сбора составится 135 000 копеек или 1 350 р., а в год получится 70 200 р. тягостного для беднейшего класса населения произвольного налога и безотчетного дохода откупщика, а через него кагала. Другой прием эксплуатации коробочного сбора обнаружен при ревизии Бердичевских еврейских заведений общественного призрения и городской думы. Постановлением Киевского Губернского Правления 18 июля 1878 г. о распределении расходов из коробочного сбора на четырехлетие с 1878 по 1882 г. назначено было ежегодно на содержание Бердичевской еврейской больницы 10

000 р. и богадельни 2 000 р. 20 января 1880 г. составлен был общественный приговор мещанами евреями г. Бердичева, в котором изложено, что из назначенных на текущее четырехлетие по 2 000 р. на содержание богадельни выдано думою по назначению за 1878 г. и 1-ю половину 1879 г. 3 000 р., а затем остается к отпуску на 1-е января 1882 г. — 5 000 р., но из них приговором признано достаточным употребить на богадельню, ввиду уменьшения числа призреваемых, до 3 000 р., а остальные 2 000 р. назначены на устройство ремесленного класса при бердичевском двухклассном еврейском училище, на что и испрашивалось разрешение. Разрешения этого пока не последовало, а деньги, в размере 3 000 р., получены из думы, под расписку купца Брадецкого, по уполномочию от общества, на содержание богадельни. Но произведенным на месте дознанием обнаружено, что деньги по назначению не употреблены, так как богадельни не существует в г. Бердичеве вовсе, а тот флигель при больнице, который под этим названием был указан производившим дознание, содержится на счет общей суммы 10 000 р., отпускаемой по смете расходов коробочного сбора на содержание больницы. Куда употреблены полученные Брадецким 3 000 р., — расследовать оказалось невозможным, так как, в день посещения ревизором здания больницы, он скрылся и, несмотря на усилия полиции, не разыскан. По частным же показаниям я узнал, что деньгами этими он, Брадецкий, лично не воспользовался, так как они уже израсходованы на «общественные надобности».

Очевидно, ни сверхакцизный налог при продаже мяса, ни, подобное указанному, расходование сумм коробочного сбора, ни многие другие противозаконные действия евреев не имели бы места, если бы влиятельная часть еврейского населения не была уверена в беспомощности угнетенных пролетариев и не укреплялась в своих беззакониях взаимною поддержкою; а оба эти условия возникают как из того корпоративного духа, которым вообще отличается еврейское население, так и из фанатической преданности темной массы, питаемой ею к своим духовным раввинам, ученым талмудистам и цадикам, что, в свою очередь, обусловливается самым воспитанием, полученным большинством евреев с детства.

Во время производства ревизии городских и полицейских учреждений в г. Бердичеве нельзя было не заметить, что все еврейское население города резко разделяется на две неровные и враждебные друг другу партии. Разделение это выражается внешним образом в принадлежности к приходам разных синагог — старых, в которых богослужение совершается по всем правилам традиции, и новой, — где допущены некоторые отступления от рутины; в новой синагоге заведен, например, прекрасный хор певчих, в то время как в старых поют до сих пор все прихожане; внешним же отличием служит разница в наружном виде: евреи-прихожане новой синагоги, носят европейское платье, иногда стригут пейсы, евреи же старого порядка представляют собою тот же тип, который известен был и сто лет тому назад. Внутреннее разъединение этих партий заключается в том, что евреи-прогрессисты, составляя энергическую оппозицию кагалу и влиянию цадиков, выражающуюся, между прочим, массою жалоб и заявлений, подаваемых ими по этому предмету местным властям, видят будущность еврейского населения в слиянии его с христианским, при

местным властям, видят будущность еврейского населения в слиянии его с христианским, при условии уничтожения всех тех особенностей, которыми еврейская национальность в России, по их убеждению, поставлена в заколдованный круг; они борются всеми средствами с злоупотреблениями по коробочному сбору, посылают своих детей в общие учебные заведения, часто доводят их до университета и не избегают, хотя бы при отсутствии корыстного интереса, сближаться с христианами. Представители этой партии — сами люди, получившие уже некоторое образование и не особенно строгие последователи талмуда, но, к сожалению, они составляют меньшинство. Большинство же, в противуположность им, видят всю силу и благополучие евреев в корпоративности их духа, общности интересов и замкнутости среды; они избегают сходиться с христианами; многие из них, прожив всю жизнь в Бердичеве и достигши преклонных лет, не понимают русского языка; они чтут цадиков, сами верят или стараются убедить неразумную массу в их чудотворной силе, поддерживают всеми средствами духовных раввинов и их кагальное самовластие, имеют по всей губернии, а может быть и далее, своих агентов; об интересующих их правительственных распоряжениях, исходящих из Петербурга, знают часто ранее, чем губернская администрация и, в случае нужды, тотчас же ополчаются, как один, для принятия надлежащих предосторожностей; наконец, люди этой партии не посылают

своих детей в общие учебные заведения, а руководители ее всеми мерами затрудняют детям путь к общему образованию, основательно опасаясь, чтобы они впоследствии не принесли с собою луч света, который осветил бы мрак невежества, суеверия и фанатизма, составляющий ныне их почву и силу.

Одним из средств к поддержанию в темной массе талмудического авторитета предводителей означенной партии я считаю, как это впрочем не раз уже высказывалось и правительственными органами и печатью, — специальные еврейские училища, молитвенные школы или дома и благотворительные учреждения.

Независимо от городских еврейских училищ, в которых преподавание идет гласно и по утвержденным учебным начальством программам, в городах и местечках Киевской губернии, населенных евреями, существует множество специальных еврейских училищ, известных учебному ведомству и полиции только по названию. Сюда относятся: хедеры — начальные талмудические училища, для детей младшего возраста от 5 до 16 лет; талмуд-торы — такие же школы, но имеющие назначением призревать еврейских мальчиков из неимущих семейств и сирот; и ешиботы — высшие школы, или как бы академии талмудической учености, где уже взрослые юноши изучают тонкости казуистики талмудической литературы. Эти учебные заведения распадаются на явные, т. е. известные учебному начальству и полиции, хотя бы лишь потому, что у входа в них иногда прибита вывеска, и на такие, которые ни в каких официальных списках не значатся. Содержатся они на проценты с пожертвованных капиталов, сумма которых еще никогда губернским начальством определена быть не могла, на единовременные взносы, а некоторые, как наприм(ер), Бердичевская талмуд-тора, пользуются официально пособием из сумм коробочного сбора, хотя существует, как и другие, на частные пожертвования. Независимо от этих училищ, в которых преподавание ведется безграмотными, невежественными меламедами37, но за которыми, по крайней мере официально, признано право учить, — существует, судя по Бердичеву, множество частных «пансионов» или таких же школ, но с тою разницею, что в них очень ограниченное число учеников и преподают в них даже не меламеды, а известные под именем гелертеров (Gelehrter)* учителя-диллетанты, нанимаемые преимущественно для воспитания детей местных богачей, или, как они сами себя называют, аристократов.

Общего числа этих учебных заведений — явных и тайных — тоже никак нельзя было выяснить.

Наконец, еще особый вид школ составляют школы только по названию, известные в законе под именем молитвенных школ или домов.

По закону Высоч(айше) утв(ержденному) Пол(ожению) о евреях 13 апреля 1835 г. молитвенные школы (по евр. — Бес-гамидраш), равно как и синагоги (Бесгакнесер), назначены для совершения

евреями общественных богомолений, и закон не различает их никакими признаками, установляя лишь норму прихожан, при которой дозволяется открывать синагогу или молитвенную школу: в городе или селении, где число еврейских домов не превышает 30, дозволяется иметь одну молитвенную школу; где число домов не превышает 80, евреи могут иметь сверх молитвенной школы одну синагогу; где же число домов будет более 80, дозволяется заводить на каждые 30 домов по одной школе, или по одной синагоге на каждые 80 домов. Но на деле между синагогами и молитвенными домами разница не в одном количестве богомольцев: синагога есть действительно храм для общественного богослужения, она устраивается на средства всего еврейского общества или значительной его части данного города или местечка, занимает преимущественно просторные и прочные здания и для всех открытые. Богослужение в синагогах совершается по установленному издревле обряду и по окончании службы синагоги закрываются. Молитвенные же школы, или, как их называют в разговорном языке, «пришколки», «клаузы» учреждаются по инициативе и на средства частных лиц или отдельных кружков, братств, корпораций (иногда в честь какого-нибудь цадика), и посторонние лица в них не допускаются; для своих же они открыты и днем и ночью и служат не только местом сборища для богомоления, по большей части по казуистическим правилам талмуда, но и местом сходок для разрешения вопросов, ничего общего с религией не имеющих.

В Бердичеве каждый цех имеет свою молитвенную школу и в них, наприм(ер) во время производившейся ревизии бердичевских учреждений, собирались евреи для составления разного рода заявлений по коробочному сбору; в молитвенном же доме была решена, незадолго до приезда ревизоров в Бердичев, стачка резников. Впрочем, по дошедшим до деревни сведениям, такие собрания происходили и в школах, имеющих назначение быть учебными заведениями.

Количество молитвенных школ в Киевской губернии неизвестно: по частным сведениям за 1867 г. их насчитывалось в одном Бердичеве до 69. В Киеве, где постоянное местопребывание евреям воспрещено, кроме тех, которым по закону разрешено повсеместное жительство, по официальным сведениям насчитывалось в 1880 г. 14 молитвенных домов.

Все эти школы приносят двоякий и, при их существовании, непоправимый вред: убивая в массе еврейского юношества, как учебные заведения, с детства всякую способность к физическому труду, заставляя голодных и изнуренных мальчиков по 10 часов в день напрягать свои неразвившиеся еще головы над разрешением непонятных казуистических вопросов талмуда и затем в юношеские годы развивая в них фанатическую приверженность, часто бессознательно воспринятым в детстве талмудическим предписаниям, — школы эти создают те тысячи тунеядцев, болезненных, слабых, неспособных ни к какому производительному труду и обреченных на всю жизнь быть паразитами. С другой стороны, школы вообще и молитвенные в особенности, представляя собою тайные клубы и давая притон для всякого рода недозволенных сходбищ и соглашений, поддерживают между евреями ту корпоративную связь, которая составляет их силу и делает неуязвимыми от всяких преследований закона.

К средствам поддержания обособленности и корпоративности евреев следует отнести и существование у них во множестве, неуловимых для правительственного контроля и развивающихся на частные сборы, братств и разных благотворительных обществ. Так, в Бердичеве существует общество, под названием «Маскил-эль-даль», т. е. призрения бедных, имеющее целью помогать торговцам и ремесленникам, в трудные минуты, доставляя им заблаговременно средства поправить дела. Затем, при каждой синагоге и в особенности при молитвенных домах ремесленников существуют общества под названием «Гмилот-Хсудим» (благотворения), имеющие целью давать денежные ссуды под ручные залоги без процентов и др. Все эти общества и братства существуют иногда и с ведома губернской администрации, но перед ней всегда, а часто и перед своими жертвователями, совершенно безотчетны, а между тем суммы, которыми они располагают, в общем итоге, могут быть весьма значительны.

Изложив положение, в котором мне представился за кратковременное пребывание мое в Киевской губернии, еврейский вопрос, я позволю себе высказать убеждение, уже много раз

выражавшееся прежде меня, что самое верное средство для освобождения христианского населения от оков еврейской эксплуатации, — это поднятие умственного и нравственного уровня русского народа, но, в то же время, лишь с уничтожением тех особенностей еврейского быта, которые в настоящее время дают силу их корпоративности и создают им исключительное положение, сравнительно с прочим населением Империи. При последовательном выполнении раз намеченного Правительством плана, без малейших колебаний и уклонений от намеченного пути, только и можно ожидать успеха от дальнейших правительственных мероприятий, которые признано будет необходимым принять по отношению к евреям. Долгом считаю добавить, что вопрос, в настоящее время, настолько назрел, что дальнейшее отлагательство его разрешения может повести лишь к неисчислимо тягостным последствиям.

20 Декабря 1881 г.

С.-Петербург

П. фон-Кауфман

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Согласно Высочайше утвержденному «Положению о евреях» 13 апреля 1835 г. устанавливалось обязательное ведение казенными раввинами метрических книг для записи актов обрезания, бракосочетания, развода и смерти, причем предусматривались наказания за невнесение в книги по ошибке или умышленно какой-либо статьи. (См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 10. Отд. 1. № 8054. Далее ПСЗ.)

2 По указу 26 августа 1827 г. на лиц иудейского вероисповедания была распространена рекрутская повинность. Чтобы максимально увеличить численность евреев в армии, применялась практика усиленных наборов, был открыт простор для приема малолетних рекрутов. Указом 26 августа 1856 г. все исключительные постановления о службе евреев в армии были отменены. С введением всеобщей воинской повинности 1 января 1874 г. евреи, подобно другим российским подданным, подлежали призыву на действительную военную службу. (См.: Еврейская энциклопедия. М. 1991. Т. 13. С. 371—374.)

3 Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 3 февраля 1876 г. «О мерах к ограждению правильного исполнения Евреями воинской повинности». (См.: ПСЗ. Собрание 2. Т. 51. Отд. 1. № 55541.)

4 Чертков Михаил Иванович (1829—1905), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа (1879—1881), член Государственного Совета (1881), впоследствии варшавский генерал-губернатор (1900—1905).

5 Маков Лев Саввич (1830—1883), статс-секретарь, действительный тайный советник, министр внутренних дел (1878—1880), министр почт и телеграфов (1880—1881), член Государственного Совета (1881).

6 Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 9 мая 1878 г. «О привлечении к исполнению воинской повинности, в случае недобора в среде Еврейского населения, лиц сего исповедания, пользующихся льготою первого разряда по семейному положению». (См.: ПСЗ. Собрание 2. Т. 53. Отд. 1. № 58490.)

7 Юго-Западный край объединял три украинские губернии — Киевскую, Подольскую и Волынскую.

8 Западный край — в XIX — начале XX вв. название девяти губерний западной части Европейской России — шести белорусских и литовских (Северо-Западный край) и трех

украинских (Юго-Западный край), присоединенных в конце XVIII в. в результате трех разделов Речи Посполитой. Имели особенности в законодательстве и административном управлении.

9 Высочайше утвержденный указ Правительствующего Сената 7 мая 1786 г. «Об ограждении прав Евреев в России, касательно их подсудности, торговли и промышленности». (См.: ПСЗ. Собрание 1. Т. 22. № 16391.)

10 Высочайше утвержденное 9 декабря 1804 г. «Положение для Евреев». (См.: ПСЗ. Собрание 1. Т. 28. № 21547.)

11 Высочайше утвержденный указ Правительствующего Сената 27 марта 1819 г. «О прекращении в присоединенных от Польши Губерниях работ и услуг, отправляемых крестьянами и дворовыми людьми для Евреев». (См.: ПСЗ. Собрание 1. Т. 36. № 27740а).

12 Баранов Дмитрий Осипович (1773—1834), государственный деятель и поэт, автор стихотворений и басен. Действительный тайный советник, сенатор (1817), автор проекта об

ограничении прав евреев. В 1823 г. был командирован в охваченные голодом белорусские губернии. По возвращении представил доклад, в котором подчеркивал, что главная причина бедствий сельского населения — это евреи, живущие в деревнях и эксплуатирующие крестьянство.

13 Николай I (1796—1855), Российский Император с 1825 г.

14 В 1823 г. для пересмотра законодательства о евреях был учрежден особый комитет в составе министров внутренних дел, финансов, юстиции и народного просвещения. В 1825 г. преобразован в «директорский комитет», в который вошли директора департаментов указанных ведомств. Разработал Высочайше утвержденное 13 апреля 1835 г. «Положение о евреях». (См.: ПСЗ. Собрание 2. Т. 10. Отд. 1. № 8054.)

15 Право российских подданных еврейской национальности на проживание только в пятнадцати западных губерниях империи (Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Черниговской), именуемых губерниями постоянной еврейской оседлости. Начало складыванию черты оседлости было положено указом Екатерины II от 23 декабря 1791 г. (См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 23. № 17006.)

16 Посессионное право (от лат. pasessio — владение), условное владение людьми или землями, предоставленное промышленным предпринимателям в России. Условность владения заключалась в неотчуждаемости рабочей силы и земель от данного предприятия. Впервые термин появился в указе 11 августа 1797 г. Посессионное право на рабочую силу сохранялось до отмены крепостного права в 1861 г., а на владение землями — местами до 1917 г.

17 В царствование Александра II был взят курс на затруднение доступа евреев к земледельческому труду, главным образом потому, что Новороссия, которая была центром еврейских поселений, к тому времени уже перестала нуждаться в искусственной колонизации. В 1859 г. было прекращено поселение евреев на казенных землях Западного края, в 1864 г. ограничено и на частных землях, в 1865 г. разрешен переход евреев-земледельцев в другие сословия, в 1866 г. прекращены перечисление евреев в земледельцы и отчисление сумм коробочного сбора в пользу земледельцев. (См.: Еврейская энциклопедия. Т. 7. М. 1991. С. 756).

18 Имеется в виду отмена крепостного права. (См.: ПСЗ. Собрание 2. Т. 36. Отд. 1. № 36657—36673.)

19 Высочайше утвержденное положение Комитета об устройстве евреев 26 апреля 1862 г. «О предоставлении Евреям права приобретать земли и угодья, принадлежащие к помещичьим

имениям, в коих обязательные отношения крестьян к владельцам прекращены». (См.: ПСЗ. Собрание 2. Т. 37. Отд. 1. № 38214).

20 Имеется в виду восстание 1863—1864 гг. в Царстве Польском, Литве, части Белоруссии, на Правобережной Украине. После подавления восстания правительство было вынуждено провести в Польше ряд либеральных преобразований.

21 Именной указ, объявленный Сенату министром юстиции 10 июля 1864 г. «О воспрещении Евреям приобретать от помещиков и крестьян земли в губерниях, подведомых Виленскому и Киевскому Генерал-Губернаторам». (ПСЗ. Собрание 2. Т. 39. Отд. 1. № 41039).

22 Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820—1893), князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1869—1877), Верховный русский комиссар в Болгарии (1878—1879), временный харьковский генерал-губернатор и командующий войсками Харьковского военного округа (1880—1882), главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа (1882—

1890), член Государственного Совета (1890).

23 Тимашев Александр Егорович (1818—1893), генерал-адъютант, министр внутренних дел (1868—1878), член Государственного Совета (1878).

24 Комиссия по устройству быта евреев была учреждена в 1872 г. по инициативе Государственного Совета, признавшего необходимость принять меры «к ослаблению общественной связи евреев, их замкнутости и фанатизма». Председателем комиссии стал товарищ министра внутренних дел князь А. В. Лобанов-Ростовский, членами — представители разных ведомств. Многие участники высказались за расширение прав евреев, что, однако, не соответствовало намерениям правительства. В 1881 г. комиссия была закрыта в связи с созданием Комитета о евреях (1881—1882).

25 Комитет о евреях под председательством товарища министра внутренних дел Д. В. Готовцева был образован по всеподданнейшему представлению министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева, Высочайше утвержденному 19 октября 1881 г. В задачу этого органа входила разработка материалов губернских комитетов по еврейскому вопросу, созданных по Высочайшему повелению 22 августа 1881 г., и составление законопроекта по ограждению населения от экономического гнета евреев. В ходе заседаний (20, 27, 30 января и 2 февраля 1882 г.) были сформулированы основные предложения комитета, но лишь часть из них получила законодательное воплощение в утвержденных 3 мая 1882 г. «Временных правилах о евреях», согласно которым лица иудейского вероисповедания лишались права селиться вне городов и местечек, временно приостанавливалось засвидетельствование купчих крепостей, залогов, арендных договоров и доверенностей на управление недвижимостью, им запрещалась торговля вином в воскресные дни и христианские праздники. (См.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1964. С. 413—419. ПСЗ. Собрание 3. Т. 2. № 834.)

26 Подушная подать с мещан была упразднена и заменена налогом на недвижимые имущества в городах согласно Высочайше утвержденным «Правилам о взимании в 1863 году налога с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках» 1 января 1863 г. (ПСЗ. Собрание 2. Т. 38. Отд. 1. № 39119.)

27 Распорядительный орган сельского общества в России в 1861—1917 гг., обладавший судебно-полицейской властью. Состоял из домохозяев и выборных должностных лиц, возглавлялся сельским старостой.

28 Выборное должностное лицо, возглавлявшее сельский сход в России в 1861—1917 гг. Обладал административно-полицейской властью.

29 Административно-территориальная единица сословного крестьянского управления в России в 1861—1917 гг. Волостное правление состояло из должностных лиц, избиравшихся волостным сходом (волостного старшины, сельских старост и др.). Находилась в ведении мирового посредника, с 1874 г. — уездного по крестьянским делам присутствия, с 1889 г. — земского начальника.

30 Низший чин сельской полиции, официально учрежден по «Положению о земской полиции» 1837 г. как ближайший исполнитель распоряжений станового пристава. Избирался крестьянами на сельском сходе по одному на каждые 100—200 дворов. С 1378 г. подчинялся полицейскому уряднику, в 1903 г. заменен вольнонаемными уездными полицейскими стражниками.

31 Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 14 мая 1874 г. «О порядке разрешения раздробительной продажи крепких напитков в селениях, в черте усадебной оседлости, об ограничении прав Евреев на питейную торговлю и об устройстве постоялых дворов в городах». (ПСЗ. Собрание 2. Т. 49. Отд. 1. № 53524.)

32 В 1863—1917 гг. губернский орган Министерства финансов, ведавший поступлениями косвенных (неокладных) налогов.

33 Коробочный сбор был введен Высочайше утвержденным 19 декабря 1844 г. «Положением о коробочном сборе с евреев». Подразделялся на два вида: 1) общий (повсеместный) — налог на потребление кошерного мяса (мясо скота или птицы, зарезанных и специально приготовленных по законам еврейской религии); 2) частный (вспомогательный) — налог на доходные дома, торговлю, промыслы и унаследованные денежные капиталы. (ПСЗ. Собрание 2. Т. 19. Отд. 1. № 18545.)

34 Кагал (от евр. Kahal — собрание народа, сход) — выборный орган еврейской общины, выполняющий функции управления и посредничества между общиной и государством. В России с 1772 по 1844 г. — административно-финансовый институт, обеспечивавший в еврейских общинах сбор налогов и выполнение рекрутской повинности. Упразднен согласно Высочайше утвержденному 19 декабря 1844 г. «Положению о подчинении Евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением Еврейских кагалов». Служебная записка (ПСЗ. Собрание 2. Т. 19. Отд. 1. № 18546.)

35 Кауфман I Константин Петрович фон (1818—1882) — генерал-адъютант, инженер-генерал, виленский, гродненский, ковенскин, минский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа (1865—1867), командующий войсками в Туркестане и туркестанский генерал-губернатор (1867—1882), возглавлял завоевание Средней Азии, руководил военными действиями против Бухарского эмирата (1868), Хивинского ханства (1873) и подавлением Кокандского восстания 1874—1875 гг.

36 Цадик (от евр. Zaddik — праведник), духовное звание у евреев-хасидов.

37 Меламед (от евр. Melammed — учащий), учитель древне-еврейского языка и закона веры.

Публикация В. Л. СТЕПАНОВА

Письмо И. А. Зиновьева к Ф. А. Бюлеру

Зиновьев И. А. Письмо Бюлеру Ф. А., 15 марта 1886 г. Санкт-Петербург / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Л. И. Шохина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 323—325. — [Т.] IX.

Иван Алексеевич Зиновьев (1835—1917) — дипломат, в 1883—1891 гг. был начальником Азиатского департамента МИД, считался одним из кандидатов в товарищи министра иностранных дел. Но его постигла временная опала, и в 1891—1897 гг. Зиновьев был послом России в Швеции и Норвегии. Затем его назначили на один из ключевых постов — послом в Константинополе (1897—1909), ввели в состав Государственного Совета. Зиновьева считали одним из виновников разрыва с Болгарией, происшедшего в 1886 г. и продолжавшегося десять лет*.

Адресат Зиновьева — барон Федор Андреевич Бюлер (1821—1896) в течение 17 лет служил в Главном управлении цензуры и осуществлял надзор за политическими публикациями, одновременно в качестве заведующего Газетной экспедицией МИД составлял ежедневные политические обозрения по материалам прессы для Императора Александра II. С 1873 г. Бюлер был директором Московского Главного архива МИД и занимался научно-историческими проблемами.

Письмо хранится в РГАДА (Ф. 180. «Канцелярия МГАМИД». Оп. 7. Д. 3507. Л. 37—40).

И. А. ЗИНОВЬЕВ — Ф. А. БЮЛЕРУ

Конфиденциально
С.-Петербург, 15 марта 1886
Получ(ено) в Москве 18

Глубокоуважаемый барон Федор Андреевич,

Я имел честь получить письмо Ваше от 11 марта и спешу выразить Вам мою глубочайшую признательность за обязательно сообщенные в оном сведения. Указаниями Вашими я не премину воспользоваться, когда приедет сюда М. Н. Катков1, но, как само собою разумеется, не покажу ему и виду, что мне известен разговор его с Вами. Впрочем, каждый раз, как он бывает здесь, М. Н. Катков заводит со мною речь о политике и нередко высказывает суждения, не вполне согласные с взглядами министерства. Я с ним спорю, но это до сих пор не вредило нашим хорошим отношениям.

О Болгарии можно говорить много, но приискать совершенно нормальную формулу для наших отношений к стране этой весьма не легко. Мы несколько раз изменили нашу программу со времени Берлинского трактата2, но к удовлетворительным результатам до сих пор не пришли. Пробовали мы поддерживать князя Александра3, но следствием этого было то, что нам приписывались все его ошибки, а часто и не совсем благовидные действия, и в результате это до крайности вредило нашей популярности среди болгар, а признательности от князя мы не видали. Напротив того, стараясь по наружности угодить Государю Императору4, он всегда оставался неизменно враждебным русским интересам. Одним из более наглядных доказательств этому служит то, что ни один из наших аккредитованных при нем агентов или отданных в его распоряжение офицеров не ушел по доброй воле: все они расставались с князем вследствие неприятностей. Один генерал Эрнрот5 успел угодить ему тем, что устроил coup d'etat** 1881 г., но, как всякий, конечно, согласится со мною, сохрани нас Бог в будущем от необходимости оказывать подобные услуги. Этот coup d'etat был одною из капитальнейших ошибок и весьма неблагоприятно отозвался на нашей популярности. В князе Кантакузине6 князь Александр имел прекрасного военного министра, который оказал Болгарии огромные услуги. Но положение Кантакуэнна делалось в скором времени крайне щекотливо вследствие того, что он не захотел быть орудием кн. Александра, и он вынужден был бы уйти даже и в том случае, если бы Филиппольская революция7 не поставила нас в необходимость отозвать всех офицеров наших. К чему приведут наши теперешние более чем холодные отношения к кн. Александру — сказать трудно, но, во всяком случае, необходимо выждать окончания того военного террора, который в настоящее время существует в Болгарии и не дозволяет народным массам и отдельным выдающимся личностям высказываться свободно. Всякий поворот в нашей политике в настоящую минуту был бы непростительною ошибкой и неизбежно нас скомпрометировал бы

настоящую минуту был бы непростительною ошибкой и неизбежно нас скомпрометировал бы.

Барон Ф. А. Бюлер

Уважая способности М. Н. Каткова, я однако не могу не заметить, что он, как человек исключительно кабинетный, часто высказывает суждения на основании доходящих до него из разных источников сведений, не взвешивая того, насколько тот или другой источник заслуживает доверия к своему беспристрастию. Его часто поражает известная мысль, и он слишком поверхностно относится к практической стороне дела. В этом отношении он едва ли когда-либо изменится. Как, между прочим, слышал, бывший секретарь нашего посольства в Вене Татищев8 сильно ухаживал за М. Н. Катковым с целью очаровать его, а Татищев сильно негодует на Министерство иностранных дел за то, что оно не захотело воспользоваться его предложением своих услуг.

Надеюсь, глубокоуважаемый барон Федор Андреевич, что Вы не откажетесь снисходительно отнестись к моему настоящему письму, слишком, может быть, длинному.

Я очень сожалел, что не мог побывать в феврале в Москве, но этому помешало совершенно не зависевшее от воли моей обстоятельство. Свое намерение съездить в Москву я выполню уже после того, когда подвинется вперед мой годовой отчет, весьма объемистый, и окончится печатание политической переписки по афганскому вопросу. Последний труд весьма сложен, я горько раскаиваюсь в том, что взял его на себя, но делать уже нечего, надо выпить чашу до дна.

Прошу Вас и баронессу принять выражение моих лучших пожеланий, а вместе с тем и уверение в чувствах глубочайшего уважения и неизменной преданности, с каковыми имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

И. Зиновьев

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Катков Михаил Никифорович (1818—1887), журналист и публицист, редактор газеты «Московские Ведомости» и журнал «Русский Вестник». Занимал жесткую позицию по болгарскому вопросу, в то время как министр иностранных дел Н. К. Гирс предпочел бы не ссориться с болгарским правительством.

2 Берлинский трактат, выработанный Берлинским конгрессом в 1878 г., определил границы на Балканах после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В частности, Болгарию разделили надвое: вассальное по отношению к Турции княжество со столицей в Софии и автономная турецкая провинция Восточная Румелия с главным городом Филипполь (Пловдив).

3 Александр Батгенбергский (1857—1893), сын принца Александра Гессенского (генерала австрийской службы, родного брата Марии Александровны, жены Александра II) от морганатического брака с фрейлиной Российской Императрицы полькой Юлией Гауке. Александр II пожаловал Александру Баттенбергскому чин генерал-майора и с согласия великих держав, подписавших Берлинский трактат, сделал его Князем Болгарии (1879—1886). После смерти Александра II Александр Батгенбергский все в большей степени ориентировался на Вену. Александр III лишил его звания генерал-майора Свиты Российского Императора. В результате дворцового переворота в августе 1886 г. Александр Батгенбергский был арестован, отрекся от престола и выехал в Германию, где жил как частное лицо под именем графа Гартенау, в 1890 г. вступил в австрийскую службу командиром драгунского полка. Надежды Александра Баттенбергского на возвращение к власти не оправдались, но вместо него на болгарском престоле утвердился еще более враждебный России князь Фердинанд Кобургский (1861—1948), который правил под именем Фердинанда I до 1918 г.

4 Александр III (1845—1894), Российский Император (1881—1894). Нормализация русско-болгарских отношений произошла после смерти Александра III в 1894—1896 гг.

5 Эрнрот Казимир Густавович (1833—1913), генерал-майор военный министр Болгарии (1880—1881). Помог Александру Баттенбергскому отменить действие Тырновской конституции 1879 г., которую он обязался соблюдать при избрании его на престол народным собранием. После убийства 1 марта 1881 г. Императора Александра II конституционные эксперименты и в России и в Болгарии были отброшены.

6 Кантакузин Михаил Александрович (1840—1891), генерал-майор, военный министр Болгарии (1884—1885).

7 Восстание в Филипполе в сентябре 1885 г. привело к воссоединению Восточной Румелии с Болгарией, но Император Александр III отозвал тогда из болгарской армии всех русских офицеров, чтобы избежать возможного вовлечения России в новую войну с Турцией.

8 Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906), секретарь русского посольства в Вене до войны с Турцией, в 1877 г. поступил в действующую армию, в 1881—1883 гг. служил чиновником особых поручений при министрах внутренних дел Н. П. Игнатьеве и Д. А. Толстом, выйдя в отставку, сотрудничал в «Русском Вестнике», «Новом Времени» и других изданиях. Выступал за примирение с Болгарией, в 1890 г. ездил с неофициальной миссией в Софию.

Публикация Л. И. ШОХИНА

Письма Великого Князя Николая Михайловича к Императору Николаю II

Исмаил-Заде Д. И. Примечания: Письма Великого Князя Николая Михайловича к Императору Николаю II // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 361—370. — [Т.] IX.

1. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 3—4 с об.

1 Александр III (1843—1894).

2 Табльдот (фр. table d'hotel), общий обеденный стол в пансионатах, ресторанах и т. п. на Западе.

3 Императрица Мария Федоровна (Минни) (1847—1928), урожд. принцесса Датская София Фредерика Дагмара, дочь короля Дании Христиана IX и королевы Луизы, (урожд. принцессы Гессен-Кассельской).

Георгий Александрович (Джорджи) (1871—1899), Вел. Кн., Наследник Престола в 1894—1899 гг.

Михаил Александрович (Миша) (1878—1918), Вел. Кн., Наследник Престола в 1899—1904 гг.

Ксения Александровна (Ксения) (1875—1960), Вел. Кн., замужем за Вел. Кн. Александром Михайловичем (1894), братом Николая Михайловича.

Ольга Александровна (Ольга) (1882—1960), Вел. Кн., жена (с 1901) принца Петра Александровича Ольденбургского (1868—1924), после развода в 1915 г. с 1916 г. — жена Н. А. Куликовского (1881—1954).

2. ГАРФ. ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 1—2

1 Видимо, оговорка, поскольку Вел. Кн. уже дважды в 1886 г. назначался заведующим полковой учебной командой. В декабре 1887 г. он был утвержден членом полкового суда. См.: «Послужной список... Вел. Кн. Николая Михайловича...» // Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии. Санкт-Петербург. 1991. С. 59.

2 Коцебу Эрнст Карлович, граф, советник русского посольства в Париже.

3 Моренгейм Артур Павлович (1824—1907), барон, русский посол в Париже (1884—1897).

4 Сиверс Густав Иванович (1843—1898), член Русского энтомологического общества, участник энтомологических экспедиций Великого Князя.

5 Алфераки Сергей Николаевич (1850—?), ученый-энтомолог. Совершил ряд научных экспедиций на Кавказ, Тянь-Шань, Монголию и Китай. Член Русского энтомологического, Императорского русского географического, Французского энтомологического и других научных обществ. Более подробно см.: Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии. М., 1891. Т. 70. С. 14.

6 Кульджа — одно из названий г. Инин на Северо-Западе Китая. О своем путешествии Алфераки написал заметку: «Бабочки района Кульджи и окрестных гор» (Труды Русского Энтомологического общества. Т. 16. СПб. 1881. С. 334—435; Т. 17. СПб. 1882—1883. С. 156—227).

7 Отец — Вел. Кн. Михаил Николаевич (1832—1909), сын Николая I, генерал-фельдмаршал, генерал-фельдцейхмейстер, наместник на Кавказе (1863—1881). Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. главнокомандующий Кавказской армией. Председатель Государственного Совета (с 1881).

Мать — Вел. Кн. Ольга Федоровна (1839—1891), урожд. принцесса Баденская Цецилия Августа.

Николай Михайлович в честь матери назвал неизвестную, как ему казалось бабочку, однако она была открыта за 11 лет до того, но в науке его название «Colias Olga» осталось в качестве синонима. См.: Труды Русского энтомологического общества. Т. 17. С. 127—134.

8 Александр Михайлович (Сандро) (1866—1933), Вел. Кн., генерал-адъютант, вице-адмирал, главноуправляющий торговым мореплаванием и портами (1902—1905), председатель Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования (1904). Один из организаторов авиации в русской армии.

Георгий Михайлович (Георгий, Гиго) (1863—1919), Вел. Кн., генерал-адъютант, генерал-лейтенант, управляющий Русским Музеем Императора Александра III, нумизмат, женат (1900) на Вел. Кн. Марии Георгиевне (1876—1940), урожд. Марии-Маделине, принцессе Греческой, дочери короля Греции Георга I и королевы Ольги.

Михаил Михайлович (Миша) (1861—1929), Вел. Кн., полковник, флигель-адъютант, женат морганатическим браком (1891) на графине Софье Николаевне Меренберг де Торби (внучке А. С. Пушкина) (1868—1927).

Сергей Михайлович (Сергей) (1869—1918), Вел. Кн., генерал-адъютант, генерал от артиллерии, генерал-инспектор артиллерии (1905—1916), полевой генерал-инспектор при Верховном Главнокомандующем (1916—1917).

Алексей Михайлович (1875—1895), Вел. Кн., умер от туберкулеза в Сан-Ремо.

9 Оболенский-Нелединский-Мелецкий Владимир Сергеевич (1847—1891), князь, флигель-

адъютант, гофмаршал, затем генерал-майор свиты. В личном архиве Оболенского сохранилось письмо Николая Михайловича от 30 сентября 1887 г. из которого следует, что гофмаршал исполнил просьбу Великого Князя.

3. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 5 с об.

1 Радде Густав Иванович (1831—1903), специалист в области естественных наук. Уроженец Данцига, с начала 60-х гг. служил на Кавказе. Основал в 1866 г. Кавказский музей и Публичную библиотеку в Тифлисе. Сопровождал Вел. Кн. Александра и Сергея Михайловичей в их путешествии в Юго-Восточную Азию, где были собраны ценные коллекции. По просьбе Радде Николай Михайлович похоронил его в Ликанах, близ своего имения. Эпитафия гласила: «Здесь покоится усталый Густав Иванович Радде. Смерть мне не страшна: она сестра родная сна».

2 Буланже Жорж Эрнест Жан Мария (1837—1891), генерал, военный министр Франции (1886—1887), имел репутацию политического авантюриста.

Флоке Шарль (1828—1896), глава коалиционного правительства (1888—1889), называл программу Буланже «неоцезаризмом».

4. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 108.

1 Шутливое семейное прозвище Николая Михайловича.

5. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 106—107.

1 Барятинская Елена Михайловна (Нелли) (?—1914), (урожд. Орлова-Денисова), княгиня, директриса Санкт-Петербургского дамского благотворительного тюремного комитета. Была замужем за кн. Анатолием Владимировичем Барятинским (1871—1924), с которым разошлась. С Вел. Кн. ее связывал многолетний роман. См. письмо Великого Князя Л. Н. Толстому в кн.: Российский Императорской Дом. С. 164—165.

6. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 7 с об.

1 Императрица Мария Федоровна.

7. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Л. 8—10 об.

1 Поездка в Алжир была предпринята в связи с болезнью Вел. Кн. Георгия Александровича. Николай Михайлович с особенной теплотой относился к Георгию Александровичу, быть может, из-за схожести судеб Георгия Александровича и младшего брата Николая Михайловича — Алексея: оба страдали туберкулезом. Участие Николая Михайловича придавало путешествию характер научной экспедиции.

2 Императорская яхта, пущена в 1890 г.

3 Город на северо-востоке Алжира.

4 Шаховской Яков Иванович (1846—1899), князь, контр-адмирал свиты, командир Императорской яхты «Полярная Звезда»; в 1895 — капитан 1-го ранга.

5 Путятин Николай Сергеевич (1862—1927), князь, контр-адмирал; В 1895 — капитан 1-го ранга, командир яхты «Зарница» (1906—1911), затем крейсера «Алмаз», линейного корабля «Три святителя».

6 Гейден Александр Федорович (1859—1920), граф, вице-адмирал, помощник начальника Главного морского штаба (1914—1916); в 1895 г. — лейтенант.

7 Штакельберг Эвальд Антонович, барон, капитан 2-го ранга; состоял при Вел. Кн. Георгин Александровиче.

8 Существуют другие свидетельства сомнительного окружения Георгия Александровича в Абастумане: некий обыватель информировал об этом министра Императорского Двора и уделов гр. И. И. Воронцова-Дашкова (ОР РГБ. Ф. 58. К. 73. Д. 27. Л. 2—2 об.).

9 Гулак-Артемовский, адъютант Вел. Кн. Георгия Александровича.

10 Вердер Бернгард Франц Вильгельм, фон (1823—1907), военный атташе (1869—1886), посол Германии в Петербурге, был в дружественных отношениях с Царским Двором и Императорской семьей.

11 Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), император германский и король Прусский (1888—1918); двоюродный брат Императрицы Александры Федоровны.

12 Анастасия Михайловна (1860—1922), Вел. Кн., жена (1879) Фридриха-Франца, великого герцога Мекленбург-Шверинского (1851—1897).

13 Так иронически Николай Михайлович именует жену своего брата графиню Меренберг де Торби. Морганатический брак Михаила Михайловича не был принят Императорским Домом. Император «повелел исключить его из военной службы, но не лишил великокняжеского звания». Кроме того, считалось, что женитьба Вел. Кн. способствовала преждевременной смерти его матери Вел. Кн. Ольги Федоровны. Сам Николай Михайлович впоследствии изменил свое отношение к женитьбе брата. (См. более подробно: Российский Императорский Дом. С. 125, 171—174; Епанчин Н. А. «На службе трех Императоров». М. 1996. С. 177).

8. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 12—15 с об.

1 16-й гренадерский Мингрельский полк, командиром которого Великий Князь был назначен 5 февраля 1894 г.

2 Хилков Михаил Иванович (1834—1909), князь, статс-секретарь, министр путей сообщения (1895—1905), член Государственного Совета.

3 Кривошеин Аполлон Константинович (1833—1902), гофмейстер, министр путей сообщения (1892—1894), член Государственного Совета. С. Ю. Витте назвал Кривошеина «дельцом большой руки». Из-за злоупотреблений был уволен от службы (См.: Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. 1960. С. 20—21).

4 Ададуров Иван Евграфович, инженер путей сообщения, предприниматель.

5 Измайлов Павел Александрович, председатель Тифлисской городской думы, городской голова.

6 Аргутинский-Долгоруков Николай Васильевич, князь, камергер, председатель Тифлисской городской думы (1893).

7 Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820—1893), князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета, киевский, подольский, волынский генерал-губернатор (1869—1878), после упразднения Кавказского наместничества (1882) главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа (1882—1890).

8 Голицын Лев Львович (1841—1918), князь, действительный статский советник, состоял в должности егермейстера.

9 Имеется в виду особое совещание от 30 марта 1895 г., созванное для обсуждения ультиматума Японии, которой предлагалось отказаться от Ляодунского полуострова и вернуть его Китаю. Эти же цели преследовало совместное дипломатическое представление России, Германии и Франции от 11 апреля 1895 г. (См.: Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. 1960. С. 580—583).

10 Вел. Кн. Георгий Михайлович был назначен управляющим Русского Музея Императора Александра III.

9. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 16—19 с об.

1 Георгий Александрович осознавал трагичность своего положения — одну из телеграмм Николаю Михайловичу он подписал: «К несчастью еще жив» (ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д 201. Л. 25).

2 Захарьин Григорий Антонович (1829—1897), врач-клиницист, профессор Московского университета, лейб-медик.

Попов Лев Васильевич (1845—1906), терапевт, профессор Военно-медицинской академии в Петербурге (с 1890), лейб-медик (с 1892).

Лейден Эрнст (1832—1910), врач, профессор Кенигсбергского и Берлинского университетов.

Шершевский Михаил Маркович, статский советник, врач Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии.

3 Ильинское — имение Вел. Кн. Сергея Александровича под Москвой.

4 Редигер Александр Федорович (1853—1918), генерал от инфантерии, начальник канцелярии военного министра (1898—1905), военный министр (1905—1909), член Государственного Совета.

5 Весь номер журнала был посвящен памяти Николая I в связи со 100-летним юбилеем со дня его рождения. Упоминаемые статьи: Н. Д. Несколько слов в память Императора Николая I. (С. 449—470), Шидловский А. Ф. Болезнь и кончина императора Николая Павловича (С. 615—631).

6 Шервашидзе Георгий Дмитриевич (1847—1918), князь, принадлежал к роду владетелей Абхазии, тифлисский губернатор (1888—1898), обер-гофмейстер (1899), с 1898 г. состоял при Императрице Марии Федоровне. Был человеком, близким Николаю Михайловичу.

10. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 20—21 с об.

1 Шильдер Николай Карлович (1842—1902), историк, генерал-лейтенант, начальник Николаевской инженерной академии (1886), директор Публичной библиотеки (1899), редактор журнала «Русская Старина» (1892—1893), член-корреспондент Академии наук (1900), член Совета Императорского русского исторического общества (1900).

Дашков Павел Яковлевич (1849—1910), известный петербургский собиратель, помощник статс-секретаря Государственного Совета, действительный член Императорского русского исторического общества (1900), Императорской петроградской академии художеств. Основная часть его уникальной коллекции графики хранится в Государственном историческом музее. С его братом, Дмитрием Яковлевичем Дашковым, Вел. Кн. был связан дружескими отношениями еще со времен службы в Кавалергардском полку.

2 Сент-Обен (Saint-Aubin) Луи, происходил из семьи известных французских художников. В 1812—1844 гг. писал для галереи Зимнего дворца.

3 Книга была издана: Луи де Сент-Обен. Тридцать девять портретов. 1808—1815; фототипические воспроизведения с биографическими очерками. Изд. Вел. Кн. Николая Михайловича. СПб. 1902.

4 Горшельт Теодор (1829—1871), немецкий художник, член Санкт-Петербургской академии художеств. Принимал участие в Кавказской войне, написал картины «Плененный Шамиль перед кн. Барятинским», «Штурм Гуниба», значительное количество рисунков и эпизодов войны. Многие из них были приобретены Александром II и изданы.

5 Константин Павлович (1779—1831), Вел. Кн., после расторжения брака в 1820 г. с Вел. Кн. Анной Федоровной (урожд. принцесса Саксен-Кобургская (1781—1860)), был женат на графине Иоанне Грудзинской (1795—1831), после замужества светлейшая княгиня Лович. Овдовев, она получила право жить в Гатчине и Царском Селе, чем практически не успела воспользоваться.

6 Гримм Рихард Александрович (1847—1903), заведующий Управлением Императорских библиотек и арсеналов.

7 Мария Николаевна (1819—1876), Вел. Кн., дочь Николая I, жена герцога Максимилиана Лейхтенбергского (1817—1852).

8 Чернышев Захар Григорьевич (1796—1862), граф, ротмистр Кавалергардского полка. Член Петербургской ячейки Южного общества, участвовал в деятельности Северного общества.

9 Шаховская Мария Анатольевна (1869—1932), княгиня, фрейлина, жена князя Владимира Алексеевича Шаховского (1863—1918), сослуживца Николая Михайловича по Кавалергардскому полку.

11. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 22—24 с об., 25).

1 Сиверс взял вину на себя и покончил с собой, оставив предсмертное письмо Николаю Михайловичу. Письмо заканчивалось следующими словами: «Не могу больше жить в таком позоре. От души Вас благодарю за все, ужасно Вас любил и люблю до последней минуты моей жизни. Простите, простите. Несчастный Ваш Г. Сиверс. 15 марта 1898 г. 3 часа дня». (ГАРФ. Ф. 670. Оп. I. Д. 404. Л. 9.)

2 Гауделин Евгений Павлович, доктор, член управления Медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе.

3 В 1875 г. в семилетнем возрасте Цесаревич Николай Александрович был зачислен в лейб-гренадерский Эриванский полк.

4 Амилахвари Иван Гиич, князь, генерал-лейтенант, командир Кавказского армейского корпуса.

5 Один из них — Столица Константин Акимович; Попов Владимир Алексеевич, флигель-адъютант; Кузьминский Георгий Дмитриевич.

6 15 сентября 1897 г. Николай Михайлович был назначен командиром Кавказской гренадерской дивизии.

7 Голицын Григорий Сергеевич (Гри-Гри) (1838—1907), князь, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, главноначальствующий гражданской частью и главнокомандующий на Кавказе (1896—1904), сенатор, член Государственного Совета. Самодурство Голицына за время его управления на Кавказе вызвало всеобщее неприятие, особенно у Николая Михайловича. По Петербургу ходили сатирические стихи, одним из адресатов которых был Голицын:

На Кавказе куролесит

Тучный князь Гри-Гри
Телом очень много весит,
Совести ни-ни

(Богданович А. Три последних самодержца. М. 1990. С. 240.).

8 Шереметев Сергей Алексеевич (1836—1896), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа (1890—1896).

9 Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф, светлейший князь, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, первый наместник на Кавказе (1844—1854), член Государственного Совета.

Барятинский Александр Иванович (1845—1879), князь, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе (1856—1862), член Государственного Совета. С его именем связаны победы русского оружия в Кавказской войне, пленение Шамиля.

10 Ростан Эдмокд (1864—1918), поет и драматург, член Французской Академии. Николай Михайлович присутствовал на первых постановках пьесы «Сирано де Бержерак», написанной в 1897 г. В России перевод пьесы появился в 1898 г.

11 Коклен (Coguelin) Бенуа Констант (1841—1909), французский актер и теоретик театра, работал в «Комеди Франсез», возглавлял театр «Порт-Сен-Мартен».

12 Лаведан Анри Эмиль (1859—1940), французский драматург. Правильное название пьесы, упоминаемой Вел. Кн. «Le Nouveau jeu» («Новая радость», 1898 г.)

13 Гранье Жанна (1852—1939), французская опереточная актриса. Первая исполнительница главной роли в оперетте Ш. Лекока «Жирофле-Жирофля».

14 Фламенг Франсуа (1856—1923), французский художник, писал картины на исторические темы, в том числе и упоминаемую в письме «Атака маршала Нея при Ватерлоо», портретист.

15 Детейль Эдуард (1848—1912), французский художник, баталист.

16 Близкие Николая Михайловича осуждали подобный «способ» добывания денег для коллекционирования. В частности, кн. Шервашидзе сообщал Великому Князю о недовольстве Императрицы Марии Федоровны, и добавлял от себя, что Николай Михайлович «не должен основывать своего материального благосостояния исключительно на отгадывании номеров рулетки» (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 429. Л. 55).

17 Грос Антуан Жан (1771—1835), барон, французский художник, автор портрета маршала Франции Иоахима Мюрата (1767—1815).

18 Дюрок Жерар Кристоф Мишель (1772—1883), герцог Фриульский, генерал, участник наполеоновских войн.

19 Лобанов-Ростовский Александр Яковлевич (1788—1866), князь, генерал-майор, коллекционер.

20 Ганото Габриэль (1853—1944), дипломат, историк, журналист, министр иностранных дел (1894—1898), член Французской Академии, почетный член Императорского русского исторического общества (1910). В 1897 г. сопровождал президента Франции Фора в его поездке в Санкт-Петербург.

21 Мюрат Иоахим Жозеф Наполеон (1834—1901), принц, французский генерал, внук маршала

Мюрата.

22 Урусов Лев Павлович (1839—1928), князь, обер-гофмейстер, посланник в Румынии (1880—1886), Бельгии (1886—1897), посол в Париже (1897—1903).

23 Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927), граф (с 1913), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, министр Императорского двора (1897—1917), член Государственного Совета. Жена — урожденная Богушевская Ядвига Алоизовна.

24 Массон Фредерик (1847—1923), историк (специалист по наполеоновской эпохе), член Французского общества (1910). С Николаем Михайловичем был связан многолетней дружбой.

25 Сарду Викторьен (1831—1908), французский драматург.

12. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 26—27 с об.

1 Панчулидзев Сергей Алексеевич (1855—1917), окончил Академию Генерального штаба,

служил в Кавалергардском полку, управляющий архивом Государственного Совета, член Императорского российского исторического общества. Друг Николая Михайловича. По решению собрания Кавалергардского полка ему было поручено написать историю полка к его столетию. См.: История кавалергардов. 1724—1799—1899. Т. 1—4. СПб. 1899—1912.

2 Сборник биографий кавалергардов. Т. 1—4. СПб. 1901—1908. Сост. С. А. Панчулидзев.

3 Николаев Александр Николаевич (1850—1916), генерал-лейтенант, генерал-адъютант, командир Кавалергардского полка (1896—1900).

4 14 апреля — день рождения Великого Князя Николая Михайловича.

13. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 28—31 с об.

1 Императорское русское историческое общество (1866—1920), Императорским стало именоваться с 1873 г. Его почетными председателями были Александр III (1867—1894), Николай II (1894—1917). Председателем общества Николай Михайлович был назначен в 1910 г.

2 Евгения Мария де Монтихо (1826—1915), последняя французская императрица, жена Наполеона III (с 1852), законодательница мод, оказывала влияние на мужа, имела репутацию авантюристки. После падения империи (1870) бежала в Англию, где проживала под именем графини Пьеффон.

3 Виктория София Мария Баденская (1862—1930), дочь великого герцога Фридриха Веденского и Луизы Прусской, внучка германского императора Вильгельма I (1797—1888). Жена короля Швеции Густава V (1858—1950). Николай Михайлович в юности был влюблен в кузину. «Эта несчастная любовь разбила его сердце, так как православная церковь не допускала браков между двоюродным братом и сестрой». Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Т. 1—3. Париж 1933. С. 149.

4 Винспиер Давид Францевич (1830—1905), генерал-майор, адъютант Вел. Кн. Михаила Николаевича.

5 Вандаль Альбер (1853—1910), граф, историк; член Французской академии (с 1897), почетный член Императорского Русского Исторического общества (1910). Прославился работами по наполеоновской эпохе, см. например: «Наполеон и Александр I». Т. 1—3. СПб. 1910—1913 (русский перевод).

6 Извольский Александр Петрович (1856—1919), дипломат, государственный деятель

6 Извольский Александр Петрович (1856—1919), дипломат, государственный деятель, гофмейстер, министр-резидент в Ватикане (1894—1897), посланник в Мюнхене (1897—1899), Токио (1899—1902), Копенгагене (1902—1906), министр иностранных дел (1906—1910), посол в Париже (1910—1917), член Государственного Совета, действительный член Императорского русского исторического общества (с 1896).

7 Каролина (1776—1841), дочь маркграфа Карла Людвига Баден-Дурлахского и Амалии Гессен-Дармштадской. Жена Баварского короля Максимилиана I (1756—1825).

8 Елизавета Алексеевна (1779—1826), Императрица, урожд. принцесса Луиза Мария Августина.

9 Каспар Гаузер (Хаузер), был найден на рыночной площади Нюренберга в 1828 г. В 1833 г. убит при загадочных обстоятельствах. Его таинственная судьба породила множество легенд о его происхождении. Одна из версий заключалась в том, что он сын вел. герцога Баденского Карла-Фридриха и его 1-й жены Стефании Богарне, был похищен графиней Гохберг, второй женой герцога, и подменен больным ребенком (вскоре скончавшимся), чтобы престол перешел к ее сыну Леопольду. Интерес Николая Михайловича к этому сюжету объяснялся тем, что речь шла о его предках по материнской линии: графиня Гохберг приходилась ему прабабкой, а Леопольд — дедом.

10 Рошфор Виктор Анри (Rochefort-Lucaus), (1831—1913), маркиз, известный французский публицист, постоянно менявший свои политические взгляды.

11 Дрейфус Альфред (1859—1935), офицер французского Генерального штаба; в 1894 г. против него было возбуждено судебное дело по обвинению в шпионаже в пользу Германии, в 1906 — реабилитирован.

14. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 32—37 с об.

1 Нелидов Александр Иванович (1835—1910), дипломат. Посол в Турции (1883—1897), в Италии (1897—1903).

2 Лев XIII (Винченцо Джоаккино Печчи) (1810—1903), римский папа (1878).

3 Кардинал Рамполла (граф Мариано дель Тиндаро) (1843—1913), статс-секретарь папы Льва XIII, был выбран в его преемники, но Австро-Венгрия, используя свой приоритет во взаимоотношениях с папством, наложила «veto» на его избрание. (См.: Волконский С. М. Мои воспоминания. Т. I. М., 1992. С. 71).

4 Константин Николаевич (1827—1892), Вел. Кн., сын Николая I, генерал-адмирал, председатель Государственного Совета (1865—1881).

5 Николай Николаевич (Старший) (1831—1891), Вел. Кн., сын Николая I, генерал-адъютант, генерал-фельмаршал, генерал-инспектор кавалерии, член Государственного Совета.

6 Сталь (Стааль) Егор Егорович (1824—1907), барон (с 1901), посланник в Вюртемберге (1871—1884), Баварии и Бадене (1883—1884), посол в Лондоне (1884—1902).

7 Муравьев Михаил Николаевич (1845—1900), граф, дипломат, министр иностранных дел (1897—1900).

8 Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892—1903), председатель Совета министров (1903—1906) и Комитета финансов (1906—1915).

9 Извольская (урожд. графиня Толь) Маргарита Карловна, дочь русского посланника в Дании.

10 Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824—1896), князь, дипломат, министр иностранных дел (1895—1896), историк. Занимался генеалогией русских дворянских родов, а также коллекционированием и изданием исторических документов.

11 Франц Иосиф I (1830—1916), император Австро-Венгрии (1848—1916).

12 Капнист Петр Алексеевич (1840—1904), граф.

13 Лашков Николай Аполлонович, чиновник особых поручений при губернском правлении Новгородской губернии, был послан Николаем Михайловичем в имение Аракчеева Грузино для выявления документов об Александре I и для сбора сведений о старце Федоре Кузьмиче.

15. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 38—39 с об.

1 Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, военный министр (1898—1904). Поскольку Грузино числилось за военным ведомством, то изъятие коллекции и передача ее даже Великому Князю не могли состояться без ведома военного министра.

16. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 40—43 с об.

1 Пишон (Pichon) Стефан (1857—1933), политический деятель, занимал пост министра иностранных дел в первом кабинете Клемансо (1906—1911).

2 Валишевский Казимир (1849—?), польско-французский писатель, издатель исторических документов, автор беллетризированных биографий русских царей и цариц.

3 Шумигорский Евгений Севастьянович (1857—1920), историк, беллетрист, действительный член Императорского российского исторического общества (1901) и ряда других научных обществ. Автор книги «Император Павел I. Жизнь и царствование». СПб. 1907.

4 Мария Павловна (1854—1920), (урожд. Мария Александра Елизавета Элеонора принцесса Мекленбург-Шверинская), Вел. Кн., жена Вел. Кн. Владимира Александровича.

5 Лейхтенбергский Георгий (Юрий) Максимилианович (1852—1912), герцог, князь Романовский.

6 Павел Александрович (Павел) (1860—1919), Вел. Кн., генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Первым браком (1889—1891) женат на греческой принцессе Александре Георгиевне (дочери короля Георга I и Вел. Кн. Ольги Константиновны). Вторым браком (1902) на Ольге Валериановне Пистолькорс (урожд. Карнович), получившей в 1915 г. титул княгини Палей.

7 Борис Владимирович (1877—1943), Вел. Кн., генерал-майор свиты, походный атаман при Его Величестве (1915—1917). Был женат на Зинаиде Сергеевне Елисеевой (урожд. Рачевской) (1898—1964). Умер в эмиграции.

8 Военный лагерь под Шалоном создан Наполеоном III в 1856 г. Здесь 27 сентября 1896 г. в честь Николая II был дан военный парад. См.: Дневники императора Николая II. М. 1991. С. 181—172.

9 Воронцова-Дашкова (урожд. графиня Шувалова) Елизавета Андреевна (1845—1924), жена графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова.

10 Шереметева (урожд. Воронцова-Дашкова) Ирина Илларионовна (1872—1959), графиня, жена (с 1892 г.) графа Дмитрия Сергеевича Шереметева (1869—1943).

11 Бенкендорф (урожд. княгиня Долгорукова) Мария Сергеевна, графиня, статсдама, жена обер-гофмаршала императорского двора графа Павла Константиновича Бенкендорфа (1853—1921).

Офицер Императорского Дворцового Гренадерского полка Константин Константинович Великий Князь (1858—1915).

12 Цецилия Августа (Сесиль) (1886—1954), принцесса Мекленбург-Шверинская, племянница Николая Михайловича, дочь Вел. Кн. Анастасии Михайловны и Фридриха Франца III, вел. герцога Мекленбург-Шверинского, жена (с 1905) германского крон-принца Фридриха Вильгельма (1882—1951).

13 Вильгельм II и его жена Августа Виктория Шлезвиг-Голштинская.

14 Першерон — лошадь-тяжеловоз.

15 Фридрих Вильгельм III (1770—1840). Имеется в виду эпизод, связанный с заключением союза между Россией и Пруссией в 1805 г., когда монархи пожали друг другу руки над гробницей Фридриха II Великого (1740—1786).

16 Имение Вел. Кн. Николая Михайловича в Херсонской губернии.

17 Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906), дипломат, историк, публицист, автор работ по истории русской дипломатии и внешней политике России николаевской эпохи.

17. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 44—47 с об.

1 Резиденция французских королей и императора Наполеона III (1808—1873). Замок был выбран резиденцией Николая II во время его визита во Францию в сентябре 1901 г.

2 Пуанкаре Раймонд (1860—1934), политический и государственный деятель, президент Французской республики (1913—1920), премьер-министр (1912, 1913, 1922—1924, 1926—1929). Сторонник франко-русского союза 1891—1893 гг. В 1912 и 1914 гг. посетил Петербург.

3 Мильеран Александр (1859—1943), политический деятель, адвокат, публицист. Военный министр в кабинете Пуанкаре (1912—1913), президент республики (1920—1924).

4 Брюммер Константин Федорович (1856—1930), генерал-лейтенант, состоял при Вел. Кн. Николае Михайловиче (с 1906), служил с ним в Кавалергардском полку.

5 Рядом со Стрельной располагалась «Михайловская дача» — загородный дворец Вел. Кн. Михаила Николаевича. В Стрельне находилась дача, купленная Вел. Кн. Сергеем Михайловичем для М. Ф. Кшесинской (1872—1971).

18. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 48—49 с об.

1 Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, министр Императорского двора и уделов, и главноуправляющий государственным коннозаводом (1881—1897), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским военным округом (1905—1915), член Государственного Совета.

2 Шереметева Елизавета Дмитриевна, дочь И. И. и Д. С. Шереметевых.

3 Вяземский Борис Леонидович (1889—1917), князь, был убит на станции Грязь 27 августа 1917 г.

4 Письма высочайших особ к графине А. С. Протасовой. СПб. 1913.

5 Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 годы. СПб. 1913.

6 Бартенев Петр Иванович (1829—1912), историк, археограф, библиофил, чьим авторитетным

мнением дорожил Николай Михайлович, успел прочесть книгу незадолго до смерти.

7 Васильчикова Мария Александровна (1859 — после 1917), фрейлина, помощница попечительницы школы наследника Алексея Николаевича.

8 Кривошеин Александр Васильевич (1858—1923), статс-секретарь, гофмейстер. Главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908—1915), член Государственного Совета.

9 Нарышкина (урожд. Чичерина) Александра Николаевна (1839—?), вдова обергофмаршала Э. Д. Нарышкина (1813—1902), статс-дама, кавалерственная дама, была близка Царской семье.

10 Нарышкина (урожд. кн. Святополк-Четвертинская) Мария Антоновна (1779—1854), фрейлина, жена обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина (1758—1838), фаворитка Александра I.

11 Владимир Александрович (1847—1909), Вел. Кн.

19. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 50—51 с об.

1 Алексей Николаевич (1904—1918), Вел. Кн., цесаревич. Имеется в виду обострение болезни цесаревича.

2 К марту — октябрю 1912 г. относится формирование военно-политического союза Болгарии, Сербии, Черногории и Греции, направленного против Турции. Россия, стремившаяся преградить путь к экспансии Австрии и Германии на Балканах, способствовала созданию Балканского союза, одобренного Англией и Францией.

3 Фердинанд I Саксен — Кобург — Готский (1861—1948), князь (1887—1908) и царь Болгарии (1908—1918).

4 «Крупп», металлургический и машиностроительный концерн в Германии, основанный в 1811 г.

5 Сазонов Сергей Дмитриевич (1861—1927), гофмейстер, член Государственного Совета, товарищ министра иностранных дел (1909), министр иностранных дел (1910—1916). Считал нежелательным более действенное включение России в Балканский конфликт, грозивший перерасти в европейский. Начало первой Балканской войны (окт. 1912) достаточно красноречиво подтверждало опасение Сазонова.

6 Гучков Александр Иванович (1862—1936), предприниматель, общественно-политический деятель, один из основателей партии «Союз 17 октября», председатель III Государственной Думы (1910—1911), потерпел поражение на выборах в IV Государственную Думу. В вопросе политики России на Балканах занимал крайне радикальные позиции. Летом 1912 г. побывал на Балканах для выражения своего сочувствия народам.

7 Чуждый славянофильским идеям Николай Михайлович вновь возвращается к этому вопросу в своей последней рукописи, повторив высказанную в письме мысль о приоритете русской идеи над славянской. В этой связи он вспоминает высказывание кн. П. А. Вяземского: «В том-то и главная погрешность, главное недоразумение наше, что мы считаем себя больше славянами, нежели русскими». — О подвигах Русского солдата в XIX столетии и об его любви к родине. Публ. Д. И. Исмаил-Заде. // «Родина». 1993, № 1, С. 106.

8 Воронцова-Дашкова (урожд. Нарышкина) Ирина Васильевна (1897—1917), в первом браке — за графом Илларионом Илларионовичем Воронцовым-Дашковым (1877—1932), адъютантом Вел. Кн. Михаила Александровича

20. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 52—53 об.

20. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 52—53 с об.

1 Барятинский Владимир Владимирович (1874—1941), кн., писатель, драматург, журналист. Речь идет о книге «Царственный мистик (Император Александр I — Федор Кузьмич)». Николай Михайлович именует Барятинского двойной фамилией, присоединив фамилию его жены, известной драматической актрисы Л. Б. Яворской. Николай Михайлович был не согласен с идентификацией личности Александра I и старца Федора Кузьмича (см., например: Некоторые новые материалы к вопросу о кончине императора Александра I. СПб 1914).

2 Вел. Кн. Михаил Александрович в 1912 г. тайно обвенчался в Вене с Натальей Сергеевной Вульферт (урожд. Шереметевская, в первом браке Мамонтова) (1880—1955), впоследствии получившей титул графини Брасовой (1915). Согласно законодательным актам об Императорской фамилии («Учреждение» 1886 г. и именной указ Александра III 1893 г.) никто из членов Императорской фамилии без разрешения Императора не мог вступать в брак с лицом, не принадлежавшим владетельному дому. Вступивший в морганатический брак терял право на наследование престола. В случае пресечения мужского потомства по линии Александра III, права на престолонаследие передавались по старшинству сыновьям Вел. Кн. Владимира

Александровича брата Александра III. Николай Михайлович вновь вернулся к вопросу перехода права на престолонаследие в 1917 г., в письме А. Ф. Керенскому. (См. Российский Императорский Дом. С. 191.)

3 Кирилл Владимирович (1876—1938), Вел. Кн., контр-адмирал свиты, участник русско-японской и Первой мировой войн. В феврале 1917 г. объявил себя республиканцем. Его жена Вел. Кн. Виктория Федоровна (1876—1936), урожд. принцесса Виктория-Мелита, дочь герцога Альфреда Саксен-Кобург-Готского и Вел. Кн. Марии Александровны. В первом браке (1894) — жена вел. герцога Гессенского и Рейнского Эрнста-Людвига (1868 —?), брата Императрицы Александры Федоровны. В эмиграции стал местоблюстителем российского престола и внес ряд изменений в положение об Императорском Доме.

4 Андрей Владимирович (1879—1955), Вел. Кн., младший сын Вел. Кн. Владимира Александровича, генерал-майор свиты, в 1921 г. женился на Матильде Феликсовне Кшесинской.

21. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 56 с об.

1 Бурдон Луиза (конец XVIII — начало XX вв.), французская миниатюристка, эмальер.

2 Вейлер Жан-Батист (1747—1791).

22. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 57 с об.

1 Константин Константинович (1858—1915), Вел. Кн., двоюродный дядя Николая II Президент Императорской Академии наук (с 1889). Почетный член Императорского русского исторического общества (с 1880).

2 Платонов Сергей Федорович (1860—1933), директор Императорского женского педагогического института, доктор русской истории, член-корреспондент Императорской Академии наук, член Императорской археографической комиссии, почетный член многих историко-филологических обществ, губернских архивных комиссий. Действительный член Императорского русского исторического общества (1902), Совета — с 1905 г.

3 Кобеко Дмитрий Фомич (1837—1918), историк, управляющий канцелярией Министерства финансов (1865—1879), член Государственного Совета, директор Императорской Публичной библиотеки в Петербурге (с 1902 г.), член-корреспондент Императорской Академии наук.

4 Лихачев Николай Петрович (1862—1936), член Совета Министра Народного Просвещения, член-корреспондент Императорской Академии наук, почетный член историко-археографических

член-корреспондент Императорскои Академии наук, почетныи член историко-археологических обществ. Действительный член Императорского русского исторического общества (с 1910).

5 Чечулин Николай Дмитриевич (1863—1927), попечитель Виленского учебного округа, доктор русской истории, член Императорской археографической комиссии, действительный член Императорского русского географического общества и многих других научных обществ. Действительный член Императорского русского исторического общества (с 1902), секретарь — (1904—1910).

6 Половцов Александр Александрович (1832—1909), сенатор, Государственный секретарь (с 1883), член Государственного Совета (с 1892). Один из учредителей Императорского русского исторического общества, его председатель (1879—1909). Оставил дневники: Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1—2. М. 1966.

7 Бычков Афанасий Федорович (1818—1899), ординарный академик Императорской Академии наук, директор Публичной библиотеки, председатель Императорской археографической комиссии, член Государственного Совета. Член-основатель Императорского русского исторического общества. Действительный член многих отечественных и зарубежных научных обществ, его сын, Бычков Иван Афанасьевич (1858—1944), заведующий рукописным отделом Публичной библиотеки (1881—1943).

8 Кассо Лев Аристидович (1865—1914), министр народного просвещения (1910—1914), доктор гражданского права, действительный член Императорского русского исторического общества (с 13-го марта 1914 г.).

23. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 54—55 с об.

1 Гоздаво-Голомбиевский Александр Александрович (1863—1913), помощник статс-секретаря Государственного Совета, учредитель и пожизненный член Историко-родословного общества в Москве, Императорского русского военно-исторического общества, действительный член Исторического общества при Московском университете и многих других научных исторических обществ и губернских архивных комиссий. Член Совета Императорского российского исторического общества (с 1910 г.), с 1911 г. — секретарь Совета. Принимал участие в составлении Русского биографического словаря, издававшегося под руководством А. А. Половцова.

2 Комб Эмиль (1835—1921), сенатор (1885), министр просвещения (1895—1896), председатель Совета Министров (1902—1905), в 1915—1916 был министром без портфеля. Клемансо Жорж (1841—1929), избирался в сенат (1902, 1909), министр внутренних дел (1906), премьер министр (1906—1909, 1917—1920). Кайо Жозеф (1863—1944), министр финансов (1899—1902, 1906—1909, 1911, 1913—1914, 1925, 1926). В 1911—1912 гг. — премьер-министр и министр внутренних дел. В начале 1918 г. был обвинен в государственной измене — тайных сношениях с немцами. После заключения и амнистии вернулся к политической деятельности.

3 Саитов Владимир Иванович (1849—1938), член-корреспондент Императорской Академии наук (с 1906), почетный член семи научных обществ и десяти архивных комиссий. Работал в Русском отделе Императорской публичной библиотеки (1883—1928). Действительный член Императорского русского исторического общества (с 1912 г.), секретарь — с 13 марта 1914 г. При его участии изданы Русский биографический словарь и пять томов «Русских портретов», своды Петербургского и Московского некрополей: Николай Михайлович, Вел. Кн. (Саитов В. И.). Петербургский некрополь. СПб. 1912—1913. Т. 1—4; Николай Михайлович, Вел. Кн. (Саитов В. И. Модзалевский Б. Л.). Московский некрополь. СПб. 1907—1908. Т. 1—3 и др.

4 Шаховской Леонтий Алексеевич (1859—1918), князь, воспитывался в Пажеском корпусе (1877—1879), служил в Кавалергардском полку (1879—1889), штаб-ротмистр, адъютант Вел. Кн. Николая Николаевича (младшего) (1889). Уволен в отставку по домашним обстоятельствам

полковником с мундиром (1895).

Гудович Александр Васильевич (1869—1919), граф, кутаисский губернатор до марта 1917 г., зять гр. С. Д. Шереметева.

Велепольский А. С., граф, флигель-адъютант, полковник л.-гв. Гусарского полка.

Шереметев Борис Сергеевич (1872—?), служил в Кавалергардском полку (1895—1906), ротмистр.

24. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 58 с об.

1 Корф Александр Александрович (1885—?), барон, воспитывался в Пажеском корпусе (1899—1904), ротмистр. Был назначен в адъютанты Николая Михайловича.

2 Долгоруков Василий Александрович (1868—1918), князь, генерал-майор свиты, состоял в должности гофмаршала (с 1914). Окончил Пажеский корпус. С 1890 г. — сначала в лейб-

гвардии Конно-гренадерском, затем — Кавалергардском полках. Командир 1 бригады 1 Гвардейской Кавказской дивизии. Во время I мировой войны состоял при Николае II в Ставке. Сопровождал Царскую семью в ссылку. Расстрелян в тюрьме Екатеринбурга.

3 Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета, военный министр (1909—1915).

4 Фаберже Петр Карл (1846—1920), владелец ювелирной фирмы (1848—1917), поставщик Императорского Двора и почти всех королевских и императорских дворов Европы. Фигура извозчика была выполнена Фаберже по образцу аналогичной фигуры из фарфора фабрики Гарднера (конец XIX в.)

25. ГАРФ. Ф. 601. Д. 1310. Л. 59—60 с об.

1 Мордвинов Анатолий Александрович (1870—?), полковник, адъютант Вел. Кн. Михаила Александровича (1906—1913), флигель-адъютант (с 1913).

2 Военский Константин Адамович (1860—1918), начальник архива Министерства народного просвещения, член Императорского Военно-исторического общества. Составитель сборника: Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Т. 1—3. СПб. 1909—1912; см. также: Военский К. Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб. 1911. Хлопоты Великого Князя Михаила Александровича по поводу Военского объяснялись тем, что сборник издавался под его покровительством.

3 Бородкин Михаил Михайлович (1852—?), генерал-лейтенант, сенатор, член Государственного Совета, помощник главного военного прокурора (1909—1911), начальник Александровской военной академии. Занимался историей Финляндии. Пожизненный член Императорского русского военно-исторического общества и др., действительный член Императорского русского исторического общества.

4 Речь идет о Вел. Кн. Павле Александровиче.

5 Георгий Николаевич, герцог Лейхтенбергский (1872—1929), полковник, сын герцога Николая Максимилиановича (1843—1890) и графини Богарне (урожд. Анненковой) Надежды Сергеевны (1844—1891).

26. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 61—62 с об.

1 Рибо Александр (1842—1923), сенатор, министр иностранных дел (1890—1893), председатель Совета министров (1892—1893, 1895).

2 Вивиани Рене (1863—1925), министр труда и социального обеспечения (1906—1910), министр просвещения (1913—1914), министр иностранных дел (1914), премьер-министр (1914—1915), министр юстиции (1915—1917). В июле 1914 г. вместе с Р. Пуанкаре приезжал с официальным визитом в Петербург.

3 Жорес Жан (1859—1914), деятель международного социалистического движения, публицист. В 1904 г. основал газету «Юманите». Автор работ по истории французской буржуазной революции конца XVIII в.

4 Шён Вильгельм, фон, барон, германский посол в Петербурге (1905—1907), статс-секретарь Министерства иностранных дел Германии (1907—1910), посол в Париже (1910—1914).

5 Делькассе Теофил (1852—1923), министр колоний (1894—1898), министр иностранных дел (1898—1905, 1914—1915), морской министр (1911—1913), военный министр (1914). В 1913—1914 гг. был послом Франции в России. Способствовал укреплению союза Франции и России.

6 Посещение Царской семьей Румынии 1 июня 1914 г., в связи с возможным браком Вел. Кн. Ольги Николаевны с наследником румынского престола.

7 В 1912 г. Николай II пожаловал румынскому королю Каролю I фельдмаршальский жезл в память об его участии в победах союзных войск в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Сохранилось письмо Николая II от 18 ноября 1912 г. Вел. Кн. Николаю Михайловичу:

«Дорогой Николай,
Обращаюсь к тебе с просьбой исполнить мое поручение: отвезти королю Румынскому фельмаршальский жезл к 28-му Ноября. В настоящее время поездка Великого Князя, от моего имени, может знаменоваться для России самыми благими последствиями.

Мой выбор остановился на тебе как на одном из немногих уже участников войны 1877—78 гг. из семьи.

В этом году по случаю 35-летия со времени падения Плевны — предполагается эту годовщину отпраздновать в Румынии торжественным образом. Твой приезд и присутствие усугубит значение этой годовщины для Короля и его страны.

Надеюсь мы увидимся и переговорим о подробностях.

Сердечно твой Ники» (ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 195. Л. 3 с об. — 4)

8 Розен Роман Романович (1847—1922), барон, русский дипломат, поверенный в делах Японии (1877—1879) и США (1886—1889); посланник в Мексике (1890—1895), Сербии (1895—1897), Японии (1897—1899). В 1902—1904 гг. посол в Японии, в 1904—1905 — в США. Предсказывал неизбежность войны с Японией, советовал пойти на уступки Японии в Корее, чтобы упрочить позиции России в Маньчжурии. Уполномоченный России на Портсмутской мирной конференции 1905 г., где был подписан завершивший русско-японскую войну 1904—1905 гг. мирный договор.

В личном архиве Николая Михайловича сохранился текст речи Розена на заседании Государственного Совета от 3 апреля 1913 г. Его прогноз общеевропейской войны, которая должна привести к «революционному социализму», также оказался пророческим (ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 395. Л. 13).

9 Отдельный оттиск № 103 «Правительственного Вестника», в котором содержалась информация о съезде губернских архивных комиссий, проходившей в Ново-Михайловском дворце Великого Князя в 1914 г.

27. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 67—68.

1 Николай Николаевич (младший) (1856—1929), Вел. Кн., генерал-адъютант, генерал от кавалерии, с начала I мировой войны до августа 1915 г. — Верховный главнокомандующий.

Ранненкампф, фон, Павел-Георг Карлович (1854—1919), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, командующий войсками Виленского военного округа, с начала I мировой войны до ноября 1914 г. командовал 1-й армией.

Жилинский Яков Григорьевич (1853—?), генерал от кавалерии, Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (с марта 1914), с начала I мировой войны 10 сентября 1914 — главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта.

Иванов Николай Иудович (1851—1919), генерал от артиллерии, генерал-адъютант, командующий войсками Киевского военного округа (1908—1914), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (1914—1916).

Николай II учел просьбу Николая Михайловича, и он был прикомандирован к штабу главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Впечатления от инспекторских поездок по фронту отражены в «Записках» Н. М. Романова // «Красный Архив» М. — Л., 1931. Т. 4—5 (47—48). С. 140—183; Т. 6 (49). С. 92—111.

2 Долгоруков Сергей Александрович (1875—1933), генерал-майор свиты, с 1915 состоял при Императрице Марии Федоровне, второй муж И. В. Воронцовой-Дашковой.

28. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 71 с об.

1 Танеев Александр Сергеевич (1850—1918), камергер, статс-секретарь, обергофмейстер, член Государственного Совета, почетный член Императорской Академии наук. Отец А. А. Вырубовой.

2 Куломзин Анатолий Николаевич (1838—1923), статс-секретарь, председатель Государственного Совета (1915—1916). Ответственный член Императорского Исторического общества (с 1871), помощник председателя (с 1906).

Публикация Д. И. ИСМАИЛ-ЗАДЕ

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 16 марта 1916 г. Петроград // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 361. — [Т.] IX.

16 Марта 1916. Петроград

Согласно моего личного доклада зимой о наградах к юбилею Императорского Исторического общества на 23 мая сего 1916 года, препровождаю представления к этому дню на Твое благоусмотрение.

Если эти представления заслуживают Твоего одобрения, то кажется они доставлены своевременно для просмотра за 2 месяца до дня юбилея у статс секретаря Танеева1. А. Н. Куломзину2, как старейшему члену общества, был бы желателен рескрипт.

Так как я вовсе не привлечен в делах представлений, то прошу милостивого снисхождения, если я в чем-либо ошибся или напутал.

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 8 апреля 1914 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 358—359. — [Т.] IX.

8 Апреля 1914. Петербург

Мне передал Мордвинов1 письмо к нему Михаила Александровича, которое препровождаю Тебе при сем.

Дело в том, что Военский2 уже дважды был мною представлен кандидатом в совет общества и дважды он оказался забаллотирован — (нрзб.), т. е. в 1913 и в 1914 годах. Лично я ничего не имею сказать против Военского, кроме того, что он характера очень не ровного и интриган большой руки, что, впрочем, доказывает его обращение к Мише. По уставу нашего общества в члены предлагаются лица в совет общества, где обсуждаются его заслуги для исторической науки и его качества или недостатки как человека. Последнее необходимо ввиду Великого Покровителя и Председателя Импер. Истор. Общества, т. к. особенно за последнее время надо быть осторожным в выборе господ членов, где. всякие бессмысленные политические клички вроде «октябристов», «кадетов» и т. д. еще более затемняют личные качества и достоинства имеющихся кандидатов. Военский в политическом отношении благонадежный господин и он издал уже три тома из обещанных им шести томов. Следовательно, права его на поступление в члены общества бесспорны, но как человек он далеко не симпатичный, чем и объясняются его провалы в совет нашего общества.

Остается, конечно, еще одно средство провести Военского в члены общества. Это — предложение его принять, сделанное лично Вами в годичном общем собрании. Но после генерала Бородкина3 и Кассо, вряд-ли Вы пожелаете его предложить, т. к. едва ли личность Военского Вам также хорошо известна, как двух предыдущих. Словом, я буду ждать Твоих указании как поступить в данном случае и удовлетворить ходатайство Миши.

Кроме Павла4, о котором я уже имел честь докладывать, очень желал бы стать членом нашего общества Герцог Лейхтенбергский5. Он мне, кажется, был бы подходящим кандидатом в недалеком будущем.

Император Николай II и Вел. Кн. Александр Михайлович с женой Вел. Кн. Ксенией Александровной

В середине мая испрашиваю разрешения поехать по обычаю в Париж и ежегодных моих поездок в Грушевку и в Боржом. Целую ручки Аликс и шлю сердечный привет Твоим детям.

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 5 февраля 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 358. — [Т.] IX.

5 Февраля 1914 г.

Вчера я совершенно забыл просить у Тебя разрешения назначить полкового адъютанта Кавалергардского полка, барона Корфа1 ко мне в личные адъютанты. Дело в том, что командир полка, князь Долгоруков2 очень просил меня взять Корфа ко мне в адъютанты ввиду его личных дел, мешающих ему продолжать строевую службу в полку. Если последует Твое разрешение, то до моего отъезда за границу, я предупрежу об этом Военного министра3.

Вчерашний успех фигуры из ценных камней, петербургского извозчика, работы Фаберже4, дает мне смелость подарить другую, изображающую мужика с гармонью, по тонкости работы, еще

превосходящую извозчика.

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 6 декабря 1913 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 357—358. — [Т.] IX.

6 Декабря 1913. Петербург

Начну с душевного приветствия с Днем Твоего ангела и да даст Тебе Всевышний успеха во всех начинаниях и делах Твоих.

Не зная, когда именно Ты намерен вернуться в Петербург, решаюсь написать Тебе несколько слов о себе и о ходе работ по Историческому обществу.

Осень я провел одиноко в Боржоме, лишившись на пути в вагоне своего секретаря и секретаря общества Голомбиевского1, скончавшегося от кровоизлияния в мозгу на моих глазах, когда мы подъезжали к ст. Прохладной. В лице покойного я лишился лучшего сотрудника и дорогого приятеля, с которым мы работали почти неразлучно двенадцать лет.

Жилось в Боржоми привольно, но душе было грустно, но чудная погода и почти ежедневные охоты меня отчасти развлекали. Затем я довольно долго жил в Париже, где по обыкновению видел много интересных личностей из мира историков, политиков и литераторов. Дважды завтракал и обедал у Poincare, который продолжает пользоваться доверием Франции и производит наилучшее впечатление. Завистников у него, конечно, много в лице разных неудовлетворенных конкурентов на пост президента республики и всяких интриганов, как господа Комб, Клемансо и Кайо2. Но мне кажется, что он сумеет выдержать этот напор страстей и справится с трудными обстоятельствами.

Вернувшись сюда, я принялся за обычные занятия, хотя возни много по случаю кончины Голомбиевского, которого заменил сочлен общества Сайтов3, самый подходящий из членов общества, чтобы выполнять обязанности секретаря.

В начале января Имп(ераторская) Публичная библиотека, директором которой состоит престарелый Кобеко, празднует столетие своего существования. Так как Кобеко дряхл и слаб, то уже теперь ведутся интриги для его возможного наследства. Более всех волнуются известные Тебе два члена общества Чечулин и особенно Платонов. Но едва ли они подходящие люди для его замещения. Я осмеливаюсь заблаговременно Тебе рекомендовать тоже лично известного Тебе Лихачева, прекрасного работника, человека знающего и состоящего ныне помощником Кобеки.

Это сообщаю только на всякий случай, если старик Кобеко долго не проживет и угаснет после юбилея, как это часто бывает.

20 декабря я намерен во время праздников съездить на Кавказ поохотиться в Караязах, Евлахе и Дивичах (что у берегов Каспийского моря) на кабанов, оленей и по перу. Приглашаю свою обычную компанию: Леонтия Шаховского, Сашу Гудовича, гусара Велепольского, (нрзб.) — Нечаева и Бориса Шереметева4. Очень жалко, если мой отъезд совпадет с Вашим возвращением, но 10 января я уже вернусь обратно. Здесь начались маленькие морозы, но снегу мало и ездят на колесах.

Целую ручки Аликс и от всей души Тебя обнимаю.

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 1913 г. Петербург //

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 357. — [Т.] IX.

(1913. Петербург)

В дополнение сообщенного мне на охоте письма Кости1 в пользу кандидатуры Платонова2 на место Кобеко3, считаю долгом сообщить следующее. Лихачев4 подал уже в отставку от занимаемой должности помощника директора ввиду невозможности интриг против него со стороны Чечулина5 (бывшего секретаря Истор(ического) общ(ества) при Саше Половцове)6 и полнейшего рамолитика старика Кобеки, который все делает, что сей Чечулин ему подсказывает.

Между тем все права на место помощника директора Пуб. библиотеки имеет Ив. Афан. Бычков, сын того Бычкова7, который был директором Пуб(личной) Библ(иотеки) при Твоем Батюшке и который примерно служит десятки лет при той же библиотеке.

Т. к. Чечулин друг Платонова, то план великолепно задуманной интриги: сперва сместить

Чечулина, а потом (по кончине или отставке Кобеко) дать место Платонову. Обо всем этом известил Л. Ар. Кассо8, который Тебе все равно доложит об этом деле.

Весь Твой Николай

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, (1913 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 356. — [Т.] IX.

(1913)

В знаменательную годовщину трехсотлетия царствования рода Романовых позволяю себе поднести Тебе миниатюру первого Императора Петра Великого. Купил я эту миниатюру в Париже у антиквара. Объяснительная записка гласила следующее: «miniature sur email du tsar Pierre le Grand par Kugler ayant appartenu a Madame Louise Bourdon, veuve de peintr emailleur J. B. Weyler»***. Дело в том, что эта Луиза Бурдон1 вышла замуж сперва за Вейлера2, а потом за Кюглера, тоже художника. Что же касается подносимой этой миниатюры, то она работы Господина Вейлера (Weyler) позднее Кюглер(.) Weyler etait un emailleur tres connu du XVIII siecle, mort en 1791****. Надеюсь, что эта безделушка получит Твое одобрение.

Весь Твой Николай М.

Madame Louise Burdon, затем Madame Kugler

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 16 ноября 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 356. — [Т.] IX.

16 Ноября 1912

При сем посылаю Тебе брошюру Барятинского-Яворского1, доказывающего, что Император Александр I был действительно старцем Федором Кузьмичем. Она написана довольно живо, но масса фантазии. Опровергать этот роман я не намерен и к тому вообще полемику на исторические темы считаю излишней. Пусть каждый прочтет мою книгу и рассуждения Вл. Барятинского, сам сделает свои заключения.

Много я передумал о том положении, которое создается от брака Миши2. Если он подписал или подпишет акт отречения, то это весьма чревато последствиями и вовсе не желательными.

Ведь Кирилл, как женатый на двоюродной сестре3, тоже уже потерял свои права на престол и в качестве heritier presomptif* явится Борис. Если это будет так, то я прямо-таки считаю положение в династическом смысле угнетающим.

Осмеливаюсь выразить такое суждение: Тебе, как Государю и главе семейства, вверить судьбу наших семейных законов, которые Ты можешь принять в любое время. Но я иду еще дальше. Во всякое время, одинаково, Ты имеешь право изменить также закон о престолонаследии (ne ne le deplaise a Andre4, notre illustre legislateur et le grand connoisseur des loix de famille!)**. Так, например, если Ты пожелал бы передать права наследства в род Твоей старшей сестры Ксении, то никто и даже юристы с министром юстиции, не могли бы тебе представить какие-либо доводы против такого изменения закона о престолонаследии. Если я позволю себе говорить и излагать такого рода соображения, то единственно потому, что возможное отречение от Престола Миши, я считаю просто опасным в государственном отношении.

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 26 марта 1895 г. Париж // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 333—334. — [Т.] IX.

Париж. 26/III 1895

Милый Ники

Согласно Твоего разрешения, позволяю себе, Тебе написать несколько слов о моем Алжирском пребывании1. В общем все до сих пор шло как по маслу. Твой брат, видимо, очень рад жить на «Полярной Звезде»2, как у себя дома, а чудный климат Алжира и море, по которому он постоянно катался в своей «байдарке» или удил рыбу, прекрасно действует на его расположение. Одно, что он, к сожалению, не особенно любит, это прогулки по окрестностям Алжира, которые одна красивее другой, просто, кажется, из лени вообще трогаться с Яхты.

Радде часто его веселит и вообще как бы своей особой вселяет новый, разнообразный климат. Теперь он пожелал на пять дней в Бискру3, чтобы увидеть Сахару.

Состав офицеров Полярной Звезды, вероятно прекрасно Тебе известно, — просто как на подбор. Сам Князь Шаховской4 — это редкий человек и вполне, без задних мыслей, преданный Тебе, как он был предан Твоему Покойному Родителю. Лейтенант Гирс, Кн. Путятин5 (друг Ксении), Гр. Гейден6, (...) и Племянников один милее другого. Мичман Философов и Кн. Шаховской (племянник Якова Шаховского) тоже очень симпатичен, а др. Ланг — премилый человек. Когда я уезжал, он крепко занемог, вдруг, воспалением сердечной оболочки, болезнь, к сожалению, весьма опасная. Из приближенных Джорджи, барон Штакельберг7, человек правил, с характером и убеждениями, конечно уже за пояс заткнул грубого [Громужьего] с его мужичьим обхождением и переменил весь тон, как в Абастумане, так и здесь. Слава Богу, мы теперь только удалились от эпохи девицы Рубан и разных (нрзб.), Нечаевых, Гельфстремов и тому подобных хамов8.

Гулака-Артемовского9 Ты хорошо знаешь, а Гайсман очень умный и расторопный парень, который, наверное, еще более приобретает расположение Джорджи. Так что, в общем, я выношу из Алжира самое наилучшее впечатление во всех отношениях.

Что касается населения, как французского, так и арабского, то оно ведет себя с большим тактом и Твой брат может совсем «en particulier»* гулять по улицам и окрестностям Алжира — раз только мы и французы сделали друг другу легкие овации — это когда пароход «La chemin» уходил с войсками в Мадагаскар. Тогда, кроме морских почестей, кричали друг другу приветствия и ура и Vive la Russie. Отсюда из Парижа, где я остался всего сутки, я беру Orient

приветствия и ура и Vive la Russie. Отсюда из Парижа, где я остался всего сутки, я беру Orient Express и еду на Вену и Одессу, т. к. в Константинополе холера и всякая возня с карантином.

Надеюсь в Пасхальную субботу добраться до Тифлиса. Путешествие все же довольно долгое и утомительное.

Прошу Тебя и Аликс принять мое заочное, сердечное христосование и поздравления со Светлым Праздником... С удовольствием прочел я, как Ты и вообще в Петербурге, чествовали Вердера10. Это хороший щелчок по носу несноснейшего Вильгельма11, который, вероятно, получает немало щелчков у себя в Германии.

Невольно приходит на мысль, когда сей господин наконец успокоится и не будет удивлять весь мир своими разнообразными выходками. Прости мне это отступление в моем письме и может быть немного резкое суждение, но мой язык сорвался, хотя теперь это происходит гораздо реже.

Я не ездил в Канн к своей сестре12, потому боялся встретиться с Madame Мишой13, которой еще не видал и вовсе не торопился лицезреть.

К сожалению, она сумела уже вполне покорить сердца Папа и многих моих братьев. Но с сестрой, кажется, они разошлись во время последнего пребывания Папа в San Remo. Кажется, произошли женские сплетни и Madame Sophie или Миша, что-то нарассказала Папа про сестру, которая теперь на них дуется. Вообще эта несчастная женитьба Миши в 91 году — может быть года сгладят это впечатление.

Но я с ужасом вижу, что письмо мое принимает громадные размеры и спешу оное закончить, прося извинения за отчаянный почерк.

Крепко целую ручки Мама, Аликс и также сердечно Тебя обнимаю

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 13 апреля 1994 г. Боржом // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 333. — [Т.] IX.

13 Апреля 94. Боржом

Милый Ники

Пишу тебе два слова. Во-первых для того, чтобы Тебя еще раз от всей души поздравить, т. к. ты не прислал мне ответ на мою депешу из Тифлиса. Но это не удивительно, потому ты, вероятно, получил целую кучу депеш и в них забыл плешивого Бимбу. Во-вторых, посылаю тебе статью по поводу твоей помолвки из газеты «Кавказ», которая очень мило написана.

На днях я писал длинное письмо Мама1 с моими впечатлениями о Джорджи, которые не вполне благоприятны; но что же делать, я всегда говорю и пишу, что думаю. Пора твоему брату, хоть на время выбраться из Абастумана. Это мое глубокое убеждение.

Теперь я совсем здесь и буду завтра причащаться в день своего рождения, — это случается редко. Тут полная тишина и наслаждение, но погода премерзкая. Полком своим я вполне доволен, впечатление отличное и Бог даст все пойдет хорошо. Не могу я себе представить тебя женихом! Напиши два слова, когда приблизительно может быть свадьба. Крепко тебя обнимаю и часто тебя вспоминаю и наши разговоры у тебя в комнате. Когда вспомнишь, то право черкни лишь словечко. Обнимаю твою душку сестру Ксению и обязательно Мишу и Ольгу.

Твой верный Бимбо

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, (до 1894 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 332. — [Т.] IX.

(До 1894 г.)

Милый Ники

Государь меня встретил гуляющим пешком с кн. Барятинской1 и может подумать, что гулять я могу, а в крепость приехать поленился. Прошу Тебя передать всю правду.

Вчера был мальчишник Кочубея и (нрзб.) и кроме обыкновенных последствий, у меня сделалось сильнейшее расстройство желудка, так что я 8 раз ходил. Мне очень совестно и я прошу меня извинить.

Весь Твой Николай М.

P. S. Завтра на параде я быть не могу, потому у меня целый день сдача эскадрона и у Алеши. Ради Бога, не сердись на меня за записку, а я все же не буду терять надежды, что ты хоть на короткое время, но придешь.

Крепкий поцелуй.

Весь Твой Николай М.

11 1/2 утра.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, (1880—1890-е гг.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 332. — [Т.] IX.

(1880—1890-е)

Милый Ники

Сердечно благодарю тебя за папироски и вишни. Надеюсь, что у Вас дома теперь все благополучно.

Весь Твой Бимбо1.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 21 августа 1888 г. Боржом // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 332. — [Т.] IX.

21 Августа 88. Боржом

Милый Ники

Пишу тебе два слова, чтобы очень рекомендовать тебе во время твоего пребывания на Кавказе директора Кавказского Музея Г. И. Радде1. Этот человек проработал всю свою жизнь в пользу науки на Кавказе и на Амуре и создал здешний единственный в своем роде музей. Я его знаю с моего детства и очень люблю. Он человек серьезно ученый, но имеет очень балаганный тон и всегда всех смешит. Но все сведения о Кавказе, его жителях, их нравах, о зверях, всяких предметах — никто тебе лучше не даст, как Густав Иванович Радде.

Очень жалко, что меня здесь не будет во время твоего приезда, т. к. живя здесь около 20 лет, я тебе мог много что рассказать. Из всех русских владений Кавказ настолько богатая и интересная страна во всех отношениях. Дай-то Бог, чтобы тебе край сей понравился и оставил бы хорошие впечатления!

Я же в это время буду или в Биаррице, или в Париже и надеюсь, что глупые газеты оставят меня в покое и будут заниматься лишь своими Буланже и Флоке2.

Крепко тебя обнимаю.

Весь твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 26 сентября/8 октября 1887 г. Париж // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 330—331. — [Т.] IX.

26 Сентября 87/8 Октября. Париж

Милый Ники, Пишу тебе еще письмо, т. к. не имею никакого права писать письма Государю. Газеты пишут про меня такие небылицы, что я окончательно ошеломлен. Я думал здесь отдохнуть и проветриться перед зимними занятиями, тем более, что вторично1 должен принять учебную команду, что требует очень усидчивых занятий.

Но вышло все против всех моих ожиданий и я бы здесь дня не оставался, если это не имело бы вид бегства перед враньем журналистов. Прочитав сегодняшний Фигаро, я немедленно отправился к Коцебу2, который временно заменяет барона Моренгейма3. Я ему сказал, что лично не желаю иметь никакого дела с газетами и сам ничего отрицать не буду, т. к. я как военный и флигель-адъютант хорошо знаю свой долг и помню свою присягу, и потому никаких заявлений делать не намерен. Никаких речей я не делал и надеюсь, что кто меня немного знает и не поверит всему этому вымыслу.

Вел. Кн. Михаил Николаевич и Ольга Федоровна с сыновьями; сидят — Алексей и Николай; стоят — Михаил, Георгий, Сергей

Теперь, что намерен сделать Коцебу, я еще не знаю, но он высказал мнение, что они это как-нибудь сами опровергнут. Мои оба спутника совсем оторопели, т. к. кроме жуков, бабочек и рыб, ничего не знают и политикой не занимаются. Один Сиверс4, вот уже десятый год мой секретарь, а другой Алфераки5, ученый, который тому несколько лет совершил интересное путешествие в Кульджу6.

Я в настоящую минуту просто страдаю, т. к. некому выложить душу и никого из товарищей по полку в настоящее время здесь нет. Родители7 на Кавказе, братья также. Алексей8 еще в Биаррице и я должен сам оставаться и за своих грустных мыслях. В полном отчаянии я даже написал депешу князю Оболенскому9, прося сообщить, что все это выдумка. Прости меня, что так нервно и отрывисто пишу, но есть случаи в жизни, когда приходится туго и необходимо поговорить по сердцу. Крепко Тебя обнимаю.

Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 6 октября 1887 г. Париж // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 330. — [Т.] IX.

6 Окт(ября) 87. Париж

Милый Ники

Милый Ники,

Ты, вероятно, будешь удивлен получить от меня письмо, но я хотел бы, чтобы Государь1 знал правду о различных газетных сплетнях, которую пустили на мой счет. Дело в том, что я возвращался на французском пароходе «Уругвай» с острова Тенерифа, где пробыл более недели и за последним табльдотом2 в общей каюте, капитан парохода очень любезно выпил за мое здоровье и моих двух спутников, окончив свое краткое слово «Vive la Russie!» Мне необходимо было ему что-нибудь ответить и я сказал: Je prends a la sante de Me le commandant et de l'etat-major du navire. Vive la France».* Затем обед продолжался спокойно дальше без всяких речей, но при довольно сильной качке.

Между тем Figaro и другие газеты уверяют, что j'ai offert un banquet aux officiers et aux passagers»**. Все это одно французское воображение и мне крайне неприятно, что мною занялись не на шутку здешние журналы. Французы же теперь так настроены, что русскому человеку вообще трудно отвязаться от их любезности, тем более, что всякое слово они принимают за marques de simpathie pour notre pauvre pays.***

Путешествие мое по Испании, т. е. Андалузии и на Тенериф, которое продолжалось месяц,

оставит мне всегда самое лучшее впечатление. Севилья, Гренада, Кадикс идеальные уголки Европы, где можно одинаково наслаждаться природой и искусством. Что же касается острова Тенерифа, то это просто рай земной. Лучшее местечко этого острова маленький порт Оротава, где при вечно голубом небе видишь все растения экзотического мира и можно делать наилучшие прогулки по морскому побережью и в глубь материка.

Конечно, главное для меня было найти побольше интересных бабочек, что действительно так и оказалось, так что я приобрел много видов, которых еще недоставало моей коллекции.

Мой отпуск кончается 17 числа, так что мы скоро увидимся и я много могу рассказать интересного и забавного. Если будешь так мил, то сообщи Государю или прочти, все касающееся этих газетных клевет.

Прошу Тебя поцеловать ручку Императрицы и обнять братьев и сестер3.

Крепко Тебя обнимаю

Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 15 июля 1914 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 360—361. — [Т.] IX.

15 июля 1914. Петербург

Прости, если в тревожные минуты отрываю Твое внимание. На сей раз ходатайствую о себе лично и прошу не выдавать меня до поры до времени. Дело в том, что если бы война с немцами всех сортов все-таки возгорелась бы, то я хотел бы, очевидно, принять активное участие, и не сидеть здесь, сложа руки.

Ввиду того, что за 10 лет я окончательно отстал от фронта, то мог бы принести пользу только в качестве человека, состоящего по особым поручениям.

Если будущие действующие армии были бы вверены Николаше, Ренненкампфу, Жилинскому и Иванову1, то я бы просил меня назначить именно в Киевскую армию к Иванову. Тебе может быть покажется странным, что я заблаговременно заявляю о своем ходатайстве, но в тревожные дни, особенно перед войнами, всегда столько просьб, что пусть моя будет одной из первых. Твое принципиальное согласие для меня очень важно.

принципиальное согласие для меня очень важно.

11 числа я ездил в Москву, где был шафером у Ирины Воронцовой, вышедшей замуж за Сережу Долгорукого2. Они теперь поехали в его имение Тельное и казались весьма счастливыми.

12-го я вернулся сюда, а вчера радовался от всей души бодрому повышенному настроению всех слоев населения столицы. Это отрадное явление действует чарующе на тех, кому дороги интересы Родины и давно я не видел Петербурга таким, как он был за эти два дня.

По Твоему приказанию осмеливаюсь напомнить о денежной помощи барону (нрзб.), который все ждет у моря погоды.

Если все окончится благополучно и войны не будет, предполагаю поехать на 2 недели в Грушевку и Екатеринославскую губернию 22 или 23 июля, потом обратно сюда и в конце августа в Боржом.

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 8 июня 1914 г. Париж //

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 359—360. — [Т.] IX.

8 Июня 1914. Париж

Не зная, застану ли я Вас в Петербурге в последних числах июня, решаюсь написать кое-что о себе и об исторических делах. В середине июля мне придется съездить в Грушевку, чтобы лично присутствовать при сборе хлебов, а в конце августа думаю на 2 месяца отправиться в Боржом.

Здесь я видел и слышал много интересного, т. к. потом в Париже во время двухнедельного министерского кризиса присутствовал в палате депутатов при падении кабинета Рибо1 и одобрении министерства Вивиани2. Собственно говоря, вся затяжка и все недоразумения произошли ради интриг против Президента со стороны Кальо, Жореса3 и Клемансо, мстивших ему за избрание в Президенство и за его популярность.

Т. к. здесь в политических кругах стало обычаем копаться в частной жизни людей и обливать грязью женщин за их прошлое, то бедный Пуанкаре живет под постоянным страхом таких разоблачений, могущих задеть доброе имя его супруги. Это настроение Poincare сказалось в его действиях, в колебаниях, кого именно призвать к власти, чтобы не сделаться жертвой шантажа. Он постарел, побледнел и мне было жалко на него смотреть. Теперь он немного оправился, хотя забота (est peinte sur la figure)*.

Сидя в ложе недалеко от немецкого н австрийского послов во время падения кабинета Рибо, я лично мог убедиться в неописанной радости их физиономий, когда это министерство было низвергнуто после 48 часов существования. Шён (Shoen)4 не удержался, не досидев до конца заседания, чтобы скорее сообщить Имп. Вильгельму о падении кабинета. То же самое повторилось и во вторник, но Вивиани получил желанное большинство и остался у власти, так что трехлетняя военная служба была обеспечена, а именно того немцы и опасались, думаю, что социалисты, став у власти, перейдут к двухлетнему сроку.

Я видел Delasse5, который бодро смотрит на будущее и думает, что Вивиани оправдает оказанное ему доверие президентом и палатами.

Через неделю я предполагаю в новом моторе (в предназначенном для Кавказских гор) сделать довольно продолжительное путешествие. Мой маршрут: Лион, Клермон, Бордо, Ангулем, Нант, Брест, С. Бриак, Mont St. Michel и обратно в Париж.

Читая газеты, очень радовался Вашему удачному посещению Константы6 и понял, что оказанное

Читая газеты, очень радовался Вашему удачному посещению Констанцыо и понял, что оказанное мне доверие тому 2? года не пропало даром7. Надеюсь, что Вы вынесли хорошее впечатление от виденного.

В виде иллюстрации существующего настроения, даже в среде старых и верных слуг Престола, решаюсь послать Тебе одно еще письмо члена Гос. Совета барона Розена (бывшего посла в Японии и Соед. Штатах)8, которого я давно знаю и уважаю, завтракал с ним почти ежедневно в яхт-клубе. Письмо это настолько характерно, что зная, что многое для Тебя не доходит, я решаюсь послать для сведения, т. к. переписка моя с Розеном очень интересная и ему трудно приписать какие-либо коварные замыслы на закате дней.

По приезде я буду иметь честь подробно Тебе доложить о результатах съезда губ. учен. архив. комиссий, который дал много практических нововведений. Было человек 60 из самых различных губерний и мы услышали от них много интересных и поучительных сведений. Вырезку из «Правит. Вестника»9 также Тебе присылаю, потому Ты мне сказывал, что в шхерах у Тебя много свободного времени для такого рода чтения. Только я не знаю, едете ли вы в шхеры за это лето или нет; а если ошибся, то прошу меня не бранить за эти строки.

Целую ручки Аликс и от всей души Тебя обнимаю.

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 18 октября 1912 г. Париж // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 354—356. — [Т.] IX.

18 Октября 1912 Париж, hotel Albany

Хотя я уже писал из Вены Аликс, чтобы выразить мои чувства по поводу болезни Алексея1, не могу удержаться, чтобы не написать Тебе тоже два слова. Прямо-таки больно было на душе, когда приходилось думать о тех нравственных муках (angoisses), которые Вы оба терпели за дни болезни Вашего милейшего ребенка. Слава Богу, теперь опасность миновала, но надо будет на будущее вовремя лечить серьезно и с корнем вырвать причины зла, которые кроятся в организме и обратиться к врачам педиаторам для детских недугов. Ведь детский возраст весьма податлив к лечению, а теперь медицина делает чудеса, именно для болезней детей и я убежден, что Алексей станет бодрым и крепким мальчиком, если его подчинить известному режиму.

Путешествие мое из Тифлиса было утомительно, но интересно, т. к. я проезжал по плодотворным местностям, начиная с Ростова, Синельникова, Екатеринослава, Елисаветграда до самого Волочка. Всюду видел блестящие результаты нынешнего урожая, а также на станциях самые разнообразные земледельч. орудия, что свидетельствует о том, насколько крестьяне этих мест интересуются обработкой земли и заметно совершенствуются.

В Вене я пробыл три дня и был поражен всеобщим мирным настроением; никто не желает войны2, но все опасаются осложнения, если Фердинанд3 займет Царьград и не пожелает подчиниться требованиям Великих держав. Австрийцы смущены рядом турецких поражений, особенно потому, что знают, что все инспектора немецкие, всюду в Тур(ецкой) армии заводят прусские порядки, орудия от Крупа4, а результаты всего этого, только отрицательные. Сознаюсь, что и я поражен, как всюду боятся турок, даже не верится, что сербы и черногорцы, даже греки их колотят.

Вел. Кн. Михаил Михайлович и принцесса Софья Нассауская

Возмутительны рядом с этим нападки «Нов. Времени» на нашего Сазонова5, которого изображают чуть-ли не изменником. Но все с (нрзб.) надо объяснить просто, а т. к. А. И. Гучков6

стал после смерти старика Суворина главным паищиком этои газеты, то и выходки «Нового Времени» делаются понятными. Вообще сей Гучков, несмотря на ум, любит мутить в мутной воде, а теперь он задался целью втравить Россию в войну, чтобы сыграть какую-либо роль после провала его партии а его вожделений. Надо добавить только отсутствие патриотизма у такого рода людей, а еще более тому, что Гучков не один, и что многие другие сочувствуют травле Сазонова.

Здесь в Париже я вижу довольно часто Ксению и Сандро, которые наслаждаются Парижем. Брат стал убежденным славянофилом, что меня поразило.

Можно радоваться успеху славян, но надо помнить, что славяне — одно, а русские — другое, и я разграничиваю эти понятия7. Главное русский интерес, а малые интересы всяких сербов и черногорцев меня вовсе не интересуют, т. к. собственно говоря и сербы, и черногорцы нас ненавидят и всегда заигрывают с Австрией. Вот болгары дело другое, они действительно благодарны нам и вообще симпатизируют России. Про греков я даже не говорю, т. к. это подлейший народ. Извиняюсь, что разболтался.

На днях еду на пять дней в Биарриц, чтобы повидать графиню Ирину Воронцову (жену Ларьки)8

и 10 ноября надеюсь быть дома.

Целую ручки Аликс и от всей души Тебя обнимаю. Да хранит Вас Господь и Ваших детей.

Весь Твой Николай

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 27 сентября 1912 г. Боржом // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 353—354. — [Т.] IX.

27 Сентября 1912 г. Боржом

Пишу Тебе несколько слов, чтобы сообщить о здешнем житье-бытье и о моих дальнейших планах до возвращения в Питер. Нынешняя осень восхитительная; солнечные безоблачные дни чередуются один за другим, дышится во всю, а окружающая природа еще более способствует к общей благодати. Что касается людей, то здесь обстоит хуже.

Разбои продолжаются во всех частях Кавказа, и здесь, и в Кахетии, и на Северном Кавказе. Все больше стараются грабить поезда в надежде легкой денежной наживы, убивают как зайцев несчастных стражников, исполняющих свой долг, а кроме того запугивают население, будучи сами трусами. Это выразилось наглядно при последних ограблениях почт и в Боржоме и на Коджорской дороге вблизи Тифлиса. У нас убито два, там четыре стражника и трое ранено, но почта осталась цела, благодаря их трусости, так что в Тифлисе они побросали бомбы, а здесь ружья. Сами разбойники все больше имеретины и грузины, иногда лезгины и осетины, но, к сожалению, принимаемые меры не могут искоренить зла. Нужна железная рука высшей власти и реорганизация полицейской власти, представляющей всякий сброд. Кроме того, следовало бы изъять со службы в почтовых и телеграфных конторах всех туземцев, сообщающих разбойникам о количестве возимых денег и о времени отбытия почтовых перекладных. Вообще, по моему мнению, за последнее время наплыв туземцев всюду дает только плачевные результаты.

То же замечается в некоторых войсковых частях, где туземцы (грузины, осетины ит. д.) составляют большинство офицерского состава. Я был и прежде, и теперь противником такого переполнения войск на самом Кавказе туземным элементом и считаю полезным восстановить процентные нормы и для грузин, и для армян, но особенно для первых. К этому письму прилагаю копию моего донесения графу Воронцову1 о грабежах в Боржоме.

Если здесь, где проходит железная дорога, есть две роты Тенгинцев в качестве постоянного

гарнизона, казаки и стражники, то чего ожидать в местностях более диких.

Я был в Тифлисе, чтобы представиться Наместнику, провел там сутки и много с ним беседовал. Головой он замечательно свеж и работоспособен, но физически опустился и стал дряхлым старцем. Во взглядах мы с ним не сходимся, что не мешает быть и с ним и с задорной графиней в наилучших отношениях. Сегодня они едут в Петербург на свадьбу внучки2 за князя Вяземского № 33. C'est pourquoi trop de fleurs* и старый граф ворчит на такое изобилие рода Вяземских в качестве мужей внучке, но она в восторге.

На днях я думаю тронуться отсюда через Баку и Ростов на два дня в Вену, а оттуда на короткое время в Париж и в Биарриц, чтобы не возвращаться слишком рано на берега Невы, а вернуться в начале ноября.

Здесь готовлю четыре новых книги:

1) Генералы адъютанты Импер. Александра I (дополнительное издание с их портретами в красках и гилиогравюрой edition de luxe*.

2) Письма Императрицы Марии Федоровны, Елизаветы Алексеевны и великих княгинь, дочерей Павла I к камер фрейлине Анне Степановне Протасовой (с портретом) edition de luxe тоже4.

3) Донесение австрийского посланника жида барона Лебцельтерна с 1816 по 1826 годы5.

4) Донесения князя Александра Борисовича Куракина из Парижа 1808—1812. Надеюсь, что Аликси Ты начали читать в Спале мою книгу и с нетерпением жду узнать Ваши впечатления о моей работе.

Пока получаю отзывы хорошие с разных сторон, как-то от старика Бартенева6, от Маши Васильчиковой7, от министра Кривошеина8, от Мари Трубецкой, от Маши Шаховской и т. д., но убежден, что на меня будут злиться немцы вообще и наши в частности, все поляки и доброжелательная госпожа Нарышкина, под прозванием la tante Sacha9. Она ведь вовсе не сожгла, а хранила все записки Александра I к Марии Антоновне10 у себя, не имея на то ни малейшего права, а должна бы их передать Тебе. Вероятно, Витте читал эти записки, а покойному Владимиру Александровичу11 она их не давала. Хороша логика! На сем кончаю мое послание. Целую ручки Аликс и от всей души Тебя обнимаю.

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 16 июля 1912 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 350—353. — [Т.] IX.

16 Июля 1912, Петербург

По примеру прежних лет, не зная, когда и где я Тебя увижу одного, сообщу о своем житье-бытье после военных Московских торжеств, столь чудных и умилительных.

Сперва я жил в Париже, наслаждаясь прекрасной погодой, бывая часто на скачках и совершая экскурсии в окрестностях в моторе по идеальным дорогам. Снова осмотрел Версаль, оба Трианона, С. Клу, Фонтенбло и впереди Компьен1, где свято хранятся следы Вашего пребывания в этом любимом замке Наполеона III.

В кабинете Вел. Кн. Николая Михайловича. До 1914 г. Справа — Вел. Кн. Николай Михайлович, в центре — А. А. Гоздаво-Голомбиевский

Но l'appetit vient en mangeant*, я решился совершить более отдаленные поездки и начал с подробного осмотра Луарских замков, начуя в Туре и Блуа. Здесь все дышит средними веками

подробного осмотра Луарских замков, ночуя в Туре и Блуа. Здесь все дышит средними веками, воспоминаниями Jeanne d'Arc и королей эпохи Валуа. Берега Луары и ее притоков самые живописные места Франции. Передо мною прошли развалины Chinon, Chambord, Chenanceaux, Langlais, Azay le Rideau, Chaumant и масса других более мелких замков, развалин, церквей и т. д. Особенно поразили меня великолепие и леса Шамбора (ныне собственность герцога Пармского) и Шенонсо, где царила Catherine de Medicis, Diane de Poitiers и где сохранено в идеальном порядке, благодаря заботе настоящего владельца некоего Terry, очевидно помеси жида и южного американца.

Замок расположен на реке Шере (Chere) и я не видел более поэтичного расположения, где все рисуется в сочетаниях какой-то неги и любовных настроений (XV и XVI) столетий и по ныне сохранилась та же нега в пустынных теремах, в призрачных прудах и на зеленых лугах парка.

Насладившись этой поездкой, я вернулся в Париж для отдыха на неделю, в течение которого имел интересный обед у Hanotaux с Poincare2 et Millerand3 a quatre**. Последний лучший военный министр за двадцать лет и поражает своей энергией и светлым умом. Что касается Poincare, то он тоже делает отличное впечатление своей выдержкой, ясными взглядами на дела внутр. политики Франции, а также суждениями о внешней политике. Убежден, что он Тебе

понравится. On sent en lui le brave home tres modere, tres fonde*** и видно сразу, знал c'est jusqu'un**** (нрзб.), а не какой-нибудь premier-venu*. Давно не было во главе франц. правительства такого выдающегося человека и к тому же он membre de l'Academie Francaise un de 40 immortables**, как выражаются французы. Ни его, ни Мильерана я раньше не знавал, а потому очень благодарен Ганото, что он меня с ним познакомил.

Прости за все эти подробности, но я знаю, что в шкерах у Тебя есть свободное время, чтобы даже прочесть и мою дребедень.

Затем я снова вернулся к своему мотору и вместе с Брюммером4 покатил в Эльзас. Ночевал по очереди у немцев и у французов, видел их вооружения на границах, кипучую работу войск, которые занимаются с необычайным рвением, особенно у французов между Nancy et — Toul, попадал я на их маневры, следя издали, и наслаждался живописной местностью, очень изрезанной горами, ущельями, реками, но несущей какой-то веселый характер, чему способствовала дивная не жаркая погода.

Немецкую границу я переехал у Saint Die, ниже Страсбурга, со мной были вежливы и только, но имея все необходимые пропускные бумаги, меня нигде не тревожили. Что меня поразило в немецком Эльзасе, а особенно в Лотарингии, это глубокая ненависть местного населения к немцам, несмотря на 40 лет, что она подпала под их владетельство. Как только поселяне замечали, что мы русские, то начинали говорить по-французски, оглядываясь, не подслушивает где-либо какой-нибудь германский гражданин или жандарм. А останавливаться приходилось часто, т. к. от жары лопались шины, как раз в глухих местах около маленьких деревушек. Из Страсбурга я проехал в Б(аден)-Баден, где ночевал две ночи и оттуда совершал прогулки по Шварцвальду; масса живописных мест, но при немецком колорите, все слишком чопорно, подлизано в струнку et tellement voile***.

Затем я вернулся во Францию по другой дороге, ночевал в маленьком Нанси и блуждал по всевозможным местам, которые чудом уцелели от германского ига.

Но общее впечатление от всей поездки — прекрасное, а на бумаге пером не передать.

В конце этого месяца я собираюсь дней на 10 в Грушевку, чтобы убедиться лично в том нынешнем урожае, о котором сообщает управляющий. Кроме того я считаю необходимым ежегодно появляться в этом богатейшем имении, чтобы население меня видело, меня знало и чтобы всякий крестьянин мог лично обращаться ко мне по своим нуждам. До сих пор я только могу похвалиться существующими отношениями.

Не зная, буду ли я удостоин приглашения на осенние юбилейные торжества в Бородино и Москву, мне хотелось бы после этих дней съездить также в Боржом, но пока мне трудно определить, когда Ты разрешишь мне тронуться на Кавказ. Скажу только откровенно, что Бородинские торжества меня очень интересуют, а пребывание в Москве гораздо меньше, т. к. вероятно будет много церемоний, а весной уже (нрзб.) все проделал, будучи сначала до конца всюду. Тем не менее я заранее подчиняюсь Твоему решению, но хотелось бы только знать, должен ли я присутствовать только на Бородинских торжествах или также все время и на Московских. Будь милостив, сообщи мне заблаговременно об этом или депешой, или письмецом. Прости меня великодушно за ходатайство.

В начале августа я Тебе представлю лично в Петербурге оба тома Имп. Александра I, которые будут готовы к этому времени. Труд озаглавлен: «Имп. Александр I. Опыт исторического исследования». К I тому приложено 19 таблиц, моего текста 350 страниц; затем идут приложения, все новые, как в I-ом и во II томе, который полностью посвящен этим приложениям. Во II томе таблиц не имеется, потому и без оных он весьма солидных размеров.

Здесь я уже предался охоте и третьего дня убил (нрзб.) первого козла за это лето.

Сергей вернулся из поездки на юг только на днях, но я его вижу редко, потому он около Стрельны5, а я пребываю на берегах Невы.

Целую ручки Аликс и прошу снисхождения за столь длинное послание.

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 14 июля 1911 г. Петроград // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 347—350. — [Т.] IX.

14 Июля 1911. Петроград

Не принадлежа к породе людей, которые к Тебе пристают и беспокоят всякими просьбами, я просто осмеливаюсь сообщить о своем житье-бытье с 7 мая по 7 июля и о той новой исторической работе, которую я затеял, благодаря целой серии неизвестных документов, попавших в мои руки.

В Париже и Франции пробыл я весь май. Погода была идеальная и не жарко. Предавался всяким экскурсиям, осматривал то, чего еще не видел, и видел разных интересных людей, как-то известных Тебе Ганото и Пишона1, а также историка Фр. Массона, Валишевского2 (пишущего историю Павла не a la Шумигорский3, а на деле, появится в свете зимой), маркиза Бретейль, генерала Ланглуа (Langlois) и т. д. Затем сделал 1317 километров в моторе, объездив Бретань и часть Нормандии, где мне особенно понравился древний монастырь Mont Saint Michel, выдающийся молом на узкой полосе земли в океане. Там простая гостиница с окнами на море, все находится на какой-то живописной скале, а мне повезло, т. к. я видел и божественный закат солнца и восход полной луны. Просто диво! При том отличная кухня.

Из прочих городов и местностей хороши город Vannes, где я видел ловлю сардинок, замок Josselin собственность герцога Рогана (Rohan) и дороги всюду идеальные и живописны.

Имел удовольствие часто видеть в Париже Ксению и Сандро, никогда такими беззаботными и веселыми, как там. О прочих членах Императорской семьи — умолчу, ибо встречал их только по ресторанам и всегда тогда, когда менее всего ожидали, именно добродетельную М. П.4, или важного до глупости Юрия5 и, наконец Павла6 и Бориса7.

7 июня, повидавши моего Сергея до посещения им лагеря Mailly близ Шалона8, поехал в

Мариенбад. Там пил воды, мало ел, ничего не пил и похудел, т. е. сбавил брюшко. Остальное время работал как вол и многое успел закончить и разобрать.

Из русских гулял ежедневно с 4-мя дамами: графиней Воронцовой9 (ангел добродушия и она меня просто баловала своим фавором), ее дщерь Ира Шереметева10, княгиня Лоло Долгорукая и графиня М. С. Бенкендорф11. Все жили в полном мире и согласии, а т. к. я был единственным мужчиной, то очевидно и похудел еще больше, стараясь угодить каждой. При отъезде удостоился получить от всех 4-х подарок в виде тюленя из серого богемского камня, по назначению пресс-папье. Сознаюсь, что не ожидал угодить им настолько, чтобы получить подарок. Mais tout est bien qui finet bien*.

Окончив лечение, поехал через Берлин домой, но съездил в Потсдам к Сесиль и ее мужу12, т. к. они меня давно приглашали к себе, а т. к. я поставил условие отсутствие Kaiser'a и его супруги13, то время вышло подходящее. Живет прилично, и отсутствие всякого этикета и свиты (ce grand fleau obligatoire, mais toujours assommant*). Там племянница, сама правя першеронами14, возила меня по окрестностям, показывала все дворцы, сады и даже гробницу Фридриха Великого, где Александр и Наполеон по очереди лобызались с королем Фридр(ихом) Вильг(ельмом) III15. Словом, меня обворожили и приняли не как почтенного, а полупочтенного дядю, что в

действительности я и есть.

В Берлине успел пошляться по жидам-антикварам, все мерзавцы, живодеры, но кое-что нашел и между прочим 2 раскрашенные литографии: одна изображает парад на Марсовом поле, другая — на площади Зимнего дворца, обе эпохи Имп. Александра I. Обе осмелюсь поднести Вашему Императорскому Величеству, когда соизволите меня принять в Петергофе.

31 июля еду на неделю в Грушевку16 для вторичного обзора имения, а в двадцатых числах августа в Боржом для той же цели.

Malgre qu'un autre Richard, le homme Duc ne joignait jamais visiter ses proprietes, j'ose ne pas suivre l'exemple de feu Polovtsov, et j'y vais. Les presidents de la societe Imp. Hist. Se suivent, mais ne se ressemblent pas! Malheureusement l'argent reste la meme** и я еще не могу привыкнуть к сей оболочке богатого.

Переходя к моей работе, она будет называться: «Имп. Александр I. Историческое исследование». Прошу заметить, что я не намерен писать и не пишу историю царствования, а шаг за шагом с 1801 по 1825 исследую правителя вообще, Русского Государя и простого смертного. Работа адски трудная и вот почему. Самая тема. избитая Шильдером, Вандалем, Татищевым17; масса недомолвок, пробелов; некоторые действия трудно объяснимы, наконец, легко что-либо забыть или пропустить. Надобно все уложить в один том. Приложения будут заняты документами, но все исключительно новые, нигде не помещавшиеся. На этот раз прошу Тебя меня избавить от Твоей цензуры, потому, если что-либо будет подвержено критике в печати как нашей, так и иностранной, то лучше чтобы все пало на мою спину исключительно и не говорили бы, что я писал с Твоего разрешения. Впрочем я настолько уже привык к Твоей цензуре, что делаю перечень новых документов и того места, где я их откопал. Ради Бога, извини меня за размеры этого послания, но я предпочитаю сделать это пером, чем на словах обременять Твое время. Будет 5 глав. I. Года колебаний (1801—1807); II. Союз с Наполеоном (1807—1811); III. Борьба с ним (1812—1815); IV. Эпоха конгрессов. Мистицизм — Военные Поселения (1815—1822); V. Года разочарования (1823—1825). Новые документы:

1) Переписка с кн. А. Н. Голицыным (собств. Вашего Вел. библиотека).

2) Переписка с Кошелевым (мистик) (тот же источник).

3) Переписка с Г-ой Криденер (Имп. Публ. библиот.).

4) Письма кн. Чарторыжского к Государю (6) и Государя к князю Адаму (2).

Были выпущены во франц. издании Correspondance de l'Imp. Alexandre I avec le PCe Adam Czartoryski (Paris, 1865), par Ladistas Czartoryski; redige par Mazade***.

Выпущено издателями pour cause****, т. к. польский магнат просил в 1811 году денег у Государя и играл двойную роль со своими же ляхами. (Собств. Ваш. Вел. библиот.).

Принцесса Софья Николаевна Нассауская и Вел. Кн. Александр, Михаил и Сергей Михайловичи

5) Много писем Аракчеева к Государю (все не изданы) (арх. канц Ваш. Величеств, находящийся в Петропавл. крепости).

6) Все дело Л. Гв. Семеновского полка 1820 года. Приговоры, пометки Государя, его собственноручное письмо карандашом, вшитое в дело и резолюции рукой Аракчеева. (арх. Госуд. Совета).

7) Донесения послов и поверенных в делах французских, прусских и австрийских в Петербурге их государям и министрам, любезно мне предоставленных архивами Парижа, Берлина и Вены.

8) Переписка Кошелева с австр. поверенным в делах S'Julien в 1811 году, видимо, без ведома канцлера графа Румянцева, словом, тоже как с Нессельроде и Сперанским, помимо того же Румянцева и посла князя Александра Куракина. (Госуд. архив).

9) Письмо князя Яшвиля, одного из убийц Имп. Павла, к Имп. Александру. Письмо характерно и курьезно по настроению его убийцы. Кн. Яшвиль приходится дедом по женской линии Извольским (от А. П. Извольского).

10) Письмо Лагарпа к Государю от Октября 1801 года по поводу расправы с заговорщиками. Интересно (Собств. Ваш. Вел. библ.).

Библиотека Вел. Кн. Николая Михайловича в Ново-Михайловском дворце

11) Два письма князя Багратиона к Аракчееву после Смоленска в 1812 году. Преинтересно и очень характерно (Канц. Военн. министр.).

Вот перечень главных новых документов, которые мне дали мысль написать к 1812* году эту монографию. В двух словах мой вывод: как правитель Великой страны — России, Александр I займет первенствующее место в летописях истории, как русский государь он был бесподобен в годину Отечественной войны и сроднился с русским народом, но остальные года, к сожалению, интересы Родины оставались на заднем плане и все было обращено к успеху зловредной идеи Священного союза и подстановления Польского королевства под его скипетром; наконец, как простой смертный и человек, вряд ли можно назвать Александра I симпатичным.

Прошу поцеловать ручки Аликс и выразить надежду, что пребывание в шкерах окажет пользу ее здоровью. Позволю себе Тебя обнять, крепко и целую.

Весь Твой Николай М.

Сноски к стр. 347

* Но все хорошо, что все хорошо кончается. (Пер. с фр.).

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 12 декабря 1900 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 346—347. — [Т.] IX.

Петербург, 12 Декабря 1900 г.

Петероург, 12 Декаоря 1900 г.

Осмеливаюсь Тебе писать по следующему поводу. В прошлом году Ты был настолько милостив, что сказал мне, что миниатюры и портреты, находящиеся в Грузине, Ты мне пожизненно даришь, с тем чтобы после они перешли в музей Императора Александра III, как, впрочем, и вся моя коллекция.

Теперь я получил письмо от моего доверенного Лашкова, которое при сем прилагаю и из которого Ты увидишь, в каком грустном и опасном положении находятся все вещи и предметы Грузина. Было бы желательно спасти все бронзы и мебель и, может быть, если оные и нельзя уберечь на месте, их можно было бы перевести или в Эрмитаж, или в музей Имп. Александра III. Просьба моя заключается в том, чтобы Ты приказал ген.-лейт. Куропаткину1 переслать мне через посредство Лашкова (который состоит чиновником особых поручений при губ. гр(афа) Медем) упомянутые портреты и миниатюры, пока они не пропадут окончательно или их совсем испортят.

Могу Тебе сообщить, что Панчулидзев длительно работал это лето и уже написал половину III тома до 1812 года. Второй том совсем готов, равно как и все рисунки, прекрасно исполненные в Эксп. загот. Госуд. бумаг. Когда Ты вернешься, было бы хорошо, чтобы Ты потребовал поскорее Панчулидзева, чтобы решить вопрос о главе кончины императора Павла I. Тогда II том мог бы появиться в свете уже великим постом.

Надеюсь, Ты не сомневаешься, насколько я мысленно ежедневно был с Тобой во время Твоей болезни, которая меня весьма беспокоила и крайне волновала. Завтра я еду с Nord Express через Париж в Канн к сестре, где проведу весь январь. В начале февраля я приеду в Петербург, где надеюсь немного пожить до окончания отпуска, т. е. до середины марта. Умоляю Тебя беречь себя, когда вернешься на север и прошу Тебя на меня не пенять, что пишу эти строки.

Целую ручки Аликс, нежно Тебя обнимаю и прошу верить в преданные чувства и сердечно любящего Тебя

Николая М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 3 апреля 1899 г. Вена // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 344—346. — [Т.] IX.

3 Апреля (18)99. Вена

Милый Ники

Согласно выраженному Тобой желанию пишу Тебе мои впечатления о Риме, Париже, Мюнхене и Вене. Боюсь одного, что благодаря разнообразности этих впечатлений, мне будет трудно написать в сжатой форме, чтобы излишне не утруждать Тебя чтением этого письма. В Риме я видел и обедал у посла Нелидова1, который себя чувствует довольно свободным после Константинополя и усердно занимается расширением своих богатых коллекций древних греческих и римских золотых изделий. Своеобразное, но весьма интересное собрание: всяких изделий, начиная с колец и кончая всякими фигурками древнего искусства, в коем, к сожалению, я весьма мало понимаю.

Моим соседом по гостинице был французский посланник при Ватикане Низар (Nisard), более 20 лет прослуживший в Париже в министерстве иностранных дел. Редко умный, образованный, но на беду очень глухой человек, который мне рассказал много интересного про дела в Ватикане, когда все были уверены, что Папа Лев XIII2 скоро умрет и приготовились к избранию преемника в будущем анклаве. Видимо все страсти уже были в полном ходу и таких кандидатов тройственного союза были очень велики.

Их кандидатами были главный Serafino Vanutelli (брат Vicento), бывшего на коронации в 1895 году и некий Парокки; противная сторона не имела подходящего человека, а потому очень опасалась такого избрания. Тем не менее все вышло по лучшему, т. к. Лев XIII поправился и если последуют новые назначения кардиналов, то можно будет провести кого-либо более желательного для нас и для французов. Мое личное мнение, что кардинал Рамполла3 может легко быть избранным и его именно желал бы особенно Извольский и Низар.

Мне также удалось взобраться в купол Св. Петра и осматривать со спичками подпись Государя — Николая Павловича, весьма замечательную по содержанию: «Император Николай I молился о благоденствии матушки России» 2 декабря 1845 г.

Также нашел подписи Имп(ератор) Алек(сандр) II 1859, дяди Кости4, Низы5 и Папа 1852 года. Но пришлось пройти более 500 ступеней!

Когда я был в Неаполе, то застал там снег на Везувии и погода была ветренная, так что прогулки в Помпеи нельзя причислить к особенно приятным. Зато старик Винспиер был в восторге меня видеть и даже переехал на два дня в мой отель, чтобы больше времени провести со мной.

В Париже я застал кн. Урусова, почти в момент его отъезда, также видел у него Сталя6 и вместе долго рассуждали про ужасное теперешнее положение Франции, где из-за дела Дрейфуса ведется борьба на жизнь и смерть между людьми порядочными, которых большинство, и бандой жидов всех сортов и франкомасонов (franco masson), которые деньгами, подкупом и всякими способами поддерживают волнение в умах по злополучному делу. Сих последних несомненно денежно поддерживают англичане и немцы, чтобы ослабить бедную Францию и торжествовать над ней в колониальной политике и в Черном море. Прямо больно смотреть на все это и трудно предвидеть, чем кончится эта борьба. Последние невероятные разоблачения «Фигаро», одна из самых гадких страниц происков международного жидовского синдиката, сила которого громадна, но неуловима, т. к. никто так ловко не сумеет скрыть свою денежную игру, как еврей, а этих евреев, которые в родстве со многими — прямо легион.

Мог бы Тебе рассказать оригинальные эпизоды, но стесняюсь о них писать по почте. Видел также несколько раз историка Фредерика Массона и Ганото, который живет себе скромно в 5-ом этаже boulevard St. Jermain и предается историческим занятиям. Он вполне милый, порядочный человек, что особенно заметно теперь, когда он уже не у дел, а просто гражданин республики.

Любопытно, что он мне рассказал про свои показания перед «la Cour de cassation»*. Когда он кончил свои показания и стенограф ему уже давал на прочтение и на подпись все, что он говорил, один из судей обратился к нему с листком бумаги, где он записывал свои слова. И что же оказалось, что он записал такие вещи, которые Hanotaux даже не говорил и не думал!

Тогда, конечно, Ганото заставил его перечеркнуть его записи и настоял, чтобы переписали его показания. Очевидно, что если судья позволяет себе такие выходки с бывшим министром, которого нелегко сбить с толку, то что же ожидать от других более слабых и не сильных людей, дающих показания и которых гораздо легче и запугать и сбить с толку! А это судья кассационной палаты — высшие представители магистратуры — конечно всякий вправе думать, что и часть их подкуплена.

Был я также в Версали, где наслаждался воспоминаниями бывших эпох; приобретений вообще сделал немного, но хорошие.

В Мюнхене два дня работал в архивах по делу Баденского Каспара Гаузера и нашел много интересного, но писем Елизаветы Алексеевны к ее сестре Королеве Каролине не нашел. Меня уверяли, что письма эти были возвращены Императору Николаю I в 1841 году.

Дважды обедал и завтракал у Извольских, которые меня приняли как нельзя лучше. Право,

Двакды обедал и завтракал у Извольских, которые меня приняли как нельзя лучше. Право, русское сердце может порадоваться, как везде Извольский умеет быстро приобрести выдающееся положение; тому два года я видел это в Риме, теперь здесь. По моему разумению, это один из наших выдающихся дипломатов, который везде будет на месте. Теперь он готовит преинтересную работу экономическую по вопросу о доставке нефти из Черного моря по Дунаю до Рагенсбурга, чтобы вытеснить американский ввоз нефти. Кажется, через месяц он окончит свою работу, которую, наверное, или гр. Муравьев7 или Витте8 тебе доставят.

Баварцы прямо (навытяжку) стоят перед Извольским: на днях жена9 его дает в пользу бедных русских студентов и артистов, проживающих в Мюнхене, большой концерт с тамошними лучшими музыкальными силами, и за неделю уже все места раскуплены. У него чудная историческая библиотека и много весьма замечательных портретов, так что во всем чувствуется достойный ученик покойного князя Лобанова10.

Здесь в Вене прелюбезно приняли Гр. (Фестерн) с женой, урожденной Гамильтон (мать была принцесса Баденская, сестра злополучного Каспара Гаузера), а также князь Лихтенштейн, который мне дал массу интересных сведений по антикварам и прямо обворожил меня своим приемом. Здесь все его друзья очень опасаются его брака с милой Нарышкиной, но надеятся, что он воздержится от такого безрассудного шага. Оставшись здесь вполне инкогнито трое суток, я

еду завтра через Волынь и Ростов обратно в Тифлис. На освящение новой русской церкви я не попаду, ибо не имея мундира и не представившись Императору11, посол12 посоветовал мне спрятаться, что я и сделал.

Вел. Кн. Николай Михайлович в своем кабинете в Ново-Михайловском дворце

Из Новгорода и Грузина мне сообщает мой человек13 очень много нового и интересного, о чем я буду иметь честь своевременно написать с Кавказа обстоятельный доклад, или уже сообщу на словах при следующем свидании.

Прошу Тебя крепко поцеловать ручки Аликс; от души желаю Вам быть здоровыми, и всего, всего лучшего и остаюсь Твоим преданным слугой

Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 3 марта 1899 г. Канн // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 342—344. — [Т.] IX.

3 Марта (18)99. Канн

От всей души благодарю Тебя за оказанную мне вовсе не заслуженную честь, — избрания почетным членом Имп. Историч. общества1. Надеюсь, по мере сил, быть действительно полезным для будущих работ названного общества.

Здесь я наслаждаюсь полнейшим привольем и конечно посещаю Монте Карло, где счастье мне улыбается. Особенно удачно я беру en plain* № 19 на различных рулетках и даже с максимальными ставками. В четверг я буду представляться Императрице Евгении2, которая выразила желание со мной познакомиться. Затем дальше в Рим, куда обещал заехать моей двоюродной сестре Виктории Шведской3. Останусь там дня три и загляну в Неаполь, где хочу навестить старого нашего друга Винспиера4, находящегося при Папа 37 лет.

Оттуда вернусь в Париж на неделю, где меня ждут всякие исторические находки Фредерика Массона и Альбера Вандаля5. В первый мой приезд я оставался всего четыре дня и только видел довольно продолжительно князя Урусова, нашего посла, который, видимо, занял прекрасное положение в Париже и затмил угасавшую уже славу барона Моренгейма. Урусов был у нас гофмейстером в начале 70-х годов и всегда отличался большим тактом и умом. Жену его я еще

не знаю, но, кажется, она дама с довольно расшатанною нервной системой! Fin de siecle**. Из Парижа я намерен тронуться в последних числах марта обратный путь: останусь двое суток в Мюнхене, где меня поджидает Извольский6 со всевозможными историческими документами, как — письмами королевы Каролины7, сестры Имп. Елизаветы Алексеевны8, к ней и к другим лицам, а также с бумагами по делу Каспара Гаузера9. Далее я поеду на Вену, Варшаву, Москву и Ростов на пагубный Кавказ, куда меня уже теперь тянет.

Вел. Кн. Георгий Михайлович и Мария Георгиевна.
1896 г.

В Монте Карло я имел интересную встречу со знаменитым Рошфором10, который рассыпался в любезностях, забыв, что он радикал, и даже в разговоре мне сказал, что ждет с нетерпением момента, когда Франция будет опять монархией «un sabre ou un cesar»*, как он выразился. Это только показывает, как в старости, ему теперь 70 лет, люди меняют свои воззрения, а также служит отголоском общего здесь настроения после дела Дрейфуса11, которое положительно одурманило всю страну.

К сожалению, здесь на «Rivier» шныряют иностранные принцы, как мухи, но я, как всегда, их

окончательно игнорирую. Англичан здесь тоже видимо-невидимо и вместе с принцами они сильно портят все приятные впечатления природы и климата.

Сестра моя, у которой я живу, ведет сравнительно очень скромную жизнь и очень горда быть уже бабушкой. Миша, бедный, возится со всякими спортами, гольфами, обедами и т. д. и ему право было бы полезно когда-нибудь придумать какую-либо деятельность или ответственность на Матушки России, когда ты найдешь удобным решить этот скучнейший вопрос. Я лично, конечно, остался при своем старом мнении, но сердце братское болит видеть, как человек пропадает и ведет самую пустую жизнь. Его жена умна, но для меня антипатична, хотя она ведет себя с замечательным тактом, а все-таки «le parvenu»* чувствуется во всем. Прошу меня простить за эту болтовню и оставить это между нами и конечно Аликс. Дети их замечательно красивы и хорошо откормлены. Но я замечаю с ужасом, что заболтался и спешу кончить эти строки. От всего сердца обнимаю Тебя и целую ручки Аликс. Надеюсь, что у Вас все будет благополучно.

Преданный Тебе Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 25 октября 1898 г. Тифлис // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 341—342. — [Т.] IX.

25 Октября 1898. Тифлис

Милый Ники

Осмеливаюсь Тебе писать по следующему делу. Я слышал, что Ты весьма милостиво отнесся к труду истории Кавалергардов, первый том которого ротм. Панчулидзев1 надеется выпустить в свет ко дню юбилея Полка. Также первый том сборника биографии2 может быть окончен в течение лета 1899 года. Но вот, где является большое затруднение. Панчулидзев, несмотря ни на какие доводы, безусловно отказывается продолжать историю полка, которую он так удачно начал. Причина тому, в сущности очень простая и понятная. Он уже третий год, благодаря хлопотам по собиранию материалов и писанию самой истории, окончательно забросил свою семью и свои личные дела, которые, естественно, пришли в полнейшее расстройство.

Единственное средство Помочь горю — устроить Панчулидзева где-либо в Петербурге при приличном

содержании и чтобы у него была какая-либо ответственность, а не просто синекура. Мне пришло

на мысль, не будет ли Твоя милость настолько велика, чтобы и здесь помочь нашему родному полковому делу. Нельзя ли будет его поместить на какую-нибудь должность в заведывании архивом или назначить помощником старика Гримма с жалованием не менее трех тысяч в год. Ввиду преклонного уже возраста Гримма он со временем мог бы быть подходящим для заведывания Твоими библиотеками, если только он Тебе симпатичен, т. к. Панчулидзев вполне подготовлен для такого занятия. Не сочти мое ходатайство за дерзость, но утопающий хватается за соломинку, так и я припадаю к Твоему великодушию — помоги делу истории кавалергардов. Или Панчулидзев откажется продолжать начатое дело, о чем он уже официально сообщил генералу Николаеву3, то у нас никого нет, чтобы успешно продолжать столь блестяще начатую историю.

Отсюда не могу Тебе сообщить ничего интересного, тем более, что Ты наверное уже много знаешь от Ксении и Сандро, а также от моего Батюшки. Скажу одно, после его приезда на Кавказ, К(нязь) Голицын стал замечательно любезен ко мне, чего прежде я не замечал. В начале Ноября я собираюсь съездить в Абастуман и провести там 14 число4. Погода у нас все время чудесная. Прошу Тебя поцеловать ручки Аликс.

Сердечно преданный Тебе Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 16 апреля 1898 г. Тифлис // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 339—341. — [Т.] IX.

16 Апреля 1898. Тифлис

Милый Ники

Прежде всего позволь мне от всей души поблагодарить Тебя за Твое соболезнование по поводу кончины бедняги Сиверса, которое меня весьма тронуло. Я лишился человека, с которым 17 лет не расставался, любил, доверял и делил и радость, и горе. Эта минута малодушия его погубила; он не мог перенести мысль, что его подчиненный мог так нахально все растратить без его ведома, при полном к нему доверии, несмотря на неоднократные мои предосторежения1. Особенно тяжело и грустно мне в Боржоме на моей даче, где все его напоминает.

Другая забота теперь — это болезнь кн. Георгия Дмитриевича Шервашидзе, которая неизвестно чем еще кончится. Его посылают на днях с нашим докт(ором) Гауделином2 на консультацию к Эвальду в Берлин. Подозревают, или рак в желудке, или язвы в кишках, хотя я, грешный, просто объясняю себе болезнь сильным нервным расстройством после истекшего года, где у него было забот много, а неприятностей еще больше. Дай-то Бог, чтобы поездка его закончилась благополучно — это редкий человек по своей душе, по прямоте своего характера и по своим стойким убеждениям, что изо дня в день делается реже, особенно в наш век.

Три первые дня Св(ятой) Пасхи я провел в Абастумане у Джорджи, и нашел брата Твоего веселым, поздоровевшим и торжествующим, что ему удалось провести всю зиму и весну у себя. Скоро он собирается на некоторое время ко мне в Ликаны и режим будет с часами и привычками вполне Абастуманский.

В мае и июне намереваюсь посетить 14 Гр. Грузинский и Лейб Эриванский полки, пригнав мои приезды к их полковым праздникам 9 Мая и 29 Июня. Теперь могу более определенно высказаться о полках своей дивизии. По духу я первым номером ставлю Грузинский и Мингрельский полки; те два, к сожалению, слабее, главным образом потому, что штаб-офицеры, прибывшие за последний год из внутренних губерний, очень слабы и не могут сродниться с полковыми частями. К тому же Эриванским полком командует человек, хотя очень хороший, но в молодых чинах, вовсе не служивший в строю и слишком скромный, обладающий недостатком перца. Мне особенно придется поработать над Эриванским и Тифлисским полками, также ради розни между русскими и туземцами, особенно заметной к моему горю в Твоем полку3. Это

розни между русскими и туземцами, особенно заметной к моему горю в Твоем полку3. Это грустное явление произошло в командование корпусом князя Амилахвари4, который открыто отдавал предпочтение туземцам, а к тому же Эриванский полк пережил четырех командиров (два Столица, покойный флиг. ад. Попов и наконец Кузьминский5).

Я постараюсь, конечно, постепенно, обновить состав штаб-офицеров прежде всего, и сейчас дело пойдет лучше. Но я прямо в восторге от Грузинцев, сколько у них осталось боевой жилки, идеальное товарищество и дух бесподобные. За то и по 6 штаб. офицеров, 4 свои, тоже и у Мингрельцев, о которых мне трудно говорить как бывшему командиру. Новый командир полковник Попов весьма подходящий, опытный и боевой; Ты видал его в Сибири, где он командовал 5 Вост. Сиб. Стрелк. Полком. Прекрасный выбор. Да, могу прямо сказать, что Ты меня наградил по-Царски, дав такую славную дивизию!6. Буду стараться оправдать Твое доверие.

Вообще на Кавказе теперь все спокойно, главное ввиду отсутствия князя Голицына7, который черезчур всех запустил и обозлил против себя. Все его нападки на прежние порядки покойного С. А. Шереметева8 слишком преувеличены, нельзя же всех гнать, всех считать за воров, никому не доверять. А пришлые новые элементы до сих пор ничем себя не проявили, кроме как полным незнанием условий края и неумной придирчивости к местному населению. Поверь мне, что нет более консервативных людей, как эти самые грузины, татары, курды, а что касается

пресловутых армян, то любезностью и тактом добьешься больше, чем постоянными придирками и угрозами. Что касается меня, то я и армян считаю вполне консервативными и, к сожалению, даже более, чем население Твери или Тулы. Кроме самой маленькой горстки, большинство их и не думает мечтать об армянском царстве; и понятно, что они зорко следят за своими коммерческими интересами.

Кроме того, их недавние предки проливали свою кровь за Россию, так же как и русские люди, а князья Воронцов и Барятинский9, а также и мой батюшка, отлично ладили со всеми туземцами. Теперь же все говорят о русском знамени, а между тем как часто это русское знамя служит только для проведения всяких либеральных идей в потоке статей «Нового Времени».

То же скажу и про администрацию края. Взятки не берут больше, чем повсюду, но лишь бы дело шло, лишь бы было доверие к губернаторам, уездным начальникам, лишь бы они были на высоте своей задачи, знали бы условия края, потребности населения и все пошло бы как по маслу.

Прости меня, я увлекся, но право, я слишком люблю Кавказ, чтобы не пришлось всего этого к сердцу, а теперешнее неудовольствие мне больно, и последствия, если это продолжится, могут быть очень негативными.

Что касается моей заграничной поездки, то она прошла прелестно. В Париже видел много интересного, а также весьма интересные личности. В театрах самые лучшие пьесы: «Cyrano de Bergerac» par Edmond Rostand10 в стихах, прямо классическое произведение и сыграно труппой с Кокеленом11 бесподобно. Из области веселого «Nouvaux Jeux» par (Lavedan)12, невозможно умно, смешно, но неприлично; на Jeanne Graniere13 и Brasseur прямо нельзя смотреть без хохота. Посмотрел я ателье различных художников, а именно (нрзб.), Flameng14, Detaille15 и т. д. Масса чудных произведений живописи и скульптуры. У Фламенга я не удержался и приобрел «La charge de Marechal Ney a Vaterloo» за 60 франков. Эта картина будет выставлена au salon de 1898; надеюсь, что Ксения и Сандро ее увидят. Собственно говоря, я никогда бы не рискнул купить картину за такую сумму, если бы даже и имел свободные деньги, но я изобрел новый способ16, наскоком в Монте Карло, выиграл вдвое в течение пяти дней, а по телефону дал знать, что Ватерлоо мое.

Такие случаи редки, но весьма приятны. Картина будет висеть у меня в кабинете в Боржоме. Приобрел еще портреты Murat par le baron Gros17 и Duroc18, также писанные художниками первой Империи, кроме того много гравюр портретов русских генералов. Надеюсь, что когда-нибудь при Твоем посещении Кавказа, все подробно Тебе показать.

Всю мою коллекцию портретов, миниатюр, гравюр я хочу завещать музею Императора Александра III; как есть Лобановская комната19, может быть разрешишь после моей смерти и комнату для коллекции покойного «Бимбо».

Ввиду невероятной любезности разных французов ко мне, я дал раз обед в Cafe Anglais, пригласив Hanotaux20, duc et duchesse de Rohan [Marquis et marquise de Buteil], de Murat21 и князя Урусова22. Было очень интересно. Другой раз я дал завтрак у (нрзб.), барону Фредериксу с супругой23, историку Frederic Masson24 и художнику Detaille. А мне Hanotaux заказал завтрак с Vict. Sardou25, (нрзб.) кн(язем) Урусовым и разными представителями монархических партий, моих хороших знакомых, что было весьма оригинально, но прошло отлично. Еще раз завтракал у Урусова втроем с Hanotaux, dejeunai tres intim mais des ples charmant*.

Но я с ужасом вижу, что письмо мое приняло размер целой мемории Госуд. Совета и поспешу окончить эти строки.

Есть еще у меня к Тебе маленькая просьба. Года два уже числится кандидатом , на театральную должность офицера при театрах (нрзб.) в Петербурге старый Мингрельский капитан Шкабич. Если Ты когда-нибудь вспомнишь, то при открытии вакансий, не забудь и моего кандидата,

который для строя стал уже стар.

Вел. Кн. Анастасия Михайловна

Еще раз прости меня за откровенный тон этого письма и за размеры, равно и ужасный мой почерк. Прошу Тебя поцеловать ручки Аликс et me rappels a son bonviai*. Крепко и нежно Тебя обнимаю.

Твой преданный Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 7 февраля 1898 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 338. — [Т.] IX.

7. II. 98

Сегодня я вместе с ген(ерал)-лейт(енантом) Шильдером и Дашковым1 осматривал любопытную коллекцию. От всей души благодарю Тебя за Твое милостивое разрешение. Самая интересная часть разумеется рукописи и автографы русских Государей с их гравюрами. Потом коллекция оригинальных рисунков художника St. Aubin2 времен Императора Александра I, изображающих, как его, так и целую серию его сподвижников.

Было бы очень желательно издать эту коллекцию3, замечательно удачно исполненную, наподобие как были изданы рисунки Горшельта4. Наконец, преинтересный также милый портрет В. К. Константина Павловича, писанный самой княгиней Лович5.

Кроме того, Гримм6 мне любезно показал письмо, писанное карандашом Николая I Великой Княгине Марии Николаевне7 о событиях 14 Декабря 1825 года. Если Ты мне разрешишь его прочесть, я был бы Тебе крайне благодарен, т. к. там есть подробности о некоторых кавалергардах, замешанных тогда в заговоре. Это было бы кладом для некоторых биографий, особенно Захария Чернышева8.

Я предполагаю отсюда съехать в субботу или в среду первой недели Поста. Очень надеюсь, что болезнь Ее Величества пройдет быстро и вполне благополучно.

Был я сегодня у Маши Шаховской9. Прямо больно смотреть на полное отчаяние их обоих, потерявших сына, который еще накануне был вполне здоров и весел, а ночью сделались судороги

и он больше не приходил в себя. Завтра младенца хоронят в Алекс. Невской Лавре. Такое неожиданное горе всегда больше делает впечатление, чем долгое недомогание.

Еще раз благодарю Тебя за Твою милость.

Весь Твой Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 7 июня 1896 г. Тифлис // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 336—338. — [Т.] IX.

Тифлис. 7 Июня 1896

Согласно выраженному Тобой желанию, пишу Тебе вполне откровенно мои личные впечатления о Твоем брате. Пишу Тебе эти строки исключительно для Тебя одного, потому впечатления мои далеко не утешительные.

Я видел Джорджи последний раз 1 декабря 95 года в Абастумане перед его отъездом на Ривьеру. С тех пор нахожу в его внешнем виде большую перемену к худшему. Лицо как-то уменьшилось,

скулы выделяются больше прежнего, часто останавливается, и самый кашель, какой-то сухой, так что больно слушать: Прежде он кашлял, но в известные периоды дня, большей частью после обеда, теперь же с перерывами, но во всякое время.

Дворец Вел. Кн. Михаила Николаевича под Петергофом. Акварель. Рисунок Вел. Кн. Николая Михайловича. 1870 г.

В противном случае — это роковые признаки, которые в случае повторения могут привести к печальному исходу, и даже совсем неожиданно. У меня просто кровью обливается сердце, когда я на него смотрю и с ним провожу время1; подумать, что все средства науки, кажется, останутся безутешными. Прости, если скажу откровенно, что по-моему все эти Алышевские, Захарьины, Поповы, Лейдены, Шершевские2 все же просто шарлатаны и больше кривят своими душами, смотря по тому, куда и как подует ветер.

Я же рассуждаю и пишу, как человек, горячо любящий Твоего брата и как тот из его родственников, который больше всего его видел в самые различные периоды его болезни с 1892 года. Опять повторяю, если я ошибусь в своих впечатлениях, то не суди слишком строго за это письмо.

Могу себе представить, как Ты теперь в Ильинском3 отдыхаешь после коронационных дней и торжеств. Часто, глядя на Тебя в Москве, я думал, как тяжело Тебе все это проделывать и какому испытанию были подвергнуты Твои нервы. Дай только Господь Бог Тебе здоровья и сил на предстоящие и будущие годы!

Нечего говорить, что я лично вполне счастлив и доволен своей судьбой здесь на Кавказе. Мои генеральские погоны меня немного пугают еще при моей молодости, а красная подкладка у пальто просто конфузит, когда выхожу на улицу.

Трем батальонам вверенного мне полка приходится довольно жутко, т. к. с тифлисцами мы несем все тяжести караульной службы, что летом здесь довольно «томительно. Мой 3 батальон в командировке: 12 рота в Батуми, 11-ая — в Абастумане, 9 и 10 в Боржоме, они заменяют части 20 пол. дивизии, ушедшей на лагерные сборы под Ардаган.

27 и 28 июля генерал Редигер4 производил смотр стрельбы с новыми ружьями. Чувствую некоторую эмоцию, хотя занимаемся усердно и до сих пор даже стреляли не дурно. Летний лагерь под Тифлисом с 18 августа по 14 сентября. Если поздней осенью будет свадьба Георгия, то прошу разрешения приехать на некоторое время в Петербург. Хотелось бы поехать и за границу

прошу разрешения приехать на некоторое время в Петербург. Хотелось бы поехать и за границу, но когда еще не могу даже приблизительно расчитать.

Здесь, к сожалению, все продолжаются всякие невзгоды от разлива рек. Попорчена масса мостов, особенно Закавказской железной дороги, и даже целые деревни и попорчена масса всякого добра у бедного люда. У нас в Боржоме даже снесен мост у моего участка.

Я только что прочел замечательно интересные статьи о Государе Николае I в «Русской Старине» за июнь. Особенно хороша статья, подписанная Н. Д., о молодости и вступлении на престол Николая Павловича, а также статья Шидловского о его кончине5. Здесь много схожего о кончине покойного Государя Твоего Отца. Я признаюсь плакал, когда читал эти строки, так мне живо напомнило, что мы все пережили в Ливадии. Много о чем хотелось бы Тебе еще написать, но, во-первых, я не считаю себя в праве писать о посторонних вещах без Твоего разрешения, а во-вторых, боюсь надоесть моим разговором.

Только что приехал Шервашидзе6 из Абастумана. У Джорджи сделалось 3 июня расстройство желудка с жаром до 39,5, хотя теперь прошло, но опять ослабило его на некоторое время.

Прошу Тебя поцеловать ручки Аликс. Позволю себе крепко Тебя обнять.

Твой преданный Николай М.

Николай Михайлович, вел. кн. Письмо Императору Николаю II, 29 апреля 1895 г. Тифлис // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 334—336. — [Т.] IX.

29.IV.95. Тифлис

Милый Ники

Прежде всего позволь мне Тебя от всей души поздравить с днем Твоего рождения и пожелать полнейшего успеха во всех Твоих начинаниях.

Вот уже месяц, что я, вернулся домой и весь конец апреля посвятил на различные смотры в полку1, которыми остался вполне доволен. Получили мы и новые ружья, но курс стрельбы с ними отложен до будущего года, т. к. не было осенней и зимней подготовки. Больных у меня немного, около 60 на полк, несмотря на ненастную дождливую весну, которая уже наделала не мало вреда фруктовым деревьям, а нам порядочно надоела. В Боржоме мои постройки почти окончены, в июне думаю освободить дачу и перебраться туда, когда буду заезжать туда летом, т. к. две мои роты назначены в Абастуман, а две в Боржом на смену теперешних рот, которые пойдут под Карс в июле на подворный сбор. Кажется, дача моя вышла удачно и мило, хоть все удобства и всякие причуды, как-то: масса кур, уток и фазанов. Еще не хватает хорошей прачки, хлебника, которого жду из Москвы и двух ослов для возки провизии. Прости меня за эти подробности.

Говорят, что тоже мои мингрельцы назначены для постройки Карской жел. дороги, но это еще не верно. Теперь произошел застой в работах, потому Главного Инженера Пушечникова вызвал М. Хилков2 в Петербург и отправляет его с другими молодыми кавказскими инженерами на Байкальское озеро, где встретились всякие затруднения для обхода озера. Пушечников всего год как стал управляющим Закавказской дороги, но успел приобрести всеобщее уважение, как редкий знаток своего дела и образцовый работник. Его потеря будет здесь весьма чувствительна, особенно для успешного ведения Карской железной дороги. На днях я получил не к селу, не к городу, длинную оправдательную брошюру от бывшего министра Кривошеина3, которого очень мало знал, но видался с ним по поводу Боржомской ветки железной дороги. По прочтении сего документа мое скверное мнение вовсе не изменилось, но еще усугубилось. Лучше бы он и не посылал таких оправдательных записок. В связи с его делом тут много толкуют о

злоупотреблениях ужасающих размеров, произведенных Ададуровым4 в Закаспийском крае на Черноморском побережье, где землемеры тоже так и не готовы по сие же время. Но люди сведующие уверяют, что Ададуров настолько ловок, что сумеет всех обойти и замять все то, что его компрометирует. Лично я его считаю за очень способного, но на руки едва ли он очень чист, и потом большой друг газетной рекламы, которая ему главным образом помогла и в Европе.

Вел. Кн. Михаил Николаевич. 1880-е гг.

Вел. Кн. Ольга Федоровна

Недавно здесь были выборы нового государственного головы на место умершего в Петербурге Измайлова5. Выбрали кн(язя) Аргутинского6, который уже раньше занимал эту должность. Он тоже армянин, но более покладистый, чем покойный Измайлов, который был видным деятелем здешних армян. Эти армяне невероятно подняли нос после уничтожения наместничества и особенно за время Князя Дондукова7 успели сплотиться и теперь представляют большую и вполне организованную партию, с которой приходится считаться и которая еще по-моему наделает много хлопот в будущем. Они умны, хитры, осторожны и дают прекрасное образование своим детям; пользуются всеми ошибками администрации и обладают главным образом большими средствами кошелька. Я многих из них здесь знаю и встречаю, но ясно вижу, как они

идут в гору со своим влиянием в крае. Грузины все в домах, много болтают, еще больше пьют и все в руках армян, будучи их заложниками. Русские же здесь в меньшинстве и только разве в войсках играют первую роль. Вот мои впечатления за эти первые месяцы моей здешней службы.

Зато промышленность и всякие деловые предприятия растут не по дням, а по часам; а Кавказ так богат, что тут еще много неисчерпаемых богатств, которые лишь бы не попали в руки жидов, как часть нефтяного промысла и виноделия, где уже Ротшильды вонзили свои когти.

Третьего дня у меня завтракал Князь Лев Голицын8, которого Ты знаешь из Крыма и который, кажется, очень бойко ведет винные дела уделов, а также и свои. Особенно удачно у него пошли имения, которые он приобрел в Елизаветпольской губернии.

Время я провожу очень скромно и тихо, хожу иногда играть в карты, но редко крупно, потому и не с кем. Много читаю книг и журналов, а вообще день проходит быстро, потому всяких занятий много. С большим интересом следил я за японскими делами и радуюсь прекрасному, удачному результату. Пусть себе боятся матушки России, а пока слушаются, и что бы мы им показали, где раки зимуют. Французы, кажется, нас поддержали, а также и немцы очень ловко к нам приладились; одни англичане остались с носом9.

В Париже на днях открывается какая-то оригинальная выставка. Отсюда послали верблюдов, лошадей, мулов, буйволов, всяких туземцев медведей и даже арбы с полной укладкой. Вероятно, будет довольно забавно смотреть на всю эту пеструю компанию в Париже.

Папа мне телеграфировал, что Ты остался доволен первыми майскими парадами и что погода очень благоприятствовала этому событию. Очень жаль, что не пришлось присутствовать на этом параде.

Воображаю, как Мама грустно в Гатчине. Она ведь еще там не была с прошлого года!

Видимо, Ты полюбил Царское Село; да, это самое симпатичное место из Петербургских окрестностей10. Скоро я поеду встречать Джорджи в Батум. Он, кажется, остался вполне доволен своим Алжирским пребыванием во всех отношениях. Слава Богу, если это так, и я уверен, здоровье его будет теперь поправляться, если только он не будет делать неосторожностей.

Георгий, брат мой, в восторге от своего нового назначения11. Это дело будет, как раз по нем. Я очень увлекся писанием и прошу снисхождения за длинное послание. Пишу Тебе понедельник

очень увлекся писанием и прошу снисхождения за длинное послание. Пишу Тебе поцеловать ручку Аликс. Своим положением я здесь продолжаю быть вполне довольным и благодарным, как Тебе, так и Покойному Твоему Родителю.

Крепко тебя обнимаю

Твой верный Николай М.

Исмаил-Заде Д. И. Письма Великого Князя Николая Михайловича к Императору Николаю II // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 326—329. — [Т.] IX.

В фонде Николая II (ГАРФ. Ф. 601, Оп. 1. Д. 1310) хранятся письма, адресованные Великим Князем своему венценосному двоюродному племяннику. Всего их 42, хотя два из них следует считать более записками, нежели письмами. Кроме того, в деле имеется записка с ремаркой «Для памяти», явно не предназначавшаяся для Николая II.

13 писем, относящихся к годам Первой мировой войны, были опубликованы в сборнике, ставшем ныне библиографической редкостью*. Там же было опубликовано еще одно письмо Николая Михайловича, неизвестное в подлиннике: оно было воспроизведено по тексту газеты «Русское Слово» (№ 54, от 9 марта 1917 г.), куда было передано самим Великим Князем**. Помимо того, в архиве Николая Михайловича обнаружено еще одно его письмо Императору, по-видимому, и не дошедшее до адресата. Написано оно было в двух вариантах, и один из них датирован 11 января 1917 г.*** Таким образом, на сегодняшний день известно 43 письма Великого Князя Николаю II, 28 из которых, ранее не публиковавшихся, предлагаются вниманию читателя.

Великий Князь Николай Михайлович, внук Николая I, был первенцем в семье Великого Князя Михаила Николаевича, с именем которого связано появление ветви Романовых, именуемой «Михайловичами».

Родившийся 14 апреля 1859 г. Николай Михайлович по традиции в тот же день был назначен шефом 3-й Гвардейской и Гренадерской Артиллерийских бригад, зачислен в л.-гв. Конно-гренадерский полк и л.-гв. 2-ю легкую батарею.

Боевое крещение 18-летний Николай Михайлович получил в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. в сражении под Аладжинскими высотами и у гор Большие и Малые Ягны, которым руководил Главнокомандующий Кавказской Армией Великий Князь Михаил Николаевич. За участие в сражении Николай Михайлович был пожалован орденом Св. Станислава 4-й степени.

Военный послужной список**** Великого Князя достаточно пространен, и служба его в значительной части проходила в войсках Кавказской армии (с 1875 г.). начиная с низших офицерских чинов ее личного состава (подпоручик, штабс-капитан, командир взвода, командующий ротой и т. п.) и кончая высшими командирскими должностями. В 1881 г. служба Николая Михайловича прерывается в связи с зачислением в Лейб-Гвардии Конно-Гренадерский полк. В следующем году он поступает в Николаевскую Академию Генерального Штаба, по окончании которой в 1885 г. зачисляется в Генеральный Штаб с оставлением в звании флигель-адъютанта (полученное в 1879 г.). В том же году начинается его служба в Кавалергардском полку, продолжавшаяся до 1894 г. Здесь он дослужился до командира 2-го эскадрона, кроме того, он неоднократно избирался на должность председателя полкового суда.

В 1894 г. Николай Михайлович получает 16 Гренадерский Мингрельский полк почти одновременно с произведением в генерал-майоры. Оба события расценивались как свидетельства способностей Великого Князя, и его деятельность в качестве полкового командира очевидцы оценивали с похвалой*.

Самым большим достижением в военной карьере Николая Михайловича следует считать

назначение в 1897 г. Командующим знаменитой Кавказской Гренадерской дивизией, как назвал ее в поздравлении сыну Михаил Николаевич — первой по значению во «всей нашей доблестной армии»**. Но это была последная военная должность Великого Князя — в 1903 г. он отчисляется от дивизии в чине генерал-лейтенанта (1901 г.). Тогда же последовало назначение Николая Михайловича генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству.

Интерес Николая Михайловича к науке, проявившийся в юности, начался с энтомологии, и уже 18 лет за свои публикации по энтомологии Кавказа он был избран членом Французского Энтомологического общества. Под его редакцией вышло прекрасно иллюстрированное издание — «Мемуары о чешуекрылых». В 1892 г. Николай Михайлович стал председателем Императорского Русского географического общества.

На протяжении 26 лет Николай Михайлович собирал коллекцию бабочек. В 1899 г. свою уникальную коллекцию, насчитывавшую около 200 тысяч экземпляров, он передал в дар Зоологическому музею Императорской Академии Наук. «Пожертвование это, — писал президент Академии Наук Великий Князь Константин Константинович, — сохранит навсегда имя Ваше в Академии Наук, и я прошу Ваше Императорское Высочество, принять как от Меня лично, так и от имени Конференции выражение глубочайшей признательности за внимание к научным потребностям Академии»***

Этот акт как бы подводил итог его деятельности в области энтомологии. Уже в 90-х гг. проявилась новая тенденция в научных пристрастиях Великого Князя — отечественная история.

В 1902 г. читающая Россия получила, следовавшие одна за другой, публикации Великого Князя****. Сочинения его имели особую научную ценность благодаря прилагаемым историческим документам и мемуарам. Пренебрегая фамильным пиететом, в своей критической оценке Императора Александра I он шел значительно дальше историков, писавших о нем (Шильдер).

По инициативе Николая Михайловича и под его началом велась огромная работа по публикации исторических документов, справочников-некрополей. Отдельного упоминания заслуживает издание «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (Т. 1—5. СПб. 1905—1909), не имеющее аналогов в искусствознании. «Драгоценным материалом истории» назовет их Л. Н. Толстой, один из первых читателей сочинений Великого Князя, состоявший с ним в переписке*****. Его последнюю работу «О подвигах Русского солдата в XIX столетии и об его любви к родине» можно считать сродни «Записке о древней и новой России» Н. М. Карамзина******.

Начиная с 1910 г., когда по предложению Николая II, Великий Князь принял пост председателя Императорского Русского исторического общества, последнее стало занимать большое место в его деятельности. И в этой связи, следует отметить то внимание, которое уделялось состоянию местных архивных учреждений, что продемонстрировал созванный в 1914 г. съезд губернских архивных комиссий.

Вел. Кн. Николай Михайлович — почетный член Императорского Военно-Исторического общества (1908), Московского археологического института (1908), Императорской Академии Художеств (1909) и др. В 1915. г. по представлению совета профессоров историко-филологического факультета Московского Университета присуждена ученая степень доктора русской истории honoris causa. От присвоенного ему звания доктора философии Берлинского университета (1910) он отказался в связи с началом Первой мировой войны*.

Император Николай II

Политические взгляды Великого Князя — ограничение самодержавной власти неким подобием парламента — создали ему репутацию радикала среди членов Императорского дома и его окружения. Особое неприятие вызывали у Николая Михайловича правительственная политика, действия царских министров. Основной мишенью его критики стала Императрица Александра

Федоровна. 1 ноября 1916 г. Великий Князь обратился к Государю с письмом, получившем широкую огласку (см. упоминавшуюся газету «Русское Слово», где написал о том, что блокированный ограниченным кругом лиц, царь вряд ли может знать об истинном положении вещей. Назвал и главный источник дезинформации — Императрицу Александру Федоровну. Императрица потребовала высылки из столицы этого «опасного элемента».

Однако непосредственным поводом удаления Николая Михайловича послужило убийство Распутина: его подпись стояла среди имен Великих Князей, подписавших письмо на имя Николая II о смягчении участи убийц Распутина. В оскорбительной для Великого Князя форме в канун 1917 г. он получил распоряжение немедленно отправиться в двухмесячную ссылку в свое имение Грушевку Херсонской губернии. Вот тогда-то он написал свое письмо от 11 января 1917 г. Но близкие Николая Михайловича, особенно благоволившая к нему Мария Федоровна, сочли письмо дерзким и не советовали отправлять его Государю.

Вел. Кн. Николай Михайлович. 1895 г.

О Февральской революции Николай Михайлович узнал в поезде по дороге в Петроград, однако возможностью повернуть назад пренебрег. 1 марта 1917 г. он появился в Государственной Думе. После отказа Великого Князя Михаила Александровича от престола Николай Михайлович

пытался сохранить власть в руках Романовых, возвращаясь к мысли о передаче права престолонаследия семье старшей сестры Николая II Великой Княгини Ксении Александровны*.

Судьба Николая Михайловича была трагична, как большинства великих князей. Во время заключения в Петропавловской крепости в камере № 207 он вновь возвратился к александровской эпохе, занимаясь изучением деятельности одного из выдающихся русских реформаторов М. М. Сперанского.

24 января 1919 г. Великий Князь вместе с родным братом Георгием и Великими Князьями Павлом Александровичем и Дмитрием Константиновичем были расстреляны в Петропавловской крепости.

Предлагаемые вниманию читателя письма в какой-то мере отразили многогранность незаурядной личности Великого Князя Николая Михайловича, оставившего глубокий след в отечественной культуре.

Публикация осуществляется на основе правил современной орфографии с сохранением написания отдельных слов, отражающих особенности авторского стиля. В публикации использованы изобразительные материалы из Государственного Архива Российской Федерации и Российского государственного архива кинофотодокументов.

П. Н. Ардашев. «Петербургский дневник» и «Петербургские отголоски»

Ардашев П. Н. Петербургские отголоски // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 379—381. — [Т.] IX.

1

Из самых осведомленных источников известно, что Г(осу)д(а)рь очень жалел о произнесенных им словах в ответ на поздравления земских депутаций и долго сетовал на свою горячность, причиной которой по некоторым сведениям (чрез о(тца) Дернова) был отставленный теперь министр внутр(енних) дел (и слава Богу, что отставлен: лихом поминать не надо, а добром помянуть нельзя) Дурново23. Он будто бы выставил некоторые из адресов в самом ненавистном

свете и тем раздражил г-дря, выливших это раздражение в известных, столь всех поразивших своею необычностью выражениях. После Г(осу)д(а)рь неоднократно высказывал близким людям свое искреннее сожаление по этому поводу и, между прочим, на другой день приехал к старику Рихтеру24 (командующий свитой, самое близкое лицо к покойному А(александру) III) и крайне взволнованный («чуть не плакал») высказывал ему свое сожаление о вчерашней своей «выходке». «Что они должны подумать?», — говорил он, имея ввиду членов депутаций. — Вероятно, я их очень обидел...». (Последнюю подробность черпаю из источника еще более осведомленного и близкого к «делу», нем о. Дернов, но не считаю удобным назвать его здесь, потому что — что написано, хотя бы и не пером, того не вырубишь топором). Как ни судить об этом, но, по-моему, этот эпизод прибавляет еще одну симпатичную черту к нравственному портрету нашего молодого монарха, который не боится открыто сознаваться в том, что ему «ничто человеческое не чуждо», не исключая и ошибок, и — что главное — имеет мужество сознаться в сделанной ошибке, а это — великая черта в монархе, да еще неограниченном. Мелкая душа на это неспособна.

2

Старый генерал свиты Рылеев25, сын повешенного при Николае I декабриста-поэта, был и до сих пор остается глубоким почитателем Александра II, на которого чуть не молился при его жизни, за которого не перестает молиться после его смерти. Со дня смерти последнего, пятнадцатый год Рылеев ежедневно, несмотря ни на время года, ни на погоду, отправляется в восьмом часу утра в Петропавловскую крепость и там у мраморной гробницы великого царя Освободителя молится на коленях целый час, потом тихим шагом, как и пришел, возвращается — всегда пешком — в свою одинокую келью. Он холостой, единственная привязанность его, родная сестра, умерла несколько лет тому назад. Во время жизни ее он постоянно обедал у нее, и после ее смерти оставил за собой ее квартиру и ее прислугу и с тех пор продолжает ежедневно, так же аккуратно, как и прежде, ходить обедать в опустелую квартиру своей сестры, прибор которой по-прежнему ставится на стол... С тех пор, как умер Александр II, Рылеев, несмотря на свое звание генерала свиты, никогда больше не появляется при дворе. Он схоронил своего монарха и остается его верным подданным, его преемники для него не существуют... Ни у кого не бывает. Раз как-то зашел с визитом к гр(афу) Олсуфьеву, и то в 9 часов утра, возвращаясь из своего обычного паломничества в Петроп(авловскую) крепость...

3

Императрица Мария Федоровна была прежде большая любительница катанья на коньках и на санках с гор (в Таврическом саду в Пет(ербур)ге) и проделывала оба эти вида спорта с большой ловкостью и даже с некоторою «отчаянностью» и нисколько не смущалась, если приходилось потерпеть иногда крушение. Раз каталась она под руку с гр. Олсуфьевым. На бегу последний хотел изловчиться, чтобы поднять какую-то оброненную Императрицей вещь, но потерял равновесие и со всего размаху шлепнулся об лед, увлекая за собой и свою спутницу. Императрица смеялась сама первая и больше всех своему приключению... Не плакать же было в самом деле... Насчет отчаянности И(мператри)цы передают еще, между прочим, следующий факт. Когда она была еще молода, она отличалась большой физической ловкостью (занималась гимнастикой). Живя в Гатчине, она любила проделывать такую штуку. Из своей комнаты в третьем этаже спускалась из окна по веревке до второго этажа, где как раз под ее помещением было помещение Императора. Спустившись на веревке до уровня окна второго этажа, она сильно отталкивалась от стены и сразмаху влетала в окно кабинета своего мужа...

4

Генерал Клепш (австриец) как-то рассказывал, что раз, проезжая по Венгрии, он зашел в одну сельскую церковь. На открытом (у католиков) алтаре он увидел обычное изображение Христа, но в каком виде? Лицо с бритой бородой и огромными усищами, по-венгерски напомаженными и закрученными кверху, на ногах высокие ботфорты... Комментарии излишни. Прибавлю только,

что Клепш сам католик, во-первых, а во-вторых, «сочинять» не любит. Впрочем, у католиков подобные чудовищные вещи довольно обычны. Существует же у них, и не в захолустье где-нибудь, а в таком большом и всемирно посещаемом городе, как Алжир, Богоматерь (статуя), изображенная в виде негритянки, так называемая «черная» или «африканская Богоматерь». Более чем вероятно, что в Китае Богоматерь изображается в виде косоглазой китаянки, а Христос с китайской косой: у католиков ведь это считается таким же «благочестивым обманом», одним из «благочестивых» средств христианской пропаганды, как и «исправления» в заповедях. У меня в руках есть католический катехизис для французских колоний, в нем вторая заповедь совершенно выкинута (очевидно, чтобы «не смущать» идолопоклонническую душу язычников...) и заменена (ради счета) совершенно другой, не имеющей никакого отношения к «кумирам»...

5

В бытность в Нарве прочел я «Впечатления путешествия по России» Дюма (по-французски). Принято считать его рассказы о России и русской истории (преимущественно закулисной истории двора) образцом фантастического лганья, а между тем что же оказывается? Все, что он передает, напр(имер), о закулисной истории русского двора в начале царствования Екатерины II, оказалось для меня уже знакомым — из книги Бильбасова, написанной на основании архивных документов26. Разница лишь в том, что сочинение Бильбасова вышло два-три года тому назад, а соч(инение) Дюма — почти 50 лет тому н(азад). Кроме того, у Б(ильбасо)ва, конечно, все это гораздо обстоятельнее. Любопытно, что Дюма приводит даже (в переводе, конечно) письмо Орлова к Екатерине об убийстве Петра III. «Открытие» Б(ильбасо)ва и тут оказалось предвосхищенным на целые полвека.

6

Московские домовладельцы спешат нагреть руки ввиду близящейся коронации. Квартиры сдаются на время коронации по сумасшедшим ценам. За один этот месяц27 сдирают вдвое и втрое более, чем за целый год в обыкновенное время. Особенно, конечно, норовят «нагреть» иностранные посольства, не исключая и наших друзей французов. Последние наняли самое роскошное помещение, какое только могли найти в Москве, именно — помещение охотничьего клуба, бывшее помещение думы (дом Шереметева). Клубисты не дали маху и сорвали с наших друзей ни более ни менее как 45 000 рублей за время коронации (один месяц). Сами они платят за это помещение что-то около 15—18 тысяч в год. Австрийское посольство наняло два помещения, гораздо более скромные, за 33 000 рублей на то же время. По этим примерам можно судить о прочем...

«Петербургские отголоски» перешлите по прочтении Коле. Более никуда не посылайте. Перешлите заказным письмом.

Ардашев П. Н. Петербургский дневник // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 371—379. — [Т.] IX.

СПб., 26 октября 1895, четверг. Нет ничего хуже, как приехать в один из современных Вавилонов, называемых столицами, не имея никакого определенного пристанища и не зная, где бы можно было найти таковое, не рискуя быть ограбленным. Один из моих соседей по вагону, какой-то тамбовский помещик, рекомендовал мне знакомую ему гостиницу, из недорогих. Согласились поехать с вокзала вместе, в карете гостиницы. Так и сделали. Я предварительно осведомился у кондуктора кареты, есть ли дешевые номера, на что получил ответ, что есть от 20 руб. в месяц, что по петербургским ценам действительно дешево. Приезжаем в гостиницу.

Спрашиваю номер подешевле, отвечают, что есть в 45 рублей.

— А дешевле нет?

— Нет.

При таком положении дела ничего лучшего не оставалось, как взять извозчика (точнее — двух извозчиков, так как было много багажа) и ехать по Невскому в надежде найти более доступное по цене пристанище в каких-нибудь меблированных комнатах, которыми кишит Невский проспект. Но и тут мне не очень-то посчастливилось. Либо оказывалось, что все комнаты заняты, либо оставались дорогие, рублей по 40. Наконец удалось найти одну комнату на 30 рублей в месяц1. Было 10 часов утра.

Умывшись и приведя в порядок свой туалет, напился чаю и отправился на Фонтанку, к графу2. По обыкновению, встретил радушный прием. Скоро накрыли завтрак, к которому, кроме Юрия, явился и Коб (он живет отдельно, на особой квартире, которую для него нанимает граф), так что завтракали вчетвером. Граф предложил мне придти к ним обедать, каковое приглашение я, конечно, с благодарностью принял. После завтрака отправился в министерство, чтобы навести достоверные справки относительно тех затруднений, о которых трубил в Москве декан Троицкий3. Переговорил об этом лично с вице-директором департамента Латышевым4. Оказалось, что все «затруднения» — чистый вымысел декана. «Дело Ваше пойдет обычным порядком, наряду с другими делами того же рода», — сказал мне вице-директор. Но

относительно шансов на положительное решение вопроса выразился очень сдержанно. Это-де будет зависеть от многих соображений, а между прочим и от того, будет ли вообще признано нужным командировать на счет министерства по данному предмету... Не скажу, чтобы разговор этот особенно поднял мои упования...

27 октября. Предпринял паломничество по редакциям журналов, с которыми еще из Красных Буйцев5 завязал некоторые сношения сотрудничества. Тут познакомился с Шубинским6, редактором «Исторического Вестника», с Михайловским7, известным публицистом, а в настоящее время одним из соредакторов «Русского Богатства», с Скворцовым8, бывшим когда-то одним из главных сотрудников Поповицкого9 в «Церковно-общественном Вестнике», потом — редактором-издателем «Еженедельного Обозрения», а теперь — «Литературного Обозрения», в котором я начал сотрудничать маленькими заметками критико-библиографического характера еще из Буйцев. Он поразил меня своею моложавою наружностью. Ему едва можно было бы дать 30 лет с небольшим. Хотя мне и известно было, что он — автор наделавшей одно время шуму брошюры «В защиту белого духовенства» (против Елагина «Белое духовенство и его интересы»), но ввиду моложавости его я было усомнился в этом, так как эта полемика с Елагиным относится еще к 1883 году.

— Скажите пожалуйста, это Вы — автор книги «В защиту белого духовенства»? — спросил я.

— Да, эта брошюра стоила мне вражды со стороны Конст. Петр. Победоносцева10. Он и теперь мне не может простить этого.

Оказалось, что в то время Скворцов служил в Синоде, и должен был оставить службу, когда Победоносцеву сделалось известным имя автора упомянутой брошюры. Вообще, Скворцов мне показался очень симпатичным. Что-то человеческое, общечеловеческое написано на его моложавом лице с кротким, почти робким взглядом. Ничего специфически редакторского, генеральского. Зато далеко нельзя сказать того же про Шубинского с его не то равнодушной, не то надменной манерой литературного генерала, с его холодным и проницательным взглядом дельца. Впрочем, был очень любезен и даже разговорчив. Сетовал на университеты, особенно на свой Петербургский. Это было сетование обиженного литературного генерала. «Представьте себе, что за последние годы никто, буквально никто ни разу не явился ко мне» (подразумевалось — с предложением сотрудничества). Заочно о своих сотрудниках не стесняется выражениями, судя по тому, как он отозвался о проф(ессоре) Брикнере как о «немчуре, которая норовит по семи пенок снимать со всякого подходящего материала». В пример привел, как он эксплуатирует теперь открытые им записки Ланжерона об Екатерине II. Шубинский довольно уже пожилой, с

Теперь открытые им залежи Майкопа со Екатерине II. Шуйским довольно уже пожилой, с сильной проседью в волосах и бороде. Михайловский смотрит уже совсем стариком и человеком измученным. Он мне показался неразговорчивым и даже немножко нелюдимом, хотя и без малейшей тени «генеральства». Он очень любезно предложил мне порыться в ворохе присланных в редакцию новых книг и выбрать, что меня интересует для рецензии или статьи. Выбрал с полдюжины книг, в том числе второй том Ковалевского «Происхождение современной демократии» и проф(ессора) Корелина «Падение античного миросозерцания». Кроме того, одну книгу, меня интересующую (Лакомб. «Социологические основы истории») обещал мне прислать на квартиру*.

Вечером отправился разыскивать Колиного11 товарища Броневского12, которого и я знавал в Москве. Его я уже не видал лет пять. Однако он сразу узнал меня. В настоящее время он служит в Департаменте внутренних дел. Побеседовали с ним о наших общих знакомых: о Голомбиевском13, о Коле, о Московском унив(ерсите)те, о его службе и т. д.

28 октября. Утром в девятом часу отправился на Васильевский остров, где живет и принимает у себя на дому министр нар(одного) просвещения14. В приемной застал несколько дам — просительниц. Ровно в 9 час(ов) начался прием. Каждого по очереди приглашали в кабинет министра. Прежде всего я поблагодарил его за высказанное им графу Олсуфьеву доброжелательное участие к моей судьбе, а затем сообщил ему о перемене в моих видах относительно ближайшего будущего вследствие ходатайства Московского унив(ерсите)та о моей командировке, причем осведомился, не будет ли какого формального препятствия при этом относительно представленного мною (через графа Олсуфьева) прошения о месте в С(анкт)-Петерб(урге).

Хотя, признаться, я был почти уверен, что относительно разных формальностей его сиятельство смыслит не более меня, грешного. Поэтому я нисколько не удивился, когда граф Делянов сказал мне: «Вы вот что, Вы зайдите в министерство около часу, я там буду».

К часу я отправился в министерство, где имел случай налюбоваться вдоволь на «службу» департаментских чиновников, заключающуюся в том, что в ожидании приезда его сиятельства одни прогуливаются по коридору, другие просто слоняются из угла в угол и из одной комнаты в другую, запустивши руки в карманы и решительно не зная, как убить время, или просто «дружески беседуют» между собой... о вчерашнем «винте» и завтрашнем ужине и тому подобных поучительных вещах. Между тем где-то раздается трель электрического звонка. Все чиновники гурьбой устремляются по направлению к входной двери, где и выстраиваются под предводительством «самого» директора департамента и вице-директора. Все это означает, что его сиятельство изволили прибыть в департамент и изволят раздеваться в передней, внизу. Через полминуты является и он сам, любезно раскланиваясь с чиновниками и пожимая руки директору и вице-директору и некоторым другим чиновникам. Директор с вице-директором совершенно овладевают министром и подсказывают ему ответы просителям, а министр только поддакивает. Последнее испытал я и на себе. Едва министр обратился ко мне, как уж директор моментально «разъяснил» ему дело, а министр, как водится, только поддакнул. Дело шло только относительно вышеупомянутого формального вопроса. Директор разъяснил, что никакого затруднения в вопросе о командировке поданное мною ранее прошение не представляет. Министр производит впечатление совершенной развалины и едва ли имеет большое влияние на дела министерства. Разумеется, что на меня это наблюдение не могло произвести особенно отрадного впечатления. Мне бы хотелось ошибиться, но мне кажется, что едва ли можно рассчитывать на какое-либо содействие со стороны министра, не имеющего своей воли и своего суждения, раз дело коснется практического решения вопроса.

Из министерства снова отправился на Васильевский остров, на этот раз в поиски за своим затерявшимся двоюродным братцем. В Морской кадетский корпус (на Николаевской набережной) приехал около трех часов, когда у кадет только что окончились занятия. Прежде чем нашел, кого искал, пришлось немало поковылять по огромному зданию. На вопрос: в какой роте учится кадет Воскресенский, я, конечно, ничего не мог ответить, кроме того, что он

роте учится кадет Воскресенский, я, конечно, ничего не мог ответить, кроме того, что он поступил в прошлом году. Наконец после изрядных скитаний я наткнулся в коридоре на кучку кадет и обратился к ближайшему из них, не знает ли он кадета Аполлинария Воскресенского.

— Да, это мой товарищ.

— Так нельзя ли мне его увидеть?

— Хорошо, я Вам его сейчас пришлю.

Через полминуты вышел ко мне молодцеватый кадет, прекрасно сложенный, высокого роста, с красивым лицом и необыкновенно мягким взглядом своих кротких и умных глаз. Я ожидал встретить мальчика, а видел перед собой юношу, которому можно было дать лет 17—18.

— Вы Аполлинарий Воскресенский?»

— Да, — ответил он, — глядя на меня с некоторым недоумением.

— А я — Ваш двоюродный брат (я назвал свое имя), о котором Вы, вероятно, никогда и не слыхали.

На лице моего юного собеседника я прочел еще большее изумление.

— Ну, давайте же познакомимся..., — сказал я, протягивая ему руку, и мы облобызались родственным поцелуем.

Тут я рассказал ему вкоротке, откуда я, как попал в Петербург и как разыскал его. Он выразил свою радость и благодарил меня за то, что я разыскал его. Но разговаривать долго нам не пришлось. Раздался звонок, созывавший кадет не то к обеду, не то к каким упражнениям. Я успел только записать имя и адрес его бабушки, к которой обещал придти в субботу или в воскресенье: тогда собирался быть у ней и Аполлинарий, так как их по праздникам отпускают к родственникам.

Вечером отправился к графу Олсуфьеву, на обед по случаю дня рождения Юрия. К обеду собралось довольно много родственников графа, преимущественно Мейендорфы, также австрийский генерал Клепш, о котором я писал еще из Буйцев. Что обед (за столом было 18 чел(овек)) был на славу, конечно, и говорить нечего.

Я забыл упомянуть, что еще до обеда я вместе с Делормом отправился рыскать по Петербургу в поисках за более дешевой квартирой, так как решил остаться в Петербурге до окончательного решения вопроса в министерстве. Хотя граф и советовал мне немедленно ехать в Париж, но на подобный рискованный шаг я не решился. Нетрудно уехать, но как придется возвращаться, если из министерства ничего не выйдет, а свои средства истощатся. Поэтому решил ожидать в Петербурге решения вопроса о командировке, тем более время здесь будет для меня непотерянное. Позаймусь в Имп(ераторской) Публичной библиотеке, а между делом буду работать для журналов, с которыми завязал знакомство. После долгих скитаний по улицам и лазаний по этажам я наконец нашел подходящую комнату на Казанской улице недалеко от Публичной библиотеки, по очень сходной цене (20 руб(лей)) и оставил задаток, собираясь назавтра переселиться на новоселье.

28 октября, воскресенье. Утром собрался переезжать на новую квартиру, спросил счет, ожидая, что меня заставят расплатиться посуточно по полтора рубля, как и говорил управляющий, когда я приехал сюда. К моему крайнему изумлению, последний мне категорически заявил, что я должен уплатить 30 рублей, за месяц. Я, разумеется, заявил, что я желаю очистить его комнату и расплатиться посуточно, за три дня. На это я получил в ответ, что я подписал условие на месяц и, следовательно, должен уплатить за месяц, а там уж мое дело, хочу ли я оставаться или уезжать. Тут только я вспомнил, что в первый же день по приезде управляющий спросил мой паспорт и

Тут только я вспомнил, что в первый же день по приезде управляющий спросил мой паспорт и принес с собою квартирную книгу, в которую и попросил меня «вписать» свое имя, что я и сделал без всяких рассуждений, вовсе не подозревая, что меня заставили не просто «вписать» мое имя, а подписаться под условием, в котором действительно значилось, что я нанял комнату на месяц, как я и убедился собственными глазами в принесенной управляющим книге. Разумеется, что мне ничего другого не оставалось, как сказать в ответ, что, к сожалению, я привык считать людей порядочными, пока они не докажут противного, и... уплатить 30 рублей, не дожидаясь, пока меня обяжет к этому мировой судья. Так неудачно окончилась моя попытка съэкономить относительно квартиры. Вместо «экономии» пришлось еще потерять три рубля задатку и... покориться своей судьбе, обрекшей меня на пребывание на Невском. Право же, после двух-трех подобных «опытов» поневоле придешь к заключению, что правило — считать всякого человека порядочным, пока он не докажет противное, — пожалуй, не мешает заменить противоположным...

Отправился с горя разыскивать Аполлинариеву бабушку, Агатину Даниловну Тимофееву. Насилу добрался до нее, даль порядочная. Наконец нашел довольно неприглядные меблированные комнаты на Екатерининском канале. Разыскиваю № 14, стучу в дверь. Думаю, застану тут и кадета. На отклик: «Войдите», — вхожу в довольно тесную, бедно обставленную комнату. У окна (единственного) сидит старенькая, горбатенькая старушка с какой-то дородной средних лет дамой. Видно, что приход мой был для обеих неожиданностью.

— Что Вам угодно? — обратилась ко мне старушка.

— Вы — г(оспо)жа Тимофеева?

— Да.

— Я — Ваш родственник (такой-то), двоюродный брат Вашего внука, с которым уже познакомился, пришел вот и с Вами познакомиться.

Старушка была еще более изумлена, чем кадет при первой нашей встрече, но оказалась очень общительной и разговорчивой, так что через каких-нибудь пять минут мы уже разговаривали, как старые знакомые. Дородная дама оказалась ее приятельницей — соседкой (генеральша Тейнер), которая пришла навестить больную (бабушка другую неделю не выходила из комнаты по нездоровью). Напоила меня чаем с молоком и прекрасным домашним вареньем и все не переставала повторять: «Ах, какая неожиданность, какой сюрприз, вот не ожидала-то, а как Поля-то должно быть изумился, воображаю». Старушка была непритворно рада, что нашелся родственник, о существовании которого даже и не подозревала она и ее Поля. Оказывается, что кроме Лизочки, они и не предполагали родственников в «Сибири» (для петербуржцев ведь и Вятка — Сибирь), да и Лизочку-то знают только по письмам, так как лично она никогда у них не была. Говорила много и об Аполлинарие, как он первым выдержал экзамен в Морской корпус и зачислен по распоряжению Великого Князя Алексея Алекс(андровича)15, и как после этого директор Гатчинского института16, где Аполлинарий учился, назвал его гордостью Гатчинского института. В настоящее время ему 16 лет, хотя на вид ему можно дать больше по его росту и по серьезному выражению лица. В корпусе он уже второй год и прошлое лето ходил в первое морское плавание, а на будущее лето отправляется во второе. Во время плавания кадеты избирают из своей среды распорядителя хозяйственной частью, которому ежедневно выдается на руки 60 рублей, на которые он должен закупать провизию и все продовольствие для всей роты, вести счета и т. п. На эту должность был выбран во время нынешнего учебного плавания четвертой роты кадет Аполлинарий Воскресенский и так блестяще управлял кадетским хозяйством, что заслужил общую признательность своих товарищей и сделал еще при этом до тысячи рублей экономии (в три месяца). Покровительством Великого Князя Аполлинарий обязан своему троюродному брату, священнику Петропавловского собора Дернову, который состоит законоучителем детей В(еликого) К(князя) Владимира Ал(ександровича)17. В Морской корпус принимают прежде всего сыновей адмиралов, морских офицеров и разных знатных лиц, а потом уже, если останется вакансия, наиболее блестяще выдержавших экзамен из остальных смертных. Как-то в разговоре с своими воспитанниками, Великими Князьями, о(тец) Дернов высказал, как

Как-то в разговоре с своими воспитанниками, Великими Князьями, о(тец) Дернов высказал, как иногда бывает трудно и способному и блестяще учащемуся мальчику попасть в такое заведение, как Морской корпус, если он не сын знатных родителей.

— От кого же это зависит?

— Разумеется, от Вашего дядюшки, Вел(икого) Кн(язя) Алексея Ал(ександровича).

Владимировичи обещали поговорить об этом с своим дядей, и результатом этого было распоряжение от Вел(икого) Кн(язя) Алексея, чтобы выдержавших экзамен в первом пятке принимали, не обращая внимание на их происхождение. Аполлинарий выдержал не только в первом пятке, но и первым, вследствие чего не только был зачислен в корпус, но и принят на казенный счет. Аполлинария я не застал у бабушки, которая таким образом совершенно не знала ничего обо мне до моего прихода, и недоумевала, почему Аполлинарий не пришел к ней в это воскресенье. Напившись чаю и поболтав с час с бабушкой, я отправился в корпус, чтобы узнать о причине неявки Аполлинария. Там его насилу разыскал. Оказалось, что он вместе с несколькими товарищами подвергся за какую-то шалость (в которой, вероятно, и не принимал участия) в виде наказания лишению отпуска в воскресенье (на один раз).

30 октября 1895 г. В Петербурге появилась холера, хотя, в сущности, и без нее тошно так, что

холера не производит никакого впечатления. По-моему, одна петербургская погода октябрьская стоит не одной холеры. Ничего подобного я еще не видывал. Какая-то мразь невыносимая висит в воздухе, от которой с непривычки просто задыхаешься, да и тьма кромешная царит весь день. Освещение в магазинах прекращается иногда только в 10 часов утра и снова зажигается в 2 часа, а в промежутке какие-то сумерки, мгла беспросветная, полярная ночь что ли. У окна с трудом читать можно. Просто заживо дохнешь, заживо чувствуешь себя в могиле. Что уж тут холера...

18 ноября 1895. Не знаю, любезнейший А(лександр) А(лександрович), моя ли рассеянность тому виной, Ваша ли ошибка, только дело в том, что письмо Ваше от 14 ноября я получил только сегодня вечером, и уже через адресный стол вследствие того, что адрес значится: Невский, № 76 вместо 79. Большое Вам спасибо за Ваши хлопоты по наведению справок относительно вытягивающего из меня душу дела... Но я Вам должен рассказать мои сегодняшние «недоразумения». Не получая от Вас никакого ответа, я уж решил, что либо мое, либо Ваше письмо пропало. Думаю, схожу еще в третий раз справлюсь в Министерстве, получены ли бумаги, и если нет, то катну Вам телеграмму. Являюсь в Министерство, прошу дежурного чиновника сделать справку, через несколько минут получаю ответ: «Нет, такой бумаги в Министерство не поступало». Тут уж я окончательно схватился за волосы и побежал на телеграф, катнул Вам телеграмму, которую Вы, вероятно, уже получили, когда я пишу это письмо. Возвращаюсь, повеся нос, «домой» — от телеграфной станции до моей кв(артиры) десятка три шагов. Только что пришел, швейцар подает мне Вашу телеграмму: «Выслано 7 ноября 1895 г.». Бросаюсь немедленно на телеграф, чтобы задержать свою телеграмму или заменить слова другими. Прихожу, говорят: «Только что отправлена...». Махнул рукой и поплелся опять «домой». Едва успел стащить с себя шубу, тот же швейцар стучит ко мне в дверь: письмо. Ваше письмо от 14-го, с двумя наклейками, на которых значится, что «по Невскому, № 76 Павел Ардашев не находится»... Теперь новая загадка мне задана Вашей телеграммой, или точнее столкновением между Вашей телеграммой и полученной мною сегодня справкой в Министерстве. Если я правильно понимаю телеграмму, то «выслано 7 ноября» ходатайство Университета из Округа в Министерство, то решительно недоумеваю, как мне понять полученную мною в Министерстве справку... Нельзя же предполагать, чтобы пакет, отправленный из Москвы 7-го, не был получен в Петербурге до сего дня?.. Жаль, что завтра воскресенье (значит есть в Петербурге хотя один обыватель, «жалеющий», что завтра воскресенье...), и что придется ждать до понедельника разъяснения этой загадки.

Я уж, кажется, писал Вам, что «живу» больше в Пуб(личной) биб(лиотеке), чем «дома», и вообще веду затворническую жизнь, так как совсем не расположен ни к какого рода

«развлечениям». Отступление от этого образа жизни было сделано всего один раз, когда мне несколько неожиданно для меня самого случилось попасть на один литературный юбилей, где все «веселились довольно», и я не без греха...

2 декабря 1895. Сегодня я рассчитывал было получить от Вас, любезнейший А(лександр) А(лександрович), ответ на свое письмо, отправленное 29 ноября, но пока не получил, а полученное мною открытое письмо Ваше от 28 (после отправки моего последнего письма), в котором Вы жалуетесь на мою неаккуратность как корреспондента, наводит меня на предположение, что отправленною мною незадолго перед тем письмо с приложением братова письма (с просьбой переслать его в Биляр), Вами не получено, что очень жаль (если только мое предположение верно). Иначе я никак не могу объяснить Вашу жалобу, так как решительно ни одного Вашего письма не оставил без ответа и в общей сумме мною отправлено даже более писем (считая в том числе и открытые), чем получено. Вы знаете, что с своей стороны я никогда письмами не считаюсь и если бываю «в ударе», то рискую скорее надоесть своими письмами, чем получить упрек в неаккуратности. Но в настоящую пору, при настоящем кисло-выжидательном положении и соответствующем настроении, я решительно «не в ударе». «Перо вываливается из рук» мог бы сказать о себе, если бы только самое выражение не заключало в себе несообразности по отношению к моему писанью. И то правда, что и писать-то, в сущности, много не о чем, так как Вам уже известен мой образ жизни «на Невском». Единственное приключение,

которое я имел здесь, это мой «кутеж» на одном литературном юбилее, из которого я, впрочем, кроме похмелья, почти ничего не вынес, если только не считать мимолетного лицезрения нескольких из литературных генералов (между прочим Короленко, Мамина-Сибиряка и др.). Быть может, я уж и писал Вам об этом, не помню. Третьего дня впервые заглянул в один из частных театров, главным образом потому, что игралась (в 19 раз в этом театре) «Власть тьмы», в которой, между прочим, имел удовольствие видеть на сцене тульских баб и девок, одетых в настоящие тульские поневы, которые впрочем не могли скрыть поддельности самых баб и девок, уж очень-то петербургские барыни в них сквозили. Зато дедушка Аким был бесподобен, и поддельности его нельзя было заметить при самом инквизиторском рассматривании.

Обратили ли Вы внимание на последнее петерб(ургское) наводнение: оно, оказывается, было третьим по силе в нынешнем столетии. Я впрочем его не видал и даже не слыхал пальбы с Петроп(авловской) кр(епости) — таким богатырским сном спал в ту ночь.

«Петерб(ургский) Листок» отправил своего специального корреспондента в Москву «интервьюировать» бабушку Федосью, что вылечила Доробца. Корреспонденции его печатаются с прошлой пятницы — через час по ложке и с великим старанием размазать как можно пошире, чтобы побольше строк вытянуть. Номера эти собираю в двух экземплярах: один для себя, другой для Коба, которого мой рассказ об этой истории так заинтересовал, что он просил меня собрать и ему корреспонденции «П(етербургского) Л(истка)». Он собирается послать заметку в одну англ. газету. Посетил на днях музей Патека, расположившийся на Невском. [Заходил и в порнографическое отделение, где созерцал парадоксальную «женскую» и совсем уже чудовищную «мужскую красоту»]*. В другом музее прослушал из фонографа последнюю речь Карно18 (в Лионе). Вот и все мои «похождения»...

6 января 1896 г. Вчера получил Ваше письмо от 1 января. Благодарю за новогодние поздравления и напутственные пожелания мне к «западным басурманам». Не знаю, суждено ли исполниться Вашему совету — поскорее возвратиться мне «на святую Русь», по которой, вероятно, и самому мне не раз всплакнется на реках Вавилонских. Все, даже и обожатели «заграницы», мне предрекают это. Конечно, сам я могу себе представить это чувство пока лишь отвлеченно. Вероятно, это будет нечто вроде той «тоски по родине», которую я впервые испытал десятилетним голоштанником, когда очутился «на чужой стороне», в пятидесяти верстах от Биляра в качестве новичка Елабужского дух. училища. Новый приступ «тоски по родине» испытал я, когда очутился впервые в Москве, которая представлялась мне уже совершенною чужбиной.

Прошли года — и Москва стала для меня «родиной», до какой степени вся Россия моя родина. Впрочем, мои здешние доброжелатели делают все возможное, чтобы облегчить мне разлуку с родиной и особенно первые минуты существования на незнакомой мне остановке. Граф собирается ввести меня в круг моих соотечественников в Париже через три различные двери. Во-первых, через своего племянника Гирса (советник рус(ского) посольства)19, затем через русского священника в Париже и, наконец, через своего старого приятеля художника Боголюбова20 (не говоря уже о том, что и с самими этими лицами мне будет в высшей степени приятно познакомиться). С другой стороны, мой бывший коллега по Буйцам, Делорм, хлопочет о том, чтобы облегчить мне первые шаги на незнакомой почве в смысле чисто практическом, житейском. Он познакомил меня с одним своим приятелем, парижанином, живущим уже несколько лет в Петерб., который высказал готовность дать мне несколько рекомендательных писем к своим парижским приятелям из коммерческого люда, которые бы могли помочь мне своими указаниями относительно того, где и как лучше устроиться. Вчера был в министерстве. «Ваше дело не поступало еще на высочайший доклад, придется еще подождать числа до 15-го», — вот, что сообщили мне. Делать нечего, значит, еще немножко терпенья... В утешенье мне сказали, по крайней мере, что командировка будет считаться не с 1 января, как я думал, а со дня утверждения; далее, что командировка мне дается на два года, и что на второй год «быть может, будет прибавка» жалованья (1500 вместо теперешних 1200).

3 февраля 1896 г. На днях получил я Ваше письмо, дорогой А(лександр) А(лександрович). Надеюсь еще раз услышать на берегах Невы Ваш отклик из Белокаменной, так как, вероятно, еще с неделю просуществую (не называть же «жизнью» это бестолковое существование мое со дня на день, где «сегодня» возлагает все надежды на «завтра», а «завтра» лишь то и дело что издевается над «вчера») в этой ингерманландской дыре, затхлой и удушливой. Увяз я, подлинно увяз в ингерман-ландских болотах. Кажется, еще минута, и я захлебнусь в этой трясине, которую и крещенские морозы не берут. Да и какие же морозы могут что-нибудь поделать с бездонной канцелярской трясиной... Вот уж две недели, как и «высочайший приказ» последовал, и «бумаги все готовы», а все-таки оказывается, что «дело» еще требует «подождать». Обещали (в который только раз, жаль, не записывал...) «через несколько дней» («завтра» чересчур архаично «по нынешним временам») отпустить... душу на покаянье... в конце первой недели поста (самое и есть время покаянья). И — подивитесь — я «питаю надежду», могу почти сказать — «верю» этому обещанию. Что поделаете, такова уж человеческая глупость, что ты ему хоть кол теши на голове, а он все-таки «питает» себе «надежду», да и конечно, и обманутый двадцать раз — все-таки верит в 21-й.

Масляницу петербургскую я ничем другим не ознаменовал, как только тем, что проехался раз «на чухне», да сходил посмотреть на ледяной дом на Царицыном лугу. Сегодня вдобавок еще блинами разговелся, на Фонтанке. Вот и все. Несколько дней тому назад имел случай послушать Императорскую капеллу. Она давала духовный концерт в память Львова21 (пелись все его сочинения). Такое исполнение мне привелось слышать в первый раз в жизни. Концерт давался в собственном концертном зале капеллы, огромном помещении в два этажа вроде театра. Нечего и говорить, что зала была наполнена без остатка (места были от 50 к. до 5 р.). Во время исполнения одного из номеров программы произошел курьезный инцидент. Несколько сот электрических лампочек, ярко освещавших наполненную публикой залу, вдруг погасли, и слушатели очутились в камере-обскуре (зала без окон, а двери, к тому же затворенные, выходят в темные коридоры). Начался было переполох. Достаточно было малейшего пустяка, напр., резкого стука или чьего-нибудь крика, и я уверен, что произошла бы паника со всеми своими последствиями в подобных случаях. К счастию, скоро на сцене показались несколько свечей, которые вызвали легкий смех в публике, так комичны были эти убого светившиеся вдали (на сцене) точки — после сотен электрических огней. Все успокоились, и минут через пять снова запылали все электрические люстры, и хор снова начал свое пение: «Господи во свете лица Твоего».., прерванное исчезновением электрического света как раз на этом слове «свет».

Сегодня после блинов Юрий затащил меня в Таврический сад, где находится придворный каток

(недоступный для «публики»). Огромный потемкинский Таврический дворец играет роль «грелки» для конькобежцев. В одной из зал — склад стальных английских санок, носящих надписи: в. кн. Б. В. (Борис Вл.) или другие инициалы разных августейших, а также и не августейших, но «имеющих доступ» конькобежцев (в мужском и женском роде). Здесь часто катался на коньках покойный Александр II, а также и А(лександр) III, пока был наследником, а Императрица Мария Фед. и после того. Граф22 как-то катался с ней парой, да на бегу хотел поднять какую-то уроненную Императрицей вещь, потерял равновесие и шлепнулся на лед вместе со своей «дамой», к великому скандалу публики. «Потерпевшие» смеялись всего больше над своей катастрофой, это было, конечно, лучшее, что им оставалось в подобном положении... Мы с Юрием пришли на каток первыми. Воспользовавшись отсутствием публики, и я, собравшись с духом, отважился скатиться дважды с ледяных гор на стальных санках, и оба раза благополучно... Потом каток мало-помалу наполнился «имеющей доступ» публикой, и я предпочел роль наблюдателя роли действующего лица. Многие катались «с великою отчаянностию». День был такой, какого еще не видал П(етербур)г нынешнюю зиму: ясный, солнечный и морозный в то же время.

Шохин Л. И. Примечания: «Петербургский дневник» и «Петербургские отголоски» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 381—382. — [Т.] IX.

1 Невский проспект, д. 79, кв. 6.

2 Олсуфьев Александр Васильевич (1843—1897), граф, генерал-адъютант, помощник командующего Императорской главной квартирой, жил в собственном доме (Фонтанка, 14).

3 Троицкий Матвей Михайлович (1835—1899), декан историко-филологического факультета Московского университета.

4 Латышев Василий Васильевич (1855—1921), действительный статский советник, академик, вице-директор департамента Министерства народного просвещения (с 1893), позднее — директор Департамента, директор Историко-филологического института (с 1903).

5 Буйцы Красные, село на реке Непрявда Епифанского уезда Тульской губернии; по-видимому, принадлежало Олсуфьевым.

6 Шубинский Сергей Николаевич (1834—1913), историк и журналист, в 1880 г. основал журнал «Исторический Вестник».

7 Михайловский Николай Константинович (1842—1904), с 1892 г. один из соредакторов «Русского Богатства».

8 Скворцов Иван Васильевич (1855—?), публицист, выпускник Московской духовной академии, в 1880—1883 гг. помощник редактора «Церковно-общественного Вестника», в 1884—1892 гг. — редактор «Еженедельного Обозрения», с 1895 г. — редактор-издатель журнала «Литературное Обозрение». В 1881 г. издал в Петербурге книгу «В защиту белого духовенства» под псевдонимом И. Старов.

9 Поповицкий Александр Иванович (1826—1904), публицист-богослов, выпускник Петербургской духовной академии.

10 Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор Синода (1880—1905).

11 Ардашев Николай Николаевич (1863—1923), брат П. Н. Ардашева, выпускник Московского университета, ученик профессора русской истории Н. А. Попова. Поступил на службу в Московский архив Министерства юстиции. В конце 1895 уехал в Оренбург, где ему предложили две должности: советника в канцелярии генерал-губернатора и секретаря Тургайского

статистического комитета. В 1902 г. вернулся в МАМЮ по приглашению управляющего архивом Д. Я. Самоквасова.

12 Броневский Юлий Петрович, коллежский асессор, служил в земском отделе Министерства внутренних дел.

13 Гоздаво-Голомбиевский Александр Александрович (1863—1913), выпускник Московского университета, сокурсник Н. Ардашева. П. Ардашев посылал ему в Москву «Дневник» и «Отголоски».

14 Делянов Иван Давыдович (1818—1897).

15 Алексей Александрович (1850—1908), Вел. Кн., генерал-адмирал. Главный начальник флота и морского ведомства (1880—1908).

16 Гатчинский сиротский институт состоял в ведомстве учреждений Императрицы Марии Федоровны, давал образование в объеме гимназического курса.

17 Владимир Александрович (1847—1909), Вел. Кн., главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884—1905).

18 Карно Мари Франсуа Сади (1837—1894), президент Франции, способствовал заключению франко-русского союза, в 1894 г. убит в Лионе итальянским анархистом.

19 Гирс Николай Николаевич (1853—?), статский советник, в звании камергера, советник русского посольства в Париже (1892—1897).

20 Боголюбов Алексей Петрович (1824 — 7 ноября 1896, Париж), художник-маринист, с 1873 г. жил преимущественно в Париже.

21 Львов Алексей Федорович (1798—1870), композитор, скрипач.

22 Олсуфьев А. В.

23 Дурново Иван Николаевич (1830—1903), министр внутренних дел (1889—1895), назначен председателем Комитета министров в 1895 г.

24 Рихтер Оттон Борисович (1830—1908), генерал-адъютант, с 1881 г. командующий Императорской главной квартирой, принимал прошения, подаваемые на высочайшее имя (1884—1895).

25 Рылеев Александр Михайлович (1830—1907), комендант Императорской главной квартиры (1864—1881).

26 См.: Бильбасов В. А. История Екатерины II. СПб. 1890—1896. Т. 1—2.

27 Коронация состоялась в Москве в мае 1896 г.

Публикация Л. И. ШОХИНА

Шохин Л. И. «Петербургский дневник» и «Петербургские отголоски» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 371. — [Т.] IX.

П. Н. Ардашев «Петербургский дневник» и «Петербургские отголоски»

Павел Николаевич Ардашев (1865—1922), историк, журналист. В 1900 г. защитил магистерскую

диссертацию «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774—1789). Провинциальные интенданты». В 1906 г. — докторскую диссертацию. В 1901 г. стал профессором Юрьевского университета, с 1903 г. — Киевского университета, с 1917 г. — Крымского университета в Симферополе.

В конце 1895 — начале 1896 г. по поводу предстоящей командировки во Францию для сбора материалов по теме диссертации (в основе которой — неизданная административная переписка из французских архивов) Ардашев прибыл в Петербург. Очерки «Петербургский дневник» и «Петербургские отголоски» посвящены впечатлениям этой поездки.

Публикуемые материалы хранятся в РГАДА (Ф. 1468. Оп. 2. Д. 174. Л. 1—10. Д. 175. Л. 1—6 об.).

Письма С. В. Максимова к А. А. Бахрушину

Щербакова М. И. Примечания: Письма С. В. Максимова к А. А. Бахрушину // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 404—409. — [Т.] IX.

1 Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889), поэт-сатирик, автор пародий и фельетонов, сотрудник журналов «Искра», «Русское Слово», «Современник», «Гудок», «Будильник», «Отечественные Записки», «Дело» и др.

2 Славутинский Степан Тимофеевич (1821—1884), отставной старший чиновник особых поручений при губернаторе в Рязанской губернии, затем чиновник в Министерстве внутренних дел. Литературной деятельностью стал заниматься с 1859 г. («Повести и рассказы», 1860). В коллекцию Бахрушина Максимов отправил два письма Славутинского 1869 и 1880 гг. (ГЦТМ. Ф. 153. Ед. хр. 18—19).

3 Дриянский (Дрианский) Егор (Георгий) Эдуардович (1812—1873), прозаик, драматург, автор одной из лучших книг о псовой охоте «Записки мелкотравчатого» (СПб. 1859). Сохранились три письма Дриянского к Максимову с пометой адресата: «Письма автора “Записок мелкотравчатого”».

4 Иванов Алексей Федорович (псевд. Классик) (1841—1894), поэт, прозаик, переводчик, сотрудник периодических изданий «Заноза», «Будильник», «Шут», «Стрекоза», «Осколки», «Суфлер», «Московский листок», «Новое время», «Всемирная иллюстрация», «Труд» и др. Опубликовал сборник «Повести и рассказы» (СПб. 1874) и книгу «Веселый попутчик. Письма с дороги, заметки на лету, картинки из путевых воспоминаний и дорожные песни.

5 Ничипоренко Андрей Иванович (1837—1863), чиновник, член общества «Земля и Воля», корреспондент «Колокола». Был привлечен по делу о сношении с «лондонскими пропагандистами» Герценым и Огаревым. На следствии дал ложное показание против Максимова. Умер в Петропавловской крепости. Изображен Н. С. Лесковым в очерке «Загадочный человек» и романе «Никуда» (Пархоменко).

6 Боклевский Петр Михайлович (1816—1897), художник, член кружка «молодой редакции “Москвитянина”»; иллюстрировал произведения Гоголя, Островского, Тургенева, Толстого, Достоевского.

7 Семевский Михаил Иванович (1837—1892), общественный деятель и писатель; основатель ежемесячного издания «Русская Старина» (1870).

8 Курочкин Николай Степанович (1830—1884), поэт, критик, журналист, переводчик. Активный сотрудник журнала «Искра», редактор журналов «Иллюстрации» (1861—1862), «Невский

сотрудник журнала «Искра», редактор журналов «Иллюстрации» (1861—1862), «Невский Сборник» (1867), «Книжный Вестник» (1865—1867), ведущий библиографического и иностранного отделов «Отечественных Записок» (с 1868).

9 Курочкин Василий Степанович (1831—1875), поэт, переводчик, журналист. С 1850-х гг. сотрудник журналов «Сын Отечества», «Пантеон», «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русский вестник». Переводил Беранже (шесть прижизненных изданий), Мольера, Мюссе, Бернса и др. Редактор еженедельного сатирического журнала «Искра».

10 Микешин Михаил Осипович (1836—1896), живописец, рисовальщик, иллюстратор литературных произведений, скульптор.

11 Стахович Михаил Александрович (?—1858), уездный предводитель дворянства (Елецкого уезда Орловской губ.), писатель, поэт, переводчик, автор воспоминаний о П. В. Киреевском. Известность принесли сцены из народной жизни «Ночное».

12 Горбунов Иван Федорович (1831—1896), актер Александрийского театра, зачинатель жанра устного рассказа, прозаик. Устные рассказы составили сборники «Сцены из народного быта» (СПб. 1861, 1870, 1873, 1874, 1876) и «Сцены и рассказы» (СПб. 1880, 1881).

13 Зарубин Павел Алексеевич (1816—1886), публицист, прозаик, изобретатель-самоучка. За изобретение планиметра удостоен премий Петербургской и Парижской академий, Демидовской премии. Писал статьи о городском хозяйстве, экономике, этнографические очерки. Редактор «Петербургского листка». В журналах «Библиотека для чтения» и «Эпоха» печатал единственное художественное произведение — автобиографический роман «Темные и светлые стороны русской жизни». Этим объясняется помета Максимова на письме к нему Зарубина (2 февраля 1874 г.), посланном Бахрушину: «Основатель Петербургского Листка и автор множества романов и повестей» (ГЦТМ. Ф. 153).

14 Спасович Владимир Данилович (1829—1906), юрист, специалист в области уголовного права, автор многочисленных научных трудов и Учебника уголовного права (СПБ. 1863). С 1857 — профессор Петербургского университета, затем — Училища правоведения.

15 Шубинский Сергей Николаевич (1834—1920 ?) — историк и литератор. Основатель и редактор журнала «Древняя и Новая Россия» (1875—1880), редактор журнала «Исторический Вестник» (с 1880).

16 Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, издатель. Редактировал газеты: «Литературное прибавление к “Русскому Инвалиду”» (1837—1839), «Литературная газета», «С.-Петербургские Ведомости» (1852—1862); издавал газету «Голос» (1863—1884) и журнал «Отечественные Записки» (1839—1868).

17 Хмыров Михаил Дмитриевич (1830—1872), писатель, историк. Автор многочисленных статей по истории России.

18 Имеются в виду статьи «Неподражаемый рассказчик. Воспоминания об И. Ф. Горбунове» (1896, Кн. XII. Отд. 1. С. 31—57) и «Александр Николаевич Островский (По моим воспоминаниям)» (1897. Кн. I. Отд. 1. С. 36—64).

19 Писарев Модест Иванович (1844—1905), актер, педагог, критик. В 1865 г. окончил юридический факультет Московского университета. Профессиональную актерскую деятельность начал в 1867 г. в Симбирске. Работал в Периферийных театрах, в театре А. А. Бренко (1880—1882), театре Ф. А. Корша, с 1885 г. — в труппе Александринского театра.

20 Жена Горбунова Амалия (Наталья) Ивановна, дочери: Татьяна Ивановна (в замужестве Дмитриевская, Елизавета Ивановна (в замужестве Дмитриевская), имя третьей дочери не

Дмитриевская, Елизавета Ивановна (в замужестве Дмитриевская), имя третьей дочери не известно.

21 Антикварная книжная лавка купца Василия Ивановича Клочкова располагалась по адресу: Литейный проспект, 55.

22 Альбом был отправлен в Москву Т. И. Горбуновой. Об этом свидетельствует ее письмо (ГЦТМ. Ф. 1. Ед. хр. 680): «Многоуважаемый Алексей Александрович. Сегодня получила по присланному Вами чеку 1000 рублей, спешу Вас уведомить. Мы очень рады, что папин альбом у Вас, он собирал его с такой любовью и очень дорожил им. С. В. Максимов говорил нам, у Вас такая масса драгоценных вещей именно в этом роде, редкая коллекция. Мне очень приятно, папин альбом будет, между ними. С искренними пожеланиями Вам всего хорошего на Новый год. Остаюсь готовая к услугам Татьяна Горбунова. 30 декабря 1896 г.» Сам альбом в фондах музея найти не удалось.

23 Щепкин Михаил Семенович (1788—1836), актер, реформатор русской сцены и основоположник реализма в сценическом искусстве.

24 Каратыгин Петр Андреевич (1805—1879), петербургский комический актер, брат выдающегося трагического актера В. А. Каратыгина. Успешно занимался литературой и

художеством, оставив после себя альбомы с портретами современников и карикатурами.

25 Егорнов Александр Семенович (1858—1903), пейзажист, классный художник I степени.

26 Лагорио Лев Феликсович (1827—1905), живописец и акварелист. Учился в Петербургской Академии Художеств у М. Воробьева и Б. Виллевальде (1843—1850), пенсионер Академии Художеств во Франции и Италии (1853—1860).

27 Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк и писатель, занимался историей массовых народных движений. «Смутное время Московского государства» (1866—1867), «Бунт Стеньки Разина» (1858), «Богдан Хмельницкий» и др. Драма «Савва Чалый» (1838, на укр.), «Кудеяр» (1875, на рус.).

28 Кожанчиков Дмитрий Ефремович (1820 или 1821—1877) — книгопродавец и издатель. В коллекцию Бахрушина было отправлено письмо Кожанчикова Максимову от 24 марта 1873 г. (ГЦТМ. Ф. 153).

29 Люлю, «принц Лулу» (Евгений Людовик Жан Жозеф) (1856—1879), единственный сын Наполеона III и Евгении Монтихо. В 1874 г. бонапартистская партия провозгласила «принца Лулу» Наполеоном IV. Чтобы ратными подвигами утвердить свой авторитет и выйти из-под влияния матери, принял участие в войне с зулусами, где и был убит.

30 Герцог де Морни, Шарль Опост Луи Жозеф (1811—1865), французский государственный деятель, побочный сын матери Наполеона III, голландской королевы Гортензии. Послом в Петербурге был в 1856—1857 гг. Сообщение Максимова о том, что Морни передал Горбунову медаль, выбитую в 1874 г., ошибочно.

31 Потехин Алексей Антипович (1829—1908), прозаик и драматург. Родился в г. Кинешма Костромской губернии, учился в костромской гимназии одновременно с Максимовым. Как и Максимов, Потехин принял участие в «литературной» экспедиции, организованной по инициативе Вел. Кн. Константина Николаевича для изучения жизни русских окраин. Профессиональная близость и товарищеские отношения Потехина и Максимова не прерывались до смерти последнего.

32 Потехин Константин Антипович (1832—1896), врач, доктор медицины, действительный статский советник. Как и брат, был знаком с Максимовым по Костроме. В 1854 г. окончил

статский советник. Как и брат, был знаком с Максимовым по Костроме. В 1854 г. окончил Московский университет, специализировался по внутренним и детским болезням, в 1857 г. защитил диссертацию. В последние годы жизни состоял врачом при отделении больницы принца Ольденбургского. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

33 У С. В. Максимова и его жены Ольги Ивановны (?—1887), с которой писатель обвенчался в 1862 г., было четверо детей: три сына и дочь. Старший сын Иван впоследствии стал моряком, в должности помощника начальника гидрогеографической экспедиции служил на Тихом океане; второй сын — Александр — был на дипломатической службе; младший — Георгий — окончил Морской кадетский корпус; дочь Елена в 1900 г. вышла замуж за поручика А. В. Дарагана.

34 Заграничное путешествие И. Ф. Горбунова с А. Н. Островским и М. Ф. Шишко длилось с 2/14 апреля по 28 мая / 9 июня 1862 г. Максимов отправил в коллекцию Бахрушина черновик письма Горбунова от 2 мая 1862 г., сделав поясняющую запись: «Проект письма набросан в Риме, откуда и послано было в Москву к С. С. Кошеверову, что и обозначено в путевых записках под 2 мая: «Писал письмо к дядюшке по-славянски», и далее: «В гостинице на столе есть русские надписи. На стене из попугая сделан сенатор, с надписью внизу: «Из губернаторов в сенаторы». На посланный ему документ Бахрушин своей рукой перенес сведения, сообщенные в письме Максимовым, и приписал: «Сообщено и получено от Сергея Вас(ильевича) Максимова. 1896, декабрь, 20.» (ГЦТМ. Ф. 124. Ед. хр. 6)

35 Левицкий Сергей Львович (1819—1898), фотограф Императорского Двора (Петербург, Казанская улица, дом № 3); двоюродный брат А. И. Герцена.

36 Белов Алексей Михайлович.

37 Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882), прозаик, поэт, драматург, мемуарист. Известность автору принесла «История двух калош» (1839), наделавшая, по словам И. И. Панаева, «столько шуму, что она читалась даже теми, которые никогда ничего не читали... по крайней мере по-русски». Главная книга Соллогуба — повесть «Тарантас» (1840). Драматургическое наследие составляют водевили и комедии «Беда от нежного сердца» (1850), «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься» (1850). К мемуарам писатель обратился в последние годы жизни; автобиографический роман «Через край» был опубликован после смерти автора.

38 На черновике письма Горбунова «Указ окольничему» Максимов сделал помету: «Наказ Анатолию Федоровичу Кони, назначенному председателем СПб. Окружного суда» (ГЦТМ. Ф. 72. Ед. хр. 28). Текст опубликован (Горбунов И. Ф. Соч. Т. II. Ч. 2. СПб., 1904. С. 222—223).

39 Лампописты — от лампопо (пополам), названия напитка, любимого москвичами и приготовлявшегося в московских трактирах из холодного пива с сахаром и лимоном, к которым добавлялись раскаленные ржаные сухари. Полное название наказа: «Статьи, како увещевати глаголемаго лампописта» (Горбунов И. Ф. Соч. Т. II. Ч. 2. Спб. 1904. С. 215).

40 Послание Горбунова Островскому озаглавлено: «Челобитная по скопческому делу» (Горбунов И. Ф. Соч. Т. II, Ч. 2. СПб., 1904. С. 211—212). Максимов, посылая сохранившийся черновик, пояснил: «Гурий Николаевич Бурлаков, сопровождавший Ал(ександра) Ник(олаевича) Островского в поездке на Волгу в 1856 году, в качестве переписчика и полезного компаньона, в 60-х годах замешанный в деле скопцов и заподозренный руководителем секты, как человек очень образованный или, по крайней мере начитанный, содержался под стражей и судился в Москве. На допросах он сослался на Ив(ана) Фед(оровича) Горбунова, как человека близко его знающего, — и вот причина, почему судебный следователь в 1870 году допрашивал Ив(ана) Фед(оровича). как свидетеля по делу. Гурий Ник(олаевич) был судом оправдан и жил на свободе до 1891 года, когда скончался и был похоронен на Ваганьковском кладбище. Во всякий приезд Ив(ана) Фед(оровича) в Москву он рано утром являлся в нумер гостиницы ежедневно, заказывал чай, пил его, а оставшиеся кусочки сахару обязательно прятал. Дружба у них была великая. Не один

десяток писем его сохранился в бумагах Горбунова. Для образчика писаний его одно при сем прилагается» (ГЦТМ. Ф. 72. Ед. хр. 27).

41 Бартенев Петр Иванович (1829—1912), историк, археограф, библиограф. Сотрудник журналов «Москвитянин» (1853) «Русская беседа» (1857); заведующий Чертковской библиотекой в Москве (1859—1873); издатель и составитель «Русского Архива» (1873—1912). На черновике Горбунова, отправленном в коллекцию Бахрушина, Максимов сделал помету: «Петра Ив(ановича) Бартенева благодарит за высылку его журнала» (ГЦТМ. Ф. 72. Ед. хр. 32).

42 Островская (урожд. Бахметьева) Мария Васильевна (1845—1906), по сцене — Васильева 2-я.

43 Островский Михаил Николаевич (1827—1901).

44 Морозов Петр Осипович (1854—1920), историк русской литературы и театра, один из первых ученых, положивших начало русскому научному театроведению; автор популярных биографий Пушкина, Шиллера, Островского и др. С 1889 г. читал курс лекции по истории театра и драматургии в Петербургском театральном училище.

45 К сожалению, из-за болезни и необходимости сотрудничать в Этнографическом бюро князя В. Н. Тенешева этот замысел не был осуществлен.

46 М. О. Микешин жил в доме № 128 по Фонтанке. Адрес Максимова до 1895 г.: Фонтанка, у Измайловского моста, д. 116 (Тарасова), кв. 200.

47 Микешина (урожд. Грейг) Мария Петровна (1840—1909), жена М. О. Микешина.

48 В Стрельне по Петергофской железной дороге Микешиным принадлежала Барская дача.

49 10 июня 1896 г. А. А. Бахрушин получил от М. П. Микешиной письмо (ГЦТМ. Ф. 1. Ед. хр. 1770), в котором она предложила на продажу автограф всей пьесы А. Н. Островского «Женитьба Бальзаминова».

50 Продолжение статьи Максимова «Александр Николаевич Островский (По моим воспоминаниям)» напечатано в журнале «Русская мысль». 1897. Кн. III. Отд. I. С. 62—78.

51 Сообщение ошибочное. Впервые очерк «Один из наших народников. Воспоминания о П. И. Якушкине» опубликованы в 1883 г. в «Живописном обозрении» (№ 40, 41, 45, 46). В 1884 г. В. О. Михневич в Петербурге предпринял издание сочинений П. И. Якушкина с портретом автора, биографическим очерком о нем С. В. Максимова и товарищескими воспоминаниями П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ф. Горбунова и др.

52 Речь идет о статьях Максимова: «Лев Александрович Мей (Из личных воспоминаний)» («Русская мысль». 1887. Кн. VII. Отд. II. С. 60—77) и «Литературная экспедиция (По архивным документам и личным воспоминаниям)» («Русская Мысль». 1890. Кн. II. Отд. I. С. 17—50).

53 Гольцев Виктор Александрович (1850—1906), публицист, литературный критик, ученый и общественный деятель. С марта 1885 г. по апрель 1905 г. был неофициальным главным редактором журнала «Русская мысль».

54 Павел Александрович (1860—1919), Вел. Кн., командир Гвардейского корпуса, генерал от инфантерии, почетный председатель Русского общества охраны народного здоровья, покровитель всех поощрительных конозаводских учреждений в России.

55 Кирилл Владимирович (1876—1938), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Владимира Александровича и Вел. Кн. Марии Павловны.

56 Александр Михайлович (1866—1933), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Михаила Николаевича и Вел.

56 Александр Михайлович (1866—1933), Вел. Кн., сын Вел. Кн. Михаила Николаевича и Вел. Кн. Ольги Федоровны, генерал-адъютант, адмирал.

57 Ольденбургский Александр Петрович (1844—1932), принц, сенатор, почетный попечитель Императорского Училища правоведения и Императорского Института экспериментальной медицины, им основанного; с 1896 — член Государственного Совета, с 1897 — председатель Противочумной комиссии.

58 Письмо Е. Н. Эдельсона от 20 августа 1848 г. с пометой С. В. Максимова: «От Эдельсона» (ГЦТМ. Ф. 200. Ед. хр. 2579).

59 Речь идет о портрете Марии Матвеевны Степановой (1815—1903), русской певицы (сопрано). Родилась в Петербурге, в семье придворного музыканта. Обучалась в театральном училище (балет, вокал), которое окончила в 1833 г. Дебютировала на сцене Мариинского театра в 1831 г. Первая исполнительница партии Антониды в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836). Оставила сцену в 1854 г. Портрет, о котором пишет Максимов, в фондах ГЦТМ обнаружить не удалось.

60 С. В. Максимов в 1898 г. оставил должность редактора газеты «Ведомости санктпетербургского градоначальства и столичной полиции» и перешел в Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева, где ему было поручено написать очерки о народных обычаях, обрядах и верованиях крестьянства центральных губерний России для издания, приуроченного ко Всемирной выставке 1900 г.

61 Катенин Павел Александрович (1792—1853), поэт, драматург, литературный критик, переводчик. Последние 30 лет жизни провел в родовой усадьбе Шаево Кологривского уезда Костромской губернии, где и скончался. На могильной плите была начертана автоэпитафия:

«Павел, сын Александров, и роду Катениных. Честно

Отжил свой век, служил Отечеству верой и правдой,

В Кульме бился на смерть, но судьба его пощадила;
Зла не творил никому и ме?не добра, чем хотелось»

В 1955 г. прах поэта был перенесен в Чухлому.

62 Шелехова (урожд. Монруа) Мария Федоровна, оперная певица (меццо-сопрано). Исполняла первые роли на Императорской оперной сцене Петербурга с 1833 по 1843 г. Муж — Д. А. Шелехов, капельмейстер санкт-петербургских театров, автор оперы «Женевьева Брабантская».

63 Воробьева (в замуж. Петрова) Анна Яковлевна (1816—1901), русская певица (контральто). Музыкальное образование получила в Петербургском музыкальном училище (балетный класс Ш. Дидло, класс пения Сапиенца). С 1832 г. — хористка, в 1835—1847 — солистка Петербургского оперного театра. Брала уроки пения у М. И. Глинки. Для Петровой написана партия Вани в опере «Жизнь за царя».

64 Петров Осип Афанасьевич (1806—1878), певец (бас), создатель русской вокальной школы. Исполнение им главных партий в первых постановках опер М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836) и «Руслан и Людмила» (1842) стало событием в истории русской оперы.

65 Щеглов Иван Леонтьевич (наст. фамилия Леонтьев) (1856—1911), прозаик, драматург. Начинал как беллетрист, но после успеха комедии «В горах Кавказа» целиком посвятил себя драматургии и театру. Автор сборников для самодеятельных кружков, пособий, исследований «О народном театре» (1895) и «Народный театр в очерках и картинках» (1898).

66 Шестакова (урожд. Глинка) Людмила Ивановна (1816—1906)

66 Шестакова (урожд. Глинка) Людмила Ивановна (1816—1906).

67 Кудрин Владимир Сергеевич (1834—1908), врач, главный медицинский инспектор флота (с 1880), почетный лейб-хирург.

68 Л. И. Шестакова и В. С. Кудрин проживали в Петербурге на Гагаринской улице в доме № 30.

69 Из устных рассказов И. Ф. Горбунова об охоте с Н. А. Некрасовым опубликован один — «Дьявольское наваждение» (Горбунов И. Ф. Сочинения. Т. III. Ч. 1. СПб. 1907).

70 Нильский (наст. фамилия Нилус) Александр Александрович (1840—1899), актер, первый исполнитель роли Годунова в пьесе А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного». Прослужив на столичной императорской сцене 40 лет, выпустил в 1897 г. книгу воспоминаний «Закулисная хроника 1856—1894», опубликованную ранее в «Историческом Вестнике» (1893—1894).

71 Коллекция меню хранится в ГЦТМ.

72 Жемчужников Алексей Михайлович (1821—1908), поэт, публицист, брат Александра Михайловича и Владимира Михайловича Жемчужниковых. В альбоме — дарственная надпись: «Ивану Федоровичу Горбунову на память от искренно его любящего и уважающего по гроб доски. А. Жемчужников» (ГЦТМ. Ф. 72. Ед. хр. 365).

73 Работа Островского над либретто оперы А. Н. Серова «Вражья сила» (по пьесе «Не так живи, как хочется») началась в июне 1867 г., но разногласия композитора и драматурга мешали быстрому ее завершению. Впервые была представлена в Мариинском театре в апреле 1871 г., спустя три месяца после смерти А. Н. Серова, так и не успевшего до конца оркестрировать оперу.

74 25 сентября (8 октября) православная церковь празднует память Сергия Радонежского, преставившегося в этот день в 1392 г.

75 Насветович, генерал-майор, фотограф.

76 Санкт-Петербургский Императорский яхт-клуб основан в 1846 г. Был расположен на Большой Морской улице, дом 31.

77 Занимаясь историей театра, Горбунов составил каталог, часть которого была опубликована: «Материалы для истории русского театра. Каталог портретов, помещенных в фойе Императорского Александринского театра. Составитель Иван Горбунов. СПб., 1891».

78 Погожев Владимир Петрович (1851—1935), управляющий петербургскими Императорскими театрами.

79 Аполлонский Роман Борисович (1865—1928), русский актер; на сцене Александринского театра с 1881 г. Петербургский адрес: Большая Итальянская, 29.

80 Максимов 1-й Алексей Михайлович (1813—1861), русский актер, на сцене Александринского театра с 1834 г.

81 Максимова Наталья Сергеевна; овдовев, жила в Петербурге в Дмитровском пер., д. 7. В коллекцию Бахрушина были переданы предсмертные письма актера жене из Самары, с кумыса, написанные летом 1861 г.

82 Вильде Николай Евстафьевич (Карл Густавович) (1832—1896), драматург, артист Малого театра (1863—1888). Много сил и личных средств отдал «Артистическому кружку», являясь старшиной его труппы.

83 Корш Зинаида Федоровна (1833—1885). О семье Коршей С. В. Максимов поместил

83 Корш Зинаида Федоровна (1855—1885). О семье Коршей С. В. Максимов поместил авторскую сноску в статье «Александр Николаевич Островский (По моим воспоминаниям)»: «Известная семья, замечательная выдающимися деятелями: старший, Евгений Федорович Корш, недавно скончавшийся в глубокой старости, принадлежал литературе, как и брат его Валентин Федорович, бывший редактор «С.-Петербургских ведомостей». Младший брат, Леонид, известен был в Петербурге, как владелец экипажной фабрики, изготовлявшей самые фешенебельные и прочные рессорные коляски, кареты и проч. Из сестер одна была замужем за известным нашим критиком Аполлоном Александровичем Григорьевым, другая — за К. Д. Кавелиным, третья — за профессором университета Никитой Ивановичем Крыловым, четвертая — за московским богачом А. К. Куманиным, а пятая расцветала в девицах во время молодости Александра Николаевича Островского».

84 Агафья Ивановна (фамилия неизвестна) (1821 ?—1867), первая, невенчанная, жена А. Н. Островского.

85 Молчанов Анатолий Евграфович (1856—1921), общественно-театральный деятель. Глава Русского общества пароходства и торговли, меценат. Чиновник особых поручений в Дирекции Императорских театров (1887—1897), заведующий монтировочной частью Александринского театра (1897—1900), председатель Совета Русского театрального общества (с 1900). Муж М. Г. Савиной.

86 Петров Константин Андреевич, надворный советник, чиновник Конторы Дирекции Императорских театров.

87 Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, журналист, критик, издатель «Московского Телеграфа» (1825—1834).

88 Хмельницкий Николай Иванович (1789—1845), драматург и переводчик, чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, губернатор в Смоленске (февр. 1829 — июль 1837).

89 Шаховской Александр Александрович (1777—1846), князь, драматург, поэт, член «Беседы любителей русского слова» и Российской Академии, режиссер, начальник репертуарной части петербургских императорских театров (1802—1818, 1821—1825).

90 Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852), писатель, автор исторических романов, комедиограф. Многие годы служил по «театральной части»: в петербургской Дирекции Императорских театров (1817—1818), экспедитором по театральному отделению (1822) и членом конторы Дирекции Императорских театров (с 1823), управляющим конторой Московских театров (1830), директором Московских театров (с 1831).

91 Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868), поэт, романист, драматург, художественный критик, журналист.

92 Первое издание книги «Крылатые слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится. По толкованию С. Максимова» было предпринято в Петербурге А. С. Сувориным в 1890 г. Второе издание датируется 1899 г.

93 Живокини Василий Игнатьевич (1805—1874), актер. На московской сцене играл с 1824 по 1873 г. Уйдя по болезни, не смог жить без театра: вернулся, но после одного из спектаклей умер.

94 Самарин Иван Васильевич (1817—1855), актер и педагог. Дебютировал на сцене Малого театра (1833), преподавал в Московском театральном училище (с 1862), руководил драматическим классом в Московской консерватории (с 1874).

95 Вероятно, имеется в виду не родоначальник актерской семьи, оперный певец Василий Михайлович Самойлов (1782—1839), отец сына — Василия Васильевича Самойлова (1813—1887)

Михаилович Самоилов (1782—1839), а его сын — Василий Васильевич Самоилов (1813—1887), драматический актер Александринского театра (1835—1875).

96 Иевлев Николай Васильевич (1835—1866) — рисовальщик и карикатурист, сотрудник сатирических и иллюстрированных изданий: «Искра», «Иллюстрация» (1859—1863), «Иллюстрированная газета» (1863—1865). Лучшие работы составили отдельные издания: «Шутки художника» (СПб. 1863), «Рисунки к стихотворениям Н. А. Некрасова» (СПб. 1864—1865; вместе с А. Лебедевым).

97 Васильев 2-й Павел Васильевич (1832—1879), драматический актер. Играл на провинциальных сценах (Харьков, Полтава, Одесса, Кишинев, Вильно и др.) — 1850—1860, 1865, 1875), в Москве (1874—1875), в Александринском театре (1860—1864, 1865—1874).

98 Гончаров Иван Александрович (1812—1891), писатель, романист.

99 Леонидов Леонид Львович (наст. фамилия — Стакилевич) (1821—1889), актер, ученик П. А. Каратыгина; на сцене Александринского театра с 1839 г. После смерти П. С. Мочалова и В. А. Каратыгина выступал в их репертуаре в Малом театре (с 1843) и в Александринском (с 1854). Первый исполнитель роли Бориса Годунова (1870) в трагедии А. С. Пушкина.

100 Степанов Петр Гаврилович (1806—1869), актер Малого театра (1825—1869). На фотографии, подаренной Максимову в именины, Степанов написал: «Человеку Души, уважающий его как талантливейшего писателя, так и друга людей. С. В. Максим(ов)у. 25 сент. 82 г. П. Степанов» (ГЦТМ. 12515. Фдд. 21711).

101 Косицкая (в замуж. (1851—1862) Никулина) Любовь Павловна (1827—1862), актриса. Начинала на провинциальной сцене (с 1843), в труппе Малого театра с 1847 г. «Записки Л. П. Никулиной-Косицкой» были опубликованы в 1878 г. в журнале «Русская Старина» (Т. 21. № 1, 2 и 4).

102 Бурдин Федор Алексеевич (1826—1887), артист Александрийского театра, друг А. Н. Островского, автор переводов и переделок иностранных пьес.

103 Вильбоа Константин Петрович (1817—1881), композитор. В 1857 г. сопровождал А. Н. Островского в Ярославль для записи народных песен; собранный материал вошел в обширный труд — сборник народных русских песен, изданный у Бернарда. В 1860-х гг. преподавал музыку в Харьковском университете и был капельмейстером местного театра. Известен небольшими вокальными сочинениями (дуэт «Моряки» и др.); автор опер «Наташа», «Тарас Бульба» (неок.) и «Цыганка» (неок.).

104 Семья Бахрушина переехала в новый особняк на углу Зацепского вала и Лужниковской улицы. Прежде семья занимала соседний дом, принадлежавший ранее, как и весь земельный участок, купцу М. Л. Королеву, московскому городскому голове в 1860-е годы.

105 Брем Альфред Эдмунд. Жизнь животных (Jllustriertes Thierleben), в шести томах с рисунками, Гильдбург, 1863—1869.

106 12 января (25 января) — Татьянин день.

107 А. Ф. Кони впервые прочитал лекцию «Иван Федорович Горбунов и его произведения» 18 января 1898 г. в Доме юстиции в Петербурге. Повторное чтение состоялось в Русском Литературном обществе и в Соляном городке (в пользу голодающих крестьян). В виде очерка «Иван Федорович Горбунов» материал напечатан в «Вестнике Европы» (1898, № 11, 12), в качестве вступительной статьи — в изданиях сочинений Горбунова (1901, 1902, 1904, 1907 гг.).

108 Чекатто Виргилий Иванович, знакомый Бахрушина, итальянец, бывший приказчик магазина

«Аванцо», позже — владелец антикварного магазина в Москве, активно помогавший Бахрушину в приобретении вещей для коллекции.

109 Бахрушин Алексей Петрович (1853—1904), двоюродный брат А. А. Бахрушина, известный коллекционер.

110 Дневники И. Ф. Горбунова состоят из 26 книжек; 22 датируются 1862—1895 гг., 4 — без дат.

111 1 октября (14 октября) в день Покрова Пресвятой Богородицы православная церковь празднует память преподобного Романа Сладкопевца.

112 Венчание Татьяны Ивановны Горбуновой и поручика Евгения Николаевича Дмитревского состоялось 4 (17) ноября 1898 г. в Петербурге в церкви Государственного контроля; посаженным отцом был Т. И. Филиппов (1825—1899) государственный контролер, сенатор, близкий друг И. Ф. Горбунова со времен их юности; посаженой матерью — А. И. Суворина, жена книгоиздателя А. С. Суворина, также близкого друга И. Ф. Горбунова.

113 Веселовский Алексей Николаевич (1843—?), историк литературы; читал лекции на высших женских курсах Герье (1876—1888), с 1881 — профессор Московского университета и Лазаревского института, с 1891 — член Московского театрального комитета; брат академика Александра Николаевича Веселовского.
114 45-летие литературной деятельности Максимова отмечалось 20 ноября ст. ст. 1898 г.

115 Рисунок И. Е. Репина «Безответный» помещен в т. I Собрания сочинений И. Ф. Горбунова (СПб. 1904), изданного «под наблюдением Комиссии при Комитете Состоящего под Высочайшим Государя Императора покровительством Императорского общества Любителей Древней Письменности». В художественном оформлении издания приняли участие художники Н. З. Панов, А. П. Рябушкин, А. Чикин, А. Афанасьев, В. Навозов, Н. Богданов-Бельский, Н. А. Кошелев. В августе 1899 г. право на издание сочинений И. Ф. Горбунова приобрел А. Ф. Маркс, потребовавший, чтобы рисунки издания, начатого при Обществе Любителей Древней Письменности, по окончании издания поступили бы в его распоряжение. Поскольку это условие не было принято, то пришли к соглашению: подготовленное художественное издание сочинений И. Ф. Горбунова в трех томах печатать в количестве не более 500 экземпляров (специально пронумерованных) и назначать цену не менее 15 рублей. Поэтому издание является раритетным.

116 Кошелев Николай Андреевич (1838—?), живописец; обучался в Академии Художеств (1861—1865), был приглашен И. Н. Крамским для работ в храме Христа Спасителя (1865), за которые в 1873 г. получил звание академика; с 1878 г. — профессор. 12 декабря 1898 г. Н. А. Кошелев писал С. В. Максимову: «Сердечно уважаемый и дорогой Сергей Васильевич. Рисунки к изданию незабвенного И. Ф. Горбунова сделать мне удалось (на реке и утопленника) и я передал их г. Белову. Меня смущали Ваши слова не брать с них дорого за труды — и, отдавая рисунки, я позволил выговорить себе — экземпляр изданий и, по миновании надобности, — возвращение рисунков обратно — ? Не скверно это? Что Вы скажете? — так ли я поступил и не оскорбил памяти славного народного поэта? Искренне и глубоко Вас любящий Н. Кошелев» (РГБ. Ф. 359. Кол. муз. Бахрушина. К. 8226, № 2). Об этом письме и сообщает Максимов, отправляя его Бахрушину.

117 Луговой (Тихонов) Алексей Алексеевич (1853—1914). Письмо Максимову от 22 февраля 1898 г. с поздравлением и извинением за отсутствие на юбилейном обеде (ГЦТМ. Ф. 153).

118 Максимов Василий Максимович (1844—1911), живописец-жанрист.

119 Измайлов Александр Александрович (1811—1877), врач, статский советник. Окончив петербургскую Медико-хирургическую академию (1832) и защитив диссертацию на степень доктора медицины (1840), работал врачом петербургской Дирекции Императорских театров и Министерства Государственных имуществ.

120 С осени 1896 г. Максимов проживал по адресу: С.-Петербург, угол 6-й роты и Гореловской улицы, д. 22, кв. 21.

121 13 (26 декабря) православная церковь отмечает день памяти мучеников Евстратия, Евгения, Авксентия.

122 В Варшаве возглавлял университетскую кафедру хирургии младший из трех сводных братьев Максимова — Василий Васильевич Максимов, доктор медицины, автор научных трудов.

Публикация М. И. ЩЕРБАКОВОЙ

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 22 сентября 1899 г. Ялта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 402—403. — [Т.] IX.

14

Добрые встречи с Алексеем Петровичем в Петербурге сначала на Пушкинской выставке в Академии Наук, потом в Новом Музее принесли недобрые вести о Вашем, Глубокоуважаемый

Алексей Александрович, большом семейном горе. Новая с ним встреча в Железноводске порадовала успокоительными вестями, но те первые были настолько неутешительны относительно состояния здоровья дорогой Вам Веры Васильевны, что я, с общего совета с Алексеем Петровичем, решил не беспокоить Вас своим посещением в такое критическое время. Вследствие этого обстоятельства, взявши до Пятигорска билет прямого сообщения для себя и дочери и рассчитывая в Воронеже навестить свою крестницу, собравшуюся замуж, — в Москве я пробыл всего только одни сутки, не распаковывая даже чемоданов и лишь второпях поклонившись святыне. То было в первых числах июня.

На все последующее затем летнее время (которое и сейчас для нас не кончилось) по случаю нервных болезненных припадков дочери я закатился на кавказские минеральные воды, поселившись в Кисловодске ради больной, и там изживал свой застарелый гастрит знаменитым и прославленным на весь свет 17-м № ессентуков, а для пользования расхлябанного легкого дурил, обманывая себя, поездками два раза в неделю в Железноводск, где жил доктор, владевший такой электрической машиной, которая приспособлена была к изгнанию коховских бесов, им же имя патогенные бациллы. Машина не помогла совсем, и вот теперь указан мне более верный путь сюда на южный берег Крыма — именно в Алупку, но так как она на первых же шагах сказалась для меня Айдалупкой, то я и уселся в Ялте, найдя в ней помещение и питание на грош дешевле, но с теми же преимуществами горного воздуха плюс морское дыхание всякий вечер и морское купанье всякое утро. Последнее, впрочем, исключительно для дочери, которая и пользуется им с заметным успехом вот уже второй месяц. Лично же для меня, т. е. для моих скрытых врагов, видимых только микроскопом в количестве до 5-ти в поле зрения, — разрушительная сила солнечной энергии при наличности в среде, окружающей мою квартирку на горе и подле самого парка, также гибельного для бацилл кислорода. Вот и утешил себя новыми надеждами, питаясь твердою верою в солнечный свет и чистый, обильный кислородом воздух, — однако в настоящие дни не надолго.

Через полторы недели думаю покинуть благодатную страну, хотя бы в ней следовало надолго (года на два) поселиться для несомненного полного исцеления, следуя примеру врача и писателя Антона Чехова, который свил себе приятное гнездушко в ближайшей окрестности Ялты, а другой доктор-старожил Дмитриев из соломенной спички превратился в вола молотящего. Таким образом сижу вот у моря и думаю думу, как направить свои стопы из Севастополя: на Одессу ли, чтобы направиться к брату в Варшаву122 и спопутно отгостить у племянницы в Гродно, — или на Москву, если дела моего принципала, поселившегося в Париже надолго, потребуют моего ускоренного возвращения на Москву. Тогда, конечно, явлюсь порадоваться лично Вашей

ускоренного возвращения на Москву. Тогда, конечно, явлюсь порадоваться лично Вашей семейной радостью и поздравить исцелившуюся, — а в настоящее время не могу надивиться, как это самовидец из родных Ваших не известил Вас о моих скитаниях: или Вы видаетесь редко, или он не договорился до меня, а не мог забыть, так как мы вкупе снялись с ним фотографией в Железноводске.

В благодарность за Вашу добрую и неизменную обо мне память не нахожу достаточно слов, а пишу эти торопливые строки, на очистку совести и в некоторое свое успокоение ввиду в самом деле очень продолжительного молчания. Ответом несколько опоздал по той самой причине, что старший сын замедлил пересылкой Вашего письма, которое явилось сюда вместе со скопленными другими. Надеясь, что это неважное обстоятельство не помешает нашим взаимным добрым отношениям по-старому — по-старопрежнему, глубоко уверен, что Вы не забудете меня в Ваших молитвах, на что и я всегда искренно готов, разумея посильные услуги.

Душевно преданный

22 сентября 1899. Ялта

С. Максимов

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 14 декабря 1898 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 402. — [Т.] IX.

13

Разбираясь в бумагах отца, Татьяна Ивановна случайно отыскала прилагаемые при сем два листочка, две корочки — верхнюю и нижнюю: мякоть исчезла, но несомненно не выглодана тараканами или не съедена крысами. Какого вида были последние (если только они были) — покрыто мраком неизвестности, по выражению поэтов. Как доказательство тому, что покойный отец имел намерение или помнил данное слово, она, благодарная дочь, поручила мне переслать Вам, Глубокоуважаемый Алексей Александрович, эти последние обращенные к Вам строки незабвенного, что и спешит исполнить тотчас же следом за письмом, вчера отпущенным в почтовый ящик.

Неизменно готовый к услугам

14 декабря 1898. СПб.

С. Максимов

Вчера вечером справляли имянины молодого мужа (Евгения)121 жертвовательницы.

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 9 декабря 1896 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 385—387. — [Т.] IX.

1

Замедлил я несколько времени поблагодарить Вас, Многоуважаемый Алексей Александрович, за радушный прием и ответить Вам на заданные поручения. От себя лично, исполняя свое обещание, спешу препроводить к Вам те автографы, которые привелось выбрать по скорости из кипы сохраняемой мною переписки с друзьями и приятелями. Сюда, побуждаемый тем глубоким уважением, которое внушает Ваш знаменательный и несравненный музей, и искренним желанием внести в него и свою посильную малую лепту, прошу Вас легким сердцем принять то, что имею честь при сем приложить. Из посылаемого прошу обратить Ваше просвещенное

внимание на большую редкость, каковою является автограф нашего гениального самоучки-механика, знаменитого Ивана Петровича Кулибина. Чертеж, сделанный им с надстрочными и по полям объяснениями, и лоскуток с подобными же молитвенными воззваниями к Божьей помощи относится к той самодействующей машине (perpetuum mobile), над которою он трудился многие годы. Она досталась мне в раздробленном виде, и некоторою частью этого автографа я с удовольствием решаюсь поделиться с Вами, как положительною и несомненною уникою. В этом же последнем значении и несомненно неизмеримо низшей величины я решился прибавить одну-две писульки, лично ко мне адресованные покойным поэтом Минаевым1, и письма не(ко)торых некрупных литературных деятелей, имена которых мало известны, а автографы их и подавно добыть очень трудно, — или — на счастливый случай — только случайно. Таковы автографы: Славутинского2, Дрианского3, Иванова-классика4, несчастного Ничипоренко5, художника Боклевского6, Семевского7 (издателя «Русской Старины»), Ник(олая) Курочкина8 (брата переводчика песен Беранже, Василья9), автора за «Монастырской стеной» и друг(их) пьес переводных, имевших сценический успех. Микешин Миша10 у Вас, кажется, имеется: посылаю между прочим записку, написанную курьеза ради двойным пером. Стаховича11, автора «Ночного», помнится, нет. Из быстролетной переписки Ив(ана) Фед(оровича) Горбунова12 отобрал наиболее кратчайшие и, как обещал Вам, курьезные и т. д. Найдете: Зарубина13, Спасовича14 — адвоката, профессора и литератора; Серг(ея) Ник(олаевича) Шубинского15, необыкновенной каллиграфии которого не могу надивиться, больше, чем таковой же Горбунова (смотрите его воззвание ко мне на церковно-славянском языке). Краевского16 и Хмырова17

тоже трудно разыскать, хотя при жизни один был болтлив, а другой — молчалив. Вот, кажется, и все мои комментарии к моему маленькому подарку-памятке, который прошу принять любовно и благосклонно.

Отделка статьи Воспоминаний о И. Ф. Горбунове и окончание первой статьи «Об Островском»18 — обе, ограниченные определенным сроком дня помещения в «Русской Мысли», замедляли мне исполнение второго поручения Вашего. Только третьеводни я виделся с Модестом19, и вместе с ним вели переговоры с семьей Горбунова20. Она высоко ценит это наследство, которое копил покойный в течение многих лет, и по великой нужде теперь согласна уступить в такие надежные и достойные руки, имея в виду, что Писареву книгопродавец-антикварий на Литейной (кажется — Клочков)21 надавал 850 руб(лей). Семья желала бы получить 1500 руб(-лей). Я поручил Тане — крестнице моей, старшей дочери покойного — запаковать альбом и, не ожидая этого моего письма, отправить к Вам на просмотр22. Желательный Вам автограф Щепкина Мих(аила) Сем(еновича)23 Вы там найдете, но рисунков Каратыгина24 нет: есть рисунки Егорнова25, Лагорио26 и много действительно редких и прелестных вещей. Автографы театральных деятелей, чем Вы наиболее интересуетесь, представлены превосходно. Много найдется таких, которые потребуют комментарий, и лишь за недосугом я не могу этого сделать теперь, не отказываясь со временем услужить Вам в этом отношении. Там между прочим по тексту, написанному древним скорописным письмом, Вы отыщете жалобу на меня проф(ессора) Н. И. Костомарова27, а следом затем — письмо, подписанное «Николай» и начатое словом «Отец Архимандрит». Это тоже письмо Костомарова, где почерк не искажен, и адресовано также ко мне. В течение 3—4 лет, почти ежедневно, после занятий в Публичной библиотеке мы, по соседству, собирались пить чай со сливками в Балабинском трактире, который на нашем языке назывался Балабаевской обителью, где архимандритом наречен был я, сам Костомаров носил чин канонарха, книгопродавец Д. Е. Кожанчиков28 — иконома; все прочие, приходившие к нам на беседу, носили общее имя «благодетелей».

У семьи сохранилась, между прочим, Золотая медаль, выбитая в честь совершеннолетия сына Людовика — Наполеона, Люи29 — того несчастного Люлю, который убит был зулусами. Через посла — Морни30 — медаль эта подарена была от имени Франц(узского) Императора Ив(ану) Фед(оровичу) в благодарность за участие его в праздничном концерте вместе с другими франц(узскими) актерами. Есть еще превосходная гравюра символического масонского значения, в виде восхождения верных на высокую гору, где стоит Апостол Петр и ключами отворяет

райские двери. Обе вещи семья Горбуновых готова продать, и Вы позволите мне быть уверенным в получении от Вас ответа по всем вышеизложенным вопросам.

Пользуясь Вашим сердечным отношением к памяти моего покойного друга, при уверенном расчете на Ваше участие и помощь препровождаю при сем два экземпляра подписных листов, которые желательно было бы получить обратно к 1-му февраля.

Пользуясь случаем засвидетельствовать Вам и Супруге Вашей мое душевное почтение, остаюсь искренно благодарным за ласку и всегда готовым к услугам Вашим

9 декабря 1896. СПб.

С. Максимов

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А.: («Сергей Васильевич Максимов покорнейше просит Вас пожаловать на бракосочетание...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 403. — [Т.] IX.

15

Сергей Васильевич Максимов покорнейше просит Вас пожаловать на бракосочетание дочери своей Елены Сергеевны с Поручиком 26-го Драгунского Бугского полка Александром Васильевичем Дараганом, имеющее быть... Апреля 1900 года, в 8 часов вечера, в церкви Николаевского Кадетского Корпуса на Офицерской, № 23.

Поздравление в зале при церкви.

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 13 декабря 1898 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 400—402. — [Т.] IX.

12

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

При недосугах от дел и занятий для кн. Тенишева мне только что вчера удалось московским обычаем на правах крестного, а стало быть и посаженого отца почтить хлебом-солью своих молодых новоженов. Перед тем, как садиться за красный стол, принесли Ваше желанное письмо, которое, как и все предыдущие, подсластило благодушное настроение духа, а на этот раз — и кстати, и сугубо. Кстати — по той причине, что я (смог) поделиться содержанием письма со вдовою покойного друга И. Ф. Горбунова, старшею его дочерью, ставшею теперь М-me Дмитревскою, и обеими младшими девицами, составив таким образом домашний семейный совет на деловой коммерческой основе. Сугубую письмо Ваше принесло мне утеху уверением неизменных дружеских чувств (в которых я никогда не сомневался) и поздравительным приветом с днем 45-тилетнего служения родному искусству114 и в этом же направлении посильною помощию и услугами моим друзьям, в числе которых позволяю себе искренно считать и Вас, дорогой Алексей Александрович! Это маленькое событие в моей жизни, имеющее значение, может быть, лишь по количеству изжитых лет, между прочим обогатило мое собрание новыми автографами, которыми, конечно, и не замедлю поделиться с Вами в дополнение уже переданных Вам. Засим на Ваше благоусмотрение и для резолюции представляется подлинный протокол вчерашнего семейного заседания:

«По прочтении г-м Председателем собрания письма, полученного им из Москвы, собрание собственников пришло к единогласному заключению, что продажу следует учинить ввиду того обстоятельства, что, как видно из предъявленного письма, предложенное признано достойным

обстоятельства, что, как видно из предъявленного письма, предложенное признано достойным приобретения, а прежде предложенную цену уменьшить размером до трехсот рублей по той причине, которая будет ниже изложена. Что же касается до вновь предлагаемой суммы, то, не занося о таковой в протокол, просить г-на Председательствующего сделать о том немедленное, не далее следующего дня и ввиду быстро наступающих праздничных, дней, сообщение Г-ну Собственнику Музея изящных искусств и театрального дела, прося его, согласно выраженному им в письме обещанию, ускорить сообщением резолюции по нижесообщаемому адресу. В заключение настоящего заседания собрание единодушно и единогласно согласилось с мнением г-на Председ(ателя) относительно «Книги курьезов», что так как таковая представляет исключительное автографическое значение по отношению к г. Жемчужникову, известному читающей России под вымышленным именем «Кузьмы Пруткова», то таковую принести в дар Собирателю автографов в благодарность за приобретение альбома таковых же в истекшем 1897 году и вместе с сим ходатайствовать об извещении о ее получении именно в смысле дара, согласно указанию г. Председательствующего. Подлинный протокол подтвержден им и гг. членами собрания».

Выходя из добровольно навязанных себе стеснительных рамок ради шутки на просто свободной беседы и все-таки под гнетущими впечатлениями при воспоминаниях об И. Ф. Горбунове, спешу ответить Вам на запрос относительно издания его сочинений. Дешевое, для распродажи в публике, решили мы поручить Суворину, и Таня, благословленная на брак его женою и мною (прежде Тертия на дому, а не в зале Государственного контроля при театральной обстановке),

отправляется на днях с этим поручением и предложением. Что же касается до издания роскошного и дорогого, предназначенного для друзей и изготовляемого (т. е. предположенного) в ограниченном количестве экземпляров (не свыше 200), то оно до сих пор задерживалось главнейшим образом гг. художниками. Это дело в руках Белова, который две недели тому назад, после заседания Общ(ества) Любителей Древней письменности, показывал мне готовые рисунки, сделанные Репиным и Влад. Маковским, — и только115. Впрочем, в это же свидание мы согласились сделать расход из собранной подпискою суммы на составление инициалов и концовок по возможности к каждому из рассказов, и поручить заказ их двум, искусившимся в этом деле, художникам. Будем их торопить, а вот с большими, горячо обещавшими, но медленно поспешающими, предстоит еще много хлопот. Из прилагаемого письма ко мне Николая Андреевича Кошелева116 (так много сделавшего для нижегородского городского музея), увидите, что кое-кто из художников еще старается спешить (письмо Кошелева, написавшего между прочим мой портрет во время зеленой юности моей, прошу Вас принять и оставить у себя, включив в число автографов). Спопутно для пополнения Вашей коллекции вкладываю еще поздравительное письмо ко мне известного и талантливого беллетриста Лугового117 (одного из братьев Тихоновых).

При свидании с милейшим братцем Вашим Алексеем Петровичем возьмите на себя труд извиниться пока за меня в том, что и перед ним провинился вынужденным молчанием: до сих пор не удосужился отвечать на его исполненные всегда ласковым словом и добрым приветом строки, поджидая свидания или переговоров с моим старым, но беспутным другом и однофамильцем — художником-профессором академиком В. М. Максимовым118. Происходя из волховских крестьян, он все-таки забыл правило пословичное тамошних и иных плотников: «Зарубил, так скалывай». Заговорил на продажу курьезный журнал тестя (Измайлова)119, обещал из всех художников самым первым два рисунка к рассказам Ив(ана) Фед(оровича), — и оба раза ударил по сучку — должно быть — потому что кроме пустого звона ничего в ушах моих не запечатлилось.

Этим сказал Вам почти все, кроме, конечно, всегдашнего и неизменного свидетельства моего глубокого уважения супруге Вашей, скорого роста наследнику Вашему, Вам успеха во всех делах, а прежде всего энергии в подъеме из Лужников, в эту шестую роту120, где давно и с открытым нетерпением ожидает Вам душевно преданный и всегда готовый к услугам

С. Максимов

Адрес Горбуновых: Коломенская, 7.

Татьяне Иван(овне) Дмитр(и)евской

13 декабря 1898. С. Петербург

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 7 октября 1898 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 399—400. — [Т.] IX.

11

За полчаса до того, как мне сесть, чтобы набросать Вам, дорогой мой Алексей Александрович, несколько приветливых и деловых строк, неожиданно явился милый и обязательный Чекатто108, который и повез к Вам интересующий Вас сборник курьезов, подаренный И. Ф. Горбунову Алексеем Жемчужниковым, и гостеприимному Алексею Петровичу109 обещанные мною все имеющиеся у меня на лицо экземпляры «Искры». Они принадлежали самому редактору-издателю В. С. Курочкину и достались мне как его другу и единственному наследнику. Наследницы И. Ф. Горбунова согласились, наконец, по моим настояниям продать и тетрадь курьезов, и его дневники, заключающиеся в книжках числом с лишком 20-ти экземпляров110. Я

не отправил их с Чекатто, потому что не все дневники собраны, а в связке — всего только за 20 лет. Надо пересмотреть другие корзинки, чтобы предоставить Вам дневники полностью. Работа моя у кн. Тенишева приняла теперь внушительные размеры, и я затянулся в нее, что называется, по самые уши. Это и помешало мне приготовиться к такому прекрасному случаю «оказии». Конечно очень бы желательно затянуть дело отправки еще дальше, если бы выдалась возможность Вашего личного прибытия сюда как за этими вещами, так и за другими вероятными и возможными.

К сожалению, приходится все еще ограничиваться ожиданиями случайных комиссионеров. Терпеливо буду ждать пока до лучшего времени лично свидания с Вами здесь «на стогнах Петрограда» (говоря высоким слогом) — второго и нового случая отправки к Вам дневников и бокала. О последнем я напоминал не дальше как 1-го октября, будучи на имянинном пироге у Ромы Аполлонского111, и он обещался поискать и доставить мне в самом скором времени лично. Едва ли приходится жалеть о том, что Роман Борисович запоздал присылкою бокала на такой прекрасный случай, тем более, что у меня самого не готовы дневники. Теперь уже прямо от Вас будет зависеть решение об их доставлении. Дочери желали бы получить за каждый год дневника, т. е. за каждую книжку приблизительно по 15-ти руб(лей), и если пристегнуть к тому Сборник курьезов, чтобы составилась округленная цифра, то таким размером суммы Вам одновременно привелось бы сделать доброе дело и оказать в добрый час своевременную помощь. Дело в том, что старшая, крестница моя Таня, нашла себе жениха; мы их сговорили, и я заказал уже образ, чтобы 7 ноября везти ее под венец112 в сопровождении обеих сестер, которые, во всяком случае, должны быть прилично одеты соответственно торжественному и давно ожидаемому событию. Денежная помощь нужна им, бедным девушкам, зарабатывающим своим трудом (педагогическим) ровно только на гостинодворские башмаки. Я назвал радостное событие торжественным собственно по той причине, что сам Тертий Филиппов — государственный контролер, устроивший жениха здесь в Дворцовом Правлении на службу, вызвался в память дружбы с покойным благословить и невесту образом и хлебом-солью.

Хотя и вращается в народе добрая поговорка, что запрос в карман не лезет, но в данном случае я вижу размер той денежной нужды, которая несколько облегчит именно эти сверхсметные свадебные расходы, имея в виду, что жених очень беден, но молод и красив — и славный офицерик, с которым я желаю от всего любящего сердца моей прекрасной и очень умненькой крестнице счастливой жизни и вполне уверен в таковой. В силу этих же обстоятельств я и пошел на полную откровенность с Вами, избалованный Вашим добрым ко мне расположением и

искреннею любовью к своей бедной невесте, которая видит во мне второго отца.

Перед Алексеем Петровичем я виноват тем, что за крайним недосугом не успел собраться отвечать на его милое и ласковое письмо. Отвечаю пока фактом во свидетельство моего глубокого к нему уважения. При свидании Вы, вероятно, не забудете передать ему о том и извиниться за меня заветным приветом моим: «Чем богат — тем и рад». Вот и письмо это пишу второпях и неразборчиво: мешает дочка — говорит: «Папочка! Портниха пришла за деньгами за зимнюю кофту!» Отделался, а она опять вылетает: «Дай деньги на задаток, я занесу его к Пяти Углам за зимнюю шляпку». И резонно: и здесь установился холодок, и если еще нет санной дороги, как на всем юге, то все-таки порядочно набросало на крыши снегу. И я под шумок сижу дома с ножницами и бутылочкой клея, налаживая из тенишевских черновых материалов по своему плану все то, что придется потом разрабатывать. Белов был у меня и высказал сожаление, что не успел повидаться с Вами: надеется поправить дело на праздниках. Вот и Вы меня сокрушаете, приставая все-таки с Горбуновым-же, а вчера получил из Москвы от профессора Веселовского113 призыв дать что-либо из моих воспоминаний в Сборник, задуманный в пользу Женского Медицинского Института у Вас в Москве. Хоть разорвись! — Да я не унываю, уповая на милость Божью и на здоровье, несколько подправленное оренбургским кумысом.

От всего сердца шлю Вам мой душевный привет. У супруги Вашей прошу за меня поцаловать ручку. Сам же всегда и неизменно остаюсь готовым к услугам Вашим
7 октября 1898. С. Петербург

С. Максимов

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 22 января 1898 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 398—399. — [Т.] IX.

10

22 января 1898. СПб.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович.

Вы дружески вспомнили меня на Новый год и почтили письменным известием о себе в то время, когда я был по самые уши погружен в спешную работу подготовки ко второму изданию «Крылатых слов», вновь приобретенных Суворинym92. По давно усвоенной дурной привычке лениться сплошь и в полную сытость, а работать запоем — и на этот раз не изменил себе. Доработался до головных болей, а у окна, из которого дует, насидел простуду ног, выразившуюся страшной зубной болью.

Три дня тому назад сдал работу, значительно дополненную, совершенно исправленную с выбросом излишнего и скороспелого, а вчера вырвал и те два лишние зуба, которые беспокоили целую неделю, нервили до полной невозможности думать, говорить и работать. Теперь я, как встрепаный, могу спокойно и бодро приняться за всегда приятную беседу с Вами с благодарными чувствами к Вам за добрую память.

Да и я Вас не забывал — и вот тому вещественные доказательства. В бумагах В. С. Курочкина (переводчика Беранже), с которым я два года жил на одной квартире, отыскались оригиналы карикатур с пометками цензурного разрешения, изготовленных для альбома «Искры». В них Вы найдете Ваших московских Вильде, Живокини93 и Самарина94, а их здешних: В. М. Самойлова95, превосходно изображенного пером художника Иевлева96, безвременно погибшего от невоздержания. Им же карандашом набросан портрет Павла Васильева97 до поразительного сходства. Я и его (вместе с Гончаровым98) предоставляю в Ваш музей, прося принять и те два дублета портретов из моего альбома в расчете, что они в Ваших руках будут сохраннее и ценнее,

Дубков и портретов из моего альбома в рамках, что они в Ваших руках будут сохранны и целы, так как сопровождаются надписями (на (о)бороте), адресованными на мой счет, но представляющими собою автографы. Это — трагик Л. Л. Леонидов99 и драматический артист «Петя» Степанов100, игравший такую милую поэтическую роль в судьбе вашей Л. П. Косицкой на первых ее сценических шагах (см. ее автобиографию)101.

Просмотревши свой старый альбом, я нашел возможным отложить еще несколько дублетов молодых людей, напоминавших мне мою давно мелькнувшую молодость. Так и быть: поделюсь и ими. Вот Бурдин102, Паша Васильев в роли и сам собой, серьезно желающий сохранить на негативе свое сходство. Кстати прикладываю композитора Вильбоа103, которого мы звали, за его поползновение быть и считаться русским, — Алебуевым и даже почитали его особенным припевом, когда он брался за рюмку водки и пил ее, не иначе как предварительно самодовольно потянувшись, как бы восстав от сна. Второй — милый Королев, некогда директор театра (казенного) в г. Минске, потом — в Могилеве, доставивший Самойлову (в комедии «Карьера») возможность вплесть в свой артистический венок один из самых ярких и ароматных листиков.

Теперь новый вопрос и повторение старого, на который Вы забыли мне ответить. Как поступить с пересылкой этих портретов не смятыми, имея в виду, что у меня лежит тяжелая пачка «Архива дирекции Императорских театров», предназначенная Погожевым для Вашей библиотеки. Если вложить портреты в один из выпусков (in folio), то они прекрасно сохранятся, но как переслать Вам? По почте — мне не с кем послать, да и некому умело пособить соорудить посылку.

Охотливо и упорно останавливаюсь на мысли выждать погодинским способом «оказии», которую Вы предоставите мне при первом случае прибытия сюда надежного и доверенного от Вас человека. С портретами я бы еще сладил, если Вы, заручившись «Архивом», не нуждаетесь во втором экземпляре. Во всяком случае жду Ваших указаний. А. М. Белов был у меня по возвращении и сообщил об Вас добрые вести, на которые радостно и восторженно восклицаю: «С Новосельем!»104 Восклицаю и в честь Вашу и дорогой спутницы Вашей жизни и Вашего милого наследника. Пусть же мое настоящее подношение заступит место «Хлеба соли»! Поздравление это тем горячее и искреннее, что мое не удалось: растерялся! Утащили у меня 6 томов Брэма105 да кстати прихватили лежавшую с ними пачку приготовленных самим Горбуновым для издания сочинений. Это досадное обстоятельство вынудило меня сделать через Новое Время вызов к имеющим его рассказы сбереженными. Фортель очень удался: девять собирателей откликнулись на мой призыв, и я теперь с крестницей своей на имянинном ее пироге 12 января106 имел полную возможность совершенно примириться. Кони своими лекциями107 поддал нам энергии — и действительно превосходно и художественно осветил личность моего незабвенного Кума и друга. Я давно не испытывал такого обаятельного целостного впечатления во время повторения чтения у нас — в Литературном обществе. Под давлением сильных слов принимаюсь оканчивать биографию, будучи свободным от всяких других обязательств и повинностей.

Еще раз прошу принять мое сердечное поздравление. Всегда и неизменно преданный

С. Максимов

P. S. Не забудьте черкнуть коротенький ответ на маленький вопрос: имеется ли в Замоскворечье Ивановская улица (Кожевники?), а в особенности какая-нибудь Ивановская площадь — изстари.

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 30 ноября 1897 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 397—398. — [Т.] IX.

9

30 ноября 1897. СПб.

Сегодня мог отрешиться от всего суетного домашнего, чтобы перекинуться с Вами

Сегодня мог отрешиться от всего суетного домашнего, чтобы перекинуться с Вами, многоуважаемый Алексей Александрович, несколькими ответными словами на Ваше, как все прежние, ласковое и милое письмо. Владимир Петрович Погожев, передавая мне каталог горбуновского музея, затребованный из библиотеки, поручил просить Вас, после его просмотра, о возвращении на его имя через Контору Императорских театров. Взамен каталога, которым он дорожит между прочим и потому, что на нем имеется надпись собственною рукою собирателя и консерватора, Вл(адимир) Пет(рович) предложил подарок Вашему, известному ему и уважаемому, музею свое издание, хотя, по общим предположениям, оно у Вас, вероятно, имеется. Это — три толстых in folio тома с 4-м указателем — имеет название «Архив дирекции Императорских театров» выпуск 1 (1746 по 1801 г.), в 1892 изданный дирекцией и составленный им, В. П. Погожевым, Молчановым85 и Петровым86. Если у Вас и имеется это издание, то, думаю, нелишне будет заручиться подарочным дублетом. Я его со своим экземпляром привез к себе на дом и буду ждать «оказии», чтобы переправить к Вам. Издание изящное, во вкусе художника-директора, на слоновой бумаге и представляет изрядную весовую тяжесть. Вспомнилось еще по поводу этой тяжести и ее изящества издание Смирдина «Сто русских литераторов», где помещены превосходные гравированные портреты по большей части наших драматических писателей: Полевого87, Хмельницкого88, кн. Шаховского89, Загоскина90 (значит и театральных директоров), Кукольника91 и друг. Конечно, Вы этим, редким теперь, изданием заручились, и я говорю об нем именно только к слову.

В неприятных и сложных хлопотах о своей служебной пенсии я еще не успел повидаться ни с

Аполлонским, ни с Нильским. За доставленную копию письма Дрианского приношу искреннюю сердечную благодарность: она собственно и была мне нужна и именно то место письма, где он сообщает мне об артистическом кружке, в который положил много души А. Н. Островский. По благоприятной случайности в то время, как принесли мне Ваше письмо, у меня сидела вдова покойного (Марья Васильевна), сообщившая своим длинным языком несколько интересных добавлений к истории распада кружка. Являлась же она с претензией на брата покойного мужа (Мих(аила) Ник(олаевича)), который отобрал у нее все бумаги ее мужа и до сих пор не возвращает семье как ее законную собственность. Я мог сообщить ей лишь то, что по некоторой части переданных мне материалов я составил статью «А. Н. Островский на Волге», которую лет 6 или 7 тому назад вручил министру (бывшему), и получил за свой труд своевременный расчет. Вся огромная и разнообразная переписка его, которую разбирал Горбунов с Морозовым, а равно и библиографическая и критическая работа последнего несомненно сохраняется у Мих(аила) Ник(олаевича), который любил своего брата до обожания и хвастливости — недостатка общего обоим братьям.

Спешу окончить письмо, торопясь с сыном и дочерью отправиться в Новодевичий монастырь на могилку покойной жены: сегодня не только день памяти ее кончины, но и десятилетие моему тягостному вдовству, от которого много бед легло на голову неизменно Вам преданного и глубоко уважающего

С. Максимова

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 20 ноября 1897 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 396—397. — [Т.] IX.

8

Вчера целый вечер подарил мне Алек(сей) Мих(айлович) Белов, и сколько под его живым впечатлением, столько и по некоторой личной надобности обращаюсь к Вам, Глубокоуважаемый Алексей Александрович, с этими короткими строками. Являлся он собственно затем, чтобы поделиться радостью об успехе подписи детей, а главным образом сообщить, что Морской яхт-клуб76 один пожертвовал разом около 2 тыс(яч) руб(лей), но так как в то же время много говорили об Вас и Вашем музее, то и не утерпело мое сердце, чтобы не перемолвиться и с Вами.

Относительно каталога / / театрального музея я хлопоты взял на себя, так как А. М. Белов признал себя совершенно бесполезным, но зато вызвался заехать ко мне перед отъездом в Москву и забрать все, что соберется у меня для Вас к тому времени. В семье из каталога сохранился лоскуток, но в цельном виде он имеется у начальника конторы В. П. Погожева78, и я имел намерение сказать ему свою просьбу при встрече на свадьбе у моей племянницы, но совершенно забыл, увлекшись пиршеством, а может быть и под давлением молитвенного настроения. Улучив свободную минуту, спопутно забегу к нему в контору.

Впрочем, кажется, об этом я вам писал, а если также забыл сообщить о нижеследующем, то исправляю недостаток своей стариковской памяти, которая по закону природы становится решетом.

У «Ромы» Аполлонского79 имеются вещи Ал(ексея) Мих(айловича) Максимова80, подаренные ему вдовою покойного81 — родною теткою милого Ромы. При первом же свидании (он большой друг моего старшего сына) войду с ним в сношения, а также и с Алек(сандром) Александр(овичем) Нильским. Вот пока и все по Вашему делу, очень близкому моему сердцу. А теперь и об той своей просьбе, которая поторапливает эти строки.

В письмах ко мне Дрианского, посланных в числе автографов к Вам, имеется одно со эпиграммою на московский артистический клуб. Стихотворение не важное, но оно надобится мне к слову в том месте моей статьи об Островском, посланной в «Русскую Мысль», где я

говорю о распадении этого «Кружка». Еще тогда же, когда отправлял автографы, хотел списать их для себя, но второпях совсем забыл. Очень обяжете меня, если пришлете все письмо с уверенностью, что я не замедлю возвратить его Вам, или прикажете снять копию, — словом, что найдете наиболее для Вас удобным. Я припоминаю эти стишки, но не все: «Вильде82 со скалкой, Садовский с палкой, Жандармы, полиция, Островский с амбицией».

Кстати, занес бы их в корректуру вместе с альбомным стихотворением, в котором по рассеянности выпущена целая строка, нарушающая цельность акростиха. Не хотите ли выслушать, как любезничали наши старички, когда кипела молодая кровь. Акростих выдает имя: это сестра жены вашего богача Куманина, урожденная Корш,83 в которую, как видите, не на шутку был влюблен наш драматург. У вас в Замоскворечье, на Полянке, у Спаса в Наливках ходила даже сплетня о кирпиче, пущенном в окно этой девице милой вдовицей — Агафьей Ивановной84 (я вспоминал об ней в «Русской Мысли»).

Зачем мне не дан дар поэта,
Его и краски и мечты?..
Нашлась нужда теперь на это —
Аврору, майские цветы
И все на свете красоты

Давно бы описал я смело,
А вас писать — другое дело...

Подчеркнутый стих у меня в отправленной в редакцию рукописи пропущен. В том расчете, что сделал Вам, почитателю покойного, удовольствие, — приканчиваю на этот раз свою болтовню, прося верить моим неизменным чувствам преданности и уважения.

Всегда готовый к услугам

20 ноября 1897. СПб.

С. Максимов

Супруге Вашей прошу передать мой искренний привет.

Дочка слева, сын справа пишут-пишут до того, что извели все конверты, и приходится посылать в первом попавшемся чудом, присланном со счетами за белье: ночь, все заперто (6 часов утра), мои спят все, а проснется прислуга — надо посылать письмо: так лучше в чужом, чем еще посылать за своим и ждать его, и беспокоиться.

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 9 ноября 1897 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 394—395. — [Т.] IX.

7

Следуя Вашему доброму примеру и поучительному образцу, Многоуважаемый Алексей Александрович, спешу отвечать Вам также немедленно, тем более что и обстоятельства поблагоприятствовали.

В день получения Вашего письма крестница моя у нас обедала и извещена была о Вашем желании. И вот сегодня я уже имею в руках памятку об ее отце, готовно предназначенную Вам в малый и посильный подарок от семьи как счастливо сохранившийся и даже случайно при раздаче всех многочисленных вещей покойного множеству лиц на память. Он полежит пока у меня в ожидании, московским погодинским способом, оказии и для верности доставки — отъезда Белова, если Вы не укажете сами столько же надежного человека. Это — серебряная спичечница, которую Ив(ан) Фед(орович) постоянно носил при себе, и с теми спичками, которые он не успел истратить при жизни. Это подарок ему в день 40-летнего юбилея сценической деятельности — 16 ноября 1894 — от нашей общей приятельницы — покинутой жены вашего бывшего обер-полицмейстера, а ныне почетного опекуна Московского опекунского совета А. А. Козлова.

Под руками у меня, конечно, нашлось между письмами А. Н. Островского одно такое, которое могу уделить Вам с полнейшею готовностью, так как к тому же успел на днях, так сказать, использовать его, поместивши содержание его на подходящее место в статье своей, отправленной неделю тому назад в редакцию «Русской Мысли».

Сверх того прилагаю случайно сохранившийся у меня оригинал, переписанный набело самим автором. Это — песня Еремки в том виде, как изготовил ее Ал(ександр) Ник(олаевич) для оперы Серова «Вражья сила» («Не так живи, как хочется»), но в том ли точно виде, в каком переложил ее на музыку своенравный и капризный композитор, — сказать не могу, не имея под руками партитуры.73 Стало быть остаются теперь открытыми два вопроса: об афишах и записных книжках. Первые сохраняются до Вашего решения и распоряжения, а уступка вторых находится в зависимости от согласия младших дочерей, как я своевременно извещал Вас. Вдова и старшая дочь покойного на продажу этих книжек совершенно согласны, надеясь со временем согласить и упрямого «воробья», как шутливо называл эту свою дочь Лизу покойный Ив(ан) Фед(орович).

Может быть Вы надумаете предложить какую-либо цену и, вероятно, тогда скорее можно будет подвинуть дело к концу. Так, по крайней мере, мне лично кажется это. Нильского, как на зло, за два дня до получения Вашего письма, встретил в магазине Суворина и наслышался от него об успехах прощального бенефиса, ознаменованного между прочим подарком от Государя в виде великолепного серебряного кубка с эмалевыми украшениями. Теперь надо будет отправить к нему письмо: он верный и неизменный посетитель моего имянинного дня (25 сент(ября))74 и на нынешний явился с милым подарком в роскошном переплете на слоновой бумаге, только что выпущенным в свет его сочинением «Закулисная хроника». В заключение несколько слов об альбоме Насветовича75. Он к фотографиям прилагает копию с записки, посланной Государем к Министру Двора, а этим, в свою очередь, по чрезвычайной любезности препровожденной в семью для хранения как драгоценности и, конечно, без права опубликования, хотя бы и такого не совсем гласного. Вышло некоторое недоразумение, частности которого Вам точнее может сообщить А. М. Белов.

И все-таки вновь не могу не высказать своего глубокого сожаления, что чрез него и на письмах приходится быть посредником и сотрудником Вашим, а не личным свидетелем посещения милого города, который на днях жестоко промыло, потом немножко поморозило, а сегодня опять расквасило в грязь и слякоть, — глаза бы мои на него не глядели! А когда еще дождешься весны, которая также немного прелестей покажет Вам: ведь для нее, по словам Писемского, чтобы петь на Адмиралтейском бульваре, соловья нарочно нанимают.

Теперь пора и мне перестать распевать на интересующие обоих нас мотивы. Будьте здоровы!

Душевно преданный

9 ноября 1897. СПб.

С. Максимов

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 1 ноября 1897 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 393—394. — [Т.] IX.

6

Я только что вчера кончил и сегодня отправил в Москву последнюю большую статью свою об А. Н. Островском, которая заняла у меня время этих последних трех недель, чтобы теперь на полной свободе пополнить свои недоимки. Написал письма на Дальний Восток своим сыновьям: дипломату в Сеул и моряку во Владивосток, и спешу перемолвиться с Вами, Глубокоуважаемый Алексей Александрович. Письмо Ваше меня обрадовало известием, что у Вас и около пришло в порядок и приняло обычный и здоровый вид, — и успокоило в исправности нашей почты, которая привела меня в отчаяние, возродив подозрительность, при переписке с сыновьями. На днях я встретился с известным Вам театральным знатоком Щегловым65, который между прочим сообщил мне, что портрет молодой Степановой представляет великую редкость не по одному лишь тому, что она жива еще до сих пор, но имеет за собою тот интерес, что это — первая глинкинская Антонида. Сестра Глинки66, также ветхая старушка, но слепая, живет на одной лестнице, дверь о дверь, с моим университетским московским товарищем Кудриным67 — медицинским инспектором флота — и я каждую весну и лето вижу ее на балконе, греющеюся на солнушке, или гуляющею (однако без провожатого) по своей Гагаринской улице68. Тем не менее, по петербургскому обычаю, Кудрин, живя с ней 10 лет рядом, с нею не знаком. Не имел и я случая встретиться с нею и быть ей известным. Конечно, вы знаете, что она все, сохранившееся от брата, передала в (музей) его имени, но, вероятно, кое-что и зажала в руке. Думаю, что если бы Вы лично решились обратиться к ней, то имели бы успех: говорят все, что старушка она добрая и покладистая. Вообще Ваше личное присутствие здесь очень подвинуло бы дело. Я ласкал себя этою приятною мыслию свидания с Вами на стогнах Петрограда сколько из личного эгоистического чувства приятнейшего облегченного свидания с Вами, столько же и в интересах Вашего музея. Заочно не так удобно делается, и я рассчитывал с приездом Вашим и на большую энергию для себя, и на решающие успехи для Вас. «Свой глаз — алмаз», — говорит пословица. Увидели бы — и решили так или эдак.

Вот, напр(имер), хочется описать Вам из оставшихся после Горбунова вещей и не в силах дать Вам понятие, соответствующее Вашим желаниям и вкусу. В семье осталась чернильница, подаренная ему товарищами по сцене в последний юбилей по подписке. Известно, что сумма последней 400 руб(лей). Массивная и изящная вещь, изображающая охоту, которую покойный любил и ездил на нее с Некрасовым69, — вещь почти «unica»; по словам актера Нильского70, она имеется лишь в трех экземплярах: две у кого-то из Великих Князей. Жертвователям она за таковую редкость и продана. Сохранилась кипа афиш, желательных Вам, но необходимо Вам самим оценить их наглазно по количеству и по достоинству.

Есть еще очень большое собрание самых разнообразных «menu»71, между которыми попадаются очень изящные с царских и великокняжеских столов. Покойный, как Вам известно, пользовался высоким вниманием и любил сладко поесть, и сам был отличным поваром. Таню я успел повидать и передать ей Ваше желание. Исполнить его она с полною готовностию согласна и также будет ожидать личного свидания, чтобы ускорить и упростить переговоры на взаимных и безобидных соглашениях. Что касается до вопросов Ваших относительно издания сочинений и отношения к ним жертвователей, то Белов, уехавший в Москву и обещавший мне повидаться с Вами, сумеет лично разъяснить Вам этот вопрос. Пока могу сообщить Вам, что на каждом бесплатном экземпляре, изящно переплетенном, будет напечатана принадлежность его жертвователю. Не имея материальных основ, мы еще не решили многих вопросов, при выяснении которых, конечно, приняты будут в соображение все желания принимающих участие в деле, затеянном в память сообща его друзьями и почитателями, о чем и будет сказано на первой же странице и представлен в конце поименный список по мере возможности. Конечно, всякий вкладчик обязательно получит свой экземпляр, и выход самого издания несомненно упрочен, так как его ожидает более чем вероятный успех в продаже.

Ответив на все Ваши вопросы, не могу не высказать нового сожаления о пропаже из вещей покойною моего друга очень интересного собрания всяких печатных курьезов, которые много лет собирал А. М. Жемчужников72. Некто, известный, впрочем, нам человек, незадолго до смерти взял их к себе посмотреть, а теперь, конечно, нагло уверяет, что возвратил покойному. И

нет способов и средств у него отнять.

От души желаю Вам окончательно восстановить свое здоровье и успокоиться за первенца настолько, чтобы я мог теперь уверенно сказать: «До свидания», — а вскоре радостно воскликнуть: «Здравствуйте, добро пожаловать!»

Искренно и неизменно уважающий Вас и готовый на добрую помощь

С. Максимов

Супруге Вашей свидетельствую искренное почтение и за добрую память обо мне сердечную благодарность.

1 ноября 1897. С.-Петербург

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 29 августа 1897 г. Село Ильинское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 392—393. — [Т.] IX.

5

Истекло уже два месяца, что живу в милых и дорогих сердцу местах моей родины — очень красивых, но очень глухих, а главное — весьма отдаленных. Живя в среде родных воспоминаниями давно мелькнувшего детства и юности, не забываю и тех добрых и радушных знакомых и приятелей, которые лаской и приязнью подслащали горькие годы невеселой старости. Засчитывая в число последних и Вас, глубокоуважаемый Алексей Александрович, имел очень приятный случай отдаться воспоминаниям и снова посильно послужить Вашей прекрасной идее и Вашему знаменитому начинанию. Всему этому при сем препровождаю и вещественное доказательство в пополнение Вашей коллекции портретов театральных деятелей, и хочется думать, что пересылаемый посылкой портрет59 представляет собою библиографическую редкость. А хочется так думать по усердному желанию сделать Вам наиболее приятный подарок как истинному любителю и просвещенному ценителю. Посылаю подарок посылкой вследствие того обстоятельства, что наконец добрался в своих странствиях-переездах до такого места, откуда ходит почта. И хотя мелководье Волги между Костромою и Рыбинском вынуждает меня возвращаться через Москву, но в милом и дорогом мне городе могу

Рыбинском вынуждает меня возвращаться через Москву, но в милом и дорогом мне городе могу пробыть лишь несколько часов, необходимых для ожидания поезда после перехода с Ярославского вокзала на Петербургский: очень уж устал от поездок на лошадях по нашим, в ужас приводящим, дорогам, в особенности так наз(ываемым) почтовым (напр(имер) дорога от Галича до Костромы прямо ведет в ад). К тому же надо спешить устраивать свою судьбу60 и таковую же семьи ввиду близкого времени съезда в Петербург сильных и влиятельных лиц, от которых зависит для меня многое, если не все.

Теперь — несколько препроводительных к посылке и объяснительных слов к подарку, который явится к Вам в том же заветшалом виде, в каком я его снял со стенки в одной из немногих уцелевших в наших местах барских усадеб — усадьбе моего двоюродного брата, из окон которой я, вероятно в последний раз в моей жизни, любовался на то святое мне место, где я родился, и, очарованный красотами местоположения, старался забыть невеселое настоящее.

К кузену моему портрет этот попал из вещей П. А. Катенина61 (известного Вам театрала и друга Пушкина), которые, по смерти его племянника и наследника, продавались в г. Чухломе с аукциона. В конце царствования Александра I эта примадонна петербургской русской оперы разделяла успехи и славу одновременно с Шелеховой (бывшей Монруа)62, пока не затмила их Воробьева63 (ставшая потом Петровой — женою Осипа Афанасьевича64, знаменитого Сусанина). В записках Р. М. Зотова («Исторический Вестник», ноябрь 1896 г. стр. 420) я отыскал нижеследующую краткую заметку об ней: «Г-жа Степанова блистала тоже тогда, как

примадонна, хотя природа и не одарила ее мягкостью и нежностью итальянских голосов, но она трудолюбием и любовью к искусству дошла до степени отличной певицы в русско-итальянской опере». В начале царствования Николая I она была еще на сцене. Более подробных данных об ней у меня теперь под руками не имеется, да для Вас, конечно, это не большая потеря ввиду имеющихся у Вас в руках исторических материалов. А большего достать для Вас не мог по той главной причине, что за всякими редкостями, остатками барских богатств ежегодно по зимам являются сюда вот уже несколько лет кряду два молодца из Нижегородской губернии и скупают на местах все от старой бронзы и вье-саксов до кожаных досок, облекающих старые книги, и до рукописей в свитках. Стало быть, дело ведется не только на чистоту (денежную), но и на очистку (вещественную). Недавно на пяти возах увезли из сельца Каликина в Костромской архивный музей бумаги и дела князей Куракиных, владевших большою вотчиною.

Вот я и разболтался с Вами, достойнейший Алексей Александрович, найдя приличный повод и удобный случай после вынужденного молчания и ввиду невозможности скорого личного свидания. На днях оставляю наши прекрасные места для прескверного Петербурга — время велит поторапливаться: у тех зайцев, которых застреливает моя дочь очень метко, уже побелели уши — явный признак надвигающейся осени, по здешним приметам.

Примите от меня и передайте Вашей супруге чувства глубокого почтения и уважения, в которых Вы, вероятно, не сомневаетесь.

Всегда готовый к услугам

С. Максимов

29 августа 1897.

Сельцо Ильинское (под г. Галичем)

Чуть не забыл сообщить свой новый адрес: 6 рота Измайловского полка д. № 22, кв. 21.

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 17 апреля 1897 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 390—392. — [Т.] IX.

Не посчастливилось мне на этот раз исполнением Ваших поручений, Многоуважаемый Алексей Александрович, несмотря на то, что видимость обещала легкий и скорый успех. Покойный Миша Микешин жил от меня всего через пять домов46. Ввиду воспрещения моих выходов при условии мороза свыше 5 или слякоти при +2°, задался один денек с легким морозцом и дерзким солнышком. К Вашей надобности прицепилась и личная — взять письма Островского, адресованные к покойному, и Мария Петровна47 — старинная приятельница; все, одним словом, сложилось так, что дало мне быстрые ноги. А затем пришлось так, что поцеловал пробой — и пришел домой, чтобы сообщить Вам, что вдова Микешина переехала на постоянное житье в свою дачу в Стрельне48. Раньше я не мог этого узнать, потому что в морозный день не мог попасть в церковь в первую годовщину смерти Мих(аила) Осип(овича).

Ясно мне стало теперь, что надо отложить дело до весны и до личных разговоров, которые вернее приведут к концу, чем переписка, не обещающая, по Вашему личному опыту, желательного успеха49. Точно так же и с семьей Горбуновых — неудачи вследствие разногласия мнений: умная крестница моя разделяет со мною мнение об уступке Вам дневников отца, но сестры и мать желают сохранить их как память о покойном, несмотря однако ж на то, что имеются иные вещи, более ценные и в значительном количестве. Так как я вижу в этом признаки, несомненные и очевидные, беспричинного бабьего упрямства, то и решился не тратить

бесполезно слова и время.

Бумаги А. Н. Островского находятся у его вдовы, живущей где-то здесь и не желающей знать никого из нас, друзей покойного. Этой приходится доказывать посмертную любовь и уважение к памяти мужа, так как прижизненные таковые были слабы и сомнительны — а теперь это так дешево и легко ей обнаруживать, по крайней мере перед нами. К тому же она имеет поводы ссылаться на контроль брата (Мих(аила) Ник(олаевича)), бывшего генерал-контролера всея Великия, Малыя и Белыя России. По его совету она уже успела передать в Академию Наук начатки опыта толкового русского словаря сырым материалом. Это хранилище я уже не решаюсь воротить, хотя бы очень многое мог найти для себя лично в интересах моих «Воспоминаний», которые, по непредвиденным обстоятельствам, «Русская Мысль» вынуждена отложить до мартовской книжки50 вследствие новых указаний, преподанных Главным начальником управления по делам печати.

За Ваше дружеское внимание к ним и приветливое ласковое слово приношу сердечную благодарность, считая долгом сообщить Вам, что мысль собрать эти воспоминания в отдельное издание давно уже сидит у меня в голове и не осуществилась до сих пор именно по той причине, что не были готовы главнейшие — именно вот эти об Островском. У Микешина в его журнале «Пчела»51 я напечатал воспоминания о Павле Якушкине — собирателе народных песен, в «Русской Мысли»52 — о поэте Мее и о нашей так наз(ываемой) Литературной Экспедиции, посланной В(еликим) К(нязем) Константином Николаевичем. Уж из этого готового и напечатанного составится том листов до 20 печатных, а если я прибавлю сказания о моем житье-бытье с переводчиком Беранже В. С. Курочкиным и с прочею литераторскою петербургскою братиею, то новое сочинение мое предстанет уже в очень солидном размере любой из книжек толстых журналов.

Воспоминаниями, как лебединую песнию, надо спешить, и если эта спешка замечена Вами в моих последних работах, то она собственно не относится к тем, которые посвящены моему куму и другу. Это — собственно так сказать «запевка», а самая песня впереди в виде данных об нем, разбросанных в статьях об Островском, а главное — в биографии, которую готовлю для Собрания его сочинений.

Я очень сожалею, что моя неудача ввела Вас в недоумение; последние заключительные строки, объясняющие это обстоятельство, не попали в конец статьи, так как она вся, по объяснению

Гольцева53, была уже отпечатана в то время, когда получено было мое письмо с указанием этого разъяснения. Оно будет указано в издании сочинений, подписка на которое, судя по сведениям секретаря Шереметева, пошла довольно успешно. Сам граф принял живое участие и успел собрать между своими знакомыми и получить даже от некоторых лиц Императорской Фамилии (Павла Александровича54; Кирилла Владимировича55, Александра Михайловича56, а главное — от принца Ольденбургского57, взявшего даже особый подписной себе лист). Всякий делает взнос по мере возможности и в доступном размере, так что явилась уверенность в сборе денег в таком количестве, что с весны можно будет приступить к изданию, чтобы к осени выпустить в свет. Печатный и рукописный материал я уже привел к порядок, за исключением того, который относится к материалам по истории театра. Это будет издавать Департамент Уделов на суммы, указанные Министром Двора. У меня в руках прекрасный автобиографический материал, восстановленный из спешных записей карандашом.

Пользуюсь случаем приложить при этом письме то, что не попало в прежную посылку и что прошу принять от меня лично в Ваш музей как материал для биографии артистов: в автографах письмо Е. Н. Эдельсона58 к Островскому об игре Прова Мих(айловича) на здешнем театре и его же мнение об игре Садовского в роли гоголевского городничего в Москве. Вообще от души желал бы сохранить в Вас уверенность в том уважении, которое питаю к Вам и к Вашей заветной мысли, и в полной готовности содействовать и приращению, и украшению Вашего отныне драгоценного для меня Вашего Музея: я не перестану думать о том, прибирая к рукам все подходящее и не упуская из виду всех тех, от кого, как от Микешиной, можно чем-либо пригодным поживиться. Об успехах своих буду своевременно извещать Вас, а об нынешних неудачах думаю, как о временных, случайных и, стало быть, преходящих. Поступите и сами Вы таким же образом, приняв искренное мое сердечное уверение быть Вам и Вашему предприятию, благому и действующему, посильно полезным. В чем и расписуюсь, прося в заключение передать мою душевную благодарность за память многоуважаемой супруге Вашей и пожелание роста и здоровья наследнику Вашему от мельком видевшего его

17 апреля 1897. СПб.

С. Максимова

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 13 января 1897 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 388—390. — [Т.] IX.

3

13 января 1897. СПб.

С Новым Годом!

Снова спешу перемолвиться с Вами, многоуважаемый Алексей Александрович, по поводу Вашего благого деяния и милого послания, которое в особенности требует ответа и привета. Недуг мой, ниспосланный мне в наказание именно за эту безрасчетную торопливость жить после великого строгого трехгодичного пощения, до сих пор держит меня взаперти вот уже второй месяц.

Три года тому назад в моем легком расположились лагерем коховские саперы и понаделали рвов в виде туберкул, однако ловкими докторскими маневрами они вынуждены были очистить место и снялись с него. Теперь же оказался на другом месте, но таковой же лагерь из новобранцев. Но так как нет худа без добра, то и это вынужденное затворничество помогло мне на досуге целого месяца окончательно разобраться в бумагах Ив(ана) Фед(оровича) Горбунова. Из них, в подчинении специально определенному желанию Вашему, я отобрал все письма-автографы всех артистов, имевших с ним дела. По-видимому многие из них просятся в наклейку в его альбом как

дополнение, которое он не успел сделать благодаря своей тоже торопливой, а сверх того еще и непоседливой жизни. К автографам артистов я приложил автографы драматургов и один единственный в собрании, и несомненно редкий, графа Соллогуба37. Поступил я так в том расчете, что, приводя в систему сокровища своего музея, Вы придете к мысли о сортировке автографов артистов отдельно от драматургов. Тех и других я довольно-таки наклал и, думая сначала отправить их заказным письмом, убоялся высокой платы по весу и отправляю посылкой. Этою малою частью наследства покойного кланяется Вам благодарная семья его, прося принять на добрую память все то, что я выбрал по своему вкусу и подчиняясь Вашим желаниям и указаниям. Вы найдете тут и те автографы-черняки, которые особенно Вам желательны как удачно-шутливые и остроумно-верные подражания древним писаниям допетровских времен: 1 — наказ Анат(олию) Фед(оровичу) Кони38 (ныне сенатор), назначенному тогда во главу судебного ведомства; 2 — послание и наказ лампопистам39 — всем его московским друзьям, которые были таковыми же и для Ал(ександра) Ник(олаевича) Островского; 3 — послание к последнему по тому поводу, разъяснение которого Вы найдете в конце сказаний о нашем общем приятеле Гурие Бурлакове40; и 4 — послание к Бартеневу41.

Сохранился еще чернечек очень остроумного и прекрасно выдержанного в стиле послания к А. Н. Островскому о путешествии по Волге до Екатеринбурга на гастроли с Бурдиным, но оно записано в переплетенной книге, из которой вырвать его неудобно, а если Вы им заинтересуетесь для пополнения коллекции, то его можно доставить в копии. Равным образом два адреса, полученные Ив(аном) Фед(оровичем) в оба юбилея, становятся для нас неудобными потому, что

вставлены в рамку, повешены самим покойным на стенку и хранятся теперь семьею как святыня. Затем остаются свободными те дневники, беглые и краткие, которые вел он изо дня в день в течение 27 лет вплоть до рокового 1895 года. Я назвал их свободными в том смысле, что пригодное для его биографии я из них извлек в отдельную запись.

В числе разных писем я отложил одно, на которое обращаю Ваше особенное внимание (что я и обозначил на сторонке заголовка), так как оно вполне совпадает с намерениями Вашими и, может быть, на счастье, и адрес не утратил своей свежести, и предложение неизвестного человека — своей силы значения. Вы, вероятно, и попытаетесь навести справку, так как по сведениям, имеющимся в семье, покойный не принял никаких мер, затребованных предложением, и следов попыток в его бумагах я никаких на нашел.

Препровождаемую коллекцию я дополнил теми автографами литераторов и других общественных деятелей, каких не достает и которыми можно пополнить приобретенный Вами альбом посредством наклейки на свободных страницах. Между прочим, сберегласъ громадная коллекция разнообразнейших меню потребленных им яств за многие годы — коллекция, в разнообразии своем представляющая действительно выдающийся интерес и значительную ценность. На нее охотится покупатель в лице книгопродавца-антиквария и собирателя курьезных редкостей, некто Клочков, торгующий старыми книгами на Литейной. Было еще собрание курьезных афиш, но кто-то взял посмотреть и, по русскому непохвальному обычаю, зачитал и до сих пор молчит. Вот об этом я душевно скорблю, имея в виду Ваш превосходный музей, для которого эти вещи пришлись бы, что называется, прямо ко двору.

Известно также, между прочим, что таким же сбором занимался Ал(ександр) Ник(олаевич) Островский и коллекция эта цела, сохраняясь в руках его вдовы42. Я эту коллекцию видел, когда разбирался в бумагах Островского в квартире его брата43, бывшего Министра Государственных имуществ, вместе с Горбуновым и Морозовым44. Вот, кажется, и все по поводу нынешной посылки. Остается еще один ответ мой на вопрос Ваш: подписной лист действительно не полон именно тем указанием что жертвователи получат роскошное издание сочинений как наглазный документ, свидетельствующий о том, что деньги употреблены на указанный предмет. Это само собою разумеется, и я виноват с Сер(геем) Дм(итриевичем) Шереметевым, что не догадались включить в текст воззвания. Душевное Вам спасибо за это практическое указание. Дело сбора денег поручено графом секретарю своему Алексею Михайловичу Белову, который и обязан устранять все препятствия по подписке, а моя изба совсем не с краю

устранять все препятствия по подписке, а моя изба совсем не с краю.

Кончивши воспоминания об Островском для «Русской Мысли», немедленно примусь за биографию И. Ф. Горбунова45, а для удобства работ на всю весну и лето забираюсь в глухие леса, в сухие сосновые боры моей святой родины, в посад Парфентьев Костромской губ(ернии) Кологривского уезда, куда и поплыву от Рыбинска по Волге и от Юрьевца по Унже, и еще затем от Макарьева 80 верст на лошадях. Там, кстати, думаю повоевать и со своими саперами: три года тому назад был уже опыт, что они стоянки этой не выдержали и ушли.

За Ваше искреннее желание мне здоровья отвечаю Вам тем же от полноты благодарного сердца, которое, по вчерашнему уверению доктора моего, здорово и бьется в открытую, начистоту, без перебоев. Значит, имею надежды на новое личное и всегда приятное свидание с Вами, обязательнейший и сердечный Алексей Александрович.

Душою Ваш

С. Максимов.

Максимов С. В. Письмо Бахрушину А. А., 17 декабря 1896 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 387—388. — [Т.] IX.

2

Преисполненный живыми чувствами глубокого и искреннего к Вам почтения, Многоуважаемый Алексей Александрович, тороплюсь отвечать под неостывшим впечатлением от ласковых слов и деловых сообщений. На откровенность Вашу позвольте а мне отвечать таковою же. Прежде всего об альбоме. Я сам признавал цену альбома высокою, и если поставил ее Вам в письме, то исключительно по желанию, и притом единодушному, всей семьи, т. е. матери и трех дочерей. Разумеется, лучше всего понимали они то, что запрос в карман не лезет, — и это про себя, а в открытую и для других — несомненное затруднение в оценке до такой нормы, которая была бы безобидною для обеих сторон и всего вернее и ближе подходила бы к идеальной. Что же можно сказать против того приема, который употребили Вы, кроме глубокой благодарности за то, что этим способом Вы выяснили окончательно темное для всех нас дело. Ни уступать, ни приобретать подобных ценностей для всех нас не было ни одного случая, а у Вас их такая масса, что только Вы могли быть — и Вы один — компетентны в данном вопросе. Если Вы находите размер оценки таковым, как подсказал ответ с надбавкою добрых желаний семьи в память покойного, то мне приводится сказать архангельскою поговоркою: «Из ваших уст Богу в уши», а семье Ив(ана) Фед(оровича) благодарить Вас за дружеское внимание и своевременную помощь, что она и поручила мне засвидетельствовать перед Вами открытою душою и облегченным сердцем.

Прикончив с альбомом, мне хотелось бы определительно отвечать относительно кипы материалов, собранных покойным для истории театра, но сейчас не могу этого сделать по той причине, что меня посетила старая знакомая непрошенная гостья, три года тому назад натворившая много бед — инфлюэнца, и меня заперли на безвыходное пребывание дома до тех пор, когда прекратится сильный озноб в полдень и головная боль и жар к ночи. Пишу эти строки утром, когда эти припадки обычно прекращаются, и тороплюсь перемолвиться с Вами до полуденного кризиса, когда приходится ложиться в постель, чтобы вызвать испарину. Вдаюсь в эти подробности, будучи не в силах освободиться от тяжести болезненных впечатлений, усилившихся для меня тем, что не могу пойти в землю поклониться дорогому, почти родному праху брата Алексея Антиповича31 — Константина32 и проститься с этим редкостным человеком и несравненным врачом, вырвавшим меня из гроба и дружившим со мною всего только около 50-ти лет жизни.

Возвращаясь к Вашему запросу, могу сказать лишь одно наверное, и хотя заочно, что сборник

Возвращаясь к Вашему запросу, могу сказать лишь одно наверное, и хотя заочно, что собрник покойного действительно представляет ценность только для музея, в который может явиться доброхот, пожелавший заняться разработкою этого сырого материала, действительно богатого. Именно Вам он — что называется — ко двору. Я с ним знаком поверхностно и не имел случая вглядеться подробно, чтобы иметь наибольшую решимость оценивать его окончательно про себя как литературный труд, а для Вас — представить детальный отчет всего содержания. Материал этот находится на квартире семьи. Я его не перевозил к себе как ненужный для задуманной мною биографии. Прошу Вас дать мне еще несколько времени, чтобы подготовиться к решительной оценке труда не в смысле его денежной ценности, а его содержания, чтобы Вы сами, идя тем же прекрасным и верным путем, выяснили лично для себя, хотя бы и заочно, достоинства приобретаемого в обогащение Вашего превосходного хранилища. Значение его еще более возросло в моих глазах, когда я услыхал вчера от сына своего, старшего33, бывшего в театре Александровском и заметившего возмутительное варварство, предъявленное новым главным режиссером. На декорациях, изображавших дом, он узнал повешенными те картины и гравюры, которые знакомы ему как подарок театральному фойе, сделанный покойным Иваном Федоровичем. Стало быть, ценные исторические вклады в глазах театральных распорядителей — не более как бутафорские вещи. Вот куда следует устремить охранительное внимание, и при первом же свидании и Модесту Ив(ановичу) Писареву, и своей крестнице поспешу сделать надлежащее внушение. Вот что называется: живи да оглядывайся; и на театральной сцене возможны стало быть не съедобные омары, но подобные тому, который некогда сжег библиотеку в Александрии Египетской для примера и образца Александрии С.-Петербургской.

Что это такое?

К охранению Вашему, столь же несомненному для меня, как то, что сегодня — вторник, вырезаю черничек послания из-за границы в 1862 г., когда вместе с А. Н. Островским друг мой ездил путешествовать34. Оно адресовано на имя Сергея Семеновича Кошеверова — одного из четырех братьев, торговавших на Ильинке, наших друзей по преемству от Островского, дядей Прова Михайловича Садовского, честную память которых благодарно чту и посильно воспеваю в статье, отправленной в «Русскую Мысль» вчера для январской книжки. Записаны в большой книге еще два послания к Островскому.

С этим письмом не могу отправить своего портрета, так как и сам давно его уже не видал; ящик в письменном столе, в котором иногда хранил 2—3 экземпляра на случай, всегда был нечто вроде проходного двора или гороха при дороге: кто ни пройдет, тот и щипнет. С. Л. Левицкий35 держал запасные для продажи, но раз, года три назад, отдал мне четыре остальных, а печатает ли сын его, принявший хозяйство в свои руки, — узнаю на днях, когда поправлюсь и выберется светлый денек, чтобы пойти сняться семейной группой. Тогда же можно сняться и одинцом и исполнить лестное для меня желание Ваше. Беру также на себя и добычу портрета Алексея Антиповича и собрание автографов-посланий Ив(ана) Фед(оровича), но предупреждаю, что это очень трудное дело, так как со смертью автора ими начали еще больше дорожить. Исправляюсь и в обычной рассеянности и забывчивости своей, благодаря Вашей вновь выраженной готовности пособить нам, друзьям И. Ф. Горбунова, в сборе пожертвований для роскошного иллюстрированного издания его сочинений: прилагаю два экземпляра подписных листов, движение которых, по словам секретаря36 графа С. Д. Шереметева, начало оживляться. Деньги за альбом будьте добры выслать на имя Татьяны Ивановны Горбуновой по адресу: Коломенская ул., д. № 7, кв. 3. Следующим письмом не замедлю, как только отпустит меня болезнь и даст мне возможность желаемой Вами справки.

С неизменными чувствами искреннего моего к Вам почтения и готовности быть посильно полезным остаюсь глубоко Вас уважающий

17 декабря 1896. СПб.

С. Максимов

Щербакова М. И. Письма С. В. Максимова к А. А. Бахрушину // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 383—385. — [Т.] IX.

В отделе рукописей ГЦТМ хранится 15 писем (Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1656—1670) писателя-этнографа Сергея Васильевича Максимова (1831—1901) Алексею Александровичу Бахрушину (1865—1929). Они относятся к истории создания бахрушинской театральной коллекции, выросшей со временем в музей, фонды которого насчитывают сегодня полтора миллиона единиц хранения.

Началась эта история с пустяка: Бахрушин поспорил с двоюродным братом С. В. Куприяновым, что он соберет более ценную, чем у кузена, коллекцию театральных реликвий за месяц. Пари было выиграно, и впервые коллекция была показана Бахрушиным в родительском доме 11 июня 1894 г., а 29 октября собиратель ознакомил с ней московских артистов, литераторов и художников. Так началась жизнь театрального музея.

17 апреля 1895 г. Алексей Александрович венчался в храме Святой Троицы в Кожевниках с Верой Васильевной Носовой (1875—1942), дочерью владельца «Промышленно-торгового товарищества мануфактур бр. Носовых». Отец Бахрушина подарил молодым земельный участок на углу Зацепского вала и Лужниковской улицы. По проекту архитектора В. В. Гиппиуса началось строительство двухэтажного дома Бахрушиных и, как само собой получилось, в нем

нашлось место и для разросшейся коллекции театральных реликвий. В особняке на Лужниковской улице и в наше время размещается Государственный театральный музей.

С известным путешественником, этнографом и писателем Сергеем Васильевичем Максимовым Бахрушин познакомился в 1896 г. Точная дата встречи — 19 ноября — зафиксирована в одном из роскошных альбомов Бахрушина, где после слов о радости нового знакомства написано: «Усталый путник, старый бродяга С. Максимов»*. Еще один автограф Максимова в бахрушинском музее датируется 27 августа 1898 г.** Первая строчка записи — «Бей в доску — поминай Москву!»

С. В. Максимов был известным литератором, неизменным и безотказным сотрудником многих русских периодических изданий. В 37 газетах и журналах печатались его очерки и статьи.

Энергичная натура делала его участником многих важных событий второй половины XIX в., способствовала знакомству и дружескому общению с широким кругом современников. Угадав в молодом Бахрушине не только заинтересованного слушателя, но и дар собирателя, писатель поспешил поделиться с ним своими сокровищами: запасами памяти и документами домашнего архива.

Московский коллекционер Бахрушин получил от Максимова уникальные собрания автографов А. Н. Островского, И. Ф. Горбунова, Е. Н. Эдельсона, Д. Д. Минаева, Н. С. Курочкина, Е. Э. Дриянского, П. М. Боклевского, М. О. Микешина, М. И. Семевского, А. И. Нечипоренко и других. Максимов переслал Бахрушину фотографии петербургских артистов П. В. Васильева, Л. Л. Леонидова, Ф. А. Бурдина, композитора К. П. Вильбоа, карикатуры на аристов Н. Е. Вильде, В. И. Живокини, И. В. Самарина, В. М. Самойлова, П. В. Васильева, портрет примадонны русской оперной сцены М. М. Степановой, принадлежавший некогда А. А. Потехину. При содействии писателя в бахрушинской коллекции оказались дневники И. Ф. Горбунова (1862—1895), которые артист вел всю жизнь, с ранней молодости до последних дней жизни: всего 26 книжек. Через Максимова у семьи Горбунова были приобретены коллекции афиш и меню, альбом с автографами знаменитостей, серебряная спичечница со спичками, а также альбом курьезов, собранный А. М. Жемчужниковым и подаренный им артисту.

С. В. Максимов. 1890-е гг.

Писатель также переслал Бахрушину все сохранившиеся после смерти В. С. Курочкина экземпляры «Искры».

Письма Максимова содержат подробный комментарий к его посылкам в Москву, в них упомянуто более 130 имен, приводятся весьма редкие сведения. По письмам можно установить, когда, при каких обстоятельствах и на каких условиях попали в коллекцию Бахрушина те или иные письма и экспонаты. Для истории театрального музея это имеет исключительное значение, так как сам собиратель подобные записи не вел.

Публикуемые письма Максимова связаны с его мемуарным наследием. «Воспоминаниями, как лебединою песнию, надо спешить», — писал он Бахрушину 17 февраля 1897 г. И хотя Максимов публиковал отрывки воспоминаний в журнале «Русская Мысль» (1887—1898), ему хотелось издать книгу, в которую вошло бы все написанное и задуманное, но мечта писателя не осуществилась. Тем ценнее россыпь осколков минувшего в эпистолярном наследии.

Посылая Бахрушину автографы знаменитостей, Максимов нередко прямо на этих документах делал пояснительные надписи. Они приобретают особую ценность в контексте писем и мемуаристики писателя. Поэтому в комментариях к публикуемым письмам его пометы приведены полностью.

Кроме писем публикуется фотография автографа Максимова. Это — надпись на книге

«Крылатые слова», подаренной писателем актеру Горбунову: «Без дальних слов с крылатыми сегодня (16 ноября) приветствую Тебя, столь же давний мой Друг, как эти 35 лет твоей беспримерной и неподражаемой службы отечественной сцене и родному слову. Искренне любящий Кум Сергей».

Книга с автографом Максимова хранится в личной библиотеке Семена Ивановича Шуртакова, который любезно предоставил его для публикации.

Из донесений военного атташе В. В. Муравьева-Амурского

Муравьев-Амурский В. В. Письмо Императору Николаю II, 28 сентября/11 октября 1900 г. Париж // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 413—414. — [Т.] IX.

4

Ваше Императорское Величество.

Осмеливаюсь лично и непосредственно обратиться к Вам, Всемилостивейший Государь, по вопросу не терпящему отлагательства.

Из ряда моих донесений, начиная с конца зимы Ваше Величество изволили уже видеть, что я всегда указывал на наших главных врагов в Европе, во главе коих стоят евреи, а затем идут им подчиненные: масоны, Англия и друг(ие).

Наш союз с Францией7 подвергается теперь огромной опасности. Кампания против наших фондов8 во Франции, о которой я предварял недавно, уже началась. Дискредитирование наших бумаг уже происходит в провинции и работают наши же русские жиды, выдавая себя за чисто-русских людей, чего разобрать здешний народ, конечно, не в состоянии и верит им.

Сила нашего союза с Францией покоится на двух главных обстоятельствах: на нашем здесь кредите и на военной конвенции.

Против первого уже деятельно работают, против второй идет борьба издалека, но тем более верная. Подрывают и унижают армию, ослабляют ее и тем самым сделают нашу конвенцию пустым клочком бумаги. Она будет по-прежнему неприкосновенна, но зато и неисполнима со стороны Франции.

Здешний военный министр9 не может серьезно задеть главный штаб, за который мы заступились весною, как Ваше Величество изволите помнить, но тем решительнее идет разрушительная работа во всем прочем. Последние декреты, в одну неделю как из рога изобилия посыпавшиеся на французскую армию, вводят систему полного произвола со стороны военного министра.

Производство офицеров всех чинов, перемещение их, распределение стипендий юнкерам Сен-Сирской школы10, все это точно диктатору принадлежит одному министру; существующие нормы и правила не отменяются, они только покрываются неограниченной властью министра.

Наконец декрет о браке офицеров должен также внести, и весьма скоро, разлад в среду офицеров, благодаря слишком большой неравности семейного положения, которое он поощряет.

В подозрительные (по мнению кого-либо из министров дрейфусаров11) полки назначаются особые шпионы из офицеров-жидов, которые собственно и будут применять новые декреты.

Все эти мероприятия быстро расшатают и ослабят армию. А быть в союзе со слабым кому же выгодно. И конвенция падет сама собою.

Нынешний кабинет12, благодаря масонскому большинству в палате13 может просуществовать, пожалуй, до новых выборов, т. е. больше года, а чтобы расшатать наш союз и посеять к нам недоверие достаточно двух-трех месяцев такой работы, при полном к тому же безучастии нашего посольства.

Я бы мог, пожалуй, повторить свою весеннюю попытку, но предвижу, что теперь потерплю при нынешних условиях полную неудачу. Зная, что весною я не только не был поддержан нашим посольством, но что оно даже пошло против меня, т. е. против интересов России и в угоду жидовскому министерству, меня даже слушать не станут и ничего не только не изменится, но даже и ухудшится. Я решаюсь умолять Ваше Величество дать мне ту силу, которая нужна, чтобы поправить все пока еще есть время.

Достаточно будет Вам, Государь, повелеть прислать мне телеграмму из одного слова «regu»* за подписью Гессе14, чтобы я знал, что мне делать.

Но вместе с тем я умоляю Ваше Величество повелеть послу15 содействовать и поддержать меня в том деле, которое я предприму. Мне кажется, что послу достаточно шифровать следующее: «Высочайше повелевается послу содействовать военному агенту в том деле, о котором последний сообщит».

Я поступлю тогда следующим образом: как и весною, потребую отмены декретов последней недели, вредных для нашего союза и ведущих к его полному ослаблению, так как они разрушают ту силу, на помощь которой рассчитывает Россия на основании существующей конвенции.

И Ваше Императорское Величество увидите исполнение на деле того, о чем я имел счастие Вам докладывать лично еще в июле — что в Державе Вашей есть и французская губерния.

Видите, Государь, какой у Вас смелый подданный, но он тем более смел, что он любит своего Государя и знает, что если Государю не угодно ничего теперь предпринять, то все останется как было до сих пор, так как даже посредника между Вашим Величеством и мною сейчас нет.

Простите, Государь, Вашего горячо преданного Вам и России верноподданного

Париж

Гр. В. Муравьева-Амурского

28 сентября/11 октября 1900 г.

Муравьев-Амурский В. В. Еврейство // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 412—413. — [Т.] IX.

3

III

Помимо всего, что изложено в моих двух записках от 14-го и 27-го октября сего года о деятельности еврейства у нас с целью овладения Россией, следует добавить еще следующее: евреи стараются насколько возможно втереться во все так называемые свободные профессии, например в адвокаты и врачи. Количество их хотя бы только в этих двух группах интеллигентного населения Империи весьма велико, гораздо больше нежели % отношение евреев к коренному населению всего государства.

Влияние их в этих двух группах среди населения безусловно велико, так как с помощью их евреи свободно проникают туда, куда их иначе бы и не пустили.

Далее еврейство наше вошло в формальный союз с поляками. Последние же, не допускаемые в некоторые отрасли государственной службы, тем решительнее бросились на все то, что им пока открыто. Например, гражданские инженеры ныне чуть не поголовно поляки; также служащие на железных дорогах.

За последнее время союз этот несколько порасшатался, хотя я не могу еще пока точно указать, кто кого больше надул и тем разочаровал в себе другого. Могу только с уверенностью указать на следующее: еврейством руководит их парижский синедрион, а поляками римские иезуиты. Большое для нас счастье, что проект, который лелеяло наше министерство внутренних дел о замене высшей католической духовной администрации итальянцами вместо теперешних польских епископов не удался. К нам бы приехали иезуиты еще более опасные нежели те, которыми мы теперь обладаем.

Ввиду размолвки с поляками, а также некоторых других неожиданно неприятных для наших жидовствующих фактов, в первой четверти будущего 1901 года делегат наших жидовствующих должен явиться в Париж и будет принят здесь в синедрионе.

Обстановка приема решена следующая: члены синедриона будут отделены от русского делегата густой занавеской, чтобы он не мог их рассмотреть. С ним же будет сидеть один раввин, который ему уже известен и будет вести разговор с членами синедриона по древне-еврейски, т. е. на языке для русского делегата неизвестном.

Париж

9/22 ноября 1900 г.

Гр. Муравьев-Амурский

P. S. Легким и интересным пособием для изучения еврейства и полячества у нас в его теперешнем виде может служить собрание сочинений Крестовского6, особенно «Тамара Бендавид» и «Кровавый Пуф».

Муравьев-Амурский В. В. Еврейство // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив,

1999. — С. 411—412. — [Т.] IX.

2

II

Способ действий еврейства в России для завоевания ее был в общих чертах указан мною в прошлой записке; в ней упоминаются преимущественно лишь видимые и гласные их действия, которым я только дал истинное освещение и оценку.

Теперь я укажу на другой путь, а именно тайный, которым еврейство идет все к той же, сначала частной, а далее и общей цели — завоеванию России и мира.

Захват богатств и расползание евреев по лицу русской земли есть лишь один из материальных видов завоевания страны, но для прочного владения ею нужно иметь в своих руках правящий класс и так называемую интеллигенцию.

Вот прием, который принят для сего у нас евреями и успех коего до сих пор был полный.

Здесь, в Париже, среди здешних еврейских пророков, кабалистов и раввинов, одним словом в их верховном тайном синедрионе, решено овладеть путем мистическим и религиозным мыслью и чувствами верхнего слоя населения нашего отечества.

Для этого проводится учение, общие черты которого заключаются в следующем:

1) еврейский народ есть по-прежнему народ Божий, предназначенный для великого дела объединения и спасения всего человечества;

2) для этой цели он рассеян по всему миру;

3) христианство есть то, к чему стремится еврейство, и оно его примет, лишь только получит полную равноправность;

4) необходимо также стремиться к единству денег на земле, как к великому объединяющему фактору, смысл которого будто бы еще недостаточно понят народами;

5) по даровании евреям полной равноправности, принятии ими христианства и установлении одной денежной единицы на всей земле — установится золотой (думаю только для жидов) век на земном шаре.

Вот общие и главные черты этого удивительного философско-религиозно-политического учения, которое постепенно распространяется у нас и приобрело уже немало совершенно преданных евреям лиц разных слоев общества, начиная с самых его верхних ступеней.

Дело, таким образом, налажено хорошо, так как не подкуп и не угроза заставляют людей становиться в ряды защитников и поборников еврейства, а личное твердое убеждение и надежда также больших выгод в будущем.

У нас есть возможность раскрыть во всех подробностях не только все учение этой новой ереси жидовствующих, но также их административную организацию в России, их связи с Парижем и узнать почти всех причастных к делу у нас, с точным определением степени и влияния каждого вольного и невольного члена этой опасной секты.

К сожалению, недостаток средств пока очень затрудняет нашу работу.

Париж

27 сентября / 10 октября 1900 г.

Гр. В. Муравьев-Амурский

P. S. Эта записка уже была закончена давно, когда мне подали № «Нового Времени» от 25 сентября, на первой странице есть статья озаглавленная «Внутренняя застава»5; зная, что теперь делает еврейство по отношению к России, смысл этой статьи, т. е. тех фактов, которые в ней излагаются, для меня ясен. Атака ведется на нас сразу и быстро со всех сторон.

28 сентября

Муравьев-Амурский В. В. О еврействе // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 410—411. — [Т.] IX.

1

I

Рядом с фран-масонами, или вернее над ними стоит другая тайная политическая сила — а именно еврейство.

Оно покрывает уже невидимою сетью почти весь мир и постепенно надвигается на нас.

Центр всего мирового еврейства, который руководит его действиями, а сам остается в тени, находится в Париже. Здесь пребывает тот тайный синедрион1, который в тиши своих кабинетов и лабораторий изучает древние книги тайных наук, следит за их развитием в наше время, предается занятиям магией, кабалой2 и друг(им) непонятным для непосвященных и кажущимися детскими для толпы наукам.

Эти ученые узнают будущее различными тайными способами и пользуясь тем, что владеют силой тайной науки, соответственно регулируют деятельность мирового еврейства и всего того, что так или иначе служит ему и к разряду чего относятся и масоны, и социалисты, и анархисты и т. под. более или менее открытые, или тайные сообщества и секты.

Цель еврейства обладание миром, его благами, его могуществом, а следовательно порабощение всего, что вне еврейства. Все средства для достижения этой цели считаются дозволенными: подкуп, развращение, убийство явное, убийство тайное, т. е. отравление тех, кто стоит на их пути, все идет в ход и непрерывно применяется.

В общих чертах программа еврейской тайной политики такова — постепенное и прочное экономическое порабощение государств; возможно полное развращение народов в религиозном, политическом и нравственном отношениях; подчинение понемногу, но наверняка всех правительств себе и затем провозглашение царя из евреев, который будет царем всего мира и власть коего будет покоиться на рабстве всего, что не есть еврейство.

Династия из которой будет взят этот царь существует; она находится в Англии и члены ее даже не подозревают о том высоком назначении для которого их готовят.

Могущество такого царя будет совершенно обеспечено благодаря синедриону ученых магов и кабалистов, которые возведут его на престол мира и будут служить тайным, но верным и единственным надежным органом его власти.

Однако на пути этого будущего царства стоит в настоящее время Россия. Ее могущество так сказать физическое и материальное очень велико, сломить его простою силою нельзя, а потому для устранения ее как силы с пути торжествующего Израиля приходится употреблять более

для устранения ее как силы с пути торжествующего Израиля приходится употреблять более медленные, тайные, но зато и более верные средства. В этом духе деятельно идет работа, которая выражается в постоянном легальном обходе законов, как о евреях, так и других для их целей неудобных; в постепенном, но верном расползании евреев по всему государству русскому, в постепенном приобретении земель (от земли — власть) в губерниях даже за чертою оседлости3; втягивание России в политику займов для будущего краха. Многое уже, по-видимому, назрело и экономический удар, который должен разразиться над Россией, близок.

У Ротшильдов главная масса наших заграничных долгов4 и в нужный момент они будут выкинуты на биржу, причем промежуточной жертвой, говорят, избран «Лионский кредит», крах которого должен открыть серию банкротств банков, обществ и — России.

Париж

14/27 сентября 1900 г.

Степанов В. Л. Примечания: Из донесений военного атташе В. В. Муравьева-Амурского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 414—415. — [Т.] IX.

1 Высшее административно-судебное учреждение евреев в древнем Иерусалиме, состоящее из представителей саддукейских и фарисейских родов под председательством первосвященника.

После подавления антиримского восстания в Иудее (66—73) и разрушения Иерусалима (70) — духовный и религиозный центр евреев в палестинском городе Ямнии, регулирующий духовную и религиозную жизнь евреев в Палестине и диаспоре.

2 Каббала (предание — древнеевр.) — мистическое течение в иудаизме. Практическая каббалистика основана

на вере в то, что при помощи специальных ритуалов и молитв человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс.

3 Право российских подданных еврейской национальности на проживание только в пятнадцати западных губерниях империи (Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Черниговской), именуемых губерниями постоянной еврейской оседлости. Начало складыванию черты оседлости было положено указом Екатерины II 23 декабря 1791 г. (См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 23. № 17006).

4 После обострения русско-германских противоречий в результате болгарского кризиса 1885—1887 гг. и попытки рейсканцлера князя О. фон Бисмарка подорвать доверие к финансам России на европейском рынке ценных бумаг в 1887 г. облигации русских внешних займов переместились из Германии во Францию. Значительная часть их оказалась в руках банкирского дома Ротшильдов в Париже. (См.: Мигулин П. П. Русский государственный кредит. 1769—1899. Т. II. Харьков, 1900. С. 33—35).

5 Имеется в виду письмо Д. Золина «Внутренняя застава» («Новое Время», 25 сентября 1900 г.), где шла речь о проекте повышения тарифных ставок на железных дорогах, подготовленном Департаментом железнодорожных дел Министерства финансов и его возможных последствиях для российского хлебного экспорта. По мнению автора, осуществление подобной меры принесет «огромные убытки» коренным русским губерниям, традиционно занимающимся вывозом сельскохозяйственной продукции, и приведет к повышению цен на зерно. Тем самым все выгоды достанутся землевладельцам привисленских губерний Царства Польского, которые не несут значительных расходов на транспортировку и получат возможность продавать хлеб по более высокой цене.

6 Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895), писатель.

7 Русско-французский союз дипломатически был оформлен в три этапа: 1) 15 (27) августа 1891 г. состоялся обмен письмами между министром иностранных дел России Н. К. Гирсом и министром иностранных дел Франции А. Риво о политическом соглашении; 2) 5 (17) августа 1892 г. была заключена военная конвенция, точно определившая военные обязательства обеих сторон; 3) 15 (27) декабря 1893 г. — 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.) состоялся обмен письмами между министром иностранных дел Франции Г. де Монтебелло и Н. К. Гирсом, согласно которым военная конвенция вступила в силу и приобрела обязательный характер. (См.: Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 296—350).

8 Принятое в XIX — начале XX вв. название облигаций внешних займов.

9 Андре Луи Жозеф Никола (1838—?), генерал, военный министр Франции (май 1900 — октябрь 1904). Стремился освободить армию от клерикально-националистического влияния, чем вызвал против себя ряд обвинений со стороны консервативных кругов, которые вынудили его к отставке.

10 Сен-сирская военная школа, учрежденная в 1803 г., располагалась недалеко от Версаля и занималась подготовкой офицеров пехоты и кавалерии.

11 Сторонники пересмотра дела офицера французского Генерального штаба еврея А. Дрейфуса, обвиненного в 1894 г. в шпионаже в пользу Германии. Борьба вокруг дела Дрейфуса привела к острому политическому кризису во Франции.

12 Имеется в виду правительство так называемой «республиканской концентрации» по главе с П. Вальдеком-Руссо, находившееся у власти с 1899 по 1902 г. Включало представителей различных политических группировок — от правых до социалиста А. Мильерана.

13 Палата депутатов французского парламента.

14 Гессе Петр Павлович (1846—1905), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, дворцовый комендант.

15 Урусов Лев Павлович (1839—1928), князь, гофмейстер, действительный тайный советник, посланник в Румынии (1886—1888) и Бельгии (1888—1893), чрезвычайный и полномочный посол во Франции.

Публикация В. Л. СТЕПАНОВА

Степанов В. Л. Из донесений военного атташе В. В. Муравьева-Амурского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 410. — [Т.] IX.

В начале 1900 г. полковник граф Валериан Валерианович Муравьев-Амурский был назначен военным агентом (атташе) при российском посольстве в Париже. Ранее выпускник Пажеского корпуса и Академии Генерального Штаба служил делопроизводителем Военно-ученого комитета Военного министерства. Однако пребывание графа во французской столице оказалось непродолжительным — уже в конце года его отозвали в Петербург. В фонде Зимнего дворца ГАРФ сохранились некоторые донесения Муравьева-Амурского, касающиеся внутренней политики и состояния вооруженных сил Франции. Три публикуемые записки и письмо, адресованное лично Николаю II, объединяет общая тема — деятельность в Париже центра некой всемирной тайной организации, направленной на подрыв экономического и политического могущества России.

Документы печатаются по автографу В. В. Муравьева-Амурского; хранятся в ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 66. (1 — Л. 60—61 об., 2 — Л. 70—71 об., 3 — Л. 85—86, 4 — Л. 54—56.)

А. А. Татищев. Записки об Императорском Александровском лицее

Татищев А. А. Записки об Императорском Александровском лицее / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. В. Берсенева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 416—429. — [Т.] IX.

Столетняя история Царскосельского, а затем Александровского лицея пестрит примерами достойнейших выпускников, которые верой и правдой служили Родине, на какое бы поприще не бросала их судьба. Высокий уровень преподавания в Лицее сочетался с высокой гражданской ответственностью лицеистов, традициями взаимопомощи и лицейского братства. «На нас лежит тяжелый долг, и мы обязаны не словами... а делом доказать, что мы достойные представители нашего дворянства, во имя «общей пользы» работающие в духе чести, гуманности и свободы»*, — писал автор предлагаемых записок, лицеист LXII выпуска (1906 г.).

Алексей Алексеевич Татищев родился 6 декабря 1885 г. в селе Беляницы, Бежецкого уезда,

Тверской губернии. Родители — Алексей Никитич Татищев (1846—1896), камергер Двора, Полтавский губернатор, и

Екатерина Борисовна, урожденная кн. Мещерская, фрейлина Императрицы Марии Федоровны готовили Алексея к государственной службе, как, впрочем, и его братьев, Бориса и Никиту, ставших впоследствии, первый — секретарем миссии в Афинах, а второй — Ломжинским вице-губернатором. Алексей воспитывался в училище Св. Анны в Санкт-Петербурге, по окончании которого был зачислен в Александровский лицей. Осенью 1905 г. еще лицеистом он находился при адмирале Ф. В. Дубасове, посланном с целью прекращения крестьянских беспорядков в Черниговскую и Курскую губернии. Выйдя в мае 1906 г. из Лицея с большой золотой медалью, Татищев целиком посвятил себя претворению в жизнь аграрной программы П. А. Столыпина, для чего поступил на службу в Переселенческое Управление и вместе с начальником Управления Г. В. Глинкой совершил ознакомительную поездку в Сибирь. В 1908 г. Татищев был направлен в Амурский район для сбора статистического материала по переселенческому делу. После представления собранных сведений и высокой оценки Двора в 1911 г. назначен заведующим Приморским переселенческим районом, где занимался устройством переселенцев, помощью им во время стихийных бедствий, организацией продовольственного дела, строительством школ и церквей. В октябре 1912 г. Татищева перевели на должность Начальника Управления землеустройства и земледелия Туркестанского края. В Туркестане он встретил начало I Мировой войны, потребовавшей от него решения проблем хлынувших сюда беженцев из Западных губерний, поднятия производства хлопка и продовольствия, крайне необходимых для армии. В декабре 1915 г. Татищев был переведен в Петербург. Вступив в должность Помощника начальника Переселенческого управления, Татищев занимался в Комитете по делам местного кредита, присутствовал в качестве представителя Министерства Земледелия на заседаниях Государственной Думы. Он оставался на этом посту и после Февральской революции. Осень 1917 г. Татищев провел в Тифлисе и по возвращении в ноябре в Петроград был командирован в Рыбинск. Последнее место, откуда имеются сведения о нем, это Ессентуки, где Татищев жил зимой и весной 1918 г.**

Публикуемые записки датируются 1902—1903 гг., написаны в обычных школьных тетрадях вместе с конспектами лекций. Хранятся в РГИА (Ф. 878. Оп. 2, Ед. хр. 181).

ГОВЕНИЕ 1903 ГОДА

Неделя говения в этом году была весьма обильна событиями. Глубоко ошибался бы тот, кто думал, что поведение лицеистов сдержаннее во время говения, чем в другое время. Совершенно наоборот. Уже явившись в Лицей в понедельник утром, мы узнали, что Будберг1, сидит впредь до разрешения в карцере, а Воронцов2 и Семирадзский3 наказаны без отпуска. Оказалось, что накануне они сидели на заборе, rendez-vous нашего класса. Вдруг показывается какая-то дама, очень скверно одетая, и крестьянка. Будберг с иронией замечает: «Вот две красавицы идут». Дама услыхала, рассердилась и к Лукину4; тот к инспектору. Шмидт5 отправился по классам разыскивать виновных. Наши сознались и были наказаны. Дама оказалась какой-то генеральшей, и потому карцер LVI класса украсился изображением «генеральши» и забора. Впрочем Будберг провел время в карцере сравнительно хорошо. Вечером мы к нему все пришли, а Зарубин6 принес с собой гармонику и карцер огласился звуками «барыни».

Понедельник начался скандалом Меклеру7. Войдя в класс Тата задал нам писать Waltari lied, которого никто не знал. Решили не писать. Меклер сейчас же сдался и предложил Purxiwal' я, но было уже поздно. Никто не писал. Тата изводился, сказал Рейнботу8, что «es wirt ihnen am exam schlecht gehen»*; Рухлову9, что он испортит ему право баллов, наконец выслал Рейнбота из класса. Через минуту Рейнбот возвращается и говорит: «Господа, вон из класса!» Раздается звонок, хотя 9 еще не было, и все уходят. Немедленно было собрано собрание и постановлено на следующем уроке уйти из класса, если Меклер будет спрашивать, так как это льготный урок. Так и случилось.

Меклер вызвал Севастьянова10, стук падающей скамьи у Соллогуба11 и все уходят из класса, оставляя Меклера вдвоем с Севастьяновым, который саркастически улыбается. Через несколько времени, когда Тата ушел, класс возвратился. Прибежал Вебб12 с урока и попытался уяснить себе причины этого поступка. Ему заявили, что выход был обусловлен тем обстоятельством, что Меклер кричал на Соллогуба и обвинял его во лжи. Вебб, конечно, понял, что дело нечисто, но ничего не сказал и ушел наверх. День прошел довольно тихо, но к вечеру при смене воспитателей оказалось, что настроение возбужденное.

Во вторник перед логикой началось настоящее побоище, названное революцией под впечатлением рассказа Помяловского. Подушки замелькали в воздухе, крик, гам, шум. Эмме13 изводится.

Вдруг Пустошкин14 выбивает окно в зале. Это было каплей, переполнившей чашу. Он отправил Пустошкина в карцер на двое суток. Шум однако не стих, а только увеличился, особенно с появлением Кульмана15. Кафедра была окружена амфитеатром скамеек. Балаган полнейший. Задний ряд парт, впрочем, остался на месте, и там сидели лица, мирно читавшие посторонние книги. Человека два записывали, остальные смеялись и разговаривали. Наконец урок кончился. Препарация прошла тихо. Ночью же дежурил Вебб. В среду мы решили поехать к фотографу. Вебб разрешил нам отправиться туда после первых трех уроков, и опоздать на второй английский. Большинство уехало до завтрака, часть осталась завтракать. По случаю поста мясо было изгнано из меню, так что обед был полупостный. Нам пришлось иметь объяснение с начальством по поводу Семирадзского, которого не хотели отпустить сниматься. По счастью удалось уломать директора, напирая на то, что Лемке поступил в наш класс осенью, и таким образом официально сделается LXII курсом.

К фотографу мы съехались в час. Сняли нас довольно скоро, но мы все же собрали у него в atelier собрание и постановили раньше 3 не возвращаться. Мы с Раевским16 отправились домой, где я переодел собственный мундир на казенный и поехал в Лицей. Приехали ровно в три. Вебб еще был на уроке в V классе. Наконец он возвращается, встречает меня и Раевского и спрашивает: «Who has not yet come?»*. Мы с улыбкой показываем на себя и на Берга17 со Смирновым18, единственных присутствующих.

Вебб извелся. «Это подлость. Это свинство. Обещали прийти в час, а в три еще нет. Я всех

запишу», и действительно отметил всех неприбывших. Оказалось, что Берг подвел всех. Не остался на собрании, а поехал прямо в Лицей и приехал ранее двух.

Урок французского языка прошел довольно оригинально.

Севастьянов и Dulon19 рассказывали друг другу похабные анекдоты, а Michel сверх того канканировал. На втором уроке начали приезжать. Юрка привез с собой пирожки, которые были съедены тут же безо всякого стеснения, даже Dulon предложили. Dulon, видя, что урока не будет, мирно начал рассказывать мне, Раевскому и Буторову20 похождения Саломона21 (в границах приличия, что не всегда бывало), причем начинал всякий рассказ словами: «Vous aves entendu dire sans doute que...»**, а кончал: «n'est-ce-pas vous le saviez dejaans moi»***. Легкий способ рассказывать секреты. Класс между тем обрушился на Берга. Крики все возрастали и возрастали и наконец дошли до такого напряжения, что я перестал слышать Dulon, говорившего на расстоянии полу-аршина от меня обыкновенным голосом. Берг оправдывался, класс надрывался, чуть не дошло до общей свалки. Наконец урок кончился. Прочли молитву и отправились обедать. Барановский22 сел около Вебба и рассказал ему следующую историю. Нас, якобы, сняли, но неудачно, потому мы снялись во второй раз, и остались ждать, пока не выяснилось, что группа удалась. Затем все пошли пешком в Лицей. Вебб поверил, или сделал вид, что поверил, а ведь это было все, что нам нужно. В 6 часов была лекция Петрова23, которая на меня однако не произвела никакого впечатления, может быть потому, что я очень устал, так что я чуть было не заснул. Говорил он о покаянии Ниневитян. Смирнов ушел в отпуск тайком от родителей, в «Травиату» с Собиновым24. Он долго сомневался, идти или нет, но наконец любовь к музыке превозмогла. После лекции нам было сообщено по телефону, что Двукраев25 намеревается на другой день нас спрашивать по анатомии, но так препарация была лишь половинная, так как это была неделя говения, а анатомию никто не знал, то мы решили отказаться и преспокойно ничего не делали. Вечером начался содом. Так как в четверг на говений утренний звонок бывает лишь в 9 часов, то разумеется, рано ложиться не имело смысла. Румянцев26 куда-то ушел, а у нас началась игра в карты, нарисованные на бумажках. В 11? я ушел спать. Покоя мне однако не дали. Прежде всего начали петь арии из «Belle-Helen». Затем, когда я разделся, меня выкувыркнули из кровати. Я извелся, но опять поправил кровать. Тогда началась битва подушек, продолжавшаяся добрых полчаса. Думая, что все кончилось, я улегся, но был опять потревожен Буторовым, перевернувшим мою кровать. В борьбе с ним я себе раскровянил руку, к счастью, ибо меня после этого оставили в покое. Но тут я извелся. Перевернул кровать Соллогуба и пошел обмывать руку в одной рубашке. Как на зло меня кто-то окатил водой, так что мне пришлось спать в (дневной) рубашке. Беспорядки еще не кончились, а только возобновились в другой стороне дортуара. Были перевернуты почти все кровати и свалка началась. В начале первого пришел Иван Александрович, которому и удалось после долгих усилий водворить порядок в этом хаосе, царствовавшем в дортуаре IV класса.

Четверг начался тихо. Чай был постный, но так как за нашим столом сидит трое еретиков, то в молоке недостатка не было. Служба сошла благополучно, но уроки после часу были весьма оригинальны.

Меклер вошел довольно робко, но затем посмелел. Класс же держал себя из рук вон плохо. Грызли семечки. Сабуров входит в класс и останавливается посреди комнаты.

«Сабуров, gehen sie auf ihren Platz»*, — говорит Тата.

«Сейчас, Her Mechler», — спокойно отвечает Яшка, выплевывая шелуху и беря в рот другое семечко.

«Verlassen sie die Classe!»**

«Что, Her Machler», (опять выплевывая).

Мехлер повторил требование. Яшка поднялся и медленно пошел [illegible]

Меклер повторяет треование. Яшка подходит к своему месту, вынимает французскую книжку, берет у Барановского пригоршню семечек и уходит. Класс шумит. После урока Иван Александрович заявляет, что Сабуров по просьбе господина Меклера сажается в карцер. Яшка возмущен, но идет, зная, что теперь говение, и карцер безразличен. Урок кончился. Все идут в залу и разгуливают, не думая нисколько об анатомии. Но вот является Двукраев и говорит: «Ну, господа, весь этот урок мы посвятим спрашиванию». Все отказываются отвечать. Тогда он прибег к следующей мере.

«Кто хочет иметь 12, пусть отвечает. Иначе я этот балл никому не поставлю. Спрашивать же я буду снисходительно, принимая во внимание, что Вы не готовились к моему уроку».

Пришлось согласиться. Первым отвечал Рейнбот. Абсолютно ничего не знал, но получил прежний балл, т. е. 12. Затем другие. Двукраев спрашивал два урока, ставил всем прежние баллы, но последних отвечавших спрашивал несравненно строже, чем первых, спрашивал, как обыкновенно. В 6 часов была опять лекция Петрова. Насколько первая прошла для меня незамеченной, настолько же сильное впечатление произвела на меня эта лекция. Мне трудно было бы сказать, о чем именно он говорил, но все же его разговор оставил сильное впечатление в моей душе. Он говорил о покаянии, говорил о значении обрядов, что мы известные явления, так сказать обряжаем во внешнюю форму, говорил о необходимости исповедываться перед другим лицом, ибо как можем мы судить себя самого. Рассказал про одного сектанта, который целую неделю ходил к нему в церковь и говел, и который сказал ему следующее: «Я знаю, что православный народ живет скотским образом, что они почти что все мерзавцы, но у них есть

хоть одна неделя в году, когда они обращаются и живут в соединении с Богом. Из-за этой-то одной недели в году стоит жить в вере, ибо сиро вить без веры».

В заключение он говорил, что привязанность наша к Лицею могла бы укрепиться, если бы мы в нем во время говения пережили бы минуты духовного экстаза, разумеется, это пожелание останется всегда тщетным.

Возвратясь после лекции в класс, мы узнали, что Меклер опять многим испортил право баллов. Это всех взбудоражило и было решено собрать после чая серьезное собрание. Чай прошел довольно шумно. Когда я поднялся наверх, то увидел картину совсем необычайную. Все сидели в классе на партах, а председатели говорили стоя впереди. Более всех распинался, конечно, Рейнбот. Все были согласны, что дело идти так дальше не может. Столкновения с Меклером происходили почти каждый урок, он нас резал, мы ему скандалили, он грозил испортить право баллов, что и приводил в исполнение и угрожал также провалом на экзамене. Поэтому было решено не останавливаться ни перед никакими мерами. Известно, что когда класс возбужден, то он не вполне сознает, что он решает. Всегда надо дать ему успокоиться, для чего распускается собрание. Тогда отдельные личности сговорятся друг с другом, выяснят, чего они хотят, и чего можно и чего нельзя добиваться, и тогда можно созывать окончательное собрание для постановления решения. У нас также появились крайние мнения. Многие совершенно серьезно предлагали скандалить Меклеру каждый урок, причем устраивать скандал в самой сильной форме, т. е. уходить из класса. Поступать так до самого конца года. Кто-то заметил, что придется объяснить начальству наше поведение. Рейнбот ухватился за эту мысль. «Да, всем классом идти к директору и требовать удаления Меклера из Лицея. Пусть его вышибут вон. А если этого не захотят сделать, так и мы примем свои меры и не будем присутствовать ни на одном уроке!»

Это показалось некоторым уже слишком абсурдным. Я попросил слова. Мне долго его не давали, так как начали подавать мнения, в какой форме представить это требование директору. Прямо, или же намеком, что мы заниматься не можем с Меклером. Преемником ему назначили Вебба. Против этого восстало большинство, говоря, что нельзя путать в эту историю Вебба. На минуту водворилось молчание и я воспользовался этим промежутком, чтобы заметить, что удаление учителя по требованию учеников вещь неслыханная. В крайнем случае, она была бы допустима при новом учителе в первое же время его преподавания, но эту меру директор никоим образом не может применить по отношению к Меклеру, ввиду того, что он преподавал у нас три

года, а до окончания нами курса остается четыре недели. Наконец никакой учитель не взялся бы доканчивать курс с воспитанниками, невозможно скверно учившимися у другого в течение трех лет. Что же касается до подавания требования директору, то это прямо проступок, который в других заведениях карался страшно строго. Так харьковских студентов в 1900 году разослали по дальним городам, вследствие подобного же требования.

Мое мнение поддержали многие другие, но так как расправляться с Меклером одними скандалами слишком ребячески, то решили прибегнуть к средней мере; уведомить начальство о причинах нашего поведения. Вопрос представлялся теперь в такой форме: устроить ли скандал сперва и потом подать объяснение, или подать сперва объяснение и затем скандал. В первом случае начальство могло бы подумать, что мы, так сказать извиняемся в нашем поступке, чего мы не желали, во втором, это неудобство устранялось, но зато он был рискованнее, так как мы могли оказаться ослушниками, если бы нам запретили скандалить. Затем, кому было подавать объяснение, ближайшему или высшему начальству. На этом все согласились, что надо подавать его Веббу, ибо таким образом мы привлечем его на свою сторону. Решили пустить вопрос на голоса, подавать ли объяснение до или после скандала? Большинство было в нерешимости, но чуть было не прошло решение устраивать сперва скандал. По счастию оказалось, что комплект был неполный. Достали Устав собрания, составленный в V классе, где было сказано, что действительно лишь то мнение, за которое выскажется не менее 14 голосов. Так как в данном случае вследствие отсутствия приходящих этого числа не составилось, то собрание было объявлено распущенным. Было уже 11 часов. Разговоры однако не прекратились, напротив, они еще оживились, так как сделался возможным обмен мыслей между всеми. Таким образом мы пришли к следующему решению. Мы составляем пункты обвинения и подаем их Веббу, который их передает директору. Директору предлагается дать нам ответ. Пока ответ не будет дан, мы на уроках Меклера присутствовать не будем, а потому во избежание скандала, келейно обращаемся с просьбой к Веббу, чтобы он попросил Меклера не приезжать в понедельник. Правда, что мы таким образом связываем себя, ибо обязывались подчиниться решению директора, но другого исхода быть не могло. В пятницу этот план был представлен собранию, которое его приняло единогласно, за исключением Рейнбота, который заявил, что подчиняется всеобщему желанию, хотя лично придерживается другого мнения. Затем начали составлять пункты. Само заявление начиналось словами: «Sir, ввиду того, что, как Вы знаете, в понедельник, 24 февраля, мы вышли из класса на уроке г-на Меклера, мы считаем необходимым объяснить Вам причины и поводы, коими наш поступок был вызван». Затем излагались эти причины. Буторов занялся коллекционированием жалоб на Меклера. Рейнбот написал собственноручно заявление, но таким слогом, какой я встречал только в письмах крестьян. «А когда воспитанник Рейнбот спросил совершенно вежливо у г-на Меклера, каким образом он из 10, 7, 7 и 5 вывел 6, то г-н Меклер неизвестно почему вскочил с кафедры и замахал руками и попросил воспитателя увести Рейнбота из класса. И иначе г-н Меклер и поступить не мог, и поступил совершенно основательно. Не мог же ведь он, в самом деле признаваться перед всем классом, что неверно вывел отметку», и т. д. в том же роде. Разумеется его заявление было видоизменено. Всего пунктов недовольства было восемь. Главнейшие из них следующие:

Обвинял Соллогуба во лжи и кричал на него. Удалил из класса резким тоном Вильдемана27, хотя тот вел себя совсем прилично. Кричал на Рейнбота, что «eswirt Ihnen ain Examen schlecht gehen».*

Будбергу вывел на первой четверти письменную отметку 10, хотя разовые у него были 12, 12, 12 и 11. Когда в середине второй четверти Меклер задал для повторения громадный урок, всего 70 страниц, то Раевский и Рухлов ходили депутацией к Ивановскому28, который сбавил 20 страниц. Меклер, узнав об этом, сказал: «Я это им припомню».

Затем сказал Рухлову, что у него не будет права баллов, хотя у Игоря еще ни одной отметки не было, нарезал его на следующем уроке и поставил чуть ли не восемь в четверти. Эти же угрозы повторял и другим воспитанникам. Слова Меклера «Я это им припомню», хотели поместить в подлинник так:

«Ich werde das ihnen erinnern»**, но узнав, что эта фраза неверна, решили ее перевести.

Около пяти часов Смирнов переписал этот акт, а вечером он был подписан всеми воспитанниками по алфавиту, а затем подан Веббу. День прошел вообще спокойно. Исповедь началась рано. Погода была чудная, так что много гуляли в саду. Класс же был весь забросан семечками. Более всего их ели от часу до четырех и истребили более чем на полтинник.

В субботу мы причастились и этим можно было бы закончить описание недели говения, но так как главный интерес в ней представляется меклеровская история, то мы и опишем теперь ее развязку.

В понедельник в 7 ч. 50 м. в класс вошел директор. Мы все собрались в классе. Речь Саломона поразила даже нас.

«Я рад, господа, — начал он, — что Вы наконец избрали тот единственно возможный и целесообразный путь для выяснения недоразумений между вами и преподавателями. Пока Вы устраивали скандалы, нам, начальству, оставалось только наказывать Вас. Теперь же я буду посредником между Вами и г. Меклером. Жаль, что Вы прибегли к этому способу лишь на третий год, (многие неприятности были бы иначе устранены), но по крайней мере случай с Вами послужит полезным прецедентом для будущих классов».

Саломон также заявил нам, что мы абсолютно не умеем составлять такого рода бумаги.

Во-первых, он составлен в слишком общих и даже неясных выражениях, а во-вторых, слог слишком резок. Нельзя, например, употреблять выражение: «поведение г-на Меклера» (слово это было помещено лишь вместо «грубости и дерзости г-на Меклера»). Затем директор попросил рассказать ему все по порядку, со всеми подробностями и не увлекаясь, чтобы он мог быть уверенным, что все нами сказанное — сущая правда. Разговор наш был прерван приходом самого Таты. Тата велел нам писать диктовку. Урок прошел очень спокойно, сравнительно с прежними, благодаря, конечно, присутствию директора, но все же привычка скандалить на этих уроках так въелась в нашу плоть и кровь, что порядок все же нельзя было назвать образцовым. По окончании диктовки Меклер начал спрашивать урок из Шиллера. Отвечали Эспехо29 и Сабуров.

В среду Саломон пришел к нам в 12 часов с записочкой.

«Я нашел в Вашем классе полное отсутствие дисциплины», — начал он.

«Во-первых, когда г-н Меклер начал диктовать, то у многих не было перьев, что представляет из себя, безусловно, вещь недопустимую. Наконец, в конце урока, после диктовок Вы все сошли с Ваших мест нисколько не смущаясь присутствием меня, директора, перед коим Вы должны были бы ходить по струнке. Будберг во время урока задал г-ну Меклеру вопрос: «Как пишется zedermann, с одним «n» или с двумя?», — тон коего был таков, что мой ответ был бы: «Подите обдумать Ваш вопрос в карцере». Вы не умеете стоять перед учителем. Сабуров стоял развалясь, Эспехо недоставало только монокля или лорнетки, чтобы играть ими, Барановский, прежде чем подойти г-ну преподавателю сделал несколько по крайней мере излишних телодвижений. Что же касается до Ваших знаний, то сколько мне кажется, они равны нулю. Покажите мне, как Вы готовите уроки.»

Мы принесли ему наши конспекты. Он ужаснулся.

«Да ведь это же адская работа, мертвый зубреж!»

«Так точно, Ваше Превосходительство, но мы иным способом не умеем поступать».

Саломон взял с собой эти конспекты. Затем он перешел к исследованию наших пунктов. По его мнению, повышение голоса учителем не может быть признано неуместным, так как это прием общеупотребительный. Просил повторить ему слова, сказанные в разное время Меклером и пришел к следующему предварительному выводу. Удаление из класса Вильдемана произошло в слишком резкой форме. Угрозы, относительно экзамена неважны, так как это даже не угрозы в собственном смысле слова, а скорее предостережения, имеющие целью побуждения воспитанника к занятиям предметом. Главнейшие же пункты суть: сбавка баллов и угроза Рухлову и Раевскому. На этом мы и расстались.

В четверг директор имел длиннейшее объяснение с Меклером, продолжавшееся 1? часа. Урока у нас не было, и мы с нетерпением стали ожидать окончательного решения Саломона. Он пришел к нам опять в субботу в 9 часов, сейчас после рапорта и проговорил с нами весь урок Степанова30. По его мнению, все наши недовольства были вызваны тем обстоятельством, что мы друг друга не понимали. Меклер, не вполне владея русским языком, говорил часто то, чего он вовсе не хотел говорить, а мы, не понимая по-немецки, перетолковывали его слова в превратную сторону. Меклер показал Саломону свою записную книжку, которая поразила его своею педантичною точностью. Директор показал Тата отметки четвертные, из которых видно, что после депутации отметки у Рухлова и Раевского сразу упали, но Меклер показал Саломону свою отметку, что Рухлов ему отвечал очень плохо.

Слова: «Я это припомню», — по объяснению Таты означали: «Я это запомню», — т. е. он хотел запомнить фамилии депутатов, чтобы спросить у Ивановского, действительно ли он несколько

сбавил урок. Вообще Меклер говорил, что он придерживается системы быть строгим в году и снисходительньш на экзаменах, и он от этой системы отказываться не намерен. Что касается до учебника, который директор нашел неудовлетворительным условиям учения, то Меклер заявил, что существуют лучшие учебники, но что тогда бы пришлось задавать по 20—30 страниц на урок. Про наши взаимные отношения Меклер выразился так:

«Я должен признаться, что иногда сержусь, даже возвышаю голос, но, г-н директор, войдите же и в мое положение. Что мне делать, когда я окружен тридцатью молодыми людьми, враждебно против меня настроенными».

В виду всего этого директор заключил так: «Г-н Меклер производит на меня впечатление человека, нелегко выходящего из себя, но Вы довели его до такого состояния, что он на ваши уроки приходит уже взвинченным. Кроме того, между Вами и г-ном Меклером постоянно происходят недоразумения. Вам осталось еще девять уроков немецкого языка. Поэтому, для устранения могущих произойти неприятностей, на всех уроках г-на Меклера будет присутствовать или г-н инспектор или г-н Webb, а на экзамене буду или я или Игнатий Александрович, и я уверен, что никто из Вас не порежется.

***

Приступая к составлению уже второго очерка моей лицейской жизни, я должен сказать, что описываю эту жизнь не исключительно для себя. Это не только мои личные воспоминания о первом годе пребывания моего в стенах Лицея; события, которые я описываю, представляют из себя интерес, так как они характеризуют управление Лицеем Александра Петровича Саломона и борьбу его с извращенными традициями этого заведения.

К сожалению, я пишу эти строки через пол-года после описываемых событий и потому отдельные подробности отчасти изгладились из моей памяти.

Лицейское прощание будучи само по себе традицией крайне симпатичной и трогательной с течением времени превратилось в неделю сплошного привилегированного пьянства. Пьянство не ограничивалось двумя старшими классами, а распространялось и на весь Лицей, так как первоклассники проносили вино и на младший курс. Вебб рассказывал мне следующий факт,

относящийся, правда, к очень давним временам. Ночь после общей молитвы все воспитатели провели бодрствуя перед дверями своего класса, но под утро появились еще не протрезвевшиеся первоклассники, взяли воспитателей под руки и увели вниз, а младших воспитанников напоили пьяными. Воспитатели подчинились: не драться же было с пьяными. Все директора видели возмутительность этого поступка, но были не в состоянии уничтожить его, так как при всякой их попытке, направленной к этой цели, им заявляли, что это вековая традиция Лицея, которой они, как не лицеисты не могут судить.

Но вот директором Лицея назначается Саломон, лицеист XXXIII курса, и, поддерживаемый во всех его начинаниях вновь учрежденным Советом Лицея, он решил, что пьянство на неделе прощаний не есть лицейская традиция, а потому воспретил пить до ужина I класса. Несколько воспитанников LVII курса напились, и были строго наказаны: экзамены на осень и некоторых выпустили на службу классом ниже. Поступок этот заставил призадуматься лицеистов, но перед прощанием следующего 1902 года с директором случился удар, и он уехал на юг. Инспектор Шмидт не сумел принять должных мер предосторожности и в день прощания разыгралась в большой зале безобразнейшая оргия.

В 1903 году было пущено в городе и разослано к разным высокопоставленным лицам письмо, обращенное к А. П. Саломону, автор которого не был окончательно выяснен. Предполагали, что оно было составлено бывшим правителем дел Лицея, Аргамаковым31, выгнанным несколько лет тому назад. Обвинения Лицея, содержавшиеся в этом письме, заключали в себе долю истины, но были слишком преувеличены. К письму была приложена цинкография, изображающая, четырех

лицеистов LVII курса, поющих и играющих в карты в зубрилке. Фотография эта была снята в 1902 г., если не ошибаюсь, Медемом32. Пасквиль этот страшно оскорбил Саломона. Он просил аудиенции у государя, и будучи допущен к ней, рассказал обо всем. Государь ему ответил, что зная лицеистов за людей безусловно благородных, с пользою и славою подвизающихся на всех поприщах государственной службы, он не поверил бы никакому пасквилю, и считает Лицей за образцовое учебное заведение. Саломон был утешен, и просил потом через Попечителя разрешения объявить Высочайшие слова всем воспитанникам.

Вместе с тем, считая безусловно необходимым прекратить всякого рода пьянство в среде лицеистов, чтобы обвинения письма пали бы сами собой, он решил предупредить бесчинства на неделе прощаний и прибег к своему излюбленному средству: приказу по Лицею.

В начале 5-й недели поста (прощание должно было происходить на 6-ой) нам были розданы листы с правилами, в которых были предусмотрены почти все случаи, могущие встретиться. Пьянство было безусловно запрещено, а качать первоклассников разрешалось: генералов выходных — после последних уроков, дежуривших — после дежурств, всех воспитанников в день прощания после обеда.

Первоклассникам же было объявлено, что те, которых будут качать в неположенное время, будут держать экзамены не весной, а осенью. Но уже в понедельник вечером случился инцидент. Эмме опоздал на час на свое дежурство и явился в 9?. Вместо него этот час отдежурил Фитингоф33. По окончании дежурства мы решили его нести вниз, но Шмидт объявил ему, что нас за это строго накажут. Мы не обратили на это внимания, понесли его вниз, столкнули на пути Константина Густавича и качали Фитингофа в первом классе. Шмидт дал нам покачать его, а затем вошел в комнату и отправил Нелидова34 и Будберга в карцер. Затем прогнал нас наверх и явился через несколько минут сам.

«Господа, Вы не хорошо поступаете и можете навлечь на себя суровое наказание».

«Извините, г-н инспектор, но благоволите посмотреть в выданных нам правилах пункт пятый».

«Да, господа, но Вы забываете, что теперь время спать, что вечерний звонок уже давно дан».

«Это не предусмотрено, г-н инспектор и мы только воспользовались предоставленным нам правом».

Шмидт смутился, сказав, что он доложит Его Превосходительству о случившемся, а Нелидова и Будберга велел впредь до его приказания в карцер не сажать. Тем дело и кончилось.

В среду после вечернего чая к нам явилась депутация I класса, обходившая Лицей. Не бывши в этот час в Лицее, я не могу в точности указать состав и разговоры депутатов, знаю только, что говорил Андрей Бенкендорф35 и что они чуть не плакали. LVII курс, которому директор объявил о своем намерении карать за преступления против пунктов его приказа, решил добровольно отказаться от прощания. В самый день прощания они все воспользуются правом первого класса и покинут стены заведения. Генералы же не явятся более ни на один урок, и просят никого не качать. Мы обещали подчиниться этому решению, но нашли, что необходимо и нам выразить свое неодобрение Саломону. Предположено было следующее: в день прощания, когда нас всех поведут на парадный чай, мы дефилируем перед директором с траурными розетками на груди и будем хранить гробовое молчание. Проект этот, хотя и сопряженный с большим риском, был принят у нас на собрании. Решено было хранить все намерения в строгой тайне, что и было выполнено до конца. Намерение наше было сообщено всем классам. Первый класс, если не ошибаюсь, выразил чувство глубокой благодарности, II и III объявили, что надевание розеток недостойно старшего курса, но что они все уедут из Лицея, пользуясь временем репетиций. Осталось, стало быть, поговорить с младшим курсом. Для этого были выбраны самые расторопные и имеющие влияние на свой класс воспитанники, Панчулидзев36 из

VI и Жеромский37 V класса, которым наше намерение было конфиденциально сообщено, а они передали его каждый своему собранию. Все согласились, но просили нас озаботиться всем необходимым. На нашу долю пришлось предусматривать могущие возникнуть случайности. Решено было поступить так: всю неделю мы вели себя корректно. В пятницу, идя к чаю, захватываем с собой розетки. В коридоре между первым и вторым классом мы их надеваем. Если директор приказывает «снять», обращаясь к целому классу, то не снимать, если к паре, то пара снимает, но следующая оставляет их на себе. Но что делать, если директор спросит «что это, господа, у Вас такое». Ответ был бы затруднителен. Надо было высказать истинную причину, но в такой форме, чтобы нельзя было придраться. Сказать коротко «розетка» или «траур», значило бы вызвать приказ отправляться в карцер, или даже к родителям. Кто-то предложил мою формулу, которая однако была так длинна, что не только что сказать ее директору, но даже запомнить ее было трудно. Гласила она так: это есть выражение нашей печали по тому прощанию, которое в этом году не могло состояться (по чьей вине, разумейте сами).

Все это держалось в страшном секрете, но все же дошло до ушей директора и страшно взбудоражило весь педагогический персонал. Дело в том, что обыкновенно начальство узнает о предстоящих скандалах из взволнованного состояния воспитанников и из разговоров их. Тут же мы держали себя в высшей степени корректно, и эта-то тишина перед бурей более всего и пугала начальство. Из города дошли слухи, что в Лицее будут устроены похороны. Что думало об этом начальство, что оно могло предполагать под этим названием я не знаю, но факт в том, что Вебб старался удержать нас от устройства этих похорон. Несмотря на всю свою ловкость в выведывании ученических тайн, Вебб на этот раз ничего не добился, и тем более боялся, что чувствовал, что то, что воспитанники собираются устроить, еще не встречалось в его многолетней учительской практике. Помню ужас и изумление его, когда мы пошли на какой-то завтрак или чай церемониальным мерным шагом. Хорошее поведение воспитанников есть, как видно, лучшее средство для устрашения начальства. В четверг во время препарации три воспитанника 1-го класса вошли к нам и попросили у Вебба разрешения раздать жетоны и ноты для прощального марша. Вот до чего изменилось положение: неделя прощаний, а в Лицее тихо и первый класс просит у воспитателя разрешения раздать жетоны. Между тем директор был в страшной тревоге.

Раевский мне рассказывал, что Саломон был в этот вечер у его отца и там чуть не плакал

Раевский мне рассказывал, что Саломон был в этот вечер у его отца и там чуть не плакал, говоря, что в Лицее что-то замышляется, против чего он не может бороться, не зная, в чем состоит намерение воспитанников. Курсовые воспитатели собирались почти ежечасно в кабинете директора для совещания о мерах предосторожности. Мы чувствовали, что дело серьезное и готовились. Струкову38, который объявил, что он не может принимать участие в нашей демонстрации, категорично предоставили выбирать между неявкою в Лицей и участием в нашем бунте. Он не явился с разрешения отца.

Наконец наступила пятница. Беспокойство воспитателей достигло высшей степени. Розетки были розданы. Зная, что руководит замыслом IV класс, задумали повести нас на монетный двор и распустить затем до вечера, но мы решили в таком случае возвратиться к 4 часам.

Но Саломон нашел-таки выход из своего положения. Не будучи в состоянии противодействовать нам, он решил распустить нас на Пасху днем раньше. 28-го или даже 21-то марта утром, он бросился к Протасову39 и умолял его добиться возможно скорейшего разрешения Государя объявить нам его милостивые слова. Разрешение пришло 28-го в час дня. Саломон немедля возвратился в Лицей, и прочтя нам слова государя, сказал: «По поводу этого радостного для нас события объявляю Вас с разрешения попечителя распущенными на Пасху».

Саломон победил. Демонстрация наша провалилась, прощание не состоялось.

ССОРА LX И LXII КУРСОВ

В прошлом учебном году я записал два эпизода из лицейской жизни LXII курса. То же намерение я (нрзб.) и в этом году, хотя настоящий очерк и не говорит особенно в пользу курса, к которому я принадлежу. Но fiat justitia*.

Уже весной 1903 года многие у нас предсказывали, что LX курс в роли первого класса не будет пользоваться в Лицее симпатиями младших товарищей. Уже в младших классах этот курс зарекомендовал себя не с симпатичной стороны. Генерал-от-фронта Хрипунов40, один из заправил в курсе принял за правило подтягивать во всем, и во время экзаменов двое из наших Буторов (LXII) и Севастьянов (LXII) были записаны и наказаны им за то, что он их встретил на Каменноостровском без перчаток. Этот поступок возмутил всех. Говорили, что воспитанников старшего курса за такие пустяки не наказывают. Но весною, вследствие экзаменов, всем было не до препирательств и дело затихло.

Явившись осенью в III класс, мы начали нашу свистопляску. В столовую входили кое-как, пели ниже всякой критики, чем приводили в отчаяние Хрипунова и Уварова41, генерала от пения, который неоднократно просил нас петь получше, но мы и в ус не дули. Шаховскому42 нашего курса было однажды сделано в очень резкой форме замечание по поводу ношения им котлеток, новая причина недовольства LX курсом. В четверг, 9 октября, стол, где сидят второгодники решил, что мы голодны, и отправился с депутацией, в которую вошло однако чуть не пол-класса, к директору. Говорить заставили меня, хотя я и отказывался на том основании, что сыт. Volens nolens** пришлось мне придумывать доводы. Начал я с того, что нам мало дают питательного, вследствие чего мы по необходимости наедаемся хлебом и пьем массу квасу, что приводит к печальным результатам для желудка. Остальные начали развивать мою тему, и, увлекшись, перешли границы. Стали нападать не только на количество, но и на качество пищи, равно как и на выбор блюд, так что наш разговор принял характер жалобы на генералов. Поговорив с нами еще о занятиях, и сказав, что он сделает все зависящее от него, чтобы мы были сыты, Саломон отпустил нас, и мы ушли довольные, не думая вовсе о том, какую кашу мы заварили нашей депутацией.

На следующий день, т. е. в пятницу, за завтраком к нам подошел Хрипунов и попросил нас прислать после завтрака депутацию к I классу в количестве десяти человек. После завтрака мы собрали собрание, выяснили в общих чертах наши ответы, так как были уверены, что разговор пойдет о пении и о вхождении в столовую, а в два часа отправились к ним. Нас было человек 12

пойдет о пении и о вхождении в столовую, а в два часа отправились к ним. Нас было человек 12. Говорить должен был Соллогуб. В актовом зале мы нашли весь I класс. Двери были закрыты, и началась обвинительная тирада. Говорил Чудовский43. Начал он с того, что обратил наше внимание на вхождение в столовую и на пение. Затем же прибавил, что LXII курс вопреки всем лицейским традициям товарищества обратился к директору с жалобой на генералов-от-кухни, что сам директор был крайне изумлен этой депутацией, и что LX курс оскорблен тем, что мы не желая разговаривать об этом деле с ним обратились прямо к высшему начальству. Мы оправдывались. Говорили, что входим в зал мы действительно скверно, но что это не вызвано желанием делать неприятности I классу; насчет пения заявили, что, стоя впереди генерала, мы невольно расходимся с ним, что у нас плохие голоса в классе, а молчать нам тоже запрещают. Про еду сказали, что директор нас не понял, и что мы жаловались только на недостаток, а не на качество пищи. Начались взаимные разговоры. Между прочим Хрипунов сказал, что мы себя ведем как мальчишки, и что ничего нет удивительного в том, что мы не пользуемся уважением и авторитетом среди младшего курса, факт, который наш курс сам признает, насколько он Хрипунов, мог это понять из разговоров с некоторыми из нас. Поговоривши несколько времени мы ушли, в сущности получив нагоняй от старших. Собрания в этот день у нас больше не было. Некоторые однако находили, что надо что-нибудь ответить. Вечером Бутуров предложил мне и Будбергу пойти вместе с ним в первый класс. Его мыслью было сказать, что мы принимаем их замечания к сведению, но что мы надеемся, что эти недоразумения рассеются и не поведут к дальнейшим неприятностям. Заключить он хотел: «Дорогому Лицею — ура!», но против этого восстали мы с Будбергом, и Буторов согласился с нами. Мы вызвали Николая Знос-ко-Боровского44, сказали ему, что мы хотели бы поговорить с I классом, но он извинился, сказал,

что у них все разъехались в отпуск, и то они просят нас прийти на следующий день после завтрака. Вечером на дежурство у нас вступил Румянцев и передал нам разговор свой с одним из первоклассников, не называя его имени. Оказывается, что тот ему сказал: «Ну и бараны же у вас в классе. Мы их разнесли как следует, а они и ушли, ничего не сказав в ответ».

Это известие нас взбудоражило. Оставаться в дураках и расписываться в получении пощечины никому не хотелось. На следующий день, т. е. в субботу собрали собрание, классовое, а не курсовое, по просьбе самих второгодников, и решили ответить I классу в резкой форме, приняв за тему слова Хрипунова, что мы не пользуемся авторитетом среди младшего курса. Речь составлял Рейнбот, который и должен был произнести ее, так как он всегда выступал впереди во всех наших скандалах. После завтрака речь была прочитана собранию, которое ее одобрило, а в два часа наша депутация в составе бывших председателей, т. е. Рейнбота, Соллогуба и Буторова, и сверх того Чебыкина45 и Будберга отправилась в I класс. Вошли, поклонились и Рейнбот начал речь. Волновался он страшно, заикался, так что начала, вероятно, никто не понял, и на лицах некоторых появилась усмешка. Но чем далее, тем лучше, вошел совершенно в свою роль и кончил свою речь прекрасно.

Содержание ее было приблизительно следующее:

Господа, Вы призывали нас вчера, чтобы поговорить с нами о некоторых недоразумениях. Мы принимаем Ваши замечания к сведению, и не будем более распространяться об этом, так как мы уже вчера дали Вам ответ на Ваши требования. Но мы желаем еще раз повторить, что инцидент об кухне был вызван недоразумением со стороны директора, и извиняемся перед генералом Миклашевским46 за невольно причиненную ему неприятность.

Но, господа, Вы сказали вчера, что у I класса есть свои принципы, может быть несогласные с принципами нашего курса, но от которых Вы не отказываетесь и которые Вы будете неукоснительно проводить на деле. Вы сказали кроме того, что мы не пользуемся авторитетом у младшего курса. Мы хорошо знаем эти принципы LX курса. (Тон иронии.) Они состоят в бессмысленном подтягивании младших товарищей (несколько примеров из прежних лет). Конечно, дисциплина вещь хорошая (усмешка), но наш курс не считает важным делом такой пустяк, как например курение младшего воспитанника в присутствии старшего, и не вздумает его за это подтягивать. Но зато в делах важных младший курс всегда был с нами солидарен, чему

за это подтягивать. Но зато в делах важных младший курс всегда был с нами солидарен, чему примером хотя бы прошлогодняя история прощания, в которой младший курс следовал нашему руководительству, история провалившаяся, благодаря чему Вы сами знаете. (Намек на то, что 28 марта воспитанниики LX курса крикнули «ура» Саломону и понесли его.)

Вот, господа, что наш курс считал нужным передать Вам.

Депутаты засим повернулись и ушли. Речь эта была столь неожиданна для I класса, что они не нашлись, что ответить, и проводили депутацию молчанием. Лишь, когда она выходила на лестницу, в зале послышались возбужденные голоса. Мы с трепетом ожидали возвращения депутации, и приняли их с восхищением. Всех интересовало знать, как поступит I класс. В 3 часа Николай Зноско-Боровский объявил нам, что I класс зовет нас к себе в актовый зал, но Соллогуб от имени курса объявил, что мы считаем вопрос исчерпанным, а потому к ним идти не желаем. Если же I класс имеет что-либо нам сказать, то мы готовы принять у себя его депутацию. Зноско отправился в свой курс и объявил, что LXII курс порывает с ними всякие сношения. Ходили слухи, что I класс желал объявить то же самое нам, так что наш ответ явился весьма удачным.

Так дело и кончилось. Отношения стали холодные, и даже отдельные воспитанники I класса прекратили разговоры с воспитанниками нашего курса. LXII курс, кажется, симпатизировал в этой истории нам, но не высказывал этого, считая ссоры между курсами явлениями прискорбными и опасными для самостоятельности курсов. Конец этого дела был однако очень оригинальным. Дело в том, что приближалось 19 октября и было бы неприятно, если в этот день настроения двух курсов были бы взаимно враждебными.

Первый начал уговаривать помириться тот же Румянцев, который возбудил эту историю. Вероятно, его мучила совесть. В классе появилось четыре направления: одно — инертное; второе — несколько энтузиастов, между ними выдавался Буторов, которые чтили «святой день Лицея» и не хотели, чтобы «облако затемняло его»; третье — любящих выпить, не прочь быть на жженке I класса. Эти два направления были за примирение. Четвертое — из противников примирения.

В пятницу, 17 октября, было собрано собрание после молебна. Был поставлен вопрос об отношениях к I классу. Решили предложить им примирение, что и было сделано.

В субботу, в 4 часа, стало быть после окончания последней лекции к нам явилась депутация I класса. Говорил Хрипунов. Он сказал, что они сожалеют о словах, сказанных ими, но что примириться, т. е. считать весь инцидент как бы несуществующим они могут лишь в том случае, если мы со своей стороны откажемся от своих слов. Затем они ушли, а у нас начались прения. Большинство склонялось на сторону компромисса. Рейнбот демонстративно покинул собрание, объявив, что он никогда более не пойдет депутацией. Было 4 часа. Всем хотелось ехать в отпуск, и чтобы отделаться поскорее дали согласие на примирение. Депутация отправилась в I класс; говорил, кажется, Будберг. Он сказал, что мы берем наши слова обратно, и примирение состоялось. На следующий день I класс пригласил наш курс на жженку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Будберг Роман Оттонович, кандидат на классную должность по Министерству внутренних дел.

2 Воронцов-Вельяминов Михаил Павлович, помощник делопроизводителя канцелярии Государственной Думы.

3 Семирадзкий Леон Генрихович, приписан к Министерству иностранных дел (Рим).

4 Лукин Михаил Андреевич, учитель естественной истории (с 1896), курсовой воспитатель (1901—1909).

5 Шмидт Александр Эдуардович, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, инспектор воспитанников (1900—1904).

6 Зарубин Александр Николаевич, помощник делопроизводителя канцелярии Государственной Думы.

7 Меклер Георгий Карлович (Тата), репетитор (1897—1901), учитель немецкого языка (с 1900).

8 Рейнбот Александр Александрович, кандидат на служебные должности по киевской судебной палате.

9 Рухлов Игорь Сергеевич, камер-юнкер, столоначальник департамента железнодорожных дел Министерства финансов.

10 Севастьянов Михаил Михайлович, мл. помощник делопроизводителя Главного управления по делам местного хозяйства.

11 Соллогуб Александр Михайлович, (золотая медаль), курский губернский гласный, почетный мировой судья Дмитриевского уезда.

12 Вебб Владимир Иванович, учитель английского языка (с 1880), курсовой воспитатель (с 1901).

13 Эмме Константин Густавович, лицеист LV, дежурный воспитатель (1901—1907).

14 Пустошкин Павел Константинович, секретарь генерального консульства в Канее.

15 Кульман Николай Карлович, учитель логики (1901—1902), русского языка (1897—1904), с 1909 г. преподаватель русской литературы.

16 Раевский Александр Александрович, ст. помощник столоначальника Особенной канцелярии по кредитной части.

17 Берг Борис Георгиевич, в Министерстве юстиции с откомандированием в канцелярию 1-го Департамента Сената.

18 Смирнов Арсений Иванович, в Министерстве юстиции с откомандированием в канцелярию 1-го Департамента Сената.

19 Dulon (Дю — Лю) Карл Юлиевич, репетитор {1891—1904), учитель французского языка (1891—1907).

20 Буторов Николай Владимирович, в Министерстве юстиции с откомандированием в канцелярию 1-го Департамента Сената. Уездный гласный Сызранского уезда.

21 Саломон Александр Петрович (1853—1908), лицеист XXXIII курса, служил в л.-гв. Гренадерском полку, участник русско-турецкой войны (1877—1878), в 1896 г. начальник главного тюремного управления, (1896), шталмейстер Двора, член Государственного Совета, директор Императорского Александровского Лицея (1900—1908), переводчик Данте.

22 Барановский Юрий Александрович, (серебряная медаль), помощник мглинского уездного предводителя дворянства, губернский гласный черниговского земства.

23 Петров Григорий Спиридонович, священнослужитель, популярный проповедник и оратор, депутат II Государственной Думы, после закрытия которой лишен сана и выслан из столиц.

24 Собинов Леонид Витальевич (1872—1934), певец.

25 Двукраев Александр Арсеньевич, преподаватель гигиены лейб-медик, военно-санитарный инспектор петроградского военного округа.

26 Румянцев Иван Александрович, лицеист курса, дежурный воспитатель (1901—1905).

27 Вильдеман-Клопман Бернгард Карлович, земский начальник Паневежского уезда.

28 Ивановский Игнатий Александрович, преподаватель государственного права (1896—1899), инспектор классов (1896—1904), экстраординарный профессор (1899—1904).

29 Эспехо Александр Михайлович, помощник делопроизводителя земского отдела Министерства внутренних дел.

30 Степанов Виктор Владимирович, учитель отечествоведения (1898—1908), преподаватель статистики (с 1901).

31 Ошибка в тексте. Правильно: Атаманов Константин Васильевич, правитель дел и казначей Лицея (1896—1901).

32 Медем Михаил Михайлович, лицеист LVII курса, камер-юнкер, чиновник особых поручений Министерства финансов, кандидат Шлиссельбургского уездного предводителя дворянства.

33 Фитингоф Георгий Владимирович, лицеист LVII курса, земский начальник Невельского уезда, участник русско-японской войны.

34 Нелидов Александр Александрович, камер-юнкер, 2-й секретарь посольства в Константинополе.

35 Бенкендорф Андрей Александрович, лицеист LIX курса, шт.-ротмистр, числился по армейской кавалерии, в распоряжении командующего войсками Киевского военного округа, служил в л.-гв. Конном полку.

36 Панчулидзев Сергей Сергеевич, лицеист LXIV курса, причислен к Переселенческому Управлению.

37 Жеромский Альфонс Сигизмундович, лицеист LXIV курса, причислен к Государственной канцелярии.

38 Струков Петр Ананьевич, (серебряная медаль), причислен к Государственной канцелярии.

39 Протасов-Бахметев Николай Алексеевич, граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, попечитель Лицея (1890—1905).

40 Хрипунов Алексей Степанович, лицеист LX курса (золотая медаль), причислен к Государственной канцелярии, член елецкой уездной земской управы, участник русско-японской войны.

41 Уваров Владимир Сергеевич, лицеист LX курса, камер-юнкер, новоградволынский уездный предводитель дворянства.

42 Шаховской Иван Яковлевич, князь, подпоручик 1 Железнодорожного полка.

43 Чудовский Валериан Адольфович, причислен к Министерству народного просвещения с откомандированием в Императорскую публичную библиотеку.

44 Зноско-Боровский Николай Александрович, лицеист LX курса, бухгалтер в Управлении пенсионной кассы народных учителей и учительниц Министерства народного просвещения.

45 Чебыкин Павел Александрович, (серебряная медаль), подпоручик л.-гв. Семеновского полка.

46 Миклашевский Константин Михайлович, лицеист LX курса, причислен к Государственной канцелярии.

Публикация В. В. БЕРСЕНЕВА

К истории народного университета им. А. Л. Шанявского

Воробьева Ю. С. Примечания: К истории народного университета им. А. Л. Шанявского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 441—443. — [Т.] IX.

1 Чупров Александр Иванович (1842—1908), профессор, экономист, статистик, член-корреспондент Императорской Академии наук, общественный деятель. Оказал содействие Шанявскому в организации Женского медицинского института в Петербурге.

2 Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), профессор, историк, занимавшийся изучением общественного и государственного строя, политических учений, этнограф, социолог,

общественный деятель. Создатель Русской высшей школы общественных наук в Париже (1901 — декабрь 1905), первого высшего общественного учебного заведения, оказавшегося вне контроля Министерства народного просвещения.

3 В январе — феврале 1905 г. началась всероссийская студенческая забастовка, которая привела к прекращению деятельности всех высших учебных заведений. Выход из создавшегося положения русская профессура видела в реформе управления высшими учебными заведениями и в создании общественных высших учебных заведений — вольных университетов (Трубецкой Е. Н. Вольный университет // Русские Ведомости, 1905, 1 июня; Вернадский В. И. Три забастовки // Русские Ведомости, 1905, 5 июля и др.).

4 Имеется в виду Шанявский. Чупров, не будучи окончательно уверен в согласии Ковалевского на участие в разработке проекта вольного университета, решил не раскрывать имя Шанявского.

5 Семья Сабашниковых — братья Михаил Васильевич (1871—1943), Сергей Васильевич (1873—1909), создатели издательства «М. и С. Сабашниковы», компаньоны Шанявского по добыче золота. После смерти Шанявского 7 ноября 1905 г. М. В. Сабашников, будучи согласно завещанию его душеприказчиком, активно участвовал в работе по созданию народного университета. В 1911—1915 гг. — председатель правления Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского.

6 Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929), профессор, экономист, в 1905—1908 гг. проректор Московского университета.

7 Герценштейн Михаил Яковлевич (1859—1906), экономист, общественный деятель, с 1905 г. гласный Московской городской думы. Один из создателей аграрной программы партии кадетов.

8 Щепкин Николай Николаевич, купец, общественный деятель, гласный Московской городской думы, гласный Московского губернского собрания, почетный Мировой судья.

9 Гучков Николай Иванович (1860—1935), предприниматель, общественный деятель. Был членом правления и директором крупнейших московских предприятий (Т-ва московских металлических заводов, завода Гужон, Московского акционерного общества

металлических заводов, завода Гужон, Московского акционерного общества вагоностроительного завода, двух сахарных заводов и др.). Председатель русско-американской палаты. В 1906—1912 гг. — московский городской голова, потратил много сил и энергии на преодоление различных бюрократических препон при создании народного университета.

10 «Высшие вольные школы» впервые возникли в Дании в 1844 г. Датская высшая школа для народа посещалась исключительно сельскими жителями и представляла собой дополнительные сельские школы с очень широкой программой. Народные университеты в Англии начали действовать в 1872 г. Их задачей было распространение научных, главным образом практических знаний в широких кругах населения. Слушатель, выдержавший экзамен по шести курсам одного из двух главных отделений — гуманитарного или точных наук и двум дополнительным другого отделения, получал право поступать в университет и окончить его за два года (Гирш М. Народные университеты, их задача, организация, развитие, пропаганда. М., 1907).

11 Сперанский Николай Васильевич (1861—1921), зять А. И. Чупрова, историк, преподавал на Высших женских курсах в Москве.

12 Имеется в виду деятельность Ковалевского по созданию Русской школы общественных наук в Париже. (Подробнее о школе см.: Воробьева Ю. С. Русская школа общественных наук в Париже // Исторические записки. М., 1982. С. 107.)

13 Трубецкой Евгений Николаевич (1863—1920), князь, философ, правовед и общественный деятель. В статье «Вольный университет» доказывал, что при существующих порядках

управления высшими учебными заведениями невозможна их успешная деятельность: «Порядок в университете станет тогда, когда университет начнет существовать при земстве» («Русские Ведомости». 1905. 1 июня).

14 Для поступления в высшие учебные заведения устанавливались различные цензы: образовательный, вероисповедания. Так, поступать в университет могли только лица мужского пола, имевшие аттестаты зрелости об окончании гимназии. Евреи принимались во все высшие учебные заведения в количестве 3% общего числа принятых. Женщины принимались только в специальные женские высшие учебные заведения. Кроме того, для поступления в любое высшее учебное заведение необходимо было представить справку о политической благонадежности.

15 К преподаванию в правительственных высших учебных заведениях допускались только лица, имеющие степени доктора или магистра соответствующих наук.

16 Соболевский Василий Михайлович (1846—1913), публицист, редактор газеты «Русские Ведомости».

17 Бларамберг Павел Иванович (1841—1907), композитор. С 1876 г. работал в газете «Русские Ведомости» помощником заведующего иностранным отделом, с 1878 г. — заведующим; был соредактором газеты, в музыкальном отделе не сотрудничал. Его жена Бларамберг-Чернова Нина Карловна (1845—1909), урожд. баронесса Врангель, певица. Выступала под фамилией Павлова. Впоследствии актриса Малого театра.

18 Добринович — псевдоним Арканданского Константина Васильевича (1849—1931), народника, затем эсера, эмигранта с 1881 г., постоянного корреспондента газеты «Русские Ведомости» из Франции.

19 Чупров Александр Александрович (1874—1926), теоретик статистики, основатель системы преподавания статистики.

20 Янжул Иван Иванович (1846—1914), профессор, экономист и статистик, примыкал к исторической школе в политэкономии. С 1895 г. действительный член Императорской Академии наук.

наук.

21 Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906), петербургский генерал-губернатор.

22 Петербургский политехнический институт пригласил в 1905 г. Ковалевского читать курс лекций по социологии.

23 Милюков Павел Николаевич (1859—1943), политический деятель, историк, один из создателей кадетской партии.

24 В составлении заявления участвовали братья М. В. и С. В. Сабашниковы, Н. В. Сперанский и приехавший специально в Москву М. М. Ковалевский.

25 Глазов Владимир Гаврилович (1848—1918), генерал от инфантерии. С апреля 1904 г. по октябрь 1905 г. — министр народного просвещения.

26 Имеется в виду намерение Глазова разработать новый университетский устав.

27 Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, генерал-лейтенант, государственный деятель, министр народного просвещения в 1868—1880 гг. В 1871 г. провел реформу среднего образования, заключавшуюся в значительном усилении преподавания латинского и греческих языков. Только воспитанники классических гимназий получали право поступления в университет.

28 Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1898), граф. С 1861 — военный министр. Провел ряд военных реформ в период 1860—1870 гг.

29 Имеется в виду В. Г. Глазов, который окончил Академию Генерального штаба. В 1901—1904 гг. он был начальником Академии.

30 Рот Владимир Карлович (1848—1916), профессор, невропатолог-клиницист, близкий друг Шанявского. Будучи его душеприказчиком согласно завещанию, осуществил проект народного университета. В 1908—1911 гг. — председатель Попечительного совета Московского городского народного университета нм. А. Л. Шанявского.

31 Голицын Владимир Михайлович (1847—1931), князь, московский городской голова в 1897—1905 гг., председатель Попечительного совета Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского в 1911—1917 гг.

32 Шанявская Лидия Алексеевна (?—1921), дочь иркутской золотопромышленницы А. И. Родственной. Одна из активных поборниц развития женского образования в России. 26 октября 1905 г. Шанявский составил завещание, по которому все его движимое и недвижимое имущество переходило в пожизненное пользование жены, а после ее смерти — народному университету (ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 11. Д. 734. Л. 10).

33 А. Л. Шанявский, стремясь укрепить материальное положение народного университета, в заявлении в Московскую городскую думу от 3 октября 1905 г. ходатайствовал об учреждении Общества для усиления средств Московского народного университета и предлагал предоставить этому обществу право избирать из своей среды двух членов в Попечительный совет (ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 734. Л. 9 об.).

34 Дувакин Дмитрий Дмитриевич, практикующий врач, член Московской городской управы, гласный Московской городской думы (1901—1905 гг.).

35 Тихомиров Дмитрий Иванович (1844—1915), педагог и деятель в области народного образования.

образования.

36 7 ноября 1905 г. Шанявский подписал дарственную Московской городской думе на дом с землей на Арбате, а через несколько часов после этого скончался. Все хлопоты по созданию народного университета, которые длились три года, легли на плечи братьев Сабашниковых, Рота и Шанявской при активной поддержке московского головы Н. И. Гучкова.

Публикация Ю. С. ВОРОБЬЕВОЙ

Дувакин Д. Д. Письмо Шанявскому А. Л., 5 ноября 1905 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 441. — [Т.] IX.

10

Д. Д. ДУВАКИН34 — А. Л. ШАНЯВСКОМУ

5 ноября 1905 г.

Милостивый государь Альфонс Леонович

Имею честь сообщить Вашему превосходительству, что Московская городская дума в собрании 25 октября с. г. по обсуждению доклада комиссии по вопросу о принятии пожертвования на учреждение Народного университета в гор. Москве — по заявлению Вашему о желании принести в дар гор. Москве принадлежащий Вам дом с землею для устройства и содержания в нем или из доходов с него народного университета, постановила:

1. Принять с благодарностью жертвуемое генерал-майором А. Л. Шанявским имущество для устройства и содержания в нем или из доходов с него народного университета.

2. Признать желательным немедленное учреждение особого общества для усиления средств на созидание и расширение народного университета с предоставлением таковому обществу права избрания из своей среды 2 членов в Попечительный Совет университета; до учреждения названного общества открыть при городской думе сбор пожертвования на народный университет.

3. Учредить особую комиссию для выработки будущей организации и для составления устава народного университета, предоставив А. Л. Шанявскому, согласно п. 6 его заявления, право избрать своих представителей в эту комиссию, причем просить комиссию при выработке устава университета иметь в виду пожелание, высказанное Д. И. Тихомировым35 о том, чтобы в Попечительном Совете университета были представители от преподавательского персонала.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь довести до Вашего сведения, что пункт 1 означенного постановления Думы ныне же может быть приведен в исполнение36.

Пользуюсь случаем просить Ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и глубокой преданности.

Д. Дувакин

Шанявский А. Л. Письмо Шанявской Л. А., 2 ноября 1905 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 440—441. — [Т.] IX.

9

А. Л. ШАНЯВСКИЙ — Л. А. ШАНЯВСКОЙ

2 ноября 1905 г.

Милостивая государыня Лидия Алексеевна

С Вашего любезного согласия покорнейше прошу Вас принять участие в комиссии по выработке устава Народного университета в г. Москве и в Попечительном Совете этого университета, в качестве члена, назначенного с моей стороны пожизненно, на основании условий, изложенных в моих заявлениях Московской городской думе от 15 сентября и 3 октября сего года33, и принятых Московскою городскою думою на заседании ее от 25 октября сего года.

О согласии Вашем прошу не отказать меня уведомить письменно.

С глубоким уважением А. Шанявский

Шанявский А. Л. Письмо Шанявской Л. А., 31 октября 1905 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 440. — [Т.] IX.

8

А. Л. ШАНЯВСКИЙ — Л. А. ШАНЯВСКОЙ32

31 октября 1905 г.

Жене моей, Лидии Алексеевне Шанявской

Покорнейше прошу Вас, вследствие моего нездоровья принять на себя труд испросить за меня согласие лиц, которых, как Вам известно, я желал пригласить в члены комиссии для выработки устава Народного университета, совокупно с членами, назначенными в эту комиссию от Московской городской думы, а также — в Попечительный Совет этого университета, когда он будет устроен, и наконец, от тех лиц, которых я уполномочил на изменение в случае надобности устава означенного университета. В случае отказа кого-либо из этих лиц от моего предложения предоставляю Вам право избрать на место его новое лицо и при его согласии поместить его в мой список приглашенных лиц, взамен отказавшегося.

Отставной генерал-майор Генерального штаба А. Шанявский

Голицын В. М. Письмо Шанявскому А. Л., 21 сентября 1905 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 440. — [Т.] IX.

7

В. М. ГОЛИЦЫН31 — А. Л. ШАНЯВСКОМУ

21 сентября 1905 г.

Милостивый государь Альфонс Леонович

Имею честь довести до Вашего сведения, что Московская городская дума, по докладе в собрании 20 сентября сего года и желании Вашем принести в дар городу Москве дом с землею, для устройства и содержания в нем или из доходов с него Народного университета, единогласно постановила: выразить Вам глубочайшую признательность городской думы за Вашу готовность принести городу Москве пожертвование, долженствующее служить распространением просвещения, и поручить особо избранной комиссии, в составе 15-ти лиц, немедленно рассмотреть условия пожертвования и доклад о принятии такого представления Думе к одному из ближайших собраний.

ближайших собраний.

Пользуюсь случаем просить Вас, милостивый государь, принять уверения в совершенном моем почтении и глубокой преданности.

Голицын

Шанявский А. Л. Письмо Роту В. К., 15 сентября 1905 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 439—440. — [Т.] IX.

6

А. Л. ШАНЯВСКИЙ — В. К. РОТУ30

Москва

15 сентября 1905 г.

Милостивый государь Владимир Карлович

Прилагая при сем подписанное мною известное Вам заявление в Московскую городскую Думу, я покорнейше прошу Вас принять на себя труд доложить Думе это мое заявление.

При этом также прошу Вас обсудить в Думе вопрос, которого я не нашел нужным касаться в главном заявлении и потому дополняю сим письмом, а именно: хотя дар на просветительные цели и не подлежит при переходе имущества обложению пошлинами, как тому были прецеденты, и между прочим решение по аналогичному вопросу московских судебных мест и Сената относительно пожертвований на С.-Петербургский женский медицинский институт, но если бы почему-либо при формальной передаче Московской городской думе моего дома ей пришлось такие пошлины заплатить, то имеет она право на основании этого моего письма удержать их из первых доходов с этого дома, хотя в прилагаемом заявлении мною было обусловлено накопление доходов с него впредь до утверждения устава Народного университета.

При сем прилагается отчет по дому, составленный бухгалтером И. Я. Волковым за 2 последних года, считая по заведенному у нас порядку с марта по март.

С глубочайшим уважением и совершенной преданностью

Альфонс Леонович Шанявский

С подлинно верно А. Шанявский

Шанявский А. Л. Письмо Глазову В. Г. , 15 сентября 1905 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 437—439. — [Т.] IX.

5

А. Л. ШАНЯВСКИЙ — В. Г. ГЛАЗОВУ25

Москва

15 сентября 1905 г.

Ваше высокопревосходительство милостивый государь Владимир Гаврилович

Позвольте мне прежде всего выразить Вам сердечное приветствие по поводу благой меры, недавно порадовавшей всех друзей просвещения, порядка и неразрывно связанного с ним прогресса — я говорю, конечно, об университетской реформе26. Такой утешительный поворот под вашим руководством — Министерства народного просвещения на благой и давно желанный путь, дает надежду, что Вами будет встречено с сочувствием и доверием и следующее дело, которое должно в скором времени поступить на Ваше рассмотрение и на Вашу санкцию. Теперь же я прошу позволения лишь вкратце изложить объяснительные мотивы, вызвавшие к жизни это дело.

Несомненно, нам нужно как можно больше умных, образованных людей, в них вся наша сила и наше спасение, и в недостатке их причина всех наших бед и несчастий и того прискорбного положения, в котором очутилась ныне вся Россия. Печальная система графа Д. А. Толстого27, старавшегося всеми мерами сузить и затруднить доступ к высшему образованию, сказалась теперь наглядно в печальных результатах, которые мы переживаем и в нашей крайней бедности образованными и знающими людьми на всех поприщах. А другие страны в это время напротив всеми мерами привлекали людей к образованию и знанию, вплоть до принудительного способа включительно. Все ясно сознавали ту аксиому, что с одними руками и ногами ничего не поделаешь, а нужны и головы, и чем они лучше гарнированы и чем многочисленнее, тем страна богаче, сильнее и счастливее.

В 1895 г. я пробыл почти год в Японии — при мне шла ее кипучая работа по обучению и образованию своего народа во всех сферах его деятельности, и теперь мне пришлось быть свидетелем японского торжества и нашей полной несостоятельности. Но такие удары никакая страна, даже наша, не может сносить не встрепенувшись вся, и вот она жаждет теперь загладить свое унижение, она жаждет дать выход гению населения России — не глупее же оно в самом деле даже монгольской расы — но если оно коснеет доселе в принудительном невежестве, то теперь настало время, когда оно рвется из него выйти и со всех сторон раздается призыв к знанию, учению и возрождению. Даже в глухих углах Сибири, как Томск, Красноярск — и там несут свои лепты на народные университеты — так всецело прониклись единодушною верою в это единственное средство спасения и обновления России. Неужели же в таком святом законном желании всего населения России оно не встретит поддержки и симпатий со стороны своего Министерства народного просвещения. Зная Вас и видя с радостью новый курс, постепенно принимаемый под Вашим руководством в Вашем министерстве, я с полной верою призываю Вашу симпатию и Ваше покровительство на следующее нарождающееся в Москве дело.

Москва также желает иметь свой Народный университет, т. е. такой университет, который давал бы доступ к знанию всем обездоленным, не имеющим входа в казенный универвитет, благодаря программе графа Толстого. Такой университет не будет конкурировать с казенным, а лишь дополнять и расширять его, делая доступным знание всем его жаждущим — без всяких аттестатов зрелости. Контроль, конечно, всегда может быть установлен, но препятствовать или останавливать такое дело — было бы прискорбным недоразумением. Кроме прямой пользы — оно принесет еще и косвенную — предоставив обществу случай попробовать свои силы на работе созидательной; доселе ему поневоле была доступна лишь работа критическая — пусть же теперь оно само организует свои университеты, как считает лучшим, а Министерство будет контролировать и назидать. Наконец такое общедоступное образование может еще послужить противоядием против развившихся ныне «забастовок». Если несогласные с руководителями забастовок будут в состоянии продолжать беспрепятственно учение в других местах, то цель забастовок рушится сама собою. Правительство же, сохраняя в своих руках дипломы и сопряженные с ними права, может, проверив знания государственным экзаменом — безостановочно получить нужных ему образованных деятелей.

И в других странах, особенно в Англии, Америке и Японии благополучно существуют вольные или народные университеты — и ничего кроме добра не приносят, содействуя привлечению интереса народа к знаниям и науке, обогащая нашу страну умными и образованными деятелями. Желая того же и России, я решил и своими маленькими заработками прийти на помощь этому

делу и потому вошел в Московскую городскую думу с прилагаемым при сем в копии заявлением, а Вас, глубокоуважаемый, достойнейший Владимир Гаврилович — усердно прошу отнестись к этому делу с необходимым вниманием и доверием, чтобы не прошло еще много лет бесплодных ожиданий и ходатайств по поводу такого безобидного и справедливого дела. Конечно — есть вещи непреложные и свободное образование после многих веков мрака придет когда-нибудь и в нашей стране, в этом твердом уповании я и несу на него свою лепту. Но зачем еще лишнему поколению гибнуть в этом мраке. Вы, глубокоуважаемый Владимир Гаврилович, испытали на себе благо и радость высшего образования, поэтому смею надеяться найти в Вас поддержку и в распространении этого блага на многих других — на всех его жаждущих и желающих. Если же среди Ваших коллег и найдутся еще люди старого закала, страдающие светоболезнью, то их легко сбить с позиции, представив им картину, как придет снова какой-нибудь японец со своим образованием, развитием и выучкой и нашу темную Русь обратит в Корею, а сынов ее в своих рабов. Еще свежа наша рана, и последний столь печальный урок пусть послужит по крайней мере к нашему вразумению.

Итак, в руки Ваши предаю наше новое начинание на благо и возрождение

России, имея основания надеяться, что Московская городская дума отнесется к нему сочувственно. В выработке деталей этого дела принимали по моей просьбе совещательное участие и многие веские силы нашей московской профессуры и московского общества — смею думать, что это увеличит Ваше доверие к пользе и осуществимости этого проекта. В поступлении на него новых необходимых пожертвований мы имеем основания не сомневаться и теперь вся быстрота осуществления этого дела будет зависеть от Вашего высокопревосходительства. Было бы большою для меня радостью, если бы Вы поддержали его так, как незабвенный Дмитрий Алексеевич Милютин28 некогда поддержал в самом зачатке Женский медицинский институт, также приобретший все права гражданства, тогда наша дорогая Академия Генерального штаба могла бы снова с удовольствием вспомнить, что под руководством ее питомца29 прошла еще такая новая живительная и развивательная для России мера.

Очень жалею, что не имею возможности лично поговорить с Вами об этом деле, так как упорный мой недуг лишает меня удовольствия личных разъяснений.

С истинным почтением и глубоким уважением А. Шанявский

Шанявский А. Л. Заявление в Московскую Городскую думу, 15 сентября 1905 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 435—437. — [Т.] IX.

4

ЗАЯВЛЕНИЕ А. Л. ШАНЯВСКОГО В МОСКОВСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ24

Москва

15 сентября 1905 г.

В нынешние тяжелые дни нашей общественной жизни, признавая, что одним из скорейших способов ее обновления и оздоровления должно служить широкое распространение просвещения и привлечение симпатий народа к науке и знанию, — этим источникам добра и силы, — я желал бы, по возможности, оказать содействие скорейшему возникновению учреждения, удовлетворяющего потребности высшего образования, поэтому прошу Московское Городское общественное управление принять от меня, для почина, в дар городу Москве принадлежащее мне в Москве, подробно описанное ниже недвижимое имущество — дом с землей, для устройства и содержания в нем или с доходов Народного университета на следующих главных основаниях.

1. В Народном университете читаются предметы по всем отраслям академического знания, и при

1. В Народном университете читаются предметы по всем отраслям академического знания, и при этом чтение может вестись не только на русском, но и на других языках. По невозможности открытия разом лекций по всем предметам предпочтительное открытие таковых предоставляется Попечительному Совету Народного университета. Лекторами могут быть лица обоего пола, имеющие ученую степень, а также лица, составившие себе имя в литературе, науке или в области преподавания, наконец, известные своими дарованиями Попечительному Совету Народного университета.

2. К слушанию лекций в Народном университете допускаются лица обоего пола не моложе шестнадцати лет, без различия национальностей и вероисповеданий, причем самим преподавателям предоставляется определять, имеют ли желающие слушать какой-либо предмет достаточную подготовку для слушания его с пользой. Такое условие, широко открывая двери Народного университета всем истинно жаждущим знания, тем самым и определяет цель его: служить дополнением к существующим ныне высшим учебным заведениям и расширять сферу высшего образования и деятельности на пользу его, не ограничивая поступления аттестатом зрелости, а преподавание формальными дипломами.

3. Состоя в ведении Московского городского общественного управления, Народный университет должен находиться под непосредственным управлением Попечительного Совета из шестнадцати лиц. Половина состава Попечительного Совета, а именно 8 членов, должны избираться Московской городской думой посредством закрытой баллотировки сроком на четыре года, с постепенным обновлением. В числе их должно быть не менее 4-х членов с высшей ученой степенью, а также не менее 2-х женщин. Члены другой половины Попечительного Совета будут

назначены мною пожизненно. Затем, по мере выбытия их, они должны замещаться лицами, избираемыми самим Попечительным Советом на четыре года, причем для избрания требуется получить не менее десяти голосов. Попечительному Совету предоставляется право пополнить свой состав и до двадцати членов избранием еще четырех членов, причем для такого избрания требуется получить не менее двенадцати голосов.

4. Ведению Попечительного Совета принадлежит выбор предметов преподавания, составление общего плана преподавания, открытие факультетов и отделов народного университета, приглашение лекторов и профессоров, установление размера и способа вознаграждения преподавателей и платы за слушание курсов. Для ближайшего заведования делами Народного университета Попечительному Совету предоставляется организовать исполнительный орган (Правление), в состав которого Попечительный Совет может избрать как членов Совета, так и посторонних лиц. Сверх того, вследствие новизны дела и по примеру других стран Попечительный Совет должен устроить «Комитет Усовершенствования», состоящий из почетных членов обоего пола, разных профессий и стран, светил науки и людей, известных своей общественною деятельностью, или сделавших полезное пожертвование на Московский народный университет. Такие члены Комитета Усовершенствования избираются Московской городской думой по представлению Попечительного Совета и Комитет этот должен собираться не менее одного раза в два года. Члены Попечительного Совета состоят по должности также членами Комитета Усовершенствования.

5. Плата за слушание лекции попредметно или группами должна быть определена в возможна доступном размере, и если последующими пожертвованиями будет образован капитал, проценты с которого вполне обеспечат содержание Народного университета, вместе с вознаграждением профессоров, то со слушателей и слушательниц не должна взиматься никакая плата за слушание лекций в Народном университете. В случае же пожертвований со специальным назначением, например, на университетское, исключительно женское образование, Народный университет, принимая такие пожертвования, может отделять особые часы для лекций женщин, или нанимать особые аудитории для удовлетворения такого условия.

6. Выработка будущей организации Народного университета на изложенных выше условиях и составление устава этого учреждения возлагаются Московским городским общественным

управлением на особую комиссию, специально для этого избранную с предоставлением мне права назначить в нее и моих представителей.

7. Пока идет подготовительная работа по приведению в исполнение всего выше изложенного, чистый доход с жертвуемого мною имущества должен накопляться для употребления его на содержание университета по его открытию. Если же в течение трех лет Московское городское общественное управление не найдет возможным открыть университет на вышеизложенных основаниях, то, оставляя жертвуемое мною имущество предназначенным в пользу высшего народного университетского образования, при том как мужского, так и женского, Московское городское общественное управление должно составить новый план служащего этой цели учреждения и на приведение его в исполнение попросить согласие мое или лиц, какие будут мною для этого назначены. До получения такого согласия доходы должны продолжать накопляться.

8. Если бы Московское городское общественное управление нашло полезным в видах расширения Народного университета выгодно продать даримое имущество, с тем, чтобы на вырученную от этой продажи сумму выстроить для Народного университета новое здание на свободной, но принадлежащей Московскому городскому общественному управлению земле, то таковую реализацию даримого дома с землей предоставляется совершить Московскому городскому общественному управлению в любое время, но не иначе, как после утверждения устава Народного университета. Если же и здание признано будет возможным выстроить полностью или частично на другие средства, или если будет признано более удобным нанимать помещение для народного университета, то реализованная сумма должна быть обращена в процентные, гарантированные правительством бумаги и процентные деньги должны пойти на содержание Народного университета и вознаграждение профессоров.

9. В случае принятия от меня вышеозначенного дома на изложенных здесь условиях, поручу вследствие моего нездоровья жене моей заключить формальный о том с Московским городским общественным управлением договор.

10. Предлагаемое в дар городу Москве недвижимое имущество состоит из земли в 1 068 кв. сажен с домом, Пречистенской части 2 участка, под № 2. Занимая по фасаду на Арбате 52 сажени, дом состоит из трех корпусов, частью купленных, частью мною выстроенных, с канализацией, водопроводом мытищенской воды и с артезианским колодцем, снабжающим естественной водой все корпуса дома; валовый доход ежегодно достигает до 45 тысяч рублей, долг Московскому земельному банку по залогу остается к 1 января 1906 г. в 260 291 руб. 92 коп., платеж процентов и погашение ежегодно требуют 17 850 руб., которые весьма легко могут быть оплачиваемы одним нижним этажом, магазины в котором вместе с ремесленными заведениями дают дохода более 22 000 руб., таким образом второй и третий этажи могут быть обращены в аудитории без всяких стеснений во владении домов, или же из доходов дома может быть оплачиваем наем необходимых аудиторий в других местах.

11. В заключение почтительнейше прошу Московскую городскую думу не отказать в принятии мер к скорейшему открытию Народного университета, и если к тому будут встречены препятствия по независимым от Городской думы обстоятельствам, то покорнейше прошу Московское городское общественное управление принять на себя ходатайство о том, чтобы представление об открытии Народного университета внесено было в первое же собрание народных представителей.

С подлинно верно.

Отставной генерал-майор Генерального штаба — Альфонс Леонович Шанявский

Ковалевский М. М. Письмо Чупрову А. И., 18 августа 1905 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 434—435. — [Т.] IX.

3

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — А. И. ЧУПРОВУ

18 августа 1905 г.

Дорогой Александр Иванович

По получении твоего первого письма я отправил к Ник[олаю] В[асильевичу] Сперанскому длинную отповедь, заканчивающуюся выражением готовности приехать через десять дней из Карлсбада, если в этом есть нужда. На долг мы, кажется, смотрим с тобой одинаково. Пятисот тысяч мало для университета. Надо начинать с основания двух соединенных школ, общественно-государственных и юридических наук с широким историческим, социологическим и историко-философским фундаментом.

Курс двух или трехгодичный, доступ широко открытый обоим полам с дипломами и без дипломов. От лекторов требуются не ученые степени, а работы или педагогическая деятельность, а также имя в литературе или печати.

Лично для меня возникают два недоумения: во-первых, я не желаю иметь никакого касательства к материальной стороне дела. Ни с наследниками, ни с Думою хозяйственных счетов я не желаю иметь никаких.

Во-вторых, раз по словам Янжула, Трепов21 не хочет допустить меня к чтению в Политехникуме22, какое основание думать, что мне открыта будет возможность не только директорствовать, но и преподавать в будущей вольной школе?

Закрыть школу в Париже при неизвестности, какая судьба ждет московскую, я питал бы ошибкой. В нынешнем году чтение, во всяком случае, будет продолжено. Почему бы тебе самому не выступить в роли директора. Тебя в Москве любят. Начальство тебя устранить не решится. Я бы лично охотно пошел бы при тебе в вице-директора и всячески содействовал успеху общего предприятия. Прежние препятствия твоему возвращению, как я и говорил тебе, более не существуют или в значительной степени уменьшились. При содействии с одной стороны Сперанского, с другой — моей, может быть, Милюкова23 и Герценштейна, дело пошло бы хорошо. Жду ответа.

Сердечно твой М. Ковалевский

Не Шанявский ли действительный жертвователь и к чему держать его имя в секрете от меня?

Ковалевский М. М. Письмо Чупрову А. И., 18 августа 1905 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 434—435. — [Т.] IX.

3

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — А. И. ЧУПРОВУ

18 августа 1905 г.

Дорогой Александр Иванович

По получении твоего первого письма я отправил к Ник[олаю] В[асильевичу] Сперанскому длинную отповедь, заканчивающуюся выражением готовности приехать через десять дней из Карлсбада, если в этом есть нужда. На долг мы, кажется, смотрим с тобой одинаково. Пятисот

тысяч мало для университета. Надо начинать с основания двух соединенных школ, оощественно-государственных и юридических наук с широким историческим, социологическим и историко-философским фундаментом.

Курс двух или трехгодичный, доступ широко открытый обоим полам с дипломами и без дипломов. От лекторов требуются не ученые степени, а работы или педагогическая деятельность, а также имя в литературе или печати.

Лично для меня возникают два недоумения: во-первых, я не желаю иметь никакого касательства к материальной стороне дела. Ни с наследниками, ни с Думою хозяйственных счетов я не желаю иметь никаких.

Во-вторых, раз по словам Янжула, Трепов21 не хочет допустить меня к чтению в Политехникуме22, какое основание думать, что мне открыта будет возможность не только директорствовать, но и преподавать в будущей вольной школе?

Закрыть школу в Париже при неизвестности, какая судьба ждет московскую, я питал бы ошибкой. В нынешнем году чтение, во всяком случае, будет продолжено. Почему бы тебе самому не выступить в роли директора. Тебя в Москве любят. Начальство тебя устранить не решится. Я бы лично охотно пошел бы при тебе в вице-директора и всячески содействовал успеху общего предприятия. Прежние препятствия твоему возвращению, как я и говорил тебе, более не существуют или в значительной степени уменьшились. При содействии с одной стороны Сперанского, с другой — моей, может быть, Милюкова23 и Герценштейна, дело пошло бы хорошо. Жду ответа.
Сердечно твой М. Ковалевский

Не Шанявский ли действительный жертвователь и к чему держать его имя в секрете от меня?

Чупров А. И. Письмо Ковалевскому М. М., 16 августа 1905 г. Гершинг // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 432—434. — [Т.] IX.

2

А. И. ЧУПРОВ — М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

Гершинг (вилла Бовария)

16 августа 1905

Дорогой мой Максим Максимович

Третьего дня я послал тебе из Мюнхена письмо по поводу основания в Москве Высшей Школы, или, как ее называют на месте, «Вольного университета». Как я писал, тебя очень желают иметь в кругах, стоящих близко к этому делу, руководителем нового предприятия. Если бы можно было надеяться на благоприятное отношение правительства к новой Школе, я всей душой посоветовал бы тебе не отказываться. Ты, с твоим именем и твоею репутацией, один лишь мог бы сделать новое учреждение общеполезным, симпатичным и славным. Для твоих знаний и талантов открылось бы новое обширное поприще, на котором поистине стоило бы поработать. Если ты сумел при Парижских условиях быстро собрать аудиторию, преподавательские силы и материальные средства12, то можно себе представить, сколько было бы создано тобою в родном краю, при богатом материальном обеспечении и при широком выборе лекторов. Ты человек свободный, независимый, которому нечего искать ни у кого. Поэтому ты скорее, чем всякий другой, мог бы ввести новое учреждение в настоящие научные границы и устранить из него чрезмерное политиканство, которое может, даже при остальных благоприятных условиях, погубить его. Наконец, твой обширный опыт в устройстве и ведении аналогических предприятий

ручается, что в самую организацию нового дела ты внесешь все, что способно гарантировать его жизненность и солидность. По всем этим соображениям я очень советовал бы тебе, если только ты имеешь к тому какую-либо возможность, поехать в Москву и посодействовать правильной постановке нового заведения, поехать даже в том случае, если тебе не захочется стать во главе нового учреждения.

Не скрою, однако, что я не очень верю в осуществляемость нового предприятия по причинам, о которых мой Николай Васильевич Сперанский как будто вовсе забыл. «Вольный университет» выдвигается как замена или суррогат «старых», переставших функционировать, и как прибежище для преподавателей, которые будут выкинуты за борт при предстоящей катастрофе. Неужели же учредители думают, что правительство будет настолько наивно, чтобы не поставить всяческие препоны подобному начинанию? Мне кажется поэтому, что пока наша бюрократия остается в силе, о «вольном университете» и мечтать нечего. Правда, мы все надеемся, что в непродолжительном будущем водворятся новые порядки; но когда-то это будет?

Благоразумие требовало б подождать с самим возбуждением вопроса до тех пор, пока не начнет действовать народное представительство, но, к сожалению, обстоятельства не позволяют откладывать дело до более благоприятного момента. Жертвователь полумиллионного капитала «дышит на ладан», и если отсрочить дело, можно совершенно упустить этот капитал, потому что наследники рыскают около больного в стремлении отбить жирный кусок. Поневоле приходится «ковать железо пока горячо». И вот в виду этой трагической альтернативы, я позволил бы себе высказать два слова о самой основной идее нового учреждения. На мой взгляд, нет ни малейшей надобности устроить такую школу, которая призвана была бы конкурировать с университетом.

Это и не нужно и невозможно, так как у частного учреждения в России не может быть ни стольких ученых сил, ни стольких материальных средств, сколько располагает государство. Поэтому, самая постановка дела в печати, особенно в известной статье Трубецкого13, самое имя «вольного университета», которым окрещено предполагаемое заведение, кажется мне непрактичной и даже опасной для будущности. Не в копии с университетов, которые в значительной мере изжились при нынешних формах, а в чем-то новом свежем, до сих пор только начинающемся в не совсем ясных контурах нуждается наша страна, да и не одна она, а и другие.

Эта новая Школа должна существовать, как мне кажется, не как замена, а как дополнение и корректив ныне существующего университетского образования. Подобное дополнение, безусловно, необходимо Москве, если бы даже ее университет работал полным ходом. Прежде всего университет переполнен превыше меры. Уже сейчас в нем более пяти тысяч студентов. Значительно расширить контингент учащихся при существующих зданиях и устройствах нет никакой возможности. Уже теперь занятия с аудиторией, имеющей подчас более пятисот человек, становятся почти что формальностью, а когда число слушателей подойдет под тысячу, от серьезной работы останется пустой звук. Уже эта многочисленность слушателей и непрерывный дальнейший их приток заставляют желать дополнительной школы.

Но сверх того при существующих условиях приема в высшую школу попадают лишь немногочисленные счастливцы14. Потребность же в высшем образовании ощущается бесчисленным множеством молодых людей, для которых университеты недоступны. Возьмем реалистов, семинаристов, воспитанников технических и земледельческих школ, евреев и пр. и сверх того всех женщин. Это такой контингент слушателей, который способен заполнить не одну, а десять высших школ в России. Вот для этих-то элементов, ныне не допускаемых в университеты, а между тем жадно к ним стремящимся и должен быть дан исход. Для них-то и следовало основать подходящие «высшие курсы», «высшую школу» или как еще будет признано целесообразным назвать ее, а не для тех окончивших средние учебные заведения (читай гимназии мужские и женские), которые и без того могут получить доступ к высшему образованию. При такой постановке новое учреждение не будет переходить дорогу ни университету, ни высшим женским курсам Герье, ни кому-либо другому, а между тем привлечет многие тысячи самых желательных слушателей и слушательниц. При такой постановке и правительству неловко будет мешать новому предприятию, и Думе есть полное основание хлопотать, и жертвователям есть

мешать новому предприятию, и Думе есть полное основание хлопотать, и жертвователям есть достаточный резон раскошелиться, так как идет дело о доставлении высшего просвещения таким слоям русского общества, которые лишены его теперь.

Сказанное выше исключает правило о приеме в число слушателей лишь лиц, окончивших средние учебные заведения, которые хотел было ввести жертвователь. Пусть это правило будет заменено, если то нужно, незначущей фразой о подготовке, которая управлением Школы будет признана достаточной. Сказанным же отметается я название «вольный университет». И еще я забыл об одном основании к более свободной постановке приема. Если вы допустите лишь абитуриентов гимназии, понадобятся и патентованные преподаватели, а вся прелесть нового учреждения состоит в том, что в нем могут найти себе место талантливые люди из числа тех, кому, как например моему Николаю Васильевичу (Сперанскому), не посчастливилось сделаться магистром или доктором15. Итак, я посоветовал бы назначить пожертвование на устройство высших научных курсов для лиц обоего пола, обладающих достаточной подготовкой хотя б они и не удовлетворяли тем условиям, какие требуются у нас ныне для вступления в высшие учебные заведения. А еще лучше было б не говорить в уставе вовсе ничего о подготовке, предоставив это внутренним распорядкам.

И в другом еще отношении новая школа не должна бы состязаться с университетом. Она не может иметь всех факультетов; достаточно было бы ограничиться общественными науками и естествоведением, оставив юриспруденцию, медицину и чистую математику соответствующим факультетам. Новая школа должна быть общеобразовательным научным учреждением, не претендовать на сообщение специальной выучки. Впрочем, о программе еще пока говорить рано. Для обсуждения подробностей дела хорошо было бы тебе добыть и захватить в Москву устав и правила Брюссельского университета, Парижской школы социальных наук, а равно также разных народных университетов или университетских курсов вроде Гегештифтунг, Берлинских и прочих вакационных курсов.

Два слова о себе. Я больше недели пробыл в Мюнхене, потому что сошлось на один и тот же период много посещений. В. М. Соболевский16, П. И. Бларамберг с женою17, моя сестра Нат(алия) Ив(ановна). В это же время приехала из Москвы моя дочь Марья и отправилась в Москву дочь Ольга. Завтра я отправляюсь в Швейцарию для свидания с К. В. Добриновичем18, а в субботу буду встречать мою дочь Елену, которая приезжает с ребенком к нам в Гершинг. Таким образом, я совсем отстал от всяких научных интересов; только и делаю, что болтаю с приятелями и с родными с утра до ночи. На днях пришли ко мне тридцать оттисков моей статьи и «Сборник» в одном экземпляре. Такого количества оттисков мне оказалось очень мало. Не можешь ли ты попросить издателя выслать мне еще имеющиеся оттиски. Я очень был бы благодарен тебе за это. Никаким земствам я рассылать своей статьи не предполагаю, а личным знакомым удобнее отправить отсюда, нежели из Петербурга, тем более, что неизвестно, когда попадет мой сын19 в Петербург и долго ли он там пробудет. Я надеюсь, что «Сборник» дошел теперь и до тебя. Если нет, то я мог бы на время послать присланный мне экземпляр. Как живешь ты? Удалось ли тебе повидаться с Янжулом20? Я получил письмо от него, в котором однако он о тебе не упоминал. Каково идет лечение, скоро ты его окончишь и когда собираешься в Россию? Очень был бы признателен, если бы ты написал мне пару страниц. Поклон тебе от моего сына и дочери.

Твой А. Чупров

Чупров А. И. Письмо Ковалевскому М. М., 12 августа 1905 г. Мюнхен // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 431—432. — [Т.] IX.

1

А. И. ЧУПРОВ1 — М. М. КОВАЛЕВСКОМУ2

Мюнхен

12 августа 1905

Дорогой Максим Максимович

Кроме желания узнать о твоем здоровье есть у меня для настоящего писания довольно важный повод.

С тех пор как наши государственные учебные заведения волею судеб обречены на бездействие, в русском обществе много раз высказывалась мысль о целесообразности основания в России «вольного университета»3. Представь себе, что эта мысль как будто получает возможность осуществиться. Одно лицо4, близко стоящее к семье Сабашниковых5, предлагает пожертвовать на основание подобного предприятия доходный дом в Москве, стоимостью около 500 000 руб. В виду популярности идеи есть основание надеяться, что это первое пожертвование привлечет и другие. Сам жертвователь — человек с тяжелой хронической болезнью и ему не под силу выработать план нового учреждения в деталях. Он желает, только, чтобы это была высшая школа непременно для лиц обоего пола, прошедших курс среднего образования. Наиболее целесообразным он находит поставить новый университет под патронаж Московской думы, которой он и намерен принести в дар свой дом на основание университета. Но жертвователю не хочется делать Думу полной хозяйкой в новом деле, и он желал бы, чтобы на первое время таким учреждением руководила комиссия, в которой часть членов была бы выбрана Думой, а другая часть состояла бы из указанных им лиц. Эта комиссия должна будет и разработать все детали

проекта. Влиятельные Думские гласные, с которыми уже была речь по этому предмету, надеются, что Дума примет дар и возьмется хлопотать. В комиссию от Думы, вероятно, попадут Мануйлов6, Герценштейн7, Щепкин8 и Гучков9.

Лица, прикосновенные к настоящему делу, решили просить тебя помочь устройству нового учреждения твоими советами, а потом и сделаться, если можно, его директором. И по брюссельскому, и особенно по парижскому опытам, ты лучше, чем кто-нибудь в России знаком со всеми деталями высших вольных школ10, и никто не может так удачно повести новое дело, как ты. Жертвователь относится к тебе с симпатией, а Дума и подавно. Одна препона — правительство, но московские люди надеются, что и эта помеха будет обойдена.

Если ты в принципе не прочь поработать над этим делом, то тебя усердно просят приехать поскорее в Москву для того, чтобы обдумать совместно с жертвователем и другими людьми первые шаги. Только ты можешь выяснить, что можно и должно требовать в дарственной записи жертвователя у Думы и правительства, ты же компетентнее всех и по части деталей устава. Приходится очень спешить с этим делом в виду серьезной болезни жертвователя, которая, по словам врачей, может каждую минуту привести его к смерти. Ник(олай) Вас(ильевич) Сперанский11, который пишет мне по этому поводу, просит поручиться перед тобой, что задуманное предприятие — дело вполне серьезное, поскольку оно зависит от воли и желания жертвователя. Но в то же время он просит предупредить, что жертвователь и его жена — люди больные, которых болезнь иногда делает совсем не дееспособными, и что они грешат чрезмерною осторожностью во всех направлениях и страхом всяких конфликтов. Однако, это люди вполне порядочные и сочувствующие как просвещению, так и освободительным идеям. Я сообщил выше, как они представляют себе новое учреждение, но думаю, что в случае надобности они и в главных основаниях плана способны принять поправки, например вряд ли станут держаться за требование об окончании курса в средних заведениях, представляющееся лично мне излишним.

Если бы ты решил помочь осуществлению нового благого дела и для этого поехать в Москву поскорее, то потрудись снестись с Николаем Васильевичем Сперанским письмом или телеграммой, и если он телеграфом подтвердит тебе приглашение, то отправляйся в полной уверенности, что поедешь на дело. В Москве найди или Ник(олая) Вас(ильевича) Сперанского

уверенности, что поедешь на дело. В Москве найди или Ник(олая) Вас(ильевича) Сперанского или, если его случайно не будет на месте, Мих(аила) Вас(ильевича) Сабашникова. До 1 сентября старого стиля один из них будет непременно находиться в Москве. Спешу кончить письмо, потому что и без того задержал его дня на три. Сегодня же я надеюсь написать тебе из Гершинга о разных личных делах, а равно высказать свое мнение по поводу проекта. Сейчас замечу только, что судьба как будто идет как раз навстречу твоему намерению перенести Парижскую школу в Россию. Об этом стоит подумать со всей серьезностью.

Будь здоров

твой А. Чупров

Н. В. Сперанский просит передать тебе его низкий поклон, а я присовокупляю таковые же от сына и дочери.

Адрес Николая Васильевича Сперанского: Гагаринский пер., д. Ленгольд, квартира Сабашникова. Для телеграммы же сокращенный и условный адрес Сабашниковых: Missab Moscou.

Прости за нескладицу письма, очень спешу.

Воробьева Ю. С. К истории народного университета им. А. Л. Шанявского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 430. — [Т.] IX.

Альфонс Леонидович Шанявский (1837—1905) родился в небогатой дворянской семье. По окончании Константиновского военного училища служил в лейб-гвардии Егерском полку. В 1861 г. окончил Академию Генерального штаба с занесением на мемориальную доску. Ему была предложена доцентура в Академии. Однако сильнейшие горловые кровотечения помешали военной карьере Шанявского, и врачи предложили покинуть Петербург, изменить образ жизни, избегать душной атмосферы кабинетов.

А. Л. Шанявский принял предложение Н. Н. Муравьева-Амурского участвовать в устройстве Амурского края и около десяти лет провел в Сибири. Вернувшись в Петербург для работы в Военном министерстве, он снова тяжело заболел и, выйдя в отставку в возрасте 38 лет в чине генерал-майора, возвратился в Сибирь. В это время были открыты золотые прииски на Амуре. Шанявский вместе с В. Н. Сабашниковым организовал компанию по добыче золота. В 80-х годах он поселился в Москве, но часто посещал прииск на Зее.

А. Л. Шанявский считал, что без просвещения народа невозможен дальнейший прогресс страны и всю жизнь стремился способствовать его развитию. Так, он дал 30 тысяч рублей для Благовещенской гимназии, предоставил землю и тысячу рублей для открытия сельскохозяйственной школы в Забайкалье, а в 1894 г. пожертвовал 120 тысяч рублей на организацию Женского медицинского института в Петербурге.

Внимательно следил Шанявский за деятельностью созданной М. М. Ковалевским в 1901 г. в Париже Русской высшей школы общественных наук и мечтал создать в России нечто подобное. Неудачи в русско-японской войне заставили тяжело больного Шанявского действовать. Поражение России он считал расплатой за политику, которая тормозила общее культурное развитие страны. Он решил создать высшее учебное заведение, в котором «могли бы свободно без требования аттестатов зрелости и пр. учиться мужчины и женщины, русские и не русские, одним словом, все, кто учиться желал.»*

В начале лета 1905 г. Лидия Алексеевна Шанявская сообщила о решении мужа создать «вольный университет» близким людям: профессору В. К. Роту, братьям М. В. и С. В. Сабашниковым. Обсуждался вопрос о правовом положении будущего учебного заведения. По совету М. В. Сабашникова решили создать его при Московской городской думе, которая с 1901 г. приступила

Сабашникова решили создать его при Московской городской думе, которая с 1901 г. приступила к реформе начальных школ, и к 1905 г. в Москве было организовано общедоступное начальное образование.

Прежде чем приступить к переговорам с Думой, Шанявский привлек к обсуждению своего проекта преподавателя Высших женских курсов в Москве И. В. Сперанского, его тестя, известного экономиста профессора А. И. Чупрова, и создателя Русской высшей школы общественных наук в Париже М. М. Ковалевского.

Публикуемые документы отразили ход работы над проектом «вольного университета» и роль Шанявского в его создании.

Документы хранятся: 1, 2 — ПФА РАН, Ф. 103. Оп. 2. Д. 256. Л. 11—12 об. и 13—15 (автограф, машинопись); 3 — ЦИАМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1706. Л. 119—120 (автограф); 4—10 — РО РГБ. Ф. 554. Карт. 1. Ед. хр. 6, 10, 12, 17, 31.

Подписка о непринадлежности к масонским ложам и другим тайным обществам

Подписка о непринадлежности к масонским ложам и другим тайным обществам / Публ. [и вступ. ст.] Д. И. Раскина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 443—449. — [Т.] IX.

Подписка о непринадлежности к масонским ложам и другим тайным обществам

Российское масонство начала XX в. и его не до конца проясненная роль в предреволюционных событиях, давно привлекшие внимание русской эмигрантской и иностранной историографии, с 1970-х годов стали популярной темой и для советских историков.*

Немалый интерес для исследователей этой темы представляют архивные документы, отразившие обсуждение в правительственных кругах новой формы подписки о непринадлежности к масонским ложам и другим тайным обществам, дававшейся всеми поступавшими на государственную службу.

В начале XIX в. деятельность масонских лож в России, возобновленная после их разгрома при Екатерине II, была практически легальной и беспрепятственной. Однако в 1822 г., после получения Александром I от европейских правительств и собственной полиции сведений об активном участии масонов в революционном движении на Западе и декабристских организациях в России, масонские ложи Российской Империи были запрещены особым указом. От лиц, состоявших на государственной службе, были потребованы подписки о непринадлежности к тайному ордену. Такой порядок сохранялся вплоть до XX в.

После революции 1905 г. была разрешена деятельность политических партий. Принадлежность государственных служащих к официально зарегистрированным партиям не запрещалась.

Оставался открытым вопрос об участии чиновников и военных в тайных и недозволенных обществах, в том числе в масонских ложах.

Публикуемые правительственные документы показывают, что настороженное отношение к масонству как к тайному и мощному источнику опасности для режима сохранялось до начала XX в.*

После письма министра внутренних дел П. А. Столыпина от 20 декабря 1906 г. Главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией А. С. Танеев испросил разрешения Императора организовать при канцелярии совещание, что и было

исполнено в соответствии с резолюцией Николая II от 5 февраля 1907 г.** Любопытно, что в работе совещания принимал участие Владимир Дмитриевич Набоков (1869—1922), профессиональный криминалист, основатель Конституционно-демократической партии, почти все руководители которой принадлежали к масонским ложам. Выводы и предложения совещания обсуждались на заседании Совета министров.

Совет министров, отметив, что временные правила от 4 марта 1906 г. об обществах и союзах уже предусмотрели условия участия служащих в политических организациях и что текст подписки устарел, решил признать вопрос о подписке о непринадлежности к масонским ложам не требующим дальнейших распоряжений***.

Таким образом, требование от всех государственных служащих подписки о непринадлежности к масонским ложам и другим тайным обществам сохранилось до 1917 г.

Подлинники документов хранятся в РГИА (Ф. 1409. Оп. 6. Д. 714. Л. 1—1 об., 56—59 об.).

ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. СТОЛЫПИНА

главноуправляющему Собственной Е. И. В. канцелярии А. С. Танееву
от 20 декабря 1906 г.
о пересмотре редакции подписки о непринадлежности к тайным обществам,
требуемой от всех лиц, поступающих на государственную службу

При рассмотрении правил о приеме на службу офицеров в полицейскую стражу я обратил внимание на редакцию подписки о непринадлежности к тайным обществам, требуемой, на основании приказа по военному ведомству 1892 г. за № 295, от всех лиц, поступающих на службу по сему ведомству по форме, установленной приложением к ст. 27 (п. в.) С. В. П., ч. II, кн. 1, 1859 г. Признав редакцию этой подписки для настоящего времени устаревшею, я обратился к Военному министру с просьбой внести в Военный Совет вопрос об изложении этой подписки, если она необходима, в более соответственных выражениях.

На это генерал-лейтенант Редигер отозвался, что, по его мнению, было бы целесообразнее вопрос как о необходимости самой подписки, так равно и текст ее подвергнуть рассмотрению в общем законодательном порядке, так как подписка эта установлена на основании общих законов о службе по определению от правительства.

Имея в виду, что означенная подписка требуется от чиновников всех ведомств, имею честь просить Ваше Высокопревосходительство, не признаете ли возможным подвергнуть вопрос этот разработке в законодательном порядке.

О последующем прошу не отказать меня уведомить.

Министр внутренних дел П. Столыпин

ЖУРНАЛ ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОГО ПРИ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ СОВЕЩАНИЯ
для обсуждения вопроса об истребовании от лиц, поступающих на государственную службу, подписки о непринадлежности к масонским ложам и другим тайным обществам.

Заседания 17 апреля и 2 мая 1907 г.

Присутствовали:

Председатель — егермейстер Воеводский.

Представители*:

от Государственной Канцелярии — действительный статский советник Петров;

от Канцелярии совета министров — действительный статский советник Менделеев;

от Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии — церемониймейстер, действительный статский советник Вестман;

от Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений — статский советник Юст;

от Министерства внутренних дел — действительный статский советник Зайончковский;

от Министерства императорского двора и уделов — действительный статский советник Оприц;

от Министерства народного просвещения — гофмейстер Семенов; от Министерства финансов — статский советник Львов;

от Министерства торговли и промышленности — тайный советник Безобразов;

от Главного управления землеустройства и земледелия — действительный статский советник Лисенков;

от Министерства путей сообщения — действительный статский советник Палтов;

от Министерства юстиции — действительный статский советник Живкович;

от Министерства иностранных дел — действительный статский советник Коссинский;

от Министерства военного — генерал-майор Гершельман;

от Министерства морского — действительный статский советник Вельцын;

от Главного управления государственного коннозаводства — статский советник Масленников;

от Государственного контроля — статский советник Скрябин;

от ведомства Православного исповедания — тайный советник Соловьев;

от Императорского человеколюбивого общества — действительный статский советник Билибин.

Высочайшим рескриптом от 1 августа 1822 г. на имя управлявшего Министерством внутренних дел графа Кочубея повелено было:

«1) Все тайные общества, под какими бы наименованиями они ни существовали, как то: масонских лож или другими, закрыть и учреждения их впредь не дозволять.

2) Объявя о том всем членам сих обществ, обязать их подписками, что они впредь ни под каким видом ни масонских, ни других тайных обществ, под каким бы благовидным названием они ни были предлагаемы, ни внутри Империи, ни вне ее составлять не будут.

3) Как ни свойственно чиновникам, в службе находящимся, обязывать себя какою-либо присягою, кроме той, которая законами определена: то поставить в обязанность и всем министерствам и другим начальствам, в обеих столицах находящимся, потребовать от чиновников, в ведомстве их служащих, чтоб они откровенно объявили, не принадлежат ли они к каким-либо масонским ложам или другим тайным обществам в империи или вне оной, и в каких именно.

4) От принадлежащих к оным взять особую подписку, что они впредь принадлежать уже к ним не будут; если же кто такового обязательства дать не пожелает, тот не должен остаться на службе.

5) Поставить в обязанность главноуправляющих в губерниях и гражданских губернаторов строго наблюдать: во-первых, чтоб нигде ни под каким предлогом не учреждалось никаких лож или тайных обществ; и во-вторых, чтоб все чиновники, кои к должностям будут определяемы, обязываемы были на основании статей 3-й и 4-й подписками, что они ни к каким ложам или тайным обществам не принадлежат и впредь принадлежать не будут; без каковых подписок они и к местам или в службу определяемы быть не могут».

В подтверждение изложенных правил относительно отобрания от чиновников обязательств о несостоянии в тайных обществах, 21 апреля 1826 г. управлявшему Министерством внутренних дел Аанскому было Высочайше повелено «истребовать по всему государству вновь обязательства от всех находящихся в службе и отставных чиновников и не служащих дворян, в том, что они ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием ни существовали, впредь принадлежать не будут, и если кто прежде к какому-либо из них, когда бы то ни было, принадлежал, то с подробным объяснением в обязательстве его: под каким названием оно существовало, какая была цель его и какие меры предполагаемо было употреблять для достижения той цели. При требовании сих обязательств объявить всем, что не только члены тайных обществ, принятые в оные в учрежденных ложах, думах, управах и проч. по обязательствам чрез клятву или честное слово, и посещение общества, или знавшие об них, но и все без изъятия те, кои соделались соучастниками оных тайных обществ без всяких форм, клятв и обязательств, чрез разговоры при встрече вне лож, дум, управ, или знали о сих обществах, обязаны объяснить о том, что при даче подписок чистосердечно со всею откровенностию».

Установленное приведенными высочайшими повелениями требование от служащих подписок сохранило свою силу и до настоящего времени. Согласно примечанию к ст. 178 Уст. Служб. Прав., изд. 1896 г., все чиновники, определяемые в должности, обязываются подписками в том, что они не принадлежат ни к каким масонским ложам и другим тайным обществам, под каким бы они названием ни существовали, и что впредь к оным принадлежать не будут.

Действие сего примечания распространяется равным образом и на гражданских чиновников Морского ведомства, которые в отношении поступления на службу в названное ведомство и назначения на должности по управлению этим ведомством, за указанными в законе изъятиями, подчиняются общим правилам Устава о службе по определению от Правительства (ст. 39, кн. VIII Св. Морских Пост., изд. 1898 г.).

Наконец, высочайше утвержденным 16 октября 1892 г. положением Военного совета разъяснено, что при всяком добровольном поступлении на службу по военному ведомству, а именно: охотниками, офицерскими и классными чинами: первоначально или из отставки, а также при производстве в первый офицерский или классный чин нижних чинов, поступивших по жеребью или вольноопределяющимися, должны быть требуемы подписки о непринадлежности к тайным обществам по следующей форме, установленной приложением к 27 статье (п. в) ч. II, кн. I, Св. Военн. Пост. 1859 г. по VI Прод.

ФОРМА ПОДПИСКИ О НЕПРИНАДЛЕЖНОСТИ К КАКИМ-ЛИБО ТАЙНЫМ ОБЩЕСТВАМ

Год, месяц и число

Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что ни к каким тайным обществам, думам, управам и прочим, под каким бы они названием ни существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду, и что не только членом оных обществ, по обязательству чрез клятву или честное слово, не был, да и не посещал и даже не знал о них, и чрез подговоры, как об обществах, так и членах, тоже ничего не знал и обязательств без форм и клятв никаких не давал.

так и членах, тоже ничего не знал и обязательств без форм и клять никаких не давал.

Эта последняя форма подписки обратила на себя внимание министра внутренних дел, при рассмотрении им правил о приеме на службу офицеров в полицейскую стражу. Признавая приведенную редакцию подписки для настоящего времени устаревшею и имея в виду, что подписка о непринадлежности к тайным обществам требуется от чиновников всех ведомств, гофмейстер Столыпин, по сношении с военным министром, обратился к главноуправляющему Собственною Его Императорского Величества канцеляриею с просьбою подвергнуть разработке как вопрос о необходимости самой подписки, так равно и текст ее.

С своей стороны, статс-секретарь Танеев полагал удобнейшим рассмотреть возбужденный министром внутренних дел вопрос, — как касающийся служащих во всех вообще ведомствах: гражданских, военном и морском, — в особом совещании, учрежденном при Собственной Его Императорского Величества канцелярии под председательством товарища главноуправляющего канцеляриею, в составе управляющего делами Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах и представителей всех ведомств, с тем, чтобы заключения совещания были подвергнуты на монаршее благовоззрение Его Императорского Величества чрез Совет министров, в согласность со статьею 18 Свода Основных Государственных Законов (Св. Зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.), по силе коей вызываемые требованиями государственной службы ограничения в отношении служащих устанавливаются Государем Императором в порядке верховного управления.

Изъясненные предположения свои статс-секретарь Танеев, по соглашению с Министерством внутренних дел, имел счастье всеподданнейше докладывать Его Величеству, и Государю

Императору благоугодно было, в 5 день февраля текущего года, Высочайше соизволить на приведение их в исполнение.

Высочайше учрежденное на сих основаниях при Собственной Его Императорского Величества канцелярии совещание, приступив к разрешению возложенной на него задачи, остановилось прежде всего на вопросе о степени необходимости требовать на будущее время от лиц, поступающих на государственную службу, подписку о непринадлежности к тайным обществам.

По этому поводу некоторыми членами совещания было замечено, что ныне служащие в правительственных учреждениях в отношении образования обществ и участия в них подчиняются действию временных правил об обществах и союзах, установленных именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату от 4 марта 1906 г. (Собр. Узак. 1906 г., ст. 308); нарушение же служащими этих правил рассматривается законом как преступное деяние, влекущее за собою или дисциплинарное взыскание, или наказание в уголовном порядке по ст. 124 Уголовного Уложения (отд. III и V упомянутого Указа). При таких условиях подписка о непринадлежности к тайным обществам не имеет, собственно, юридического значения, тем более, что неисполнение ее само по себе не может вызвать каких-либо последствий. Руководствуясь приведенными соображениями, а также принимая во внимание, что при поступлении на государственную службу каждый должен быть приведен к присяге на верность оной ст. 180 Уст. Служ. Прав., изд. 1896 г.), каковая присяга совершается не только словесно, но и подписанием печатного присяжного листа (ст. 185 того же Устава), означенные члены совещания находили требование от служащих подписки излишним.

Однако большинство членов совещания пришло к заключению, что если отбираемая от поступающих на государственную службу подписка и не имеет юридического значения, то тем не менее за нею следует признать значение политическое. В настоящее время многие молодые люди, обучающиеся в высших учебных заведениях, нередко вовлекаются в крайние политические партии не из действительного сочувствия преследуемым этими партиями целям, а по легкомыслию, юношескому увлечению, ложно понимаемому чувству товарищества и по иным более или менее случайным и преходящим побуждениям. Для таких лиц, сознавших свою ошибку и желающих добросовестно посвятить себя правительственной службе, обязательная при

определении на службу выдача подписки имеет серьезное значение, так как ставит их в необходимость окончательно порвать всякую связь с политическими организациями, принадлежность к коим несовместима со служебною деятельностью в правительственных учреждениях.

Признавая, посему, при современных исключительно тяжелых условиях, переживаемых нашим отечеством, сохранение подписки желательным, совещание не могло, вместе с тем, не усмотреть, что по действующим узаконениям подписка требуется только от лиц, поступающих на действительную государственную службу. Между тем, согласно ст. 148 Уст. Служ. Прав., изд. 1896 г., целый ряд должностей разрешается замещать и вольнонаемным, которые во время состояния на службе по найму в правительственных установлениях являются такими же агентами Правительства, как и чины, находящиеся на государственной службе, и, за силою упомянутого высочайшего Указа от 4 марта 1906 г., подчиняются одинаковым с этими последними чинами правилам относительно образования обществ и участия в них. При означенных условиях, если признается необходимым требовать подписку от определяемых на государственную службу, то представлялось бы последовательным распространить это требование и на допускаемых к служебным занятиям по найму, тем более, что вольнонаемные служащие, в отличие от коронных, не приводятся к присяге на верность службы.

Основываясь на изложенных суждениях, совещание полагало соответственным установить, что подписка отбирается от лиц, поступающих на правительственную службу, хотя бы и по вольному найму.

Перейдя, далее, к рассмотрению самого текста подписки, совещание нашло целесообразным сохранить в ней особое указание не принадлежать к масонским ложам; такое выделение названных лож из ряда прочих общественных организаций оправдывается приписываемым масонству могущественным и опасным в политическом отношении влиянием его на своих последователей, которые к тому же, насколько известно, связываются клятвенным обещанием держать в строгой тайне все, касающееся масонства, чем парализуется возможность правительственного надзора за деятельностью масонских лож. В остальном же, засим, изложение подписки должно быть, по мнению совещания, согласовано с действующими ныне узаконениями об обществах и союзах. На основании высочайше утвержденных 4 марта 1906 г. временных по этому предмету правил (ст. ст. 5, 9, 17 и 20), внешним для всех обществ и союзов признаком законного их существования является признание данной организации со стороны Правительства. Для служащих в правительственных установлениях допустима, естественно, принадлежность лишь к таким узаконенным обществам и союзам. Однако и участие в подобных обществах может быть, согласно ст. 12 означенных правил, воспрещено служащим, если это будет признано их начальством несоответствующим требованиям службы. Что же касается состоящих на военной или военно-морской службе, то, за силою высочайше утвержденного 16 декабря 1905 г. положения Совета Министров (Собр. Узак. 1906 г., ст. 397), всем служащим в военном и военно-морском ведомстве запрещается вообще входить в состав и принимать участие в каких бы то ни было политических партиях, а участие поименованных лиц в обществах, образуемых не с политическою целью, допускается не иначе, как с разрешения подлежащего начальства.

В согласность в сими постановлениями закона совещание проектировало включить в подписку обязательство не принадлежать к таким обществам и союзам, которые не узаконены или участие в которых воспрещается для лиц, состоящих на службе, законом или подлежащею правительственною властью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании приведенных соображений Высочайше учрежденное при Собственной Его Императорского Величества канцелярии совещание полагало бы:

В изменение и дополнение действующих правил постановить:

От лиц, поступающих на правительственную службу, хотя бы и по вольному найму, отбирается подписка по следующей форме:
«Даю настоящую подписку в том, что во время состояния на службе обязуюсь не принадлежать к масонским ложам и к таким обществам и союзам, которые не узаконены или участие в которых воспрещается для лиц, состоящих на службе, законом или подлежащею правительственною властью».

Подлинный журнал подписан председателем и членами совещания и скреплен делопроизводителем совещания, статским советником Осининым.

Публикация Д. И. РАСКИНА

Дневник Б. Л. Модзалевского 1908 г.

Дневник Б. Л. Модзалевского, 1908 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Т. И. Краснобородько // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 450—465. — Из содерж.: Модзалевский Б. Л. Дневник моей поездки в Париж и Веймар в 1908 году, по делам Пушкинского дома, к А. Ф. Онегину и П. В. Жуковскому. — С. 453—465. — [Т.] IX.

14 июля 1907 г. Николай II утвердил «Положение о Пушкинском Доме» при Императорской Академии наук. Летом этого же года министр финансов граф В. Н. Коковцов отправлялся в

Гамбург на лечение. Перед отъездом он получил высочайшую аудиенцию, в конце которой Николай II, ссылаясь на памятную записку «одного близкого ему человека», просил Коковцова посетить в Париже собирателя пушкинских реликвий Александра Федоровича Онегина (1845—1945), познакомиться с ним, а по возвращении в Петербург представить свои соображения об онегинском музейном собрании и целесообразности его приобретения для России.

Даже беглый предварительный осмотр коллекции произвел на министра (он, между прочим, был лицейским выпускником XXXII курса) в высшей степени благоприятное впечатление. И хотя, по позднейшему признанию Коковцова, чувства старого лицеиста никогда не заглушали в нем голоса «скупого и холодного министра финансов»*, в своем докладе на высочайшее имя он однозначно высказался о необходимости скорейшего заключения договора с Онегиным и приобретения его уникального собрания для Пушкинского Дома. Причем отметил, что невозможно определить «стоимость собранной им (Онегиным) коллекции, так как рыночной цены она, естественно, не имеет, а ценность ее, с точки зрения знатоков и любителей, никакому учету не поддается».**

Для составления формального договора с Онегиным требовалась подробная опись и научная характеристика собрания. Именно с этой целью Академия наук командировала во Францию Бориса Львовича Модзалевского (1874—1928), авторитетного архивиста и знатока пушкинской эпохи, одного из основателей Пушкинского Дома. Краткая хроника этого служебного путешествия (Модзалевский состоял тогда в должности делопроизводителя академической Комиссии по изданию сочинений Пушкина) и содержится в дорожной записной книжке — дневнике.

19 мая 1908 г. состоялась первая встреча Модзалевского с Онегиным в музее, который для его владельца был одновременно и домом. С начала 1880-х гг. Онегин снимал квартиру из трех комнат недалеко от Елисейских полей, на rue de Marignan, 25. Необычен был этот первый в мире пушкинский музей, возникший в самом центре французской столицы. Столь же необычны были судьба и личность его создателя.

Он был одинок, слыл человеком замкнутым, мнительным, несговорчивым, озлобленным.

Происхождение Онегина окружала тайна. Сам он рассказывал о том, что младенцем был найден в Александровском парке и провел детские годы, окруженный заботой и ласковым вниманием своей крестной матери и воспитательницы — госпожи Отто. Ее фамилию он носил до 1890 г., пока по велению Александра III не получил права именоваться Онегиным — в память Пушкина.

Существовали разные легенды о происхождении Онегина: от самых невероятных (его отцом называли и В. А. Жуковского, и И. С. Тургенева) до вполне правдоподобных (предполагали, что он был незаконнорожденным сыном одного из Великих Князей, и даже усматривали внешнее сходство с представителями русского царствующего дома). Его тайну знали немногие и сумели сохранить благородное молчание. Среди них был и Павел Васильевич Жуковский (1845—1912) — сын поэта В. А. Жуковского, художник и архитектор. Именно на его записку ссылался Николай II в разговоре с Коковцовым.

Онегин и Жуковский познакомились в годы учения в 3-й Санкт-Петербургской гимназии. Бо?льшую часть жизни оба прожили за границей: Жуковский — в Италии и Германии, Онегин — во Франции. Свою пушкинскую коллекцию Александр Федорович начал собиратъ с конца 1860-х гг., но она приобрела совершенно особый характер, когда в 1883 г., после смерти И. С. Тургенева (Онегин был секретарем писателя в последние годы его жизни), Павел Жуковский подарил другу 75 подлинных пушкинских рукописей, доставшихся ему от отца и неизвестных в печати.

Позднее Онегин получил от Жуковского и все бумаги его отца, связанные с дуэлью и гибелью Пушкина, в том числе конспективные записки В. А. Жуковского и зарисованный его рукой план последней пушкинской квартиры на Мойке; записки докторов Даля и Шольца; журнал, который велся жандармами при разборе бумаг поэта — так называемом «посмертном обыске»; один из первых отливов посмертной маски Пушкина и многое другое. Кроме того, Жуковский передал Онегину 600 томов из библиотеки своего отца и его обширный архив, драгоценной частью которого являлись творческие рукописи, дневники, альбомы с зарисовками В. А. Жуковского, переписка поэта, насчитывающая несколько тысяч писем.

Коллекция постепенно становилась настоящим музеем с рукописным, книжным, музейным отделениями — в определенном смысле, прообразом того Пушкинского Дома, который в начале XX в. рождался в Петербурге. Знакомство владельца музея с выдающимися русскими и западноевропейскими писателями, музыкантами, учеными, коллекционерами, потомками пушкинских друзей и знакомых способствовало пополнению собрания уникальными предметами и распространению известности музея как «уголка России и русской культуры» в самом центре одной из европейских столиц*. Сам Онегин называл свой музей «музейчиком».

Александра Федоровича хорошо знали многие букинисты и антиквары Парижа, Москвы, Санкт-Петербурга. Он был усердным посетителем аукционных залов французской столицы, тратил почти все свои средства на переплет, чистку, реставрацию, оформление экспонатов. Библиотека Онегина (в ней было около 3500 томов) поражала богатством уникальных марокеновых переплетов.

По специальному заказу были выполнены для музея изысканные витрины, книжные шкафы и секретеры для рукописей. «Ничего ненужного, ничего некрасивого не было в этой квартирке-музее. Все было в ней подобрано — книжные шкафы, каждый переплет, каждая рамка — с тонким вкусом и знанием».**

Хотя Онегин, по выражению Жуковского, и «сторожил свои сокровища, как сказочный вагнеровский Фафнер, сам не пользуясь ими»***, судьба музея не могла не беспокоить его хранителя, не имевшего наследников. Будущее своего собрания Онегин связывал только с Россией.

Начались его переговоры с Императорской Академией наук, и их успех на первом этапе во многом зависел от ее полномочного представителя — Модзалевского. В день завершения

напряженнейшей работы по составлению охранной описи хозяин «музейчика» в знак особого расположения и благоволения к Борису Львовичу раскрыл перед ним памятный альбом-календарь, где самые дорогие Онегину гости на страницах, соответствующих дню их рождения, оставляли свои автографы. Так, на листе с датой 20 апреля и появилась запись Модзалевского: «Навсегда сохраню воспоминание о двухнедельной совместной работе в Пушкинском музее А. Ф. Онегина и надеюсь, что и владелец всех сокровищ музея не помянет меня лихом»****

Их встреча в Париже в 1908 г. была единственной, переписка продолжалась, с перерывами, более 15 лет. Главной ее темой стало обсуждение тех условий, на которых Онегин передавал свое собрание Академии наук: оставаясь пожизненным хранителем музея, он получал 10000 рублей единовременно и ежегодную пенсию в 6000 рублей, предполагая использовать весь этот капитал для пополнения коллекций и поддержания их в должном порядке.

Б. Л. Модзалевский. 1900-е гг.

Точка в этом деле была поставлена лишь в 1922 г., когда договор 1909 г. был не только подтвержден, но и нотариально закреплен. Модзалевский, теперь уже главный ученый хранитель Пушкинского Дома, ликовал. «Неужели близко осуществление нашей общей мечты о достойном Пушкина Пушкинском Доме? — писал он Онегину 21 ноября 1922 г. — Помните, Вы подарили мне «Бориса Годунова» с надписью: «Борис! Борис! борись! борись!» Я честно исполнил Ваш завет: боролся непрерывно, неустанно, не покладая рук, буквально днем и ночью думая о Пушкинском Доме, собирая его по песчинкам, по зернышку, по капельке. И вот — в результате этой маньяческой подчас работы — Пушкинский Дом не мечта, а факт: с 8-го ноября, когда мы отпраздновали пирогом наше новоселье (...), — мы живем в своем здании, хоть еще и не

довершенном, но близком к довершению; у нас 20 человек сотрудников, работа налажена во всех трех отделениях, — рукописном, книжном и музейном, — в первом у нас понемногу собрано до 300 рукописей Пушкина и все рукописи Лермонтова, в книжном — библиотека Пушкина, — в музейном — его портрет Кипренского (пастель), Тропинина (копия из Музея Александра III — от Беэр) и Жана Вивьена (из Тригорского), весь Лицейский музей, весь Лермонтовский, а теперь, по-видимому, придет и весь Толстовский! Но в довершение всего — как высшая награда за идейную борьбу. Вами мне завещанную, — Вы передаете еще и Онегинский музей! Честь Вам и слава, дорогой Александр Федорович!»*.

Со дня парижской встречи Онегина и Модзалевского прошло 14 лет. Память о ней — на страницах документа, который предлагается вниманию читателей.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ДНЕВНИК МОЕЙ ПОЕЗДКИ В ПАРИЖ И ВЕЙМАР В 1908 ГОДУ, ПО ДЕЛАМ ПУШКИНСКОГО ДОМА, К А. Ф. ОНЕГИНУ И П. В. ЖУКОВСКОМУ

Выехал 15.V.1908 в 10 часов 15 минут вечера со скорым на Вержболово1. Заснул (верхнее место) около часу ночи, проснулся в 7? утра около Режицы2, где пил в вагоне кофе. Присматривался к спутникам — никого интересного... При размене в Петербурге командировочных денег (281 рубль 80 копеек, оставшихся от покупки билета — 114 рублей 85 копеек и Бедекера3 — 3 рубля) получил в Лионском Кредите4 50 марок и 660 франков по расчету: франк — 38,2 копейки, марка — 47,05 копеек, и русских денег осталось около 8 рублей.

16.V. 4? (часа). В Вержболово. Знакомство с графом И. Тарло, управляющим десятью майоратами в Привисленском крае (между прочим, барона Рамзая, сына Варшавского коменданта и тоже генерала; полковницы Бадер, рожденной Мандерштерн и др.); он из Гельсингфорса5 возвращается в имения от барона Рамзая. Он — герба Топор. Слышал фамилию Модзалевских.

Таможенный досмотр в Эйдкунене6. У меня из чемодана конфисковали при таможенном осмотре коробку папирос, позволив взять лишь 25 штук. В Вержболове за обедом задал вопрос своему соседу, куда он едет. Оказалось, что в Берлин. Он корнет лейб-гвардии Уланского полка — Степан Константинович Шагубатов, из Пажеского корпуса, выпуска 1906 года; очень симпатичный; едет далее на Париж. Весь остальной день провели вместе в вагоне и в вагоне-ресторане, где я отлично и недорого поел два раза. Шагубатов в спальном вагоне и в 10 часов ушел спать. Со мной в купе типичный немецкий генерал — точно с картинки срисованный, пьет пиво. Сейчас и я попробую заснуть — до Берлина, куда приедем в 6? утра.

17/30.V. Приехал и с вокзала отправился с Шагубатовым в Hotel Victoria — на углу Friedrichstra?e и Unter den Liden; днем ездили и шлялись с ним по городу. Вечером в 9.50 выехал дальше; в Кельне — пересадка до Парижа. Спал в вагоне опять плохо — всего часа два; остальное время стоял у окна в коридоре вагона и любовался окрестностями. В Париж приехал в 4 часа с минутами, долго возился, помогая взять билет и сдать багаж M-me Меркуловой, которая везла своего больного мальчика на север Франции лечить от туберкулеза в ноге. В 6 часов попал в гостиницу у Gare du Nord-New Hotel. Грязь; комната — 5 франков. Вечером бродил по улицам. Шум, крик, гвалт, толпа... Лег в 8 часов вечера, но долго не мог заснуть от шума.

19.V/1.VI. Проснувшись, отправился к Алоизу Ивановичу Зубалову — Boulevard Maillot, 92; любезная встреча, знакомство с женой и детьми. Вместе поехали искать гостиницу, остановились на Hotel Paris-Centre-rue St. Anne. N 11 bis; комната на улицу, в 3 этаже, 6 франков в сутки. Перевез вещи и отправился к Павлу Николаевичу Апостолу7. Очень любезный прием и обещание содействовать. В 4? приехал к Онегину, с которым сразу стал на должную почву и схватил быка за рога; я ему, очевидно, понравился; пришлось вести дипломатию сперва, но потом пошел свободный разговор, — и мы сошлись. Я передал ему свои книги, что ему понравилось очевидно. Сидел у него до 9 часов вечера (не обедая), потом он проводил меня пешком почти до дому, рассказывая по пути про достопримечательности Парижа. Заснул уже в 12 часов.

20.V/2.VI. Проснулся в 8 и начал писать письма.

С 20.V/2.VI—5/18.VI ежедневно с 9—10 часов утра занимался у Онегина, в промежутках — по вечерам — был 22.V/4.VI на последнем представлении «Бориса Годунова» с Шаляпиным и русской труппой в Grand Opera (где от жары едва не сварился), в Театрике, в кафе-шантане (оба раза с Мари Валь и Генриеттой Зубаловой) и на «Снегурочке» Римского-Корсакова в Opera Comique, где имел очень хорошее место в 3 ярусе за 8 франков. С Онегиным был в Musee Victor Hugo; 4/17 с ним же — в St.-Cloud8, откуда чудесный вид на Париж; с ним же был раза два в аукционных залах в Hotel Druot; дважды ходил на набережную Сены и покупал книги у букинистов.

5/18.VI закончил опись Онегинского собрания9. Устал, как собака и чувствую себя прескверно10.

6/19.VI. Утром Лувр. После завтрака Pere Lachaise11.

Кн. Михаил Михайлович Долгоруков, в должности шталмейстера Высочайшего Двора, † 1.IV. 1902, 63 лет.

Tyszkiewicz, Thadee, comte general et sendteur Polonais, p. 1774 † 12.IV.1852 после 21 года изгнания. Почетный легион. Бронзовый бюст.

Граф Михаил Тышкевич, p. 1820 † 1853.

7/20.VI. Лувр с утра до 4 часов; вечером у Онегина.

8/21.VI. Утром прогулка пешком в Латинский квартал; с 11 до 1? — Люксембургский дворец; набережная Сены, букинисты. (Rugin — биография композитора Bojeldien, с его портретом12)

набережная Сены, букинисты. (Pagin — биография композитора Boieldieu, с его портретом12). Вечером у Зубалова.

9/22.VI. Сборы к отъезду (чемодан 19 франков 75 сантимов). Завтрак с Онегиным; 1? — визит к Апостолу; с 2 до 4 часов — осмотр Салона в Grand Palais; 4 часа — кофе у Онегина, потом укладка, на вокзал в 9 часов. Онегин приехал проводить; багаж — 17 франков. Поезд отошел в 10 часов прямо на Берлин, без пересадки.

10/23.VI. В 8 часов утра — в Кельне. Рейн, Кельнский собор; в 8.16 пересел на поезд по направлению к Берлину, но должен пересаживаться в 12.22 в Scherfede, где придется ждать 2 часа до поезда на Кассель; здесь снова пересадка — уже прямо до Веймара. Билет от Кельна до Веймара (2 класса) стоил мне 23 марки 60 пфеннингов. В Scherfede ждать не пришлось, так как обязательный кондуктор объяснил мне, что я могу в 12.27 пересесть в поезд на Bebra (через Cassel), а в Bebr'e, где поезд будет в 4.21, пересесть в 4.27 на поезд, который идет уже до Веймара, куда приходит в 6.34. Теперь уже 3? часа. Ужасно тоскливо! В Касселе поезд стоял 39 минут, я напился кофе. В первый раз еду (от Scherfede) в вагоне, имеющем выход по бокам, на обе стороны. Кондуктор ни разу не спрашивал моего билета, что меня смущает, так как я боюсь, не должен ли я был показать его сам при входе в вагон. Спросить некого, так как в купе все сидят знакомые между собою немцы и добродушно беседуют, а я боюсь заговорить своим плохим немецким языком. Все время изучаю расписание поездов. В Веймаре переночую; утром, часов в 11, явлюсь к Жуковскому, потом пойду в Гете-Шиллеровский Музей, поброжу по городу, а вечером, в 7?, часов, уеду в Берлин, где остановлюсь в гостинице Westphalischerlof, где хотел 12.VI по приезде остановиться К. Н. Ходнев13. Очень буду рад его повидать вообще и в Берлине в частности. В Берлине пробуду 12-е число и вечером выеду восвояси. Надоело ехать, хотя

целый день еду по прелестнейшим местам. Все время горы, покрытые лесом, дикие и живописные, хотя немного однообразные. За Кельном видел убегающего в лес маленького желто-рыжего оленя с маленькими рожками. Хлеба и культура полей превосходные; уже сушат сено и вывозят на поля навоз; рожь или уже отцвела, или скоро будет цвести. Попадающиеся около полотна железной дороги крестьяне и рабочие имеют довольно жалкий вид; постройки, однако, хорошие. Вид у небогатых людей в пиджаках очень неинтеллигентный, какой-то бесцветный и глуповатый, во всяком случае, неумный. Для глаза очень приятно разнообразие местности. Удивительно, что в некоторых местах среди полей с хлебом редко посажены деревья, вроде яблонь по внешнему виду. Много проехал туннелей. Пишу все это, чтобы как-нибудь убить время, которое тянется нестерпимо медленно и тоскливо. Я все еще нахожусь под впечатлением полученного за час до выезда из Парижа письма от С. Ф. Ольденбурга14 о том, что Ефремовское собрание15 для Пушкинского Дома утеряно, так как Совет Министров не согласился на выдачу за него денег! Это ужасно! К тому же с 1-го числа не имею известий о своих, — никогда еще этого не бывало. Все это, вместе со скукой одиночного путешествия, делает настроение отвратительным.

А. Ф. Онегин

Сейчас все немцы вышли в Molsfeld'e, и я остался один в купе.

Сейчас проехал опять через длиннейший туннель. Жду не дождусь Бебры. Черт знает, что за название! Откуда оно? Звучит совершенно невероятно!

Трясет в вагоне ужасно и качает в стороны. Везде вылезают и влезают немцы мещанского вида, но самодовольные. Новость: пошел дождь и появились очень красивые пирамидальные тополи.

4 часа. Вчера на вокзале Онегин сказал мне, что внезапно умер Римский-Корсаков16. Он не будет забыт никогда. В Париже, слушая «Снегурочку», видел, как опера нравится французам, и между тем в фойе слышал, как русская дама сказала своему не менее умному кавалеру, что в «Снегурочке» какая-то странная музыка и что она ее не понимает!

4 часа 21 минута. Вот я и в Бебре пересел. Думал, что место с таким удивительным названием что-нибудь да представляет из себя, — оказалось, что ровно ничего особенного, — только вокзал, как на узловой станции, более приличный, даже большой. Дождь усиливается; нет худа без добра, — по крайней мере, не жарко ехать. Опять попал в купе с боковыми выходами, но сообщающееся с другим купе дверью. Сижу, слава Богу, один и не слышу самодовольных немецких разговоров. Говор здесь странный — вроде английского что-то; говорят, точно каша во рту. — Я не записал, что выставка в Салоне, где я был сутки тому назад, произвела на меня совершенно угнетающее впечатление — такова огромность разницы между этой выставкой и нашими русскими (Петербург и Москва)! Это что-то неверо (опять туннель — самый длинный из проеханных мною) ятное по количеству и качеству выставленного! Что за скульптура, что за картины, гравюры, вышивки, керамика, миниатюры, objets d'art* и тому подобное! Как мы далеки еще от цивилизованной нации! Наши картины кажутся просто какой-то серой мазней. Есть и тут, конечно, посредственности, но преобладает талант и искусство. Боре Микешину17 необходимо побывать в Париже (Лувр, Люксембургский Музей), хотя я боюсь, что и на него виденное произведет скорее угнетающее, чем ободряющее к работе впечатление: до того ему еще долго надо учиться, чтобы приблизиться к искусству французских мастеров.

Сейчас (5 часов) видел в отдалении, на крутом, но невысоком холме, развалины рыцарского замка с двумя башнями, боковыми турами, валами и тремя окнами в одной из стен. Вследствие дурной погоды (моросит дождь), они не представляли ничего живописного. Горы и горные речки делаются все более и более живописными и дикими своим видом и разнообразием форм и множеством планов. Слава Богу, что еду один: никто не мешает мне пересаживаться от одного окна к другому. Среди гор все время поля и покосы. Пашут и лошадьми, и волами. Земля имеет доброкачественный вид, но присутствие кирпичных заводов указывает на глину.

5 часов 11 минут — город Эйзенах; масса заводов. Ко мне в купе сел какой-то молодой немчик, едва поспевший на поезд и, к счастию, погрузившийся в чтение. Все они, входя в вагон, говорят спутникам: «Guten Tag». Дождь припускает и портит сено: следовательно, не у нас одних бывает такая гадость. Последние 5—6 дней моего пребывания в Париже погода была отвратительная: дождь, сыро и холодно, так что мне в летнем пальто было как раз впору, а иногда даже и прохладно. По крайней мере, мог спать, а то предыдущие две недели была ужасная жара, и я лежал в поту и не мог заснуть иногда до часу, до двух ночи. Кроме того, мешали спать соседи — француз с француженкой, которые вели себя очень откровенно, не стесняясь, так что я слышал все их разговоры, чтение вслух газет и писем, вплоть до... К счастию, они прожили всего с неделю, но возвращались поздно, часов в 12—12? и тут, когда я начинал засыпать, затевали шум.

6 часов. Сейчас сели в Готе сразу 4 немца — все с сигарами и сразу накурили до тумана; трое благоглупо беседуют между собою, четвертый читает газету. Через ? часа буду, наконец, в Веймаре. Судя по расписанию, из Веймара можно проехать прямо в Берлин с экспрессом, идущим в 7 часов 32 минуты вечера и приходящим в Берлин в 10 часов 54 минуты, то есть через 3 часа 22 минуты. Думаю поехать именно так, но надо еще расспросить в гостинице.

6 часов 11 минут. Проехал Эрфурт, но города не видно — он в стороне и заслонен зеленью и заводами. Немцы вышли, сказав мне традиционное: «Adieu».

6 часов 34 минуты. Приехал в Веймар, спросил Trager'a** указанную мне Онегиным гостиницу «Elephant» — оказалось, что существует, и на вокзале есть каретка. Проезжая по городу, миновал на SchielerstraCe маленький невзрачный домик с дверью в первом этаже и одним окошечком, из которого смотрел бюст Шиллера и его маска. Взял номер в 3 марки — прелестная, большая комната, правда, во двор и сад, а не на улицу, — с чистой постелью, мягким изящным диваном, письменным столиком-бюро, шкафом и т. д. Все мило, чисто, изящно — и всего 3 марки! Умывшись и выпив кофе, написал открытки С. Ф. Ольденбургу и Онегину18 и пошел бродить по городу. Прелесть, прелесть! Во всех отношениях. Чисто, тихо (хотя детвора играет вся на улицах), дома хорошие, хотя много очень старинных, кирка 1583 года с памятником Гердера, герцогский замок над рекою с шумящими шлюзами и парком; улицы узкие и кривые, но чистые; трамвай и т. д. Бродил больше часу. Вернулся, записал все это и хочу заняться

корректурой «Архива Раевских» и «Пушкина и его современников»19, которой накопилось изрядно. Спать рано, хоть и очень хочется, так как предыдущую ночь спал плохо и мало. Меня поразило с первого же взгляда обилие книжных магазинов с выставленными в окнах книгами Гете-Шиллера и о них, открытками с рисунками, относящимися до них и их биографий, бюстами, портретами, барельефами в рамочках и т. д. и т. д. до бесконечности и в невероятном разнообразии. Очевидно, здесь Гете-Шиллера культ. И как это поучительно и трогательно! Который раз я уже чуть не плачу, что нет со мной В. А. Рышкова!20 Сколько энергии у него бы прибавилось!

Вечером читал корректуру и лег спать в 11 часов.

11/24 июня. Встал в 9-м часу, выпил кофе в номере, оделся и пошел бродить по городу, справившись, где Belvedereallee, по которой живет Жуковский (в № 12). Долго бродил по улицам и по очень красивому парку, где на скамейках уже сидело много немцев и немок — большею частью с книгами. День был прекрасный, солнечный. В парке видел довольно слабую статую Ф. Листа из белого мрамора (при входе в парк, на углу Belvedereallee дом, в котором он жил в 1860-х годах), а в городе — статую Гете и Шиллера, бронзовую, очень бедную по исполнению. Ровно в 11 часов подошел к дому, в котором живет Жуковский. Квартира его в третьем этаже хорошего дома, окна коего выходят прямо на Belvedereallee. Послал карточку и немедленно был принят, причем Павел Васильевич быстрыми шагами вышел ко мне навстречу, приветливо протягивая мне руку. Это высокого роста человек (он ровесник Александра III), с выразительным, красивым лицом, с седыми усами и жидкой небольшой бородой, в седом парике, гладко прилизанном наперед, иногда одевает пенсне — и тогда еще красивее. Я сказал, в виде вступления, что приехал к нему, чтобы поделиться с ним впечатлениями о деле, в котором он принимает такое живое участие, что впечатления мои в высшей степени приятны и что деловая сторона заключается в составленной мною подробной описи Онегинского музея, который я ему и описал в общих чертах. При этом я сказал Жуковскому, что нахожу, что теперь было бы очень своевременно, чтобы он опять написал Коковцову по Онегинскому делу и, так сказать, подогрел его, так как-де опись закончена и все препятствия устранены21. Жуковский спросил меня, как распределен мой день, и пригласил меня обедать с ним в 1 час у него «на холостую ногу», а до этого времени предложил пройти с ним в Гетевский музей (на Гетевской же улице), куда мы и отправились в 11? часа. Музей помещается в том доме, который был подарен Гете герцогом. Часть дома, выходящая на улицу, занята «парадными» комнатами, стены которых сплошь увешаны собранными Гете картинами, рисунками, заставлены шкафами с разными коллекциями и т. д.; мебель и обстановка — те же, что были при владельце. Розовый сад Гете поддерживается, его рабочий кабинет с простой обстановкой и спаленка с кроватью, на которой он умер (полы в них не крашены) — поддерживаются в священной неприкосновенности; даже плохенький, совсем грошовый коврик перед кроватью — тот же самый и т. д. Впечатление очень сильное! Музей открыт с 11 до 4 часов, с платой по 1 марке; при нас, то есть часов в 12, было около 50 человек, если не больше...

Вернулись мы к Павлу Васильевичу ровно в час и сели обедать; во время еды он очень много рассказывал мне про себя, про свои занятия живописью, про участие в постройке памятника Александру II в Московском Кремле22. Оказывается, что проект памятника принадлежит ему, а Султанов23 был только строителем-архитектором. Дело было так. Однажды Жуковский явился (кажется, в Гатчину) к Александру III и, подходя к комнате, в которой царь находился, услышал его очень раздраженный голос и разговор с кем-то. Немного поколебавшись, он все-таки вошел. Царь говорил раздраженно Владимиру Шереметеву24 (начальнику конвоя): «Это Бог знает, что такое: уже сколько лет прошло, было два конкурса, а я не могу остановиться ни на одном проекте памятника моему отцу в Москве. Если бы был хоть один художник, который уловил бы характер Московского Кремля, я сейчас бы утвердил проект».

Жуковский вступил в разговор и попросил у Государя разрешения заняться этим делом. «Хорошо, — сказал Государь, — поезжайте в Москву и подумайте хорошенько». Жуковский немедленно отправился, несколько месяцев изучал Кремлевские постройки, но никакой идеи ему

немедленно отправился, несколько месяцев изучал Кремлевские постройки, но никакой идеи ему не приходило. Уже отчаявшись, он однажды поздно вечером возвращался из Кремля через Боровицкие ворота, велел кучеру остановиться, оглянулся на Кремль — и тут пришла ему в голову мысль о памятнике в трехугольной колоннаде. Он немедленно поехал к своему другу Дмитрию Алексеевичу Хомякову25 (брату председателя Думы), набросал перед ним на бумаге общую идею памятника, тот ее одобрил, и Жуковский принялся за дело26. Когда проект был готов, он представил его Царю, который и подписал проект; при этом был Великий Князь Сергей Александрович27, который на вопрос Царя, кто же будет строить памятник, предложил Султанова. При этом Жуковскому было дано исключительное право делать детальные изменения в памятнике во время самой постройки, чем он неоднократно и пользовался. Затем вышло так, что вся честь постройки осталась за Султановым, который сумел на этом деле себя всегда выдвигать на первый план. Затем Жуковский рассказывал мне, как он сделался художником. По смерти отца28 уже он в душе был художником и мечтал только о такой карьере; между тем его определили в 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию29, которую он посещал очень неохотно, занимаясь лишь живописью. Его опекун30 (мать тоже скоро умерла31), однако, не хотел и слышать о том, что Жуковский намерен быть живописцем, а не чиновником-карьеристом. Тогда Жуковский прибегнул к героическому средству, о котором рассказывал, помирая со смеху.

«Я, — говорит он, — решил во что бы то ни стало бросить гимназию (здесь-то и началось его знакомство с Онегиным) и уехать за границу для занятий живописью. В одно прекрасное утро я проснулся ранее обыкновенного, взял свои акварельные краски, развел кармин, не жалея; затем запачкал во многих местах простыни на постели, подушку, ковер, нахаркал в горшок и навел и туда краски — одним словом, сделал вид, что всю ночь я прокашлял (у меня, действительно, в это время был кашель). Когда человек пришел будить меня идти в гимназию, я сказал, что мне

нездоровится и что я не пойду. Человек, испуганный видом окровавленной постели и ковра, побежал к опекуну, тот засуетился (я был ему поручен Государем), пригласил двух знаменитых тогда врачей (Жуковский назвал их, но я забыл, хотя фамилии мне знакомы). Те начали меня выслушивать и выстукивать и поняли, что если у меня и не скоротечная чахотка, то во всяком случае нечто очень серьезное в легких (тогда еще не было анализа, а то бы меня сейчас накрыли), и что меня, как только станет теплее, — в это время был ледоход, — необходимо отправить в теплый климат. Вообразите себе мою радость, когда меня послали в Рим, — моя мечта, как художника, была попасть именно туда! Кроме того, я прожил довольно долго у моего обожаемого дедушки Рейтерна32, которому мать завещала меня отдать на воспитание, но к которому, нарушив ее волю, меня не послали, а оставили в России, чтобы я мог сделать «карьеру». В течение нескольких лет я жил за границей, был, между прочим, в Боннском университете, но, главным образом, занимался, и очень усердно, живописью, ожидая, когда по достижении 21 года я буду в состоянии по своему усмотрению распоряжаться своей судьбой. Написав картину «Богоматерь с мертвым Иисусом» (Pieta), я повез ее Государю Александру II и тут объявил ему о своем желании посвятить себя живописи. Он сказал: «Хорошо, поезжай, куда хочешь, — я уверен, что если бы жив был твой отец, то он разрешил бы тебе быть тем, чем ты быть хочешь»33. На другой день я получил извещение, что пенсия, которую я получал после смерти отца до совершеннолетия, продолжена мне Государем пожизненно! Это было крайне для меня важно, так как я не имел бы ни гроша, ибо после отца ничего не осталось. Так облагодетельствовал меня Александр II, а потому быть автором памятника ему, да еще в Москве, было для меня особенным счастием.

П. В. Жуковский. 1908 г.

Александр III был ко мне особенно милостив; он и Императрица Мария Феодоровна, которая была для Царя именно тем, что ему было нужно, — хорошей женой, оберегавшей его от всяких неприятностей, и в политику не мешалась, как не мешается и теперь34. Я был представлен ему как сверстник, когда нам с ним было лет по 8. Помню, что Николай I сказал при этом про своего внука, будущего Александра III: «Tout comme mon pere»*. И действительно, Александр III в детстве был курнос, как Павел, коренаст, но не уродлив. При Александре III я был единственный человек «во фраке», то есть без придворного звания35, и Александр III это очень ценил, так как я

человек «во фраке», то есть без придворного звания35, и Александр III это очень ценил, так как я был как бы его частным знакомым, мог являться, когда угодно, говорить, о чем хочу. Раз я сказал Государю, что ему для того, чтобы знать всю правду, необходимо созывать соборы (я и теперь не за Думу, а за периодические соборы), которые будут доводить до него одну правду, которую ему знать необходимо. Царь мне возражал и горячился, я также, и мы прямо кричали друг на друга, так что Царь рассердился (я бываю иногда очень горяч и вспыльчив). Выйдя, я сообразил, что хватил, кажется, через край и что для меня царский дом закрылся. Я немедленно написал Императрице Марии Феодоровне письмо, в котором рассказал, что произошло, покаялся в своей горячности и сказал, что сознаю, как это ни грустно, что при Дворе мне больше оставаться нельзя и что я уезжаю (я каждую весну проводил 2 месяца в Гатчине). Императрица ответила только: «Подождите обеда — тогда видно будет, что? делать». За обедом же Царь был ко мне особенно милостив и внимателен, как бы подчеркивая, что ему нужны только правда и откровенность. Он был тонкий знаток музыки и искусства и ценил во мне собеседника по этим вопросам. Он знал о моей дружбе с Рихардом Вагнером36, любил мои картины».

По поводу своих произведений Жуковский говорил довольно много и показывал свою мастерскую. Он пишет и пейзажи (преимущественно), и аллегорические картины, и портреты (например, большой портрет его сестры, бывшей фрейлины37, потом сошедшейся с великим князем Алексеем Александровичем38, имевшей от него сына — графа Алексея Белёвского39 — офицера Сумского драгунского полка, а потом вышедшей за немецкого офицера барона Вёрмана и умершей несколько лет тому назад; граф Белёвский удивительно похож на великого князя Алексея), и марины, и аллегорические сюжеты. С одним его произведением вышел казус. Он подарил Государю (Николаю II) картину свою Pieta (другую)40 вместе с одной картиной (единственной масляными красками) своего отца41 и с картиной деда Рейтерна42. Государь велел

передать их в Музей Александра III43, куда они и были переданы, пройдя через Совет Академии художеств (где Михаил Петрович Боткин44 сказал, что картина П. В. Жуковского не оригинал, а копия с Мурильо!45). Однако картину эту повесили так скверно, что ее почти не видно (и я ее не видал); кроме того, Павлу Васильевичу подарили книгу «Спаситель в изображении разных художников» (что-то в этом роде), где картина его воспроизведена, но под нею подписано имя Васнецова!

Рассказывал Жуковский интересную историю про свое участие в постановке памятника Александру III в Москве. Он хотел вместо банальной статуи сделать следующее: срыть в Кремле одни казармы (против Окружного суда, где лежат пушки) и на их месте построить копию со Святой Софии Константинопольской46, которая, по точному расчету, должна поместиться как раз на освобожденном таким образом месте. Проект свой он представил нынешнему Государю, которому он понравился, но Государь сказал, что не решит этого вопроса без великого князя Сергея Александровича, который был председателем комиссии. «Тут, — говорит Жуковский, — я, как плохой царедворец, сделал ошибку, из-за которой все дело погибло. Мне следовало поговорить с Сергеем Александровичем прежде разговора с Государем или, по крайней мере, поехать к нему в Ильинское47, а я, вместо того, просто написал ему письмо. Это его так обидело, что он полгода был со мной как бы не знаком, и дело было потеряно! А между тем все приходили в восторг от моего проекта, который имел все шансы на успех. Победоносцев48 был от него в полном восторге. В одной из стен, над входными дверями, я проектировал образ с сонмом святых, с одной стороны которого должен был стоять Александр Невский, патрон Александра III, а с другой стороны — он сам, коленопреклоненный, сложив около себя корону, скипетр и державу. Входящие в собор непременно проходили бы под этой картиной-образом и кланялись бы Царю.

Вместо моего проекта прошел проект милейшего Опекушина49, очень, по-моему, неудачный, так как Александр III сидит спиной к собору Спасителя (он был очень набожен), не у места и в неподобающем ему виде, очень торжественный, тогда как он был очень прост. Сергею же Александровичу проект этот очень нравился, так как воспроизводил ту картину, которая запечатлелась в его памяти: как Александр III сидел на троне в полном царском облачении».

Павел Васильевич показывал мне свое собрание картин. Их много у него, главным образом, старинных мастеров. Есть миниатюры Михаила Никитича Муравьева50 в красном мундире, Бунина (отца Жуковского51), Александра I, Александры Феодоровны52, несколько портретов его отца. Онегину он дарит копию с Тропинина, сделанную по заказу Марии Васильевны Беэр53 в 1890-х годах, подлинный рисунок Лермонтова (Кавказское ущелье54), подлинный рисунок Гете (1781) и оригинал портрета Пушкина в гробу (Бруни55) — итальянским карандашом, который Жуковский принимал за литографию. Последнее — чудесно-хорошо по исполнению!56

В 5 часов пил с Жуковским чай на балконе, откуда он пишет свой сад, а в 6? часов ушел от него и поспешил на вокзал. Перед уходом Жуковский спросил у меня, нет ли у меня карточки моей, и дал мне свою (снятую графом Алексеем Белёвским) с очень любезною надписью57. Рассказывал еще, как по совету князя П. А. Вяземского он обратился для издания сочинений отца к Константину Степановичу Сербиновичу58, который сделал его плохо, дорого и еще лишил Павла Васильевича Арзамасских бумаг59. Дело было так. Бумаги Жуковского были в особом шкафу в Публичной библиотеке, а ключ был у Сербиновича, который брал бумаги домой. Внезапно он умер, а жена вскоре сошла с ума, и все бумаги Сербиновича были проданы. Жуковский написал письмо П. П. Вяземскому60, прося его купить Арзамасские бумаги, если они попадут к нему, так как к нему, как собирателю, тащили все подобные вещи. Вяземский ответил, что исполнит просьбу, но никогда его не уведомлял о покупке, а потом, уже после его смерти, оказалось, что они у него. Я сказал Павлу Васильевичу, что часть Арзамасских бумаг напечатана Шереметевым61 в «Старине и новизне»62. Жуковский обещал при разборе бумаг отца (они у него все в Веймаре, в двух окованных железом русских сундуках) иметь в виду меня и «Пушкина и его современников»: сам это предложил, за что я его и благодарил. Думаю, что он исполнит обещание, так как очень добрый человек, но ничего не понимающий.
У него есть письма к нему Ивана Сергеевича Тургенева63 (приглашение обедать; одно письмо, в котором он пишет нечто по поводу увлечения Жуковского одной девушкой, — а какой, он и сам не помнит). По завещанию графини Александры Андреевны Толстой64 он получил всю ее переписку с графом Василием Алексеевичем Перовским. С графом Алексеем Толстым65 он был хорошо знаком, но переписки не вел; в течение его предсмертной мучительной болезни он ежевечерне навещал его в Париже66. Толстой очень мучился от поясной экземы, от которой он находил облегчение только в морфии, от чего и умер, собственно. У Жуковского есть вся переписка его родителей, неизданная. Я убеждал его напечатать ее с комментариями, равно как и написать свои воспоминания об тех знаменитостях, с которыми он встречался. Вагнер незадолго до смерти набросал для него начало «Joukovsky — Marsch» — всего несколько аккордов, и автограф у него цел. Вот, кажется, все, что мы переговорили с ним.

Выехал из Веймара 11/25.VI в 7 часов 31 минуту прямо на Берлин, где был в 10 часов 54 минуты вечера, то есть уже через 3 часа 22 минуты. Остановился в Westphallischerhof. Ходнева не оказалось. № 24 — 3? марки — великолепный.

12/25.VI. Спал плохо. Ходнева нет. Пошел бродить по городу. Был в Музее древностей, в Pergamon67, в Национальной галерее (роскошное помещение и бедное содержание в смысле картин). Бёклин68 в оригиналах не понравился мне; в воспроизведениях он гораздо лучше. Был вечером в Зоологическом саду, очень хорошем и богатом. Выехал из Берлина в 11 часов 1 минуту с Фридрихштрассе (в двух минутах ходьбы от Westphalischerhofa). Спал плохо.

13/26.VI. Проснулся в 7-ом часу, вскоре напился кофе в вагоне-ресторане и занялся записями в этом дневнике. Через час будем в Эйдкунене.

14.VI. Вернулся в Петербург.

ПРИМЕЧАНИЯ

Дневник Б. Л. Модзалевского публикуется по автографу, который хранится в РО ИРЛИ (Ф. 244. Оп. 29. № 27).

1 С 1917 г. г. Вирбалис (Литва).

2 Уездный город Витебской губернии при Санкт-Петербург-Варшавской железной дороге.

3 Общее название путеводителей по различным странам немецкой книгоиздательской фирмы, основанной в Кобленце К. Бедекером (1801—1859). Бедекер составил путеводитель по Парижу и его окрестностям (10 изданий в течение 1855—1881 гг.), французская обработка которого получила широкое распространение в России.

4 Санкт-Петербургское агентство французского акционерного общества Credit Lyonnais.

5 Шведское название Хельсинки; в 1812—1917 гг. — главный город Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи.

6 Прусское местечко близ русско-прусской границы, в одной версте от станции Вержболово.

7 Апостол Павел Николаевич (1872—?), чиновник особых поручений при Министерстве финансов России, атташе Императорского агентства Министерства финансов в Париже. Был знаком с Онегиным более 20 лет.

8 Один из холмов на юге Парижа, загородное место для прогулок.

9 Опись онегинского собрания, сделанная Модзалевским, составила несколько тетрадей, которые он приложил к отчету о командировке. Вскоре Модзалевский опубликовал самую ценную ее часть — описание рукописей Пушкина и перечень отдельных, особо значимых экспонатов (Пушкин и его современники. СПб. 1909. Вып. XII).

10 С большей, нежели в дневниковой записи, обстоятельностью рассказывал Модзалевский о трудах парижских дней в письме В. А. Рышкову (1865—1938), чиновнику особых поручений при Академии наук, техническому секретарю Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге, деятельному соратнику Модзалевского по созданию Пушкинского Дома. Он также должен был ехать в Париж, но разного рода препятствия, в том числе и финансовые, сделали поездку невозможной. «Дело с Онегиным (...) идет благополучно вперед. Работаю ежедневно с 9 утра до 7 вечера с перерывом в 2 часа на завтрак. Онегин не называет тебя иначе, как «мой бедный друг Рышков». Я уж писал, что мои симпатии на его стороне; по приезде все расскажу подробно. Конечно, надо стараться, чтобы его собрание было приобретено; если оно пропадет, будет непоправимая утрата. Обращаться с ним приходится очень, очень осторожно, так как он человек крайне самолюбивый и озлобленный. Можешь себе представить, во что обходится моим нервам ежедневное, совместное, в течение 10 часов, нахождение! Пока мы с ним в самых лучших отношениях, но я не застрахован ни на одну минуту. Города почти не видел, кроме некоторых кварталов, да был на «Борисе Годунове» с Шаляпиным (это просто Бог, а не актер!); но, конечно, если бы мы были вдвоем, то уже успели бы почти закончить работу, — и у нас осталось бы время на осмотр многочисленных сокровищниц Парижа. Онегин это понимает и постоянно высказывает сожаление, что тебя нет. Ты бы его, наверно, очаровал, — и дело бы пошло, как по маслу. Он подарил мне, по моей просьбе, свою карточку, на которой написал:

«Тень Пушкина меня усыновила:
Онегиным из гроба нарекла,
Вокруг меня газетки возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла

(но не «Годунова», а Модзалевского мило?ва).»

Однако пора идти к моему старику. Боже, как он болтлив! У меня к концу дня голова, как котел!» (РО ИРЛИ. Ф. 184; за указание на этот документ приношу благодарность Н. Л.

котел.» (РО ИРЛИ. Ф. 184; за указание на этот документ приношу благодарность Н. Л. Модзалевскому. — Т. К.)

11 Кладбище в Париже. Следующие далее дневниковые записи сделаны с надгробных памятников кн. М. М. Долгорукова, гр. Т. и М. Тышкевичей. Эту информацию Модзалевский перенес впоследствии в свою знаменитую биобиблиографическую картотеку, которая хранится ныне в Пушкинском Доме.

12 Речь идет о книге A. Pougin «Boieldieu, sa vie ses ocuvres, son caractere, sa correspondance» (Paris, 1875), которая была выпущена к 100-летию Ф. А. Буальдьё (1775—1834), французского композитора, автора комических опер.

13 Ходнев Константин Николаевич, приятель Модзалевского; в 1905 г., как значится в его визитной карточке, — санкт-петербургский губернский земский агроном. В Париже Модзалевский получил от Ходнева письмо, в котором тот сообщал о своем намерении приехать в Берлин 12/25 июня и, в частности, писал: «Интересно было бы, если бы я мог очутиться сейчас с Вами в Париже и пошевелить Вас в смысле экскурсий, или Вы и без меня активны? Или же скромно сидите в библиотеке Онегина и перелистываете ее только?» (РО ИРЛИ. Ф. 184). Их встреча в Берлине не состоялась: Ходнев приехал туда 14/27 июня, на следующий день после отъезда Модзалевского.

14 Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), крупнейший востоковед, академик (с 1900 г.) и непременный секретарь Академии наук (1904—1929), управляющий делами Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге (1904—1909), один из организаторов Пушкинского Дома.

15 Ефремов Петр Александрович (1830—1908), библиограф, издатель русских классиков, пушкинист, член-корреспондент Академии наук. Наследниками его уникальной коллекции: библиотеки (около 20 000 томов), собрания рукописей и изобразительных материалов — стали вдова и племянница. Борьба Пушкинского Дома за сохранение Ефремовского собрания как единого целого не увенчалась успехом. Совет Министров выделил только 5000 рублей (вместо необходимых 30 000), на которые удалось приобрести рукописи и часть библиотеки («Пушкиниану»). См. об этом: РО ИРЛИ. Ф. 244, Оп. 29. № 12, 21. Баскаков В. Н. Пушкинский Дом. 1905—1930—1980. Исторический очерк. Л. 1980. С. 32—34. Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л. 1982. С. 150—151.

16 Н. А. Римский-Корсаков умер 7/20 июня 1908 г. в усадьбе Любенск близ Петербурга.

17 Микешин Борис Михайлович (1873—1937), русский скульптор, сын скульптора М. О. Микешина. Автор памятников М. Ю. Лермонтову на месте дуэли (1915) и перед Николаевским кавалерийским училищем в Петербурге (1916).

18 Эта открытка, отправленная из Веймара 10/23 июня 1908 г., положила начало многолетней переписке Модзалевского и Онегина, которая хранится ныне в Пушкинском Доме (№ 29005).

19 Речь идет о первом томе «Архива Раевских» (издание П. М. Раевского, осуществленное под редакцией и с примечаниями Модзалевского) и шестом выпуске повременного академического издания «Пушкин и его современники».

20 См. прим. 10. О несостоявшейся командировке В. А. Рышкова в Париж см. также записи в его дневнике (В. А. Рышков и его «Дневник». Публикация В. П. Степанова // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. С. 151—152).

21 Онегин сначала болезненно отреагировал на требование Академии наук составить инвентарную (охранную) опись его собрания прежде заключения договора, но Модзалевский умело преодолел все острые вопросы этого этапа переговоров. Просьбу Модзалевского «подогреть» министра финансов П. В. Жуковский выполнил: 21.VI/ 4.VII он отправил В. Н.

Коковцову письмо (РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 680. Л. 83—84).

22 Историю создания памятника Александру II в Московском Кремле и описание проекта П. В. Жуковского см: Семевский М. И. Путевые очерки и заметки из поездок по России в 1891 году / Русская Старина. 1891. Т. LXXII, ноябрь. С. 489—497.

23 Султанов Николай Владимирович (1850—1908), гражданский инженер, архитектор, директор и профессор Института гражданских инженеров Императора Николая I. О совместной работе с П. В. Жуковским написал брошюру «Памятник императору Александру II в Московском Кремле» (СПб. 1898).

24 Шереметев Владимир Алексеевич (1847—1893), флигель-адъютант Александра III (с 1881 г.), командир Собственного Его Величества конвоя свиты (с 1887 г.), генерал-майор (1891).

25 Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841—1919), председатель Совета Строгановского училища технического рисования (П. В. Жуковский был штатным членом Совета училища), казначей Художественного общества, председателем которого являлся Вел. Кн. Сергей Александрович.

26 Первый набросок памятника был сделан Жуковским 15 ноября 1889 г. В конспективных заметках Е. П. Летковой-Султановой об истории постройки памятника Александру II в Московском Кремле есть фрагмент, посвященный первоначальному проекту Жуковского: «Идея «сени» очень понравилась Н. В. (Султанову). Он всегда был против скульптуры (одной) в Кремле. (...) Беседы с Жуковским. Тот шел от Италии, бессознательно подходил к русскому стилю. Н. В. шел от древней Руси и сознательно восходил к Италии. Русский шатер и сени

Сьенны, Венеции и др. Первый набросок Жуковского. Сказочно и невыполнимо» (РО ИРЛИ. Ф. 230. № 18. Л. 1).

27 Сергей Александрович (1857—1905), Вел. Кн., сын Императора Александра II, московский генерал-губернатор (1891—1905) и командующий войсками Московского военного округа; убит эсером И. П. Каляевым в Кремле 4 февраля 1905 г.

28 В. А. Жуковский умер 12/24 апреля 1852 г. в Баден-Бадене.

29 3-я классическая гимназия, одна из старейших в Санкт-Петербурге, была основана в 1823 г. «как состоящая при университете» (современный адрес — Соляной пер., 12; ныне школа № 181).

30 Опекуном малолетнего Павла Жуковского был назначен его дядя, ротмистр Александр Гергардович Рейтерн, флигель-адъютант Александра II.

31 Е. А. Жуковская (урожд. Рейтерн) умерла 27 ноября 1856 г.

32 Рейтерн Гергард (1794—1865), художник, тесть В. А. Жуковского; в рядах лейб-гвардии Гусарского полка участвовал в заграничном походе русской армии в 1813—1814 гг., в битве под Лейпцигом потерял правую руку. В 1823 г. из-за слабого здоровья вынужден был покинуть Россию и жить за границей (преимущественно в Германии). Благодаря стараниям В. А. Жуковского, был сделан живописцем Императорской семьи и получал содержание 2400 рублей серебром.

33 Император Александр II был крестным отцом П. Жуковского.

34 По воспоминаниям Е. П. Летковой-Султановой П. В. Жуковский «любил в женщине изящество, кротость и домовитость, и идеалом его была Мария Феодоровна. Александра III он чтил, Марию Феодоровну нежно любил. И скучал без нее, когда приходилось жить в Москве» (РО ИРЛИ. Ф. 230. № 18. Л. 2 об.).

35 В мае 1893 г., после торжественной закладки памятника в Кремле Жуковский был пожалован в должность шталмейстера Высочайшего Двора (придворный чин 3-го класса, который предусматривал заведование царскими конюшнями). «Почему это так случилось — Жуковский не мог понять. Он боялся лошадей, никогда в жизни не бывал в конюшне, не умел справляться со шпорами и вдруг шталмейстер!.. Жуковский как человек очень деликатный и чуткий понял, что кроме комизма этих шпор — у него получилась другая неловкость: он знал, сколько положено труда, знания и добросовестного отношения его товарища по работе Султанова, а между тем тот ничего не получил, что дало повод врагам Султанова рассказывать, что Государь не доволен Султановым, что отметил это высшей наградой Жуковскому» (Воспоминания Е. П. Легковой-Султановой. РО ИРЛИ. Ф. 230. № 18. Л. 2).

36 Вагнер Рихард (1813—1883), немецкий композитор и дирижер, автор опер «Тангейзер», «Лоэнгрин», «Тристан и Изольда», тетралогии «Кольцо Нибелунга» и др. С Вагнером Жуковский познакомился в 1880 г. Ему принадлежат эскизы декораций и костюмов к опере Вагнера «Парсифаль» (1882). Жуковский признавался, что «он чувствовал физически, как от Вагнера шли лучи, и познал, что такое гений» (РО ИРЛИ, Ф. 230. № 18. Л. 1 об. — 2). Друг и почитатель Вагнера, свидетель последних дней жизни композитора, Жуковский оставил рукописные воспоминания о нем (См.: Письма зарубежных музыкантов. Л. 1967. С. 224—230).

37 Жуковская Александра Васильевна (1842—1899), фрейлина Имп. Марии Александровны; в 1890 г. вышла замуж за барона Вёрмана. Умерла в Баден-Бадене.

38 Алексей Александрович (1850—1908), Вел. Кн., четвертый сын Александра II, генерал-адмирал (1883), главный начальник флота и Морского ведомства (1881—1905).

39 По просьбе П. В. Жуковского Александр III пожаловал сыну Вел. Кн. Алексея Александровича и Александры Жуковской Алексею (родился 14/26 ноября 1871 г.) титул графа Белёвского (Белёвский уезд Тульской губернии был родиной его деда — В. А. Жуковского). До этого мальчик носил титул и фамилию барона Седжиано, так как Вел. Кн. Алексей Александрович приобрел для А. В. Жуковской имение в Италии с правом на титул баронессы Седжиано и с высочайшего соизволения образовал из собственных средств особый неприкосновенный капитал в 100 000 рублей серебром для сына. В воспоминаниях Е. П. Летковой-Султановой история, о которой в свое время говорил «весь Петербург», записана со слов самого Жуковского и содержит интересную деталь: он явился к Великому Князю, потребовал дуэли, а когда Александр II запретил сыну принять вызов, Жуковский открыто протестовал против решения Императора. Великий Князь хотел жениться, но Александр II не разрешил и отправил его на два года в кругосветное плавание; Жуковскую выслали за границу, вслед за ней уехал и ее брат (См.: РО ИРЛИ. Ф. 230. № 17, 18).

40 Речь идет о картине Жуковского «Богоматерь над телом Спасителя (Pieta)» (1876), которая в 1878 г. выставлялась в Парижском Салоне. Ныне хранится в Русском музее, куда поступила в 1899 г. См.: Врангель Н. Русский музей Императора Александра III. Живопись и скульптура. СПб. 1904. Т. I. С. 166. Государственный Русский музей. Живопись. XVIII — начало XX века. Каталог. Л. 1980. С. 114 (№ 1782).

41 Вероятно, имеется в виду картина «Два монаха на террасе виллы-Маттеи. Вид на Римскую Кампанью», которая поступила в Русский музей в 1899 г. См.: Врангель Н. Указ. соч. Т. I. С. 164—165 (ср. Т. II. С. 367). Государственный Русский музей. Живопись. С. 113 (№ 1779).

42 Речь идет об акварели Г. Рейтерна «Семейный портрет» (1824). Воспроизведение работы и справку об истории ее поступления в Русский музей см.: Врангель Н. Указ. соч. Т. II. С. 366—367.

43 В 1895 г. в Санкт-Петербурге был учрежден Русский музей имени Императора Александра III под управлением Вел. Кн. Георгия Михайловича. Открыт в 1898 г. в Михайловском дворце. В настоящее время — Государственный Русский музей.

настоящее время — Государственный Русский музей.

44 Боткин Михаил Петрович (1839—1914), академик исторической живописи, член Совета Императорской Академии художеств (с 1879 г.), почетный член Академии художеств (1912).

45 Мурильо Бартоломе Эстебан (1618—1682), испанский живописец.

46 Храм Святой Софии в Константинополе (Стамбуле) — наиболее значительный памятник византийского зодчества, сооружен в 532—537 гг.

47 Подмосковное имение Вел. Кн. Сергея Александровича.

48 Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор Синода (1880—1905), воспитатель Александра III, имевший на Императора исключительное влияние.

49 Опекушин Александр Михайлович (1841—1923), скульптор, автор памятников А. С. Пушкину в Москве (1880), К. М. Бэру в Тарту (1886), М. Ю. Лермонтову в Пятигорске (1889), один из главных сотрудников М. О. Микешина по осуществлению памятников «1000-летие России» (1862) и Екатерине II в Петербурге (1873). Исполнил статую Александра II для памятника в Кремле (по проекту П. В. Жуковского). Памятник Александру III считался самым неудачным произведением Опекушина.

50 Муравьев Михаил Никитич (1757—1807), писатель и общественный деятель, отец декабристов Н. М. и А. М. Муравьевых. Возможно, Жуковскому принадлежала миниатюра, в основу которой был положен известный портрет Ж.-Л. Монье (1801), где Муравьев изображен в

красном сенаторском мундире. Миниатюрный портрет Муравьева работы Темира см.: Комелова Г. Н., Принцева Г. А., Никифорова Л. Р. Миниатюра в России XVIII — начала XX века. Каталог выставки из фондов Эрмитажа. Л. 1981. С. 59.

51 В. А. Жуковский был сыном тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки Сальхи; он был усыновлен (по желанию А. И. Бунина) А. Г. Жуковским, что позволило избавить будущего поэта от участи незаконнорожденного.

52 Александра Феодоровна (1798—1860), Императрица, урожд. принцесса Прусская Фредерика Луиза Шарлотта, супруга Николая I. В. А. Жуковский обучал ее русскому языку, когда она в 1817 г. прибыла в Россию.

53 Беэр Мария Васильевна (рожд. Елагина), внучка А. П. Елагиной, племянницы В. А. Жуковского. П. В. Жуковскому принадлежал портрет Пушкина, написанный в 1899 г. П. А. Брюлловым по двум портретам Тропинина. В составе онегинского собрания поступил в 1928 г. в Пушкинский Дом; в настоящее время находится во Всероссийском музее Пушкина (Санкт-Петербург).

54 Рисунок М. Ю. Лермонтова «Кавказский вид с арбой (Дарьяльское ущелье)» хранится в Музее Пушкинского Дома (инв. № 4263).

55 Онегин получил от П. В. Жуковского не только рисунок Ф. А. Бруни, но также незаконченный натурный рисунок В. А. Жуковского, изображающий Пушкина в гробу. Оба рисунка в 1928 г. поступили в Пушкинский Дом, теперь находятся во Всероссийском музее Пушкина.

56 Выполняя обещание, данное Онегину в Париже, Модзалевский отправил ему письмо с впечатлениями о посещении «веймарца», в котором, в частности, писал и о новых дарах Жуковского Пушкинскому музею: «Я видел у П. В. те предметы, которые он Вам посылает, и могу Вас поздравить в том смысле, что тот рисунок Пушкина в гробу, который П. В. считал за литографию, оказался подлинным карандашным рисунком, — в чем, кажется, и П. В. убедился

литографию, оказался подлинным карандашным рисунком, — в чем, кажется, и П. В. убедился после того, как я высказал ему свое убеждение, что это не литография, а итальянский карандаш. Таким образом, Вы получаете в Музей вещь первостепенного значения. Копия с Тропинина посредственна, но для Музея будет очень пригодна; рисунок Лермонтова очень интересен; портрет гр. Перовского (В. А.) — также» (РО ИРЛИ. № 29005. Л. 2 об. — 3).

57 Фотография Жуковского с его надписью: «Многоуважаемому Борису Львовичу Модзалевскому на добрую память от преданного ему П. Жуковского. Веймар. 11/24 июня 1908» — храннится в Музее Пушкинского Дома (ФЗ. № 25958).

58 Сербинович Константин Степанович (1796—1874), знакомый П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, А. С. Пушкина, Карамзиных; цензор (1826—1830), в разные годы чиновник Коллегии иностранных дел, Министерства народного просвещения, Синода, Комиссии прошений.

59 Возможно, имеются в виду протоколы заседаний литературного общества «Арзамас» (1815—1818), секретарем которого был В. А. Жуковский. В настоящее время они хранятся в Пушкинском Доме (Ф. 244. Оп. 17. № 115). В 1884 г., уже после смерти Сербиновича, Жуковский принес в дар Публичной библиотеке бумаги отца, в том числе и несколько документов, касающихся истории «Арзамаса». (См.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб. 1887. С. 157—162. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 год. СПб. 1890. С. 214—215. Прилож. С. 68—85.)

60 Вяземский Павел Петрович (1820—1888), сын П. А. Вяземского, археограф, историк литературы, сенатор, основатель Общества любителей древней письменности. Ему, в частности,

принадлежат широко известные воспоминания о Пушкине и публикации документов из обширного Остафьевского архива князей Вяземских.

61 Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918), почетный член Академии наук, член Государственного Совета, председатель Археографической комиссии и Общества любителей древней письменности и ревнителей русского исторического просвещения, которое издавало исторический сборник «Старина и Новизна». Был женат на дочери П. П. Вяземского. В 1898 г. приобрел родовое имение Вяземских Остафьево (Подольского уезда Московской губернии), где в 1899 г. открыл своеобразный пушкинский музей.

62 В «Старине и Новизне» (1907. № 12. С. 334—335) П. Н. Шеффером была опубликована шутливая приветственная грамота арзамасцев Н. М. Карамзину, обнаруженная в Остафьевском архиве.

63 28 писем И. С. Тургеневу за 1874—1876 гг. после смерти Жуковского перешли к Онегину, теперь хранятся в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ. № 28438). Опубликованы впервые: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Письма. Т. VIII, X, XI. М. — Л. 1964—1966.

64 Толстая Александра Андреевна (1817—1904), двоюродная тетка и друг Л. Н. Толстого, фрейлина Вел. Кн. Марии Николаевны и Имп. Марии Александровны, воспитательница дочери Александра II, автор «Записок» (1846—1902). Встречалась с А. С. Пушкиным, была в дружеских отношениях с В. А. Жуковским, И. А. Гончаровым, И. С. Тургеневым, А. К. Толстым. В онегинском архиве сохранились 42 письма гр. А. А. Толстой к П. В. Жуковскому (РО ИРЛИ. № 28435). Местонахождение ее переписки с В. А. Перовским неизвестно.

65 Толстой Алексей Константинович (1817—1875), поэт. По материнской линии происходил из рода Разумовских. Его мать и дяди (В. А. Перовский, оренбургский военный губернатор, и А. А. Перовский, писатель, известный под псевдонимом Антоний Погорельский) были побочными детьми графа А. К. Разумовского.

66 А. К. Толстой приезжал в Париж последний раз в октябре 1874 г.

66 А. К. Толстой приезжал в Париж последний раз в октябре 1874 г.

67 В конце 1870-х гг. в Пергамском акрополе (Малая Азия) были открыты развалины жертвенника II в. до н. э., посвященного Зевсу. Скульптурные украшения жертвенника были перевезены в Константинополь и в Берлинский музей.

68 Бёклин Арнольд (1827—1901), швейцарский живописец, представитель символизма и стиля «модерн». Был близко знаком с П. В. Жуковским.

Публикация Т. И. КРАСНОБОРОДЬКО

О коллекции С. М. Прокудина-Горского

Дело Канцелярии Совета Министров о приобретении в казну коллекции фотографических снимков достопримечательностей России С. М. Прокудина-Горского, 1910—1912 гг. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] С. П. Гараниной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 466—492. — [Т.] IX.

Публикуемые материалы раскрывают историю создания одного из ценнейших памятников отечественной фотографии. Ученый, изобретатель, фотохудожник, Сергей Михайлович Прокудин-Горский на трехслойных стеклах цветоделенных негативов запечатлел с документальной точностью памятники российской истории, архитектуры и быта в канун грандиозных потрясений. Важнейшую задачу созданного им способа цветного фотографирования мастер видел в том, чтобы «оставить точный документ для будущего»*. Особый интерес представляет документальное подтверждение того, что в 1911 г. в Туркестане был снят первый в России цветной фильм.

Род Горских происходит от выехавшего из Золотой Орды татарина Петра, прозванного Горским по вотчине Гора, пожалованной ему от Великого Князя Дмитрия Ивановича Донского; у Петра Горского был внук Прокопий, прозванный Прокуда, от которого потомки и начали именоваться Прокудиными-Горскими. Родовое имение Прокудиных-Горских находилось в Покровском уезде Владимирской губернии.

С. М. Прокудин-Горский родился 31 августа 1863 г. Документов, свидетельствующих о полученном в России образовании, не найдено, однако он был хорошо известен и в кругах Петербургской консерватории и в Академии художеств, по-видимому, брал уроки игры на скрипке и занимался по классу живописи, одновременно с этим занимался химией в Университетской лаборатории Д. И. Менделеева. В конце 80-х гг. он совершенствовал свое образование в Германии, где вскоре сам стал читать лекции по фотохимии и спектральному анализу в Высшей технической школе в Шарлотенбурге (Берлин). Здесь же начались исследования по цветовоспроизведению в лаборатории немецкого профессора А. Мите, продолженные в Париже. В этот период Прокудин-Горский работал и в России и за границей. В 1890 г. он женился на Анне Александровне Лавровой — дочери известного русского металловеда, одного из основоположников отечественного сталепушечного производства, активного члена Императорского русского технического общества Александра Степановича Лаврова.

В 1898 г. Прокудин-Горский организовал первые в России курсы практической фотографии, этому предшествовало вступление в члены Фотографического отдела Императорского русского технического общества (ИРТО), старейшего фотографического объединения России.

Императорское русское техническое общество объединило всю научно-техническую интеллигенцию России. Созданное в 1866 г. по инициативе российских ученых для «содействия развитию техники и технической промышленности в России», оно занималось общими вопросами промышленно-экономической политики и вместе с тем четко специализировало

работу своих отраслевых отделов. По инициативе активного члена ИРТО Д. И. Менделеева в конце 70-х гг. был организован V Отдел — Светописи и ее применений или фотографический**. Получив статус «непременного члена V отдела ИРТО», Прокудин-Горский выступал здесь с научными сообщениями и докладами «О фотографировании падающих звезд (звездных дождей)» (1898 г.), знакомил коллег с новой проекционной техникой.

Впервые сообщение о способе изготовления цветных диапозитивов по методу трехцветной фотографии было сделано Прокудиным-Горским 13 декабря 1902 г.***, а в январе 1905 г. он «ознакомил собрание со своими работами по цветной фотографии, проводившимися им в течение 3-х последних лет в Берлине в лаборатории профессора Мите и в С.-Петербурге. Затем докладчик показывал около 70 сделанных им снимков за границей и у нас в России... В числе их были весьма различные по колориту и содержанию, так например: виды Дагестана и Кавказа, осенние виды Финляндии, зимние пейзажи, жанровые картины, эффекты заходящего солнца и др. Снимки поражали верностью передачи ярких красок природы, вызывали холго не смолкающие аплодисменты и возгласы одобрения среди присутствующих»*.

Фотографический отдел ИРТО избрал Прокудина-Горского своим председателем, одновременно он редактор журнала «Фотограф-любитель», в котором было опубликовано в 1906 г. первое подробное руководство по фотографии в натуральных цветах с образцами цветных снимков. В том же году на Международной выставке в Антверпене его «снимки в красках непосредственно с натуры» получили Золотую медаль, жетоном «За лучшие работы» его наградил «Photo Club» в Ницце.

В 1905 г. Прокудин-Горский открыл новое красочное вещество сложного состава, значительно превосходящее красочные сенсибилизаторы, впервые примененные в 1902 г. немецкими химиками Мите и Траубе.

Параллельно с совершенствованием цветной фотографии мастер активно работал в области цветной полиграфии. В Петербурге, на Б. Подьяческой № 22, он открыл фотомеханическую мастерскую, лабораторию и печатню, где изготовлялись фотомеханические клише и фотографии с натуры превращались в почтовые открытки и настенные картины, расходившиеся по всей России. В области цветной полиграфии он также был одним из первых в России.

Всероссийскую известность Прокудин-Горский получил как автор юбилейного портрета Льва Толстого, снятого 23 мая 1908 г. в Ясной Поляне. Портрет был впервые опубликован в августовском выпуске «Записок ИРТО» за 1908 г. Тогда же портрет был воспроизведен в журнале «Фотограф-любитель» и издан значительным тиражом издательством «Солнце» в виде цветных открыток и настенных картин (гелиогравюр). Несколько позже открытки выпустило и стереоскопическое издательство «Свет»; во всех случаях клише и печать были выполнены самим фотохудожником**.

В 1908 г. русские фотографические общества подали в Государственную Думу «Записку об авторском праве фотографа». Для большей убедительности в залах Академии художеств была развернута выставка и устроен вечер демонстрации достижений русских фотографов. Гвоздем программы стал показ на экране цветных проекций одного из авторов «Записки», Прокудина-Горского. Демонстрировались фотографии украшений Туркестанских храмов, погибших вскоре после съемки при землетрясении. Среди археологических снимков была показана замечательная древняя ваза, хранившаяся в Эрмитаже, цвета которой стали пропадать. Документальная точность полученного изображения запечатлела их на века. Именно тогда возник замысел: «Запечатлеть все достопримечательности нашего обширного отечества в натуральных цветах». В зале присутствовали Вел. Кн. Михаил Александрович, пригласивший фотохудожника «показать ему сделанные снимки и ознакомить со способом получения цветных изображений с натуры; а затем такое же приглашение поступило от Императрицы Марии Федоровны»***. Позже мастеру предложили продемонстрировать свои работы Государю в Царском Селе.

В эмиграции, вспоминая об этом первом посещении Царского Села и вечере, Прокудин-Горский писал: «Наступал самый ответственный момент, ибо я был уверен, что от успеха этого вечера зависела в значительной мере судьба моего дела. Для этой первой демонстрации Государю мною были выбраны снимки с натуры исключительно этюдного характера: различные эффекты природы, закаты, снежные ландшафты, снимки крестьянских детей, цветы, осенние этюды. Ровно в половину девятого дежурный араб возвестил: «Их Императорские Величества» и в залу вошли Государь, Государыня со старшими дочерьми и приближенные лица свиты. Поздоровавшись со мной, Государь и Государыня заняли свои места перед будкой и Государь приказал начинать.

После первой же картины, когда я услыхал одобрительный шопот Государя, я уже был уверен в успехе, так как программа была подобрана мною в возрастающем по эффектности порядке.

Во время перерыва, когда был подан чай с прохладительными напитками, Государь отделился от группы придворных и, подойдя ко мне, стал спрашивать, что я имею в виду делать с этой замечательной работой. Я изложил ему свои взгляды на различные применения, которые моя работа могла иметь и прибавил: «Вашему Величеству было бы, быть может, также интересно видеть время от времени истинную Россию и ее древние памятники, а равно и красоты разнообразной природы великой Родины.

Государь отнесся с большим одобрением к моим словам и сказал: «Поговорите с С. В. Рухловым, сообщите ему, что именно Вам для этого нужно и пусть он мне сделает доклад». Затем началось второе отделение, на которое я особенно рассчитывал. Так оно и вышло. Каждая картина вызывала не только шопот одобрения, но даже громкие восклицания. По окончании вечера Государь и Государыня с детьми подошли ко мне, благодарили за доставленное большое удовольствие и Государь, обратись ко мне, сказал: «Так не забудьте же поговорить с Рухловым»*.

Летом 1909 г. началось создание Коллекции достопримечательностей России со съемок Мариинского водного пути, мест, связанных с деятельностью Петра I, затем Средний Урал и Волга...

Министр путей сообщения С. В. Рухлов четко выполнил указания Государя. По Высочайшему повелению мастеру был предоставлен специально оборудованный пульмановский вагон, для работы на водных путях Министерство выделяло пароход с полным набором команды, маленький пароход, способный идти по мелководью, и прицепную баржу, а для съемок на р. Чусовой — моторную лодку. Для съемок Урала и Уральского горного хребта в Екатеринбург был прислан новый автомобиль Форда, пригодный для трудных дорог.

«Во время моих поездок по России, — вспоминал Прокудин-Горский, — я имел в кармане два нужных для работы документа. Первый — Высочайшее повеление о полном доступе во все места Российской Империи, чего бы это ни касалось, а второй — приказ надлежащего Министерства об оказании всяческого содействия со стороны местных властей. После окончания каждой поездки, занимавшей обыкновенно все лето, я обрабатывал дома весь материал и показывал его министру путей сообщения. Затем я обычно получал приглашение демонстрировать мою работу Государю в Царскосельском дворце. Выбор сюжетов для Государя был несколько иной. Специальные сооружения Министерства, как то: плотины, выемки для железнодорожного пути, разные мосты — Государя не могли интересовать так, как интересовали Его русская старина, древние памятники и красоты природы. При просмотре снимков Мариинского водного пути Государь отнесся ко мне очень милостиво, расспрашивал, удовлетворяют ли меня предоставленные в мое распоряжение средства передвижения, и на прощание добавил: «Когда вы будете готовы со следующей работой, то сообщите Гр. Бенкендорфу, он мне доложит, и я вам назначу день»**.

Первый просмотр во дворце отснятого материала, основываясь на дневниках Николая II, можно

датировать 20 марта 1910 г.***

Цветную съемку мастер называл процессом «деликатнейшим». «Если с одной стороны, благодаря всему описанному, работа моя была обставлена очень хорошо, то с другой она была очень трудна, требовала огромного терпения, знания, опыта и часто больших усилий. (...) Делать снимки приходилось в самых различных и часто очень трудных условиях, а затем вечером надо было снимки проявить в лаборатории вагона и иногда работа затягивалась до поздней ночи, особенно если погода была неблагоприятна и нужно было выяснить, не окажется ли необходимым повторить съемку при другом освещении прежде, чем уехать в следующий намеченный пункт. Затем с негативов там же в пути делались копии и вносились в альбомы»****.

Эти альбомы контрольных черно-белых снимков с кратким описанием места съемки хранятся в настоящее время в Библиотеке Конгресса США, представляя как бы иллюстрированный каталог коллекции, составленный самим автором.

Подводя во Франции итог проделанной работе, Прокудин-Горский протокольно напишет: «ОБСЛУЖЕНЫ БЫЛИ: 1) — Мариинский водный путь; 2) — Туркестан; 3) — Бухара (старая); 4) — Урал в отношении промыслов; 5) — Вся река Чусовая от истока; 6) — Волга от истоков до Нижнего Новгорода; 7) — Памятники, связанные с 300-летием Дома Романовых; 8) — Кавказ и Дагестанская область; 9) — Мугальская степь; 10) — Местности, связанные с воспоминаниями о 1812 годе (Отечественная война); 11) — Мурманский железнодорожный путь. Кроме того есть много снимков Финляндии, Малороссии и красивых эффектов природы»*.

Первый же год работы показал, что осуществить задуманное на собственные средства

невозможно. Предлагая государству приобрести у него сделанную часть коллекции, ученый писал, что необходима сумма денег, «которая даст мне возможность посвятить все мое время на исполнение этой работы».

С. М. Прокудин-Горский

Чтобы иметь деньги на продолжение съемок и совершенствование своего нового изобретения цветного кинематографа, Прокудин-Горский нашел компаньонов и организовал «товарищество на вере под фирмою «Торговый дом С. М. Прокудин-Горский и К°»** в январе 1913 г., а затем несколько позже передал всю его собственность вновь учрежденному акционерному обществу «Биохром», учрежденному «для эксплуатации изобретений С. М. Прокудина-Горского, С. О. Максимовича и других изобретателей в области цветной фотографии и цветной кинематографии, а также красочного и всякого другого печатания»***.

Продолжая исследования, ученый добился новых успехов: запатентовал способ изготовления дешевых цветных пленочных диапозитивов; получил патент на способ проектирования цветных кинематографических снимков. Вместе с Максимовичем взял патенты по цветной синематографии в Германии, Англии, Франции, Италии****.

Начавшаяся I Мировая война заставила его отказаться от съемок коллекции и работать для военных надобностей: заняться цензурой прибывающих из-за границы кинематографических лент, анализом фотопрепаратов, обучением съемкам с аэропланов и т. д. К пополнению коллекции вернуться не пришлось.

Подводя итоги проделанного в России Прокудин-Горский писал: «За шесть лет работы мною было выполнено несколько тысяч снимков. Коллекция эта представляет большой интерес и по своему разнообразию и по значению в настоящее время особенно, когда множество ценнейших памятников погибло. Кроме того, все снимки без исключения исполнены для воспроизведения в истинных цветах, что дает им ценность подлинных документов, и делает их, таким образом, гораздо более важными, чем обыкновенные фотографии»*.

Последний раз снимки из коллекции достопримечательностей России демонстрировались на родине 12 и 19 марта 1919 г. в Николаевском зале Зимнего дворца на вечерах под названием «Чудеса фотографии»**.

С. М. и А. А. Прокудины-Горские.

1890-е гг.

Вскоре после Октябрьской революции Прокудин-Горский стал профессором специально созданного по указанию А. В. Луначарского фото-киноинститута. Но уже летом 1918 г. он покинул Россию. Наиболее интересную часть коллекции удалось вывезти.

В эмиграции Прокудин-Горский писал: «Единственный способ показать и доказать русской молодежи, уже забывающей или вообще не видевшей своей Родины, всю мощь, все значение, все величие России и этим пробудить столь нужное национальное сознание, — это показать ее красоты и богатства на экране такими, какими они действительно и являлись в натуре, т. е. в истинных цветах»***.

В Париже проекции фотохудожника имели огромный успех и собирали много публики не только русской, но и французской.

В Париже было открыто фотоателье, в котором Сергей Михайлович работал со своими сыновьями Дмитрием и Михаилом, унаследовавшими профессию отца, и старшей дочерью Екатериной в замужестве Свечиной. Сначала оно называлось по имени младшей дочери Елены,

родившейся уже в эмиграции, «Елка», позже, когда сам Прокудин-Горский отошел от дел, получило название «Братья Горские». В семье сохранился экземпляр превосходного цветного альбома национальных павильонов Всемирной парижской выставки 1937 г., снятого братьями Прокудиными-Горскими по методу отца и выпущенного небольшим тиражом. Недавно альбом воспроизвела факсимильно одна из парижских издательских фирм. В 30-е годы в Париже возникла мысль создать фотографическую коллекцию исторических и художественных памятников Франции и ее колоний. Идея эта не была реализована: не нашлось средств, помешала война. Однако Михаил Прокудин-Горский сумел составить коллекцию этнографических типов французских женщин в национальных костюмах, один из экземпляров которой хранится у его сына в Париже.

С. М. Прокудин-Горский с семьей. Париж. 1920-е гг.

Скончался С. М. Прокудин-Горский в Париже 27 сентября 1944 г., похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

В годы оккупации Парижа гитлеровцами, в трудные послевоенные годы должным образом соблюдать условия хранения коллекции было невозможно. Сыновья мастера обнаружили трещины на эмульсии, плесень на стеклах. Как раз в это время поступило предложение Рокфеллеровского фонда приобрести коллекцию. Интерес в США к русской культуре за годы Второй Мировой войны чрезвычайно вырос. Американские издатели решили перевести за английский язык и издать в США «Историю русского искусства» И. Э. Грабаря. Переводчицей стала княгиня Мария Путятина — дочь известного царского сановника М. С. Путятина, в свое время представившего Прокудина-Горского ко Двору. Когда встал вопрос об иллюстрировании «Истории русского искусства», она вспомнила о коллекции цветных снимков Прокудина-Горского, которую видела еще в России. Стремясь спасти выдающийся памятник русской культуры, наследники Прокудина-Горского уступили его Рокфеллеровскому фонду.

Сегодня 1600 негативов коллекции достопримечательностей России хранятся в Библиотеке Конгресса США и считаются одной из ценнейших коллекций Русского собрания. В 1980 г.

издательство «The Dial Press» (США, Нью-Йорк) выпустило альбом «Фотографии для царя»*, составленный из материалов Библиотеки Конгресса профессором Робертом Алхаузом, ему же принадлежит вступительная статья и комментарии.

Материалы хранятся в ЦГИА в Петербурге: в фонде 1276 Совета Министров, опись 6, ед. хр. 597 «Дело Канцелярии Совета Министров «О приобретении в казну составляемой профессором Прокудиным-Горским коллекции фотографических снимков достопримечательностей России» и в фонде 25 Министерства торговли и промышленности, опись 5, ед. хр. 381 «Проект заключения к работам Междуведомственной комиссии по вопросу о приобретении в казну фотографических коллекций С. М. Прокудина-Горского». Архивные документы были частично введены в научный оборот**.

Автор публикации приносит искреннюю благодарность дочери С. М. Прокудина-Горского, Елене Сергеевне Сусалиной, его внукам: Сергею Прокудину-Горскому, Дмитрию и Ивану Свечиным, Михаилу Сусалину, внучке Анне Беро и правнуку Кириллу Беро за предоставленные документы и фотографии и помощь в сборе материала.

1

МИНИСТР ФИНАНСОВ

Его Превосходительству П. А. Столыпину

6 июля 1910 года

№ 5588

Милостивый Государь

Петр Аркадьевич.

Почетный член Императорского русского технического общества, профессор фотохимии в Технологическом институте Императора Николая I Прокудин-Горский, обратился ко мне с предложением приобрести в казну составляемую им коллекцию фотографических снимков в натуральных цветах достопримечательностей России в церковном, историческом, этнографическом, промышленном и художественном отношениях.

По предположению Прокудина-Горского, означенная коллекция будет состоять из 10 000 снимков, из которых в течение 1909 г. уже изготовлено 600 снимков, а остальные будут воспроизведены в течение следующих 9 лет.

Согласно приводимому расчету, стоимость упомянутой коллекции определяется в 100 000 р., каковые Прокудин-Горский предлагает выдавать ему частями, соответственно действительному исполнению работы: при условии же повышения означенной суммы до 125 000 р. названное лицо соглашается оставить эту сумму в виде неприкосновенного капитала в государственном казначействе, с выдачею ему и его наследникам причитающихся процентов.

Принимая во внимание, что в осуществлении предложения Прокудина-Горского являются заинтересованными ближайшим образом все ведомства, в ведении которых находятся учебные заведения, поставляю себе долгом препроводить копию записки Прокудина-Горского к Вашему Превосходительству на случай, если бы Вы признали соответственным внести настоящий вопрос на обсуждение Совета Министров.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности.

В. Коковцов

Копия

1. Составление систематической коллекции фотографических изображений в натуральных цветах (с пояснительным текстом) достопримечательностей России в церковном, историческом, этнографическом, промышленном и художественном отношениях имеет целью добывание материала по отечествоведению.

2. Пробудить любовь к родине, интерес к изучению ее красот и неисчерпаемых богатств, без чего немыслимо воспитание истинно патриотических чувств в юношестве, есть настолько важная цель, что она вполне оправдывает те средства, которые необходимо затратить на ее достижение.

3. В 1909 г. с Высочайшего соизволения была совершена первая поездка по Мариинскому водному пути и Среднему Уралу, которая дала 600 снимков северного района России в натуральных цветах. На исполнение этой работы было затрачено 6000 р.

Этот первый опыт показал, что в окончательной обработке, при условии бесплатного проезда в специально приспособленном вагоне или барже, каждое изображение обходится в 10 р.

4. В настоящем 1910 г., с Высочайшего соизволения, последовавшего 8 января сего года, предстоит воспроизвести всю Волгу, Каму, Северный и Южный Урал, что по приблизительному соображению даст не менее 1000 фотографических снимков в цветах и на что потребуется по вышеприведенной смете не менее 10 000 р.

Так как эта работа исполняется одним и тем же лицом и прибором, то на ее исполнение потребуется около шести месяцев разъездов.

5. Если таким образом воспроизвести все остальное пространство России с Сибирью и Туркестаном, то на такую работу потребуется еще восемь лет. Считая по приблизительному расчету в среднем по десяти тысяч в год, вся цифра расходов выразится в сумме 100 000 р.

В результате этой работы получится коллекция в десять тысяч снимков, уложенная в 250 ящиков, весом 200 пуд. и объемом около 50 куб. арш.

6. Такая громоздкая и ценная коллекция, ввиду важности преследуемой ею цели, не должна бы оставаться частною собственностью, которой всегда грозит опасность со сменою поколений: или быть растерянной или даже попасть в такие руки, которые могут унести ее за границу и сделать достоянием иностранцев.

7. Вышеозначенные затруднения, как в хранении, так и в гарантии правильной принадлежности такого ценного материала, могли бы быть избегнуты путем отчуждения этой частной собственности, практически выполнимым, следующими способами:

а) если ведомствами и учреждениями, коим вверено народное воспитание и образование, будет признана настоящая коллекция, как полезное просветительное средство, то она могла бы быть приобретена или Императорским русским географическим обществом или Русским музеем Императора Александра за цифру ее стоимости в 100 000 р., уплата которых может быть рассрочена в годы по мере действительного исполнения работы.

б) в случае, если упомянутые учреждения затруднились бы приобрести эту коллекцию, то отчуждение ее могло бы быть осуществлено комиссиею из представителей ведомств и учреждений, заинтересованных в делах Церкви, народного просвещения, путей сообщения, торговли и промышленности, художества и археологии.

Путем того же способа воспроизведения могут быть запечатлены картины военного и морского быта и сооружений, а посему представители этих ведомств в составе комиссии весьма желательны.

8. Такая межведомственная комиссия, принципиально установив желательность отчуждения коллекции в собственность государства, могла бы расположить ведомства и учреждения, ее образовавшие, в складчине в известной пропорции от каждого для составления капитала в сто тысяч рублей (100 000), который мог бы быть передан нынешнему владельцу или частями, ежегодно соответственно действительному исполнению работы, или мог бы быть, с увеличением капитала до ста двадцати пяти тысяч рублей (125 000), оставлен в неприкосновенном депозите государственного казначейства с ежегодной выдачею причитающихся процентов собственнику и его наследникам.

9. При всех перечисленных случаях исполнитель работы желал бы удержать за собой пожизненное исключительное право на печатное воспроизведение в натуральных цветах с пояснительным текстом исполненных им снимков, а равно и изготовление с таковых цветных диапозитивов для волшебного фонаря.

Прокудин-Горский,
почетный член Императорского Русского технического общества,
профессор фотохимии
в Технологическом институте Императора Николая I

С подлинным верно:

Начальник Отделения В. Афанасьев

2

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ

Его Высокопревосходительству В. Н. Коковцову

28 сентября 1910 г.

№ 4794

Милостивый Государь,

Владимир Николаевич

Рассмотрев, в заседании 24 сего сентября, внесенное Вашим Высокопревосходительством, при письме от 6 минувшего июля, за № 5588, предложение профессора Технологического института Императора Николая I Прокудина-Горского о приобретении в казну составляемой им коллекции фотографических снимков, в натуральных цветах, достопримечательностей России, Совет министров пришел к заключению, что коллекция эта может иметь большое значение для распространения, как среди юношества, так и вообще среди населения знакомства с наиболее замечательными местностями нашего отечества. При этом Совет принял, однако, во внимание, что Прокудин-Горский предполагает сохранить за собою исключительное право, как на печатное воспроизведение составляющих коллекцию снимков, так и на изготовление с них цветных диапозитивов для волшебного фонаря; между тем, при таких условиях, использование коллекции для вышеупомянутой цели представляется совершенно недостижимым, в виду чего Совет министров и признал необходимым, чтобы, предварительно окончательного разрешения настоящего дела, Министерство финансов вступило с Прокудиным-Горским в переговоры, с целью склонить его к уступке казне права пользоваться коллекциею путем распространения ее

всеми возможными способами и вместе с тем выяснить, на каких условиях такая передача может быть осуществлена.

Уведомляя о сем Ваше Высокопревосходительство, на предмет производства надлежащих распоряжений, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности

(П. А.) Столыпин

3

МИНИСТР ФИНАНСОВ

Его Прев(осходительст)ву П. А. Столыпину

13 декабря 1910 года

№ 10946

Милостивый Государь

Петр Аркадьевич.

Письмом от 28 сентября его года за № 4794 Ваше Превосходительство изволили сообщить мне, что Совет министров, рассмотрев предложение преподавателя фотохимии и фотографии в С-Петербургском технологическом институте Императора Николая I Прокудина-Горского о

приобретении в казну составляемой им коллекции фотографических снимков, в натуральных цветах, достопримечательностей России, признал необходимым, чтобы, предварительно окончательного решения настоящего дела, Министерство финансов вступило в переговоры с Прокудиным-Горским с целью склонить его к уступке казне права пользоваться коллекциею путем распространения ее всеми возможными способами и вместе с тем выяснить, на каких условиях такая передача может быть осуществлена.

Вследствие сего имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что, во исполнение приведенного постановления Совета министров, Министерство финансов входило в сношения с Прокудиным-Горским, причем предложило ему более точно определить, что именно предлагает он передать в собственность казны.

Как видно из прилагаемой при этом, в копии, докладной записки Прокудина-Горского, уступаемая им коллекция заключается в фотографических негативах, состоящих из неизменяющегося от времени металлического серебра, исполненных на специально изготовленных пластинах, чувствительных ко всем лучам спектра. Это есть главная основная часть работы, которая дает возможность получать печатные изображения в натуральных цветах и проектировать изображения в таких же цветах на экране.

До сего времени Прокудиным-Горским исполнено свыше 1300 негативных изображений достопримечательностей России (Мариинский водный путь. Волга от истоков до Нижнего Новгорода. Средний и Южный Урал, часть Дагестанской области и часть Финляндии). В 1911 г. предполагается закончить фотографирование р. Волги до Астрахани, Оки, Камы, Северного Урала и Туркестана.

С негативов исполняются диапозитивные изображения, состоящие также из металлического серебра: 800 таких изображений вставлены в специальные аллюминиевые рамы для получения цветной проекции на экране.

К негативам имеются фотографические альбомы-каталоги, в которых наклеены

фотографические копии с подписями под каждой, дабы можно было, при надобности, быстро выбрать необходимый негатив и по копии судить о его сюжете.

Для проектирования на экране диапозитивов, вставленных в рамы, имеется очень ценный специальный оптический прибор. С этих же диапозитивов могут быть исполняемы металлические клише, в сильно увеличенном виде, для печати типографским способом на бумаге.

Таким образом, Прокудин-Горский предлагает передать в собственность казны:

1) Коллекцию негативных изображений в количестве 1300 штук.

2) Коллекцию диапозитивных изображений, вставленных в рамы для проектирования, в количестве 800 штук.

3) Прибор для проектирования, со всеми к нему принадлежностями.

Кроме того, Прокудин-Горский обязывается дать указания, как следует использовать диапозитивы для получения металлических клише, чтобы воспроизводить изображения типографским способом.

Все дальнейшие работы по фотографированию России в натуральных цветах Прокудин-Горский предлагает передавать в собственность казны со всеми правами по эксплуатации этих работ на ниже приведенных условиях.

Засим, если будет признано желательным, Прокудин-Горский обязывается в указанном ему помещении привести все коллекции в полный порядок и организовать, за счет казны, лабораторию, которая, исполняя работы с дальнейших его снимков, будет выполнять диапозитивную часть коллекции и держать их в соответственном порядке.

Для определения стоимости передаваемых казне предметов и прав, связанных с этою передачею, Прокудин-Горский исходит из следующих соображений.

По мнению Прокудина-Горского, коллекции могут дать два главных источника дохода:

а) путем продажи альбомов и отдельных таблиц школам и публике;

б) путем организации в различных пунктах России постоянных платных публичных вечеров цветной проекции, с пояснительным объяснением картин.

Минимальное количество экземпляров каждого тома изображений для всех школ России и для публики, считая том в 100 таблиц, — может быть определено в 20 000.

При правильно оборудованных мастерских и типографии ежегодно возможно выпустить от 2 до 3 томов изображений по цене 10 р. за том. Предполагая, что издательская фирма получает 20% чистого дохода, получается при 2 томах 80 000 р., а при 3-х — 120 000 р. Засим участие самого Прокудина-Горского, за покрытием всех расходов во время поездок, выражается, по его расчету, в 1/3 чистой прибыли, т. е. в среднем около 30 000 р. в год.

На основании приведенных соображений и имея в виду, с одной стороны, полную гарантию сохранности собираемого фотографического материала, если таковой будет находиться в руках казны, а с другой — возможность получить единовременно хотя бы и меньшую сумму, необходимую на продолжение предпринятой работы, Прокудин-Горский соглашается передать в полную собственность казны всю уже исполненную, а равно имеющую быть исполненной им работу по фотографированию России в натуральных цветах со всеми правами по эксплуатации этой работы на следующих условиях:

I. Прокудину-Горскому должны быть уплачены единовременно следующие суммы:

а) за 1300 негативных изображений по 10 р. за каждое изображение

13 000 р.

б) за готовые, вставленные в рамы, диапозитивные изображения по 15 р. за раму, всего 800 рам

12 000

в) за оптический прибор для проектирования

6 000

г) за авторское право

55 000

А всего единовременно

86 000 р.

II. Все те негативные изображения, которые будут им, Прокудиным-Горским, впредь выполняться, во время поездок по России для этой работы, сколько таковых по возвращении из каждой поездки окажется, приобретаются в казну, по цене 10 р. за каждое.

Вместе с тем Прокудин-Горский ходатайствует о разрешении ему, в случае приобретения его коллекции казною, хотя бы безвозмездно принимать участие в деятельности того органа, в ведение которого поступят коллекции и их эксплоатация.

Сообщая Вашему Превосходительству о таковых результатах переговоров с Прокудиным-Горским, обязываюсь заметить, что заявленная им стоимость упомянутых коллекций и прав представляется, по моему мнению, несколько преувеличенною. Засим, в случае принятия предложения Прокудина-Горского представлялось бы необходимым:

а) поручить компетентным лицам осмотр и оценку уступаемых Прокудиным-Горским предметов; б) определить, какие именно из них подлежали бы приобретению в казну; в) установить, в распоряжение какого именно ведомства поступит приобретаемое имущество и г) определить вполне точно, на каких условиях могут быть приобретены казною в будущем исполняемые Прокудиным-Горским работы.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в глубоком моем уважении и искренней преданности.

В. Коковцов

4

Копия

Его Превосходительству господину директору департамента Государственного казначейства.

Преподавателя фотохимии и фотографии С.-Петербургского Технологического института Императора Николая I, Председателя V отдела Императорского Русского технического общества надворного советника Сергея Михайловича Прокудин-Горского

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Во исполнение постановления Совета министров, по поручению Его Высокопревосходительства господина министра финансов, Ваше Превосходительство изволили поставить мне два вопроса:

1) из чего слагаются предлагаемые мною для приобретения в казну коллекции фотографических снимков в натуральных цветах достопримечательностей России, т. е. что представляет собою объект передачи, и

2) на каких условиях может быть мною передан весь уже исполненный и имеющий быть исполненным материал со всеми правами для его эксплуатации.

I. Коллекция состоит из фотографических негативов, состоящих из неизменяющегося от времени металлического серебра, исполненных на специально изготовляемых мною пластинах, чувствительных ко всем лучам спектра. Это есть главная, основная часть работы, которая служит для получения как печатных воспроизведений в натуральных цветах, так и для проектирования в таковых же цветах на экране.

До сего времени таких негативных изображений достопримечательностей России исполнено мною свыше одной тысячи трехсот штук. Сюда входят: Мариинский водный путь, р. Волга с истоков до г. Нижнего-Новгорода, Средний и Южный Урал, часть Дагестанской области и часть Финляндии. В 1911 г. будет закончена Волга до г. Астрахани, рр. Ока и Кама, Северный Урал и Туркестан. На эту поездку уже получено милостивое соизволение Его Императорского Величества.

С негативных изображений мною исполнены диапозитивные изображения, состоящие тоже из металлического серебра, восемьсот штук из которых вставлены в специальные алюминиевые рамы для получения цветной проекции на экране. Для вставления остальной партии позитивов необходимы еще такие же рамы, но на это в данное время я не имею средств. Как негативы, так и вставленные в рамы позитивы хранятся в ящиках в полном порядке. К негативам имеются фотографические альбомы-каталоги, в которых наклеены маленькие фотографические копии с подписями под каждой, дабы можно было при надобности быстро выбрать необходимый негатив и по копии судить о сюжете.

Для проектирования на экране диапозитивов, вставленных в рамы, имеется специальный оптический прибор, очень ценный, который желательно иметь установленным на постоянном месте.

С этих же диапозитивов могут быть исполняемы металлические клише, в сильно увеличенном виде, для печати в типографских машинах на бумаге согласно прилагаемым образцам: формат цветного изображения может быть еще значительно увеличен, но это вызовет увеличение стоимости издания.

Резюмируя вышеизложенное, передаче подлежат:

1) Коллекция негативных изображений в количестве 1300 штук.

2) Коллекция диапозитивных изображений в количестве восьмисот штук, вставленных в рамы для проектирования.

3) Прибор для прюектирования со всеми к нему принадлежностями.

4) Указания мои, как следует использовать диапозитивы для получения металлических клише для печати в типографских машинах.

Всю дальнейшую работу, исполняемую с Высочайшего соизволения по фотографированию

России в натуральных цветах, я обязуюсь передавать в собственность казны со всеми правами по ее эксплуатации на нижеприведенных условиях.

Засим, если будет найдено желательным, я обязуюсь в указанном мне помещении привести все коллекции в полный порядок и организовать за счет казны лабораторию, которая, исполняя работы с дальнейших моих снимков, будет пополнять диапозитивную часть коллекции и держать их в соотвественном порядке.

II. На второй вопрос я могу ответить, беря за исходную точку тот путь, которым данная работа могла бы быть использована в частных руках, и временно мною отклоненные предложения различных крупных издательских фирм.

Коллекции могут дать два главных источника дохода:

а) путем продажи альбомов и отдельных таблиц как для школ, так и для публики, вида и качества прилагаемого при сем образца,

б) путем организации постоянных платных публичных вечеров цветной проекции, с воспитательным объяснением картин, в различных пунктах России.

Минимальное количество экземпляров для всех школ России и для публики каждого тома, считая том в 100 таблиц, — 20 000 экз. При правильно оборудованных мастерских и типографии ежегодно возможно выпустить от двух до трех томов по цене десять рублей за том. Предполагая, что издательская фирма получает 20% чистого дохода, получается при двух томах — 80 000, а при трех — 120 000 р.

Мое участие, за покрытием фирмою всех расходов во время поездок, выражается в 1/3 чистой прибыли, т. е. в среднем около 30 000 р. в год. Доход от посещений проекции сейчас, за неимением данных опыта, предсказать трудно, но, судя по огрюмному (интересу), с которым публика относится к моим проекциям, возможно предположить — будет значительным.

Имея в виду:

а) самую полную гарантию сохранности собираемого мною материала, если таковой будет находиться в руках казны, на что я указывал в п. 6 записки, представленной на милостивое усмотрение Его Императорского Величества Государя Императора;

б) возможность получения единовременно хотя бы и меньшей суммы денег, но которая дает мне возможность, если милостивое соизволение Его Императорского Величества на мои поездки по России продолжится, посвятить все мое время на исполнение этой работы, — я могу согласиться на передачу в полную собственность казны всей уже исполненной, а равно и имеющей быть исполненной мною работы по фотографированию России в натуральных цветах со всеми правами по эксплуатации этой работы на следующих условиях:

Возвратить мне единовременно следующие суммы:

а) за 1300 негативных изображений по 10 р. за каждое изображение

13 000 р.

б) за готовые, вставленные в рамы, диапозитивные изображения по 15 р. за раму, всего 800 рам

12 000

в) за оптический прибор для проектирования

6 000

6 000

г) за авторское право

55 000

А всего единовременно

86 000 р.

5) Все негативные изображения, которые будут мною впредь выполняться, во время совершаемых с Высочайшего соизволения поездок по России для этой работы, приобретаются в казну по цене десять рублей за каждое, сколько таковых по возвращении из каждой поездки окажется.

Так как главную цель моего настоящего труда составляет патриотическое стремление — «пробудить любовь к Родине, интерес к изучению ее красот и неисчерпаемых богатств...», на что мною было указано в п. 2 представленной на милостивое усмотрение Его Императорского Величества записки и так как весь интерес моей жизни неразрывно связан с этой работой, я позволяю себе усиленно ходатайствовать, в случае если бы состоялось решение о переходе всей работы в какое-либо ведомство, дать мне возможность, хотя бы безвозмездно, принимать активное участие в руководстве при эксплуатации материала. Это участие может быть выражено включением меня в члены того органа, который будет ведать данным делом, что, помимо близости моей к нему, быть может, окажется полезным в смысле моего многолетнего технического опыта и специальных знаний.

С.-Петербург

6 декабря 1910 года

Вашего Превосходительства преданнейший слуга

С. Прокудин-Горский

Жительство имею: Фонтанка 133. Тел.: 514—91

С подлинным верно: Начальник отделения департамента Государственного казначейства В. Афанасьев

5

МИНИСТР ФИНАНСОВ

Его Превосходительству П. А. Столыпину

14 января 1910 года

№ 440

Срочное

Милостивый Государь

Петр Аркадьевич.

Имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству копии: рескрипта Августейшего Управляющего Русским музеем Императора Александра III-го, Его Императорского Высочества

Управляющего Русским музеем Императора Александра III-го, Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича, от 11 сего января за № 11, и письма преподавателя фотохимии и фотографии в С.-Петербургском Технологическом институте Императора Николая I-го, Прокудина-Горского, по вопросу о приобретении в казну составляемой последним коллекции фотографических снимков, в натуральных цветах, достопримечательностей России, назначенному к рассмотрению в Совете министров на 20-е сего января.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности

(В. Н.) Коковцов

Список

Владимир Николаевич.

В Этнографический отдел управляемого мною Русского музея Императора Александра III обратился известный фотограф С. М. Прокудин-Горский и довел до сведения, что Министерство финансов изъявило готовность ассигновать денежные средства на исполнение цветных художественных фотографий с памятников русской старины и быта при условии, если какое-нибудь научное учреждение возьмет на себя труд по сохранении добытого г. Прокудиным-Горским материала.

Выдающиеся художественные и технические достоинства работ г. Прокудина-Горского общеизвестны, и не подлежит сомнению, что исполнение намеченной задачи явилось бы ценным материалом для научных работ по археологии, истории искусства и этнографии.

Русский музей Императора Александра III счел бы своим долгом позаботиться сохранением для науки такого материала, если бы сбор его был практически осуществлен, и с своей стороны принял бы все зависящие от него меры для рациональной постановки этого дела.

Практически это могло бы выразиться прежде всего в выработке точной и полной программы предстоящих работ, а также в детальной инструкции художнику-фотографу, как и что следовало бы осуществить для наиболее рационального применения его труда в области науки1.

Кроме того, Музей нашел бы помещение для сохранения фотографических клише и материалов в полном каталогизированном порядке.

Все это Музей мог бы осуществить лишь при условии, если

1. От Музея не будет требоваться никаких денежных на это предприятие затрат, кроме расхода на хранение материала.

2. Если все полученное будет составлять неотъемлемую собственность Музея, как музейного материала и как материала, могущего быть опубликованным на правах литературной собственности.

При соблюдении этих условий Музей с своей стороны готов всецело поддержать предпринимаемое г. Прокудиным-Горским важное культурное дело.

11 января 1911 г.

№ 11

Глубоко Вас уважающий Георгий

С подлинным верно: Начальник отделения департамента Государственного казначейства В.

Афанасьев

Копия

Милостивый Государь Владимир Николаевич,

позволяю себе беспокоить Ваше Высокопревосходительство по следующему поводу.

Когда я имел честь быть на приеме у Вашего Высокопревосходительства, Вы изволили, вскользь, высказать мысль о возможности уменьшения представленной мною расценки за исполняемую работу.

Эта расценка, до представления ее Вашему Высокопревосходительству, была мною показана нескольким лицам, совершенно не заинтересованным в моем деле, но хорошо с ним знакомым, и найдена была очень скромной и только после такой критики я позволил себе представить ее усмотрению Совета Министров.

Я покорно прошу Ваше Высокопревосходительство верить, что при составлении расценки я руководствовался необходимостью возврата истраченной мною на эту работу весьма для меня большой суммы, с одной стороны, и необходимостью, хотя бы в малой мере обеспечить мою семью — с другой, имея в виду, что все мое время посвящается исключительно этому общему русскому делу, эксплуатация которого послужит не одному только школьному делу, но и всему русскому народу.

Сегодня я узнал, что дело мое, отложенное 13 января, будет рассматриваться в Совете Министров 20 января, т. е. завтра, и если Ваше Высокопревосходительство не откажетесь

взглянуть на него с упомянутых точек зрения, то я уверен, признаете ходатайство мое весьма скромным и найдете справедливым поддержать его в предстоящем заседании Совета Министров.

Приношу Вашему Высокопревосходительству глубокую признательность за данный мне совет обратиться в Русский музей Императора Александра III, где я нашел самое доброжелательное отношение к исполняемой мною работе.

Вашего Высокопревосходительства преданнейший слуга

С. Прокудин-Горский

19 января 1911 г.

С подлинным верно: Начальник отделения департамента Государственного казначейства В. Афанасьев

6

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ

Его Высокопре(восходительству) В. Н. Коковцову

27 января 1911 г.

№ 375

Милостивый Государь,

Владимир Николаевич.

Совет Министров, рассмотрев, в заседании 20 сего января, изложенное в письмах Вашего

Совет Министров, рассмотрев, в заседании 20 сего января, изложенное в письмах Вашего Высокопревосходительства от 6 июля и 13 декабря 1910 года, за №№ 5588 и 10946, предложение преподавателя фотохимии и фотографии в С.-Петербургском технологическом институте Императора Николая I, надворного советника С. М. Прокудина-Горского продать в казну составляемые им коллекции фотографических снимков, в натуральных цветах, достопримечательностей России, нашел, что приобретение означенных коллекций, вместе с относящимися к ним приборами, и организация надлежащего использования сих коллекций в народно-просветительных целях было бы делом весьма полезным. Вследствие сего, Совет Министров постановил представить Управляющему Министерством Народного Просвещения озаботиться, по сношении с заинтересованными ведомствами и собственником коллекций, выработкою соответствующих по изъясненному вопросу предположений для направления их засим на уважение законодательных установлений.

Уведомляя о сем, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

(П. А.) Столыпин

7

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ

Его Высокопре(восходительст)ву Л. А. Кассо

27 января 1911 г.

№ 376

Милостивый Государь,

Лев Аристович.

Совет Министров, рассмотрев, в заседании 20 сего января, изложенное в письмах министра финансов от 6 июля и 13 декабря 1910 года, за №№ 5588 и 10946, предложение преподавателя фотохимии и фотографии в С.-Петербургском технологическом институте Императора Николая I, Надворного Советника С. М. Прокудина-Горского продать в казну составляемые им коллекции фотографических снимков, в натуральных цветах, достопримечательностей России, нашел, что приобретение означенных коллекций, вместе с относящимися к ним приборами, и организация надлежащего использования сих коллекций в народно-просветительных целях было бы делом весьма полезным. Вследствие сего, Совет Министров постановил предоставить Вашему Превосходительству озаботиться, по сношении с заинтересованными ведомствами и собственником коллекций, выработкою соответствующих по изъясненному вопросу предположений для направления их засим на уважение законодательных установлений.

Уведомляя о сем, с препровождением печатных по настоящему делу бумаг, прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

Верно: Экспедитор канцелярии Совета Министров Иванов

8

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К работам Междуведомственной комиссии по вопросу о приобретении в казну фотографических

коллекций С. М. Прокудин-Горского

Председатель: О. Д. Хвольсон.

Члены: Члены Ученого Комитета Министерства народного Просвещения: Н. М. Каринский, С. В. Рождественский, К. В. Фохт, И. Н. Холодняк, А. В. Чеботарев, В. М. Шимкевич.

Представители Ведомств: Министерства Императорского Двора В. П. Лобойков, Министерства Внутренних Дел Р. Н. Геппенер, Военного Министерства Д. Э. Теннер, Морского Министерства А. И. Степанов, Духовного Ведомства М. А. Куплетский, Ведомства Учреждений Императрицы Марии А. Л. Ященко, Министерства Торговли и Промышленности А. Н. Михайлов, Главного Управления Землеустройства и земледелия А. И. Ковенко и С. М. Прокудин-Горский.

Междуведомственная комиссия исходила в своих суждениях из нижеследующих данных и соображений:

I. С милостивейшего соизволения Его Императорского Величества Государя Императора составляется С. М. Прокудин-Горским коллекция фотографических картин в красках различных местностей Российской Империи. В настоящее время (конец 1911 г.) изготовлено около 2200 тройных негативов. Предполагается довести это число до 10 000, а может быть и до еще большего числа.

По всеподданнейшему докладу господина Министра Путей Сообщения Его Императорское Величество соизволил на предоставление С. М. Прокудин-Горскому для работы с помощниками пользоваться бесплатно пароходами Министерства Путей Сообщения, а равно и вагоном, специально приспособленным для его работ. Только при этих условиях С. М. Прокудин-Горский мог выполнять свои работы в 1909—1911 годах; сохранение этих условий и в будущем вполне необходимо для осуществления дальнейшего хода его работ.

II. По методу С. М. Прокудин-Горского могут быть получены цветные фотографии и картины, например, следующих объектов:

1. Отдельные местности, ландшафты, выдающиеся своей красотой или представляющие интересные характерные особенности.

2. Исторически интересные места: здания, церкви, соборы, монастыри, места, где происходили важные исторические события. Сюда же могут быть отнесены объекты, представляющие интерес в археологическом отношении.

3. Население, типы, инородцы, группы и т. д.

4. Местности, географически между собою связанные. Могут быть изготовлены серии фотографий для ознакомления с совокупностью таких местностей, напр.: Мариинская водная система, течение одной реки, местности одной губернии, части горных цепей и т. п.

5. Местности исторически между собою связанные. Могут быть изготовлены серии фотографий местностей, напр. связанных с воспоминаниями о воцарении Дома Романовых, об Отечественной войне и т. п.

6. Этнографические картины групп жителей, находящихся в движении, напр.: ярмарки, народные празднества, крестные ходы и т. п. Получение таких картин возможно только при моментальной экспозиции, для чего необходимо было спроектировать и построить особый новый фотографический аппарат, впервые испытанный С. М. Прокудин-Горским осенью сего 1911 года при поездке в Туркестан.

7. Серии картин, относящихся к военному делу, к определенным отделам различных наук,

V. Фильм-картины, относящиеся к военному делу, и определенным отделам различных наук, техники и т. п.

III. Непосредственно полученные тройные негативы со временем не портятся и могут быть сохранены неопределенно долго. Вся коллекция негативов представляет весьма большую ценность по трем причинам:

1. Как результат огромного, многолетнего труда.

2. Как уникум во всем мире по близости воспрюиэводимых снимков к самой природе, благодаря получению негативов на пластинках, обработанных по изобретенному С. М. Прокудин-Горским способу, составляющему его секрет.

3. Как исходный материал для изготовления тех предметов, о которых будет сказано ниже.

Из вышеизложенного явствует, что вся коллекция негативов должна быть тщательно сохранена в безопасном, в особенности от огня, месте: ни в каком случае она не должна находиться в частной квартире.

IV. Хранящиеся в особом Складе оригинальные негативы служат исходным материалом при изготовлении следующих предметов:

1. Копии-негативы, необходимые для того, чтобы не трогать оригинальных негативов при получении позитивов.

2. Тройные позитивы в алюминиевых рамах для проектирования на экране. Цена такого позитива с рамою ныне доходит до 15 р. (позитив 5 р., рама 10 р.), но при массовом производстве цена, вероятно, понизится до 6 р., причем в отдельности позитив будет стоить 2 р., рама 4 р.

3. Цветные диапозитивы, полученные не раскрашиванием от руки, но путем наложения друг на друга цветных пленок по способу, изобретенному С. М. Прокудин-Горским. Эти диапозитивы пригодны для всякого проекционного фонаря, хотя бы и с керосиновым освещением. В настоящее время цена диапозитива 1 р. при массовом производстве, но С. М. Прокудин-Горекий надеется понизить цену, особенно при массовом прюизводстве, до 40 коп.

4. Печатные картины в красках для составления альбомов и для вывешивания на стене. Образцы таких картин были предъявлены членам Междуведомственной комиссии.

V. Для демонстрирования тройных позитивов С. М. Прокудин-Горский пользуется большим фонарем с тремя источниками света, постройка которого стоила около 6000 р., так как он неоднократно подвергался изменениям и усовершенствованиям, и многие его части специально заказывались в Англии. В настоящее время выработан, однако, тип более простого проекционного фонаря с одним источником света. Фонари этого типа могут быть построены в любом количестве Оптическим отделом Обуховского завода, причем цена фонаря не превысит 1000 р. при единовременном заказе нескольких штук.

VI. Необходимо устройство Лаборатории, главнейшие работы которой будут заключаться в следующем:

1. Окончательная обработка оригинальных негативов, полученных на местах.

2. Изготовление копий негативов.

3. Изготовление тройных позитивов.

4. Изготовление простых диапозитивов.

5. Производство всех предварительных работ для получения клише для печатания цветных картин. Изготовление клише и печатание картин придется, вероятно, передать в частные руки, хотя идеальною представилась бы такая организация лаборатории, при которой в ней производились бы все работы, кончая печатанием рисунков. Такая организация, однако, трудно осуществима, в виду тех затрат, которые для этого потребуются. Так, напр., для печатания картин для всей России необходимо иметь 10—15 особого рода машин, стоимостью около 20 000 р. каждая.

VII. Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович изволил взять под свое покровительство дело изготовления и распространение альбомов. Существует особая Комиссия для составления описания картин; в ее состав входят выдающиеся ученые, историки, археологи и географы.

Министерство народного просвещения получило от гг. попечителей учебных округов сведения, из которых явствует, что от средних учебных заведений Ведомства народного просвещения имеется спрос примерно на 2000 альбомов по 100 картин каждый.

VIII. Можно считать вполне установленным, что цветные фотографии С. М. Прокудин-Горского обладают выдающимися качествами: они могут быть названы в высокой степени художественными произведениями. На это указывает всемилостивейшее внимание, которого они удостоились со стороны Их Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы, а также Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. То же самое подтверждается отзывами многих компетентных лиц, присутствовавших на демонстрированиях, которые устраивались С. М. Прюкудин-Горским, хотя на этих демонстрированиях еще не могли быть показаны те новые этнографические картины групп народонаселения, находящихся в движении,

которые были получены осенью 1911 года в Туркестане.

IX. Точно так же следует считать вполне установленным то огромное значение, которое должны иметь эти фотографии для народно-просветительных целей. Достаточно вспомнить, что 20 января 1911 года Совет Министров нашел, что «организация надлежащего использования сих коллекций в народно-просветительных целях было бы делом весьма желательным». Таковой же взгляд высказали г. Председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения, тайный советник, член Императорской Академии Наук, Н. Я. Сонин, а также Отдел географии Учебно-воспитательного комитета Педагогического музея военно-учебных заведений.

Картины С. М. Прокудин-Горского дают такое ясное и живое представление местностей, сооружений (Мариинский водный путь), народностей и т. д., которого не могут дать никакие описания; поэтому они могут принести величайшую пользу при преподавании географии и истории России, а также Закона Божия.

Когда картинам С. М. Прокудин-Горского будет устроен широкий доступ в наши учебные заведения, как средние, так и низшие, то у нас окажется образцовое, истинное родиноведение, и в этом важном и необходимом деле Россия займет завидное, передовое положение между культурными странами, особенно ценное ввиду необъятной шири и крайней неоднородности различных частей Российской Империи.

X. Председатель Совета министрюв (покойный П. А. Столыпин) сообщил г. министру финансов письмом от 13-го декабря 1910 г., что Совет министров признал необходимым, чтобы, предварительно окончательного разрешения дела, Министерство Финансов вступило в переговоры с г. Прокудин-Горским с целью «склонить его к уступке казне права пользования коллекциею путем распространения ее всеми возможными способами».

Совет министров нашел (20 января 1911 г.), что «приобретение казною коллекций фотографических снимков вместе с относящимися к ним приборами было бы делом весьма

полезным».

Все вышеизложенное приводит к ряду вопросов, из которых должны быть совершенно выделены следующие два:

A. Вопрос о применении, на местах, больших проекционных фонарей и тройных к ним позитивов. Так как цена фонаря определяется в 1000 руб., цена отдельного позитива и в будущем не опустится ниже 2 р., а отдельной алюминиевой рамы не ниже 4 р., то ясно, что приобретение фонаря и значительной коллекции позитивов окажется доступным лишь для весьма немногих средних учебных заведений, тем более, что для проекционного фонаря требуется сильный источник света. Такой фонарь со всеми к нему принадлежностями может быть приобретен в больших городах несколькими учебными заведениями на общие средства, более богатыми обществами, преследующими просветительные цели, городами, войсковыми частями и т. д.; возможно также, что за это дело возьмутся некоторые земства. Междуведомственная комиссия не могла остановится на каких-либо более точных указаниях по сему вопросу. Когда все дело станет на прочных основах и сделается общеизвестным, то число мест, где будут происходить демонстрирования картин при помощи большого фонаря, несомненно будет быстро расти. Способствовать расширению дела могла бы возможность обмена коллекций между различными местами, а также получения серий картин для временного пользования из того центрального учреждения, которое будет ведать рассылкою и продажей фонарей и тройных позитивов.

Это дело должно быть предоставлено частной инициативе. Правительство могло бы способствовать ему лишь путем широкого оповещения заинтересованных кругов.

Междуведомственная комиссия не сочла возможным или даже необходимым высказаться относительно деталей этого вопроса.

B. По вопросу об альбомах и стенных картинах Междуведомственная комиссия ограничилась пожеланием, чтобы это дело, столь сочувственно принятое Министерством народного просвещения, не заглохло, и чтобы другие ведомства, в свое время, приступили к выяснению числа альбомов и стенных таблиц, потребных для находящихся в их ведении учебных заведений, и всячески способствовали их распространению. Нет сомнения, что альбомы и стенные картины найдут сбыт и в частной продаже.

Выделив эти два вопроса и основываясь на вышеприведенных данных, Междуведомственная комиссия пришла к заключению, что ей надлежит всесторонне обсудить следующие четыре вопроса:

1. Где и как устроить склад негативов.

2. Где и как устроить лабораторию, на обязанности которой будут лежать работы, перечисленные в пункте VI.

3. Где и как устроить центральное бюро, деятельность которого, между прочим, будет заключаться в следующем:

a) Заказ и хранение тройных позитивов, алюминиевых рамок, диапозитивов, альбомов и стенных картин.

b) Заказ проекционных фонарей.

c) Составление и рассылка каталогов, условий приобретения, или получения для временного пользования, предметов, указанных в пунктах a и b, а также вся переписка с заказчиками.

d) Рассылка заказанных предметов.

4. Каковы должны быть условия передачи казне всего дела, составляющего ныне собственность

4. Каковы должны быть условия передачи и какие всего дела, составляющие ныне собственность С. М. Прокудин-Горского.

По всестороннему обсуждению этих вопросов, Междуведомственная комиссия пришла к следующим заключениям:

I. Склад негативов может быть устроен отдельно от центрального бюро и от лаборатории. При выборе для него места следует руководствоваться исключительно только соображениями о безопасности весьма ценной коллекции, особенно в пожарном отношении. Вместе с негативами должен храниться и фонарь, которым пользовался С. М. Прокудин-Горский при своих демонстрированиях. Несомненно, что склад может быть устроен только при одном из правительственных учреждений. Междуведомственная комиссия не сочла своею задачею остановиться на каком-либо определенном решении вопроса о месте склада, полагая, что правительству не трудно будет указать такое место в одном из своих учреждений.

Для склада потребуется:

1. Помещение, общая площадь Которого должна равняться примерно 20 кв. саж.; в нем должно свободно помещаться до десяти шкапов (шириною около 3-х аршин каждый) и некоторое число широких крепких столов.

2. На оборудование этого помещения мебелью потребуется, по соображениям С. М. Прокудин-Горского, расход в 1000 р.

3. На содержание потребуется ежегодно расход в размере 410 р., а именно:

На вознаграждение сторожу

300 р. (кроме квартиры).

На освещение

50 р.

На отопление

60 р.

Эти требования относятся ко времени, когда число негативов возрастет до предположенного числа десяти тысяч. До этого времени расход на оборудование определится по расчету на действительную потребность. В первом году предвидится расход на оборудование мебелью в сумме 600 р.

Ввиду большой опасности, в которой несомненно ныне находится плод трехлетней работы, безусловно необходимо, чтобы готовые негативы по возможности немедленно были перенесены в безопасное место.

II. Крайне желательно, можно даже сказать — необходимо, чтобы центральное бюро и лаборатория были учреждены вместе, или по крайней мере в одном и том же здании. Устройство их в различных местах, несомненно, вызвало бы большие затруднения, ввиду необходимости непрерывных сношений между ними, передачи ценных предметов и т. д.

III. На устройство и поддержание центрального бюро потребуется:

1. Помещение, общая площадь которого была бы не меньше 40 кв. саж.

2. На оборудование этого помещения мебелью (1500 р.), и устройство освещения (500 р.), необходим расход в 2000 руб.

ежегодный расход в 2000 руб.

3. На содержание этого помещения потребуется ежегодный расход в размере 6680 р., а именно:

На помещение

1500 р.

На освещение

100 р.

На отопление

120 р.

На ремонт и непредвиденные расходы

60 р.

Телефон

50 р.

Вознаграждение заведующему

1800 р.

Вознаграждение помощнику

1200 р.

Вознаграждение 2-м конторщикам

1200 р.

Содержание двум сторожам

600 р.

Канцелярские расходы

50 р.

IV. На устройство и поддержание лаборатории потребуется:

Помещение, общая площадь которого была бы не меньше 100 кв. саж.

На оборудование лаборатории необходим расход в 14 600 р. по нижеследую

щей смете:

проекционный прибор с принадлежностями

3000 р.

юстировочных стола

600

600 р.

100 рам с вращающимися окнами

1000 р.

Лабораторные приборы и посуда

2000 р.

Оборудование освещением

2000 р.

Оборудование мебелью

1500 р.

Оборотный капитал

100 р.

3. На содержание лаборатории необходим ежегодный расход в 14 390 р., а именно:

На помещение

3000 р.

На освещение

500 р.

На отопление

200 р.

На ремонт помещ. и непредв. расходы

100 р.

На ремонт лабораторной посуды

200 р.

Телефон

50 р.

Вознаграждение заведующ. лабораторией

2000 р.

” фотографу

1800 р.

” 2-м помощникам

1200 р.

” завед. отделен. краски

900 р.

” 2-м помощникам

600 р.

” 4 служащ. для опт. диапозитивов

1440 р.

” 2-м юстировщикам

1800 р.

” 2-м сторожам

600 р.

V. склад, центральное бюро и лабораторию потребуется, таким образом,

1. На оборудование расход в 17 600 р.

2. Ежегодный расход в 21 480 р.

VI. Междуведомственная комиссия пришла к заключению, что, независимо от решения вопроса о том, где будут устроены центральное бюро и лаборатория и в чьем непосредственном ведении они будут находиться, необходимо учреждение постоянного Наблюдательного комитета, в состав которого вошли бы представители всех заинтересованных ведомств, а также С. М. Прокудин-Горский, как непременный член. К задачам этого Комитета будут относиться: наблюдение над общим ходом дела, проектирование мер для дальнейшего его развития, общие указания относительно желательного направления дальнейших работ С. М. Прокудин-Горского, а также контроль над всем делом. Для выработки детальных программ предполагаемых ежегодно работ С. М. Прюкудин-Горского Наблюдательный комитет приглашает соответствующих специалистов.

Председатель Наблюдательного комитета назначается министром народного просвещения.

VII. Междуведомственная комиссия считает необходимым подчеркнуть, что непременным условием возможности продолжения работы С. М. Прокудин-Горского на местах является сохранение за ним тех льгот, которыми он ныне пользуется при поездках (см. пункт 1, стр. 1).

VIII. По основному вопросу о том, где устроить и кому поручить центральное бюро и лабораторию, были обсуждены Междуведомственной комиссией два общих плана.

План А. Центральное бюро и лаборатория устраиваются при одном из существующих правительственных, общественных или частных учреждений. Вероятно, правительство могло бы указать на такое учреждение и поручить ему устройство центрального бюро и лаборатории, но Междуведомственной комиссии не удалось найти такого решения вопроса, осуществление которого представлялось бы сколько-нибудь возможным или вероятным. Членами Комиссии было указано, напр., на Педагогический музей военно-учебных заведений, на Императорскую Академию наук, на Академию художеств, на Экспедицию заготовления Государственных бумаг, на Народный Дом Императора Николая II, на Музей Императора Александра III и на Музей прикладных знаний в Москве. Однако во всех случаях оказалось, что названное учреждение не

имеет свободного места и настолько обременено выполнением своих прямых обязанностей, что не может взять на себя ведение нового, обширного и ответственного дела. Подробности по сему вопросу изложены в журналах заседаний Междуведомственной комиссии.

План В. В Междуведомственной комиссии возник и подвергся обсуждению другой план, предложенный представителем Ведомства Учреждений Императрицы Марии А. Л. Ященко и подробно развитый им в записке (см. приложение). Сущность этого плана сводится к тому, чтобы во главе всего дела поставить С. М. Прокудин-Горского и ему поручить как устройство центрального бюро и лаборатории, так и дальнейшее ведение дела во всем его объеме. По заявлению С. М. Прокудин-Горского этот план представляется вполне осуществимым при условии значительного расширения того помещения, которое ныне занято его лабораторией и мастерской.

Междуведомственная комиссия считает вполне целесообразным тот способ передачи секрета изобретения С. М. Прокудин-Горского государству, который подробно изложил в записке А. Л. Ященко.

Обсудив план В, Междуведомственная комиссия признала, что в нем заключается наиболее простое, целесообразное и справедливое решение вопроса. Как русский изобретатель, С. М. Прокудин-Горский заслуживает самой широкой поддержки. Его неутомимой энергии, настойчивости и изобретательности мы обязаны великим делом возникновения у нас истинного родиноведения, бесценной возможностью ясного ознакомления учащейся молодежи с нашим обширным отечеством.

Русское государство не откажется всячески поддержать талантливого изобретателя, работами которого оно может гордиться. Передачей в его руки центрального бюро и лаборатории будут достигнуты три цели:

1. Изобретателю будет дана широкая возможность продолжать свои исследования, усовершенствовать свои фотографии и обогащать русскую науку дальнейшими изобретениями.

2. Достигается полная уверенность в том, что предметы, изготовляемые лабораторией, по своим качествам, действительно будут соответствовать высшим требованиям, какие в каждый момент могут быть предъявлены.

3. Во главе будет находиться лицо, которое наиболее близко и всесторонне знакомо с делом и которое, при непрерывном содействии Наблюдательного комитета, сумеет придать этому делу наиболее целесообразное направление и достичь намеченных и столь желательных целей.

IX. По четвертому из вышеперечисленных вопросов, а именно: «Каковы должны быть условия передачи казне всего дела, составляющего ныне собственность С. М. Прокудин-Горского» оказалось, что С. М. Прокудин-Горским в разное время были представлены следующие условия:

1. Летом 1910 г. С. М. Прокудин-Горский обратился к министру финансов с докладною запискою, в которой предлагал передать в казну всю свою будущую коллекцию 10 000 негативов за 100 000 р., с выдачею ему этой суммы по частям, соответственно действительному исполнению работы по пополнению коллекции; при условии же повышения этой суммы до 125 000 р. он соглашался оставить эту сумму в виде неприкосновенного капитала в Государственном казначействе с выдачею ему и его наследникам причитающихся процентов.

2. В конце 1910 г. С. М. Прокудин-Горский, отвечая на вопросы, предложенные ему, по поручению министра финансов, директором департамента Государственного казначейства, представил следующую смету.

За 1300 негативов

13 000 р.

” 800 позитивов в рамках

12 000 р.

” прибор для проектирования

6 000 р.

” авторское раво

55 000 р.

Всего единовременно 86 000 р. и 10 р. за каждое из тех негативных изображений, которые будут им впредь выполняться во время совершаемых для этой работы с Высочайшего соизволения поездок по России.

Междуведомственная комиссия рассмотрела, главным образом, второе предложение, как позднейшее по времени. Она пришла к заключению, что вознаграждение, предложенное за негативы, позитивы в рамах и за прибор для проектирования, вполне соответствует ценности означенных предметов. Оценку же авторских прав суммою в 55 000 р. Комиссия считает весьма умеренною, так как С. М. Прокудин-Горский, при эксплуатации своего изобретения путем продажи права издания отдельных серий картин в частные руки, несомненно, мог бы достичь значительно больших выгод. Необходимо иметь в виду, что в настоящее время, после окончания новых серий работ, произведенных в 1911 г., вышеприведенные суммы должны быть соответственно изменены.

X. Общий обзор расходов.

По плану А: склад, центральное бюро и лаборатория устраиваются в одном из существующих, подходящих учреждений. С. М. Прокудин-Горский передает казне все указанные выше предметы, а также свои авторские права.

На оборудование склада, центрального бюро и лаборатории, по вышепреведенной смете (см. пункт V) 17 600 руб.

С. М. Прокудин-Горскому (см. пункт IX, 2)

За 2200 негативов

22 000 р.

” 800 позитивов в рамках

12 000 р.

” прибор для проектирования

6 000 р.

” авторское раво

55 000 р.

всего 95 000 р.

Весь расход на оборудование и на приобретение всего дела казною выразится в сумме 112 600 руб.

Ежегодный расход, см. пункт V, (за исключением расхода на помещение центрального бюро 1500 р. и лаборатории 3000 р.) 16 980 р. и кроме того, по 10 р. за каждый вновь изготовленный негатив, что составит сумму не свыше 10 000 р.

Весь ежегодный расход выразится, таким образом, суммою не свыше 26 980 руб.

Доход центрального бюро поступает в казну.

По плану В: склад негативов устраивается в одном из существующих подходящих учреждений. Центральное бюро и лаборатория устраиваются С. М. Прокудин-Горским, который в то же время передает казне вышеуказанные предметы и свои авторские права.

Расход на оборудование склада, центрального бюро и лаборатории, по вышеприведенной смете (см. пункт V) 17 600 руб., С. М. Прокудин-Горскому 95 000 р.

Весь указанный расход 112 600 р.

Ежегодный расход, как по плану А, но со включением 4500 р. на помещение центрального бюро и лаборатории, 31 480 руб., кроме того, вознаграждение С. М. Прокудин-Горскому за руководство делом и за труды по усовершенствованию применяемых ныне в работе способов 7500 р.

Весь ежегодный расход не свыше 38 980 р.
Доход центрального бюро поступает в казну, за вычетом 5% валового дохода, которые предоставляются в подотчетное распоряжение С. М. Прокудин-Горского, как специальное средство учреждения, на предмет удорожания рабочих рук и материалов и на увеличение оборотного капитала.

Приложение

Мнение А. Л. Ященко по вопросу о приобретении изобретения С. М. Пркудин-Горского в собственность государства

Ознакомившись с изобретением С. М. Прокудин-Горского особого способа цветного фотографирования с полным его применением, как для целей изготовления снимков, так и для целей демонстрирования таковых при помощи им же конструированных проекционных фонарей и аппаратов, а равно и для целей печатания, я всецело присоединяюсь к мнению целого ряда лиц и комиссий о большой ценности этого изобретения для народно-просветительных целей в самом обширном смысле этого слова и вполне уяснил себе, что и в настоящем состоянии изобретение это является выдающимся.

Тем не менее нахожу, что в этом деле совершенствование далее не только возможно, но должно и будет, причем полагаю, что дальнейшее усовершенствование более всего возможно и доступно самому автору изобретения, непрерывно работающему в этом направлении, как выяснилось из беседы в комиссии. Как на пример такого усовершенствования можно было бы указать на постепенное доведение цветных фильтров до полного приближения к цветам природы и спектра и на кинематографическое приспособление и др. И то и другое в результате даст возможность фиксировать навечно природу и объекты в их спокойном и подвижном состоянии. Практические выгоды таких улучшений не подлежат сомнению и учесть их ценность в будущем трудно, но она не малая.

Согласно вышеизложенному, я полагал бы центр тяжести совещания о том, как наиболее

выгодно использовать изобретение С. М. Прокудин-Горского, перенести на мысль поставить самого автора изобретения в условия, при которых он мог бы быть сам руководителем всех тех практических использований его изобретения для народно-просветительных целей, о коих шла речь в совещании, с другой стороны, чтобы он имел возможность далее совершенствовать свое изобретение, сохраняя его как государственную собственность.

Если автор согласен считать себя в силе совместить это руководительство практическими использованиями с дальнейшими своими физико-лабораторными работами, то я предлагаю нижеследующий проект, оставляя совершенно открытой его деталировку.

1) Просимые автором 90 с лишним тысяч руб., из коих 55 за авторское право, следует ему выдать, принимая во внимание практическое значение его изобретения и скромность вознаграждения за авторство.

2) Автору следует назначить ежегодное пособие на его дальнейшие работы как в деле совершенствования изобретения, так и в деле руководительства над приготовлением проекционных аппаратов его системы и разного рода диапозитивов и клише в настоящей стадии его изобретения и в последующие. Равно следует назначить ежегодную сумму на содержание его помощников и лаборатории. Для всего этого надлежит получить от автора смету.

3) Автору следует предоставить какую-либо кладовую в одном из правительственных учреждений для безопасного от огня и другой порчи хранения всех препаратов изобретения, имеющих значение или уникумов, или историческое.

4) Авторское право считать проданным государству на условиях, что секрет автора должен быть сообщен на случай смерти автора некоторым его сотрудникам, в том числе и лицам, указанным

правительством. За подписью автора секрет этот, кроме того, следует хранить в запечатанном конверте в одном из государственных учреждений (Государственном банке), куда автору надлежит помещать дополнительные конверты с дальнейшими данными по усовершенствованию того же изобретения, каковые одновременно сообщаются и вышеуказанным лицам. Таким образом за свое ежегодное пособие и выдаваемые суммы на лабораторию автор делает государство собственником и дальнейших усовершенствований своего изобретения.

5) Автор обязуется на получаемые вышеуказанные средства организовать изготовление и выпуск проекционных аппаратов, разного типа диапозитивов (тройных, ординарных и для руководства к изготовлению клише для печати) и руководить таким выпуском аппаратов и диапозитивов и впредь, причем продажная цена проекционных аппаратов типа 1911 года не должна превышать 1000 рублей, тройных позитивов к ним не дороже (в массе) 6 рублей, а ординарных цветных диапозитивов не дороже 1 руб. При этом автор принимает на себя моральное обязательство, предложенное им в комиссии, стремиться и к дальнейшему удешевлению цен, дабы изобретение его могло с пользой проникнуть в наиболее захолустные уголки России и к наиболее недостаточному классу населения.

6) В случае смерти автора от правительства зависит, передать ли наблюдение за всем делом преемнику С. М. Прокудин-Горского по труду, знанию и опытности, или иному лицу или учреждению, кому найдено будет нужным и сообщение секрета.

А. Л. Ященко

9

ДИРЕКТОР КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ФИНАНСОВ

Его Превосходительству Н. В. Плеве

Милостивый Государь Николай Вячеславович.

В субботу, 3 сего марта, в 9 час. вечера, в зале экспедиции заготовления государственных бумаг состоится, в присутствии г. министра финансов, доклад С. М. Прокудина-Горского о цветной фотографии, который будет сопровождаться проекцией на экране в натуральных цветах некоторых его работ.

По поручению г. министра финансов имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству 24 билета за №№ 68—91 для входа на означенный доклад. Билеты эти предназначаются для Вашего Превосходительства, членов Вашего семейства, а равно для раздачи чинам подведомственного Вам учреждения по Вашему выбору.

К сему считаю долгом добавить, что на билетах должны быть означены имена лиц, которым билеты будут выданы. Форма одежды — сюртук.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

СПИСОК РАБОТ С. М. ПРОКУДИНА-ГОРСКОГО, ПОКАЗАННЫХ ВО ВРЕМЯ ДОКЛАДА В МИНИСТЕРСТВЕ ФИНАНСОВ РОССИИ.

3 марта 1912 г.

ОТДЕЛЕНИЕ I

По Туркестану

1. Мост через Аму-Дарью у Чарджуя.

2. Барханные пески близ Чарджуя.

3. Карагач.

4. Рисовое поле.

5. Вид канала в степи с текинскими кибитками.

6. Верблюды с хлопком.

7. Волынский мост на канале Императора Николая I.

8. Юрта киргиз в степи.

9. Караван в степи.

10. Общий вид г. Самарканда.

11. На Регистане у мечети Улук-Бек.

12. Мечеть Тилля-Кари в Самарканде.

13. Группа студентов. Сарты.

14. Восточный минарет мечети Биби-Ханым.

15. Водонос на улице Самарканда.

16. Продавцы лепешек.

17. Мечеть Шах-Зинде с востока.

18. Вход в мечеть Шах-Зинде.

19. Часть мозаики в Проходе Мертвых.

20. Мозаика над гробницей дяди Тамерлана.

21. Сартская школа.

22. Дом сарта.

23. Типы сартов.

24. Сартянка на улице.

25. В старой Бухаре.

26. Главный министр Бухары (Куш-Беги).

27. Его Высочество Эмир Бухарский.

По Уралу

1. Вид на Пермский пушечный завод.

2. Внутри мастерской для обточки орудий на Пермском заводе.

3. Железнодорожный мост через реку Каму у Перми.

4. Каменский чугунно-плавильный завод.

5. Река Исеть у Каменского завода.

6. По Исети.

7. Паровая Сосненская мельница.

8. Уборка пшеницы на Урале.

9. Вид на Тагильский завод с Лисьей горы.

10. Златоуст. Вдали гора Таганай.

11. Миньяр. Река Сим.

12. Миньярский завод с Красной горы.

13. Местечко «Соколята», у Симского завода.

14. Выходные пласты у Катав-Ивановского завода.

15. Вид на гору Таганай с Александровской сопки.

ИЗ РУССКОЙ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ

ОТДЕЛЕНИЕ II

По Волге

1. Исток Волги у деревни Волговерховье.

2. Общий вид на озеро Стерж.

3. Рыбацкие поселения на озере Селигер.

4. Сушка сетей на озере Селигер.

5. Монастырь Пр. Нила Столбенского с «Светлицы».

6. Верхневолжский бейшлот.

7. Бейшлот с дороги.

8. Ржев. Князь-Дмитриевская сторона.

9. Волга у Зубцова.

10. Старица. Успенский Старицкий монастырь.

11. Кашин. Богоявленская церковь.

12. Дворец Царевича Димитрия (ныне музей). Углич.

13. Хлебный караван.

14. Рыбинский рейд.

15. Ярославль. Набережная.

16. Ярославль. Церковь Иоанна Предтечи на Толчке.

17. Кострома. Набережная.

18. Вид на Ипатьевский монастырь от р. Костромы.

19. У ограды Ипатьевского монастыря.

20. У ограды Ипатьевского монастыря (перед грозой).

21. Ярославль. Успенский собор.

22. Дом Романовых в Ипатьевском монастыре.

23. Вход в собор Рождества Пресвятой Богородицы в Ипатьевском монастыре.

24. Местечко «Ключи» в окрестностях Плеса.

25. Кинешма. Общий вид с колокольни Успенского собора.

26. Ростов. Вид Кремля с северо-запада.

27. Церковь Воскресения Христова в Кремле.

28. Княжьи терема.

29. Изразцовая печь в Княжьих теремах.

30. Борисоглебский монастырь.

31. Владимир. Общий вид.

32. Дмитриевский собор. Владимир.

33. Общий вид на Гуниб. Дагестан.

34. Аул Шамиля. Дагестан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 С. М. Прокудин-Горский постоянно прибегал к консультациям и помощи специалистов. Он сам писал об этом: «Во время моих поездок, нуждаясь иногда в специальных указаниях, я обращался в некоторые министерства и учреждения и должен сказать, что за очень редким исключением, всегда встречал всяческое содействие, так как основная задача моя была близка русскому сердцу. Особенно большую помощь оказывала мне Императорская Археологическая Комиссия (Проф. Н. И. Веселовский) и Археологическое общество (Проф. Покровский) в тех случаях, где дело касалось старины, особенно в поездках по северной России, изобиловавшей древними церковными памятниками, а равно и в поездках в Туркестан». (Личный архив С. М. Прокудина-Горского. Париж.)

Публикация С. П. ГАРАНИНОЙ

Письма П. С. Сухотина к К. Ф. Некрасову

Ваганова И. В. Примечания: Письма П. С. Сухотина к К. Ф. Некрасову // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 518—519. — [Т.] IX.

1 Речь идет о работе Сухотина над книгой «Древнерусские повести».

2 Имеется в виду П. П. Муратов (1881—1950).

3 Сухотин просит Некрасова прислать четыре выпуска «Памятников старинной русской литературы», (СПб., 1860—1862), изданных графом Г. А. Кушелевым-Безбородко.

4 Автор упоминает «Новеллы Итальянского Возрождения», переведенные Муратовым и вышедшие в издательстве Некрасова в двух томах в 1912—1913 гг.

5 Город в 30 километрах от Ярославля (с 1918 г. — Тутаев.)

6 У идольский Вукол Михайлович (1815—1864), известный библиограф и собиратель памятников древнерусской литературы. После его смерти собрание перешло в библиотеку Румянцевского музея.

7 Муратов с 9 мая по 18 июня 1913 г. находился на военных сборах.

8 Рябушинский Сергей Павлович (1872—?), коллекционер древнерусской живописи, почетный член Московского археологического института. Собирал древнерусскую живопись для новых старообрядческих церквей.

9 Сперанский Михаил Нестерович (1863—1938), историк литературы и славист, фольклорист и

9 Сперанский Михаил Нестерович (1863—1938), историк литературы, славист, фольклорист; с 1902 г.,

член-корреспондент Академии Наук; с 1921 г. академик.

10 Соболевский Алексей Иванович (1856—1929), филолого-лингвист, академик с 1900.

11 Имеется в виду журнал «Русская икона», который в 1914 г. издавал С. К. Маковский (1877—1962).

12 Анисимов Александр Иванович (1877—1939?), искусствовед, реставратор, знаток древнерусского искусства; в 1913 г. был хранителем новогородских икон. Сотрудник журнала «София».

13 Св. Нил Столбенский (?—1555), инок Крыпецкого монастыря.

14 Эдинг фон Борис Николаевич, специалист по древнерусской архитектуре. Его статья «Очерки древнерусской архитектуры» была опубликована во втором номере «Софии».

15 Уварова Прасковья Сергеевна (1840—1924), графиня, с 1884 г. была председателем Московского археологического общества.

16 Щекотов Николай Михайлович (1884—1945), искусствовед, сотрудник журнала «София», хороший знакомый и единомышленник Муратова.

17 Сборник стихотворений «Полынь». Вышел в издательстве Некрасова в 1914 г.

18 Речь идет о смерти отца Константина Федоровича — Федора Алексеевича Некрасова, который скончался 8(21) августа 1913 г.

19 Управляющий конторой книгоиздательства Некрасова в Москве.

20 Щерба Софья Леонидовна (1879—1924), жена К. Ф. Некрасова.

21 По-видимому, Сухотин пишет о Ю. Спасском, переводчике произведений Ж. К. Гюисманса. Издательство Некрасова выпустило 3 тома в его переводе (1915—1916).

22 Вероятно, речь идет о Евгении Ивановиче Брягине, с которым были хорошо знакомы П. П. Муратов, И. С. Остроухов, К. Ф. Некрасов, Н. М. Щекотов, или его брате Николае Ивановиче Брягине (1885—1933), из знаменитой династии мастерских реставраторов древнерусской живописи.

23 Дата установлена по письму Муратова к Некрасову от 18 октября 1913 г.

24 Московский фотограф, сотрудничавший в журнале «София».

25 Сухотин упоминает статью Н. Щекотова «Древнерусское шитье» («София», 1914, № 1).

26 Таня — дочь С. Л. Щербы от первого брака.

27 Глава торгового дома по производству фото-цинкографий и фототипий «Генегар и Ко»

28 Имеется в виду журнал «Баян»: в 1913 г. вышел только один его номер.

29 Лазарев Иван Артемьевич (1865 — после 1929), фотограф, активно сотрудничавший с издательством Некрасова. Им были выполнены все фотографии для монографий по древнерусскому искусству, вышедших в издательстве.

30 Симаков Василий Иванович (1879—1955), фольклорист; заведовал книжным складом издательства Некрасова в Москве; выпустил в издательстве несколько сборников частушек.

31 Речь идет о московском докторе С. С. Голоушеве, известном журналисте, печатавшимся под псевдонимом Сергей Глаголь.

32 Лернер Николай Осипович (1877—1934), литературовед.

33 Вероятно, заведующий московской конторой издательства.

34 Черногубов Николай Николаевич (1873—1942), хранитель Третьяковской галереи в 1903—1917 гг.; искусствовед и библиофил.

35 Автор имеет в виду книгу иеромонаха Ионы «Житие Антония Сийского».

36 Остроухов Илья Семенович (1858—1929), художник, крупный коллекционер живописи. В издательстве Некрасова в 1914 г. была издана Муратовым книга «Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова».

37 Речь идет о статье Щекотова «Иконопись как искусство. По поводу собрания икон И. С. Остроухова и С. П. Рябушинского» («Русская икона», 1914, № 3) и статье для журнала «София».

38 Ашукин Николай Сергеевич (1890—1972). писатель, литературовед, библиограф; в 1915—1916 гг. был секретарем издательства Некрасова и жил в Ярославле.

39 Юкин Павел Иванович, реставратор древнерусской живописи, работал с Анисимовым.

40 В это время А. А. Блок начал работать над книгой «Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок». Книга вышла в издательстве Некрасова в начале 1916 г.

41 Жена Сухотина.

42 Имеется в виду издание документов Некрасовского архива в Карабихе, за подготовку которого К. Ф. Некрасов, несмотря на многочисленные предложения от литературоведов и историков, решил взяться сам. Подробно об этом см.: Карабиха. Историко-литературный сборник. Ярославль, 1991. С. 153—178.

43 В шестом номере «Софии» была напечатана статья Н. А. Бердяева «Леон Блуа». Конец письма утрачен.

44 Речь идет о закупках Некрасова во время путешествия по Салоникам.

45 Сухотин пишет о А. А. Балакине.

46 Книга не была издана.

47 И. А. Лазарев.

48 Жена Щекотова, который в это время был на фронте.

49 Имеются в виду Муратов и Щекотов.

50 Грифцов Борис Александрович (1885—1950), критик, литературовед, искусствовед; был активным сотрудником «Софии».

51 Диесперов Александр Федорович (1883 — не ранее 1931), поэт, критик, историк; сотрудничал с издательством Некрасова и в «Софии».

52 Дружинина (урожденная Познер) Фанни Владимировна, жена Николая Петровича Дружинина, редактора газеты «Голос», издаваемой Некрасовым.

53 Автор упоминает Ашукина.

34 Скворцов Александр Митрофанович, автор книги «Д. Г. Левицкий», вышедшей в издательстве Некрасова.

55 Монографии о В. И. Сурикове и М. В. Нестерове в издательстве Некрасова не выходили.

56 Возможно, Тепин Василий Павлович (1884—?)

57 Урениус Екатерина Сергеевна, жена Муратова, переводчица; сотрудничала с издательством Некрасова.

58 Малыгин Алексей Иванович (1890—1942), художник.

59 Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934), книгоиздатель.

60 Речь идет о конфликте В. Е. Чешихина (Ветринского) с издательством Некрасова, поводом для которого послужило издание сочинений Аполлона Григорьева. Подробно об этом см.: Письма Александра Блока К. Ф. Некрасову. День поэзии 1972. М., 1972. С. 274—280.

61 Имеется в виду попытка В. Е. Евгеньева-Максимова получить Карабихский архив поэта.

62 Стражев Виктор Иванович (1879—1950), поэт, прозаик, критик.

63 Саводник Владимир Федорович (1874—1940), историк русской литературы, критик. Был редактором полного собрания сочинений А. А. Григорьева в 14-ти выпусках: (М., 1915—1916).

64 Издание осуществлено не было.

65 В начале марта 1915 г. у Урениус и Муратова родился сын Гавриил.

66 Альфонс де Ламартин (1790—1869), французский поэт, историк, политический деятель. Издание осуществлено не было.

Публикация И. В. ВАГАНОВОЙ

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 11 апреля 1915 г. Мишенское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 516—517. — [Т.] IX.

42

Мишенское, 11 апреля 1915 г.

Дорогой Константин Федорович,

получил я корректуру «Сийского», и что-то мне не приглянулся на этот раз формат книжки, если он зависит от размера имеющейся бумаги, то делать нечего, да, пожалуй, и переверстывать не стоит. Решайте сами. С приезда из Москвы я до сих пор нездоров, вероятно, застудил оспу, сдуру привитую в столице, да еще задняя болезнь не дает покоя. Сейчас работаю жития и готовлюсь к статье о них. Дух мой неважен. В деревне с последним набором ратников

воцарилась полная печаль, сердце надрывается глядеть на пустые поля. Как-то Вы живы и здоровы? Что с Ап. Григорьевым? Чем кончился суд и скоро ли появится наша книга. Я почему то перестал получать оттиски следующих за 13-ым листом. От Павла Павловича ни слова не имею, а Вы? Как идет лубок и что сталось с наймом квартиры — пивной? Пришлите мне новых номеров лубка, мужикам моим они очень нравятся.

Еще Константин Федорович, большая просьба к Вам: пошлите, пожалуйста, Клавдии Григорьевне денег, Вы говорили, что как раз в этих числах у Вас они будут. Рублей 150—200, она совсем сидит без оных, ибо частные уроки понемногу сокращаются. Буду крайне обязан за последнюю цифру. Таким образом, я до июня кое-как буду устроен.

В следующую почту высылаю рукопись Сийского, и передайте Николаю, что и ему тогда напишу. Крепко жму Вашу руку. Поклон Ярославлю.

Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 12 марта 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 516. — [Т.] IX.

41

12 марта 1915 г.

Дорогой Константин Федорович,

позавчера отправил статью об Аполлоне Григорьеве. Какова она — судить не мне. Я ее сократил

до минимума, ибо, во-первых, писать исследование о нем не было в моей задаче, да и не по силам было бы сделать это в такое короткое время, а во-вторых, и не. умею писать многоглагольно. Ежели посланная статья Вам почему-либо не понравится, то я ни капли не обижусь, если Вы ее похерите, в последнем случае можно обратиться к тому же Блоку, и он не откажется проредактировать и «Воспоминания». Так же, может быть, Вы не согласны с характером моих примечаний. Я в них умышленно избежал учености, т. е. того, что сделал, например, Саводник63. Скука это непомерная для того, кто Григорьева будет читать, а для того, кто его хочет изучать — такие примечания известны еще от Страхова.

Между прочим, я Блоку послал «Попугая» и получил от него ответ о ней и вот он: «Спасибо Вам, дорогой Павел Сергеевич, за прекрасную книгу, которую я с удовольствием читаю». Это, конечно, касается и Вас, я-то собственно даже и не при чем. Что пишут о ней газеты?

За Антония Сийского я сел, не медля. И вот что я думаю: надобно будет и Ант(ония) Сийского и Варлаама Танежского64 издать вместе ибо по моему подсчету рукописи выходит в них обоих 5 или 6 сорокотысячных листов, причем большая часть приходится на Ант(ония) С(ийского). Не мал слишком для отдельной книги Танежский? Думается, мал. Да и некое единство будет: оба жития одного автора. Хотя может быть с издательской точки зрения это и неверно.

Касательно Григорьева: на одно издание или же в собственность — как Вам лучше, так и делайте. Что Чешихин? Между прочим, перед ответом мне как-то звонил по телефону и спрашивал меня «во скольких томах предполагается у г. Некрасова Ап. Григорьев?» Я сказал, что редактирую пока один, а об остальных мне ничего не известно, когда же спросил, из какого магазина и зачем, мне ответили: «Это приказчик говорит». Черт их разберет! Пишите, ради Бога, и не забывайте меня. Я по Вас соскучился. Побраните Ник(олая) Серг(еевича), чтобы не хандрил, а ждал бы грядущей осени в надеждах. Я чего-то жду.

Преданный Вам Павел Сухотин

Получил сейчас приглашение от Муратовых крестить сына65, надобно стало быть, ехать в Москву. Вот еще новая причина просить у Вас денег, но Вы их не высылайте, ибо я сам на страстной буду в Москве. Значит, до скорого свидания.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 10 марта 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 515—516. — [Т.] IX.

40

10 марта 1915 г.

Дорогой Константин Федорович,

посылаю статью о Григорьеве. Сейчас принимаюсь за жития. О гонораре решите сами, так, чтобы и себе и мне было сходно. Половину того, что решите, было бы хорошо, если бы Вы выслали мне, крайне нужны деньги.

Я в тоске и горе по поводу Пыпина. Пишу сейчас на-скок, подробнее отпишу Вам в Москву. Крепко жму руку.

Ваш Павле Сухотин

P. S. Велите скорее набирать статью, я с корректурой не задержу. Для скорости пусть мне сразу вышлют в верстке. Рукопись ясна и ошибок зверских не будет.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 15 февраля 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 515. — [Т.] IX.

39

15 февраля 1915 г.

Дорогой Константин Федорович,

стоит ли из-за мелкого злобствования Чешихина волноваться и даже думать об этом60. Поступок его столь же не чист, как и Евгеньевский61. Получивши Ваш ответ, Ч(ешихин) решит, что не удалось «сорвать» и замолчит, разыгравши оскорбленное самолюбие. За подобные «обиды» следовало бы просто-напросто жаловаться «мировому», что, дескать такой-то и такой-то занимается вымогательством. А в третейском суде будет одна интеллигентская болтовня, — говорю это из опыта, ибо когда-то сам призывал к нему «Рус(ские) вед(омости)» из-за Стражева62. Это была одна гнусность. А какая все-таки сволочь — литераторы! Недавно я обрил голову и, слава Богу, теперь и волосы мои не изобличают моей принадлежности к ним. Очень жду Вас в Москву, ибо во вторник пришла крайняя необходимость ехать в деревню, там все печально и пусто. Крепко жму Вашу руку и надеюсь, что Вы до вторника приедете.

Ваш Павел Сухотин

Сказку мою вышлите: Старая Басманная ул., д. 45, кв. 7.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 9 ноября 1914 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 512—513. — [Т.] IX.

36

34

Москва, 9 ноября 1914 г.

Дорогой Константин Федорович,

только нынче решил выйти на улицу, а завтра еду в Вязьму. Неделю проболел инфлюэнцой. Работы, однако, не бросил, и к 15-му доставлю Вам всю книгу. «Тутти-Намэ». Вслед за которой будет воля Ваша: слать ли мне Чегель-Тути или же Сийского и Повести, над которыми я и сейчас в промежутках занимался и имею материал на одну половину. Кроме всего, весьма увлечен сейчас статьей о Пушкине, которая должна выйти в издании Его стихов. Об идее этого издания я Вам уже говорил по телефону: должны быть даны стихи его в чистейшем виде, т. е. безо всяких примечаний и объяснений, в проверенной и точной редакции, иначе говоря сам Пушкин, а не редакторы. Книга должна быть такова, что ее можно положить в карман, нутро ее до того должно быть чисто от всего постороннего, что свою статью я думаю пристегнуть сзади с тем расчетом, что всякий может ее оторвать (так она и типографски будет сделана) и брюсить в печку. Статья называется «Лик Пушкина», темы ее таковы 1) Каков Пушкин, 2) сколь искусно он был затравлен, 3) сколь исказили его чудесный лик (вспомните воспоминания о нем Тургенева) и 4) сколь недостаточное уготовили ему признание буковеды-Пушкинисты.

Печать эту книгу предполагаю у Вас, если Вы согласитесь на рассрочку и на склад.

Говорил я со Скворцовым54 и, вследствие выраженного им желания отказаться от Сурикова и Нестерова55, стал искать человека, который мог бы о них написать и нашел. Это некий Тепин56, о котором я будто Вам уже говорил, но о котором кое-что знает Ашукин, пусть вспомнит очень хорошую статью его в «Пути» о «Церкви» Иоанна Предтечи. Он согласен взяться за эту работу и только станет ждать Вашего согласия. Он гораздо одареннее Скворцова, а потому надобно ждать от него не менее удачной монографии, чем мог написать Александр Митрофанович. Задача работы ему выяснена мною согласно тому, что мне передал Скворец, размеры также. Стало быть, ждем от Вас решения.

В Вязьме пробуду не долго и к концу будущей недели явлюсь, если позволите, в Ярославль, т. е. числа 14—15. Надеюсь проездом из Вязьмы через Москву застать от Вас письмо.

Как живете и чувствуете себя? Хочется побыть с Вами и поговорить, как прежде, но это уже мнится невозможным. По нутру чувствую себя плохо. Живу одиноко. Крепко жму Вашу руку. Привет Николаю и Ивану Артемьевичу.

Преданный Вам Павел Сухотин

Павел Павлович жив и отличен орденом Анны с мечом. Ник(олай) Мих(айлович) двигается к Августову. Не могу без горечи вспоминать о них, а приходится каждый день, говоря с Лид(ией) Ник(олаевной) и Екат(ериной) Серг(еевной)57, делать вид, что все обстоит как нельзя лучше. Екатерина Сергеевна беременна, и еще вследствие этого вид ее очень плох.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 16 октября 1914 г. Мишенское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 512. — [Т.] IX.

35

Мишенское, 16 октября 1914 г.

Дорогой Константин Федорович,

простите, родной мой, что не шлю Вам денег, но никак не удается получить самому, так дров я еще не доставил покупателю — нет лошадей, у нас был второй набор, и я сел на мели, покупать

ещё не достали покупателю — нет лошадей, у нас был второй набор, и я сел на мель, покупать новых нет никакой возможности, ибо цены вздулись до невероятия, а за сходную цену предлагают одних (нрзб.). Двадцать шестого еду в Москву, и пробывши там с неделю, думаю заглянуть к Вам в Ярославль, ежели это удобно будет. На всякий случай черкните тогда по московскому адресу: как Вы располагаете временем. Касательно того, почему я не прислал Вам передовой статьи, не писал потому что надеялся на Вашу встречу с Николаем Михайловичем, который может Вам яснее и просторнее передать мои мысли о современной неурядице, происходящей во всей Европе. Кратко говоря, я не вижу ничего идейного в том, что мы воюем, а тем более не вижу ничего схожего нашей нынешней роли с тем, что происходило когда-то на полях новгородских. Современная бытия в высокой степени антирелигиозна и было бы кощунством с моей стороны приводить на память к нынешнему случаю то высокое воодушевление масс, которое изображено, хотя бы к примеру, на иконе «Битва суздальцев с новгородцами». При встрече в Ярославле я передам Вам свои думы поподробнее и пояснее, а пока почти уверен, что встречу в Вас единомышленника, зная сколь высоко Вы цените нашу прочную стародавнюю культуру. Было бы честнее с моей стороны написать так: вот, что было тогда и вот, что теперь, но эта честность будет не совсем искренна, ибо в конце концов и как бы то ни было, а воевать надо, воевать также мерзко и дико, как воюют немцы, бельгийцы, французы et caetera. Газет читать не могу, ибо все в них отвратительно. Дружба союзных народов ничто иное как «обмен тщеславия» иль «покровительства позор», патриотизм же, царствующий над каждой газетной буквой, заставляет ужаснуться, чему мы учили толпу и каких еще от этого надо ждать позорищ? Жалостью ко Всем жертвам войны я проникнуться не могу, но ежели я потеряю хоть одного из близких мне (и Вам) людей, я стану считать, что был в своей жизни свидетелем гнусного насилия, этим, конечно, я никого не испугаю, но пусть будет такова моя слабость. Умолкаю, ибо в письмах мало скажешь путного. Увидимся Бог даст, поговорим всласть. Крепко, крепко жму Вашу руку, дорогой Константин Федорович, не поминайте меня лихом. Я Вас по-прежнему люблю и помню и хочу видеть.

Весь Ваш Павел Сухотин

Николаю53 поклон. Пусть бросит писать патриотические стихи, а лучше открывает тайную продажу питей. Ивану Артемьевичу и всему его семейству поклон и привет.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 7 сентября 1914 г. Мишенское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 511—512. — [Т.] IX.

34

Мишенское, 7 сентября 1914 г.

Дорогой Константин Федорович,

обращаюсь к Вам с превеликой просьбой, вышлите мне на две недели 100—150 рублей. Я Вам их вышлю обратно приблизительно в этот срок, мне необходимо пока обернуться, ибо дрова, которые я рассчитывал продать теперь еще не заготовлены, суммы ж наличные пришлось уступить Николаю Михайловичу на его первейшие нужды. Буду весьма Вам обязан, если выручите бедного помещика, иначе меня поставят на правежи. Только что ввалился в деревню. Красота здесь неописанная — все червонно и ало. Такая ослепительная осень бывает ли у Вас под Ярославлем? Вряд ли, ибо хвоя лишена этих чудесных красок. Повидавшись с Ник(олаем) Мих(айловичем) и с Вами, почувствовал прилив огромных чувств и завтра же начну писать. Пока крепко жму Вам руку, сейчас спешу на ярмарку и отправить письмо. Адрес и для денег все тот же: г. Одоев, имение Мишенское, мне.

Ашукину привет, Ивану Артемьевичу со всем семейством привет. А как здоровье Фанни Вл(адимировны)52?

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 26 августа 1914 г. Мишенское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 511. — [Т.] IX.

33

Мишенское, 26 августа 1914 г.

Дорогой Константин Федорович,

из деревни я сейчас выехать не могу, потому что болел две недели и чувствую себя очень худо, не говоря уж о нутре, которое совсем пакостно. Неужели нас ожидает потеря двух лучших друзей? 49 Это будет так ужасно и так несправедливо. О сестре своей и о ее семье никаких вестей, но не могу доселе примириться с мыслью о ее гибели, хотя все ужасы, идущие из Германии, не обещают ничего хорошего. При таких условиях работать спокойно нельзя, а потому и задерживаю статью для «Софии». Несколько раз принимался и рвал, кое-что наладил теперь, и думаю я, все-таки на днях ближайших кончу. Вы пишете мне об идеи «Софии» и о соображении по поводу ее. Я отказываюсь от всяких собраний, ибо кроме Вас ни с кем не могу и не хочу говорить о ней, Вы это отлично поймете и не станете меня бранить. То, чем питалась идея «Софии», не придумано и не разработано, как никакая платформа, «София» была залежью всех нас четверых и каждого в отдельности, и если нам было легко согласно думать и действовать, то для других, кого Вы предлагаете, это сделать нелегко, да они и не чувствуют, как Вы, в этом надобности. Храните, дорогой Константин Федорович, «Софию» до общей и желанной встречи, дай Бог ей свершиться поскорей! Неужели Вы думаете, что Грифцову50 или Диесперову51 нужна «София»? Никогда с этим не был согласен и не соглашусь. Касательно квартирных денег я уже писал Вам, куда они девались. Хлопочу сейчас о займе, и коль скоро он устроится, так сейчас же хоть часть денег верну. Я принужден был, с ведома Павла Павловича, взять себе аванс из тех сумм, которые (кроме квартирных) у меня были, ввиду того, что триста рублей были у меня украдены, и я остался совсем на бобах.

Спасибо Вам большое, дорогой мой, за очень хорошее письмо. После него я воспрянул духом, так как Ваше расположение потерять для меня в настоящее время значило бы остаться совсем в одиночестве. Я Вас очень люблю и крепко ценю Вашу дружбу. Будьте же живы и благополучны. При самой малейшей возможности приеду в Ярославль. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф.: («Дорогой Константин Федорович, спешу поздравить Вас от всей души с «персидскими успехами»...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 509—510. — [Т.] IX.

31

Дорогой Константин Федорович,

спешу поздравить Вас от всей души с «персидскими успехами»44. Одно посоветовал бы Вам: по приезде Павла Павловича отобрать с ним то, что равно по красоте парижским образцам, а может быть, и не по красоте, а только лишь по ценности, и все это постепенно сбывать в музеи; конечно, сюда, должны войти все вазы. А делать подарки, продавая за дешево, всяким салонам, ни к чему, ну их к свиньям собачьим. Вы им и так не мало сделали тем, что издаете «Софию», всякая статья или издание об иконе идет и воскуряется фимиамом на алтарях толстопузого тщеславия, и в конце-то концов, все их вожделения сводятся к собственной часовенке, у кого к

медали золотой, у кого к выгодной сделке с музеем. А тому, кто за них старается и приносит вечерние жертвы, что дано в благодарность, кроме имени «идеалист» или «высокого» покровительства? Единственный труд Муратова кем и чем отмечен? А между тем на издание собрания Лихачева жертвуется триста тысяч; петербуржцы получают субсидию. Пишем о небескорыстии, колосальные деньги идут на журнальные издания, а ибо что рядом и около Вас греют слоны свои хоботы, на что смотрим сквозь пальцы.

Да, ну их к черту! Надо бы их как следует отхлестать, а то ведь они и на шею сядут. Дерите с них за персидские вещи втридорого.

Касательно «Повестей» и «Сийского» не беспокойтесь, к осени эти книги должны выйти: «Тути-Намэ» мною направлено, т. е. то, что мне показал Андрей45, если он не задержит, то и я не задержу. А все прочее. За осень будет сделано. Работаю максимум, что могу, но иногда, по совести говоря, лежу по часам на диване и соображаю какой-нибудь пустяк через силу. Вот еще вопрос о книге «Шопен». Ради Бога, скажите откровенно, желательно Вам ее издать или нет46? А то до отъезда в Новгород надо с ней куда-нибудь толкнуться, ибо уже половина этой книги готова. Книга интересная. Не полагаясь на себя, просил прочесть ее Николая Михайловича, он и одобрил, но все это мнение наше, а Ваше издательское дело особая статья. Раз она Вам почему-либо не подходит, то и говорить нечего. Нынче переезжаем на квартиру. Распорядитесь в конторе о перемене адреса, дабы его сообщили повсюду. Может быть, нужно будет составить печатные извинения и разослать по журналам русским и иностранным и в другие надлежащие места. Пока, крепко жму Вашу руку. Генегар на той неделе пришлет все для 6-го. Нынче высылаю две заметки Брюсова для 6-го же. Рукописи на той неделе все пришлю. Н(иколай) Мих(айлович) едет на день в Новгород. Еще раз кланяюсь. Кл(авдия) Григорьевна благодарит за поздравления и шлет привет. Она чувствует себя ничего. Ив(ану) Артемьевичу47 нижайший. Николаю Сергеевичу буду писать.

Весьма Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., июнь 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 509. — [Т.] IX.

30

Начало июня 1914 г.

Дорогой Константин Федорович,

вчера только направил Николаю Сергеевичу письмо с изъяснением всяческих дел. Адрес Блока: СПб., Офицерская ул(ица), 57, кв. 2140. Что же касается Некрасовского архива, то не сердитесь на меня, ежели я его целиком удержу до Вашего приезда, ибо большой страх берет за его пропажу на почте. Все будет упаковано и оставлено у Клавдии Григорьевны41, а не у Попкова, ввиду того, что на новой квартире совершается такое, что не только пачка бумаг, но и весь человек может пропасть бесследно. Касательно Цыганова я все, что могу, сделаю, но лишь после того, как совершенно кончу «Сийского» и «Повести». Радуюсь, что Вы, наконец-то, решились сами взяться за дядюшку42. На квартиру мы переехали, она оказалась настолько меньше, что часть мебели пришлось пока составить у себя. Скажите, что с ней делать. Редакция тесна, лишних два человека могут заполнить ее совершенно. А большую комнату взять было невозможно, ибо она выходит на улицу шумную и грязную. В дополнении всего оказались в квартире тараканы прусаки и черные, их, правда, морим, но сие бесполезно, так как они наползают из пекарни. Вообще соседство таково: трактир третьего разряда, двор для извозчиков и через дом пивная. Но менять квартиру и терять задаток я был не в праве, ведь и так нам квартира стоит вот что: 50 рублей + 75 рублей июнь, Знаменская да переезд и перенос телефона около 40 руб., таким образом, июнь обойдется 165 руб(лей). В июле месяце мы обязаны уплатить за

октябрь за Знаменскую 225 руб(лей), ежели она не сдастся, что до августа весьма вероятно, а может быть и дольше простоит пустой, и так в июле наша квартира будет вновь стоить 125 руб(лей). Ежели этим месяцем кончатся наши лишние расходы, то следовательно мы потратим 200 и больше рублей зря, прибавивши каковые к 50 руб(лям) по десятке мы бы могли снять на Арбате в переулках, отдельную квартиру в 3 комнаты. Что же касается тараканов, то Павел Павлович не любит их до чрезвычайности, и вообще, неладно будет, коли в присутствии кого-либо постороннего по нашей материи или же иконе поползет этот зверь. Для «Софии» будто бы и не совсем пристойно. Однако по приезде судите сами. Вероятно, к 29-му мы побеседуем подробно и в полном составе. Бердяев сердится за то, что43

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., май 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 507—508. — [Т.] IX.

29

(май 1914 г.)

Дорогой Константин Федорович,

относительно найма квартиры я узнал только нынче и то совершенно случайно, а между тем, не лишне было бы Николаю Георгиевичу сообщить об этом мне. Мне кажется, что для редакции не годны те комнаты, которые намечены, по той причине, что они окнами выходят в узкий и очень шумный переулок и по расположению своему создают прямой путь посетителю издательства к месту назначения. Две другие комнаты более или менее подходящи, хотя надо сказать, место для «Софии» неважное. Что же касается внутренней отделки редакции, то я не знаю, что делать. Ведь и Вы, помнится, настаивали на том, чтобы видимость ее не носила характера обще-

канцелярского, а между тем именно так и будет, так как помещение уже оклеивается обоями (их ни я, ни Николай Михайлович не видели), материя же, по словам Попкова33, не пойдет на наши комнаты. Говоря откровенно, дорогой Константин Федорович, положение у меня, выслушивающего категорические условия касательно того, что в данном случае казалось бы непосредственно относится к редакции, было незавидно. Но главное-то дело и не в моих чувствах, на них может быть следует махнуть рукой, а весьма важным мне представляется для общего дела «Софии» настроение Павла Павловича, который, вернувшись, увидит редакцию в худшем помещении, в дурном переулке и даже не в том виде, в каком он ее покинул. Совсем естественно у него возникнет вопрос: почему? Ведь и речь-то идет не о какой либо новой роскоши, а хотя бы только о приблизительно былом ее виде. Зная Павла Павловича, Вы и сами уверитесь в том, что он непременно впадет в уныние и недовольство по поводу всего этого, а такое его состояние духа должно дурно повлиять на предстоящие ему хлопоты о журнале. Во всяком случае, без прямых указаний от Вас я затрудняюсь в данном случае предпринимать какие-либо самостоятельные шаги и жду Вашего письма. Все это я пишу еще и по настоятельному совету Николая Михайловича, который последним обстоятельством не менее обеспокоен. Наше беспокойство и неловкость моего положения Вы отлично поймете, и хуже было бы, если бы я (нрзб.) счел бы должным перед Вами умалчивать. Итак, пишите, ради Бога, и хорошо будет, если Вы напишете и мне и Николаю Георгиевичу, как нам вести дела в том же разделении, как это было прежде.

Подборник № 5 я послал на Ваше имя, рисунки все прибудут в Ярославль во вторник. Четвертым номером, как говорит Николай Михайлович, многие довольны, даже взыскательный Черногубов34. Напомните, пожалуйста, при печатании № 6, чтобы на страницах, где идут наклейки без текста, не ставили бы кулок цифры. Послал Вам также корректуру и часть для набора «Сийского»35. Мне не додали еще двух гранок, пусть все это со вновь набранными пришлют мне. Для первого листа набору достаточно и по исправлении можно его уже печатать. Рукопись буду досылать постепенно, ибо дается она мне с трудом, хотелось бы посовершеннее отделать текст. Труден для русского языка стиль древних житий. Наряду с этим перевожу и повести, так вперемешку работать приятнее, многому поучает стиль повествовательный

повести, так вперемешку работать приятнее, многому получает стиль повествовательный. Вообще, за эту работу сел вплотную — так до осени. О корректоре справлялся: можно найти хорошего и с рекомендацией, цена же его такова: 2 рубля с листа в 40 тыс(яч) букв. Если это для Вас подходяще, то напишите, или дайте телеграмму, и я пошлю его в Ярославль. Николай Михайлович вчера обедал с Остроуховым36 в Эрмитаже и говорил о Евангелии, — конечно, он сказал, что это и ему приходило в голову и что не следует издавать так мало, он ручается, что 500 экз(емпляров) разойдется. Будут, говорит, затруднения с духовенством, но хлопоты по сему делу он берет на себя, ибо это «дело исключительной важности». Ругал Николая Михайловича за медлительность статьи для «Русской иконы», а она, кажется, еще долго не будет готова, так как рядом с ней уже пишется и «Федор Стратилат»37.

Как идет постройка и каково работает Николай Сергеевич38. В Москве жара, гадость и скука, хочется вздохнуть полями. Скоро ли будете в Москве? Крепко жму руку, Николай Михайлович шлет всяческие приветствия, он, кажется, будет жить на даче в Царицыно, а за границу осенью. К Вам в Ярославль скоро нагрянет Анисимов и Юкин39, который вчера был в редакции и пил чай.

Ваш Павел Сухотин

Поклон Ашукину.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 17 февраля 1914 г. Питер // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 507. — [Т.] IX.

28

Питер, 17 февраля 1914 г.

Дорогой Константин Федорович,

вчера приехал в Питер и остановился в «Астории» в Столярном пр(оезде). Номера чистые и тихие. Буду просить приберечь для Вас комнату к пятнице. Каково Ваше здоровье? Сходите Вы, пожалуйста, к доктору, пусть это окажется пустяками, а все-таки спокойнее. От последнего Вашего приезда в Москву у Павла Павловича, у меня и Щекотова осталось какое-то неудовлетворенное чувство, а нездоровье Ваше еще больше огорчило всех нас. Втроем как-то мы погоревали: неужели Константин Федорович, будучи чем-то недоволен, не считает возможным сказать нам об этом напрямки? Вообще, после вашего отъезда на редакцию налегла какая-то тучка. Начинаю определенно думать, что я здесь немало причинен, и всякое приходит в голову. Однако, идите же к доктору!

Нынче иду с Лернером32 в Публичную библиотеку. Он говорит, что мне, вероятно, будут чинить всякие препятствия, ибо моя цель посещения древних хранилищ будет неясна для тамошних присных. Но повоюем и просто так не сдадимся. Лернер выражал большую охоту с Вами познакомиться. Итак, жду Вас к пятнице в Столярном пр(оезде), здесь же остановится и Щекотов. В Питере второй номер «Софии» весьма хвалят, в «Речи» собираются о нем писать. Крепко жму Вашу руку. Ивану Артемьевичу привет. Захватите с собой несколько штук моей книжечки.

Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 8 января 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 506—507. — [Т.] IX.

3 янв(аря 1914 г.)

Дорогой Константин Федорович,

все поджидал от Вас весточки, но увы и ах! Теперь для меня ясно: Сергей не опустил мое письмо, и Вы его не получили. Кстати — Сергея я прогнал и нанял по рекомендации Николая Георгиевича мужчину средних лет и доброй наружности. Малость он простоват, но, полагаю, со временем обмаслается и станет «человеком». Вчера послал Вам пачку писем, на многие я ответил, а на некоторые не решался и послал их на Ваше заключение. К сожалению, Симаков30 не сразу подписался на вырезки из газет и журналов, а посему мы много из отзывов о нас не читали, и пока я об этом только знаю, что Сухотин — марксист! Жду теперь, когда наконец меня обвинят «в женском поле», ввиду чего заранее справился о приемных днях у доктора Глаголя31.

Статью свою кончаю. Пишу ее с трудом и мукой. Вообще я не литератор, а черт знает что, и это наводит меня на весьма грустные думы. Первую часть я прочел Павлу Павловичу, и хотя он и очень одобрил ее, но я ему не поверил, — полагаю, что его похвала подсказана более симпатией ко мне лично, чем достоинствами статьи. Но я в конце концов журнал не задерживаю, ибо моя вещь пойдет последней и она будет кончена к сроку, что же касается передовицы Николая Михайловича, то она обещана к 10-му непременно. Прихожу к тому заключению, что нам необходим запас, т. е. одну — две статьи набрать сейчас же по рассыпке второго номера, ежели это только позволит Вам типографский распорядок. Получил и уже отправил в Ярославль части корректуры своей книжки. Не радует она меня. Это не стихи, а лапша. С нового года бросаю их писать, рассказов и статей — ни-ни, покупаю себе в долг десятину земли и с весны начинаю разводить свиней. Дело, говорят, доходное, а если не станет хватать на жизнь, то начну писать в «Новое время» доносы на земских членов и на женщин-врачей. На душе слякоть и тьма египетская. Крепко жму Вашу руку. С Новым годом

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 7 декабря 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 506. — [Т.] IX.

26

7 дек(абря 1913 г.)

Дорогой Константин Федорович,

в Москве Павла Павловича я не застал — уехал в Новгород. Для Эдинга готовятся новые отпечатки и в понедельник я их Вам вышлю, по словам фотографа Орлова, они должны получиться четкими и годными для клише. Иллюстрации к повестям готовятся Генегаром. Разглядывая в патриаршей библиотеке рисунки, Павел Павлович пришел в восторг и решил один из номеров «Софии» посвятить новгородской миниатюре!! Видел нынче Николая Михайловича. Он доволен журналом и приносит нам благодарность за тщательность корректуры и пр(очее). Говорит, что Павла Павловича вид первых листов совершенно удовлетворил. Напомните, что авторам нужны оттиски из статей. «Вятская речь» прислала три оправдательных номера, ей нужно посылать журнал, адрес ее — Вятка уг(ол) Никольской и Пятницкой, почт(овый) ящик № 31. «Старые годы» соблаговолили изъявить согласие об обмене, а «Аполлон» ни гу-гу! Нынче за день поступило десять подписчиков, журнал необходим к среде. Сообщите не позже вторника утра, могу ли я в среду сообщить в газетах о том, что № 1 поступил в продажу.

Милле согласен у нас писать и еще кое-кто, кому посылали приглашение. «Баян»28 опять погиб. Завтра Вам вышлют дополнительные списки подписчиков. Пока крепко жму Вашу руку. Милому Ивану Артемьевичу29 поклон.

Весь Ваш Павел Сухотин

Жду Вас в среду.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 12 ноября 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 506. — [Т.] IX.

25

(12 ноября 1913 г.)

Дорогой Константин Федорович,

только что пришел в редакцию и застал Ваше письмо, но не сейчас же его прочел, так как надо было спешить к Генегару27. Вы послали образец размера журнала на редакцию, и получилась проволочка: пришлось мне на повестке свидетельствовать руку и пр. Будьте добры, Константин Федорович, всякие вещи и «заказы» отсылать не на нас, а на контору или же на мое имя. Генегар нынче все спускает в машину. Как быть с обложкой? Высылать ли Вам клише или же Вы вышлете бумагу? Я полагал, что надобно Вам отправить клише, но Павел Павлович сомневается. Нынче досылает Вам весь остаток материала для набора. Стол Вам через неделю отсылают. Черкните, какой диван для приемной, а какой будет мой. Спасибо большое за хлопоты. О книжке не грущу. Что за история с разрешением? Пока крепко жму Вашу руку.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 20 ноября 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 505. — [Т.] IX.

24

20 ноября 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

очень и очень рад, что с разрешением все устроилось. Обложка будет отправлена в пятницу, она могла бы и теперь, вместе с черными рисунками, быть отправлена, но ведь только в пятницу будет готов корешок (клише) обложки. В пятницу же пойдет багажом и цветная «София». Нынче послали Вам оттиски обложки. Не правда ли, очень хороша? В воскресенье с Павлом Павловичем пошлю Вам списки и адреса подписчиков, но лишь тех, которые вносили деньги у нас в конторе или же в магазинах, что же касается иногородних, то пока деньги их лежат на почте, ибо без копии разрешения на журнал от ярославского губернатора их не выдают, следовательно и адреса их остаются для нас пока неведомы. Будьте добры, как возможно быстро, снять с разрешения губернатора нотариальную копию и шлите ее к нам. Из провинции ежедневно идет одна либо две подписки. Наши проспекты продолжает рассылать, они безусловно действительны. «Северное Утро» прислало два оправдательных номера с нашим объявлением, стало быть, напомните послать ему номер журнала. Из тех листков, что я Вам прислал, все помещают наше объявление и все согласны на обмен, как только будут готовы наши новые и полные проспекты, я пошлю им и, в свою очередь, затребую от них, если же они не шлют своих, то сами повинны. Большое спасибо Вам за диван. Сию минуту пришли Софья Леонидовна, Таня26 и Эля ко мне в редакцию. Надобно занимать гостей, прошу прощения и крепко жму Вашу руку.

Любящий Вас Павле Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 7 ноября 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 505. — [Т.] IX.

23

7 ноября 1913 г., Москва

Дорогой Константин Федорович,

в вечер Вашего отъезда я заходил в редакцию и был там от 7 до 7.30, но там не было ни души. Простите меня за «Ради Христа», что не дождался Вас, надобно было бежать по своим делишкам. Павлову24 я деньги уплатил и взял с него расписку, она лежит у меня, думаю, не стоит ее слать в Ярославль. Стол Ваш прибыл на место, но уж очень он невзрачен. Не следует ли его малость пообделать? Можно бы было его до Вашего прибытия облагородить, позвавши столяра, только недорогого. Как Вы скажете? Кое-кто прислал согласие на обмен изданиями. Со времени, подобрав их воедино, пришлю Вам. Иностранным «гостям» письма разослали, поживем увидим. Вся Москва обеспокоена Вами и звонит мне ежечасно, скоро буду им отвечать, что Вы приглашены на персидский престол и издательство переводите в Тегеран, а посему пусть адресуются: Персия, до востребования. Статьи все, исключая Николая Михайловича25, в столе у редактора. В субботу принесет и Николай Михайлович. Работа, вобщем, идет непрерывно, и я полагаю, что пока у нас не было таких крупных ошибок, которые наводят на грустные размышления, наоборот, многое радует. Не забыли ли Вы относительно «почтовых переводных бланков»? Следовало бы их заготовить заранее.

Теперь о моей книжке: стихотворение «Богородица — Маков Цвет» нужно совсем похерить.

Вместо него я вышлю Вам три, кои только что вышли из отделки. Для образца обложки посылаю Вам томик стихов В. Л. Пушкина и Веневитинова. Пока крепко жму Вашу руку и прошу меня простить за то, что был я такой свиньей и не дождался Вас проводить.

Уважающий и любящий Вас Павел Сухотин

P. S. Стихи и книжечку шлю отдельно. Стихи будут вложены за переплет.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 18 октября 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 504. — [Т.] IX.

22

(18 октября 1913 г.)23

Дорогой Константин Федорович,

после Вашего отъезда произошло многое: Поиски квартиры вещь весьма гнусная, особенно в такую погоду, как сейчас. Найти помещение для издательства оказалось немыслимым, так как выбор очень мал, а условий масса. Таким образом пришлось выселяться нам, и вот первая попытка увенчалась полным неуспехом: квартира оказалась сама по себе не важная, а главное в доме не оказалось электрического кабеля. Я усиленно хлопотал и просил у соседей позволения отвести провода от их кабельных коробок, но увы, все наотрез отказали, а это был единственный исход. Вторая квартира, думается, хороша. Вот ее план:

комната, комната для всяких прохлад

ваша спальня, передняя редакция, улица

ванна в-к, кухня, парадное крыльцо

Простите за такой дурной рисунок, но все ж он дает некоторое представление о действительности. В убранном виде эта квартира будет производить приятное впечатление. Жду Вашего приезда также, как Бейлис ждет приговора. Павел Павлович пишет Вам сегодня о своих удачах, и перед ними, конечно, померкнет моя. Подписка у Суворина и Вольфа идет, есть и у нас. Разговоров о журнале много. Софья Леонидовна опустошила Рябушинского, повеселела и ждет случая еще раз с кем-нибудь совершить антикварный ритуал. Надеясь скоро с Вами повстречаться, остаюсь уважающий и любящий Вас Павел Сухотин.

Большое спасибо за деньги. Ждем Вас всех, и даже очень, а Вы нас не забыли?

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф.: XVI в. О черных всадниках на вороных конях // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 504. — [Т.] IX.

21

XVI в. О ЧЕРНЫХ ВСАДНИКАХ НА ВОРОНЫХ КОНЯХ

Тот же инок поведал нам о некотором старце: пошел он однажды в город, рассказывал инок, продавать свое рукоделие, и случилось ему присесть на пороге дома одного богатого человека, бывшего при смерти. Сидит себе старец и смотрит. Вдруг перед ним встают два вороных коня, а на них всадники черные и жуткие, с огненными жезлами в руках. Подъехали всадники к воротам, оставили коней своих наружи, а сами вошли в дом. Увидав их, болящий громко воскликнул: «Господи, помилуй!» И сказали ему вошедшие: «Сейчас зайдет солнце, а ты только спохватился помянуть Бога, почему ж ты не взывал к нему на брезжущем свете дня, и вот, ныне для тебя нет надежды, ни утешения». Тогда вонзили они оружие в сердце болящего и так насильно исторгнули его душу.

Не могу удержаться, дорогой Константин Федорович, не послать Вам поскорее эту дивную вещь. Она будет украшением нашей книги. Если бы Брягин22 торговал такими повестями, то он ценил бы эту тысячами, а не рублями. Я помногу раз перечитываю ее и, мало сказать, поражаюсь. Пишите, ради Христа.

Весь Ваш Павел Сухотин

Но помните, что в Новиковской церкви есть икона с изображением историй о Николе и Половчине. Надобно снять?

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 7 сентября 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 502—503. — [Т.] IX.

19

Москва, 7 сентября 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

узнал, наконец, Ваш адрес и пишу об очень важных своих беспокойствах. Дело вот в чем: после того, как в московских газетах (в 4-х) появилось извещение о журн(але) «София», мне через день стали звонить о подписке, но не раз и два, а десять раз. Хотят подписаться тотчас. Я смущен и не знаю, как мне говорить. Поразмыслив я решил так: писать Вам и Павлу Павловичу с просьбой

дать мне санкцию на открытие подписки путем объявления. Ведь если Вы вернетесь к 10-му окт(ября) и только после этого появится объявление, то для выхода 1-го номера остается лишь месяц с малым. Срок совсем, совсем малый. Если бы те 10 человек, которые теперь мне звонили уже подписались бы, то они уже не одному бы десятку знакомых заявили бы об этом и, конечно, в духе, желанном для нас. Обдумайте все сие и ежели Вы будете со мной согласны, то шлите мне известие (телеграммой!), а я уж все начну с помощью и советами Николая Георгиевича19. Послезавтра иду к Софье Леонидовне20 и буду помогать ей расставлять вещи. Спасский21 мне не нравится. Не подумайте, что в этом я несвободен от влияния (Соф(ьи) Леонидовны) — нет! Однако об этом при свидании. Жду Вас всех с нетерпением. Вообще я тоскую и настроение у меня до нельзя плохое.

Весь Ваш любезный Павел Сухотин

P. S. Я у Ник(олая) Георгиевича взял 100 руб. — Вы обещали ему об этом сказать, но забыли. Казните нас или милуйте.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 10 августа 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 502. — [Т.] IX.

18

Москва, 10 августа 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

смерть близкого человека, как бы она не была ожиданна, всегда тяжка18, а потому вряд ли мое письмо будет кстати. Но все же, боясь нарушить и сбить Ваши предположения, посылаю Вам еще пару стихов для книжки.

Ваш приезд в Москву Павел Павлович, Николай Михайлович и я ждем с небывалым нетерпением. Вчера вечером много раз, да, пожалуй, почти все время, вспоминали и Вас, ибо так светло и чудесно мечталось о журнале. Ура, Павел Павлович остается в Москве! Ради Христа, как только будет можно, приезжайте в Москву.

Вчера читал Павлу Павловичу и Николаю Михайловичу новый перевод — О Муромском князе Петре и жене его Февронии. Им не только сама повесть очень понравилась, но и перевод мой они совсем одобрили. Остаетесь теперь Вы, — как она Вам покажется. Величина этой повести ? печатного листа, так может быть дело совсем пошло на лад, и для меня стали доступны и такие порядочные по величине вещи? Добро бы!

Не посылаю Вам повести, ибо хочу ее окончательно отшлифовать. Ждем, ждем и ждем. Пока крепко жму Вашу руку.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 3 августа 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 501—502. — [Т.] IX.

17

3 августа 1913 г., Москва

Дорогой Константин Федорович,

«О, как. гнетет судьба!» В Рыбинск, где был мой отправной пункт, я по случаю разбитой башки не заехал, а посему писал туда своему родичу, чтобы выслать мне вещи, — в Красный Холм и Тверскую губернию я ездил налегке. И вот вчера приходит мой чемодан, по вскрытии коего там оказались камни по 9 фун(тов) весу и еще кусок обшивного теса, а костюма, белья, сапог и пр. добра тю-тю. Николай Михайлович меня утешает тем, что всеми этими мол событиями разряжается постепенно тот грозный и роковой удар судьбы, который готов был пасть на мою главу и сделать из нее мозги-фри. Пусть так и слава Богу! Но все же, если Вы по приезде в Москву увидите на Ярославском вокзале человека, сладострастно глядящего на чужие чемоданы и спрашивающего у всех: не заразился ли кто по дороге лишаем, не разбил себе глаз или голову — то этим человеком буду я, и Вы меня тотчас берите и везите на «загородную дачу», где Павел Павлович, основал бесплатную койку для лиц православного исповедания, вернувшихся из путешествия по родным градам и весям. Вот все мои новости. Если за то время, пока жена будет относить это письмо на почту, со мной что-нибудь случится, то обещаюсь Вам точно и добросовестно обо всем отписать, а пока и себе будет.

Очень рад, что уже недолго то время, когда появятся все-таки мои посмертные стихотворения (это я нарочно, может быть этим и разжалоблю судьбу). Однако шутить достаточно.

Дорогой Константин Федорович, большое Вам спасибо за Вашу весточку, смысл ее меня подкрепил и согнал с меня уныние, в котором я находился по сей день. Вот уже два дня, как все-таки я пытаюсь работать: перевожу легенду о Петре и жене его Февронии, читаю наших «ученых» о древней литературе и повторяю забытые слова греческого языка.

Левый свой глаз я отныне презираю, ибо он подлец. Узнать о Вашем новом деле горю нетерпеньем: ей Богу, Вы удивительный человек! Через 75 лет в Ярославле Вам соорудят памятник и напишут: «Редкому человеку и ценителю родного искусства еще в начале 20-го века». Сообщите, пожалуйста, когда приедете, по телеграфу, я сижу пока безвыходно дома. Как бы там

ни было, а надобно собраться где-нибудь своим кружком. Стихи мои пусть набирают по такому порядку как они лежат у Вас, только уничтожьте, как я просил, отделы. Между прочим, то что было названо «Взыскующий» — все пойдет в книгу вперед, затем без перерыва отдел «Далекое», т. е. самое нутро, а название то похерить, и в самом конце — поэмы, а их порядок таков: «Далекое», «День», «Углич» и «Звезда». При свидании я Вам расскажу получше, а то бы в письме вышло очень глупо и непонятно. Получили ли Вы мои новые стихи? Пока крепко-крепко жму Вашу руку и хочу очень свидеться.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 1 августа 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 501. — [Т.] IX.

16

Москва, 1 августа 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,посылаю Вам кое-что сотворенное мною в пути, включите сии вирши в мой сборничек17 да напишите, как оно Вам показалось, а то ведь и побоку их недолго. Я решил так: уничтожить в книжке своей отделы, пусть все печатается подряд, не надобно никаких претензий. Посвящение над всей книгой будет так: «Посвящаю эту книгу моим друзьям», и больше ничего, а прежде было очень глупо сказано. Затем, дорогой Константин Федорович, хочется, чтобы хоть на одном стихотворении из теперь присланных стояло бы посвящение Вам. Пусть не смутит Вас такая моя маленькая забота, ведь как ни как, а стихи мои мне дороги, и нет у меня ничего дороже, чем бы мог выразить Вам свою сердечную привязанность и благодарение. Ради Бога, пишите. Глаз мой заживает, но еще беда: привязалась на щеку экзема, черт ее дери! Все обойдется. Крепко жму Вашу руку

Все обойдется. Крепко жму Вашу руку!

Весь Ваш Павел Сухотин

НЕНАСТЬЕ

Мучительно и тяжко гаснет день.
Из облачных небес
То свет больной падет, то ляжет тень,
И вдруг застонет лес,
И кое-где мелькнет червонный лист березы,
И брызнет дождь, и на стекле заблещут слезы.

Под крышею рыдают сизари,
В саду галчиный гам.
А пышное сияние зари
Умрет незримо там,
Где в тучах слышатся стенания глухие...
О, как гнетет мой ум, ненастная стихия.

Ягорба, Новгор(одская) губ(ерния) (19)13 г.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 27 июля 1913 г. ст. Бологое // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 499—500. — [Т.] IX.

14

ст. Бологое, 27 июля 1913 г.
Дорогой Константин Федорович, еду из Красного Холма в Осташково к Нилу Столбенскому13, затем в Селижаров мон(астырь), в Торжок, Старицы и тут путь мой кончен. В результате одна грусть, но мне думается, совесть наша будет чиста, мы сделали все, что было в нашей возможности: мы искали, и в этом смысле моя поездка все же была необходима и законна. В Красном Холме встретился я с Борисом Николаевичем фон-Эдинг14. Рад был встрече, но она омрачилась некоторым несчастием. По дороге на станцию из Красного Холма у нашего ямщика соскочил шкворень и мы по инерции вылетели вон, все кроме меня, отделались благополучно, а я сильно ударился головой о камни и разбил левый глаз. Пришлось, в Бологом обратиться в приемный покой, и теперь я с одним глазом, ибо другой забинтован. От ушиба, вероятно, временами сильно вертит в голове боль изрядная. Все это нехорошо, но как бы то ни было я решил поездку докончить. Как я люблю ямщиков и как они со мной жестоки. Положим, могло бы быть и хуже, камень прошелся недалеко от глаза.

Кончаю письмо, — писать тяжело, ибо перед зарей потушили на станции фонари, и управляться с одним глазом трудненько.

Циклоп Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 21 июля 1913 г. Кириллов // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 499. — [Т.] IX.

13

Кириллов, 21 июля 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

сижу в Кириллове и грущу, — мало здесь осталось рукописей. Неужели все мои ожидания так и полетят прахом, и я вернусь домой с пустыми руками? Если и Краснохолмский монастырь меня обманет, то просто в отчаянье можно придти. Тогда надо скорее ехать в Москву и в Питер. Сидя здесь, я решил так: если я ни единой повести с собой не привезу, то и разговора не может быть о Ваших затратах на поездку, все это моя вина и я должен за нее отвечать. Я слал Вам из Рыбинска депешу, но от Вас ничего не было — думаю, что Вы уехали в Македонию. Добрый Вам путь!

Владыко здешний производит очень хорошее впечатление, — он безо всяких разрешил мне проникнуть в ризницу. Обо всем буду Вам писать на обратном пути из Рыбинска, оттуда я направляюсь в Красный Холм. Пока крепко жму Вашу руку.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 5 июля 1913 г. Казань // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 499. — [Т.] IX.

12

Казань, 5 июля 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

сейчас прибыл в Казань, что-то здесь будет? По дороге решил при возврате в Ярославль, вернее в Рыбинск, заехать в Макарьевский мон(астырь), быть может что-нибудь клюнет. Коли будете дома, опять в Ярославле увидимся. Крепко жму Вашу руку. Мечтаю о нашем альянсе.

Павел Сухотин

Простите за эту грязь — пишу походя.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 26 июня 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 498—499. — [Т.] IX.

11

26 июня 1913 г., Москва

Дорогой Константин Федорович,

пожалуйста, вышлите мне до 1-го деньги, ибо уже на 2-ое я взял билет на пароход, а еще надобно в Москве заткнуть некоторые дыры и тогда уже трогаться с места. Если это письмо Вы застанете у себя тогда, когда уже не будет возможности переправить деньги к 1-му, то либо переведите их Павлу Павловичу, либо перешлите телеграфом.

Иначе ухнут мои билеты, и нужно будет ждать, пока опять все наладится. Я уже совсем на отлете, т. е. испытываю некоторый зуд, что малость мешает работать. Необходимо мне обветриться, ведь я без реки и поля глупею и чахну душой. Вчера послал Вам копии переводов. Простите за погрешности при переписке, — торопился на почту, оставалось всего 12 минут до закрытия. Напомните еще раз Павлу Павловичу об Анисимове и о письме к архиерею в Кирило-Печерский монастырь. Кончаю сейчас перевод повести о Колочской иконе Божьей Матери. Коли успею, то привезу с собой. А как относительно шрифта? 2-го в Ярославль и прочту Вам. Помните, Вы хотели набрать и посмотреть, как получится. Черт возьми, скорее бы приходила осень 14-го года! Но видит Бог, раньше ничего нельзя сделать, ведь еще целую гибель надо перечитывать и пересматривать.

Ну, пока всего Вам доброго. Привечайте Павла Павловича. Крепко жму Вашу руку. Жду Ваших благ.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 22 июня 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 498. — [Т.] IX.

10

22 июня 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

относительно икон Павел Павлович сказал так: «Михаил», быть может, и не «Москва», а постарше, а «Рождество» не особенно интересно. В главках был и кое-что начал. Пока сделаю паузу, а там увидим. Павел Павлович — обещал отписать в Новгород Анисимову12, при свидании напомните ему еще раз об этом. Я решил выехать из дому 1-го, так что буду в Ярославле 2-го и весь день там пробуду. Пока до скорого свидания, спешу бросить в ящик письмо.

Крепко жму руку.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 19 июня 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 498. — [Т.] IX.

9

19 июня 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

при последнем свидании я малость неточно обмолвился, сказавши, что 100 руб. беру у Вас на поездку и не прибавивши к этому, что эта сумма должна входить в мой гонорар. Пусть пока что будет так, а когда расходы по поездкам станут мне тяжелы, тогда я Вам об этом скажу, может быть, что-нибудь придумаем.

Крепко жму Вашу руку, до скорого свидания. Об иконах черкну как только что узнаю.

Весь Ваш Павел Сухотин

P. S. Копии готовлю и пришлю вскоре.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 6 июня 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 497—498. — [Т.] IX.

8

Москва, 6 июня 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

неожиданно работа моя продлилась в Румянцевском Музее. Я напал на два чудесных «Патерика». По всем данным — они старообрядческие. В одном из них есть чудесная и совсем необычная «Повесть о некоем муже именем Сергий, иже старейшина блудницам бысть и потом иноческий вземен тако спасся». Представьте себе в вещи XVI в. рюмантизм! Конечно, это надобно принимать не целиком, но все же нечто исключительное затаилось на страницах этой повести. Есть и еще одна очень небольшая вещь, но до того живописная и до того напоминающая икону, что волей — неволей я остановился на нашем последнем разговоре и мысленно во многом с Вами согласился, но по-прежнему и поспорил с Вами. Но рассудите хорошенько и укрепитесь на чем-нибудь, а я уже подчинюсь, ибо свои доводы против введения в книгу снимков с икон я скорее чувствую, чем мыслю, а тут ведь до ошибки недалеко.

Работать сейчас мне мешают, а причины тому таковы: некий Сперанский9, приват-доц(ент) (весьма бездарный) разбирает русские повести Киреевского, нагнал он целый полк говорливых девиц для переписки, но это бы все ничего, коли бы не такой случай — пришел однажды в рукописное отделение академик Соболевский10, и вот тут-то Сперанский и стал распинаться, кричит, орет, чуть ли лекции не читает, а все почему? Товар лицом кажет перед академиком, ибо и сам скоро им будет, да, кажется, это дело уже решенное. Будь ему неладно, отравил мне последние часы! Скорей бы уж он писал свою «работу» и уезжал бы в Питер ловить сигов.

Журнал мне не дает покоя. Почему Питер? Почему Маковский11? Ну да Бог с ними. Крепко жму Вашу руку, надеюсь скоро свидаться. Серьезны ли Ваши намерения о поездке на Светлояр? И не буду ли я лишним в этой поездке?

Отпишите мне об этом.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 31 мая 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 497. — [Т.] IX.

7

Москва, 31 мая 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

очень неспокоен я по причине Вашего молчания, прежде я думал, что скоро Вас самих увижу в Москве, но вот уже идет другая неделя, и ни Вас, ни письма. А главное Вы молчите о «Половчине». Начинаю думать, уж не жалеете ли Вы, что остановились в выборе сотрудника на мне? Ежели Половчин Вам не приглянется, то ведь есть еще время исправить его и подумать над ним, я даже наверное могу сказать, что конечная его редакция будет иная, ибо за это время, переводя другие вещи, я утвердился совсем в новых приемах изложения и передачи этих повестей. По получении от Вас денег, я Вам ответил. Ежели Вы этого письма не получили, то понятно, что у Вас остался неприятный осадок на душе — получил, мол, деньги и замолчал! Уверяю Вас, все же это не так. Я просто напросто ждал Вас вскоре в Москве, а то, что хотелось сказать Вам, прикапливал до личной беседы. Не томите меня молчанием и черкните пару слов и там, когда Вы думаете попасть в Москву. Работа моя идет без остановок, и многое уж приведено в надлежащий вид. Есть и новинки. О житиях надобно говорить подробно и уже теперь на чем-нибудь остановиться. Ради бога, пишите. Крепко жму руку.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 16 мая 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 496—497. — [Т.] IX.

6

Москва, 16 мая 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

деньги получил, очень благодарен. Работа моя подвигается, быстро или медленно — трудно сказать. Иногда прочитанное за весь день ничем не порадует, а случается воздаст за многое. Нашел в собрании Ундольского6, пока неопубликованном, весьма любопытную «повесть о Темире — аксаке и о явлении Владимирской Божьей Матери в городе Москве» по списку XV в., а еще совсем исключительную, по моему мнению, по совершенству повествовательной формы «Повесть о Колочской Божией Матери». В начале июня, вероятно, перекочую в Никольский монастырь, о нем грезится что-то очень хорошее. Я стал крепче останавливаться на этой думе, что первая наша книга будет содержать материалы исключительно XV и XVI вв., но не знаю, как поступить с «житиями»? Стоит ли их выделять в отдельный том? Я склонен полагать, что не стоит, и вот почему: «житие» не говоря уже о форме, а и по содержанию мало разнится с «повестью» или «сказанием» XV и XVI в. Вот в XVII в. было иное. Есть основания, а потому есть и сладкая надежда еще ими подкрепиться, в том, что именно XV и XVI в. были временем роста пышного и пленительного русской древней повести, и «житие» немало поспособствует нам в том. Короче сказать, я склонен совсем не соглашаться с точкой зрения Пыпина на древнерусскую повесть, ибо в его мыслях больше похвального и излюбленного в его время западничества, чем правды. Удивительно: как много эти люди знали и как крепко любили в себе это знание, но вместе с тем оставались холодны к тому, что послужило поводом к написанию многостраничных томов. Конечно, есть имена, не подлежащие такому упреку, но все же ко многим «сладким глаголом» о родине относишься подозрительно, порой даже и более того.

Побочно вспомнил сейчас Ваше предостережение касательно лиризма стихотворных статей. Вы, конечно, сто раз правы. Жду с нетерпением приезда из лагеря Павла Павловича7, ибо хочу его поспрашивать о том, как бы мне проникнуть к Рябушинским8, дабы использовать их или ихнее влияние в старообрядческой общине, — там бездна вещей нам нужных, и вообще, не может быть, чтобы их не было.

Вышлите мне мой перевод с Вашими пометками и подробным отзывом о нем. Не скупитесь в красном карандаше, буду всякому указанию рад, ведь не правда ли: Ваши поправки не лишают меня самостоятельности, но зато полезны мне до крайности. Пока крепко жму Вашу руку. Жду скорого свидания.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 13 мая 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 496. — [Т.] IX.

5

Москва 13 мая 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

нынче выслал Вам перевод «Сказания о пленном половчине», — в нем могут быть шероховатости, но то не беда, лишь бы общий тон удовлетворил Вас. Мне почудилось, что я нашел, если не совсем, то в большей части, надлежащий ритм. Кое-какие слова старые, но и досель употребляемые в просторечии, я сохранил в переводе и стану их защищать всеми силами. Пока крепко жму руку

Пока крепко жму руку.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 11 мая 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 495—496. — [Т.] IX.

4

Москва, 11 мая 1913

Дорогой Константин Федорович,

мы с Вами думаем в один голос, только что я Вам отписал о своих делах о «житиях», как получаю Ваше письмо, где читаю о том же. Меня это крепко радует, — сравнительно мало сговорившись, мы все же вполне друг друга поняли и, думая о наших книгах в одиночку, идем одним путем. Все это создает вокруг нашей работы такой легкий и любезный простор, что я заранее начинаю верить в ее успех. И это не самоуслаждение, а настоящая вера, ибо идет она от одного источника праведного: от любви. Теперь спрюшу Вас: желателен ли в моих предисловиях элемент лиризма, который так неудержимо волнует душу, когда касаешься старых желтых страниц и читаешь их глаголы? И вот: проникновение в старину не тогда ли становится настоящим, когда душой и только душой, начинаешь угадывать ту страницу неписанную, куда занесены «сердца горестные» и вечные заметы людей, живших два, три и четыре века назад? Мне думается, что вся значительность и обаятельность гения Ключевского зиждется на этом. Только он один из наших историков так бережно и любовно обнажил «старое слово» до сокровенного его смысла и сумел как трудолюбивая пчела, собрать с неуклюжих носов запах скромных северных цветов, радовавших некогда очи Сергия Радонежского. Так я думаю и таковы мои пристрастия — судите о них. Если Вы ими не удовлетворитесь, ожидая от меня чего-нибудь иного, то еще есть время, дорогой Константин Федорович, легко и полюбовно расторгнуть наши условия, если же к моему счастью Вы разделяете их со мной, хоть только большею частью, то утвердите мне это ответом Вашим. Буду рад чаще от Вас получать весточки, а есть и у меня и такая дума: поднакопивши материала, месяца через два уехать разобраться в нем на Волгу и поселиться близь Вас в Романове-Борисоглебске5, — тогда уж мы частенько, думается, станем беседовать воочию. Спасибо за память о деньгах. Коли все у нас остается по старому, то вышлите мне 200 руб., как я просил на первый месяц, деньги, правду сказать, очень нужны. Крепко, крепко жму Вашу руку. То что Вы пишите об украшениях книги, верно и, говорить нечего, как желательно. Конечно, найдем много хорошего. Зубы мои унялись, зато кашель привязался, но это пустяк.

Весь Ваш Павел Сухотин

Павел Павлович просил Вам кланяться.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 9 мая 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 495. — [Т.] IX.

3

Москва, 9 мая 1913 г.

Многоуважаемый Константин Федорович,

с Румянцевским Музеем дело покончено, — я уже не только ознакомился с наличностью рукописей по каталогам, но уже и принялся за работу, и кажется, погрузился в нее совсем с маковкой. В первую очередь ознакомлюсь и, что есть любопытного, запишу из того, что

маковкой. В первую очередь ознакомлюсь и, что есть любопытного, запишу из того, что относится к XV-му в. именно — «жития святых». Я полагаю, что и этот материал не должен быть обойден, все-таки в них есть чудесные места, и они немало украсят книгу. Видите, пока что все-таки приходится держаться хронологии, но это лишь путь к обретенью, а не к оценке вещей, о той, о ней т. е., поговорим в свое время и более крупно. Касательно языка я с Вами совершенно согласен, я даже хотел в свое время отписать Вам об этом с просьбой изменить несколько Ваш первоначальный план о сохранении некоторых мест в подлинном виде. Наша книга всячески должна стараться избежать «умности», и Боже упаси, коли она где-нибудь состроит ученую гримасу! Этим только отудобишь от себя читателя и похоронишь работу. Но мы, очевидно, друг друга пока отлично понимаем, судя по тому, что Вы пишите о языке книги. Иных ведь соображений, пожалуй, и быть не могло?

Из Румянцевки я перехожу в библиотеку Никольского единоверческого монастыря. Угол совсем неразобранный и какой чудесный! Пути проникнуть туда есть и весьма надежные, а посему можно считать, что и этот клад в наших руках, и от него я жду так много, что сладкая жуть берет за сердце. Ваше желание поглядеть предварительный язык многих переводов исполнил, завтра перепечатаю на машинке «Сказание о пленном половчине» и перешлю Вам, дабы Вы разобрались в тишине и на свободе в моем переводе и поподробнее его бы разругали. Очень рад за свою книгу и во многом, что говоренное о ней, вижу правду и еще раз прогляжу ее, а что смогу — то исправлю. Было бы очень желательно заранее и постепенно получать ее корректуру. Жду непременно Вас в конце мая. Не браните меня, коли скажу Вам откровенно: и деньги попрошу у Вас, ибо сильно оскудел, но это отдаю на Ваше расположение. Павел Павлович шлет Вам привет, он с грустью служит. Приехал Бальмонт, честь ему воздали, хлопали и беседовали с полицией — все как водится. Крепко жму Вашу руку и жду либо письма, либо Вас.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 30 апрля 1913 г. Москва // Российский Архив: История

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 493—494. — [Т.] IX.

2

Москва, 30 апреля(19)13 г.

Многоуважаемый Константин Федорович,

пришлось очень рано вернуться из похода, достигнув Оптиной Пустыни и пробывши там самую малость. Злейший враг мой — fortuna устроила мне воспаление надкостницы под пломбированным зубом, и я не доверившись Козельской хирургии, сейчас же выехал в Москву. В дороге провел прямо-таки подвижническую ночь, так болел зуб, так было душно и тесно и так трясло, что избави Вас Бог испытать хотя бы половину. Сижу теперь и вид у меня, словно у обезьяны, которая уворовала грецкий орех и спрятала его за щеку.

Но неделю пути все-таки благословляю. Погода радовала меня только два последних дня, а то все время шел снег, перемежаясь с холодным дождем.

В Боровске ничего не пришлось достать, но в Калуге удалось кой-куда сбегать и купить икону. Не знаю пока, что она такое, ибо с собой я ее не брал, а выслал на Павла Павловича2 почтой, и вчера еще ее в Москве не было. Особого ожидать не приходится, в лучшем случае это XVIII в. Благо, если будет хорошее письмо, я тогда обменяю ее на какой-нибудь малый кусочек, но постарше и полюбопытнее.

Теперь, Константин Федорович, о нашем любезном деле станем говорить. Часто и много размышляя о нем, я решительно утвердился в том, что взять его на себя мне следует, ибо оно мне весьма дорого и мило. Что же касается недостатка некоторой технической сноровки, то я думаю

весьма дорого и мило. Что же касается недостачи некоторой технической сноровки, то я думаю быстро это устроить, присевши усердно на месяц за книги, входящие в предмет нашего дела. В этом Вы, конечно, мне не откажите помочь, как например, присылкой в ближайшее время четырех томов Кушелева-Безбородки3, стало быть, Костомарова и Пыпина. Остается самое трудное: учесть и оценить свою работу. Каково количества материала? — неизвестно. Можно одно сказать: не меньше двух томов, подобных по размеру итальянских новелл4. Это, пожалуй, пока единственно возможное, на чем можно остановиться, касаясь объема работы.

Подходим к самому трудному: сколько я сумею добыть материала в месяц или какой-либо другой срок? Вот тут ничего определенного не скажешь. В одну поездку в Питер добудешь, примерно, два печатных листа, в другую — пять, а в третью — всего один лист, а главное, я не могу приниматься за составление первого тома до той поры, пока не наберется у меня достаточного материала для определения — что будет руководить мною в размещении оного по томам: стиль, форма, тема или что другое? Нельзя же заранее определить для себя какой-то чисто хронологический угол зрения, да это было бы просто обидно, я лично ожидаю от материала более интересных и сложных комбинаций. Вся эта «неведомость» заставляет меня говорить наобум, и Вы не браните меня, коли Вам мои условия покажутся жестокими. Я с радостью уступлю Вашим доводам против. Я бы хотел так: печатный лист материала — 50 руб., лист своего текста — 100 руб., получать же плату помесячно — 100 руб., кроме первого, в котором я попросил бы Вас дать мне 200 руб., ибо полагаю прикупить себе книжек. Ради всего, не заподозрите меня в корысти, если я и прошу лишнее, то только по незнанию, такую крупную работу брать на себя приходится лишь вновь. Отписать Вам о точных сроках сдачи первого тома боюсь, Вы понимаете почему. Упреждаю Вас в одном: буду усердно стараться не задерживать по своей вине выхода первой книги, вторая-то я, думаю, должна в сравнении с первой выйти гораздо скорее, там дело будет только за написанием своего текста, да и привычка к материалу в рукописи торопит пору окончания.

Прилагаю к этому письму несколько листочков к своей книжке. Как же она Вам приглянулась?

Скажу правду: судьба ее меня очень волнует.

Крепко буду ждать Вашего ответа и все буду бояться, что Вы на меня рассердились. Крепко жму Вашу руку и прошу извинить спутанность моего писанья — виной этому проклятый зуб.

Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 7 апреля 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 493. — [Т.] IX.

1

Москва, 7 апр(еля) 1913 г.

Многоуважаемый Константин Федорович,

крепко благодарю Вас за книги. Начал работать в Румянц(евском) музее. План работы уже наметил1, о чем скоро сообщу длинным письмом, а пока ограничиваюсь открыткой, дабы Вы скорее знали о целости книги.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 28 апреля 1915 г. Мишенское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 517. — [Т.] IX.

Мишенское, 28 апреля 1915 г.

Дорогой Константин Федорович,

Ваше письмо получил в разгар самой жестокой хандры. Все это время я не мог себя заставить сесть за письмо и вообще за писание, ибо голова была занята всяческими житейскими соображениями. Дело, кажется, решится в том смысле, что я на этот год совершенно покину Москву и буду с семьей жить здесь. Это, конечно, не помешает нам видеться в Ярославле, куда я по нужде буду заглядывать, или в Москве. Но жить в столице эту зиму по многим соображениям не приходится. Обо всех начинаниях, о которых Вы мне пишете, кроме хорошего сказать ничего не могу, но сам в них пока участия принять не сумею. Жития для лубка пишу и, вероятно, к 15-му вышлю. Напишу как смогу, не взыщите. Ап. Григорьева получаю туго. Вы пишите, что дело с Чешихиным кончилось ерундой, и я получил два гнусных анонима. Не понимаю, почему я и Ваше издательство возбуждает такую ненависть и недоброжелательство? И почему именно я? А может быть и другие? Пересылать Вам эту дрянь нет охоты, да и куда я их сунул, сейчас не помню.

Напишите, пожалуйста, Остроухову письмо, о том, что Лидия Николаевна очень неаккуратно получает от отца Николая Михайловича деньги, а потому нельзя ли как-нибудь получение их упорядочить. Пусть Остроухов напишет официально! Щекотову — отцу о том, что Николай Михайлович нуждается в деньгах и просит его о их высылке (что и есть на самом деле), а потому — де пусть не задерживает их, а передает по назначению. Это можно сделать корректно и внушительно.

От Павла Павловича я — ни гу-гу.

Ламартин66 перевожу. Нужна ли она Вам? А то ведь и бросить не беда. Пишите, ради Христа.

Вышлите мне Ваши лубочные новости да и прочие сюда. Летом, конечно, увидимся. Как здравствует Вам сын и как его наименовали? Поклон Софье Леонидовне.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Павел Сухотин

Как живет и работает поэт Ашукин? Большой привет ему и папаше Артемьевичу. Привет Вере и всем газетным борзописцам.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 15 января 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 514—515. — [Т.] IX.

38

15 января 1915 г.

Дорогой Константин Федорович,

был очень тронут Вашим последним письмом. В унынии и тоске обращаются только к близким, а быть Вашим другом в унынии почитаю за радость, не потому, конечно, что это настроение любезно мне в Вас, а потому, что в такие минуты плотнее сообщаются люди. Последнее мне особо дорого теперь, ибо с грустью я стал замечать, что между нами будто бы пронеслась нежданно полоса отчуждения, столь чуждая всему тому доброму, что я чувствую к Вам. Спасибо. А на уныние плюньте и будьте добры. Неужели 12 праздников? Ах, как бы хотелось, чтобы они остались у Вас! Давно собираюсь с Вами поговорить — нельзя ли выключить из лавки древностей иконную часть и все то, что более или менее ценно, возвратить на Ваши Ярославские

древностей иконную часть и все то, что более или менее ценно, водворить на Ваши Ярославские стены. Ведь иконы попадаются все реже и реже, и если уж говорить о материальных выгодах, то Вы всегда или успеете воспользоваться на крайний случай, продавши иконы от себя, а в случае удачи, они так и останутся мирно пребывать на стенах. Что может быть лучше их и чище для русского сердца, и как сладка мысль — перенести в свой дом новгородских пенатов. Немедленно же отправляйтесь за Вологду и ищите пророков, это ведь Ваше давнишняя мечта — создать себе чин, а если есть праздники все, то и ненадолго до создания полного иконостаса. Я, конечно, никак не хочу этим пожелать Вам построения домашней капеллы, но знаете, я прихожу к тому заключению, что наши иконы без архитектурного размещения в иконостасном ряде утрачивают многое, поставлять их под стекла и рамы — это, значит, насиловать их природу, ведь часто «пророк», вынутый из чина, кажется нам неудачно вписанным в доску, а между тем это не так, а потому, если серьезно собирать иконы и если есть возможность, то в конечной цели надобно ставить себе задачей подобрать иконостас. А пока поздравляю Вас со всеми праздниками и желаю Вам пророков. В Вашем будущем иконостасе местной иконой будет, конечно, «Сретенье».

А теперь о делах. Я нынче посылаю предисловие к «Тути-намэ» и размещение первого пол-листа. Вы пишете, что Григорьев печатается. Как? А корректура мною еще ни разу не получена! Вероятно, Вы обмолвились. Достал я фотографию дома Григорьева и его редкий портрет, помещенный в «России» за 1899 год. Кроме того надобно снять портрет молодого Григорьева — Бруни в Третьяковской гал(ерее), дома Полякова на Полянке, церковь Григория Неокессаоийского, и нельзя ли что-нибудь найти старинной фотографии или гравюры вида Замоскворечья. Эти снимки необходимо дать, чтобы книга была любовна и хороша, а материально это не так уж обременит издание. Кое-что я уже сделал из примечаний, выяснил фамилию тех лиц, о которых Григорьев упоминает в автобиографии, не называя их. Как сбуду с плеч «Сказки Попугая» и «Аполлона», так тотчас же принимаюсь за жития и повести.

Скворцов кончил о Левицком, задержал я его, ибо советовал кое-какие места переделать. Тепин

о Сурикове тоже кончил и читал мне, теперь исправляет, стало быть тоже скоро пришлет рукопись. И для Сурикова и для Левицкого снимки готовятся. У меня как-то невольно сосредоточилась вся махинация этих изданий, а потому я и сообщаю Вам обо всем, я в этом неповинен, и если Вы хотели всю инициативу в этом деле предоставить Скворцову, то напишите мне об этом, и я постараюсь уклониться, а то как бы не вышло неловкости. Кажется, пока все. Я кисну, и хотелось бы на несколько деньков проветриться. Павел Павлович приедет в конце января, а Ник(олай) Мих(айлович) пока жив, здоров и более или менее в безопасности, т. е. в тылу. Крепко жму Вашу руку, дорогой Константин Федорович, и жду Вас самих или писем.

Любящий Вас Павел Сухотин

P. S. А вот нижайшая просьба: нельзя ли мне через кого-нибудь Вашего антиквария достать плохонькую конторку, ибо она необходима мне по случаю геморроя, от боли иногда приходится стоя читать, а писать никак без конторки не устроишься. Хотелось бы старенькую, но совсем дешевую, иначе придется покупать самого канцелярского вида.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 12 января 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 513—514. — [Т.] IX.

37

12 января 1915 г.

Дорогой Константин Федорович,

посылаю нынче окончательную корректуру в верстке «Тути-намэ». Предисловие сочиняю и дня

через два вышлю, оно, конечно, будет маленькое. Нынче же у меня читает Тепин о Сурикове; я пригласил и Скворцова, дабы вдвоем внимательнее прослушать и приметить места, нуждающиеся в поправке. Сам Скворцов кончил о «Левицком» и переписывает, а с будущей недели займется снимками и Кипренским. Но и сам хотел Вам писать. Тепина буду торюпить с окончанием. Выборку из «Тути-Намэ» для юношества я сделал и посылаю с корректурой. Эту книгу избранных сказок издать необходимо, ибо все равно кто-нибудь воспользуется ею в переделке или еще под каким-нибудь соусом. Затем, памятуя о том, что Вы хотели кое-что давать и для детей, предлагаю Вам свою стихотворную сказку о гороховом царстве и сборничек детских стихов Ашукина. Хорошо было бы на пробу выпустить их к Пасхе с черными рисунками Малыгина58, а сказку мою можно было бы повторить и в лубке. Беру на себя смелость думать, что сказка моя и стихи Николая Сергеевича не хуже всего того, что дают для детей другие издательства и в убыток они Вам не будут, тем более, что рынок детский, судя по Рождеству, сильно оскудел, и спрос на детское чтение есть. На сей предмет высылаю Ашукину эти две вещи, а там решайте сами, может быть, все это уже и не входит теперь в Ваши планы. Жду корректуру Ал. Григорьева, чтобы составить примечания. Обязательно нужна корректура в двух оттисках. Как живете и здравствуете? Я кисну. Павла Павловича пока нет, и точно неизвестно, когда он будет. От Ник(олая) Мих(айловича) письмо было от 1 января, он все там же. Крепко жму руку. Поклон всем.

Ваш Павел Сухотин

P. S. О гонораре за сказку судите сами, я не знаю. Сытин59 мне платил 150 руб. в полную собственность. Может быть, это действительно справедливая оценка для издательства. Во всяком случае я и на это согласен, ибо деньги весьма нужны; в случае Вашего, согласия, вышлите некую толику.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 7 августа 1914 г. Мишенское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия

ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 510—511. — [Т.] IX.

32

Мишенское, 7 августа 1914

Дорогой Константин Федорович,

нынче получил письмо от жены, в котором она спрашивает меня от Вашего имени, где и кто получил деньги за квартиру на Знаменке. Получил их я, но из них 100 руб. были взяты Попковым, а часть пошла на расходы на взносы в университетскую библиотеку для получения оттудова книг, квитанция у меня. Я Вам выслал уже часть «Сийского», часть высылаю нынче: итак через день буду сдавать рукописи для набора. Здесь я задерживаюсь по той простой причине, что без меня ничего не двигалось: все худо, поломано, неустроено и т. д., при скудности моего нынешнего кошелька приходится вывертываться, и порой чувствуешь себя как на горячей сковородке. Дело доходит до того, что самому пришлось два дня посева ходить и управлять скоропашкой. Приятно и весело, давно я так не жил. Надобно же как-нибудь вывертываться. Сюда едет Лидия Николаевна48. Пока не вернется с войны Николай Михайлович, она будет жить здесь, надобно, стало быть, и ее обставить здесь так, чтобы все было к удобству. Покончивши тут с самыми необходимыми делами, приеду в Москву, но, чувствую, что скоро меня опять сюда потянут какие-нибудь хозяйственные недуги. Состояние нутра моего временами бывает так плохо, что говорить о нем не следует, совсем не интересно и подло. Как-то Вы живете? Скучаю по Вас и по нашей прежней житии. Бог даст, оно вернется, но что-то мало верится. Чувствую себя на закате, и надобно поспешить приготовить себя хотя бы мало-мальски достойно встретить судьбу. «Кипим сильней, последней жажды полны, но в сердце тайный холод и тоска» — сказал Ваш дядька про таких как я ныне. Читаю его в деревенской глуши, некоторые слова его запоминаю, как пророчества и дивлюсь минутам чистейших наитий его порочного и темного

сердца. Был ли еще у нас такой ярко-русский писатель. Да, пожалуй, только один Толстой (Пушкин особо как глава всему), а прочия братия — все французские люди с русскими чудачествами. Думаю продолжать свою повесть; может быть, хоть одна путная вещь выйдет из-под моего пера? Пишите мне, ради Бога, если не забыли и если станет охота. Шлите письма заказным: г. Одоев Тульской губ(ернии), имение Мишенское, мне.

Поклон Николаю Сергеевичу и Ивану Артемьевичу. Крепко жму Вашу руку. Корректуры задерживать не буду, долги Вам безумно тяготят меня, коли можно, не очень сердитесь на меня.

Весь Ваш Павел Сухотин

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 10 сентября 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 503. — [Т.] IX.

20

Москва, 10 сент(ября) 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

прошлое письмо свое я писал в таких торопях, что не выяснил Вам всего положения дела. Ведь ежели Вы приедете 10-го октября и только тогда начнется работа по журналу, то надо считать, что до предположительного выхода первого номера остается не более трех недель, ибо ведь еще не подано прошение о разрешении журнала. Все это меня сильно волнует и не без основания, — до журнала по времени рукой подать, в Москве идут разговоры, звонят и по телефону почти каждый день, а я сижу и ничего не делаю, а должен был бы на самом деле кипеть в работе. Ради Бога, шлите прошение к градоначальнику или доверенность мне на сей предмет. Необходимо как

можно скорее объявляться в агентах и открывать подписку. Вчера с Софьей Леонидовной установили две горки с фарфором, вид у них получился весьма внушительный. Двери, у коих стоят эти горки, задрапировали турецкими платками. Надо думать, что комната со стариной будет очень хороша. Радуюсь Вашим покупкам. На днях навел справки о двух имениях: одно в моей. Тульской губ(ернии), Офросимово, другое, в Орловской — Бибиково — дома полны всякой всячины, и по первой пороше следовало бы оттуда вывезти кое-что, только надо еще покрепче увериться. В единоверческом работаю каждый день. Находки, которой похвалился бы, пока нет. Но зато во многом прочно убедился, а именно в том необычайном вкусе наших «списателей», с каким они выбирали из «патериков» греческого происхождения «слова» и «тексты» в свои сборники, и какой новой неожиданной красотой дышут они — эти изрядно-таки грубоватые в первоисточнике «слова». Заявление г. Пыпина о том, что преднамеренное желание переделывать (повести) — было выше того времени, кажется мне совершенно неосновательным. Весьма вероятно, что в своей книге я остановлюсь на этом подробнее, чем думал раньше, так как это сильно должно подкрепить мнение о самостоятельности русского писателя XV и XVI веков.

Пока крепко жму Вашу руку и желаю покупок, благополучия и даров Востока.

Весь Ваш Павел Сухотин

P. S. От Муратова и Щекотова ни строчки. Я очень грущу.

Сухотин П. С. Письмо Некрасову К. Ф., 30 июля 1913 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 500. — [Т.] IX.

15

Москва, 30 июля 1913 г.

Дорогой Константин Федорович,

вернулся в Москву, ибо с одним глазом и с разбитой головой дело не ладилось, да и в монастырях без гербовых листов или какого-нибудь кумовства смотрят на заезжего человека подозрительно, даже враждебно. Всюду для осмотра скудных остаточков ризниц требуют «открытого листа» и говорят, что они даже из археологического общества не всех пускают, а потом, смеривши вас глазами, про себя добавляют: а таких хлыстов мы боимся, ибо про них ученые люди поговаривают нехорошо. Нет, в монастыри ездить незачем, — пустыня там, а за случаем гнаться и дорого и времени уходит уйма. Как подлечу глаз и голову, так начну работать в единоверческом, а затем во что бы то ни стало надобно проникнуть к Уваровой15 и скорее в Питер. И вот опять сомнение: не случилось бы со мной в Петербургской Духовной Академии того же, что и в Казанской? Тогда беда. Вчера видел Павла Павловича, а он рассказывал мне о Георгиевском, смотрителе рукописного отд(ела) Румянцевки, который поехал в Соловки и не мог проникнуть там в библиотеку, несмотря на дружеские отношения с тамошним архиереем, что архиерей для них ничего не значит, они, мол, знаются с одним Святейшим. Николай Михайлович16 тут же поразил меня тем, что и в Архангельское Древлехранилище тоже не пускают. Стало быть, остается одно: заряжать пушки и брать библиотеки приступом. Веселого мало, но будем все-таки работать. Отчего от Вас не имел писем в Рыбинск? По письму моему к Вам из Казани и Рыбинска Вы же знали мой адрес, или Вы боялись, что Ваши вести не попадут мне на руки? До приезда в Москву я полагал, что Вы куда-то уехали, а тут узнаю, что нет, надеюсь в скором времени повидаться и побеседовать с Вами о своих горестях, хотя это должно быть скучно, но что же поделаешь, коли я радости никакой не привез. Из шитья кое-что заметил. Надеюсь вскоре стать работоспособным в полной мере и начать двигать книжку. Простите меня за каракули, — плохо вижу. Крепко жму Вашу руку. Напишите мне хоть пару, а то я буду думать, что Вы на меня махнули рукой. Уверяю Вас, что все уладится, а злоба, накопившаяся во мне, за это время даст мне новые силы и приготовит меня к бою с научной и духовной сволочью.

Ваш Павел Сухотин

Ваганова И. В. Письма П. С. Сухотина к К. Ф. Некрасову // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 493. — [Т.] IX.

Павел Сергеевич Сухотин (1884—1935) — поэт, переводчик, историк литературы. Сотрудничать с издательством К. Ф. Некрасова он начал в 1913 г. по рекомендации писателя Б. К. Зайцева и искусствоведа П. П. Муратова*.

Вместе с Некрасовым, Муратовым и искусствоведом Н. М. Щекотовым Сухотин готовил издание нового журнала древнерусской литературы и искусства «София»**. Когда издательство Некрасова приступило к его выпуску в 1914 г., редактором «Софии» стал Муратов, а Сухотин добровольно взял на себя обязанности секретаря журнала и исполнял их до декабря, когда издание было прекращено на шестом номере из-за начавшейся войны и ухода на фронт многих сотрудников во главе с Муратовым.

У Некрасова Сухотин издал несколько книг: сборник своих стихотворений «Полынь» (1914) и лубочную «Сказку о гороховом

царстве» (1915), «Мои литературные и нравственные скитальчества» Аполлона Григорьева (1915) и «Сказки попугая (Тути-Намэ)» (1915).

Не были изданы подготовленные Сухотиным «Житие Антония Сийского» иеромонаха Ионы и двухтомник «Древнерусские повести» (вступительная статья к двухтомнику и шесть повестей напечатаны по втором номере журнала «София»).

Письма П. С. Сухотина к К. Ф. Некрасову хранятся в ГАЯО (Ф. 952. Оп. 1. Д. 256—258).

Князь Ф. М. Косаткин-Ростовский о своем роде

Косаткин-Ростовский Ф. М. Князь Ф. М. Косаткин-Ростовский о своем роде / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Л. И. Шохина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 519—525. — [Т.] IX.

В личном фонде историка и издателя графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844—1918) хранится наполовину исписанная тетрадь, на обложке которой написано рукой Шереметева: «Воспоминания князя Ф. М. Косаткина-Ростовского, сообщенные княжной Кос(аткиной)-Рост(овской) Софией Федоровной в 1916 году»*. Возможно, эта рукопись предназначалась для исторического сборника «Старина и Новизна» — органа основанного и возглавлявшегося Шереметевым Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III.

Предыстория того, как «воспоминания» попали к Шереметеву, вероятно, связана с интересом, проявленным графом к стихам внука Косаткина-Ростовского — поэта, князя Федора Николаевича Косаткина-Ростовского, офицера лейб-гвардии Семеновского полка. Шереметев собирал материалы по истории Первой мировой войны. В его архиве, в одном из дел с надписью «Военное время, январь 1915 г.», подшита машинописная подборка стихов Ф. Н. Косаткина-Ростовского «С войны (листки походной тетради)», с дарственной надписью и фотографией. Стихи были переданы Шереметеву через тетку автора, княжну С. Ф. Косаткину-Ростовскую**.

В качестве отдельной единицы хранения отложилось письмо князя Г. М. Косаткина-Ростовского (Петроград, 16 января 1915 г.): «Ваше Сиятельство, глубокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич. Получил Ваше письмо от 16 января, немедленно сообщу моему двоюродному брату Федору о Вашем желании иметь его произведения. Он, наверное, будет очень счастлив прислать или привезти их Вам. Он только что приезжал сюда на один день и вчера вечером уехал обратно в действующую армию»*. 26 января 1915 г. поэт сам написал Шереметеву. «Глубокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич. Только что, приехав на 2 дня с войны, я узнал о том, что Вы писали моему двоюродному брату кн. Г. М. Косаткину-Ростовскому, желая знать, где можно достать мои книги и стихи «С войны». Искренно польщенный Вашим отношением к моей скромной работе, позволяю себе просить Вас, граф, принять от меня прилагаемые несколько книг из моих произведений и стихи «С войны», в воспоминание о моем деде и отце, которые с детства научили меня глубоко и искренно Вас уважать. Очень извиняюсь, что не привожу эти книги лично: я здесь проездом, завтра опять еду на войну, и приехал сюда в боевом костюме. Кроме того, прошу извинить меня, что посылаю стихи «С войны» переписанными на ремингтоне. Сборник выйдет из печати только в марте, а в этом виде они отпечатаны только для моих друзей. Когда кончится война, если останусь жив, выйдут из печати мои новые книги: «Сны и пробуждения» (5-ая книга стихов), рассказы (книга 2-я), «В походе с полком» (воспоминания о войне, часть которых печаталась в «Н(овом) Врем(ени)» под моим псевдонимом «Эфкаэр») и 2-я книга моих пьес. Пользуюсь этим случаем, чтобы просить Вас, граф, принять выражения моего самого глубокого и искреннего уважения. Искренно Вам преданный Ваш покорный слуга князь Федор Косаткин-Ростовский. Гостиница «Регина», Мойка, 61»**.

Некоторые из подаренных Ф. Н. Косаткиным-Ростовским Шереметеву книг с автографом в настоящее время находятся в РГБ, там есть и сборник стихов «С войны» с продолжениями — всего три «тетради», изданные в 1915—1917 гг. С. Ф. Косаткина-Ростовская продолжала поддерживать отношения с Шереметевым, как видно из ее письма от 25 февраля 1915 г. «Глубокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич. Получила от Вашего Сиятельства чрезвычайно интересную книгу «Старина и Новизна». Пишу эти строки, чтобы от всей души поблагодарить Вас за добрую память и любезное внимание. Мой племянник, Федор Косаткин-Ростовский, был чрезвычайно счастлив представиться Вашему Сиятельству. Получила только что от него письмо

чрезвычайно счастлив представиться Вашему Сиятельству. Получила только что от него письмо, которое он пишет во время боя у Ломжи, потери у них в Семеновском полку большие, но он покуда жив и невредим, настроение отличное, верит в победу, что Бог поможет нам в правом деле борьбы за нашу дорогую Россию!»***

Косаткина-Ростовская передала Шереметеву воспоминания своего отца, Федора Михайловича, которые он начал писать для детей, но не закончил. Тем не менее Шереметев предполагал их использовать, судя по тому, что снял машинописную копию****. Однако с Февральской революцией 1917 г. издание «Старины и Новизны» прекратилось, а последующие события тем более заставили забыть о подобных намерениях и собранных материалах.

ВОСПОМИНАНИЯ КНЯЗЯ Ф. М. КОСАТКИНА-РОСТОВСКОГО

Прабабка моя, Екатерина Борисовна Урусова, урожденная графиня Шереметева1, была дочь фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева2. Упоминаю об ней для того, чтобы разъяснить Вам, дети мои, родство наше и связи с семьей графов Шереметевых, которые, как увидите, немалую будут играть роль в моей жизни.

Я полагаю, у вас в памяти оригинальный портрет моей прабабки, висевший в моем кабинете. Вы можете по нем судить, что она была красивой, приятной наружности. Вышедши замуж за князя Алексея Васильевича Урусова, принесла мужу богатое приданное и, как гласит молва, была очень счастлива в супружестве, но скончалась в непреклонных летах. Из рассказов моей тети, княжны Елены Ивановны Косаткиной-Ростовской (внучки Екатерины Борисовны), я знаю, что перед смертию своей прабабка моя, Екатерина Борисовна Урусова, поручила единственную свою дочь, княжну Варвару Алексеевну, попечению и покровительству родному брату своему, графу Петру Борисовичу Шереметеву3. В те времена подобные просьбы, высказанные на смертном одре, исполнялись свято. Граф Петр Борисович принял бабушку мою, княжну Варвару Алексеевну, в свой дом и полюбил как родную дочь. Заботился о ней, заведовал ее имуществом, заключавшемся из большого капитала и в населенных имениях, и во всем соблюдал ее интересы как родной отец. Это было в царствование Императрицы Елизаветы4 и Екатерины II-й5, в царствование последней граф Петр Борисович был московским губернским предводителем дворянства. По своему официальному положению и богатству жил открыто, и дом его в Москве постоянно был полон гостей. Императрица Екатерина II и Высочайший Двор часто посещали Москву, потому празднествам и веселиям не было конца. В дом графа могли приходить все желающие получить пищу и никому в этом отказа не было, этот обычай был введен еще при фельдмаршале графе Борисе Петровиче Шереметеве. В те времена родством, даже дальним, не гнушались, и младшие родственники считали себя как бы обязанными навещать старших, а последние, по-возможности, им покровительствовали и старались быть полезными и словом и делом.

Тетка моя, княжна Елена Ивановна Косаткина-Ростовская, рассказывала мне многое, слышанное ею от матери о веселом житье-бытье того времени; из многих ее рассказов у меня удержалось в памяти о семейной жизни графа Петра Борисовича: о замечательных для того времени домашних спектаклях, бывших в его доме, о воспитании, препровождении времени и вообще о всех тех событиях, которые произошли с моей бабушкой, кн. Варварой Алексеевной, в доме гр(афа) Шереметева.

Оставшись сиротой, бабушка моя, княгиня Варвара Алексеевна, рожденная княжна Урусова, как я упоминал выше, после смерти своей матери, княгини Екатерины Борисовны, была взята на попечение родным дядей ее, графом Петром Борисовичем Шереметевым. Официальное положение графа отнимало много у него времени. Празднества и приемы гостей, почти обязательные, лишали его возможности обратить внимание на образование своей питомицы, княжны Варвары Алексеевны, а взгляд того времени на женское образование был весьма нетребователен. Если девица умела читать, писать, танцевать и играть на арфе, то считалось, что она получила образцовое воспитание. Кн(яжна) Варвара Алексеевна умела читать, писать, танцевать, хорошо играла на арфе, была обучена пению, имела приятный голос и доставляла

танцевать, хорошо играла на арфе, была обучена пению, имела приятный голос и доставляла большое удовольствие графу Петру Борисовичу как любителю музыки своей игрой и пением.

У графа Петра Борисовича на его домашнем театре давались оперы, балеты, комедии и проч. Труппа актеров и актрис состояла большею частию из его крепостных людей. На бывших спектаклях в подмосковных его имениях «Останкино» и «Кусково» часто присутствовали Высочайшие особы, иностранные послы и высшее общество. Многие из актеров удостоились получить драгоценные подарки из рук Императрицы Елизаветы и Императрицы Екатерины II. В особенности обращала на себя внимание и всем нравилась по своей миловидности, грации и таланту в игре и танцах знаменитая Прасковья Ивановна Ковалева6, впоследствии сделавшаяся супругой сына графа Петра Борисовича, графа Николая Петровича Шереметева7, а также товарка ее Татьяна Васильева Шлыкова8, последняя в особенности отличалась своей грацией в характеристических танцах. Почтеннейшая, добрейшая и умная женщина, я знал ее с малолетства и всегда вспоминаю о ней с сердечною признательностью за ее добрые советы и ласку ко мне. Еще не раз буду упоминать о ней.

Прасковья Ивановна Ковалева и Татьяна Васильевна Шлыкова, обе были взяты из одного села Вощажниково, Ярославской губернии, Ростовского уезда, принадлежавшего графу. Мне довелось несколько раз летом быть в этом селе, что за чудное местоположение! Там еще существовал господский дом с изразцовыми старинными печами, сходными по рисунку с теми, которые находятся в московских теремах, в Кремлевском Дворце; сохранилось немного мебели и другой старинной утвари. В это село граф Петр Борисович приезжал охотиться по зверю и дичи. Мне первый раз пришлось приехать туда накануне Троицына дня9. Уставши от дороги, я рано лег спать и проснулся на заре. Утро было теплое, солнце только что всходило и аромат цветов с бархатных лугов через растворенное окно благоухал в мою комнату. Я невольно стал любоваться на красивые села, луга, поля и рощи, и тут мое внимание было привлечено множеством мужчин и женщин, с разных сторон направляющихся пешком к селу Вощажникову, все они были босиком и почти у всякого был на голове узел. Я догадался, что они направляются так рано в село по случаю праздника в церковь и, действительно, когда я тоже отправился к обедне, то увидел массу народа, разодетых мужчин в сюртуках, а женщин в модных шелковых платьях с зонтиками в руках. Для сохранения своего туалета каждая несла его в узле на голове и переодевалась в селе у своих знакомых. По окончании обедни все выходили парами и становились рядом, мужчины с мужчинами, а женщины с женщинами, каждая пара одна против другой. Когда они все таким образом установились, занявши всю длину улиц, то первые пары мужчин подали руку своим дамам, за ней вторая и т. д. и пошли все серединою улицы. Это их шествие и расстановка весьма походило на «Полонез». Громадная толпа народа, более двух тысяч, разбрелась в село, по своим знакомым, где наскоро попив чаю и закусив, опять парами высыпала на улицу, и начала танцевать французскую кадриль, вальс и польку, подпевая в такт какую-то нескладную песенку: «Чижик, чижик, желтенький воробушек». В танцах и песнях они провели весь день, а на закате солнца я опять увидел тех же пешеходов, направляющихся из села в разные стороны в том же «дезабильэ», как утром, с узлами на голове.

Граф Николай Петрович при жизни отца своего был в связи с Прасковьей Ивановной Ковалевой, но из боязни, чтобы не узнал этого отец, употреблял все меры, чтобы скрывать от него свою страсть, хотя все домашние о том знали. Недолго пришлось бабушке моей, княжне Варваре Алексеевне, пользоваться отеческим покровительством графа Петра Борисовича и не удалось ей пристроиться при жизни своего обожаемого благодетеля. Со смертью его опека над ней перешла к сыну его, ее двоюродному брату, графу Николаю Петровичу, который не имел к ней расположения, как дядя, и ей пришлось испытать всю тягость жизни в чужом доме. Граф Николай Петрович ни в чем не походил на отца. Он был страшно скуп, прислуга его, недовольная им за его излишнюю рассчетливость, чтобы хотя чем-нибудь досадить ему, часто делала убытки, напр(имер), при переноске посуды и ящиков с винами во время приготовления к празднествам как будто нечаянно роняли все на пол и разбивали и т. п.

Граф Николай Петрович, несмотря на то, что после смерти отца ему досталось имение более ста тысяч душ и громадный капитал, жил по своей скупости весьма скромно: приемов, кроме

тысяч душ и громадный капитал, жил по своей скупости весьма скромно; приемов, кроме семейных, никаких не было, да и те прекратились после брака его с Прасковьей Ивановной Ковалевой, так как родня не одобряла этого брака, и многие знакомые тоже перестали к нему ездить. Ему оставалось только сидеть дома и копить деньги и увеличивать состояние.

Мне рассказывала Татьяна Васильевна Шлыкова, что граф сознавал это и говорил ей неоднократно, что у него столько денег, что он не знает, куда их девать. Надо полагать, что лежащий непроизводительно капитал не удовлетворял скупости графа. Натянутые отношения с графом Николаем Петровичем, как надо полагать, заставили бабушку мою принять предложение деда моего, князя Ивана Федоровича Косаткина-Ростовского, который был пожилой человек, ему было тогда более 40 лет, а она была совсем юная девочка; она уважала моего деда, но как сама рассказывала дочери своей Елене Ивановне, что когда выходила замуж, совсем не была влюблена в своего жениха, а вышла только потому, чтобы уйти из дома, тем более что не говоря о том, что ей тяжело было жить у двоюродного брата, да к тому же граф Николай Петрович собирался переехать на жительство в С.-Петербург, где ему строил дом на Фонтанке знаменитый архитектор Растрели10, а так как вся многочисленная родня моей бабушки большею частью жила в Москве, то она опасалась, как сама сообщала впоследствии дочери своей, княжне Елене Ивановне, быть в Петербурге совсем одинокой. Все это вместе взятое заставило кн(яжну) Варвару Алексеевну решиться дать свое согласие моему деду, и свадьба их последовала в непродолжительном времени. Дед мой был добрый, честный человек и любил бабушку мою до обожания, все в доме делалось, как она желала. При выходе в замужество моей бабушки граф Николай Петрович Шереметев выказал вполне свою скаредность и нисколько не исполнил просьбу своего отца, графа Петра Борисовича, от которого получил громадное состояние, большею частью полученное в приданное за матерью графа, кн. Черкасской11, но также многое было приобретено самим графом Петром Борисовичем, так как он был одним из просвещеннейших сельских хозяев того времени, и его предписания и распоряжения по имениям, составляющие целый кодекс, почти все писанные его собственной рукой, убедили меня, что он был из самых деятельных и сведующих хозяев.

Бабушка моя в делах ничего не понимала, по убеждению графа Николая Петровича она уступила все населенные имения, доставшиеся ей после родителей в приданное, графу Николаю Петровичу, а взамен этого получила от него единовременно тридцать тысяч деньгами и затем по жизнь себе и всем детям по пяти тысяч в год, а так как у бабушки моей было их четверо, то они сначала получили означенные пять тысяч рублей все, а по кончине кого-либо из них эти деньги делились поровну между оставшимися в живых. Запись была совершена крепостным порядком, за подписью двадцати человек свидетелей, большею частью близких знакомых. Эта сделка была весьма выгодна для графа, потому что все эти, хотя и небольшие имения до 400 душ шли из рода графа Шереметева, полученные в приданное ее матерью Екатериной Борисовной от графа Бориса Петровича, и были, как говорится, борозда к загону, потому что стояли большею частью в смежности с имениями, принадлежащими графу Николаю Петровичу, неотмежованные и даже не отделенными границами, уже не говоря о том, что невозможно было бабушке моей знать их настоящую ценность, так как она была в опеке сначала у дяди, гр(афа) Петра Борисовича, а потом заведывание ее имуществом перешло к двоюродному брату, графу Николаю Петровичу, и она положительно не знала о доходности своих имений. При дяде из деликатности никогда не решалась спросить, потому что была им облагодетельствована, а двоюродного брата не смела спросить. Она сама рассказывала дочери своей, кн. Елене Ивановне, что однажды перед своей свадьбой она, собравшись духом, сказала графу Николаю Петровичу, что «весьма желала бы узнать, какой доход дают ее имения». На это ей гр. Николай Петрович ответил, что завтра утром он к ней пришлет управляющего, который отдаст ей полный отчет по имению. И действительно на другой день явился управляющий и сообщил ей, что с имения столько-то получено кусков холста, столько-то льна, столько-то талек ниток, сукна; материал этот еще не продан по случаю низких цен, а денег за расходами налицо состоит около тысячи рублей. В числе поборов с крестьян числились куры, бараны, теляты, медведи. Подобный отчет по хозяйству, сообщенный неопытной девушке, убедил нашу бабушку согласиться и решиться на вышеозначенную сделку, т. е. уступить графу Николаю Петровичу все свои имения, а взамен получить деньги и

упомянутую запись.

Бабушка моя Варвара Алексеевна, вышедши замуж за моего деда, князя Ивана Федоровича Косаткина-Ростовского, поехала вместе с мужем в его степное имение в Тамбовскую губернию. Не могу теперь припомнить, как оно называлось — Суковины или вроде этого. Это имение было с большим количеством плодородной земли, но господской запашки там не было, и крестьяне пользовались всею землею, за что платили небольшой оброк. В имении не было ни господского дома, ни усадьбы. Давно никто там не жил, и крестьянам весьма не понравился приезд господ, они предчувствовали, что они отберут у них более половины земли и сами станут заниматься сельским хозяйством. Вскоре после их приезда в один из праздничных дней крестьяне собрались на сход, на котором сначала выпито было порядочное количество вина, а потом порешено идти к господам всем миром и просить оставить их владеть по-прежнему всею землею. Когда вся деревня, человек до трехсот крестьян, пришла к избе, в которой остановились дед и бабушка, начали все вместе говорить, тогда дед заявил им, что просьба их не может быть исполнена. В толпе послышались различные угрозы, а в последующую ночь, должно быть от неосторожности, произошел пожар за двором той избы, где остановились дед и бабушка. Они еле-еле успели выскочить из избы, а вещи их дорожные сгорели и экипажи тоже. Этот случай так напугал бабушку, что она уговорила мужа немедленно уехать из этого имения, а впоследствии убедила продать его. Это имение было с отличной землей, но было продано наскоро, за бесценок.

Возвратясь в Москву, они прожили там несколько месяцев, приискивая купить имение в недалеком расстоянии от Москвы. Выбор их остановился на селе Токмакове, Тульской губернии и Тульского уезда. Это село есть место моего рождения. На горе, которая тянется более двух верст, стоит каменная церковь, где в ограде близ самой церкви у паперти покоится прах деда моего и бабушки Варвары Алексеевны, рожд. кн. Урусовой. В селе Токмакове, при покупке его числилось 200 душ населения, при имении находилось до 800 десятин очень хорошей черноземной земли с заливными лугами. Местность гористая, удобная для разведения фруктовых садов, которые там и были разведены почти у всех помещиков. В означенном селе поселились

мой дед и бабушка, построив себе дом около самой большой дороги, на полугоре, где точно нарочно как раз для этих построек самой природой образовалась площадка. Под гору, до самой речки раскинулся сад, надворные же и хозяйственные строения помещались по обеим сторонам, на площадке. Местоположение очень красивое, из дому под гору, которая тянется более версты, постепенно поворачивая то влево, то вправо, далеко видно, кто идет и едет. Я очень любил смотреть, как зимой в праздник жители всего села, от мала до велика, катались на салазках и лодках, в последние помещались несколько человек, их ввозили на гору на лошадях. Во время масленицы дед мой с родными и приезжими гостями, накушавшись блинов и сделав должное возлияние, любил покататься с природной горы. Близ этого имения, в двадцати верстах, находилось большое имение графа Николая Петровича Шереметева Серебряные Пруды, где был конный завод. Граф ни разу не был в нем и просил деда моего, князя Ивана Федоровича, наблюдать за ним, а так как князь Иван Федорович был большой любитель и знаток в лошадях, то он занимался конным заводом, и его заботливости и умению отчасти обязаны выводом хороших статей рысистых и верховых лошадей. Я как сквозь сон припоминаю деда и бабушку; единственно, что хорошо сохранилось в моей памяти, это — зал и ломберный стол, на котором дед и бабушка по вечерам игрывали в лото с родственником нашим Дружининым, который часто у них гостил. Еще у меня смутно сохранилось в памяти болезнь бабушки, и как она благословляла меня и брата Порфирия, ее любимца, водили к ней прощаться. Не знаю, жила ли она еще после этой болезни или вскоре умерла.

Я многое помню, что со мною и вокруг меня происходило, хотя мне было не более трех лет. Дед умер раньше бабушки, но я этого не помню. У деда моего и бабушки было четверо детей: два сына и две дочери. Старший сын, мой отец князь Михаил Иванович, а второй сын князь Алексей Иванович, и дочери княжна Елена и Екатерина Ивановна. Последняя была в замужестве за дворянином Викуловым. Привязанность их к детям была столь сильна, что они не допускали мысли расстаться с ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Шереметева Екатерина Борисовна родилась в 1718 г.

2 Шереметев Борис Петрович (1652—1719), первый в России фельдмаршал, произведенный в этот чин Петром I во время Северной войны.

3 Шереметев Петр Борисович (1713—1788), обер-камергер, генерал от инфантерии и генерал-адъютант, сенатор, при нем построили знаменитые подмосковные усадьбы Кусково и Останкино.

4 Елизавета Петровна (1709—1762), Императрица с 1741 г.

5 Екатерина II (1729—1796), Императрица с 1762 г.

6 Шереметева (Ковалева) Прасковья Ивановна (1768—1803), крепостная актриса, театральный псевдоним Жемчугова, с 7 лет воспитывалась в господском доме, впоследствии жена графа Николая Петровича Шереметева с 1801 г., по ее завету основан в Москве Странноприимный дом Шереметевых.

7 Шереметев Николай Петрович (1751—1809), обергофмаршал, действительный тайный советник, сенатор.

8 См. о ней: Шереметев С. Д. Татьяна Васильевна Шлыкова. 1773—1863. СПб. 1888; 2-е издание. СПб. 1911.

9 Троицын день, праздник Пятидесятницы, 50-й день после Пасхи.

10 Растрелли Бартоломео Франческо (Варфоломей Варфоломеевич) (1700—1771), русский

придворный архитектор, крупнейший представитель стиля барокко в середине XVIII в.

11 Черкасская Варвара Алексеевна, дочь канцлера князя Алексея Михайловича Черкасского, жена графа Петра Борисовича Шереметева в 1743—1767 гг.

Публикация Л. И. ШОХИНА

Очевидцы о февральской революции

Дневник гимназиста о событиях в Петрограде (23 февраля — 1 марта 1917 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 529—532. — [Т.] IX.

3

23 февраля, четверг. Утром тетя поехала в Парголово, но вернулась ни с чем, не доехав, даже до Финляндского вокзала. Трамваи не доходили до самого вокзала, а недалеко за Литейным мостом около рельс лежал перевернутый вагон. На Невском проспекте и по всей Фонтанке было совершенно спокойно. Вечером был у товарища. Часов в 8 шел домой. Трамваи не ходили. По Садовой улице шло довольно много народу. На некоторых углах были расставлены караулы. Часам к 10 вечера снова стали ходить трамваи. Слыхал, что на Выборгской стороне забастовавшие рабочие с помощью баб перевернули трамвай, один трамвай зажгли и вообще останавливали трамваи1.

24 февраля, пятница. Часов до 12 было все спокойно. Был в гимназии. На большой перемене инспектор советовал не выходить на улицу. Один из товарищей пошел на перемене завтракать к

брату. Ему надо было идти по Невскому и перейти Литейный проспект. Через Литейный ему не удалось пройти, т(ак) к(ак) казаки загородили путь. На перемене выходил на улицу. На Невском трамваи не ходят, около Литейного вдоль панели большая масса народу. На углу казаки на лошадях. Несколько казачьих разъездов гарцуют по Невскому. Видал группу конных и пеших городовых во всеоружии. Порядочное скопление народа на Знаменской площади, там же порядочно казаков. Около 2-х часов дня из окон 5 класса наблюдали, как огромная толпа народа проходила по Невскому по направлению к Знаменской площади.

На Невском против гимназии2 остановили трамвай, пытавшийся было проехать. За толпой следует несколько казачьих патрулей. В общем, настроение мирное. На 6-м уроке занимались военным строем на дворе. Ворота дома закрыты. Ученик 5 класса рассказывает, что на Знаменской площади какой-то мужичок влез на памятник Александру III и сказал в том духе, что мы люди скромные, нам мало нужно, «только окончания войны и хлеба». Со строя много учеников было отпущено, чтобы они пошли проводить учеников младших классов через Знаменскую площадь. Из гимназии уже выпускали, открывая дверь ключом. Большинство магазинов было заколочено. На Невском много гуляющей публики. С товарищем дошел до Литейного проспекта, там сел на трамвай, состоящий из 8 вагонов. Трамвай шел около Невского без остановок. Кондукторша плату за проезд не взяла. В пятницу уже появилось много слухов. Сестре кто-то рассказал, что полицмейстера сбросили на лед с Троицкого моста, что один казак убил околоточного, что офицеры казачьи, отдав приказание, сразу отъезжали в сторону, предоставив казакам делать, что они хотят. Казаки были душой на стороне народа, и самое большее, что предупреждали толпу: «Разойдитесь — стрелять будем», но не стреляли. И толпу пропускали. На Невском проспекте, сам видел, как толпа махала шапками и платками казакам, в карьер ехавшим вдоль улицы.

25 февраля, суббота. Утром на Невском спокойно. Почти на каждом углу стоят караулы. Два караульных офицера расхаживают также по трамвайному мосту через Фонтанку около Никольского переулка. Трамваи утром ходили вполне исправно (по крайне мере №№ 13 и 14).

Часа в 3 возвращался домой. Трамваи не ходили. Разъезжали казаки и группами городовые. Все ворота и подъезды закрыты. На Невском масса гуляющей публики. Скопище народа около Аничкова моста. Настроение толпы и мирное, и возбужденное. Со стороны Казанского собора начала продвигаться огромная толпа по направлению к Знаменской площади.

Какой-то сторож Аничкова дворца заметил, что все за народ, даже офицеры идут в толпе. За первой толпой двигалась вторая. Она шла с пением рабочей Марсельезы.

26 февраля, воскресенье. Самый кровавый день из всей революции. У Варшавского вокзала видел цепь измайловцев, выстроенную вдоль вокзала.

Понедельник, 27 февраля. Трамваи не ходили. На Невском народу мало. Большинство магазинов закрыто, окна в них заколочены. По углам и вообще по проспекту много патрулей (конных, пеших и городовых). На углу Невского и Литейного большая группа солдат с офицером. Настроение какое-то нервное. В гимназию швейцар даже не пустил; на дверях оповещение, что занятий не будет 27, 28 февраля и 1 марта. Пошел к товарищу, у которого узнал, что вчера (т. е. в воскресенье) на Невском была сильная стрельба. Назад шел по Загородному. На нем, и на других «мирных» улицах все по-старому, только трамваи не ходят. Днем ходил в Семеновский полк3. Там полное спокойствие. Часов около 6-ти — 7-ми вечера видел, как матросы стреляли, выстроившись по Крюкову каналу, около Екатерингофского проспекта. По Фонтанке и особенно со стороны Измайловского проспекта стали все чаще и чаще слышаться то отдельные, то заливистые выстрелы. Часов в 11 вечера пошел опустить письмо. Почти у каждых ворот стоял с ружьем матрос Гвардейского экипажа. Отдельные выстрелы и залпы слышались очень часто, особенно со стороны Театральной площади и Измайловского проспекта. Улицы были освещены наполовину, народу мало, полнейшая тишина. Через Измайловский мост по Фонтанке и затем завернула на Никольский переулок в карьер мчавшаяся легкая артиллерия.

Народ разгромил Спасскую часть, на углу Подъяческой4 и Садовой проник в пекарню и там нашел большой запас хлебов.

Часа в 4 (или позже) по Вознесенскому проспекту двигалась толпа рабочих со стороны Исаакиевской площади. Измайловцы дали первый залп в воздух. Это не подействовало. Затем был дан второй залп, уже вдоль проспекта.

28 февраля, вторник. Утром на улицах необыкновенная картина. На улицах масса гуляющей публики и солдат. По улицам разъезжают автомобили полные солдат, при вооружении с красными флагами. Каждый такой автомобиль публика приветствует криками «Ура!» Утром проходил по Фонтанке от Никольского переулка до Бородинской улицы5. На Забалканском6 видны юнкера Михайловского артиллерийского училища7. На Семеновском мосту8 молодой человек с широкой красной повязкой на руке разъезжал на лошади. Несколько рабочих и какой-то интеллигентный старичок спросили что-то его. На это он отвечал, что Щегловитова арестовали у себя на квартире, а Протопопова на Поклонной горе.

Солдаты подвезли на Фонтанку против Малого театра9 пулемет и из ружей стали обстреливать театр. На углу Загородного и Гороховой пылал участок. Гороховая улица, как в царский день, украшалась флагами, только не национальными, а красными. Появились провокационные листки, требующие отобрать оружие у офицеров. С утра продавали по удешевленным ценам масло и муку во всех кооперативах, а потому стояли большие хвосты. (1 час дня). Около Технологического института особые скопища народа. Едет несколько грузовых автомобилей с солдатами и телячьими тушами, а солдаты, кроме того, держат в руках за шеи несколько гусей. Около института студент забрался на большой ящик и оттуда говорил речь «о прогнившем самодержавии и кровавом Николае». Другой технолог на окне своего института вывешивает плакат, призывающий публику пожертвовать на нужды солдат и «борцов за свободу». Через ? часа против института уже стоят длинные столы, на которых лежат соленые огурцы, хлеб и колбаса, а солдаты подходят и подкрепляют себя закуской. Приезжает несколько автомобилей с пулеметами из Петергофа. За ними следует рота солдат и экипаж крейсера «Аврора». Студенты предупреждают солдат, что около Сенной площади откуда-то стреляют весьма упорно городовые. Сижу на уроке в доме по 1-й Роте. Под конец слышу сильнейшую перестрелку. Выйдя, вижу — 1-я Рота пуста. Вдоль стен домов с ружьями стоят солдаты. Солдаты заметили городовых на крыше дома на Забалканском против 1-й Роты, но стрельба на этом месте скоро прекратилась. Ожесточенная перестрелка между солдатами и городовыми, засевшими на чердаке здания, где помещаются бани, гимназия Хитрово и 10-я гимназия. Только стрельба ослабевает, и в тот же момент вдоль по 1-й Роте проезжает автомобиль и разбрасывает «Известия». Хочу пройти домой по 1-й Роте, но стрельба снова начинается с удвоенной силой, и потому, ради предостережения иду по Забалканскому проспекту. Только хотел свернуть с Забалканского на Фонтанку, как на Фонтанке выстроились несколько солдат и стреляли в строящийся дом на углу Фонтанки и Забалканского (на правом берегу). В этот же дом стреляли солдаты из ружей и пулеметов, находящиеся около здания Министерства путей сообщения. Фонтанка вмиг опустела. Подхожу к дому, вдоль нашего дома (т. е. дом 133 по Фонтанке на углу Никольского) выстроились солдаты и стреляют в дом, находящийся против, по другую сторону Фонтанки.

Часа в 4 дня стрельба между солдатами на панели вдоль нашего дома и 2-мя верхними этажами противоположного дома. На следующий день в этом доме были арестованы 4 полицейских чина. Часов в 5 наблюдал пожар Литовской тюрьмы. На Садовой улице около Вознесенского откуда-то добыли околоточного. Каждый, кому не лень, считал своим долгом его ударить. Наконец, солдаты взяли его под конвой и повели. Недалеко от Крюкова канала бронированный автомобиль стал посреди улицы и стал обстреливать верхний этаж одного из домов. Около Крюкова канала приехал на лошади ефрейтор одного из квартирующих в Петергофе кавалерийских полков и сообщал о том, как войска восстали в Петергофе и теперь идут к Петрограду. Вечером все успокоилось. Почти ни одного фонаря не было зажжено.

Среда, 1 марта. На улице появилось уже много офицеров, большинство без оружия. На стенах домов появились всякие объявления. Кроме «Известий» и распоряжений общественного градоначальника на Лермонтовском проспекте видел провокаторский листок с требованием «Долой войну!» Около Технологического института особо большое оживление. Подходят новые войска. Прошла Гатчинская авиационная рота со знаменем и офицерством. Около Технологического приехали на лошадях 2 кавалериста и с ними барышня. (Великолепная наездница, между прочим.) Поехали все трое к Государственной Думе. Довольно сильную перестрелку слышал на Васильевском острове. Вечером по Среднему проспекту прошла небольшая толпа с пением рабочей Марсельезы.

Какой-то матрос забрался на тумбу и оттуда говорил речь, что надо подчиниться Временному правительству и все в том роде.

Четверг, пятница и т. д. Подходит какая-то баба (уже после отречения), обратившая внимание на красные флаги на домах и спрашивает: «А разве сегодня царский день, что столько флагов?»... Получил письмо из села Рождествено (станция Сиверская Варшавской ж. д.). Революция там прошла спокойно. В первые дни взяли на Сиверской дворец Фридерикса10 Петроградской губ(ернии) Царскосельского уезда. Арестовали местную полицию. В Удельном имении в первое время кто угодно мог охотиться и ловить форелей. Вскоре это было прекращено, и были посланы солдаты для усмирения браконьеров. Видел (пятница) по Садовой улице демонстрацию. (Весьма немноголюдную). На красном плакате надписи «Пролетарии всех стран, соединяйтеся», «В борьбе обретешь ты право свое».

В деревне Грязной (Рождественской волости Царскосельского уезда) крестьяне против еврейского равноправия, а по отношению к женщинам, требуют общеобразовательного ценза.

Аленков А. Заметки студента А. Аленкова о некоторых событиях Февральской революции в Петрограде // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 528—529. — [Т.] IX.

2

23 февраля. В городе нет хлеба. Необыкновенно длинные очереди. Трамваи ходят беспорядочно. А на Невском демонстрации с требованием хлеба. Казаки ведут себя спокойно, шумят с публикой... в общем на улицах оживление и даже что-то праздничное.

24 февраля. Объявление градоначальника о том, что в городе мука появилась и будет хлеб, но на самом деле нет ни того, ни другого. Происходят одиночные побоища, бьет полиция, войска пассивны. Появились хулиганские погромы мелких магазинов.

25 февраля. Некоторые заводы бастуют1. Движение разрастается. На Знаменской площади казак зарубил пристава, у Финляндского вокзала убит полицмейстер Шалфеев. Ждут обширных забастовок, хотя, зловещих признаков нет.

26 февраля. У храма Воскресения2 Павловский полк3 стрелял в полицию и после чего взят под стражу. Волынский, Преображенский, Семеновский4 и другие полки восстали, были сражения отдельных полковых частей между собой (на Литейном), к вечеру число восставших воинск(их) частей возросло до 25 тысяч, кроме того, присоединились воинские части, вызванные из Царского для усмирения восставших.

В разных частях города происходят сражения. Разрушен арсенал, подожжен окружной суд, взята Петропавловская крепость, в которой, будто бы находились казаки. Из «Крестов», Литовского замка5 и других тюрем выпущены преступники. Совет министров подал в отставку (за исключением Протасова)6 и скрылся. Объявленное Временное правительство из членов Государственной Думы в числе 11 человек: Милюков, Родзянко, Керенский, Некрасов, Шульгин и другие7.

Родзянко послал вторичную телеграмму царю, в которой говорит, что решается судьба империи. После телеграмм (им же), Рузскому и Брусилову, в которой Родзянко просит оказать воздействие на царя. В ответ получена телеграмма, что «долг перед Родиной исполнил».

28 февраля. За ночь присоединились остальные воинские части. В Финляндском полку и в Галерной гавани всю ночь была стрельба8. Полиция переоделась в штатское и стреляет по войскам из окон, после чего, обычно добираются до полицейских и убивают.

По улицам разъезжают автомобили с красными флагами и вооруженными людьми. Ходят патрули из солдат и рабочих. Хулиганства мало, хотя почти все время и почти всюду идет стрельба: говорят, что стреляют полицейские и озорничают подростки. Я видел, как осаждали полицейский участок на Большом проспекте Вас(ильевского) о(строва)9.

В Государственную думу отправились депутации от войск и рабочих, где к ним обращались депутаты с просьбой вернуться в казармы, слушаться офицеров и не нарушать порядка. Совет рабочих депутатов организует питательный пункт, хлебопекарни и т. п. В институте сходки с участием профессуры. Выражают надежду, что Временный комитет доведет до конца борьбу с внешними врагами и внутренним — правительством.

1 марта. Говорят, что государь арестован в Бологом10. У Адмиралтейства идет пулеметная стрельба. Протопопов арестован. Англия и Франция признали временное правительство. Назначены комиссары исполнительного комитета11. Опубликованы приказы члена Временного комитета Караулова12, которыми преследуется цель — водворить порядок. Приказ не отбирать оружие у офицеров. Арестованы: Горемыкин13, д(окто)р Дубровин и др. Вел(икий) кн(язь) Кирилл Владимирович14 передал Гвардии экип(аж) Временному правительству. Офицерам приказано явиться в зал Армии и Флота и получить предписания. Со(вет) рабочих депутатов агитирует за демократическую республику и призывает солдат выбрать офицеров.

Дневник П. А. Сабурова, 1917 // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 525—528. — [Т.] IX.

1

Понедельник, 27 февраля

Четыре полка1 присоединились к забастовщикам. Они особенно возмущены тем, что полицейских одели в солдатскую форму, стреляя в толпу. Разгромлена предварительная тюрьма на Шпалерной2 и выпущены все арестанты. Это наша «prise de la Bastilles»*. Разгромлен арсенал и толпа вооружилась ружьями и пулеметами.

Утром опубликован Высочайший указ о роспуске Гос(ударственной) Думы и Гос(ударственного) Совета3. Но часть Думы собралась и образовала Комитет для примирительных действий4. Родзянко5 во главе. Государь возвращается из ставки послезавтра. Присылают новые войска. Последние слухи: Министерство подало в отставку. Председатель Гос(ударственного) Совета Щегловитов6 арестован и отведен в Гос(ударственную) думу, Протопопов7 укрылся в Царское Село.

Вторник, 28 февраля

Победа повстанцев более и более обозначается. Семеновский полк примкнул к движению. Полиция исчезает и прячется, остаются еще на крышах и в слуховых окнах полицейские с пулеметами и от времени до времени стреляют на улицу. Разгромлена вторая тюрьма «Кресты»8.

Комендант Петропавловской крепости вызвал одного из членов Думского Комитета для

Комендант Петропавловской крепости вызвал одного из членов Думского Комитета для переговоров, окончившихся занятием крепости революционными войсками. Все политические арестанты выпущены. Родзянко послал две телеграммы Государю, советуя сменить Правительство не теряя времени и призвать к управлению лиц, пользующихся общественным доверием. Послал также телеграммы Начальнику Штаба Алексееву и трем Главнокомандующим: Рузскому, Эверту и Брусилову9 с просьбой поддержать его ходатайство пред Государем. Рузский прислал утвердительный ответ, Брусилов ответил осторожнее. Алексеев прислал с адъютантом письменный ответ, содержание которого пока не опубликовано. От Эверта ответа не получилось. Думский Комитет принял форму временного Правительства и состоит из 12 членов, в том числе Шидловский, Милюков, Коновалов, Керенский и Чхеидзе10. Рабочие с своей стороны образовали из своей среды Совет рабочих депутатов с более радикальными требованиями11. Желая устранить могущий произойти раскол в революционном движении, Родзянко отрядил к ним социалистического члена Гос(ударственной) Думы Чхеидзе в качестве председателя Совета рабочих. Дети Государя заболели корью.

Командующий Петроградским округом Хабалов12 арестован. Революционеры обошли квартиры всех Министров, которые, однако, успели скрыться, хотя носятся слухи об аресте князя Голицына13, Председателя Совета Министров. Подтверждается известие об аресте Щегловитова. Передают, что Керенский обратился к нему со следующими словами: «Иван Григорьевич Щегловитов, хотя Вы причинили много зла России, я Вам обещаю личную безопасность во время Вашего ареста». Тот молча поклонился. — В числе освобожденных находился бывший председатель рабочих депутатов Хрусталев-Носарь и Манасевич-Мануйлов!14 Последний, очевидно, по ошибке.

Крайние социалистические партии выпускают воззвания для созыва Учредительного собрания, установления демократической республики и прекращения войны. Опасаются, как бы Совет рабочих депутатов не заразился этими идеями.

Член Думы, полковник Энгельгардт15, назначен заведующим войсками, примкнувшими к

движению. Этих войск до сих пор насчитывается не менее 25 тысяч. Реквизированы все частные автомобили в Петрограде.

Среда, 1 марта

Утром пришел Малютин16 с утешительною вестью об ожидаемом примирении Государя с Государственной Думой. Телефоны снова действуют, я этим воспользовался, чтобы побеседовать с друзьями. Везде я встретился с благоприятными впечатлениями после пережитого кошмара последних дней. Но к вечеру новые слухи изменили всю картину. Из редакции «Вечернего Времени» телефонируют, что Государь, со станции Бологое вызвал к себе Родзянко, который после совещания с Думским Комитетом решил не ехать. Позже зашел ко мне мой сосед Таганцев17 и передал слух будто за Государем послан поезд с конвоем и везут его сюда. Царскосельский дворец занят революционными войсками и императрица с детьми ими охраняется18. Что скажет завтрашний день? Англия и Франция признали Временное правительство. Зимний Дворец занят революционерами. Москва и Харьков присоединились к движению.

Четверг, 2 марта

Государь отрекся от престола19. Сегодня вечером пронесся тревожный слух, что наследник, который заболел корью скончался. Вновь арестованы: Н. Маклаков, б(ывший) министр внутренних дел, кн. Шаховской, Кригер-Войновский (последний оставлен в Министерстве путей сообщения), б(ывший) военный министр Сухомлинов, кн. Ширинский-Шахматов и графиня Клейнмихель20, неизвестно почему. Дубровин также21. Забрали его бумаги. Протопопов явился сам в Гос(ударственную) думу и был арестован. До сих пор точно неизвестно, где находится Государь. К моему сыну (петроградскому губернатору)22 пришли солдаты с офицером для

обыска и, вежливо объяснившись с ним, оставили его в покое. Десять лет тому назад он, будучи московским вице-губернатором подал в отставку, не желая подчиняться реакционным указаниям начальства. Ротмистр Левенец23, муж моей племянницы, вчера был убит своими солдатами, отказавшись присоединиться к движению. Получено известие о блестящей победе над немцами, желавшими воспользоваться нашим внутренним переворотом. Гарнизон Кронштадта присоединился к движению24. Убит адмирал Вирен, комендант Кронштадта25. Крепость Шлюссельбург* занята революционными войсками, и все политические узники освобождены, в том числе член второй Думы Пьяных с сыном26.

Пятница, 3 марта

Государь все еще в Пскове27. Рузский при нем. Между Рузским и Родзянко происходил в течение целой ночи обмен телеграмм касательно положения Государя. Кончилось тем, что Государь приказал отпечатать в ставке Манифест о перемене Министерства. Родзянко объявил Рузскому, что это слишком поздно и что единственный исход после всего случившегося — это отречение в пользу наследника. Рузский с большим трудом убедил Государя отказаться от мысли послать в Петроград генерала Иванова28 с отборными войсками для подавления мятежа.

Назначено министерство29. Князь Львов — председатель и (министр) внутр(енних) дел, Милюков — иностранных дел, Керенский — юстиции, Шингарев — земледелия30. Арестованные министры переведены в Петропавловскую крепость. Вновь арестованы: Макаров (так было, так будет), Стишинский, Коковцов31 был арестован, но тотчас же освобожден. До сих пор еще неизвестно, подписал ли Государь отречение32.

Суббота, 4 марта

2-го марта вышел в Пскове Манифест, которым Государь, в трогательных выражениях отрекается от престола, и не желая расставаться с любимым сыном, передает наследие своему брату Михаилу Александровичу. По слухам, последний отказался от своих прав33, до

окончательного решения вопроса о верховном управлении Учредительным собранием.

Новые аресты: Государственный секретарь Крыжановский, и б(ывший) министр народного просвещения Кульчицкий34. Родичев35 назначен министром по делам Финляндии и выехал в Гельсингфорс.

Вечером слух об условном отказе Михаила Александровича от престола оказался верным, и сегодня опубликован акт об его отречении.

С сегодняшнего дня члены Государственного Совета могут считать себя свободными от принесенной ими присяги; а потому я нашел своевременным поднять вопрос о способе и форме признания нами Временного правительства. С этой целью наша группа «беспартийных» соберется в понедельник для обсуждения вопроса.

Воскресенье, 5 марта

Главнокомандующим войсками Петркмрадского округа назначен генерал Корнилов, находящийся на фронте. Между вновь арестованными находится генерал Реннекамф37, командовавший в 1905 году карательной экспедицией по Сибирской ж(елезной) дороге и один из виновников наших первых неудач в начале нынешней войны. Государственным секретарем на место арестованного Крыжановского назначен Дмитрюков38.

Упразднены: Комиссия принятия прошений и Собственная Е. И. В. канцелярия39. В богослужении исключаются молитвы за здравие Царствующего дома. Также изменяется форма присяги.

Понедельник, 6 марта

Понедельник, 6 марта

Протопопов при арестовании сообщил Керенскому, что Императрица Александра Федоровна согласилась бы принять регентство. Это было еще до отречения Государя. С своей стороны, граф Ш(аховской) вспоминает, что года два тому назад, в его присутствии, Императрица в разговоре с Государем (сказала), что для управления Россией не достает твердой и сильной воли.

Все фракции Гос(ударственного) совета, кроме правых, признали Временное правительство. Верюятно, и правые последуют этому примеру. Предполагается назначить бывшего посла барона Розена40 генерал-губернатором Финляндии. Военный министр Гучков пригласил генерала Поливанова41 стать во главе комиссии для выработки реформ в армии и в отношениях между офицерами и нижними чинами.

Вторник, 7 марта

Газеты стали выходить; трамваи восстановлены, легковые извозчики появились, и улицы получили обычный вид. Два еврея сделаны сенаторами: Грузенберг42 и Винавер (адвокаты). Стахович43 назначен Финляндским генерал-губернатором. Я второй День выхожу на улицу, где все спокойно. Был у графини Сольской44. Она узнала через принцессу Евг(ению) Максимилиановну, что принц Александр Петрович Ольденбургский45 остановился в ставке (Могилев), куда Государь приехал из Пскова: там же находится Имп(ератрица) Мария Федоровна46 и ждут там В(еликого) Кн(язя) Николая Николаевича, принявшего, как говорят, звание Верховного главнокомандующего47. Все губернаторы заменены председателями земских управ, в том числе мой сын, петроградский губернатор.

Князева Е. Е. Примечания: Очевидцы о Февральской революции // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 532—536. — [Т.] IX.

1. Ф. 1044. Оп. 1. Л. 505. Л. 2—10.
1 Первой выступила учебная команда запасного батальона Волынского гвардейского полка. Затем к Волынскому присоединились Преображенский и Литовский полки. В этот же день восстали солдаты запасного батальона Московского полка и Павловского полка.

2 На Шпалерной улице, д. 25 находился дом предварительного заключения.

3 Государственный Совет был упразднен 24 декабря 1917 г. Высочайшим указом от 25 февраля 1917 г. заседания Государственной Думы были прерваны и больше не возобновлялись.

4 Временный комитет из членов Думы был образован 27 февраля 1917 г. До 2 марта он выполнял функции правительства, пытался подчинить себе Петроградский гарнизон, разоружить рабочую милицию, назначил комиссаров в государственные учреждения; одной из его задач было восстановление порядка в городе и сношения с общественными организациями и учреждениями.

5 Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924), действительный статский советник, камергер, с 1907 г. — член Государственной Думы, лидер партии октябристов, с 1911 г. — председатель III Думы, ноябрь 1912 — февраль 1917 — председатель IV Думы. В дни Февральской революции возглавлял Временный комитет Государственной Думы, затем «частные собрания» ее членов. В 1920 г. эмигрировал.

6 Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918), действительный тайный советник, статс-секретарь, сенатор, министр юстиции (апрель 1906 — июль 1915), с января 1917 — председатель Государственного Совета. В 1918 г. расстрелян по приговору ревтрибунала.

7 Протопопов Александр Дмитриевич (1866—1918), действительный статский советник, член Государственной Думы III—IV созывов от партии октябристов, с 1914 г. — товарищ

председателя Думы, с декабря 1916 г. — министр внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов. В 1918 г. расстрелян по приговору ВЧК.

8 Петроградская одиночная тюрьма «Кресты» расположена на правой стороне Симбирской улицы (ныне ул. Комсомола). «Кресты» были атакованы с двух сторон: с набережной Невы и с Симбирской улицы.

9 Подробнее см.: Великие дни Российской революции. Изгнание. Бюро российской прессы. Пг. 1917. С. 3.

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918), генерал от инфантерии, начальник Штаба Верховного Главнокомандующего.

Рузский Николай Владимирович (1854—1918), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета (1915 — декабрь 1917), главнокомандующий армиями Северного фронта (август 1915 — март 1917).

Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926), генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в начале Февральской революции был в числе военных, предложивших Николаю II отречься от престола в пользу наследника Алексея. Верховный Главнокомандующий (май — июль 1917). В 1918 г. вступил в Красную армию.

10 Шидловский Сергей Илиодорович (1861—?), действительный статский советник, член III и IV Государственной Думы, председатель группы октябристов, представитель левых октябристов в прогрессивном блоке, член Земельной, Переселенческой и Рыболовной комиссий. После Октябрьской революции эмигрировал.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943), магистр русской истории, с 1907 г. — председатель ЦК кадетской партии, депутат III и IV Государственной Думы. В первом составе Временного правительства занимал пост министра иностранных дел до мая 1917 г., выступал за сохранение монархии и передачу власти Вел. Кн. Михаилу Александровичу. В 1920 г. эмигрировал.

Коновалов Александр Иванович (1875—1948), коллежский секретарь, мануфактур-советник, член IV Государственной Думы, один из организаторов «прогрессивного блока». С 27 февраля 1917 г. — в составе Временного комитета Думы, со 2 марта — в составе Временного правительства в качестве министра торговли и промышленности. Эмигрировал во Францию.

Керенский Александр Федорович (1881—1970), присяжный поверенный, член Государственной Думы IV созыва от фракции трудовиков, глава нескольких составов Временного правительства в г., 27 февраля вошел в состав Исполнительного комитета Государственной Думы, избран товарищем председателя Петроградского Совета рабочих депутатов, 5 марта — министром юстиции, 5 мая — военным и морским министром. В 1918 г. эмигрировал во Францию.

Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926), член Государственной Думы III и IV созывов от социал-демократов (меньшевик), журналист, с 27 февраля — председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, одновременно входил в состав Временного комитета Государственной Думы.

11 27 февраля на заседании Совета рабочих депутатов в Таврическом дворце было решено создать единую организацию под названием «Совет рабочих и солдатских депутатов».

12 Хабалов Сергей Семенович (1858—1924), генерал-лейтенант, командующий Петроградским военным округом (февр. 1917). 5 февраля был издан приказ о выделении Петроградского округа из Северного фронта в особую единицу с подчинением его Хабалову. 28 февраля Хабалов был арестован, в октябре дело было прекращено. 11 ноября уволен из армии, эмигрировал.

13 Голицын Николай Дмитриевич (1850—1925), князь, действительный тайный советник, член Государственного Совета, сенатор, последний председатель Совета министров (27 декабря 1916 г. — 27 февраля 1917 г.).

14 Хрусталев-Носарь Георгий Степанович (1879—1919), помощник присяжного поверенного. Председатель Петербургского совета рабочих депутатов (1905), сотрудник газеты «Новое Время» (1917).

Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869—1918), надворный советник, журналист, член Союза русских драматических писателей, сотрудник журнала «Общее дело». 13—18 февраля 1917 г. был обвинен в мошенничестве, приговорен к лишению всех особых прав и преимуществ, 27 февраля 1917 г. освобожден.

15 Энгельгардт Борис Александрович (1878—1962), полковник Генерального штаба, член IV Государственной Думы, представитель группы центристов, с 27 февраля — член Временного комитета Государственной Думы, комендант Таврического дворца.

16 Малютин Борис Евгеньевич, коллежский советник финансового отдела канцелярии Государственной Думы.

17 Таганцев Николай Степанович (1843—1923), действительный тайный советник, сенатор, член Государственного Совета (1905 — декабрь 1917), заслуженный профессор, автор мемуаров «Пережитое», проживал на Литейном пр., д. 46.

18 Императрица Александра Федоровна (1872—1918) с детьми Алексеем (1904—1918), Татьяной (1897—1918), Ольгой (1895—1918), Марией (1899—1918) находились в Александровском дворце в Царском Селе.

19 2 марта в 15 часов Николай II подписал акт отречения от престола, где было указано, что не желая расстаться с сыном, Император передает наследование престола брату Михаилу. Михаил Александрович (1878—1918), Вел. Кн., генерал-майор, член Государственного Совета, младший сын Императора Александра III.

20 Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918), гофмейстер, министр внутренних дел (февраль 1913 — июнь 1915), член Государственного Совета (январь 1915 — декабрь 1917). Расстрелян в Петрограде 19 октября 1918 г.

Шаховской Всеволод Николаевич (1874—1954), князь, действительный статский советник, гофмейстер, министр торговли и промышленности (6 мая 1915 — 27 февраля 1917).

Кригер-Войновский Эдуард Брониславович (1862—1933), действительный статский советник, инженер путей сообщения, с 27 декабря 1916 г. — управляющий министерством путей сообщения. Эмигрировал.

Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, с 1911 г. — член Государственного Совета, военный министр (март 1909 — июнь 1915). В марте 1916 г. арестован в связи с обвинением в злоупотреблениях и измене на посту военного министра. В сентябре 1917 г. признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне, в 1918 г. амнистирован. Эмигрировал.

Ширинский-Шихматов Андрей Александрович (1868—1927), князь, статский советник, с 1915 г. — член совета министра внутренних дел.

Клейнмихель (урожд. Келлер) Мария Эдуардовна (1846—?), графиня. В ее салоне собиралось высшее аристократическое общество, преимущественно иностранные дипломаты. Умерла в эмиграции.

21 Дубровин Александр Иванович (1885—1918), врач, основатель «Союза русского народа», редактор газеты «Русское Знамя», в течение 1911 и последующих годов был несколько раз приговорен судом к штрафу и кратковременному аресту за клевету по адресу правительственных лиц и членов Думы.

22 Сабуров Александр Петрович, действительный статский советник, петроградский губернатор, председатель Петроградской губернской распорядительной комиссии, председатель Петроградского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия.

23 Левенец Георгий Владимирович, ротмистр. Жил на Лермонтовском пр., д. 54.

24 1 марта в Ставку поступили донесения о революционных событиях в Кронштадте и о признании Думского комитета командованием Балтийского флота.

25 Вирен Роберт Николаевич (1856—1917), адмирал, военный губернатор г. Кронштадта, главнокомандующий кронштадтским портом, 28 февраля 1917 г. убит восставшими матросами. (См.: Ольбенбург С. С. Царствование Императора Николая II. СПб. 1991. С. 631).

26 28 февраля из стен Шлиссельбургской крепости были освобождены 70 узников. В тот же день рабочие порохового завода и бывшие узники создали революционный комитет, который решил 1 марта освободить всех заключенных Шлиссельбургской тюрьмы.

Пьяных Иван Емельянович (1865—?), трудовик, член II Государственной Думы от Курской губернии.

27 28 февраля Царь, выехав из ставки в Царское Село, повернул из Бологого на Псков, так как ст. Тосно была занята революционными войсками.

28 Иванов Николай Иудович (1851—1919), генерал от артиллерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета. С 27 февраля 1917 г. — командующий Петроградским военным округом с чрезвычайными полномочиями.

29 К вечеру 2 марта определился состав Временного правительства. Председателем Совета министров и министром внутренних дел был назначен князь Г. Е. Львов, министром иностранных дел — П. Н. Милюков, министром земледелия А. И. Шингарев, министром народного просвещения — И. Ф. Мануйлов, министром финансов — товарищ председателя центрального военно-промышленного комитета Н. И. Терещенко, министром торговли и промышленности — А. И. Коновалов, министром путей сообщения — Н. В. Некрасов, министром юстиции — А. Ф. Керенский, министром по делам Финляндии — Ф. И. Родичев, морским и военным министром — председатель центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучков, государственным контролем — член III и IV Государственной Думы И. В. Годнев, обер-прокурором — член IV Государственной Думы В. Н. Львов.

30 Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925), князь, член I Государственной Думы, член кадетской партии, во время Первой мировой войны — председатель Всероссийского земского союза и один из руководителей объединенного комитета союзов земств и городов, глава двух первых составов Временного правительства (март — июль 1917 г.). После Октябрьской революции эмигрировал.

Шингарев Андрей Иванович (1869—1918), член II—IV Государственной Думы, после Февральской революции министр земледелия, затем министр финансов во Временном правительстве. В ноябре 1917 г. арестован.

31 Макаров Александр Александрович (1857—1919), действительный тайный советник, сенатор, член Государственного Совета (январь 1912 — декабрь 1917), член IV Государственной Думы, министр внутренних дел (сентябрь 1911 — декабрь 1912), министр юстиции (июль — декабрь

1916). В январе 1917 г. назначен председателем особого присутствия при Государственном Совете. 11 апреля 1912 г. выступил в Государственное Думе с речью о ленских событиях и расстреле рабочих, где произнес известную фразу: «Так было и так будет впредь».

Стишинский Александр Семенович (1851—1922). действительный тайный советник, член Государственного Совета (1904 — декабрь 1917), председатель Комитета по борьбе с немецким засильем (1916). После Октябрьской революции эмигрировал.

Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943), граф, действительный тайный советник, статс-секретарь, сенатор, член Государственного Совета, министр финансов (1904—1914). В 1918 эмигрировал.

32 3 марта в газетах был опубликован манифест об отречении от престола Николая II.

33 3 марта был подписан акт отречения Михаила Александровича от престола, а 4 марта он был опубликован в печати.

34 Крыжановский Сергей Ефимович (1863—1935), тайный советник, статс-секретарь, сенатор, член Государственного Совета. После Октябрьской революции эмигрировал.

Кульчицкий Николай Константинович (1856—1933), тайный советник, сенатор, доктор медицины, заслуженный профессор, министр просвещения (1916).

35 Родичев Федор Измаилович (1856—1933), статский советник, один из лидеров конституционно-демократической партии, член I—IV Государственной Думы. После Февральской революции вошел в состав Временного комитета членов Государственной Думы. Эмигрировал.

36 Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918), генерал от инфантерии. 5 марта — апрель —

главнокомандующий Петроградским военным округом.

37 Ранненкампф, фон, Павел Карлович (1854—1919), генерал-адъютант, генерал от кавалерии. С 1913 г. возглавлял Виленский военный округ, в сентябре 1914 г. оставил армию, за провал Лодзинской операции был отстранен от должности.

38 Дмитрюков Иван Иванович (1872—?), член III и IV Государственной Думы.

39 Собственная Его Императорского Величества канцелярия упразднена 7 апреля 1917 г.

40 Розен Роман Романович (1847—1922), барон, гофмейстер, член Государственного Совета (1911 — декабрь 1917), чрезвычайный и полномочный посол при Северо-Американских Штатах (1905), председатель общества сближения между Россией а Америкой.

41 Гучков Александр Иванович (1862—1936), статский советник, лидер партии октябристов, председатель III Государственной Думы. В 1916—1917 гг. был в числе сторонников дворцового переворота. 2 марта вместе с В. В. Шульгиным ездил во Псков и привез отречение Николая II, присутствовал на совещании князя М. С. Путятина с Зеликим Князем Михаилом Александровичем, окончившимся отказом последнего от престола. 2 марта — 30 апреля — военный и морской министр в первом составе Временного правительства.

Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920), генерал от инфантерии по Генеральному Штабу, Член Государственного Совета (1912 — декабрь 1917), военный министр и председатель Особого совещания по обороне (июнь 1915 — март 1916).

42 Грузенберг Оскар Осипович (1866—1940), присяжный поверенный, председатель

гражданского отдела юридического общества при Петроградском университете, один из редакторов «Вестника права», член I Государственной Думы.

43 Стахович Михаил Александрович (1861—1923), действительный статский советник, член Государственного Совета (1909), член I и II Государственной Думы, после Февральской революции — финляндский генерал-губернатор, при Временном правительстве — посол в Мадриде.

44 Сольская Мария Александровна, вдова действительного тайного советника, председатель общества для пособия вдовам чиновников, не получающим пенсию из государственной казны. Жила а Фонтанке в д. 34.

45 Имеется в виду принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская (1845—1925), супруга принца А. П. Ольденбургского (1844—1932).

46 Мария Федоровна (1847—1928), вдовствующая Императрица, в марте 1917 г. выехала в Крым, в апреле 1919 г. эмигрировала в Данию.

47 Николай Николаевич (1856—1929), Вел. Кн., генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами (1914—1915), главнокомандующий русскими военными силами на Кавказском фронте (1915—1917), в марте 1919 г. эмигрировал в Италию.

2. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1196. Л. 43—45. Записи сделаны в тетради по математике.

1 К 25 февраля бастовало более 300 000 рабочих. С этого дня забастовка стала всеобщей.

2 Имеется в виду Храм Воскресения Христова на канале Грибоедова.

3 4-я рота запасного батальона Павловского полка, находящаяся в зданиях Конюшенного ведомства, стреляла по взводу конно-полицейской стражи.

4 Казармы Волынского, Литовского, Преображенского полков находились в районе Кирочной, Захарьевской, Таврической и Шпалерной улиц. Семеновский полк присоединился к восставшим 27 февраля. Он занимал территорию между Звенигородской улице. Обводным каналом, Загородным и Московским проспектами.

5 Литовский замок находился на пересечении Мойки и Никольского канала в Литейной части. В дни Февральской революции восставшие взяли тюрьму штурмом, вспыхнул пожар, который продолжался несколько дней. Здание было разрушено, а впоследствии снесено.

6 Протасов Михаил Петрович, коллежский советник, товарищ прокурора Петроградского суда, старший чиновник особых поручений Чрезвычайной следственной комиссии.

7 Некрасов Николай Виссарионович (1879—1940), коллежский советник, профессор, член III и IV Государственной Думы, член бюро Прогрессивного блока. 27 февраля — член Временного комитета Государственной Думы, министр путей сообщения во Временном правительстве, министр финансов (сентябрь — октябрь 1917), генерал-губернатор Финляндии.

Шульгин Василий Витальевич (1878—1976), член Государственной Думы II—IV созывов, лидер партии прогрессистов, 27 февраля вошел в состав Временного комитета Государственной Думы. Другие члены Временного правительства: Н. С. Чхеидзе, М. А. Караулов, А. И. Коновалов, И. И. Дмитрюков, В. А. Ржевский, С. И. Шидловский, В. Н. Львов.

8 Финляндский полк размещался между 19 и 23 линиями Васильевского острова, в районе Большого проспекта.

9 28 февраля колонны рабочих с пением Марсельезы подошли к казармам Финляндского полка. Полк присоединился к восставшим, которые разгромили полицейский участок на Большом проспекте, д. 71, расстреляли городовых, открывших огонь из пулеметов у Елизаветинского училища (Большой проспект, д. 36).

10 8 марта Николай II выехал из Ставки. На заседании 9 марта Исполком Совета постановил: арестовать Николая II. Он был доставлен в Царское Село и помещен под охраной во дворце.

11 Имеются в виду комиссары-уполномоченные представители Временного правительства.

12 Караулов Михаил Александрович (1878—1917), подъесаул, член II и IV Государственной Думы, член Временного комитета Думы. В приказе от 1 марта 1917 г. говорилось, что немедленному аресту подлежат лица, нарушающие порядок и тишину, и лица, производившие обыски и аресты, не имея на то особых полномочий. Приказ предусматривал также задержание царских сановников и генералов.

13 Горемыкин Иван Логинович (1839—1917), действительный тайный советник, сенатор, член Государственного Совета (1899 — декабрь 1917), председатель Совета министров (апрель — июль 1906, январь 1914 — январь 1916).

14 Кирилл Владимирович (1876—1938), Вел. Кн., контр-адмирал. С 1915 г. командовал Гвардейским экипажем. Эмигрировал в Финляндию, затем во Францию, объявив себя Императором всероссийским Кириллом I.

3. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1195. Л. 10—10 об.

1 Выборгский район был одним из крупнейших промышленных районов столицы.

2 В доме 102 по Невскому проспекту размещалась мужская гимназия Н. В. Дмитриева, в которой, по всей вероятности, учился автор дневника.

3 Семеновский полк занимал территорию между Звенигородской улицей, Обводным каналом, Загородным и Московским проспектами.

4 Имеется в виду Большая Подъяческая улица, которая проходит от набережной канала Грибоедова до улицы Мясникова и наб. р. Фонтанки.

5 Бородинская улица проходит от набережной р. Фонтанки до Загородного проспекта.

6 Ныне Московский проспект.

7 Михайловское артиллерийское училище находилось в доме 17 по Арсенальной набережной.

8 Семеновский мост через Фонтанку расположен по продолжению ул. Гороховой.

9 Ныне Большой Драматический театр им. Горького, набережная р. Фонтанки, д. 65.

10 Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, министр Императорского Двора и уделов (1897), командующий Императорской главной квартирой, член Государственного Совета (ноябрь 1905 — 28 марта 1917). 2 марта скрепил акт об отречении Николая II от престола.

Публикация Е. Е. КНЯЗЕВОЙ

Князева Е. Е. Очевидцы о Февральской революции // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив

свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 525. — [Т.] IX.

Предлагаемые вниманию читателя документы хранятся в РГИА. Это свидетельства представителей разных социальных слоев и возрастов, увидевших события Февраля в Петрограде с разных точек зрения.

Автор одного из дневников — Петр Александрович Сабуров (1835—1918), известный дипломат, сенатор, член Государственного Совета. Об отношении к происходившим событиям учащейся молодежи свидетельствуют заметки студента А. Аленкова и дневник безымянного гимназиста.

Д. Д. Языков. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц»

Языков Д.Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц». Вып 15: Русские писатели и писательницы, умершие в 1895 году / Публ. Г. Ю.Дрезгуновой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 539—558. — [Т.] IX.*

КРАВЦОВ И. Н. (7 января 1833 — 13 марта 1895 года в Одессе) — артист, педагог.

Некролог

13 марта скончался в Одессе знаменитый в свое время артист-певец и выдающийся педагог И. Н. Кравцов. Смерть его прошла почти незамеченной, если не считать нескольких теплых строк, посвященных покойному сотрудниками «Одесского Листка» госпожой Сантагано-Горчаковой (Verita) и господином Дорошевичем. Артист, в свое время очаровывавший публику Италии, Франции и России, педагог, из школы которого вышли артисты, пользующиеся большей или меньшей известностью как-то: Дейша-Сионицкая, Нерадова, Медведев и др., заслуживает без сомнения, чтобы о нем сказать несколько подробнее. Родился Кравцов в Петербурге 7 января 1833 г. Образование получил в училище Св. Петра и Павла. Когда Кравцову было 18 лет, он начал изучать пение под руководством Ронкони, а потом Рубини, брата знаменитого тенора. В 1853 году Кравцов отправился в Неаполь, где еще 4 года изучал пение у знаменитых преподавателей того времени — Каяно, Де-Роксас, Капурро, Гильяно и Александра Бусти. В 1857 году в Неаполе Кравцов дебютировал с выдающимся успехом в «Трубадуре». В Италии он был два года, пока политические события не заставили его переехать в Париж, где он имел огромный успех в концертах и в аристократических салонах. Парижан поражала, между прочим, легкость, с которой Кравцов брал до-диез, блестящий не менее, чем у Тамберлика. В 1860 году Кравцов уехал из Парижа, получив ангажемент в петербургскую итальянскую оперу. После непродолжительного пребывания на императорской сцене, которую Кравцов должен был оставить по причинам, упоминать о которых здесь не место, он снова вернулся в Италию, где и продолжал петь с обычным для него успехом.

В 1868 году Кравцов был приглашен в нарождавшуюся в Киеве русскую оперу. Здесь он также имел огромный успех и местная печать отдавала первенство перед Никольским, приезжавшим в Киев. К несчастью, все усилившаяся болезнь глаз принудила Кравцова в скором времени покинуть сцену и он всецело посвятил себя педагогической деятельности, переехав в Одессу. Последние несколько лет несчастный Кравцов окончательно ослеп, но тем не менее с прежней любовью к искусству продолжал заниматься с учениками. Смерть застигла его неожиданно — он скончался от разрыва сердца. Кравцов оставил после себя жену (неаполитанку) решительно без всяких средств к существованию, больную, не имеющую родных и друзей в своем новом отечестве. Надо надеяться, что дирекция Императорской оперы, в свое время так деятельно хлопотавшая о приглашении Кравцова на русскую сцену, не оставит вдову знаменитого артиста и заслуженного педагога обреченной на нужду и лишения. Думаем также, что и артисты Императорской оперы, среди которых есть лица, товарищи по сцене, а также и ученики

императорскои оперы, среди которых есть еще и товарищи по сцене, а также и ученики покойного Кравцова, не откажут в посильной помощи и устроят концерт или оперный спектакль в пользу Кравцовой, оставшейся теперь буквально без куска хлеба. Редакция газеты «Одесский Листок» открыла прием пожертвований в пользу г-жи Кравцовой («Новое Время», 1895, № 6888).

КРАВЧИНСКИЙ (СТЕПНЯК) Сергей Михайлович (1851 — 11 декабря 1895 года в Лондоне) — революционер-народник, писатель.

Кравчинский Сергей Михайлович родился в 1851 году и был офицером-артиллеристом; в 1871 году покинул военную службу, вернулся в кружок «чайковцев» и отдался революционной деятельности; в 1873 году вел пропаганду среди народа, в 1876 году был в Герцеговине, где писал воззвание к восставшим славянам; в 1877 году сошелся с итальянскими социалистами, принимал участие в беневентском восстании и сидел в тюрьме; весной 1878 года, возвратясь в Россию по собственному почину, нанес смертельный удар кинжалом шефу жандармов генерал-адъютанту Н. В. Мезенцеву (4 августа 1878) и затем уехал за границу, где 11 декабря 1895 года случайно погиб в Лондоне, убитый поездом железной дороги. Он под псевдонимом «С. Степняк», написал по-французски книгу «Подпольная Россия» I (1881 г.), которая дважды вышла на русском языке (1893 и 1906 гг.). Запись Д. Д. Языкова.

Библиография

Его:

Роман «Павел Руденко». СПб., 1907.

О нем:

«Русский Вестник», 1906, кн. 4, с. 613—646

«Вестник Европы», 1908, кн. 10, с. 608—612

«Голос Минувшего», 1915, кн. 5, с. 85—90

КРАЕВ Семен Михайлович (умер в октябре 1895 года в Екатеринодаре) — журналист.

Некролог

На днях в городе Екатеринодаре после продолжительной и тяжкой болезни, скончался один из старейших тружеников провинциальной печати — Семен Михайлович Краев. В Вильно, Минске, Одессе, Ростове-на-Дону он являлся организатором и затем ближайшим сотрудником местных периодических изданий. При его энергичном участии в Ростове-на-Дону возник «Приазовский Край», он же, по преимуществу, впоследствии способствовал преобразованию издававшейся в Ростове газеты «Донская Пчела» в газету «Юг». Краев работал также и в столичных газетах, как петербургских, так и в московских («Новое Время», 1895, № 7074).

КРАСНОПОЛЬСКИЙ Карл Антонович (умер 23 февраля 1895 года в Петербурге) — доктор.

Жена и дети отставного Статского Советника, доктора Карла Антоновича Краснопольского с глубокой скорбью извещают родных и знакомых о кончине его, последовавшей 23 февраля, в 9 часов утра, после продолжительной и тяжкой болезни. Панихиды в 6 часов вечера. Вынос тела последует из квартиры его (Разъезжая, № 40) 25 февраля, в 10 часов утра, в церковь Св. Екатерины, на Невском пр. Погребение на Смоленском лютеранском кладбище («Новое Время», 1895, № 6821).

КРЕСТОВСКИЙ Всеволод Владимирович (11 февраля 1840 — 18 января 1895 года в Варшаве)

— писатель.

Некролог

18 января в Варшаве после продолжительной болезни, скончался полковник Всеволод Владимирович Крестовский, известный как своей разнообразной деятельностью, так и многочисленными литературными трудами.

Покойный родился 11 февраля 1840 года в имении своей бабушки — селе Малый Березняк (Таращанского уезда, Киевской губернии) и там же провел раннее детство. Десятилетним мальчиком его привезли в Петербург и определили воспитанником в I Петербургскую гимназию. Здесь, еще с четвертого класса, он обратил на себя внимание своими письменными работами по русскому языку, переводами четырех песен Энеиды, нескольких Од и Эпод Горация. По окончании гимназического курса в 1857 году, он поступил было на историко-филологический факультет Петербургского университета, но скоро вышел из него, увлеченный быстрыми успехами своих первых печатных трудов.

Действительно, в течение десяти лет (1857—1868 гг.) имя Крестовского непрерывно появлялось во многих журналах и газетах то под стихами, то под повестями, рассказами или очерками, которые затем вышли отдельными изданиями, под названием: «Сочинения и стихи» (СПб., 1862, пять томов), «Петербургские типы» (СПб., 1865, три тома), «Повести, очерки и рассказы» (СПб., 1868, три тома). Наибольший же успех тогда выпал на долю первого его обширного произведения — пресловутого романа «Петербургские трущобы», помещенного в «Отечественных Записках» (1864—1866 гг.) и потом три раза напечатанного отдельно.

С 1868 года В. В. Крестовский поступил на военную службы — юнкером в Ямбургский уланский полк. С этой поры открылся двадцатипятилетний период кипучей, как служебной, так и литературной деятельности покойного. Прежде всего из-под его пера вышла «История 14 Ямбургского уланского полка» (СПб., 1874), за которую автор, уже произведенный в поручики,

был переведен в лейб-гвардии Уланский полк. На новом месте службы он скоро занялся подобным же трудом и напечатал «Историю лейб-гвардии Уланского Его Величества полка» (СПб., 1876). Затем, по личному желанию Императора Александра II, покойный был командирован на театр Русско-Турецкой войны в качестве официального корреспондента «Правительственного Вестника» и вместо редактора «Военного Летучего Листка» (1877—1878 гг.). Свои живые газетные сообщения о всем виденном и пережитом во время этой кампании он тогда же издал под заголовком «Двадцать месяцев в действующей армии» (СПб., 1879). Едва ему удалось отдохнуть после тяжелой походной жизни, как им было получено новое назначение — состоять секретарем при адмирале С. С. Лесовском, начальнике Тихоокеанской эскадры. Эта полуторагодичная командировка (1880—1881 гг.) также отмечена им в печати длинной вереницей интересных очерков «В дальних водах и странах» («Русский Вестник», 1885—1887). Наконец, с марта 1882 года подполковник Крестовский, определенный чиновником особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе М. Г. Черняеве, отправился в Азию и, после близкого знакомства с тамошними нашими владениями, издал известную книгу «В гостях у эмира Бухарского» (СПб., 1887). Отметим также участие В. В. Крестовского, как публициста, в «Московских Ведомостях»: ему принадлежали статьи «Русская церковь на Японском море» (1882, № 52) и «Новый путь в Центральную Азию» (1884, № 108—109).

С другой стороны, покойный в ту же четверть века неутомимо работал как беллетрист. Не упоминая его мелких произведений, которые будут указаны нами в особом библиографическом очерке, назовем лишь большие романы и повести, как, например: «Вне закона» и «Деды» («Русский Мир») и особенно напечатанные в «Русском Вестнике» — «Панургово стадо» (1869), «Две силы» (1874), «Тьма египетская» (1881 и 1888 гг.), «Тамара Бендавид» (1889—1890 гг.) и «Торжество Ваала» (1891—1892 гг.). Эти произведения, метко и ярко изображавшие русскую жизнь за шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы, пользовались заслужен ным

успехом и доставили автору наибольшую известность. Но покойный не успел закончить своего последнего романа — «Торжество Ваала», так как назначенный редактором «Варшавского Вестника», с 7 октября 1892 года исключительно занялся ведением этой газеты и энергично работал для нее как публицист почти до своей смерти («Московские Ведомости», 1895, № 23).

Библиография

Его:

Повести:

«Любовь дворовых» («Русский Мир», 1858)

«Не первый и не последний» («Библиотека для чтения», 1858)

«Бесенок» («Светоч», 1860)

«Пчельник» и «Сфинкс» («Русское Слово», 1860)

Рассказы:

«Погибшее, но милое создание» («Время», 1861)

«Сольгород», очерк («Отечественные Записки», 1867, кн. 5 и 6)

Письмо к А. В. Жиркевичу. («Исторический Вестник», 1895, кн. 3, с. 878—882)

О нем:

«Сын Отечества», 1895, № 27

«Северный Вестник», 1895, кн. 2, отд. II, с. 104—106

«Русский Вестник», 1895, кн. 2, с. 355—359

«Московские Ведомости», 1895, № 23 и 25

«Новое Время», 1895, № 6787, 6790, 6791, 6802, 6803, 6824

«Русское Обозрение», 1895, кн. 2, с. 888—891

«Исторический Вестник», 1890, кн. 12; 1895. кн. 2. с. 684—685; 1900, кн. 3, с. 978—1003, Якимов В. Л. В. В. Крестовский в Нахичевани. («Исторический Вестник», 1902, кн. 3, с. 951—955)

КРУПЕНИН Александр Иванович (умер 10 сентября 1895 года) — доктор медицины.

Доктор медицины Александр Иванович Крупен скончался 10 сентября на клипере «Разбойник», о чем извещают жена и друзья покойного. Панихида назначена сегодня, 1-го октября, в 2? часа дня, в церкви Клинического госпиталя Военно-Медицинской Академии (на Выборгской) («Новое Время», 1895, № 7037).

КУЧИН Константин Захарович (умер 10 декабря 1895 года в Харькове) — профессор.

Библиография

О нем:

«Записки Императорского Харьковского Университета», 1896, кн. 1.

ЛАЖЕЧНИКОВ Иван Иванович (1861 — 27 мая 1895 года в Самарканде) — литератор.

Из Самарканда: 27 мая в самаркандском военном госпитале, вдали от родных, скончался от крупозного воспаления легких и белой горячки, 34 лет от роду, И. И. Лажечников, сын знаменитого историка-романиста. Покойный сотрудничал в самаркандской «Окраине», где помещал свои стихи и стихотворения, и некоторое время был секретарем редакции. Умер он в крайней нужде и нищете, всеми покинутый, часто голодавший, проведший не одну ночь под кустами городского парка, а наше апатичное общество равнодушно смотрело, как сгорал этот молодой талант, и не стыдилось, теплой участливости к погибающему человеку, отделываться пятаками, на которые покойный заливал свое горе («Новое Время», 1895, № 6926).

Библиография

О нем:

«Русское Обозрение», 1895, кн. 4, с. 886—887.

ЛАНИН Николай Петрович (1832 — 2 апреля 1895 года в Москве) — купец, издатель.

В ночь на 2-е апреля скоропостижно скончался известный купец Николай Петрович Ланин, бывший издатель «Русского Курьера» и едва не лучший у нас заводчик шипучих ягодных вод. Он родился в 1832 году в небогатой купеческой семье. Получив образование в 3-й московской гимназии, он поехал в Германию учиться химии; возвратившись на родину, занялся в то время у нас совершенно новым делом — изготовлением искусственных вод, усовершенствовал это производство в такой степени, что «Ланинские шипучки» до сих пор славятся. С этого началось его обогащение. Покойный был гласным московской думы. Издавая «Русский Курьер», Н. П. Ланин всегда поручал ведение газеты людям более его компетентным: гг. Нефедову, Гольцеву,

Голенищеву-Кутузову, Линеву и другим. Газета уделяла много места провинциальной жизни и имела значительный успех. Впоследствии покойный вел и редактировал газету самолично: она значительно побледнела и после шестимесячной принудительной ее приостановки Ланин уже не возобновлял газету. В 1891 г. он страдал нервным расстройством, выразившемся в представлении о том, что весь хлеб России находится у него в животе, что он сам весь его съел и является виновником голода; он несказанно мучился, но исцелился от этой мании довольно интересным в научном смысле образом. Он упал и сломал себе ногу. По выздоровлению ноги, он одновременно почувствовал себя психически здоровым. Последние годы он провел более замкнуто («Новое Время», 1895, № 6859).

Библиография

О нем:

«Русская Мысль», 1895, кн. 4, с. 151

«Исторический Вестник», 1895, кн. 5, с. 664; кн. 12, с. 805—809.

ЛЕБЕДЕВ Иван Васильевич (1827 — 28 февраля 1895 года в Петербурге) — тайный советник, доктор медицины.

Скончавшийся вчера, 28-го февраля, тайный советник, доктор медицины Иван Васильевич Лебедев, принадлежал к числу известных врачей, имевших в былое время обширную практику. Происходя из духовного звания, покойный родился в 1827 г., кончил курс в медико-хирургической академии с золотой медалью. Начав службу в резервном саперном батальоне, он во время севастопольской кампании принимал участие на театре военных действий в качестве

во время севастопольской кампании принимал участие на театре военных действий в качестве секретаря управления штаб-доктора западной армии. В 60-х годах покойный был членом медицинского совета Царства Польского, затем ординатором Петергофского военного госпиталя и старшим ординатором Первого военного сухопутного госпиталя. Последующая служба доктора Лебедева была сосредоточена в главном военно-медицинском управлении. Из его научных работ назовем докторскую диссертацию, озаглавленную «Anatomia pathologica in processu dysentherico», («Новое Время», 1895).

ЛЬВОВ Федор Федорович (20 августа 1819 года — 31 марта 1895 года в Москве) — директор Строгановского училища технического рисования, действительный статский советник.

Некролог

31 марта скончался директор Строгановского училища, действительный статский советник Федор Федорович Львов. Покойный, сын Ф. П. Львова и брат покойного композитора, родился в 1820 году и по выдержании экзамена в Главном Инженерном Училище в 1839 году произведен в офицеры гвардейского пионерного дивизиона и командирован на Кавказ. Там, среди военных действий, ему пришлось нарисовать большой альбом кавказских видов, за что Императорская академия художеств в 1846 году признала покойного своим почетным вольным общником. По возвращении в Петербург он продолжал заниматься искусствами и, между прочим, принимал живое участие в Обществе поощрения художников. Такая деятельность открыла пред ним место конференц-секретаря Академии Художеств, которое покойный и занимал в течение пяти лет (1859—1864). По оставлении этой должности Ф. Ф. Львов состоял участковым мировым судьей в Порховском уезде Псковской губернии (1865—1867) и при Министерстве государственных имуществ, где с 1879 года занимал место вице-директора Лесного департамента, пока в восьмидесятых годах не был назначен директором Строгановского училища.

Покойному, кроме художественных произведений, принадлежали любопытные воспоминания о Брюллове, Обществе Поощрения Художников и об Академии Художеств, напечатанные в «Русской Старине» (1880, т. XXIX; 1881, т. XXXI и 1882, т. XXXIV). Строгановское училище в его лице понесло тяжелую и трудно вознаградимую потерю.

Покойному много пришлось потрудиться над реформой всего художественного строя заведения на новых началах. Трудами его художественное обучение приведено в одну стройную систему и не замедлило дать уже благие результаты. Спрос на лиц, получивших образование в Строгановском училище, с каждым годом увеличивается, а училище ежегодно принуждено отказывать в приеме за недостатком мест. Затем на долю умершего директора выпала трудная и хлопотливая задача устройства нового помещения училища в здании Университетских клиник на Рождественке. Каждому посетителю училища известно, как прекрасно была выполнена им эта задача. Далее художественно-промышленный музей при Строгановском училище в настоящем своем виде — дело также Федора Федоровича. Сознавая всю важность развития художественного вкуса и понимание стилей для ученого рисовальщика, покойный придавал большое значение музею и отвел для него специальное помещение в новом здании училища. В состав его вошли старые заброшенные коллекции и многие новые, весьма важные приобретения, сделанные за последнее время. Расположив коллекцию в научной системе, на что потребовалось немало труда, Ф. Ф. Львов сделал музей весьма важным средством художественного образования не только учащихся, но и для публики вообще, имеющей в него доступ для осмотра. Устройство музея составляет несомненно одну из крупных заслуг покойного и заслуживает глубокой признательности не только со стороны училища, но и общества. По приведению музея в надлежащий порядок покойный не переставал заботиться о пополнении его новыми интересными коллекциями.

Отдавая все свои силы училищу и художественному промышленному музею, Ф. Ф. Львов относился к своему делу с редкой любовью, неустанно заботясь о преуспеянии вверенных ему учреждений и увлекая своей энергией и любовью своих ближайших сотрудников. Покойный с

большим интересом следил за ходом художественного образования во Франции. За последнее время деятельность его была главным образом, сосредоточена на приготовлениях к всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Можно еще указать, что им были устроены женские вечерние классы рисования при училище. Ф. Ф. Львов в области живописи занимался исключительно акварелями («Московские Ведомости», 1895, № 91).

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 6859.

«Русский Архив», 1895, кн. 5, с. 123—124.

ЛЕСКОВ Николай Семенович (4 февраля 1831 года — 21 февраля 1895 года в Петербурге) — писатель.

Некролог

Известие о смерти Николая Семеновича Лескова заставляет невольно вспомнить, как разнообразна и обширна была литературная деятельность этого писателя, вызывавшая всегда несходные критические отзывы и до сих пор еще не нашедшая полной оценки.

Покойный, насколько нам известно, родился в 1831 году, в селе Горохове (Орловской губернии) и воспитывался в Орловской гимназии, но на литературное поприще выступил лишь в 1860 году, когда в «С.-Петербургских Ведомостях» (№ 135) появился его первый печатный труд — корреспонденция из Киева: в ней автор скорбел, что в местных книжных магазинах Евангелие, тогда впервые изданное на русском языке, продается по возвышенным ценам, вследствие чего многие небогатые люди не могут приобрести это необходимое издание. Письмо, написанное горячо, обратило на себя внимание, а молодой автор в течение двух лет продолжал лишь изредка

печатать свои публицистические статьи, как, например: «Очерки винокуренной промышленности» («Отечественные Записки», 1861, кн. 4), «О русском расселении и о политико-экономическом комитете» («Время», 1861, кн. 11), «Вопросы о народном здоровье и интересы врачебного сословия в России» («Время», 1862, кн. 2).

Начиная же с 1863 года, Н. С. Лесков, скрываясь за свой псевдоним «М. Стебницкий», кроме своих путевых писем «Русское общество в Париже» («Библиотека для Чтения», 1863, кн. 5, 6, 9) и «С людьми древнего благочестия» (1863, кн. 11; 1864, кн. 9), печатает ряд первых литературных произведений, к которым принадлежат: «Овцебыки», рассказ («Отечественные Записки», 1863, кн. 4), «Житие одной бабы», из Гостомельских воспоминаний («Библиотека для Чтения», 1863, кн. 7—8), «Некуда», роман (1864, кн. 1—5, 7, 8, 10—12), «Обойденные», роман («Отечественные Записки», 1863, кн. 9—12), «Леди Макбет нашего уезда» («Эпоха», 1865, кн. 1), «Воительница», очерк («Отечественные Записки», 1866, кн. 7), «Островитяне», повесть (1866, кн. 21—24) и «Чающие движения воды», романтическая хроника (1867, кн. 6—8). Из этих произведений много шума произвел роман «Некуда», где автор ратовал против тогдашнего «российского радикализма» и обрисовал насмешливо заправилу одного кружка, некоего Белоярцева, противопоставив ему два современных женских типа — Дженни и Лизы. Но еще более лучшие вещи вышли из-под пера Н. С. Лескова в последующие десять лет (1869—1878), когда он, главным образом, участвовал в «Русском Вестнике» М. Н. Каткова. Там появились: его картины старорусской жизни «Плодомасовские Карлики» (1869, кн. 2), большой роман «На ножах» (1870, кн. 10—12; 1871, кн. 1—10), старогородская хроника «Соборяне» (1872, кн. 4—7), рождественский рассказ «Запечатленный Ангел» (1873, кн. 1), семейная хроника князей Протазановых «Захудалый Род» (1874, кн. 7, 8, 10) и рассказ на биваке «Ракушанский Меламед» (1878, кн. 3). Особенно выдающимся трудом оказалась хроника «Соборяне», живо, полно и задушевно изобразившая быт духовенства: типы протопопа Туберозова и дьякона Ахиллы были

обрисованы с замечательным художественным талантом.

В последние же пятнадцать лет (1880—1895) покойный Н. С. Лесков дал необычайно много разнообразных плодов своего пера: с одной стороны, им напечатана длинная вереница исторических статей и заметок по разным возникавшим вопросам, преимущественно в «Историческом Вестнике»; с другой, им написана масса повестей и рассказов, вышедшая под заглавием «Рассказы кстати» (СПб., 1887); наконец, ему же принадлежала первая попытка воспользоваться сюжетами то из народных сказаний («Сказ о тульском косом левше и стальной блохе»), то из восточных легенд («Скоморох Памфалон и Аскалонский Злодей»), то из пролога («Легендарные Характеры»). Весь этот обширный и разнообразный материал нашел себе место в Собрании сочинений Н. С. Лескова (СПб., 1891—1893, одиннадцать томов) («Московские Ведомости», 1895, № 53).

Библиография

Его:

«Импровизаторы», картинки с натуры («Книжки Недели», 1892, № 12).

«Продукты природы», рассказ (СПб., 1893).

«Вдохновение бродяги» («Северный Вестник», 1894, кн. 10).

«Зимний день» («Русская Мысль», 1894, кн. 9).

«Дама и Фефела», из литературных воспоминаний («Русская Мысль», 1894, кн. 12).

«Письма к А. Е. Разоренову». 1884 («Русская Мысль», 1902, кн. 7, отд. II, с. 152—153).

«Записка к К. А. Греве, 7 января 1889». («Щукинский Сборник», М., 1902, вып. I, с. 89).

«Письма к С. А. Юрьеву» («Щукинский Сборник», М., 1906, вып. V, с. 454—462).

«Письма к графине С. А. Толстой» («Вестник Европы», 1908, кн. 2, с. 695—697).

«Письма к Н. Г. Лебединцеву», 1882—1884 гг. («Исторический Вестник», 1908, кн. 10, с. 162—172).

«Письма к М. И. Пыляеву», 1880—1888 («Щукинский Сборник», М., 1909, вып. VIII, с. 192—196).

«Письма к Л. Б. Бертенсону» («Русская Мысль», 1915, кн. 10).

«Письма к В. А. Гольцеву», 1888—1894 («Голос Минувшего», 1916, кн. 7—8, с. 399—413)

О нем:

«Северный Вестник». 1895, кн. 3, отд. II, с. 105—107; кн. 4, отд. II, с. 64—68; 1897, кн. 1, с. 279—307; кн. 2, с 255—282; кн. 3, с. 261—297; кн. 4, с 234—274; кн. 5, с 249—286

«Русская Мысль», 1895, кн. 3, отд. II, с. 211

«Русский Вестник», 1895, кн. 3, с. 314—317

«Новое Время», 1895, № 6819, 6820, 6821; 1900, 8701, 8708, 8710

«Русское Слово», 1895, № 53, 54

«Труд», 1895, № 5

«Русская Старина», 1895, кн. 12, с. 205—215

«Исторический Вестник», 1895, кн. 4, с. 177—203; 1902, кн. 3, с. 902—904; кн. 5. с. 551; 1916, кн. 3

«Новое Слово», 1896, кн. 10

«Голос Минувшего», 1913, кн. 2, с. 208—213

ЛЯЛЕЧКИН Иван Осипович (1870 — 27 февраля 1895 года в Калуге) — поэт.

В Калуге, 27-го февраля, после непродолжительной, но тяжкой болезни скончался на 25-м году жизни молодой поэт, подававший большие надежды, Иван Осипович Лялечкин. Покойный родился в Пензе в 1870 году; в 1890 году он окончил курс сызраньского реального училища и по окончании его поступил в С.-Петербургский лесной институт. Покойный сотрудничал преимущественно в иллюстрированных журналах: «Севере», «Живописном Обозрении», «Звезде», в «Будильнике», а также в «Наблюдателе», «Неделе» и «Труде». В последнее время И. О. состоял сотрудником «Новостей» и «Петербургской жизни». После покойного остался почти приготовленный к печати сборник стихотворений, который будет издан его друзьями («Новое Время», 1895, № 6829).

Библиография

О нем:

«Исторический Вестник», 1895, кн. 5, с. 662

ЛЯМБЛЬ Душан Федорович (умер 13 февраля 1895 года в Варшаве) — профессор медицины. Некролог

На днях русская медицинская наука и Варшавский университет понесли невознаградимую потерю. 13 февраля, в 10 ч. 30 мин. вечера, скончался известный профессор Душан Федорович Лямбль. В Варшавском университете он прослужил почти 25 лет, явившись сюда на предложение бывшего ректора университета П. А. Лавровского. Все это время почивший Душан Федорович с честью и с несомненной пользой руководил факультетской терапевтической клиникой до дня кончины. Покойный был родом чех, по вероисповеданию католик; это был славянин до мозга костей, славянин, чтущий Россию и глубоко преданный ее интересам. Как ученый, это была звезда первой величины и его имя сделалось славным особенно в пятидесятых и шестидесятых годах; как учитель это был человек редкой сообщительности, имевший огромное влияние на направление деятельности своих учеников, которых у него было множество. Его редкие умственные дарования и широкая общая образовательность резко выделили его между заурядными специалистами, которые, по меткому выражению Достоевского, довели свою чисто машинную специализацию до того, что если кто-нибудь из них наметал себе руку в лечении левой ноздри, то уже не в силах браться за лечение правой: это уже слишком обширно для умов современных техников-специалистов. Не было почти рода болезни, в котором бы покойный Душан Федорович не считал себя по праву близко знакомым.

Несмотря на то, что многолетний и нередко повторявшийся в последние годы недуг, астма, сведший его и в могилу, заставлял профессора отказываться от практики или по возможности ограничивать ее, его квартира осаждалась тяжелыми больными. К нему обращались за помощью именно такие больные, которые, испытав советы массы других врачей и не получив от них облегчения, обращались к Душану Федоровичу. Практиковал он и вне дома, и даже вне Варшавы, но это была большей частью или бесплатная практика или те случаи трудных

заболеваний, когда больные уже не чаяли ни от кого иного из врачей помощи.

Кроме своих клинических занятий, где профессор Лямбль мог служить образцом внимательного отношения к своим обязанностям, покойный, несмотря на свой преклонный возраст, продолжал усердные научные изыскания. Плодом его научных трудов последних лет явилась громадная и чрезвычайно важная работа «Spondylolis thesis», самовивых, как удачно назвал по-русски это болезненное явление почивший профессор. Этот громадный труд был представлен Д. Ф. Лямблем в Академию на соискание премии и был увенчан премией Загорского в сумме 4000 руб. Уже много лет этой премией не удостаивалась ни одна работа. После присуждения премии покойный посвятил почти 10 месяцев напечатанию этого громадного труда, лишив себя обычного каникулярного отдыха и работая с самоотвержением изо дня в день над корректурами, над составлением чертежей и рисунков, большей частью отлично исполненных самим автором и т. д. Почти внезапная кончина — последняя болезнь, продолжавшаяся не более недели, — не позволила профессору окончить печатанием его труд, этот ценный вклад наук; но остался не напечатанным лишь один последний лист, и надо надеяться, что товарищи покойного, то есть медицинский факультет Императорского Варшавского университета примет все меры к тому, чтобы труд почившего был достойно закончен печатанием: это будет не только достойная дань уважения почившему, но и сбережение ценного достояния науки. Надеемся, что почившего вспомнит и Харьковский университет, где он долго служил.

Да будет легка тебе русская земля, славный сын славного славянского племени; да сохранится о тебе достойная память в широких сферах, прикосновенных к русской и всеобщей медицинской науке («Московские Ведомости», 1895, № 48).

Библиография

О нем:

«Русская Старина», 1907, кн. 10, с. 20—26

МАЙ Карл Иванович (1820 — 20 марта 1895 года в Петербурге) — основатель и попечитель гимназии и реального училища.

Вчера в 4 час. утра скончался основатель и почетный попечитель гимназии и реального училища К. Мая, Карл Иванович Май. Покойный родился в Петербурге в 1820 году и первоначальное образование получил в немецком Петропавловском училище, а высшее — в С.-Петербургском университете, по физико-математическому факультету. По окончании университета К. И. Май продолжал давать частные уроки, пока не был приглашен в С.-Петербургский лесной институт преподавателем географии. В 1856 г., 10 сентября, по просьбе многих немецких семейств из биржевого купечества, К. И. Май открыл школу для мальчиков, которая затем в 1865 г. была преобразована в гимназию. Директором гимназии и реального училища он состоял до 1890 г., но до последних дней преподавал в обоих заведениях уроки географии. На гроб К. И. возложены венки: от бывших и настоящих его учеников, от педагогического персонала («Новое Время», 1895, № 6847, 6849).

МАКЛАКОВ Алексей Николаевич (1839 — 4 мая 1895 года в Москве) — профессор.

Некролог

Грустная весть о кончине известного профессора глазных болезней при Московском университете Алексея Николаевича Маклакова заставляет передать главные сведения из его жизни и ученой деятельности.

Сын врача-гомеопата Николая Васильевича Маклакова (умер в 1882 г.), покойный родился в 1839 г. и после гимназического образования, в 1855 г., поступил на медицинский факультет М[illegible] П[illegible] 1860

Московского университета. По окончании университетского курса лекарем с отличием, в 1860 г., он был определен ординатором Московской глазной больницы и 31 мая 1866 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины «О травматическом воспалении сетчатой оболочки глаза» (М., 1866). С той поры, кроме занятий в больнице и обширной частной практики, покойный приобрел звание приват-доцента и начал чтение лекций по глазным болезням в Московском университете. Это необязательное преподавание продолжалось до 1890 г., когда он был назначен экстраординарным профессором по кафедре офтальмологии. Благодаря его заботам, 4 ноября 1892 г. была открыта на Девичьем Поле университетская глазная клиника, так что кафедра офтальмологии, пользовавшаяся до тех пор материалом Глазной больницы, получила собственное, специально устроенное помещение. Этой клиникой покойный профессор заведовал до своей смерти, читая лекции, руководя практическими занятиями студентов (например, по офтальмоскопии) и искусно исполняя многочисленные глазные операции.

Что же касается учено-литературной деятельности, то А. Н. Маклакову, сверх названной диссертации, принадлежал ряд трудов, помещенных в «Московской Медицинской Газете», «Протоколах Физико-Медицинского Общества», «Медицинском Обозрении», «Медицинском Вестнике», «Летописях Хирургического Общества», а также в иностранных журналах как, например: «Archives d'ophtalmologie». В этих трудах им сообщено много опытов и наблюдений, из которых особенно важны «Аппарат для определения плотности газа», «О перевязке ран», «Об искусственном освещении», «Упрощенные и удешевленные снаряды в глазной практике», «Новое средство при трахоме». Наконец, в 1891 г., покойный прочел две публичные лекции: «О влиянии света Вольтовой дуги на живую кожу» («Труды отделения физики Императорского общества любителей естествознания», 1891, т. IV, вып. I) и «Работы Гельмгольца по физиологической оптике» (М., 1892).

Покойный состоял членом физико-медицинского общества, Императорского общества любителей естествознания и членом-учредителем Хирургического общества («Московские Ведомости», 1895, № 122, 123 и 125).

Библиография

О нем:

«Русская Мысль», 1895, кн. 5, с. 225.

«Новое Время», 1895, № 6892.

МАКШЕЕВ-МАШОНОВ Николай Александрович (1835 — 27 января 1895 года в Москве) — генерал-лейтенант.

Некролог

В ночь на 27 января скончался в Москве один из видных героев последней русско-турецкой кампании генерал-лейтенант Николай Александрович Макшеев-Машонов.

Покойный родился в 1835 г., получил образование в Академии Генерального Штаба, где в окончил курс в 1862 г. Молодым офицером ему пришлось участвовать в кампании 1854 г., в которой он отличился и получил орден Св. Анны 4 степени за храбрость. Покойный проходил следующие должности. Он был старшим адъютантом штаба 2-й кавалерийской дивизии, потом состоял для поручений при штабе Харьковского военного округа, заведывал передвижением войск по Курско-Харьковской железной дороге, а впоследствии был старшим адъютантом штаба Харьковского военного округа. В дальнейшей служебной деятельности Н. А. Макшеев-Машонов состоял начальником штаба 2 и 3 кавалерийской дивизии, одно время состоял в распоряжении командующего войсками Харьковского военного округа, после того был начальником штаба 9 кавалерийской дивизии и командиром 1 бригады 14 кавалерийской дивизии. Вскоре он был назначен помощником начальника штаба Харьковского военного округа, а в 1888 г. последовало

назначение его на должность начальника штаоа 1 / армеиского корпуса. Эту последнюю должность он занимал до 1891 г., когда вышел в запас с производством в генерал-лейтенанты.

Покойный Н. А. Макшеев-Машонов был на театре военных действий во время последней русско-турецкой кампании, где отличился, получив за храбрость золотое оружие и орден Св. Владимира 3-й степени с мечами. Между сослуживцами покойный пользовался большим уважением и любовью («Московские Ведомости», 1895, № 29).

Библиография

О нем:

«Новое время», 1895, № 6798

МАНАССЕИН Николай Авксентьевич (1834 — 16 сентября 1895 года в Царском Селе) — член Государственного Совета, действительный тайный советник.

Некролог

Сегодня, 16 сентября, после продолжительной болезни, скончался в Царском Селе один из наших видных государственных деятелей, бывший министр юстиции, член Государственного Совета, действительный тайный советник Николай Авксентьевич Манассеин, старший брат известного нашего врачебного деятеля, профессора В. А. Манассеина. Происходя из дворян Казанской губернии, Н. А. Манассеин родился в Казани в 1834 г. и высшее образование получил в Императорском училище правоведения. По окончании курса в 1854 г. Н. А. был определен на службу в восьмой департамент Правительствующего Сената. Занимая здесь с некоторыми перерывами, по случаю болезни, вынуждавшей его выходить в отставку, должности помощника секретаря и секретаря, Н. А. в августе 1857 г. назначен был на должность секретаря общего собрания московских департаментов Сената. В апреле следующего года Н. А. по домашним делам снова принужден был выйти в отставку. С декабря 1863 г. Н. А. Манассеин исправлял должность мирового посредника Мещовского уезда Калужской губернии, а через пять лет был призван к деятельности, более соответствовавшей его способностям и юридическим познаниям, будучи назначен товарищем прокурора окружного суда. С этого времени Н. А. получает возможность широко применить к делу свои теоретические познания и сравнительно в короткий промежуток времени двинуть вперед свою служебную карьеру. Прослужив прокурором окружного суда в Калуге, Н. А. в 1868 г. был переведен в Москву на должность товарища прокурора московской служебной палаты. В июне 1870 г. на него возложена была ревизия следственной части в Смоленской губернии, которую он исполнил чрезвычайно успешно, за что и был произведен в статские советники. В марте следующего года он был снова командирован на ревизию следственной части в Костромской губернии. Произведенный в действительные статские советники, Н. А. получил в марте 1874 г. новую командировку — ревизовать прокурорский надзор и следственную часть в Вологодской губернии. В декабре 1877 г. Н. А. был назначен директором департамента министерства юстиции с производством в тайные советники. В 1879 г. за отсутствием товарища министра юстиции т. с. Фриша, Н. А. исполнял многие обязанности последнего, а в следующем году, в сентябре, ему повелено присутствовать в Правительствующем Сенате, с увольнением от занимаемой им должности, но с оставлением ему прежнего содержания. В декабре 1880 г. Н. А. назначен присутствовать в 1 отделении 5-го департамента Сената, а с 28 декабря 1881 г. — в 1-м департаменте. В 1882 г. на Н. А. было возложено важное поручение — произвести обозрение губерний Лифляндской и Курляндской «во всех отношениях» государственного управления, в январе 1885 г. за отлично-усердную службу он получил орден Белого Орла. 6-го ноября 1885 г. Н. А. был призван на пост управляющего министерством юстиции и затем назначен и министром. В короткой заметке нет возможности распространяться о том, с каким блестящим успехом Н. А. провел в Прибалтийском крае судебную реформу, столь решительно соответствовавшую поднятию и укреплению русского дела в этой области. В конце 1893 г. стали распространяться слухи о плохом состоянии здоровья Н. А. и об оставлении им по этому случаю своего поста. Слухи эти подтвердились: 1 января 1894

П. А. и об оставлении им по этому случаю своего поста. Слухи эти подтвердились. 1 января 1894 г. сенатор Манассеин был всемилостивейше уволен, с назначением членом Государственного Совета, от должности министра, которую он с честью занимал с лишком восемь лет. Болезнь его особенно усилилась прошлой весной, в начале апреля («Новое Время», 1895, №№ 7023, 7024, 7025, 7026).

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 257

«Наблюдатель», 1895, кн. 12, отд. II, с. 42—45

«Исторический Вестник», 1895, кн. 11, с. 649—653

МАРКОВ Николай Петрович (умер 15 октября 1895 года в Москве) — протоиерей.

Некролог

15 октября в Москве скончался благочинный придворных соборов и церквей протоиерей Н. П. Марков, в лице которого столичное духовенство лишилось одного из видных своих представителей. Покойный занимал почетное место в богословско-философской литературе, а его книга «Обзор философских учений» служит в духовных семинариях как учебное руководство.

Протоиерей Н. П. Марков был сын священника Курской епархии, воспитывался в местной семинарии и в Киевской духовной академии. По окончании курса в 1861 г. он был назначен в Воронежскую духовную семинарию преподавателем церковной истории, канонического права и литургии, а также стал преподавать словесность в семинарии, всеобщую и русскую историю в местной женской гимназии. В 1866 г. покойный оставил семинарию, заняв преподавательское

место в Воронежской Михайловской военной гимназии, где также состоял и воспитателем. Здесь он оставался недолго. Покойный преосвященный Серафим обратил внимание на молодого преподавателя Н. П. Маркова и перевел его снова в Воронежскую семинарию на должность преподавателя философских наук и педагогики. В 1874 г. Н. П. Марков был рукоположен в священника к Спасской церкви города Воронежа, оставаясь в то же время преподавателем семинарии. В скором времени он занял еще место законоучителя в реальном училище. В 1881 г. отец Марков был возведен в сан протоиерея, а в 1882 г. был назначен ректором Черниговской духовной семинарии, где прослужил до 1892 г., когда по расстроенному здоровью должен был оставить тяжелые обязанности ректора. В этом же году он переехал в Москву и получил здесь место пресвитера Благовещенского придворного собора, а вскоре затем и сакеллария того же собора. В 1893 г. протоиерей Н. П. Марков был перемещен настоятелем в придворный Верхоспасский собор с назначением благочинным придворных соборов и церквей. На всех местах своей службы, в Воронеже, Чернигове и Москве, почивший снискал себе всеобщую любовь и глубокое уважение.

Протоиерей Н. П. Марков обладал обширными разносторонними познаниями. Его ученые труды, главным образом философские, кроме того, что доставили ему почетную известность, оказали большую пользу делу образования. Будучи опытным преподавателем, он явился одним из тех деятелей по духовно-учебному ведомству, которые много и плодотворно потрудились на поприще духовного просвещения. Покойный не был только кабинетным ученым и образцовым преподавателем, — он проявил себя и хорошим администратором. Черниговская семинария во многом улучшилась под его управлением. С сослуживцами отец Н. П. Марков постоянно поддерживал доброжелательные отношения, об учащихся проявлял чисто отеческие заботы. По отзыву лиц, близко знавших почившего пастыря, он имел любящее сердце, которое привлекало и располагало к нему всех. Кроме указанного выше труда, протоиереем Н. П. Марковым

располагавшие к нему всех. Кроме указанного выше труда, протоиереем Н. П. Марковым напечатаны еще: «Педагог древнего классического мира философ Сократ», «Педагог нового христианского мира Славянин Амос Коменский» и много других трудов, которые проявлялись в разных журналах. Покойный находился в хороших отношениях с И. С. Аксаковым и помещал, между прочим, свои статьи в его газете «Русь». За свои ревностные и плодотворные труды протоиерей Н. П. Марков, скончавшийся на 62 году, был награжден орденами Св. Владимира 3 и 4 степени, Св. Анны 2 и 3 степени и другими знаками отличия («Московские Ведомости», 1895 № 286).

Библиография

Его:

«Памяти заслуженного профессора Московского университета протоиерея А. М. Иванцова-Платонова» («Русское Обозрение», 1894, кн. 12)

О нем:

«Московские Церковные Ведомости», 1895, № 43

«Новое Время», 1895, №. 7054

«Исторический Вестник», 1895, кн. 12, с. 1012

МАРТЫНОВ Николай Александрович (1823 — 24 февраля 1895 года в Москве) — археолог-художник.

Разумная любовь к родной старине есть несомненный признак здравого просвещения; к сожалению, русское общество таковой любовью далеко не отличается, а потому, идущие в данном случае против течения должны пользоваться особенным уважением нашим. Николай Александрович Мартынов, скончавшийся 24 февраля 1895 г., всю свою жизнь проявлял

деятельную любовь к родным древностям.

Покойный родился в 1823 г. в Москве и с ранних лет показал необыкновенные способности к рисованию: рисунок 15-летнего юноши во время посещения Александром Николаевичем в 1838 г. Межевого института обратил на себя его внимание, молодой художник получил в награду золотые часы. В 1849 г. Н. А. сделался учителем рисования в том же Межевом институте. Любовь к древностям побуждала его рисовать акварелью и карандашом с натуры многочисленные памятники московской старины. Скоро он в этом деле достиг удивительного совершенства и в 1858 г. был приглашен на службу по Министерству государственного имущества. С тех пор жизнь покойного была посвящена снимкам с древних памятников и рисованию альбомов для Высочайшего двора. Трудно перечислить, сколько было им сделано снимков с произведений древнего искусства, укажем лишь на альбом, изданный в 70-х годах с объяснениями его брата, известного археолога. Заслуга Н. А. Мартынова тем более велика, что многие предметы уже потеряны, многие церкви и монастыри разрушены, так что акварельные рисунки его зачастую должны заменять нам оригинал и при совершенстве исполнения, которое на Парижской выставке признано неподражаемым, вполне отвечают своему назначению. Окруженный почтением немногих, но глубоко уважавших его лиц, вел он свою трудовую жизнь до 1887 г., когда его постигла болезнь.

Всякий, кому дорога родная старина, должен помянуть добрым словом Николая Александровича Мартынова («Русский Архив», 1895, кн. 5, с. 121—122).

МАТФЕЙ (в мире Сунцов, умер 11 апреля 1895 года) — архимандрит, настоятель Троицко-Стефано-Ульяновского монастыря в Вологодской губернии.

Библиография

О нем:

«Церковные Ведомости», 1895, № 27, с. 919—925

МИКЛАШЕВСКИЙ Михаил Николаевич (умер 17 января 1895 года в Петербурге) — вице-директор таможенного департамента.

Некролог

В ночь на 17 января скончался от разрыва сердца вице-директор таможенного департамента Михаил Николаевич Миклашевский. Покойный свои молодые годы, по окончании курса в С.-Петербургской консерватории, провел за границей. Живя в Италии, он занялся пением и в Неаполе руководил одним из выдающихся местных хоров. Здесь же он много поработал над развитием своего художественного таланта, проявившегося в не скольких картинах, писанных масляными красками и удостоившихся одобрения специалистов-художников. Поселившись в Мюнхене, М. Н. редактировал журнал «Уголовная Летопись» г. Самарина, где были напечатаны многие из его литературных произведений. В 60-х годах покойный получил от г. Благосветова приглашение сотрудничать в «Деле». Он написал ряд статей по политическому и внутреннему обозрению, заведывал изданиями г. Гейрота и, между прочим, перевел «Комедию всемирной истории» Шерра — издание, обогатившее историческую переводную литературу. Поступив на службу в таможенное ведомство, М. Н. принимал деятельное участие в разработке всех тех вопросов, которые касались улучшения таможенного дела и торговых сношений, особенно с государствами Средней Азии. Им издан «Таможенный Устав». Командированный в 1892 г. министерством финансов в Персию и соседние с нею государства, он обстоятельно изучил положение местной торговли и промышленности, исследовал подробно местные рынки и собрал, таким образом, ценный материал для комиссии, разрабатывающей в настоящее время, при министерстве финансов, вопрос о развитии наших торговых сношений и азиатскими государствами («Новое Время», 1895, № 6786).

Библиография

О нем:

«Исторический Вестник», 1895, кн. 3, с. 991

МИТРОФАН (ФЛОРИНСКИЙ) (умер 16 ноября 1895 года) — архимандрит.

Библиография

О нем:

«Портретная галерея уроженцев и деятелей Владимирской губернии», Владимир, 1904, вып. 3, с. 33—35

МИХАЙЛОВ Владимир Васильевич (1832 — 7 ноября 1895 года в Петербурге) — инспектор школ Технического общества.

Некролог

В ночь на 7 ноября скончался бывший инспектор школ Русского технического общества Владимир Васильевич Михайлов, хорошо известный в Петербурге своей деятельностью по распространению общего и профессионального образования среди рабочего люда. Приглашенный известным покойным деятелем Е. Н. Андреевым в качестве инспектора школ Технического общества в начале 80-х годов, В. В. с тех пор более десяти лет посвятил себя всецело школьному делу, не щадя своего здоровья. Он не только заботился об увеличении числа

всецело школьному делу, не щадя своего здоровья. Он не только заботился об увеличении числа школ (при нем количество школ и вечерних классов для рабочих и их детей возросло с 12-ти до 32-х), но обращал также особенное внимание на возможно лучшую как с материальной стороны, так и с учебной постановку школьных занятий. Он умел убедить многих фабрикантов и заводчиков уделить часть своих доходов на образование рабочих и их малолеток и лично сам устраивал литературные вечера с целью увеличить средства на содержание школ. Покойный жил исключительно интересом своих школ. Целый день проводил он в хлопотах: то устраивал новые школы, то организовывал народные чтения и игры для детей. Благодаря его неутомимой энергии Техническое общество обогатилось, кроме нескольких школ типа начальных городских училищ, школами печатного дела и десятников, общество же поощрения ремесленного образования — курсами для подготовления учительниц рукоделия. В последние два года В. В. не мог уже заниматься: болезнь (чахотка) его обессилила. Покойный родился в 1832 г., образование закончил на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета. До приглашения инспектором школ Технического общества, он имел в Петербурге свою частную школу, пользовавшуюся известностью среди столичного населения. Затем был преподавателем в гимназии Я. Г. Гуревича. В. В. являлся деятельным членом многих обществ в Петербурге, сделал много сообщений в их заседаниях и написал ряд статей, посвященных преимущественно образованию рабочих и ремесленниц. Его статьи и речи отличались краткостью, содержательностью и свидетельствовали всегда об искренней любви покойного к делу просвещения. В. В. умел хорошо и убедительно говорить, его чтение литературных произведений считалось мастерским, и он неоднократно выступал в качестве чтеца на публичных литературных вечерах. Покойный всю свою жизнь провел в трудах, не гоняясь за богатством и славой. Незначительное вознаграждение за труды по инспекторству вполне удовлетворяло его. Умер он в Мариинской больнице, не имея средств лечиться дома. Похороны покойного, как мы слышали, приняло на себя Техническое общество («Новое Время», 1895, № 7076).

МОРЕВ Флегонт Семенович (умер 14 ноября 1895 года в Ярославле).

Библиография

О нем:

«Церковные Ведомости», 1895, № 50, с. 1822—1823

НАУМОВ Дмитрий Алексеевич (1830 — 29 июня 1895 года в селе Кузьминском Подольского уезда) — общественный деятель, действительный статский советник.

Некролог

В четверг, 29 июня, в селе Кузьминском Подольского уезда скончался Дмитрий Алексеевич Наумов.

Покойный родился в 1830 г. и высшее образование получил на юридическом факультете Московского университета. По окончании курса кандидатов в 1852 г., он поступил на службу переводчиком в Московский главный архив Министерства иностранных дел и в то же время начал готовиться к магистерскому экзамену, по выдержании которого защитил диссертацию: «Консульское право Европы и Америки» (М., 1856, XIVI, — 224 стр.) и приобрел степень магистра общенародного права. С 1859 г. ему пришлось служить цензором в Московском цензурном комитете, а с 1861 г. состоять чиновником особых поручений при попечителе Московского учебного округа.

При введении в Московской губернии земских учреждений, Д. А. Наумов в 1865 г. был избран председателем Московской губернской земской управы и занимал эту должность бессменно почти тридцать лет, до 1893 г., когда вышел в отставку.

Сверх того, покойный, как один из основателей Политехнического музея в Москве, был его почетным членом, председателем правления и товарищем Августейшего Председателя, а в Императорском московском обществе сельского хозяйства — секретарем и вице-президентом.

Нельзя не прибавить, что Д. А. Наумов сообщил любопытные «Письма А. Ф. Воейкова к княгине Екатерине Александровне Волконской», которые и напечатаны в «Библиографических Записках» (1858, № 9, с. 259—272) («Московские Ведомости», 1895, № 181).

Библиография

О нем:

«Русское Слово», 1895, № 177

«Московские Ведомости», 1895, № 178

НЕБОЛЬСИН Константин Васильевич (19 апреля 1825 — 12 февраля 1895 года в Петербурге) — почетный опекун С.-Петербургского присутствия Опекунского совета учреждений Императрицы Марии, генерал-лейтенант.

Некролог

По телеграфу уже сообщено о последовавшей 12 февраля кончине почетного опекуна Петербургского присутствия Опекунского совета, генерал-лейтенанта Константина Васильевича Небольсина. Покойный принадлежал к видным общественным деятелям на разных поприщах. К. В. Небольсин родился в 1825 г. 19 апреля в городе Або. Образование получил в Морском корпусе. По окончании курса он служил во флоте, командовал разными судами, совершил несколько плаваний, участвовал в Венгерской кампании и в усмирении польского мятежа, заведывал школой кантонистов и закончил свою морскую службу должностью начальника штаба главного командира Кронштадтского порта. Из продолжительной морской службы покойного отметим командование пароходом-фрегатом «Олаф», на котором ему неоднократно приходилось сопровождать в Бозе почившего Государя Императора Александра III в Копенгаген. На Политехнической выставке в Москве покойным был устроен морской отдел, за который он получил большую серебряную медаль. Особенного внимания заслуживает деятельность К. В. Небольсина по Обществу спасения на водах. Обстоятельно ознакомившись на месте с устройством спасательных станций за границей, покойный много содействовал осуществлению спасательных станций в России. Во время последней Русско-Турецкой войны К. В. Небольсин руководил деятельностью Николаевского отделения Красного Креста. В 1886 г. последовало назначение его на должность почетного опекуна Петербургского присутствия Опекунского Совета с производством в генерал-лейтенанты. И здесь покойный много работал в качестве члена по хозяйственной части в Патриотическом и Елизаветинском институтах, при которых он устроил запасные лазареты для заразных болезней. В последнее время К. В. Небольсин принимал деятельное участие в разработке положения о вновь учрежденном Ксениинском Институте. Из литературных работ покойного можно указать на статьи: «О состоянии спасательных станций в разных государствах Европы», «Способ заделки пробоин в подводной части железного судна, не вытаскивая его на элинг или док», «Плашкоут со стойками для работ у судов в портах» и др.

Покойный имел много орденов и других знаков отличия. Он скончался на 70-м году жизни («Московские Ведомости», 1895, № 48).

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 6812

НЕВСКИЙ Александр Алексеевич (умер 1 января 1895 года в Москве).

Библиография

Его:

«Жизнеописание святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского, с присоединением кратких сведений о чудотворных его иконах», М., 1895

О нем:

«Московские Церковные Ведомости», 1895, № 2, с. 21; № 7, с. 66—71

«Церковные Ведомости», 1895, № 4, с. 153

«Московские Ведомости», 1895, № 3 и 5

НЕКРАСОВ Иван Степанович (1836 — 3 ноября 1895 года в Швейцарии) — ректор Императорского Новороссийского университета, доктор русской словесности.

Некролог

С грустью приходится отметить недавнюю утрату, какая выпала на долю русской науки и нашей родной литературы: 3 ноября в Швейцарии, после тяжелой болезни, скончался ректор Новороссийского университета Иван Степанович Некрасов, по месту своего образования тесно связанный с Москвой.

Происходя из духовного звания, покойный сначала воспитывался в Московской духовной семинарии, откуда в 1855 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Там он получил в 1858 г. золотую медаль за сочинение на заданную тему: «История княжества Псковского» и окончил курс кандидатом в 1859 г. После недолгой преподавательской службы, Иван Степанович выдержал экзамен на степень магистра русской литературы и защитил диссертацию под заглавием «Зарождение национальной литературы в северной Руси» (Одесса, 1870, 173+44 стр.), а вместе с тем занял кафедру русского языка и словесности в Новороссийском университете. Спустя три года он приобрел степень доктора русской словесности за новый труд: «Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского «Домостроя» (М., 1873, 184 стр.) и продолжал состоять профессором по избранному предмету в том же университете (1873—1895 гг.), занимая вместе с тем с 10 июля 1890 г. и пост ректора.

Кроме названных диссертаций, покойному принадлежали еще следующие труды: «Разбор книги Щапова «Русский раскол старообрядства» («Летописи Тихонравова», 1859, т. 11), «О жизнеописаниях святых» («Русская Речь», 1861, № 40), «По поводу повести «Князь Серебряный» («Московские Ведомости», 1862, № 274), «Женский литературный тип древней Руси» («Филологические Записки», 1864, кн. 3), «О портретных изображениях русских угодников, в их житиях» («Сборник Общества древне-русского искусства», 1866), «Новейшие издания памятников древней итальянской литературы» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1867, кн. 5 и 6), «Древне-русский литератор» («Беседы в Обществе Любителей Словесности», 1867, вып. 1), «Древне-русское сказание об убийстве в Угличе» («Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских», 1868, кн. 1), «Несколько данных для характеристики древнерусского иконописца» («Вестник Московского Археологического Общества», 1868, вып. IV), «О современных задачах изучения древне-русской литературы» («Отчет Новороссийского университета за 1869 г.»), «По поводу народного сказания о двенадцати пятницах» («Филологические Записки», 1870, кн. 3), «О значении Пушкина, Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы» (Одесса, 1887) и «О задачах изучения древнерусской литературы и народной поэзии» (СПб., 1892). Им же написан ряд рецензий о

древнерусской литературы и народной поэзии» (СПб., 1892). Им же написан ряд рецензий о пьесах, представленных на премию Вучины при Новороссийском университете.

Покойный И. С. Некрасов за свои труды был избран в действительные члены Общества любителей российской словесности при Московском университете (с 20 октября 1867 г.) и в члены-корреспонденты Императорского Археологического общества в Москве (с 17 октября 1867 г.) («Московские Ведомости», 1895, № 312).

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 7076

«Исторический Вестник», 1896, кн. 1, с. 365—366

«Журнал Министерства Народного Просвещения», 1896, кн. 1

«Русский Филологический Вестник», 1896, № 1

НЕСТЕРОВ Владимир Григорьевич (умер 20 сентября 1895 года в Москве) — врач.

Некролог

20 сентября скончался скоропостижно в Москве известный своей разносторонней деятельностью врач Владимир Григорьевич Нестеров. Умер он во время совещания присяжных заседателей московского окружного суда, исполняя обязанности старшины заседателей. Когда началась на Балканском полуострове борьба славян за свою свободу, покойный был избран московским медицинским обществом в руководители снаряженного обществом медицинского отряда. С 1876 г. до окончания последней русско-турецкой войны деятельность В. Г. Нестерова сосредоточилась на театре военных действий и в Румынии. Он явился от Красного Креста в Фратешты, которые в

то время составили себе мрачную известность плохим устройством своего важного перевязочного пункта. Покойный, прибыв в Фратешты, работал с замечательной энергией; его заботам и знаниям обязаны многие своим спасением от тифозной эпидемии. В последнее время В. Г. работал в особой комиссии при московском учебном округе над выяснением вопроса о наилучших условиях жизни учащихся, их здоровья и т. д. Между прочим, он был секретарем московского гигиенического общества. Из его научных работ назовем: «Случай развития сыпного тифа вслед за брюшным» и «К казуистике не сахарного диабета». («Новое Время», 1895, № 7029).

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 260 и 262

Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели, вып. V

НЕШУМОВ Алексей Иванович (умер 20 декабря 1895 года в Москве) — автор.

Библиография

О нем:

«Московские Церковные Ведомости», 1899, № 24, с. 314—315

НИКОЛАЕВСКИЙ [illegible]

НИКИФОРОВСКИЙ Иван Тарасьевич (умер 13 октября 1895 года в Загорске).

Библиография

О нем:

«Церковные Ведомости», 1895, № 49, с. 1782—1783

НИКИФОР (в мире Алексей Бажанов, умер 15 декабря 1895 года в Москве) — архимандрит.

Некролог

В ночь на 15 декабря скончался, после продолжительной болезни, настоятель московского Высокопетровского монастыря архимандрит Никифор на 64 году своей жизни. Отпевание тела почившего было совершено 17 декабря преосвященным Анатолием, управляющим Новоспасским монастырем, в сослужении многочисленного духовенства, а погребение состоялось на кладбище Покровского монастыря.

Архимандрит Никифор, в мире Алексей Бажанов, был сыном московского протоиерея и получил образование в Московской духовной семинарии. Служебная деятельность его началась в Николо-Перервинском духовном училище, в котором он последовательно занимал места учителя, инспектора и смотрителя. В 1864 г. покойный принял монашество, а вскоре был перемещен смотрителем в Донское духовное училище, в котором прослужил около 13 лет. Оставив службу на духовно-учебном поприще, иеромонах Никифор занял место казначея Иверской часовни. В 1888 г. он был назначен настоятелем Высокопетровского монастыря, с возведением в сан архимандрита. Кроме управления обителью, архимандрит Никифор состоял долгое время членом Московской духовной консистории, председателем Братства Св. равноапостольской Марии Магдалины председателем отдела по распространению духовно-нравственных книг. В последнее время по слабости здоровья ему пришлось отказаться от этих должностей.

При своих разнообразных обязанностях, покойный посвящал все свободное время литературным занятиям. Кроме «Иллюстрированной Библейской Энциклопедии» им был издан в 1888 г. «Сборник для духовного чтения», в который вошли его оригинальные и переводные статьи. Ему принадлежал также «Исторический очерк Николо-Перервинского монастыря» («Московские Ведомости», 1895, № 348).

Библиография

О нем:

«Московские Церковные Ведомости», 1895, № 52, с. 527

«Церковные Ведомости», 1896, № 3, с. 95

НИКОЛЬСКИЙ Петр Иванович (умер 5 марта 1895 года в Москве) — магистр ветеринарных наук.

Некролог

Московское общество ветеринарных врачей лишилось нового, только что избранного, председателя, магистра ветеринарных наук Петра Ивановича Никольского, скончавшегося вечером 5 марта от кровоизлияния в мозг.

Общество понесло в лице его тяжелую утрату. Он много содействовал подъему и оживлению его деятельности на последнее время сначала в качестве члена, а потом товарища председателя.

Покойный состоял заведующим ветеринарным бюро Московского губернского земства. Несмотря на кратковременное заведывание им, он успел много сделать для лучшей постановки ветеринарной части в губернии.

Ветеринарная наука лишилась в лице П. И. Никольского одного из видных своих представителей. Кроме магистерской диссертации, им было напечатано много статей в специальных журналах по ветеринарии. Во время своей заграничной командировки покойный имел возможность близко ознакомиться с положением ветеринарного дела во Франции, Германии и других странах.

В кругу своих товарищей и сослуживцев П. И. Никольский пользовался любовью и глубоким уважением. Это был действительно симпатичнейший и добрейший человек. Смерть похитила его во цвете лет. Не только среди товарищей, но и между всеми знавшими покойного, внезапная кончина его вызовет самое искреннее сожаление.

Отпевание тела покойного последует 8 марта, в церкви Рождества, что в Кудрине, после чего оно будет отправлено для погребения в Петербург («Московские Ведомости», 1895, № 66).

НИЛЬСКИЙ Василий Васильевич (умер 6 февраля 1895 года в Петербурге).

Библиография

О нем:

«Церковные Ведомости», 1895, № 7, с. 274—275

НОВИКОВ Павел Евтихьевич (умер 9 мая 1895 года близ Печоры) — автор.

Библиография

О нем:

«Ежегодник Императорских театров», сезон 1894—1895 гг., с. 409—410

ОБРАЗЦОВ Павел Ефимович (умер 23 ноября 1895 года в Юрьеве) — протоирей.

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 7100

ОЛЬШЕВСКИЙ Мелетий Яковлевич (11 февраля 1816 — 1 марта 1895 года в Петербурге) — генерал-от-инфантерии.

Некролог

1 марта в Петербурге скончался герой Кавказа, член Александровского комитета о раненых, генерал-от-инфантерии Мелетий Яковлевич Ольшевский. Покойный родился 11 февраля 1816 г., получил образование в первом кадетском корпусе и Николаевской академии Генерального Штаба; на военную службу вступил в 1833 г. С 1842 г. по 1849 г. М. Я. Ольшевский был старшим адъютантом и состоящим для особых поручений в штабе войск Кавказской линии и Черноморья. Здесь ему пришлось участвовать в войне 1844—1845 гг. В кампании 1849 г. он был контужен и получил за храбрость золотое оружие и, кроме того, был произведен в подполковники. Чин генерал-майора покойный получил в 1854 г. В последствии ему пришлось участвовать еще в нескольких кампаниях, а именно: 1853, 1855 и 1861—1963 гг. Проходя разные должности на Кавказе, генерал М. Я. Ольшевский в течение нескольких лет состоял

начальником Кавказской дивизии. В генерал-лейтенанты покойный произведен в 1861 г. Членом Александровского комитета о раненых он состоял с 1881 года, когда был произведен в генерал-от-инфантерии, и занимал эту должность до последнего времени. Покойный генерал оставил в числе своих литературных трудов ценные исследования о горцах. Некоторые из его сочинений были напечатаны в «Русском Вестнике» и «Русской Старине». В 1888 г. им была издана брошюра: «О продовольствии армии в военное время» («Московские Ведомости», 1895, № 64).

Библиография

О нем:

Моя записная книга, № 3 (Записная книга Д. Д. Языкова)

«Новое Время», 1895, № 6829

«Русская Старина», 1895, кн. 4, с. 225—226

«Исторический Вестник», 1895, кн. 5, с. 661—662

ОСОКИН Николай Алексеевич (10 апреля 1843 — 29 декабря в Казани) — профессор Казанского университета.

Некролог

Среди профессоров Казанского университета в течение более тридцати лет пользовался широкой известностью Николай Алексеевич Осокин, теперь неожиданно сошедший в могилу. Это был один из лучших знатоков всеобщей истории и вместе с тем трудолюбивый исследователь, напечатавший ряд ценных исторических монографий.

Покойный родился в Петербурге 10 апреля 1843 г. и воспитывался в V Петербургской гимназии. По окончании гимназического курса с серебряной медалью, он поступил на историко-

филологический факультет Петербургского университета, но вследствие закрытия его по причине беспорядков (1861) перешел в Казанский университет и там довершил свое высшее образование в 1865 г. Выпущенный из университета со степенью первого кандидата и с золотой медалью за сочинение «Аттендоло Сфорца Котиньольский», молодой Осокин скоро вернулся в тот же университет и уже не покидал его до кончины: с 27 октября 1865 г. он начал читать лекции по всеобщей истории, как приват-доцент, а с 1869 г. — как профессор того же предмета.

Из трудов покойного Осокина особенно известны напечатанные в «Ученых Записках Казанского университета»: «Саванарола» (1865), «Королева Иоанна II» и «Заметки по экономической истории Италии» (1866), «Утверждение Аррагонской династии в Неаполе» и «Сфорцы в Милане» (1867), «Личный и исторический характер Оливера Кромвеля» (1868), «История альбигойцев и их времени, до кончины папы Иннокентия III», магистерская диссертация (Казань, 1869), «Внутреннее состояние католической церкви в XIII столетии и отношение к ней общества» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1870, кн. 5), «Первая инквизиция и завоевание Лангедока Французами», докторская диссертация (Казань, 1872), «Неаполитанские государи XIV века» (Казань, 1873), «Полтораста лет назад», по поводу книги Д. Корсакова («Полярная Звезда», 1881, кн. 5), «Политические движения в Западной Европе в первой половине нашего века» (Казань, 1885, 123 стр.), «Древнеримская республика» (Казань, 1886), «Средневековая история», до начала XIII столетия (Казань, 1887, 514 стр.), «История средних веков», с приложением «Очерка средневековой историографии» (Казань, 1888—1889 гг., два тома) («Московские Ведомости», 1896, № 2).

Библиография

О нем:

О нем:

«Новое Время», 1895, № 7063; 1896, № 7127

«Исторический Вестник», 1896, кн. 2, с. 668—677

«Русская Старина», 1899, кн. 6, с. 687—688

ОСТРОУМОВ Александр Алексеевич (умер 9 июня 1895 года в Москве) — протоиерей.

Некролог

Вечером 9 июня скончался один из старейших представителей московского духовенства, настоятель Пименовской, что в Старых Воротниках, церкви, протоиерей Александр Алексеевич Остроумов. Не далее как в истекшем марте исполнилось шестьдесят лет духовно-педагогической деятельности почившего.

Покойный окончил курс в Московской духовной семинарии в 1834 г. 12 мая 1835 г. он был назначен преподавателем в духовное училище, помещавшееся в то время в высокопетровском монастыре; в этом училище он в скором времени занял должность инспектора; 20 июля 1841 г. А. А. Остроумов был определен дьяконом к Пименовской церкви и оставался при ней в этом сане до 22 августа 1848 г., когда митрополитом Филаретом он был посвящен священником к этому храму. Таким образом, служение его в Пименовской, что в Старых Воротниках, церкви продолжалось более полувека. В сан протоиерея он был возведен в 1886 г. В течение 19 лет отец Остроумов состоял при Московском столичном мировом съезде для приведения к присяге, а в 1882 г. был назначен духовником своего благочиния.

Почивший имел ордена Св. Анны 2 степени, Св. Владимира 4 степени и Св. Анны 3 степени. Несмотря на свой преклонный возраст, протоиерей А. А. Остроумов продолжал до самого последнего времени совершать богослужения и исполнять требы. Покойный заботился о благолепии Пименовского храма, который во время его настоятельства неоднократно

реставрировался («Московские Ведомости», 1895, № 158).

Библиография

О нем:

«Московские Церковные Ведомости», 1895, № 25

ПАВЕЛ (ПРУССКИЙ, умер 27 апреля 1895 года в Москве) — архимандрит.

Некролог

В четверг, 27 числа, в 9 часов пополудни, почил навеки от трудов своих отец архимандрит Павел, настоятель Никольского единоверческого монастыря, повсюду известный под именем Павла Прусского. Приметное ослабление его крепкого от природы здоровья началось летом прошлого года; но не щадя себя, старец продолжал трудиться с прежней неутомимостью. Затем глубоко потрясла его и гибельно отразилась на здоровье болезнь и кончина в Бозе почившего Государя Императора, к которому питал он безграничное благоговение, как Помазаннику Божьему и светлой надежде России: в самый день прибытия в Москву останков почившего Государя поразил его первый припадок, окончательно уложивший в постель, с которой он почти и не вставал уже целые полгода. Но и лежа на одре болезни, продолжал диктовать свои последние сочинения, принимать многочисленных посетителей, с которыми всегда вел беседу о делах веры и Церкви, — твердую память, прежнюю глубину и светлость мысли, прежнюю ревность о благе святой Церкви он сохранял и тогда вполне. В первых числах апреля последовал второй припадок, после которого стало уже заметно, что дни старца сочтены. Впрочем, он не терял еще надежды на

которого стало уже заметно, что дни старца сочтены. Впрочем, он не терял еще надежды на выздоровление, ободренный особенно посещением доктора Г. А. Захарьина, о внимательности и участии которого вспоминал с большой благодарностью. Наконец, 27 числа, в 9 часов утра, начался третий припадок, после которого он тихо, неприметно для окружающих, испустил последний вздох... И вот не стало великого старца, почти тридцать лет неустанно трудившегося в святом деле возвращения именуемых старообрядцев в лоно православной Церкви. Он скончался на 74 году своей жизни.

В лице архимандрита Павла православная Церковь понесла великую невознаградимую потерю. Здесь не место для подробного изложения его заслуг пред православием; достаточно упомянуть, что это был не только редкий по искусству, знанию и силе мысли обличитель или разоблачитель неправды раскола, но и наставник, руководитель и воспитатель целого поколения ныне действующих миссионеров против раскола. Его многочисленные сочинения составляют бесценный вклад в нашу противораскольническую литературу; их появление — эпоха в этой литературе и вообще в миссионерстве против раскола; а для ведущих беседы с старообрядцами это истинное сокровище, незаменимое руководство. И сколько лиц, блуждавших в расколе, он привел в тихое пристанище Церкви своим словом и своими сочинениями. Он не любил считать их; но имена их написаны на небесах и ведомы Владыке Церкви, пред которым предстоит теперь душа его, всегда к Нему стремившаяся, Его единого искавшая.

Отец Павел и жил и умер нищим. Кто видел его, особенно кто посещал его в его келье, тот знает, что это был редкий в наше время монах — любитель нищеты. Свое единственное богатство — свои сочинения он завещал Церкви, точнее — всем, кто пожелает издавать и распространять их в пользу святой Церкви.

Пишущий это тридцать лет почти связан был с незабвенным отцом Павлом узами тесной дружбы и полного единодушия в деле служения православной Церкви. В эти долгие годы ни разу не возникало между нами ни разногласий, ни каких-либо недоразумений: свидетельством этого может служить сохранившаяся у меня и у него не одна тысяча писем, которыми обменялись мы, и все по текущим делам и вопросам раскола. Впрочем, говорить о том, какая горькая потеря понесена лично мной с кончиной отца Павла, считаю даже неприличным ввиду той великой

потери, какую понесла, лишившись его, вся православная российская Церковь. И по молитвам Церкви, которую он так любил, о которой так ревновал, для которой столько потрудился, да подаст ему Господь успокоение со святыми, простив все его прегрешения, а наипаче грех раскола, омрачавший первую половину его жизни, о котором он так скорбел и для изглажения которого так неустанно трудился подвигом проповеди православия среди болеющих расколом, в последнюю, светлую ее половину (Н. Субботин. «Московские Ведомости», 1895, № 116).

Библиография

Его:

«Письма» («Чтения Императорского Общества Истории», 1904, кн. 1)

О нем:

«Церковные Ведомости», 1895, № 18, с. 636—639; 1896, № 8, с. 288—292

«Московские Церковные Ведомости», 1895, № 19, с. 185—188

«Московские Ведомости», 1895, № 120; 1898, № 112, 115; 1899, № 118; 1900, № 117; 1901, № 114

«Новое Время», 1895, № 6887

«Миссионерское Обозрение», 1897, кн. 1

«Братское Слово», 1895, №№ 11—20; 1896, №№ 8—10

«Душеполезное Чтение», 1904, кн. 8; 1906, кн. 9, 10, 11, 12

ПАВЛОВ Платон Васильевич (7 сентября 1823 — 29 апреля 1895 года в Петербурге) — доктор исторических наук, политической экономии и статистики, профессор.

Некролог

В ночь на 29 апреля скончался в Петербурге старший из русских профессоров — Платон Васильевич Павлов.

Покойный родился 7 сентября 1823 г. в Нижегородской губернии и получил хорошее образование сначала в одном дворянском семействе, а потом в петербургском частном пансионе г. Дешуданса. Тщательно подготовленный, он поступил в Главный педагогический институт, где под руководством профессоров Грефе, Лоренца и Устрялова преимущественно занялся историей и классической филологией. По окончании же курса в 1844 г. с серебряной медалью П. В. Павлов был оставлен при Институте для усовершенствования в науках, а через три года, после получения степени магистра греческой словесности за неизданную диссертацию «De traqicorum Atheniensium opinionibus politicis», занял место адьюнкт-профессора в университете Св. Владимира по кафедре русской истории. Последняя сначала более интересовала покойного ученого, так что он приобрел степень доктора истории за сочинение «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» (М., 1849; второе издание: СПб., 1862).

Чтение университетских лекций и преподавание истории как в Киевском институте, так и в гимназиях, продолжались в течение десяти лет, до 1857 г., когда П. В. Павлов был командирован за границу для изучения бытовых и художественных исторических памятников, а по возвращении в конце 1858 г., одновременно с курсом русской истории, стал впервые читать курс истории пластических искусств в связи с развитием культуры и, по поручению киевского попечителя Н. И. Пирогова, руководить частными воскресными школами. Но через год он на время покинул

Киев и переселился в Петербург. Там покойный был назначен членом Археографической комиссии (с 1859 г.), преподавателем всеобщей истории в Императорском Училище правоведения и, с разрешения Министерства народного просвещения, деятелем по воскресным школам. Однако эта деятельность, спустя три года, неожиданно была прервана по собственной вине покойного. В 1862 г., как теперь известно (см. «Русскую Старину», 1891, кн. 2, с. 339—340, и «Северный Вестник», 1894, кн. 2, с. 56—57), на публичном чтении в пользу литераторов «О тысячелетии России» он сказал необдуманную фразу, что Россия будто «стоит теперь над бездной, в которую мы и повергнемся, если не обратимся к последнему средству спасения — к сближению с народом» и прибавил: «имеющий уши, да слышит...» Такие выражения вызвали административную высылку Павлова сначала в Ветлугу, а потом в Кострому, где он и пробыл до 1870 г., когда благодаря высокому вниманию и участию тогдашнего Наследника Цесаревича Александра Александровича, вернулся в Петербург и снова начал свою деятельность в Археографической комиссии, а также педагогические занятия в Константиновском военном и Юнкеровском училищах и Еленинском женском институте.

Через пять лет, со 2 мая 1875 г., П. В. Павлов был избран университетом Св. Владимира в ординарные профессоры по кафедре теории и истории искусств. Возвратившись в Киев, он с прежней энергией отдался своим занятиям, устроил при университете музей изящных искусств и содействовал успешному развитию тамошних художественных учреждений, а с 1884 г., по приглашению Императорской Академии художеств, в свободное от занятий время, читал лекции по истории и теории искусств в разных городах России. В последнее же время покойный жил, большей частью, в Петербурге и уже редко выступал со своими печатными трудами.

Кроме названных диссертаций, необходимо отметить следующие статьи П. В. Павлова: «О новом

Берлинском музее» («Отечественные Записки», 1858, кн. 3), «О земских соборах XVI и XVII столетий» (1860, кн. 1 и 2), «Записка о Сибирских Летописях» («Летописи Археографической Комиссии», 1871, т. VI), «О значении фресок Киево-Софийского собора» («Труды III Археологического съезда», Киев, 1874), «Опыт введения в историю» («Отечественные Записки», 1874, кн. 5—6) и «Введение в науку об искусстве» («Университетские Известия», Киев, 1880) («Московские Ведомости», 1895, № 121).

Библиография

Его:

Статьи: «Владимир Святой», «Владимир Мономах», «Дмитрий Донской» («Журнал для детей», 1869) «Сравнительная статистика России», курс, читанный в Константиновском военном училище, 1869 «Карманная книжка сравнительной статистики России», с картой промышленности, 1869

О нем:

«Вестник Европы», 1895, кн. 6, с. 906—907

«Исторический Вестник», 1894, кн. 5, с. 476—477; 1895, кн. 7, с. 244

«Новое Время», 1895, № 6886

«Журнал Министерства Народного Просвещения», 1895, кн. 6

ПИСАРЕВСКИЙ Николай Григорьевич (умер 21 июня 1895 года в имении «Кодыма» близ Одессы) — директор Электротехнического института, тайный советник.

Некролог

В ночь на 21 июня скончался директор Электротехнического института, тайный советник Николай Григорьевич Писаревский на 73 году от рождения. Покойный воспитание получил в Дворянском полку и затем в Академии Генерального Штаба. В 1848 г. участвовал в венгерской кампании, за которую получил много отличий, и в крымской — после окончания которой состоял при Главном штабе в чине полковника, исполняя многоразличные поручения военного министерства. В 1861 г. он был назначен редактором «Русского Инвалида». Еще ранее, в конце пятидесятых годов, он был одним из главных основателей «Товарищества Общественная Польза», которым руководил до 1862 г., когда он предпринял издательство газеты «Современное Словом, продолжавшееся, однако, менее двух лет. Имя покойного особенно памятно по тому успеху, каким долго пользовалась его «Общепонятная физика», совершенно вытеснившая прежние сухие учебники этой науки. После закрытия «Современного Слова», выйдя в отставку, покойный почти в течение десяти лет посвящал свои труды журналистике и принимал деятельное участие сначала в «Голосе» Краевского, а потом в «Русском Мире» М. Гр. Черняева. После прекращения последней газеты, он, как знаток телеграфного дела и в качестве ученого физика, был определен в телеграфное ведомство инспектором телеграфов. По его проектам произошло соединение в одно управление почтового и телеграфного дела, понижение и уравнение телеграфного тарифа и, наконец, учреждение почтово-телеграфного училища и преобразование его в перворазрядный Электротехнический институт, поставленный трудами покойного директора на высоту, вполне соответствующую современному состоянию телеграфной науки, в которую Н. Г. внес значительный вклад целым рядом изысканий и практических руководств. Как человек, Н. Г. оставил по себе добрую память своим прямодушием и доброжелательством («Новое Время», 1895, № 6938).

Библиография

Его:

«Общепонятная физика» (СПб., 1852; второе издание. СПб., 1854—1857 гг.)

«Общепонятная механика, примененная к сельскому хозяйству, промышленности и домоводству», два тома с политипажами (СПб., 1854)

«Начальные основы физики» (СПб., 1860)

«Руководство к устройству воздушных телеграфных линий» (СПб., 1878, VII + 276 стр.)

«Руководство к производству электрических измерений» (СПб., 1882, XI + 352 стр.)

«Руководство к производству электрических измерений изолированных проводников» (СПб., 1888, VIII + 288 + 24 стр.)

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 171

Публикация Г. Ю. ДРЕЗГУНОВОЙ

Н. П. Чулков. О русской генеалогии

Чулков Н. П. О русской генеалогии / Публ., [вступ. ст. и примеч.] А. И. Егорова, О. Н. Наумова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 559—573. — [Т.] IX.

Историко-родословное общество в Москве, руководимое крупнейшим генеалогом России Леонидом Михайловичем Савеловым, внесло значительный вклад в развитие отечественной генеалогии начала XX в.

В ноябре 1913 г. его члены приступили к подготовке празднования десятилетия своей организации. Член Совета И. Н. Бороздин предложил издать в связи с юбилеем сборник статей, посвященных Савелову. Был сформирован редакционный комитет в составе И. Н. Бороздина, Н. В. Мятлева и Н. П. Чулкова*. В конце 1914 г. подготовка к юбилею оживилась. На заседании, прошедшем 26 ноября, члены общества обсудили повестку дня предстоящих торжеств. В нее вошли доклады Савелова и Чулкова**. Были разосланы многочисленные приглашения на юбилейное заседание. В связи с годовщиной прошли выборы почетных членов общества. Ими стали видные русские ученые: академик В. С. Иконников, члены-корреспонденты Академии Наук Д. Ф. Кобеко и Н. П. Лихачев (впоследствии академик), профессора Д. И. Иловайский и Л. М. Савелов***.

Само торжественное юбилейное собрание состоялось 8 января 1915 г.**** Савелов выступил с рассказом о деятельности общества, а Чулков прочитал доклад о развитии русской генеалогии с 1905 по 1915 г., то есть за время существования московской генеалогической организации. Затем началось чествование Леонида Михайловича. Генеалогу поднесли посвященный ему сборник статей*****. Прозвучали приветствия от Архива Министерства Императорского Двора, Исторического музея, Московского археологического общества.

Поздравляли Савелова с 25-летием научной и литературной деятельности делегации от московского дворянства во главе с губернским предводителем А. Д. Самариным и от тульского дворянства, в составе В. И. Чернопятова и А. И. Золотарева. Московский университет представлял его ректор М. К. Любавский, а от Московского учебного округа выступил его попечитель Тихомиров. Были зачитаны многочисленные поздравительные телеграммы, в том числе от Великого Князя Георгия Михайловича, Петроградского археологического института,

других учреждений и организаций. Празднование юбилея оказалось последним крупным мероприятием, проведенным Историко-родословным обществом, хотя осенью 1917 г. и в 1920—1922 гг. предпринимались попытки возобновить его работу******.

Автор прозвучавшего на торжественном заседании 1915 г. доклада Николай Петрович Чулков (12(24) ноября 1870 — 2 ноября 1940) — один из выдающихся русских генеалогов*. Выпускник Московского университета, многолетний сотрудник Московского архива Министерства юстиции (с 1908 г. — заведующий отделением Литовской метрики, с 1912 г. — Разрядно-сенатским отделением), в 1930-е гг. — сотрудник Литературного музея. В конце 20 — начале 30-х гг. он читал в Московском университете и в Историко-архивном институте лекции по вспомогательным историческим дисциплинам. В июне 1938 г. Чулков получил звание профессора. Труды ученого (значительная часть которых осталась неопубликованными) посвящены генеалогии отдельных дворянских и купеческих родов (в том числе и о родословии А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого), архивоведению, изучению декабристского движения, истории Москвы и русской исторической науки конца XIX — начала XX в. Николай Петрович входил в число учредителей Историко-родословного общества в Москве, являлся его бессменным секретарем, а в 1920—1922 гг. был его председателем.

Юбилейный доклад предполагалось напечатать в «Летописи Историко-родословного общества» за 1916 г., но выпуск журнала был прекращен, и работа осталась в рукописи.

Доклад написан в двух тонких, школьных тетрадях, которые хранятся в РГАДА (Ф. 337. Оп. 1. Д. 10003. Л. 1—23 об.). Рукопись, по всей видимости, находилась среди бумаг Чулкова, оставшихся по месту его службы, и впоследствии была присоединена к фонду канцелярии Московского архива Министерства юстиции. Она долгое время оставалась неатрибутированной и числилась в описи как «Статья о Русском генеалогическом обществе». Палеографический и источниковедческий анализ документа позволил бесспорно установить его авторство и цель создания.

Рукопись не имеет заголовка. В различных источниках доклад назван по-разному: «Генеалогическая литература за последние 10 лет», «Обзор успехов русской генеалогии за 10 лет», «Успехи русской генеалогии за 10 лет», «Успехи генеалогии в последние 10 лет»**. Поэтому публикаторы дали ему свой заголовок, более точно определяющий содержание работы.

Доклад Чулкова был обнаружен доктором исторических наук Н. Ф. Демидовой. Авторы публикации приносят глубокую

благодарность за указание этого ценного документа. Предисловие и комментарий подготовлены О. Н. Наумовым. Внутритекстовые ссылки Чулкова вынесены в конец доклада и выполнены по современным правилам, комментарий публикаторов заключен в квадратные скобки.

О РАЗВИТИИ РУССКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ в 1905—1915 гг.

Первое десятилетие существования Историко-родословного общества в Москве совпало с заметным оживлением у нас, (в) России интереса к истории русского дворянства вообще и к его генеалогии в частности, чего трудно было ожидать, если припомнить события, бывшие у нас 10 лет тому назад. Недавно скончавшийся наш сочлен А. П. Барсуков в своем «Обзоре источников и литературы русского родословия», составленном по поводу книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства»1, выяснил, что сделано по части русской генеалогии от момента возникновения ее в середине XVI века до 1887 года. Укажу вкратце на главные явления в области нашей генеалогии за два почти десятка лет с 1887 (г.) до января 1905 г., когда начало свои действия Историко-родословное общество в Москве. За это время вышли в свет: второй том «Русского родословного сборника» (1887 г.) В. В. Руммеля2, второе дополненное издание «Русской родословной книги» князя А. Б. Лобанова-Ростовского (1895 (г.))3, необходимый для каждого занимающегося родословием русского дворянства «Указатель библиографический по

истории, геральдике и родословию российского дворянства» Л. М. Савелова (2 издания , 1-е в (1893), 2-ое в 1898 г.)4, несколько монографий по истории отдельных дворянских родов, как «Род Шереметевых», «Род князей Волконских» (1900), «Род Татищевых», «Род Юреневых»5, предпринято тульским дворянством многотомное издание по истории и генеалогии его под редакцией М. Т. Яблочкова6, в 1898 г. начало свои действия первое в России Русское Генеалогическое Общество и скончались видные представители немногочисленной семьи русских генеалогов того времени, составители вышеуказанных родословных сборников — кн(язь) А. Б. Лобанов-Ростовский, по мысли которого было основано Русское Генеалогическое Общество, и В. В. Руммель, первый секретарь этого общества, оказавший большое влияние на многих из наших генеалогов.

Второе русское генеалогическое общество — Историко-родословное Общество в Москве — возникло в печальное для русского дворянства время, когда в пламени пожаров погибло много помещичьих усадеб с ценными архивами и художественными сокровищами, и во многих губерниях дворянское землевладение сильно сократилось, дворянские усадьбы перешли в руки крестьян, и многие барские дома с вековыми парками исчезли с лица земли, когда, казалось, большинство русского общества стремилось порвать все связи со своим прошлым. Но уже года через два картина совершенно меняется: начинает проявляться необыкновенный интерес к былой жизни предков, стремление на страницах специальных изданий сохранить память об остатках былой дворянской культуры, высокая художественная ценность которой для многих явилась неожиданным открытием. Большая заслуга в деле разъяснения ценности дворянской культуры принадлежит, между прочим, журналу «Старые годы», уделившему много своих страниц описаниям старинных помещичьих усадеб*. Две книги «Художественных культурных сокровищ России» (издание «Образования») посвящены были подмосковным. Появились и книги с описаниями отдельных усадеб. Кружок любителей помещичьей старины с графом Павлом Сергеевичем Шереметевым7 во главе задался целью собирать материалы для исторического и художественного описания русских усадеб. Пока этот кружок выпустил 2-й выпуск издания «Русские усадьбы», заключающий описание голицынской подмосковной — села Петровского. Появились и другие описания помещичьих усадеб. Затем отметим следующие издания: «Леоново, подмосковное поместье боярина кн(язя) Ивана Никитича Хованского» В. А. Капустина (М., 1908), «Из прошлого села Красного Буйцы тож» Тульской губ(ернии) (М., 1908), «Село Виноградово» (М., 1912), «Село Влахернское» свящ(енника) Н. А. Порецкого (М., 1913).

Одновременно с появлением интереса к прошлой жизни дворянства возрос интерес и к генеалогии. В то время как раньше только изредка появлялись монографии, посвященные истории какого-нибудь отдельного рода, в минувшее десятилетие бывали годы, когда таких изданий выходило в свет несколько. Наконец, в это же десятилетие генеалогия была признана отраслью исторической науки, одной из ее вспомогательных дисциплин, и читаема с кафедры высшего учебного заведения: одновременно с основанием Императорского Московского Археологического Института возникла в нем и кафедра генеалогии. Первым преподавателем, занимавшим ее, был Л. М. Савелов (вступительная лекция была прочитана им 26 сентября 1908 г.). В своих лекциях, вышедших в свет, он делает первую попытку дать систематическое изложение русской дворянской генеалогии8.

Среди трудов по генеалогии, вышедших в свет в минувшее десятилетие, на первом месте следует поставить труд покойного Г. А. Власьева «Потомство Рюрика. Материалы для составления родословных. Т. I. Князья Черниговские»9. Поводом для работы Власьева послужило его желание исправить ошибки, встречающиеся в родословных Рюриковичей в I-м томе «Российской родословной книги» кн(язя) П. В. Долгорукова10, а также указать источники сведений, сообщаемых Долгоруковым, который, как и большинство прежних генеалогов, не сообщает, откуда он их заимствовал. Но с течением времени у Власьева накопилось столько материала, что он решил самостоятельно составлять родословные росписи с указанием всех своих источников. Для своего труда Власьев использовал архив Департамента Герольдии, дела которого послужили основой для каждого родословия, Московский архив Министерства юстиции (в значительной степени, но не вполне), много печатных источников и сообщений частных лиц. Он имел ввиду

дать родословия всех княжеских и дворянских родов, происходящих от Рюрика, как угасших, так и существующих, всего 170 родов, но смерть помешала ему осуществить свой план. Первая часть первого тома, вышедшая в 1906 г., содержит краткую родословную Рюриковичей, великих и удельных князей русских и царей Московских (без женских имен, за исключением Св(ятой) Ольги и княжны Евдокии Александровны Горбатой-Шуйской, жены Н. Р. Романова), и подробные родословия князей Черниговских, Белевских, Воротынских, Огинских, Пузын, Горчаковых, Елецких, Звенигородских и Волховских и дворян Бунаковых и Сатиных, вторая часть, вышедшая в том же 1906 г., — родословия князей Мезецких, Барятинских, Мышецких (впервые опубликовано) и Оболенских с их многочисленными ветвями, а третья, вышедшая в 1907 г. — князей Долгоруковых, Щербатовых, Тростенских и Волконских. Таким образом, в 3 части 1-го тома вошли все роды, происшедшие от Св(ятого) Михаила Черниговского. Власьев хотел в прибавлении к 1-му тому дать родословие князей Пронских, происходящих от рязанских князей, отрасли Черниговских, 2-й же том по его плану должен был заключать родословие князей Друцких со всеми их разветвлениями, но ни того, ни другого ему исполнить не пришлось11. В «Известиях Русского Генеалогического Общества»12 напечатана была подготовительная работа Власьева к его главному труду: «Князья Острожские и Друцкие», где он доказывает, что Острожские происходят от Даниила Романовича Галицкого, а не от Турово-Пинских князей, как думал когда-то проф(ессор) М. А. Максимович. Было бы желательно, чтобы увидело свет и все остальное, что уже было подготовлено Власьевым к печати. Труд Власьева между прочим вызвал обстоятельную рецензию Ю. В. Татищева13, в которой рецензент, указывая на все значение труда Власьева, делает не мало дополнений и исправлений, а также статью Н. В. Мятлева о кн(язьях) Мышецких14, сообщающую ценные дополнения к родословию этого княжеского рода.

Детальному исследованию родословия потомков Рюрика в великокняжеский период нашей истории посвятил себя Н. А. Баумгартен. Составленные им родословные и заметки печатались в трудах обоих генеалогических обществ — петербургского и московского; они касались как отдельных ветвей Рюрикова дома15, так и отдельных лиц — князей Рюриковичей и их жен16. Н. А. Баумгартен привлекает обыкновенно, кроме русских, и иностранные источники и пособия.

Исследованию различных вопросов генеалогии и истории русских служилых родов XVI и начала XVII века, выяснению родственных отношений и связей лиц, принадлежащих к высшим классам, чем много облегчается понимание исторических событий, в которых они являются действующими лицами, посвятили много статей Д. Ф. Кобеко и Н. В. Мятлев. Так, Д. Ф. Кобеко писал о некоторых деятелях Смутного времени (кн(язья) Татевы и Голицыны, С. И. Шапкин, Г. И. Микулин), о матери царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой, дьяках Щелкаловых, волошском воеводе Степане Александровиче, Сабуровых и кн(язьях) Ноготковых, Шереметевых17. Н. В. Мятлев в статье «Родство Квашниных с новгородцами» дает интересное исследование о некоторых новгородских знатных родах (Офонасовы, Своеземцевы, Никифоровы); затем им напечатаны статьи и заметки о кн(ягине) Анастасии Алабышевой, о Нагих, о происхождении патриарха Гермогена, о Совине и Олферьеве, об угасшем роде Печенеговых18. Из родов XVI века особый интерес замечается у генеалогов к Нагим, благодаря связи их с личностями царевича Дмитрия и Лжедмитрия.

Отчетное десятилетие богато родословными сборниками, но в то время, как такого рода издания, выходившие в свет в прежнее время, за немногими исключениями, как «Российская родословная книга» кн(язя) Долгорукова, «Черниговское дворянство» (графа Г. А.) Милорадовича и «Донские роды» (Л. М.) Савелова19, представляли случайное соединение родословных росписей различных родов, теперь родословцы и родословники составляются по известной схеме: это сборники родословных родов или записанных в какую-нибудь одну губернию20, или принадлежащих к целой области государства. Многие из этих сборников изданы на средства соответствующих дворянств. Почин в этом деле принадлежит тульскому дворянству, о чем уж было говорено выше. В 1905 г. вышел IX том издания Тульского дворянства, последний под редакцией М. Т. Яблочкова, заключающий составленный им и В. С. Арсеньевым родословные Горяиновых, Исуповых, Павловых и Бибиковых21. По смерти (М. Т.) Яблочкова Тульское дворянское

собрание поручило 9 декабря 1906 г. В. И. Чернопятову продолжить труд (М. Т.) Яблочкова по составлению истории Тульского дворянства. В. И. Чернопятов до сих пор продолжает неутомимо трудиться над порученным ему делом. Им издан «Тульский родословец», то е(сть) составленные на основании документов Тульского дворянского архива краткие родословные росписи родов, записанных в родословные книги Тульской губ(ернии); они составлены В(иктором) И(льичем) (большинство) и некоторыми членами И(сторико)-Р(одословного) О(бщества). Всего В(иктор) И(льич) издал 10 томов, заключающих разнообразные материалы по истории Тульского дворянства, в том числе «Список лиц, служивших по выборам» (1908), «Алфавитный список дворянских родов с указанием важнейших документов, находящихся в делах разных фамилий Родословного архива Тульского Дворянского Депутатского Собрания» (1908)22.

Примеру тульского дворянства последовало Московское дворянство, решившее в 1908 г. по предложению В. И. Чернопятова, поддержанному Л. М. Савеловым, также разработать свой архив и издать родословную книгу. Дело это было возложено на особую комиссию под председательством губернского предводителя23 в составе членов, избранных очередным дворянским собранием и собранием уездных предводителей и депутатов дворянства, и представителей И(сторико)-Р(одословного) О(бщества) в Москве, проявивших готовность заняться выборкой и разработкой материалов, хранящихся в архиве Моск(овского) Двор(янского) Депут(атского) Собр(ания). По мысли Л. М. Савелова, при издании родословной книги Московской губ(ернии) принято было разделение родов не на обычные официальные 6 книг, а на две основные категории; дворянства новейшего — жалованного и выслуженного, и дворянства старшего — титулованного и древнего. В первый из этих отделов входят в алфавитном порядке роды, внесенные в первые 3 части официальной родословной книги; второй отдел обнимает роды, внесенные в 4, 5 и 6 части, т(о) е(сть) титулованные роды, поместное дворянство Московского государства, и древнее дворянство всех государств и областей, вошедших в состав Российской империи, и древние иностранные роды, дворянство которых признано в России на основании иностранных документов. Если какой-либо древний род за недостатком доказательств занесен в одну из первых 3 частей, то в родословной книге Московской губ(ернии) он займет подобающее ему место во втором отделе. Пока вышел только под редакцией Л. М. Савелова I том Родословной книги, заключающий дворянство жалованное и выслуженное на буквы А-И24. Из

членов И(сторико)-Р(одословного) О(бщества), кроме Л. М. Савелова, наиболее деятельное участие в составлении Родословной книги принимает гр(афиня) Н. М. Соллогуб25. Еще ранее Родословной книги изданы были «Список служивших по выборам» (1910) и «Алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах архива Моск(овского) Двор(янского) Деп(утатского) Собр(ания)» (1910).26 Дворянский архив Ярославской губернии разрабатывает И. Н. Ельчанинов, выпустивший уже 4 выпуска «Материалов для генеалогии Ярославского дворянства» (1910—1914)27, а архив Самарской губернии использован А. А. Сиверсом в первом выпуске его «Генеалогических разведок»28. С. В. Любимов напечатал в «Летописи (Историко-Родословного Общества)»29 «Дворянские роды, внесенные в родословную книгу Кавказской области», а В. С. Арсеньев опубликовал «Список дворянских родов Седлецкой губ(ернии)» (1911)30. В. Н. Поливанов издал «Материалы для истории Симбирского дворянства» (Симб(ирск), 1909). Пензенское, Калужское, Новгородское дворянство издали списки дворянских родов, внесенных в родословные книги. Петроградское дворянство в 1905 г. также решило приступить к изданию систематического каталога для обзора деятельности губернских и уездных собраний и биографического сборника дворянских деятелей. Отметим еще издания многих дворянств по случаю юбилея Отечественной войны (1812 года), заключающих как сырые материалы, так и статьи, изображающие деятелей дворянства в эту славную годину. Таково, напр(имер), издание Московского дворянства со вступительной статьей Л. М. Савелова31.

К сборникам, включающим родословные фамилий не одной только губернии, но целой области, жившей самостоятельной исторической жизнью, принадлежит «Малороссийский родословник», издаваемый Андр(еем) и Ник(олаем) Влад(имировичами) Стороженками и составляемый В. Л. Модзалевским32. В предисловии к первому тому В. Л. М(одзалевский) так говорит о том, что

Модзалевским2. В предисловии к первому тому Б. М. М(одзалевский) так говорит о том, что натолкнуло его на мысль составить этот Родословник: «Занимаясь в течение многих уже лет изучением бытовой жизни малороссийской старшины и ее потомков, я пришел к заключению, что без разработки чисто генеалогических данных изучение это невозможно». В Родословник включены главным образом фамилии, происходящие от представителей малороссийской старшины и восходящие к XVII веку, а также те из родов, которые хотя выдвинулись и позже, но дали деятелей на том или ином поприще. В основу родословных положены дела архива Департамента Герольдии; использованы также архивные материалы Киевского Центрального Архива, библиотеки университета Св(ятого) Владимира (в Киеве), Киевской Археографической Комиссии, Харьковского Исторического Архива, Академии Наук, Румянцевского Музея, Сенатского Архива, Черниговского Земского Музея, Черниговского и Полтавского Двор(янских) Депут(атских) Собраний, (Московского) Архива Мин(истерства) Юст(иции). На обращение к членам родов прислать по приложенной программе сведения откликнулись немногие; это показывает, что мысль о полезности генеалогии еще недостаточно глубоко вкоренилась в сознание общества. К трудам, касающимся дворянства целых губерний и областей, можно причислить также статью Л. М. Савелова «Происхождение и состав дворянства на Дону в XVIII в.»33. С 1908 г. вышло 4 тома Родословника (Т(ом) I — 1908, II — 1910, III — 1912, IV — 1914), заключающих фамилии на А — С; последний, пятый, том уже печатается.

Праздником для генеалогии был выход в свет собрания трудов безвременно скончавшегося генеалога Н. Н. Кашкина, под заглавием «Родословные разведки», прекрасно изданного под редакцией Б. Л. Модзалевского, в 2 томах34. В I-й том между прочим вошли монографии «Род Вындомских» к «Род Ртищевых» и родословная Ртищевых Дмитровского корня (напечатана была раньше, как и «Род Вындомских» в других изданиях), а во 2-й том — неоконченное, к сожалению, исследование «О роде Кашкиных».

Мы указывали уже выше, что за минувшее десятилетие вышел ряд трудов, посвященных отдельным родам. Так в 1905 г. вышли: «Род дворян Власьевых» Г. А. Власьева, «Род дворян Чернопятовых» В. И. Чернопятова (несколько раз потом перизданный); в 1906 г. — «Князья Пожарские» Л. М. Савелова, его же «Род дворян Чернопятовых»; в 1907 г. — «Ермолинские» Н. Ермолинского; «Ганнибалы» Б. Л. Модзалевского; в 1908 г. — «О князьях Хованских» гр(афа)

П. С. Шереметева, «Род Раевских герба Лебедь» Б. Л. Модзалевского, «Род дворян Лыщинских» (Л.) Лыщинского; в 1909 г. — «Сухотины» Л. М. Сухотина; в 1910 г. — «Материалы к родословию Мухановых»; в 1911 г. — «Род дворян Волынских» Г. А. Власьева, его же «Глебовы, потомство Облагини», «Родословие Озеровых» А. А. Сиверса, «Линия Василия Дмитриевича, первого графа Олсуфьева», «Краткая родословная дворян Тройницких»; в 1912 г. — «Род Малама» В. П. Малама, «Материалы для истории рода Селивановых, ведущих свое начало от Кичибея», Ч(асть) I (ч(асть) II — в 1913 г., а в 1914 г. — «Родословная книга, составленная В. П. Селивановым в 1818 г.»); «Дмитриевы-Мамоновы» А. И. и В. А. Дмитриевых-Мамоновых; в 1913 г. — «Валуевы» С. С. Андреевского, «Род Чехмаревых», «Род Ермоловых» А. С. Ермолова, «Род Иловайских в истории Войска Донского» Красавицкого; в 1914 г. — «Родословие дворян Митусовых» В. К. Лукомского, «Савеловы» Л. М. Савелова, «Родословие дворян Бернацких» (О. Н.) Значко-Яворской, «Пазухины» А. А. Пазухина. Сюда же относятся родословия: графов Санти (1594—1896), графов де Шамборан, графов Кенсон, маркизов де ла Губле, дворян Волжиных35.

Укажем еще ряд родословных и статей, напечатанных в нашей «Летописи (Историко-Родословного Общества)», касающихся родов Внуковых, Костюриных, Масловых, кн(язей) Пелымских, кн(язей) Церетелевых, кн(язей) Хованских (Никитичей), Фроловых, кн(язей) Сатыгиных-Кондийских, Олсуфьевых, Ивинских, крестьянской ветви Строгановых и др(угих)36. В. С. Арсеньев напечатал в различных провинциальных изданиях ряд родословных, преимущественно иностранных титулованных и нетитулованных родов, эмигрировавших в Россию, а из русских — Волжиных, Исуповых37.

Мы не касаемся здесь богатой генеалогической литературы на немецком и польском языке,

касающейся дворянства Прибалтийского края и польско-литовского.

Юбилей царствующего Дома Романовых вызвал обширную литературу, мало однако прибавившую к тому, что до сих пор было известно о происхождении этого рода. Из трудов, относящихся сюда, отметим доклад Л. М. Савелова, читанный в заседании Им(ператорского) Археологического общества и напечатанный в «Древностях» этого общества: «Бояре Романовы и их родственные связи»38.

Из трудов, не подходящих по своему содержанию к перечисленным группам, укажем «Титулованные роды Российской Империи (Опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем» (1910). Сергея Васильевича и оригинальную по замыслу «Генеалогическую историю одной помещичьей библиотеки» Н. П. Лихачева; здесь автор прослеживает переход от одного владельца к другому библиотеки, принадлежавшей казанской ветви рода Лихачевых и сообщает много интересных сведений как о Лихачевых, так и о других лицах, о которых ему приходится упоминать39.

Для полноты обзора упомянем еще ряд трудов князя Федора Долгорукова, замечательных только тем, что это претенциозные, невежественно составленные компиляции, полные грубых опечаток40.

Материалы по истории дворянства, изданные в истекшем десятилетии, очень многочисленные. И перечислить их все нет возможности. Их можно найти и в изданиях обоих наших генеалогических обществ, и в «Чтениях Импер(аторского) общества Истории и Древностей Российских», и в изданиях провинциальных архивных комиссий. Укажу только на наиболее, по-моему, важное: 1) «Тысячная книга 7059 г.» Н. П. Лихачева и Н. В. Мятлева41; для издания привлечены кроме известных уже, напечатанных раньше в других изданиях, 4 списков еще 8 списков из собрания рукописей гр(афа) А. С. Уварова, Публичной Библиотеки, Академии Наук и Московского Главного архива Минист(ерства) Иностр(анных) Дел; приложен алфавитный список лиц, внесенных в Тысячную книгу, с указанием сведений о них из других источников. Изданию предшествовало напечатанное в нашей же «Летописи» исследование Н. В. Мятлева о Тысячной книге: «Тысячники и Московское дворянство XVI стол(етия)»42.; 2) «Местнический справочник», изд(анный) Ю. В. Татищевым43; десятая Вотской пятины 1605 г.44, с обстоятельным предисловием Н. В. Мятлева; Смоленская десятая конца XVI века45, напечатанная М. В. Муравьевым по позднейшему списку; при пользовании этим памятником необходимо иметь в виду прекрасный анализ его, произведенный Л. М. Сухотиным46; 5) «Материалы для истории русского дворянства» В. Сторожева47, где напечатана переяславльская десятая верстальной и денежной раздачи 1584 г., список дворян и детей боярских Переяславль-Залесского по документам 1550—1650 гг., список новгородских десятен, список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века, боярские списки 1610—11 гг. и 1621—2 гг., родословия Нелидовых-Отрепьевых и материалы о роде Н. И. Новикова; все это сопровождается обстоятельными примечаниями издателя; 6) «Несколько новых родословных данных (женские имена за 1742—1755 гг.)» С. А. Белокурова48.

Кроме того, изданы были такие материалы, как рядные записи, духовные завещания, синодики, судные вотчинные дела и т. п.

Ценным материалом для дворянских родословий являются некрополи: Московский (т(ом) I — 1907 г., т(ома) II и III — 1908

г.). Петербургский (т(ома) I—III — 1912 г., т(ом) IV — 1913 г.) и Русский Провинциальный (т(ом) I — 1914), изданные Вел(иким) Кн(язем) Н(иколаем) М(ихайловичем), и некрополи: заграничный, тульский, крымский и кавказский, изданные В. И. Чернопятовым49.

Укажу теперь на ряд задач, выдвинувшихся за истекшее десятилетие, осуществление которых

было бы полезно для русской генеалогической науки. Так, Н. П. Лихачев в своей рецензии на лекции Л. М. Савелова по генеалогии указывает на необходимость выяснения всех частных редакций родословных книг XVI—XVII вв.50 Дело в том, что, когда составление Государева Родословца51 было случайно прервано, появились почти немедленно родословцы с дополнительными статьями и в ином порядке глав. В течение периода с 1555 г., времени составления Государева Родословца, до 1680-х гг., времени составления так называемой Бархатной книги, образовалось несколько редакций родословных книг с варьирующими нередко списками для каждой из них. Текст всех таких родословных сборников, по мнению Н. П. Лихачева, к которому нельзя не присоединиться, должен быть тщательно сопоставлен с добавлениями к старому Государеву Родословцу, которые мы находим в Бархатной книге. Необходимо также и научное издание самой Бархатной книги по официальному ее списку. В ожидании же этого издания необходимо всегда иметь в виду перечень неточностей новиковского издания Бархатной книги, напечатанный (Г. А.) Власьевым в нашей «Летописи Историко-Родословного общества)»52.

На очередь поставлено издание еще одного ценного генеалогического материала. 5 марта 1908 г. Общее Собрание Русского Генеалогического Общества представило Н. В. Мятлеву право научной обработки и издания собранных покойным секретарем Общества В. В. Руммелем копий родословных росписей, поданных в Разряд к составлению новой родословной книги представителями служилых фамилий Московского государства, и приложенных к ним документов. Этот материал, извлеченный (В. В.) Руммелем из дел архивов Департамента Герольдии и Министерства Юстиции, дополнен был Н. В. Мятлевым росписями, найденными им в разных московских и провинциальных архивах, библиотеках и древлехранилищах (из подлинных росписей, поданных в Разряд, сохранилось в Моск(овском) А(рхиве) М(инистерства) Ю(стиции) только 163, копии остальных, не дошедших до нас в подлинниках, и приходилось разыскивать в архивах), и подготовлен к печати; однако и до сих пор этот «Сборник родословных росписей, поданных в Разряд к составлению родословной книги представителями служилых родов в конце XVII века», к сожалению, не издали53.

В ожидании появления в свет обоих вышеупомянутых изданий в полном виде опубликовываются частицы того материала, который должен в них войти. Так, Н. В. Мятлев напечатал родословную Хлоповых, извлеченную им из родословца кн(язя) Ст(епана) Вас(ильевича) Ромодановского из собрания гр(афа) А. С. Уварова, и поколенную роспись Нагих и Собакиных, поданную в Разряд боярином Гр(игорием) Никиф(оровичем) Собакиным и найденную в копии в делах Герольдмейстерской конторы, Ю. В. Арсеньев — роспись Масловых, поданную в Разряд, по копии в архиве Моск(овского) Двор(янского) Д(епутатского) С(обрания), М. И. Смирнов — родословную князей Мещерских, извлеченную из родословной книги Мясникова в И(мператорской) Публ(ичной) Библ(иотеке), с вариантами из других родословных книг54. Интересную «генеалогию» Римских-Корсаковых из рукописи, принадлежавшей кн(язю) А. Б. Лобанову-Ростовскому, образец родословий, составленных под книжным влиянием, напечатал Н. П. Лихачев в «Сборнике статей в честь Д. Ф. Кобеко»55. Автор этой «генеалогии» выводит Корсаковых от Сатурна через Юпитера и Геркулеса. Н. П. Лихачев дает анализ тех сведений, которые из нее можно извлечь, и сопоставляет ее между прочим с росписью Корсаковьк, поданной в Разряд.

Со своей стороны укажу, что для нашей генеалогии было бы весьма важным делом извлечь из достоверных печатных источников, и по мере возможности, и из архивных, и собрать воедино все данные, касающиеся древнейших представителей дворянских родов, чем было бы опровергнуто много легенд о происхождении этих родов (таким путем Н. П. Лихачев опроверг легенду о происхождении Ляпуновых от Рюрика). В польской генеалогической литературе мы имеем такого рода издание: это труд А. Бонецкого, сначала явившийся в одном томе под заглавием «Poczet rodow», а потом разросшийся в многотомный «Herbarz polski» (по смерти А. Бонецкого продолжается другим лицом)56. Начало такому делу у нас уже положено Л. М. Савеловым в его труде «Опыт Родословного Словаря русского древнего дворянства. Родословные записи», которых вышло только 3 выпуска57. Очень желательно было бы продолжение и окончание

которых вышло только 3 выпуска57. Очень желательно было бы продолжение и окончание этого полезнейшего издания.

В последнее время как будто по примеру прибалтийского дворянства начинает развиваться идея взаимопомощи представителей одного и того же рода. В 1913 г. возник семейный союз рода кн(язей) Оболенских, а в 1914 г. основано учреждение взаимного вспомоществования рода дворян Лихаревых, происходящих от Бахты-Хози, по крещению Анания, по прозванию Иван Лихарь (устав утвержден 4 февр(аля) 1914 г. и в том же году напечатан58). Лихаревы издают даже свой «Родовой Листок» — первый опыт такого издания у нас.

За минувшее десятилетие вышло также несколько трудов по генеалогии купечества и духовенства: «Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым», «Материалы для истории г(орода) Чухломы и рода костромичей Юдиных», родословные Москвиных, суконных фабрикантов Бабкиных и Куманиных, составленные У. Г. Иваском, «Род из духовного звания Писаревых-Миловских» Миловского, родословие Холмогоровых, из дух(овного) звания59.

Вышло в свет несколько трудов по генеалогии известных исторических личностей: «Предки и потомство Ив(ана) Тихон(овича) Посошкова» И. С. Беляева (М., 1905 г.), «Род и потомство Ломоносова» Б. Л. Модзалевского (СПб., 1911), «Иван Федоров и его потомство» Сперанского (М., 1913), «Сусанин и его потомки» Поселянина (М., 1913), «Потомки И. В. Сусанина» Панкратова (М., 1913).

С минувшим десятилетием совпал и неожиданный расцвет сестры генеалогии — геральдики. Русская литература по геральдике до сих пор была очень бедна трудами (можно насчитать три-четыре книги, не больше), и только за последние годы она стала насчитывать их десятками. Одновременно с кафедрой генеалогии в Московском Археологическом Институте была учреждена и кафедра геральдики, которую занял Ю. В. Арсеньев60. В 1908 г. вышли в свет его лекции, читанные в Институте. Ему же принадлежит труд «О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах древней России»61. Русская геральдическая литература последнего времени, в сущности, создана трудами двух лиц: С. Н. Тройницкого и В. К. Лукомского62. Ими издан ряд справочных изданий, имеющие целью выяснить утвержденные гербы: В. К. Лукомский и С. Н. Тройницкий «Гербы третьей части Гербовника дворянских родов Царства Польского». СПб., 1910 (всего 10 экз(empляров)); их же «Указатели к Высочайше утвержденным Общему Гербовнику дворянских родов Всероссийской Империи и Гербовнику дворянских родов Царства Польского». СПб., 1910, содержащие, по словам составителей, предварительный материал к предполагаемому изданию указателя-справочника, который будет заключать в себе не только список родов и лиц, гербы которых Высочайше утверждены, но и краткие историко-генеалогические сведения о каждом роде или лице; «Списки лицам, Высочайше пожалованным дипломами с гербами на дворянское достоинство Всероссийской Империи и Царства Польского». СПб., 1911; В. К. Лукомский «Список родам Царства Польского, признанным в дворянском достоинстве, с гербами, не внесенными в Высочайше утвержденный Гербовник» СПб., 1912 (коррект(урное) изд(ание) Деп(артамента) Гер(ольдии) в 50 экземплярах. На правах рукописи). Кроме того В. К. Лукомский напечатал статьи: «О геральдическом художестве в России», «Печать с гербом Ганнибала, арапа Петра Великого», а С. Н. Тройницкий напечатал: «Заметку о гербах кн(язей) Голицыных», «Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства» и издал «Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года» и «Гербы лейб-компании, обер и унтер-офицеров и рядовых»63. Из этих изданий в особенности ценен «Гербовник Князева», рукопись которого находится в библиотеке Казанского университета среди книг, поступивших туда из библиотеки (Г. А.) Потемкина. Он заключает в себе 533 изображения гербов, рисованных с печатей, принадлежавших 379 представителям русских дворянских фамилий, составлялся в течение многих лет и был поднесен Князевым в 1785 г. Екатерине II. С. Н. Тройницкий сопроводил издание своими обстоятельно составленными примечаниями, в которых отмечает ошибки Князева и сравнивает его гербы с Высочайше утвержденными и польскими. Укажем еще на труд У. Г. Иваска «Книжные знаки», в которых изображен ряд гербов, не вошедших в Общий

У. Г. Иваска «Книжные знаки», в котором изображен ряд героов, не вошедших в Общий Гербовник, на статью (И. К.) Антошевского в «Revue contemporaine» «Histoire du blason en Russie»*, популяризирующую русскую геральдику за границей, труды (К. В.) Болсуновского «Сфрагистические и геральдические памятники Юго-Западного края» и «Родовой знак Рюриковичей»64. Владимир Белинский поставил себе цель популяризировать геральдику путем статей в газетах («Биржевые ведомости») и общеобразовательных журналах («Природа и люди») и предпринял издание «Русского Геральдического Словаря» (1912), который имеет целью дать краткое описание в алфавитном порядке геральдических фигур и эмблем и объяснение терминов и относящихся к геральдике предметов и понятий65.

Черниговское дворянство в 1914 г. издало «Малороссийский Гербовник» В. К. Лукомского и В. Л. Модзалевского, с рисунками Егора Нарбута, который имеет целью удовлетворить возникшую, по-видимому, у современных представителей дворянских родов потребность «выяснить свои родовые геральдические эмблемы и надлежащим образом закрепить их за собой и за своим потомством»66. В. К. Лукомский принял на себя геральдическую часть труда, т(о) е(есть) разыскание гербов, их определение и описание, а В. Л. Модзалевский собрал соответствующий материал из архивов Черниговского Дворянского Депутатского Собрания, музея Тарновского, Черниговской губернской ученой архивной комиссии и некоторых частных собраний, а также составил генеалогическую часть издания и дал библиографические указания по генеалогии каждого рода.

Возрастающий в России интерес к генеалогии и геральдике дал С. Н. Тройницкому смелость предпринять издание специального журнала «Гербовед», посвященного изучению истории гербов, главным образом, русских, и регистрации их, и поставившего между прочим своей задачей соединить в одном месте отдельные работы и материалы по русской геральдике, которые раньше появлялись в самых разнообразных, нередко труднодоступных изданиях, и объединить лиц, интересующихся гербоведением и работающих на этом поприще. Большинство статей в журнале за 1913—1914 гг. принадлежат перу самого издателя и В. К. Лукомского; но кроме того были помещены статьи Б. Л. Модзалевского, бар(она) (М. А.) Таубе, бар(она) (А. Е.) Фелькерзама и некоторых других лиц. В течение этих двух лет между прочим напечатаны «Неутвержденные гербы титулованных родов Российской Империи и Царства Польского», «Дипломные гербы, не

внесенные в Общий Гербовник», «Дополнительный список лицам, Высочайше пожалованных гербами», статьи о гербах потомства Гланды Камбилы и Индриса, Романовых, (графов) Милорадовичей, (князей) Щербатовых, Строгановых, (князей) Голицыных, (князей) Мещерских, (баронов) Черкасовых, Дубенских, Кожиных, (графов) Санти, (князей) Амилахваровых, (князей) Прозоровских, Чичериных, бар(онессы) Климентовой, (князей) Ромодановских, (графов) Разумовских, (князей) Аргутинских-Долгоруких, Глик, Ланских, (графов) Скавронских, (графов) Гендриковых, (графов) Ефимовских, (князей) Юсуповых, (князей) Урусовых, Ферриери, (графов) Зубовых, (князей) Черкасских, (графов) Рибопьер, Павлищевых, (князей) Куракиных, (князей) Хованских, Брессан, (графов) Зотовых, (князей) Енгалычевых, (князей) Бабичевых, о гербах командира и офицеров брига «Меркурий», о запорожской печати, о гербах для знамен слободских полков, о депутатском знаке Екатерининской комиссии для составления проекта нового уложения. С будущего года «Гербовед» будет выходить ежемесячно и отдельными сборниками по мере закопления материала67.

В заключение укажу, что 9 января 1908 г. была Высочайше утверждена XVIII часть Общего Гербовника.

Представленный Вашему вниманию обзор литературы русских генеалогии и геральдики показывает, что в количественном отношении успехи значительны; что же касается качества появившихся трудов, то, если некоторые из них и не выдерживают прогон ученой критики, то наряду с ними мы имеем и не мало таких ценных трудов, как «Род Рюрика» (Г. А.) Власьева и некоторые монографии, посвященные отдельным родам, имеем ряд хорошо изданных первоисточников, имеем начало «Опыта Русского Родословного Словаря», который, надеемся, будет в следующем десятилетии доведен до конца, имеем и несколько вполне научных

будет в следующем десятилетии доведен до конца, имеем и несколько вполне научных исследований, устанавливающих происхождение некоторых родов на основании точно проверенных исторических данных, а не легендарных сказаний. Пожелаем же нашей генеалогии и дальше развиваться на твердых научных основаниях, пожелаем ей осуществления всех вышеуказанных задач, которые сделали бы все темное еще для нас ясным, а легендарное историческим и помогли бы ей сделаться действительной помощницей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Барсуков А. П. Обзор источников и литературы русского родословия (по поводу книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства). СПб. 1887.

[Барсуков Александр Платонович (1839—1914), историк, генеалог, археограф, с 1887 г. — управляющий Гербовым отделением Департамента герольдии. Член Историко-родословного общества с 1906 г.]

2 См.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886—1887. Т. 1—2. [В. В. Голубцов составил только 7 родословных росписей, но он оказал финансовую помощь при издании книги, поэтому его имя значится на титульном листе. В обиходе справочник часто именуют только по имени В. В. Руммеля.]

[Руммель Витольд Владиславович (1855—1902), генеалог, архивист, управляющий архивом Департамента герольдии.]

3 См.: Лобанов-Ростовский А. Б. кн. Русская родословная книга. СПб. 1895. Т. 1—2. Первоначально издана анонимно как приложение к журналу «Русская старина» (1873—1875 гг.).

[Лобанов-Ростовский Алексей Борисович, князь (1824—1896), дипломат, с 1895 г. — министр иностранных дел. Занимался генеалогией, основатель Русского генеалогического общества.]

4 См.: Савелов Л. М. Опыт библиографического указателя по истории и генеалогии российского дворянства. М., 1893. Его же. Библиографический указатель по истории, геральдике и

родословию российского дворянства. 2-е изд. Острогожск, 1898.

[Савелов Леонид Михайлович (1868—1947), генеалог, историк, архивист, с 1908 г. — заведующий Московским отделением архива Министерства Императорского Двора, с 1916 г. — холмский губернатор. Основатель и председатель (1905—1917) Историко-родословного общества в Москве, в 1908—1913 гг. — профессор генеалогии Московского археологического института. С 1920 г. — в эмиграции, жил в Греции, Югославии, США, с 1937 г. — председатель Русского историко-родословного общества в Нью-Йорке.]

5 См.; Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб. 1881—1904. Т. 1—8. Волконская Е. Г. кн. Род князей Волконских. СПб. 1900. Татищев С. С. Род Татищевых. СПб. 1900. Юренев Г. Н., Юренев Н. А. Род Юреневых. СПб. 1903.

6 См.: Яблочков М. Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула, 1899—1905. Т. I—III, V—IX.

[Яблочков Михаил Тихонович (1848—1906), генеалог, историк дворянства, с 1881 г. — директор народных училищ Тульской губернии, с 1900 г. — председатель Ефремовской уездной земской управы.]

7 [Шереметев Павел Сергеевич, граф (1871—1942/1943), историк, генеалог, краевед, с 1899 г. — звенигородский уездный предводитель дворянства, с 1918 — сотрудник Главархива.]

8 См.: Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом

институте. М., [1908—1909]. Ч. 1—2.

9 Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906—1907. Т. I. Ч. 1—3. [Власьев Геннадии Александрович (1844—1912), генеалог, с 1894 г. — начальник Обуховского сталелитейного завода, с 1903 г. — генерал-лейтенант.]

10 См.: Долгоруков П. В. кн. Российская родословная книга. СПб. 1854—1857. Т. 1—4.

11 [В 1918 г. Русское генеалогическое общество издало посмертно том II труда Г. А. Власьева, посвященный владимиро-волынским князьям].

12 См.: Власьев Г. А. Князья Острожские и Друцкие // Известия Русского генеалогического общества (далее ИРГО). 1911. Вып. 4. С. 1—30.

13 См.: Татищев Ю. В. Новый вклад в литературу русской генеалогии // Летопись Историко-родословного общества (далее ЛИРО). 1907. № 3. С. 9—26.

14 См.: Мятлев Н. В. Князья Мышецкие // ИРГО. 1911. Вып. 4. С. 93—107.

15 См.: Баумгартен Н. А. фон. Старшая ветвь Черниговских Рюриковичей // ЛИРО. 1906. № 4. С. 13—16; Его же. Старшая ветвь Мономаховичей // Там же. С. 17—20. Его же. К родословию последних Великих князей Рязанских // Там же. 1907. № 3. С. 3—6. Его же. К родословию князей Мезецких // Там же. С. 6—8. Его же. Первая ветвь князей Галицких // Там же. 1908. № 4. С. 3—20. Его же. Вторая ветвь князей Галицких // Там же. 1909. № 1. С. 3—46. Его же. Происхождение князей Вишневецких, Збаражских и Воронецких // Там же. 1910. № 4. С. 27—33. Его же. Князья Волховские и Изяслав Мстиславич // Там же. 1912. № 2. С. 11—20.

[Баумгартен Николай Александрович фон (1867—1939), генеалог, специалист по генеалогии русских князей XI—XVI вв., с 1920 г. — в эмиграции, жил в Италии, работал в Ватикане.]

16 См.: Баумгартен Н. А. Ярослав Святославич. Князь Владимире-Волынский // ИРГО. 1911. Вып. 4. С. 35—49; Его же. Феофания Музалонисса, жена Олега Святославича Черниговского // ЛИРО. 1908. № 4. С. 29—30. Его же. Кунигунда Орламюндская, княгиня русская и ее потомство // Там же. 1909. № 3. С. 32—36.

17 См.: Кобеко Д. Ф. Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени // ИРГО. 1909. Вып. 3. С. 3—23. Его же. Мать царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой // Там же. С. 61—66. Его же. Дьяки Щелкаловы // Там же. С. 78—87. Его же. Волошский воеводич Степан Александрович // Там же. С. 31—34. Его же. Сабуровы и князья Ноготковы // ЛИРО. 1905. № 2. Отд. 3. С. 3—6.

[Кобеко Дмитрий Фомич (1837—1918), историк, генеалог, директор Петербургской Публичной библиотеки, член Государственного Совета. Член-корреспондент Академии Наук. Умер от голода.]

18 Мятлев Н. В. Родство Квашниных с новгородцами // ИРГО. 1909. Вып. 3. С. 36—60. Его же. Княгиня Анастасия Алабышева // Там же. 1911. Вып. 4. С. 59—70. Его же. К родословию Нагих // Там же. С. 71—91. Его же. Патриарх Гермоген и князья Шаховские // ЛИРО. 1905. № 2. Отд. 3. С. 7—9. Его же. Заметка // Там же. 1909. № 1. С. 64—65; Его же. Родословные заметки // Там же. 1911. № 1—2. С. 3—30; Его же. Печенеговы // Там же. 1913. № 1—2. С. 3—18.

[Мятлев Николай Владимирович (1872—1929), генеалог, археограф, в 1907—1915 гг. — товарищ прокурора Московского окружного суда. Эмигрировал, жил во Франции.]

19 См.: Милорадович Г. А. гр. Родословная книга Черниговского дворянства. СПб. 1901. Т. 1—2. Савелов Л. М. Донские дворянские роды. М. 1902. Вып. I.

20 Русское дворянство с 1785 г. было записано в родословные книги, которые велись отдельно по каждой губернии. Книга делилась на 6 частей: в I заносились роды, жалованные дворянством, во II — выслужившие дворянство на военной службе, в III — выслужившие дворянство на гражданской службе, в IV — иностранное дворянство, в V — титулованные роды, в VI — древнее дворянство.

21 Дворянское сословие Тульской губернии. Тула. 1905. Т. IX.

[Арсеньев Василий Сергеевич (1883—1947), генеалог, историк, археограф, в 1915—1917 гг. — псковский вице-губернатор, основатель и председатель Витебской, Тульской и Псковской ученых архивных комиссий, в 1920-е гг. арестован, отбывал заключение на Соловках, с 1934 г. — в эмиграции, жил в Германии, Бельгии.]

22 См.: Чернопятов В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. М., 1908—1916. Т. 1(10)—13(22). Двойная нумерация томов связана с новым автором. Всего В. И. Чернопятов выпустил 13 томов, из них 3 вышли после доклада Н. П. Чулкова.]

[Чернопятов Виктор Ильич (1857—1935), генеалог, историк, библиограф, служил в Российском Красном Кресте, с 1916 г. — статский советник, с 1918 г. — библиотекарь Социалистической академии общественных наук, затем на преподавательской работе.]

23 [Самарин Александр Дмитриевич (1869—1932), государственный и общественный деятель, в 1906—1915 гг. — московский губернский предводитель дворянства, член Государственного Совета, в 1920 г. приговорен к расстрелу, помилован, в 1925—1929 гг. — в ссылке.]

24 См.: Родословная книга дворянства Московской губернии. М. 1914. Т. 1.

25 [Соллогуб Наталья Михайловна, графиня (1851—1916), генеалог, владелица фамильного архива Колычевых. Член Совета Историко-родословного общества.]

26 См.: Московское дворянство. Списки служивших по выборам, 1781—1910. М. 1910. Алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского Дворянского Депутатского Собрания. М. 1910.

27 См.: Ельчанинов И. Н. Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1910—1916. Т. I—VI, VIII.

[Ельчанинов Иван Николаевич (1862—1919), генеалог, с 1918 г. — сотрудник московских архивов. Умер от недоедания.]

28 См.: Сиверс А. А. Генеалогические разведки. СПб. 1913. Вып. 1.

[Сиверс Александр Александрович (1866—1954), генеалог, историк, архивист, в 1918—1923 гг. — сотрудник петроградских архивов, затем старший помощник хранителя Эрмитажа, в 1929 г. арестован и сослан, с 1940-х гг. — заведующий отделом нумизматики Государственного исторического музея.]

29 См.: Любимов С. В. Дворянские роды, внесенные в родословную книгу Кавказской области (1805—1825 гг.) // ЛИРО. 1913. № 1—2. С. 28—54.

30 См.: Арсеньев В. С. Список дворянских родов Седлецкой губернии. СПб. 1910.

31 См.: Савелов Л. М. Московское дворянство в 1812 г. М. 1912.

32 См.: Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев. 1908—1914. Т. 1—4.

33 См.: Савелов Л. М. Происхождение и состав дворянства на Дону в XVIII в. // ЛИРО. 1905. № 3. Отд. 1. С. 5—17.

34 См.: Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб. 1912—1913. Т. 1—2.

35 См.: Власьев Г. А. Род дворян Власьевых. СПб. 1905. Чернопятов В. И. Род дворян Чернопятовых. Тула, 1905. Савелов Л. М. Князья Пожарские // ЛИРО. 1906. № 2—3. Его же. Род дворян Чернопятовых. М., 1906. Ермолинский Н. Ермолинские. СПб. 1907. Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов // ЛИРО. 1907. № 2. С. 3—12. Шереметев П. С. гр. О князьях Хованских // Там же. 1908. № 1—2. Модзалевский В. Л. Род Раевских герба Лебедь. СПб. 1908. Лыщинский Л. Род дворян Лыщинских. СПб. 1907. Сухотин Л. М. Род дворян Сухотиных. М. 1909. Материалы к родословию Мухановых. М. 1910. Власьев Г. А. Род дворян Волынских. // ИРГО. 1911. Вып. 4. С. 127—201. Его же. Род дворян Глебовых // ЛИРО. 1911. № 1—2. С. 31—76. Сиверс А. А. Родословие Озеровых // ИРГО. 1911. Вып. 4. С. 203—364. [Олсуфьев Ю. А. гр.] Материалы для истории рода Олсуфьевых. Линия Василия Дмитриевича (1796—1858), первого графа Олсуфьева. М. 1911. [Тройницкий С. Н.] Краткая родословная дворян Тройницких. СПб. 1911. Малама В. П. Род Малама. Екатеринослав, 1912. Селиванов А. В. Материалы для истории рода рязанских Селивановых, ведущих свое начало от Кичибея. Рязань. 1912—1916. Ч. 1—3. Дмитриев-Мамонов А. И., Дмитриев-Мамонов В. А. Дмитриевы-Мамоновы. СПб., 1911; Андреевский С. С. Род дворян и графов Валуевых. Орел, 1913. Род Чехмаревых. Очаков. 1913. Ермолов А. С. Род Ермоловых. М. 1913. Красавицкий. Род Иловайских в истории Войска Донского. СПб. 1913. Лукомский В. К. Родословие дворян Митусовых. СПб. 1914. Значко-Яворская О. Н. Родословие дворян Бернацких. СПб. 1914. Пазухин А. А. Родословная Пазухиных и родословные материалы пазухинского архива // ЛИРО. 1914. № 3—4. Арсеньев В. С. Графы Санти и де Шамборан // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов. 1906. Вып. 51. Его же. Маркизы де ла Губле. Седлец. 1906. Его же. Дополнительные сведения к помещенным в «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии» родословиям графов Кенсон, графов де Шамборан, графов Санти и Волжиных. Б. м. и г.

36 См.: Татищев Ю. В. Материалы к родословию Внуковых // ЛИРО. 1909. № 3. С. 7—13. Мятлев Н. В. Архив Костюриных //

Там же. 1905. № 2. С. 3—12. Арсеньев Ю. В. Новые данные о роде Масловых // Там же. 1912. № 2. С. 43—67. Любимов С. В. Князья Пелымские // Там же. 1913. № 3. С. 61—65. Бухе А. А. Князья Церетелевы // Там же. С. 33—60. Хованский С. А. кн. Родословная рода князей Хованских (Никитичей) // Там же. № 1—2. С. 55—65. Савелов Л. М. Семья Фроловых на Дону // Там же. 1914. № 1—2. С. 3—15. Арсеньев В. С. К истории рода князей Сатыгиных-Кондийских // Там же. С. 43—46. Олсуфьев Ю. А. гр. Несколько слов о происхождении рода Олсуфьевых в связи с новыми данными о Дмитрии Васильеве Олсуфьеве // Там же. С. 16—19. Татищев Ю. В. Дело о даче диплома и герба по силе Именного Е. И. В. указу лейб-компании виц-сержанту Матвею Ивинскому // Там же. 1905. № 3. Отд. 2. С. 3—8. Кобеко Д. Ф. Крестьянская ветвь рода Строгановых // ИРГО. 1909. Вып. 3. С. 67—77.

37 См.: Арсеньев В. С. Исуповы // Сборник Орловского церковного историко-археологического общества. Орел. 1912. Т. 3.

38 См.: Савелов Л. М. Бояре Романовы и их родственные связи // Древности. М. 1913. Т. 24. С. 233—242.

39 См.: [Любимов С. В.] Титулованные роды Российской Империи. СПб. 1910. Т. 1—2. Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки // Русский библиофил. 1913. № 5. С. 5—101.

[Лихачев Николай Петрович (1862—1936), историк, генеалог, археограф, с 1892 г. — профессор Петербургского археологического института, в 1902—1914 гг. — помощник директора Императорской Публичной библиотеки, в 1925—1930 гг. — директор Музея палеографии, с 1925 г. — академик АН СССР, в 1930 г. — арестован и сослан.]

40 См.: Долгорукий Ф. Родословный сборник. СПб. 1913. Вып. 1.

41 См.: Лихачев Н. П., Мятлев Н. В. Тысячная книга 7059 года // ЛИРО. 1911. № 3—4.

42 См.: Мятлев Н. В. «Тысячники» и московское дворянство XVI столетия // Там же. 1912. № 1.

43 См.: Татищев Ю. В. Местнический справочник XVII в. // Там же. 1910. № 2—3.

44 См.: Мятлев Н. В. Десятая Вотской пятины 1605 г. // ИРГО. 1911. Вып. 4. С. 435—509.

45 См.: Муравьев М. В. Разборная десять» 1574 г. по Смоленску // ЛИРО. 1913. № 1—2. С. 71—99.

46 См.: Сухотин Л. М. О списке смоленской десяти XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. № 12. С. 240—259.

47 См.: Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства / / Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1909. Кн. 3. Отд. 1. С. 1—222.

48 См.: Белокуров С. А. Несколько новых родословных данных. М. 1909.

49 См.: Московский некрополь. СПб. 1907—1908. Т. I—III. Петербургский некрополь. СПб. 1912—1913. Т. I—IV. Русский провинциальный некрополь. М. 1914. Т. I. Чернопятов В. И. Русский некрополь за границей. М. 1908—1913. Т. 1—3. Его же. Некрополь // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Тула. 1915 Кн. 11. С. 1—28. Его же. Некрополь Крымского полуострова // Записки Московского археологического института. М. 1913. Т. 11. Его же. Некрополь нескольких мест Кавказа // ЛИРО. 190. № 4.

[Николай Михайлович (1859—1919), Вел. Кн., историк, председатель Русского исторического общества, почетный академик РАН. Расстрелян.]

50 См.: Лихачев Н. П. [Рец. на кн.:] Савелов А. М. Лекции по русской генеалогии. М., 1908—1909 // ИРГО. 1909. Вып. 3. С. 358—362.

51 [Государев Родословец — официальная словная книга русского дворянства, составленная в 1555 г. До настоящего времени не сохранилась.]

52 Власьев Г. А. Заметка о неточностях новиковского издания «Бархатной книги» // ЛИРО 1907. № 1. С. 28—32.

53 [Проект издания родословных росписей конца XVII в. остается нереализованным до сих пор. Местонахождение материалов, собранных В. В. Руммелем и Н. В. Мятлевым, неизвестно.]

54 См.: Мятлев Н. В. К родословию Нагих // ИРГО. 1911. Вып. 4. С. 86—89. Арсеньев Ю. В. Новые данные о роде Масловых // ЛИРО. 1912. № 2. С. 43—67. Смирнов М. И. К родословной князей Мещерских // Там же. 1906. № 4 С. 5—12.

55 Лихачев Н. П. Генеалогия рода Корсаковых // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко. СПб. 1913. С. 91—114.

56 См.: Boniecki A. Poczet rodow w Wielkiem Ksiestwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa. 1887. Boniecki A. Herbarz Polski. Warszawa. 1899—1813. T. 1—17.

57 См.: Савелов Л. М. Опыт родословного словаря русского древнего дворянства. Родословные записи. М., 1906—1909. Вып. 1—3. Издание остановилось на букве «Е».

58 [Устав учреждения взаимного вспомоществования рода дворян Лихаревых, происходящих от Бахты-Хози, по крещению Анания, по прозванию Иван Лихарь, СПб. 1914.]

59 См.: [Вишняков Н. Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1903—1911. Ч. 1—3. Юдин Г. В. Материалы для истории города Чухломы и рода костромичей Июдиных. Красноярск. 1902. Т. I—II. Иваск У. Г. Родословная Москвиных. М. 1910. Его же. Суконные фабриканты Бабкины. М., 1910. Его же. Куманины. М. 1912. Миловский. Род из духовного звания Писаревых-Миловских. Н. Новгород, 1913. Родословие Холмогоровых. Историческая справка по документам. 1740—1913. М. 1914.]

60 [Арсеньев Юрий Васильевич (1857—1919), геральдист, генеалог, знаменовед, музеевед, археограф, с 1898 г. — хранитель Оружейной палаты, с 1907 г. — профессор геральдики, с 1914 г. — профессор генеалогии Московского археологического института.]

61 См.: Арсеньев Ю. В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте. М. 1908. Его же. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах Древней России. СПб. 1911.

62 [Тройницкий Сергей Николаевич (1881—1948), искусствовед, генеалог, геральдист, с 1908 г. — сотрудник, в 1918—1927 гг. — директор Эрмитажа.

Лукомский Владислав Крескентьевич (1882—1946), геральдист, генеалог, архивист, библиограф, в 1915—1918 гг. — управляющий Гербовым отделением Департамента герольдии, в 1918—1928 гг. — управляющий Гербовым музеем, с 1944 г. — доктор исторических наук, с 1945 г. — профессор Историко-архивного института.]

63 См.: Тройницкий С. Н. Заметка о гербах князей Голицыных. СПб. 1910. Его же. Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства. СПб. 1910. Гербовник А. Т. Князева 1785 г. СПб., 1912. Тройницкий С. Н. Гербы лейб-компании, обер и унтер-офицеров и рядовых. М. 1915.

64 См.: Иваск У. Г. Описание русских книжных знаков. М., 1905—1918. Вып. 1—3. Antochevsky I. Histoire du blason en Russie // Revue contemporaine. 1912. № 40. P. 204—216. Болсуновский К. В. Сфрагистические и геральдические памятники Юго-Западного края. Киев. 1899—1914. Вып. 1—3. Его же. Родовой знак Рюриковичей Великих князей Киевских. Геральдическое исследование, предназначенное к чтению на XIV Археологическом съезде в гор. Чернигове. Киев. 1908.

65 См.: Белинский В. Е. Русский геральдический словарь. СПб. 1912—1913. Вып. 1—2. [Издание прервано на букве «Г».]

66 См.: Лукомский В. К., Модзалевский В. Л. Малороссийский гербовник. СПб. 1914.

67 [В 1915 г. «Гербовед» уже не выходил.]

Публикация А. И. ЕГОРОВА и О. Н. НАУМОВА

Материалы к биографиям Р. Б. Гуля и Б. К. Зайцева

Болдина Е. Г., Кузовлева О. В. Зайцев Б. К.: [Материалы к биографии] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия

ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 577—586. — [Т.] IX.

Борис Константинович Зайцев (1881—1972) родился в Орле, детские годы провел в с. Усты Жиздринского уезда Калужской губернии, где его отец, Константин Николаевич Зайцев, служил управляющим рудной конторой.

В 1897 г. он закончил реальное училище в Калуге. Аттестат об окончании шестиклассного курса не давал право поступления в высшие специальные учебные заведения, и в том же году Борис Зайцев поступил в дополнительный класс реального училища.

В 1897 г. К. Н. Зайцев был откомандирован в распоряжение Товарищества Московского металлического завода. В 1898 г. Б. К. Зайцев поступил в Императорское Московское техническое училище и поселился на казенной квартире отца, ставшего техническим директором завода Гужона.

Исключенный через год из училища за участие в студенческих беспорядках, Зайцев по желанию отца поступил в Петербургский горный институт, но и его не закончил.

В 1902 г. Борис Константинович подал прошение о приеме его на юридический факультет Императорского Московского университета. Учащиеся, не закончившие гимназического курса, подвергались дополнительному испытанию в одной из гимназий по усмотрению попечителя учебного округа. Зайцев успешно выдержал экзамены по древним языкам в 6-й московской гимназии, и стал студентом Университета. В 1906 г. «по прошению и за невзнос платы» был уволен.

Б. К. Зайцев

В публикацию включены документы из фондов Московского университета, Московского технического училища, Товарищества Московского металлического завода, хранящиеся в ЦГИА г. Москвы: № 1, 2, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12 — Ф. 418. Оп. 316. Д. 293. Л. 12, 7—8, 18, 5, 14—14 об., 11, 13, 17, 22; № 4, 6 — Ф. 498. Оп. 8. Д. 6. Л. 2, 6; № 5 — Ф. 372. Оп. 3. Д. 615. Л. 1.

1

МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО Б. К. ЗАЙЦЕВА

По указу Его Императорского Величества выдано сие свидетельство из Орловской Духовной Консистории за надлежащим подписом с приложением казенной печати вследствие прошения дворянина Николая Николаева Зайцева1 о том, что событие рождения племянника его Бориса в метрической книге г. Орла Сретенской церкви за 1881 год под № 8-м записано так: у горного инженера Константина Николаева Зайцева и жены его Татьяны Васильевой, оба православные, родился сын Борис тысяча восемьсот восемьдесят первого года января двадцать девятого, крещен февраля десятаго дня; восприемники были: доктор Яков Васильев Рыбалкин и дочь почетнаго гражданина Варвара Васильева Рыбалкина2. Таинство крещения совершал священник Николай Акимов с причтом. 1888 года октября 19 дня. Член консистории протоиерей Илья Попов. Секретарь Карп Барсов. Столоначальник И. Козинович.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой записи с подлинников ее, представленным мне, Фридриху Александровичу Данненбергу, московскому нотариусу, в конторе моей, находящейся Тверской части, 2-го участка, на Театральной площади, в доме Журавлева, дворянином Борисом Константиновичем Зайцевым, живущим Каширского уезда в имении Притыкино3. При сличении мною этой копии с подлинником, в последнем почисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было. Подлинник оплачен гербовым сбором в восемьдесят копеек. 1902 года сентября 2-го дня. По реестру № 2592.

Нотариус Ф. Данненберг

Нотариус Ф. данненоерг

2

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КАЛУЖСКОГО ДВОРЯНСКОГО ДЕПУТАТСКОГО СОБРАНИЯ

Копия с копии

1888 года декабря 29 дня. По указу Его Императорскаго Величества в Присутствии Калужского дворянского депутатского собрания г. г. губернский предводитель и уездные депутаты дворянства слушали дело о внесении коллежского асессора Константина Николаевича Зайцева с семейством его в дворянскую родословную книгу по Калужской губернии. Коллежский асессор Константин Николаевич Зайцев в прошении, поданном в Дворянское депутатское собрание изложил: состоит он записанным в дворянскую родословную книгу по Симбирской губернии. В настоящее время по состоянию за супругою его Татьяною Васильевною 260 десятин земли г. Зайцев с означенною супругою его и детьми: Татьяною, Надеждою и Борисом Константиновичами желает быть внесенным в дворянскую родословную книгу по Калужской губернии. Просит сделать по сему предмету надлежащее распоряжение. Из приложенных г. Зайцевым к прошению и полученных по требованию Дворянского депутатского собрания от других присутствующих мест документов видно: 1) копии с указа Правительствующего Сената по департаменту герольдии, последовавшего в Симбирское дворянское депутатское собрание от 15 сентября 1869 г. за № 3639 (за №), что утвержден Константин Николаевич Зайцев в потомственном дворянском достоинстве, 2) копии с формулярнаго списка, присланной в Собрание при отношении Горнаго департамента от 7 минувшего декабря № 4132, что Константин Николаевич Зайцев окончил курс наук в Горном институте и утвержден в звании горнаго инженера. Приказом по Горному ведомству от 12 ноября 1877 года № 10 определен был на практические занятия в распоряжение горнаго начальника Луганского округа. Указом Правительствующаго Сената от 9 февраля 1878 г. за № 516 утвержден в чине губернского секретаря со старшинством с 9 ноября 1877 г.; продолжая затем службу и получая чины по порядку указом Правительствующаго Сената от 27 марта 1887 г. № 1554 произведен за выслугу лет в коллежские асессоры со старшинством с 9 ноября 1886 г., в штрафах и под судом не был, и 3) свидетельств, выданных из духовных консисторий С.

Петербургской 13 и 19 сего декабря и Орловской 19 октября 1888 г. за № 11869, 11870, 11669 и 9799, что Константин Николаевич Зайцев с Татьяною Васильевною повенчаны 11 февраля 1872 и что от этого брака у них родились дети: Татьяна 30 декабря 1873 г., Надежда 1 июня 1877 г. и Борис 29 января 1881 г. Закон Св(од) Зак(онов) т. IX, изд(ания) 1876 г. ст(атьи) 39, 44, 62, 275, 284 и 1111. Определили: Рассмотрев настоящее дело Дворянское депутатское собрание находит, что коллежский асессор Константин Николаевич Зайцев, будучи записан во вторую часть дворянской родословной книги по Симбирской губернии, указом Правительствующаго Сената по департаменту герольдии от 15 сентября 1869 года за № 3639 утвержден в потомственном дворянском достоинстве, что законность брака г. Зайцева с Татьяною Васильевною в 1872 году и рождения у них в этом браке законных детей Татьяны в 1873 г., Надежды в 1877 г. и Бориса в 1881 г. удостоверяется надлежащими метрическими свидетельствами и что, наконец, г. Зайцев должен быть лишь только перечислен в дворянскую родословную книгу из Симбирской по Калужской губернии, а вышеупомянутые супруга и дети г. Зайцева должны быть сопричислены при нем в эту книгу и считаться окончательно признанными в потомственном дворянском достоинстве. По сим основаниям и руководствуясь изложенными в докладе узаконениями Дворянское депутатское собрание полагает Константина Николаевича Зайцева перечислить во вторую часть дворянской родословной книги из Симбирской по Калужской губернии, а супругу г. Зайцева Татьяну Васильевну и детей его Татьяну, Надежду и Бориса сопричислить при нем в ту же книгу, выдать детям документы о дворянстве и как последних, так и мать их считать окончательно признанными в этом достоинстве. Калужскому уездному предводителю дворянства сообщить о внесении г. Зайцева с семейством его в список дворян того уезда. О каковом распоряжении Зайцеву объявить чрез Жиздринское уездное полицейское управление.

Подлинное за подписом г.г. присутствующих и скрепою секретаря дворянства. Копия верна. Секретарь дворянства (подпись). Читал Столоначальник (подпись). Настоящая копия выдана из Калужскаго дворянскаго депутатскаго Собрания на основании 275 ст(атьи), т. IX Св(ода) Зак(онов) изд(ания) 1876 г. за надлежащим подписом с приложением печати сыну коллежскаго асессора Константина Николаевича Зайцева Борису Константиновичу Зайцеву в доказательство принадлежности его к потомственному дворянскому сословию. Калуга. Декабря 30 дня. 1888 года. Гербовый сбор уплачен.

Губернский предводитель дворянства — подпись.

Секретарь дворянства — подпись.

Столоначальник — подпись. № 823.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой копии с подлинником ея, представленным мне, Фридриху Александровичу Данненберг, московскому нотариусу, в конторе моей, находящейся Тверской части, 2-го участка, на Театральной площади, в доме Журавлева, дворянином Борисом Константиновичем Зайцевым, живущем в имении Притыкино Каширского уезда. При сличении мною этой копии с подлинником, в последнем почисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было, в сей копии вписано «Калужскаго» о (нрзб.) «за №». Размер гербового сбора коим оплачен подлинный не указан. 1902 года. Сентября 2 дня. По реестру № 2593.

Нотариус Ф. Данненберг

3

АТТЕСТАТ КАЛУЖСКОГО РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА

АТТЕСТАТ

Дан сей Борису Константиновичу Зайцеву из дворян, вероисповедания православного,

родившемуся 29 января тысяча восемьсот восемьдесят перваго года в г. Орле, в том, что он, вступив в Калужское реальное училище в сентябре 1894 г., при отличном (5) поведении обучался по 6 июня 1897 года и кончил полный курс по основному отделению. На окончательном испытании он, Зайцев, оказал следующие успехи:

В законе Божием отличные

(5)

« русском языке отличные

(5)

« немецком языке отличные

(5)

« французском языке отличные

(5)

« математике, а именно:

« арифметике отличные

(5)

« алгебре хорошие

(4)

« геометрии хорошие

(4)

« тригонометрии хорошие

(4)

« истории отличные

(5)

« географии отличные

(5)

« естественной истории отличные

(5)

« физике отличные

(5)

« рисовании удовлетворительные

(3)

« черчении хорошие

(4)

При вступлении в гражданскую службу он, Зайцев, пользуется правом, изложенным в ст(атье) 99 Св(ода) Зак(онов) т. III (изд(ание) 1876 г.) уст(ава) о сл(ужбе) по опред(елению) от прав(ительства)4. По отбыванию воинской повинности он пользуется льготами по образованию, предоставленным учебным заведениям второго разряда. По свидетельству чего и выдан ему, Зайцеву, сей аттестат за надлежащей подписью с приложением печати училища.

Город Калуга. Месяца июня 6 дня 1897 года.

И. о. директора А. Арефьев

И. о. инспектирующаго учителя Ф. Крюгер

Законоучитель священ(ник) Дим. Пеовелов

Преподаватели: В. Куклин, П. Богданов, П. Отроков, И. Вярт

Секретарь Совета М. Четыркин. № 344

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верностью этой копии с подлинником ея, представленным мне, Николаю Александровичу Шереметевскому, московскому нотариусу, в конторе моей, находящейся Тверской части, 2 участка, на Театральной площади, в доме Журавлева, дворянином Борисом Константиновичем Зайцевым, живущем в Москве, Лефортовской части, 3 участка, на заводе Гужона. При сличении мною этой копии с подлинником в последнем почисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было, а в этой копии между строк вписано «немецком языке отличные (5)» — Копия эта не подлежит оплате гербовым сбором, как предназначенная для представления в Министерство народнаго просвещения при прошении о разрешении держать экзамен по древним языкам.

1901 года декабря 19 дня. По реестру № 3478.

Нотариус Н. Шереметевский

О пребывании Б. К. Зайцева в числе студентов Императорскаго московскаго университета имеется надпись на свидетельстве от 6 июня 1898 г. за № 284 об окончании дополнит(ельного) класса Калужского реального училища.

4

УВЕДОМЛЕНИЕ ГОРНОГО ДЕПАРТАМЕНТА ТОВАРИЩЕСТВА МОСКОВСКОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЗАВОДА О СЛУЖБЕ К. Н. ЗАЙЦЕВА

№ 4778

В Правление Товарищества

Московского металлического завода

Г. Товарищ министра земледелия и государственных имуществ по докладу Горного департамента 8-го сего ноября изволил изъявить согласие на откомандирование горного инженера коллежского советника Зайцева в распоряжение Правления Товарищества московского металлического завода

для технических занятий с оставлением по Главному горному управлению без содержания от казны. Об этом Горный департамент уведомляет Правление упомянутого Товарищества на ходатайство от 28-го августа сего года, покорнейше прося в случае окончания г. Зайцевым технических занятий сообщить о том департаменту.

13 ноября 1897

Санкт-Петербург

Вице-директор Е. Н. Васильев

Управляющий отделением (нрзб.)

5

ПРОШЕНИЕ Б. К. ЗАЙЦЕВА ДИРЕКТОРУ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА А. И. АРИСТОВУ5

Его Превосходительству г(осподи)ну директору
Императорскаго московскаго техническаго Училища

Окончившаго курс реального училища
дворянина Бориса Константиновича Зайцева

ПРОШЕНИЕ

Прилагая при сем аттестат и свидетельство об окончании полного курса реального училища, метрическое свидетельство, свидетельство о звании и приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности, а также засвидетельствованные копии с этих документов и две фотографические карточки с моею подписью, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о зачислении меня в студенты перваго курса химическаго отделения вверенного Вашему Превосходительству заведения.

Б. Зайцев

Жительство имею в Москве, Лефортовской части, 3-го участка, на Металлическом заводе Гужона.

6

ПИСЬМО ДИРЕКТОРОВ ПРАВЛЕНИЯ ТОВАРИЩЕСТВА МОСКОВСКОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЗАВОДА Ю. П. ГУЖОНА и П. ОСТФРИДА К. Н. ЗАЙЦЕВУ

Москва, 5 января 1899 г.

Господину Константину Николаевичу Зайцеву
Здесь

Милостивый Государь!

В подтверждение словесных наших переговоров имеем честь сообщить Вам, что с 1 октября 1898 года Ваше ежегодное вознаграждение будет исчисляться следующим образом:

1) Вы получаете премию в размере 3% с чистой прибыли нашего предприятия с минимальной гарантией таковой в пятнадцать тысяч рублей в год. Премия исчисляется с суммы ежегодной чистой прибыли определенной в конце отчетного года согл(асно) § 40 Устава н(ашего)

Т(оварищест)ваб по пункте б включительно, причем однако для расчета премии в запасный капитал не должно быть отлисляемо более 5%, а на счет общих расходов должно быть отнесено жалование директоров Правления в сумме 30 000 руб.

2) Вам предоставляется на заводе квартира с освещением и отоплением.

При этом мы ставим условием как себе, так и Вам, что мы обоюдно должны друг друга предупредить за четыре месяца в случае желания прекратить это условие.

С совершенным почтением.

Товар(ищест)во Московскаго металлическаго завода

Директор Правления: Ю. Гужон

П. Остфрид

7

ПРОШЕНИЕ Б. К. ЗАЙЦЕВА РЕКТОРУ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. А. ТИХОМИРОВУ7 О ПРИЕМЕ ЕГО В ЧИСЛО СТУДЕНТОВ

Его Превосходительству господину ректору
Императорского московского университета

Императорского московского университета

ПРОШЕНИЕ

Желая для продолжения образования поступить в Московский университет, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о принятии меня на юридический факультет, на основании прилагаемых при сем документов, вместе с копиями с оных. При сем на основании Высочайше утвержденнаго Устава императорских российских университетов обязуюсь во все время пребывания моего в университете подчиняться правилам и постановлениям университетским.

При сем документы: 1) Об окончании средне-учебн(ого) заведения, 2) Метрическое свидетельство, 3) Копия протокола о дворянстве, 4) Свидетельство о приписке к призывному участку и отбыванию воинской повинности, 5) Три засвидетельствованныя фотографическия карточки, 6) Свидетельство о благонадежности.

31 августа 1902 г.

Борис Зайцев

8

СВИДЕТЕЛЬСТВО 6-Й МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗИИ

Дано сие сыну коллежскаго советника, дворянину Борису Константиновичу Зайцеву, православного вероисповедания, родившемуся 29 января 1881 года и окончившему, согласно выданному свидетельству от 6 июня 1898 года за № 284, полный курс Калужскаго реальнаго училища, — в том, что он, Зайцев, с разрешения г. товарища министра народного просвещения от 15 января сего года за № 15208, изложенного в предложении г. попечителя московского учебного округа от 15 марта сего года за № 4890, подвергался в мае месяце 1902 года в московской 6-й гимназии дополнительному испытанию зрелости по древним языкам и на испытании этом показал нижеследующие успехи:

по латинскому языку — четыре (хорошо)

« греческому языку — четыре (хорошо).

Вследствие сего, на основании Высочайшего соизволения от 20 июля сего года, изложенного в предложении г. управляющего Министерством народнаго просвещения от 28 июля сего года за № 20108, и выдано ему, Зайцеву, сие свидетельство зрелости с приложением казенной печати и фотографической карточки, предоставляющее ему права, обозначенные в §§ 130—132 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 года Устава гимназий и прогимназий9.

31 августа 1902 г.

№ 617

Москва

Директор Л. О. Лавровский

Члены педагогического совета: инсп(ектор)

Н. В. Баталин, П. И. Молчанов, Г. Поляков,

И. С. Костарев, Р. Магницкий, Р. Р. Ржаницын,

Г. К. Кельберер, Н. Н. Шамонин

Секретарь педагогического совета П. И. Касицын

9

ОБЪЯВЛЕНИЕ

На основании 140 ст(атьи) 11 т(ома) Св(ода) Зак(онов) (изд(ание) 1892 года), от московскаго обер-полицеймейстера на поданное от сына горного инженера Бориса Константинова Зайцева прошение о выдаче ему свидетельства о благонадежности для представления при ходатайстве о принятии его в число студентов Московского университета объявляется, что об отсутствии препятствий к принятию просителя в число студентов Московского университета, вместе с сим сообщено ректору названного учебного заведения.

Августа 2 дня 1902 года

Генерал-майор Д. Ф. Трепов

Г. приставу 3 участка Лефортовской части для выдачи просителю, живущему в доме Товарищества Московского металлического завода.

10

ПРОШЕНИЕ Б. К. ЗАЙЦЕВА РЕКТОРУ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. А. МАНУЙЛОВУ11

Его Превосходительству г(осподи)ну ректору Московского университета

студента 6 семестра юридич(еского) факультета Бориса Зайцева

ПРОШЕНИЕ

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство уволить меня из числа студентов Москов(ского) университета.

Бор(ис) Зайцев

Увольнительное свидетельство от Университ(ета), свид(етельство) о приписке к призыв(ному) участку и документы о звании получил.

(8 марта 1907)

Бор(ис) Зайцев

11

СВИДЕТЕЛЬСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

От Императорского московского университета дано сие свидетельство бывшему студенту — семестра юридическаго факультета, сыну потомственного дворянина, Борису Константиновичу Зайцеву, православного вероисповедания, родившемуся 29 января 1881 года, в том, что он по окончании 7 классов калужского реального училища и по свидетельству Московской 6-й гимназии о сдаче дополнительного испытания по древним языкам в августе месяце 1902 года принят был в число студентов Императорского московского университета на юридический

принят был в число студентов Императорского московского университета на юридический факультет, на каковом состоял до настоящего времени.

Ныне, вследствие прошения и за невзнос платы в осеннем полугодии 1906 года, из ведомства Московскаго университета уволен. Так как он, Зайцев Борис, полного курса наук не окончил, то права, Высочайше дарованные студентам, окончившим курс университетского учения, на него не распространяются.

Москва марта 9 дня 1907 года.

Ректор Университета А. А. Мануйлов

Секретарь по студенческим делам А. П. Колечицкий

12

ПРОШЕНИЕ Б. К. ЗАЙЦЕВА О ВЫДАЧЕ ДОКУМЕНТОВ ОБ ОКОНЧАНИИ СРЕДНЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

В Канцелярию Императорскаго московскаго университета — бывшаго студента юридическаго факультета, писателя Бориса Константиновича Зайцева

ПРОШЕНИЕ

Покорнейше прошу Канцелярию Университета выдать жене моей, Вере Алексеевне Зайцевой, подлинные документы об окончании мною средне-учебнаго заведения, на предмет поступления в Военное училище.

В Университете я состоял с 1902 (осени) по 1906 г.13

Борис Зайцев

Мордвесское почт(овое) отд(еление) Тульской губ(ернии), имение Притыкино.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Согласно уставу духовных консисторий 1841 г. метрические свидетельства выдавались: 1) «каждому о времени его рождения, и крещения; 2) родителям о рождении, крещении и кончине детей; 3) опекунам о рождении и крещении детей, не имеющих родителей и состоящих под их опекой» (Полн. собр. законов Российской империи. 2 изд. Т. XVI. 14409. С. 254).

2 Брат и сестра матери Б. К. Зайцева — Татьяны Васильевны Зайцевой, урожденной Рыбалкиной.

3 Имение Притыкино Каширского уезда Тульской губернии принадлежало отцу Б. К. Зайцева.

4 «Ученики, получившие одобрительный аттестат об окончании курса реального училища, если они по происхождению имеют право на вступление в гражданскую службу, принимаются в оную на общих с воспитанниками средних учебных заведений основаниях и производятся в первый классный чин по выслуге сроков»...

1) потомственные дворяне через 1 год, 2) сыновья личных дворян, купцов I гильдии, священнослужителей через 2 года, 3) сыновья канцелярских служителей, ученых и художников, не имеющих чинов, через 4 года. (Свод законов. СПб. 1876. Т. III. Уставы о службе гражданской. Ст. 99, 309. С. 23, 67)

5 Фамилия установлена по адресной и справочной книге «Вся Москва» (М. 1898).

6 § 40 указан в письме ошибочно. Порядок и размер премии определялся § 41 устава Товарищества. Согласно ему «по утверждении отчета общим собранием всех расходов и убытков и уплаты процентов и погашения по облигациям, отчисляется ежегодно сумма, равная 5% стоимости строения и 10% стоимости машин и всего движимого имущества, на погашение стоимости сего имущества впредь до погашения 80% стоимости оного. Остаток составляет прибыль, из которой определяется: а) не менее 5% в запасной капитал и б) 10% на вознаграждение членов правления, а остальная сумма, если она не превысит 10% на основной капитал Товарищества, выдается в дивиденд на паи» (См.: Устав Товарищества Московского металлического завода. М. 1894. С. 24—25.)

7 Фамилия установлена по адресной и справочной книге «Вся Москва» (М. 1902).

8 В связи с тем, что только ученики, окончившие курс учения в гимназиях или имеющие свидетельство о знании полного курса гимназий, имели право поступить в университет, выпускники других учебных заведений должны были подвергаться дополнительному испытанию в одной из гимназий по усмотрению попечителя учебного округа. (См.: Правила об испытаниях учеников гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения 1872 г. // Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. СПб. 1874. С. 349.)

9 Ученикам, окончившим гимназию, предоставлялось исключительное право поступления в университет, кроме того при вступлении в гражданскую службу они имели предпочтение перед теми, кто не обучался в гимназиях, с производством в первый классный чин по выслуге определенных сроков. (См.: Полное собр. зак. 2-е изд. Т. 46. № 49860. Устав гимназий и прогимназий. § 130—132.)

10 В статье 140 говорилось следующее: все, «что необходимо сообщить просителю... должно быть написано в объявлении по установленной форме и отослано для вручения ему непосредственно в то ближайшее полицейское место, в ведении коего находится означенное в просьбе деловое место жительства, и именно: в городах С-Петербурге и Москве к надлежащему участковому приставу...» (Свод законов. СПб. 1892. Т. II. С. 19) 11 Фамилия установлена по

адресной и справочной книге «Вся Москва» (М. 1907).

12 Закончившие университетский курс пользовались в отношении отбывания воинской повинности правами, определенными уставом о воинской повинности, а лица, принадлежащие к мещанскому сословию или сельских обывателей, пользовались правом причисления к личному почетному гражданству (См.: Университетский устав 1884 г. // Полн. собр. зак. 3-е изд. Т. IV. № 2404, С. 467.)

13 На документе имеются пометы: «Зайцев Бор(ис) Конст(антинович) был прин(ят) в число студ(ентов) юрид(ического) фак(ультета) в 1902 г., на котор(ом) состоял в течение 1902/1903, 1903/1904, 1904/1905, 1905/1906 и в ос(еннем) пол(угодии) 1906 г. увол(ен) из Ун(иверсите)та по прошению и за невзнос платы»; «11.VII.16 г. выдано Б. К. Зайцеву свид(етельство) реа(льного) уч(илища) за 7 кл(асс) и ат(тестат) реал(ьного) уч(илища) за 6 к(лассов)»; — «Ошибочно не взята расписка в получении этих докум(ентов). С. Сироткин», «902/293».

Публикация Е. Г. БОЛДИНОЙ и О. В. КУЗОВЛЕВОЙ

Болдина Е. Г., Кузовлева О. В. Гуль Р. Б.: [Материалы к биографии] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 574—577. — [Т.] IX.

Роман Борисович Гуль (1896—1915) родился в г. Пензе. В возрасте 24 лет его отец, Борис Карлович, был определен на должность нотариуса по г. Керенску Пензенской губернии. Через

несколько лет, будучи уже женатым на Ольге Сергеевне Вышеславцевой, он перевелся нотариусом в Пензу. Здесь родились его сыновья Сергей (13 июля 1894) и Роман (1 января 1896). Метрическое свидетельство позволяет уточнить место рождения Романа, поскольку в автобиографии он указывал, что родился в Киеве*.

Закончив пензенскую гимназию, Роман Гуль в 1914 г. поступил в Московский университет на юридический факультет. 27 июня 1916 г. Гулю было выдано из университета увольнительное свидетельство, а 26 июля инсарский уездный воинский начальник сообщил ректору о том, что студент II курса Роман Гуль призван на военную службу и определен в 3-ю Московскую школу прапорщиков. Образование его так и осталось незаконченным.

Публикуемые документы из канцелярии по студенческим делам Императорского Московского университета хранятся в ЦГИА г. Москвы Ф. 418. Оп. 328. Д. 586. Л. 10, 9, 8, 6.

1

МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО Р. Б. ГУЛЯ

Сим свидетельствуем, что Пензенской епархии Г. г. Пензы в метрических книгах Духосошественской церкви за тысяча восемьсот девяносто шестый год, под № 2-м записано: рожден месяца января перваго, а крещен января шестого числа Роман, коего родители почетный потомственный гражданин Борис Карлов Гуль, законная жена его Ольга Сергеева, оба православного вероисповедания, восприемники: врач Александр Трифонов Уклейн, из дворян, девица Зинаида Сергеева Вышеславцева1. Таинство крещения совершали священник Иоанн Кронтовский с диаконом Павлом Васильевым.

1898 года июля 8 дня.

Священник Иаонн Кротовский

Диакон Петр Спешнев

2

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ Р. Б. ГУЛЯ

Министерство народного просвещения

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Дан сей сыну потомственного почетного гражданина Гулю Роману Борисовичу, православного вероисповедания, родившемуся в г. Пензе 1 января 1896 года, в том,

Р. Б. Гуль

что он, вступив в Пензенскую первую мужскую гимназию в августе 1906 г., при отличном (5) поведении обучался по 7 июня 1914 года и кончил полный восьмиклассный курс, при чем обнаружил нижеследующие познания:

Предмет гимназического курса	Отметки, поставленные в педагогическом совете на основании § 74 «Правил об испытаниях»
Закон Божий	5 (отлично)
Русский язык с церковнославянским и словесность	4 (хорошо)
Философская пропедевтика	4 (хорошо)

Латинский язык	3 (удовлетворительно)
Математика	4 (хорошо)
Математическая география	4 (хорошо)
Физика	3 (удовлетворительно)
История	4 (хорошо)
География	4 (хорошо)
Законоведение	4 (хорошо)
Французский язык	4 (хорошо)
Немецкий язык	3 (удовлетворительно)

На основании чего и выдан ему сей аттестат зрелости, предоставляющий ему все права, обозначенные в §§ 130—132 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 года устава гимназий и прогимназий2.

Директор Н. Беляев
Инспектор А. Ницкий
Законоучитель священник Ф. Покровский
Преподаватели: Е. Макаров, Б. Уимш, Л. Иванова, Н. Токарев
Секретарь педагогического совета священник Ф. Покровский

Июня 7 дня 1914 года

№ 664

Примечание. Познания и успехи учеников оцениваются цифрами, причем 5 означает познания и успехи отличные, 4 — хорошие, 3 — удовлетворительные, 2 — не совсем удовлетворительные и 1 — вовсе неудовлетворительные.

3

ПРОШЕНИЕ РЕКТОРУ М. К. ЛЮБАВСКОМУ3

Его Превосходительству господину ректору
Московского Императорского университета

Окончившаго курс Пензенской 1-й мужской гимназии в 1914 году, сына потомственного почетного гражданина, Романа Борисовича Гуль

ПРОШЕНИЕ

Желая поступить в число студентов вверенного Вам университета по юридическому факультету, покорнейше прошу, Ваше Превосходительство, сделать к сему соответствующее распоряжение. При сем прилагаю следующие документы: аттестат зрелости, собственноручную копию с него, метрическое свидетельство, свидетельство о приписке к призывному участку, формулярный список отца, четыре фотографических карточки; одновременно посылаю перевод на 25 рублей в пользу университета.

С своей стороны обязуюсь исполнять все правила, касающиеся студентов.

1914 года, село Ново-Троицкое, июня 17-го дня.

Роман Борисович Гуль

Адрес: село Ново- Троицкое Пензенской губернии Инсарского уезда Роману Борисовичц Гуль.

4

ВОИНСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО Р. Б. ГУЛЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о явке к исполнению воинской повинности

(временное)

Гуль Роман Борисович, сын потомственного почетного гражданина, являлся к исполнению воинской повинности при досрочном призыве 1917 г. вольноопределяющимся подлежит поступлению в постоянные войска, но на основании 2 п(ункта) 61 ст(атьи) Устава о воинской повинности поступление ему на службу отсрочено для окончания образования до призыва 1923 года.

Выдано Пензенским уездным по воинской повинности присутствием августа 1 дня 1915 года, за № 9262.

Председатель присутствия

Секретарь

5

ПРОШЕНИЕ Р. Б. ГУЛЯ РЕКТОРУ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Его Превосходительству г(осподи)ну ректору
Московского Императорскаго университета

студента юридического факультета
Романа Борисовича Гуль

ПРОШЕНИЕ

Имею честь просить Ваше Превосходительство выдать мне для представления при поступлении вольноопределяющимся следующие бумаги: свидетельство о приписке к призывному участку и свидетельство об отсрочке воинской повинности до окончания образования. По снятии копий с вышеозначенных бумаг обязуюсь возвратить последние в канцелярию университета.

Студент юридического факультета

Роман Борисович Гуль

Помета: выдать 4—XI/15

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сестра матери Р. Б. Гуля.

2 Ученикам, окончившим гимназию, предоставлялось исключительное право поступления в университет, кроме того, при вступлении в гражданскую службу они имели предпочтение перед теми, кто не обучался в гимназиях, с производством в первый классный чин по выслуге определенных сроков (Полн. собр. зак. Российской империи. 2 изд. Т. 46. № 49860).

3 Фамилия ректора установлена по адресной книге «Вся Москва на 1914 год» (М. 1914).

4 Ст. 61 п. 2 предусматривала отсрочку от призыва к исполнению воинской повинности воспитанникам высших и средних учебных заведений до исполнения им 27 лет — для обучающихся в высших учебных заведениях с продолжительностью курса не свыше четырех лет (Свод законов Российской империи. Продолжение 1912 года. Ч. III. — Устав воинской повинности. СПб. 1912. С. 15—16).

Русские церкви в Европе

Забелин С. Н. Русские церкви в Европе // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 589—600. — [Т.] IX.

(Ссылки на фотографии из текста)

Почти во всех столицах Западной Европы, во многих городах и в курортных местах стоят русские православные храмы.

Историю их появления можно разделить на три периода: церкви, построенные до 1917 г., церкви, возникшие между двумя мировыми войнами, когда в результате революции и гражданской войны за рубежом оказалось много русских, и церкви, построенные после Второй мировой войны.

До Петра I Россия не имела постоянных представительств при европейских дворах. Снаряжались

посольские экспедиции, которые везли с собой все необходимое, в том числе и походные церкви со священником, а иногда и с хором. При Петре I и после него возникали российские посольства в главных городах Европы. При них обычно выделялось помещение для «домовой» церкви.

В XVIII—XIX вв. заключались браки между Романовыми и царствующими домами Европы. При дворцах королей, князей и герцогов сооружались православные церкви, но доступ в них имели только русские вельможи и дипломаты.

В XIX в. стало модным ездить в Европу на курорты или «на воды», как тогда говорили. Их посещала знать, состоятельные люди, купцы. Здесь знакомились, женились, крестили новорожденных, отпевали и хоронили умерших. Создавались комитеты по сбору средств и строению церковных зданий, обращались к Царскому Двору и Синоду за содействием. Многие церкви были построены по почину государей и членов Дома Романовых или при их денежном содействии. Строились церкви и на средства прихожан, без помощи Двора или Синода.

Большинство русских церквей возводилось по проектам выдающихся архитекторов, таких, как Н. В. Султанов, И. В. Штром, Л. и А. Бенуа, В. А. Покровский, В. П. Стасов, М. Т. Преображенский, Д. И. Гримм, А. В. Щусев, и другие. Лучшие русские художники, такие, как В. М. Васнецов, В. И. Якоби, Т. фон Нефф, украшали храмы фресками, мозаикой, иконами.

В данной публикации представлены церкви, построенные до 1917 г. Некоторые храмы в силу ряда причин остались недоступными для автора.

Все сведения о церквах почерпнуты из брошюр, изданных церковными обществами, приходами и историческими обществами, а также из журнала «Братский Ежегодник» (издание Берлинского Св. Кн.-Владимирского братства, СПб., 1906).

ГЕРМАНИЯ

ВИСБАДЕН. ЦЕРКОВЬ СВ. ЕЛИЗАВЕТЫ. Построена в 1848—1855 гг. как памятник Вел. Кн. Елизавете Михайловне, дочери Вел. Кн. Михаила Павловича. Она вышла замуж за герцога Адольфа Нассауского (впоследствии великий герцог Люксембургский). В 1844 г. состоялся торжественный въезд молодых в Висбаден, а в 1845 г. молодая герцогиня умерла при родах.

Герцог и Император Николай I дали средства на постройку храма-памятника. Сооружение храма было поручено местному архитектору Хофману, который ездил в Петербург и Москву для изучения русской церковной архитектуры.

Церковь отличается гармоничностью всех пропорций, а несколько вытянутые кверху позолоченные купола барабанов создают впечатление стремления ввысь и придают храму ощущение легкости. Храм построен из белого песчаника с резными украшениями. Скульптор Хопфгартен создал большие медальоны с изображениями св. Елизаветы, св. Елены и Архангела Михаила, небесных покровителей герцогини и ее родителей, помещенные с трех сторон наружной части храма.

Внутри храм богато украшен и расписан. Иконостас выточен из белого каррарского мрамора. Иконы написаны фон Неффом. Автор фресок — немецкий художник Хопфгартен. Слева от иконостаса в нише стоит мраморный саркофаг с высеченном фигурой Вел. Кн. Елизаветы Михайловны и фигурами двенадцати апостолов на нижней части постамента (скульптор Хопфгартен).

ШТУТГТАРТ. ЦЕРКОВЬ СВТ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА. По ходатайству вдовствующей герцогини Вюртембергской Веры Константиновны и российского посла Е. К. Коцебу Император Александр III утвердил проект церкви и дал на ее постройку 75 000 рублей из собственных средств. В 1895 г. состоялась закладка храма. Иконостас, церковная утварь и

библиотека были перенесены в церковь из дворца королевы Вюртембергской Ольги Николаевны.

Во время Второй мировой войны церковь была разрушена и сгорела. Сорок лет продолжались восстановительные работы, и к 1000-летию принятия христианства на Руси храм предстал в прежнем виде. Колокол, подаренный Вел. Кн. Верой Константиновной, был водружен на прежнее место. Средства на восстановление помимо прихожан дали члены вюртембергского королевского дома, город Штутттарт, правительство и евангелическая церковь Вюртемберга, Всемирный лютеранский союз, банки и др.

БАД ХОМБУРГ. ЦЕРКОВЬ ВСЕХ СВЯТЫХ. Бад Хомбург приобрел широкую известность далеко за пределами Германии целебными источниками. Сюда приезжало много русских, которые хотели иметь хотя бы небольшой православный храм.

Закладка церкви во имя Всех Святых и в память коронации Императора Николая II и его супруги Александры Федоровны состоялась в 1896 г. в присутствии их Императорских Величеств, а также вдовствующей германской императрицы Виктории, Вел. Кн. Елизаветы Федоровны, великого герцога Гессен-Дармштадтского и большого числа знатных лиц.

Храм строился по проекту Л. Н. Бенуа и освящен в 1899 г. В 1910 г. Император Николай II и Великие Княжны дважды присутствовали на богослужении.

В 1914 г. сношения с Россией прекратились. Храм закрыли. Вся утварь куда-то исчезла.

В 1944 г. жизнь храма прекратилась. Храм закрыли. Всю утварь куда-то перевезли, позолоту с крестов и куполов сняли, а иконостас резного дуба с иконами очутился в городском музее. И лишь в 1945 г. старанием протоиерея о. Леонида Касперского храм был открыт, иконостас возвращен, в церкви начали совершаться богослужения.

К 50-летию открытия власти привели храм в надлежащий порядок.

ДАРМШТАДТ. ЦЕРКОВЬ СВ. МИРОНОСИЦЫ РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ МАРИИ МАГДАЛИНЫ. Гессен-Дармштадтское великое герцогство дало России двух государынь, Марию Александровну, супругу Александра II, и Александру Федоровну, супругу Николая II. Бывая в Германии, Николай II посещал Дармштадт. По его желанию и в присутствии его и Императрицы 4 октября 1897 г. была заложена церковь во имя св. Марии Магдалины. Из разных концов России была привезена земля в основание церкви. Храм построен по проекту Л. Н. Бенуа, имеет три купола, один из них над звонницей. За оформление церкви Бенуа удостоился звания придворного архитектора.

Храм был освящен в 1899 г. в присутствии Императора, Императрицы и многих высокопоставленных особ. Царская семья была в Дармштадте в 1903 и 1910 гг.

Храм украшен мозаикой В. М. Васнецова. Над входом помещено изображение Марии Магдалины во весь рост, ниже помещено изображение св. Ольги. Над алтарем в нише — Богородица с Иисусом Христом на руках (копия из собора св. Владимира в Киеве). Художники из Петербурга, Перминов и Кузик, по эскизам Васнецова написали фрески.

Вел. Кн. Мария Александровна, герцогиня Саксен-Кобург-Готская подарила церкви дубовый иконостас с иконами работы фон Неффа, дубовую резную плащаницу, бронзовое золоченое паникадило и две серебряные кованые хоругви.

Самой ценной в храме считается икона Казанской Богоматери, подаренная монаху Серафиму Вел. Кн. Елизаветой Федоровной. В 1959 г., незадолго до кончины, монах передал икону шведской королеве Луизе, а та — принцу Людовику Гессенскому, который отдал ее церкви.

Во время Второй мировой войны церковь была повреждена. Дармштадт дал средства на ремонт,

который был закончен к 1976 г.

БАД КИССИНГЕН. ЦЕРКОВЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО. Бад Киссинген стал известен в России своими лечебными водами еще в середине XIX в., но число русских, посещавших это место, было невелико. Поездка туда занимала шесть недель, и только с развитием железных дорог число приезжих увеличилось. В 1898 г. архиерей С. Протопопов сообщал в «Церковных Ведомостях», что пребывание в Бад Киссингене дешевле, чем на Северном Кавказе или в Старой Руссе, где имеются роскошные гостиницы, но нет дешевых частных пансионов.

Сюда приезжали преимущественно люди среднего класса: профессора, духовные лица, юристы, почтовые чиновники, железнодорожные инженеры и купцы из Москвы, Петербурга, Одессы, Харькова, Астрахани, Томска и даже из Владивостока. В 1907 г. из 28 171 приезжих в Киссингене русских было 4355 человек.

Император Александр II дважды посетил Бад Киссинген, в 1864 и в 1868 г. и встречался здесь с баварским королем Людовиком II, австрийской императрицей Елизаветой, вюртембергским королем Карлом Фридрихом Александром и его супругой Вел. Кн. Ольгой Николаевной.

После первых попыток начать сбор средств на постройку церкви обратились к архиерею Алексею Мальцеву, настоятелю русской посольской церкви в Берлине. В ту пору он уже был известен в Германии как переводчик русских литургических книг на немецкий язык и как организатор Братства св. Владимира в Берлине. От имени Братства архиерей взял хлопоты на

организатор Братства св. Владимира в Берлине. От имени Братства архиерей взял хлопоты на себя.

Митрополит Петербургский Палладий, под чьей юрисдикцией находились все русские церкви в Европе, дал разрешение на сбор средств и постройку храма. Строительный комитет возглавил русский посол в Мюнхене А. П. Извольский. Архитектор и академик В. Шретер из Петербурга создал проект, и в 1898 г. храм был заложен, а в 1901 г. состоялось его освящение. Шретер спроектировал храм в византийском стиле. Заказчики хотели расписать церковь в духе Васнецова, что художники из Петербурга Киплик, Блазнов и Попов и выполнили. Двухъярусный иконостас был создан по эскизам Шретера. Во время Первой мировой войны семь колоколов были реквизированы немцами на военные нужды.

Братство св. Владимира продолжает существовать и ныне. В ведении Братства находятся теперь только три храма: в Бад Киссингене, Бад Наухайме и домовая церковь в Гамбурге. Все усилия Братства направлены на их сохранение.

БАД ЭМС. ЦЕРКОВЬ СВ. МУЧЕНИЦЫ ЦАРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ. Бад Эмс, — курорт, расположенный узкой полоской по обоим берегам реки Лан. Сюда съезжались королевские особы из Франции, Австрии, Норвегии, Дании, Греции, Бельгии и Сербии. Бывали здесь Император Александр II с семьей, русские аристократы, князья и графы, политики и генералы, богатые купцы, писатели и композиторы.

В 1857 г. был создан комитет по постройке русской церкви.

Вдовствующая Императрица Александра Федоровна возглавила комитет и сделала крупный взнос, ее примеру последовали королева вюртембергская Ольга Николаевна и Император Александр II.

Храм был заложен на левом берегу реки Лан, в центре города. Торжество освящения произошло в 1876 г. в присутствии митрополита Новгородского и Петербургского Исидора.

В церкви много света, но стены ее не расписаны и не украшены. Очень красив позолоченный иконостас, все иконы которого создал фон Нефф. Икону «Воскресение Христово» в алтаре

написал В. В. Верещагин. Церковь находится в отличном состоянии.

ВЕЙМАР. ЦЕРКОВЬ СВ. МИРОНОСИЦЫ РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ МАРИИ МАГДАЛИНЫ. Веймар — столица великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенахского.

В 1804 г. веймарский наследный принц Карл Фридрих женился на Вел. Кн. Марии Павловне. Ее приданое было доставлено в Веймар на двадцати подводах. Великая Княгиня прожила в Веймаре более полувека и оставила добрую память благотворительной деятельностью. В своем завещании она пожелала быть похороненной по православному обряду.

Вел. Кн. Мария Павловна умерла в 1859 г. В 1860 г. ее сын, великий герцог Карл Александр заложил православную церковь во имя св. Марии Магдалины, небесной покровительницы покойной герцогини. Церковь была освящена в 1862 г. Храм построен по планам, присланным из России, там же изготовлен иконостас. В основание церкви была заложена русская земля, которую привезли на шестидесяти подводах.

Церковь пристроена к родовому мавзолею герцогов, где стоят рядом два саркофага: Карла Фридриха на протестантской стороне и Марии Павловны на православной.

За алтарем стоит памятник над могилой протоиерея Стефана (Собинина) (умер в 1863 г.), духовника Великой Княгини. Он был знатоком новых и древних языков и своей книгой «Грамматика исландского языка» (СПб., 1859) заложил фундамент русской норманистики. Протоиерей был известен переводами прозы Пушкина на немецкий язык (Йена, 1840) и

Протоиерей был известен переводами прозы Пушкина на немецкий язык (Йена, 1840) и исследованиями для Российского географического общества.

Богослужения в церкви совершались до 1909 г., когда русское посольство в Веймаре было упразднено. Они возобновились лишь в 1950 г. и с тех пор не прекращаются. В 1976 г. был проведен капитальный ремонт церкви-памятника.

ЛЕЙПЦИГ. ЦЕРКОВЬ СВТ. АЛЕКСИЯ. К 100-летию Битвы народов при Лейпциге был закончен памятник, созданный по проекту Бруно Шмица. Это огромное здание построено на искусственном холме, на месте исторического сражения. На фасаде — 12-метровый барельеф Архангела Михаила, покровителя воинов. В верхней части помещены фигуры 12 воинов, охраняющих мир, их высота тоже 12 метров. В середине памятника находится склеп — символическое захоронение русских, пруссаков в австрийцев, павших в этой битве.

18 октября 1913 г. памятник был торжественно открыт в присутствии кайзера Вильгельма II, многих принцев, герцогов, знати и при большом стечении народа. В тот же день в присутствии Вел. Кн. Кирилла Владимировича, Вильгельма II, короля саксонского Фридриха Августа, знати и народа была открыта русская церковь-памятник во имя святителя Алексия, митрополита Московского (умер в 1378 г.).

Церковь построена по проекту архитектора В. А. Покровского и прообразом своим имела храм в Коломенском. У входа на чугунных плитах — надписи на русском и немецком языках: «Памяти 22 000 русских воинов, павших под Лейпцигом за освобождение Германии. В битве под Лейпцигом 4—7 октября 1813 года участвовали 127 000 русских, 89 000 австрийцев, 72 000 пруссов, 18 000 шведов. В этих боях пало 22 000 русских, 16 000 австрийцев, 12 000 пруссов, 300 шведов». Потери французов были 30 000 убитыми.

За церковью находится склеп, где похоронены три офицера (один из них генерал-майор князь Николай Кудашев, сподвижник Дениса Давыдова и атамана М. И. Платова), а в нишах поставлены гробы неизвестных солдат. Неугасимая лампада горит перед иконой Воскресения Христова. Вокруг церкви устроена галерея, на ее стенах и на столбах прикреплены каменные плиты с данными о полках и их потерях во время сражения. Помещение шатровой церкви довольно большое и очень высокое.

Шестиярусный восемнадцатиметровый иконостас подарен донскими казаками. Паникадило — дар Императора Николая II. Оно отлито из бронзы и позолочено, чаши для лампочек сделаны из прозрачной яшмы, вес паникадила 600 килограммов.

Церковь неоднократно реставрировалась и находится в хорошем состоянии, открыта для богослужений.

ДРЕЗДЕН. ЦЕРКОВЬ СВ. ПРАВЕДНИКА СИМЕОНА ВЕРХОТУРСКОГО. Первая русская церковь в Дрездене была домовой при российском посольстве. В 1865 г. в Дрездене проживало уже примерно 300 русских семей, постройкой храма для них занялись статский советник Семен Семенович Викулин и его сестра Татьяна Семеновна Наровая. Денежные вклады сделали Император Александр II, Синод и прихожане, основную сумму внес Викулин. Архитектор Гарольд фон Боссе спроектировал церковь, и в 1874 г. состоялось ее освящение в присутствии Императора Александра II.

Украшением церкви является резной иконостас белого каррарского мрамора.

ПОТСДАМ. ЦЕРКОВЬ СВ. БЛАГОВЕРНОГО КН. АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО. В ходе войны 1812 г. пруссаки взяли некоторое количество русских солдат в плен, и прусский король Фридрих Вильгельм III отобрал из них 62 человека для хора, так как очень любил русские песни. Когда в 1813 г. Россия освободила Пруссию от власти Наполеона, Император Александр I оставил русский хор королю. Для них в Потсдаме было построено поселение Александровка, названное в честь русского Императора. Постройки велись по планам, присланным из России и

названное в честь русского Императора. Постройки велись по планам, присланным из России, и являются единственными сохранившимися домами аракчеевских военных поселений.

Здесь же была построена церковь св. благоверного кн. Александра Невского по планам В. П. Стасова. Это уменьшенная копия Десятинной церкви в Киеве. Постройкой ведал прусский архитектор Карл Фридрих Шинкель, внесший в проект существенные изменения.

Освящение церкви состоялось в 1829 г. в присутствии прусского короля и Императора Николая I.

БЕРЛИН. ЦЕРКОВЬ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КОНСТАНТИНА И ЕЛЕНЫ. Домовые церкви при российском посольстве существовали здесь с 1718 г. В 1893 г. при участии Братства св. Владимира состоялась закладка храма, а через год он был освящен. Церковь построена по планам, присланным из России, руководил постройкой местный архитектор Бомм. А. Г. Елисеев подарил резного дуба вызолоченный иконостас, иконы писал в Петербурге художник Распопов. Кроме того, поступили в дар иконы из Синода и с Афонской Горы. Престол и жертвенник изготовлены из белого каррарского мрамора с вызолоченными крестами и каймой кругом. В церкви происходят богослужения.

Церковь стоит в центре большого кладбища, основанного в 1897 г. Кладбищенские ворота служат звонницей с пятью колоколами. Здесь похоронены М. И. Глинка, кн. С. П. Голицын, А. В. Кривошеин, гр. А. И. Воронцов-Дашков, кн. М. А. Мещерский и др. На памятнике М. И. Глинке — надпись: «Памятник великому русскому композитору М. Глинке. Сооружен военной комендатурой советского сектора г. Берлина в 1947 г.»

На перекрестке двух главных аллей кладбища установлен памятник воинам Белой армии с надписью «Верным сынам Великой России». На задней стороне — чугунная плита со словами: «Сооружен по почину чинов Русского Общевоинского Союза на добровольные пожертвования русской эмиграции в Германии. 1934 год».

ЧЕХИЯ

КАРЛСБАД. ЦЕРКОВЬ СВ. АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. Еще Император Петр I,

побывавший в 1711—1712 гг. в Карлсбаде, хотел построить здесь русскую церковь, но прошло целое столетие, и сбор средств начался лишь в 1862 г. под покровительством Вел. Кн. Елены Павловны. Строительный комитет обратился к австрийскому правительству с просьбой разрешить постройку православного храма. Разрешение было получено, но средств не хватило, была устроена домовая церковь в приобретенном для этого доме. Она была освящена в 1867 г.

Второй сбор средств был более удачным. Проект исполнил Д. В. Ухтомский, а строительством безвозмездно ведал Г. Видерман. Церковь во имя первоверховных апостолов Петра и Павла начали строить в 1893 г. Из России поступили богатые дары — церковная утварь, множество икон, облачения на престол, священнические облачения, хоругви и т. д. В 1897 г. состоялось освящение церкви митрофорным протоиереем Александром Алексеевичем Лебедевым в сослужении 12 священнослужителей, прибывших из разных посольств, в присутствии русского посольства в Вене, многих гостей из России, местных властей при большом стечении народа.

Начавшаяся война прервала богослужения, они возобновились в 20-е годы. В 1951 г. здание было передано чехословацкой православной церкви. В 1978 г. здесь открыто подворье Русской Православной Церкви.

С 1980 по 1986 г. в церкви проводились большие ремонтные работы, ее расписали художники из России. В церкви повешено новое хрустальное паникадило, храм обновлен, купола позолочены.

МАРИЕНБАД. ЦЕРКОВЬ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КН. ВЛАДИМИРА. В 1900 г.

были собраны необходимые средства и состоялась закладка церкви. Автор проекта — Н. В. Султанов. Местный архитектор Г. Видерман руководил строительством безвозмездно. Церковь была освящена в 1902 г. протоиереем Алексеем Мальцевым из Берлина.

Иконостас представляет собой уникальное произведение эмале-фарфорового искусства. Он изготовлен фарфоровым заводом в селе Кузнецово около Твери и получил «Гран-При» на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Полковник Петр Петрович Рыковский приобрел его и передал в дар церкви в Мариенбаде.

ИТАЛИЯ

ФЛОРЕНЦИЯ. ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. Первая походная русская церковь появилась во Флоренции в конце XVIII в. В 1814 г. из Турина была перевезена другая, тоже походная Христорождественская церковь, которая сопровождала Императора Александра I во время наполеоновских войн.

Инициатива постройки постоянного православного храма принадлежала Вел. Кн. Марии Николаевне, герцогине Лейхтенбергской, которая до 1873 г. жила на вилле П. П. Демидова в Кварто. Ее поддержали русский посол в Риме А. Нелидов, и о. Владимир Левицкий, назначенный настоятелем во Флоренцию в 1878 г.

В 1885 г. на собранные средства был куплен участок земли, и в 1899 г. состоялась закладка храма. После долгих прений был выбран «чисто русский» стиль, проект поручен архитектору Синода М. Т. Преображенскому.

В 1902 г. была освящена нижняя церковь во имя Святителя Николая Мирликийского, покровителя Демидовых. Вестибюль украшен большим изображением св. апостола Филиппа и двумя мраморными досками с надписями на русском и итальянском языках: «Храм сей своим благолепием обязан Павлу Павловичу Демидову, князю Сан-Донато, род. 21 окт. 1839, умер 26 янв. 1885, и его супруге Елене Павловне, урожденной Трубецкой, род. 7 окт. 1853, умерла 10 авг. 1917 года». Над входом — небольшой образ св. Елены, небесной покровительницы княгини. Иконостас, иконы и клиросы были перенесены из Никольской «Демидовской» домовой церкви.

Верхняя церковь была освящена в 1903 г. при участии русского духовенства из Рима, в присутствии русского дипломатического корпуса и адмирала Р. Н. Вирена с командой крейсера «Ослябя», стоявшего тогда в Специи.

В украшении внешних стен, пилястров и куполов была использована керамика. Изображение иконы Божией Матери «Знамение» над входом в церковь выложено мозаикой. Врата главного входа, подаренные Демидовым из домовой церкви в Сан-Донато украшены художественной резьбой по ореховому дереву с 22 сценами из библейской жизни.

Известные русские художники М. Н. Васильев, Д. Киплик, Д. Шарварок и А. Блазнов написали большую часть икон. Фрески выполнены по древнерусским канонам местными живописцами.

Литургическая жизнь церкви не прекращалась во все годы ее существования.

В 1925 г. в нижней церкви был похоронен греческий король Константин, а в 1926 году — королева Ольга. Позже их прах был перенесен в Татой под Афинами.

Итальянское министерство культуры дало средства на ремонт верхнего храма. Нижняя церковь нуждается в реставрации.

САН-РЕМО. ЦЕРКОВЬ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ. Сан-Ремо — город-курорт итальянской Ривьеры, где проживало много русских. В центре города построена русская церковь. На мраморной доске высечено: «Храм Христа Спасителя. Архиепископия западно-европейских

мраморной доске высечено: «Храм Христа Спасителя, Архиепископия западно-европейских русских церквей, 12 Рю Дарю, Париж. Воздвигнут жертвенными усилиями православных города Сан-Ремо и его окрестностей в 1913 году старанием попечительского и строительного комитета во главе со следующими лицами: В. К. Саблер, В. С. Шереметьев, В. И. Галевич, Т. Деберо, А. М. Суханина, Г. Э. Тилло, инж. Торнаторе по чертежам архитектора Щусева и под руководством архитектора Агости. Послевоенному восстановлению и продолжающемуся свидетельству о православии храм обязан городскому управлению города Сан-Ремо, адвокату Фузаро, А. Н. Власову, старостам М. А. Стансфильд, Ефремовой и Н. Сперарли-Бурмазович и настоятелю протоиерею Иоанну Янкину. Лето 1990 года.»

Храм выдержан в стиле русских церквей XVII—XVIII вв., украшен каменной резьбой и изразцами, рядом стоит колокольня с шатровой крышей.

Постройку церкви закончили в 1913 г. Из-за начавшейся войны церковь осталась не расписанной, иконостас очень скромный.

ФРАНЦИЯ

НИЦЦА. ЦЕРКОВЬ СВТ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА И СВ. МУЧЕНИЦЫ ЦАРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ. В XIX в. Ницца превратилась в курорт, известный во всем мире.

Приезд сюда в зиму 1856/57 гг. вдовствующей Императрицы Александры Федоровны способствовал строительству православного храма. Императрица открыла подписку, и сбор пожертвований на церковь пошел быстро.

Была куплена земля, но одним из условий было не устраивать колокольню со звоном и кладбище. В 1858 г. состоялась торжественная закладка храма во имя Святителя и чудотворца Николая и святой мученицы царицы Александры. В 1859 г. церковь была освящена. Императрица Александра Федоровна по нездоровью не могла присутствовать и ее представляла дочь Вел. Кн. Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская.

Проект иконостаса создан И. И. Горностаевым, иконы написаны М. Н. Васильевым в стиле византийских фресок. Императрица Александра Федоровна принесла в дар церкви иконостас, плащаницу, две хоругви и несколько полных церковных облачений для причта. Синод и некоторые высокопоставленные лица также сделали дары церкви (евангелия, священные сосуды и т. д.). Особое место занимает образ Грузинской Божией Матери работы М. Н. Васильева, посмертный дар Императрицы. Войско Донское прислало массивную дарохранительницу в форме креста, художественной работы из кованного серебра.

МЕМОРИАЛЬНАЯ ЧАСОВНЯ в парке Бермонд. Старший сын Императора Александра II Наследник Цесаревич Николай Александрович, провел свои последние дни на вилле Бермонд, принадлежавшей вместе с парком его отцу. 24 апреля 1865 г. Цесаревича не стало. По распоряжению Императора виллу снесли, и на ее месте была построена мемориальная часовня в византийском стиле. Внутри она полукруглая, стены облицованы мрамором, в обрамлениях помещены иконы, писаные фон Неффом. Алтарь помещен там, где находилось смертное ложе Цесаревича. По верхней части — надпись: «Аще живем аще умираем господни есьмы на сие Христос умре и воскресе и живе да и мертвыми и живыми обладает».

Город назвал широкую улицу, ведущую к вилле, Бульваром Царевича.

ЦЕРКОВЬ СВТ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА. В 1896 г. вдовствующая Императрица Мария Федоровна приехала на Ривьеру в Кап д'Ай. Ее сопровождали два сына, Вел. Кн. Георгий и Михаил, и младшая дочь Вел. Кн. Ольга. Императрица приехала в надежде, что мягкий климат облегчит страдания Георгия, больного туберкулезом. Настоятель церкви в Ницце архиерей Сергей Любимов часто ездил в Кап д'Ай к Императрице и сообщил ей о желании русской колонии построить новую церковь.

Вернувшись в Петербург, Императрица заручилась поддержкой сына, Императора Николая II, и сообщила в Ниццу о своем намерении покровительствовать сооружению храма. Был организован строительный комитет, который обратился к архитектору Преображенскому с просьбой разработать планы и рекомендации для возведения храма. Императрица Мария Федоровна и члены строительной комиссии приняли проект, после чего его одобрил Синод.

Участок для возведения церкви оказался непригодным, и Император Николай II по совету матери отдал парк Бермонд для постройки церкви.

Закладка храма состоялась в 1903 г. в присутствии французских властей, православного клира, представителей Царской семьи и большого количества народа. Работы длились девять лет. Большую часть расходов взял на себя Император Николай II, крупный вклад сделал кн. Сергей Голицын. Торжественное освящение состоялось в 1912 г.

Для создания иконостаса был привлечен художник Пиановский, воспитанник Строгановской школы в Москве. Царские врата являются копией таковых в церкви пророка Ильи в Ярославле. Иконостас и Царские врата были изготовлены в мастерской Хлебникова в Москве. Иконы написаны в духе школы Симона Ушакова, автор — художник Глазунов. Роспись алтаря выполнил М. Н. Васильев. Исключительную ценность представляет собой плащаница — художественное литье из позолоченной бронзы, украшенной разноцветной эмалью, работы Хлебникова. Большое число икон было принесено в дар.

Для внешнего вида церкви характерно сочетание разных материалов: кирпича, камня, мрамора, изразцов, резных украшений. Интересен вход в церковь, разделенный на две паперти под углом, над каждой шатровая кровля с золотым двуглавым орлом.

КАНН. ЦЕРКОВЬ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА. Вторым после Ниццы городом, в котором собиралось много русских, был расположенный неподалеку Канн. Одна из постоянных жительниц города, жена местного землевладельца, Александра Федоровна Трипе-Скрипицына, устроила в 1866 г. на своей вилле небольшую церковь, куда наезжал причт из города Ниццы для совершения служб. В 1889 г. в Канн приехала Вел. Кн. Анастасия Михайловна, супруга Мекленбург-Шверинского герцога Фридриха Франца III. Домашняя церковь Трипе-Скрипицыной

не могла уже вместить всех желающих.

В 1893 г. духовник Вел. Кн. Анастасии Михайловны, протоиерей о. Григорий Остроумов обратился к проживавшему в Канне Вел. Кн. Михаилу Михайловичу с просьбой о содействии в постройке церкви. Великий Князь охотно отозвался на это предложение. Был составлен строительный комитет под его председательством (кн. С. М. Голицын, кн. Ю. Д. Урусов, К. С. Сильванский, Ф. П. Чихачев, С. М. Волков, А. Г. Кузнецов), сделаны крупные вклады, даны обязательства в течение 10 лет делать взносы на содержание храма. А. Ф. Триппе-Скрипицына предложила в дар большой участок земли в одном из лучших кварталов города.

В 1894 г. приступили к сбору денежных пожертвований. В том же году с благословения митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Палладия была совершена закладка храма во имя святого Архистратига Михаила.

С началом постройки стали поступать пожертвования. Великий Князь подарил позолоченные священные сосуды, напрестольный крест, перламутровый запрестольный крест, массивное Евангелие, серебряное кадило. Великий герцог Мекленбур-Шверинский принес в дар дорогие шитые золотом хоругви, семь икон, писанных на кипарисе, позолоченную с эмалью лампаду, художественной работы ажурную металлическую с позолотой дверь. Вел. Кн. Сергей Михайлович пожертвовал металлическую церковную ограду. Кн. Голицын — позолоченный ажурный крест на главу храма и две старинные иконы в киотах, Чихачевы — мраморный иконостас и иконы для него, несколько ценнейших икон, две массивные позолоченные люстры и

паникадила, семь позолоченных лампад, шитую золотом по малиновому бархату плащаницу, вызолоченную купель и другие предметы. Поступили также церковные облачения, семисвечник и т. д. В 1894 г. состоялось освящение храма при сослужении причтов Ниццского, Ментонского и греческого Марсельского. При этом присутствовал городской муниципалитет, назвавший бульвар, на котором находится храм, именем Александра III.

В 1896 г. потомственный почетный гражданин Иван Иванович Елагин построил на свои средства колокольню с семью колоколами.

В склепе под церковью нашли вечный покой многие известные люди России. Там покоятся протоиерей Григорий Остроумов и его жена. В двух нишах — прах Вел. Кн. Николая Николаевича и его жены Вел. Кн. Анастасии Николаевны. Здесь же покоится Вел. Кн. Петр Николаевич и его жена Вел. Кн. Милица Николаевна.

ПАРИЖ

ЦЕРКОВЬ СВ. БЛАГОВЕРНОГО КН. АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО. При Петре I в Париже было установлено постоянное российское представительство, но без постоянно действующей церкви и причта. 12 февраля 1816 г. последовал указ Императора Александра I об учреждении домовой церкви при миссии в Париже. С течением времени нанимаемое помещение церкви не могло вместить всех желающих и возникла необходимость постройки большого православного храма.

Крымская война не благоприятствовала этому начинанию. Правительство и Синод отказали в содействии, и настоятель протоиерей Иосиф Васильев решил создать храм на общественные средства. Первыми сделали большие вклады Император Александр II, Синод, много дали купцы и другие пожертвователи.

В 1857 г. был приобретен участок земли. Строительная комиссия обратилась к профессору Академии художеств в Петербурге Р. Кузьмину, который разработал планы храма, а строителем и наблюдателем за работами стал архитектор И. В. Штром.

В 1859 г. состоялась закладка храма, а 30 августа 1861 г. — его освящение.

Чин освящения и литургия были совершены преосвященным Леонтием епископом Ревельским, викарием Новгородского и Петербургского митрополита, в сослужении десяти прибывших из Петербурга и из-за границы священнослужителей, при четырех диаконах и шестнадцати прибывших из Петербурга иподиаконах и певчих. В храме присутствовали российский посол гр. П. Д. Киселев с чинами посольства, представитель императора Наполеона III, министр двора маршал Ж. Б. Ф. Вайан, камергер двора Ф. Башиоки и другие официальные лица.

Архитектура собора — русско-византийская, в стиле константинопольской Софии. Храм в плане крестообразный. Церковь увенчана восьмигранной башней с шатровым покрытием и позолоченной главкой с крестом. По углам поставлены четыре башни-колокольни, тоже с шатровыми покрытиями и золотыми главками с крестами. В двух передних башнях установлены колокола.

Храм построен из тесаного белого камня, пол также каменный — черные и белые плиты в шахматном порядке. На паперти перед главным входом устроено шатровое покрытие с золотой главкой и крестом. На фасаде мозаика «Благословляющий Спаситель на троне», копия древнего изображения из византийской церкви в Равенне.

Византийский стиль выдержан во внутренней архитектуре и росписи храма. Над иконами и фресками работали многие художники: А. Е. Бейдеманн, братья Сорокины, Ф. А. Бронников, Седов, А. П. Боголюбов, Шереметьев и другие. С годами собор обогатился многими иконами, драгоценными сосудами, серебряно-хрустальной плащаницей и другими дарами.

Под церковью находится помещение, которое в 1863 г. было освящено в честь св. Живоначальной Троицы. За истекшее столетие оно подвергалось ремонтам четыре раза. В 1955—1956 гг. при капитальном ремонте нижняя церковь была расписана А. А. и М. А. Бенуа.

7 июня 1867 г. в храме побывал Император Александр II с Императрицей Марией Александровной и Цесаревичем Александром Александровичем по поводу избавления от покушения на их жизнь 6 июня; здесь молились Николай II с супругой 6 октября 1896 г. Здесь отпевали И. С. Тургенева (1883), Ф. И. Шаляпина (1938), П. Б. Струве (1944), В. В. Кандинского (1944), И. С. Шмелева (1950), И. А. Бунина (1953) и многих служилых и ратных людей, нашедших вечный покой на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа.

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ ДЕ БУА. ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ. С 1927 г. на городском кладбище в Сент-Женевьев де Буа стали появляться православные могилы. Английская подданная Доротея Паже купила старый особняк в городе и по инициативе кн. В. К. Мещерской предоставила его престарелым русским. Умерших хоронили на городском кладбище. Так образовалось Русское кладбище. Здесь много братских могил, на памятниках можно найти имена многих выдающихся русских людей: философов, писателей, ученых, художников, артистов и общественных деятелей.

Прикладбищенская церковь Успения Божией Матери находится на земле, принадлежащей епархиальному управлению Западной русской православной церкви. В 1937 г. силами русской эмиграции и ее друзей во Франции был создан комитет. Он быстро нашел средства для постройки храма. Проект был разработан архитектором А. А. Бенуа. 14 октября 1939 г. церковь была торжественно освящена митрополитом Евлогием.

Над входом роспись — Успение Пресвятыя Богородицы (восстановлена матушкой Елизаветой Озолиной). На правой и левой стороне — Архангел Гавриил и Архангел Михаил. Двухъярусный иконостас работы иконописцев Федорова и кн. Львовой отделяет алтарь от нефа. В центральной апсиде роспись «Бог в Силах». Над престолом, в центральном апсидном полукуполе — роспись «Сошествие во ад или Воскресение». В северной апсиде — жертвенник. Над ним, в полукуполе, — роспись «Преображение Господне». В южной апсиде — ризница, на ее полукупольном перекрытии роспись «Вознесение Господне». Все эти росписи выполнил А. А. Бенуа. На

западной стене храма росписи работы иконописца Г. В. Морозова.

В храме много икон — памяти погибших воинов, полковых, семейных, завещанных церкви.

В крипте покоится прах митрополитов Евлогия и Владимира, архиепископа Георгия, епископов Иоанна, Кассиана, Мефодия, Александра, протоиерея Алексея. Там же похоронены зодчий храма Альберт Бенуа, его жена и помощница Маргарита Александровна, мать Серафима, граф и графиня Коковцовы, графиня Малевская-Малевич.

Направо от входной аллеи, немного в стороне от храма — белая звонница с шестью колоколами.

МУРМЕЛОН. В 1916—1917 гг. недалеко от Вердена сражался с немцами Русский экспедиционный корпус под командой генерала Н. А. Лохвицкого (1868—1932). В четырех километрах от г. Мурмелон находится кладбище, где похоронены 908 русских воинов. Здесь же стоят 36 крестов над могилами советских солдат, погибших во Франции во время войны 1941—1945 гг.

В 1917 г. чины 2-го Особого полка возвели в лесу напротив кладбища памятник павшим товарищам с надписью: «Дети Франции! Когда враг будет побежден и вы сможете свободно собирать цветы на этих полях, вспомните про ваших русских друзей и принесите нам цветов».

На двух других сторонах памятника высечены по-русски и по-французски слова: «Здесь

покоятся русские герои 2-го Особого Пехотного полка, павшие в боях и на разведках на секторах Д и Ц».

В 1936—1937 гг. рядом с кладбищем была построена мемориальная церковь по проекту архитектора А. Бенуа. Супруги Бенуа расписали храм. Французское правительство взяло на себя заботу о кладбище и церкви.

ШВЕЙЦАРИЯ

ЖЕНЕВА. ЦЕРКОВЬ ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. Первая православная церковь в Швейцарии была основана в Берне в декабре 1816 г. В ноябре 1854 г. ее перевели в Женеву, где в 1862 г. муниципалитет выделил участок для возведения храма.

Благодаря усилиям протоиерея Р. П. Петрова сбор средств для постройки храма продвигался очень успешно. Основной план церкви наметила Вел. Кн. Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская. Разработал план профессор архитектуры Д. И. Гримм.

Церковь была заложена в 1863 г. в присутствии герцогов Лейхтенбергских Сергея и Георгия Максимилиановичей, принца Николая Ольденбургского, русского посла В. П. Озерова, представителя Государственного совета в Женеве М. Вотье и многочисленной публики. В 1866 г. храм освящен архиереями Иосифом Васильевым из Парижа, Афанасием Петровым из Женевы и Василием Полежаевым из Ниццы.

Церковь имеет девять куполов: пять над центральной частью, три над апсидами алтаря и один над колокольней. Иконостас работы скульптора Хенебергера выполнен из белого каррарского мрамора. Царские врата изготовлены из резного кипарисового дерева и позолочены (работа художника Рубио). Иконы в иконостасе написаны художником Кошелевым.

Отдельно в обрамлениях белого мрамора на постаментах стоит несколько икон. Одна из них — Богородица с Христом, подарок скита св. Андрея на Афоне. Все мраморные обрамления подарены кн. Сергеем и кн. Анной Голициными.

ВЕВЕ. ЦЕРКОВЬ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ. Построил этот храм граф Петр Андреевич Шувалов, дипломат, представитель России на Берлинском конгрессе, в память дочери Варвары Петровны Орловой, скончавшейся в 1872 г. Церковь была освящена в 1878 г.

Церковь однокупольная, над основным ее корпусом возвышается куб с окнами, украшенный резными столбиками и арками. Выше помещен куб размером поменьше, переходящий в двухъярусные кокошники, служащие основанием барабана с куполом. Барабан украшен столбиками, пролеты между столбиками застеклены.

Стены церкви украшены крестами. С улицы к паперти ведет крытый ход с каменными воротами.

Публикация С. Н. ЗАБЕЛИНА

ОТ РЕДАКЦИИ

Редколлегия альманаха Российский Архив благодарит Святослава Николаевича Забелина за подвижнический труд, им предпринятый — историческое описание и фотовоспроизведение русских церквей в Европе.

С. Н. Забелин родился в 1929 г. в Югославии в семье офицера белой армии и учительницы. Получил архитектурное образование. Живет в Сан-Франциско, где возглавляет Военный музей, вокруг которого объединяются зарубежные соотечественники, интересующиеся своей и нашей историей.

Мы предлагаем читателям сокращенный вариант его работы, избранные места, больше

мы предлагаем читателям сокращенный вариант его работы: избранные черно-белые фотографии (в оригинале все они сделаны в цвете). Надеемся, что в России этот уникальный альбом будет издан полностью и в цвете.

А. С. Уваров. Русская символика

Уваров А. С. Русская символика / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Я. Э. Зелениной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 603—670. — [Т.] IX.

Граф Алексей Сергеевич Уваров (1825—1884), известный археолог, собиратель древностей, основатель Московского археологического общества (МАО) и Исторического музея, большую часть жизни посвятил изучению христианской изобразительной символики. Работа над задуманной в 50-е годы XIX в. книгой «Христианская символика» продолжалась до последних дней, но, к сожалению, не была завершена.

Прижизненные публикации материалов по символике осуществлялись, в основном, в изданиях МАО — «Древностях», «Археологическом Вестнике»*. Отрывки из «Символики» появились в 60-е годы**. Наряду с фрагментами этого труда среди статей и заметок Уварова встречаются исследования отдельных иконографических сюжетов и образов, в которых автор раскрывает установленные им правила символики***. Так как символическая сторона произведения представляла для Уварова наибольший интерес, трудно провести четкую грань между материалами, непосредственно относящимися к «Христианской символике», и многочисленными научными работами графа.

После смерти мужа Прасковья Сергеевна Уварова опубликовала «Византийский альбом», «Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова» (в частности, раздел «Иконы на досках», написанный самим Уваровым, и иллюстрации к нему), а также, составившие «Сборник мелких трудов», статьи, заметки, описания материалов, собранных во время поездок по странам и занятий в библиотеках****.

Традиция изучения христианской символики в России восходит к началу XIX в., к первым исследованиям в области «церковной археологии», посвященным в основном объяснению символики храма и богослужения*****. В середине и во второй половине XIX в. были опубликованы научные труды по византийскому и древнерусскому искусству и литературе, в которых затрагивались отдельные вопросы, связанные с символикой. О некоторых символических сюжетах и образах русского фольклора писал Ф. И. Буслаев******, Н. П. Кондаков анализировал символические значения изображений животных и упоминал о других видах символики, например, об исторических аллегориях*. Однако в большинстве своем эти подходы к символике имели односторонний характер. Ясных и определенных правил, которым подчинялась эта наука, известно не было; не было и научного метода, пригодного для исследования символических изображений.

Граф Алексей Сергеевич Уваров

В отличие от своих коллег Уваров попытался на основании письменных источников и археологических данных выявить и объяснить общие закономерности символики христианского искусства и дать ее систематическое изложение. По крупицам собирая сведения о символике, он с особым вниманием относился к каждому новому изображению, а покупая для коллекции домашнего музея в Поречье иконы и рукописи, отдавал предпочтение памятникам символического характера. Несмотря на разнообразие форм и национальные особенности, символика в понимании Уварова представляла целостную систему традиционных образов и выразительных средств, аналогичную палитре красок в руках художника и вмещавшую в себя все многообразие представлений о видимом и невидимом мирах. Огромная эрудиция автора, систематический характер исследования, обещавшего вырасти в фундаментальную

энциклопедию христианской символики, обилие и разнообразие источников готовили ему исключительное место в русской науке.

В последние годы жизни Уваров продолжал работать над «Христианской символикой» и готовил ее к печати. Научная ценность труда была столь очевидной, что многие ученые и после смерти автора интересовались этим сочинением и ждали его издания**.

В 1904 г. графиня Уварова предложила Д. В. Айналову и Е. К. Редину опубликовать эти материалы, и в 1908 г. вышел первый том «Христианской символики», посвященный надписям и изображениям раннехристианского периода***. В предисловии редакторов говорилось, что «количество надписей, текстов и различных памятников, использованных автором в первой части, никогда в таком виде и объеме не появлялось на русском языке, причем вся сложная ученая западная литература, современная Графу и более ранняя, привлечена для объяснения затронутого материала»*. Придерживаясь установленного в европейской науке «принципа тайны» (disciplinae arcani), состоящего «в том, что в каждом отдельном изображении и знаке... усматривается скрытое изображение догмата», Уваров в то же время привносит в исследование раннехристианской символики «историческое воззрение», обращенное к античным и восточным истокам символизма**. Стремясь с наибольшей полнотой представить известные в то время письменные и художественные отечественные памятники символического характера и проследить влияние византийских и западных традиций на Руси, во второй, до сих пор неизданной части «Русской символики» Уваров применяет сравнительно-исторический метод.

Из предисловия редакторов к первому тому «Христианской символики» можно восстановить структуру второй части — «Русской символики»: общее теоретическое «Введение в Русскую символику» включает «ряд штудий культурно-исторического характера и в основе своей покоится на изучении фантастических представлений о животных, птицах, рыбах, змеях, драгоценных камнях, деревьях по литературным источникам и памятникам искусства»***.

Центральную часть занимает «Символический словарь», состоящий из «отдельных, вполне законченных, иногда с пропусками для дополнений, монографий по средневековой и русской народной и книжной, естественной и натуральной истории...»****. В третьей части объединены тексты и рисунки различных бестиариев и физиологов, документально подтверждающие теоретические положения автора, примеры и выводы. Редакторы предполагали поместить их в качестве «Приложений» ко второму тому. Для иллюстрирования всей книги Уваровым были изготовлены деревянные клише, а оттиски с них наклеены в соответствующих местах рукописи.

К сожалению, обстоятельства помешали изданию «Русской символики», почти полностью подготовленной к печати. В 1912 г. Я. И. Смирнов продолжил дело, начатое Айналовым, Рединым и Жебелевым*****. В отличие от своих предшественников, стремившихся оставить в неприкосновенности стиль языка, строй мыслей автора, дополнивших рукопись лишь самыми необходимыми цитатами, новый редактор предложил составить примечания, которые приблизили бы труд к последним научным открытиям******. Подготовка текстов затянулась, а события 1917 г. окончательно прервали издание книги.

Публикуемый отрывок — это полный текст четырех глав «Введения в Русскую символику». Рукопись «Введения» была возвращена графине Уваровой после набора в типографии. Она состоит из нескольких тонких тетрадей: слева расположен текст, а справа — большие поля, почти в половину ширины страницы. Рукопись содержит небольшое число авторских исправлений, дополнений и перестановок различных фрагментов текста. Из карандашных помет можно определить, в чем заключалось «двойное» редактирование: проверялись даты и библиографические источники, расширялся список литературы в примечаниях, уточнялись заглавия. Были исправлены стилистические неточности, обозначены абзацы и сделаны указания для типографии, каким шрифтом набирать тот или иной фрагмент. Кое-где вставлены цитаты, отсутствующие в рукописи. Так, например, одна из статей «Физиолога» — «О харадрии» была взята из издания А. Карнеева*. Наиболее существенные добавления редакторов специально

взята из издания А. Кирпичева. Наиболее существенные добавления редакторов специально оговаривались или помещались в примечаниях.

Материалы второго тома частично сохранились в архивном фонде Уварова в ОПИ ГИМ (Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 244, 245, 287) и в личном фонде Смирнова в ИИМК РАН (Ф. 11. Ед. хр. 87—93).

В фонде Смирнова хранятся исправленные корректуры «Введения», которые легли в основу данной публикации. При публикации учтены все стилистические и грамматические исправления редакторов, наиболее значительные их дополнения приведены в квадратных скобках. Текст воспроизводится в соответствии с правилами современного правописания с сохранением особенностей стиля автора.

Перевод с греческого и латинского выполнен А. И. Солоповым и приведен непосредственно в тексте в угловатых скобках. Авторские и редакторские примечания вынесены в конец текста.

В процессе подготовки публикации в фондах Уварова (Ед. Хр. 245) и Смирнова (Ед. Хр. 89, 90, 92, 93) выявлены иллюстрации, относящиеся к тексту «Введения». Ссылки на некоторые из них были сделаны в тексте, вероятно, Смирновым. В данной публикации иллюстрации пронумерованы нами и выделены курсивом.

РУССКАЯ СИМВОЛИКА

(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ1)

Je ne donne pas cet avis comme bon, mais comme mien.

Montaigne

Важность символики для Русской археологии. Происхождение из Византии и Скандинавии.

I. Состояние Греции; состояние символики. II. Состояние Скандинавии; состояние символики.

III. Русские источники символики; письменные, вещественные. Словарь символический.

I

Сближение с Грецией, тесное сношение, вера и иерархия. Процветание Греции; что мы в ней находим: любовь к диспутам, уважение к древней учености, символика — уже наука и составилась: как? что получила от языческого мира? что получила от Отцов Церкви? Расцвет в Физиологе, переводы на простонародный язык. Греческие книги, переведенные по-русски: Изяславов Сборник и проч.

II

Почва подготовлена скандинавской мифологией, родна духу финских народов. Норманны приносят до XII века: что именно? сочинения, в преданиях? в памятниках?

III

Русский элемент подготовлен, сливает оба источника, составляет свою символику; доказательства, памятники.

Изучение археологических памятников требует предварительно основательного знания символики. Только посредством этой ветви археологии можно составить себе точное понятие о значении и времени самого памятника. Эта ветвь археологии не только объясняет нам значение символических изображений, покрывающих памятники, но также может отчасти указать на время, к которому они относятся.

Изъяснение символических изображений составляет самую трудную задачу не только русской, но вообще всякой археологии; для нас она становится гораздо затруднительнее по малому числу изданных памятников. А между тем эта задача необходима, потому что без нее нельзя понять ни полного значения памятника, ни определить времени, к которому он принадлежит; он теряет тогда всякую важность для истории и не может ей служить верной данною. Не все части символики будут мною исследованы. Олицетворения и вообще символика лиц, имея постоянно почти одни и те же признаки во всех странах, легко понятны для каждого любителя археологии, и кроме того настоящее их место в иконописании. Я обращу внимание читателя только на две части этой обширной науки; во-первых, на символику предметов естественных. Неясность предмета и многочисленность животных изображений на наших древностях говорят в пользу ее важности для археологии. Во втором отделе я разберу ту часть символики, которую следует, кажется, назвать символикой гражданской, потому что мы из нее почерпаем много данных для внутреннего гражданского быта России.

Начало символики животных, растений и камней лежит в естественной истории и в познаниях о ней древних. Оттого необходимо бросить взгляд на те сведения, которые встречаются у греков и у римлян; на тех писателей, которые положили основание естественной истории, и на то положение, в котором эта наука дошла до нас. Достигнув в древнем мире весьма замечательной степени развития и обработки, она дошла до нас почти одновременно, но с двух совершенно противоположных сторон, с юга и с севера, чрез Византию и чрез Скандинавию. Наука эта, дошедши до Древней Руси, не была уже в первоначальной своей чистоте; это не была одна наука о естественной истории, а к ней уже примешивались начатки символизма, и оттого она принесла с собою черты отличительные, свойственные тем народам, между которыми она развивалась. Из Византии мы ее получили с византийским отпечатком, а из Скандинавии — со скандинавским отпечатком. Оттого с самого же начала наука о естественной истории, и тесно с нею связанная символика, хотя составляла одно целое, почти нераздельное, [но имела двойственный характер].

Читая наши летописи, где описана, так сказать, одна физическая часть исторической жизни нашего прошедшего, где обращено внимание только на материальные происшествия, забывая, что касается до развития самого ума, до развития духовной жизненности страны, невольно смотришь на нашу Русь и на ее жителей, как на отживших людей, почти неразумных орудий начальников, исполняющих цель, умирающих и убиваемых за эту цель, которой они не знали, не понимали. Невольно из подобных источников дойдешь до мысли, что вся духовная жизнь была ничтожна, даже совершенно отсутствовала, и что она была заменена и порабощена физическими происшествиями. Письменные памятники наши показывают нам, как умирали за какого-то князька, искавшего отцовский стол, и тому подобное, но не показывают нам, какую степень развития имел этот умирающий народ; понимал ли он что-нибудь другое, кроме материальной части жизни, чем наслаждался, чем развлекалась его душа при физических несчастиях, при физических бедствиях. Чтобы сообщить подобные сведения, летописи должны были быть написаны не простыми, добросовестными монахами, не понимающими в жизни государства ничего другого, кроме видимых происшествий; односторонне описывающие борьбу князей между собою, они полагали добросовестно, что описывают историю страны. Впрочем, этот упрек может быть несправедливым, потому что монах в своей келье писал летопись, а не историю. Археологические памятники могут пополнить этот недостаток. На них мы не найдем подробных сведений о битвах и ссорах за столы и города, но иногда почти незаметный знак, или, по-видимому, незамечательное изображение покажут нам, чему верили в древние времена, какие предания сохранились в народе, каким образом народ получил и принял предание, рожденное или на Севере в Скандинавии, или на Востоке. Я говорю здесь о народе потому, что эти памятники должны были иметь общую, всенародную ясность. Они были достоянием всех и не были исключительной собственностью малого, выбранного числа людей, как стол и города России.

Символические памятники важны также, потому что они указывают на понятия, на мысли отвлеченные, уже существовавшие у нас, уже понятные для ума, хотя из письменных памятников; доселе изданных, мы не видим их существования, т. е. что мы их не находим писанными, письменно выраженными. Памятники вещественные предшествуют тут памятникам

писанными, письменно выраженными. Памятники вещественные предшествуют тут памятникам письменным.

Когда сознали недостаточность летописей для уразумения духа эпохи, тогда обратились к (иным) письменным памятникам. В народной поэзии, в житиях, в сказаниях нашли такие подробности, которые живо обрисовывают мысли народа и степень его развития. Обратившись к таким памятникам письменности, упустили из виду другой материал, почти одинаково важный для истории; я говорю о памятниках вещественных. Они, как письменные памятники, одинаково отражают на себе умственное настроение времени, в какое были созданы. Основательное их изучение показывает ясно, на какой степени развития стояли русские, когда могли составить такой памятник. На таком памятнике, когда вы находите изображения, заимствованные из греческих сочинений, вы неоспоримо должны заключить, что или художник сам имеет понятие о византийской письменности, или что те, которые ему заказали этот памятник и при исполнении руководствовали художника, были не чужды византийского просвещения. И в том и другом случае можно сказать, что в эту эпоху читали в России греческие книги в подлиннике или в переводе. Так на памятнике архитектуры, живописи или ваяния, когда встречается исполнение правил византийской символики, надо полагать, что архитектор, иконописец или ваятель изучили источники этой символики. То же самое можно сказать о характере или стиле памятника. Оттого для знатока достаточен общий взгляд на памятник, без подробного даже его изучения, для приблизительного определения его эпохи. Эти оттенки, отличительные для каждой эпохи, образуются от отражения на памятнике современного ему направления и развития народа. Все, что поражает глубоко мысль, оставляет следы на художественных произведениях. Таким образом мы видим с самого начала на русских памятниках византийский характер, как последствие политического сближения с Византией. При монголах начинает примешиваться восточный оттенок, а потом, когда появились частные сношения с Западом, то появились у нас следы западного, или фряжского, стиля.

Неоспоримое влияние политических происшествий на художества в России, и столь же неоспоримое влияние произведений словесности можно подтвердить замечательными памятниками русского иконописания.

ГЛАВА I

Византийское влияние на Древнюю Русь. Происхождение византийской символики из сведений древнего мира о естественной истории и мифологии. Аристотель и точность его сведений. Преемники Аристотеля допускают в естественную историю сведения баснословные. Баснословные предания расширяют границы символики. Перерождение языческой символик в христианскую. В христианстве находится расположение к символизму. Первые толкователи на Книгу Бытия: Шестоднев. Страсть к символизму сильно развивается. Способ толкования символических предметов. Сочинения символические: физиологи. Состояние Греции при крещении Руси. Греки принесли в Русь свою символику и свои книги. Письменные источники византийской символики, переведенные на Руси: 1) Книги Священного Писания; 2) Физиологи; 3) Ключ (?? ??????) Мелитона Сардийского (около 170 по Р. Х.); 4) Физиолог Епифания Кипрского († 403 по Р. Х.); 5) Его же сочинение о 12 камнях; 6) Сборник Дамаскина Студита (XVI век); 7) Физиологические статьи Максима Грека (XVI век); 8) Стефанит и Ихнилат; 9) История Варлаама и Иоасафа; 10) Книги, приписанные Соломону, и повести о нем: книги магические, Противоречия царя Соломона, повести о Соломоне и Китоврасе; И) Сочинения Георгия Писиды (VII в.); 12) Христианская топография Козьмы Индикоплова (VI в.); 13) Сочинения по естественной истории; 14) Жития святых; 15) Сборники с физиологическими статьями; 16) Книги толковые.

Постоянные сношения Руси с Византией в IX веке в следующем столетии перешли в тесную связь между обеими странами. Приняв веру от греков, Русь совершенно подчинилась греческому влиянию. Византия владычествовала над нами не одной иерархией духовенства, но, в особенности, просвещением. Бороться против этого влияния, противодействовать ему было невозможно, потому что это было следствием влияния просвещенной страны на варварскую. И

невозможно, потому что это было следствием влияния просвещенной страны на варварскую, и какой просвещенной страны, Византии, т. е. единственной страны, в которой сосредоточивалось все просвещение древнего мира. Первым последствием и неоспоримым доказательством этого влияния было быстрое распространение христианской веры. Русь так скоро прониклась цивилизацией греческой, что, спустя только несколько лет после крещения Киева, мы видим греческое влияние во всех отраслях нашей народной жизни.

Греческое духовенство не довольствовалось одним устройством Церкви; оно принесло с собой не только кресты и иконы, но также и всю свою просвещенность. Осязательное влияние на смягчение законов и нравов было столь же осязательно и в устройстве школ для обучения народа. Летописи русские до самого нашествия монголов сохраняют признак этого влияния в своем византийско-славянском характере: на каждой странице упоминают они о Византии. С этих пор и на весьма долгое время, почти до самого XIV столетия, Русь причисляется к греческим епархиям, делается как бы провинцией Восточной Империи.

Это слияние Руси с Византией имело самое полезное влияние на просвещение нашего отечества; только этим путем могло оно дойти до того развития, которое сделало из него до самого XII столетия страну, самую образованную во всей Европе после Византии. Это мнение мое требует доказательств, которые я намерен изложить в истории русской археологии. Тогда мне надо будет показать византийское влияние во всей его обширности. Но тут, занимаясь только историей русской символики, мне преимущественное внимание надо обратить на состояние символики между науками византийского мира. Я говорю: между науками, потому, что символика в X веке не представлялась уже в виде разбросанных начатков, но в виде стройной науки.

Для полного своего развития византийская символика потребовала не только десятивековое существование христианского мира, но еще и весь запас сведений, оставленный ей в наследство языческим миром. Византийская символика со своим ярким отпечатком христианского учения не гнушалась этого наследства, а напротив, приняла его, но переделала его по требованию времени.

Эта переделка окончилась образованием точной и стройной науки — символики, которая перешла к нам и слилась с русским духом. Чтобы понять, отчего это влияние сделалось таким тесным, что мы стали считать его нашим достоянием, забыв чуждое его происхождение, надо изучить само происхождение византийской символики. Приняв веру от греков, мы тем легче должны были принять их символику, что части, из которых она составилась, были освящены преданием Церкви и писанием Отцов Церкви.

Первые основания византийской символики лежат в познаниях древнего греческого мира о естественной истории, а первое место между древними писателями по этой науке принадлежит Аристотелю. Он создал, так сказать, науку естественной истории и этим самым доставил первые материалы для символики. Его «История зверей»2, ????? ????? ??????????, в девяти книгах, показывающая всю обширность материала, которым он пользовался, удивляет нас еще более выводами, до которых он дошел. Составив нечто вроде всеобщей анатомии животных, он с замечательной для того времени точностью положил основание главнейшим разрядам или семействам. Эта отчетливость, побуждающая нас предполагать, что Аристотель имел перед глазами описываемых им зверей, хотя они принадлежали отчасти к отдаленнейшим странам, как, например, к Индии или Персии, удалила, по возможности, из его истории все, что не принадлежало прямо к науке или же носило слишком явный признак басни. Оттого также он избегал всякого отвлеченного приложения описываемых им предметов, т. е. всякого символического их значения. Его «История зверей» содержит одни описания животных, т. е. лишь материалы для будущей символики.

Самой символики касается другое сочинение, приписываемое Аристотелю, — трактат о физиогномии, ??????????????. Тут прямо говорится, что внутренние свойства и качества животных отражаются в их внешнем виде и придают известным органам особое развитие. Проследив эту мысль, автор доходит до убеждения, что сходство между этими органами у животных с подобными же органами у человека допускает предположение сходства и между характерами их

подобными же органами у человека допускает предположение сходства и между характерами их.

Та же самая идея встречается также и у Платона; она довольно подробно изложена им в Федоне и в Тимее. Он говорит, что душа человеческая по смерти переселяется в то именно животное, на которое человек при жизни походил по характеру; так, например, обжоры обращаются в ослов, тираны — в волков, ястребов и коршунов; убийцы — в хищных животных; развратники — в свиней и вепрей; ветренники — в птиц, а лентяи — в рыб. От сходства между характерами людей и животных должно прямо перейти к символическому отношению между ними: так что мнение (псевдо-) Аристотеля о сходстве характеров по сходству известных органов имело прямым, логическим выводом принятие этих животных за символические олицетворения или самих людей, или одних отличительных признаков их характера.

Преемники Аристотеля, не последовав его примеру в отчетливости описаний и в строгости критического его взгляда, открыли этим недостатком для символики новый и богатый источник. Феофраст (IV—III век до Р. Х.) и другие писатели греческие и латинские, о которых упоминает и которыми пользовался для своей «Naturalis Historia» («Естественной истории») (77 г. по Р. Х.) Плиний, между фактами положительными помещают много баснословного. Чудесные рассказы Ктесия3 о зверях Индии часто ими предпочитаются точным и ученым описаниям Аристотеля.

Допустив раз в естественную историю баснословный элемент, символика могла неограниченно пользоваться этим неисчерпаемым источником; но в самом богатстве его находилась явная опасность. Из многочисленности басен и мифов древнего мира можно было создать много новых соображений и весьма много остроумных соображений для символизма, но также в противоречиях, встречаемых в сближении древних мифов между собой, можно было, вместо ясного определения описаний символики, перейти к затемнению прежде уже приобретенных ею данных. Слишком богатый материал мифов мог многочисленностью уничтожить прежнюю ясность символических понятий и увеличить шаткость ее оснований. Этому обстоятельству отчасти помешало постепенное развитие естественной истории. Хотя в сочинениях этого времени к истинному примешивалось много баснословного, но принятый раз символизм известных предметов сохранился почти без изменений. К этим сочинениям принадлежат: две поэмы с именем Оппиана: одна о рыбной ловле (???????????), другая об охоте (???????????)4, «Об особенности зверей» Клавдия Элиана5, «Polyhistor» К. Юлия Солина, — род сборника сведений о естественной истории. Все эти труды не помешали бы символике сделаться наукой еще более шаткой в своих основаниях, если бы теперь не подошло для нее время совершенного перерождения под пером христианских писателей.

Учение христианское, родившееся в Иудее, принесло с собой новый элемент для символики. Этот элемент состоит из книг Ветхого и Нового Заветов. Книги Священного Писания, изложенные на Востоке в духе народном, изобилуют сравнениями и символизмом. Не перечисляя примеров из книг Ветхого Завета, мы видим, как сам Христос посредством сравнения объясняет нам то полное доверие, которое мы должны иметь к Богу: «Смотрите крин сельных, како растут: не труждаются, ни прядут; глаголю же вам, яко ни Соломон во всей славе своей облечеся, яко един от сих» (Матфей 6, 28; Лука 12, 27). Примеры символизма столь же многочисленны; и все эти примеры сделались твердыми основаниями христианской символики. И тем более твердыми, что никто из духовных писателей не мог отступать от данного им символического смысла, и книги Священного Писания употреблялись как необходимое руководство. Символика потеряла всю свою шаткость и начала развиваться как стройная наука. Хотя эти основания символики, разбросанные по книгам Священного Писания, не слишком многочисленны, но они важны для христианской символики в особенности тем, что заимствованы из преданий Востока, из поверий народных, встречаемых также и у древних писателей языческого мира, так что при перерождении символики в христианскую науку ей не надо было отвергать все то, что вошло в ее состав до принятия новой веры.

Весь запас ученых сведений древнего мира мог перейти в новую науку. Сами предтавители древней учености остались в христианской Церкви на прежней степени уважения. Греческая Церковь не могла отвергнуть свою прежнюю славу6.

Церковь не могла отвергнуть свою прежнюю славу6.

Следствием этого отношения Церкви к наукам и учености древнего мира было сохранение древней символики и утверждение ее на положительных данных книг Священного Писания. Между этими данными также встречаются отголоски басен и преданий Востока. Между самими именами животных, упоминаемых в книгах Ветхого Завета, попадаются имена некоторых, чисто баснословных, животных (левиафан, единорог, мраволев, онокентавры, сирены Я пр.). Присутствие их в книгах Ветхого Завета неудивительно и легко объясняется отчасти неточностью перевода, отчасти также повсеместным распространением сказок, перешедших из сочинений древних писателей в народное суеверие. При грубом состоянии, в котором долго находилась естественная история, подобные неточности были неизбежны. Сверх того, многие ученые доказали, каким образом, переводя еврейский текст на греческий или латинский языки, переводчики вводимы были в заблуждение или созвучием, или сходством некоторых имен7. Эти маловажные неточности перевода в предметах совершенно второстепенных не могли никого озаботить, тем более, что тут естественная история совершенно исчезает, а на месте ее стоит один символизм. Звери, растения, камни, упоминаемые в книгах Ветхого и Нового Завета, не приводятся писателями как предметы естественной истории, а служат только для живого, картинного, как бы осязательного способа к ясному объяснению идей и понятий отвлеченных. Для Церкви и для писателей церковных главное было чистота веры, а не ученая точность сведений, приводимых из естественной истории; не их была обязанность подвергать эти сведения строгой критике или дорожить отчетливой верностью описаний каких-нибудь животных. Бл. Августин ясно выразил эту идею, сказав, что для духовного писателя важно обращать внимание на значение факта, а не толковать об его правдоподобии8. Эти звери, птицы, растения, каменья были только орудия, служащие к изъяснению, а главная цель была ясность мысли.

Христианская вера, явившаяся в греческий мир с восточным отпечатком, еще в полной чистоте своей, должна была поразить, а потом преобразовать дух греческого народа. Мистическое направление иудейства выразилось в символизме. Первые почти труды церковных писателей носят, по предмету своему, следы этого символизма и зародыш христианской символики.

Первый вопрос, поражающий новообращенные народы, был сотворение мира; библейское решение этого вопроса совершенно изменяло вековые понятия, почерпнутые в разных мифологиях. Оттого со второго уже столетия мы видим, что церковные писатели обращают особенное внимание на объяснение первых глав Книги Бытия; начинается целый ряд толкований на библейский рассказ о сотворении мира, которые известны под именем шестодневов (‘??????????). Мы имеем: отрывки толкований св. Папия, епископа Иерапольского (во Фригии), св. Иустина и св. Феофила Антиохийского.

Блаженный Иероним и Евсевий упоминают о совершенно подобных трудах Кандида, Аппиона, Родона, ученика Татиана и Максима. От писателей александрийской школы сохранились: Шестоднев Пантена, Оригена, св. Климента, св. Дионисия, св. Кирилла и, наконец, св. Василия Великого, епископа Кесарийского. Труд св. Евстафия, епископа Антиохийского, облеченный в менее блистательную форму, чем Шестоднев св. Василия, отличается особенным знанием естественной истории и подробностями, придающими ему важное место в этой науке. Из западных писателей Тертуллиан, Лактанций (de opificio Dei), Арновий, бл. Августин и св. Амвросий Медиоланский оставили подобные толкования.

Во всех этих сочинениях церковные писатели не могли довольствоваться для своей наставительной цели исследованиями в духе естественной истории. Это направление уменьшило бы значение их труда и не соответствовало их видам. Им необходимо было, кроме стороны чисто природной, обратить внимание своих слушателей в особенности на сторону духовную. Оттого каждый предмет является им с двумя значениями: одно — настоящее, естественное, а другое — переносное, отвлеченное, символическое.

Толкуя Книгу Бытия и Священное Писание в этом направлении, они шли все далее и далее и, наконец, дошли до того, что всякий предмет сделался для них символическим изображением

наконец, дошли до того, что всякий предмет сделался для них символическим изображением отвлеченной идеи. Эта страсть к символизму и к аллегории так рано развилась, что уже св. Василий Великий отзывается о ней с какою-то насмешкой. «Известны мне, — говорит он, — правила иносказаний, хотя не сам я изобрел их, но нашел в сочинениях других. По сим правилам иные, принимая написанное не в употребительном смысле, воду называют не водою, но каким-то другим веществом, и растению и рыбе дают значение по своему усмотрению, даже бытие гадов и зверей объясняют сообразно со своими понятиями, подобно как и снотолкователи виденному в сонных мечтаниях дают толкования, согласные с собственным их намерением»9. Иносказания и символизм, так далеко доведенные при Василии Великом, дошли в следующих столетиях еще до обширнейших размеров. Не довольствовались во всяком предмете, поименованном в Св. Писании, отыскивать одно переносное его значение. Рабан Мавр (Rabanus Maurus) в IX веке утверждал, что в каждом месте Священного Писания кроются четыре различные значения: историческое, аллегорическое, анагогическое и тропологическое10.

Эта крайность, до которой доходила страсть к символизму, не могла не послужить к развитию самой науки. Она помогла расширить границы символики, но вместе с тем угрожала и погубить своей обширностью ее точность. Каждый толкователь, отыскивая многие значения в одном слове, в одной мысли, мог пренебречь твердыми основаниями, на которых поставлена была христианская символика. В этом опасном положении символика спаслась тем, что толкователи, не довольствуясь отыскиванием символизма в книгах Священного Писания, перешли к сочинениям или к трактатам чисто символическим.

Оставив книги Ветхого и Нового Завета с их положительными данными о символике, писатели, увлекающиеся духом времени, начали сочинять особые книги о символике. Это отвлечение умов от страсти подвергать каждое слово Св. Писания умственному четвертованию спасло ясность и точность символики и открыло ей новый, богатый источник. Почти в одно время с толкованиями на Книгу Бытия распространилось сочинение, хотя гораздо низшего достоинства, но все-таки весьма замечательное, как приложение современных тогда познаний из естественной истории к символике. В шестодневах сочинитель мимоходом касался символики, тут, напротив, она была единственной его целью и обнимала все части его труда. Естественная история отступает на второй план и служит автору только поводом к развитию его символических соображений. Эти сочинения известны под именем Физиолога (???????????).

Приложение этого способа толкования к предметам природы для отыскивания символического их значения образовало особую науку «физиологию» (???????????) о природных свойствах (???????) животных, птиц, камней и т. п. и о соответствии их тем или иным истинам христианства, т. е. естественноисторическую христианскую символику.

Физиологи начали распространяться так рано и, будучи выражением духа времени, так скоро, что, несмотря на старания многих ученых11, доселе нельзя положительно определить имя автора первого Физиолога. Хотя это имя остается неизвестным, но мы знаем, вследствие всех этих прений, что Физиолог появился уже во II веке и, по всем вероятиям, был плодом Востока. Мы обязаны этим открытием кардиналу Питре, собравшему в III томе сборника, издаваемого им под заглавием «Spicilegium Solesmense», все сочинения о символике и посвятившему целую главу исследованию о происхождении Физиолога. В Александрии начали изучать и отыскивать символическое значение мифов. Слово ?????? получило значение не вещества, но также соединяло в себе понятие о внутреннем качестве, свойстве предмета. ???????? и ??????????? назывались ученые, занимавшиеся исследованиями о таинственном, отвлеченном значении предметов природы, и оттого название ??????? дано науке, обнимающей таинственные и симпатические лекарства, амулеты и пр. Неудивительно, что вместе с этими науками в Александрийской школе процветала и символика. Она сделалась необходимым руководством для отыскивания переносного, более идеального значения в сказках древних мифологий. Оттого Питра называет Александрию колыбелью сочинений о символике, или физиологов. Они содержали понятия, заимствованные у древних языческих писателей, но переделанные для христианской символики. Татиан был первый писатель, который ввел физиологи в христианскую

науку, а Климент Александрийский первый придал самой символике характер более свойственный христианскому учению, очистив ее от всего чуждого, слишком напоминающего древнюю мифологию. Первое приложение этой символики, очищенной по духу Церкви и пересозданной в стройную науку, находится в сочинениях св. Климента Александрийского.

Из Александрийской школы стройная наука символики распространилась по всему Востоку, Африке, проникла в Грецию, а оттуда уже перешла на Запад. Чтобы удержать символику в точных границах, чтобы избегнуть всякого ложного толкования и этим повредить новосозданной науке, надо было дать писателям и художникам верное руководство. За этот труд принялся Татиан. Он переработал физиолог и сделал из него свод символических понятий, которых должны были придерживаться все, не желающие заблудиться в темных и таинственных переходах этой науки. Физиолог Татиана стал в символике на том месте, на котором в иконописании стоял подлинник; в одном содержатся правила переносных значений, в другом — правила живописи.

Наука, имеющая положительные основные правила и точное руководство, могла считаться наукой в полном развитии. До этой окончательной стройности символика давно уже была доведена, когда в X веке крестился русский народ. Весь византийский мир давно уже наполнялся сочинениями или пропитанными физиологией или написанными с целью еще более расширить круг символических руководств. Эти сочинения в X столетии были уже так многочисленны, что символика получила от них двоякий оттенок; один — чисто духовный, другой — светский. Оба эти оттенка развивались постепенно, совершенно параллельно, в сочинениях различных писателей. Духовные писатели употребляли символику как орудие к толкованию о вере и о книгах Священного Писания, писатели светские, напротив того, упуская отчасти из виду христианский характер символики, передавали по-гречески предания и сказки Востока.

Они подчинялись принятым правилам: ворон всегда оставался зловещей птицей, голубь — олицетворением добра и чистоты и т. д., но они не брали примеры своей символики из книг Священного Писания или из сочинений Отцов Церкви, а прямо из источников языческого Востока, подчиняя объяснение их утвержденным правилам. Оттого мы видим, что эти две символики, духовная и светская, с одними и теми же общими основаниями, и сочинения, хотя имеющие совершенно различное происхождение и большое несогласие в основных идеях, доходят до одних и тех же выводов в символике.

Греческое духовенство принесло к нам уже стройную символику и богатые материалы, разбросанные в многочисленных сочинениях, то оригинальных, то переводных с древнейших восточных книг. Византия, служившая средним звеном между Востоком и Западом, тем более играла эту роль для Руси, которую себе подчинила верой и цивилизацией. Но так как вера, принесенная греками, стала на первом плане, то характер духовный сделался преобладающим в символике. Она утвердилась в Церкви и завладела почти без исключения всеми памятниками, относящимися до Церкви, так что, в особенности, в них, и даже в них одних, следует искать следы византийской символики. Исследование памятников церковных неоспоримо подтверждает это мнение, которое будет подтверждено некоторыми примерами, но сперва нам следует обратить внимание на письменные памятники, принесенные к нам греческим духовенством.

Я полагаю излишним при этом случае излагать доказательства, как рано славянские переводы греческих сочинений начали появляться на Руси и способствовать к быстрому распространению греческой цивилизации. Для нас важно только заметить тут, что эти переводы, почти современные крещению Руси, с самого начала появления византийского влияния помогали распространению в народе вместе с понятиями религиозными и понятия о символике. Старания духовенства перевести книги на язык народный, общепонятный, без всякого сомнения, шли с большим успехом, судя по быстроте распространения христианства, и дальнейшие занятия русских ученых в славянской письменности наверное откроют много этих древних переводов в пергаментных рукописях первых веков нашего существования.

Не упуская из виду нашу главную цель, мы прямо перейдем к источникам византийской символики.

Первое место занимают животные12, упоминаемые в книгах Священного Писания.

Животный мир Библии

лев,

орел,

составляют

аспид,

коршун,

верблюд,

змея гиена,

ястреб,

единорог,

василиск,

ворон,

конь,

рогатая змея,

феникс,

онокентавр,

гидра,

страус,

осел,

дракон,

чайка,

лошак,

пиявка,

сова,

слон,

саранча,

пеликан,

леопард,

муха,

аист и несколько птиц

тигр,

пчела,

неопределенных,

рысь,

оса,

по незнанию точного

барс,

овод,

значения еврейских

медведь,

вошь,

названий,

волк,

блоха,

ехидна,

гиена,

муравей,

навозный жук (scarabaeus),

лисица,

муравьиный лев,

червь древоточец,

кошка,

заяц,

скорпион,

онагр,

мышь,

улитка,

олень,

крот,

лягушка,

дикая коза,

еж,

жемчуг,

каменный козел.

крокодил,

коралл,

буйвол,

хамелеон и различные

пурпурница,

единорог,

ящерицы,

кит,

вепрь,

голубь,

гиппопотам,

обезьяна,

горлица,

левиафан или крокодил,

фавн, сатир и пр.,

ласточка,

разные рыбы.

паук,

журавль,

бегемот,

рябчик,

Из растений

бык, корова и теленок,

перепел,

упоминаются

баран, овца, агнец,

петух, курица,

кедр,

козел, коза,

павлин,

пальма,

собака,

воробей,

гранатовое дерево,

свинья,

гриф,

смоковница,

мирт,

маслина,

ель,

вяз,

букс,

кипарис,

тростник,

тыква,

крин, или лилия,

роза,

фиалка.

драгоценных камней,

вделанных в ефуд

первосвященника;

те же самые

почти камни

в Апокалипсисе

(21; 11, 18, 19—20)

исчисляются в основаниях

Небесного Града;

те и другие

вместе

лигурий,

ахат,

аметист,

хрисолит,

вириллий,

онихий,

халкидон,

сардоникс,

хрисопрас,

иакинт.

Из камней

в 28 главе (17—21)

Книги Исхода

исчисляются

двенадцать

сардий (гранат),

топазий,

смарагд,

анфракс (рубин),

сапфир,

иаспис,

Из металлов

упоминаются

золото,

серебро,

медь,

железо.

Эти естественноисторические сведения, почерпнутые из книг Священного Писания, пополнялись физиологами и сочинениями духовных писателей. Я не стану здесь пересчитывать для каждого писателя особо, в чем состояли эти пополнения, потому что они будут помещены в Словаре, приложенном к этому исследованию, но разберу только те сочинения, которые написаны были нарочно для символики.

Первое место занимает Физиолог. Мы начнем с Физиолога, переделанного Епифанием Кипрским, хотя имеем отрывки из более древнего писателя Мелитона, епископа Сардийского (писал около 170 г. по Р. Х.), известного целым сочинением о символике под названием «Ключ», ?? ??????. Но так как доселе неизвестно ни одного русского списка его сочинения, то существование этого перевода на славянском языке подвергнуто еще сомнению.

Физиолог, носящий имя Епифания Кипрского13, издан еще в XVI веке под заглавием: ???????????, ?????????? ????? ???? ????????? ??????? ???? ??????? ?? ???? ???? ?????????; (Физиолог, рассказывающий о свойствах каждого из зверей и птиц), в этом издании описываются двадцать различных животных в следующем порядке:

1) Лев ?? ????? (Leo) (главы I и II),

2) Буйвол ?? ??????? (Urus) (III),

3) Слон ?? ???????? (Elephas) (IV),

4) Олень ?? ???????? (Cervus) (V),

5) Орел ?? ??????? (Aquila) (VI),

6) Коршун ?? ???? (Vultur) (VII),

7) Пеликан ?? ???????? (XV (Pelicanus) (VIII),

8) Куропатка ?? ??????? (Perdix) (IX),

9) Горлица ?? ??????? (Turtur) (X),

10) Феникс ?? ??????? (Phoenix) (XI),

11) Павлин ?? ????? (Pavo) (XII),

12) Змея ?? ?????? (Serpens) (XIII—XVI),

13) Муравей ?? ??????? (Formica) (XVII—XVIII),

14) Лисица ?? ???????? (Vulpes) (XIX),

15) Сова ?? ??????????? (nocticorax) (XX),

16) Пчела ?? ???????? (Apis) (XXI),

17) Лягушка ?? ????????????? (Rana) (XXII),

18) Харадрий ?? ?????????? (Charadrius) (XXIII),

19) Дятел ?? ???????????? (Picus) (XXIV),

20) Аист, или бусель ?? ????????? (Ciconia) (XXV).

При описании каждого животного Епифаний выводит символическое значение его качеств. Эти качества, составляющие отличительный характер каждого животного, заимствованы автором или предшественником его Татианом из писателей восточных и греческих.

Естественная история и настоящий характер каждого животного совершенно упущены из виду. Упоминаются сказки самые баснословные, но удобные для вывода символических соотношений с религиозными понятиями. Лучше всего можно понять характер Физиолога Епифания из примера. Он пишет о птице харадрии (??????????) следующее: «? халадреи. Есть убо птица глаголемая халадрей. Фисиолог сказа о нем, яко весь бел есть отнюдь черности не имея. И аще кто болит и болезнь человеку аще есть ко смерти, отвращает лице свое от болящаго халадреон, аще недуг на живот есть, тогда прилежно взирает на недужнаго халадрей и недужный нань. Толк: тако и Господь наш Иисус Христос весь бели есть ни единуж черность мира имея, нуж бо от злых погибаемых озраченье свое отвращает. Також паки в лице святых зрит. Но речеши ми, яко халадрий нечист есть и како приносим есть на лице Христово? Обаче нечиста и змия, но свидетельствоваше о нем же Христос глаголя: Яко же вознес Моисей змию во пустыни, тако вознестись подобает Сыну Человеческому»14.

В основании этого описания лежит баснословное сказание, заимствованное из истории

Александра Македонского, de proeliis (о битвах), где говорится, что Александр видел во дворце Ксеркса белых птиц, в величину голубя, которые предсказывали судьбу больных. Когда больной должен был выздороветь, то харадрий смотрел ему прямо в глаза; если же больной не мог выздороветь, то птица отворачивалась и улетала. Элиан (N. A. XVII. 13) упоминает об этой сказке, «о говорит только, что эти птицы имели лечебную силу против желтухи.

Второе физиологическое сочинение Епифания о двенадцати каменьях, бывших на ефуде Ааароновом, имеет следующее заглавие: ????? ???? ??????? ?????? (О двенадцати камнях)15. В славянском переводе оно озаглавлено: «Сказание св. Епифания Кипрского о двунадесяти каменех, иже бе на ефуде по числу двунадесяти колен израилевых» (см. Прибавление 1-е). Многочисленность списков этого сказания, встречаемых как в Святослава 1073 г. Изборнике, так и в новейших рукописях XVII века, свидетельствует об особенной любви к нему наших предков, и это расположение всего более заметно к сочинениям Епифания Кипрского. Вообще это расположение к символическим сочинениям доказывает, как символика нравилась русским и как они старались изучать ее и усвоивать себе ее правила.

Илл. 1

Другой отдел физиологических сочинений занят сборником Дамаскина Студита, относящимся уже к XVI веку (Fabricius. IX. P. 683—684)16. Часто смешивают Физиолог Епифания Кипрского с совершенно разнородным сочинением — со сборником Студита. Эта ошибка существовала не

только в древние времена, но даже и в новейшие, потому что многие, даже позднейшие, сочинения без всякого основания приписывались Дамаскину Студиту. Мы далее увидим, что это ошибочное смешение существовало не только для сочинения, но также и для самой личности сочинителя. Оттого Фабриций17 считает долгом предупредить, что Дамаскин мних, иподиакон Студит, уроженец Фессалоники, о котором упоминает иеродиакон Симеон, был совершенно другой писатель. Наш писатель назывался так: Дамаскин архиерей Студит. Наконец, были еще некоторые другие писатели, но, по-видимому, в особенности из западных, которые смешивали Дамаскина Студита со св. Иоанном Дамаскиным или св. Иоанном Златоустам и приписывали ему сочинение вроде Епифаниева Физиолога18.

Один из полнейших списков сочинения архиерея Дамаскина Студита находится в Турине, в сборнике разных богословских сочинений, писанном отчасти на пергаменте, а отчасти на бумаге, в лист (всего 96), под нумером 248-м. На первых пергаментных листах находятся изображения птиц и других животных с символическим их значением. Пазини полагает, что это сочинение подражает Физиологу св. Епифания. На 35 бумажном листе той же рукописи сочинение Студита начинается полным заглавием: ???????????, ???????????? ??????????, ???????????? ????? ???? ???????? ???? ???????? ?????????? ????? ??????? ????? ???? ????????? ???????? ???? ????? ???? ????????? ????? ???? ????? ???? ?????????? ???? ??????????? ???? ??? ???????????, т. е. «Дамаскина, Архиерея Студита, сборник, в котором собраны из книг древних философов разные сведения о птицах и о земных и морских животных, с переводом на простонародный язык». Предисловие говорит, что Студит почерпал сведения из сочинений Элиана, Филы, Аристотеля и других, и составил из них 90 глав. Все сочинение было послано, как говорилось в предисловии, автором к Михаилу Кантакузену, великому доместику19. В туринской рукописи находится 91 глава, и сочинение начинается описанием орла (вероятно, потому, что ??????? (орел) начинается первой буквой алфавита, [но отсутствует]. [О другой рукописи того же сочинения — Лев Аллаций.]

Илл. 2

Сборник Дамаскина Студита пользовался такой популярностью, что начали приписывать автору всякое сочинение, трактующее о зверях и об их символике; то же самое, как приписывали подвиги и чудные приключения Карлу Великому или Фридриху Барбароссе. Имя Дамаскина Студита в начале рукописи придавало ей как бы особый отпечаток достоверности. Оттого мы встречаем во многих библиотеках Европы рукописи, ложно приписанные этому сочинителю. На заглавии находится его имя, а содержание, между тем, совершенно различествует от его сборника.

Самый сборник Дамаскина Студита после введения начинается, как в туринском списке, описанием орла и птиц, потом земных животных и, наконец, водяных. Автор, назвав свою книгу сборником (?????????), хотел, вероятно, этим показать различие, существующее между нею и Физиологом. Первая цель у Студита — описание животных с точки зрения естественной истории. О символическом их значении если он и говорит иногда, что, впрочем, бывает весьма редко, то всегда как бы мимоходом. Стоит только сравнить любую статью из Дамаскина со статьей подобного же содержания из Физиолога, чтобы убедиться в резком их различии. Он собрал в одно целое, как сам говорит в заглавии и в предисловии, сведения о животных, разбросанные по разным сочинениям. Он включал в свою книгу без всякой критики истинное и баснословное, последнее в нем даже преобладает и доказывает, что сказки более всего его завлекали, или что в XVI веке эти сказки повсеместно были распространены и пользовались большой популярностью. Другой отличительный признак его сборника состоит в самом порядке, которому следует автор; он начинает с описания орла, между тем как Физиолог Епифания всегда начинается описанием льва. Можно с большим вероятием предположить, что Дамаскин нарочно принял порядок противоположный Епифаниеву, дабы и этим показать самостоятельность своего труда и различие его от физиологов, которые задолго до его времени повсеместно были так известны, что обратили на себя внимание папы Геласия. Сравнением двух статей мы лучше всякого описания покажем различие между этими сочинениями. Например, в описании птицы харадрия Студит распространяется о лечебном качестве внутренности этой птицы, о ее умении предвидеть

Студит распространяется о целебном качестве внутренности этой птицы, о ее умении предвидеть участь больного, но ни слова не говорит о символическом значении этой птицы. Он, по-видимому, основал свой рассказ на сказании об Александре (de proeliis) и занялся птицею харадрием, в особенности как предметом естественной истории. Напротив того, в Физиологе тотчас после описания птицы автор прямо и словами: «Sic et Christus de se ipso protestatus est» (Так и Христос свидетельствовал о самом себе) приходит к доказательству, что харадрий есть символ Христа, проповедующего иудеям.

В России сочинение Дамаскина Студита20 было очень известно и очень уважаемо, судя по многочисленности сохранившихся списков. Оно не только часто переписывалось, но также и весьма часто переводилось, так что иные переводы носят следы древности, а другие принадлежат к новейшим временам. Это разнообразие и многочисленность списков делают из сборника Дамаскина Студита один из важнейших памятников русской символики (см. Прибавление V-е, илл. 1, 2).

Сочинения символические для Руси кончаются трудом человека, глубоко ученого в богословии, Максима Грека. Хотя он написал свои статьи физиологические в России и для русских, но он так проникнут был византийским символизмом и так воспитан и развит был на основаниях греческих, что сочинение не может быть причислено к произведениям русской символики, а должно быть помещено наряду с источниками чисто византийскими.

По рассмотрении главных источников символики или сочинений физиологических, писанных исключительно для символики, нам необходимо бросить взгляд на сочинения, так сказать, побочные для символики, т. е. писанные не исключительно для символики, но содержащие в себе много данных для этой науки и, в особенности, таких данных, которые неоспоримо служили ее развитию. Я не буду тут перечислять отдельные сведения, почерпаемые символикой в каждом сочинении; их место должно быть в Словаре, приложенном к концу этого сочинения; но я в особенности обращу внимание на обширность поля, раскрытого византийской литературой для символики.

Первая заслуга этой литературы находится в принятом ею положении к Востоку. Византия служила посредником между Азией и Европой; она передала нам восточную басню и познакомила нас с животным эпосом индийской литературы. Раз нам пришлось здесь назвать животный эпос, то каждый поймет, какой новый и обильный материал внезапно явился для развития византийской символики. Он так твердо и глубоко укоренился в Византии, что является не только во многих письменных памятниках, но также и на памятниках вещественных. Этому, вероятно, способствовало и то, что идея животного эпоса не чужда была для греков, ибо они в словах Иова (12, 7—8) находили намек на первоначальную идею этого эпоса. Тот, кому советуют вопрошать животных, указывая на их ум, тот не может удивляться сочинениям, в которых эти животные являются с даром слова. В 12 главе книги Иова (7—8) сказано: «Но вопроси четвероногих, аще ти рекут, и птиц небесных, аще ти возвестят. Повеждь земли, аще ти скажет, и исповедят ти рыбы морския». Сочинения из животного эпоса составляли дидактическую часть светской литературы. Нравственное направление этого дидактизма способствовало ему распространиться во всех слоях русского общества и сделаться чтением как мирянина, так и монаха. Хотя сочинения восточной фантазии имели большой успех на Руси, но животный эпос не достиг тех размеров, как на Западе, в особенности в Германии, где, переродившись, он положил основание германскому животному эпосу. У нас он сохранился в переводах, часто переписываемых, не вошел в народную литературу, но зато завладел совершенно искусством, и многие вещественные памятники свидетельствуют о его распространении между художниками.

Из сочинений восточной литературы, переведенных на греческий язык, мы имеем:

1) Индийское сочинение «Панча-тантра»21 переведенное Барзуйе, врачом персидского царя Хозроя-Ануширвана (VI век по Р. Х.), на пегльвийский язык, под названием «Калилава-Димна» (т. е. прямодушный и лукавый), проникло в Европу посредством греческого перевода. Симеон

(от «Параклетцы» и «Кулишки»), хранимые в Церкви Возрождающего греческого перевода. Симеон Сиф перевел эту книгу по арабской редакции, около 1081 года, по воле императоров Михаила Дуки, Никифора Вотаниата и Алексея Комнина и дал ей название: ?????????? ???? ??????????, т. е. Увенчанный и Следящий. Сиф не довольствовался точным переводом: он сделал кое-где прибавки и вставил даже стихи из Гомера. С греческого языка перевели ее на славянский, и Шафарик упоминает о сербском переводе XIV или XV столетия (Wiener Jahrb. LIII. Anz. Bl. 29. № 79), но доселе нет списков русского перевода древнее XVII века.

Все сочинение состоит из притчей и из нравственных изречений. Притчи, заимствованные из животного эпоса, представляют нам животных с теми характерами, с которыми они постоянно являются в басне и в эпосе. Хотя отличительные признаки этих характеров тут, как в сочинении коренном и древнем, не получили еще того полного развития, до которого дошли впоследствии, и не выставляются еще так ярко и так типично, но главные черты верно схвачены и ясно обозначаются. Лев, как царь зверей, является олицетворением более физической, чем умственной силы: он в первый еще раз видит быка или вола и страшится его мычания. Обезьяна любит подражать; лисица не сделалась еще типом хитрости и уступает это свойство самому трусливому из животных — зайцу. Журавль хитер и лжец; еж добродушен; змея умна; черепаха (желва) и рыбы довольно глуповаты. Весьма замечательно, что некоторые из этих характеров не сходны с признаками, изложенными в Физиологе или у Дамаскина Студита; при развитии символики они получают те оттенки, которые выставлены в упомянутых символических сочинениях, и теряют отличительные признаки, которыми они обязаны животному эпосу. При разногласии влияние духовного сочинения в символике преобладает над влиянием сочинения светской литературы.

2) «История Варлаама и Иоасафа»22, или рассказ о том, как пустынник Варлаам обратил в христианство индийского царевича Иоасафа, приписывается Иоанну Дамаскину или также Иоанну Синайскому, или, наконец, Иоанну Лествичнику. Автор этого рассказа остается неизвестным, и хотя невозможно наверное его определить, но можно приблизительно указать на время, когда это сочинение могло быть написано, ибо ученый Биллий (Billius, F.-J. de Billy) указал в нем на многие места, относящиеся к спору иконоборцев. Тон всего рассказа, по преимуществу догматический, влагает в уста Варлаама, а потом и самого царевича Иоасафа ряд притчей с дидактической целью. Из описанных здесь лиц Варлаам, по свидетельству Василия Великого и Иоанна Златоустого, жил пустынником в III—IV столетии в земле Сеннаар в Азии. Европа познакомилась весьма рано с этим рассказом посредством византийского источника. На Западе он был известен уже в начале XII века23, следовательно, можно предположить, что у нас он распространился гораздо ранее, хотя доселе самый древнейший список относится к XIV веку. Вероятно, найдутся переводы южнославянские, более древние. В XIV веке этот рассказ был так известен в России, что притчи из него изображались на памятниках, как мы это увидим далее. Он находится не только в отдельных рукописях, но в прологах (19-го ноября) и в минеях.

3) Книги, писанные Соломоном, и повести о нем составляют в византийской литературе целый цикл сказаний. Многочисленность их происходит от живой памяти о Соломоне, сохранившейся в народе и украсившей его всем блеском восточной фантазии. Соломон из лица исторического сделался героем мифическим. Ему приписывают не только сказания, подвиги, но даже целые сочинения. Не говоря о книгах, написанных в подражание книгам Ветхого Завета, как, напр(имер): 18 псалмов Соломона, пять од царя Соломона и послания его к царям Египетскому и Сидонскому24, коих следы, вероятно, отыщутся в наших рукописях, нам надо перейти к более важным для символики сочинениям, а именно к книгам магическим. В них магия носит отпечаток индийского животного эпоса, и оттого они могут служить довольно изобильным материалом как для символики, так и для животного эпоса. Мудрость Соломона, восхваленная в книгах Ветхого Завета, придала ему в пылком воображении восточных народов не только обширный ум, но еще более обширную ученость, перешедшую, наконец, в какое-то всеведение и всезнание. Расширив до таких необъятных пределов власть и мудрость Соломона, народное воображение объясняло себе это чудо знанием таких тайн, которые подчинили ему и земной и духовный мир, так что власть Соломона над духами не подлежала никакому сомнению. Все восточные писатели утверждали, что Соломон очень хорошо разумел язык зверей и птиц и часто с ними беседовал25. Леонтий Константинопольский упоминает об этой власти в Слове своем на Духов день26, а

Леонтий Константинопольский упоминает об этой власти в Слове своем на Духов день26, а Никита Хониат в своей летописи рассказывает, что при императоре Мануиле Комнине был толмач Аарон Исаак, который посредством книги Соломоновой о магии вызывал духов и раздавал им приказания27. Личность Соломона при учреждении исламизма в том же самом виде перешла и во вторую главу Корана. Ему приписывали не одни трактаты о волшебстве, но также и открытие многих лечебных средств. Свида (Suidas) в своем словаре (’????????) говорит, что Езекия велел стереть книгу Соломона, написанную на дверях храма, в которой изложены были лечебные средства против всех болезней: народ не молился более Богу и в болезнях обращался к описанным тут лекарствам. Св. Иустин в книге к православным (вопрос 55) упоминает также о лечебных средствах, открытых Соломоном. Прокопий Газский (ad III Reg. IV, 33) полагает, что писатели о медицине многое почерпали в книгах Соломона о деревьях, о природе, о свойствах растений и прочее28.

Из всех этих примеров мы видим, что из мудрого Соломона предание сделало лицо мифическое, являющееся то мудрецом, то волшебником, то медиком, но, во всяком случае, имеющее силу чудотворную. Посредством этой волшебной силы он по желанию мог принимать вид любого зверя, как это подтверждается словами русской сказки: «Поити тебе со мною по земле, и царь Соломон лютым зверем догонит, а подымешь меня на пчелиныя крылья, и царь Соломон ясным соколом долетит, а в воде щукою догонит»29. Сверх того, Соломон является еще писателем книг магических, и писателем столь изобильным, что один ученый прошлого столетия счел долгом своим разуверять потомство в том, будто бы все книги, приписанные Соломону, действительно им были писаны30. Из этих книг мы упомянем здесь о самых замечательных.

Завещание Соломона — греческая рукопись в Париже, в Национальной библиотеке, № 1483 (fond Colbert)31.

Книга Соломонова престола (Gaulmin. Notes sur le livre de la Vie de Moise. Paris. 1615. II. C. 9) перепечатана Boissonade в 1838 году в Нюренберге.

Hygromantia Salomonis ad filium Roboam в одной Мюнхенской рукописи упоминается Gretzer’ом: De jure et more prohibendi libros malos. Lib. I. C. 10.

Lambecius упоминает о рукописи греческой в Вене с изложением тайн, открытых Соломоном.

Traite fort notable des proprietez des jours d’une chascune lune, extraict de la grande science du roi Solomon. 1530. В 16-ю долю.

Книга Соломона, состоящая из семи частей, в которых объяснялось, каким образом действовать, чтобы повелевать над демонами, сожжена по приказанию папы Иннокентия VI (Nicolaus Eymeric. Directorium Inquisitorium. Pars II. Quaest. 28).

В книге Альберта Великого «Зерцало Астрологии» упоминаются Соломоновы книги: Liber almadal; Liber quatuor annulorum; Liber de novem caudarus; Liber de tribus figuris spirituum; Liber de sigillis ad daemoniacos. (Книга Алмадал; Книга четырех перстней; Книга о девяти хвостарях*; Книга о трех образах духов; Книга о печатях против бесов).

Иоганн фон Триттенгейм (Trithemius. † 1516) упоминает: Clavicula Salomonis ad filium Roboam. Liber Lamene. Liber pentaculorum. De officiis spirituum.

Ключ Соломона, или Тайна тайн, самое известное сочинение, встречающееся во всех больших библиотеках и в особенности славившееся в Испании между иудеями и арабами.

Кольцо Соломона, магический трактат, в котором научаются, как заключать демонов в кольцо.

Сочинение о философском камне издал I. Rhenanus (Syntagma Harmoniae chimico-philosophicae. Francofurti. 1625. P. 309, sqq.

Толкователь снов по-еврейски напечатан в Венеции в 1516 г. в 4-у (Bartalocci. Bibl. rabbinica).

Тени мыслей, астрологический трактат, упоминается в XII еще веке (Sixtus Senensis. Bibliotheca Sancta. II. P. 131).

Травник Соломона на арабском языке и другие книги о естественной истории (D. G. Morhof Polyhistor. Lib. I. Cap. 6).

Сочинение о драгоценных камнях излагало, отчего происходят их цвета, каким образом они образуются и к чему они могут служить: один хранит чистоту телесную, другой служит против лихорадки, третий выгоняет нечистых духов, а Книга о демонах научала, как вызывать духов и как ими повелевать. (Michael Glycas. Annal. Part. II.) См.: Migne. Patrol. Graeca. T. CLXVIII. 1856. Col. 349.

Все эти книги или часть их, вероятно, перешла из Царьграда в Россию, где по примеру всей Европы до самого XVII столетия продолжали верить разным суевериям и, в особенности, волшебству. Из оправдания боярина Матвеева видно, какую важность придавали магическим сочинениям. В 1677 году он писал царю: «...как будто я у себя в домишке в палате с Стефаном доктором чли черную книгу, и в то де время будто пришло к нам в палату нечистых духов множество, и говорили нам, мне, холопу твоему, и доктору Стефану, те нечистые духи вслух, что есть у нас в избе третий человек; ... а та де книга в полдесть, а толщиною пальца в три, а учил де будто по той книге меня, холопа твоего, и сынишка моего Андрюшку Николай Спатарий»32.

Кроме названия «Черная книжка», которое могло быть и не самим заглавием, а просто означать книгу или сочинение, принадлежащее к чернокнижию, мы знаем еще несколько других заглавий подобных сочинений, но, к несчастью, имеем такие скудные материалы, что кроме заглавия мы о самом содержании книг и о происхождении их ничего не знаем. Так, наприм(ер), Иоанн экзарх Болгарский упоминает [четырнадцать подобных книг, отмечая в своих добавлениях к их заглавиям и содержание некоторых из них:]

1) Книга Плартолой (Мартолой), рекше Остролог;

2) Остромиа;

3) Землемериа;

4) Чаровник, [в нихже суть вся дванадесять опрометных лиц звериных и птичиих, се же есть первое, тело свое хранит мертво, и летает орлом, и ястребом, и вороном, и дятлом, рыщут лютым зверем и вепрем диким, волком, летают змием, рыщут рысию и медведем;]

5) (книга) Громник;

6) Молния (Молнияник);

7) Месец окружится;

8) Коледник;

9) Метание;

10) Мысленик;

11) Сносудец;

12) Волховник, [волхвующе птицами и зверми, еже есть храм трещит, ухозвон, вороногpай,

куроклик, окомиг, огнь оучит, пес воет, мышеписк, мыш порты грызет, жаоа воркочет, кошка в окне мышьца держит, сон страшен, слепца стретит, изгорит нечто, огнь пищит, искра из огня (прянет), кошка мявкает, падет человек, свеща угаснет, конь ржет, вол на вол, поточник различных птиц, пчела (поет), рыба (вострепещет), трава шумит, (древо о древо скрыпит, лист шумит), сорока пощекочет, дятел, желна, волк воет, гость приидет, стенощелк, лопаточник, волхвования различная.

13) Путник книга, в нейже есть написано о стречах, коби всякыя еретическыя, о часех злых и добрых, еже есть Богом отречено, о днех лунных, что первый день луны сотвори Бог Адама. Понеже солнце и луну и звезды небесныя сотвори Бог в среду, Адама же сотвори Бог в пяток. Како хощеши, невегласе, во един день рожение Адамле с луною исповедати, веруеши еретическым лжам, (оставя Святая писания), еже ти всю тридесять дни лжею списаша? Такоже и прочая кобы о мученицех и о благовещении, еже суть книгы еретическыя.

14) Звездочетец, 12 звезд, емуже имя Шестодневец, в нихже безумнии людие верующе и волхвуют, и ищут дни рожения своего, санов получение, и урока житию, и бедных напастей, различных смертей, и вазней (счастия) в службах и в куплях и в ремеслех, ищут своим безумием, оставя Божию помощь, и призывают бесов на помощь, и неведуще Божиих судеб, яко несть се Божие повеление, ни от святых Апостол святым отцем предано, но Богом ненавистно, и мерзко Богу бысть, второе идоловерие33.]

К этим заглавиям надо присоединить семь книг, перечисленных в Стоглаве:

15) Рафли;

16) Шестокрыл;

17) Вороноград;

18) Острономий;

19) Зодий;

20) Альманах;

21) Звездочетьи;

22) Аристотелевы врата, или Тайна тайных Аристотеля34.

Хотя мы не знаем содержания многих из этих книг, но можно заметить сходство некоторых заглавий с книгами, приписанными Соломону, и весьма вероятно, что некоторые из них перешли в русскую магическую литературу в точном переводе и без всяких переделок.

Разговор Соломона с царицей Савской, в котором она старается испытать мудрость его разными притчами и вообще всем, «елика име на сердце своем» (3 Царств 10, 1—10), послужил поводом к сочинению особой книги под заглавием: «Противоречия царя Соломона» (Contradictio Salamonis)35. В ней описывается разговор между Соломоном и другим лицом, которое предлагает царю самые трудные притчи и задачи. В первоначальной редакции этот разговор совершенно серьезный, но в последующих редакциях, когда эти рассказы, в особенности на Западе, сделались достоянием народной литературы, тон всего сочинения получил оттенок сатирический. В этом прении хотели изобразить противоположность между популярной, светской, шутливой мудростью и мудростью царя Соломона, высокой, нравственной, духовной. Лицо, вопрошающее Соломона, под именем Морольфа или Маркольфа, сделалось олицетворением народной сатиры против разных лиц и против идей средневекового быта. Оттого рассказы эти играли такую видную роль во время реформации36.

К «Противоречиям царя Соломона» примыкает целый ряд повестей, в коих главное действующее лицо — Соломон. В русском списке этих сказаний37 под заглавием: «Повести царя Давида и сына его Соломона и о их премудрости», составные части еще весьма заметны и образуют как бы два независимые рассказа; в одном предания о Соломоне передаются в виде истории детства и странствований его; в другом — книга Противоречий изложена в виде спора Соломона с царем Пором и оканчивается победой Соломона. Г-н Пыпин в статье своей о старинных сказках о царе Соломоне38 показал родство русских преданий с преданиями германскими. Он заключает свое мнение тем, что немецкая и русская повесть имели, вероятно, один и тот же отдаленный источник — византийский. К этому надо прибавить, что и тут византийский перевод служил путем для перехода в Европу сказаний восточных. Стоило только сравнить повесть о Китоврасе, т. е. о кентавре, с теми преданиями, которые собраны в книге г-на Вейля39, чтобы убедиться в их сходстве. Доказательством ее византийской редакции является то, что она упомянута в списке ложных книг у Иоанна Экзарха и у митрополита Киприана40, под заглавием: «О Соломони цари и о Китоврасе басни и кощуны». Она встречается во многих русских рукописях, но самый древнейший доселе список этой повести находится в Хронографе Румянцевского музея (№ 453) 1494 года. Вот ее содержание. Соломон, желая спросить у Китовраса, известного своей мудростью, как тесать камни без помощи железа, посылает к нему в пустыню боярина с отроками хитростью захватить его. Посланные наполняют вином и медом все колодцы, из которых обыкновенно пивал Китоврас. Не заметив эту хитрость, Китоврас выпивает все колодцы, и отроки связывают его сонного и приводят к Соломону. Китоврас является в этой повести мудрецом, разрешающим все вопросы Соломона и даже предсказывающим будущность.

Теперь сравним нашу повесть с восточными рассказами, и в них мы найдем то же самое:

Соломон41, возвратившись во Иерусалим, услышал ужасный шум, происходящий от молотков и от пил джинов, строивших храм; шум этот доходил до того, что жители города не могли говорить друг с другом. Он приказал духам прекратить работу и спросил у них, не знают ли они средства обрабатывать металлы без шума. Тогда один из джинов сказал ему: «Только могучий Сахр (Sachr) знает это средство, но доселе он не подчинился твоей власти». «Можно ли добраться до неги?» — спросил Царь. На это джин ответил: «Сахр сильнее нас всех вместе, и он превосходит нас как быстротой, так и силой. Я знаю, что каждый месяц он приходит пить к колодцу, находящемуся в земле Хиджр (Hidjr); может быть, о мудрый царь, ты сумеешь подчинить его своему скипетру». Соломон приказал быстро летающим джинам вычерпать из колодца всю воду и заменить ее вином, спрятаться вблизи и подсмотреть, что будет делать Сахр. Спустя несколько недель Соломон, находясь на террасе дворца своего, увидел джина, прилетающего быстрее ветра к нему из земли Хиджр. Он спросил у него известия о Сахре. На это джин ответил: «Сахр пьян и лежит возле колодца; мы связали его цепями, толстыми, как столбы твоего храма, но когда он проспится, он разорвет их так же легко, как девичий волос». Соломон немедленно сел на крылатого джина и велел ему перенести себя к колодцу, менее, чем в час времени. Пора было ему прийти, потому что Сахр раскрывал уже глаза, но руки и ноги его были еще связаны, и Соломон мог приложить печать свою к его вые. Сахр вскрикнул так, что вся земля потряслась; но Соломон сказал ему: «Не бойся, могучий джин; я освобожу тебя, когда ты мне скажешь, каким образом можно разрезать без шума самые твердые металлы?» «Я не знаю того, о чем ты меня спрашиваешь, — ответил Сахр, — но ворон даст тебе на это ответ. Возьми яйца, лежащие в гнезде, и накрой хрустальным блюдом, и ты увидишь, как поступит ворон, чтобы разрезать его». Соломон последовал совету Сахра. Птица, видя, что не может добраться до яиц, улетела и, спустя несколько часов, возвратилась, держа в клюве камень, называемый Самур (Samur), и лишь дотронулась им до хрустального блюда, как оно разбилось пополам. Потом следует разговор Соломона с вороном о камне Самуре и месте его нахождения. Предание о Самуре живо сохранилось в памяти и европейских народов (см. сказания о Разрыв-траве, приносимой дятлом).

В том же самом восточном предании находится рассказ, очень важный для символики и для животного эпоса. В нем сказано: «Крик павлина на наречии человеческом значит: «Ты будешь судим так, как сам судишь». Пение соловья означает: «Умеренность в желаниях есть величайшее благо». Горлица говорит: «Для многих созданий лучше бы было не быть созданными, чем

олаго». Горлица говорит: «Для многих создании лучше бы было не быть созданными». Куропатка: «Кто умеет молчать, тот проходит всего безопаснее». Потатуйка говорит: «Кто не имеет жалости к другим, тот ни в ком не находит жалости». Птица Сирд (Syrdar): «Грешники, обращайтесь к Богу». Ласточка: «Делайте добро, и будете вознаграждены». Пеликан: «Хвала Богу на небесах и на земле». Голубь говорит: «Все преходяще, Бог один вечен». Орел: «Как бы ни была длинна наша жизнь, все-таки кончается смертью». Ворон: «Вдали от людей мне всего уютнее». Петух: «Думайте о Создателе вашем, о люди легкомысленные!»42. Из одного этого примера видно, сколько важных данных для символики находится в преданиях Востока и как в восточном животном эпосе подготовлены были все нужные материалы для развития во граде Лукорде символики. Кроме рассказанного выше содержания повести о Китоврасе, в русских рукописях встречается еще другая редакция той же самой сказки, а именно в списке XVII века43. В ней Китоврас является царем города Лукорья и братом Соломона. Узнав, что у Соломона красивая супруга, он посылает боярина своего хитростью увести ее. Потом Китоврас женится на ней, и повесть кончается тем, что Соломон захватывает его в плен и казнит его.

Сочинения Георгия Писиды VII века. В Софийском временнике под 1385 годом отмечено о переводе на русский язык поэмы Георгия Писиды, носящей в греческом оригинале заглавие «‘?????????? ??? ???????????» («Шестоднев, или Миросоздание»)44.

Христианская топография Козьмы Индикоплова VI века45. Неизвестный автор, по мнению Фабриция (Bibl. Gr. IV. P. 251—262), был купцом в Александрии; посетив во время своих путешествий Индию, составил он описание этой страны, в котором поместил все басни, сочиненные на Востоке и упомянутые в сочинении Ктесия. Тут являются ноздророг (???????????), слон, телчеслон (???????????), камелопард (???????????????), мскус, вол, единорожец (???????????), вепреслон, речной конь (????????????), деревья, виноградник, перец, кокосовые орехи (?????? ????????, nuces Indicae), фоки, дельфины, хелон (???????), камень иакинт и пр. Во всем сочинении автор, передавая чудные качества разных предметов, обращает внимание на одну естественную историю, не упоминая о символическом значении этих предметов.

Сочинения по естественной истории, например, Диоскорида и других, содержат многое для символики.

Жития святых, писанные по-гречески, содержат богатый материал для символики; подробности будут помещены в Символическом словаре.

Переводы разных греческих книг, в которых есть статьи, относящиеся до символики; так, например, Изборник Святослава 1073 г. содержит «Сказание о 12 камнях св. Епифания Кипрскаго» [см. выше].

Один из важнейших источников физиологии находится в цикле сказаний об Александре Великом.

Книги толковые, [разъяснявшие смысл Священного Писания не только с богословской, но и с символической и даже естественноисторической стороны, то в виде связных толкований на отдельные книги Библии, то в виде вопросов и ответов произвольного состава, содержат в себе обширный материал по христианской символике].

Иногда толкования выражались не словами, а лишь изображениями: таковы греческие Псалтири символически-толковые с картинами [на полях]; система [лицевых толкований], в них принятая, переходит в том же виде и в Россию.

Все эти сочинения, перешедшие вместе с христианской верой, получили по всей России неоспоримое право гражданства. Чудные сказания не были подвергнуты строгой критике, а только переведены более или менее точно. Достоверность этих сказаний осталась неоспоримой. Оттого мы видим, что на памятниках постоянно появляются изображения тех предметов, коих описание содержится в этих византийских источниках. Сверх того мы увидим, что эти семена

описание содержится в этих византийских источниках. Сверх того мы увидим, что эти семена преданий о чудесном мире пали на почву, довольно к этому подготовленную.

Норманнский элемент, вошедший в Русь вместе с призванными князьями, принес с собой сведения о физиологии и о физиологах. Вот на чем мы основываем наше мнение: занесение в Русь физиологов норманнами может доказываться [вещественными] памятниками, на которых с очень раннего времени изображаются животные, как в [западных] бестиариях, и письменными памятниками, где животные применяются по смыслу бестиариев, а не по смыслу греческих физиологов*.

ГЛАВА II

Второй главный источник византийской символики: памятники вещественные.

Символика в архитектуре, живописи и ваянии. Преобладание аллегорий или олицетворений.

Мы теперь видели, сколько письменных памятников греческое духовенство привнесло в Россию. Все эти памятники способствовали к расширению пределов символики. Но кроме этих источников византийская символика еще более укоренилась на Руси памятниками вещественными, по которым каждый мог изучать наглядно приложение этой науки к искусствам. По части искусств и художеств Россия столько же могла научиться от Византии, сколько она почерпала в письменных источниках. Стоит взглянуть на состояние архитектуры и художеств в Византии, чтобы понять, какие сведения и какие образцы греческие художники приносили с собою.

Византийская архитектура при Крещении Руси уже стояла на высшей ступени развития; она уже создала храм св. Софии и, воспользовавшись техникой и примерами древних, преобразила архитектуру языческую в христианскую науку, применив ее к потребностям религии. Византийский купол, оканчивающий здание, символически выражал единство Бога и вместе с тем служил доказательством, что византийская архитектура дошла до полного знания необходимых для нее правил и достигла до венца полного развития. Все храмы, выстроенные до св. Софии, показывают постепенное развитие искусства; постепенно создавались новые формы, совершенно чуждые языческой архитектуре(46). Церкви в Тире и Вифлееме, храмы Влахерн и св. Иоанна в самом Царьграде были выстроены еще по образцу римских базилик. Но вскоре эта форма заменяется круглой и осьмигранной, как в церкви Гроба Господня, в церкви

Антиохийской. Но и эта форма уступает место равностороннему греческому кресту, как, напр(имер), в церкви св. Апостолов в Царьграде, евангелиста Иоанна [в Латеране] в Риме. Наконец, постройкой св. Виталия в Равенне и св. Сергия и Вакха в Царьграде византийская архитектура приготовилась к созданию св. Софии. Архитектурная наука кроме своих правил об изящном имела также свои правила символики, ибо каждая часть христианского храма должна была символически напоминать или догматы веры, или историю Церкви. Так, напр(имер), в пятиглавой церкви средняя глава означает Христа, а остальные четыре — евангелистов.

С развитием архитектуры тесно связано развитие ваяния и живописи. И то и другая развивались и даже перерождались для лучшего украшения храмов, и для этой цели они постоянно принуждены были прибегать к символике, как к богатому запасу изящных изображений. Страсть к символизму, которая, как мы видели выше, сильно развилась в первых столетиях христианства и удержалась в средних веках до самого Возрождения, сделала символические изображения необходимой принадлежностью всякого памятника.

Эти памятники искусства как живописи, так и ваяния составляют богатый источник материалов для символики. В них в особенности замечательно почти постоянное преобладание аллегории или олицетворения.

Христанская Церковь, переживши времена гонения и страданий и переходя из состояния угнетения в состояние победителя, должна была себе создать искусство новое, соответствующее

угнетения в состояние победителя, должна была себе создать искусство новое, соответствующее ее догматам. При этом создании, при этом рождении христианского искусства присутствует та же разумная терпимость ко всему старому, ко всему, перешедшему в народные нравы и привычки, какую мы уже заметили выше при рассмотрении происхождения византийской символики. Преобладающая теперь Церковь не стала ломать и уничтожать прежние формы и типы. Прежде чем уничтожить их, ей надо было заменить их совершенно новыми, а так как она этих новых типов не имела тут же под рукой, то употребила старые, освященные временем и произведениями гениальных художников древности.

Первую необходимость приложения этих типов языческого мира к памятникам христианства Церковь в особенности почувствовала при представлении олицетворений, которые она встречала в книгах Священного Писания. Написанные на Востоке, эти книги пропитаны духом восточных народов, расположенных к аллегорическим картинам; (как) в Ветхом, так и в Новом Завете мы везде видим преобладание этого направления.

Сам Бог в книгах Ветхого Завета обращается к природе, как к лицу: «Слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола: сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене» (Исайя 1, 2). «Ужасеся небо о сем, и вострепета попремногу зело, глаголет Господь» (Иерем. 2, 12). «И речеши: горы Израилевы, слышите слово Господне; сия глаголет Адонаи Господь горам и холмом, и каменем и дебрем; се Аз наведу на вы меч, и потребятся высоты ваша» (Иезек. 6, 3). «Слышите, яже глагола Господь: востани, судися с горами, и да слышат холми глас твой. Слышите горы суд Господень, и дебри основания земли: яко суд Господень к людем Его, и со Израилем претися имать» (Мих. 6, 1—2).

Этим примерам, часто встречаемым, соответствуют те слова, в которых выражается радость или почтение всей природы. Природа, как бы возбужденная словами Божиими, воплощается, олицетворяется и отвечает Ему: «Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь. День дни отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум» (Псал. 18, 1—2). «Да восхвалят Его небеса и земля, море и вся живущая в нем» (Псал. 68, 35). «Фавор и Ермон о имени Твоем возрадуетася» (Псал. 88, 13). Псалмы 147 и 148 вызывают Иерусалим, Сион и всю природу: солнце и луну, звезды и свет, небеса небес и воду, змиев и бездны, огонь, град, снег, голоть, дух бурен, горы и холмы, древа плодоносная и кедры, звери и скоты, гады и птицы пернаты на хваление Господа Бога.

У духовных писателей мы встречаем столько же примеров олицетворений. Так, Григорий Назианзин († 389) называет землю матерью всех существ (?????? ???????); обращается прямо к ней словами: «священная земля» или «любезная земля» (????? ?????) и упрашивает ее хранить умерших или не принимать в свои недра людей, обкрадывающих гробницы47.

К этим словам, выражающим олицетворение природы вообще, не придавая ей, кроме голоса, никаких других признаков совершенного и полного олицетворения, надо присоединить примеры из Священного Писания, в которых выказываются остальные признаки. В них олицетворения являются совершенно человеческими существами, смотрят, убегают, прыгают и пр., одним словом — одаренными всеми членами человеческого тела. Псал. 113, 3—7: «Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять. Горы взыграшася яко овни, и холми яко агнцы овчии. Что ти есть море, яко побегло еси, и тебе Иордане, яко возвратился еси вспять? Горы, яко взыграстеся яко овни, и холми яко агнцы овчии?». Псал. 97, 8—9: «Реки восплещут рукою вкупе; горы возрадуются от лица Господня». Числ. 16, 30: «Но явно покажет Господь, и отверзши земля уста своя пожрет я». Иона 2, 4: «Отвергл мя еси во глубины сердца морскаго, и реки обыдоша мя». Плач Иер. 2, 18—19: «Возопи сердце их ко Господу: стены дщере Сиони да излиют якоже водотеча слезы день и нощь; не даждь покоя себе, и да не умолкнет зеница очию твоею. Востани, поучися в нощи в начале стражбы твоея, пролей яко воду сердце твое пред лицем Господним, воздвигни к Нему руце твои».

Придав олицетворениям человеческое тело и все внешние признаки человека, книгам

Священного Писания оставалось для окончательного и полного образования этих олицетворений приписать им те умственные и душевные способности, которыми пользуется человек. Мы встречаем примеры, в которых упоминается об умственных и душевных признаках олицетворений. Так, в книге Иова (20, 27) говорится о разумной деятельности неба и земли: «И да откроет небо беззакония его (нечестивого), и земля да востанет нань»; у пророка Иеремии (51, 48): «И возвеселятся над Вавилоном небеса и земля, и вся сущая в них».

Олицетворения, так ясно и так полно выраженные в книгах Священного Писания, нуждались в типах в то время, когда отживающий мир язычества и политеизма во всякой частице природы видел особое божество и придал ей особые отличительные атрибуты. При этой многочисленности языческих типов трудно было немедленно, при первой нужде, создать новые типы и приучить к ним глаз новообращенных. Христианская религия, при своей терпимости, не только не отбросила все эти типы языческого мира, но даже в первые времена воспользовалась самыми зданиями язычников; одеяния их служили облачениями для христианских священников48, саркофаги их употреблялись для погребения христиан. Допустивши раз эту терпимость ко всему древнему, рождающееся христианское искусство воспользовалось преданиями греков и разом получило возможность выразить на памятниках вещественных понятия и идеи нового учения. При самом Константине Великом христианские олицетворения выражаются типами, заимствованными у языческого искусства, и с тех пор остаются принадлежностью всякой аллегории. Они сами и со всеми их атрибутами до такой степени, с самого начала уже, слились с христианским искусством, что нам нельзя отыскивать в них постепенного развития. Олицетворения посредством языческих типов немедленно и во всей своей обширности допущены в христианское искусство, и нам остается только изучать, какое положение и какое значение они получили на христианских памятниках.

Вместе с олицетворениями природы в христианском искусстве развились одинаковым образом и олицетворения понятий отвлеченных. Сюда принадлежат как качества, так и пороки человеческие, нравственное состояние человека, одним словом — олицетворение духовной жизни и духовного состояния. Эти олицетворения отвлеченных понятий, раз они должны были быть выражены вещественно, наглядно, еще более, чем олицетворения природы, нуждались в типах языческого мира и еще теснее сроднились с формами древней мифологии. Они на памятниках христианских не различаются от олицетворений природы, а наравне с ними участвуют в общем распределении памятника.

Эта часть символики превосходно исследована в сочинении г-на Пипера Mythologie und Symbolik der Christlichen Kunst49. Он рассматривает все памятники от языческих до новейших времен и разделяет олицетворения на олицетворения вселенной и небесных явлений, к которым причисляются небо, земля, море, четыре стихии (??????????), преисподняя, солнце, луна, планеты, гармония сфер небесных, звезды и знаки Зодиака. Второй отдел состоит из олицетворений времени вообще, времени и часов дня, года и месяцев. Третий отдел содержит явления атмосферы, как-то: явления огненные, ветры и части света. Четвертый отдел образуют явления на земле, т. е. горы, землетрясения, реки, страны и города. К этим четырем отделам присоединяется прибавление об олицетворениях нравственно-мифологических (ethisch-mythologische Vorstellung).

После столь обширного и ученого труда мне почти не следовало бы заниматься этой частью символики, если бы автор, обняв все известные доселе памятники, в особенности западные, не упустил из виду особенности, свойственные одним олицетворениям византийской символики. Г-н Пипер, исследуя все памятники, как восточные, так и западные, стремится к своей цели: доказать, сколько остатков языческой мифологии сохранилось в христианском искусстве. Мне же, напротив, рассматривающему одну византийскую символику, надо только обратить внимание на символические правила, которым олицетворения были подвергнуты в византийской символике. Кроме того, для меня важно доказать, что эти правила, получившие силу закона для греков, перешли к нам в Русь и сохранились в нашей символике. Труд г-на Пипера послужит мне важным путеводителем в затруднительном вопросе об олицетворениях, и часто мне надо будет

прибегать к его исследованию; но воззрение его на символику византийскую я постараюсь расширить памятниками новыми и не описанными ученым профессором Берлинского университета.

В рукописях от IV века до конца X века сохранились еще явные признаки свежести древних преданий, оттого олицетворения и все атрибуты, употребляемые для ясного определения значения олицетворений, заимствованы у древнего языческого мира. Греческая мифология ярко отразилась в этом периоде миниатюрного искусства византийцев. Первый пример олицетворения встречается в древнейшем списке книги Бытия в Вене50. На картине, изображающей изгнание Адама и Евы из рая, между ними представлена фигура в длинной одежде; эту фигуру Ажинкур принимает за олицетворение Раскаяния. Выражение лиц и движений Адама и Евы действительно представляют все признаки величайшего горя. Но точность этого предположения Ажинкура могла бы быть подвергнута сомнению, если бы на 13 и 14 рисунках мы не встретили нового подтверждения. На 13 рисунке представлена Ревекка, поящая из колодца слугу и стада Авраама; на 14 рисунке Ревекка говорит со слугою Авраама и получает от него «усерязи златы весом по драхме и два запястия на руки ея» (Быт. 24, 22). На обоих рисунках возле источника нарисована нимфа: полуобнаженная женская фигура лежит, облокотившись на урну, из которой течет вода; на голове длинные волосы, придержанные повязкой.

В другой рукописи той же библиотеки, VI века, написанной по приказанию Иулианы (Juliana Anicia), дочери императора Оливрия, внучки Валентиниана III, художник еще более пользовался олицетворениями. На первом рисунке этой рукописи Диоскорида представлен павлин; Ламбеций полагает, что, означая у древних апофеоз, павлин изображен здесь льстивым художником в честь Иулианы в том же самом символическом значении. Монфокон, напротив, относит весь символизм этого павлина к значению, принятому Аристофаном, что эта птица была атрибутом медиков (???????? ???????)51.

На втором и третьем рисунках — изображения древних медиков, а на четвертом представлен Диоскорид, сидящий в кресле. Перед ним стоит женщина, молодая, в длинной одежде, с ожерельем на шее, на руках — браслеты; она протягивает ему корень мандрагоры (mandragora nigra)52. Над нею надпись: ???????, Изобретие, находка. На следующем рисунке то же самое олицетворение держит мандрагору; с одной стороны художник рисует этот корень, а с другой Диоскорид сидит и описывает его.

Илл. 3

На шестом рисунке, в осьмигранном поле, образовавшемся на середине круга, перевитого золотой цепью, сидит на золотом престоле, поддерживаемом двумя орлами, Иулиана, в венце, в одежде частью золотой, частью голубой, и в красных башмаках, как царьградские императрицы; под ногами ее скамья. В левой руке она держит книгу, а правая протянута вперед. По сторонам две аллегорические фигуры, объясненные надписями: налево от нее ????????, Благоразумие, держит книгу; направо — ???????????, Великодушие, с золотыми монетами на груди. Перед нею стоит крылатый ребенок и подносит Иулиане открытую книгу; над ними надпись: ????? ??? ?????? ???????, Любовь мудрости Создателя. Ниже Купидона лежит на коленях женщина в длинной белой одежде («albo amictu instar sanctimonialis, sive Deo, consecratae virginis, vestita» («одетая в белое, подобно монахине») по Ламбецию. Она так низко нагнула голову, что лбом дотрагивается до правой ноги Иулианы. Над нею полуистертая надпись, из которой хорошо читается только первое слово ??????????, Благодарность. Пониже скамьи стоят две меры хлеба, символически означающие щедрость (илл. 3).

Во всех этих олицетворениях, созданных по образцам языческой мифологии, древний элемент так преобладает, что совершенно отстранил все христианское. Эти олицетворения более годятся на древний греческий или римский памятники, чем в христианскую символику. Вообще они долго сохраняют свой языческий характер и стоят совершенно отдельно, особняком, в христианской символике как отпечаток древней мифологии. Этот отпечаток еще разительнее поражает в тех изображениях, где олицетворения помещены вместе с историческими лицами

Священного Писания. Византийская живопись в рукописях изобилует примерами этого.

Илл. 4

Илл. 5

В Ватиканской рукописи VII (X в. — Публ.) века, или, точнее сказать, в картинном свитке истории Иисуса Навина (Palatina, № 405) наряду с действующими лицами Библии постоянно являются олицетворения. Во-первых, мы имеем олицетворения городов Иерихона, Гай и Гаваона. Сохранив типы, помещаемые на древних монетах как греческих, так и римских, они представлены с теми же атрибутами: на голове стенчатый венец; туника голубая или красноватая; в руках или рог изобилия, или длинный жезл, или свиток. Когда женщина, олицетворяющая Иерихон (????? ??????), видит взятие города, то она опустила руки в виде отчаяния, и рог изобилия лежит возле нее на земле. Город Гай (????? ????) держит свиток в левой руке и, опираясь на правую руку, с равнодушием смотрит на соглядатаев, посланных Иисусом Навином (илл. 4). На картине, где израильтяне со слишком незначительным войском приступают к Гаю, олицетворение его спокойно сидит у городской стены, правой рукой придерживает оно рог, на который облокотилось левой. Те же самые атрибуты встречаются также и в олицетворении города Гаваона (????? ??????). Оно сидит и держит длинный посох с шаром наверху; кроме белой туники, на плечах видны концы голубой мантии, а внизу лежит красноватая драпировка (илл. 5). Вокруг голов у всех трех олицетворений сделан венец (нимб), который тут в первый раз является особым признаком византийского иконописания; он не означает ни власти, ни святости, а служит признаком того, что нарисованная фигура не есть лицо действительное, а олицетворение или аллегория.

В этой же рукописи мы имеем олицетворения целых местностей, как, например: дебрь Ахор — полуобнаженная мужская фигура лежит на горе, опираясь на левую руку, а в правой держит колосья; возле нее надпись: ???????? (Иис. Нав. 7, 24): «...и возведе я во емек Ахор» (в дебрь Ахор). Вокруг головы нет венца. Местность Галгал — полуобнаженная фигура лежит и держит у левого плеча рог изобилия; при ней надпись: ?????? (Иис. Нав. 4, 19). Холм обрезания. Лежащая полуобнаженная фигура с надписью: ??????? ???? ?????????????. Гора Гевал — полуобнаженная лежащая фигура, прикрытая голубой драпировкой, с надписью: ???? ??????.

На другом рисунке эта фигура держит рог изобилия. Все эти олицетворения не имеют отличительных атрибутов и как бы свидетельствуют о начале сочинения аллегорических фигур.

Только Иордан, как нимфа колодезя Ревекки, легко отличается по урне, на которую он опирается, по водяным растениям, которые держит в левой руке, и вообще по общему сходству в позе со всеми речными богами древней мифологии (илл. 6).

Илл. 6

Такие же, самые ясные, атрибуты встречаем мы у другого морского божества, служащего олицетворением в рукописи IX века проповедей Григория Назианзина в Париже (№ 510)53. Моисей ударяет посохом воды Чермного моря, изображенные в виде обнаженной женщины, держащей в руке весло античной формы и обозначенной надписью: ???????? (море).

В ватиканской рукописи X века (№ 755) пророчеств Исайи находится изображение пророка молящимся. Чтобы выразить в изображении слова пророка: «От нощи утренюет дух мой к Тебе, Боже» (Ис. 26, 9), художник представил перед Исайей ребенка в короткой рубашке, держащего в руке факел; над ним надпись: ????????, Утренняя заря. За пророком Исайей стоит олицетворение Ночи, ? ???, в виде женщины зеленоватого цвета. Над головой ее развивается голубое покрывало с белыми звездами. В левой руке держит она потухающий факел, вся одежда ее темного цвета; верхняя часть, с красноватыми оттенками, кончается к низу совершенно черным цветом, как небо темнеет, когда потухают последние румяные лучи закатившегося солнца. Венцы вокруг голов незаметны в ватиканской рукописи, зато они ясно обозначены на совершенно подобном

изображении в современной рукописи в Париже54.

В другой современной рукописи, в Псалтири с толкованиями в Париже (№ 139)55 аллегория еще более развита и уже совершенно слита с действующими лицами. На первом рисунке изображен Давид, поющий псалмы. Возле него сидит и опирается на его плечо женская фигура: Мелодия (????????). Другая женская фигура, вероятно, тоже олицетворение, может быть, Поэзии, выглядывает позади из-за памятника. Впереди спокойно лежит мужская фигура темно-коричневого цвета, отчасти покрытая зеленым покрывалом; в левой руке — ветка. Надпись: ???? ???????, означает, что эта фигура олицетворяет лесистые горы Вифлеемские (илл. 7). На изображении борьбы Давида со львом олицетворение Крепости ????? поддерживает его, а из-за скалы выглядывает с удивлением юношеская фигура, или олицетворение Пустыни (илл. 8). Далее, на изображении помазания Давида является Кротость (???????). Она и пророк Самуил имеют венцы светло-розового цвета. На изображении смерти Голиафа мы видим убегающую Хвастливость (?????????), Давида же поддерживает женская фигура Сила (???????).

Илл. 7

Илл. 8

Илл. 9

На другом изображении направо от Давида стоит женщина в длинной тунике и пеплосе; правую руку она приподняла, а в левой держит книгу; над нею надпись: Премудрость (?????). На левой стороне царя-пророка также женская фигура, со свитком в левой руке и с надписью: Пророчество (????????) (?????????? — Пер.). Обе фигуры на каменных подставках (илл. 9). На изображении упреков пророка Нафана, над лежащим на земле Давидом, женская фигура в розовом венце, с грустным выражением лица обозначена надписью: Раскаяние (????????). На картине перехода иудеев через Чермное море Ночь (???) представлена с теми же атрибутами, как на ватиканской рукописи: голубоватая фигура с покрывалом, усеянным звездами. Самый же рисунок из ватиканской рукописи повторяется и в этой Псалтири; единственное почти различие состоит в перемене слова ???????? и ???????? (????????? — Пер.). Кроме Ночи на картине перехода через Чермное море повторяется также олицетворение Моря (см. выше, парижскую рукопись № 510); оно также держит весло и прикрыто немного зеленым покрывалом; над ним надпись: ?????? ??????? (???????? ???????? — Пер.). Другая, совершенно обнаженная, фигура, мужская, темно-коричневого цвета, усиливающаяся стянуть фараона с колесницы, представляет

Глубину (?????). Пустыня (??????) (???????? — Пер.), олицетворенная тут же в виде женщины, сидящей возле Моисея, не имеет никаких отличительных атрибутов. В изображении Моисея, получающего скрижали Завета, впереди лежит олицетворение горы Синай (???? ????) с совершенно теми же отличительными признаками, как олицетворение горы Вифлеемской: тот же цвет коричневый, то же зеленое покрывало, та же зеленая ветка. Над изображением молящегося царя Езекии, на другой картине, представлена женская фигура в голубом венце — олицетворение Молитвы (????????).

В рукописи Ветхого Завета (Vaticana. Reginae Sueciae, № 1) того же X столетия повторяются те же самые олицетворения. Пустыня представлена также в виде обнаженного мужчины в лавровом венке; он сидит на голой скале, опираясь правой рукой, левую он приподнял в знак удивления, с которым смотрит на Моисея, получающего скрижали Завета. На картине, изображающей помазание Давида на царство пророком Самуилом, над ним парит олицетворение в виде молодой женщины с розовым венцом вокруг головы. Оно не определено ни подписью, ни особым отличительным атрибутом.

Илл. 10

Чтобы понять, каким образом византийская символика поступила с искусством, стоит только взглянуть на 13-й рисунок этой же самой рукописи. Художник хотел олицетворить слова

пророка Исайи ((Ис. 26, 9)). Пророк Исайя стоит, обращая взоры к небу, из которого видна десница Божия с ярким лучом. Направо от пророка стоит женщина с благородными чертами лица; цвет ее темно-зеленоватый с белыми просветами; на ней темно-лиловая одежда и длинное голубое покрывало, усеянное звездами, левой рукой она держит опущенный погасший факел; с надписью: ??? (Ночь). Налево от пророка стоит красивый мальчик, полуодетый, правую руку он приподнял, а левой держит вверх горящий факел; олицетворение это — Утренняя звезда ????????? (Венера). На заднем плане представлен кипарис и еще другое дерево (илл. 10).

Эти рукописи содержат примеры почти всех аллегорических фигур византийской символики, которые повторяются в рукописях последующих столетий в том же самом виде и с теми же атрибутами. Они одинаковы на всех миниатюрах, так что должно предполагать, что художники обязаны были срисовывать с древнейших рукописей, чтобы в точности исполнить принятые правила для аллегории; эти правила были ясные, неизменные и составляли твердое основание византийских олицетворений. Хотя многие из них, в особенности те олицетворения, которые не были заимствованы у древней мифологии, не имеют отличительных атрибутов и для объяснения своего прибегают к надписям, но этот недостаток происходит оттого, что эти аллегории олицетворяют такие понятия, для которых и невозможно приискать отличительные атрибуты. Каким, например, образом можно выставить отличительный характер Раскаяния, Хвастливости, Дара пророчества, Молитвы и проч.? Или каким образом различить олицетворения Пустыни, Пучины морской, Холма Обрезания, горы Гевал, страны Галгал, дебри Ахора и проч.? Вообще эта неясность в некоторых олицетворениях происходит не от неразвитости византийской символики, а от невозможности выразить картинно отличительные признаки некоторых понятий. В этом затруднении для символики оставалось только одно средство: заимствовать атрибуты из предметов природы; но и тогда цель не была бы достигнута, потому что символизм аллегорических фигур должен был поясняться символизмом предметов природы. Греки прекрасно поняли неизбежность этого затруднения, но не старались его облегчить увеличением числа атрибутов: они знали, что этим только затмишь аллегории еще более. Оттого византийские аллегории, хотя иногда наивно объясняются простою надписью, но все-таки лучше тех олицетворений, которые созданы были во время Западного Возрождения и в которых часто самое название не достаточно еще для объяснения столь многочисленных и непонятных атрибутов56.

Илл. 11

Илл. 12

В рукописях от XI до XIV века эти олицетворения постоянно повторяются в том же самом виде и без всяких изменений. Способ составлять аллегории остается один и тот же, только число их увеличивается.

На первом листе Евангелия 1128 года (1122 г. — Публ.)57 представлен Христос. Он сидит на престоле и возлагает руки на головы Иоанну II Комнину и сыну его Алексию. По сторонам Христа две совершенно сходные аллегорические фигуры, нагнувшись на спинку престола, они как бы нашептывают что-то в ухо Христа. Обе фигуры в высоких золотых коронах, с венцом вокруг головы, с длинными волосами и в широких мантиях. При одной, направо, написано: Милосердие, ?????????????; у другой, налево, — Правосудие, ?? ??????????? (илл. 11).

В современной рукописи Иоанна Лествичника58 аллегория является не только как вспомогательное средство художнику, но как элемент необходимый по самому содержанию и направлению сочинения. При многочисленности аллегорий, не определенных отличительными признаками, без точных надписей невозможно было бы их распознавать. Сам художник рассчитывал на помощь надписей, потому что, придав всем порокам темный цвет, а добродетелям светлый, он ясно определил только эти две категории олицетворений; но и тут даже встречаются исключения; так, например: Клевета (??????????) не темного цвета. Из аллегорий, имеющих кое-какие отличительные атрибуты, мы имеем: Жизнь (?????), обнаженную фигуру, ходящую на колесах (илл. 12); Путешествие (?????????) с деревцем в руке проч. В числе добродетелей

Молитва (?????????), Смирение (??????????????) и многие другие ничем между собой не различаются, и только по цвету отличаются от Страсти (??????), Сна (???????), Хвастливости (??????????), Пресыщения (??????) и других пороков (илл. 13).

Илл. 13

В рукописи мниха Иакова59 XII века часто встречаются олицетворения Иордана и других рек или источников в виде водяных божеств, держащих рога или сосуды, из которых течет струя. Иногда, как, например, в изображении земного рая, одна фигура служит для олицетворения всех четырех рек. Тут повторяются одни олицетворения речные, а в Псалтири 1177 года60 и в рукописи, описанной Ажинкуром61, все олицетворения помещены в одних и тех же положениях и точно списаны с рукописей X века. Мы убеждаемся отсюда, какие твердые неизменные правила составили основание византийской символики.

Рассматривая аллегорические фигуры в византийских миниатюрах, мы не должны упустить из виду, сколько мы в них встречаем животных. Не только на заставках, на заглавных буквах, но и на самих картинах мы постоянно находим примеры для объяснения животной символики (илл. 14), которые помещены в Словаре, в конце этого сочинения.

Илл. 14

Византийские художники употребляли аллегорические фигуры не только в миниатюрах, но еще и на своих изваяниях. Тут свежесть предания древнего искусства сохранилась еще более. В особенности в изваяниях небольшого размера аллегория составляет главное основание композиции художника: без нее он не может создать ни одной сцены. Стоит только раскрыть сочинение ученого Гори «Thesaurus veterum diptychorum» («Сокровищница старинных диптихов»), чтобы убедиться в частом, даже излишнем, употреблении аллегорических фигур. Древняя языческая форма в них постоянно преобладает, и так сильно, что почти совершенно скрывает всякое проявление христианского чувства. Одним из лучших образцов умения хорошо располагать символические изображения должны служить молотки на бронзовых дверях (илл. 15).

Илл. 15

Илл. 16

Илл. 17

Из многочисленных этих памятников, указывающих на понимание символики и на применение ее правил к разным искусствам, русские легко могли научиться обходиться с нею, тем более, что первоначальные художники по всем отраслям знаний были греки, выписываемые из Византии. Они способствовали укоренению греческой символики в русском искусстве и свежему сохранению ее правил. Их главное и даже единственное поприще, которое они вполне себе подчинили, были памятники, принадлежащие к религии. Эта односторонность византийского влияния на русское искусство произошла натуральным образом от начала, посредством которого византийская символика явилась к нам. Греческие художники, пришедшие с греческим духовенством или выписанные им из отечества, явились для помощи в распространении религии. Прежде всего надо было строить христианские церкви и украшать их. Из летописей наших мы видим с удивлением многочисленность и значительность этих построек в первые времена по принятии христианства и легко понимаем, отчего символика византийская по преимуществу отразилась на памятниках церковных; и тут она сохранилась с отличительным своим характером и без всякой примеси чуждого элемента.

Так, например, на памятнике даже XIV века мы видим византийское предание во всей первоначальной своей чистоте. На бронзовых дверях в Успенском соборе в городе Александрове, сделанных по заказу Новгородского архиепископа Василия К(алики) в 1336 (6844) году для

правого притвора Новгородского Софийского собора62, изображены две сцены, заимствованные из византийских источников. Одна представляет кентавра или царя Китовраса крылатым и увенчанным зубчатой короной. На правой руке он держит маленькую человеческую фигуру в длинной одежде и с зубчатой короной на голове. На заднем плане вдали представлено пылающее строение. На верхней части картины следующая надпись (немного прикрыта каймою): «Китоврас мече братом своим на обетован(н)ую землю зр...» (илл. 16). [Объяснением этому изображению является притча царя Соломона о царе Китоврасе (он брат Соломона) (см., например, Толстов. собр., 2, 140. Публ. библ., XVII, Q 22, л. 739 об.)]

Другая картина взята из истории Варлаама и Иоасафа и представляет притчу о инроге. В середине стоит дерево, на оконечностях ветвей его листья и капли меда, сделанные в виде кружков. Мужчина в кафтане стоит на ветви и держится правой рукой за ствол дерева, а левую с испугом приложил к груди. На верхней части картины надпись: «В сладость сегъ мира». Ствол дерева у самого корня раздвоен и образует как бы пещеру, в которой виднеется змеиная отверстая пасть; две человеческие ноги доказывают, что змей только что проглотил человека. Тут же внизу две мыши подгрызают корень дерева, черная с левой стороны, белая с правой, над ними надписи: «но(ч)ь, црная мышь», «днь, мышь б(елая)». Повыше на левой стороне дерева стоит сирена, на правой — единорог в виде черного косматого животного с хохлом или рогом на голове. По бокам картины из скал выглядывают шесть змеиных голов, по три на каждой стороне. Над ними буква «г», или сокращение слова «главы». Русский художник приукрасил изображение притчи; кроме единорога он представил еще другое чудовище, сирену. Под деревом змей, проглотивший уже человека, еще картиннее изображает, какая участь ожидает того, который стоит на дереве. Для увеличения страха вместо четырех аспидовых голов он нарисовал шесть (илл. 17). Несмотря на эти прикрасы63, художник верно изобразил притчу, и стоит только прочесть саму притчу, чтобы видеть, с какой точностью она исполнена. Я выпишу здесь текст по списку XV, изданному г-м Пыпиным (Толстовская библ. 2, 89. Публ. библ., I, Q 315, л. 67 об.)64.

При рассмотрении изваяний, покрывающих стены Дмитриевского собора во Владимире, мы найдем следы другого источника византийской символики — животного эпоса.

ГЛАВА III

Физиология на Западе.

На Западе восточная физиология в скором времени достигла до обширного развития. Она так скоро повсюду разлилась, физиологи в столь многочисленных списках ходили по рукам, что уже в V столетии папа Геласий (492—496) объявил на соборе 494 года65 эти книги апокрифическими. Далее он прибавил в § 65, что еретики приписывают написанную ими книгу Физиолог св. Амвросию Медиоланскому. Это запрещение не имело, однако, никакого пагубного влияния на судьбу физиолога и даже осталось малоизвестным66 или известным только в самой Италии. В XII столетии, когда бенедиктинец Грациан Черный (Gratianus Niger) включил это запрещение папы Геласия в свой сборник (1151—1161), тогда оно сделалось, может быть, более известным, но все-таки и тогда оно не помешало распространению физиолога, потому что много различных списков и переводов дошло до нас от этого именно времени. Вообще мнения, высказанные против этих сборников, отнюдь не остановили даже начало их популярности. Само запрещение папы Геласия доказывает, что уже в V столетии сделан был латинский перевод для Италии, ибо приписывали его св. Амвросию. Это стремление сделать физиолог общепонятной книгой для народа с этого времени начало еще более развиваться. Не народ, а именно художники, мастеровые из народа, в особенности нуждались в этом руководстве в такое время, когда символика завладела всеми отраслями умственных и художественных познаний. Не строилось ни церкви, ни дома без приложения символических знаков; самые маловажные подробности делались с их помощью67. Настроение умов на Западе, направленное к мистицизму, способствовало развитию символики68. Освященная христианской верой, она была под покровительством самого духовенства, даже папа Иннокентий III (1198—1212) прославился своими познаниями и остроумными догадками. Схоластическое направление, напитавшись

своими познаниями и остроумными догадками. Схоластическое направление, напитавшись писаниями древних, немедленно привело символику в стройную, цельную науку и способствовало к умножению руководств ее — физиологов. Мне кажется, что заметна аккуратность схоластики в желании отыскать настоящего автора Физиолога; многие имена авторитетных в христианском мире лиц прилагались к анонимному «Физиологу», у которого христианский трактат того же имени заимствует реальные или quasi-реальные данные о свойствах животных. На Западе мы находим отождествление этого «Физиолога» с Аристотелем, Соломоном, св. Епифанием, Иоанном Златоустом69, Амвросием Медиоланским, бл. Иеронимом70, Исидором Севильским; каким-то «афинским клириком»71. С другой стороны, во многих рукописях как в Германии, так и во Франции порядок глав первоначального Физиолога нередко сильно меняется; меняется, конечно, нередко и их содержание.

Мы уже видели существенное различие между Сборником Студита и Физиологом. Мы видели, что в первом естественная история имеет явный перевес; в последнем, напротив, в каждой статье кратко выписывается какая-нибудь черта из жизни или обыкновений описываемого животного и немедленно показывается символическое ее значение. Все, что приводится, должно способствовать развитию символики; никакая черта, не имеющая своего особенного переносного смысла, не помещается в этих описаниях. Другое явное различие находится в самом порядке: лев, как царь зверей, всегда занимает в физиологах первое место и первую статью. Дамаскин Студит начинает с описания орла, а физиолог — с описания льва.

Все эти физиологи, составленные по образцу Физиолога Епифания Кипрского, получили скоро еще большее развитие, но внутреннее их распределение было отчасти изменено. Начали отделять животных четвероногих от птиц и от камней и составили три особых рода физиологов. Первый бестиарий (bestiaire) содержит описание символики зверей; второй во-люкрарий (volucraire) [(по-русски: «поточник», см. выше, с. (...))] — описание символики птиц; а третий лапидарий (lapidaire) — описание символического значения каменьев. Творения св. Епифания сделались основными источниками для бестиариев и лапидариев. Содержание статей физиолога осталось одно и то же, и даже между списками разных столетий и стран встречается очень мало изменений или пополнений. Латинский перевод V столетия, не для всех понятный равным образом, вскоре заменен переводами на простонародном языке. Эти переводы сначала показались в Германии, а потом во Франции. Германские народы рано освободились от уз латинской схоластики, и в XI веке были уже списки переведенных физиологов72.

Проникнув в Германию, физиология нашла себе почву, богато приготовленную скандинавской

мифологией. Воззрение на природу народов южных и северных было двоякое, противоположное одно другому. В теплом климате юга природа является к услугам человечества; плодородие почвы и постоянство теплых лучей солнца не выказывают всех резких перемен температуры. Климат постоянно теплый выказывает в особенности свою приятную сторону и придает от этого всей природе самый благоприятный оттенок. Но на севере, где резкие перемены погоды, где резкое различие между временами года, народ иначе смотрел на всю природу. Она являлась ему как могущественная, противная власть, против которой он постоянно должен бороться; таинственная ее сила то способствует ему, то губит его, но всегда возбуждает его страх и почтение. Жизнь северного поселенца слишком зависит от всех этих изменений природы, чтобы они могли не привлекать его особенного внимания. Он должен был изучить все эти изменения, вникнуть в их разнообразную природу и заметить, что сколько они ни разнообразны, а все-таки принадлежат к явлениям одной и той же власти. Это единство природы, но с самыми разнородными признаками, выразил он в «Эдде», под символическим видом одного великана Имир, убиваемого сыновьями Берса, чтобы создать из его костей горы, из его мяса землю, а из его черепа небо73.

Профессор Шнаазе доказывает, каким образом это скандинавское понимание природы более соответствовало христианскому воззрению, чем политеизм греков и римлян. Для нас важно заметить, как это отсутствие политеизма в скандинавской мифологии, т. е. отсутствие олицетворения и обоготворения всякого отдельного предмета в природе, способствовало

олицетворения и обожествления всякого отдельного предмета в природе, способствовало принятию символики. Всякий зверь, всякое растение, всякий камень не были для скандинавов отдельные олицетворения или божества; они на них смотрели, как на предметы, которые в их мифологии изображали символически разные отвлеченные понятия. Оттого, вероятно, скандинавские скальды с такой жадностью ухватились за физиологию, и мы видим, что все почти переводы физиолога на простонародных наречиях принадлежат норманнским труверам. Например, во Франции древнейший перевод физиолога сделан стихами около 1121 года англо-норманнским трувером Филиппом de Thaun74, который переставил однако главы подлинника по содержанию их: сперва звери, потом птицы и, наконец, камни. Лет сто спустя другой англонорманнский трувер Вильгельм (Guillaume) не ранее 1208 года75 снова перевел стихами весь физиолог животных, или бестиарий. Третья попытка переложения этого сочинения на простонародный язык, но уже прозой, сделана почти в одно время (между 1175 и 1217 годами) пикардийцем Петром; он избрал местное наречие своей родной страны76.

Физиология так укоренилась на Западе, что гораздо ранее этих переводов многие ученые, в особенности из духовенства, старались подражать физиологу.

В VII столетии в Севилье епископ Исидор собрал в одну книгу De originibus все, что мог найти в сочинениях по естественной истории77. Вскоре после него епископ Толедский Гильдефонс (Hildefons) написал много сочинений о физиологии78.

Теобальд Пияченцкий (Thibault de Plaisance), неизвестный писатель VII или VIII столетия, издал физиолог по-латыни пятистопными стихами. Эта книга была переведена также и английскими стихами79. Марбод (Marbode), епископ Реннский, в XI столетии сочинил по-латыни целую поэму о камнях: De gemmis80.

Теобальд, епископ Парижский, написал физиолог под заглавием: De naturis duodecim animalium (О свойствах двенадцати животных)81.

Прежде чем перейти к исчислению сочинений позднейших, XIII века, надо обратить внимание на распространение на Западе басен. Басни, в которых разные звери участвуют и даже говорят для наставления людей, тесно соединены с физиологом и составляют в Германии целую отдельную, обширную часть народной поэзии, получившую название Tierepos. Значение ее в отношении к археологии было отлично изложено г-ном Гейдером82. Не восходя с ученым археологом до Эзоповых басен, мы заметим, что «Стефанит и Ихнилат», приписываемые Иоанну Дамаскину, и, может быть, и некоторые другие, доселе еще не известные творения подобного содержания положили, вероятно, основание германским сказаниям о зверях. Это произведение византийского времени отнимает у германских сказаний часть их самостоятельности, за которую г-н Гейдер стоит так сильно. Он замечает, что эти сказания процветали в Германии во время романского и готического искусств, и что, следовательно, можно предположить, что ни искусства, ни художества не избегнули того влияния, которому подверглась вся прочая умственная часть народной жизненности.

Христианское искусство в средние века проникнуто было этим новым элементом, а Церковь только тогда пользовалась этими сказаниями, когда дидактический их смысл соответствовал ее нравоучениям или когда символическое их значение или даже самый символ соответствовал, а не противоречил, церковной символике. Иногда предания, заключенные в сказаниях о зверях, были изменяемы и даже переделываемы для удобнейшего их согласования с физиологией. Для этого служили руководством физиологи, которые были звеном, связывающим народные сказания о зверях с церковным искусством. Этот новый элемент так увеличил в XII и XIII столетиях многочисленность звериных изображений на церквях, что современный писатель приор Gaultier de Coinsi упрекает в этом духовенство:

En leurs monstiers ne font pas faire
Sitost l’image Nostre Dame
Com font Isaugrin83 et sa fame (Miracles de la Vierge).

Главные лица, описываемые в этих сказаниях, были лисица, или Рейнеке, и волк, или Изегрин84; но несмотря на весь произвол, которым пользуется поэзия, она все-таки сохранила им характер и отдельные черты, описанные в физиологах.

С XII столетия вместо односторонних физиологов являются сборники более обширные, заключающие энциклопедические знания, но по преимуществу естественную историю в ее приложении к физиологии. Такого рода было сочинение игуменьи Геррады Ландсбергской: Hortus deliciarum. Тут собрано почти все современное автору знание о естественной истории, с обширной примесью баснословного и символического. Замечательный список этого сочинения XII века, писанный на пергаменте и с красивыми изображениями, хранится в Страсбурге85. Другое сочинение, не менее известное, написано по-французски флорентийцем Брунетто Латини под заглавием: Tresor. Он родился в 1220 году, а в 1260 принужден (был) покинуть родину по случаю владычества гибеллинов; он поселяется в Париже, где пишет свою книгу. Данте был его учеником86.

В XIV и XV столетиях сочинение английского францисканца Варфоломея de Glanville имело также большой успех.

Переведенное на французский язык в 1372 году августинским монахом Корбишоном, оно было очень распространено еще в XVI веке и известно под заглавием: Bartholomaei Anglici de proprietatibus renim alias allegoriarum sive tropologiarum in utrumque textum. Отрывки этого сочинения часто попадаются во французских романах об Александре Великом, под заглавием: Proprietez des bestes, qui ont magnitude, force et pouvoir en leurs brutalites87. Главное место между писателями этого рода занимает Vincent de Beauvais, [автор трех трактатов: 1) Speculum naturale (image des monde), около 1250 года; 2) Livre du cle?rge?; 3) Institutiones monasticae de bestiis et aliis rebus].

Все физиологические сведения, находящиеся в многочисленных сочинениях Запада, проникли в Россию посредством скандинавов и чрез Новгород. В Символическом словаре мы увидим следы западной символики на памятниках русских, а тут мы укажем на памятники письменные. Переводы русские и разнообразные списки доказывают то же самое распространение в народе, какое мы видели выше для сочинений греческих. Этот второй элемент, слившись в народных понятиях с греческой физиологией, придал русской символике не общий западный оттенок, а чисто скандинавский. В одной из рукописей моего собрания мы имеем письменное

доказательство, каким образом западная символика распространялась в России. В Сборнике № 5 находится отрывок латинского физиолога [(см. Прибавление VII-е)]; в этом же самом Сборнике (...) помещен также перевод Дамаскина Студита. Это сближение двух совершенно различных сочинений приводит к мысли, что собиратель-переписчик, может быть, желал соединить в одно совершенно разнородные источники русской символики. Этот отрывок весьма любопытен, указывая, какие новые сведения западная символика ввела в русскую. К несчастью, он не имеет заглавия, потому что переписчиком оставлено место для особой вписки заглавия, вероятно, киноварью; подобные пропуски часто встречаются в рукописях не только русских, но и византийских. Но и без заглавия можно догадаться, откуда он переведен. Во-первых, явствует, что оригинальный текст был по-латыни и пояснялся приложенными изображениями описанных людей и животных; всех картин было 32. Постоянно говорится о латинском летописце, из которого заимствовано много сказаний. Надо полагать, что переводчик употребил слово «летописец» вместо chronica. Chronica принималась у нас в одном совершенно значении, что космография88. И действительно, вся первая часть, обнимающая описание различных людей, наверное переведена из латинской космографии. Многочисленность этих сочинений затрудняет нас для положительного указания источника. Переводчик, кроме хроники, ссылается еще на Плиния, Оппиана, Вергилия, Аристотеля, Страбона, Цицерона и Лукана — из древних писателей; на св. Августина, бл. Иеронима, Антония и Солона — из духовных писателей. Кроме этих источников приводится свидетельство какого-то Астра философа и Павла Евыуша; в другом месте сделана ссылка на летопись деяний Александра Македонского. Эта летопись, говорит

месте сделана ссылка на летопись деяний Александра Македонского. Эта летопись, говорит автор, написана была Павлом Евыушем и Плинием для царя Александра Македонского. Вероятно, надо разуметь под этой летописью те многочисленные баснословные сказания об Александре Македонском, которые распространены были на Востоке, Западе и в России. Вообще состав статей сделан из выписок из древних писателей довольно кратко и не полно. Между этими остатками древнего мира попали статьи совершенно другого происхождения. Одна о панте (panteu) взята из французского физиолога Петра Пикардийца и переведена довольно близко к подлиннику, но с пропусками. Другая статья о пелиниконе напоминает предание, воспетое стихами в L' Image du monde ou le livre du clergie. Наконец, статьи о деревьях ауспрес взяты, несомненно, из преданий норманнских, занесенных самими норманнами во Францию и в Германию. Мы по возможности старались указать при каждой статье источники, откуда она заимствована*.

Описание разных людей

Намини

Илотаги

Сперматотаги

Андроги

Ихтиотаги

Пандоре

Ефасиинас

Цнеты

Нитрите

Аримаспи

Неурили

Атропифаи

Атропифаи(антропофаги)

Аримтеи

Сцитии

Сциподии и мономерии

Катании

Сатирь (зверь)

Цыномоили

Антапаты

Пихми (пигмеи)

Астонии

Астонии

Апотамии

Коромандеи

Тонасии

Химантоподесы

О зверях

Писонтес, дамой, лесные

быки

Алуес

Водоста, рыноцер,

велблюд

Камелопардалис

Павиос

Панте

Тегрец, церкопитецы, цафос

О змиях ползучих и пр.

Базилишеск

Саламандра

Преспар, сепс

Боа

Орка

Алцете

Флатерес

Лолиго

Люцерна

Козлы морские

Быки морские

Сколопендра

Крокодил

Хиполамы, тритонии

Хипподамы, тритоний

Грив

Онокротал

Парадызеа

Финикс

Пеленикан

Харпие

Куры, выпи, недопыри

Дерево ауспрес

Этот отрывок западного физиолога был украшен картинами, которых, к сожалению, нет в нашей рукописи; сохранились одни указания и нумера изображений. Эти (изображения) соответствовали описаниям и были, вероятно, заимствованы у тех источников, от которых заимствована вся статья; нам можно теперь восстановить вполне эту утрату, драгоценную для физиолога, воспользовавшись изображениями изданных западных физиологов в Melanges d'Archeologie и в Archiv fur Kunde Osterreichischer Geschichte. Quellen, II Band, потому что настоящие картины, наверное, были также заимствованы у этих самых источников или у других подобных, совершенно западных сочинений.

ГЛАВА IV

Образование русской символики.

Различные памятники письменные и вещественные.

Мы видели, какие источники для символики пришли к нам из Византии, видели также источники, сообщенные из Запада посредством наших сношений со Скандинавией, теперь нам остается изучить, каким образом эти различные элементы слились вместе и, переработанные народным духом, образовали русскую символику.

Влияние Востока оставило глубокие следы в самом построении русского ума и сказалось в нем особой любовью к притчам. Самые древнейшие памятники нашей литературы наполнены подобными примерами, и даже первые русские проповедники на каждом шагу выказывают свое пристрастие к притчам89. Этот приточный характер древних произведений и страстное предпочтение, питаемое к нему духовенством, способствовали развитию самой символики.

В памятниках письменных мы найдем богатый материал для символики, а в памятниках вещественных неоспоримое, осязательное, так сказать, доказательство влияния этой символики на все искусства в России. Можно усомниться иногда в истине филологического вывода; можно предположить, что автор, увлеченный особым пристрастием к исследуемому предмету, вывел заключения не совершенно верные или только относительно верные. Но при изучении вещественных памятников не может произойти никакого недоразумения, потому что сам памятник всякому человеку является в одном и том же виде. Так как наша главная цель — изучение этих последних памятников, то мы лишь бегло укажем на физиологические сведения, содержимые в письменных памятниках, более же подробные указания находятся, впрочем, в каждой отдельной статье Символического словаря.

I. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ

Памятники письменные составляют для символики богатый источник иногда совершенно

Памятники письменные составляют для символики богатый источник иногда совершенно положительных и верных сведений. Они распадаются на три отдела:

А) на памятники, писанные нарочно для символики;

Б) на памятники, не писанные нарочно для символики, но составляющие верный и богатый источник для нее;

В) на памятники, в которых символика употреблена как риторическое средство, орудие.

А) Первый отдел представляют физиологи.

Существование физиологов в древней русской литературе отдельными самостоятельными сочинениями доказывается издаваемым ниже (см. Прибавление (...)) русским физиологом. Он находится в нашем Сборнике № 496 (126 листов, формата продолговатого), писанном в XVII веке полууставом. Неправильное заглавие ввело в заблуждение одного из наших археологов, Ф. И. Буслаева, и заставило П. М. Строева при описании этой рукописи в каталоге рукописей Царского № 315 назвать ее подлинником90. Ф. И. Буслаев отнимает у этого физиолога значение самостоятельного труда, основывая свое мнение на следующих доводах.

Сборник № 496 состоит из пяти отдельных статей:

1) Подлинник, начинающийся введением: «Сию книгу Менологиум или Мартирологиум, то есть выличенье (перечень) Святых в лета Господня...»

2) Толкование имен человеческих.

3) Сказание св. Епифания Кипрского о двунадесяти каменех, иже бе на ефуде по числу двунадесяти колен израилевых.

4) Искроника. Сказание о диких людех. Перевод из латинской космографии; может быть, выписка из Weltchronik писателя XIII столетия Rudolf von Ems91. Мандихор помещен здесь между людьми.

5) Сказание по буквам о птицах и зверях.

Ф. И. Буслаев принимает все эти статьи за одно цельное, общее сочинение или, лучше сказать, за подлинник позднейший со всеми его прибавлениями, и выводит следующее заключение ((С. 166)): «Все эти мелкие подробности (об именах человеческих: о диких людях, о зверях) расположены в алфавитном порядке, точно так же, как и самые толкования живописные священных лиц и событий, так что весь этот Подлинник представляется нам как бы художественным словарем, а в своей второй части, после собственного подлинника, начинающейся толкованием имен человеческих (лист 94), а затем животных, народов и проч., он действительно оказывается не иным чем, как настоящим Азбуковником, т. е. старинным словарем, содержавшим в себе не только грамматические объяснения, но и исторические, и богословские, и всякие другие92. Даже можно сказать утвердительно, что эта часть Подлинника взята не прямо из самых источников, а извлечена уже из Азбуковников.» (Картины взяты из Козьмы, Студита, западн(ых) физиологов, Златой цепи, Максима Грека и Св. Писания.)

Из приведенных здесь слов проф. Буслаева мы видим, что он принимает остальные четыре статьи сборника нашего за отрывки из азбуковника, а между тем нам кажется, что есть много доказательств противоположного, т. е. что Сказание по буквам о птицах и зверях есть самостоятельное, отдельное сочинение неизвестного нам автора. Во-первых, сравнивая это Сказание с подобными ему статьями в азбуковниках, мы находим, что оно гораздо полнее и совершенно другого состава, чем в азбуковнике. В азбуковнике название объясняется весьма кратко и нигде не приводятся источники, которыми пользовались. Расположение по буквам ничего не доказывает, потому что и самые подлинники известной редакции были также

ничего не доказывает, потому что и самые подлинники известной редакции были также расположены по буквам. Во-вторых, сам автор ссылкою на азбуковники подтверждает, что он также считал свой труд совершенно иным, отличным от состава азбуковников. Например, в статье об уене, кроме прямой ссылки на азбуковник («а в грамматице в алфавите о уене пишет сице»), статья излагается совершенно противно азбуковнику, указав, что азбуковник другого, чем неизвестный автор. Третье возражение может быть обращено против того мнения Ф. И. Буслаева, что это Сказание взято не прямо из источников, а извлечено уже из азбуковников. Мы видим, что русский писатель почерпал свои сведения из древних западных и русских источников; на многие он указывает, а о других можно догадаться сравнением его описаний с подлинниками.

Таким образом, мы узнаем, что ему служили для составления его труда сочинения следующих писателей:

1) Козьмы Индикоплова;

2) Дамаскина Студита; в статье о слуке сказано: «Слука есть птица по-русски зовома, а по-Дамаскину наричема москос». Статья о москосе не находится в русском переводе Студита. Сверх того можно утвердительно доказать, что автор пользовался подлинным сочинением Дамаскина Студита на греческом языке, во-первых, тем, что ссылается на статью, не находящуюся в русском переводе, а во-вторых, сохранением названий греческих, замененных частью переводчиками русскими именами, как, например, автор пишет «ехидн» вместо «ежа морского» — названия, которым переводчик Дамаскина Студита заменил слово ????????, подлинника греческого.

3) Западных физиологов Петра Пикардийца и Вильгельма. Мы поместили тексты норманнских физиологов возле русского, чтобы яснее видно было, как близко автор переводил к подлиннику; например, в статье о харадре автор сократил ее немного, но сохранил даже расстановку слов подлинника норманнского. Статья об орле заимствована из западного бестиария, потому что не находится ни в греческих источниках, ни в русских; расположение всей статьи, а в конце переход к символическому значению сделаны по образцу статей в бестиариях; в азбуковниках же ничего подобного не находится.

4) Златой чепи; в статье о саламандре сказано: «о нем же и во Златой чепи списатель воспомянул, глаголя».

5) Жития св. Феклы; в статье о фоке сочинитель ссылается на житие св. Феклы и оканчивает статью следующими словами: «сим фокам победныя победи св. мученица Фекла; якоже пишет во стихирах ея списатель глаголя: победила еси фоки, мученице»93.

6) Из азбуковников; в статье об уене94.

7) Из Максима Грека; и, наконец,

8) из Священного Писания.

Из разнообразия источников, полноты статей, отсутствия некоторых из них в азбуковниках, присоединив ко всему этому особую редакцию, довольно близкую к англо-норманнским бестиариям, мы увидим, что это Сказание составляет самостоятельное сочинение, отличающееся весьма резко от азбуковников. Удостоверившись в самостоятельности русского физиолога, посмотрим, отчего он лишился древнего заглавия «Физиолог» и заменил его словами: Сказание по буквам о птицах и зверях. Нам кажется, что сами заглавия западных бестиариев могли навести автора на слово «сказание». На латинских списках физиолога иногда стоит Jo. Crisostomi dicta de naturis animalium, когда он приписывается Иоанну Златоусту, или просто: Dicta de naturis animalium95. Расположение по буквам автор принял, вероятно, в подражание азбуковникам, по легкому удобству.

Мы прилагаем к русскому физиологу изображения описанных зверей по рисункам тех же самых зверей, находящимся в русских рукописях, служивших автору источниками для его сочинения, как, например, Козьма Индикоплов.

Сравнив рисунки Козьмы Индикоплова с рисунками греческого подлинника, изданного Монфоконом, легко убедиться, что они одни и те же; следовательно, наши художники придерживались не только точности описания, но также и рисунков, так что рисунки греческих и западных рукописей всегда могут служить вместо наших русских, если последние еще не отыскались.

Сказание по буквам о птицах и зверях

Алконост (из Дамаскина Студита),

аспид глухой (ср. Bestiaire de Guillaume),

белена (кратко),

бобр (из Дамаскина),

вепреслон (из Козьмы Индикоплова),

грифонес (кратко),

дивий вол (из Дамаскина),

делфин (из Дамаскина),

ехидн (из Дамаскина),

езгул (из Дамаскина),

ехидна (?),

единорог (из К. Индикоплова),

жерентия (кратко),

желвы (?),

индрия (по западным бестиариям),

Ихнилат (?),

коркодил (из Дамаскина),

кастор (ср. Bestiaire ms. de Bruxelles),

куникулис (?),

конь (из К. Индикоплова),

конха (из Дамаскина),

каламанд (?),

многоножица (из Дамаскина),

муросоми (?),

мерона (из Дамаскина),

неясыть (из Максима Грека),

нигрипс, ног, грифонес (?),

нездророг (из К. Индикоплова),

одонтотуранос (из Дамаскина),

онагр (?),

овен (?),

орел (ср. Bestiaire de Pierre

и Максима Грека),

онокентавр (?),

онокротал (из латинского Физиолога,

с. (...)),

псин (из Дамаскина),

пробан (из К. Индикоплова),

пины (из Дамаскина),

прузи (?),

саламандр (из Златой чепи),

струм (из Дамаскина),

струфокамил (из Максима Грека),

слука (из Дамаскина),

скимне рыкающе (?),

сатур (?),

смилакс (?),

телорози (?),

тигрисы (?),

телчеслон (из Дамаскина),

уена (по бестиариям),

финике (из Дамаскина),

о фоце (?),

харадр (ср. Bestiaire de Pierre),

цета (из Дамаскина).

Этот физиолог весьма важный памятник для русской символики, в нем встречается даже описание растения, смилакса. Символика ботаники весьма редко попадается и в западных физиологах. Статья под заглавием «скимн рыкающий» совершенно грамматического содержания, но помещена, как видно, для объяснения символического термина: «яко скимн рыкающе», так часто попадающегося в Священном Писании.

Б) Памятники, не писанные нарочно для символики, но составляющие верный и богатый источник символики.

а) Азбуковники. Слишком кратки.

б) Златая чепь.

в) Златая матица.

г) Книги, признанные Стоглавым собором за еретические или отреченные, каковы: «Рафли, Шестокрыл, Вороногрaй, Остроном̀ий, Зодий, Альманах, Звездочетьи, Аристотелевы врата (т. е. Тайначпайных Аристотеля), и иныя составы и мудрости еретическия и коби бесовския, которыя прелести от Бога отлучают; и в те прелести верующи, многие люди от Бога отдаляются и погибают» (глава 41, вопр. 22). Эти книги содержат, без всякого сомнения, много важных материалов для русской символики.

д) Письма. Пог. VII. 388.

Письмо Володимера Мономаха к двоюродному брату Олегу Святославичу. Полн. Собр. Русск. Лет. I. С. 105—107.

Карамзин. II. С. 116. Пр. 177.

Письмо Иакова Мниха к вел. кн. Изяславу Ярославичу (1054—1073). [См. Погодин.]

е) Послания. Пог. VII. 389.

Два послания Печерского игумена Феодосия к вел. кн. Изяславу: о латинех, об употреблении мясной пищи. Калайдович.

Послание Иоанна к римскому папе Клименту III (1080—1100) об опресноцех. Калайдович.

Послание или духовная Владимира Мономаха. (Полн.) Собр. Русск. Лет. I. С. 100—105; Карамзин. II. С. 161. Пр. 230.

Два послания митрополита Никифора к вел. кн. Владимиру Мономаху. Калайдович.

Русск. Достопам. I. С. 59—75.

Карамзин. II. С. 168.

Послание инока Феодосия князю Святоше. Чтения в (Императорском) Общ(естве) Ист(ории) и Древн(остей Российских. М.) 1848. Год III. № 7. С. XVII.

Послание Симона, епископа Владимирского (1215—1226), к Поликарпу, черноризцу Печерскому. Пам. Русск. Слов. С. 242—257.

Кубарев. Рассуждение о Патерике. 1847.

Послание Поликарпа к Печерскому архимандриту Акиндину.

Чт. в Общ. Ист. и Др. 1847. № 9. С. 9.

Карамзин. III. Пр. 171.

Послание Даниила Заточника.

Калайдович. Пам. Рос. Слов. С. 225—240.

Карамзин в прилож. к VIII тому. С. 159.

ж) Поучительные слова.

Илариона, митрополита Киевского.

Прибавл. к Твор. Св. Отец. II. С. 204—299.

Чт. в. Общ. Ист. и Др. (М. 1848.) Год III. № 7. Отд. II. С. 21—41.

(См. Акты Арх. Эксп. I. С. 258.)

Макарий. История Русск. Церкви. I. С. 90.

После общей мысли о законе и благодати Иларион рассматривает их взаимное отношение под символическими образами сперва Агари и Сарры, потом Манасии и Ефрема.

Между западными рукописями встречается весьма часто сочинение, представляющее символическое соотношение Нового Завета к Ветхому Завету. Эти рукописи имеют заглавие: Concordantia veteris et novi Testamenti96; впоследствии из них происходит особый труд, повсюду на Западе распространенный: Biblia pauperum97. Сочинение этой Библии состоит из изображений всех происшествий как Ветхого, так и Нового Завета, поставленных одни возле других по их символическому соотношению. Эти изображения представлены были на многих памятниках, например, на алтарном образе в Клостернейбурге, и были любимыми предметами средневекового искусства. В России, как наследнике настоящего византийского искусства, наверно существовали подобные же сочинения, но они нам еще не попадались. Значение Ветхого Завета гораздо живее сохранено в греческой Церкви, чем на Западе; на литургии и вообще в церковном служении постоянно встречаются воспоминания Ветхого Завета и постоянно читаются книги ветхозаветные, так что сочинения вроде Concordantia и Biblia pauperum должны наверно находиться между византийскими и русскими рукописями.

Слова Кирилла Туровского. Максим Грек.

з) Вопросы и ответы. Пог. VII. 394.

Иоанна, митроп(олита) русского (1080—1089), Иакову черноризцу.

Русск. Достопам. I. С. 86—103.

Черноризца Кирика Новгородскому епископу Нифонту (сконч. 1156), с заветами игумена Аркадия, архиепископа Илии, Савина, Клима, Марины и черница Луки-Евлокима. Калайдович

Аркадия, архиепископа Илии, Савина, Клима, Марины и черница Луки-Евдокима. Калайдович. Пам. Рос. Сл. С. 165—203.

Карамзин. II. Пр. 380.

Прибавление к церковному уставу. Калайдович. Пам. Рос. Сл. С. 220—224.

Карамзин. II. Пр. 267.

и) Жития. Патерик Печерский. (А.) Кубарев. Исследование о Патерике в Общ. Ист. и Др. (М.) 1847. Год II. № 9. С. 1—40.

В наших житиях мы встречаем те же самые отношения между зверями и людьми, как в западных рукописях. Везде, где звери находятся в столкновении с людьми, мы видим их всегда в полном повиновении, даже, можно сказать, в услужении у людей: змеи, львы, медведи, птицы смиренно повинуются и прислуживают святым пустынникам и отшельникам; но тогда эти звери не имеют никакого символического значения, а являются в настоящем своем виде; на памятниках они изображаются при святых для исторической верности самого изображения. Таковы, например, вороны пророка Илии, медведица пророка Елисея и т. п.

Когда же эти звери помещены в житиях в значении символическом, то отношения их к святым совершенно изменяются. Они делаются или символическими изображениями злой, враждебной силы, или символическими олицетворениями самого диавола, или же являются в знак несчастья и вообще в знак всякого угрожающего зла.

й) Путешествия. Погод. VII. 398.

Паломник или хождение Даниила Русския земли игумена. Сахаров.

к) Поэтические произведения.

Слово о полку Игореве.

л) Народные песни. Древн. Рос. Стихотворения, собранныя Киршею Даниловым.

Народная поэзия должна была непременно носить следы символики, если та действительно существовала в народе; русские древние песни поэтому служат нам важным памятником

физиологическим, они доказывают, как глубоко символика вкоренилась на Руси. Сверх того, они убеждают нас, что символика так глубоко вкоренилась в народной поэзии, вошла и в самый дух, в самое настроение народного ума, и оттого должна проявляться и на памятниках вещественных. Так что недостаток изданных вещественных памятников пополняется народными песнями и ясно доказывает всю обширность русской символики. Мы здесь не делаем отдельных выписок, потому что все замечательные для символики и физиологов места приведены в Символическом словаре.

м) Хронографы.

н) Устав (Урядник) сокольничаго пути.

Птица Гамаюн. (?)

Письма царя Алексия Михайловича. Издание (П.) Бартенева.

II. ПАМЯТНИКИ ВЕЩЕСТВЕННЫЕ

Многочисленные материалы для русской символики и примеры, каким образом писатели пользовались этими материалами, содержатся в письменных памятниках. Памятники вещественные, напротив того, показывают нам приложение символики к искусствам. Не

вещественные, напротив того, показывают нам приложение символики к искусствам. Не оставаясь достоянием одной риторики, одним орудием красноречия, эта наука глубоко проникла в дух самого народа, как это свидетельствуют песни, и завладела искусством. Тут русская символика является уже самостоятельной наукой, а памятники вещественные делаются самыми верными и точными ее источниками. Но при пользовании этими источниками необходимо прежде всего подвергнуть их строгой критике, различить между сведениями, из них почерпаемыми, те, которые положительны и основаны на неоспоримых доказательствах, и те, которые объясняются только догадками; и тогда мы убедимся в разительной разнородности, существующей в самих источниках. Одни А) совершенно положительны, составляют верные, неоспоримые данные для символики; другие источники Б) не столь положительны, допускают догадки и часто объясняются одними догадками. Но и тут этим способом объяснения следует пользоваться весьма осторожно, ничто так легко не может ввести в ошибку, как догадка. Она кажется иногда совершенно правильной, придает даже памятнику какой-то смысл; а между тем совершенно ложна, потому что противоречит правилам общей символики.

К А) источникам положительным для символики мы причисляем те вещественные памятники, символическое значение которых определено ясными и положительными доказательствами. Между ними бывают два разряда памятников:

а) Памятники, коих символическое значение объясняется особыми надписями или особыми толкованиями или поясняется самим текстом, к которому они относятся.

б) Памятники, изображенные на которых животные и растения, как явствует из самого текста или из особых надписей, помещены как исторические атрибуты или как предметы естественной истории.

Б) Источниками неположительными мы назовем те памятники, коих символическое значение объясняется одними догадками или сравнением с другими подобными памятниками. Их также следует подразделить на два разряда:

а) Памятники, которые имеют все признаки символического содержания, но символизм которых объясняется одними догадками.

б) Памятники, имеющие все видимые признаки символических, но изображения на которых, по всей вероятности, не имеют

никакого символического значения, а употреблены только как украшения.

А) ИСТОЧНИКИ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ

а) Памятники, коих символическое значение объясняется особыми надписями или особыми толкованиями или поясняется самим текстом, к которому они относятся.

1) Иконы ко Св. Писанию. Русское иконописание, наравне с греческим, служит нам одним из важнейших источников. Оно тем более важно для символики, что изображая наглядно сказания священных книг, иконописание этим самым делается самым верным для нее руководством. Символика не могла отступать ни от книг Священного Писания, ни от икон. Символические изображения на иконах делаются ясными и положительными типами, помещаемыми в одном и том же значении на всех памятниках; но, к несчастью, таких типических символов встречается очень мало. Так на всех многочисленных иконах ветхозаветного содержания мы не имеем ни одного положительного символа; они более исторического, чем символического содержания, а потому, например, даже змея в изображении грехопадения может считаться лишь историческим атрибутом самого изображаемого события, а не символом грехопадения. В иконах из Нового Завета символический элемент проявляется гораздо чаще и даже постоянно сопровождает историю; он иногда даже так тесно связан с исторической верностью, что переходит в исторический атрибут. Таким образом голубь делается типичным символом Духа Святого: на иконе Богоявления голубь — исторический атрибут для изображения самих слов Священного

Писания: «виде Духа Божия сходяща яко голубя» (Матф. 3, 16), «и Духа яко голубя, сходяща нань» (Марк 1, 10), «И сниде Дух Снятый телесным образом яко голубь, нань» (Лука 3, 22), «Духа сходяща яко голубя с небесе» (Иоанн 1, 32). Присвоенный здесь, на точном основании слов Св. Писания Духу Святому символ голубя помещается затем на всех иконах, где является Дух Святой (Благовещение, Вселенские Соборы и проч.). На иконе Сошествия Святого Духа помещается также голубь, хотя в Священном Писании о нем не упоминается: «И явишася им разделени языцы яко огненни» (Деяния 2, 3). Иконописание, принужденное с точностью выразить эти слова, поместило наверху иконы голубя, от которого нисходят огненные языци98.

Другой типичный символ, агнец, основанный также на словах Евангелия: «се Агнец Божий, вземляй грехи мира» (Иоанн 1, 29), встречается в византийском иконописании только до VII столетия, до запрещения, наложенного на это изображение Трулльским собором99, и в русском иконописании оно нигде не встречается, исключая иконы, представляющие видения апокалиптические, где агнец изображается уже как атрибут, как точное представление самого видения Иоанна Богослова.

Илл. 18

На этих же самых иконах, представляющих какое-нибудь событие земной жизни Христа, присоединяются часто изображения, символически выражающие (слова) Св. Писания, относящиеся к написанному моменту. На иконе Богоявления, например, помещаются олицетворения Иордана и моря с видом испуга для выражения слов Давида (Псалом 113, 3): «Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять» (илл. 18).

На той же самой иконе часто изображается олень, пьющий из Иордана; уже Давид (Пс. 41, 1) сравнил душу с оленем: «Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже», и олень, стремящийся к Иордану, представляет здесь алкание христианских душ к Таинству Крещения.

2) Кроме самих икон, в иконописании был еще другой источник, обильный памятниками; это лицевые подлинники. Когда письменные подлинники перестали ограждать иконописание от влияния западного Возрождения, то начали составлять подлинники лицевые из переводов известных хороших икон; впоследствии, впрочем, и эта мера оказалась недостаточной.

Лицевой Подлинник XVIII века на 12 листах у Ф. И. Буслаева.

Киевские печатные листы (Буслаев. С. 34).

Лицевые Подлинники гр. Строганова. Два.

Илл. 19

3) Иконы символические. Символические иконы более всех прочих источников доставляют символике много верных данных. Не надо думать, что эти изображения проявляются только в русском иконописании; они совершенно свойственны самому духу Церкви и в особенности греческой, от которой перешли к нам. Мистическое настроение восточных Отцов Церкви породило подобное же направление и в иконописании. Греческий Подлинник, изданный г-м Дидроном, хотя сам он и памятник позднейший, но все-таки носит следы того пути, по которому следовало иконописание, чтобы дойти до чисто символических изображений. В самом Священном Писании лежал этот зародыш. Изобразив на иконах всю, так сказать, историческую часть земной жизни Христа, заметили, что упустили из виду одну из главнейших частей Евангелия, притчи Христовы, в которых Божественный Учитель примерами из видимого мира старался еще осязательнее объяснить Свое учение. Изображение иконным образом этих притчей невольно передавало символически целый ряд отвлеченных идей. После изображения притчей Евангельских наверное начали писать и откровения Апокалипсиса (илл. 19). И в тех и в других

иконах главное основание составляет символика. Тут она начала развиваться как наука отдельная, как мистическая отрасль богословия. К этим двум родам символических икон присоединился вскоре и третий. Начали изображать хваления, названия, данные Церковью Богу, или качества самого Божества. Так, например, изображали иконно Благое Молчание, Софию Премудрость Божию. Изречение Давида (Пс. 109, 4): «ты иерей вовек по чину Мелхиседекову», развито символически в икону, называемую «Божественная литургия», ?? ????? ???????????100. Отсюда также произошло изображение Спасителя в святительском облачении как ?????? ??????????. «Всякое дыхание да хвалит Господа»101; Собор св. архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных; Собор всех небесных сил бесплотных, и пр. подробно описаны в греческом Подлиннике102.

Молитвы, воззвания, названия Богородицы также были изображаемы на иконах; такова композиция «Свыше пророци»103.

Илл. 20

В русском иконописании мы встречаем то же само. Церковь называет Богородицу [в акафисте] белым крином, и оттого мы видим этот цветок на иконе Владимирская Божия Матери в Грузинской церкви в Москве104. Богородица представлена на цветущем дереве (илл. 20). Она окружена как бы венком из белых лилий, роз и листьев. Дерево исходит из пятиглавой церкви; корень его, насажденный вел. кн. Иоанном Калитой, поливается из кунгана святителем Петром. Две ветви виноградные выходят из боков ствола и поддерживают изображения московских святителей Алексия, Киприана, Фотия, Ионы, Филиппа, Иова, Филарета, святых Александра Невского, Михаила, царя Феодора, царевича Димитрия и преподобных Сергия, Никона, Пафнутия, Симона, Андроника, (юродивых Василия), Иоанна водоноса и Максима блаженного. Каждый святой держит в руках хартию с похвальным воззванием к Богородице. На самом верху иконы — Господь Бог на небесах; по сторонам Его два парящие ангела. Над главами Калиты и митрополита Петра следующая, заимствованная из Псалтири ((Пс. 79, 15—16)) надпись:

«Господи призри с Небесе и виждь,
посети виноград сей, и соверши,
его же насади десница Твоя».

Пятиглавая церковь, или Успенский собор, возвышается посреди Кремлевской стены, со стороны Спасских ворот. За Калитой стоит княгиня Марья Ильинична, а перед нею князья Феодор и Алексей Алексеевичи, за митрополитом Петром — царь Алексей Михайлович. Икона эта написана Пименом, прозванным Симоном Ушаковым, в 1668 году. Видно, что художник хотел создать подражание греческим иконам «Свыше пророци» и поклонениям Богородице (salutations). Часто встречается как в греческом, так и в русском иконописании изображение Древа Иессеова, или символическое олицетворение следующих слов пр. Исайи (11, 1—3): «И изыдет жезл из корене Иессеова, и цвет от корене его взыдет. И почиет на нем Дух Божий, Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия; н исполнит Его Дух страха Божия». Тертуллиан105: «Et nascetur virgo de radice Iesse, quod est Maria» («И родится дева от корня Иессеева, то есть Мария»), и многие другие Отцы Церкви упоминают о символизме Исайиных слов. Чрез них, вероятно, перешла мысль этого символизма в иконописание, которое изобразило следующим образом: праведный Иессей лежит и спит; из груди его исходят три ветви; одна идет прямо, и на ней изображены цари Иудейские, от Давида до Христа; на самом ее верху Рождество Христово. Обе остальные ветви, по бокам средней, поддерживают — наверху пророков, под ними — греческих мудрецов и Валаама. Каждый держит свиток, на котором написано изречение; взорами они все обращены к Рождеству106. То же самое изображение написано во многих церквях и монастырях или отдельным образом. В моем собрании.

Необходимо здесь упомянуть о другой иконе, на которой выражена символически связь семи Таинств со Христом, распятым для искупления рода человеческого. Она находится в Переяславском соборе.

К этим символическим иконам присоединяются образы аллегорические, которые посредством олицетворений и символики передают наглядно идеи отвлеченные, служащие для нравственного воспитания христиан. Тут символический элемент берет перевес; вся мысль иконы основана на нем, оттого, должно полагать, что этот крайний род иконописания был последней, высшей степенью, до которой оно дошло. Он мог родиться только после изображения притчей, Апокалипсиса, олицетворений, изречений Ветхого Завета, хвалебных воззваний и качеств Божества. Иконы аллегорические присоединяются к церковному иконописанию не столько по написанному изображению, сколько по цели своей. Это не иконы, а писанные наставления; это нравственные поучения для нечитающего народа. Вошедши весьма рано в состав иконописания, они перешли к нам, и уже в XII столетии мы видели в русских церквях признаки символики. Вероятно, сначала они строго придерживались греческих переводов, но потом в XV столетии получили более обширное развитие под влиянием Запада. В то время изучение памятников древнего мира возбудило во всей остальной Европе особое направление к восстановлению древнейших форм и отчасти к воскрешению и древнейших мыслей и учений; одним словом, Возрождение было самым искусным смешением воспоминаний древнего языческого мира с христианскими преданиями. Влияние Возрождения было так сильно во всей Европе и так глубоко вкоренилось в умы под покровительством схоластики, что оно не могло не иметь хотя слабый, но внятный отголосок и в восточном искусстве. Греция и Россия получили его посредством постоянных своих сношений с Западом. У нас влияние Возрождения в особенности принесено фряжскими художниками и иностранцами, приезжавшими в Новгород. С этих пор в символике проявляется новый элемент — античный; много олицетворений и форм заимствовано от древнего греческого или римского искусства. Мифология этих народов отразилась на некоторых символических памятниках, сохраняя свои отличительные черты довольно ясно и даже резко.

Илл. 21

В греческом подлиннике, принадлежащем к концу XVI века, черты, обрисовывающие влияние Возрождения, весьма заметны в символике аллегорических икон. Тут описываются следующие изображения: 1) Жизнь истинного монаха (Manuel. P. 402(—411)); 2) Небесный путь спасения души; 3) Смерть лицемера (ипокрита); 4) Смерть праведника; 5) Смерть грешника; 6) Обманчивость времени земной жизни. Из этих икон мы можем заключить, что 1) ад изображался в виде дракона или змеи в темной пещере, или в виде большой змеиной пасти; над ним ставили надпись: «всепожирающий ад» (илл. 21). Кроме того, змеи означали также и угрызения совести, ибо часто писались над самой пещерой, с надписью: «угрызения совести». 2) Прелести земного мира представлялись в виде всадника на белом коне. Богатая его одежда шита золотом и опушена мехом; на голове меховая шапка. В правой руке он держит сосуд с вином, в левой — копье. Над ним надпись: «безумный мир». 3) На изображении Смерти лицемера змея, выползающая из его рта, представляет нам этот порок.

Илл. 22

К этим положительным данным для символики присоединяются некоторые олицетворения, носящие следы античного искусства. Так, например, на изображении Жизни истинного монаха сладострастие олицетворено в виде юноши, совершенно обнаженного, с повязанными глазами и с луком в руках, из которого он пускает стрелу в монаха. Смерть является всегда с большой косой и с песочными часами — атрибуты Сатурна. На изображении Обманчивости времени земного мира следы древнего языческого искусства гораздо явственнее. На самой середине представлен Космос, как на иконах Сошествия Духа Святого. Кругом него помещены олицетворения весны, лета, осени и зимы в виде мужчин с атрибутами, свойственными каждому времени года. Потом следуют месячные знаки и семь возрастов человека. По бокам всего изображения колеса, в котором заключаются все эти изображения, два ангела. Налево ангел с надписью «ночь», направо — такой же ангел с надписью «день».

Мы теперь видели, каким образом греческое иконописание постепенно дошло от икон исторических до икон символических. Этот новый элемент, не разграниченный так резко, как сюжеты обыкновенных икон, должен был оттого сильно развиться и вместе с тем развить и саму науку о символике, оставаясь всегда неотъемлемой собственностью церковного иконописания.

В русском иконописании мы встречаем те же самые различные степени символических икон (илл. 22). Притчи, Апокалипсис, олицетворения хвалебных воззваний или наименований встречаются во всех почти церквях. Но из всех них аллегорические образы всех более содержат материалов для русской символики.

К этой самой категории принадлежала стенная живопись в Царском дворце в Москве при Иоанне IV Васильевиче. Она, к несчастью, давно уже не существует, но мы имеем довольно подробное описание ее в Розыске о деле дьяка Висковатова107. Сомнения, возбужденные этой живописью в уме необразованного дьяка, сохранили нам описание этого памятника, столь важного для символики.

Главный предмет этой живописи была притча св. Василия Великого, которой он обратил в христианство учителя своего, язычника Еввула. Так было объяснено Висковатому на Соборе. Чтобы хорошо понять, каким образом передана была посредством символики притча Василия Великого, надо сначала прочесть его (Висковатова. — Публ.) слова.

На середине стены изображен был на небе Спаситель на херувимах. Над ним надпись: «Премудрость Иисус Христос». В Розыске объяснено, что Спаситель на херувимах «прообразует Святое Крещение и чашу, которую Спаситель приял плотию в распятии, и которая есть оцет с желчию смешан». Это же самое изображение описано в Подлиннике, принадлежащем гр. Строганову; но также весьма темно.

«А что Спас сидит на херувимах, в кругу Его писано: Седяй на херувимах, видяй бездны, промышляяй всяческая, устрашаяй враги и возносяй смиренныя духом. На правой стороне Ангелу надпись, что чашу держит: Чаша гнева Божия, вина не растворенна, исполнь растворения. Милосердию подпись: Душу свою за други своя положи».

Пониже, под изображением Спасителя, написан был ангел с обозначением: «Дух страха Божия». Под ним, еще ниже, олицетворение Жизни со светильником в правой руке и с копьем в левой. У нее под ногами семиглавый дьявол. По сторонам этой средней картины были написаны две двери; над правой помещены олицетворения четырех добродетелей: Мужества, Разума, Чистоты и

Правды. Над левой дверью — олицетворения четырех пороков: Блуждения, Безумия, Нечистоты и Неправды.

Кроме этих символических изображений живопись простиралась и по бокам этих дверей. «За дверью с правой стороны писано земное основание и море, и приложение тому в сокровенная его, да ангел — Дух благочестия. Да около того четыре ветра, а около того всего вода, а над водою твердь, а на ней Солнце, к Земле спускающееся; да ангел — Дух благоумия, держит Солнце. Под ним от Полудня гонится Ночь за Днем; а под тем Добродетель да ангел; а подписано: Рачение, да Ревность, да Ад, да Заяц».

«А на левой стороне за дверью писана тоже твердь, а на ней написан Господь в виде ангела, держит зерцало да меч. Ангел возлагает на Него венец. А тому подпись: Благословиши венец лету благости Твоея.

Под тем колесо годовое. У Года колесо. С правой стороны: Любовь, да Стрелец, да Волк; с левой стороны Года: Зависть, а от ней слово к Зайцу: Зависть люто вред, от того бо наченся и прискочи братоубийц. А Зависть пронзила себя мечом. Да Смерть. А около того всего твердь; да ангелы служат звездам и иныя все утвари Божия. Да четыре ангела по углам: Дух Премудрости, Дух Света, Дух Силы и Дух Разума».

В статье своей о Розыске профессор Буслаев указал, каким образом западная живопись отразилась в нашем иконописании; нам остается только рассмотреть этот Розыск как материал для отечественной символики и узнать, какими данными эта стенопись обогащает ее. Главное место в этой живописи занимают олицетворения. Мы сперва видим, что ангелы олицетворяют дары Духа Святого: Дух страха Божия, Дух Благочестия, Дух Благоумия, Дух Премудрости, Дух Света, Дух Силы и Дух Разума; то же самое, как на иконе «Благое Молчание», где написан ангел с тороцами. Потом мы встречаем два противоположных олицетворения: Жизнь и Смерть. Первое держит в правой руке светильник, а в левой — копье.

Смерть, вероятно, представлена была с косой, потому что как бы нарочно указано, что Время с колесом, следовательно, атрибут Сатурна был предоставлен Смерти.

Олицетворения добродетелей и пороков, без всякого сомнения, были сделаны в виде женщин, как это явствует из замечания Висковатова: «В палате в середней Государя нашего написан образ Спасов, да тутож близко него написана жонка, спустя рукава кабы пляшет, а подписано над нею: Блужение, а иное: Ревность, а иные: Глумление».

Во всей живописи добродетели поставлены в противоположность к порокам. Исчисляются:

Мужество — Блуждение,

Разум — Безумие,

Чистота — Нечистота,

Правда — Неправда,

Рачение — Ревность,

Любовь — Зависть.

Добродетели помещены над правой дверью, пороки над левой; можно из этого заключить, что в то время знали еще символическое значение правой и левой стороны; все хорошее было направо, все дурное — налево. Мы это же самое различие встречаем уже в скандинавских и славянских суевериях108: обращали внимание на бег зверей, на полет птиц.

Число добродетелей и пороков, как не основанное на сказаниях книг Священного Писания, не было положительно определено; одни исчисляли их более, другие — менее. На Западе существовала та же самая неопределительность; на соборе в Шартре109 представлено четырнадцать добродетелей, а, напротив того, на заглавном листе рукописной Библии IX столетия в церкви св. Каликста в Риме110 представлено только четыре добродетели: Prudentia, Justitia, Temperantia и Fortitudo (Разум, Справедливость, Умеренность, Мужество).

Художники наши, олицетворив добродетели в виде женщин, последовали правилу, провозглашенному для западной символики Дурандом111: Virtutes in mulieris specie depinguntur, quae mulcent et nutriunt (Добродетели изображаются в образе женщины, потому что они ласкают и питают). Совершенно подобные же олицетворения пороков даже на Западе встреча лись весьма редко, в особенности же редко встречаются они до XIII века. Г-н Шнаазе112 замечает, что обыкновенно принимали семь добродетелей и столько же пороков. Первые состояли из четырех добродетелей, заимствованных из Платоновой республики: Правосудия, Умеренности, Разума и Мужества (Justitia, Temperantia, Pradentia, Fortitudo), и из трех добродетелей христианских: Веры, Любви и Надежды (Fides, Amor (или) Caritas, Spes). Пороки состояли из смертных грехов: Гордости, Зависти, Гнева, Лени, Скупости, Пьянства и Блуда (Superbia, Invidia, Ira, Acidia, Avaritia, Gula, Luxuria). Сравнивая нашу стенопись с этим исчислением, мы увидим, во-первых, что на ней было олицетворено только шесть добродетелей и пороков; во-вторых, не те, которые

обыкновенно изображались на западных памятниках.

Из добродетелей мы имеем:

Мужество — fortitudo fortitudo

Разум — prudentia prudentia

Чистота — castitas prudentia

Правда — veritas вместо: justitia

Рачение — temperantia temperantia

Любовь — amor amor или caritas

Надежда и Вера пропущены; на их место взяли Чистоту.

Из пороков:

Блуждение — desperantia

Безумие — imprudentia

Нечистота — impudicitia luxuria

Неправда — mendatia

Ревность — obtrectatio (amoris)

Зависть — invidia invidia

Пропущено Пьянство и заменено Ревностью. Выбор, сделанный нашим художником, имеет большое сходство с выбором, сделанным Джионино, который в Падуе в церкви S. Maria del arena изобразил следующие пороки: injustitia, ira, stultitia, inconstantia, infidelitas, invidia, desperantia. Западная символика обыкновенно изображала эти олицетворения с атрибутами, изъясняющими значение самого олицетворения. Иногда это были предметы, но большей частью при каждой

добродетели или каждом пороке помещали животное, коего качества по физиологу соответствовали этой добродетели или этому пороку. Многочисленность памятников, доказывающих это соединение животной символики с олицетворениями, так велика и обыкновенна, что не стоит их исчислять. Для нас только то замечательно, что художники, украсившие государеву палату живописью, следовали образцам западным, как это доказывает олицетворение Любви.

В почти постоянно темном описании стенной живописи слова: Любовь, да Стрелец, да Волк, поставлены вместе и должны выражать одно общее символическое изображение. Где необразованный дьяк не умеет описать какое-нибудь изображение, там он обыкновенно ставит слова одно за другим, связывая их союзами, и тогда эти собранные слова выражают одну общую картину. Проф. Буслаев видит в этом месте описание Венеры с амуром, напрягающим лук; но в этом объяснении Волк остается без всякого значения. Сравнив слова Висковатова с описанием олицетворения Целомудрия в немецкой рукописи № 308113 XV столетия в монастыре Гетвейх (Goettweih), мы найдем в нем все черты, обозначенные здесь, т. е. любовь чистую, целомудренную, стрельца и волка. Вот это описание.

II. Geheuschayt chumbt auf einen eingechuren... Вероятно, таким же самым образом объясняется и символическое значение зайца, помещенного во зле Зависти, которая к нему даже обращается со

словами: «Зависть люто вред, от того бо наченся и прискочи братоубийц». Замечательно, что изобразили Зависть пронзила себя мечом, совершенно так, как обыкновенно олицетворяли Отчаяние114, слова ее намекают на смерть Авеля. Символическое значение зайца несомненно было нехорошее, потому что даже иногда волк в скандинавских песнях, как и зверь Одина, означает победу; но заяц никогда не был признаком счастья или удачи, его ставили в противоположность к волку и говорили, что кто увидит зайца, перебегающего через дорогу, тот лишается и храбрости, и всякой удачи. Вообще с древнейших времен до средних веков всегда советовали: occursum leporis timere (бояться встречи с зайцем)115. Но какое именно соотношение существовало между олицетворением Зависти и зайцем, нам не понятно.

Хотя мы в описании Розыска находим мало подробностей об олицетворениях добродетелей и пороков, но мы, по возможности, доказали, что они тут заимствованы были из западной символики. Не следует из этого заключать, что все олицетворения на русских памятниках имели один и тот же источник, потому что встречаем совершенно противоположный пример в лицевом Подлиннике XVII века гр. Строганова. Профессор Буслаев116 описывает икону Собора Пресвятыя Богородицы следующим образом: «По левую сторону сидящей в кругу Богородицы с Младенцем Христом изображена странная фигура, идущая от этого круга. Она в мохнатой одежде, напоминающей костюм пастуха в изображении Рождества, но без бороды, будто юноша или женщина; в руке держит цветок. В этой странной фигуре я позволяю себе видеть грубое искажение некогда художественного олицетворения пустыни, помещавшегося в изображении Собора Богородицы: это девица полунагая, с правого плеча одеяние спустилось, сама обвилась травою, около нея цветы».

Тут олицетворение Пустыни взято не из западной, а из византийской символики, в которой мы часто встречаем совершенно почти подобные олицетворения.

Илл. 23

Укажем еще на одну икону, весьма интересную по отношению ее к русской символике, находящуюся в Вене в Munz- und Antiken-cabinet117. Это икона аллегорическая XVII века, писанная на доске обыкновенным письмом, называемым монастырским. Она изображает олицетворение Души чистой и в особенности важна и драгоценна по многочисленности положительных сведений, которые она сообщает для символики. На верхней части иконы длинная надпись объясняет ее символическое значение: «Душа чистая аки девица, преукрашенна всякими цветы, стоит превыше солнце. Луна у нее под ногама; ея молитва у нея изо уст аки пламен до небес и превыше небес; слезами терние греховное погоси; постом льва свеза, смирением змия украти, диявол поде аки кот не може терпети доброты человеческия к Богу» (илл. 23).

Душа представлена в виде девицы в короне и в венце, одетой как византийские императрицы; она стоит на луне; над нею чистое небо со звездами. Правой рукой приподняла потир, из которого возвышающиеся узоры означают пламя, или молитву ее. Такой же самый узор, сделанный наверху, над венцом, изображает слова надписи: «ея молитва у нея изо уст аки пламен до небес и превыше небес». Левой рукой она держит другой сосуд и привязь, обхватывающую шею льва. Лев открыл пасть и с яростью оборачивает голову назад к девице. Над львом изображен в человеческом виде крылатый диавол, он падает головой вниз. Над ним помещено солнце, немного ниже головы девицы. В левом нижнем углу образа темная пещера, в которой сидит нагая фигура черного цвета, с грустью облокотившаяся на правую руку; вокруг ее головы венец, а немного повыше надпись: «Душа грешная тмою помрачена».

Над этой пещерой сидит крылатый дракон; голова, крылья и лапы красного цвета, тело — зеленого. Он оборотил голову назад и как бы скалит зубы на девицу. Над ним и над прочими животными пояснительные надписи: «змии», «лев», «диявол». На самом верху на небесах, окруженный облаками, Иисус Христос сидит на престоле, правой рукой благословляет, левой держит Евангелие; под ногами скамья. Вокруг головы крестчатый венец с надписью: ?? ??.

Направо от Христа стоит та же самая аллегорическая фигура Души; над нею надпись: «Душа чистая». Она с почтением нагнула голову и подняла руки с видом моления. Налево от Христа ангел, вероятно, ангел-хранитель этой Души, молится о ней Христу. По сторонам представлены разбитые двери ада. По бокам всей иконы изображены четыре святых, по два на каждой стороне. На правой: «Св. Аверкей Ерапльской» и «Ворламе Преподобный», на левой: «Кн. Михаила Чернигавский» и «Св. (А)Настасея».

Олицетворение Души в виде девицы соответствует и самому слову, которое на всех языках в женском роде118: ?????, anima, ame, dusza, душа, duse, dusha, duszia и проч. Первое, что замечает надпись, есть тесная связь Души с цветами: «преукрашена всякими цветы», которые выражают все хорошие качества. Не только в скандинавской, но и в славянской мифологии видим мы эту тесную связь. Воображение всех почти народов обращало души умерших или в цветы, или в птиц, а часто даже соединяли они оба понятия вместе, как у чехов язычников, которые полагали, что душа в виде птицы до тех пор порхала беспокойно по деревьям, пока тело умершего не было сожжено119. Из прибавленного слова «всякими» можно, кажется, заключить, что все цветы без различия означали качества Души. Надо также заметить, что на этой иконе представлены на небе две звезды, одна на правой стороне, а другая на левой стороне. Первая звезда гораздо красивее второй и, вероятно, означает Душу Чистую, а вторая — Душу Грешную. Звезды и у нас означали души умерших; у всех народов падающая звезда была знаком кончины, оттого финны и литовцы называют Млечный путь путем птиц, т. е. душ120. Из растений, по словам надписи, терния олицетворяют грех, но они на иконе не изображены.

Венцы, окружающие головы аллегорических фигур Души Чистой и Души Грешной, не означают, как обыкновенно, святость или власть, а, кажется, служат только знаком для объяснения, что написанные человеческие фигуры суть олицетворения существа духовного. Совершенно в подобном значении видим мы венцы вокруг изображений знаков Зодиака в Святославовом Сборнике121, эти венцы суть только знаки, показывающие, что Стрелец и Дева не суть человеки, а олицетворения небесных светил или отвлеченных понятий. Это был византийский способ олицетворять; на Западе же, напротив, олицетворения часто не имели венцов и ничем не различались от обыкновенных человеческих фигур. Мы видим пример этого на Новгородских вратах, сделанных западными художниками122. На них встречаются олицетворения Крепости, Убожества и проч. (илл. 24); но если не было бы надписей, то мы решительно не могли бы догадаться, что эти воины, вооруженные щитами, суть олицетворения отвлеченных понятий. Чистота душевная выражена чистотой телесной, девственностью; корона есть признак уже одержанной победы над пороками, над диаволом, который падает. Другой способ символически выразить эту победу над диаволом представлен здесь разбитыми дверями ада. Темный, черноватый цвет означает греховную тьму, Душа грешная и диавол одного совершенно цвета. «Постом льва связа». Пост выражен привязью, на которой находится лев. Лев означает порок и, вероятно, блуд, потому что, так как в надписи сказано: «смирением змия украти», то змей, без сомнения, олицетворяет здесь гордость; и слова надписи объяснялись бы следующим образом: смирением побеждаешь гордость, а постом — похоти. Замечательно также, что на надписи «змии» видно, что у нас не делали различия между змеем и драконом, и что изображали одного вместо другого. То же самое отсутствие всякого различия встречается и в памятниках скандинавских. Диавол сравнивается с котом, который «не может терпеть доброты человеческия к Богу». Кот делается символом диавола, противником любви к Богу. Это символическое значение зла, дурного, не было свойственно одному коту, но всем зверям одной с ним породы123.

Илл. 24

4) Рукописи, украшенные рисунками124.

5) Печатные книги, украшенные картинами125.

1491. Шестоднев. Краков. 2°. С гербом г. Кракова.

1491. Часослев. Краков. 4°. С гербом г. Кракова.

1512. Евангелие. Угровлахия. 2°. С гербом Угровлахийским.

1517—1519. Библия Фр. Скорины. Прага. 4°. С 42-мя картинами и портретом Скорины.

1534. Требник. Угровлахия. 4°. С гербом Угровлахийским.

1537. Октоих. Венеция. 2°. С 6-ю изображениями святых и гербом Божидара.

1538. Сборник, или Общая минея. Венеция. 2°. С гербом Божидара и 35-ю картинками.

1546. Псалтирь следованная. Венеция. 4°. Вокруг каждой страницы фигурные украшения с ликами святых.

1547. Апостол. Терговище. 4°. С гербом Угровлахийским.

1547. Молитвослов. Венеция. 8°. С гербом Божидара; вокруг каждой страницы фигурные украшения.

1561. Псалтирь следованная. Венеция. 4°. С гербом Божидара.

1563. Новый Завет. Тюбинген. 4°. В Апокалипсисе помещено 27 изображений, резанных на дереве.

1568. Псалтирь. Москва. 4°. С изображением царя Давида.

1569. Евангелие учительное. Заблудово. 2°. С гербом Ходкевича.

1570. Псалтирь. Заблудово. 2°. С гербом Ходкевича.

1570. Псалтирь следованная. Венеция. 4°. С изображением царя Давида и портретом Загуровика.

1570. Молитвослов. Венеция. 4°. С гербом Загуровика.

1574. Апостол. Львов. 2°. С изображением св. Луки с гербами гр. А. Ходкевича и города Львова.

1575. Евангелие. Вильна. 2°. С изображением 4-х евангелистов.

1577. Псалтирь. Слобода. 4°. С изображением царя Давида.

1580. Псалтирь и Новый Завет. Острог. 8°. С гербом кн. Острожского.

1581. Библия. Острог. 2°. С гербом кн. Острожского.

1585. Сборник. Вильна. 12°. С гербом Е. Воловича.

1586. Псалтирь. Вильно. 4°. С изображением царя Давида.

1586. Трибунал обователем великаго князства Литовскаго, на сойме Воршавском данный. Вильно. 2°. С гербом Польши и Литвы.

1588. Статут великаго князства Литовскаго. Вильно. 2°. С гербом Литвы, портретом Сигизмунда III и гербом Льва Сапеги.

1591. Грамматика. Львов. 12°. С гербами г. Львова и Арсения, митрополита Елассонского.

1591. Апостол. Вильно. 2°. С изображением еванг. Луки.

1591. Псалтирь. Вильно. 4°. С изображением царя Давида.

1593. Ответ Мелетия к Иудеам. Львов. 8°. С изображением г. Львова.

1593. Псалтирь следованная. Вильно. 4°. С гербом Л. Мамонича.

1594. Василия Великаго о постничестве. Острог. 2°. С изображением Василия Великого и гербом кн. К. К. Острожского.

1595. Евангелие толковое. Вильно. 2°. С гербом Симеона Войны.

1596. Маргарит. Острог. 4°. С гербом кн. К. К. Острожского.

1596. Казанье св. Кирилла, патриарха Иерусалимского. Вильно. 12°. С гербом князя К. К. Острожского.

1597. Апостол. Москва. 2°. С изображением еванг. Луки.

1600. Евангелие. Вильно. 2°. С изображением 4-х евангелистов.

1602. Псалтирь. Москва. 4°. С изображением царя Давида.

1604. Служебник. Стрятина. 4°. С гербом Гедеона Болобана.

1604. Октоих. Дерманский монастырь. 2°. С гербом кн. Острожского.

1605. Лист Мелетия, патриарха Александрийского. Дерманский монастырь. 4°. С гербом кн. Острожского.

1606. Апостол. Москва. 2°. С изображением апост. Луки.

1606. Евангелие. Москва. 2°. С изображением 4-х евангелистов.

1606. Требник. Стрятина. 4°. С гербом Гедеона Болобана.

1606. Евангелие учительное. Крылос. 2°. С изображением св. Каллиста и гербом еп·[?]. Гедеона Болобана.

1607. Лекарство на оспалый умысл. Острог. 4°. С изображением креста на Голгофе и гербом кн. Острожского.

1611. Псалтирь и Новый Завет. Евье[?]. 4°. С изображением царя Давида, 4-х евангелистов, 2-х апостолов и гербом кн. Огинского.

1612. Диоптра. Евье. 4°. С изображением герба кн. Огинского, 4-х евангелистов и 2-х апостолов Петра и Павла.

1612. Часослов. Острог. 12°. С изображением герба князей Острожских.

1612. Часослов. Ев[ье?]. 4°. С изображением 4-х евангелистов, апостолов Петра и Павла и гербом кн. Огинского.

1614. О священстве св. Иоанна Златоустаго. Львов. 4°. С изображением св. Иоанна Златоустого, Василия Великого и гербов братства Львовского и Александра Болобана.

1615. Псалтирь. Москва. 4°. С изображением царя Давида.

1616. Евангелие учительное. Евье. 2°. С изображением св. Каллиста и гербов кн. Огинского и панов Воловичей.

1617. Служебник. Вильно. 4°. На заглавном листе по бокам апостолы Петр и Павел, а на углах символы евангелистов.

1618. Зерцало Богословия. Почаевская лавра. 4°. С гербом пана Л. Дривинского.

1619. Грамматика славянская. Евье. 8°. С гербом кн. Б. Огинского.

1619. Евангелие учительное. Рахманов. 2°. С изображением еванг. Луки и гербом кн. Юрия Чарторижского.

1620. Номоканон. Киев. 4°. С изображением Креста Господня и св. Феодосия и Антония Печерских.

1620. Служебник. Киев. 4°. С изображением Успения Богоматери и трех святителей.

1621. Апостол. Москва. 2°. С изображением еванг. Луки.

1622. Полуустав. Вильно. 8°. С гербом пана Древинского.

1622. Вирша на погребение гетмана Петра Сагайдачного. Киев. 4°. С изображением герба запорожского войска, Сагайдачного на коне и в доспехах, осады города Кафы.

1623. Псалтирь и Новый Завет. Вильно. 8°. С изображением царя Давида, 4-х евангелистов и гербом панов Сапегов.

1623. Беседы на Послания св. апостола Павла. Киев. 2°. С изображением Успения Богоматери, Иоанна Златоустого и гербом Елисея Плетенецкого.

1624. Номоканон. Киев. 4°. С изображением Богоматери и Вселенского Собора.

1624. Беседы на Деяния св. апостол. Киев. 2°. С изображением Успения Богоматери, Иоанна

Златоустого, ев. Луки, гербов Елисея Плетенецкого и панов Долматов. В тексте 20 изображений.

1624. Псалтирь. Киев. 4°. С изображением Успения Богоматери, царя Давида и гербов Плетенецкого и панов Долматов.

1624. Служебник. Вильно. 12°. С изображением трех святителей.

1625. Акафисты. Киев. 4°. С изображением герба княжны Корецкой.

1625. Толкование на Апокалипсис. Киев. 2°. С изображением Успения Богоматери, гербов Захария Копистенского и пана Долмата.

1625. Псалтирь. Четвертня. 12°. С изображением царя Давида и герба князя Григория Четвертинского.

1627. Беседы св. Макария Египетского. Вильно. 4°. С изображением Спасителя и Воскресения Господня.

1627. Лексикон Славянский. Киев. 4°. С изображением герба Даниила и Димитрия Болобанов.

1627. Триодь постная. Киев. 2°. С изображением Успения Богоматери.

1627. От Отечника скитскаго. Киев. 4°. С изображениями: 1. Похвалы Пресвятая Богородицы и Неопалимыя Купины. 2. Изображение из Апокалипсиса. 3. Изображение св. Памвы. 4. Изображение св. Антония Великого. 5. Изображение св. Акилины и Креста.

1627. Евангелие. Москва. 2°. С изображением 4-х евангелистов.

1627. Псалтирь. Вильно. 2°. С изображением царя Давида.

1628. Поучения аввы Дорофея. Киев. 4°. С изображением св. Дорофея и герба П. Могилы.

1629. Литургиарион. Киев. 2°. С изображением Василия Великого, Иоанна Златоустого и Григория Богослова и гербом П. Могилы.

1629. Номоканон. Киев. 4°. На заглавном листе изображены: св. кн. Владимир, кн. Ольга, кн. Борис и Глеб, преп. Феодосии и Антоний Печерские. На обороте герб П. Могилы. 1629. Октоих. Киев. 4°. С изображением Иоанна Дамаскина.

1629. Акафисты. Киев. 4°. 90 разных изображений и герб Могилы.

1629. Псалтирь. Киев. 16°. С изображением Успения Богоматери, царя Давида и герба Могилы.

1630. Апостол. Киев. 2°. С изображением еванг. Луки и герба Стеткевичей.

1630. Октоих. Львов. 2°. С изображением Иоанна Дамаскина и герба молдавского воеводы И. М. Бернавского.

1631. Триодь цветная. Киев. 2°. С изображением Распятия Господня, более 30 картин и герба П. Могилы.

1631. Апостол. Москва. 2°. С изображением апостола Луки.

1632. Анфологион. Львов. 2°. С изображением Креста Господня.

1632. Евхаристирион. Киев. 4°. С изображением герба П. Могилы и 2-х картин, представляющих: 1. Петра Могилу, стоящего на Геликоне, с жезлом и ветвью. 2. Муция Сцеволу, стоящего на 2-х холмах горы Парнас.

1632. Крест Христа Спасителя. Киев. 4°. С гербом кн. Иеремии Корибута-Вишневецкого.

1632. Псалтирь. Москва. 2°. С изображением царя Давида.

1633. Евфония. Киев. 4°. С гербом П. Могилы.

1635. Апостол. Москва. 2°. С изображением еванг. Луки.

1635. Молитвы повседневные. Вильно. 12°. С гербом панов Киселей.

1636. Псалтирь. Москва. 4°. С изображением царя Давида.

1636. Псалтирь следованная. Москва. 2°. С изображением царя Давида.

1636. Евангелие. Львов. 2°. С изображением Господа Вседержителя, 4-х евангелистов и до 50 картин в тексте.

1636. Анфологион. Киев. 16°. С 50-ю картинами в тексте.

1637. Евангелие. Москва. 2°. С изображением 4-х евангелистов.

1637. История Варлаама и Иоасафа. Кутейна. 4°. С изображением Варлаама и Иоасафа.

1637. Служебник. Львов. 4°. На заглавном листе: изображение Тайной вечери, апостолов Петра и Иакова, св. Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова.

1637. Псалтирь. Львов. 4°. С гербом г. Львова.

1637. Евангелие учительное. Киев. 2°. С изображением св. Каллиста, герба Ф. Проскуры-Сущановского и 48 разных картин в тексте.

1637. Полуустав. Евье. 16°. С гербом кн. Огинского.

1638. Апостол. Москва. 2°. С изображением еванг. Луки.

1638. Анфологион. Львов. 2°. С изображением Успения Богоматери, гербом г. Львова и разными картинами в тексте.

1638. Служебник. Евье. 8°. С изображением Иисуса Христа на кресте, Богоматери, Марии Магдалины, Иоанна Богослова, Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Двоеслова.

1639. Служебник. Киев. 4°. С изображением Иоанна Златоуста, Василия Великого и 9-ти картин в тексте.

1639. Апостол. Львов. 2°. С изображением апостолов Луки, Иакова, Петра, Иоанна и Павла. В тексте до 22 картин.

1639. Октоих. Львов. 2°. С изображением Иоанна Дамаскина и гербом г. Львова. В тексте 12 картин.

1640. Евангелие. Москва. 2°. С изображением 4-х евангелистов.

1640. Псалтирь следованная. Москва. 2°. С изображением царя Давида.

1640. Псалтирь. Москва. 4°. С изображением царя Давида.

1640. Апостол и Евангелия. Луцкий монастырь. 12°. С гербом князей Четвертинских.

1640. Триодь постная. Киев. 2°. С изображением Распятия Господня с предстоящими вокруг креста Иоанном Богословом, Богоматерью. Герб пана Проскура-Сущановского.

1641. Псалтирь. Москва. 4°. С изображением царя Давида.

1641. Казанье погребовое. Киев. 4°. С гербом князей Четвертинских.

1641. Псалтирь и Новый Завет. Вильно. 8°. С изображением 4-х евангелистов и гербом кн. А. Огинского.

1641. Псалтирь и Новый Завет. Евье. 8°. С изображением 4-х евангелистов и герба панов Огинских.

1641. Октоих. Львов. 2°. С изображением Иоанна Дамаскина и герба г. Львова.

1642. Псалтирь следованная. Москва. 2°. С изображением царя Давида.

1642. Псалтирь. Евье. С изображением Св. Троицы и царя Давида.

1642. Псалтирь Кутеинский. 4°. С изображением 4-х евангелистов, Богоматери, Иоанна Предтечи.

1642. Триодь цветная. Львов. 2°. С изображением герба Мефодия Киселя и 18 картин в тексте.

1642. Часослов. Львов. 4°. С изображ(ением) Иоанна Дамаскина.

1643. Анфологион. Львов. 2°. С гербом г. Львова и 40 картинами в тексте.

1643. Полуустав. Киев. 12°. С гербом п. Макс. Брозовского.

1644. Апостол. Москва. 2°. С изображением еванг. Луки.

1644. Евангелие. Москва. 2°. С изображением 4-х евангелистов.

1644. Октоих. Львов. 2°. С изображением Иоанна Дамаскина, Успения Богоматери и гербом г. Львова.

1644. Евангелие. Львов. 2°. С изображением Воскресения Христова и 4-х евангелистов.

1644. Евангелие. Вильно. 2°. С изображением 4-х евангелистов.

1643. Псалтирь. Москва. 4° С изображением царя Давида.

1643. Катехизис. Киев. 12°. С изображением Успения Богоматери.

1646. Перло многоценное. Чернигов. 4°. С гербом Самуила Корецкого.

1646. Полуустав. Вильно. 2°. С изображением Спасителя и герба панов Огинских.

1646. Октоих. Кутейна. 4°. С изображением Иоанна Дамаскина.

1646. Номоканон. Львов. 4°. С гербом панов Желиборских.

1646. Катехизис. Львов. 12°. С гербом панов Желиборских.

1646. Служебник. Дельский монастырь. 4°. С изображением Спасителя, Богоматери, св. Николая, воеводы Матвея, супруги его Елены, герба Угровлахии и архимандрита Иоанна. 1646. Триодь постная. Киев. 2°. С изображением Распятия Господня и 16 картин в тексте.

1646. Тестамент. Киев. 12°. С изображением Богоматери и царя Василия.

1647. Учение и хитрость ратнаго строения пехотных людей. Москва. 2°. С 33 гравированными таблицами.

1647. Трефологион. Кутеинский монастырь. 4°. С изображением Богоявления Господня и 20 картин в тексте.

1647. Книга о Христове подражании. Дельский монастырь. 8°. С гербом Угровлахийским.

1648. Триодь постная. Киев. 2°. С гербом архимандрита И. Тризны.

1649. Изображения из Библии. Киев. 4°. С 139 картинами.

1649. Толкование на Четвероевангелие Феофилакта, архиепископа Болгарского. Москва. 2° С

изображением 4-х евангелистов.

1649. Псалтирь следованная. Москва. 2°. С изображением царя Давида.

1649. Триодь цветная. Терговище. 2°. С гербом Угровлахийским.

1651. Евангелие. Москва. 2°. С изображением 4-х евангелистов.

1651. Анфологион. Львов. 2°. С изображением Успения Богоматери и гербом г. Львова.

1651. Молитвы. Рим. 2°. С картинками.

1651. Слова св. Ефрема Сирина. Москва. 2°. С изображением св. Ефрема Сирина.

1652. Псалтирь и Новый Завет. Кутеинский монастырь. 4°. С изображением царя Давида, 4-х евангелистов и гербов Михаила Стеткевича и Иосифа Горбацкого.

1652. Требник. Киев. 8°. С изображением Успения Богоматери и герба архимандрита И. Тризны.

1653. Апостол. Москва. 2°. С изображением еванг. Луки.

1653. Псалтирь. Москва. 2°. С изображением царя Давида.

1653. Евангелие. Москва. 2°. С изображением 4-х евангелистов.

1653. Служебник. Киев. 4°. С изображением 3-х святителей.

1654. Апостол. Львов. 2°. С изображением апостола Луки, 20 картин в тексте и герба панов Желиборских.

1654. Акафисты. Киев. 4°. С разными картинами.

1654. Диоптра. Кутеинский монастырь. 4°. С изображением Богоявления Господня.

1655. Апостол. Москва. 2°. С изображением еванг. Луки.

1658. Псалтирь следованная. Москва. 2°. С изображением царя Давида.

1659. Рай мысленный. Иверский монастырь. 4°. С изображением Богоматери Иверския и св. Иакова Боровицкого.

1661. Патерик Печерский. Киев. 2°. 2 чертежа киевских пещер и 48 изображений в тексте.

1661. Брашно духовное. Иверский монастырь. 4°. С изображением царя Давида.

1663. Акафисты. Киев. 4°. Более 130 изображений в тексте.

1663. Библия. Москва. 20. С изображением царя Давида, 4-х евангелистов, московским гербом и небольшим чертежом Москвы.

1664. Иоанна Златоустаго о священстве. Москва. 4°. С изображением Иоанна Златоуста.

1665. Ключ разумения. Львов. 2°. С гербом Аф. Желиборского.

1665. Небо новое. Львов. 4°. С гербом Могил.

1665. Поучения Григория Богослова, Беседы Василия Великаго, Слово Афанасия

Александрейскаго и книга Небеса Иоанна Дамаскина. Москва. 2°. С изображением Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Дамаскина.

1665. Апостол. Львов. 2°. Более 20 изображений в тексте.

1668. Часослов. Киев. 8°. С резными изображениями на дереве.

1668. Месия правдивый. Киев. 4°. С изображением Креста Господня.

1668. Евангелие. Львов. 2°. С изображением Воскресения Христова и св. евангелии(стов).

1670. Устав молитв. Львов. 12°. С изображением Успения Богородицы и Спасителя.

1672. Часослов. Киев. 12°. С изображениями в тексте.

1674. Трубы словес проповедных. Киев. 2°. С русским гербом и более 120 изображениями в тексте.

1674. Акафисты. Киев. 4°. Более 150 разных изображений в тексте.

1674. Синопсис. Киев. 4°. С изображением Жертвоприношения Ноя.

1676. Огородок Марии Богородицы. Киев. 2°. С 50 изображениями в тексте.

1678. Синопсис. Киев. 4°. С изображением Жертвоприношения Ноя.

1678. Анфологион. Новгород Северский. 2°. С изображением Преображения Господня.

1678. Псалтирь. Уневский монастырь. 4°. С изображением царя Давида.

1680. Псалтирь в стихах С. Полоцкого. Москва. 2°. С изображением царя Давида.

1680. Служба и житие св. Николая Мирликийского. Киев. 4°. С изображением св. Николая.

1680. Служба Нерукотворенному Образу Иисуса Христа. Киев. 4°. С изображением Нерукотворенного Образа.

1681. Молебен при нашествии варвар. Киев. 4°. С изображением Богоматери и шести пророков.

1681. Житие св. Варлаама и Иоасафа. Москва. 2°. С изображением св. Варлаама и Иоасафа.

1681. Октоих. Чернигов. 4°. С изображением Богоматери и Иоанна Дамаскина.

1681. Вечеря душевная. Москва. 2°. С изображением Креста Господня и разных святых.

1683. Руно орошенное. Чернигов. 4°. С изображением Богоматери.

1685. Триодь цветная. Чернигов. 2°. С изображением Иоанна Дамаскина, с 16 небольшими картинками и гербом Лазаря.

1685. Октоих. Львов. 2°. С изображением Иоанна Дамаскина и 5 небольшими картинками.

1685. Души людей умерлых. Чернигов. 4°. С изображением орудий Страстей Господних.

1685. Венец Христов. Киев. 2°. С 80 изображениями.

1688. Три венца молитвенные, дванадесятозвездные. Киев. 2°. С изображением апостола Петра, Иоанна Предтечи и Софии Премудрости Божией.

1688. Триодь цветная. Львов. 2°. С 20 изображениями и гербом г. Львова.

1692. Псалтирь и Новый Завет. Киев. 4°. С изображением царя Давида, апостолов Матвея, Марка,

Луки, Иоанна, Иакова, Петра, Иуды и Павла. С русским гербом.

1692. Молитвослов. Чернигов. 12°. С гербом гетмана Мазепы и разными изображениями.

1692. Псалтирь. Киев. 4°. С изображением царя Давида, Успения Богоматери и разных святых (в заставках).

1693. Молитвы с тропарями. Киев. 4°. С 5 изображениями.

1693. Букварь словенороссийских письмен. Москва. 2°. С рисунками в тексте.

1694. Венец молитв седмичных. Киев. 4°. С 4 изображениями в тексте.

1694. Молитвомолец. Могилев. 24°. С двумя изображениями.

1695. Акафисты. Киев. 12°. С резными изображениями на дереве.

1695. Служба и житие св. Иоанна Воина. Москва. 4°. С изображением св. Иоанна.

1695. Евангелие учительное. Уневский монастырь. 2°. С изображением Успения Богоматери и более 80 картин.

1695. Изображения из Книги Бытия и Апокалипсиса. 2°. Всех 36 рисунков.

1697. Треакафистный молитвослов. Чернигов. 8°. С гербом стольника Обидовского и 4 рисунками.

1699. Небо новое. Могилев. 4°. С изображением Богоявления Господня.

1699. Перло многоценное. Могилев. 4°. С изображением Богоявления Господня.

В числе этих книг многие взяты из каталогов Строева, в которых о гравюрах нет точных сведений; при той или другой книге говорится, напр(имер): «В тексте более 20 картин», без дальнейших подробностей. Вообще сведения о книгах, напечатанных до 1655 включительно, точнее последующих по той же самой причине.

б) Памятники, изображенные на которых животные и растения, как явствует из самого текста или из особых надписей, помещены как исторические атрибуты или как предметы естественной истории.

Этот отдел, хотя весьма обширен по многочисленности памятников, но он очень маловажен для символики. Она может только пользоваться рисунками и изображениями для того, чтобы знать, какую настоящую или условную, неестественную физиономию придавали известным зверям или известным растениям. Иные рисунки очень близки к природе, другие удаляются от природы и приближаются более к условленному очерку.

Так, например, Иону с китом, изображаемого даже в катакомбах, представляют совершенно неестественно. Кит не рыба, а дракон с лапами и даже крыльями на некоторых памятниках (илл. 25, 26). На фресках в катакомбах рисунок кита напоминает более иппокампа126, чем настоящего кита. Две передние лапы сделаны вроде лошадиных ног, голова напоминает дракона, а широкий

рыбий хвост на конце змеиного тела разделен на три части. Изображение Ионы чаще всех прочих встречается не только в катакомбах, но и на позднейших христианских памятниках. В церкви св. Панталеона в Равелло близ Амальфи эта сцена представлена мозаикой на мраморном амвоне, на котором читалось Евангелие. На одной стороне кит извергает Иону, на другой он поглощает его; в первом случае, как обыкновенно,

Илл. 25

Илл. 26

Иона до пояса в пасти кита, во втором случае видны только одни ноги. Сама рыба представлена из зеленой стеклянной мусии в виде дракона с крыльями и большими ушами, с двумя лапами и змеиным хвостом. Художник, изобразив кита в этом виде, сам усомнился в сходстве, и чтобы яснее доказать зрителям, что он именно кита хотел изобразить, поместил возле чудовища две маленькие плавающие рыбы, которые должны означать море.

Христианское искусство размножило изображения Ионы и предпочитало их всем прочим по символическому соотношению к Воскресению Христову. Но вместе с тем в рисунке кита художники упражняли свое воображение, придавая ему самые чудные формы. Из этого можно, кажется, заключить, что все памятники, на которых представлен человек до пояса в пасти кита или дракона, суть искусные изображения Ионы. Напрасно некоторые археологи, не сравнив эти памятники с изображениями Ионы на фресках в катакомбах, объясняют их символическим значением человека, поглощаемого пороком. На внешних стенах церкви св. Марка в Венеции мы видим несколько барельефов с подобными изображениями; кит очень напоминает Равельский амвон и фрески в катакомбах.

Из других исторических атрибутов, попадающихся почти так же часто, как Ионин кит, следует припомнить большую часть икон Ветхого Завета, на которых звери, птицы и растения помещаются не в символическом значении, а в чисто историческом, для точнейшего изображения описаний ветхозаветных книг. Даже змея, обвитая вокруг дерева на иконах грехопадения, есть исторический атрибут этой сцены; она не имеет символического значения, а только выражает слова Книги Бытия (3, 1—2): «Змий же бе мудрейший всех зверей сущих на земли, ихже сотвори Господь Бог; и рече змий жене...»

Пророк Даниил на иконах представлен чаще всего в львиной пещере. По греческому подлиннику следует изображать семь львов127, а по русским подлинникам это число не определено; часто даже представлены только два льва, как на панагии в Патриаршей ризнице, так и на фресках в

катакомбах. Мы не станем далее перечислять животных, служащих атрибутами, а перейдем к памятникам, на которых они помещены в другом значении. Так, например, в Святославовом Сборнике 1073 года при исчислении планет и месяцев на полях нарисованы знаки Зодиака. Рак и Рыба нарисованы довольно верно, а Скорпион сделан из воображения. Другие знаки сделаны так неискусно, что нельзя различить Овна от Тельца, и только посредством рог можно догадаться, что художник хотел именно их представить. Сам видя, что его рисунки не довольно ясны, художник написал на каком-то звере, похожем на тигра: «олень»; это должен быть знак Козерога; он подумал, что не лишне также на знаке Стрельца написать: «стрелец». [Ср. с греческим подлинником в Париже.]

В рукописях Козьмы Индикоплова, космографиях, хождениях если попадаются рисунки зверей, то они изображают их как настоящих зверей, описываемых автором или очевидцами. В лечебниках нарисованы растения, иногда довольно верно (см. рукопись моей библиотеки № (...)), чтобы облегчить занимающимся познание описываемого предмета.

Б) ИСТОЧНИКИ НЕПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ

а) Памятники, которые имеют все признаки символического содержания, но символизм которых

объясняется одними догадками.

1) Первое место занимают памятники архитектурные. Они представляли обширные пространства для изображений; не только

внутренние стены, но и наружные покрывались различными изображениями живописью или ваянием. Тут изображения имеют неоспоримые явные признаки символики, но, к несчастью, мы можем объяснить их значение одним сравнением с современными им памятниками Запада, основывая наши догадки на тех выводах, к которым христианская археология пришла уже в остальной Европе.

Между нашими памятниками архитектурными первое и даже единственное место занимают церкви, потому что от гражданских построек или частных жилищ у нас ничего не сохранилось. Почтение, питаемое к храму Божию, спасло многие церкви от разрушения; таковы Дмитриевский собор во Владимире, Покровская церковь в Боголюбове, собор в Юрьеве и проч. Стены этих храмов снаружи покрыты обронными изображениями, столь важными для символики и для археологии христианской, что требуют подробного исследования. Все частные примеры между этими изображениями, служащие для нашей цели, по возможности собраны в Символическом словаре. И внутренние стены этих зданий сохранили некоторые фрески, также весьма важные для символики.

2) Необходимо обратить внимание на символические образы, ошибочно прозванные гривнами128. На одной стороне изображен или Ангел, или Богородица, или св. Никита, а на другой — голова, окруженная змеями129 (илл. 27). Мы при описании этих памятников примем за основание оборот иконы и распределим их по числу змеиных голов.

Илл. 27

3) Между церковной утварью попадаются часто памятники с символическими украшениями.

На «Иерусалиме», сделанном ко гробу Петра митрополита в 1466 году Иоанном III, наверху изображен чудовищный крылатый дракон130, называемый французскими бестиариями basilcoq, совершенно правильно по западным физиологам и совершенно так, как его изображают на западных памятниках. Немного пониже юношеское изображение в венце вокруг головы, помещенное между двумя крылатыми четвероногими, вероятно, представляет самого Христа, судя по книге, которую Он держит в левой руке.

Чаша, найденная в осыпи села Микулина-Городища131, должна быть конца XIV или начала XV века. На средине представлен св. Георгий, побеждающий змия; по сторонам символические животные евангелистов, между ними изображены змеи с выпущенным жалом и отвернувшие голову назад. [Подсвечники из с. Вщиж. Didron (Annales Archeol.) о подсвечниках lezard.]

4) Печати. На печатях светских в особенности много встречается разнообразных символических знаков; на печатях духовных гораздо менее разнообразия, потому что с самых древнейших времен круг символических знаков для печатей духовных лиц был уже ясно определен и ясно ограничен132.

5) Монеты представляют нам также много символических знаков, которые будут рассмотрены подробно в Символическом словаре.

6) Памятники, изображения на которых, вероятно, не имеют никакого символического значения, а употреблены только как украшения.

Архитектура постоянно принуждена была подчиняться всем требованиям символики и, наконец, так с нею сроднилась, так с нею слилась, что символика сделалась частью неотъемлемой. Знаки,

изображаемые прежде по внутреннему их символическому значению, стали теперь употребляться для видимой их формы. Звери, птицы, растения и даже человеческие фигуры сделались одними украшениями, архитектурными арабесками. Надо полагать, что эта перемена произошла около XVI или XVII столетия, но трудно положительно определить это время, потому что даже на Дмитриевском соборе мы встречаем много символических изображений, помещенных как простые украшения. Но вообще подобные украшения встречаются чаще на зданиях позднейших, чем на древних, и можно даже сказать, что Дмитриевский и Юрьевский соборы составляют исключения в этом роде.

Но, рассматривая здания позднейших времен, мы встречаем животные и другие украшения как необходимые принадлежности, составляющие русский стиль. Так, на окнах Теремного дворца, основанного при вел. кн. Иоанне Васильевиче в 1499 году, представлены белки, птицы в коронах и многие другие животные; на окнах Воскресенского монастыря, заложенного патриархом Никоном и оконченного около 1685 года, не только помещены арабески со зверями, но даже человеческие головы133. На церкви Василия Блаженного в Москве (Троицкий или Покровский собор), окончательно перестроенной в XVIII веке, повсюду помещены изображения горшков с цветами вместо украшений (илл. 28).

Илл. 28

Кроме архитектурных украшений, изображения животных часто служили также украшениями для одежд, для поясов. При раскапывании курганов Владимирской губернии нам часто попадались в самых древнейших могилах медные поясные украшения в виде лошадей с привешанными к ним треугольниками. Только раз между тремя тысячами открытых нами могил нашли мы подобное же поясное украшение с двумя лошадиными головами на концах. Эти лошадиные, пряжки, может быть, имели прежде какое-нибудь символическое значение, но уже тут стали простым украшением для Мерян.

На материях и на коврах134 некоторые изображения имеют, вероятно, символическое значение, но большей частью они помещены для красы. Первые образцы узорчатых тканей принадлежат византийцам, которые рано уже начали славиться своими тканями, паволоками. Говорили: «товары византийские», byzantia, blatthin, blatta byzantia, serica constantinopolitana135, как теперь го-ворят: «товары парижские»; и византийцы до такой степени дорожили этим искусством, что даже запретили вывоз некоторых особенно дорогих материй, называемых ??????????, ?????????, pannus imperialis. Остальные материи обозначались по изображениям, находящимся на них; таким образом, были материи со слонами, cum elephantis; с грифами, ????????????, vestis de olovero cum griphis; с белыми львами, ????????????, с павлинами (...)136. Первоначально эти

изображения могли иметь особое значение, потому что Константин Багрянородный говорит, при какой церемонии следовало быть в одежде с такими именно изображениями. То же самое видим мы и на Западе. В монастыре St. Florent в Сомюре аббат при известном празднике должен был быть одетым в платье со слонами, а приор — в платье со львами137. На других тканях изображения легко объясняются словами из Священного Писания; так, на иных представлен был пророк Даниил между двумя львами138, на других — олень, пьющий воду139, по словам Давида (Пс. 41, 1): «Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже».

Несмотря на вышесказанное, изображения, как символические изображения, перейдя в украшение на материи, сделались обыкновенными узорами и потеряли всякое символическое значение. Справедливость этого замечания еще более выказывается при тканях, описанных или находящихся в России, на которых весьма редко встречаются изображения животных, а большей частью представлены только цветы и растения.

Наконец, мы во многих рукописях видим украшения, заимствованные у скандинавов, сделанные из зверей, птиц или растений и не имеющие никакого символического значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 [Так как рукопись издаваемой ныне Части «Христианской Символики» осталась после смерти автора в весьма незаконченном виде (см. Ч. I. С. III, IV, VII и VIII), со многими позднейшими переделками, дополнениями, сокращениями ранее написанного и т. п., то вместо отсутствующего введения мы печатаем в начале ее те отрывки общего характера, в которых изложен план предполагавшейся книги и выражаются взгляды автора на важность изучения символики, в частности русской; все отрывки эти взяты из листов с заглавием «Русская Символика»; печатаемый здесь план и первые отрывки написаны, судя по перечню ученых званий автора на том же листе, под заглавием с девизом из Монтеня, после (?) года и ранее.]

2 Кроме «Истории зверей», Аристотель написал еще много других сочинений о том же предмете. Плиний насчитывал их более пятидесяти (Nat. Hist. VIII. 17: quinquaginta ferine volumina ilia praeclara de animalibus condidit) («Он написал примерно пятьдесят знаменитых своих книг о животных»); но многие, конечно, приписывались Аристотелю ложно.

3 Ктесий был врачом при дворе персидского царя Артаксеркса II (404—358 до Р. Х.). Он собрал во время этого пребывания в Персии все чудесные предания и сказки, известные по всему Востоку. У него описываются и фонтаны из жидкого золота, и кинокефалы, или люди с собачьими головами, и пигмеи, и змей удивительной величины, и мантихор, и пр. Все писатели об Индии воспользовались его сочинением ’???????, но Аристотель, Страбон, Арриан, Элиан и некоторые другие отзываются о нем с явным пренебрежением, [отчасти потому, что его большое, в 23 книгах, сочинение ????????, основанное на персидских источниках, излагало многое в греко-персидских отношениях не так, как известные греческие писатели].

4 [Оппиан, автор пяти песен ????????????, жил при Марке Аврелии и Коммоде (конец II в. до Р. Х.), автор же четырех песен ????????????? жил при Каракалле (211—217 г. по Р. Х.); Оппиану же приписывалась поэма о птицеловстве (??????????), сохранившаяся лишь в прозаическом изложении Евктения.]

5 Клавдий Элиан жил в Риме при Елагабале, Александре и Септимии Северах; его сочинение в 17 книгах, писанное по-гречески, имеет заглавие: ????? ????? ???????????; первое печатное издание — De natura animalium libri XVI (Zurich. 1556. Fratres Gessner). Солин написал свой «Полигистор», являющийся лишь переделкой из вторых рук большого труда Плиния, в III или IV в. по Р. Х.

6 [Далее в рукописи говорилось о сопоставлении древних философов и поэтов с пророками, что

позднее автором перечеркнуто, так как было перенесено в I главу «Древне-христианской символики» (см. Ч. I. С. 17—19). Ред.]

7 Pitra. Spicilegium Solesmense. 1855. III. P. LXII. Heeren. Historische Kunst Werke. XI. 1824. S. 384; Hippeau. Le Bestiaire Divin du Guillaume, clerc de Normandie. Caen. 1852. P. 17. Note 1.

8 В толковании на 102-й псалом, в стихе 5: «обновится яко орля юность твоя», намекается на рассказ, вошедший позднее в Физиолог, что когда орел стареет, то он, погрузившись три раза в источник, получает снова всю прежнюю силу и юность.

9 Шестоднев. Беседа IX. Перевод в Творениях св. Отцов. V. 155—158. Василий Великий хорошо знал все сочинения Аристотеля и часто ссылается на них. См. там же. V. 18. VII. 29.

10 Schnaase C. Geschichte der bildenden Kunste. 2 Aufl. Bd. IV. 1871. S. 55.

11 Из исследований о происхождении Физиолога (Hippeau. Le Bestiaire Divin... P. 18. Martin et Cahier. Vitraux de Bourges. 1842. P. 79) можно теперь уже вывести положительное заключение, что напрасно это сочинение приписывали Епифанию Кипрскому. Это ложное мнение произошло

оттого, что Епифаний Кипрский написал ????? ??????, или о 12 камнях, бывших на ефуде иудейских первосвященников. Но новейшие исследования неоднократно доказали, что Ориген говорит уже о Физиологе, напр(имер), in Genes, horn. XVII. 5: nam Physiologus de catulo leonis haec scribit (ибо Физиолог пишет о детеныше льва следующее). При папе Геласии в V в. существовало уже недоумение о настоящем авторе этого сочинения. В § 65 об апокрифических книгах Геласий не называет автора Физиолога, а только упрекает еретиков в том, что они приписывают эту книгу св. Амвросию Медиоланскому (Fabricii. Bibl. Graeca. VIII. P. 272): Liber Physiologus, qui ab haereticis conscriptus est et beati Ambrosii nomine signatus, apocryphus (Книга «Физиолог», написанная еретиками и подписанная именем блаженного Амвросия, апокрифическая). Г. Мартин и Кайэ, доказав, что Физиолог древнее Епифания Кипрского, предлагают догадку, что автором этой книги был, вероятно, Татиан. Этот писатель II в., уроженец Месопотамии, со рвением собирал все предания Греции; часто даже лишнее усердие завлекало его далее, чем следовало, и далее, чем могла допустить здравая критика. Татиан в оставшихся отрывках упоминает об одном особом сочинении о животных, ????? ????? (Tatiani Oratio ad Graecos. Cap. 15. Ed. Galland. I. 650). На этих словах Кайэ основывает мнение, что он первый из писателей упоминает о Физиологе, и, следовательно, должен быть сочинителем его (Melanges d'archeologie, d'histoire et de literature, par Charles Cahier et Arthur Martin. Paris. Vol. II. 1851. P. 88—89). Возражения Питры (Spicilegium Solesmense. I. P. XLVII sqq., против принадлежности «христианского Физиолога» Татиану Кайе считал недостаточными (Melanges d'archeologie. IV. 1856. P. 293) и отстаивал возможность авторства Татиана (Nouveaux Melanges d'archeologie. I. Curiosites mysterieuses. 1874. P. 112—114) против Питры (Spicil. Solesm. III. 1855. P. LXIII—LXVIII).

12 Bochartus, Sam. Hierozoicon sive bipartitum opus de animalibus. Scripturae. Francofurti ad M. 1675. F.

13 Епифаний Кипрский знал пять языков: еврейский, сирийский, египетский, греческий и отчасти латинский. Эти обширные филологические знания побудили блаженного Иеронима дать ему прозвание ????????????? (пятиязычный). В 367 году он избран в епископы города Констанции, древнего Саламина, столицы острова Кипра; в 403 году он умер в глубокой старости. Fabricii Bibl. Graec. VIII. 1802. 255. Физиолог его издан Ponce de Leon: S. Patris nostri Epiphanii ad Physiologum. Roma. 1587. Apud Zanettura et Rufinallum. In 4. С рисунками, резанными на дереве. Перепечатан в 1588, Antverpiae, in 8°; в третий раз в 1601, Romae, в 12-ую долю, а в 1612, Romae, в лист. Сказание о 12 каменьях на латинский язык перевел Jola Hierotarentinus, а издано в 1566, Tiguri; во второй раз в 1582, Tiguri; потом издано Геснером в собрании писателей в 1698, Tubingae, в 4, и, наконец, в 1711, также в Тюбингене. Отрывки, более или менее подробные, переводов этого сочинения Епифания Кипрского встречаются весьма часто в русских рукописях (?). Полного списка переводного Физиолога я еще нигде не встречал. Греческий текст Физиолога по изданию Понция повторяется в сочинениях св. Епифания в издании Migne J. P. Patrologiae Graecae cursus completus. T. XLIII. 1858. Col. 517—536. (Дополнения редактора неразборчивы. — Публ.)

14 [В рукописи автора цитата отсутствует. Помещенный редакцией текст повторяет с некоторыми орфографическими изменениями изданный А Карнеевым (Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб. 1890. Прилож. С. XXXI—XXXII) западно-русский перевод издания Понция по рукописи Московского Румянцевского музея № 2616, XVI в., из собрания Дурова (ср. Карнеев. С. 36. Прим. 5. Ред.]

15 Fabricii. Bibl. Graeca. Ed. 9. G. Maries. Vol. VIII. H. 1802. P. 268—270. Первым изданием этого сочинения (автор) указывает вышедшее в Цюрихе (Tiguri) в 1582 г. с латинским переводом Jolae Hieronis Tarentini; оно перепечатано в парижском издании Епифания 1622 г. (II. P. 225 sq) и в сочинении о 12 камнях ефуда Matthiae Hilleri, Тюбинген, 1698 и 1711. Извлечение, носящее также имя св. Епифания, еще раньше издал Conradus Gessnerus в книге De omni rerum fossilium genere. (Об ископаемых всякого рода). Tiguri. 1565. [Греческий текст см.: Migne J. P. Patrolog. Graeca. T. XLIII. 1858. Col. 293—304; старый латинский перевод и комментарии — там же.]

16 [Эта цитата и правильная датировка XVI в. приписаны в рукописи позднее; первоначально сочинение это относимо было автором к VI в., почему о нем и говорится на несоответствующем хронологически месте и в несоответственном тоне. Ред.]

17 Fabricii. Bibl. Graeca. XI. P. 603. Впоследствии иподиакон Студит также возведен был в должность архиерея. Josephus Pasinus (Codices ms. bibl. Reg. Taurinensis Athenaei. Taurini. 1749. I. P. 367), описывая туринскую рукопись № 248 (C. I. 2), разделял мнение Льва Аллация.

18 В библиотеке Готвейгского монастыря (Goettweih) находится латинская рукопись XI в. на пергаменте, с заглавием: Jo Crisostomi dicta de naturis animalium (Иоанна Златоуста «Слова о свойствах животных), которая начинается словами: Incipiunt dicta Johannis Crisostomi de naturis bestiarum (Начинаются «Слова Иоанна Златоуста о свойствах зверей»), а также две копии ее XIV в. см.: Archiv f. Kunde Osterreichischer Geschichte. Bd. V. 1850. II. S. 532—533, где (S. 552—582) она и издана Heider'ом, а образцы рисунков представлены на таблицах II—V. Liber Ioannis Chrisostomi qui Phisiologus appellatur XL capitibus озаглавлен латинский бестиарий в рук. XIII в. в Парижской Нац. библ.: Mel. d'archeologie. II. P. 95—107. №. 1.

19 Пазини и Фабриций полагают, что это сочинение Студита есть то же самое, что и сочинение, упомянутое Львом Аллацием во введении его к творениям св. Иоанна Дамаскина (loannes Damasce nus studio P. Mich, le Quien. Paris. Delespine. 1712, две части; перепечатано в Венеции в 1748 году), о котором он говорит: Et praeterea alius est noster Damascenus a Damasceno scriptore graeco recentissimo. Hie namque Damascenus nomine, non cognomine. Sic enim concipitur: ???????? ??????????? ???? ????????????? ???? ?????????? ???? ??????????????, Monachi Damasceni, hypodiaconi et Studitae, Thessalonicensis. Plerasque orationes in varias sanctorum celebritates vulgari Graecorum (licet aliquando, dum plus nimio antiquae Graeciae linguam ambit, gratiam communis deturpat, eamque nobis ut plurimum repraesentat, quam ad excitandum auditoris risum in scena et theatro paedagogi, genus hominum stultissimum, reboant) linqua composuit, et Thesauri titulo opus insignavit: eas postmodum impressores Veneti typis saepius evulgarunt. Opus, si quaedam excipias et linguam in meliorem frugem reduxeris, tenuioribus hominibus non incommodum, neque iniucundum. Diversus item est a Damasceno Episcopo, qui Graecorum communi dialecto varia ex Aeliano, Phile et Aristotele et aliis de natura animalium capitibus nonaginta concinnavit et Michaeli Cantacuzeno Magno Domestico transmisit, quae legi magno tempore apud virum nobilissium

Petrum Velliam Romanum, imperfccta tamen; incipit: ?????????? ????????? ??? ??????????, ?????? ????????? ???????? ????? ?????? ?????????. Nisi id dicere velimus, unum esse cum jam dicto, concionum scriptore, qui postea in episcopatum assumptus, rebus similibus colligendis ingenium exercuit: quod non credo, nisi aliunde accuratius edocear. (И кроме того, нашего Дамаскина следует отличать от новейшего греческого писателя Дамаскина, у которого «Дамаскин» — не прозвище, а имя, потому что написано так: «Монаха Дамаскина, иподиакона и Студита, Фессалоникийца». Большинство речей, посвященных празднованию дней памяти различных Святых, он составил народным греческим языком (хотя иногда, чрезмерно обнаруживая свое пристрастие к языку Древней Греции, он лишает общий греческий язык его прелести и в основном представляет его в том виде, какой слышен повсюду на сцене и в театре стараниями педагогов, глупейшей разновидности людей, вызывая смех зрителей), и дал всему труду название Сокровищницы. Позднее эти речи довольно часто публиковались венецианскими типографами. Это сочинение, если в нем кое-что убрать и исправить слог, небесполезно и небезынтересно для человека со вкусом. Далее, нужно отличать и от епископа Дамаскина, который общим греческим языком изложил в девяноста главах свойства животных, почерпнутые им из Элиана, Филона , Аристотеля и других авторов, и посвятил свой труд великому доместику Михаилу Кантакузину; я имел возможность продолжительное время читать это сочинение у Петра Веллии Римского, человека выдающегося благородства. Тот экземпляр, однако, не закончен; а начинается словами: «Обыкновенно люди, желая (...) видящим какого-либо великого правителя». Можно, правда, думать, что этот Дамаскин — тот же человек, что и вышеназванный автор речей, который, получив впоследствии сан епископа, упражнял свой ум подобными занятиями, но я не думаю, что

получив впоследствии сан епископа, упражнял свой ум подобными занятиями, но я не думаю, что это так, если только не получу об этом предмете каких-либо более точных сведений.)

Кардинал Маи в VII томе Classicorum Auctorum e Vaticanis codicillis editorum издал (P. 588—596) отрывок под заглавием: Excerpta ex physiologo. По обыкновению своему не указывая ни на столетие, ни на содержание всей рукописи, он напечатал неважный отрывок, который более походит на Физиолог Епифания, чем на сборник Студита.

20 Отдельное издание сборника Студита напечатано в 1643 или 1666 годах под заглавием: «Damascenus Studita. Excerpta ex antiquis philosophis de natura et de proprietatibus quorundam animalium. Venetiis. Ant. Julianus, in 8°». Рукопись Студита была в библиотеке П. Г. Демидова. Чтения в Общ. Истории и Древностей. Год 2-й. 1846—1847. Отд. IV. Смесь. С. 29. № 679.

21 Исследования об этом сочинении находятся в книге г. Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских». Петербург. 1857. [Ученые Записки Второго Отделения Императорской Академии Наук. Кн. IV. Отд. 2. № 2. СПб. 1858] С. 148—169. Греческая рукопись полная и со введением находится в Риме в библиотеке Барберини: Codex chart., in folio. № 281. Fol. 67: 1) De duodecim virtuti bus. Fol 2. 2) Simeonis Sethi fabulae indicae seu liber ex indica lingua in arabicam translatus, quam postea Simeon Sethus ex arabica in graecam convertit cui et prefationem de auctore opens, illiusque inventione attexerit, cum figuris. Fol. 5. — Рукопись XVI в., заглавие наполовину оторвано; почерк — скоропись небрежная; оставлены места для изображений, которых сделано очень мало. Потом следует последняя статья сборника: 3) Fol. 65. De duodecim mensibus. В русских рукописях это сочинение озаглавлено следующим образом: «Книга глаголемая Ихнилат. Сложена от древних философов: беседы о зверях, глаголемых ихнилата ж и стефанита и иныя многия приложеныя притчи и приклады от иных книг ... глаголют же неции о том, яко бы сия притчи и беседы написа Иоанн Дамаскин, егда бе в научении риторики» (рукопись моего собрания № 559. 4°). В другой рукописи моего собрания заглавие немного изменено: «О притчах, списание Сифа Антиоха, друзии же мнеша тако суть Ивана Дамаскина зело песнотворца, еже о зверех нарицаемых Стефаниди (sic) и Ихнилата» (по каталогу Царского. № 389. Л. 449—552. XVII в.).

22 Пыпин (А. Н.) Указ. соч. С. 124—134; Migne. 3-e Encyclop. Theolog. XIV. 1855. Col. 59—252. Издание Migne J. P. Patrol. Graeca. T. XCVI. 1860. Col. 857—1250; Boissonade J. F. Anecdota Graeca. Vol. IV. 1832. P. 1—365. [В письме А. Лазаревского гр. А. С. Уварову из Поречья от 27 сент. 1859 г. приведено точное заглавие московского издания повести; приводим его, раскрывая титла и заменяя славянские буквы: «Во славу святыя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа, повелением благочестивейшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексиевича, всея великия и малыя и белыя России самодержца, благословением же в духовном чину отца его и богомольца, великаго господина святейшаго Кир Иоакима, патриарха Московскаго и всея России, издадеся книга сия, содержащая Историю или повесть святаго и преподобнаго отца нашего Иоанна, иже от Дамаска, о преподобном отце Варлааме пустынножители, и о Иоасафе царе Индийстем. Во царствующем великом граде Москве, в типографии верхней. В лето от сотворения мира ЗРПД, от Рождества же по плоти Бога Слова АХНА, индикта Д месяца септеврия». По обеим сторонам заглавия изображения: с левой стороны женщина, держащая в руке миртовую ветвь, арфу и рог изобилия, с надписью наверху: мир(ъ). С правой стороны — воин, стоящий на черепахе и держащий меч и копье, наверху надпись: бран(ь). Внизу изображений подпись: начертал(ъ) Симон(ъ) Ушаковъ. Д год(а)». Заглавие московского издания, — есть еще белорусское 1636 г., — у Пыпина приводится

(Указ. соч. С. 128) с отличием в годе: АХП. Ред.]

23 Migne. 3-e Encyclop. Theol. XIV. Col. 76: Un auteur inconnu de XII siecle avait mis en vers franCais l'histoire de Barlaam et de Josaphat, don't on trouve le commencement dans 1'Histoire litteraire de la France. T. XV. P. 484.

24 Migne. L. c. XXIII. 1856. Col. 939—960; Fabricii. Codex pseudoepigr. Veter. Testam. I. 914—999,

1020—1024; Иосиф Флавий (Иуд. древн. Кн. VIII. Гл. 2) говорит, что эти послания хранились в летописях города Тира. Эти послания находятся в IX книге Евсевиевых: Praeparationes Evangelicae. Гл. 31—34. См.: Migne J. P. Patrol. Graeca. T. XXI. 1857. Col. 749, sqq.

25 Weil. Biblische Legenden der Muselmanner. Frankfurt. 1845. In 12°. S. 227 ff.

26 Migne. 3-e Encyclop. Theolog. XXIV. 1858. Col. 842: «Quid ergo? Nonne Salomon dominatus daemonum est? Nonne omnes ceu unicum in unum condusit? Nonne eum hactenus timent? Verum frustra haec opponitis, o Judaei, daemonum devoti praestigiis: solus quippe Dominus Christus potenter alligans fortem ejus vasa diripuit (Math. XII, 29). Salomon autem, nedum regia potestate dominatus est daemonum, ut ad extremum corruptus, daemonum se dominationi dediderit» (Combefis. Auctarium novum. I. P. 724). («Так что же? Разве Соломон не властвовал над бесами? Разве он не заключил всех их, как одного, в единое место? Разве они не боятся его до сих пор?» Но напрасно вы, иудеи, пленясь бесовскими наваждениями, так возражаете: ибо один лишь Господь Иисус Христос, силою своей связав сильного, расхитил вещи его (Матф. 12, 29). А Соломон не то что обладал царской властью над бесами, а, вконец развратившись, всецело подпал бесовской власти»). [Греческий оригинал см. у Migne J. P. Patrol. Graeca. T. LXXXVI. Pars. 2. 1860. Col. 1980].

27 Nicetas Choniates. De Manuele Comneno, lib. IV. Cap. 7. (Migne J. P. Patrol. Graeca. T. CXXXIX. 1865. Col. 489).

28 [Migne J. P. Patrol. Graeca. T. LXXXVII. 1860. Col. 1153: ???? ??????? ???? ???? ????????? ???? ???? ???????? ???? ???? ???????? ??????????????. '?? ???? ??????? ???? ????? ??????????? ?????????? ????????????? ?????????].

29 Пыпин (А. Н.) Указ. соч. С. 109. Повести о Соломоне он разбирает на с. 102—123.

30 Naude Gabriel. Apologie pour les grands hommes accuses de magie. Amsterdam. 1712. P. 324.

31 Ducange. Ad Zonaram. P. 9.

32 История о невинном заточении Ближняго Боярина Арт(емона) Серг(иевича) Матвеева.., изданная Николаем Новиковым. Изд. 2. М. 1785. С. 11—(12).

33 Калайдович (К. Ф.). Иоанн, эксарх Болгарский. М. 1824. С. 211—212.

34 [Стоглав. Издание Кожанчикова. СПб. 1863. С. 139. Гл. 41. Вопр. 22].

35 Fabricii. Codex pseudoepigr. Veteris Testam. Ed. 1713—1723. I. 1055. Латинский перевод этого сочинения был уже в V столетии причислен папой Геласием к числу книг отреченных.

36 Audin. Histoire de la vie, des ecrits et de doctrines de Martin Luther. 5 edit. Paris. 1845—1846.

37 Пыпин (А. Н.) Указ. соч. С. 103.

38 Известия Имп. Акад. Наук по Отделению Русскаго Языка и Словесности. Т. IV. (СПб.) 1855. Стб. 337—353: Пыпин А. Н. Старинныя сказки о царе Соломоне.

39 Weil. Biblische Legenden der Muselmflnner. Frankfurt. 1845. In 12°.

40 Востоков (А. Х.) Описание (русских и словенских) рукописей Румянцовскаго Музеума. СПб. 1842. С. 727—728.

41 Weil L. c. 234—236; Migne. 3-e Encyclop. Theolog. XXIV. 1858. Col. 854.

42 Migne. 3-e Encyclop. Theolog. XXIV. 1858. Col. 851; Weil. Biblische Legenden der Muselmanner. 1845. S. 227—228.

1845. S. 227—228.

43 Буслаев (Ф. И.) Историческая Христоматия (церковнославянскаго и древнерусскаго языков.) М. 1861. С. 718—721.

44 Первое издание Fr. Merel, в Париже в 1584 г.; [лучшее: R. Hercher'a в его Claudii Aeliani varia historia. Lipsiae. 1866. Vol. II. P. 603—662].

45 Издано Монфоконом Collectio nova patrum et scriptorum graecorum под заглавием: Cosmae Indopleustae. Topographia Christiana Libris XII; [Migne. Patr. Graeca. Vol. LXXXVIII. Col. 10—476.] Славянский перевод сделан очень верно, почти слово в слово; древний и полный список в моем собрании — Цар. 210, в лист, с изображениями; другой список, более небрежный, XVII века № 528 (391), в лист.

46 Schnaase. Geschichte d. bild. Kunste. III. P. 122.

47 Piper. L. c. II, 59.

48 [Bock.]

49 (Piper F. Mythologie und Symbolik der Christlichen Kunst) Weimar 1847—1851. Ersten Bandes erste und zweite Abtheilung.

50 Lambecius. Commentar. de aug. bibl. Caesar. Vindob. III. P. 2; Montfaucon. Palaeogr. gr. P. 190; Nessel. Catal. bibl. Caesar. I. P. 49. № XXXI; Seroux d'Agincourt. Peinture. PI. XIX.

51 Lambecius. L. c. II. P. 519; Montfaucon. L. c. P. 195—211. «Posterior ejusdem folii primi pagina [говорит Ламбеций] nihil continet praeter pavonem caeruleum, qui expassam, sed nunc media fere parte mutilam, ostentat caudam, caeruleis aureisque oculis etiam nunc non mediocriter radiantem, etsi longinquitas temporis primaevam illius pulcritudinem plurimum imminuerit. Opinor autem pavonem in principio hujus Codicis praecipue ea de causa depictum esse, quod cauda hujus avis symbolum sit annuae vicissitudinis arborum. Decidentibus enim arborum foliis, decrescit etiam pavonis cauda; testatur hoc Plinius Hist. Naturalis lib. 10. Cap. 20, his verbis... Haec Plinius de pavonis et arborum sympathia. Plures quoque ejus avis symbolicae sunt explicationes, inter quas primariamaximeque nota, est apotheosis sive consecratio faeminarum... Verisimillimum itaque videretur, pavonem primo Codicis hujus Dioscoridiani folio depictum, non tantum ad rem herbariam significandam pertinere, veram etiam in honorem Julianae Aniciae, cujus effigies sexto ejusdem Codicis folio cemitur, ibi collocatum esse, nisi ethnica ilia apotheosis multo ante per Chrisuanismum fuisset sublata et insuper evidentissimis argumentis colligi posset, superstite adhuc Juliana Codicem hunc descriptum, eidemque oblatum fuisse. Si quis tamen symbolum illud apotheoseos per adulationem superstiti adhuc illi, quasi quae jam turn consecratione digna esset, improprie attributum esse existimaverit, ne hanc quoque opinionem temere improbaverira.» К этому Монфокон замечает: «Haec de pavone, in fronte Dioscoridiani libri et ante insignium Medicorum figures depicto, Petrus Lambecius. Ego vero potius crederem, ideo medicorum imaginibus et medicinae libra praefigi pavonem, quia, teste Aristophane, est ???????? ???????, medica avis, Suidas vero de pavone ait, ?? ???????? ???? ???????????? ???? ???????????? ???????. Medica, aureis alis et jacta bunda avis: sic dicta, ut videtur, quod cauda sua arborum et plantarum vicissitudinem adumbret, ut innuit Plinius supra allatus. Arbores autem et plantae ????? ????????? sine materia medica sunt». («На второй странице того же, первого, листа не содержится ничего, кроме изображения синего павлина, распустившего хвост, до сих пор блистающий синими и золотыми очами, хотя время весьма сильно уменьшило его былую красоту, и примерно половины хвоста теперь недостает. Я думаю, что павлин изображен в начале этой рукописи главным образом потому, что хвост этой птицы служит символом ежегодной смены листвы на деревьях. Ибо когда с деревьев опадают листья, пропадает и павлиний хвост; об этом свидетельствует Плиний в книге X, главе 20 «Естественной истории», в следующих словах. Так говорит Плиний о симпатии павлина и деревьев. Существует и множество других символических толкований этой птицы, из которых главнейшее и наиболее известное — апофеоз или обожествление женщин. Поэтому казалось бы

главнейшее и наиболее известное — апофеоз или обожествление женщин... Поэтому казалось бы наиболее правдоподобным, что павлин, изображенный на первом листе этой рукописи Диоскорида, имеет отношение не только к обозначению ботаники, но и к прославлению Юлианы Аниции, портрет которой помещен на шестом листе той же рукописи, если бы тот языческий обычай апофеоза не был задолго до того упразднен христианством и, кроме того, не было бы очевиднейших доказательств, из которых явствует, что рукопись была переписана еще при жизни Юлианы и была ей поднесена. Если, однако, кто-либо сочтет, что этот символ апофеоза из лести отнесен к ней еще при ее жизни в переносном смысле, как будто для того, чтобы сказать, что она уже тогда была достойна обожествления, то я не стану безрассудно опровергать и этой точки зрения».., «Таково мнение Петра Ламбеция о павлине, изображенном на лицевом листе книги Диоскорида, перед портретами знаменитых врачей. Я лично скорее склонился бы к тому мнению, что павлин помещается перед изображениями медиков и перед книгой о медицине потому, что павлин, по свидетельству Аристофана, — «медицинская птица»*, а Суда говорит о павлине: «медицинская, златокрылая и хвастливая птица»: по-видимому, она названа так потому, что ее хвост представляет участь деревьев и растений, а деревья и растения суть медицинское сырье».)

52 [О мандрагоре и ее чудесных свойствах говорит между прочими и Иосиф Флавий ((...) VII, 23).]

53 Waagen. Kunstw. u. Kunstl. in Paris. III. S. 212.

54 Montfaucon. Palaeographia graeca. P. 11—13.

55 Waagen. L. c. III. S. 217.

56 Iconologie tiree de divers auteurs par Boudard. 3 vol. Parme. 1759. III. P. 81. Пророчество представлено в виде молодой женщины; над головой парит голубь и озаряет ее лучами; она в белой одежде, препоясана железной цепью, в правой руке держит трубу, в левой — меч.

57 Vaticana. Urbinates. № 2.

58 Vaticana. №394.

59 Vaticana. № 1162.

60 Barberina. Cod. Gr. № 202; Rumohr. Italienische Forschungen. I. S. 299.

61 Seroux d'Agincourt. Peinture. PI. XLVI. 1.

62 Журн. Мин. Нар. Просв. 1837. Декабрь. С. 600—622, Мурзакевич Н. Васильевские двери в Александрове; Древности Рос. Гос. VI. С. 72—(84) Рисунок — Отд. VI. № 33; Москвитянин. 1848. № 3. (С. 11—13)

63 В монастыре Лорх, в Швабии, эта притча изображена весьма точно и верно, но на единорога художник посадил смерть с луком в руках. Crusius. Schwab. Chronik. III. 12. 35.

64 [У А. Н. Пыпина в указ. соч. Прилож. IV. С. 332—333. Для удобства чтения раскрываем титла и упрощаем орфографию. Ред.] ...Душа же своя оставльших гладом таати и тмами страдати злаа подобии быти мню мужеви бежащу от лица инорога, иже не терпя гласа его и страшнаго его прерыкания, но крепко бежаше, да не будет ему в снед. Внегда же течаше быстро, в великую некую впаде пропасть; внегда же впастися ему в ню, и за древо некое похитився, крепко держашеся, и на россосе некоей нозе утвердив, мняше прочее в мире быти и в твердыни: возрев убо и виде две мыши белу убо едину, другую же черну, подгрызающи же непрестанно древа, еже он бяше похитился, и елико же уже вмале приближающимася им и сие искоренити. Восмотрив же в дно пропасти, и виде змиа страшна видением и огнем дышуща, и яро изверующася, уста же

страшно разиноваше, пожрети его грядуща; возрев же пакы на степень он, на нем же бяше нозе свои утвердил, виде четыре главы аспидовы от стены изникша, на ней же стояше. И возрев очима, виде от ветвы древа оного мало меда каплюща, оставив убо пещися о одержащих его бедах, како внеуду убо инорог, люте неистовяся, ищет снести его; долу же горный змий знает пожрети его; древо же, за не же бе ся ухитил, елико же вмале искоренитися хотяше; нозе на полсце и неверие степени утвердил бяша; и толиких и таковых зол забыв, устремися к сладости малаго меду оного. (Толкование притчи сей, что есть мыши, и что есть инорог, и что есть каплющия малая капля меду). Се есть подобное прельсти мира сего прельщающихся, его же сказание ныне реку ти: инорог убо образ есть смерти, гонящ убо — постигнута грядущи адамьскый род; пропасть же — мир исполн сы всяческых зол и смертоносных сетий; древо же, еже о двою мышю, непрестанно подгрызаемое, его же ухытивше держимся — время есть коегождо сокращаваему и скончаваемо дениим и нощью, и к посечению помале преближается; четыре аспиды, иже от четыр прелестных стихей состав — составление человечьскаго телесе назнаменует, имже бесчинно носим и мятущимся, телесное раздрушается составление; и к симже огнеобразный он и неистовый змий страшную преображает адову утробу, жадающу прияти мира сего красна, а паче будущих благ изволившиим; медовная же капля — сладость являет мира сего сладкых, ими же той прелщаа своя друг не оставляет их о своем пещися спасении.

65 Hippeau. Le bestiaire divin. P. 19.

66 Melanges d'Arch., II. P. 92.

67 Revue d'Architecture. VII. P. 66—79, 97—107 в статье о бестиариях г-жи Felicie d'Ayzac.

68 Schnaase. Gesch. d. bild. Kunste. II. 1 Abth. P. 62 u. s. m. The archeological Album: The fabulous natural history of the middle age. P. 174.

69 Г-н Гейдер, описывая рукописи монастыря Goettweih, приводил заглавия трех различных списков Физиолога (Archiv fur Kunde Osterr. Geschichte. Bd. V. 1850. II. S. 533): XI века — Incipiunt dicta Joh. Crisostomi. De naturis bestiarum. De Leone: Igitur Jacob benedicens filium suum Juda dicebat. Catulus leonis Juda...; XV века, оконченный в 1406 г. — Incipiunt dicta Johannis Crisostomi de naturis bestiarum. Igitur Jacob benedicens filium suum Judam dicebat catulus..; XIV века — Crisostomi liber de naturis animalium. Legitur Jacobus benedicens... [Первый из них, изданный Гейдером, украшен миниатюрами, изображающими животных и воспроизведенными отчасти Тендером (O. c. Taf. II—V). Миниатюрами же украшена и другая рукопись того же трактата, XII в., в Венской библиотеке (Heider. O. c. P. 549. № V).]

70 Archiv f. Kunde Osterr. G. Quellen. 1850. II. P. 545, [549; Pitra. Spicilegium Solesmense. III. P. LXIX; Melanges d'Archeologie. II. P. 95, 106.]

71 [Melanges d'Archeologie. II. P. 106: fisiologes uns des bons clers d'Athenes traita.]

72 Heider. O. c. P. 545—547. Немецкий физиолог XI века, рукопись Венской библиотеки (D-r Hoffmann. Fundgrub. f. Gesch. deutscher Spr. v. Lit. I. P. 17), описывает 12 зверей. Два немецких физиолога XII века, один прозой, в Венской библиотеке (Hoffmann. Ibid.; Massman: deutschen Geschicht. d. XII. Jahr. II. P. 311); [другой рифмованный с миниатюрами воспроизведен проф. Караяном (Deutsche Sprachdenkmale des XII Jahrh. Wien. 1846. P. 70—100); оба содержат по 29 животных.]

73 Schnaase. Geschichte der bildenden Kunste. II. 1 Abth. P. 69.

74 Издан Райтом в его книге: Wright Thomas. Popular treatises on science written during the middle ages in Anglo-Saxon, Anglo-norman and English. London. 1841. In 8° P. 74—131; Hippeau. Le bestiaire divin. P. 67.

75 Hippeau. Ibidem. P. 69. Тот же самый Вильгельм сочинил роман: Roman de Fregies et Galienne ou du chevalier an bel escu, принадлежащий к циклу романов «круглого стола».

76 Melanges d'Arch. II. P. 106. Pitra. Spic. Solesm. III. P. XV, LXIX.

77 Hippeau. Le bestiaire divin. P. 20.

78 [Baptismi adnotationes или Iter quo pergitur post baptismum (Pitra. Spicil. Solesm. III. P. XV).]

79 Hippeau. Le bestiaire divin. P. 23; Wright and Hallyarell. Reliquiae antiquae.

80 [Поэма Марбода впервые издана была в 1511 г. в Вене под заглавием: Libellus de lapidibus pretiosis nuper editus Joan. Cuspiniano, см. Marbodi liber lapidum seu de gemmis varietate lectionis et perpetua annotatione illustratus a Johanne Beckmanno. Gottingae. 1799. 8°.]

81 Heider. Archiv. 1850. II. P. 546. № 1.

82 Heider G. Die romanische Kirche zu Schongrabein. 1855. P. 199.

83 Прозвание волка: Didron. Annales d'Archeologie. II. P. 269.

84 Grimm. Reinhard Fuchs, lupus monachus. P. 416; Goethe. Reinecke Fuchs.

85 Herrad von Landsperg. Aebtissin zu Hohenburg... von (C.) M. Engelhardt. Stuttgart (-Tubingen). 1818.] Waagen. Kunst. u. Kunstl. in Deutschland. II. P. 358—368: Das Werk umfasst gleichsam im Auszuge, was in jenen Tagen uberhaupt fur wissenswurdig gehalten wurde. Nach dem Kloesterlich-religiosen Standpunkt der Herrad wird alles Andere von Erschaffung der Welt bis zum jungsten Tage an den Inhalt Bibel der angeschlossen.

86 Hippeau. Le bestiaire divin.

87 Hippeau. Le bestiaire divin.

88 В доказательство можно сослаться на рукопись моего собрания № 496.

89 Погодин (М. П. Изследования, замечания и лекции о Русской Истории. М. 1846—1856). VII. С. 405. Прим.

90 Ф. И. Буслаев (Атеней. (М.) 1858. (Ч. III. С. 153—154)) очень верно замечает, что хотя г-н Строев относит эту рукопись к 1658 г., но это лишь копия с оригинала, писанного в указанном году.

91 Vilmar. Geschichte der deutschen nat. Literatur. I. 224—225.

92 См. об азбуковниках в 1 части «Архива» (Н. В.) Калачова. (М. 1850. Отд. IV. С. 1—48.)

93 Предание о св. Фекле и апостоле Павле принадлежит древнейшим временам, ибо оно упоминается Тертуллианом и блаженным Иеронимом. Оно было изложено греческими писателями и в стихах, и в прозе (Fabricius. Codex apocryphicus novi Testamenti. II. P. 794—796.) На Западе оно было часто издаваемо; между прочим, житие св. Феклы напечатано в Клермонте в 1660, в 12-ю долю; оно написано по-гречески св. Василием и переведено было тамошним священником (Migne. Encydop. Theolog. XIV. P. 1166). Житие этой святой подробно было исследовано в Acta Sanctorum Болландистов (VI, сентябрь. С. 546—568) и издано в Encyclopedie Theologique аббата Миня (T. XXIV. P. 961). Слова составителя русского Физиолога относятся к тем мукам, которые св. Фекла вытерпела в Антиохии. Боясь потерять силу вынести все испытания и муки, которым она была осуждена, и желая перед смертью принять Крещение, св.

испытания и муки, которым она была осуждена, и желая перед смертью принять Крещение, св. Фекла бросилась в воду в то место амфитеатра, где плавали «фоки и другие морские звери, враждебные человеку». Народ, видя этот поступок, начал от ужаса кричать; но святая была спасена и невредима осталась между этими зверями. Это житие приписывается Василию, епископу Селевкийскому, писателю V века.

94 Статьи о муросоми и об уене противоположны статьям азбуковника.

95 Archiv fur Kunde Osterr. Ges. Quellen. II. P. 532, 552.

96 [Archiv fur Osterr. Geschichte. Bd. HI. 1850. P. 534.]

97 Schoengsabem. P. 141. Note 4, 152.

98 Didron (M.) Manuel d'iconographie (chretienne, grecque et latine. Paris. 1845.) P. 205. Dans le haut de la maison, le Saint-Esprit sous la forme d'une colombe; tout autour, une grande lumicre. Douze langues de feu s'echappent de cette colombe et se reposent sur chacun des apotres.

99 В 692 году при императоре Иустиниане был в Константинополе Собор, на котором запретили изображение агнца вместо Сына Божия. (Labbe. Conciliorum collectio maxima. VI. Col. 1177. Concilium Quini Sextum. Иоанн Дамаскин в своем Слове об иконах (III) ссылается также на 82 правило этого собора для запрещения изображений агнца. Хотя это изображение довольно долго еще сохранялось в византийских церквях, но в русское иконописание оно не перешло.

100 Didron. Manuel. XXXVI. P. 229(—230).

101 Didron. Manuel. P. 297(—298). Un hymne universel.

102 Didron. Manuel. P. 234(—236); Didron. Annales Archeologiques I. Livre V; dalmatique a S. Pierre.

103 Didron. Manuel. P. 288(—291).

104 Мартынов (А.) Русская Старина (в памятниках церковнаго и гражданскаго зодчества. М. 1851. С. 43—46); Ровинский (Д. А) История русских школ иконописания (до конца XVIII века), в VIII т. «Записок Имп. Русск. Арх. Общ». (СПб. 1856.) С. 43.

105 Ad Judaeos. Cap. IX; De carne Christi. Cap. XXI

106 Didron. Manuel. P. 151(—154). Comment est figuree 1'arbre de Jesse.

107 Акты Арх. Эксп. I. 241—249; Чтения (в) Общ. И. и Др. (М. 1847.) Год III. (№ 3); Там же. Кн. II. 1858. Апрель — Июнь; Атеней. (М.) 1858. (Ч. V.) № (36, 37); Буслаев Ф. И. Из истории русской живописи XVI века.

108 Crimm. Deutsche Myth. P. 1072—1086. P. 1079. Saxo Gramm. P. 321: sagt von Slaven, nicht von Nordmannen «ad varia quoque negotia profuturi ex primo animalis occursu votorum auspicia, quae si laeta fuissent, coeptum alacres iter carpebant, sive tristia, reflexo cursu propria repetebant» die Tiere selbst zu nennen unterlasst er. («...а также, отправляясь по делам, они гадали об успешности самых разных предприятий по тому, какое животное первым попадется им навстречу, и если гадания удавались, то они живо продолжали начатый путь; если же гадания были неблагоприятны, они, повернув назад, возвращались восвояси»...).

109 Didron. Annal. Arch. VI. P. 48.

110 Hefner. Trachten des christ. Mitt. I. Taf. 37. P. 54.

111 Durandus. Rat. div. off. Lib. I.

112 Schnaase. Gesch. d. bild. Kunste. II. 1 Abt. P. 94.

113 Archiv f. Kunde Osterr. G. Quellen. II. P. 534, 591.

114 Ibid. P. 586: Die Verzweiflung als Selbstmoerder.

115 Grimm. Deutsche Myth. P. 1079—1080.

116 Атеней. 1858. (Ч. V) № (37). с. (83).

117 Ameth. Das K. K. Munz- und Antiken-Cabinet. Wien. 1854. P. 72. VI. Приложенный здесь рисунок снят прямо с иконы.

118 Grimm. Deutsche Myth. P. 786.

119 Ibid. P. 798.

120 Ibid. P. 788.

121 (Материалы) для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. М. 1855.) С. 5. Табл. V, VI, VII, VIII и XX. (Изборник Святославов.)

122 Adelung.

123 Archiv f. Kunde Osterr. G. Quellen. II. S. 605. Anm. 52.

124 [Этот отдел памятников автор имел ввиду разработать подробно, что видно из оставленного для него места в рукописи. Материалом для него, конечно, могло послужить прежде всего его собственное богатое собрание рукописей, среди которых много лицевых, имеющих весьма важное значение как источник русской символики. Е. К. Р.]

125 [Печатаемый Список старопечатных книг с гравюрами найден написанным в особой тетради. Ред.]

126 Raoul-Rochette. Tabl. d. cat. d. Rome. Paris. 1853. P. 170—173.

127 Didron. Manuel. P. 120, et note.

128 Кеппен. Список Русским памятникам. М. 1822. С. 3; Калайдович. О золотой гривне. Древности Российскаго государства. (М. 1849.) Отд. I. (С. 42—45.) № 23. Q. R. S.

129 [Этот отдел о змеевиках был разработан автором в особую статью «Византийские филактерии и русские наузы» и напечатан в I томе «Сборника мелких трудов» гр. А. С. Уварова (М. 1910. С. 239—258. Рис. 41—47) в значительно более полном виде, нежели изложен в рукописи «Символики», почему этот отдел здесь и опущен. Ред.]

130 Древности Российскаго государства. Отд. I. (С. 89—91) № 60.

131 Пам. древн. худ. в России. С. 26.

132 Munter. Sinnbilder (und Kunstvorstellungen der alten Christen. Altona. 1825.) S. 7.

133 Рихтер (Ф. Ф.) Памятники древняго рускаго зодчества. (М. 1850.) С. 20. Табл. XXVI и XL.

134 Царские выходые.

135 Boeck (F. Geschichte der liturgischen Gewander des Mittelalters:.. Bonn. 1856—1871.); Melanges d'Archeol. II. P. 101. III. P. 116. IV. P. 262.

136 Anastasius Bibl. biograph. Leon HI; Gregorii IV ad an. 827, Const. Porphyr. de Ceremoniis. Cap. 23.

137 Martene et Durand. Amplissima collectio. T. V. Col. 1102.

138 На ризе св. Виллибальда († 786) в Ейхштете. Melanges d'Arch. H. P. 250. PI. XVII, XVIII.

139 Bock.

Публикация Я. Э. ЗЕЛЕНИНОЙ

Указатель имен

(Концевая страница) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 688. — [Т.] IX.

Р 76

«Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.)». Выпуск IX. — М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив», 1999. — 688 с.; ил.

ISSN 0869—2009

ISBN 5—86566—019—5

Альманах посвящен истории Государства Российского. В нем помещены ранее не публиковавшиеся исторические документы (дневники, воспоминания, письма, и др.), хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах. Все документы публикуются без изъятий.

Среди них — материалы к биографиям В. И. Баженова, Р. Б. Гуля и Б. К. Зайцева; воспоминания Б. Н. Чичерина, А. В. Левицкой, К. С. Сербиновича; письма И. В. Киреевского, Ф. И. Тютчева, К. Н. Леонтьва, Имп. Александра III и Вел. Кн. Николая Михайловича; материалы по истории создания гражданской типографии Киприанова и музея А. А. Бахрушина. В «Приложении» публикуется работа А. С. Уварова «Русская символика» (Введение).

Альманах снабжен научно-справочным аппаратом.

Для историков, культурологов, архивистов и для всех интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3 (2)

РОССІЙСКІЙ АРХИВЪ

История Отечества
в свидетельствах и документах
XVIII—XX вв.

Выпуск девятый

Студия «ТРИТЭ»

творческо-производственное объединение
Никиты Михалкова

Редакторы Т. В. Померанская, В. В. Шибаева
Художественный редактор А. Д. Полежаева
Технический редактор Т. Б. Любина
Корректор Н. А. Несмеева

Издат. Лицензия ЛР № 064800 от 21.10.1996 г.

Сдано в набор 27.03.98. Подп. к печати 15.03.99 г. Формат 70 ? 100 1/16.

Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 65,37 + альбом = 68,495

Тираж 1000 экз. Изд. № 19. Заказ № 326

Издательский отдел «Российский Архив» ТПО «ТРИТЭ»

103001, Москва, Мал. Козихинский пер., 11

Чеховский полиграфический комбинат

142300, г. Чехов, Московская обл., ул Полиграфистов, 1

Принятые сокращения // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 687. — [Т.] IX.

АВИМАИВВС

— Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

ГАРФ

— Государственный архив Российской Федерации

ГАЯО

— Государственный архив Ярославской области

ГЛМ

— Государственный Литературный музей

ОПИ ГИМ

— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея

ПФА РАН

— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

РГА ВМФ

— Российский государственный архив военно-морского флота

РГАДА

— Российский государственный архив древних актов

РГИА

— Российский государственный исторический архив

РО РГБ

— Рукописный отдел Российской государственной библиотеки

РО РНБ

— Рукописный отдел Российской национальной библиотеки

СПбФ ИРИ РАН

— Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук

ЦИАМ

— Центральный исторический архив Москвы

ИИМК РАН

— Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Д.

— дело

Ед. хр.

— единица хранения

Карт.

— картон

Л.

— лист

Об.

— оборот листа

Оп.

— опись

Ф.

— фонд

Указатель имен // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 671—686. — [Т.] IX.

Указатель имен

Аарон Исак 619

Абамелек-Лазарева (в замуж. Олсуфьева) Е. С. 287

Абдул-Керим-паша 295, 304

Августа Виктория Шлезвиг-Голштинская 348, 367

блж. Августин 611, 612, 638

Агости, архитектор 595

Ададуров И. Е. 335, 363

Адлерберг (в замуж. Олсуфьева) М. А. 287

Адольф, герц. Нассауский 589

Ажинкур С., де 627, 633, 666, 667

Азбелев Н. П. 224, 246, 247

Азеф Е. 574

Айналов Д. В. 604, 605

Акимов Н. 578

Акиндин, архим. 643

Акинфьева Н. С. см. Богарне Н. С.

Аксаков И. С. 181—192, 301, 305, 549

Аксакова (урожд. Тютчева) А. Ф. 301, 302, 305

Аксенов А. И. 560

Аллаций Лев 617, 664

Алабышева А. 563, 571

Александр, дьякон 31

Александр, еп. 599

Александр I 44, 57, 59, 61, 69, 82, 84, 100, 101, 198, 251, 327, 338, 348—350, 352, 354, 365—368, 392, 443, 593, 594, 597

Александр II 123, 124, 173, 204, 213, 217, 239, 244, 249, 260—262, 269, 274, 275, 284, 321, 323, 325, 344, 364, 378—380, 457—459, 463—465, 541, 590—593, 596, 598

Александр III 213—250, 261, 275, 284, 288, 289, 291—295, 297, 298, 300, 302—306, 323, 325, 333, 336, 338, 340, 346, 357, 361, 365, 368, 378—380, 450, 452, 457—460, 463, 464, 473, 479—481, 487, 519, 530, 551, 556, 557, 578, 579, 590, 597, 598

Александр, принц Баттенбергский, князь Болгарский 291, 303, 323—325

Александр, принц Гессенский 325

Александр Македонский 616, 624, 638

Александр Михайлович, вел. кн. 223, 227, 229, 238—240, 247, 248, 342, 347, 348, 355, 359, 361, 362, 365, 391, 406

Александра (т. Alix), королева Великобритании 221, 245

Александра Георгиевна (Alix), вел. кн. 222, 227, 235, 239, 240, 246, 366

Александра Иосифовна (т. Сани), вел. кн. 220, 222, 245, 246, 248, 250

Александра Петровна, вел. кн. 246

Александра Федоровна, имп., жена Николая I 464, 592, 595, 596

Александра Федоровна, имп., жена Николая II 242, 244, 250, 328, 334, 336, 338, 341, 344, 346, 347, 350, 353, 354, 356, 359, 360, 363, 368, 484, 526, 528, 533, 590

Александров, масон 80

Алексеев, доктор 128

Алексеев М. В. 526, 533

о. Алексей 599

Алексей Александрович, вел. кн. 216, 224, 229, 244, 261, 284, 289, 303, 375, 381, 360, 463, 464

Алексей Комнин, имп. 618, 632

Алексей Михайлович, царь 29, 61, 206, 644

Алексей Михайлович, вел. кн. 222, 223, 232, 246, 248, 331, 332, 334, 340, 362

Алексей Николаевич, вел. кн., наследник цесаревич 354, 367, 533 Алексей Петрович, царевич 33
Аленков А. 525, 528, 529

Алфераки С. Н. 331, 361

Алхауз Р. 472

Алышевский В. Я. 226, 229, 230, 231, 238, 247, 337

Альберт Великий 620

Альберт Эдуард (Bertie), принц Уэльский, см. Эдуард VII, король Великобритании Альфред Саксен-Кобург-Готский, вел. герц. 368

Альфред Эрнест Альберт, принц Великобританский, герц. Эдинбургский и Саксен-Кобург-Готский 260, 262, 284

Амалия, принц. Гессен-Дармштадтская 365

св. Амвросий Медиоланский 612, 635, 636, 663

Амилахвари И. Г. 339, 364

Амилахваровы, князья 569

Амосов, помещик 312

Анастасия Михайловна, вел. кн. (в замуж, герц. Мекленбург-Шверинская) 232, 248, 334, 341, 343, 347, 363, 367, 597

Анастасия Николаевна (Стана), вел. кн. 239, 249, 597

Анатолий, архим. 553

Андерсон, стражник 177

Андреев А. Н. 216, 244

Андреев Е. Н. 550

Андреев И. 25

Андреевская (урожд. Вышеславцева) М. В. 173

Андреевские 122, 137, 138, 166, 167

Андреевский М. С. 122, 172

Андреевский С. С. 565, 572

Андрей, греч. принц 221, 246

Андрей Владимирович, вел. кн. 222, 246, 356, 368

Аненков, корнет 231

Анисимов А. И. 498, 499, 508, 518

Анна Иоанновна, имп. 26

Анна Федоровна, вел. кн. 364

Аннибал (Ганнибал) 139, 173

Ансильон Ф. 149, 174

Антоний Сийский 493, 638

Антошевский И. К. 568, 573

Анциферова (урожд. Извольская) Н. И. 139, 140

Апион 612

Аполлонский Р. Б. 396, 397, 399, 400, 407

Апостол П. Н. 451, 453, 454, 462

Апраксин Ф. М. 18, 20, 29

Апраксина (в замуж. Оболенская) А. А. 213, 244

Апрелев Ф. И. 43, 44

Апухтин Г. 72

Аракчеев А. А. 43, 44, 349, 350, 366

Арапов У. И. 122, 124, 173, 175, 192

Арапова М. И. 165, 190, 192

Араповы 122, 125, 165

Арбеньев, помещик 114

Аргамаков, см. Атаманов К. В.

Аргутинские-Долгорукие, кн. 569

Аргутинский-Долгоруков Н. В. 335, 363

Ардашев Н. Н. 381

Ардашев П. Н. 371—382

Арефьев А. 581

Аристов А. И. 582

Аристотель 609, 610, 617, 622, 636, 638, 663—665

Аристофан 627, 667

Аркадий, игум. 643

Арнаутов, купец 258, 273, 286

Арновий 612

Арриан 663

Арсений, митр. Елассонский 655

Арсений (Москвин), еп. 122, 172

Арсеньев В. С. 36, 67, 559, 563, 564, 565, 567, 568, 571, 572

Арсеньев Ю. В. 572, 573

Арсеньева (урожд. Волкова) О. Л. 268, 274

Артаксеркс II, персидский царь 663

Артамонов 287

Артемьев, масон 76

Арцыбашев, комиссар 21

Аршеневский, поручик 179

Астр, философ 638

Атаманов К. В. 423, 429

Афанасий (Петров), еп. 600

Афанасьев А. 409

Афанасьев В. 474, 479—481

Ашукин Н. С. 508—514, 516—519

Бабичевы, князья 569

Бабкины, род 567

Багратион П. И. 350

Баденская, принц. 345

Бадер (урожд. Мандерштерн), полковница 453

Баженов В. И. 37—44

Баженовы В. В. и К. В. 42

Байрон Дж. Г. 142, 145

Балакин А. А. 510, 519

Балашов А. Д. 173

Баллей И. П. 55, 59

Балмуш П. 205

Бальзак О., де 126

Бальмонт К. Д. 495

Бантыш-Каменский Д. Н. 199, 202

Бапет И. К. 291

Барабаш, крестьянин 178

Баранов Д. О. 310, 321

Барановский Ю. А. 418, 419, 422, 429

Барант А. 149, 174

Баратынская (урожд. Абамелек) А. Д. 105, 171

Баратынская (урожд. Энгельгардт) А. Л. 104, 107, 171

Баратынская (урожд. Черепанова) А. Ф. 103, 105, 171

Баратынская Н. А. 107, 171

Баратынская (урожд. Салтыкова) С. М. 102, 103, 106—108, 130, 171

Баратынские Ал. С. и Ан. С. 108, 172

Баратынский А. А. 171

Баратынский А. С. 103, 115, 171

Баратынский (Боратынский) Е. А. 97, 103—105, 107, 109, 111, 112, 116, 120, 127, 170, 171

Баратынский И. А. 105, 171

Баратынский Л. А. 105, 107, 171

Баратынский М. А. 171

Баратынский С. А. 105—108, 110, 111, 118, 124, 128, 129, 131, 133, 171

Барберини 665, 667

Барду И. 252

Барзуйе, врач 618

Барсов К. 578

Барсуков А. П. 560, 570

Бартенев П. И. 59, 269, 284, 354, 367, 389, 406, 644

Бартенев С. П. 260, 284

Барятинская (урожд. Орлова-Денисова) Е. М. 332, 362

Барятинские, князья 562

Барятинский А. В. 220, 245, 362

Барятинский А. И. 340, 364

Барятинский В. А. 221, 222, 224—230, 232, 233, 236, 238, 240, 241, 246, 290, 303

Барятинский В. В. 356, 368

Басаргин В. Г. 221, 222, 224, 226—230, 232, 233, 235, 238, 240—242, 246

Баскаков В. Н. 462

Баскаков И. 40

Баталин Н. В. 583

Баттенбергский, принц, см. Александр, князь Болгарский

Батюшков К. Н. 82, 83, 85, 149, 150, 171, 198, 202

Батюшков П. Н. 171

Баумгартен Н. А. 562, 570

Бахметев 188

Бахрушин Ал-др А. 383

Бахрушин Ал. А. 383—409

Бахрушин А. П. 399, 402, 409

Бахрушин С. В. 89

Бахрушин Ю. А. 402

Бахтияров 178

Бахты-Хози (Иван Лихарь) 567, 573

Башиоки Ф. 598

Башуцкий А. П. 192

Бебер, масон 69

Бегичев, помещик 178

Бедекер К. 453, 461

Безбородко А. А. 48

Безобразов, тайный советник 445

Безобразов В. М. 231, 248

Бейдеман А. Е. 598

Бекетов, откупщик 109 110

Беклешов А. А. 57

Беклин А. 461, 465

Белевские, князья 562

Белевский А. 460, 461, 464

Белинский В. Г. 149

Белинский В. Е. 573

Белов А. М. 388, 390, 391, 394—396, 399—401, 409

Белокуров С. А. 566, 572

Беляев Андрей, подьячий 10

Беляев И. С. 568

Беляев Н. 576

Бенуа А. А. 598, 599

Бенуа А. Н. 589

Бенуа Л. Н. 589, 590

Бенуа М. А. 598, 599

Бенедиктов В. Г. 149

Бенкендорф А. А. 424, 429

Бенкендорф А. Х. 87, 88, 178, 180

Бенкендорф (урожд. Долгорукова) М. С. 347, 366

Бенкендорф П. К. 366, 468

Беранже П. Ж. 386, 391, 398, 404

Берг Б. Г. 418, 429

Бергем Н. 155, 174

Бердан Х. 248

Бердяев Григорий, драгун 24

Бердяев Н. А. 509, 519

Бернавский И. М. 656

Бернацкие, род 565, 572

Берне Р. 404

Беро А. и К. 472

Берсенев В. В. 429

Бертенсон Л. Б. 544

Бестужев А. В. 183, 184, 186, 187, 191

Бестужев-Рюмин К. Н. 98, 171

Бехер, масон 82

Бецкой И. И. 268, 284

Беэр (урожд. Елагина) М. В. 452, 460, 464

Бибиков С. И. 222, 246

Бибиковы 563

Билибин, дейст. ст. сов. 445

Биллий (Billius, F. J. de Billy) 619

Бильбасов В. А. 380—382

Бисмарк О., фон 220, 245, 414

Благосветов Г. Е. 549

Благообразова Ф. В. 204

Блазнов А. 591, 595

Бларамберг П. И. 434, 442

Бларамберг-Чернова (урожд. Врангель) Н. К. 434, 442

Блок А. А. 191, 509, 516, 518, 519

Блок К. А. 220, 245

Блок Л. А. 125, 181, 183, 186, 188, 191

Блудов Д. Н. 100, 171, 205

Блудова А. Д. 233, 248

Боборыкин П. Д.

Бобров В. А. 217

Богарне С. 365

Богарне (урожд. Анненкова, в перв. браке Акинфиева) Н. С. 247, 293, 369

Богданов Ал-др. М. 280—283, 287

Богданов Ал. М. 280, 281

Богданов Иван, подканцелярист 23

Богданов П. 581

Богданов-Бельский Н. 409

Богданова А. А. 280

Богданович А. 364

Боголюбов А. П. 291, 377, 382

Богушевская (в замуж. Фредерикс) Я. А. 340, 365

Боде 280

Бок В. 256, 257, 260

Боклевский П. М. 383, 386, 404

Болдырев А. В. 63

Боливар С. 97, 170

Болобан Александр 655

Болобан Г., еп. 655

Болобаны Даниил и Димитрий 656

Бологовская (урожд. Хвощинская) С. Б. 99, 112, 116, 119, 159, 171, 175

Бологовские, семья 116, 133, 159

Бологовские А. А. и Н. А. 160—162, 175

Бологовский А. Н. 119, 171

Болотов А. 73, 78

Болсуновский К. В. 568, 573

Волховские, князья 562, 570

Бомм, архитектор 593

Бонвало П. Г. 227, 247, 248

Бондарский Я. П. 149

Бонецкий А. 567

Борис Владимирович, вел. кн. 221, 222, 245, 356, 366, 378

Борис Годунов, царь 557

Борисов 271

Борисова Л. 271

Боровиковский В. Л. 82, 253, 283

Борович 224—230, 232, 236

Бородин А. В. 29

Бородин И. Н. 31—33

Бородкин М. М. 358, 369

Бороздин И. Н. 559

Боссе Г., фон 593

Боткин М. П. 460, 464

Боханов А. Н. 326

Боциарис М. 139, 173

Боцис 33

Брадке В. М., фон 288

Бранденбург Н. Е. 28, 29

Браун Г. И. 256, 283

Брем А. Э. 399, 409

Бренко А. А. 404

Бренна В. 44

Брессан 569

Бретейль, маркиз 347

Брикнер А. Г. 372

Брозовский М. 657

Бронников Ф. А. 598

Брок П. Ф. 205

Броневский Ю. П. 372, 381

Брунетто Латини 638

Бруни Ф. А. 460, 464, 514

Брусилов А. А. 526, 529, 533

Брусилов Н. П. 112, 126, 172

Брылов, гардеробщик 233

Брюллов К. П. 153, 154, 174, 543

Брюллов П. А. 464

Брюммер К. Ф. 352, 367

Брюс Я. В. 9, 13—17, 19, 29

Брюсов В. Я. 510

Брягины Е. И. и Н. И. 504, 518

Буальдье Ф. А. 454, 462

Буассере С. 86

Будберг, крестьянка 177

Будберг Р. О. 417, 421, 422, 424, 427, 428

Буланже Ж. Э. 332, 362

Булгаков, губернатор 148

Булгаков Г. 18, 29

Булгаков П. А. 122, 124, 128, 171, 173

Булгаков Я. И. 59

Бунаковы, дворяне 562

Бунин А. И. 460, 464

Бунин И. А. 598

Бурдин Ф. А. 383, 389, 398, 408

Бурдон Л. 356, 368

Бурлаков Г. Н. 389, 406

Бусти А. 539

Буслаев Ф. И. 603, 640, 646, 650—652, 666, 668, 669

Буторов Н. В. 418, 426—429

Бутурлин Ф. С. 62

Бутусов В. 205

Бутырский Н. И. 63

Бухе А. А. 572

Бухерт В. Г. 31—33, 35, 59, 60, 63, 192, 207, 210

Быков А. М. 75

Быков В. М. 77

Бычков А. Ф. 357, 368

Бычков И. А. 357, 368

Бэр К. М. 464

Бюлер Ф. А. 125, 173, 181—192, 323—325

Бюффон Ж. 200, 202

Ваганова Н. В. 493, 519

Вагнер Р. 460, 461, 463

Вадковский Ф. Ф. 171

Вайан Ж. Б. 598

Валентиниан III, имп. 627

Валишевский К. 347, 366

Валуа, династия 351

Валуев П. С. 61

Валуевы, род 565, 572

Валь М. 454

Вальдек П. 415

Ван-Гойен 155

Вандаль А. 342, 348, 365

Ванутелли С. 344

Ванновский П. С. 223, 246, 293, 298, 303

Варламов, крестьянин 178

Васенин, крестьянин 176

св. Василий Великий Кесарийский 612, 619, 649, 655, 663

Василий (Полежаев), еп. 600

Василий Иванович, царь 92

Василий Калика, архиеп. 635

Васильев, крестьянин 178

Васильев Е. Н. 581

Васильев М. Н. 595, 596

Васильев П. 574

Васильев П. В. 383, 398

Васильковский А. С. 289, 299, 303

Васильчиков А. И. 179

Васильчиков С. И. 222, 225, 246

Васильчикова М. А. 354, 367

Васнецов В. М. 589, 591

Ватикоуцкий 176

Вашингтон Дж. 97, 139, 170

Вебб В. И. 417, 419, 420, 421, 423, 425, 428

Вейлер Ж. Б. 356, 368

Вейль (Weil) 622, 666

Вейнберг П. И. 406

Вейнер И. 561

Веласкес Д. 155

Велепольский А. С.358, 369

Великолепов Н. 123

Вельпин, действ, ст. сов. 445

Вельтман А. Ф. 206

Вельцын, действ, ст. сов. 445

Веневитинов Д. В. 505

Венштерн, см. Винкстерн

Вера Константиновна, вел. кн., герц. Вюртембергская 590

Вергилий 145, 174, 638

Вердер Б. Ф. 242, 250, 334, 363

Верещагин В. А. 561

Верещагин В. В. 592

Верещагин 205

Верман, барон 460, 464

Верне, преподаватель 147

Вернадский В. И. 441

Вернигероде, граф 66, 67

Веронезе П. 155

Веселовский Ал-р Н. 409

Веселовский А. Н. 400, 409

Веселовский И. 26—28, 30

Веселовский И. С. 73, 79

Веселовский Н. И. 492

Веселовский С. Б. 170

Вестман, церемониймейстер 445

Ветошников, архитектор 41

Виардо П. 182

Вивиани Р. 359, 360, 369

Вивьен Ж. 452

Видерман Г. 594

Виельгорский М. Ю. 70, 71, 73

Виктория Александрина, королева Великобритании 222, 227, 246

Виктория, герм. имп. 590

Виктория Александра Ольга Мария, англ. принц. 220, 221, 245

Виктория София Мария Баденская, королева Швеции 342, 365

Виктория Федоровна, вел. кн. 356, 368

Викулин С. С. 593

Викулов, дворянин 524

Виллевальде Б. 405

Виллие М. Я., де 252

Вильбоа К. П. 383, 398, 408

Вильгельм I, имп. Германии, прусский король 365

Вильгельм II, имп. Германии 220, 242, 245, 334, 348, 363, 367, 592

Вильгельм, принц шведский, герц. Зюдерманландский 246

Вильгельм, эрцгерцог 221, 245

Вильгельм Людвиг Август (Гильом), принц

Баденский 226, 247,

Вильгельм (Guillame) 637, 641, 668

Вильде Н. Е. (К. Г.) 383, 396, 398, 407, 408

Вильде Я. 33

Вильдеман-Клопман Б. К. 421, 422, 429

Винавер 528

Винкстерн (Венштерн, Венстерн) Я. И. 72, 73, 76

Винспиер Д. Ф. 342, 344, 365

Вирен Р. Н. 527, 534, 595

Висковатов, дьяк 649, 650, 651

Висс (Wysz) И. 173

Витберг А. Л. 82

Витекинд, см. Видукинд 66, 67

Витрувий М. П. 37, 38

Витсен Н. 33

Витт К., де 145, 174

Витте С. Ю. 306, 307, 345, 354, 363, 366

Вишневецкие, князья 570

Вишняков Н. 567, 573

Вишняковы, род 567, 573

Владимир, митр. 599

о. Владимир (Левицкий) 594

Владимир Мономах 642

Владимир Александрович, вел. кн. 213, 214, 217, 221, 223, 226, 231, 234, 243—245, 248, 261, 284, 288, 291—293, 295, 298, 302, 303, 305, 354, 366—368, 375, 381, 406

Власов А. Н. 595

Власьев Г. А. 562, 565, 566, 569—572

Власьевы, род 565, 571

Внуковы, род 565, 572

Воеводский, егермейстер 445

Воейков А. 130

Воейков А. Ф. 551

Воейков Л. А. 130, 173

Воейкова (урожд. Львова) В. Н. 130, 551

Военский К. А. 358, 369

Война Симеон 655

Волжины, род 565, 572

Волков И. Я. 440

Волков С. М. 597

Волкова (урожд. Голицына) О. М. 274

Волконская В. М. 264, 284

Волконская Е. А. 551

Волконская Е. Г. 570

Волконская З. А. 85, 86

Волконская Л. 280

Волконские, князья 561, 562

Волконский М. Н. 60

Волконский С. М. 366

Волович Е. 654, 655

Волховский С. Г. 70

Вольтер 145, 174, 201

Вольф М. О. 504

Волынские, дворяне 565, 570, 571

Воробьев М. 405

Воробьева (в замуж. Петрова) А. Я. 392, 407

Воробьева Ю. С. 442, 443

Воронецкие, князья 570

Воронковский И. 63

Воронцов М. С. 340, 364

Воронцов С. Р. 54

Воронцова (в замуж. Нарышкина) А. И. 287

Воронцов-Вельяминов М. П. 417, 428

Воронцов-Вельяминов П. 72

Воронцов-Дашков А. И. 593

Воронцов-Дашков Ив. Ил. 220, 240, 245, 249

Воронцов-Дашков Ил. Ив. 223, 245, 246, 353, 363, 367

Воронцов-Дашков Ил. Ил. 355, 368

Воронцова-Дашкова (урожд. Шувалова) Е. А. 347, 366

Воронцова-Дашкова Е. Р. 268, 284, 287

Воронцова-Дашкова (урожд. Нарышкина) И. В. 355, 368

Воронцова-Дашкова (в замуж. Шереметева) И. И. 221, 224, 245, 247, 347, 353, 366, 367

Воронцова-Дашкова М. И. 221, 224, 245

Воронцова-Дашкова С. И. 221, 224, 245

Воротынские, князья 562

Воскресенский А. 373—375

Востоков А. Х. 149, 174, 666

Вотье М. 600

Врангель Н. 464

Вульферт (урожд. Шереметевская, в перв. браке Мамонтова, с 1915 г. Брасова) Н. С. 368

Вындомские, род 565

Вырубова А. А. 370

Вышеславцев В. С. 119

Вышеславцева З. С. 574, 577

Вышеславцева (урожд. Саймонова) М. А. 114, 172

Вышеславцева (урожд. Сабурова) Н. И. 119, 172

Вышеславцева (в замуж Гуль) О. С. 574

Вышеславцевы, семья 131

Вышеславцевы (А. В.; Л. В.; С. В.; М. А.) 114, 119, 172

Вяземский А. А. 48

Вяземский Б. Л. 353, 367

Вяземский П. А. 100, 171, 200, 202—204, 368, 461, 465

Вяземский П. П. 461, 465

Вязовой В. Г. 150—153, 169, 174

Вярт И. 581

Вячеслав Константинович, вел. кн. 232, 248

Гааг Ф. Е. 57

Гагарин Г. П. 82

Гагарин И. А. 173

Гагарин К. И. 122, 125

Гагарин М. П. 33, 62

Гагарин П. П. 181, 182, 184, 185, 186, 191

Гайсман 333

Гак, матрос 180

Галактионов И. 72, 75, 76, 80

Галевич В. И. 595

Галицкие, князья 570

Гальперина Б. Д. 202

Гамалея Н. М. 122—124, 173

Гамбс Д. Г. 86, 113

Гамильтон (в замуж, графиня Фестерн) 345

Гамс см. Гамбс

Ган А. Ф. 295, 298, 304

Ганнибалы, род 565, 568, 571

Ганото Г. 340, 345, 347, 351, 352, 365

Гаранина С. П. 466, 467, 472, 492

Гари, доктор 254

Гаррис, лорд 227, 247

Гартенау, граф, см. Александр Баттенбергский

Гаскоин К. К. 49, 57

Гауделин Е. П. 339, 364

Гаузер (Хаузер) Каспар 342, 345, 365

Гауке Ю. 325

Гвын С. 18, 20, 29

Гебзоттель Л. Л. 254, 258

Гейден А. Ф. 333, 362

Гейдер Г. 637, 668

Гейман Р. Г. 174

Гейрот, издатель 549

Геласий, папа римский 618, 635, 663

Гельмгольц Г. Л. 546

Гельфстрем 333

Гендриковы, графы 569

Генегар, купец 506, 510

Генрих Орлеанский (Henri), принц 227, 247

Георг Август, герц. Мекленбург-Стрелицкий 248, 304

Георг I (Вилли,Willy), греч. король 221, 245, 249, 362, 366

Георгиевский Г. П. 500

Георгий, архиеп. 599

Георгий, греч. принц 221, 227, 247, 249

Георгий Александрович, вел. кн. 213—217, 220—222, 224—231, 235, 237—240, 242—244, 246, 247, 330, 332, 334, 336—339, 361—363, 596

Георгий Михайлович, вел. кн. 224, 231, 232, 237, 240, 245, 247, 248, 329 331, 334, 336, 338, 343, 362, 464, 479, 480, 559

Георгий Писида 609, 623

Робрин Никанд 309, 325

Геппенер Р. Н. 482

Герасимов Федор, переводчик 15

Гербель Р. Н. 57

Гердер И. Г. 457

Герланд Ф. Ф. 70

Герман (Арминий) 66, 67

Гермоген, патр. 563, 571

Геррарда Ландсбергская (Landsperg Herrard, von) 637, 668

Герцен А. И. 119, 124, 170, 173, 181, 284, 404, 405

Герценштейн М. Я. 431, 435, 442

Гершельман, ген.-майор 445

Гершензон М. О. 171

Герье В. И. 433

Геснер К. 664

Гессе П. П. 414, 415

Гете И. В. 85, 86, 454, 457, 460, 668

Гиббон (Гибсон) Э. 193, 202

Гивартовский Г. А. 151, 174

Гизо Ф. 111, 172

Гиллерт А. К. 268, 284

Гильдефонс, еп. Толедский 637

Гильяно, преподаватель пения 539

Гиппиус В. В. 383

Гирс, лейтенант 333

Гирс Н. К. 225, 247, 325, 414, 415

Гирс Н. Н. 377, 382

Гирш Г. И. 224, 246, 291

Гирш М. 442

Глазов В. Г. 437—439, 442, 443

Глазунов, художник 596

Глебов М. П. 179

Глебовы, род 565, 571

Глик, род 569

Глинка Г. В. 416

Глинка М. И. 393, 407, 593, 594

Гогенлоэ-Шнлигфюрст, князь 311

Гоголь Н. В. 109, 182, 404, 552

Годнев И. В. 534

Гоздаво-Голомбиевский А. А. 351, 357, 369, 372, 376—379, 381, 561

Голембович П. 72

Голендер (в замуж. Олсуфьева) Е. 255, 286

Голенищев-Кутузов 542

Голенищев-Кутузов И. 40

Голенищев-Кутузов И. П. 71

Голиков И. И. 33

Голицын А. М. 251—253, 255, 258, 267, 268, 283, 285

Голицын А. Н. 198, 201, 202, 348

Голицын В. М. 440, 443

Голицын Г. С. 109, 172, 339, 364

Голицын Д. Б. 221, 222, 242, 245

Голицын Д. М. 274, 283

Голицын И. М. 233, 249

Голицын Л. Л. 336, 342, 363

Голицын М. А. 264, 284, 287

Голицын М. М. 291, 303

Голицын Н. Д. 526, 533

Голицын С. М. 561, 596, 597, 600

Голицын С. П. 593

Голицын Ю. Н. 122, 173

Голицына А. 600

Голицына (в замуж. Олсуфьева) М. А. 286

Голицыны, князья 561, 562, 568, 569, 573

Голицыны (Ал. Д.; Ан. Д; В. Д.; С. Д.) 274

Головин В. М. 70, 71

Головин И. 72, 75, 76, 81

Головин М. А. 62

Головин Ф. А. 9—11, 28, 62

Головины Н. А. 72, 73, 76

Головкин Г. И. 62

Голомбиевский А. А., см. Гоздаво-Голомбиевский А. А.

Голоушев С. С. 507, 518

Голубицкий, крестьянин 176

Голубцов В. В. 570

Гольденберг А. 311

Гольцев В. А. 391, 406, 542, 544

Гондатти Н. Л. 278, 281, 282

Гончаров И. А. 277, 398, 408, 465

Гораций 145, 150, 540

Гори, ученый 633

Горбатая-Шуйская (в замуж. Романова) Е. А. 562

Горбацкий И. 657

Горбунов И. Ф. 383, 384, 386—390, 394, 395, 397, 399—402, 404—407, 409

Горбунова А. И. (Н. И.?) 386, 405

Горбунова Е. И. 386, 395, 405

Горбунова (в замуж. Дмитриевская) Т. И. 386, 388, 394, 395, 399—402, 405, 409

Горбуновы, семья 387, 390, 397

Горлеев Н. М. 171

Гордеев И. М. 171

Гордин Я. А. 444

Горемыкин И. Л. 529, 536

Горлов А. П. 248

Горностаев И. И. 596

Горские П., Пр. 466

Горсткин И. Н. 109, 172

Гортензия, голландская королева 405

Горчаков А. М. 181, 210, 212

Горчаковы, князья 562

Горшельт Т. 338, 364

Горяиновы 563

Готовцев Д. В. 321

Гохберг, графиня 365, 366

Грабарь И. Э. 471, 561

Граве Ф. Я. 73, 78, 79

Гранье Ж. 340, 364

Грациан Черный (Gratianus Niger) 635

Греве К. А. 544

Грейг С. А. 294, 304

Грейг С. К. 57

Грефе, профессор 557

Грибоедов А. С. 276

Григорий Назианзин 635, 629

о. Григорий (Остроумов) 507

Григорович 154

Григорьев А. А. 408, 493, 514—519

Григорьев Я. 19

Гридовский Д. 72

Гримм 668, 669

Гримм 668, 669

Гримм Д. И. 589, 599

Гримм Р. А. 338, 342, 364

Гриневич, помещик 176

Грифцов Б. А. 511, 519

Гришина, крестьянка 177

Громужий 333

Грос А. Ж. 340, 365

Грузенберг О. О. 528, 535

Губле, де ла 565, 572

Гудович А. В. 358, 369

Гужон Ю. П. 577, 581, 582

Гук Р. 145, 174

Гулак-Артемовский, адъютант 363

Гуль Б. К. и С. Б. 574

Гуль Р. Б. 574—577

Гуниус К. И. 248

Гуревич Я. Г. 550

Гурий, иеродьякон 31—33

Гурьев А. Д. 121, 172

Гурко И. В. 294, 295, 303—305

Густав IV, король Швеции 365

Гучков А. И. 355, 367, 528, 534, 535

Гучков Н. И. 431, 442, 443

Гюйсманс Ж. К. 518

Даву Л. Н. 284, 285

Давыдов В. В. 127, 173

Давыдов Д. В. 593

Дазер, купец 199

Даксергофы, семья 268

Даксергофы, семья 206

Даль В. И. 451

Дамаскин Студит, архиерей 609, 616—619, 636, 638, 640—642, 665

Дамаскин Студит, монах 609, 616, 664, 665

Даниил Заточник 643

Даниил Романович, князь Галицкий 562

Данилов Кирша 644

Данилович Г. Г. 214, 216, 217, 221, 244

Данненберг Ф. А. 578, 580

Данте Алигьери 638

Дараган А. В. 403, 405

Дашков Д. Я. 364

Дашков П. Я. 338, 364

Дворжицкий, офицер 229

Двукраев А. А. 418, 419

Де Вилли, художник 252

Де Лецина (в замуж. Олсуфьева) Д. А. 251, 252, 267, 285, 287

Де-Роксас, преподаватель пения 539

Деберо Т. 595

Дейша-Сионицкая, артистка 539

Дело И. 72

Делорм 374, 377

Дельвиг А. А. 104, 106, 171, 193

Дельвиг Е. А. 108, 172

Делькассе Т. 360, 370

Делянов И. Д. 372, 373, 381

Демерцов, архитектор 43

Демидов Н. А. 33

Демидов П. Г. 665

Демидов (князь Сан-Донато) П. П. 594, 595

Демидов (князь Сан-Донато) П. П. 594, 595

Демидова (урожд. Трубецкая) Е. П. 595

Демидова Н. Ф. 560

Державин Г. Р. 48, 130

Деркач, унтер-офицер 176

Дернов А. А. 375, 379

Детейль Э. 340, 365

Дефо Д. 173

Джауфрей Р. 93, 170

Джиллис Дж. 193, 202

Джионино, художник 651

Дзевелтовский, крестьянин 176

Дидло Ш. 407

Дидрон М. 646, 661, 668—670

Диесперов А. Ф. 511, 519

Диккенс Ч. 142, 144, 145

св. Дионисий 612

Диоскорид Педаний 623, 627, 667

Диц В. Э. 222, 246

Дмитриев, врач 403

Дмитриев И. И. 195, 202

Дмитриев Н. В. 536

Дмитриев-Мамонов А. И. 70, 71, 73—78, 565, 572

Дмитриев-Мамонов В. А. 565, 572

Дмитриевский Е. Н. 400, 402, 409

Дмитриевский И. И. 603

Дмитриевы-Мамоновы, род 565, 572

Дмитрий, царевич 563

Дмитрий Донской, князь 466

Дмитрий Константинович, вел. кн. 242, 250, 329

Дмитрий Константинович, вел. кн. 242, 250, 329

Дмитрюков И. И. 528, 535

Добринович К. В. (наст. фам. Аркандanский) 434, 442

Добролюбов А. И. 202—204

Добролюбов В. И. 203, 204

Добролюбов Н. А. 202—204

Добролюбова (в замуж. Кострова) А. А. 202—204

Добролюбовы (А. А.; Ек. А.; Ел. А.; В. А.; И. А.; Ю. А.) 202—204

Долгоруков А. И. 73

Долгоруков Вас. А. 358, 369

Долгоруков (Долгоруков) Вл. А.229, 248

Долгоруков М. М. 454, 462

Долгоруков Н. С. 291, 303

Долгоруков П. В. 562, 563, 570

Долгоруков С. А. 361, 370

Долгоруков Ф. 565, 572

Долгорукова (урожд. Голицына) Е. А. 251

Долгорукова Л. 347

Долгорукова О. 227

Долгоруковы, князья 327, 562

Долматы, род 655, 656

Домополов, масон 71, 73

Донауров М. И. 44

Дондуков-Корсаков А. М. 312, 314, 321, 363

Дорошевич В. М. 539

Достоевский Ф. М. 89, 277, 404, 545, 560

Дохтуров Д. П. 298, 302, 304

Драгомиров М. И. 292, 303

Дрейфус А. 343, 344, 366, 415

Дрентельн А. 655

Дривинский Л. 655

Дризен А. Ф. 242, 249

Дриянский Е. Э. 383, 386, 396, 397, 404

Дружинин, родственник Шереметевых 524

Дружинин Н. П. 519

Дружинина (урожд. Познер) Ф. В. 512, 519

Друцкие, князья 562, 570

Дубасов Ф. В. 416

Дубельт Л. В. 175, 178—180

Дубенские, род 569

Дубровин А. И. 527, 529, 534

Дубровский Н. А. 287

Дувакин Д. Д. 441, 443

Дундунелд, лорд 53

Дуранд 651, 669, 670

Дурново И. Н. 379

Дурново С. Г. 128

Дуров 664

Дурылин С. Н. 85

Дьяков Н. А. 53, 81

Дьяконов М. В. 154, 174

Дюлон К. Ю. 418, 429

Дюмулен Ф. И. 141, 142, 144, 154, 166, 168

Дюран К. 275, 284

Дюрер А. 155, 174

Дюрок Ж. К. 340, 365

Дюма А. 380, 381

Евгений (Болховитинов), митр. 603

Евгений Людовик Бонапарт, Наполеон IV (Люлю) 386, 405

Е[illegible] 342, 365, 405

Евгения Мария де Монтихо, имп. Франции 342, 365, 405

Евгеньев-Максимов В. Е. 515, 519

Евлогий, митр. 599

Евреинов И. М. 70

блж. Евсевий 612

Евстафит, еп. Антиохийский 612

Евфимий, иеромонах 34

Евктений 663

Егорнов А. С. 386, 405

Егоров А. И. 573

Ездаков, пристав 179

Екатерина I 24, 30, 33, 34, 286

Екатерина II 37—40, 44, 60, 62, 82, 170, 209, 251, 254, 264, 268, 286, 321, 372, 380—382, 414, 443, 521, 525, 568

Екатерина Иоанновна, царевна 34

Екатерина Михайловна, герц. Мекленбург-Стрелицкая 248, 294, 304

Елагин И. И. 597

Елагин Н. В. 372

Елагина А. П. 464

Елена Владимировна, вел. кн. 221, 222, 245

Елена Павловна, вел. кн. 594

Елецкие, князья 562

Елизавета Амалия Евгения, австр. имп. 591

Елизавета Алексеевна, имп., жена Александра I 342, 345, 354, 365

Елизавета Маврикиевна, вел. кн. 226, 230, 231, 234, 247—248

Елизавета Михайловна, герц. Люксембургская 589, 590

Елизавета Петровна, имп. 268, 284, 286, 521, 525

Елизавета Федоровна, вел. кн. 223, 230, 231, 234, 239, 246, 590, 591

Елисеев А. Г. 593

Елисеев Иван, келейник 32

Елисеева (урожд. Рачевская) З. С. 366

Ельчанинов А. В. 125

Ельчанинов И. Н. 564, 571

Ельчанинов М. И. 221, 246

Енгалычевы, князья 569

Епанчин Н. А. 363

Епифаний Кипрский 609, 613, 616, 617, 623, 636, 640, 663—665

Ермак 195

Ермолинские, род 565, 571

Ермолинский Н. 565, 571

Ермолов А. С. 565, 572

Ермоловы, род 565, 572

Есипов Г. В. 31, 260, 261, 282, 284, 287

Есипов Н. Г. 282

Есипова (в замуж. Олсуфьева) А. Г. 259, 260, 262—268, 270—272, 274, 276, 278, 281, 282, 285, 287

Есипова С. Н. 260, 261, 282, 283

Ефимов С. В. 33, 34

Ефимович А. 72

Ефимовские, род 569

Ефремов Михаил, печатник 15, 29

Ефремов П. А. 455, 462

Ефремова, церковная староста 595

Жадовский 182

Жебелев С. А. 605

Желиборские, род 657

Желиборский А. 658

Желябов А. И. 274, 284

Жемчугова П. (псевд.), см. Ковалева П. И.

Жемчужников А. А. 120—122, 127, 131, 155, 172

Жемчужников Ал-др М. 407

Жемчужников А. М. 384, 394, 399, 401, 407

Жемчужников В. М. 407

Жемчужникова П. М. 120, 172

Жерве А. 249

Жеромский А. С. 424, 429

Живкович 445

Живокини В. И. 383, 398, 408

Жилинский Я. Г. 360, 370

Жиркевич А. В. 541

Жирмунский В. М. 85

Жорес Ж. 359, 370

Жофруа, см. Джоуфрей Р.

Жуае Я. П. 71, 74

Жуковская (баронесса Седжиано, в замуж. Верман) А. В. 460, 463, 464

Жуковская (урожд. Рейтерн) Е. А. 458, 463

Жуковский А. Г. 464

Жуковский В. А. 86, 90, 124, 139, 142, 149, 150, 173, 195, 450, 451, 458, 460, 461, 463—465

Жуковский П. В. 450, 451, 453, 454, 457—461, 463—465

Журавлев, домовладелец 578, 580, 581

Забелин С. Н. 589—600

Загоскин М. Н. 397, 408

Зайончковский, действ, ст. сов. 445

Зайончковский П. А. 306, 322

Зайцев, крестьянин 176

Зайцев А. Д. 59

Зайцев Б. К. 493, 577—586

Зайцев И. 311, 312

Зайцев К. Н. 577—582, 584

Зайцев Н. Н. 578

Зайцева В. А. 585

Зайцева (урожд. Рыбалкина) Т. В. 578, 579, 585

Зайцевы Н. К. и Т. К. 579

Зазулин, крестьянин 176

Замятина 125, 126

Замятнин А. М. 124

Замятнина (урожд. Левшина) 124

Зарубин А. Н. 417, 428

Зарубин П. А. 386, 404

Захарьин Г. А. 337, 363, 556

Захарьина Е. П. 204

Збаражские, князья 570

Звенигородские, князья 562

Зверев Н. А. 288

Зверев Ю. А. 73, 75, 76

Зеленина Я. Э. 670

Зиновьев В. В. 234, 235, 249

Зиновьев И. А. 323—325

Змеев Л. Ф. 553

Значко-Яворская О. Н. 565, 572

Зноско-Боровский Н. А. 427—429

Золин Д. 414

Золотарев А. И. 559

Зотов П. Д. 295, 304

Зотов Р. М. 392

Зотовы, род 569

Зубалов А. И. 453, 454

Зубалова Г. 453, 454

Зубков В. П. 112, 126, 172

Зубов А. 29

Зубов И. 29

Зубов Н. Н. 287

Зубова (в замуж. Толстая) М. Н. 274

Зубовы, род 569

Зырянов П. Н. 307

Иаков, дьякон 32

Иаков, монах 633, 642

Иаков, черноризец 643

Иван Алексеевич, царь 33, 34

Иван III Васильевич, вел. кн. Московский 61, 661, 662

Иван IY Грозный, царь 61, 62, 649

Иванов, крестьянин 177, 178

Иванов, экспедитор 482

Иванов А. Ф. (псевд. Классик) 386, 404

Иванов В. М. 265, 266, 276, 279, 281

Иванов Н. И. 360, 370, 527, 534

Иванов П. С. 131

Иванова Е. Ю. 252, 287

Иванова Л. 576

Иванова (урожд. Сандунова) С. Н. 131

Иванова С. Ф. 443

Ивановский И. А. 421, 422, 429

Иванцов-Платонов А. М. 549

Иваск У. Г. 568

Ивашенцев И. А. 291

Ивинский М. 572

Ивинские, князья 565

Игнатьев Н. П. 306, 321, 325

Игорь, князь 34

Иевлев Н. В. 398, 408

Иеремия (Соловьев), архиеп. 202—204

блж. Иероним 612, 636, 664, 669

о. Иероним (в миру Соломенцев И. П.) 211, 212

Извольская (в замуж. Чичерина) 92

Извольская (урожд. Толь) М. К. 345, 366

Извольский А. П. 342, 344, 345, 349, 365, 591

Измайлов А. А. 402, 409

Измайлов П. А. 335, 363

Изотов, крестьянин 176

Израилева 176

Изяслав Мстиславич, князь 570

Изяслав Ярославич, князь 642

Иконников А. 72

Иконников В. С. 58, 559

Иларион, митр. 643

Илизарова Л. И. 44

Илия, архиеп. 643

Иловайские, род 565, 572

Иловайский Д. И. 559

Ильгес, крестьянин 177

Ильяшевич А. Е. 298, 304

Индрисы, князья 569

Иннокентий III, папа римский 636

Иннокентий VI, папа римский 620

Иоанн, еп. 599

Иоанн, митр. 643

Иоанн, экзарх Болгарский 621, 622, 666

св. Иоанн Дамаскин 616, 619, 637, 656, 664, 665, 669

св. Иоанн Златоуст 616, 619, 636, 641, 664

Иоанн II Комнин, имп. 632

о. Иоанн (Кронтовский) 574

св. Иоанн Лествичник 619, 632

св. Иоанн Синайский 619

о. Иоанн Янкнн 595

Иоганн фон Триттенгейм 620

Иона, иеромонах 493, 518

Иосиф, патр. 62

Иосиф (Васильев), еп. 598, 600

Иосиф Флавий 666, 667

Исаев Родион, купец 10, 11, 13

Исаков Н. В. 229, 248

Исидор, еп. Севильский 636, 637

Исидор, митр. 592

Исмаил-Заде Д. М. 326, 327, 370

Истомин К. 29

Исуповы, род 563, 565, 572

Иулиана 627, 628

св. Иустин 612, 620

Иустиниан, имп. 669

Ицкевич М. 311

Июдины, род, см. Юдины

Кавелин К. Д. 89, 125, 173, 408

Кавелины, семья 268

Каверин П. П. 63

Каверина (в замуж. Олсуфьева) М. П. 252, 274, 287

Казаков М. Ф. 251, 283

Казаков Ф. 72

Казакова С. В. 88, 205

Казанович, поручик 179

Кайданов И. К. 63

Кайо (Кальо) Ж. 357, 359, 369

Кайсаров А. С. 63

Кайсаров П. С. 70, 85

Кайсаровы 85

Кайэ Ш. 663, 664

Калайдович И. Ф. 72, 78, 80

Калайдович К. Ф. 199, 202, 642, 643, 666, 670

Калачов Н. В. 206, 669

Каляев И. П. 463

Камбаров И. А. 137, 172

Камбарова (урожд. Циммерман) Е. М. 114, 172

Камбаровы, семья 114, 119, 137

Кампе И. 139, 173

Камынин В. Л. 72, 73, 76

Канарис К. 139, 173

Кандид 612

Кандинский В. В. 598

Каннинг Дж. 97, 170

Кантакузин М. А. 324, 325

Кантемир А. 207

Капнист В. В. 48

Капнист П. А. 346, 366

Капурро, преподаватель пения 539

Капустин В. А. 561

Каракалла 663

Караковский, доктор 212

Карамзин В. М. 195, 199, 202

Карамзин Н. М. 36, 63, 100, 139, 149, 171, 174, 193—202, 327, 465, 642, 643

Карамзина Е. А. 195, 197, 199, 200, 202

Карамзина Е. И. 197

Карамзина Е. Н. 195, 199

Карамзина С. Н. 195, 199, 200

Карандышев Федор, фискал 19

Каратыгин В. А. 405, 408

Каратыгин П. А. 386, 405, 408

Караулов М. А. 529, 535, 536

Карачинский В. 37

Караян, профессор 668

Каринский Н. М. 482

Карл I Великий, имп. 617

Карл, принц Датский, см. Хокон VII, король Норвегии

Карл Александр, вел. герц. Веймарский 592

Карл Людвиг, эрцгерц. 221, 245

Карл Людвиг, маркграф Баден-Дурлахский 365

Карл Фридрих, принц Веймарский 592

Карл Фридрих, вел. герц. Баденский 365

Карл Фридрих Александр, король Вюртембергский 591

Карнеев А. Д. 606, 664

Карниолин-Пинский М. М. 187, 191

Карно М. 377, 381, 382

Каролина, королева Баварская 342, 345, 365

Каролюс Д. 275, 284

Кароль I, румынск. король 370

Карповский М. 12

Касицын П. И. 583

Кассиан, еп. 599

Кассо Л. А. 357, 358, 368, 481, 482

Кастальский И. 63

Катенин П. А. 392, 407

Катков М. Н. 323—325, 544

Кауфман К. П., фон 315, 321

Кауфман М. К., фон 229, 248

Кауфман М. П., фон 306

Кауфман П. М., фон 306—322

Кашкин Н. Н. 564, 571

Кашкины, род 565

Каяно, преподаватель пения 539

Квашнины, род 563, 571

Кек В. Т. 109, 172

Кельберер Г. К. 583

Кенсон, род 565, 572

Кеппен П. Е. 220, 245, 670

Керенский А. Ф. 368, 526—529, 533, 534

Кибальчич Н. И. 274, 284

Киндяков В. А. 84

Киняпина Н. С. 323

Киплик Д. 591, 595

Кипренский О. А. 452, 513

Киприан, митр. 622

Киприановы В. А. и В. В. 9—30

Киреева Р. А. 171

Киреевский И. В. 85, 86

Киреевский П. В. 86, 404

Кирик, черноризец 643

свт. Кирилл, архиеп. Александрийский 612

Кирилл Владимирович, вел. кн. 221, 222, 245, 356, 368, 391, 406, 529, 536, 592

Кирилл, еп. Туровский 643

Кирилов И. К. 26, 27, 30

Киселев П. Д. 598

Киселева 211, 212

Кисель Мефодий 656

Кичибей, князья 565, 572

Клейнмихель (урожд. Келлер) М. Э. 527, 534

Клемансо Ж. 357, 359, 366, 369

Клепиков С. А. 45

Клепш, генерал 374, 380

св. Климент Александрийский 612, 613

Климент III, папа римский 642

Климентова, баронесса 569

Климов, однодворец 179

Клочков В. И. 386, 389, 405

Ключарев А. 72

Ключарев Ф. П. 67, 68

Ключевский В. О. 495

Кнаппе К. Ф. 57

Князев А. Т. 568, 573

Князева Е. Е. 536

Коб 371, 377

Кобеко Д. Ф. 357, 368, 559, 562, 567, 571, 572

Кобылинский, масон 71, 77

Ковалева (в замуж. Шереметева) П. И. 521, 522, 525

Ковалевский Е. П. 205

Ковалевский М. М. 118, 372, 430—435, 441, 442

Ковальская (урожд. Хвощинская) М. А. 118

Ковальские, семья 131, 167

Ковальский, полковник 118

Ковенко А. И. 482

Кожанчиков Д. Е. 386, 405, 666

Кожины, князья 569

Козинович И. 578

Козлов А. А. 395

Козлов П. А. 291

Козловский М. Д. 127

Козлянинов Т. 40

Козьма Индикоплов 609, 623, 640—642, 660

Коклен Б. К. 340, 364

Коковцевы, семья 599

Коковцов В. Н. 450, 451, 457, 463, 472—477, 479—481, 527, 534

Кокошкин Ф. Ф. 93, 170

Кокрон, англичанин 49

Колечицкий А. П. 584

Кологривов И. С. 122

Коломб, танцмейстер 157—159, 161, 163

Колычевы, род 571

Комб Э. 357, 368

Комелова Г. Н. 464

Коменский Я. А. 549

Коммод 663

Кондаков Н. П. 603, 604

Кондырев 127

Кони А. Ф. 389, 399, 406, 409

Конклер, воспитатель 98, 142

Коновалов А. И. 526, 533—535

Константин Великий, имп. 626

Константин, король Греции 595

Константин, греч. принц 221, 246

Константин VII Багрянородный, имп. 662

Константин Константинович, вел. кн. 220, 226, 231, 234, 245, 247, 248, 327, 357, 368, 484

Константин Константинович, князь императорской крови 226, 247

Константин Николаевич, вел. кн. 191, 220, 222, 240, 245, 246, 250, 294, 304, 344, 366, 391, 405

Константин Павлович, вел. кн. 338, 364

Копистенский Захарий 656

Корбишон, монах 638

Корелин М. С. 372

Корецкая, княжна 656

Корецкий Самуил 657

Корибут-Вишневецкий Иеремия 565

Корне, учитель 142

Корнеев В. Е. 82, 444

Корнель П. 139, 173

Корнилов А. А. 124, 173

Корнилов В. А. 173

Корнилов Л. Г. 527

Корнилов Ф. П. 124, 173

Коробкин Г. 72

Короленко В. Г. 377

Корсаков А. И. 58

Корсаков Д. 555

Королев, директор театра 398

Королев М. Л. 409

Корф А. А. 358, 369

Корф А. Н. 234, 237, 238, 249

Корш (в замуж. Кавелина) А. Ф. 408

Корш (В. Ф.; Е. Ф.; Л. Ф.) 408

Корш (в замуж. Куманина) З. Ф. 396, 408

Корш (в замуж. Григорьева) Л. Ф. 408

Корш (в замуж. Крылова) Л. Ф. 408

Корш Ф. А. 405

Косаткин-Ростовский Г. М. 519, 520

Косаткин-Ростовский И. Ф. 522—524

Косаткин-Ростовский Ф. М. 519—525

Косаткнн-Ростовский Ф. Н. 519, 520

Косаткина-Ростовская (в замуж Викулова) Ек. И. 524

Косаткина-Ростовская Ел. И. 520—524

Косаткина-Ростовская С. Ф. 519, 520

Косаткины-Ростовские (А. И.; М. И.; П. И.) 524

Косик В. И. 323

Косицкая (в замуж. Никулина) Л. П. 398, 408

Косич (Косыч) А. И. 295, 298, 304

Коссинский, действ, ст. сов. 445

Костарев И. С. 583

Костомаров Н. И. 386, 405, 494

Костров М. А. 204

Костюрины, род 565, 572

Котляревский А. А. 603

Коцебу Э. К. 330, 331, 361, 590

Кочиев 55

Кочубей 332

Кочубей В. П. 69, 445

Кошанский Н. Ф. 149, 174

Кошеверов С. С. 388, 405

Кошелев, художник 600

Кошелев А. И. 95, 170

Кошелев В. А. 83

Кошелев Н. А. 401, 409

Кошелев Р. А. 348, 349

Кравцевич Е. А. 287

Кравцов И. Н. 539

Кравцова, вдова 539

Кравчинский (Степняк) С. М. 539

Краев С. М. 540

Краевский А. А. 386, 404, 557

Крамской И. Н. 277, 285, 409

Красавицкий 565, 572

Красильников П. 72

Краснобородько Т. И. 465

Краснопольский К. А. 540

Краузе, вахмистр 180

Крестовский, поручик 291

Крестовский В. В. 413, 414, 540, 541

Кривошеин А. В. 354, 367, 593

Кривошеий А. К. 335, 363

Кривцов Н. И. 99—102, 110, 113, 125—127, 132—134, 171

Кривцова (урожд. Вадковская) Е. Ф. 101, 102, 107, 110—113, 117, 118, 125, 127, 132, 171

Кривцова (в замуж. Батюшкова) С. Н. 132, 150, 171

Кривцовы 114, 131, 172

Кривцовы П. И. и С. Н. 171

Кригер-Войновский Э. Б. 526, 533

Криденер (Крюденер) В. Ю. 348

Криднер Н. П. 295, 304

Кромвель О. 555

Крон, купец 58

Крупенин А. И. 541

Крыжановскнй С. Е. 527, 528, 534

Крылов И. А. 136, 139, 149

Крылов Н. И. 408

Крылов Н. С. 208

Крюгер Ф. 581

Ксения Александровна, вел. кн. 231, 215—217, 219—221, 223, 224, 226—230, 233, 235, 237, 239—241, 243, 244, 247, 329, 330, 333, 340, 342, 347, 355, 359, 361

Ксеркс, царь 616

Ктесий (Ктезий) 610, 623, 663

Кубарев А. 643

Кудашев Н. Д. 593

Кудрин В. С. 393, 407

Кудрявый, комиссар 21

Кузнецов А. Г. 597

Кузьмин Р. 598

Кузьминский Г. Д. 339, 364

Куклин В. 581

Кукольник Н. В. 397, 408

Кулибин И. П. 385

Куликовский Н. А. 245, 361

Куломзин А. Н. 361, 370

Кульман Н. К. 417, 428, 429

Кульчицкий Н. К. 527, 534

Куманин А. К. 396, 408

Куманины, род 567, 573

Кунигунда Орламюндская 570

Куницын А. П. 63

Купер Ф. 145, 174, 257, 283

Куплетский М. А. 482

Куприянов С. В. 383

Куприянова Т. Г. 30

Куракин А. А. 249

Куракин А. Б. 349, 354

Куракина (в замуж. Шебеко) А. А. 240, 249

Куракина (в замуж. Шаховская) М. А. 240, 249

Куракины, князья 569

Курбатов А. А. 10, 16, 28

Курбатов П. А. 71—73, 76, 77

Куропаткин А. Н. 346, 366

Курочкин В. С. 384, 386, 391, 398, 399, 404

Курочкин Н. С. 383, 386, 404

Курута И. Э. 122, 124, 125, 173

Кутайсов И. П. 122, 173

Кутайсова (урожд. Уварова) Н. А. 122, 173

Куц, мещанин 308

Кучин К. З. 541

Кушелев Г. Г. 37, 42, 44, 48—57

Кушелев-Безбородко Г. А. 494, 518

Кшесинская М. Ф. 367, 368

Кюглер, художник 356

Кюхельбекер В. К. 57

Лабзин А. Ф. 82—84

Лабрюйер Ж. 145, 174

Лаведан А. Э. 340, 364

Лавров, капитан 28

Лавров А. С. 466

Лаврова (в замуж. Прокудина-Горская) А. А. 466, 470

Лавровский Л. О. 583

Лавровский П. А. 545

Лагарп Ж. Ф., де 349

Лагорио Л. Ф. 386, 405

Лажечников И. И. 542

Лазарев И. А. 506, 507, 510—513, 517—519

Лазарев М. М. 236, 249

Лазаревский А. 665

Лакомб К. 372

Лакретель Ж. 149, 174

Лактанций 612

Ламартин А., де 517, 519

Ламбеций П. 620, 627, 628, 666, 667

Ланг 333

Ланг, купец 81

Ланглуа, генерал 347

Ланжерон А. Ф. 71, 372

Ланжуини Г. П. 72, 74

Лани Н. 268, 269

Ланин Н. П. 542

Ланские, семья 569

Ланской С. С. 70, 71, 75; 76, 79, 80, 446

Лаптева Т. А. 212

Латышев В. В. 371, 381

Лашков Н. А. 346, 366

Лебедев А. 408

Лебедев А. А. 594

Лебедев И. В. 542

Лебедев П. И. 204

Лебединцев Г. 544

Лебцельтерн, барон 354, 367

Лев XIII, папа римский 344, 366

Левенец Г. В. 527, 534

Левизак 142

Левицкая (урожд. Олсуфьева) А. В. 251—285, 287

Левицкая (в замуж. Олсуфьева) А. Л. 287

Левицкая Т. Р. 277

Левицкий Д. Г. 253, 283, 515

Левицкий К. В. 295, 296, 302, 304

Левицкий Н. Р. 252, 257, 268, 271, 282, 283

Левицкий Р. С. 258, 271, 272, 275—278, 280, 281, 283, 285, 287

Левицкий С. Л. 388, 405, 275, 284

Левицкий С. Р. 277

Лейден Э. 337, 363

Лекок Ш. 364

Лейхтенбегские, герцоги 291

Лейхтенбергский Г. М. 239, 249, 347, 366

Лейхтенбергский Г. Н. 226, 247, 358, 369, 599

Лейхтенбергский Е. М. 224, 247, 291, 303

Лейхтенбергский Н. М. 226, 247, 291, 293, 303, 369

Лейхтенбергский Н. Н. 226, 247

Лейхтенбергский С. М. 291, 303, 599

Лембер, крестьянин 177

Лемберские Ш. и Б. 312

Лемке 417

Ленц Э. Х. 150, 174

Леонардо да Винчи 264

о. Леонид Касперский 590

Леонидов Л. Л. (наст. фам. Стакилевич) 383, 398, 408

Леонтий Константинопольский 619

Леонтий, еп. Ревельский 598

Леонтьев К. Н. 210—212

Леопольд, герцог Баденский 365

Лермонтов М. Ю. 149, 179, 271, 452, 460, 462, 464, 552, 560

Лернер Н. О. 507, 518

Лесков Н. С. 404, 543

Леслей Д. 72

Лесли А. Д. 77, 78

Лесовский С. С. 541

Леткова-Султанова Е. П. 463, 464

Лешерн фон Герцфельд, семья 125

Лжедмитрий 563

Ливен (в замуж. Олсуфьева) А. А. 255, 256, 259, 267, 287

Ливен Е. А. 257, 278, 279, 283, 542

Ливенс 155

Ливий Тит 145, 174

Лизандр 139, 173

Лион 122

Лисенков, действ, ст. сов. 445

Лист Ф. 457

Литвинов Н. П. 291

Лихаревы, дворяне 567, 573

Лихачев Н. П. 34, 357, 368, 509, 559, 565—567, 572

Лихачевы, род 565

Лихтенштейн, князь 345

Лобанов-Ростовский А. Б. 268, 284, 345, 366, 561, 570

Лобанов-Ростовский А. В. 321

Лобанов-Ростовский А. Я. 340, 365

Лобойков В. П. 482

Лович (урожд. Грудзинская) И. 338, 364

Логанов, купец 51

Лодыженский, квартирмейстер 25

Ломен Н. Н. 221, 222, 224, 230, 235, 246

Ломоносов М. В. 9, 568

Ломоносова (в замуж Горсткина) Е. Г. 109, 170

Ломоносовы, род 568

Лоранси П. 209

Лоренц Ф. 557

Лорис-Меликов М. Т. 306

Лохвицкий Н. А. 599

Луговой А. А. (наст. фам. Тихонов) 402, 409

Луиза, королева Дании 216, 217, 221, 244, 361

Луиза, королева Швеции 591

Луиза Прусская, вел. герц. Баденская 365

Лукан 638

Лукин М. А. 417, 428

Лукка П. 268, 284

Лукомский В. К. 565, 568, 569, 573

Луначарский А. В. 470

Лупандин Еф. 40

Львов, ст. сов. 445

Львов А. Н. 58

Львов А. Ф. 378, 382

Львов В. Н. 534, 535

Львов Г. Е. 527, 534

Львов Н. А. 48—59

Львов Ф. П. 542

Львов Ф. Ф. 542, 543

Львова, кн. 599

Лыщинский Л. 565, 571

Лыщинские, род 565, 571

Любавский М. К. 559, 576, 577

Любимов С. В. 564, 565, 571, 572

Людерс И. 33

Людовик Гессенский, принц 591

Людовик II, король Баварии 591

Людовик XIV 119

Людовик XV 264

Людовик XVI 253, 260, 262, 268

Лютер Мартин 666

Лялечкин И. О. 545

Лямбль Д. Ф. 545, 546

Ляпуновы, бояре 567

Ляскоронский (Лясковский) Н. Э. 151, 174

Маврин Семен, юнкер 34

Магницкий Л. Ф. 9—12, 20 28

Магницкий Р. 583

Мазад, редактор 348

Мазилкина И. 560

Мазепа И. С. 658

Маи, кардинал 665

Май К. И. 546

Майков А. Н. 276

Макарий (Булгаков), митр. 643

о. Макарий (Миролюбов) 31

о. Макарий (Сушкин М. И.) 211, 212

Макаров А. А. 527, 534

Макаров Е. 576

Макеев В. П. 249

Макзиг, садовник 101, 102, 134

Маклаков А. Н. 546, 547

Маклаков Н. А. 526, 533

Маклаков Н. В. 546

Маков Л. С. 308, 320

Маковский В. Е. 401

Маковский С. К. 498, 518

Максим Грек 609, 612, 616, 640—643

Максимилиан I, король Баварии 365

Максимилиан, герц. Лейхтенбергский 364

Максимилиан, принц Баденский 226, 247

Максимов А. М. 396, 407

Максимов А. С. 405

Максимов В. В. 403, 409

Максимов В. М. 402, 409

Максимов Г. С. 405

Максимов И. С. 388, 405

Максимов П., свящ. 25

Максимов С. В. 383—409

Максимова (в замуж. Дараган) Е. С. 403, 405

Максимова Н. С. 396, 403, 407

Максимова О. И. 405

Максимовы 398

Максимович К. К. 242, 250

Максимович М. А. 562

Максимович С. О. 469

Макшеев-Машонов Н. А. 547

Малама, род 565, 572

Малама В. П. 565, 572

Малевская-Малевич, графиня 599

Малина, г-жа 156, 157

Малиновский А. Ф. 195, 199, 202

Мальцев А., свящ. 591, 594

Малыгин А. И. 514, 519

Малютин Б. Е. 526, 533

Малютина Е. И. 204

Мамин-Сибиряк Д. Н. 377

Мамонич Л. 655

Мамонтов С. И. 272, 284

Манассеин Н. А. 547, 548

Манасевич-Мануйлов И. Ф. 526, 533, 534

Манзони А. И. 136—140, 158, 162

Мануйлов А. А. 431, 442, 584

Мануил Комнин, имп. 619, 666

Манфред А. З. 415

Марбод, еп. Реннский 637, 668

Мария Александровна, имп., жена Александра II 213, 244, 249, 301, 302, 305, 325, 463, 465, 590,

Мария Александровна, вел. кн., в замуж, герц. Эдинбургская и Саксен-Кобург-Готская 260—262, 284, 301, 302, 305, 368, 591

Мария Георгиевна (Minny), вел. кн., урожд. Мария Маделина, принц. Греческая 221, 245, 343, 362

Мария Максимилиановна, принц. Баденская, урожд. кн. Романовская 247

Мария Николаевна, вел. кн., в замуж, герц. Лейхтенбергская 338, 364, 465, 533, 594, 596, 599

Мария Павловна, вел. кн., в замуж, вел. герц. Саксен-Веймар Эйзенахская 592

Мария Павловна (мл.), вел. кн. 222, 240, 246

Мария Павловна, вел. кн., урожд. Мария Александра, принц. Мекленбург-Шверинская 221, 230, 234, 243, 245, 248, 303, 305, 347, 366, 406

Мария Федоровна, имп., жена Павла I 103, 197, 202, 445, 551

Мария Федоровна (Минни), имп., жена Александра III 213—217, 219—221, 223, 226, 227, 229, 230, 233, 234, 237, 239—245, 248—250, 289, 294, 297, 301, 302, 328, 330, 332, 332, 336, 354, 361, 363, 365, 370, 378—381, 416, 459, 463, 467, 468, 484, 528, 535, 596

Марк Аврелий 663

Марк Антоний, см. Мессина Антонелло, де

Марк Регул 173

Марков Н. П. 548, 549

Маркс А. Ф. 409

Марлинский (Бестужев-Марлинский) А. А. 149

Марриет Ф. 145, 174

Мартин А. 663, 664

Мартынов А. 669

Мартынов В. Д. 231, 248

Мартынов Н. А. 549

Мартынов Н. С. 179

Масленников, ст. сов. 445

Маслов С. А. 74, 75

Масловы А. И. и Ал-др И. 77—79

Масловы, род 565, 567, 572

Массон Ф. 340, 342, 345, 347, 365

Матвеев 188

Матвеев, дьячок 177

Матвеев А. А. 22, 24, 30

Матвеев А. С. 621, 666

о. Матфей (Сунцов) 549

Матюшкин Д. М. 60

Машнин, рядовой 175

Медведев, артист 539

Медем, граф 346

Медем М. М. 423, 429

Межуев 196, 198, 200

Мезенцев Н. В. 540

Мезецкие, князья 562, 570

Мей Л. А. 391, 406

Мейендорф (в замуж Чичерина) Ж. Е. 170

Мейендорфы, семья 374

Мекк К. Ф., фон 277, 284

Мекленбург-Стрелицкий Г. Г. (Жоржакс) 232, 248

Мекленбург-Шверинский, вел. герц. 245

Меклер Г. К. 417, 419—423, 428

Мелетий, патр. Александрийский 655

Мелитон, еп. Сардинский 609, 615

Мельба, певица 226

Мелье (Мельмот) Ж. 11, 172

Менделеев, действ, ст. сов. 445

Менделеев Д. И. 466

Менелас А. 54, 58

Меншиков А. Д. 14, 29

Меренберг С. Н. 248, 334, 343, 349, 355, 362, 363

Меркулова 453

Мерхель, масон 77

Мессина Антонелло, де 155, 174

Мефодий, еп. 599

Мехмет-Али-паша 298, 299, 302, 304, 305

Мещерская М. А. 593

Мещерский В. П. 291

Мещерский В. К. 598

Мещерские, князья 567, 569, 572

Мигулин П. П. 414

Микешин Б. М. 456, 462

Микешин М. О. 383, 386, 390, 391, 404, 406, 462, 464

Мнкешина (урожд. Грейг) М. П. 390, 392, 406

Миклашевская (урожд. Олсуфьева) Д. А. 287

Миклашевский К. М. 427, 429

Миклашевский М. Н. 549, 550

Микулин Г. И. 563

Милеско Николае, см. Спафарий

Милица Николаевна, вел. кн. 597

Милле Ж. Ф. 506

Миллер, кожевник 180

Миллер С. И. 133, 173

Миллер Ф. 72

Мидовский 568, 573

Милорадович Г. А. 563, 571

Милорадовичи, графы 569

Милорадовичи Г. П. и М. А. 63

Мильеран А. 351, 352, 367, 415

Милюков П. Н. 435, 442, 526, 527, 529, 533

Милюков П. Н. 439, 442, 525, 527, 529, 555

Милютин Д. А. 439, 443

Минаев Д. Д. 383, 386, 404

Миницкая 125

Мите А. 466, 467

о. Митрофан (Флоринский) 550

Митусовы, род 565, 572

Михаил Александрович, вел. кн. 215—217, 220—224, 230, 231, 235, 238—240, 242, 244, 247, 330, 333, 356, 358, 361, 368, 369, 467, 527, 533—535, 596

Михаил Дука, имп. 618

Михаил Кантакузен, Великий Доместик 617, 664, 665

Михаил Михайлович, вел. кн. 232, 246, 331, 343, 349, 355, 362, 363, 597

Михаил Николаевич, вел. кн. 232, 233, 239, 246—248, 295, 296, 304, 326, 331, 334, 340, 342, 344, 362, 365, 367

Михаил Павлович, вел. кн. 589

Михаил Федорович, царь 61, 170

св. Михаил Черниговский 264, 562

Михайлов А. Н. 482

Михайлов В. В. 550

Михайлов Петр, переводчик 15

Михайловский-Данилевский А. И. 63—67

Михайловский Н. К. 371, 381

Михалков С. В. 63—67

Михневич В. О. 406

Мичурин В. 73

Мичурин В. К. 204

Мишле Ж. 149, 174

Мишо Ж. Ф. 142, 149, 174

Мод, англ. принцесса 221, 245

Модзалевский Б. Л. 369, 450—465, 564, 565, 568, 569, 571

Модзалевский В. Л. 564, 569—571, 573

Модзалевский В. Л. 564, 569—571, 575

Модзалевский Н. Л. 462

Молас М. 274

Моликари А. 252

Молчанов А. Е. 397, 408

Молчанов П. И. 583

Мольер Ж. Б. 139, 173, 404

Мольтке Г. 233, 248

Монфокон 627, 641, 666, 667

Монигетти, доктор 278, 279

Мономаховичи, род 570

Монтебелло Г., де 415

Монтень М., де 663

Монье Ж. Л. 464

Мордвинов А. А. 358, 369

Мордвинов Н. С. 46, 55, 56, 58, 59

Мордвинова (в замуж. Львова) Н. Н. 58

Морев Ф. С. 550

Моренгейм А. П. 331, 342

Морни Ш. О., де 386, 405

Морозов Б. Н. 44—47

Морозов Г. В. 599

Морозов П. О. 380, 397, 406

Морриер (Морьер) Р. 227, 228, 247

Москвины, род 567, 573

Мохнин, крестьянин 178

Мочалов П. С. 408

Мудров М. Я. 82

Мундт П. И. 70

Муравьев М. В. 566, 572

Муравьев М. Н. 202, 345, 366, 460, 464

Муравьев-Амурский В. В. 410—415

Муравьев-Амурский Н. Н. 430

Муравьева Е. Ф. 196, 198, 202

Муравьевы А. М. и Н. М. 464

Муратов Г. П. 516, 519

Муратов П. П. 493—519

Мурзакевич Н. 667

Мурильо Э. 460, 464

Мусин-Пушкин И. А. 9, 15, 17, 29

Муханов М. С. 232, 248

Мухановы, род 565, 571

Муцухито, имп. Японии 236, 249

Мышецкие, князья 562, 570

Мюллер Ф., фон 85, 86

Мюльгаузен Ф. В. 83

Мюрат И. 340, 365

Мюрат И. Ж. 340, 365

Мюссе А., де 404

Мясников 567

Мятлев Н. В. 559, 562, 563, 566, 567, 570—572

Набоков В. Д. 444, 445

Навозов В. 409

Нагие, род 563, 567, 571, 572

Назимов П. Н. 228—230, 232, 233, 235, 246

Накашидзе, князь 179

Наполеон I 142, 285, 327, 348, 365, 593

Наполеон III 350, 365—367, 386, 405, 598

Нарбут Е. 569

Нарбут Е. 509

Наровая (урожд. Викулина) Т. С. 593

Нарышкин В. С. 287

Нарышкин Л. К. 118, 172

Нарышкина 345

Нарышкина (урожд. Чичерина) А. Н. 172, 354, 367

Нарышкина (в перв. браке Воронцова-Дашкова, во втором Долгорукова) И. В. 355, 361, 368, 370

Нарышкина (урожд. Святополк-Четвертинская) М. А. 354, 367

Нарышкина (в замуж. Олсуфьева) М. В. 254, 262, 287

Нарышкина (в замуж. Олсуфьева) С. С. 287

Нарышкины Д. Л. и Э. Д. 367

Нарышкины, род 253

Насветович, ген.-майор 395, 407

Нассауская принцесса, см. Меренберг С. Н.

Наумов Д. А. 550, 551

Наумов О. Н. 560, 573

Небольсин К. В. 551

Невский А. А. 552

Негош, князь см. Николай I, король Черногории

Некрасов И. С. 552

Некрасов К. Ф. 493—519

Некрасов Н. А. 394, 407, 408, 509, 518, 519

Некрасов Н. В. 529, 535

Некрасов Ф. А. 502, 518

Нелидов А. А. 424, 429

Нелидов А. И. 344, 366, 594

Нелидовы-Отрепьевы, род 566

Нельсон Г. 146, 147, 174

Немченко П. И. 181, 191

Непокойчицкий А. А. 296, 304

Непокойчицкий А. А. 290, 304

Нерадова, артистка 539

Нерон 271, 272

Нессельроде К. В. 83, 349

Нестеров В. Г. 552, 553

Нестеров М. В. 513, 519

Нефедов, сотр. газ. «Русский Курьер» 542

Нефф Т., фон 589, 590—592, 596

Нечаев 333, 358

Нечаев С. 72

Нечипоренко А. И. 383, 386, 404

Нешумов А. И. 553

Нибур Б. 145, 174

Низар, французский посланник 344

Никита Хониат 619, 666

Никитенко А. В. 183, 189, 191

Никитин Сергей, тередорщик 22, 23

Никифор, митр. 642

о. Никифор (Бажанов А.) 553

Никифор Вотаниат, имп. 618

Никифор (Николай Феотоки); архиеп. 60, 61

Никифорова Л. Р. 464

Никифоровский И. Т. 553

Никифоровы, род 563

Никола А. Л. Ж. 413, 415

о. Николай (Акимов) 578

Николай I 81, 84, 87, 104, 123, 172, 175, 197, 245, 248, 280, 310, 321, 326, 338, 344, 345, 362—364, 366, 379, 463, 464, 472, 474, 475, 477, 479, 481, 589, 593

Николай II 213—250, 288, 307, 326—370, 379, 410—415, 423, 444, 447, 450, 451, 460, 467, 468, 472, 477—479, 482, 484, 487, 491, 526—529, 531, 533—536, 590, 593, 596

Николай Александрович, Цесаревич 249

Николай I, король Черногории 249

Николай Георгиевич, греч. принц 221, 245, 246

Николай Александрович, вел. кн. наследник цесаревич 596

Николай Михайлович, вел. кн. 232, 248, 326—370, 566, 572

Николай Николаевич (ст.), вел. кн. 233—235, 246, 248, 290, 293, 295, 296, 298, 301, 303, 304, 344, 366

Николай Николаевич (мл.), вел. кн. 222, 225, 246, 249, 300, 360, 369, 370, 528, 535, 597

Николай Спатарий 621

Николаев А. Н. 342, 365

Никольский, певец 539

Никольский П. И. 553, 554

Никон, патр. 662

Никулина Н. И. 48, 58

св. Нил Столбенский 499, 518

Нильсен, корабельный мальчик 180

Нильский А. А. 394, 395, 396, 397, 407

Нильский В. В. 554

Нильсон К. 268, 284

Нирротор А. 72

Нифонт, еп. Новгородский 643

Ницкий А. 576

Новиков Н. И. 82, 201, 202, 566, 666

Новиков П. Е. 554

Новосильский Ф. М. 242, 249

Ноготковы, князья 563, 571

Норов А. С. 204

Носова (в замуж. Бахрушина) В. В. 383, 387, 392, 397, 399, 400, 402

Оберт, ст. сов. 205

Обидовский, стольник 658

Обольянинов, князь 562, 567

Оболенские, князья 562, 567

Оболенский А. П. 201, 202

Оболенский Д. А. 181, 188, ,190, 191

Оболенский М. А. 205—207

Оболенский Н. Д. 225, 247

Оболенский Р. А. 181—183, 191

Оболенский-Нелединский-Мелецкий В. С. 244, 331, 362

Образцов П. Е. 554

Огарев Н. П. 95, 119, 170, 404

Огинские, род 562, 655—657

Огинский А. 657

Огинский Б. 655

Одоевский В. Ю. 62, 63

Озеров В. П. 600

Озерова А. С. 248

Озеровы, род 565, 571

Озолина Е. 599

Окуньков Ф. 72

Олег Святославич, князь Черниговский 570, 642

Оленин А. Н. 83, 85; 199, 202

Оливрий, имп. 627

Олсуфьев Ад. В. 252, 254, 258, 264, 267, 286

Олсуфьев Ад. В. 271, 273

Олсуфьев Ад. В. 251, 254, 257, 260—262, 264, 266, 271, 272, 274, 280, 281, 283, 287

Олсуфьев Ал-др В. 271, 290, 303, 371—374, 377, 379—382

Олсуфьев Ал-др В. 252, 257, 259, 260, 272, 275, 276, 280, 283, 287

Олсуфьев Ал. Вас. 271, 285

Олсуфьев Ал. Вас. 252, 256, 257, 259, 260, 263, 265, 266, 269, 275, 283, 287

Олсуфьев А. Д. 251, 252, 270, 277, 287

Олсуфьев В. А. 251, 254, 260, 262, 263, 266, 276, 279, 281, 285, 287

Олсуфьев Вас. А. 251, 254—260, 262, 263, 266—276, 279—281, 285—287

Олсуфьев Вас. Дм. 287

Олсуфьев Вас. Дм. мл. 286, 565, 572

Олсуфьев Вл. А. 273

Олсуфьев Г. В. 264, 266—268, 276, 287

Олсуфьев Дм. Ад. 252, 265, 268, 285, 287

Олсуфьев Дм. Ад. 273—275, 280

Олсуфьев Дм Ал-др. 255, 256, 273, 276

Олсуфьев Дм. Вас. 286

Олсуфьев Дм. Вас. 255, 256, 260, 261, 263, 265, 268, 272, 276, 278, 281, 283, 285, 287, 572

Олсуфьев К. В. 266—268, 276, 287

Олсуфьев М. Ад. 273—275, 280

Олсуфьев М. В. 276, 287

Олсуфьев Ю. А. 251, 571, 572

Олсуфьев Ю. Л. 251, 283, 285—287

Олсуфьева А. 273, 275, 280

Олсуфьева (в замуж. Зубова) А. В. 287

Олсуфьева (в замуж. Артамонова) А. К. 287

Олсуфьева А. С. 251, 286, 287

Олсуфьева (в замуж. Popp) А. Ю. 287

Олсуфьева Д. А. см. Де Лицина

Олсуфьева (в замуж. Forsyth) Д. Ю. 287

Олсуфьева Ев. Н. 251, 287

Олсуфьева Ек. В. 255, 260, 261, 263, 265, 268, 272, 276, 278, 279, 281, 282, 287

Олсуфьева Ел. А. 274, 275

Олсуфьева Ел. Ю. 287

Олсуфьева (урожд. Ребиндер) М. А. 252, 254, 256, 259, 267, 272, 273, 275, 282, 283, 287

Олсуфьева (в замуж. Богданова) М. В. 252, 254, 256, 257, 259—263, 265, 267—269, 271, 272, 274, 275, 277, 278, 280—283, 287

Олсуфьева (в замуж. Дубровская) М. Д. 287

Олсуфьева (в замуж. Sayn Witgenstein) М. Ю. 287

Олсуфьева (в замуж. Кравцевич) Н. Д. 287

Олсуфьева (в замуж. Woerkle) Н. К. 287

Олсуфьева О. Г. 287

Олсуфьева (урожд. Зубова) О. Н. 274, 285, 287

Олсуфьева (в замуж, von Niessen) О. Ю. 287

Олсуфьева (в замуж. Гебзоттель) С. В. 252, 256—63, 265, 268, 269, 271, 274, 275, 276, 278, 280, 283, 287

Олсуфьева Т. В. 252, 256, 257, 259, 260, 264, 266, 69, 272, 275, 277, 278, 280—283, 285

Олсуфьева (урожд. Витоль) Т. К. 287

Олсуфьева Т. К. 287

Олсуфьевы, род 565, 572

Олсуфьевы (В. В.; Н. В.; П. А.; Ф. В.) 287

Олферьевы, род 563

Ольга, королева Греции 221, 227, 240, 246, 362, 366, 585

Ольга Александровна, вел. кн. 215, 220, 223, 224, 226, 230, 231, 235, 239, 245, 247, 330, 333, 361, 596

Ольга Николаевна, вел. кн. 370, 533

Ольга Николаевна, вел. кн., королева Вюртембергская 590—592

Ольга Федоровна, вел. кн., урожд Цецилия Августа, принц. Баденская 232, 233, 246—248, 296, 304, 331, 335, 362, 363, 406

Ольденбург С. С. 534

Ольденбург С. Ф. 455, 456, 462

Ольденбургская (урожд. герц Лейхтенбергская, кн. Романовская) Е. М. 239, 241, 249, 528, 535

Ольденбургский А. П. 239, 241, 249, 391, 405, 406, 528, 535

Ольденбургский Н. П. 599

Ольденбургский П. А. 245, 361

Ольденбургский П. Г. 185, 191

Ольшевский М. Я. 554

Онегин А. Ф. 450—464

Ону М. К. 225, 247

Оом Ф. А. 291

Опекушин А. М. 460, 464

Опочинина Д. К. 247

Оппиан 638, 663

Оприц 445

Орехова (в замуж. Борисова) Н. 271

Ореховы, семья 271

Оржеховский Л. 73

Ориген 612, 663

Орлов, фотограф 506

Орлов А. А. 231, 248

Орлов Г. Г. 381

Орлова (урожд. Шувалова) В. П. 600

Орлова-Денисова (в замуж. Воронцова-Дашкова) М. В. 240, 249

Осипов, ст. сов. 140

Осипова Е. П. 116, 140, 141

Оскар II, король Швеции 246

Осман-паша 304

Осокин Н. А. 554, 555

Остен-Сакен Ф. В. 196, 202

Остен-Сакен Ф. Р. 210—212

Островская (урожд. Бахметьева) М. В. 390, 391, 397, 406

Островский А. Н. 276, 383, 388—391, 393, 395—398, 404—409

Островский М. Н. 390, 391, 397, 406

Острожские, князья 562, 570

Острожский К. К. 654, 655

Остроумов А. А. 555

Остроухов И. С. 508, 517, 518

Остфрид П. 582

Отроков П. 581

Отто, г-жа 450

Отто Франц Иосиф, эрцгерцог 221, 245

Офоносовы, род 563

Охлябинины, семья 122

Очкин А. М. 183, 191

о. Павел (Прусский) 555, 556

Павел I 37, 41—44, 48—52, 54, 55, 57, 58, 60, 103, 172, 251, 264, 347, 349, 354, 366, 359

Павел Александрович, вел. кн. 213—215, 217, 222, 224, 231, 235, 244, 246, 261, 284, 299, 300, 305, 329, 347, 358, 368, 369, 391, 406

Павел Евыуш 638

Павленко-Данченко М. А. 181, 191

Павлищевы, род 569

Павлов, фотограф 505, 518

Павлов М. Г. 92, 170

Павлов Никита, дьяк 15, 16, 29

Павлов Н. Ф. 92—94, 97, 109, 110, 112, 126, 135, 136, 170

Павлов П. В. 557

Павлова см. Бларамберг-Чернова Н. К.

Паже Д. 598

Пазини (Pasinus J.) 664

Пазухин А. А. 565

Пазухины, род 565, 572

Палеолог С. 170

Палей см. Пистолькорс О. В.

Пален П. А., фон дер 50, 57

Паликов И. 79

Палладий, митр. Петербургский 591, 597

Палтов, действ, ст. сов. 445

Панаев И. И. 405

Панин В. Н. 182, 185—187, 191

Панин Н. И. 60

Панкратов 568

Панов Н. З. 409

Пантелеев, крестьянин 177

Пантелеев, подполковник 179

Пантелеев А. И. 225, 247

Пантен 612

Панчулидзев, масон 71

Панчулидзев А. А. 172

Панчулидзев С. А. 341, 342, 346, 347, 365

Панчулидзев С. С. 424, 429

Панчулидзева (урожд. Сушкова) С. Н. 107, 172

Панютин, масон 71

св. Папий, еп. Иерапольский 612

Парокки 344

Патти А. 268, 284

Пеликан В. В. 156, 174, 175

Пеликан К. В. 156, 157

Пелымские, князья 565, 572

Пенский В. В. 225, 247

Пеовелов Д. 581

Перваго А. В. 74, 79

Перелешин, лейтенант 240

Перминов, художник 591

Перо К. 37

Перовская С. Л. 274, 284

Перовский (псевд. Антоний Погорельский) А. А. 465

Перовский Б. А. 291

Перовский В. А. 461, 465

Перфильев 118

Перхов, подполковник 77

Пестель И. Б. 67

Петр Могила, митр. 207, 656, 658

Петр I 9—23, 28, 29, 31, 33, 34, 149, 254, 280, 286, 356, 468, 568, 589, 594, 597

Петр III 381

Петр Николаевич, вел. кн. 597

Петр Пикардиец 637, 638, 640, 642

Петров, действ, ст. сов. 445

Петров Г. С. 418, 419, 429

Петров К. А. 397, 408

Петров О. А. 392, 407

Петров П. Н. 560, 570

Петров Р. П. 599

Петрова (в замуж. Чичерина) А. Л. 170

Петрово-Соловово Г. Ф. 125, 126, 128, 129, 173

Петрово-Соловово (урожд. Гагарина) Н. А. 128—130, 173

Петрово-Соловово (А. Г.; М. Г.; С. Г.) 173

Печенеговы, род 563, 571

Пешков В. П. 171

Пиановский, художник 596

Пивато, владелец гостиницы 190, 192

Пильховский, поляк 120, 121, 130

Пинский см. Карниолин-Пинский

Пипер Ф. 626, 627, 666

Писарев А. И. 92, 93, 170

Писарев М. И. 386, 388, 404

Писаревский Н. Г. 558

Писаревы-Миловские, род 568, 573

Писемский А. Ф. 395

Пистолькорс (урожд. Карнович) О. В. 366

Питирим, еп. Нижегородский 31—33

Питра, кардинал 613, 663, 664, 668

Питт У. (мл.) 142, 174

Пишон С. 347, 366

Платов М. И. 593

Платон 610

Платонов С. Ф. 357, 368

Плеве Н. В. 491

Племянников 333

Плетенецкий Е. 655

Плетнев П. А. 189, 192

Плещеев 127

Плещеев И. 63

Плиний 610, 638, 663, 666, 667

Плисов М. Г. 63

Плутарх 193

Победоносцев К. П. 288—305, 372, 381, 460, 464

Погодин М. П. 33, 206, 642, 668

Погожее В. П. 396—398

Подзорский С. 63

Пожарские, князья 565, 571

Поздеевы А. О. и И. О. 72, 76, 77

Поздеев Н. И. 74

Поздеев О. А. 82

Покровский В. А. 492, 589, 592

Покровский Н. Н. 34

Покровский Ф. 576

Полевой Н. А. 397, 408

Поленов В. Д. 251, 271, 272, 275, 276—278, 284, 285

Поливанов А. А. 528, 535

Поливанов В. Н. 564

Поливанов И. Ю. 71, 73, 74

Поливанов М. А. 125, 149

Поликарп, черноризец Печерский 643

Половцов А. А. 306, 307, 348, 357, 368, 369

Поляков Г. 514, 583

Помяловский Н. Г. 417

Пономарева С. А. 271

Попков 508—510

Попов, полковник 339

Попов В. А. 339, 364, 381

Попов В. С. 41, 44, 46

Попов И. 578

Попов Л. В. 240, 249, 337, 363

Попов Н. А. 591

Поповы, семья 44

Поповицкий А. И. 372, 381

Порецкий Н. А. 561

Поселянин Е. 568

Посошков И. Т. 568

Потемкин Г. А. 44—47, 62, 63, 568

Потехин А. А. 383, 387, 388, 405

Потехин К. А. 387, 405

Преображенский М. Т. 589, 595, 596

Принцева Г. А. 464

Прозоров, сиделец 176

Прозоровские, князья 569

Прозоровский П. И. 62, 63

Прокопий Газский 620

Прокудин-Горский С. М. 466—492

Прокудина-Горская (в замуж. Свечина) Е. С. 470, 471

Прокудины-Горские, семья 466

Прокудины-Горские (Д. С.; М. С; С. М.) 470, 471

Проневский Н. 205

Пронские, князья 562

Просвирянова, крестьянка 176

Проскура-Сущановский Ф. 656, 657

Протасов, помещик 127

Протасов М. П. 529, 535

Протасова А. С. 354, 367

Протасов-Бахметев Н. А. 425, 429

Протасьев Ф. 72

Протопопов А. Д. 525, 527—529, 531, 532

Протопопов С., священник 591

Пуанкаре Р. 351, 357, 359, 360, 367, 370

Пузын, князья 562

Пустошкии П. К. 417, 428

Путята Д. В. 153, 154, 174

Путятин Н. С. 333, 362

Путятин М. С. 471, 535

Путятин С. М. 246

Путятина М. М. 471

Пушечников, гл. инж. 335

Пушкарева, крестьянка 176

Пушкин А. С. 36, 67, 97, 100, 104, 124, 149, 150, 170, 171, 173, 193, 276, 362, 392, 406, 409, 450—452, 457, 460, 462—465, 510, 513, 552, 560, 592

Пушкин В. Л. 73, 76, 505

Пушкин Н. И. 41, 44

Пущин П. И. 37, 40, 41, 44

Пьеффон, графиня, см. Евгения Мария де Монтихо

Пьяных И. Е. 527, 534

Пыляев М. И. 544

Пыпин А. Н. 494, 496, 503, 515, 622, 635, 665—667

Пяткин 177

Рабан Мавр 612

Радде Г. И. 332, 362

Радиг А. 252

Радциг Н. А. 227, 247

Раевские, род 565, 571

Раевский А. А. 418, 421, 422, 425, 429

Раевский В. С. 72, 80

Раевский П. М. 457, 462

Разоренов А. Е. 544

Разумовские, род 569

Разумовский А. К. 465

Райнер, эрцгерцог 221, 245

Райт Т. 668

Рамбах В. К., фон 224, 240, 246, 249

Рамзай, барон 453

Рампола (Мариано дель Тиндаро), кардинал 344, 366

Ранд Ф. Я. 63

Ранненкампф (Ренненкампф) П. К., фон 360, 370, 527, 535

Расин Ж. 139, 173

Раскин Д. И. 449

Распопов, художник 593

Распутин Г. Е. 328

Растрелли В. В. 523, 525

Рафаэль Санти 264

Рахманов А. М. 76, 77, 79

Рахманов (Рохманов) М. Ф. 109, 131

Рахманов Ф. М. 72, 73

Рачинская (урожд. Баратынская) В. А. 105, 171

Рачинский А. А. 172

Ребиндер Н. А. 252, 273, 282, 283

Ревисы И. и З. 311

Редигер 444

Редигер А. Ф. 338, 363

Редин Е. К. 604, 605

Рейнбот А. А. 417, 419—421, 427, 428

Рейтерн А. Г. 458

Рейтерн Г. 458, 460, 463, 464

Рембрандт Х. ван Рейн 155, 174

Реннеман Ф. 69, 72, 77, 80, 82

Репин И. Е. 401, 409

Репнин Н. В. 60

Репнин (Репнин-Волконский) Н. Г. 105, 171

Репнина В. Н. 105, 171

Репнина (урожд. Разумовская) В. А. 105, 171

Репнина (в замуж. Кривцова) Е. Н. 171

Реуф-паша 298, 299, 305

Решке Э. и Я. 226, 247

Ржаницын Р. Р. 583

Ржевский В. А. 535

Ржевский И. А. 33, 34

Ржевский П. А. 70

Ржевский Ю. А. 31, 33

Рибас, де, лейтенант 240

Рибейра Х. 155

Рибо А. 359, 360, 369

Рибопьер, род 569

Риво А. 414

Ризенер А. Ф. 252

Риккерт, художник 265

Римские-Корсаковы, род 567

Римский-Корсаков А. П. 70, 71, 76

Римский-Корсаков Н. А. 454, 455, 462

Рихтер О. Б. 248, 294, 304, 379, 382

Рихтер Ф. Ф. 670

Роберт, герцог Шартрский, принц Орлеанский 227, 247

Робертсон В. 193, 202

Ровинский Д. А. 669

Роган, герцог 340, 347

Родзянко, семья 122

Родзянко М. В. 525—527, 529, 532

Родичев Ф. И. 527, 534, 535

Родон 612

Родственная А. И. 434

Рожалины (В. М.; М. К.; Н. М.) 85, 86

Рождественский П. А. 139, 174

Рождественский С. В. 482

Розен Е. А. 278, 282, 283

Розен М. К. 96, 170

Розен (урожд Щербатова) Н. А. 170

Розен Р. Р. 360, 370, 528, 535

Розенштраух, купец 81, 82

Роллен Ш. 173

Романов Н. Р. 562

Романовы, бояре 565, 569

Романовы, династия 329, 356, 565, 589

Ромодановскне, князья 569

Ромодановский И. Ф. 31

Ромодановский С. В. 567

Ронкони, преподаватель пения 539

Рослин А. 284

Ростан Э. 364

Ростопчин Ф. В. 67

Рот В. К. 430, 439, 440, 443

Ротшильды, семья 336, 411, 414

Рошфор В. А. 343, 366

Ртищевы, род 565

Рубан 333

Рубец П. И. 70

Рубини, преподаватель пения 539

Рубинштейны А. Г. и Н. Г. 251, 269, 275, 277, 284

Рубно, художник 600

Рубцов А. 23

Рузский Н. В. 526, 527, 529, 533

Руммель В. В. 560, 561, 567, 570, 572

Румянцев И. А. 418, 419, 427—429

Румянцев Н. П. 199, 202, 349

Рунич Д. П. 82

Русинов Е. Д. 34

Русков, масон 75, 76

Руссо Ж. Ж. 201

Рухлов И. С. 417, 421, 422, 428

Рухлов С. В. 468

Рыбалкин Я. В. 578, 585

Рыбалкина В. В. 578, 585

Рыков О. В. 560

Рыковский П. П. 594

Рылеев А. М. 379, 380, 382

Рылеев К. Ф. 379

Рышков В. А. 457, 462, 463

Рюйш Ф. 33

Рюрик 562, 567, 569, 570, 572, 573

Рябинина, ученица 270

Рябушинские 497

Рябушинский С. П. 497, 504, 518

Рябушкин А. П. 409

Сабашников В. Н. 430, 431

Сабашниковы, семья 431, 442

Сабашниковы М. В. и С. В. 89, 90, 430—432, 442, 443

Саблер В. К. 595

Сабуров А. И. 118—120, 131, 172

Сабуров А. П. 527, 534

Сабуров П. А. 525—528

Сабуров Я. 419, 422

Сабуров Я. И. 109, 118—120, 143, 171, 172

Сабурова (урожд. Викентьева) А. П. 119, 137

Сабурова (урожд. Сатина) Е. М. 119, 172

Сабуровы, род 563, 571

Сабуровы, семья 118, 119, 137, 138

Сабуровы Ал-др. И. и Ан. И. 119, 120, 172

Сабуровы А. А. и П. А. 119, 172

Сабуровы И. В. и Я. В. 109, 172

Савелов А. 63

Савелов Л. М. 559—561, 563—567, 570—573

Савеловы, род 565

Савина М. Г. 408

Савич И. 114

Саводник В. Ф. 516, 519

Сагайдачный П. 655

Садлер П. 149

Садовский П. М. 388, 391, 396

Садоротова О. А. 254

Садыков А. Н. 71, 76

Сазонов С. Д. 355, 367

Сазоновы 122

Саитов В. И. 357, 369

Сакен см. Остен-Сакен Ф. В.

Саксен-Кобург-Готский, герцог, см. Альфред Эрнест Альберт, принц Великобританский

Саломон А. П. 418, 421—427, 429

Салтыков А. 72

Салтыков А. П. 25, 30

Салтыков В. Ф. 286

Салтыков И. П. 51—53, 58

Салтыков Н. 73

Салтыкова (в замуж. Олсуфьева) М. В. 286

Сальдерн К. 60

Саллюстий 145, 174

Самарин А. Д. 559, 571

Самарин И. В. 383, 398, 408

Самарин К. И. 62

Самарин Ю. Ф. 183, 184, 188, 191, 208

Самойлов В. В. 408

Самойлов В. М. 383, 398, 408

Самоквасов Д. Я. 381

Сандунов Н. Н. 131, 173

Сандунова (в замуж. Белостоцкая) Н. Н. 131

Сантагано-Горчакова, сотр. «Одесского Листка» 539

Санти, графы 565, 569, 572

Сапега Лев 655

Сапеги, род 655

Сапиенц, преподаватель музыки 407

Сапожников, рыбопромышленник 191, 192

Сапожникова А. И. 67

Сарду В. 340, 365

Сатин Н. М. 119, 172

Сатины, дворяне 562

Сатыгины-Кондийские, князья 565, 572

Сахаров В. И. 36, 64, 68, 85, 86, 493

Сахаров И. П. 643

Свечины Д. и И. 472

Свида (Suidas) 620

Своеземцевы, род 563

Святополк-Мирский Н. И. 297, 304

Святоша, кн. 642

Севастьянов М. М. 417, 418, 426, 428

Северы А. и С. 663

Седжиано, барон см. Белевский Ал.

Седов, художник 598

Селиванов А. В. 572

Селиванов В. П. 565

Селивановы, род 565, 572

Семевский М. И. 383, 386, 404, 463

Семенов, гофмейстер 445

Семенова, крестьянка 178

Семирадский Г. И. 275, 284

Семирадский Л. Г, 417, 428

Сент-Обен Л. 364

Сенявин А. Н. 40

Сербинович К. С. 193—204, 461, 465

о. Серафим, монах 591

преосв. Серафим 548

Серафима, монахиня 599

Сергей Александрович, вел. кн. 213, 217, 229, 230, 231, 234, 237, 239, 241, 244, 246, 249, 363, 458, 460, 463, 464

Сергей Михайлович, вел. кн. 227, 229, 232, 238, 247, 248, 331, 334, 347, 349, 353, 362, 367, 597

о. Сергий (Любимов) 596

прп. Сергий Радонежский 496

Серков А. И. 443

Серов В. 91

Серов А. Н. 395, 407

Сиверс А. А. 564, 565, 571

Сиверс Г. И. 331, 339, 361, 364

Сигизмунд III 655

Сильванский К. С. 597

Симаков В. И. 507, 518

Симеон, иеродьякон 616

Симеон Сиф 618, 619

Симон, еп. Владимирский 643

Сироткин С. 586

Ситников, масон 75, 76, 79

Скавронские, род 569

Скарятинов Я. Ф. 70

Скворцов А. М. 513, 515, 519

Скворцов И. В. 372, 381

Скобелев М. Д. 295, 301, 304

Скобелева (в замуж, графиня Богарне, герцогиня Ленхтенбергская) З. Д. 224, 247

Скорина Ф. 654

Скородумов И. 34

Скотт Вальтер 142, 145

Скрыткин, канцелярист 44

Скрябин, ст. сов. 445

Славутинский С. Т. 386, 404

Смирдин А. Ф. 397

Смирнов А. И. 418, 421, 429

Смирнов М. И. 567, 542

Смирнов Н. М. 189, 192

Смирнов Ф. В. 240, 249

Смирнов Ф. Я. 150

Смирнов Я. И. 605, 606

Собакин Г. Н. 567

Собакины, род 567

Собинов Л. В. 418, 429

Соболевский А. И. 498, 518

Соболевский В. М. 434, 442

Соболевский С. А. 116, 172

Совин 563

Соймонов П. А. 61

Соколов Е. Т. 41, 44

Солин К. Юлий 611, 663

Соллогуб А. М. 417, 418, 421, 427, 428

Соллогуб В. А. 389, 405, 406

Соллогуб Н. М. 564, 571

Солнцов, псковский воевода 34

Соловой см. Петрово-Солововo Г. Ф.

Соловьев, тайн. сов. 445

Соловьев В. С. 89, 273, 284

Соловьев С. М. 89, 139, 174

Соловьева Г. Ф. 209

Солон 638

Салопов А. И. 606

Соломирская (в замуж. Олсуфьева) А. А. 287

Сольская М. А. 528, 535

Сонин Н. Я. 484

Сорокин Е. С. 271, 284

Сорокины, художник 598

Спасович В. Д. 386, 404

Спасский Ю. 503, 518

Спафарий (Милеску) Н. Г. 205—207

Сперанский М. М. 130, 172, 173, 329, 568

Сперанский М. Н. 498, 518

Сперанский Н. В. 430—435, 442

Сперарли-Бурмазович Н. 595

Спешнев П. 574

Спицын А. А. 33

Сталь (Стааль) Е. Е. 344, 366

Стансфильд М. А. 595

Стасов В. П. 589, 593

Стахович М. А. 386, 404, 528, 535

Стенбок 231

Степан Александрович, волошский воевода 563, 571

Степанов, арестант 179

Степанов Ал-др 72

Степанов А. И. 482

Степанов А. Р. 72, 73, 76, 79

Степанов В. В. 422, 429

Степанов В. Л. 250, 322, 415

Степанов П. Г. 398, 408

Степанова М. М. 383, 392, 393, 398, 407

Стерн Л. 201

Стеткевич М. 657

Стеткевичи, род 656

о. Стефан (Сабинин) 592

Стефан Петр, господарь 206

Стефанит 609

Стишинский А. С. 527, 534

Столбова Е. И. 284

Столица 339

Столица К. А. 339, 364

Столыпин, гофмейстер 447

Столыпин П. А. 306, 307, 416, 444, 447, 472, 474—477, 479, 481, 482, 484

Сторожев В. Н. 566, 572

Стороженко А. В. и Н. В. 564

Страбон 638, 663

Стражев В. И. 515, 519

Страхов Н. Н. 516

Стремоухов П. Н. 212

Стрешнева Е. Л. 563, 571

Стриневский Н. Ф. 115, 116, 125, 150

Строгановы, род 565, 569, 572

Строев Н. М. 181, 182

Строев П. М. 640, 659, 668

Струве П. Б. 598

Струков П. А. 425, 429

Струтон Е. И. 229, 248

Ступин С. 13

Субботин Н. 556

Суворин А. С. 355, 395, 398, 401, 408, 409, 504

Суворина А. И. 401, 409

Суворов А. В. 293

Сулейман-паша 302, 305

Султанов Н. В. 457, 458, 463, 589, 594

Сумароков А. П. 245

Сумароков В. 58

Сумароков И. И. 148, 149, 151, 174

Сумароков П. Б. 62

Суриков В. И. 513, 515, 519

Сусалин М. И. 467, 472

Сусалина (урожд. Прокудина-Горская) Е. С. 467, 471, 472

Сусалины 468—470, 472

Сусанин И. В. 568

Сусанины, семья 568

Суханина А. М. 595

Сухомлинов В. А. 358, 369, 527

Сухотин Л. М. 565, 566, 571, 572

Сухотин П. С. 493—519

Сухотина К. Г. 509, 510, 517, 518

Сухотины, род 565, 571

Сфорца, династия 555

Схенфут С. 33

Сытин И. Д. 514, 519

Таганцев Н. С. 526, 533

Таиб, полковник 220

Тальман П. 9

Тамберлик, певец 539

Тамес (Томсон) И. П. 62

Танеев А. С. 361, 370, 444, 447

Тарасов Е. И. 63

Тарбеев Т. 27

Тарло И. 453

Тассо Т. 173

Татаринов А. 72

Татаринов В. А. 125, 173

Татаров Н. 72

Татевы, князья 563

Татиан 609, 612, 613, 615, 663, 664

Татищев А. А. 416—429

Татищев А. Н. 416

Татищев В. Н. 34, 35

Татищев С. С. 324, 325, 348, 367, 570

Татищев Ю. В. 562, 566, 570—572

Татищева (урожд. Мещерская) Е. Б. 416

Татищевы, род 561

Татищевы Б. А. и Н. А. 416

Татьяна Николаевна, вел. кн. 533

Таубе М. А. 569

Тацит 145, 174

Тейнер, генеральша 374

Телль В. 67

Темир 464

Тенкат, гувернер 142—147, 149, 157

Тенишев В. Н. 399, 400, 407

Теннер Д. Э. 482

Теобальд, еп. Парижский 637

Теобальд Пияченцкий (Thibault de Plaisance) 637

Тепин В. П. 513, 515, 519

Терезия Ольденбургская, герцогиня 249

Терещенко А. Н. 285

Терещенко Н. А. 277, 284

Терещенко Н. И. 534

Терновскнй С. Н. 281, 283

Тертуллиан 612, 647, 669

Тизенгаузен И. А. 44, 51, 58

Тилло Г. Э. 595

Тимашев А. Е. 312, 321

Тимковский Р. Ф. 63

Тимофеев А. А. 298, 304

Тимофеева А. Д. 374, 375

Тира Амалия Каролина Кумберлендская, герцогиня 216, 244

Титов А. П. 74

Тиханов А. 27

Тихомиров А. А. 559, 583

Тихомиров Д. И. 441, 443

Тихонравов Н. С. 552

Ткачева, крестьянка 176

Токарев Н. 576

Токвиль А. 124, 173

Толстая А. А. 461, 465

Толстая М. Л. 272, 284

Толстая С. А. 272, 284, 544

Толстая Т. Л. 251, 272, 284

Толстой, мичман 229

Толстой А. К. 461, 465

Толстой Д. А. 208, 209, 325, 438, 442, 443

Толстой И. Л. 251, 273

Толстой Л. Л. 272, 284

Толстой Л. Н. 251, 258, 264, 271—274, 277, 280, 285 , 286, 362, 404, 465, 467, 510, 560

Толстой С. В. 71, 72

Толстой С. Л. 251, 272, 274, 284

Томара В. С. 48

Томашевский А. Ф. 189

Тончи С. 284

Топильский М. И. 184, 186, 187, 191

Торби, де, см. Меренберг С. Н.

Тормейер, пиротехник 227, 247

Торнаторе, инженер 595

Траубе, профессор 467

Трегубов, крестьянин 175

Тредиаковский В. К. 9

Тренев К. А. 44

Трепалин, крестьянин 176

Трепов Д. Ф. 435, 442, 584

Третьяков П. М. 253, 283

Тризна И. 657

Трипе-Скрипицына А. Ф. 597

Титтенгейм И., фон 620

Тройницкие, род 565, 572

Тройницкий С. Н. 568, 569, 572, 573

Троицкий М. М. 371, 381

Тропинин В. А. 452, 464, 465

Тростенские, князья 562

Трощинский Д. П. 67

Трубачев С. С. 229, 248

Трубецкая (в замуж, ландграфиня Гессен-Гомбургсхая) А. И. 284

Трубецкая М. 354

Трубецкой В. А. 204

Трубецкой Е. Н. 433, 441, 442

Тур 113

Тургенев А. И. 63, 100, 171, 195, 198, 199, 202, 465, 513

Тургенев И. С. 251, 269, 271, 276, 277, 404, 450, 451, 461, 465, 598

Тургенев Н. И. 63, 64, 100, 171

Турово-Пинские, князья 562

Тучков А. А. 95, 120, 170

Тучкова-Огарева Н. А. 95, 170

Тышкевичи М. и Т. 454, 462

Тьер А. 169, 175

Тьерри О. 149, 174

Тютчев Ф. И. 208, 209

Тютчева Е. Ф. 209

Тютюнник Л. И. 213, 288

Тюфякин, князь 37

Уваров А. С. 268, 284, 566, 567, 603—670

Уваров В. С. 426, 429

Уваров С. С. 87, 88

Уварова П. С. 500, 518, 603—605

Уваровы, семья 268, 275

Уваровы А. А. и С. А. 268, 275

Угрюмов Г. 72

Уимш Б. 576

Уклейн А. Т. 574

Ундольский В. М. 496, 518

Унковский С. Я. 127

Урениус (в замуж. Муратова) Е. С. 513, 519

Урусов А. В. 520

Урусов Л. П. 340, 342, 344, 365, 414, 415

Урусов С. С. 280—282, 285

Урусов Ю. Д. 597

Урусова (в замуж. Косаткина-Ростовская) В. А. 521, 523, 524

Урусова (урожд. Шереметева) Е. Б. 520, 523

Урусовы, князья 569

Устинов А. М. 109, 172

Устинова (урожд. Шиц) А. К. 107, 172

Устинова (в замуж. Олсуфьева) С. М. 287

Устрялов Н. Г. 139, 174, 557

Ухтомский Д. В. 594

Ухтомский Э. Э. 224, 227, 245, 246

Ушаков С. 596, 647

Ушаков Ф. 72

Фаберже Н. К. 358, 369

Фабриций 139, 173, 623, 663, 664, 666, 669

Файвишович 176

Файнштейн Ш. А. 308

Фархварсон (Фарварсон) А. Д. 11, 20, 21, 28, 30

о. Федор 33

Федор Иоаннович, царь 63

Федоров, крестьянин 178

Федоров, художник 599

Федоров И. 568

Федорова Т. С. 59

Фелькерзам А. Е. 569

Фельцын Р. И. 108, 172

Фенелонов С. И. 149

Феодосий, игум. 642

Феофания Музалонисса 570

св. Феофил Антиохийский 612

Феофилакт, архиеп. Болгарский 657

Феофраст 610

Фергюсон А. 193, 202

Фердинанд I Саксен-Кобург-Готский 325, 354, 367

Фердинанд Карл Людвиг, герцог 221, 245

Ферриери, род 569

Фестерн, граф 345

Фигнер Н. Н. 226, 247

Фила 617

Филарет, митр. 555

Филатов Н. Ф. 276, 284

Филиппов Т. И. 400, 401, 409

Философов, мичман 333

Фитингоф Г. В. 424, 429

Фицтум, владелица пансиона 136

Флавицкий К. Д. 283

Фламенг Ф. 340, 364, 365

Флоке Ш. 332, 362

Флотов М. П., фон 214, 244

Флуранс Э. 249

Фокин, крестьянин 177

Фонвизин (Фон Визин) С. П. 70, 72, 73, 76—80

Фондезины В. и М. 40

Фор 365

Фохт К. В. 482

Франклин Б. 97, 170

Франц Иосиф I, имп. 221, 245, 247, 346, 366

Франц-Фердинанд д'Эсте, эрцгерцог 221, 226, 245, 247

Фредерике В. Б. 231, 248, 340, 365, 532, 536

Фрейганг В. И. 63

Фридрих I, вел. герц. Баденский 247, 365

Фридрих II Великий, прусский король 145, 174, 348, 367

Фридрих III, герм. имп. 262, 284

Фридрих Август, король Саксонский 592

Фридрих Барбаросса 617

Фридрих Вильгельм, герм. кронпринц 348, 367

Фридрих Вильгельм, герм. кронпринц 548, 567

Фридрих Вильгельм III, прусский король 293, 303, 348, 367, 593

Фридрих Вильгельм Николай Карл Гогенцоллерн, прусский кронпринц см. Фридрих III

Фридрих Франц III, Вел. герц. Мекленбург-Шверинский 248, 367, 597

Фризель, колонист 177

Фриш, товарищ министра юстиции 548

Фролов И. 72, 73, 76—78

Фроловы, род 565, 572

Фузаро, адвокат 595

Фэвр-Дюффе А. С. 284

Хабалов С. С. 526, 533

Хайбуллин 179

Халчинский (Холчинский), масон 71, 76

Ханыков Н. Я. 184, 191

Хащдеу (Хашдеу) Б. 205

Хвольсон О. Д. 482

Хвощинская (в замуж. Фельцина) А. Ф. 172

Хвощинские, семья 117, 131

Хвощинский А. Д. 172

Хвощинский Б. Д. 98, 171

Хвощинский В. А. 117

Хвощинский Д. А. 117, 172

Хвощинский П. А. 117, 121, 163

Хвощинский Ф. А. 117, 122

Хенебергер, скульптор 600

Херасков М. М. 44—47

Хилков И. А. 254, 283

Хилков М. И. 335, 363

Хис Ч. 216, 228, 244

Хитрово Б. М. 62

Хитрово В. М. 62

Хлебников 596

Хлоповы, род 567

Хмельницкий Н. И. 397, 408

Хмыров М. Д. 386, 404

Хованские, князья 565, 569, 572

Хованский И. Н. 561

Хованский С. А. 572

Ходкевич А. 654

Ходнев К. Н. 454, 461, 462

Хозрой-Ануширван, царь 618

Хокон VII (принц Карл), король Норвегии 245

Холмогоровы, род 568

Холодняк И. Н. 482

Хомяков А. С. 208, 209

Хомяков Д. А. 458, 463

Хонфгартен, скульптор 590

Хофман, архитектор 589

Хрипунов А. С. 425

Хрипунов И. 11

Христиан IX, король Дании 216, 217, 221, 244, 361

Христофор, греч. принц 221, 240, 246

Хрусталев-Носарь Г. С. 526, 533

Хрущий, старый холостяк 276

Хрущев С. Л. 62

Хусейн (Гасан) 45

Хыджеу (Хиджеу, Гиджеу) А. 205—207

Цейгмарн, полковник 269

Цельминг, крестьянка 177

Цезарь Гай Юлий 145, 174

Цезарь Гай Юлий 145, 174

Цен, проводник 66

Церетелевы, князья 565, 572

Цецилия Августа, принц. Мекленбург-Шверинская 348, 367

Циммерман, домовладелица 113

Циммерман А. М. 94, 95, 114

Циммерман А. Э. 298, 304

Цинциннат Луций 139, 173

Цицерон Марк Туллий 145, 174, 638

Цуда Сандзо 249

Цумпфт (Цумп) К. 147, 174

Цыганов 509

Цявловский М. А. 89

Чайковский, шт.-лекарь 71

Чайковский П. И. 277

Чарторижские А. и В. 348

Чарторижский Ю. 655

Чатам, лорд 142, 174

Чеботарев А. В. 482

Чебыкин П. А. 426, 429

Чекатто В. И. 399, 409

Черинов, доктор 279

Черкасовы, бароны 369

Черкасская (в замуж. Шереметева) В. А. 523, 525

Черкасские, князья 569

Черкасский А. М. 525

Черкасский В. А. 294, 304

Черниговские, князья 562

Черногубов Н. Н. 508, 518

Чернопятов В. И. 559, 563, 565, 566, 571, 572

Чернопятов В. И. 559, 563, 565, 566, 571, 572

Чернопятовы, род 565, 571

Чернышев Г. И. 70, 71, 73, 78

Чернышев З. Г. 67, 338, 364

Черняев М. Г. 267, 541

Черняев М. Гр. 558

Чертков М. И. 308, 320

Четвертинский Г. 656, 657

Четыркин М. 581

Чехмаревы, род 565

Чехов А. П. 403

Чечулин Н. Д. 357, 368

Чешихин (Ветринский) В. Е. 515—517, 519

Чикин А. 409

Чихачев, полицмейстер 84

Чихачев Ф. П. 597

Чичерин А. В. 89

Чичерин Ан. Н. 156, 172

Чичерин Б. Н. 89—175

Чичерин В. Д. 92, 113, 118, 170

Чичерин Вас. Н. 95, 96, 133, 137, 151, 152, 159, 163, 170, 172

Чичерин Влад. Н. 140, 144, 146, 172

Чичерин Г. В. 89

Чичерин Д. А. 92, 170

Чичерин М. 92

Чичерин Н. В. 92, 95—99, 111—113, 115

Чичерин С. Н. 114

Чичерина (урожд. Хвощинская) Е. Б. 93, 94, 98, 99, 103, 110, 112, 115

Чичерины 110, 135, 170, 569

Чичерины А. А. и Н. А. 89

Чичерины А. А. и Н. А. 89

Чичерины (А. Н.; С. Н.; П. Н.) 172

Чудовский В. А. 426, 429

Чулалонгкорн, король Сиама 233, 248

Чулков Н. П. 559—573

Чупров А. А. 434, 442

Чупров А. И. 430—435, 441, 442

Чупровы (Е. А.; М. А; О. А.) 434

Чхеидзе Н. С. 526, 533, 535

Шабель А. 284

Шагубатов С. К. 453

Шаймардан, мещанин 178

Шалберов 227

Шалле А. 71

Шалфеев, полицмейстер 528

Шаляпин Ф. И. 454, 462, 598

Шамборан, де, графы 565

Шамиль 364

Шамонин Н. Н. 583

Шанявская Л. А. 430, 440, 441, 443

Шанявский А. Л. 430—443

Шапкин С. И. 563

Шарварок Д. 595

Шарко Ж. М. 276, 284

Шатров, масон 78

Шаузель (урожд. Голицына) М. Г. 109, 172

Шафарик П. Й. 619

Шаханов А. Н. 175

Шаховская (урожд. Олсуфьева) С. А. 274

Шаховская М. А. 280, 338, 354, 364

Шаховская М. А. 280, 338, 354, 364

Шаховские, князья 571

Шаховской 333

Шаховской А. А. 397, 408

Шаховской А. И. 293, 295, 303

Шаховской В. А. 249, 364

Шаховской В. Н. 526, 528, 533

Шаховской И. Я. 426, 429

Шаховской Л. А. 358, 369

Шаховской Я. И. 221, 237, 245, 333, 362

Шварц И. Г. 67

Шварц И. Е. 82

Швейниц Г. Л. 242, 250

Шебеко Н. Н. 249

Шевалье Н. 33

Шевчук 224

Шевырев С. П. 59, 85, 86, 146, 174

Шекспир У. 142, 145, 276

Шеленбурги (И.; К.; М.) 311

Шелехов Д. А. 407

Шелехова (урожд. Монруа) М. Ф. 392, 407

Шен В. 360, 370

Шеншина Е. 268

Шеранкова, ученица 270

Шервашидзе Г. Д. 338, 339, 363, 365

Шереметев 598

Шереметев Б. П. 520, 521, 525

Шереметев Б. С. 358, 369

Шереметев В. А. 182—185, 191

Ш[illegible] В. А. 392, 395, 458

Шереметев Вл. А. 302, 305, 458

Шереметев В. С. 595

Шереметев Д. С. 366, 367

Шереметев Н. П. 521—525

Шереметев П. Б. 521—523

Шереметев П. В. 62

Шереметев П. С. 561, 565, 570

Шереметев С. А. 339, 364

Шереметев С. Д. 222, 246, 288—305, 369, 381, 388, 390, 391, 461, 465, 519, 520, 525

Шереметева (в замуж. Вяземская) Е. Д. 353, 367

Шереметева И. И. см. Воронцова-Дашкова

Шереметева (урожд. Воронцова-Дашкова) И. И.

Шереметевы, род 67, 561, 563, 570, 571

Шереметевский Н. А. 581

Шеридан Р. 144, 174

Шерр 550

Шершевский М. М. 337, 363

Шестакова (урожд. Глинка) Л. А. 393, 407

Шеффер П. Н. 465

Шидловский А. Ф. 338, 363

Шидловский С. И. 526, 533, 535

Шиллер Ф. 105, 142, 149, 406, 422, 454, 455

Шильдер Н. К. 327, 338, 348, 363, 444

Шимкевич В. М. 482

Шингарев А. И. 527, 534

Шинкель К. Ф. 593

Ширинский-Шихматов А. А. 527, 534

Шиц П. 72

Шишиптуров П. И

Шишко (в замуж. Олсуфьева) М. Т. 287

Шишко М. Ф. 405

Шкабич, капитан 340

Шлыкова Т. В. 521, 522, 525

Шмелев И. С. 598

Шмидт, лаборант 151, 174

Шмидт А. Э. 417, 423, 424, 428

Шмиц Б. 592

Шнаазе, профессор 636, 651, 663, 666, 668, 669

Шнейдер А. К. 74, 79

Шнейдер В. 72

Шольц В. Б., фон 451

Шопен Ф. 271

Шохин Л. И. 305, 325, 382, 525

Шперк Ф. Э.

Шредер Б. 73

Шрейдер, масон 78

Шретер В. 591

Штакельберг (Стакельберг) О. М. 60

Штакельберг Э. А. 333, 362

Штауфенбург, князь 64

Штром И. В. 589, 598

Шуберт Ф. 260

Шубин С. Л. 154

Шубинский С. Н. 371, 372, 381, 386, 404

Шувалов П. А. 600

Шуйский В. 195

Шулепников М. 72, 73

Шулепников Р. С. 70

Шульгин В. В. 529, 535

Шумигорский Е. С. 347, 366

Шуртаков С. И. 385

Шхонебек А. 10, 13, 14, 29

Щапов А. П. 552

Щеглов, (наст. фам. Леонтьев) И. Л. 393, 407

Щегловитов И. Г. 525, 531, 532

Щекотов М. 517

Щекотов Н. М. 493, 500—503, 505—508, 510—515, 517—519

Щекотова Л. Н. 510, 513, 517, 519

Щелкаловы, дьяки 563, 570

Щепкин М. С. 93, 170, 386, 405

Щепкин Н. Н. 431, 442

Щерба (в замуж. Некрасова) С. Л. 503—505, 517, 518

Щербакова М. И. 409

Щербатов Ф. 19

Щербатовы, князья 562, 569

Щетинина Г. 175

Щусев А. В. 589, 595

Эвальд 339

Эверт 526

Эдельсон Е. Н. 383, 391, 406

Эдинг Б. Н., фон 500, 506, 518

Эдуард VII, король Великобритании 227, 245, 247, 262, 284

Эйдельман Н. Я. 193

Элиан Клавдий 611, 616, 617, 663

Эмме К. Г. 417, 424, 428

Энгельгардт 299

Энгельгардт Б. А. 526, 533

Эриксен В. 284

Эрнрот К. Г. 323, 325

Эрнест Людвиг, вел. герц. Гессенский и Рейнский 368, 590

Эрнст Август, герцог Кумберлендсхий 244

Эспехо А. М. 422, 429

Ювеналий (Воейков), игум. 170

Юдин Г. В. 573

Юдины, род 567, 573

Юкин П. И. 508, 518

Юлиана Аниция 667

Юреневы Г. Н. и Н. А. 570

Юреневы, род 561, 570

Юрьев С. А. 544

Юрьевская Е. М. 275, 284

Юст, ст. советник 445

Юсуповы, князья 569

Юшков, тайн. сов. 445

Яблочков М. Т. 561, 563, 570

Яворская А. Б. 368

Языков, масон 77

Языков Д. Д. 539—558

Языков И. М. 62

Языков Н. М. 136, 173

Якимов В. Л. 541

Якоби В. И. 589

Яковлев, масон 77

Якубовский, консул 21, 212

Якунчикова (в замуж. Поленова) Н. В. 278, 285

Якушкин П. И. 391, 406

Янжул И. И. 434, 435, 442

Янцен, купец 199

Янышев И. Л. 223, 246

Ярослав Святославич, князь Владимиро-Волынский 570

Яснев Б. В. 181, 191

Ясокин, нотариус 311

Яшвиль В. М. 349

Ященко А. Л. 482, 488, 490, 491

Audin 666

Babington, гувернантка 270, 271, 278

Bartalocci 620

Beauvaise Vincent, de 638

Beckmanno J. 668

Bochartus S. 664

Boek F. 670

Boissondale I. F. 620, 665

Boniescki A. 573

Chabal 268

Coinsi Gaultier, de 637

Cuspiniano J. 668

Davon 268

Drayard 259

Ducange 666

Dufer 267

Ems Rudolf, von 640

Engelhardt C. M. 668

Eymeric Nicolaus 620

Forsyth Alexandra 287

Forsyth Andrew 287

Forsyth Christofer 287

Forsyth Tatiana 287

Gaulmin 620

Gebsattel A., F. 276

Gebsattel H. 279

Gebsattel L. 275, 276, 279, 287

Gebsattel O. 275, 276

Glanville Bartolomeo, de 638

Glicas Michael 621

Gretzer 620

Hall 256

Hefner 669

Hercher R. 666

Hilleri M. 664

Hippeau 663, 668

Hoffmann, доктор 668

Hierotarentinus 664

Jaquet J. 266, 269

Klupfel, von, баронесса 287

Mac-Lochlin 266

Massman 668

Merel Fr. 666

Migne J. P. 621, 664—666, 669

Mingin 259

Montaigne M. 606, 663

Morhof D. G. 620

Naude Gabriel 666

Nessel 666

Niessen Christine, von 287

Niessen Michael, von 287

Niessen Nicolaus, von 287

Oben 261, 266, 280, 281

Osberied 268

Pignat 261, 264

Popp Alfred 287

Popp Andrew 287

Popp Edward 287

Pougin A. 454, 462

Ponce L., de 664

Quil 256

Raoul-Rochette 670

Reiss 257

Rhenanus I. 620

Roberts 259, 260

Sadler P. 174

Sayn Wittgenstein Catherine 287

Sayn Wittgenstein George 287

Sayn Wittgenstein Leo 287

Sayn Wittgenstein Peter 287

Sixtus Senensis 620

Tarentini J. H. 664

Vilmar 669

Waagen 667

Walles 259

Wittgenstein Alexander 287

Wright Th. 668

(Титульные листы) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 1—4. — [Т.] IX.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

А. С. Пушкин

2

Светлой памяти Андрея Дмитриевича Зайцева

3

РОССІЙСКІЙ АРХИВЪ

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.

— — — — — — — — — — — — — —

IX

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ Студия «ТРИТЭ» НИКИТЫ МИХАЛКОВА

«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»

Москва 1999

4

ББК 63.3(2)

Р 76

Редакционная коллегия

А. Д. Зайцев
Н. С. Михалков
А. Л. Налепин (главный редактор)
Т. Е. Павлова
Т. В. Померанская
В. И. Сахаров
В. В. Шибаева
О. Ю. Щербакова
Серийное оформление В. М. Мельникова
Макет А. Д. Полежаевой
В подготовке издания принимали участие
А. Н. Дорошенко, А. Н. Кузнецова В. А. Нестеров, И. В. Пискарев

Ответственность за археографическую подготовку текстов несут авторы публикаций

Издание осуществлено в рамках Федеральной целевой программы
«Развитие и сохранение культуры и искусства
Российской Федерации (1997—1999 годы)»

Подпрограмма «Развитие культуры и сохранение культурного наследия России»

ISSN 0869—2009

ISBN 5—86566—019—5

© Студия «ТРИТЭ», РИО «Российский Архив», 1999